Министерство культуры Российской Федерации

**Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный институт культуры»
(МГИК)**

**Российский научно-исследовательский институт культурного
и природного наследия имени Д.С. Лихачева**

АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ: ТРАДИЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Материалы международной научной конференции
«Кусковские чтения. Аксиологическое пространство
русской словесности: традиции и перспективы изучения»

г. Москва, 3–6 октября 2019 г.

МГИК
Москва • 2019

УДК 83
ББК 821.161.1
А42

Рецензенты:
Антонова Мария Владимировна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории русской литературы XI-XIX вв. ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева;
Калус Ирина Владимировна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы Московского государственного института культуры;
Крутова Марина Семеновна, доктор филологических наук, главный палеограф ОР РГБ.

Редакционная коллегия:
Дергачева Ирина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингвистики Московского государственного института культуры;
Ужанков Александр Николаевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературы, проректор по научной деятельности Московского государственного института культуры.

Издано при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-012-20087\19)

А42 **Аксиологическое пространство** русской словесности: традиции и перспективы изучения: Материалы международной научной конференции «Кусковские чтения. Аксиологическое пространство русской словесности: традиции и перспективы изучения», г. Москва, 3–6 октября 2019 г. / сост. М.В. Михайлова. – Москва: Издательский центр МГИК, 2019.

Сборник создан на основе материалов, представленных на международной научной конференции «Кусковские чтения. Аксиологическое пространство русской словесности: традиции и перспективы изучения», прошедшей в Московском государственном институте культуры и Российском научно-исследовательском институте культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева 3–6 октября 2019 г. при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-012-20087\19).

В издании рассматриваются центральные проблемы русской аксиологии, традиции и перспективы их изучения. Главное внимание уделяется основным проблемам поэтики и истории древнерусской и современной литературы, текстологии, лингвистики, лингводидактики, межкультурной коммуникации.

Сборник предназначен для преподавателей, аспирантов, студентов-филологов, культурологов, теологов, историков, а также для всех интересующихся проблемами аксиологии русской словесности.

ISBN 978-5-94778-562-3

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю 12

Раздел I
МАТЕРИАЛЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ 13

А.Н. Ужанков
Так кто же был автором «Слова о полку Игореве»?
(Предварительные результаты исследования) 13

А.В. Моторин
Новгородский святитель Василий Калика
и становление русской православной историософии 44

А.Н. Фукс, В.В. Ковригин
Формирование патриотического сознания школьников
при изучении Великой Отечественной войны 54

Giuseppe Astuto
La Russia, l'Italia e il Mediterraneo Dalla fine del Settecento
alla Prima guerra mondiale Russia, Italy and the Mediterranean
From the Late Eighteenth Century to the First World War
La Russia, l'Italia e il Mediterraneo Dalla fine del Settecento
alla Prima guerra mondiale. 62

Киёхару Миура
Духовный диалог между наставником и учеником:
преодоления и просветление монаха Поликарпа (на основе
переписки и житий монаховКиево-печерской лавры) 75

Douglas Ponton
Representations of the Novichok affair:
critical-pragmatic aspects 86

Е.Л. Конявская
Под властью иноплеменников: проблема нравственного выбора
в ранних нарративах о противостоянии ордынской власти 97

В.Н. Сузи
Герой – исповедание веры и «горнило сомнений» автора:
о месте и роли князя Мышкина в эволюции Достоевского 114

В.В. Калугин
Акростих с еврейскими маргиналиямив Плаче пророка Иеремии
в сборнике 1502–1507 гг. Матфея Десятого 124

Г.Д. Певцов
Поэтика «Слова о полку Игореве»
в сюрреалистическом контексте Филиппа Супо 153
Л.А. Сугай
Академик Ф.Е. Корш как стиховед и поэт 162

Раздел II
ИСТОРИЯ И ПОЭТИКА
ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 178
Л.В. Левшун
Предварительные замечания к изучению Средневековой
агиобиографической книжности Беларуси (к проблеме
идентификации, дефиницийи методологии исследования) 178
А.А. Шайкин
Два Авраамия и два Ефрема: Житие Авраамия Смоленского
и Житие Аврамия Затворника 196
О.В. Гладкова
Тема монастыря в Повести от жития Петра и Февронии
Муромских: символика и художественная реальность 212
Л.Б. Сукина
Александр Невский – «корень Русского государства»
в книжности и изобразительном искусстве XVII в. 219
Н.В. Трофимова
Библейские цитаты в Киевской летописи 225
Е.В. Никольский
Идея секуляризации церковного землевладения
в публицистике князя – инока Вассиана Патрикеева 234
М.В. Михайлова
Эволюция восприятия царской власти в русской литературе
(90-е годы XV в. – 40-е годы XVII в.) 245
А.К. Сухарев
Корни мотива употребления лука при встрече с врагом
в былине «Илья Муромец и Словей Разбойник» 254
О.А. Туфанова
Структурно-тематическое своеобразие
рукописного сборника повестей из собрания
по временному каталогу библиотеки МДА 262
А.И. Попович
Топос жертвенности в «Житии Стефана Пермского»
Епифания Премудрого как грань религиозного гуманизма 272

А.Ю. Семанин
Особенности Минейной редакции жития
св. кн. Андрея Смоленского 283

Раздел III
ТРАДИЦИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ
И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ЕЕ ИЗУЧЕНИИ 291

В.В. Борисова
Аксиологическое пространство произведений С.Т. Аксакова 291
И.В. Калус
«Тихий» человек Алексей Зыков, или Жизнь Адама
в романе Вацлава Михальского «Семнадцать левых сапог» 296
Ю.А. Брунёва
Языковая реализация концепта «чудо»
в малой прозе постсоветской эпохи 306
С.Л. Ястребилов
НКВД-ГПУ в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» 311
Я.В. Сафронова
Древнерусские мотивы в творчестве Алексея Прасолова 329
Д.С. Иванова
Мастер и Маргарита. Христианские мотивы
в произведении 333
С.Д. Зобкова
Древнерусские мотивы в поэзии Николая Клюева 336
С.Д. Балбина
Древнерусские мотивы в творчестве И.С. Тургенева 340
О.М. Давыдова
Древнерусские мотивы творчестве И.А. Гончарова 344
А.В. Федорова
Образ Рима в поэзии С.П. Шевырёва 349

Раздел IV
ГЕРМЕНЕВТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО
НАСЛЕДИЯ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО 355

Е.А. Федорова
Евангельское слово в романах Ф.М. Достоевского
«Преступление и наказание», «Идиот» 355
И.В. Дергачева
Церковная экклезия в «итальянском тексте» Ф.М. Достоевского 365

Я.О. Гудзова, С.Н. Ханбалаева
Житийные традиции
в творчестве Ф.М. Достоевского и И.С. Шмелева 372
М. Боровски
Творчество Ф.М. Достоевского и современная теория
развития личности (на примере романа «Подросток») 383
Е.В. Степанян
«Подросток» − роман в Идения.
Достоевский – Лоррен – Беллини 393
М.А. Шалина
Семантическая оппозиция «мертвое – живое»
в идейно-художественном целом
романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» 401
М.В. Михайлова
Роль бинарных оппозиций в формировании образа
главного героя в повести Ф.М. Достоевского «Хозяйка» 411
А.И. Дубинец
Фольклорные элементы в структуре
«Преступления и наказания» Ф.М. Достоевского 417
М.А. Полуянова
Древнерусские мотивы в творчестве Ф.М. Достоевского 420

Раздел V
ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТОЛОГИИ:
ТРАДИЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ 423
О.Д. Журавель
Репрезентация автора в сочинениях старообрядческого
писателя (на материале сочинений Андрея Денисова) 423
Д.Б. Терешкина
Читательские пометы в книгах
в контексте проблем современного читателеведения 433
М.В. Антонова
«Рассказ отца Алексея» И.С. Тургенева
в контексте традиций древнерусской литературы 445
М.С. Крутова
«Царствующий град Москва» в памятниках письменности
Российской государственной библиотеки 454
В.Н. Матонин, Н.Н. Бедина
Историко-культурный контекст Чекуевского списка XVIII века
«Службы благодарственной Богу о великой Богом дарованной
победе над свейским королем Карлом и воинством его,
содеянной под Полтавой в лето 1709, июня в 27 день» 462

М. Вл. Пименова
Этногерменевтика русской сказки
(фольклорный концепт «царевна») 468
Т.Е. Зинкевич
Топос «принятия ангельского образа»
в житиях столпников на материале РГБ 478
Ю.В. Коренева
Ценность святости в русской лингвокультуре:
к вопросу о религиозных смыслах слова 488
В.А. Садикова
Ментально-языковая топология
как культурологическая идея 496
М.А. Бонина
Философско-педагогические воззрения В.В. Розанова
(100-летию Тверского промышленно-экономического
колледжа посвящается) 504
С.С. Полич
Гимнография Праздника Воздвижения Креста Господня:
проблемы восприятия церковнославянских
богослужебных текстов 511
Н.В. Батищев
Церковнославянское редактирование
как ключ к пониманию богослужебных текстов 516
А.В. Нестерова
Интертекстуальные включения
в рукописном сборнике XVII века «Статир»
(на примере проповеди «Слово о красоте весны») 520

Раздел VI
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ЛИНГВИСТИКИ И ЛИНГВОДИДАКТИКИ 528
А.В. Григорьев
Дериваты индоевропейского *(s)preg- в древнерусском языке:
слово супруг(ъ) и его производные 528
Ф.Ш. Бекмурзаева
Понятийные признаки в структуре концепта лошадь / конь
в пространстве русской лингвокультуры 535
Е.А. Мошина
Историческое развитие концептуальной структуры
(на примере концепта ЗЕМЛЯ) 544

В.П. Фомина
Проблемы интерпретации художественного текста вокального произведения 551
Л.Н. Уткина, Е.А. Соколова, М.В. Калугина, М.О. Петрова, А.О. Сироткина
Ценностные ориентации современных студентов педагогического и психологического направлений подготовки 557
А.В. Орлова
Слова со значением ‘клятва’ в древнерусском языке: к вопросу об исконной семантике слов рота, ротитися 564
А.Х. Барашев
Экспрессивное словообразование как черта языковой личности (на материале писем А.П. Чехова) 570
К.М. Паршина
Аскетические термины в монашеских правилах Авраама Кашкарского (VI в.) и их соотношение с греческими аскетическими терминами 576
Я.Ю. Цветков
Церковнославянский язык и культура современной русской речи (на примере социолингвистического анализа церковнославянизма изрядно) 582
Н.А. Фролова
Сценарий речевого поведения студентов-иностранцев начального этапа обучения в условиях конфликтной ситуации . . . .
Н.В. Пакулова
Развитие навыков аудирования иностранного текста в подготовке специалиста культуры 591

Раздел VII
ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ 600
Mario Blancato
Corrado Alvaro ed il viaggio nella Russia sovietica 600
Elena Gaetana Faraci
Mazzini and the Russian Democrats The Risorgimento and the Reforms in the Tsarist Empire 617
Andrea Giuseppe Cerra
The italian-russian genie: Renato Caccioppoli mathematician and committed intellectual 628
Rugero Panebianco
Futurismo italiano e futurismo russo: analogie e differenze Italian Futurism and Russian Futurism: Analogies and Differences 633

Stefania Mazzone
Eva Kühn: the futurist translator of Dostoevsky in Italy 646
Ermelinda Caruso
Tra mito e storia: L'Europa nella letteratura russa
e italiana fra '800 e '900. A. Čechov, L. Pirandello e C. Levi 656
Paola Miceli
Italian Intellectuals traveling in revolutionary Russia 668
С.Ф. Вититнев
Кризисные тенденции в развитии современной цивилизации
и экологическое учение германских «зеленых» 669
А.В. Шмелева
Русское Просвещение: история и судьба 677
Д.А. Демина
Религиозная коммуникация в виртуальной реальности 686
О.Б. Уланова, И.П. Готовцева, А.В. Александров
Способы организации самостоятельной работы
со студентами магистратуры аграрного вуза
на занятиях английским языком 693
М.К. Шеина
Знакомство с творчеством русских писателей
при обучении иностранных студентов русскому языку
(Из опыта работы со студентами 4 курса
Пекинского университета культуры) 699
Е.А. Ставицкая
Современная теолингвистика
как основа межкультурного диалога 703
Д.В. Бартенева, Е.С. Голубева
Образ Китая в русской литературе первой половины XIX века.
К вопросу о восприятии восточной культуры 711
А.А. Бакирова
Антропоморфные признаки
в структурах концептов *звезда* и *star* 717
В.Д. Шевелев
Война и Мир в произведениях Э.М. Ремарка 725
К.С. Кожевникова
Джек Лондон и Фридрих Ницше о сверхчеловеке 738
И.И. Шашков, Д.Ю. Старикова
Цветовые компьютерные методы развития интеллекта
(100-летию Тверского промышленно-экономического колледжа
посвящается) 744

Раздел VIII
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 750
Н.В. Летаева
Интеллектуальный модус художественности:
к постановке проблемы 750
Е.В. Кузьмина
Компаратив концепта «добро» у поэтов Серебряного века
и в материалах журнала «Нива» в 1916 году 756
Д.Ю. Шустова
Сравнение значимых составляющих словесной композиции
повестей «Вий» Н.В. Гоголя и «Гробовщик» А.С. Пушкина 765
Е.Д. Алимов
Исторический контекст причинно-следственных связей в повести
Людмилы Петрушевской «Странствия по поводу смерти» 774
В.В. Серова
Любовная лирика Владимира Маяковского:
биографические аспекты в творчестве поэта 779
Е.В. Борисова
Издательская деятельность М.П. Погодина.
Альманашный период 789
А.Ю. Кузякина
Особенности творчества А.С. Пушкина
в период его северной ссылки 795

Раздел IX
СЕМАНТИКА НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 800
И.Н. Щемелинина
Слова благо, благой, благоразумный, благовещение,
благословение, благополучно как репрезентанты
концепта БЛАГО в сочинении Григория Котошихина
«О России в царствование Алексея Михайловича» 801
Н.Г. Дяловская
Сборник поэзии и прозы «Вдохновение» (Саксония, Германия):
аксиологический аспект 806
А.А. Курилова
Народные традиции в творчестве Студенческого Дома Моделей
(100-летию Тверского промышленно-экономического
колледжа посвящается) 812
В.А. Богданова (Тарасова)
Концепт «Природа» в лирике Н.А. Некрасова 822

В.С. Зотова
Философское видение и анализ творчества Е.И. Замятина на примере сказок 827
Е.А. Кривенцова
К вопросу отражения войны 1812 года в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир»: военный совет в Дриссе 834

Раздел X
ЭСТЕТИКА ИДЕАЛЬНОЙ ЖИЗНИ 840
В.Б. Сорокин
Ценность «сельского покоя» против «суетного света» в русской поэзии XVIII века 840
В.В. Мильков
«Слово о законе и Благодати» – первый опыт создания политической идеологии древнерусского государства 847
Л.В. Болотова, В.Н. Гайдуков
«СД-модель Л. Болотовой» – системный подход к национальной (общенациональной) российской идентичности 862
М.А. Мищерина
Духовно-нравственные основы русской классической литературы в школьном изучении 869
И.И. Шашков
Интегральные критерии адекватности моделей сознания/мышления/интеллекта (100-летию Тверского промышленно-экономического колледжа посвящается) 874
А.С. Кобозева
Влияние личных душевных переживаний на творчество (о творчестве Олега Павлова) 880
А.А. Пашина
К истории одной картины из коллекции Павла Третьякова. О взаимодействии искусства и литературы 891
Davide Casella
The 1908 Messina Earthquake:Contradictions of a Catastrophe The reasons for the unforgettable Russian intervention 896
Rosario D’Agata
Some dimensions of electoral behaviour Comparing Italian and Russian turnover 907

К читателю

3-6 октября 2019 г. в Московском государственном институте культуры и Российском научно-исследовательском институте культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева 3-6 октября 2019 г. прошла международная научная конференция «Кусковские чтения. Аксиологическое пространство русской словесности: традиции и перспективы изучения».

В.В. Кусков (1920–1999) – доктор филологических наук и почётный профессор Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова, академик Академии славянской культуры, автор трудов по изучению древнерусских текстов, а также учебника «История древнерусской литературы», выдержавшего уже девять изданий. Взгляды профессора В.В. Кускова играют важную роль в развитии современного образовательного процесса. В сборник вошли материалы, написанные учениками, коллегами и последователями научной школы исследователя, которые помогут осмыслить влияние древнерусской литературы и культуры на русскую классическую литературу, современную литературу, лингвистику, лингвотекстологию и лингводидактику.

Значительное внимание в сборнике уделено проблемам изучения истории и поэтики древнерусской литературы, текстологии, современным тенденциям в изучении древнерусской литературы. Ряд работ посвящен герменевтическому анализу творческого наследия Ф.М. Достоевского. В сборник также включены материалы по актуальным проблемам лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации.

Издание предназначено для преподавателей, аспирантов, студентов-филологов, культурологов, теологов, историков, лингвистов, а также для всех интересующихся проблемами аксиологии русской словесности.

Раздел I

МАТЕРИАЛЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

А.Н. Ужанков

доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой литературы,
проректор по научной деятельности
Московского государственного института культуры
Москва (Россия)
E-mail: a.n.uzhankov@mail.ru

Так кто же был автором «Слова о полку Игореве»? (Предварительные результаты исследования)

Аннотация. В статье рассматривается творчество одного из талантливейших древнерусских писателей XII века – игумена Киевского Свято-Михайловского Выдубицкого монастыря Моисея. Он был автором летописной повести о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г., составителем Киевского летописного свода конца XII в. и создателем торжественного «Слова» на освящение монастырской церкви св. Архангела Михаила в 1199 г. Сопоставление художественных особенностей этих произведений, их литературных источников и авторской манеры писателя со «Словом о полку Игореве» позволяет сделать заключение, что игумен Моисей и является безымянным автором древнерусского шедевра.

Ключевые слова: «Слово о полку Игореве», летопись, летописная повесть, торжественное слово, игумен Моисей, князь, Игорь Святославич.

Alexandr N. Uzhankov

DSc in Philology, Professor,
Head of the Department of Literature,
Vice-Rector of Scienific Activity of
Moscow State Institute of Culture Moscow (Russia)
E-mail: a.n.uzhankov@mail.ru

Who was the author of “The tale of Igor’s campaign”? (preliminary results of the research)

Abstract. The literary works of one of the most talented Old Russian writers of the XIIth century – Moses, the hegumen of Kiev Vydubychi Monastery are examined in the article. He was the author of the chronicle novel about the campaign of Igor Svyatoslavich to Polovtsians in 1185, the compiler of Kiev chronicle codex of the end of the XIIth century and the creator of the solemn "Word" for the sanctification of the church of St. Archangel Michael in 1199. The comparison of the artistic peculiarities of these literary works, their literary sources and the writing manner of the author with "The tale of Igor's campaign" lets us draw the conclusion that hegumen Moses is exactly the nameless author of this Old Russian masterpiece.

Keywords: "The tale of Igor's campaign", a chronicle, a chronicle novel, a solemn word, hegumen Moses, a prince, Igor Svyatoslavich.

Много обнаружилось претендентов на роль Автора «Слово о полку Игореве»[1] почти за два с половиной столетия изучения этого древнерусского шедевра, но ни один из них так и не удостоился безоговорочного признания[2].

Когда Л.А.Дмитриев писал обобщающую статью об Авторе «Слова» для «Энциклопедии "Слова о полку Игореве"», он в самом же ее начале заметил: «Ни в «Слове», ни в каких-либо др[угих] ист[орических] и лит[ературных] памятниках данных об А[вторе] «С[лова]» нет. Основным источником наших представлений о нем является только текст «С[лова]»[3].

Да, верно, ни в исторических, ни в литературных произведениях прямых сведений об Авторе «Слова» нет. Однако мне, как литературоведу, трудно допустить, что Автор – творец всего лишь одного, к тому же гениального произведения. Именно то, что это произведение гениальное, и заставляет задуматься, а где другие примеры его творчества? Не может писатель создать только одно и сразу же гениальное творение. Должны быть другие, более или менее талантливые сочинения, постепенно подводящие автора к главному его творению. И они, скорее всего, где-то на виду, и мы их можем даже знать и читать, только не догадыва-

---

[1] Из уважения к Автору и его гениальному творению нему буду писать это слово с большой буквы.

[2] В энциклопедической статье об авторе «Слова…» Л.А. Дмитриев дает исчерпывающий обзор накопившихся точек зрения и библиографию на сей счет: *Дмитриев Л.А.* Автор «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т.1. СПб., 1995. С.24–36.

[3] *Дмитриев Л.А.* Автор «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т.1. С. 24.

лись до сей поры, что эти произведения – творения безымянного гения. Впрочем, и у него есть имя, только мы не подозревали до сих пор, что он еще и Автор «Слова».

Где же он спрятался?

На огромных просторах домонгольской Руси проживало не более 10 миллионов жителей. Основные книжные сокровища пребывали в монастырях. Их тоже было не очень много. Монастырская братия не была многочисленной. В ее среде и вызревали все известные нам писатели.

Трудно себе представить, чтобы в одном небольшом монастыре в одно и то же время, подвизались и трудились два гения, одного из которых мы уже знаем, а другого – нет. Значит, нужно отыскать того единственного, нам уже известного, и творившего в то же самое время, когда и было написано «Слово о полку Игореве». Провести, так сказать, историко-литературоведческое расследование.

Киевский летописец

Киевская летопись (или Киевский летописный свод) была составлена в самом конце XII века в Свято-Михайловском Выдубицком монастыре, расположившемся на Днепровских кручах невдалеке от знаменитой Киево-Печерской лавры в урочище Выдубичи.

Эта обитель была основана киевским князем Всеволодом Ярославичем, сыном Ярослава Мудрого, и строилась в 70-80-е годы XII века как семейный монастырь рядом с его княжим Красным двором, выстроенным князем Всеволодом в 1070-77 годах и ставшим летней резиденцией киевских князей Всеволодовичей-Мономаховичей.

В 1070-88 гг. на территории Выдубицкого монастыря был сооружен каменный Михайловский собор – церковь св. Архангела Михаила. В 1096 г. и княжий дворец, и Выдубицкий монастырь подверглись, по сообщению «Повести временных лет», половецкому разорению. Впоследствии были восстановлены.

В этой княжеской резиденции продолжали проживать потомки Всеволода Ярославича: в начале XII в. – Владимир Мономах, в середине века – Юрий Долгорукий, в конце XII в. – Рюрик Ростиславич, по заказу которого древнерусский архитектор Милонег, в крещении Петр, соорудил систему подпорных стен под Михайловским собором[1]. По этому

[1] Київ. Енциклопедичний довідник. *За редакцією А.В. Кудрицького*. Київ, 1981. С.99, 215, 321.

поводу игумен монастыря Моисей написал и произнес 24 сентября 1199 г. знаменитое «Слово на обновление (освящение) церкви св. Михаила», которое завершает Киевскую летопись (Киевский летописный свод)[1].

По мнению Д.И. Иловайского, поддержанного затем практически всеми исследователями, именно игумен Моисей и был составитель всего Киевского летописного свода[2]. Время его составления академик А.А.Шахматов относил к 1198-1199 г.[3], академик Б.А. Рыбаков – к 1198 г. или около того[4], М.Д. Приселков – к 1200 г.[5]

Хочу обратить внимание на выводы М.Д. Приселкова по поводу писательской деятельности игумена Моисея: «Трудно сомневаться в том, что автором этой летописной работы 1200 г., первого киевского великокняжеского свода, был тот игумен Выдубицкого монастыря Моисей, приветственная речь которого князю Рюрику приведена под 6708 (1200) годом. В этом смысле высказывались многие историки и историки древне-русской литературы. К слову заметим, что наличие этой летописной работы, как и приветственной речи Моисея князю под 6708 г. – *дает право Моисею на известное место среди писателей XII в. в обзоре древне-русской литературы* (выделено мной. – *А.У.*)»[6].

Самое обстоятельное изучение Киевской летописи (Киевского летописного свода) конца XII века принадлежит академику Б.А. Рыбакову. Его взгляды подробно изложены в трех монографиях, посвященных «Слову о полку Игореве», его литературному окружению и автору[7]. Исследования Б.А.Рыбакова с лингвистической точки зрения существенно дополнены В.Ю.Франчук, резонно заметившей в своей специально этому вопросу посвященной монографии «Киевская летопись»: «Выводы историков становятся убедительными, если они подкрепляются дан-

---

[1] По уточненной Н.Г. Бережковым хронологии, проповедь игумена Моисея была произнесена 24 сентября 1198 г. См.: *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С.210.

[2] *Иловайский Д.И.* История России. Т.1. М., 1876. С.100-167.

[3] *Шахматов А.А.* Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.–Л., 1938. С. 70-71.

[4] *Рыбаков Б.А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 8.

[5] *Приселков М.Д.* История русского летописания. Л., 1940. С. 47-49.

[6] *Приселков М.Д.* История русского летописания. С. 48.

[7] См.: *Рыбаков Б.А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971; *Рыбаков Б.А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972; *Рыбаков Б.А.* Петр Бориславич: Поиск автора «Слова о полку Игореве». М., 1991.

ными языка»[1]. А данные языка, на основании исследований В.Ю. Франчук, свидетельствуют, что в конце XII века в Выдубицком монастыре работал *один летописец* – автор и составитель Киевского летописного свода и был им игумен этого монастыря Моисей[2].

Характерные черты стиля составителя Киевского летописного свода, по мнению Б.А. Рыбакова, отчетливо стали проявляться с 1187 г.[3] Исследователь также отмечает, что «наиболее монолитны и однородны тексты предпоследней части свода 1187–1196 гг.» (С.25), причем с 1187 г. выдубицкий автор «вытеснил Святославова летописца и обо всех действиях князей-соправителей (Святослава Всеволодовича и Рюрика Ростиславича. – *А.У.*), совместных и раздельных, он пишет уже один» (С.34). Иными словами, ***с 1187 г. в Выдубицком монастыре стала вестись летопись***, ставшая нам известной как Киевская.

Б.А. Рыбаков первоначально допускал даже работу двух редакторов-летописцев при дуумвирате Святослава Всеволодовича и Рюрика Ростиславича (С.34-35), но в конечном итоге, по мнению исследователя, остался один. Этот «летописец интересовался семейными делами Рюрика и церковными вопросами. Давно уже было высказано мнение, что это – сам игумен Моисей. Ему же принадлежит и заключительная речь в честь Рюрика 24 сентября 1198 г.» (С.35).

«Важно отметить, – замечает историк, – что три последние годовые статьи Киевского свода (6705, 6706, 6707 гг. соответствуют 1197 и 1198 гг.), включая сюда и речь игумена, совершенно одинаковы как по стилю, так и по кругу интересов их автора. Рассмотрев статьи и речь, мы можем определить признаки литературного стиля и направление политических симпатий игумена Моисея, а на основании этих признаков вычленить из состава Ипатьевской летописи в других местах те статьи и редакционные вставки, которые можно считать принадлежащими перу такого интересного историка XII в., как Моисей Выдубицкий» (С.60).

Следом за М.Д. Приселковым академик Б.А.Рыбаков выделяет «два таких признака: во-первых, приверженность автора к князьям Ростиславичам, а, во-вторых, наличие определенного штампа в некрологических записях – «приложися ко отцем своим и дедом своим, отдав общий долг,

---

[1] *Франчук В.Ю.* Киевская летопись. Киев: Наукова думка. 1986. С.14.

[2] *Франчук В.Ю.* Киевская летопись. С. 12-74.

[3] *Рыбаков Б.А*. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». С.23-24. В дальнейшем страницы указываются в тексте статьи.

его же несть убежати всякому роженому»[1] (С.60). Б.А. Рыбаков отмечает еще и третью авторскую особенность: летописец использует «вставные речи от лица героя. Речи-молитвы обращены непосредственно к самому Господу Богу» (С.61).

Сразу же замечу, что именно такая покаянная речь-молитва к Богу вложена в уста Игоря Святославича в повести о его походе на половцев в 1185 г., вошедшей как раз в Киевскую летопись. То есть, можно ставить вопрос или даже говорить о руке одного автора-летописца.

Разбирая заключающую Киевский свод торжественную проповедь игумена Моисея (Б.А. Рыбаков назвал ее «Песнь» Моисея), историк отмечает, что это – «незаурядное литературное произведение, интересное как по форме, так и по содержанию…» (С.62).

Подводя итог своим наблюдениям, академик дает развернутую характеристику игумена Моисея как летописца.

«Игумен Моисей смотрит на события глазами церковника (а как он, игумен, мог бы глядеть иначе? – *А.У.*), интересуется всеми церковными делами во всех деталях, не забывая даже званых обедов для духовенства; он убежденный провиденциалист, видящий во всем волю милующего и карающего Бога (это есть и в повести о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г. – *А.У.*). Его текст изобилует цитатами из разнообразной христианской литературы. Он, судя по его речи, уделяет внимание философским вопросам в средневековом богословском духе. Он не чужд поэзии и иногда возвышается до настоящих поэтических образов, хотя чаще преобладает несколько тяжеловесная риторика. Особенностью его стиля являются вложенные в уста описываемых героев речи, обращенные к Богу. Он пользуется двумя некрологическими штампами: 1) умерший князь «злата и сребра не собирал, но давал дружине»; 2) (подмеченный Приселковым) «приложися ко отцем своим и дедом своим, отдав общий долг, его же несть убежати всякому роженому» (С.64).

Только увлеченность академика Б.А. Рыбакова своей гипотезой о боярине Петре Бориславиче как летописце и возможном авторе «Слова», не дала ему возможности пристальнее присмотреться к игумену Моисею, не только как составителю Киевского летописного свода и торжественной проповеди с похвалой князю Рюрику Ростиславичу, но, хотя бы, как возможному автору летописной повести о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г.

---

[1] *Приселков М.Д.* История русского летописания. С.48.

Ведь ее автор и «убежденный провиденциалист, видящий во всем волю милующего и карающего Бога», и в его сочинении присутствуют цитаты из Священного Писания и святоотеческой литературы, он и философ в «средневековом богословском духе», и его творение не лишено «настоящих поэтических образов», и он приводит покаянную речь-молитву Игоря Святославича, и т.д. То есть, ***неизвестный автор летописной повести о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г. полностью соответствует той характеристике, которую Б.А. Рыбаков дал игумену Моисею***. Почему же нельзя было уже тогда сделать соответствующие выводы или, хотя бы, предположения, что *автор летописной повести о походе князя Игоря и автор-составитель Киевской летописи игумен Моисей – это один человек*?[1]

Думается, помешали этому в значительной мере убежденность историка в том, что автором «Слова» и летописной статьи мог быть только светский человек.

Вся «беда» игумена Моисея видится в том, что он – «церковник», а академик Б.А. Рыбаков искал талантливого и не ограниченного никакими религиозными или политическими рамками автора среди светских бояр. Поэтому не только не уделил должного внимания игумену Моисею, но и постарался приуменьшить заслуги игумена Моисея и его талант. А напрасно: историк прошел мимо значительного открытия – талантливейшего, если даже не гениального писателя.

Апологет большинства идей Б.А. Рыбакова (в том числе и о «летописце» «Мстиславова племени» и возможном авторе «Слова» боярине Петре Бориславиче) украинский лингвист В.Ю. Франчук специально исследовала лексику, образные средства, «приемы организации текстового материала» Киевской летописи и считает Выдубицкого игумена Моисея как составителем всего летописного свода, так и автором заключительных летописных статей, похвалы князю Рюрику Ростиславичу и торжественного слова о завершении строительства опорной церковной стены. «Тексты Моисея Выдубицкого характеризуют его *как выдающегося художника слова*, создателя образцовых произведений древнерусского красноречия и автора религиозно-философских дополнений и вставок в

[1] Исследователи обратили внимание на внутреннюю речь героя, как отличающий игумена Моисея авторский прием. (См. обзор: *Франчук В.Ю.* Киевская летопись. С. 45-52). Хочу обратить внимание, что этот прием использован и в летописной повести о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г., вошедшей в Киевскую летопись. Я имею в виду покаянную молитву Игоря Святославича.

чужие записи. Лингвистический анализ *подтверждает* предположение об *авторстве одного лица* (выделено мной. – *А.У.*). Знаток церковной литературы, выдубицкий игумен и собственный рассказ строит в книжной манере, заметно отличающейся от летописного повествования»[1].

Ретроспективный характер некоторых записей 80-90-х годов Киевской летописи позволяет уточнить время их написания. Летописная повесть о походе Игоря Святославича в 1185 г. на половцев, была написана не ранее возвращения Владимира Игоревича из половецкого плена в 1188 г., поскольку называет половцев сватами. Под 1188 годом рассказывается о женитьбе шестнадцатилетнего сына Рюрика Ростиславича на восьмилетней дочери Всеволода Большое Гнездо, которых венчал епископ Белгородский Максим, названный «блаженным». По мнению Б.А. Рыбакова, «это указывает на запись *после смерти* епископа. Максим умер в 1189 г.; следовательно, и запись сделана когда-то после этого года» (С.70). То есть, уточним, уже в 90-е годы.

«Далее вплоть до 1196 г. мы не можем обнаружить следов летописных или редакционных помет Моисея, ставшего около 1189 г. игуменом Выдубицкого Михайловского монастыря», – замечает Б.А. Рыбаков (С.70). Следовательно, ***весь текст Киевской летописи за вторую половину 80-х годов и все 90-е годы представляет единое целое, и составлен в Выдубицком монастыре в игуменство Моисея.*** Возникает вопрос: кем? Надо полагать, самим игуменом, который в это время занимался летописанием.

«Последний период литературной работы Моисея охватывает три заключительных года Киевского летописного свода – 1196-1198», представляющие собой, по мнению Б.А. Рыбакова, «летописное повествование о семейных делах Рюрика Ростиславича, написанное *целиком* одной рукой, рукой игумена Моисея» (С.70).

Если ученым обозначен «последний период литературной работы Моисея», то, надо полагать, был и предыдущий. Поэтому с некоторыми выводами академика Б.А. Рыбакова сложно согласиться.

Он изначально предполагал, что Киевская летопись до 1196 г., с которого явственно прослеживается одна рука игумена Моисея, писалась светским лицом, а игумен лишь подверг текст предшественника редактуре и сделал религиозные вставки, особенно в некрологах. Это, подчеркиваю, отражение увлеченности историка поиском светского автора. На

[1] *Франчук В.Ю.* Киевская летопись. С.74.

самом деле весь текст Киевской летописи второй половины 80-х годов и все 90-е годы представляется единым и написанным человеком церковным.

«При внимательном прочтении летописи Рюрика Ростиславича (той части Киевской летописи, что составлена в Выдубицком монастыре. – *А.У.*) не находит подтверждения и тезис Б.А. Рыбакова о светском характере ее автора»[1], – замечает украинский академик П.П.Толочко.

Да и трудно себе представить, чтобы в небольшом ктиторском Выдубицком монастыре, где на протяжении всего XII века *монахами* велась литературная деятельность, длительное время *параллельно* над летописью трудился какой-то *светский* человек (а на каком основании?), причем тогда, когда в монастыре пребывал на игуменском посту талантливейший писатель, составлявший именно в это же самое время княжеский летописный свод Рюрика Ростиславича. То есть, два человека занимались одним и тем же делом?! В это трудно поверить, а еще труднее – объяснить, тем более что текст Киевской летописи за вторую половину 80-х годов и все 90-е годы представляет единое целое, как полагал и сам Б.А. Рыбаков. Да и самого игумена Моисея он назвал летописцем династии Ростиславичей, уделившего внимание и самому Ростиславу, и его сыновьям Святославу, Роману, Мстиславу и Давыду[2], а это хронологически – десятилетия.

Следовательно, нет оснований вести речь о двух летописцах. Был один автор-составитель Выдубицкой (Киевской) летописи, и им был игумен Моисей. Другое дело, что он использовал в своей работе при составлении *свода* труды своих предшественников[3]. Об одном летописце свидетельствует и язык этой части Киевской летописи[4].

«Литературное наследие Моисея-летописца невелико по объему, – продолжает Б.А. Рыбаков, – но *автору нельзя отказать в яркости и талантливости* (выделено мной. – *А.У.*). Моисей в большей мере, чем кто-либо из современных ему летописцев, может быть назван последова-

---

[1] *Толочко П.П.* Русские летописи и летописцы X – XIII вв. СПб., 2003. С. 131.

[2] *Рыбаков Б.А*. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». С.72.

[3] По наблюдению В.Ю.Франчук, «…находит поддержку и гипотеза о том, что свод Моисея включил не только отдельные фрагменты, но и своды предшественников выдубицкого игумена <…> Можно сделать вывод, что все редакторы и сводчики Киевской летописи, включая и Моисея, бережно относились к текстам своих предшественников». См.: *Франчук В.Ю.* Киевская летопись. С. 29-30.

[4] *Франчук В.Ю.* Киевская летопись. С. 74.

телем Кирилла Туровского, риторика которого оказала влияние на летописные статьи и особенно на благодарственную кантату Моисея («Днесь отъяшася от мног сердец помышления суетьня…»); легче всего на примере летописи Моисея можно понять примененное Кириллом Туровским сближение историков с витиями, летописцев с песнотворцами» (С.72). Соглашусь с этой оценкой творчества игумена Моисея как яркого и талантливого.

Ко всему прочему, для нас очень важно, что игумен Моисей не забывал помянуть в своей летописи добрым словом и черниговских Святославичей – Игоря и Всеволода, героев «Слова о полку Игореве».

Летом 6689 (1181) г. состоялось важное событие: в Киеве воссел Ольгович – князь Святослав Всеволодович, один из героев «Слово о полку Игореве». В этой же статье, в противостоянии с Мономаховичами, упоминается и ***Игорь Святославич***, в союзе с половцами, ***которого летописец уже теперь не выпустит из своего поля зрения до конца Киевской летописи.*** Это, как мне кажется, весьма примечательный факт.

В упомянутой летописной статье рассказывается о бегстве Игоря Святославича вдвоем с ханом Кончаком в одной лодке в Чернигов от воинов, посланных Рюриком Ростиславичем.

Хотя его воины и одержали победу, Рюрик Ростиславич ни мало не возгордился, ибо возлюбил мир паче рати, и пожелал жить с другими князьями в братолюбии, чтобы не проливать христианскую кровь и не давать возможности половцам совершать набеги на Русь.

Поэтому, обдумав и посоветовавшись со своими мужами, Рюрик Ростиславич (Мономахович) решил уступить старшинство и Киев Святославу Всеволодовичу (Ольговичу), который был старше его летами, а за собой оставил Русскую землю. Так установился дуумвират в управлении Русской землей и Киевом – Рюрика Ростиславича и Святослава Всеволодовича: «и утвердившеся крестомъ честнымъ, и тако живяста у любви и сватьствомь обоуемшеся»[1]. Князья станут еще и сватами.

Правда, в 6701 (1193) г. уже появились разногласия между сватами, как стеречь землю Русскую, поскольку каждый из них преследовал свои цели, о чем и сообщает летописец.

Под 6702 (1194) г. Киевский летописный свод подробно свидетельствует о последних днях разболевшегося («бе бо нечто извергълося ему на нозе») Святослава Всеволодовича Киевского, героя «Слова», который

---

[1] Ипатьевская летопись. ПСРЛ. Т.II. М., 1998. Стлб. 624.

скончался 27 июля. Нужно отметить, что летописец весьма сочувственно относится и равновелико сопереживает обоим князьям – Святославу и Рюрику, и хорошо их знает. 1 августа 1194 г. князь Рюрик Ростиславич торжественно въезжает в Киев, где его встречали все киевляне «от мала до велика, с радостью великою».

Примечательны дважды сказанные слова киевского летописца о *Владимировом племени*. Помнится, и Автор «Слова» начинал повесть свою «от старого Владимира, до нынешнего Игоря». Думается, что в обоих случаях подразумевалось племя Владимира Мономаха.

17 мая 6704 (1196) г. умер Всеволод Святославич – «Буй-Тур» «Слова о полку Игореве». *Киевский летописец особо отмечает, что Всеволод – брат Игоря Святославича*. Следует напомнить, что, по мнению Б.А. Рыбакова, эта статья *точно принадлежит перу игумена Моисея*. Стало быть, это у Выдубицкого игумена прослеживается особое отношение к героям «Слова». Вот и о Всеволоде Святославиче он пишет: не было «во Ольговичах всех удалее рожаемь и воспитаемь и возрастомъ и всею добротою, и можьственою доблестью, и любовь имеяше ко всимъ. <…> И положиша его во церкви Святое Богородицы в Чернигове, *и приложиша ко отцемь своимъ, и дедомъ, давъ общии долгъ ему же нес(ть) убежати всякому роженому*» (Стлб. 696). Выделенные слова, как отметили М.Д. Приселков и Б.А. Рыбаков, ***точно*** принадлежат перу игумена Моисея.

Следовательно, это ***именно игумен Моисей демонстрирует в Киевской летописи свое особое отношение к Игорю Святославичу и героям «Слова».***

В 6704 (1196) г. Всеволод Юрьевич заставляет Ярослава Черниговского и всех Ольговичей крест целовать, и «Кыева подъ Рюриком не искати, а подъ Давыдомъ Смоленьска». А Ярослав Всеволодович, в свою очередь, заставил Всеволода и Давыда крест целовать о мире. И так «утвердишася крестомъ честнымъ» мир в Русской земле к огорчению половцев, которые «се готови и устремилися на кровопролитье» и были рады «сваде в Рускыхъ князехъ». «Избави Богъ крестянъ от рукъ нечестивыхъ и оканьныхъ Агарянъ» (Стлб. 700).

Можно сказать, что в события 1196 года вовлечены почти все князья Русской земли. Происходит их долгожданное примирение. А до этого описывались их разрозненные походы на половцев и междоусобицы.

В этой статье игумен Моисей упоминает и князя Романа Мстиславича, еще одного героя «Слова», который зимой 1196/1197 гг. ходил на

ятвягов, опустошивших его волость. О том, что ятвяги приклонили свои головы под «мечи харалужные» Романа Мстиславича, говорит и «Слово о полку Игореве». Думается, что и это совпадение не случайное.

Под 6705 (1197) г. игумен Моисей сообщает о смерти 24 апреля брата Рюрика – смоленского князя Давыда Ростиславича, также упоминаемого в «Слове», который тоже перед смертью «приимъ мнискыи чинъ, егоже желаше» (Стлб.702).

Примечательно, что о преставившемся князе Давыде игумен Моисей[1] пишет не в прошедшем времени, а в так называемом настоящем историческом: «Се же благоверный князь Давыдъ возрастомъ бе среднии, образомъ лепъ, всею добродетелью украшенъ, благонравенъ, христолюбивъ, любовь имея ко всимъ <…> Манастыря набдя, и черньци утешивая, и вси игумены с любовь приимая, и взимая у нихъ благословение <…> Бе бо крепокъ на рати всегда бо тосняшеться на великая дела, злата и сребра не сбираеть, но даеть дружине, бе бо любя дружину, а злыя кажня, какоже подобаеть цесаремь творити…» (Стлб.703).

Так же, в настоящем времени он пишет и о преставившемся князе Буй-Тур Всеволоде: «…понеже бо во Ольговичехъ всихъ оудалее рожаемь и воспитаемь и возрастомъ и всею добротою и можьственою доблестью и любовь имеяше ко всимъ» (Стлб. 696).

Важное обстоятельство: и в «Слове о полку Игореве» Автор повествует об усопших князьях как о живых, в том числе и о Буй-Тур Всеволоде. Как поведал Евангелист Лука, «у Бога все живы» (Лк. 20: 38).

Совпадает не только интерес игумена Моисея и Автора «Слова» к одним и тем же князьям, но и манера повествования о них: о покойниках говорится в настоящем времени. Думается, что и это совпадение не случайное. Мне кажется, оно может свидетельствовать об одном авторе.

Такое ощущение, что выдубицкому летописцу Моисею было важно указать о постригах князей, упомянутых в «Слове». И он это пос-

---

[1] Что текст этот принадлежит игумену Моисею, думает и современный украинский академик П.П. Толочко: «В некрологе князю Давиду имеется запись, которая с большой уверенностью позволяет приписывать его авторство именно Моисею. Речь идет о похвале Давиду Ростиславичу за создание необыкновенной красоты церкви св. Михаила в Смоленске. <…> В … тексте отчетливо прочитывается параллель со «Словом» митрополита Илариона, аналогичным образом аттестовавшим Софию Киевскую. Если учесть, что обращение к «Слову» имеет место и в «Похвале Рюрику Ростиславичу», можно сделать вывод, что оба произведения написаны одним и тем же автором». См.: *Толочко П.П.* Русские летописи и летописцы X – XIII вв. С.143.

тоянно делает. Весьма вероятно, что и сам Игорь Святославич принял постриг под именем Феодосий, как о том можно судить по Любечскому синодику[1]. Тот же Любечский синодик упоминает под именем Бориса и еще одного участника похода 1185 г. – князя рыльского Святослава Ольговича, племянника Игоря Святославича. Скорее всего, Борис было его крестильное имя, но и нельзя исключать, что монашеское.

Складывается впечатление, что игумен Моисей знал этих князей еще до своего монашества, и не то, чтобы оправдывался за смену своего жизненного пути с дружинника на монаха, нет, однако воспользовался возможностью показать, что и князья, в конечном итоге, постригались в монахи.

В 6706 (1198) г., по сообщению игумена Моисея, «преставися Черниговьскыи князь Ярославъ Всеволодовичь», еще один персонаж «Слова». И «седе на столе его *благоверный* князь Игорь Святославичь» (Стлб. 707-708) – главный герой «Слова о полку Игореве». Любопытно, что только игумен Моисей и только в своей Киевской летописи называет Игоря Святославича *благоверным* князем. Такой характеристики новгород-северский князь более нигде не удосужился. А вот о его смерти Киевская летопись не сообщает, по всей видимости, не знает. Как не знает о ней и «Слово о полку Игореве».

В тот же год великий князь Киевский Рюрик Ростиславич 10 июля заложил, а уже 24 сентября 6707 (1199) г. возвел каменную опорную стену под церковью св. Архангела Михаила в Выдубицком монастыре над Днепром. Автор обращает внимание, что церковь была построена и освящена еще боголюбивым князем Всеволодом Ярославичем четыре поколения назад и дает краткую родословную Всеволодовичей-Мономаховичей: «Всеволодъ бо роди Володимера. Володимеръ же роди Мьстислава. Мьстислав же роди Ростислава. Ростислав же роди Рюрика и братью его». Для Рюрика автором находится библейская параллель: «Сеи же богомудрыи князь Рюрикъ пятыи бис(ть) от того, якоже пишеть о праведнемь Иеве от Аврама (Иов 17: 17)» (Стлб. 709).

В конечном итоге получается, что игумен Моисей воспроизводит пять колен родословной Рюриковичей от Всеволода Ярославича, основателя Выдубицкого монастыря до Рюрика Ростиславича – его нового устроителя.

---

[1] *Зотов Р.Вл.* О Черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. С. 25, 41-43.

Важно отметить, что и Автор «Слова» обращается к одиннадцати князьям из рода Мономаховичей!

В рассказах о событиях начала XII века выдубицкий автор сообщает об игуменах монастыря, и завершается Киевская летопись торжественным словом самого игумена Моисея.

Этот выдубицкий летописец, которым был игумен Моисей, очень хорошо осведомлен о событиях в Киевской Руси второй половины 80-х и 90-х годов. Особенно подробно описаны им 90-е годы, до этого повествование носило эпизодический характер. Как и подобает игумену, он продемонстрировал независимую позицию ко всем древнерусским князьям, равно проявляя при этом свои симпатии и Мономаховичам, и Святославичам.

Самое же главное – игумен Моисей проследил в своей летописи судьбы всех основных князей, упоминаемых и «Словом о полку Игореве». Думается, это не случайное совпадение. Киевскую летопись и «Слово о полку Игореве» связывает не только общее место их возникновения – Выдубицкий монастырь, но и, смею предположить, один автор.

На это указывает и сопоставление летописной повести о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г., вошедшей в Киевский летописный свод игумена Моисея.

Б.А. Рыбаков, как и большинство его предшественников, выстраивал свои построения исходя из *предположения*, что «наиболее вероятным временем написания «Слова о полку Игореве» следует считать время пребывания Игоря в Киеве в качестве гостя и просителя». Игорь Святославич приехал в Киев «в самом конце июля или в начале августа 1185 г.», а в середине августа, после праздника Успения Пресвятой Богородицы, уезжает из стольного града. В этот отрезок времени, по мнению Б.А. Рыбакова, и было написано «Слово»[1]. Поэтому автор летописной повести использовал «Слово» в работе над ней.

Между тем, как мне уже неоднократно приходилось писать, «Слово» не могло быть написано ранее осени-зимы 1200 г., поскольку автор знает о произошедших тогда событиях[2]. Поэтому напрашивается *вывод*: это автор «Слова» хорошо знал и держал в сознании летописную повесть о походе Игоря и свое повествование строил в соответствии с тем ходом событий, как они описаны в Киевской летописи Ипатьевского свода.

[1] *Рыбаков Б.А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971. С. 277.
[2] *Ужанков А.Н.* «Слово о полку Игореве» и его эпоха. М., 2015. С. 232-274.

Тому свидетельствуют смысловые параллели между летописной повестью и «Словом о полку Игореве». На часть из них обратили внимание уже давно[1]. Были замечены схожие и даже одинаковые выражения двух произведений[2]. В единую таблицу их свела В.Ю. Франчук[3]. Приведем ее полностью, для удобства поменяв местами примеры из летописной повести и «Слова»[4].

	Летописная повесть	**«Слово о полку Игореве»**
1.	Святославичь Игорь, внукъ Олговъ, поѣха из Новагорода мѣсяца априля въ 23 день (Ст. 637)	Слово о пълку Игоревѣ, Игоря сына Святъславля, внука Ольгова
2.	Игорь жь возрѣвъ [Хлеб. възрѣ] на небо и видѣ солнце (638)	Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ
3.	И рече бояромъ своимъ и дружинѣ своеи (638)	и рече Игорь къ дружинѣ своеи
4.	Братья [Хлеб. братіе] и дружино! (638)	Братіе и дружино!
5.	а то же намъ видити (638)	да позримъ синего Дону
6.	не на добро знамение се (638)	жалость ему знаменіе заступи
7.	жда два дни брата своего Всеволода (638)	Игорь ждетъ мила брата Всеволода

[1] В свое время И.П. Хрущев выделил 16 частей в летописной повести и провел параллели со «Словом». См.: *Хрущев И.П.* О древне-русских исторических повестях и сказаниях. XI-XII столетие. Киев, 1878. С.197-202.

[2] *Ваденюк П.Е.* Где нужно искать ту реку, на берегах которой 5-го мая 1185 г. был разбит Игорь Святославич Новгород-Северский и которая названа Каялой // Труды Трьетьего археологического съезда в России, бывшего в Киеве в авг. 1874 г. Киев, 1878. Т.2. С.52; *Лященко А.И.* Этюды о «Слове о полку Игореве» // Известия Отделения русского языка и словесности АН СССР. М., 1926. Т.31. С.152-153; *Jakobson R.* L'authenticite´ du Slovo / La Geste du prince Igor. New York, 1948. P. 307-311; *Зимин А.А.* Ипатьевская летопись и «Слово о полку Игореве» // Истории СССР. 1968. № 6. С.47-48.

[3] Літописні оповіді про похід князя Ігоря. Упорядкування, текстологічне дослідження та переклади *В.Ю. Франчук.* Київ, 1988. С.38-40.

[4] В.Ю. Франчук расположила примеры из «Слова» слева, а справа – из летописной статьи, исходя из распространенного в то время убеждения, что «Слово» было написано ранее летописной повести. Я же исхожу из того, что летописная статья была написана ранее «Слова», поэтому примеры из нее привожу слева, а примеры из «Слова» – справа.

8.	тотъ бя(ше) шелъ инемь путем ис Курьска (638)	мои (комони) ти готови, осѣдлани у Курьска
9.	ѣхаша чересъ ночь (639)	нощь, стонущи ему грозою
10.	Заутра же пятку наставшу, во обѣднее веремя, усрѣтоша полкы половѣцькиѣ (639)	Съ заранія въ пятъкъ потопташа поганыя плъкы половецкыя
11.	возложилъ [Богъ]… на нас честь и слава (640)	ищущи себѣ чти, а князю славы
12.	и рече Святославъ Олговичь…: «Далече есмь гонилъ по половцехъ»… И облегоша ту (640-641)	Дремлетъ в полѣ Ольгово хороброе гнѣздо; далече залетѣло.
13.	Игорь же… поиде к полку ихъ, хотя возворотити к полкомъ (642)	Игорь плъкы заворочаетъ; жаль бо ему мила брата Всеволода
14.	И тако бишася крѣпко ту днину до вечера… Наставши же нощи суботнии, и поидоша бьючися (641)	Бишася день, бишася другыи
15.	Игорь… проси души своеи смерти, чко да бы не видилъ падения брата своего (642)	падоша стязи Игоревы
16.	Всеволодъ же толма бившеся, яко и оружья в руку его не доста (642)	кроваваго вина не доста
17.	Кончакъ поручися по свата Игоря (644)	ту пиръ докончаша храбріи русичи: сваты попоиша
18.	И тако во день святого воскресения наведе на ня Господь гнѣвъ свои, в радости мѣсто наведе на ны плачь, и во веселье мѣсто желю на рѣцѣ Каялы (642-643)	кликну Карна, и Жля поскочи… Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрои Каялы
19.	и бысть скорбь и туга люта… по всеи волости Черниговьскои: князи изымани и дружина изымана, избита (645)	Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслію смыслити, ни думою сдумати… А въстона бо, братіе, Кіевъ тугою, а Черниговъ напастьми
20.	Святослав же то слышавъ и вельми воздохнувъ, утеръ слезъ своих и рече (645)	Тогда великыи Святъславъ изрони злато слово слезами смѣшено, и рече
21.	О, люба моя братья, и сыновѣ (645)	О моя сыновчя, Игорю и Всеволоде!

22.	и рече Игорь: «Да не дивно есть, разумѣюща, братья, умрети (640-641)	А чи диво ся, братіе, стару помолодити?
23.	отвориша ворота на Русьскую землю (645)	Загородите полю ворота
24.	Половци же, вземше городъ Римовъ (648)	Се у Римъ кричать подъ саблями половецкыми
25.	со… Володимѣромъ Глѣбовичемъ, зане бяшеть ранъ [Хлеб. раненъ] велми (648)	а Володимиръ подъ ранами. Туга и тоска сыну Глѣбову!
26.	Кончакъ… оступи городъ (646)	рускыя плъкы оступиша
27.	нынѣ же половци се побѣдилѣ Игоря и брата его (с) сыномъ, а поеди, брате [Давиде], постерези землѣ Рускоиѣ (646)	Вступита, господина (Рюриче и Давиде), въ злата стремень за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы
28.	пришедъ ко рѣцѣ, и перебредъ, и всѣде на конь, и тако (Игорь и Лавор) поидоста сквозѣ вежа… И иде пѣшь (651)	вежи ся половецкіи подвизашася. А Игорь князь поскочи… на воду; въвръжеся на бръзъ комонь… (Игорь и Влур) претръгоста… своя бръзая комоня
29.	молвяшеть бо Кончакъ… Кза молвяшеть: «Поидем на Семь» (646)	Млъвитъ Гзакъ Кончакови: «Аже соколъ къ гнѣзду летить»… Рече Кончакъ ко Гзѣ…
30.	и отолѣ иде во свои Новъгородъ, и обрадовашася ему. Из Новагорода иде ко брату Ярославу к Чернигову… Ярослав же обрадовася ему… Игорь же оттолѣ ѣха ко Киеву… и радъ бысть ему Святославъ (651)	Игорь князь въ Рускои земли… Страны ради, гради весели

Совершенно очевидно, что летописная повесть о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г. была очень хорошо известна игумену Моисею, поскольку он ее вписал в составленный им Киевский летописный свод. То есть, не знать ее он в принципе не мог. Приведенные выше *тридцать* (!) параллелей между повестью и «Словом» не только красноречиво свидетельствуют о том, что летописная повесть была хорошо известна и Автору «Слова о полку Игореве», но и указывают на очень крепкую связь этих двух произведений. Чем же ее можно объяснить?

Наиболее простой ответ – Автор «Слова» хорошо знал летописную повесть и следовал за ней. Однако характер письма «Слова» свидетельствует, что это было не простое подражание или копирование композиции повести, но осознанное ее переосмысление, создание нового произведения на основе старого. Причем, *авторское* переосмысление.

А где автор «Слова» мог познакомиться с рукописью выдубицкого летописного свода игумена Моисея? Напрашивается вывод, что только в самом Выдубицком монастыре.

Тогда ***возникает предположение об одном (едином) авторе этих двух произведений – летописной повести из Киевского летописного свода о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г. и «Слова о полку Игореве».*** На это указывает одно очень важное обстоятельство: в ***обоих произведениях автор выступает участником событий и сообщает об этом***.

Автор летописной статьи рассказывает, как в воскресенье, на малую Пасху, приближалась развязка трехдневной битвы. Половцы обступили со всех сторон горстку безумно уставших, но продолжающих сражение русских воинов: «И тако во день святого воскресения наведе на ***ня*** (нас) Господь гневъ свои, в радости место наведе на ***ны*** (нас) плачь и во веселье место *желю* на реце *Каялы*» (Стлб. 642-643).

Обращает внимание на себя тот факт, что автор повествования причисляет себя к сражающимся, на которых обрушился гнев Божий. Он дважды употребил местоимение *ня/ны* – т.е., нас! Думается, это не случайно. В авторе чувствуется участник тех событий, и в разбираемом нами пассаже он проговаривается об этом. Но еще более удивительно то, что и автор «Слова» еще более откровенно говорит об этом, причем *в том же месте описания битвы*: «Что ***ми*** *шумить*, что ***ми*** *звенить* давечя рано предъ зорями? Игорь плъкы заворочаетъ, жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишася другый, третьяго дни къ полуднию падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезе быстрой Каялы. Ту кроваваго вина не доста».

Нельзя назвать случайным такое совпадение, на которое прежде никто, насколько мне известно, не обращал внимания: *и автор летописной повести, и автор «Слова о полку Игореве» были участниками похода Игоря Святославич и* ***рассказывают об этом в описании одного и того же эпизода битвы.*** К тому же, оба, и только они, упоминают реку Каялу.

Из всего этого можно сделать только один вывод: ***оба произведения написаны одним автором***.

В завершающей части Киевской летописи помещена торжественная проповедь игумена Моисея, которую с большим основанием можно отнести к лучшим произведениям древнерусской словесности – «Слово на обновление церкви св. Архангела Михаила»[1]. Она относится к жанру торжественных «слов» на обновление (т.е., освящение) церквей, и может рассматриваться в ряду родственных ей знаменитых «Слова о Законе и Благодати» митрополита Илариона и «Слова на обновление Десятинной церкви». К тому же, игумен Моисей знал эти произведения и цитировал их[2].

Произнесена она была 24 сентября 1199 г. в Свято-Михайловском Выдубицком монастыре после освящения храма св. Архангела Михаила и подпорной стены под ним. По этому случаю игумен Моисей и выступил с торжественной проповедью, в которой провел параллель между происходящим в Киеве и происходившим когда-то в Иерусалиме при возведении второго храма Господня.

Не имея возможности дать развернутую характеристику этому торжественному слову, отмечу следующее. В панегирике князю Рюрику Ростиславичу игумен Моисей дважды использовал греческую лексику: калугер (καλος γερον – “добрый старец”) – монах, и газъфулакия (γαζοφυλαχιον) – сокровищница, хранилище, что может свидетельствовать о знании им греческого языка. А сравнение себя с бедной вдовицей, принесшей две медные монеты, говорит о знании игуменом Священного Писания. Цитат в этом небольшом творении довольно много и из библейских книг, и творений Иоанна Златоуста, и Мефодия Патарского.

Важно напомнить, что и ***Автор «Слова о полку Игореве» хорошо знал «Откровение» Мефодия Патарского***, откуда заимствовал образ девы Обиды[3]. И автор летописной статьи из Киевской летописи о походе Игоря Святославича на половцев. По наблюдению А.А. Пауткина, «на отдельных образах и самой горестной тональности речи Игоря (в летописной статье. – *А.У.*) могло сказаться влияние «Откровения» Мефодия Патарского…»[4].

---

[1] *Бегунов Ю.К.* Речь Моисея Выдубицкого как памятник торжественного красноречия XII в. // ТОДРЛ. Т. XXVIII. Л., 1974. С.60-76.

[2] *Ужанков А.Н.* «Слово о Законе и Благодати» и другие творения митрополита Илариона Киевского. М., 2014. С. 46-49.

[3] *Клейн Й.* «Слово о полку Игореве» и апокалиптическая литература (К постановке вопроса о топике древнерусской литературы) // ТОДРЛ. Т. XXXI. Л., 1976. С.110.

[4] *Пауткин А.А.* Горизонты прочтения: Историко-филологические заметки и размышления. М.; СПб., 2017. С. 90.

Как и митрополит Иларион, игумен Моисей опирается в своем творении на Священное Писание и, следуя древнерусской традиции, искусно вплетает изречения из него в торжественное слово, тем самым, усиливая его весомость.

Он сравнивает князя Рюрика с Моисеем, который вывел иудеев из египетского рабства (Исх.: 42;15): «обретша тя проводника, яко Моисеа, новыи сии Израиль изводящага из работы немилосердья», а князь вывел своих подданных «из мрака скудости». А себя сравнивает с Мариам – сестрой Моисея и Аарона, которая при исходе иудеев из Египта последовала за Моисеем и при переходе через Чермное море стала во главе еврейских женщин, с тимпанами и ликами прославлявших Господа: «Отселе бо не на брезе ставше, но на стене твоего создания, пою ти *песнь* победную, аки Мариамъ древле» (Ср.: Исх.: 15;21).

Возникает ***аналогия и с поющими девами*** на берегу Дуная, впадающем в Черное море, ***из «Слова о полку Игореве»***, которое его Автор называл тоже *песней*. К тому же, Автор «Слова о полку Игореве» сравнивает посредством экзегез поход Игоря Святославича с походом царя Седекия в Вавилон в 586 г. до Р.Х., описанном в Книге пророка Иеремии[1].

Наблюдается типичная для древнерусского сознания ретроспективная историческая аналогия современных событий и библейских.

Мастерство любого писателя характеризуют, в том числе, и лексические особенности и богатство языка его сочинений. В.Ю. Франчук специально исследовала стиль произведений выдубицкого игумена Моисея и выявила целый ряд индивидуальных черт в творчестве этого древнерусского писателя.

Прежде всего, она замечает, что «стиль Моисея определяют слова и обороты, которые принято называть книжными». К книжной лексике исследовательница относит старославянизмы, заимствования с греческого и латинского языков, а так же «народно-бытовые слова типа *богъ*, *духъ*, *душа*, *грехъ*, *раи*, *молитися*, *постригтися* и др., которые с принятием христианства, – по ее мнению, – были переосмыслены. Получив новую семантику, связанную с христианской идеологией, эти слова не утратили и старых, бытовых значений, благодаря чему не вышли из народно-разговорного употребления. Отвлеченно-религиозная семанти-

---

[1] *Ужанков А.Н.* «Слово о полку Игореве» и его эпоха. С. 315-322.

ка слов *богъ*, *вера*, *душа*, *раи*, *творець* и др. позволяет рассматривать их в ряду книжной лексики»[1].

Важно отметить, что такую же лексику – *богъ*, *душа*, *грехъ, умъ, знамение, бесъ, судъ* – использует и Автор «Слова о полку Игореве». Пока это еще ни о чем не говорит. Разве что характеризует и его как человека книжного, и как приверженца народной разговорной речи, т.е., близкого к народу, знающего его фольклорную стихию.

Встречаются в произведениях игумена Моисея «семантические и словообразовательные кальки с греческого и латинского языков, т.е. слова не исконно славянские», например, *Богородица*, *великомученица*, *Спаситель*.

Словоупотребления игумена Моисея исследовательница сравнивает с лексикой других составителей Киевской летописи и приходит к выводу, что его главной особенностью его текстов выступает «чередование собственно летописных записей с отрывками, которые по языку соотносятся с такой жанрово-стилистической сферой, как жития» (С.16). Этим можно объяснить употребление им слов *благодать*, *добродетель*, *богомирный*, *благоверный* и др. и словосочетаний с религиозной окраской: *ангельский чинъ*, *изьбраньное стадо*, *ликъ мнишьскыи*, *мнишьскыи чинъ*, *священицкии чинъ* и др.

Игумен Моисей охотно использует в составленной им летописи библейские цитаты: «Яко же Павелъ глаголеть гордымъ Богъ противиться, а смиренымъ даеть благодать»; «блажении же не видивше, но вероующе радоуться» и т.д.

Цитата из апостола Павла, по сути, отражает оценку похода Игоря Святославича на половцев в 1185 г., хотя она встречается в статье 1174 г., а во второй раз, с небольшой редактурой, – в оценке гордости половецкого хана Кончака под 1184 г.: «Всемилостивыи Господь Богъ гордымъ противиться и светы ихъ раздроуши»[2].

Здесь отчетливо прослеживается отношение игумена Моисея к гордыне, основанное на библейском ее понимании. Так же ее будет воспринимать и Автор «Слова о полку Игореве», по сути, и представивший ее развернутую интерпретацию в своем творении.

Иноязычная лексика представлена в произведениях игумена Мои-

---

[1] *Франчук В.Ю.* Киевская летопись. С. 15. Общая характеристика стилистических особенностей произведений игумена Моисея приводится на с.15-74. Далее страницы указываются в круглых скобках в тексте статьи.

[2] Ипатьевская летопись. ПСРЛ. Т.II. М., 1998. Стлб. 635.

сея заимствованиями из старославянского языка (*аминь*, *монастырь*, *игуменъ*, *калоугеръ*, *трапеза*, *дьяволъ*, *апостолъ*, *икона* и др.), греческого (*аеръ*, *газъфоулакия*, *кюръ*, *талантъ*, *философфствовати*), латинского (*цесарь*, *цесарьскии*). По мнению В.Ю. Франчук, «отмеченные выше слова иноязычного происхождения не составляют отличительной особенности стиля Моисея, так как встречаются у разных авторов этого времени. Характерными для него следует признать заимствованные из церковных книг имена и собственные названия различного происхождения (греческие, латинские, древнееврейские и т.п.). В совершенстве зная события священной истории, выдубицкий игумен свободно оперирует этой лексикой в самых различных целях» (С.19).

Иными словами, игумен Моисей предстает как образованный человек, достаточно сведущ в книжной иноязычной лексике и книгах Священного Писания. Такую же характеристику можно смело дать и Автору «Слова о полку Игореве».

Любопытно наблюдение В.Ю. Франчук: в торжественном «Слове» на освящение церкви св. Архангела Михаила и опорной стены под ней, игумен Моисей, чтобы она звучала пафосно, «вообще отказывается от полногласных форм». Наряду с обычной летописной лексикой (*время*, *златъ*, *храмъ*, *преже*), он широко использует неполногласные формы, приближающие язык его «Слова» к нормам старославянской письменности: *брегъ*, *власъ*, *глаголати*, *мракъ*. «Даже народные предания, которые выдубицкий игумен находит нужным ввести в текст» своего торжественного «Слова», «он полностью переводит в книжный план» (С.27-18). В отличие от своих предшественников, игумен Моисей использует неполногласную форму существительного *время*, а вот в текстах, приписываемых боярину Петру Бориславичу, «последовательно употребляется существительное *веремя*» (С. 29).

Следует отметить, что неполногласные формы широко использует и Автор «Слова о полку Игореве», в том числе и форму *время*: «Свивая славы оба полы сего *времени*». Следовательно, ***авторские предпочтения игумена Моисея ближе стилю «Слова о полку Игореве»***, нежели боярина Петра Бориславича.

Игумен Моисей охотно и много использует образные средства в своих произведениях: ***эпитеты*** (туга *люта*, печаль *велика*, плачъ *великыи*), ***сравнения*** (*яко подобает цесаремь творити*; *акы вдовица она*; *якоже елень на источникы водныя*), ***метафоры***. «Слово» игумена Моисея, по наблюдению В.Ю. Франчук, «будучи по жанру памятником ора-

торской прозы, полностью строится на метафорах и сравнениях, перерастающих в гиперболу (С.38)[1].

В качестве стилистических фигур выдубицкий игумен применяет ***риторический вопрос***: «мы же смирении, что воздадим ти противоу благодеянию ти?»; ***анафору***: «*днесь* видиста очи наши», «*днесь* бо сбытье божественных словес его…»; ***антитезу***: «мнози бо преже насъ, бывшеи желаше видити яже мы видихомъ, и не ведеша и слышати не сподобишася»; ***перифразу***: «приложивъся къ отцемъ своимъ» (С. 43-45). Использование всех этих художественных тропов и приемов свидетельствуют о писательском мастерстве игумена Моисея, и мы вправе говорить о нем как о высокопрофессиональном талантливом писателе.

И ***Автор «Слова о полку Игореве» использует практически все перечисленные выше художественные тропы и приемы***, и о нем сразу же заговорили как о высокопрофессиональном талантливом писателе-витии.

Владели ли претендовавшие ранее на роль Автора «Слова о полку Игореве» многочисленные князья и княгини, бояре и конюшие такими литературными способностями? Вопрос, думаю, навсегда останется риторическим.

Подводя итог своим разысканиям, В.Ю. Франчук отмечает: «Выявление языковых и стилистических особенностей произведений, принадлежащих Моисею Выдубицкому, углубляет представление об одном из наиболее образованных людей XII в.» (С.73).

Дошедшие до нас творения Выдубицкого игумена Моисея «характеризуют его как выдающегося художника слова, создателя образцовых произведений древнерусского красноречия и автора религиозно-философских дополнений и вставок в чужие записи» (С. 74). И что для нас особенно существенно, проведенный В.Ю. Франчук лингвистический анализ приписываемых игумену Моисею летописных текстов «подтверждает предположение об *авторстве одного лица* (выдубицкого летописца. – *А.У.*). Знаток церковной литературы, выдубицкий игумен и собственный рассказ строит в книжной манере, заметно отличающейся от летописного повествования» (С.74).

Игумен Моисей, что о нем нам известно, – многолетний летописец и автор весьма искусного торжественного слова, т.е., профессиональный

---

[1] На это обратил внимание еще Ю.К. Бегунов. См.: *Бегунов Ю.К.* Речь Моисея Выдубицкого как памятник торжественного красноречия XII в. С. 65.

писатель. Его писательское мастерство проявляется в умении ненавязчиво использовать библейские цитаты, тонко вкрапляя их в словесную канву торжественного слова. Без этих цитат оно бы не было столь торжественным. Писательская манера игумена напоминает литературные приемы и митрополита Илариона, и епископа Кирилла Туровского, и Даниила Заточника.

Важно отметить, что имеющиеся в тексте проповеди выражения из Священного Писания не всегда представляют собой дословные цитаты из переведенных уже на церковнославянский язык библейских книг. А некоторые из этих книг, например, Премудрости Соломона, 1-3 книги Ездры, Паралипоменон тогда и вовсе еще не были переведены[1]. Следовательно, игумен Моисей пользовался греческим текстом Библии – Септуагинтой, тем более что он знал, как мы убедились выше, греческий язык[2].

Автор «Слова» тоже использовал в своем труде скрытые цитаты из Книги пророка Иеремии на греческом языке[3]. Логично предположить, что с греческой рукописью Книги пророка Иеремии (скорее же всего, с Септуагинтой на греческом языке) он мог познакомиться именно в Выдубицком монастыре. Это, несомненно, роднит игумена Моисея и Автора «Слова о полку Игореве». На церковнославянский язык Книга пророка Иеремии еще не была переведена, известны были только паремийные чтения, но их следы в «Слове» не обнаружены.

Всеволод Ярославич, как заметил его сын Владимир, «дома сидя» сумел пять языков изучить. Без практики, и без книжного чтения сделать это было невозможно. Стало быть, в основанном и поддерживаемом Все-

[1] Об этом можно судить потому, что в конце XV в. переводчики архиепископа Геннадия Новгородского делали переводы этих и некоторых других Ветхозаветных книг с латинского языка. Большинство же книг для первого полного перевода Библии были взяты по славянским рукописям. См.: *Алексеев А.А.* Текстология славянской Библии. СПб., 1999. С. 197-198.

[2] *Бегунов Ю.К.* Речь Моисея Выдубицкого как памятник торжественного красноречия XII в. // ТОДРЛ. Т.XXVIII. М.-Л., 1974. С. 73.

[3] *Ужанков А.Н.* В свете затмения. (Христианская основа “Слова о полку Игореве”) // Образ Спасителя в мировой культуре. М.: ГАСК, 2000. С.32–49; *Он же*: Книга пророка Иеремии и «Слово о полку Игореве»: эпифаническая связь реальностей в их духовном воплощении // Духовный потенциал русской классической литературы. Сборник научных трудов. М.: Русскiй мiръ, 2007. С.182–202; *Он же*: Поход 1185 г. Игоря Святославича на половцев в контексте Священного Писания и древнерусского предания // Древняя Русь. 2009. № 2. С.64–71; *Он же*: «Слово о полку Игореве» и его эпоха. М., 2015. С.275-363.

володом Ярославичем, а затем и его потомками княжеском Выдубицком монастыре была собрана хорошая библиотека. По мнению Б.А. Рыбакова в этом монастыре находилась «целая историческая библиотека из рукописных летописей, которая помогла ученому игумену (Моисею. – *А.У.*) создать интереснейший сводный труд по русской истории за весь XII век. В руках составителя оказались летописи разных князей из разных княжеств. Поэтому историк конца столетия мог иной раз изобразить какое-либо отдаленное событие, ту или иную войну с разных точек зрения: и со стороны нападающих и со стороны обороняющихся или осажденных. Это приближало к объективной оценке. В Киевском своде 1198 г. отражены не только киевские события, но и дела, происходившие в Чернигове, Галиче, Новгороде, Владимире на Клязьме, Переяславле Русском, Рязани и в ряде других русских городов, а порой и зарубежные события вроде четвертого крестового похода Фридриха Барбароссы»[1].

Такая библиотека была и под рукой Автора «Слова о полку Игореве», поскольку только из письменных исторических источников он мог черпать знания по истории XI-XII веков, особенно по истории Мономаховичей. На основании использования одних и тех же источников двумя произведениями можно заключить, что это была одна и та же библиотека. Стало быть, Автор «Слова» трудился в Выдубицком монастыре.

Два талантливейших писателя – игумен Моисей и Автор «Слова» – трудились в одно и то же время в одном и том же монастыре, и писали об одном и том же? Или это был один человек?

Представим сопоставительную таблицу примеров, характеризующих игумена Моисея и Автора «Слова».

Игумен Моисей	**Автор «Слова»**
По своим взглядам – провиденциалист	По своим взглядам – провиденциалист («суда Божиа не минути!»)
Упоминает *Каялу* и *Жля*	Упоминает *Каялу* и *Жля*
Обращает внимание на бояр в летописи	Вспоминает дружину – бояр
Знает греческий язык	Знает греческий язык

[1] *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. Изд. 2-е. М., 1993. С. 482-483.

Знает и использует Септуагинту на греческом языке	Знает и использует Септуагинту на греческом языке
Знает летописную статью о походе Игоря Святославича – вставил в свой свод, возможно, сам ее написал	Знает летописную статью о походе Игоря Святославича – в развитии событий следует за ней
Участник похода Игоря Святославича	Участник похода Игоря Святославича
Знает «Слово на обновление Десятинной церкви», в котором упоминается император Троян	Говорит о Трояне
Использовал обращения *княже, господине*	Использовал обращения *княже, господине*
Монах, игумен	По лексике и обращениям – монах, духовное лицо
Знает «Слово о Законе и Благодати» с оппозицией ветхого/нового	Выстраивает оппозицию ветхого/нового: Боян/Автор
Знал притчу о Блудном сыне	Интерпретировал притчу о Блудном сыне
Написал свои творения в Выдубицком монастыре	Написал «Слово» в Выдубицком монастыре
Пользовался архивами Мономаховичей	Владел дополнительными сведениями о Мономаховичах
Ссылается в своей проповеди на Мефодия Патарского	Использует образ Девы-Обиды из Мефодия Патарского
Охватывает взглядом все племя Владимирово	Ведет повествование «от стараго Владимера до нынешняго Игоря»
В торжественном «Слове» указана династия Мономаховичей	Обращается с призывом к 11 князьям Мономаховичам, современным продолжателям династии
Называет хана Кончака сватом	Называет половцев сватами: «Сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую»
Говорит о песне Мариам «на брезе ставше»	**Девицы поют песнь на берегу Дуная**
«Святослав же то слышавъ и вельми воздохнувъ, утеръ слезъ своих и рече…»	«Тогда великыи Святъславъ изрони злато слово слезами смѣшено, и рече»

Подведем итог сказанному.

«Слово о полку Игореве» было написано в Свято-Михайловском Выдубицком монастыре. Его Автор был человеком очень образованным; знал греческий язык и работам с рукописями исторического характера в монастырской библиотеке; когда-то был хорошим воином и охотником, участвовал в походе 1185 г. Игоря Святославича на половцев; а во время написания «Слова» пребывал в монашестве в Свято-Михайловом Выдубицком монастыре. Там он узнал и подробности из жизни Мономаха и рода Мономаховичей. Думается, он был одним из тех немногочисленных русских воинов, которым удалось выжить, и в благодарность Богу за свое спасение, он постригся в монастырь, и, служа Богу словом, описал воспринятые духовными очами поход, пленение и освобождение раскаявшегося православного князя Игоря Святославича в назидание потомкам.

Такие произведения, как «Слово о полку Игореве» не пишутся в одночасье, это плод многолетних раздумий и трудов, и это не единственное и не первое произведение безымянного гения.

На основании характеристики литературно-художественных достоинств «Слова» можно с уверенностью заключить, что автор –профессиональный писатель. Он хорошо знает гимнографию и законы ее построения и создает свое творение по принципу древнерусских акафистов[1]. Владеет греческим языком и знает Септуагинту, поскольку использовал в «Слове» более 70 цитат из нее и т.д.[2]

Скрупулезный анализ «Летописной статьи о походе Игоря Святославича на половцев» в 1185 г., включенной в Киевский летописный свод игумена Моисея, и самого летописного свода за 80-90-е годы XII века, а так же «Слова на освящения 24 сентября 1199 г. церкви св. Михаила Выдубицкого монастыря», написанного и произнесенного игуменом Моисеем, позволяет выявить общую манеру этих его произведений и говорить об игумене Моисее как о высокоталантливом писателе.

Игуменом Выдубицкого монастыря он стал в 1189 г. В ктиторском монастыре Мономаховичей игуменами были, как правило, выходцы из бояр. Некоторые из них, как, например, игумен Сильвестр, позднее становились епископами в Переяславле – столице княжества Мономаховичей. Как свидетельствует вышедший из-под пера игумена Моисея

[1] *Серегина Н.С.* «Слово о полку Игореве» и русская певческая гимнография XII века. М., 2011. С.107-128.

[2] *Ужанков А.Н.* «Слово о полку Игореве» и его эпоха. С.139-200, 296-334.

Киевский летописный свод за 80-90-е годы XII в., он был близок Мономаховичам и симпатизировал Игорю Святославичу.

Комплексное исследование и сопоставление всех произведений игумена Моисея со «Словом о полку Игореве», их поразительная идейная, смысловая и лексическая связь между собой, хронологическая последовательность в написании, позволяет с большой долей вероятности говорить об игумене Моисее как Авторе «Слова о полку Игореве». Трудно себе представить, чтобы в то же самое время в Выдубицком монастыре пребывал еще один более талантливый, чем он, писатель. И так же, как и он, был не только спасшимся участником похода Игоря Святославича на половцев в 1185 г., но и так же, как и игумен Моисей, постригся в монахи. Проще допустить, что ***игумен Моисей и был автором «Слова о полку Игореве»***.

Об авторе «Слова» – игумене Моисее

Думается, было не случайным, что игумен Моисей указывал о постриге князей перед кончиной. Светский человек, князь, завершая свой земной путь и подводя итог своему княжению, данному ему Богом, готовился предстать пред Ним в вечности.

Постриг – это не просто изменение жизненного пути коренным образом, это – отрешение от прошлого, сугубое покаяние *во всех своих грехах* и духовное преображение личности. Постриг – это начало новой жизни с чистого листа.

Такую новую жизнь после пострига начал и инок Моисей, ставший затем игуменом одного из главнейших монастырей Древней Руси – Выдубицкого, ктиторского монастыря Всеволодовичей-Мономаховичей.

Постригались, если в юности, то по убеждению и призванию, если в старости, то по необходимости перед зовом вечности. Но был постриг и по обету – обещанию, когда в сложной смертельной ситуации человек молился о спасении и давал обет, в случае счастливого избавления от напасти, постричься в монахи.

Как мне думается, именно такой обет и дал боярин князя Игоря Святославича, представитель его старшей дружины, участник похода на половцев в 1185 г., один из тех 15 удачливых людей, кому, по милости Божией, удалось избежать смерти и плена и вернуться на Русскую землю.

Если выполнение своего обещания он не откладывал на неопределенный срок, а постарался выполнить его как можно скорее (в чем трудно усомниться, зная мировоззренческую установку древнерусских людей), то его постриг произошел уже осенью 1185 г.: или на день памяти преподобного Моисея Мурина (IV в.) – 28 августа, или на день памяти пророка Моисея (1531 г. до Р.Х.) – 4 сентября.

Ипатьевский летописный свод под 1190 г. (на самом деле это события 1189 г.) сообщает о важных событиях, произошедших в Свято-Михайловском Выдубицком монастыре.

В этом году умер епископ Белгородский Максим, и великий князь Рюрик Ростиславич поставил на его место своего духовника – игумена Выдубицкого монастыря Андриана. Поскольку после 1189 г. на этом поприще упоминается только игумен Моисей, то, стало быть, его назначение в игумены тогда же и произошло.

Постановление Моисея в игумены Выдубицкого монастыря, думается, было не случайным. Как заметил еще Б.А. Рыбаков, работа Выдубицкого летописца над Киевской летописью начинается с 1187 года: «С 1187 г. исчезают какие бы то ни было следы летописи Святослава – полным хозяином летописного текста становится летописец Рюрика…»[1].

Выдубицкий монастырь в XII века создал целую литературную школу, родоначальником которой следует считать игумена Сильвестра – составителя второй редакции «Повести временных лет» и, скорее всего, «Сказания о Борисе и Глебе»[2], позднее поставленного епископом в Переяславль, вотчину Мономаховичей. Игумен Моисей продолжил эту традицию в конце XII в.

Спустя непродолжительное время после его пострига в монастырь (предположительно – осень 1185 г.) ему, как человеку образованному, происходящему из высшего боярского сословия, определяют послушание – составление нового летописного свода Рюрика Ростиславича. Следы его работы уже становятся отчетливо заметными с 1187 г. Результаты его труда – духовного как монаха, и летописца, выполнявшего послушание, – видимо впечатлили князя и он останавливает свой выбор на иеромонахе Моисее как новом игумене родового монастыря Мономаховичей.

---

[1] *Рыбаков Б.А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971. С.173.

[2] *Ужанков А.Н.* Проблемы историографии и текстологии древнерусских памятников XI – XIII веков. М., 2009. С. 97–153; *Воронин Н.Н.* «Анонимное» Сказание о Борисе и Глебе // ТОДРЛ. Т. XIII. М.-Л., 1957. С.46.

Став игуменом Выдубицкого монастыря, он продолжает свою работу в качестве летописца над Киевским летописным сводом. Судя по редакторским вставкам и ремаркам, свидетельствующим о времени их написания, составление Киевского свода длилось с 1187 г. по 1200 (Ипатьевская летопись – 1199 г.) и не прекращалась и после его назначения в игумены, то есть после лета 1189 г. Получается, что время работы над летописью подтверждает начало игуменства Моисея.

Смена духовника князя Рюрика игумена Адриана, ставшего епископом в Белгороде, на игумена Моисея, не так давно появившегося в монастыре, свидетельствует, что и игумен Моисей был близок дому Мономаховичей. Это подтверждает и составленная им Киевская летопись, отражающая взгляды и отношение к описываемой действительности с позиции рода Мономаховичей.

Кто может давать совет или наставление великому князю, чтобы тот к нему прислушался? Только его духовник. К авторитетному священнику, иеромонаху, даже если он и не архиерей, прислушиваются все православные князья. А такие духовные наставления создавались в виде письменных слов и поучений, как об этом мы можем судить по творчеству Кирилла Туровского.

Работа над Киевским летописным сводом – редактирование предыдущих летописей, описание прошлых и отражение текущих событий – заняла у игумена Моисея все 90-е годы.

24 сентября 1199 г. (Ипатьевская летопись под 1200 г.) в Свято-Михайловском Выдубицком монастыре состоялось очень важное событие – освящение церкви св. Михаила и подпорной стены под ней. По этому случаю игумен Моисей выступил с торжественным словом, в котором провел параллель между происходящим обновлением храма в пригороде Киева и происходившими когда-то в Иерусалиме событиями по завершении Второго храма Господня.

Это торжественное слово игумена Моисея было им же включено в Киевскую летопись и завершает ее. Искусная и высокохудожественная проповедь подготавливалась летом 1199 г. (по мартовскому стилю). Видимо, на осень и зиму 1199 г. приходится завершение работы над Киевским летописным сводом.

Параллельно с этим официальным занятием – послушанием летописца – игумен Моисей писал и для себя. Уже не один год. Он пытался осмыслить те уже далекие трагические события 1185 г., в которых и сам принимал участие. Большое видится на расстоянии.

Были две судьбы и два жизненных пути: его собственный и князя Игоря Святославича. Как для человека верующего и духовного ему важно было написать поучительное «Слово», в котором, на примере оценки через призму Священного Писания всего лишь одного поступка человека, во всей полноте отразились бы и Божий промысел, и Его забота о человеке.

Так и появилось «Слово о полку Игореве». Писалось оно не по послушанию, не для массового читателя, а для укромного вдумчивого чтения. Это боговдохновенное творение есть наставление для души.

А.В. Моторин
доктор филологических наук, профессор,
Новгородский государственный университет
им. Ярослава Мудрого
Великий Новгород (Россия)
E-mail: amotorin@yandex.ru

Новгородский святитель Василий Калика и становление русской православной историософии

Аннотация. Государственная и литературная деятельность новгородского святителя Василия Калики, правившего в Новгороде с 1331 по 1352 год, служила достижению определенной культурной и политической цели: развитию русской, а по сути и вселенской православной историософии, согласно которой Русь стала Третьим Римом – последней перед Концом Света всемирной православной державой. Римское державное самосознание Новгорода на рубеже XV – XVI веков было унаследовано Москвой, как и предначертал святитель Василий Калика.

Ключевые слова: Православие, историософия, Россия, Новгород, Москва, Василий Калика, Третий Рим.

Alexander V. Motorin
DSc in Philology, Professor,
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
Veliky Novgorod (Russia)
E-mail: amotorin@yandex.ru

Novgorod saint Vasily Kalika and the formation of the Russian Orthodox historiosophy

Abstract. The state and literary activity of Novgorod saint Vasily Kalika, who ruled in Novgorod from 1331 to 1352, served to achieve a specific cultural and political goal: the development of Russian, and in fact, universal Orthodox historiosophy, according to which Russia became the Third Rome – the last before the End of the World great power. The Roman sovereign self-consciousness of Novgorod at the turn of the XV – XVIth centuries was inherited by Moscow, as St. Basil Kalika had designated.

Keywords: Orthodoxy, historiosophy, Russia, Novgorod, Moscow, Vasily Kalika, the Third Rome.

В сонме новгородских, да и общерусских святителей Василий Калика один из самых удивительных и загадочных. Он духовно правил Новгородом с 1331 по 1352 год, причем правил, заменяя отчасти и княжескую власть. Архиепископом был избран по жребию и принял монашеский постриг лишь накануне рукоположения. Ранее, еще будучи Григорием, простым по видимости священником из белого духовенства, он посетил святые места Константинополя и Иерусалима (предположительно в 1329). Обретенный там таинственный духовный опыт стал основой его мощной многолетней архипастырской деятельности, включавшей глубокомысленные богословские труды, проповеди, бурное каменное строительство храмов, крепостных стен, управление не только духовными, но и во многом государственными делами Новгородской вечевой республики и Пскова. Он и умер жертвенно за Новгород и Псков, творя непрестанные молитвы и принимая оздоровительные меры в самых опасных местах во время чумно́го поветрия. В итоге оказалось, что его неустанная и разнообразная деятельность послужила достижению определенной сверхцели: значительному развитию и осуществлению русской, а по сути и вселенской православной историософии. Не случайно труды его были ознаменованы на самом взлете в 1335 году удивительным дарением от константинопольского патриарха Филофея священного белого клобука́ – знака богоданного вселенского достоинства архипастыря. Новгородская Третья летопись свидетельствует: «В лето 6843 [1335]. При семъ архиепископе Василии принесенъ бысть белый клобукъ от царя Константина и папы Силвестра, в Великий Новъградъ, иже и доныне новгородские митрополиты на главахъ своихъ тем подобием носятъ» [4, с. 218].

Согласно православной историософии, Христос, будучи Божественным Словом и Софией Премудростью Божией, сотворил весь мир: «Все через Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть» (Ин. 1:3). О Премудрости Божественного Слова пророчествовал еще царь Соломон, прямо передавая Его изречение: «Господь имел меня началом пути Своего, прежде созданий Своих, искони» (Прит. 8:22). По Пришествии Христа на землю стало осуществляться спасение рода человеческого от погибели во грехах, и средоточием, мировой столицей, всемирным государством-крепостью этого спасения становится Рим (латинское название города – Rōma – в переводе как раз и означает «крепость, твердыню»). Уже в первые века по Рождестве Христовом судьба Рима была истолкована христианскими мыслителями в свете библейско-

го пророчества Даниила (2: 31-34) и Второго послания апостола Павла к Солунянам (2: 1-8): и на востоке, и на западе империи Рим воспринимался как четвертое, последнее из указанных в Библии великих царств, которое будет сопротивляться разрушению от антихриста в самом Конце Света [11, с. 10 – 12, 24 – 25, 49 – 50; 5, с. 385 – 400; 3, с. 14 – 18; 1, с. 118, 268; 10, с. 207 – 219]. По выражению псковского старца Филофея (1 половина XVI века), «ромейское царство» уже не заменимо до Конца Света и «неразрушимо, яко Господь в римскую власть написася» [7, с. 448], – имеется в виду, что по Промыслу Божьему Христос по Рождестве подпал под перепись населения, устроенную императором Августом. Лишь с Концом Света земной Рим перейдет в свое вечное инобытие, слившись с новым, «святым Иерусалимом», нисходящим «с неба от Бога» (Отк. 21:10).

Когда Константин Великий, дав христианам свободу вероисповедания и приняв крещение, перенес столицу из латинского Рима в греческую восточную область Римской империи и назвал град Константинополем, прежняя столица стала прозываться Ветхим (старым) Римом, а Константинополь – Римом Новым. Между двумя Римами сразу возникло соперничество, которое уже с IV века стало усиливаться вероисповедными разногласиями, достигшими предельного напряжения к X веку (а в 1054 году произошел окончательный раскол).

Русская православная историософия стала развиваться со времени Крещения Руси в конце X века. Крещение было принято от Нового Рима – Константинополя, однако изначально св. равноапостольный креститель Руси Владимир, как и ранее принявшая и насаждавшая Крещение святая равноапостольная Ольга, утверждали, по крайней мере, равное государственное и духовное достоинство Руси относительно Константинополя. Так на Руси стало складываться представление о своем – Третьем Риме.

В главных городах – Киеве, Новгороде, Полоцке уже в XI веке воздвигаются кафедральные храмы во имя Софии Премудрости Божией. Эти храмы символически выражают суть православной историософии – почитание Премудрого Промысла Божьего, осуществляемого в бытии тварного мира. Они создавались по образу Софийского собора в Константинополе – главного храма Нового или Второго Рима. В Новгороде, по свидетельству Новгородской Третьей летописи, первый Софийский собор о тринадцати верхах был воздвигнут в 989 году сразу после Крещения: «Постави владыка епископ Иоаким первую церковь деревяную дубовую Святыя Софии <…>» [4, с. 173]. Затем он был заменен сохра-

нившимся до наших дней каменным храмом: «В лето 6553 [1045]. Заложи великий князь Владимир Ярославич, а внукъ великого князя Владимира Киевскаго и всея России, крестившаго Рускую землю, в Великом Новеграде церковь каменную Святыя Софии, при второмъ епископе Луки; а делали ю семь лет и устроиша велми прекрасну и превелику <…>» [4, с. 181].

Софийная символика, составлявшая основу православной историософии, связывала образы православного Нового Рима (Второго, а затем и Третьего) и Нового (Небесного) Иерусалима: «художественное» миростроительство Софии Премудрости Божией (то есть Христа, в православном понимании) предполагает становление земной христианской державы – Нового Города (православного Рима), призванного после Первого Пришествия Христа и под покровом Его власти хранить верные Богу народы; а затем, в итоге Второго Пришествия Христа, этот Новый Рим должен смениться Новым Иерусалимом, в котором верные Богу народы будут царствовать вечно, и который уже предсуществует в своем духовном потустороннем бытии.

Уверенность Руси в своем «римском» и софийном достоинстве подпитывалась чередой красноречивых «случайностей» и осознанных поступков выдающихся представителей народа. Так, еще прежде, чем св. Владимир Креститель принял из Византии для Руси Православие, отвергнув католичество и прочие верования, св. просветители Кирилл и Мефодий способствовали созданию священного церковнославянского языка, приняв за его основу речь византийских (солунских) славян, которые сознавали себя истинными «ромеями» («римлянами») [12, с. 35.]. Так что впоследствии Русь стала основным оплотом славяно-«ромейского» церковного языка. Стихия родного языка укрепляла народ в осознании вселенского значения Рима именно в его славяно-русском проявлении, ведь именно по-славянски «Рим» в обратном чтении звучит как «Мир». Выражение «Рим – весь мир» приписывали на Руси апостолу Павлу, крестителю Рима [7, с. 452, 738]. Уже в «Слове о законе и благодати» митрополита Иллариона (середина XI века) Русь, подобно Риму, предстает неким средоточием всего мира: она «ведома и слышима есть всеми четырьми конци земли» [8, с. 591].

В Херсонесе, где крестился св. Владимир в 988 году, те же святые Кирилл и Мефодий ранее чудесным образом обрели мощи священномученика Климента, папы Римского (I век), знаменитого ученика и сподвижника апостолов Петра и Павла. Св. Климент был посвящен апостолом

Петром во епископы Рима. И вот этот преемник апостола Петра завершает жизненный путь в Херсонесе (Корсуни), где и начинается Крещение Руси, причем часть мощей св. Климента, обретенных просветителями славян Кириллом и Мефодием, отправляется в Рим, а часть (включая и главу) остается в Херсонесе и потом св. Владимир забирает их в Киев и полагает в Десятинной Церкви.

Другой древний источник русского Православия, Новгород, получил первого епископа из Херсонеса, и поскольку Православие еще в апостольские времена пришло в Херсонес благодаря св. Клименту, то и в Новгороде в древнейшие времена был построен храм во имя этого римского папы, ознаменовавшего своей судьбою перенос на Русь римского первоверховного, «Петровского», апостольского достоинства.

Значимым для укрепления новоримского духа в Новгороде стало чудесно совершившееся в начале XII века появление там преподобного Антония Римлянина. Согласно житию этого святого, Бог Своей силой и волей перенес его на камне из Первого Рима, уже угнетавшего Православие, не во Второй Рим (византийский, православный – Константинополь), а прямо в Новгород – начаток русского Третьего Рима.

Пережив в XII – XIII веках ряд сокрушительных падений, Киев утратил историософское значение, и главной столицей Третьего Рима в XIII – XIV веках стал Новгород, который, впрочем, уже в течение XIV века начал постепенно передавать свое духовное и государственное достоинство Москве.

Именно на пике этого сложного, исполненного противоречий этапа становления единой православной Руси к архипастырскому служению в Новгороде был призван святитель Василий Калика, выходец из простого белого духовенства. Необычность призвания и всего последующего служения святого была по достоинству оценена и глубоко осмыслена спустя полтора века после его кончины в одном из самых поразительных и прославленных древнерусских сочинений – «Повести о белом клобуке». Со свойственной всем значительным православным древнерусским произведениям установкой на достоверность в этой повести рассказывается о таинственном Божием благословении святителя Василия на дело всей его жизни – на утверждение Руси как единой вселенской православной державы. Изрекается сие в видении патриарху константинопольскому Филофею устами папы римского Сильвестра: «Филофей, оставь помышления носить на своей голове белый клобук. Если бы Господь

наш Иисус Христос соизволил этому быть, то это случилось бы раньше и произошло бы при создании этого города. Но древле уже, по явлению света Господня, сошедшего с небес, и Божьего гласа, ко мне обращенного, был вразумляем я и постиг предстоящую нам латинскую ересь и то, что наступит в Риме отпадение от веры. И оттого не захотел я на голове своей носить святого того клобука и так же заповедал всем после меня. И в этом царствующем ныне граде Константина через какое-то время станут господствовать мусульмане за умножение грехов человеческих, и они все святыни осквернят и уничтожат, как было это предсказано еще и при создании города. Ибо древний Рим отпал от христианской веры по гордости и своевольству, в новом же Риме – в Константинограде, притеснением мусульманским христианская вера погибнет также. И только в третьем Риме, то есть на Русской земле, благодать святого духа воссияет. Так знай же, Филофей, что все христианские царства придут к своему концу и сойдутся в едином царстве русском на благо всего Православия. Ибо в древние годы повелением земного царя Константина от этого царствующего града царский венец дан был русскому царю (дар Константина Мономаха Владимиру Мономаху – А.М.). Белый же этот клобук изволением небесного царя Христа ныне дан будет архиепископу Великого Новгорода. И насколько этот венец достойней того, потому что одновременно он есть и архангельской степени царский венец и духовной. Так что и ты не медли, этот святой клобук пошли в Русскую землю в Великий Новгород при первом же появлении святого ангела; и словам моим верь» [9].

Святитель Василий утверждал всерусское единство, между прочим, прообразовательно примиряя внутреннюю новгородскую вражду между Софийской и Торговой сторонами. Ведь Новгород и был духовным и государственным сердцем всей Руси, истоком русской государственности. Он примирял новгородцев и неоднократно восстанавливая на свои средства порушенный непогодой волховский мост. Эти дела, как и все в его жизни, были глубоко символичны. Точно также он наводил мосты единения между Новгородом и соседними, часто враждебными княжествами, среди которых особое место занимала стремительно растущая Москва. Он умел договариваться с могущественными московскими князьями – Иваном Калитой и Симеоном Гордым. Он смиренно подчинялся им в частностях мирского управления, но при этом утверждал духовное первенство и превосходство Новгорода в устроении всерусского православного единства.

Символикой градостроения, иконными образами (ибо был иконописцем), художественным словом и богословием Святитель Василий неустанно утверждал русскую православную историософию.

Совершив хождение в Иерусалим, он по возвращении решил перестроить владычный двор новгородского кремля, символически подчеркивая в нем отблески земного Рая и грядущего Нового Иерусалима. Средоточием этой перестройки стал второй после Софийского собора каменный храм кремля, возведенный по повелению владыки в 1336 году и посвященный Входу Господнему в Иерусалим. В понимании Василия Новгород как Новый Рим заменяет собою старый Иерусалим и становится преддверием Нового Иерусалима – вечного Царствия Божьего. По Втором Пришествии Христа, согласно Откровению Иоанна Богослова, на землю должен спуститься «Святый город Иерусалим, новый сходящий от Бога с неба» (Отк. 21:2). В свете историософии святителя Василия этот Новый Иерусалим может спуститься в самое сердце сохранившегося православного Третьего Рима – в Новгород, за его основную крепость (кремль) к Софийскому собору, у южной стены которого в направлении пути из варяг в греки (в Константинополь) был воздвигнут святителем храм Входа Господнего в Иерусалим, символически – Входа уже не в старый, а в Новый Иерусалим, грядущий по Втором Пришествии.

Чтобы образно прояснить чаемое именно в Новгороде движение Христа как Софии Премудрости Божией в Новый Иерусалим по Втором Своем Пришествии, владыка Василий в том же 1336 году устроил медные позолоченные («Полуденные», «Златые», «Васильевские») врата Софийского собора, обращенные от южной Мартириевской паперти к близпоставленному Входоиерусалимскому храму. Однако чтобы предупредить возможные магические искушения при таком чаянии, например, характерное для ересей смешение грядущего Нового Иерусалима с Ветхим земным Иерусалимом (равно как и смешение созданного Богом земного рая с новым рукотворным человеческим раем на земле) – святитель Василий поместил на вратах изображение пророка божественной Премудрости и творца первого иерусалимского храма – Соломона. Причем изображен Соломон не в расцвете славы и величия, а во время величайшего унижения, когда, согласно преданиям, впавшего в магию царя поймал в ловушку гордости демонический кентавр Китоврас и, поймав, вознамерился закинуть на край света, именуемый в надписи под изображением, «землей обетованной»: «Китоврас мече(т) братом своим Соломоном на Обетованную землю за слово» (за надменное самовосхва-

ление, величание перед Кентавром). Согласно преданиям, использованным святителем Василием, Китоврас был неким магическим двойником и «братом» Соломона, помогавшим строить храм – главную святыню Иерусалима, и таким образом, в сложной историософии Василия Калики Ветхий земной Иерусалим обретает, хотя и привлекательный, но все-таки опасный, настораживающий облик.

Православная историософия перехода из земного Нового Града (Нового – *Новогородского* – Рима) в Вечный Новый Иерусалим глубоко выражена Василием Каликой в послании тверскому владыке Феодору «О Рае» (1347). Опираясь на свидетельства Священного Писания и церковного предания, Василий доказывает, что существует не только духовный небесный Рай, предназначенный для пребывания душ праведных людей в ожидании Второго Пришествия Христа и Страшного Суда, но и Рай земной, овеществленный, созданный изначально Богом и после изгнания падших первых людей сокрытый от непосвященных взоров, но открытый для вхождения в него особо избранных праведников. В свои богословские рассуждения владыка в порядке их подтверждения ввел живописное повествование, основанное на рассказах современников-новгородцев о случайном обнаружении ими земного Рая и о безвозвратном уходе двоих из них в этот Рай. Это осмысление возможностей и условий перехода из земного временного мира (Нового Рима, Новгорода) в потусторонний вечный (Новый Иерусалим) отразилось в глубокомысленной и многозначной общерусской поговорке: «Новгородский рай нашел» [2, с. 167; 6, с. 533]. В понимании святителя Василия именно из новгородского Нового Рима как преддверия Нового Иерусалима выходят достойные люди, сподобляющиеся достичь земного рая и даже попасть в него.

Новгородская историософия учит: есть Новый православный державный Град на земле, и в нем удобно спасаться верным Богу людям, ожидая естественного завершения земной жизни и перехода в вечный Новый Град – Небесный Иерусалим. Причем этот Новый Иерусалим спустится к конце времен на русскую землю, замещая Новый, Третий Рим. Обустраивая Третий Русский Рим, уже здесь, во времени, нечувствительно и таинственно оказываешься жителем Нового Иерусалима. В этом убеждает великого князя Московского Василия III псковский (новгородский в широком смысле) старец Филофей (и убеждает, видимо, не без влияния преданий о деятельности Василия Калики: «Да аще добро устроиши свое царство – будеши сынъ света и гражданинъ вышняго Иерусалима…» [7, с. 440].

С окончательной отчетливостью представления о русском Третьем Риме и его новой столице – Москве – изложил именно псковский старец Филофей в посланиях к великому князю Василию III и дьяку Мунехину (1510-е – 20-е годы): «Стараго убо Рима Церкви падеся неверием аполинариевы ереси, Втораго Рима, Константинова града Церкви, агаряне внуце секирами и оскордъми рассекоша двери. Сиа же ныне Триаго, Новаго Рима, дръжавнаго твоего царствия святая соборная апостольская Церкви, иж в концых вселенныа в православной христианьстей вере во всей поднебесней паче солнца светится. <…> блюди и внемли, благочестивый царю, яко вся христианская царьства снидошас в твое едино, яко два Рима падоша, а Третей стоит, а Четвертому не быти» [7, с. 436, 440].

Бесконечно спорят: что раньше написано – послания Филофея или «Повесть о белом клобуке». Однако очевидно, что осмысленная в «Повести о белом клобуке» деятельность святителя Василия совершилась задолго до старца Филофея. Сама повесть о клобуке, как явствует из ее содержания, написана до посланий старца Филофея – по заданию святителя Геннадия Новгородского на рубеже XV – XVI веков при разыскании новых, уже римских источников в подтверждение новгородских преданий об удивительной истории дарения Василию Калике из Рима через Константинополь благодатного белого клобука, созданного святым императором Константином Великим для крестившего его святого папы Сильвестра.

Римское державное самосознание Новгорода на рубеже XV – XVI веков было унаследовано Москвой, как и предначертал то своей деятельностью святитель Василий Калика. После посланий старца Филофея в том же XVI веке посланцы Новгорода священник Сильвестр (творец «Домостроя») и преподобный Макарий (архиепископ Новгородский, с 1542 – митрополит Московский, венчавший на царство Иоанна Грозного) усиленно воспитывали Москву, а через нее и всю новую объединенную Россию, в новгородском державно-римском православном духе. Распространение права ношения белого клобука на московских митрополитов после святителя Макария было закреплено соборной грамотой 1564 года.

Литература

1. *Аверинцев С.С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977.
2. *Буслаев Ф.* Русская хрестоматия. М., 1888.
3. Знамения пришествия антихриста, по учению Священного Писания и толкованиям святых отцев и учителей Церкви... М., 1912.
4. Летописец новгородский вкратце церквам Божиим… [Новгородская Третья летопись] // Новгородские летописи, изданные Археографической комиссией. СПб., 1879.
5. *Малинин В.* Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901.
6. Памятники литературы Древней Руси: XIV – середина XV века. М., 1981.
7. Памятники литературы древней Руси: Конец XV – первая половина XVI в. М., 1984.
8. Памятники литературы Древней Руси: XVII в. Кн. 3. М., 1994.
9. Повесть о новгородском белом клобуке [в переводе на современный русский]. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.studfiles.ru/preview/5021457/ (Дата обращения: 12.04.2019)
10. Россия перед Вторым Пришествием: (Материалы к очерку русской эсхатологии). М., 1994.
11. Толковая Библия, или комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета. Т. 2. СПб., 1908 – 1913.
12. *Хабургаев Г.А.* Первые столетия славянской письменной культуры: Истоки древнерусской книжности. М., 1994.

А.Н. Фукс
доктор исторических наук, профессор,
директор Историко-филологического института
Московского государственного областного университета
Москва (Россия)
E-mail: anfyks20@yandex.ru

В.В. Ковригин
кандидат педагогических наук, доцент,
докторант кафедры методики преподавания
истории, политологии и права
Московского государственного областного университета
Москва (Россия)

Формирование патриотического сознания школьников при изучении Великой Отечественной войны

Аннотация. Статья посвящена проблемам формирования патриотизма на уроках истории. Важнейшей проблемой сегодня становится фальсификация исторических истин в школьных учебниках истории, изданных в России после распада СССР. Рассмотрены основные причины и направления фальсификации истории Великой Отечественной войны в исторической науке и школьных учебниках.

Ключевые слова: формирование патриотизма, фальфификация истории; школьный учебник; Великая Отечественная война; историческая истина; преподавание истории.

Alexander N. Fuks
DSc in History, Professor,
Head of Historic-Philological Institute of
Moscow State Regional University
Moscow (Russia)
E-mail: anfyks20@yandex.ru

Vadim V. Kovrigin
PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Moscow State Regional University
Moscow (Russia)

The formation of Patriotic consciousness of students in the study of the great Patriotic war

Abstract. The article is devoted to the problems of formation of patriotism in history lessons. The most important problem today is the falsification of historical truths in school history textbooks published in Russia after the collapse of the USSR. The main reasons and directions of falsification of the history of the great Patriotic war in historical science and school textbooks are considered.

Keywords: formation of patriotism, falsification of history; school textbook; the Great Patriotic war; historical truth; teaching history.

История – предмет, имеющий важнейшее воспитательное значение. Подвиги героев Великой Отечественной войны для школьников – прекрасные пример служения Отечеству, Родине. Рассказы о величии Победы для учащихся вызывают чувство гордости и формируют патриотов страны. Вместе с тем, в последнее время в историографии и школьеых учебниках наметилась тенденция пересотра некоторых страниц истории войны.

Руководство нашей страны в последнее время пытается активно противодействовать этому явлению. Так, 19 мая 2009 года Президент России Дмитрий Медведев подписал Указ № 549 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России». Спустя четыре года комиссия прекратила своё существование, однако вопросы, поднятые ею, актуальны до сих пор. Рассмотрим основные попытки фальсификации истории Великой Отечественной войны в исторической науке и отношение к этому авторов школьных учебников по отечественной истории.

Ещё в 90-е гг. ушедшего столетия особой критике подверглась деятельность И.В. Сталина. Однако очень часто, как отмечает историк и публицист Ю.А. Поляков, «начав с вскрытия ошибок Сталина, критики перешли к разносу всего и вся, что касалось войны как Отечественной, армии, доказавшей способность оправиться от тяжких ударов, народа, поднявшегося в патриотическом порыве, проявившего стойкость и мужество» [16, с. 136].

К заметным отрицательным последствиям привело резкое уменьшение объемов финансирования научных изысканий. На этом фоне большую финансовую поддержку западных фондов получили издания книг, представляющих радикальное крыло отечественной историографии войны. Радикальное направление исторической науки последнего десятилетия XX века представлено такими историками, как В.А. Суворов-Резун, В.В. Бешанов, Ж.А. Медведев, Б.В. Соколов, отчасти Ю.Н. Афанасьев и др.

Фальсификация истории Второй мировой войны в то время носила открытый характер. Весьма популярной стала концепция ответственности СССР наряду с Германией за развязывание войны. Автор книг «Ледокол» и «Аквариум» В.Б. Суворов-Резун на основе анализа документов советско-германских отношений делает вывод о якобы готовившейся И.В. Сталиным превентивной войне против Германии. Среди основных аргументов В.Б. Суворов-Резун приводит перегруппировку советских войск и резкое увеличение их численности на западном фронте, что, якобы, свидетельствует о подготовке И.В. Сталиным захватнической войны.

Весьма популярной задачей историков радикального направления стало «развенчание мифов» советской науки. Так, специалисты по военной истории А.Н. Мерцалов и Л.А. Мерцалова отмечают: «Изъяны нашей литературы особенно ярко проявились в оценке Жукова… Жукову приписали все победы, Сталину – поражения, назвав первого «главнокомандующим крупнейшей армией и победителем вермахта». Его жестокость и самовластье, «трофейную кампанию» при этом проигнорировали» [13, с. 151-152]. Можно отметить также многочисленные попытки дегероизации подвигов Зои Космодемьянской, Александра Матросова, Николая Гастелло, панфиловцев.

Анализируя сущность противостояния в войне, радикальное направление отечественной науки выдвигает концепцию противоборства двух тоталитарных систем – фашизма и коммунизма. Ю.Н. Афанасьев по этому поводу писал: «Отечественная война – всего лишь сталинская версия, на самом деле это была схватка двух тиранов… Сталин готовился к войне наступательной, агрессивной…» [2, с. 28]. Наиболее последовательные представители радикального направления подвергали критике концепцию войны 1941 – 1945 гг. для СССР как отечественной, освободительной.

Школьный учебник – особый историографический феномен, главная отличительная черта которого в представлении отобранных востребованных обществом, участниками образовательного процесса и государством научных концепций. Именно поэтому фальсификация исторических истин в нём проявляется наименее явно. Однако, вначале 90-х гг. на государственном уровне был провозглашен тезис о «деидеологизации» исторического образования, что, по сути, является «идеологизацией наизнанку» направленной на разрыв преемственности культурно-исторического процесса, уничтожение национальных традиций, историческое беспамятство и воспитание подрастающего поколения в

антипатриотическом духе. Историческая память, прежде всего, память о Великой Отечественной войне – это то, что объединяет и консолидирует все российское общество независимо от национальной, конфессиональной принадлежности и политических взглядов. И это как нельзя лучше понимали и понимают фальсификаторы российской истории. К примеру, в учебнике Л.И. Жаровой, И.А. Мишиной «История России. 20 век» для 9 класса, попавшей мне (А.Н. Фукс) на рецензирование и редактирование в рамках работы в ФЭС Министерства образования РФ, тема, посвященная Великой Отечественной войне, первоначально называлась «Участие СССР во второй мировой войне». Подобная формулировка не нуждается в комментариях.

Также одной из наиболее популярных направлений фальсификации истории в учебниках, изданных в 90-е гг. – попытка приписать И.В. Сталину, наряду с А.Гитлером, ответственность за развязывание войны. Так, автор широко использовавшегося в школах первой половины 90-х гг. учебника всеобщей истории А.А. Кредер отмечает прямую связь между заключением пакта Молотова-Риббентропа вкупе с секретными приложениями к нему и началом Второй мировой войны: «… Сталин … превратил СССР в соучастника очередной перекройки карты Восточной Европы. Непосредственным итогом подписания этих документов стало принятие Гитлером окончательного решения напасть на Польшу» [10, с. 156-157]. Необходимо отметить, что первое издание учебника А.А. Кредера было осуществлено при поддержке фонда Дж. Сороса «Открытая Россия».

Авторы учебников, изданных после 2000 года, отказались от приписывания И.В. Сталину ответственности за развязывание войны. Во всех учебниках также представлен учебный материал о содержании пакта о ненападении и секретных приложений к нему. Однако его оценки заметно более однозначны: подписание пакта и секретных приложений стало для СССР неизбежным шагом и дало возможность Советскому Союзу выиграть время, а также избежать войны на два фронта [1, с. 177; 6, с. 185; 8, с. 146]. В некоторых учебниках приводятся сюжеты о разных взглядах ученых-историков на проблему целей заключения и сущности советско-германского договора, однако акцент сделан на вынужденном и необходимом для СССР характере его подписания [9, с. 210-211; 17, с. 140]. Ни в одном современном учебнике истории не высказан тезис о связи между заключением пакта о ненападении и началом Второй мировой войны.

Таким образом, в оценке предвоенной политики западных держав отечественные учебники, изданные после крушения «железного занавеса», не разделяют концепции взаимной ответственности Германии и западных капиталистических государств за развязывание войны, что было характерно для учебников советской эпохи. Данный факт подтверждается также тем, что авторы российских учебников отказались от трактовки причин войны как противоречий империализма и борьбы империалистических государств за мировое господство. С другой стороны, среди авторов российских учебных книг не находит широкой поддержки концепция ответственности Советского Союза наряду с фашистской Германией за начало войны, выдвинутая радикальным крылом отечественной исторической науки. Исключение составляет учебник А.А. Кредера.

Вопрос о роли И.В. Сталина в войне в отечественных учебниках конца XX – начала XXI вв. освещается весьма противоречиво. Большинство авторов учебных книг по истории отмечают просчеты Верховного Главнокомандующего, его недоверие к донесениям разведки о точной дате нападения [15, с. 232], а также массовые сталинские «чистки» командующего состава Красной армии, нанесшие серьезный урон боеспособности [11, с. 267; 15, с. 229]. В учебниках последних десятилетий трактовка причин поражений советской армии на начальном этапе войны практически не изменилась. Однако некоторые авторы учебных книг основной причиной неудачного для советских войск исхода первых месяцев войны объясняют, прежде всего, фактором внезапности [4, с. 191]. Ни в одном учебнике не приводятся аргументы в пользу концепции ответственности военного руководства страны за поражения на начальном этапе, выдвинутой в российской науке А.Н. Мерцаловым и Л.А. Мерцаловой.

Отечественные учебники постсоветской эпохи отказались от концепции сущности противостояния в войне как противоборства идеологий и общественно-политических систем. Ни один автор российского учебника не противопоставляет коммунистический и капиталистический общественно-политический строй.

В учебниках 90-х гг. дается высокая оценка роли поставок по ленд-лизу в победном исходе войны на восточном театре военных действий [7, с. 216; 10, с. 175; 15, с. 241]. Многие авторы приводят статистику, объясняя особое значение поставок военной техники и продовольствия. Однако «хвалебные» оценки роли ленд-лиза для советской армии в учебниках последних лет несколько изменились. Авторы многих российских

учебников 2000-х гг. отмечают нерегулярный характер поставок, а также их незначительный объем [9, с. 243; 18, с. 232]. В учебнике авторского коллектива под руководством Л.Н. Алексашкиной ленд-лиз трактуется как «средство политического давления на союзные страны» со стороны США [1, с. 188].

В определении значения восточного и западного театра военных действий большинство авторов российских учебников не противоречат советским, отмечая особую значимость событий на советско-германском фронте. В соответствии с этим тезисом коренной перелом во Второй мировой войне локализуется событиями конца 1942 – 1943 гг. на восточном фронте. Однако в некоторых учебных книгах, в большинстве случаев изданных в 1990-е гг., подчеркивается тот факт, что коренной перелом состоялся в том числе и благодаря действию союзных войск (сражение у атолла Мидуэй, контрнаступление английских войск в Северной Африке в 1942 г., военные действия в Атлантике) [10, с. 176-178; 14, с. 81-84; 15, с. 255-256].

Определяющая роль восточного фронта в войне обнаруживается также при проведении контент-анализа учебников, направленного на расчет соотношения материала о событиях на восточном фронте и других театрах военных действий в разделе о событиях 1939–1945 гг. Следует отметить, что особенностью школьного курса истории в России является его разделение на две учебные дисциплины – отечественную и всеобщую историю. В связи с этим в качестве источниковой базы необходимо предусмотреть равное количество учебников по отечественной и всеобщей истории. Единица контент-анализа – объём учебного матриала о событиях войны на разных фронтах в учебниках. Объектом исследования выступили 22 учебника, широко использовавшихся в практике преподавания отечественных школ последних 25 лет. По данным контент-анализа, в учебниках 1990-х гг. 63 % объема раздела о Второй мировой войне посвящается событиям Великой Отечественной войны. В учебных книгах последнего десятилетия соотношение еще более увеличивается в пользу материала о событиях на советско-германском фронте – до 71 %.

Анализ отечественных учебников, изданных в 1990-е – 2000-е гг., дает основание сделать вывод о том, что в содержании школьного исторического образования не нашла напрямую отражения ни одна концепция радикального направления отечественной исторической науки (концепция взаимной ответственности Германии, Италии, Японии и СССР за начало войны, концепция противоборства тоталитарных систем в войне

и т.п.). И тем не менее в учебниках 90-х гг. явно наблюдался тренд на снижение воспитательного потенциала материала по истории Великой Отечественной войны.

Президент В.В. Путин неоднократно отмечал, что ложь о Великой Отечественной войне и фальсификация ее истории приняли беспрецедентный характер. На прошедшем в апреле 2016 г. III Всероссийском съезде учителей истории и обществознания С.Е. Нарышкин Председатель Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, Председатель Российского исторического общества особое внимание обратил на угрозу исторических фальсификаций и манипуляций. Говоря о современных «недобросовестных» политиках на Украине С.Е. Нарышкин сказал, что «…они воюют с собственным прошлым…», «…а народ Украины заставляют полюбить предателей и палачей». Он назвал обнародованную польским институтом национальной истории программу сноса 500 памятников советским воинам «…возмутительной, циничной и безнравственной…». С.Е. Нарышкин призвал жёстко реагировать на такие решения.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что содержание школьной истории, ее воспитательный потенциал, обеспечивающий формирование мировоззрения подрастающего поколения, становится ключевым направлением в идеологическом обеспечении национальной безопасности нашего государства. В идеологической войне, продиктованной внешними вызовами и угрозами, жесткая критика лжи о героическом подвиге советского народа в годы Великой Отечественной войны становится необходимым условием по решению задачи формирования у школьников любви к Отечеству и гордости за ее героическую историю.

Благодаря активизации роли государства в определении содержания школьного исторического образования многие негативные тенденции 90-х гг. прошлого столетия удалось преодолеть. Освещение истории Великой Отечественной войны в школьных учебниках последних лет больше направлено на реализацию воспитательной функции исторической науки [5, 6, 12].

Литература

1. *Алексашкина Л.Н.* Россия и мир в XX веке: учеб. для 11 кл. общеобразоват. учреждений / Л.Н. Алексашкина, А.А. Данилов, Л.Г. Косулина. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 2006.

2. *Афанасьев Ю.Н.* Другая война 1939 – 1945 гг. – М.: РГГУ, 1996.
3. Волобуев О.В. Всеобщая история XX – начала XXI вв. – М.: Русское слово, 2015.
4. *Волобуев О.В.* и др. история России. XX век: Учеб. для 9 кл. общеобразоват. учебных заведений. – М.: Дрофа, 2001.
5. *Волобуев О.В.* История России ЧЧ – начала XXI вв. для учащихся 9 класса. – М.: Русское слово, 2015.
6. *Данилов А.А., Арсентьев Н.М.* История России XX – начала XXI вв. – М: АСТ, 2016.
7. *Данилов А.А., Косулина Л.Г.* История России, XX век: Учеб. пособие для 9 кл. общеобразоват. учреждений. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 1996.
8. *Загладин Н.В.* Всемирная история: XX век: 11 класс. – 4-е изд. – М.: ООО «ТИД «Русское слово – РС», 2002.
9. *Загладин Н.В., Минаков С.Т., Козленко С.И., Петров Ю.А.* История Отечества. XX – начало XXI века: Учебник для 11 класса средних общеобразовательных учебных заведений. – 2-е изд. – М.: «ТИД «Русское слово – РС», 2004.
10. *Кредер А.А.* Новейшая история зарубежных стран. 1914 – 1997: Учебник для 9 класса основной школы. – 2-е изд., доп. и исправ. – М.: ЦГО, 1999.
11. *Левандовский, А.А., Щетинов, Ю.А.* Россия в XX веке: Учеб. для 10 – 11 кл. общеобразоват учреждений. – М.: Просвещение, 1997.
12. *Ляшенко Л.М., Волобуев О.В.* История России и мира XX – начала XXI вв. – М: Русское слово, 2015.
13. *Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А.* Отечественная историография Второй мировой войны: Некоторые итоги и проблемы // Вопросы истории. – 1996. – № 9. – С. 145.
14. Новейшая история зарубежных стран. XX век: Пособие для учащихся 10 – 11 классов общеобразоват. учебных заведений / Под ред. А.М. Родригеса: В 2 ч. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001.
15. *Островский В.П., Уткин А.И.* История России. XX век. 11 кл.: Учеб. для общеобразоват. учеб. заведений. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Дрофа, 1999.
16. *Поляков Ю.А.* Историческая наука: люди и проблемы. Книга 2. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004.
17. *Сороко-Цюпа О.С.* Новейшая история зарубежных стран, XX – начало XXI века: Учеб. для 9 кл. общеобразоват. учреждений. – 5-е изд. – М.: Просвещение, 2003.
18. *Шестаков В.А.* История Отечества, XX век: Учеб. для 9 кл. общеобразоват. учреждений. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 2001

Giuseppe Astuto
*PhD, Professor of the
University of Catania
Italy*

La Russia, l'Italia e il Mediterraneo
Dalla fine del Settecento alla Prima guerra mondiale

Abstract. In questo contributo l'analisi si incentra sul ruolo della Russia e dell'Italia nel Mediterraneo. La Russia inizia questa politica alla fine del Settecento, quando le principali potenze, di fronte alla crisi dell'Impero ottomano, cercano di stabilire nuovi equilibri in questo mare. Secondo l'autore, per la Russia lo sbocco sui mari caldi risponde a ragioni di ordine economico e militare, strettamente legate a fattori geografici. A partire da questo momento il controllo del Mar Nero e degli Stretti diventa il punto principale della politica estera russa.
In parte analoga è la situazione dell'Italia che, con il raggiungimento dell'unificazione, per la sua posizione geografica si proietta all'interno del Mediterraneo. Per tali ragioni il nuovo Stato, che non vanta delle solide strutture statali e non possiede un forte apparato militare, deve fare ricorso ai vari sistemi di alleanza per acquisire delle posizioni di forza. All'interno di questo quadro, l'autore colloca i rapporti italo-russi fino alla Prima guerra mondiale.
In questo periodo si alternano diverse fasi. La Russia, favorevole all'unificazione italiana a seguito del mancato appoggio austriaco nella guerra di Crimea, si sposta gradualmente sulle posizioni delle potenze conservatrici. Dopo l'apertura del canale di Suez, il grande Impero russo avverte la necessità di una sua presenza nel Mediterraneo. A questo punto le sue alleanze cominciano a oscillare, accettando alla fine di far parte delle potenze dell'Intesa. In questo percorso si perfeziona anche l'alleanza con l'Italia, perfezionata nel 1909 con il Trattato di Racconigi. Infine, Italia e Russia, al momento dello scoppio della Prima guerra mondiale si troveranno sullo stesso fronte per il controllo dei Balcani e del Mediterraneo.

Parole chiave: Italia, Russia, Mediterraneo, politica estera, Impero ottomano, Europa.

Russia, Italy and the Mediterranean
From the Late Eighteenth Century to the First World War

Abstract. In this contribution the analysis focuses on the role of Russia and Italy in the Mediterranean. Russia began this policy at the end of the eighteenth century, when the main powers, facing the crisis of the Ottoman Empire, tried to establish new

balances in this sea. According to the author, for Russia the outlet to the warm seas meets economic and military reasons, closely linked to geographical factors. From this moment on, the control of the Black Sea and the Straits became the main point of Russian foreign policy.
The situation in Italy is partly similar, which, with the achievement of unification, is projected within the Mediterranean due to its geographical position. For these reasons the new State, which does not boast of solid state structures and does not have a strong military apparatus, must resort to the various alliance systems to acquire positions of strength. Within this framework, the author places Italian-Russian relations until the First World War.
In this period different phases alternate. Russia, in favor of Italian unification following the lack of Austrian support in the Crimean war, gradually shifts to the positions of conservative powers. After the opening of the Suez Canal, the great Russian Empire feels the need for its presence in the Mediterranean. At this point his alliances begin to oscillate, accepting in the end to be part of the Entente powers. In this path the alliance with Italy is perfected in 1909 with the Treaty of Racconigi. Finally, Italy and Russia, at the time of the outbreak of the First World War, will find themselves on the same front for the control of the Balkans and the Mediterranean.

Keywords: Italy, Russia, Mediterranean, Foreign Policy, Ottoman Empire, Europe.

La Russia, l'Italia e il Mediterraneo
Dalla fine del Settecento alla Prima guerra mondiale

Quando la Russia fosse padrona di Costantinopoli, lo sarebbe altresì del Mediterraneo, poiché diventerebbe dominatrice assoluta del più gran mare realmente mediterraneo che esista sul globo, cioè del Mar Nero. Il Mar Nero diventerebbe allora un vero lago russo […]. Diverrebbe in poco tempo il più grande arsenale del mondo, un arsenale al quale non potrebbero forse resistere tutte le altre potenze mediterranee.

Camillo Cavour, il 6 febbraio 1855 nel suo discorso alla Camera dei deputati, così giustifica l'intervento del Piemonte nella guerra di Crimea a fianco della Francia e dell'Inghilterra contro la Russia. Individua alcuni tratti dello scontro tra le grandi potenze per il controllo del Mediterraneo, al quale si aggiungono la Russia, ormai orientata in tale direzione a partire dalla fine del Settecento durante il regno di Caterina II, e l'Italia, dopo il compimento del processo unitario. Inizio la relazione dal ruolo svolto dall'Impero russo.

Per questo Paese uno sbocco sui mari caldi, come il Mediterraneo, risponde a due ragioni fondamentali. La prima è di ordine commerciale, poiché le acque dei porti del Baltico e del Mar Bianco, congelando nei mesi invernali, impediscono l’attracco alle navi. La seconda è invece di ordine militare. La crescita dell’importanza della Russia nel contesto internazionale la obbliga all’incremento della propria capacità di proiezione verso l’estero. La presenza della flotta del Mar Nero, pertanto, costituisce un fondamentale tassello.

La giusta contestualizzazione di questi elementi abbisogna ancora una volta del ricorso ai fattori geografici. Il Mar Nero è un bacino chiuso, collegato al Mediterraneo dagli stretti del Bosforo e dei Dardanelli. Per tale ragione, il controllo delle coste del Mar Nero non basta per assicurare alle flotte russe, mercantili e soprattutto militari, il passaggio sicuro attraverso questi stretti, il quale diventa una necessità imperativa per la politica estera di Pietroburgo. Dal secolo XVIII in poi tale questione rappresenterà uno degli elementi di maggior contrasto tra la Russia e le altre potenze occidentali.

Proprio nel corso del Settecento si delinea un nuovo interesse delle potenze europee per il Mediterraneo che culmina nella presenza attiva dell’Inghilterra e nel conflitto tra questa e le forze tradizionali che vi agiscono: la Francia, la Spagna (in netto declino) e la Turchia (anch’essa entrata in una fase di declino). Al tradizionale duello franco-spagnolo si sostituisce quello franco-inglese, più netto dal momento che la Spagna, trovandosi sotto una dinastia borbonica, è legata alla politica francese. Sullo sfondo di questa contesa, appare una forza nuova, destinata a diventare parte essenziale nella contesa mediterranea. Proprio nella seconda metà del Settecento, la Russia di Caterina II (1762-1796) si muove verso il sud, verso il Mar Nero, Costantinopoli e gli Stretti.

La Russia, dopo aver fomentato ribellioni in Crimea, Morea e Georgia, provoca nel 1768 l’ennesima guerra contro i Turchi. Per la prima volta la flotta russa penetra nel Mediterraneo e sbarca delle truppe in Grecia e in Libano. L’intervento termina con il Trattato di Küçük Kanynanca, siglato nel 1774, con il quale Caterina II ottiene l’accesso al Mar Nero tramite il porto di Kherson, il controllo dello stretto di Kerč’ e il vassallaggio sul Khanato di Crimea (annesso poi nel 1783). Alla Russia, soprattutto, si riconosce il diritto di passaggio (per le navi non armate) del Bosforo e dei Dardanelli, i noti Stretti. Si apre, per la prima volta, ‘la questione degli Stretti’ che, nell’ambito della più vasta ‘questione orientale’, caratterizzerà i conflitti tra la Russia e le grandi potenze europee.

Con l'ascesa di Napoleone Bonaparte, si aprono nuovi scenari per il controllo del Mediterraneo. Nel 1798 la Francia vuole ridimensionare il ruolo dell'Inghilterra privandola dell'Egitto, che costituiva per Londra una cerniera tra la madrepatria e le sue colonie asiatiche. Napoleone, in rotta per Alessandria, occupa Malta e disperde l'Ordine dei Cavalieri di San Giovanni, ivi residente. Questo evento ha ripercussioni notevoli sulla politica estera dell'Impero russo, il quale decide di entrare in guerra contro la Francia. Nello stesso tempo, il Sultano, in contrasto con le mire espansionistiche francesi, permette alla flotta russa di varcare, per la prima volta, gli Stretti in pieno accordo con gli ottomani.

Nel complesso degli eventi del ventennio napoleonico, si avvertono nettamente le mire mediterranee della Russia, che giungono sino al Mediterraneo centrale. Per tali ragioni crescono le preoccupazioni inglesi emerse durante le trattative di pace. Il Congresso di Vienna del 1814, infatti, sancisce lo stretto legame tra Castlereagh e Metternich, ambedue desiderosi non solo di prevenire un eventuale ritorno offensivo della Francia, ma altresì di frenare l'alleata Russia, impedendole di muoversi nei Balcani e in Oriente.

Nonostantante i tentativi anglo-austriaci, l'Impero russo nel corso degli anni successivi e fino alla guerra di Crimea riesce a mantenere e a rafforzare le sue posizioni nel Mediterraneo, mentre l'Impero ottomano vive un periodo di forte declino. Nel 1821 divampa l'insurrezione in tutta la Grecia. I Turchi, con il loro intervento, riprendono il controllo e inaugurano una politica repressiva. Questi fatti sollevano un'ampia eco negli ambienti liberali di tutta Europa. Quando nel 1825 Nicola I sale al trono di Russia, la questione greca giace ancora irrisolta. Nonostante alcune divergenze con Londra, Pietroburgo e Vienna iniziano dei colloqui per concordare un'azione comune. Il Sultano, temendo un fronte unitario, è costretto ad appoggiare le richieste russe contenute nell'ultimatum del marzo 1826. Il 7 ottobre 1826, con la Convenzione di Akkerman, l'Impero ottomano assicura una larga autonomia a Serbia, Moldavia e Valacchia, ma soprattutto garantisce alle navi russe il diritto di navigare in acque ottomane e il passaggio per gli Stretti.

Nel frattempo giunge in Grecia Ibrahim Pasha, figlio di Mohammed Ali, signore dell'Egitto e vassallo del Sultano. A questo punto Francia, Inghilterra e Russia intervengono e nella battaglia di Navarino sconfiggono la flotta egiziana. Il Sultano allora invoca la guerra santa e revoca il Trattato di Akkerman. Nel 1828 la Russia dichiara così guerra all'Impero ottomano. Nel 1829, terrminati i conflitti, si trova una soluzione alla questione greca garantendole un'ampia autonomia. Con il Trattato di Adrianopoli, l'Impero

russo ottiene dai Turchi l'estensione della frontiera europea includendovi il ramo meridionale del delta del Danubio. Inoltre, il Trattato sancisce che la Russia potrebbe commerciare liberamente nel territorio della Sublime Porta, nonché nel Mar Nero e negli Stretti, aperti alle navi di tutte le potenze che si trovavano in pace con il Sultano.

Negli anni successivi, la congiuntura interna turca favorisce il rafforzamento della presenza russa nel Mediterraneo. L'occasione si presenta nel 1832 a seguito della sollevazione del pascià egiziano contro il Sultano. Nicola I è l'unico sovrano europeo a fornire aiuto all'Impero ottomano, tramite l'invio della propria flotta nel Mar Nero e di un corpo di spedizione nei Dardanelli. Mohammed Ali allora si ritira e il Sultano deve sottoscrivere un nuovo accordo. Nel Trattato di Hunkar Iskelesi del 1833 l'Impero russo si impegna a fornire assistenza armata agli ottomani, mentre l'Impero ottomano chiude gli Stretti a tutte le navi da guerra straniere, eccetto quelle russe. Tali vantaggi non durano a lungo. La Convenzione di Londra sugli Stretti, firmata il 13 luglio 1841 dalle cinque potenze europee, riduce la supremazia navale russa, ristabilendo la parità di trattamento con gli altri membri della comunità internazionale: in tempo di guerra gli Stretti resterebbero chiusi alle navi militari di tutte le nazionalità.

A ridimensionare il peso ed il potere russo nell'area sarà il nuovo conflitto scoppiato in prossimità del Mar Nero: la guerra di Crimea. Il *casus belli* trae origine dai tentativi russi, respinti dalla Porta, di ottenere dal Sultano l'autorizzazione per la protezione dei sudditi ortodossi risiedenti in territorio ottomano (come peraltro è stato concesso a Napoleone III per i sudditi cattolici). Nel luglio del 1853 le armate russe oltrepassano il Prut. A questo punto, Francia, Inghilterra e Piemonte intervengono a favore dell'Impero ottomano. La neutralità della Prussia e l'intervento diplomatico austriaco a fianco del Sultano sono le principali cause della sconfitta russa nel 1856. La Conferenza di pace, che si apre a Parigi nel 1856, sancisce la smilitarizzazione completa del Mar Nero. In tal modo si raggiunge lo scopo principale delle potenze europee, ovvero il contenimento dell'espansionismo russo. L'Impero ottomano è salvato dalla disgregazione, mentre il controllo del Mediterraneo resta saldamente in mano ai francesi e ai britannici.

Questo equilibrio, però, subisce degli sconvolgimenti con l'unificazione italiana. A partire da questo momento, l'Italia cessa di essere oggetto di storia e diventa soggetto attivo, protagonista delle vicende politiche europee e, in ispecie, mediterranee per la sua collocazione geografica. Le aspirazioni, già nutrite dal piccolo Regno piemontese e tentate con le spedizioni in Africa

al tempo di Carlo Felice e Carlo Alberto, conoscono un incremento con l'unificazione e con le pressioni provenienti prevalentamente dal Mezzogiorno, la zona più vicina all'Africa.

Dopo l'unificazione italiana e poi quella tedesca nel 1870, gli equilibri europei conoscono dei cambiamenti. All'interno di questo quadro, il problema del Mediterraneo si svolge lungo due direttive: da un lato, nei tentativi di risolvere la questione d'Oriente a proprio vantaggio (Russia) e di impedire una siffatta soluzione (Inghilterra e Austria); dall'altro, nelle occupazioni coloniali che si susseguono sulla costa nord-africana. A sviluppare questa tendenza contribuisce l'apertura del canale di Suez (1869), il quale diventa il nuovo punto vitale delle comunicazioni marittime mediterranee (l'altro è sempre Gibilterra).

L'Italia, liberata Roma, dedica la propria attività principalmente alla costruzione dello Stato. Si pensa di instaurare buone relazioni con tutte le potenze e di mantenere il non allineamento. Non è facile, però, sottrarsi al confronto con le altre potenze per la posizione geografica del nuovo Regno e per le recenti vicende dell'unificazione. Diventa sempre più difficile la praticabilità della politica del ministro degli Esteri, Visconti Venosta, la quale si regge su due presupposti in via di superamento. Il primo elemento soggettivo riguarda la manifestazione di nuove posizioni revisioniste sul ruolo dell'Italia, incentrate sulla consapevolezza delle glorie del passato e sulla sua presenza nel Mediterraneo. Il secondo elemento oggettivo è dato, dopo il dissidio franco-tedesco, dall'assenza di un efficace sistema europeo di sicurezza collettivo sul concerto delle nazioni.

Il primo segnale del mutato quadro internazionale è rappresentato dalla questione orientale. Già nell'ottobre del 1870 l'Impero russo denuncia le clausole della pace di Parigi, soprattutto al fine di ristabilire la presenza della sua flotta nel Mar Nero. La rettifica ha luogo nel 1871 con la conferenza di Londra. La crisi, però, diviene molto acuta nel luglio 1875 con l'insurrezione delle popolazioni cristiane dell'Erzegovina e poi degli altri popoli balcanici contro il dominio turco. Si tratta dell'insoluto principio di nazionalità delle province balcaniche meridionali. In primo luogo, sono interessati i tre grandi Imperi – russo, austro-ungarico e britannico – che si contendono la successione dell'Impero ottomano.

Le spietate reazioni offrono alla Russia l'occasione per la ripresa della marcia verso gli Stretti, interrotta dalla Crimea nel 1855. Con l'avallo dell'Austria e dell'Inghilterra, l'esercito dello zar nel 1877-78 infligge delle sconfitte alla Turchia, arrivando a un passo da Costantinopoli. Si arriva così

alla stipula del Trattato di Santo Stefano tra Russia e Impero ottomano (3 marzo 1878), il quale, prevedendo la creazione della grande Bulgaria, fa del governo di Pietroburgo il controllore virtuale dei Balcani. Sulla questione degli Stretti è sancito il loro blocco. Il Sultano si impegna così ad aprirli in tempo di pace a navi da guerra di potenze amiche e alleate.

Queste deliberazioni provocano forti scontenti fra le potenze europee (in particolare l'Austria e l'Inghilterra, che pure hanno autorizzato l'intervento). Per la loro eliminazione, il 'paciere' Bismarck convoca un congresso a Berlino. Tra il giugno e il luglio 1878 la questione orientale trova una risoluzione attraverso vari compromessi. L'Austria, infatti, messa da parte l'annessione formale, si accontenta dell'occupazione militare e amministrativa della Bosnia-Erzegovina, che formalmente rimane sotto la sovranità del Sultano. Il congresso sancisce anche l'occupazione militare austriaca del Sangiaccato di Novi Pazar, posto tra la Serbia e il Montenegro.

Per quel che riguarda la Bulgaria, si stabilisce che la parte meridionale non sia chiamata, secondo le aspirazioni russe, 'Bulgaria meridionale', ma 'Rumelia orientale', il cui controllo deve spettare al Sultano. Sulla questione degli Stretti, l'Inghilterra si impegna per il futuro a rispettare solamente le 'libere determinazioni' del Sultano per il loro accesso. Il Sultano, insomma, o permetterebbe il passaggio alle navi inglesi o non rientrebbe tra gli Stati indipendenti. In tal modo decadrebbe come interlocutore. Con questa posizione, che teoricamente permette agli inglesi di violare gli Stretti e di colpire la Crimea russa, l'Inghilterra sconfessa il Trattato di Parigi che ha impedito l'accesso ai Dardanelli di navi straniere, se non in caso di guerra e a discrezione del Sultano.

Sotto il più generale aspetto europeo, il Congresso di Berlino non provoca una durevole sistemazione dei problemi dell'Est europeo. Insoluta rimane la questione delle nazionalità balcaniche. Non si raggiunge una conciliazione dei due Imperi, russo e asburgico. La Russia, frenata nella sua corsa verso l'Egeo, comincia a guardare con sospetto non solo l'Austria ma anche la Germania. L'Austria, ottenuta la Bosnia-Erzegovina, si ingolfa nella politica balcanica ed entra in rotta di collisione con la Russia. La Germania diventa il perno dell'equilibrio a patto di legarsi all'Austria. Dal congresso la vera vincitrice è uscita l'Inghilterra, che ha arrestato la marcia della Russia, ha ottenuto Cipro e il protettorato sulla Turchia asiatica. Anche la Francia può aspettarsi qualche beneficio, dopo la rottura della lega dei tre imperatori.

L'Italia, partecipe per la prima volta dopo l'unificazione al concerto europeo, non ha avuto un ruolo congeniale, uscendone frustrata e delusa. Le

sue rivendicazioni, talvolta sproporzionate, disturbano il piano delle grandi potenze, anche per l'incapacità della classe dirigente di sviluppare una sana concezione degli interessi internazionali. Per tali ragioni si riduce il rango dell'Italia al livello di un paese mediterraneo da non prendere molto sul serio. Da qui derivano la sua emarginazione e il suo ruolo scarsamente compatibile con i processi in corso nell'Europa contemporanea.

A conferma di questo processo la Francia occupa la Tunisia (maggio 1881), che le fornisce un formidabile punto d'appoggio politico-militare nel centro del Mediterraneo, a cavallo del canale di Sicilia. La crisi tunisina ha conseguenze decisive sull'orientamento del governo italiano verso l'alleanza con la Germania e con l'Austria. Limitato a garantire l'Italia (e rispettivamente la Germania) contro un'aggressione francese, il primo Trattato della Triplice Alleanza (20 maggio 1882) non salvaguarda i suoi interessi mediterranei e nei Balcani. L'unica clausola al riguardo è di natura meramente negativa, racchiusa in dichiarazioni separate dei tre governi, in base alle quali gli accordi non possono in nessun caso essere diretti contro l'Inghilterra.

L'Italia, come le altre potenze, inizia la sua espansione coloniale, scegliendo le coste del Mar Rosso, d'accordo e anche su invito dell'Inghilterra. Si va a cercare in questo mare la chiave del Mediterraneo, secondo l'affermazione del ministro degli Esteri, Stanislao Mancini. Che la situazione nel Mar Rosso possa avere degli influssi su quella mediterranea è indiscutibile. L'elemento debole è dato dal fatto che gli inglesi, dopo la caduta di Khartoun nelle mani dei dervisci (26 gennaio 1885), decidono di sospendere le operazioni nel Sudan, rendendo vana la speranza di una collaborazione italo-inglese in questa zona dell'Africa. Comunque, anche da questa esperienza emergono le preoccupazioni mediterranee sempre vive nell'opinione pubblica e nella classe dirigente.

Fra il 1883 e il 1887, ancora una volta muta la situazione internazionale. Nei Balcani si registra una nuova crisi per l'unione della Bulgaria con la Rumelia orientale, che acutizza il contrasto fra Austria e Russia, entrambe orientate a mantenere la Stato bulgaro nella propria sfera di influenza. Nello stesso tempo, si consuma il tentativo di collaborazione franco-tedesco per la rinascita in Francia del sentimento e delle idee di rivincita. Da qui deriva la minaccia di un'alleanza franco-russa che accresce le preoccupazioni di Bismarck sul controllo degli eguilibri europei.

In questo contesto vanno inserite le trattative tra l'Italia e la Germania e l'Austria per il rinnovo della Triplice Alleanza. Il ministro degli Esteri, Carlo di Robilant, riesce a far aggiungere al testo due trattati separati. In quello

austriaco, si prevede il mantenimento dello *status quo* nei Balcani o, nel caso di impossibiltà, l'obbligo della previa consultazione e il diritto a compensi per la potenza che non trae vantaggi. In quello tedesco, si inserisce il *casus foederis* qualora l'Italia per la salvaguardia della sua posizione nel Mediterraneo sia coinvolta in una guerra con la Francia. Con questo nuovo trattato, l'Italia compie un grande passo in avanti e rafforza la propria posizione a livello internazionale.

Sorretto da questo ombrello protettivo, il governo Crispi può avviare una politica ferma e aggressiva nei confrronti della Francia per frenare le sue mire espansionistiche nel Mediterraneo e per il mantenimento dello *status quo*. Più incisiva si presenta la presenza italiana in Eritrea. Nel corso del 1889, in seguito alla morte in battaglia dell'imperatore etiopico per mano di un signore locale, Menelik, si aprono nuove opportunità. Menilik, assunto il titolo imperiale, riconosce all'Italia con il Trattato di Uccialli il controllo su alcuni territori dell'entroterra di Massaua e accetta (così l'art. 17 sembra affermare) un protettorato sull'Etiopia. In cambio, il governo italiano garantisce il suo aiuto agli sforzi di Menelik per l'imposizione della sua autorità nel territorio dell'impero.

I successi crispini non sono duraturi. Menelik, in realtà, si dimostra meno desideroso della 'civiltà' italiana di quanto lo statista siciliano abbia inteso. Al principio del 1890 un Rd proclama la nascita della nuova colonia italiana dell'Eritrea. Crispi vuole spingersi verso il Sudan, ma l'Inghilterra non ha voglia di fare concessioni all'Italia. Dopo i rimbrotti inglesi, arriva la doccia fredda di Menelik. Secondo l'imperatore etiopico, il testo originale amarico prevede che l'Etiopia 'può', e non 'deve', utilizzare il governo italiano in tutti i suoi rapporti con le potenze. Sulla base di questa interpretazione, l'Etiopia non è un protettorato italiano.

Il sistema del 1887, frattanto, entra in una non apparente, ma effettiva crisi. L'accordo coloniale anglo-francese (5 agosto 1890) segna una tregua nei contrasti fra le due potenze, mentre si perfeziona l'intesa franco-russa. Eliminato Bismarck come cancelliere, il suo sistema di alleanze in Europa si sgretola. La crisi decisiva della Triplice Alleanza raggiunge il punto più alto durante la guerra italo-etiopica del 1895-96. Vi contribuiscono alcuni fattori. Innanzitutto emerge l'ostilità della Russia nei confronti dell'Italia, poiché essa aspira all'insediamento sulle coste del Mar Nero e alla creazione di una base navale per il mantenimento dei rapporti tra Russia europea e domini russi dell'Estremo oriente. Contraria è anche la Francia, che vuole a ogni costo staccare l'Italia dalla Triplice Alleanza. La stessa Germania non fornisce

all'alleata la dovuta assistenza.

Così, di fronte all'isolamento internazionale, si arriva alla clamorosa sconfitta di Adua. Questo evento segna l'arresto dell'espansionismo coloniale italiano, ma anche l'inizio della crisi del 'sistema triplicista'. Ormai si prende consapevolezza dell'inefficacia di questa alleanza per la tutela degli interessi italiani mediterraneo-coloniali. Da questa constatazione trae origine il graduale mutamento della politica estera dell'Italia che, pur rimanendo all'interno della Triplice Alleanza, ricerca un avvicinamento alla Francia per la difesa dei suoi interessi nel Mediterraneo. Sin dal 1896 si realizza il Trattato italo-francese sulla situazione degli Italiani nella reggenza di Tunisi. Nel 1898 si firma fra i due Paesi l'accordo commerciale che pone fine alla lunga guerra economica. Infine, nel 1901, si raggiunge un accordo sul Mediterraneo: l'Italia ottiene il disinteresse nella Tripolitania e la Francia libertà d'azione nel Marocco. Esaminata nel valore politico, la Triplice Alleanza cessa di essere il fondamento esclusivo della politica estera italiana.

Frattanto, tra la fine dell'Ottocento e gli inizi del Novecento la Russia perde parte del proprio predominio politico nei Balcani in favore dell'Austria e non riesce più ad avanzare in modo significativo nel Mediterraneo, né a modificare lo stato giuridico degli Stretti. Durante la guerra tra la Grecia e l'Impero ottomano, scoppiata nel 1897, la Russia svolge il compito di attore secondario. Il conflitto ancora una volta termina con l'affermazione del principio della chiusura degli Stretti. Frattanto, l'attenzione di Pietroburgo si concentra ad est nel tentativo di avere maggiori opportunità in Cina e in Corea. In seguito alla rivoluzione del 1905, l'interesse per il passaggio nel Mediterraneo delle flotte russe torna a crescere.

Per il raggiungimento di questo obiettivo, l'Impero russo ha cercato a più riprese di avvicinarsi all'Austria con riferimento particolare alla sistemazione dei Balcani. Nel 1897 sono stati firmati degli accordi che prevedono la costituzione di uno Stato albanese fra Giannina a sud e Scutari a nord. Agli inizi del Novecento, aggravatasi la questione macedone, i governi di Pietroburgo e di Vienna hanno deciso di marciare in comune con l'obiettivo di mantenere l'ordine in quelle regioni (accordi di Mürzsteg, 1903). L'avvicinamento dei due Imperi si rafforza ulteriormente con l'impegno, firmato il 15 ottobre 1904, della reciproca neutralità in caso di aggressione da parte di una terza potenza.

Dopo la guerra russo-giapponese e il crollo delle aspirazioni russe nell'Estremo Oriente, il governo di Pietroburgo cerca di rafforzare i legami con quello di Vienna. Nel luglio del 1908 si svolgono i primi approcci per l'annessione all'Austria della Bosnia-Erzegovina in cambio della libertà di

navigazione alla Russia per le sue navi da guerra attraverso gli Stretti. La subitaneità dell'annessione e la contemporanea assunzione di Ferdinando di Bulgaria del titolo regio, che comporta una maggiore influenza austriaca a Sofia, e la reazione contraria a questi provvedimenti della Serbia, la massima pedina nel gioco balcanicano, contribuiscono a raffreddare i rapporti tra la Russia e l'Austria.

Anche l'Italia non ha motivo di rallegrarsi della politica di Vienna. Di fronte agli accordi austro-russi, il governo di Roma ha ottenuto l'impegno austriaco per la creazione dell'Albania; ha poi impedito che la questione macedone fosse risolta soltanto dalla Russia e dall'Austria. L'annessione della Bosnia-Erzegovina rappresenta un duro colpo. In questo contesto va collocata la scelta italiana di avvicinarsi alle potenze della Triplice Intesa e, in particolare, alla Russia, l'altra potenza direttamente colpita dalla politica estera austriaca. Da qui traggono origine gli accordi italo-russi sul Mediterraneo, firmati il 24 ottobre 1909 a Racconigi.

Sotto forma di scambio di note, Tittoni e il suo collega Alexander Izvol'skij stabiliscono che la Russia e l'Italia devono adoperarsi, in primo luogo, al mantenimento dello *status quo* nella Penisola balcanica. Di fronte ai nuovi eventi, i due Paesi devono sostenere il principio di nazionalità e l'esclusione di dominazioni straniere. Si impegnano a opporsi a qualsiasi iniziativa contraria a questi scopi tramite un'azione diplomatica comune, mantenendo la più assoluta riservatezza su tutte le azioni d'ordine diverso. La Russia e l'Italia, in presenza di un accordo con una terza potenza sulla sistemazione dell'Oriente europeo, concordano di non sottoscriverlo senza la partecipazione dell'altra. Inoltre, le due potenze considerano «con benevolenza, l'una gli interessi italiani in Tripolitania e Cirenaica, e l'altra gli interessi russi nella questione degli Stretti». Per reazione alla politica austriaca, si va saldando una nuova intesa mediterranea, fuori e perfino contro la Triplice Alleanza. Le varie questioni, quelle ad Oriente e quelle ad Occidente, nei Balcani e nel Nord Africa, si intrecciano e si muovono a bilanciere. Per ora, la situazione nei Balcani diventa sempre più instabile.

Nel 1911 l'Italia, intenzionata a conquistare la Libia, dichiara guerra all'Impero ottomano che ancora ne vanta la sovranità. Il conflitto spinge i governi degli Stati balcanici ad unirsi nella prima Lega con l'intento di espellere i Turchi dall'Europa. Salvo per una sottile striscia di territorio al di qua degli Stretti, gli Stati balcanici raggiungono questo obiettivo. La situazione, però, non si stabilizza. Nel 1913 scoppia la Seconda guerra balcanica, questa volta contro la Bulgaria, rafforzatasi enormemente dopo il precedente conflitto.

Nella conferenza di Londra per la sistemazione dei Balcani, la politica italiana e austriaca per la creazione di uno Stato albanese si scontra con quella francese (e inglese), volta a favorire la Grecia nelle sue aspirazioni all'allargamento dei suoi confini.

Le questioni mediterranee, alla radice del malfunzionamento della Triplice Alleanza nel periodo precedente, sembrano rafforzarla. Si tratta, però, di un processo apparente. Resta aperta la questione fondamentale delle terre irredente. Non scompaiono le frizioni italo-austriache sulla sistemazione dei Balcani, mentre la Russia, dopo le guerre balcaniche, ha rafforzato la sua presenza attraverso la Serbia. Dopo i drammatici eventi del 1914 e l'inizio della Prima guerra mondiale, l'Italia e la Russia devono fare le loro scelte. Per la Russia, l'intervento a sostegno della Serbia sarà più facile. L'Italia dovrà attendere un anno prima di entrare nel conflitto. A spingerla a favore dell'Intesa contribuiranno le rassicuranti posizioni dei nuovi alleati sulla sistemazione della questione orientale e sulla presenza nel Mediterraneo.

Bibliografia

1. G. Astuto, *Cavour con la rivoluzione e la diplomazia*, Bonanno, Acireale-Roma 2011.
2 Id., *La decisione di guerra. Dalla Triplice alleanza al Patto di Londra*, Rubbettino, Soveria Mannelli 2019.
3. R. Bartlett, *Storia della Russia: dalle origini agli anni di Putin*, Mondadori, Milano 2007.
4. A. Battaglia, *Italian Mediterranean Policy and Russia between 'Risorgimento' and the 'Great War'*, in «Mediterranean Journal of Social Sciences», vol. 2, n. 3, 2011, pp. 261-264.
5. G. Berti, *Russia e Stati italiani nel Risorgimento*, Einaudi, Torino 1957.
6. F. Chabod, *Storia della politica estera italiana dal 1870 al 1896. Le premesse*, Laterza, Bari 1951.
7. Id., *Storia politica del Mediterraneo*, con saggio di F. De Giorgi, Morcelliana, Brescia 2014.
8. G. Donnini, *L'accordo italo-russo di Racconigi*, Giuffrè, Milano 1983.
9. A. Ferrari, *La Russia tra Occidente e Oriente*, Edizioni Ares, Milano 1994.
10. P. Figuera, *La Russia nel Mediterraneo*, Aracne, Roma 2016.
11. L.J. Frary, M. Kozelsky, *Russian Ottoman Borderlands*, The University of Wisconsin Press, Madison 2014.

12. D. Hopwood, *The Russian Presence in Syria and Palestine 1843-1914*, Clarendon Press, Oxford 1969.
13. H.A. Kissinger, *Ordine mondiale*, Mondadori, Milano 2014.
14. S. McMeekin, *The Russian Origins of the First World War*, The Belknap Press of Harvard University, Harvard 2011.
15. G. Petracchi, *Da San Pietroburgo a Mosca: la diplomazia italiana in Russia, 1861-1941*, Bonacci, Roma 1993.
16. C.L. Rozakes, P.N. Stagos, *The Turkish Straits*, Martinus Nijhoff Publishers, Dordrecht 1987.
17. C. Scacozza, *Un'identità difficile. Occidentalisti e slavofili russi tra passato e presente*, La città del sole, Napoli 2007.
18. H. Seton-Watson, *Storia dell'Impero russo (1801-1917)*, Einaudi, Torino 1971.
19. S. Stallone, *Ministro a Pietroburgo: diplomatici e diplomazia italiana in Russia, 1861-1870*, Aracne, Roma 2006.
20. A. Y. Ternon, *L'empire ottoman. Le déclin, la chute, l'effacement*, Édition Michel de Maule, Paris 2005.
21. A. Walicki, *Una utopia conservatrice*, Einaudi, Torino 1973.

Киёхару Миура
профессор Университета Васэда
Токио (Япония)
E-mail: miura_kiyoharu@yahoo.co.jp

Духовный диалог между наставником и учеником: преодоления и просветление монаха Поликарпа (на основе переписки и житий монахов Киево-печерской лавры)

Аннотация. В статье рассматривается памятник древнерусской литературы Киево-Печерский патерик. Исследуется образ инока Поликарпа и роль покаяния в его духовном росте. Анализируются произведения епископа Симона и их значение в процессе наставления инока Поликарпа.

Ключевые слова: древнерусская литература, духовное просветление, покаяние, сказание, искушение.

Kiyoharu Miura
Professor of Waseda University
Tokyo (Japan)
E-mail: miura_kiyoharu@yahoo.co.jp

Spiritual dialogue between a mentor and a disciple: the overcoming and enlightenment of monk Policarp (based on the correspondence and lives of the monks of Kiev Pechersk Lavra)

Abstract. The monument of the Old Russian literature Kiev Pechersk Patericon is investigated in the article. The image of monk Policarp and the role of repentance in his spiritual growth are examined. The literary works of bishop Simon and their significance in the process of Policarp's instruction are analyzed.

Keywords: Old Russian literature, spiritual enlightenment, repentance, a legend, temptation.

С тех пор, когда Киево-Печерский патерик был составлен в нынешнем виде в качестве второй Кассияновской редакции 1462 года, его литературное очарование привлекало к себе много духовных лиц, писателей

и исследователей. Самым известным примером был величайший русский поэт Александр Пушкин, отметивший этот памятник как «прелесть простоты и вымысла». После того, как в Киеве в 1930 Абрамович выпустил отредактированный текст в научный оборот[1], немало ученых занималось на основе этого текста темой не ограничившегося агиографическим жанром характера памятника, из которых мы обращаем особое внимание на В.П. Адрианову-Перетц и Т.Н. Копрееву.

В.П. Адрианова-Перетц, следуя за И.П. Ереминым, увидела в этом памятнике «собственно литературу как искусство», которое переступило суженную рамку агиографии и отыскивает подлинную фигуру человека со своим злом и ленью[2]. Т.Н. Копреева сосредоточила свой интерес на образе инока Поликарпа. Как известно, Поликарп, инок полный честолюбивых амбиций, искал епископский сан, однако Владимиро-Суздальский епископ Симон, наставник Поликарпа, узнавший об этом его тщеславном желании, послал отрезвляющее письмо своему ученику. Вместе с письмом наставник приложил ряд сказаний об основании самого Киево-Печерского монастыря и его ранних иноках. Стимулированный сказаниями наставника ученик и сам написал ряд полных литературного вдохновения сказаний.

Т.Н. Копреева написала две статьи, посвященных исследованию образа инока Поликарпа[3]. В первой статье исследовательница, упоминая о покаянии Поликарпа, попыталась охарактеризовать его литературную деятельность следующим образом: «Личность Поликарпа подавлена, но не уничтожена. Самоутверждение она находит если и не в практической церковной деятельности, то в писательском труде»[4]. А во второй статье Т.Н. Копреева настаивает на том, что упрек Симона происходит из-за того, что ищущий епископский сан ученик поставил под угрозу епископский сан непосредственно своего наставника.

Здесь возникает вопрос: показным или искренним было покаяние Поликарпа? В каком смысле Симон и Поликарп были соперниками?

---

[1] *Абрамович Д.* Киево-Печерский патерик. К., 1930.

[2] *Адрианова-Перетц В.П.* Задачи изучения «агиографического стиля» Древней Руси // Труды отдела Древнерусской литературы (Дальше ТОДРЛ) Т. 20. М.-Л., 1964. С.42.

[3] *Копреева Т. Н.* Образ инока Поликарпа по письмам Симона и Поликарпа (опыт реконструкции) // ТОДРЛ Т. 24. Л., 1969. С. 112-116; *Она же.* Инок Поликарп – забытый писатель-публицист Киевской Руси // Духовная культура славянских народов: Литература, Фольклор, история. Л., 1983. С. 59-73.

[4] *Копреева Т. Н.* Образ инока Поликарпа. С. 114.

Теперь мы должны остановиться на том человеческом факте, что резкие упреки ближнему иногда происходят не из-за ненависти или боязни, а именно от любви к нему. На наш взгляд, Поликарп духовно возрос в процессе написания своих сказаний во свидетельство своего покаяния, обрел духовное просветление и противоядие от светских соблазнов. В дальнейшем мы попытаемся проследить духовный рост обвиненного в неискренности инока Поликарпа.

Падение монастырской жизни в конце эпохи Киевской Руси

Произведения епископа Симона были написаны для наставления инока Поликарпа. Поэтому туда включены примеры нравственного падения, до которых ученики не должны доходить. Обращаем внимание на тот факт, что о таких заблудших монахах пишет владыка Симон, который никогда не сомневался в святости самого Киево-Печерского монастыря, но при этом более активно, чем монах Поликарп, обличает пороки.

Нам показалось, что такие «плохие примеры» показывают общее падение монастырской жизни через 150 лет после смерти великого преподобного пещерника Феодосия. Д. Чижевский по этому поводу писал: «Однако мы можем много узнать о жизни самого монастыря, особенно в период падения общежитийной практики в монастыре. В то время монахам было разрешено владеть своей частной собственностью в монастыре. Имущественное неравенство стало господствовать в монастыре. Рядом с монахами приверженными к идеалу Феодосия (производительный труд и благотворительность), мы находим несколько эгоистичных и злоумышленных монахов. Оба автора (Симон и Поликарп – К.М.) открыто высказываются о примерах падения монастырской жизни»[1].

Сначала посмотрим рассказы владыки Симона об оступившихся монахах. Ученик Онисифора (Слово 15) притворялся постником и целомудренным, а сам втайне ел и пил, жил распутно, был абсолютно здоровым и внезапно умер. От его тела исходил такой смрад, что никто не мог к нему приблизиться. А вот черноризец Еразм был богатым, но истратил все, что имел, на церковную утварь и иконы, и дошел до последней нищеты. Все монахи стали пренебрегать Еразмом, и это привело его к отчаянию (Слово 21). Черноризец Арефа имел много богатства в своей

---

[1] *Tschiževskij D.* History of Russian Literature: From the Eleventh Century to the End of the Baroque. The Hague: Mouton, 1960. P. 95, 98.

келии, но никогда ни одной цаты, ни одного куска хлеба не подал убогому. Арефа был так скуп и немилосерден, что и сам себя едва голодом не уморил (Слово 22). Тем не менее эти монахи через покаяние получили вечный покой после их смерти.

Бедный монах Афанасий (Слово 24), никем не похороненный из-за его нищеты, ожил, но он ничего не рассказал о том, что он увидел после смерти. Он только плакал и призывал черноризцев к покаянию. Этот рассказ страшен. Он намекает на видение тех наказаний, которые получают грешники, особенно распутные монахи. Симон предупреждает Поликарпа. Здесь уместно вспомнить, что рассказ этот был написан перед самым нашествием монголо-татар. Связано ли видение Афанасия с жестокой военной деятельностью захватчиков?

Среди таких грешных монахов упоминаются Тит и Евагрий (Слово 23). Они в свое время очень дружески относились друг у другу, но потом так резко поссорились, что стали враждовать между собой. Однажды Тит сильно разболелся и, лежа уже при смерти, стал горевать о своем прегрешении и сердечно просил прощения у Евагрия, но тот отказывал в просьбе бывшему другу, говоря: «Никогда не захочу примириться с ним: ни в этой жизни, ни в будущей». Евагрий вырвался из рук старцев, вдруг упал и умер. А Тит же вскоре встал, как будто никогда и не был болен.

Тит и Евагрий из рассказа напоминают реальных Симона и Поликарпа. На взгляд автора статьи, в этом патериковом рассказе скрыто предложение наставнику и ученику примириться. Не желает ли искренне в душе наставник Симон, чтобы его ученик Поликарп покаялся, оставил амбицию стать епископом и вернулся в Киево-Печерский монастырь? Симон духовно наставлял Поликарпа, при этом не осознавал себя как безгрешного человека, заметив в конце Слова 15: «И сего ради азъ грѣшный, епископ Симонъ, тужу, скорблю и плачю, да бых точию положенъ былъ въ божественѣй тои персти и малу отраду приалъ бых многых ми грѣховъ, молитвъ ради святых отець о Христѣ Исусѣ, Господѣ нашемъ, ему же слава нынѣ».[1]

Фразы «Азъ, грѣшный, епископ Симонъ», «многых ми грѣховъ» не только излюбленное выражение монахов, но и истинное самоосознание Симоном своей греховности.

---

[1] *Абрамович Д.* Киево-Печерский патерик. С.106 ; Библиотека литературы Древней Руси (Дальше БЛДР). Т.4 С.364-365

«О святых преподобных отцах Феодоре и Василии» (Слово 33), на взгляд автора статьи, написано Поликарпом в ответ на рассказ «Тит и Евагрий». Оба рассказа имеют общую фабулу «монахи-товарищи, которые в свое время дружески относились друг к другу, поссорились так резко, что перестали общаться», как Симон и Поликарп. Автор этой статьи видит духовный диалог в обоих рассказах, и позднее проанализируем их структуру, сходства и различия. А перед анализом этих двух рассказов, приведем еще один пример духовного диалога обоих монахов.

Сочувствие сирийского врача в рассказе Святоши (Слово 20) и зло армянского врача в рассказе Агапита (Слово 27)

Духовный диалог между Симоном и Поликарпом мы можем отыскать и в обоих рассказах о Святоше и Агапите. Оба рассказа имеет общую тему о сопоставлении духовного лечения с физическим лечением.

Сначала посмотрим рассказ о Святоше, в котором лучше обнаруживается литературное мастерство Симона среди других его рассказов. Герой этого рассказа Святоша, бывший Черниговский князь Святослав Давидович, принял монашеский постриг под именем Никола Святоша и стал выполнять в монастыре тяжелый физический труд, возить для братии воду, и долгое время он нес послушание стража у ворот. Брат его Владимир Давидович считал поведение Святоши срамом по отношении к княжескому роду и послал сирийца-врача Петра надзирать за Святошей. Одновременно этот сирийский врач Петр наблюдал и за здоровьем Святоши, и с искренними чувствами отговаривал Святошу и от строгого воздержания в пище, и от тяжкого труда. Петр был выдающимся врачом со знанием своего дела и мастерством лекаря, а Святоша был духовным врачевателем, который силой молитвы лечил больных лучше его. Здесь обнаруживается признание того, что лечение приносит не знание, не мастерство, а молитва смиренного духом, покорившегося перед Богом, человека.

Такую же тему несет в себе и рассказ об Агапите. Сопоставление духовного врачевателя с физическим лекарем вскрывает конфронтацию духовного врачевателя Агапита с физическим врачом-армянином, который так гордился своим знанием и мастерством, что презирал всех других врачей, в том числе и Агапита. В рассказе Симона Петр был разумным человеком с сочувствием ко святому, а в рассказе Поликарпа безымянный армянский врач предстает злым человеком, который равнодушно предсказывает смерть больному и безоговорочно отказывает ему в лечении.

Об Агапите говорится с любовью, с которой он и сам относился к болящим: «Тако и сий блаженый Апапитъ, ревнуа святому тому старцю (Антонию. – *К.М.*), помогаше болным. И егда кто от братиа разболяшеся, и тако остави келию свою, прихожяще къ болящему брату и служаше ему, – и не бѣ бо ничто же крадомаго в кѣлии его, – подымаа же и полагаа его, на свою руку износя, и подаваа ему от своеа яди, яже варяше зѣлие, и тако здравъ бываше болный молитвою его. Аще ли продолъжишеся недугъ его, сице Богу благоволящу, да вѣру и молитву раба своего умножить, сий же блаженый Агапитъ пребываше неотступно, моля за нь Бога непрестанно, дондеже Господь здравие подасть болящему молитвъ ради его».

Об армянском враче – весьма сухо: «Бысть же въ врѣмя сего блаженного человѣкъ нѣкый, Армѣнинъ родом и вѣрою, хытръ же бѣ врачеванию, яко таковъ не бѣ преже его: иже толико видѣвь болящаго, познаваше и повѣдаше ему смерть, нарекъ ему день и час, – никако же изменяшеся слово его, – и сего уже никако же врачюетъ»[1].

Тема Симона о лечении молитвой, а не знанием и мастерством, наследована в рассказе Поликарпа, но в рассказе Поликарпа еще прибавлено эмоциональное отношение к гордыне как злу, которое отсутствует в рассказе Симона. Рассказы Поликарпа эмоциональны, наполнены негодованием, а в этом, предположительно раннем его рассказе, особенно эмоционально насыщенном, на взгляд автора этой статьи, Поликарп попытался показать читателям, что забвение смирения и простоты души и чрезмерная зависимость от знания и мастерства означают высокомерие и гордыню, то есть, составляют зло. Так как на этом свете несомненно существует зло, автор рассказа пытается побудить читателей к активной борьбе со злом, чего его наставник епископ Симон, как нам показалось, последовательно избегает.

Любовь между двумя монахами – Феодором и Василием – Симоном и Поликарпом

В предшествующем пассаже мы отметили, что рассказ о Феодоре и Василии был написан Поликарпом в ответ на рассказ Симона о Тите и Евагрии. Это может означать, что Поликарп принял предложенное Симоном примирение и покаялся в своих тщеславных помыслах. Во знаменование своего покаяния Поликарп начал свою писательскую деятель-

[1] *Абрамович Д.* Киево-Печерский патерик. С.128-129; БЛДР. Т.4 С.398-399.

ность, хотя большинство людей сомневалось в покаянии Поликарпа, как о том Поликарп сам свидетельствует[1].

Через 150 лет после смерти духовного руководителя Феодосия, через 100 лет после смерти выдающегося политического деятеля Владимира Мономаха, внутренняя и внешняя ситуация в Древней Руси была крайне сложная и тяжелая. На наш взгляд, и внутри Киево-Печерского монастыря, и вне монастыря был застой и общий духовный упадок. Можно допустить, что в такой сложной ситуации талантливый инок Поликарп, окруженный эгоистичными монахами, о которых Симон неоднократно рассказывал, попав в безысходное положение, проявил дерзновение и решился на поиски епископского сана. Не было ли у Поликарпа при поисках епископского сана желания наставлять людей на правильную жизнь и осуществлять реформу общества к лучшему в такой сложной ситуации? По крайней мере мы знаем, по свидетельству Симона, что инок Поликарп убедил нескольких людей, в том числе детей Всеволода Большое Гнездо – Георгию и Верхуславу, в справедливости своего поступка[2].

Тем не менее наставник Симон не поощрял амбиции ученика. Для большинства людей стремление Поликарпа была не что иное, как высокомерие и пренебрежение к волеизъявлению Бога. Наставник взял сторону противников любимого ученика. Ученик был шокирован несогласием наставника, но в конце концов осознал греховность своего тщеславного желания и раскаялся. Покаявшийся ученик пожелал оправдаться перед наставником. Ученик решил проанализировать психологический процесс впадения во грех через написание этого рассказа.

Фабула «Друзья монахи поссорились и перестали общаться» стала общей для обоих рассказов: «Тит и Евагрий» и «Феодор и Василий». Наставник Василий и ученик Феодор коррелируются с наставником Симоном и учеником Поликарпом. В этом рассказе ученик Феодор, по искушению дьявола, превращавшегося в наставника Василия, захотел овладеть сокровищами варягов и уйти из монастыря. Но перед самым его уходом наставник Василий обнаружил и раскрыл интригу дьявола, в результате чего Феодор покаялся и решил обратиться на путь подвижничества. В результате Феодор стал преподобным.

---

[1] *Абрамович Д.* Киево-Печерский патерик. С.133; БЛДР. Т.4 С.404-405. «Другым убо неприатна мнятся быти глаголемаа величества ради дѣлъ, вина же есть невѣрованию – мене грешнаго сущаго съвѣдять Поликарпа».

[2] *Абрамович Д.* Киево-Печерский патерик. С.102; БЛДР. Т.4 С.358-361.

На наш взгляд, этот рассказ является шедевром и лучшим из всех других рассказов Киево-Печерского патерика. Его тонкости в психологических описаниях вовсе не уступают произведениям классической мировой литературы. В этом рассказе Поликарп посредством тонких психологических описаний состояния героя, откровенно отвечает на вопрос Поликарпа, почему ученик согрешил в поисках епископского сана. Сокровища варягов являются символом епископского сана. Поликарп показал другим монахам и заочно Симону свое покаяние посредством следующей фабулы: «Феодор бросил сокровища варягов и остался в монастыре». Посмотрим рассказ.

«И сему словеси ислѣдова Феодор, оставль убо мирьскаа и богатьство разда нищим, и бысть мних и добрѣ подвизася на добродѣтель. Повелѣниемь же игуменим бысть житель в печерѣ, еже зовется Варяжскаа, и в той многа лѣта сътвори въздержася.

И сему принесе врагъ стужение и печаль немалу имѣниа ради, разданнаго им нищим, яко помышляше долготу лѣтъ и изнеможение плоти, яко недовольну ему быти монастырьскою ядию. Искушение бо то врагъ ему принесе, он же не разсуди въ собѣ, ни помяну Господа, рекшаго: «Не пецѣтеся о утренем, что ямы, или что пиемь, или въ что облецѣмъся; възрите же паче на птица небесныа, яко ни сѣють, ни жнуть, и Отець вашь небесный питаеть их». Многажды же смущаше того врагъ къ отчаанию хотя его привести нищеты ради истощеннаго богатьства, еже убогым вданное. И сие въ многы дни помышляя, помрачаем врагом недостатка ради, и къ своим другом свою скрьбъ ясно испоѣедаа.

Единь же нѣкто от съвершенѣйших, именемъ Василие, того же манастыря мних, рече ему: «Брате Феодоре, молю ти ся, не погуби мьзды своея. Аще ли имѣнию хощеши, все, еже имамъ, дамъ ти, токмо ты рци пред Богомъ: «вся, яже раздах, твоа буди милостыни», – и ты бес печали буди, приим имѣние свое, но блюди, аще стерпить ти Господь?»

Сиа слышавъ Феодоръ и убояся страхом великым гнѣва Божиа. Иже слышавъ от того сътворшееся в Костянтинѣ градѣ раскааниа ради еже о златѣ, иже въ милостыню раздааннѣм: како пад посрѣд церкве, умре, и обоего себе лиши, съ златомъ бо животъ погуби. И сиа въ умѣ приимъ, Феодоръ плакаше своего съгрѣшениа и брата ублажаше, въздвигшаго его от таковаго недуга»[1].

---

[1] *Абрамович Д.* Киево-Печерский патерик. С.161-162; БЛДР. Т.4 С.442-445.

Таким образом родилась братская любовь между двумя монахами. В образе жителя Константинополя, пожалевшего милостыню, обнаружена реминисценция Еразма и Арефы, а в образе того же жителя, упавшего и умершего в самом центре церкви, обнаружена реминисценция Тита. Писатель Поликарп явно не может быть равнодушен к писателю Симону. Феодор и Василий, связанные друг с другом братскою любовью, совпадают с Поликарпом и Симоном, тесно связанными совместным повествованием о различных подвижниках до того времени, когда Поликарп стал искать епископского сана.

Психология впадения во грех

Но именно в счастливом моменте, из-за неизбежной неосторожности и неосмотрительности, подкрадывается тень искушения. У нас в жизни бывают иногда такие случаи, в которых можно разумом рассудить, но нельзя на дне сердца понять умом. Поликарп остроумно описывает такого рода противоречие.

«Василий убо посланъ бываеть игуменом на нѣкое дѣло, и врѣмя покосно врагъ обрѣтъ своего зломудриа, преобразивсяв того брата подобие и входить к печернику, преже полезнаа глаголя: «Феодоре, како нынѣ пребываеши? Или преста от тебе рать бѣсовъскаа, или еще пакости ти творять люблениемь имѣниа, память приносяще ти разданнаго ради имѣниа?»

Не разумѣв же Феодоръ бѣса его суща, мнѣвъ, яко братъ ему сие глаголеть, к нему же отвѣща блаженный: «Твоими, отче, молитвами нынѣ добрѣ спѣетъ ми ся; тобою бо утверженъ бых и не имам послушати бесовъскых мыслей. И нынѣ, аще что велиши, съ радостью сътворю, и не преслушаюся тебе, зане великую полъзу обрѣтох души своим наказаниемь».

Из слов Феодора получается, что рассудок Феодора (Поликарпа) ещё не самостоятелен.

«Бѣсъ же, мнимый братъ, приимъ дръзновение – зане не помяну Господа Бога – и глагола ему бѣсъ: «другы съвѣтъ даю ти, им же покой обрящеши и въскорѣ въздание приимеши; Токмо ты проси у него, и дасть ти злата и сребра множество, и не дай же въходити к собѣ никому же, ни сам исходи ис печеры своеа». Печерникъ же яко обѣщася. Тогда отъиде от него бѣсь.

И се невидимо помышлениа приношаше ему пронырливый о сокровищи, яко подвигнути его на молитву, просить у Бога злата, и аще

получить, то въ милостыню раздасть. И се видѣ въ снѣ бѣса, свѣтла же и украшенна же, акы аггела, являюща тому сокровища в печерѣ, – и се многажды видѣ Феодоръ. Дьнем же многымъ минувшим, пришед на показанное мѣсто, и нача копати, и обрѣте съкровище, злата же и сребра множество и съсуди многоцѣннии»[1].

Сокровище – это символ епископского сана, а бес, как светло украшенный ангел, – это образ епископов в пышном наряде. Этот образ применим именно к Симону. Искушенный бесом Поликарп, как и Феодор, должен был молиться и просить Бога, чтобы подал ему сокровище (епископский сан). Поликарп должен был пообещать, что если Бог подаст ему сокровище (епископский сан), то он будет раздавать милостыню – наставит людей на правильную жизнь.

Однако совесть Феодора (Поликарпа) ему припоминает:

«То не стыжюся ли, яко оставивъ миръ и вся, яже в немъ, и обѣщахся Богови зде животъ свой скончати, в печерѣ сей, и нынѣ бѣгунъ бываю и миръский жителинъ? Аще ли ти годе есть, да въ монастырѣ живу и все, елико речеши, то сътворю»[2].

Увы, дьявол сильнее воли Феодора (Поликарпа). Бес потакает его желанию: «Утаити не можеши съкровища, – увѣдано будет взято, но приими мой съвѣтъ, еже ти велю. Аще бы се не угодно было Богу, не бы тебѣ даровалъ, ни мнѣ известилъ»[3].

Тогда пещерник поверил ему, как брату, и стал готовиться выйти из пещеры: приготовил возы и ящики, чтобы, собрав в них сокровище, уйти, куда захочет, повелением бесовским[4].

Смерть Тита в рассказе Симона совпадает с впадением во грех Феодора в рассказе Поликарпа. Но в этом рассказе есть дальнейшее развитие. Посланный игуменом Василий возвращается в обитель и обнаруживает интригу беса. Феодор приносит покаяние и остается в монастыре продолжать свое подвижничество и становится преподобным монахом. Сокровища снова были закопаны и сокрыты от людей. Читателям могло показаться, что наступила счастливая развязка монастырской истории. Однако это не был еще конец рассказа. Оба преподобных монаха безвинно были убиты князем Мстиславом Святополчичем, который возжелал овладеть сокровищами варягов.

---

[1] *Абрамович Д.* Киево-Печерский патерик. С.162-163 ; БЛДР. Т.4 С.444-447.
[2] *Абрамович Д.* Киево-Печерский патерик. С.164; БЛДР. Т.4 С. 446-447.
[3] *Абрамович Д.* Киево-Печерский патерик. С.164; БЛДР. Т.4 С. 446-447.
[4] *Абрамович Д.* Киево-Печерский патерик. С.164-165; БЛДР. Т.4 С. 446-449.

Инок Поликарп обращается к современной ему горькой действительности. Он должен был осознать эту реальность, в которой преподобные монахи, сумевшие преодолеть искушение дьявола, без всякой вины были убиты светским властителем. Почему Бог не отвечает на такое явное зло? В чем кроется Божественная воля? Поликарп вынужден был вторично останавливаться и задумываться над этими вопросами. На наш взгляд, в сердце Поликарпа не могло не появиться такое недоумение к молчанию Бога. Подобный внутренний конфликт вовсе отсутствует у Симона. Можно сказать, что Поликарп гораздо более серьёзно относился к злу этого света, чем Симон. В этом отношении ученик духовно перерос своего наставника. Несмотря на такое серьёзное недоумение по поводу молчания Бога, на взгляд автора этой статьи, Поликарп тем не менее держался за веру. Это понятно из слов рожденного тяжелым больным и ставшим иноком Пимином (Слово 35) пред смертью:

«Зде, рече, два брата положисте в сие лѣто, и его же брата без скимы положисте, сего въ скимѣ обрящете. Хотѣ убо многажды пострищися и небрегом бысть от братиа нищеты ради, им же вменися въ грѣхъ; сей же дѣла достойна показа образу, и сего ради дарова ему Господь скиму: имущему бо дѣла добраа – дасться ему, от неимущего же и еже мниться имѣа – отъиметься от него; имущему убо вездѣ дано будеть. Другаго же брата, его же въ скимѣ положисте, взята бысть от него, понеже в животѣ не въсхотѣ ея, но, умираа, рече: «аще видите мя уже отходяща, и тако постризите мя». И сего ради отъяться от него благодать, не разумѣ бо рекшаго: «Не мерьтвии въсхвалять тя, Господи, но мы, живии, благословимь Господа»».[1]

На наш взгляд, порядок рассказов в сборнике совпадает с порядком времени их создания[2]. Рассказ о Пимине был написан самым последним. Поликарп духовно вырос в процессе написания рассказов. При создании рассказа о Пимине Поликарп уже был убежден, что Бог все видит, и Суд Божий неизбежен.

---

[1] *Абрамович Д.* Киево-Печерский патерик. С.183-184; БЛДР. Т.4. С.474-475.

[2] Ф.Бубнер тоже считает, что авторский порядок рассказов Поликарпа сохранился в Арсениевской редакции Киево-Печерского патерика (1406). *Bubner F.* Das Kiever Paterikon: Eine Untersuchung zu seiner Struktur und den literarischen Quellen (Werner Blasaditsch, 1969) P. 31-43. По мнению Ф.Бубнера, рассказ об Агапите, полный эмоционального гнева, написан и расположен первым, а рассказ о Пимине, с описанием духовного поиска, последним. Это положение рассказов показывает, что порядок писания рассказов Поликарпа соответствует его собственному процессу духовного совершенствования.

Douglas Ponton
PhD, Professor of the
University of Catania
Italy

Representations of the Novichok affair: critical-pragmatic aspects

Introduction

In 2018 a flashpoint in Anglo-Soviet relations occurred, in the wake of an event that occurred in Salisbury. Two Russian citizens had been attacked by a substance identified as 'Novichok'. Prominent figures, including British Prime Minister Theresa May and Foreign Secretary Boris Johnson denounced the probable involvement of Russian secret services in the attack, and there was speculation about the personal involvement of President Vladimir Putin. Over the following months the crisis deepened. Although Skripal and his daughter recovered, press interest in the case remained high because of the international ramifications; both Britain and her allies expelled Russian diplomats, and the war of words between London and Moscow provided ample fuel for journalists' stories. Almost four months after the original episode, two British nationals, Charlie Rowley and Dawn Sturgess became ill, supposedly because of contact with a perfume bottle picked up on the site; Sturgess later died. British Home Secretary Sajid Javid's response was to accuse Russia of using Britain as a 'dumping ground' for poisons.[1]

This paper explores the role of the Skripal case in the wider context of representing Russia in western media. It suggests that the events may usefully be considered against the backdrop of 'Russophobia', an attitude towards the Russian state familiar from the Cold War period (Tsygankov 2009, Basulto 2015), but that may even pre-date it (Gleason 1950, McNally 1958). The press's role in perpetuating negative Russian stereotypes is briefly indicated, and some fieldwork from 2018 Britain is analysed, to explore the public response to the Skripal case and its representations in the press. The dataset is small; the current paper is a brief illustration of a broader project that aims to shed light on the effects of media stereotypes and representation patterns

[1] BBC News. Online at: https://www.bbc.com/news/uk-44727191, last access 15/06/2019.

on public beliefs and attitudes, especially in the context of the west's relations with Russia.

Attitudes to Russia and modern Russophobia

Throughout the nineteenth and twentieth centuries, through the works of its great authors and composers, Russia created a significant space for itself in the British and western imagination, and occasional tours by the Bolshoi ballet and other performers created popular sensations.[1] A certain exoticism persisted even throughout the Cold War years in the portrayal of Russian culture in western media, for example in the British film version of Pasternak's Doctor Zhivago (1965) or the BBC's landmark production of War and Peace. It is arguable that Russia is still an appealing cultural other for many westerners (Lin 2003). Indeed, 2018 saw Russia host the world's largest single sporting event, the football World Cup, which entailed an unprecedented influx of fans representing the competing nations, including western nations traditionally aligned with the USA against Russia at a political level such as France, Germany and Britain. Despite press stories, prior to the event, which reported politicians' warnings of the dangers from local racists, homophobes and xenophobes[2], the event was marked by amicable relations among visiting fans that did much to correct the effects of hostile stereotyping. Typical of journalistic reporting is this extract from the Independent:

> Pretty much everywhere you go, Russians are cordial, hospitable, generous and funny. Maybe it was just forced World Cup niceness, but I don't think so. The couple whose Volgograd flat we stayed in who offered to drive us to the airport and wouldn't hear of taking payment – at five in the morning! – weren't doing it for the greater benefit of Mother Russia. They were just really, really sweet. This was the month when Russia and the world collided head-on, and decided they weren't so bad after all[3]

---

[1] The Financial Times. A long love affair. Online at: https://www.ft.com/content/80b012ea-17ba-11db-b198-0000779e2340, last accessed 20/06/2018.

[2] See, e.g. The Guardian. Online at: https://www.theguardian.com/uk-news/2018/jun/08/world-cup-england-gay-lgbt-fans-safety-risk-russia-say-mps, last access 13/06/2019.

[3] The Independent. Online at: https://www.independent.co.uk/sport/football/world-cup/world-cup-2018-russia-lionel-messi-neymar-cristiano-ronaldo-a8448356.html, last access 15/06/2019.

Despite the manifest ability of their populations to agree with one another, however, at a political level, as Gleason (1950) explains, the specifics of Russia's geo-political profile have cast her in the role of cultural 'other', at least since the Napoleonic period. Though at times Britain and Russia have been allies in maintaining equilibrium in Europe, at times they have been on hostile terms, especially during the Cold War, which unofficially commenced in 1946. In that year the US ambassador, George Kennan, sent the 'Long Telegram from Moscow', in which he foresaw a period of Soviet expansion, motivated by what he believed to be an "instinctive Russian sense of insecurity."[1] He thought Russia would wage a "patient but deadly struggle for total destruction of rival power." Henry Kissinger's account of Truman's negotiations with Stalin, following the Second World War, reveal the American president's sense of the moral superiority of the west:

> "We have to get tough with Russians," Truman said. "They don't know how to behave. They are like bulls in a china shop. They are only twenty-five years old. We are over a hundred and the British are centuries older. We have got to teach them how to behave" (Kissinger 1994:426)

The Cold War, like other wars before or since, witnessed the construal of two groups, a favourably viewed 'us' and a demonised 'them' (Van Dijk 1991, 2007, Haussendorf and Kesselheim 2002, Hart 2010: 67). With the result that Russia gradually assumed the contours, in western culture, of the enemy, the other *par excellence*, attitudes encapsulated in Ronald Reagan's famous phrase, 'the evil empire'. In the cinema negative stereotypes, which once concentrated on German Nazis as the bad guys, began to feature Russian men-and women-in these roles, and these processes have continued until the present day.[2]

Nor have matters improved politically: Russia's interventions in global crises such as that in Syria have encountered suspicion (Averre and Davies 2015). The Kremlin has also been accused of interfering in America's electoral processes through the massive deployment of pro-Trump spybots (Walton 2016).

---

[1] Washington Times. Online at: https://www.washingtontimes.com/news/2017/jul/25/vladimir-putins-russia-can-be-explained-by-long-te/, last access 15/06/2019.

[2] The Guardian. Online at: https://www.theguardian.com/tv-and-radio/2017/jul/10/will-cliche-russian-baddie-ever-leave-screens-james-norton-mcmafia, last access 13/06/2019.

To sum up, it is hard not to feel that the world is currently on the brink of what has been termed 'a new Cold War' (Charap and Shapiro 2015), despite what has been said above about rapprochements between the two opposing blocks at a popular level. As Monaghan (2015: 13) puts it, "a combination of polemic, automatic analogy and comforting familiarity has emerged in the form of the 'new Cold War' debate, supported by the superficially appealing but simplistic language of 'containment' and 'deterrence'".

Methodology

In this study I give a recent instance from western media and briefly examine the underlying attitudes which, I suggest, are implicit. Since, for reasons of space, this is not a full-scale study, I shall not be able to apply a full-blown analysis of the press using critical tools such as those developed by Van Dijk, Wodak and others. I then present some ethnographic data, collected in the UK through personal interviews on the streets of Glasgow in 2018. In analysing this data, I focus on the implicit argumentation which people use to construe the rhetorical backing for the opinions they express. This analysis is guided by the work of Toulmin in his classic study of argumentation (1958), as well as by more recent perspectives on argumentation (e.g. Van Eemeren and Grootendorst 1983), and by a pragmatic consideration of the construction of meaning drawn from the extensive literature on the subject (Leech 1980, Levinson 1993, Sperber and Wilson 1995, Kecskes 2013, 2016, etc.).

Newspaper data

One of the functions of journalism-arguably its most significant function-is that of informing readers about ideational realities of the day. In plain language, they *tell readers what has happened*. Though breaking down somewhat in the digital age (Picard 2014), this vision of journalism concerns the provision of factual information, together with informed comments upon and analysis of, the events described. As Hanitzch (2007: 372) puts it, "In most Western countries journalists still subscribe to an objective ideology that sees their role as that of 'disinterested transmitters of the news".

Let us consider, then, an extract from a text which appeared in the Guardian newspaper's online version on 19th May, 2019; more than a year after the original attack, in other words:

1	The Russian men suspected of poisoning Sergei and Yulia Skripal in
2	Salisbury received a phone call after returning to London on the day of the
3	alleged attack, raising the possibility that a backup team played a role in the
4	operation.
5	One theory being considered by investigators is whether the call, which has
6	not been disclosed before, was a signal to tip them off that the operation had
7	been a success.
8	Scotland Yard's counter-terrorism unit said the inquiry into the poisoning was
9	ongoing and detectives would not be drawn on any specifics.
	But it is understood that investigators are sifting other pieces of evidence
	which suggest that the suspects – Anatoliy Chepiga and Alexander Mishkin –
	may not have been acting alone.

Table One: extract from the Guardian newspaper May 2019[1]

The two men indicated as suspects were caught on CCTV in the area of the attacks, and later participated in the mediatic conflict between Moscow and London, as British social actors claimed they had been identified as former KGB agents, while the Kremlin presented them as no more than casual tourists. If we analyse the fragment for epistemic modality and lexical/verbal choices, what emerges is a picture of varying degrees of commitment to the truth / certainty component of the story:

True	**Linguistic means**
The Russian men received a phone call (1-2)	Zero epistemic modality
They returned to London (2)	Zero epistemic modality
Scotland Yard's enquiry is ongoing (6)	Zero epistemic modality
Speculation	**Linguistic means**
suspected of poisoning (1)	verbal choice indicates uncertainty
the alleged attack (2)	lexical choice indicates uncertainty
the possibility (2)	lexical choice indicates uncertainty
One theory being considered (4)	lexical choice indicates uncertainty
detectives would not be drawn (7)	verbal choice indicates uncertainty
other pieces of evidence which suggest (8)	verbal choice indicates uncertainty

Table Two: the extract analysed

[1] Guardian Online. Online at: https://www.theguardian.com/uk-news/2019/may/19/skripal-poisoning-suspects-received-mystery-phone-call-following-attack, last access 16/06/2019.

What emerges from this necessarily cursory analysis is that the story contains one hard fact (the Russian men received a phone call), and a lot of secondary detail that insinuates ideational 'facts' that remain at the level of possibility, because of the linguistic means which are used to construe them. The fragment, which is typical of the tone of the piece as a whole, suggests to the reader the following 'facts':

a) The Russian men were part of a team
b) This team were all involved in the attack on the Skripals (in a supporting role), while the two men were the actual perpetrators
c) The call was a tip-off that the operation had been a success
d) Scotland Yard's investigations supported these notions
e) There is more evidence to support the team hypothesis

If we explore the text from this perspective, it is hard not to notice the extent to which the journalist (and, by extension, the paper too) have departed from the journalistic canons alluded to, above. The simple fact that the men received a phone call, which may have had a thousand possible explanations, is used as the centrepiece for a 'story' that rehashes what the public already knows about the case, and from the point of view of objectivity, is little more than an invention.

Ethnographic data

Here are some extracts from the interviews conducted in the UK about the Skripal case:

what's your general opinion of Russia and Russians?	Russia my opinions are <u>what I see in the press really</u> so <u>you tend to make up your impressions from that</u> and like I say I live 15 minutes from Salisbury that town now has become a ghost town because of the troubles they've had there which <u>as far as the press is concerned</u> and <u>from what I can see is caused by Russians or Russia</u> so my view of that is not that Russia that's not very good in my view so that town has changed we don't go to Salisbury now

Table three: interview data 1

In terms of the implicit argument advanced here, the interviewee adduces several grounds in support of his beliefs, and the following picture emerges:

Argument:	**Backing**
the Russians are responsible for events in Salisbury	The Press (lines 1,4) Personal impressions (2,4)

Table four: interview data 1, argumentation

Though the subject does claim some personal involvement in the elaboration of his ideas (*you make up your own impressions, from what I can see, my view of that, in my view*), he explicitly acknowledges the degree to which his own opinions are formed by the press.

In the next extract, the same pattern appears, where Russia is associated with activities that are associated with negative judgement evaluations (Martin and White 2005):

Are you afraid of Novichok?	yes there was another incident recently where some Russian people went to a restaurant and fainted and apparently pretended that they were poisoned so things like that are going on now it's just you avoid it families are avoiding it so so my impression of Russia is based on that really and it's not very good
what factors affect your opinions about Russia?	yeah newspaper books press what do you read in the Press and of course over the years you know sort of invading aerospace and just sort of aggravating really that's the impression I'm not saying that's the people that seems to be the regime for whatever reason

Argument:	**Backing**
Russians are bad because they: pretend they were poisoned (2) invade aerospace (6) aggravate (6)	The Press, books (5) Personal impression (4)

Table four: interview data 2, argumentation

As the table shows, the implicit argument advanced is that the overall negative impression of Russia is the result of their past and present behaviour.

This negative view is mitigated somewhat by the explicit distinction made between ‘the people’ and ‘the regime’ (7-8). As in the first extract, the interviewee states that his opinions depend on what he reads in the press.

In the extract below, the question relates to the Skripal case directly:

do you think the British government are telling the truth about what happened in Salisbury?	I think they are unless they’re making it up and the CCTV evidence you know you could say that they could be actors but to be fair then they appeared on Russian TV and it was quite comical really and then of course what they’ve done now they’ve tracked one of them down there and I think they even got a picture of Putin with his arm around him and so there’s some truth there of course there’s timelines from Salisbury train station they were seen not too far from where the victims were they said they were going to Salisbury Cathedral and there was no CCTV results of them doing so and they were back to the train station within about an hour or 30 minutes I’ve been to Salisbury Cathedral you spend 3 hours just walking around a place I think they are telling the truth I know there’s a lot of things lately about fake news and Trump and everything you see now on YouTube so but but you got to make your own mind up what’s out there and then decide I think they are telling the truth

Argument:	**Backing**
The British government are telling the truth	Personal opinion (1, 10, 13) CCTV evidence (1) One has been caught (4) One seen with Putin (5) Circumstantial evidence (6-7)

Table five: interview data 3, argumentation

Once again it is noticeable how far the backing for the speaker’s argument rests, crucially, on media sources. While the speaker claims to be ‘making his own mind up’ (12), based on ‘what’s out there’, it is plain that what he is referring to as ‘out there’ is not personally experienced space but mediated space. The same applies to the final question:

do you think President Putin personally ordered the operation?	I think he did I think he was aware of that and the evidence that they’ve come up with they’ve seen these two individuals they’ve got some evidence that they were part of the military yeah I think he probably did

Argument:	**Backing**
Putin personally ordered the attack	Personal opinion (1) Visual evidence (2) Unspecified evidence (2-3)

Table six: interview data 4, argumentation

Discussion, conclusion

I began by outlining a current in British thought, Russophobia, which would appear to be increasing, and for which the Skripal case in 2018 proved to be a significant moment. For whatever reason, it would appear that anti-Russian sentiment is increasing among Britain's political élite, and this is reflected in media coverage of the episode. As suggested above, such processes are regrettable, because they work against generally positive signals at a popular level which suggest that the Russians, as a people, are beginning to enjoy more positive relations with other global cultures than at any other time since the Second World War. Clearly, the newspapers bear no responsibility for spreading the phenomenon if they do no more than repeat May's assertions about Russia's involvement, or Boris Johnson's similar accusations. However, stories such as that analysed in this paper are another matter, which do raise questions about latent press ideology, of the kind analysed by Noam Chomsky (1997).

Clearly, it is not possible to advance general claims on the basis of such a limited data set. The study presented above is part of an ongoing project that will require a more thorough application of critical methodology, and a much larger collection of texts. What I hope has been indicated, however, are two important elements that should reappear in a larger-scale exploration. Firstly, the degree to which the Press use strategies of uncertainty in constructing their stories, thereby running against their implicit claim to be simply passing on information about events. What we see in the text analysed, instead, is one simple fact (the receipt of a telephone call) which is used to support a web of suppositions that may have no substance outside the journalist's imagination. This is a serious breach of responsibility on their part because, as Gilbert et al (1993: 222), say, "repeated exposure to assertions for which there is no evidence increases the likelihood that people will believe those assertions".

Secondly, the degree to which the implicit arguments advanced by the interviewee rely on press sources for their backing. On the basis of stories in

the press, the subject buys into a view of the world that associates Russians with encroaching on airspace, aggravating international relations, and finally sees their president personally ordering the Novichok attack. Typical of the processes of argumentation and evidentiality, found throughout this interview, is the following extract, from the first fragment:

> as far as the press is concerned and from what I can see is caused by Russians

In the text are other, similar phrases which appear to advance a claim to autonomous reflection and decision-making: *you make up your own impressions, my view of that, in my view, I think they are, that's the impression, there's some truth there, you got to make your own mind up what's out there and then decide, I think he did.* However, most of these phrases refer to processes of decision-making deriving from sense impressions and thoughts whose primary origin is a media report. When he says 'from what I can see', the subject is not referring to the behaviour of real Russian people from his own walk of life; rather, he means 'from what I see on the television', or what he reads in the papers. However, as the interviewee himself admits, the government could be 'making it up', while there is a lot of 'fake news'.

In the follow-up I hope to explore the notion of backing for argumentation in greater depth, and involve some notions from critical media studies.

References

1. Averre, Derek and Davies, Lance 2015. Russia, humanitarian intervention and the responsibility to protect: The case of Syria. International Affairs (91): 4, pp. 813–834.
2. Basulto, Dominic 2015. *Russophobia: How Western Media Turns Russia Into the Enemy*. USA: Druzbah Project.
3. Charap, Samuel and Shapiro, Jeremy 2015. Consequences of a New Cold War. Survival: Global Politics and Strategy Vol 57: 2, pp. 37-46.
4. Chomsky N (1997) Media Control: The Spectacular Achievements of Propaganda. New York: Seven Stories Media.
5. Gilbert DT, Tafarodi RW and Malone PS 1993. You can't not believe everything you read. Journal of Personality and Social Psychology 65(2): 221-233.
6. Gleason, John Howes 1950. *The genesis of Russophobia in Great Britain: A Study of the Interaction of Policy and Opinion*. Cambridge: Harvard University Press.

7. Hanitzsch, Thomas 2007. Deconstructing Journalism Culture: Toward a Universal Theory. Communication Theory 17: 4, pp. 367-385.
8. Hart, Christopher 2010. Critical discourse analysis and cognitive science. New perspectives on immigration discourse. Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan.
9. Hausendorf, Heiko and Kesselheim, Wolfgang, 2002. The communicative construction of group relationships. A basic mechanism of social categorisation. In Duszak, Anna (ed) Us and others. Social identities across languages, discourses and cultures, pp. 265–289. Amsterdam: John Benjamins.
10. Kecskes, Istvan. 2013. *Intercultural pragmatics*. Oxford: Oxford University Press.
11. Kecskes Istvan. 2016. A dialogic approach to pragmatics. Russian Journal of Linguistics 20 (4). 26-42.
12. Kissinger, Henry 1994. *Diplomacy*. New York and London: Simon and Schuster.
13. Leech, Geoffrey, N. 1980. *Explorations in semantics and pragmatics*. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins.
14. Levinson, Stephen 1993. *Pragmatics*. Cambridge: Cambridge University Press.
15. Lin, Stephanie 2003. Image (and) nation: The Russian exotic in 19th-Century French travel narratives. Dialectical Anthropology (27): 2, pp 121–139.
16. Martin, James and White, Peter R.R. 2005, The Language of Evaluation: Appraisal in English, Palgrave Macmillan, Basingstoke and New York.
17. McNally, Raymond T. 1958. The Origins of Russophobia in France: 1812-1830. The American Slavic and East European Review Vol. 17: 2, pp. 173-189
18. Monaghan, Andrew 2015. A 'New Cold War'? Abusing History, Misunderstanding Russia. Chatham House. Online at: http://www.pmln.us/wp-content/uploads/2015/06/20150522ColdWarRussiaMonaghan1.pdf, last access 13/06/2019.
19. Picard, R. G. 2014. Twilight or New Dawn of Journalism? Digital Journalism, 2: 3, 273–283.
20. Sperber, Dan and Wilson, Deirdre. 1995. *Relevance: Communication and cognition. 2nd edition*. Oxford: Blackwell.
21. Tsygankov A. 2009. *Russophobia: Anti-Russian Lobby and American Foreign Policy*. London: Palgrave Macmillan.
22. Toulmin, Stephen 1958. *The uses of argument*. Cambridge: Cambridge University Press.
23. Van Dijk, Teun, A. 1991. *Racism and the press*. London: Routledge.
24. Van Eemeren, Frans and Grootendorst, Rob 1983. *Speech acts in argumentative discussions.* Dordrecht: Foris.
25. Walton, Calder 2016. Active measures: A history of Russian interference in US elections. Online at: https://www.belfercenter.org/node/89086, last accessed 17/06/2018.

Е.Л. Конявская
доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН, главный редактор
научного журнала «Древняя Русь. Вопросы медиевистики»
Москва (Россия)
E-mail: ekonyavskaya@gmail.com

Под властью иноплеменников: проблема нравственного выбора в ранних нарративах о противостоянии ордынской власти

Аннотация. В статье проанализирована ранние летописные тексты и иные нарративы, повествующие об антиордынских выступлениях второй половины XIII – первой трети XIV в. Таковы события 1252 г., которые принято называть Неврюевой ратью; конца 1250-х годов в Новгороде – в связи с приходом туда ордынских «численников»; восстания 1262 г. в Ростове и других городах; затем 1289 и 1320 г. в Ростове, наконец, в 1327 г. в Твери. Для князей такие акции были нравственным выбором, который определял их действия.

Ключевые слова: антиордынские акции, нравственный выбор князя, карательные экспедиции.

Elena L. Konyavskaya
DSc in Philology, Leading Researcher of the
Institute of Russian History of
the Russian Academy of Sciences,
Editor-in-Chief of the scholarly journal
"Drevnyaya Rus'. Voprosy Medievistiki"
Moscow (Russia)
E-mail: ekonyavskaya@gmail.com

Under the power of foreigners: the problem of moral choice in the early narratives about the opposition of the horde power

Abstract. The article brings to light the early sources data of the anti-Horde actions in the second half of the 13th – the first third of the 14th century. That was the events of 1252, the so-called "Nevriuev" host; the events of the end of 1250s because of Horde

"chisleniki" coming to Novgorod, the uprising in Rostov and some other towns in 1262, the events of 1289 and 1320 in Rostov and finally in Tver' in 1327. Such actions were a moral choice for princes. And this choice determined their actions.

Keywords: anti-Horde actions, moral choice, punitive expeditions.

После Батыева завоевания и установления власти монголов над русскими землями русские люди должны были жить в новых реалиях, которые требовали их осмысления и – вынужденного приятия. Христианская интерпретация давала возможность видеть в таком положении Божие наказание за грехи [17; 18]. В.Н. Рудаков, написавший подробное сочинение об изображении ордынцев в древнерусской литературе, утверждает, что перелом в восприятии ордынского владычества и ожидания конца кары Господней фиксируется в 70-х годах XIII в. До этого же «никто из незначительного числа активно сопротивлявшихся татарам персонажей летописных рассказов не призывает Господа прийти ему на помощь» [35, с. 264]. Рассказы об антиордынских выступлениях XIII – первой четверти XIV в. сохранились в летописных известиях, летописных и агиографических нарративах, а также в произведениях фольклора. Сами факты таких выступлений, известных уже с 40-х годов XIII столетия, свидетельствует о том, что русские люди были готовы предпринять действия по устранению тяжкого иноземного гнета. И анализ этих памятников показывает, что такое сопротивление трактовалось летописцами и книжниками как угодное Богу, а, стало быть, воспринималось элитой и обществом как действия правомерные и одобряемые.

В 1252 г. на Русскую землю пришла Неврюева рать. Это были войска, отправленные монгольскими правителями, под командованием эмира Неврюя против князя Андрея Ярославича. В Лаврентьевской летописи сказано: «здума Андрѣи князь Ярославич с своими бояры бѣгати, нежели цесаремъ служити» [26, стб. 473], отказавшись повиноваться монгольской власти. Употребление же в данном случае множественного числа («ц(е)*с*(а)р(е)мъ»), а не единственного, предполагает, что речь идет о двух правителях – Мунке и Батые. Мунке пришел на смену благоволившему к Андрею Гуюку и был ставленником Батыя.

Что же предшествовало этому поступку Андрея?

В 1249 г. Андрей и Александр Ярославичи вернулись из Каракорума, получив от хана Андрей – Владимир, Александр – Киев. Далее сообщается о двух похоронах – Владимира Константиновича Угличского и

Владимира Васильковича Ярославского. Их оплакивают и хоронят также Борис Ростовский, Глеб Белозерский и не названная поименно «братия». Это означает, что во Владимир к приезду Андрея и Александра от хана был собран княжеский съезд. Возможно, здесь Андрей и выказал свою позицию – отказ от консенсуса с монголами и намерение предпринять шаги по поиску союзников для противостоянии иноземным завоевателям в дальнейшем. Через год на ханский стол восходит Мунке, Александр едет к нему для подтверждения прав на вотчину, Андрей же отказывается это делать.

В летописи подчеркивается, что князь Андрей сначала «думает», а потом и действует вместе с боярами. Это неоднократное упоминание бояр может свидетельствовать о том, что рассказчик трактует действия русских как целенаправленные и продуманные, за которыми последовали столь же целенаправленные преследования. Преследования затронули не только Андрея, но и его младшего брата Ярослава Ярославича. Сообщается, что пострадали члены семьи Ярослава Ярославича, и это означает, что в глазах татар он был виновен, стало быть, действовал заодно с братом.

В Софийской I летописи, а также в Ермолинской, Московском своде конца XV века и ряде других содержится другой рассказ. На Андрея Ярославича и «Суздальскую землю» пришли Неврюй, Котья/Котиак и Олабуга и не направились к стольному Владимиру, а, переправившись через Клязьму под Владимиром, двинулись, «таясь», к Переяславлю. Это означает, что они стремились настичь именно Андрея Ярославича и имели сведения о его местонахождении в это время. Под Переяславлем на «Бориш день» (15 мая или 24 июля), произошла битва, которую русские князья проиграли. Андрей бежит в Новгород, где его не принимают, затем в Псков, там он ждет супругу, едет в Колывань (Ревель-Таллинн) и, оставив там жену – в Швецию. «Местер же Свеиски срете его и прия его с честью» [31, с. 141-142], после чего супруга приезжает туда же.

Позже в летописях сообщается, что в начале 1253 г. («по Крещении») из своей отчины (Твери) сначала в Ладогу, а потом во Псков бежит и Ярослав Ярославич. Возможно, он вслед за братом собирался покинуть Русь, но поддержка ладожан, которые «почьтиша и достоиною ч^{с}тью», приглашение от псковичей изменили его намерения. Но можно предполагать, что оба бунтаря бегут сначала в северо-западные пределы русских территорий – Новгород, Ладогу, Псков, рассчитывая на благожелательное отношение к ним жителей регионов, мало зависимых или

вовсе не зависимых от монголов. И лишь осторожность Новгорода, не принявшего Андрея, побуждает его бежать в Швецию. Псков же принимает и Андрея, и Ярослава. Последнего затем приглашают из Пскова к себе на княжение и новгородцы.

В Лаврентьевской летописи об этих событиях говорится скупо, но летописец заявляет, что, хотя татары и настигли князя Андрея, «Б(ог)ъ же схрани и и м(о)л(и)тва его о(т)ца». Использование подобной летописной формулы говорит о том, что позиция и действия Андрея вызывают у летописца сочувствие.

Известно, что Андрей Ярославич незадолго до этих событий женился на дочери Даниила Галицкого. Видимо, с Даниилом Романовичем его объединяли и союзнические отношения. Даниил, ведя переговоры о возможном военном союзе с Западом, и сам успешно противостоял походам Куремсы, о чем с гордостью писал его летописец: «Данило же . держаше рать . с Коуремьсою . и николи же . не боѧсѧ Коуремьсѣ . не бѣ бо моглъ . зла емоу створити . никогда же Коуремьса». Но далее сам же признает: «донже приде . Боуранда. со силою великою…», который встал «на мѣстѣ*х* Коуремьсѣнѣ*х*» [27, с. 846].

Сопротивление Даниила Галицкого татарам не увенчалось освобождением от иноземной зависимости. Но очевидно, что именно такие планы были у Даниила Романовича, для этого он заключал союз с Андреем Ярославичем, вел переговоры с папой, пытался заручиться поддержкой Польши и Венгрии. Только такими смелыми планами можно объяснить поведение Андрея Ярославича и его брата Ярослава, которые не выполняли предписаний ханов, а в вынужденном бегстве направились в независимые от монголов Русские земли и в католические страны.

В конце 50-х годов разворачиваются события в Новгороде, связанные с «числом» – переписью, которую задумали монголы. О них повествуют как новгородские летописцы, так и летописцы Северо-Восточной Руси. Новгород не был взят полчищами Батыя, и новгородцы не считали себя данниками Орды. Однако монголы скоро поняли, сколь богат Новгород, а установившиеся взаимоотношения с Александром Невским позволяли им надеяться на то, что дань с новгородских земель станет существенным источником дохода.

В 1258 г. монгольские представители пришли в Новгород и начали просить «десятины тамгы». То, что эти действия были согласованы с Александром Невским, подтверждается тем, что он также едет в Нов-

город и будет поддерживать монгольских чиновников. Иную позицию занимает его сын Василий, наместник Александра Ярославича в Новгороде. Александр Невский приезжает в Новгород, уже зная, что там идут волнения. В Новгороде же известна его позиция: Василий при приближении отца бежит во Псков. Новгородцы «не яшася» на перепись, предпочтя откупиться дарами. Послы уехали, великий князь отправил Василия «в Низъ», а всех тех, «кто Василья на зло повелъ», наказал урезанием носа и выниманием очей. Очевидно, что Александр Невский считал сопротивление монголам невозможным, а действия Василия и его сторонников – «злом». Очевидно, что позиция Василия Александровича была и позицией бояр из его окружения. Репрессии Александра Ярославича были направлены против некоего Александра (видимо, боярина и воеводы) и дружины Василия. Стало быть, знать была против подчинения монголам и переписи.

В следующем году монгольские переписчики снова пришли в Новгород, уже основательно – «с женами своими, и инѣхъ много». Это вызвало еще более значительные антиордынские волнения и раскол в новгородском обществе. Александр Невский также присутствует в городе, и оказывается, что бояре и знать уже готовы «даться на число». Отчасти это объясняется тем, что прежних борцов против числа уже не было в городе, отчасти – ложными слухами о том, что уже стоят полки в «Низовской земле», готовые утверждать в Новгороде «число» военной силой. Но владычный летописец говорит, что «чернь» бунтует и выражает готовность умереть «честно за святую Софью и за домы ангельскыя»[1]. Переписчики, видя крайне напряженную обстановку, «боялись смерти» и были вынуждены просить у Александра Невского «сторожей». Князь велел «стеречи их сыну посадничю и всѣм дѣтемъ боярьскымъ по ночемъ» [21, с. 82]. Владычный летописец явно на стороне тех, кто против переписи, монголы награждаются в Новгородской первой летописи нелестными эпитетами: «оканнии, сыроядци».

Настроения в Новгороде были таковы, что, как явствует из летописи, и со сторожами татарские численники не чувствовали себя в безопасности, и были готовы бежать прочь, если им «дадут число». При этом летописец добавляет, что они хотят оставить Новгород, «гонимы Святымь Духомь». Таким образом, и в этой летописи сопротивление ордынской власти представлено как поддерживаемое Богом.

[1] См. подробнее: [19, с. 214-237].

В конечном итоге монголы добились нужного им результата благодаря консенсусу с боярством, с которым они согласовали принципы переписи (и соответственно выплат) на выгодных для бояр условиях.

Характерно, что в Лаврентьевской летописи также есть рассказ о переписи в Новгороде, причем только в ней говорится, что в Новгород едет несколько князей: Александр и Андрей Ярославичи, а также Борис Василькович Ростовский. О сопротивлении новгородцев здесь нет ни слова, напротив, по версии Лаврентьевской летописи, князья, после того как численники «ищтоша» людей, уехали во Владимир, Александра же новгородцы задержали «и чтиша много. Олександръ же давъ имъ рядъ. и поеха с ч(е)стью въ свою очину» [26, стб. 475]. В новгородской летописи задержке князя в городе дается иное объяснение: он задержался, оставляя наместником сына Дмитрия и устанавливая с ним «ряд» новгородцев. Таким образом, северо-восточный летописец умалчивает о серьезных противоречиях, возникших в Новгороде в связи с «числом», которые князю Александру пришлось сводить к компромиссу, дважды приезжая в Новгород.

Но в других условиях при возможности маневра между Каракорумом и Сараем Александр Невский действовал иначе. Летописи сохранили рассказ о волнениях в 1262 г. в Ростове, Ярославле, Устюге, а также во Владимире и Суздале. В Лаврентьевской летописи говорится, «ѡкупахуть бо ти оканьнии бесурмане дани и ѿ того велику пагубу людемъ творѧхуть . роботѧще рѣзы и м҃ногы . дш҃и кр҃стьѩньскыѩ раздно ведоша», то есть дань была непомерно большой, а за долги русских людей уводили в рабство. Крайне раздражало горожан и то, что монгольские чиновники стали поддерживать христиан-отступников, принявших ислам. Так, гнев восставших был направлен против «окаянного лишеника» бывшего монаха Изосимы, который, согласно характеристике летописца, был носителем всевозможных греховных пороков и допустил поругание «кр҃сту и ст҃мъ цр҃квам» [26, стб. 476].

Летописи констатируют, что восстание было организовано вечем, князья не упоминаются, но Устюжский летописец в известии этого года[1] говорит о некоей княжеской грамоте, которая подавала сигнал к восста-

[1] За XIII век в Устюжском летописцы обнаруживается местный уникальный материал. Но этот эпизод часто трактуется как «полностью вымышленный». Так, Дж. Феннел безапелляционно утверждал, что «князья, и в том числе, конечно, Александр, не вдохновляли, не возглавляли и не поддерживали народное движение» [37, с. 79].

нию: «и прииде на Устюг грамота от великаго князя Александра Ярославича, что Татар бити» [33, с. 70]. Хотя это сообщение содержится в Устюжском летописце в рамках предания о любви ясащика (сборщика дани) Буги и «крестьянской девицы», что привело к переходу татарина на сторону русских и принятию им крещения, эти припоминания могли иметь под собой реальную основу. Учитывая, что восстания вспыхнули сразу в нескольких городах, едва ли можно думать об их спонтанности. Если учесть и интерпретации более поздних летописей, то можно понять, что откупщики из Каракорума выкупали невыплаченную дань у сарайских татар, а при взимании долгов (и видимо, процентов) чинили произвол[1]. Восставшие предполагали, что изгнание чиновников великого хана Хубилая вызовет спокойную реакцию его соперника Берке[2]. Сам по себе такой расчет означает запланированность восстаний, и, стало быть, участие в них князя – Александра Невского, который обладал как необходимой информацией о делах монголов, так и ресурсами для координации действий [22, с. 52]. Акция представлена как победоносная, статья начинается со слов: «Избави Бъ҃ ѿ лютаго томленья бесурменьскаго. люди Ростовьскія землѧ. вложи ярость въ ср҃дца кр҃ьяномъ…», – и далее: «видѣвше же чл҃вколюбець Бъ҃ послуша моленья Мтрнѧ. избави люди своя ѿ великъıя бѣдъı» [26, стб. 476]. Откупщиков изгнали, «иныхъ избиша». Действительно, карательной экспедиции не последовало, но ряд историков [36, т. 3, стб. 842; 8, с. 934; 23, с. 57; 5, с. 46] трактовали этот факт как результат поездки в Орду Александра Невского, который при-

[1] В целом ряде летописей есть такое пояснение: «откупахуть бо окаянніи дань татарьскую» [24, с. 237; 30, с. 72; 32, с. 93] или «откупахуть бо оканнии Бесерменя дань у татар» [31, с. 144].

[2] Г.В. Вернадский, однако, высказывал убеждение, что сборщики-откупщики не могли действовать от лица Хубилая, поскольку «ввиду того факта, что в 1262 г. путь из Китая на Русь все еще был прегражден Ариг-Бугой, трудно представить себе, что кому-либо из доверенных лиц Хубилая удалось бы добраться до Руси». Кроме того, исследователь полагал, что «в любом случае, независимо от того, кто послал сборщиков налогов в Суздальскую землю в 1262 г., Берке имел право на большую долю в собранных деньгах» [4, с. 167]. А.А. Горский обратил внимание на то, что под 1266 г. в Троицкой летописи (как, впрочем, и в других летописях, отражающих раннее летописание) после сообщения о смерти Берке говорится, что была «ослаба Руси отъ насилья бесерменъ», и заметил, что «имеются в виду те же откупщики» [6, с. 139, примеч. 4]. С.А. Маслова полагает, что сегодня «нельзя однозначно сказать, какую администрацию, имперскую или золотоордынскую, представлял приехавший на Русь титям» [20, с. 53], под покровительством которого действовал Изосима.

ложил большие усилия, чтобы утишить гнев хана[1] и не допустить наказания восставших городов. Однако А.Н. Насонов справедливо отметил, что в Житии Александра Невского, памятнике раннем, указана другая причина поездки князя: «Бѣ же тогда нужда велика от иноплеменникъ, и гоняхут христианъ, веляще с собою воиньствовати. Князь же великый Александръ поиде к цареви, дабы отмолити людии от бѣды тоя» [3, с. 177], – говорится в Житии Александра Невского. Как показано ученым, это свидетельство раннего памятника подтверждается и летописным материалом [22, с. 52-53].

Поздний памятник – Житие Пафнутия Боровского, написанное в начале XVI в. Вассианом Саниным (братом Иосифа Волоцкого), также доносит до нас смутные и искаженные упоминания о некоей победоносной акции, осуществленной избежавшими гибели при Батыевом нашествии «благочестивыми самодержцами» (русскими князьями), которые собрали на «совет» христианский народ и приняли решение предавать смерти «агарянского безбожия началниковъ», если они не перейдут в христианскую веру. Предок Пафнутия («дед»), баскак, крестился и «Мартынъ нареченъ бысть» [7, с. 105]. По поводу времени этого восстания в Житии говорится лишь то, что оно произошло после смерти Батыя.

Видимо, отслеживалась ситуация в Орде и во время вспыхнувшего восстания в Ростове в 1289 г. Первый этап противостояния Ногая с сарайскими ханами длился до 1291 г. восшествия на сарайский стол Тохты). Одновременно шла борьба между князьями, ориентировавшихся на разные силы в Орде. Так, Дмитрий Борисович, владевший Угличем, отнял ростовский стол у своего младшего брата Константина Борисовича. Под 1289 г. в Московско-Академической летописи имеется краткое сообщение о том, что, когда на ростовский стол сел Дмитрий Борисович, из города изгнали татар (как и в 1262 г., вечем) и ограбили их: «сяде Дмитрии Борисовичь Ростовѣ. Тогда же бѣ много Татар в Ростовѣ. И изгнаша их вѣчѣм, и ограбиша их. Того же лѣта кн҃зь Костѧнтинъ иде въ Ѡрдy….» [26, стб. 526].

Были ли эти многочисленные татары сторонниками Ногая или Телебуги – вопрос не совсем ясный, но очевидно, что горожане сумели воспользоваться шаткостью ситуации. При этом, имея опыт восстания

---

[1] Н.М. Карамзин называет имя Берке (хотя он говорит и об избавлении от участия в войне как еще одной цели поездки Александра [10, с. 56]), С.М. Соловьев и В.С. Иконников [16, с. 934; 36, с. 842] имени хана не называют.

1262 года, которое карательных последствий не имело, они, как можно предположить, и в этот раз были уверены в том, что карательная экспедиция им не грозит. Показательно, что после этих событий Константин Борисович поехал в Орду. Если предполагать, что целью его поездки было – жаловаться на брата, то она не принесла результата. В летописях о последствиях восстания 1289 г. ничего не говорится.

Таким образом, наметилась тенденция использовать противоречия в Орде и вообще ордынские силы как «ресурс» междоусобной борьбы, что принесло несомненные нравственные потери. Она проявила себя достаточно ярко в курских событиях 1289–1290 г., связанных с баскаком Ахматом. Весьма подробный рассказ в Лаврентьевской (с утраченным началом) и Симеоновской летописях сообщает, что баскак Ахмат откупил у «татар» (у сарайского хана Телебуги[1]) «дани всякиа и тѣми даньми велику досаду творяше княземъ и чернымъ людемъ въ Курскомъ княжении». Кроме того, он основал там две слободы, заселив их людьми, которые стали подвластными непосредственно баскаку. Эти зависимые от Ахмата люди «насилие творяху христианом, сущимъ Курскыя волости, около Воргола и около Рылска пусто створиша» [30, с. 79]. Как можно видеть, здесь не говорится о каких-то антиордынских действиях. Князь Олег Рыльский и Воргольский не применяет силу против баскака, а едет к Телебуге с жалобой на Ахмата, заручившись поддержкой князя Святослава Липовичского. Телебуга разрешил спор в пользу Олега, поскольку Ахмат нарушил правило, поселив в слободах людей с той же территории (Курской земли), где слободы и располагались [25, с. 45-46]. В дальнейшем после нападения Святослава на слободы Ахмата Олег понуждает и Святослава ехать в Орду: «поиде в Орду, отвечаи». Нападение же Святослава на Ахматовых братьев сам летописец и в его повествовании Олег называют разбойным. И хотя Святослав говорит о братьях Ахмата как будто бы знаковые слова: «то суть мои ворози» [30, с. 81], действия русских князей носят, скорее, некий межклановый характер. Летописец же, однозначно обличая Ахмата, который, по его словам, «злохитръ и велми золъ» [30, с. 79], и жестокие действия ордынцев, осуждает и враждующих князей.

Глухо в летописи сказано о восстании 1320 г.: «того же лѣта быша зли Татаровѣ в Ростовѣ, и собравшесѧ людїє изгониша иˣ из града» [26, стб. 530]. Сходный текст читается и в Летописи Авраамки

[1] См. об этом подробно: [16, с. 5-57].

[29, стб. 62]. Поскольку здесь говорится, что действовали «людие», с определенностью можно думать о ключевой роли веча. Видимо, и здесь карательных последствий не было, что заставляет предполагать какую-то локальную ситуацию с самоуправством чиновников, которое вызвало возмущение людей. А.Н. Насонов высказывал мысль, что Ахмылова рать, пришедшая на Русь через два года, и была карательной экспедицией, вызванной этой акцией [22, с. 107–108; 5, с. 57]. Однако подобная связь не очевидна. В Рогожском летописце называется причина прихода Ахмыла. Она оказывается не связанной с Ростовом: «на Роусь выиде посолъ силенъ отъ царя Ахмулъ по Юриа князя, а съ нимъ князь Иоан Данилович» [28, стб. 42], то есть целью «сильного» посла было разрешить ситуацию с выходом, который не был передан Юрием Даниловичем в Орду.

Известно, что в Орде были казнены князья Михаил Всеволодович Черниговский, Андрей Мстиславич Рыльский, Михаил Ярославич Тверской Дмитрий Михайлович Тверской и др. Был отравлен монголами Ярослав Всеволодович, возможно, планы по умерщвлению или некоем «вечном пленении» вынашивались и относительно Александра Невского [34, с. 77–78]. К первой четверти XIV в. эта печальная статистика была не могла не влиять на решения, принимаемые князьями относительно взаимоотношений с Ордой. Вместе с тем, был и, как было показано, опыт антиордынских выступлений, за которыми не последовали серьезные карательные акции. В ряде случаев такие выступления совпадали с моментами нестроений в Орде и Монгольской империи. В процессе соперничества и борьбы московского князя Юрия Даниловича и тверского Михаила Ярославича «поверг стяги» и ушел с поля битвы ордынский эмир Кавгадый, союзник Юрия.

На этом фоне нужно оценивать значение тверского антиордынского восстания 1327 г., в ходе которого против татар действовали и горожане, и князь с вооруженной дружиной.

Восстание случилось 15 августа 1327 г. и было вызвано действиями ханского посла Чол-хана (в русских источниках Шевкал, Щелкан), который выгнал князя Александра Михайловича Тверского из его резиденции, и сам «ста на князя великого дворѣ съ многою грьдостию и яростию». Его многочисленный отряд «въздвиже гонение велико на христианы насилством и граблением и битием и поруганием» [28, стб. 43]. Горожане неоднократно приходили к князю с жалобами и просьбой «оборонить» их от насилий.

Согласно Первой повести о Шевкале, читающейся в тверских летописях [15, с. 83–96], терпению народа пришел конец в праздник Успения Богородицы, когда на площади собирался широкий торг. Ордынцы попытались отнять у дьякона Дудко молодую тучную кобылицу. Известно, что духовенство со стороны монголов, по крайней мере, в мирное время не притеснялось – не облагалось данью и не подвергалось поборам. Дьякон призвал на помощь «мужей тверских», началась схватка, татары применили оружие. Колоколом тверичи собрали вече, и началось избиение ордынцев, какие только были в городе. Рассказчик подчеркивает, что смерти предавались все ордынцы – «по ряду», «где котораго застропивъ». Не пощадили и «гость ихъ хопыльскии», то есть ордынских купцов.

Это повествование «О Шевкале» дошло до нас в Рогожском летописце и Тверском сборнике. Но еще в одном летописном памятнике, восходящем к той же летописной традиции, так называемом Музейском фрагменте (ГИМ. Муз. № 1473), читаются практически совпадающие с текстом вышерассмотренной повести начальная часть (о замыслах Чол-хана и приходе его на Русь) и информация о карательной экспедиции. Рассказ о бесчинствах Чол-хана и восстании отсутствует, вместо него лаконично сообщается: «Беззаконныи же Шевканъ приемъ отвѣт от царя и поиде в Русь со многими Татары и прииде во Тверь. В лѣта 6835. Мало днии пребывшу ему, много зла сотвориша христианомъ. Сего же не терпяще христиане, имша и, убиша, а иныя огнемъ пожгоша» (Л. 150). Возможно, мы имеем дело с сокращением текста, но более вероятно, что «народный» рассказ о восстании был вставлен (либо заместил иной текст) в протограф Рогожского летописца и Тверского сборника. Характерно, что именно с этим отсутствующем в Музейском фрагменте повествованием обнаруживается связь одного из вариантов Песни о Щелкане. Загадочный Дютькозлять (Дютько Злять?) который, по одной из версий Песни, расправляется со Щелканом, бросив его о «сыру землю», не может не напоминать Дюдко/Дудко в Рогожском летописце и Тверском сборнике, инцидент с которым, согласно их версии, послужил поводом для начала восстания. Есть и иные сюжетные переклички [1; 2]. Таким образом, возможно, одно и то же устное предание могло послужить основой для письменного рассказа и фольклорного памятника.

Другое повествование – Вторая повесть о Шевкале, сохранившаяся в псковских летописях, главный героем событий изображает Александра Михайловича Тверского, который собрал вооруженный отряд (а не

только дружину, т. к. сказано, что он «созва тверичи») и победил Чолхана. Последний «съ дружиною своею» спрятался в княжеском дворце, но князь поджег сени дворца, где татарский посол, «сгорев, пропаде».

В Новгородской первой летописи говорится, что татары были побиты и по «иным городам». Эта информация косвенно подтверждается тем, что последующая карательная экспедиция (Федорчукова рать) «Тверь и вся гради огнемъ пожгоша», отдельно упоминается Кашин и даже Новоторжская волость. На Тверские земли были отправлены 5 «темников великих», трое из них названы поименно: Федорчук, Туралык, Сюга. С татарской ратью шел со своими войсками и московский князь Иван Данилович Калита[1]. О тяжелых последствиях этих событий для Ростовской земли говорится в Житии Сергия Радонежского. Родители Сергия обнищали «частыми хоженьми еже съ княземъ въ Орду, частыми ратми татарьскыми еже на Русь, чястыми послы татарьскыми, чястыми тяшъкыми данми и выходы», но еще более, когда пришла «великаа рать татарьскаа, глаголемаа Федорчюкова Туралыкова» [12, с. 303]. Московские же летописцы характеризовали последующие за нашествием годы, как годы «тишины»: «бысть оттолѣ тишина велика на 40 лѣтъ, и престаша поганiи воевати Русскую землю и закалати христiанъ, и отдохнуша и починуша христiане от великiа истомы и многыа тягости, отъ насилiа татарскаго, и бысть оттолѣ тишина велика по всеи земли» [30, с. 90].

Летописные свидетельства того, что в 1327 г. акции имели место в разных городах Тверского княжества, бегство от карательной экспедиции всех членов тверского княжеского дома позволяют делать вывод о том, что были если не конкретные планы, то, по крайней мере, внутренняя готовность к антиордынским действиям [214, с. 229–230]. Однако, в отличие от вышерассмотренных ситуаций в Ростове, нестроений в Орде в это время не было, положение хана Узбека было стабильным, и при всем отразивших события памятников остается неясным, на что могли рассчитывать в Твери, если это была не спонтанная вспышка, а планируемая акция. Последствия для Твери были не просто тяжелыми, их можно назвать катастрофическими.

Это побуждало уже самого первого историка-любителя тверской старины Д.И. Карманова высказать оценку действий тверских князей. Их

---

[1] Согласно данным, приведенным Г.В. Вернадским, многие плененные тогда тверичи были угнаны и оказались потом в Китае: в 1331 г. канцлер Эль-Тимур отдал императору 2500 русских пленников [5, с. 207]

поступок он расценил как геройский, который в «другое время был бы великой похвалы достоин, а теперь он имел пагубные следствия как для Тверской области, так и для князя Александра Михайловича» [11, с. 68]. Примерно в том же ключе трактовал ситуацию Н.М. Карамзин, называя Александра «юным и легкомысленным», а восстание – «делом, внушенным отчаяньем» [10, с. 125–126]. С.М. Соловьев так же полагал, что князь «необдуманным поступком погубил себя и все княжество свое» [36, с. 918].

В советской историографии практически не рассматривалась возможность активной роли князя в этих событиях. В частности, Л.В. Черепнин писал, что Александр Михайлович выбрал тактику выжидания: «он воспользуется плодами восстания, если оно будет удачно, но он и отведет от себя гнев хана, в случае провала движения» [38, с. 39]. Однако на какого рода удачный исход мог рассчитывать князь? И почему же эта тактика не отвела от него гнев хана?

О восстании и роли в нем князя писали и зарубежные исследователи. Дж. Феннел полагал, что приход Чол-хана был спланированной ордынской провокацией [39, p. 105-109]. Ч. Гальперин, оценивая позицию Александра Михайловича, высказывал мысль, что «для князей Рюриковичей было просто непристойно связываться с неконтролируемой жестокой толпой простолюдинов на вече» [5, с. 108]. Э. Клюг показал, что две Повести дают картину, отнюдь не исключающую версии друг друга. Он заключил, что Александр Михайлович восстание не планировал, но «когда борьба уже началась, князь ни в коем случае не мог позволить себе остаться в стороне от нее» [13, с. 117].

Действительно, анализ всех источников о восстании дает возможность говорить о том, что роль Александра Михайловича в этих событиях была существенной. Возможно, поведение Чол-хана вызывало у тверичей реальные опасения, что он, сместив князя, собирается стать правителем Твери (как уже говорилось, Чол-хан с его свитой занял княжеский дворец, чинил самоуправство, притеснял горожан), поскольку различные, не зависимые друг от друга источники (две Повести о Шевкале, Историческая песня о Щелкане) дают одну и ту же трактовку цели, которую преследовал Чол-хан и Орда в целом, когда «сильный» посол отправлялся в Тверь. Согласно источникам, он идет на Русь, чтобы князя «избить», истребить христианство и самому сесть на княжении. В Первой повести читаем: «за оумножение грѣх ради наших Богу попустившу диаволу въложити злаа въ сердця безбожным Татаром глаголати безаконному царю: "Аще не погубиши князя Александра и всѣх князии

роусскых, то не имаши власти над ними". И безаконныи и треклятыи всему злу началникъ Шевкалъ, разоритель христианскыи, отверзъ скверная своя оуста, начат глаголати, диаволом оучимъ: "Господине царю, аще ми велиши, азъ идоу въ Роусь и разорю христианство, а князя ихъ избию, а княгини и дѣти к тебѣ приведу". И повелѣ ему царь сътворити тако. Безаконныи же Шевкал, разоритель христианскыи, поиде въ Роусь съ многыми Татары и прииде на Тфѣрь и прогна князя великого съ двора его, а сам ста на князя великого дворѣ съ многою гръдостию и яростию. И въздвиже гонение велико на христианы насилством и граблением и битием и поруганием» [29, стб. 45]. Во Второй повести, созданной в окружении Александра Михайловича в бытность его во Пскове, о целях Чол-хана говорится: «они наѣхали многою силою, велико насилие почаша творити, а князя Александра и братию его побити хотяще; а самъ хотѣ сѣсти во Твери на княжение; а иная князья посажати по инѣмъ градомъ по руским, хотяще привести християнъ в бесъсерьменьскую вѣру» [25, с. 16]. Сюжет Исторической песни о Щелкане Дюдентьевиче весьма отличен от книжных нарративов, но и здесь в начале обнаруживается сходство мотивов: хан Азвяк Таврулович одаривает шуринов русскими «городами стольными»: Плесом, Вологдой и Костромой. Щелкан просит Тверь [9, с. 48-51]. Очевидно, что в реальности таких планов в Орде не было, что ясно из последствий Федорчуковой рати: Тверская земля была разорена, но в его столице и городах по-прежнему княжили тверские князья. Однако факт того, что Чол-хан выгнал Александра Михайловича из княжеского дворца и расположился там со своими приближенными, а также вызывающее поведение ордынцев стали причиной преувеличений планов Орды. Все это, видимо, привело к вооруженному сопротивлению ордынцам. Возможно, для Александра Михайловича был важен и пример его отца, великого князя Михаила Ярославича, одержавшего победу над Юрием Даниловичем Московским, который выступил против тверского князя, поддерживаемый татарским отрядом Кавгадыя. Пусть за этим последовала трагическая гибель Михаила, сам факт такого успеха на поле брани, безусловно, психологически много значил.

В отличие от историков XIX-XX веков близкие потомки современников этих событий давали бесспорно положительную оценку действий Александра Михайловича.

В статье Комиссионного списка Новгородской I летописи об Александре говорится: «иже убилъ Шевкала Деденевичя» [21, с. 469], – именно это деяние определяло память об этом князе в первой четверти XV

века. В памятнике середины XV века «Предисловіи лѣтописца княженія тферскаго благовѣрныхъ великыхъ князей тверскыхъ» то, что в более ранних тверских летописях можно назвать лишь акцентом по сравнению с другими летописными интерпретациями, нашло развитие и яркую реализацию. Уже в Первой повести о Шевкале в трактовке ее составителя Александр Михайлович, выступая против ханского посла, защищает права великокняжеской власти. Эта мысль в еще более определенной форме звучит в «Предисловии»: татары позавидовали могуществу Александра Михайловича, который владел «землею Росскою, Володимеремъ, и Великим Новымгородом, и всею страною до моря Варяжского, и паки Новымградомъ Нижним и до предѣлъ Измаильтескихъ, и восточными странами обонъпол Устюга до рѣкъ Угорских, даже и до моря Печерскаго, и повсюду» [28, стб. 465], т. е. летописец стремится перечислить земли, которые подвластны Александру как великому князю владимирскому, и при этом довольно точно называет территории Великого княжества Владимирского. Неоднократно и настойчиво подчеркивается высокий статус Александра Михайловича и величие его рода: он «самодрьжецъ бѣ, владѣяше землю Рускую, яко же и отець его Михаилъ, и вси прадѣди его», «степени Владимирского полихрона» идут от Владимира до Александра, которые «владяху землею Рускою», Александр также называется «дръжавным», владеющим «землею Рускою». Свой победоносный отпор Шевкалу князь называет достойной «мздой» «делателю» «беззакония». Целью карательной экспедиции представлен исключительно поиск Александра. Не найдя Александра в Тверской земле, татары, согласно этому памятнику, «отидоша въ свою землю» [28, стб. 466].

Очевидна активная роль горожан и городского вече в целом ряде антиордынских выступлений. Но не менее важной оказывается роль русских князей, которым в первую очередь приходилось сталкиваться с ордынскими властями и для которых иноземное господство было постоянно действующими гнетущим фактором. Ордынская власть попирала княжеское право на власть, право старейшинства, безусловное владение вотчиной, княжеское достоинство. Два государственных устройства, два образа жизни вошли в неразрешимые противоречия, которые не предполагали консенсуса, а держались лишь на силе и угрозе истребления. Именно Рюриковичи были тем передним краем, которому приходилось нести не только властные и имущественные, но и нравственные потери, вызванные зависимостью от Орды. События 1252 г. – проявление сопротивления исключительного княжеского. Все другие – так или иначе

координировались со стороны князей. Вспышки сопротивления монголам – как спонтанные, так и спланированные – случались не только в моменты, когда возможно было воспользоваться шатким положением, противоречиями во взаимоотношениях монгольских правителей, но и когда ситуация становилась совершенно нетерпимой для населения русских княжеств.

Литература и источники

1. *Азбелев С.Н.* Летописный факт и ранняя историческая песня // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 18-22.
2. *Азбелев С.Н.* Историческая песня о тверском антиордынском восстании 1327 года // Михаил Ярославич Тверской – великий князь всея Руси. Тверь, 2007. С. 111-116.
3. *Бегунов Ю.К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л.: Наука, 1965. – 232 с.
4. *Вернадский Г.В.* Монголы и Русь. Тверь: Леан; М.: АГРАФ, 1997. – 480 с.
5. *Гальперин Ч.* Татарское иго: образ монголов в средневековой России / Пер. М. Е. Копылова: под ред. Ю. В. Селезнёва. Воронеж, 2012. – 230 с.
6. *Горский А.А.* Утверждение власти Монгольской империи над Русью: региональные особенности // Исторический вестник. 2014. Т. 10 (157). С. 58–79.
7. Жития и чудеса святых в древнерусской письменности: Тексты, исследования, материалы / Отв. ред. М. С. Крутова. М.: ПСТБИ, 2002. – 224 с.
8. *Иконников В.С.* Опыт русской историографии: В 2 т. Киев, 1908. Т. II. Кн. I. – 1113 с.
9. Исторические песни / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. С.Н. Азбелева. М., 2001. – 526 с.
10. *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. СПб., 1842. Т. 4. – 186 с.
11. *Карманов Д.И.* Собрание сочинений относящихся к истории тверского края. Тверь, 1893. – 197 с.
12. *Клосс Б.М.* Избранные труды. Т7 1. Житие Сергия Радонежского. М.: Языки русской культуры, 1998. – 568 с.
13. *Клюг Э.* Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь, 1994. – 352 с.
14. *Конявская Е.Л.* Тверь в литературных памятниках периода независимости княжества: власть и народ // Славянский мир: общность и многообразие. Тверь, 2009. С. 227–236.
15. *Конявская Е.Л.* Очерки по истории тверской литературы XIV–XV в. М.: Свой круг, 2007. – 400 с.

16. *Кучкин В.А.* Летописные рассказы о слободах баскака Ахмата // Средневековая Русь. Вып. I. М., 1996. С. 5-57.
17. *Лаушкин А.В.* Идеология «ордынского плена» и летописные известия о «Неврюевой рати» // История и культура Ростовской земли. 2000. Ростов, 2001. С. 24–31.
18. *Лаушкин А.В.* Митрополит Кирилл II и осмысление ордынского ига во второй половине XIII века // Богословский сборник. М., 2002. Вып. 10. С. 211–224.
19. *Лукин П.В.* Новгородское вече. М.: Индрик, 2014. – 608 с.
20. *Маслова С.А.* Роль центральной администрации в организации монгольской власти на Руси // Исторический вестник. 2018. Т. 25. С. 40-57.
21. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А.Н. Насонова. М.; Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1950. – 642 с.
22. *Насонов А.Н.* Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – 180 с.
23. *Пресняков А.Е.* Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII-XV столетий. Пг., 1918. – 459 с.
24. *Присёлков М.Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста / Под ред. и с предисл. К.Н. Сербиной. М.; Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1950. – 515 с.
25. Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. I. – 256 с.
26. ПСРЛ. Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1926-1928. Т. I. Вып. 1–3. – 580 с.
27. ПСРЛ. М.: Языки русской культуры, 1998. Т. 2. – 648 с.
28. ПСРЛ. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 15. – 432.
29. ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16. – 320 стб., 70 с., + 2 факс.
30. ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. – 321 с.
31. ПСРЛ. М.; Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1949. Т. 25. – 464 с.
32. ПСРЛ. М.: Наука, 1965. Т. 30. – 239 с.
33. ПСРЛ. Л.,: Наука 1982. Т. 37. – 228 с.
34. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры. 1957. – 272 с. + карта.
35. *Рудаков В.Н.* Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII-XV в. М.: Квадрига, 2014.
36. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. СПб., Изд. 2-е. 1851. Книга первая. Т. I–V. – 1726 стб.
37. *Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси 1204–1304. М.: Прогресс, 1989. – 296 с.
38. *Черепнин Л.В.* Источники по истории антимонгольского восстания в Твери в 1327 году // Археографический ежегодник за 1958 год. М., 1960. С. 37–53.
39. *Fennell J.* The Emergens of Moscow, 1304–1359. Berkley; Los Angeles, 1968. – 352 p.

В.Н. Сузи
доктор филологических наук, профессор,
Петрозаводский государственный университет
Петрозаводск (Россия)
Хельсинки (Финляндия)
E-mail: vnsuzi@yandex.ru

Герой – *исповедание веры и* «горнило сомнений» автора: о месте и роли князя Мышкина в эволюции Достоевского

Аннотация. На материале романа Достоевского «Идиот» рассматриваются взаимоотношения автора и героя, место и роль князя Мышкина в творческой эволюции писателя. Роман предстает переломным на пути автора от христианского социализма 40-х годов к русско-церковному христианству «Братьев Карамазовых», от западной антропоцентрии к христоцентрии. Образ главного героя представляется ключевым в занимавшей романиста теме Христоподобия личности. Так автор в поэтике, строго выверяя свои мировоззренческие позициии, движется от персоноцентрии к полифонии в расстановке сил, строении романа.

Ключевые слова: антропоцентрия – персоноцентрия – христоцентризм; христоподобие, христообразие.

Valeriy N. Suzi
DSc in Philology, Professor
Petrosavodsk State University
Petrosavodsk (Russia)
Helsinki (Finnland)
E-mail: vnsuzi@yandex.ru

The main character as the profession of faith and “the crucible of doubts” for the author: about the place and the role of Prince Myshkin in the evolution of F.M. Dostoevsky

Abstract. On the material of Dostoevsky’s novel “the Idiot” the author and the hero’s relationship, the place and role of Prince Myshkin in the creative evolution of the writer are considered. The novel appears to be a turning point on the way of the author from Christian socialism of the 40s to the Russian Christianity of “Karamazov

Brothers", from the Western anthropocentrism to Christiantiy. The image of the main character is a key theme in the subject of a Christlike personality, the theme that occupied the novelist. So the author in the poetics, strictly verifying his ideological positions, moves from personocentrism to polyphony in the balance of power, in the structure of the novel.

Keywords: anthropocentrism – personcentrism – Christocentrism; the likeness of Christ, the image of Christ.

Образ Мышкина – ключевой, переломный, исповедальный в решении Достоевским темы *христоподобия*. Мышкин дорог автору не только личностным ему родством, автобиографизмом, но еще более как точка скрещения заложенных в нем полярных интенций и потенций.

Он возник посреди *пути земного* автора – хронологически почти равноудален от начала и завершения творчества; связан с Раскольниковым, Версиловым, Ставрогиным, Иваном Карамазовым, Инквизитором (жажда *новизны*); с двумя Макарами (Девушкиным и Долгоруким), Зосимой, с Пленником, не говоря уж о Мите и Алеше Карамазовых (жажда *гармонии*).

Творчество художника следует рассматривать в личностно-тематическом и смысловом его единстве как как единый текст в различных его модификациях, сопоставляя разные части этого текста.

В Мышкине скрыты потенции судеб ряда героев: например, *полярных* Ставрогина и Алеши. У одного эгоцентрия, загнавшая себя в петлю, у другого – преодоление себя в *самоотвержении*. Но следы борьбы с собой, с рудиментами иллюзий в Алеше, и особенно в Мышкине, сохранены.

Еще Померанц отметил *обратимость* образов Мышкина и Ставрогина. Князь аукается со Ставрогиным явно, и автор (задавший их перекличку на уровне начального замысла-импульса и в ходе его реализации) с этим уже ничего поделать не может: герои сродни друг другу внутренне; это *избирательное сродство* (говоря словами Гете).

Характерно, что Ставрогин изначально задумывался как положительный герой, ищущий себя; лишь в ходе реализации замысла он стал тем, кем стал. Мышкин же, наоборот, мыслился злодеем, а обратился в «положительно прекрасного человека», в *христоподобный* образ. Один – послушнически смиренен; другой – опустошен сатанинским своеволием.

Но финал обоих печален: одному выпал суицид, другому – клиника. Оба обречены в своей исключительности; один – ангельским служе-

нием миру, другой – отвержением Бога и мира, служением лишь своим прихотям.

Автор на судьбах героев, экспериментально проверяет свою интенцию: *если Бога нет – то все позволено*? Вариации этой темы: возможность спасения, взаимоотношений падшего мира и праведности, место и роль праведника в миру, в конечном счете, пушкинская интуиция *гения и злодейства* (*гения и святости*, однобоко решенной Бердяевым).

Отчасти это модификации западного феномена *мирской аскезы*, *скита в миру*, опыта *женатого монашества*, *братьев общинной жизни*[1]. Он озвучивает заветную мысль через героя, ощущая ее односторонность; ибо любая крайность – условна: снятие с себя ответственности, возложение ее на Бога чревато Его поруганием как банкрота, или навязывает Ему роль евнуха, соглядатая. Он корректирует идею, свой личный ограниченный опыт судьбой своих самоубийц. Отвержение мира и Бога (значит, и себя) противно самоотвержению любви. Но есть в логике оппонентов автора никем не отменимые свобода, достоинство образа и подобия. И мужество *отчаяния* взывает к участию.

С другой стороны, *Алеша и князь* – два уровня, две формы реализации единого замысла автора о «положительно прекрасном человеке». Видимо, автор был не вполне удовлетворен формой актуализации мысли в Мышкине (точнее, реализовал, фиксировал в нем начальный этап своего понимания любимой идеи, вернувшись к ней через десять лет уже с иных, церковных позиций). Скорее всего, не устроила не художественная выразительность, достоверность, а мировоззренческий уровень реализации.

В 60-е годы он был еще в плену социальных иллюзий 40-х годов относительно Идеала, в 70-е годы уже приблизился к исторической и духовной реальности, трезвей смотрел на жизнь и возможности реализации жизненных идеалов.

Потому претензии К. Леонтьева к автору относительно *церковности* его героев уместны, приложимы к Мышкину, но не к «Братьям Карамазовым» [2]. То же характерно для работы В. Лурье [3, с. 290—309].

В князе автор *простился* с прежними иллюзиями. В «Идиоте»

---

[1] Общины первых христиан и рыцарско-монашеские ордена - не прообраз ли будущих коммун и мастерских эмансипе Веры Павловны, отразивших личный опыт Чернышевского и Некрасова? Вектор морально-бытовой аскезы близок разночинцам-интеллигентам. Этот опыт, в измененной форме, имел и Достоевский (в т.ч. на каторге).

отчетливо влияние внецерковной «духовности» Ап. Григорьева и петрашевцев, в «Карамазовых» следы этого влияния по сути отсутствуют.

Потому падучая князя – *знак прекаемый* (как Христос – *иудеям соблазн*, *эллинам безумие*) – отсылает к Ивану (горячка, бред) и Алеше (сходство его с матерью-кликушей), а через Ставрогина – к Смердякову.

Князь пребывает в скрещении потенций: *воличностcovление* (уподобление, воплощение, воипостазирование), *воскресение* или расподобление, различноствление, развоплощение, рождение в ином облике (окончательное *безумие*; романист оставляет все потенции *открытыми*).

У автора даже Зосима – двойственен, проблемен. Эти две возможности и достойны рассмотрения для понимания истока двойственности.

А Исток двоения как начала диалога – двуединство Христа.

Автор в князе угадал (предсказал), *поэзию и судьбу* творческой личности (например, Блока и Юрия Живаго) и культуры XX века.

Отметим особенность позиции автора как организатора сюжета и созерцателя процесса его развертывания: здесь очевидны две мотивации, точки отсчета – *из вечности* и *отсюда*. Здесь – хаос, конклавы; оттуда – силы строго разведены ошуйную и одесную, события подсвечены светом Истины и мерцанием повседневности. Даже князь (мотив *Христа во гробе*), катализатор выявления и свидетель Истины – *знак прекаемый*: таков его крест, озарения-припадки и искус-испытание. Это же и следы *критического* отношения автора к герою-протагонисту, следы «прощания» с ним.

В то же время каждому персонажу (Гане, Ипполиту, Тоцкому) предпослана его крестоношение и гефсимания, вплоть до самораспинания. Многим, *по их делам* веры и любви, – в погибель, *без пасхи*. *Сыны погибели* и *мужи скорбей* (например, Парфен и князь) – антиподы, но в то же время и схожи: у каждого своя драма, по его выбору. Цель автора – «пояснение Истины светом повседневности» (Пастернак), а не апология Ее, ибо «всесильный Бог деталей» – в подробностях (ведь «жизнь, как тишина осенняя, – подробна» Пастернак).

Заметим, автор, при общей *многословности* героев, сам чрезвычайно экономен в средствах выражения: ничего лишнего, все лишь самое необходимое; и это немногое работает на него с предельной нагрузкой.

Что ценней, надежней – опора извне или *сердечная вера («*Верь тому, что сердце скажет...» В. Жуковский*)*? Это ложная дилемма внутреннего и внешнего, и их отождествления (как ценности и смысла, *гарантии*). Но Бог *гарантий не дает, а дарует лишь возможности*.

Это великий дар; гарантии унизили бы Его творение, сведя все к механике («бог из машины» древней трагедии, Рока). Здесь же Драма воли, поскольку *любой дар – обратим* в свою противоположность, *пререкаем*, повреждаем, наконец, отвергаем нашей волей.

Личность сведена к любви-истоку, свободе-условию, творчеству как форме самореализации. Это неприкосновенный запас, а в большем нет и нужды. Бог дарует Себя, всегда с нами (Эм-ману-Эль), даже в полном нашем помрачении. Так теоцентрия и антрпоцентрия в мире и Христе (христоцентрия; всецело Бог и всецело человек) сопряжены: *обожение мира* – цель творения, а Творец – исток всего.

Христос постулировал «да-да – нет-нет», и тут же давал ответы, позволяющие усомниться в Нем. Истина – ситуативна и парадоксальна, до абсурда, личностна. Эту подвижность Истины-света романист и пытается уловить образом-символом и удержать идеей-понятием.

Теофания – идея «безумная» и единственно возможная, ибо необходимая; реализуема лишь Богом. Любая иная бесплодна, бессмысленна, ибо не ведет к *обожению* мира. Но акт Рождества Бога реализуем лишь через человека.

Поскольку любая ценность соотносима с Абсолютом, то смысл – не гарантия, а необходимое условие. Вроде бы надежней, а значит, и ценней – опора извне. Но что достойней? – Личная ответственность, но без замещения Бога собой, без устранения Его из мира, без отторжения.

Речь должна идти о синергии двух воль, двух свобод, а не взаимоподмене (противопоставлении или отождествлении, уравнительном смешении). – «Не я живу, но живет во мне Христос» (ап. Павел).

Не резон смешивать онтологический и нравственный аспекты.

Так *стоицизм* выводит греков к приятию Христа, и вместе с тем – к подмене Его *ветхим* Адамом. *Христианский стоицизм* – верность в стоянии в личной Истине-ценности – вере, надежде; мужество любви-приятия воли Отца как своей. «Деятельная любовь – дело жестокое», – говорит Зосима, исповедуя драматический опыт *христианства.*

Потому мысль автора диалектична, но не релятивна…

Мышкин и Ставрогин (князь) – авторское предчувствие и реализация последствий *человекобожия. Подражание* (без меры) стоицизму Креста, кресто-безумию чревато Его замещением. В то же время без этого немыслимо уподобление Ему в *любви без меры*, невозможно самоотвержение, подвиг *любви и веры*, а значит, и спасение в вечности.

Мир держится парадоксом Боговоплощения, безумием Креста.

Стояние перед Богом на невидимой, но непреложной грани между Ним и собой, между страхом, эгоцентрией личного, вечного спасения и *самоотвержением любви* – самое трудное у автора (и для нас)[1].

В «романе о христианине» развита идея *практического* (социального) христианства, возможности *спасения мира, послушания* и *спасения в миру*[2].

Автор проверяет идею на жизнеспособность, опыт – на универсальность, на *победительность добра* в мире.

Потому идеи *атеиста* Ипполита близки князю, как *сомнения* агностика Ивана и *правда* Инквизитора – Алеше; это исток их вопрошаний.

Мужество Ипполита безысходно, шатко; но и князь излишне простосердечен, простодушен, добросердечен, как говорится, *свят, но неискусен.* Он по-детски чист, и столь же слаб, нежизнеспособен.

Автору очевиден ренессансный тупик христозамещения, ведущий к тезису Ницше: *Бог умер.* Но богооставленность – тревожный покой субботствование во гробе («Мне невоскресшему Христу», скажет Блок). Герои автора и находятся перед выбором: *приятие* или *отвержение* мира.

Все тот же Г. Померанц [4] заметил: автор *мыслит характерами*; т.е. *живет судьбами* героев, *проживает* жизнь каждого.

Для него текст, образ предстают формой рефлексии и самореализации, точкой приложения *своих* интенций, решения глубинных проблем.

---

[1] Этот опыт будет востребован 20-м веком, пригодится в условиях тоталитаризма (оо. Мечёвы, мать Мария Скобцова). Порой он будет утрирован в сближении художника с Христом-поэтом (Пастернак), их отождествлении, христозамещении (Блок), подмене. Интуиция идет от гностики Ренессанса, ею был задет Пушкин (иронический отклик на нее; серьезно, пафосно – Гоголь, враждебно – Лермонтов, Есенин, Маяковский и пр.) Вопрос связи культуры и веры поставили Гоголь и Достоевский. Ответ всей жизнью дали различный. Выбор пути – за художником. Таков его жизненно-профессиональный долг.

[2] Где та тонкая грань, что отделяет бесспорную канонизацию РПЦ отца и сына Мечёвых от спорной канонизации матери Марии (Скобцовой) Константинопольским (Вселенским) патриархатом? В клубах дыма ее папирос, слившемся с дымом крематория, где она была сожжена? Что у Бога окажется весомей? И царь-страстотерпец при жизни не был святым. Так *нам ли весить замысел Господень*? Или хотим мерить Его любовь своей распрей? Не обернулось бы такое «дерзание» против нас. Господь пребыл с мытарем, а не с фарисеем. Прежде, чем усомниться в ком-то, стоит подумать: смогу ли повторить его подвиг?

Начиная с Пушкина, наша литература не *мыслит образами* (как полагал позитивист Белинский[1]) [1, с. 585], а *живет* образами, т. е. *в образе*; разница между *мыслью*, *словом* и *делом* здесь существенная.

Уже в Пушкине (ранее в Жуковском, отчасти у Державина) происходит смена прежней риторической парадигмы, а значит, *природы слова*, образа (т.е. имени-знака и лика-зрака), положения и состояния словесности, на новую – *художественно-диалогическую* парадигму.

Здесь следует отметить, что степень, тип художественности определяется типом, строением, природой образа, его тяготением к имени, понятийно условному обозначению (в науке и философии) или ликусимволу *во плоти* (в искусстве).

В Достоевском (и Тютчеве) переход (как показал Бахтин) от понятийности и изобразительности к выразительности и символьности образа осуществился вполне (символисты их считали своими предтечами).

Это был революционный процесс, ранее всех происшедший у нас.

С ним связан тот тип мышления, что определен *русским* способом мировчувствия, приближен к *экзистенциальной* сущности человека. Суть его в том, что теоцентрия Образа сменилась антропоцентрией (процесс начат Ренессансом, исчерпан романтикой; у нас *христоцентрия* возобладала).

Правда, рудименты теоцентрии теми же романтиками, тяготевшими к архаике Средних веков, отчасти и актуализированы; но это была уже стилизация, процесс вторичный, факультативный, связанный с гностикой.

Главное же заключалось в том, что наметилось разрешение противоречия, динамическое равновесие *ветхой теоцентрии* и *древней антропоцентрии* в неувядаемой *христоцентрии*. Человек был впервые увиден (у нас прочувствован) целостно, личностно, изнутри, как субъект мысли и действия, и в прежнем соотнесении с вечностью.

В этом была особая заслуга сентиментализма, романтиков (Кьеркегора, форм субъективного идеализма в философии) перед мировой культурой.

---

[1] Критик, говоря о *мышлении в образах*, предполагал рассудочный подход, тип образа. Так, восторгаясь «Бедными людьми», он отверг «Двойника», «Господина Прохарчина», не приняв чуждую ему поэтику, иной уровень художества, восприятия. Это были уже не *социальные* лишь типажи, а то, что скажется в «Записках из подполья». *Жизнь в образе* – прерогатива не беллетристики, и поначалу присуща лишь гению. Модерн и пост-модерн открытие классики обратят в ремесленный прием, штамп, утратив глубину смыслов.

Вот почему наша словесность стала особой формой философствования; ведь для романтиков «философия – это высшая поэзия».

Отличие нашей романтики от западной заключалось в различии частного индивида (в буржуазно-протестантском, социально расчлененном целом) и целостной личности (продукта христианско-дворянской культуры).

Здесь скрыта специфика ментальности, чуждой навыкам Запада.

Мышление образами присуще риторической, до-пушкинской традиции.

После Пушкина такой тип образности (продукт типологизирующего способа восприятия) – знак уже поэтического анахронизма, приходящего в диссонанс с реальностью (одна из скрытых причин духовно-творческого кризиса у Гоголя; чем масштабней творческая одаренность, тем глубже и острей кризис; Гоголь из него так и не вышел).

И если на Западе, в силу дедуктивности мышления и истории, философия и поэзия все же отчетливо разделялись даже романтиками, то наши любомудры-шеллингианцы их синкрезировали, т.е. «мыслили образами» (философами их не назовешь не только в силу их ученичества, но и отсутствия строгой рационалистичности), а поэты (начиная с Ломоносова) усиленно «медитировали».

Этот процесс сближения поэзии, философии и жизни, их синтеза, лишь обозначен Гете и Шеллингом, Шиллером и Кьеркегором, дав зрелый плод у Шопенгауэра, Н. Гартмана, Ницше, европейских поэтов 2-й половины XIX в.

Так наша культурно-историческая, сословная *отсталость* обернулась духовно-культурной *продвинутостью*, формировавшей идею *национального* мессианства, отличного от мессианства *классового* (Маркс).

У Достоевского творение, образ – способ *исповедания и горнило сомнений* его, жизненно-творческий эксперимент, проверка своей идеи на реалистичность, жизнеспособность. Прежде всего это относится к герою, связь автора с которым всегда сложна, неоднозначна.

Герой есть отражение, *образ* и *подобие* творца, «конгениален» автору[1].

Порой автор заветную идею озвучивает устами героя, своего антагониста. А герой-протагонист – как никакой иной у автора – *знак*

[1] У Пушкина едва ли не все его герои – поэты-философы, уступающие автору лишь в степени рефлексии.

прекаемый. Таковы Мышкин, Алеша, Зосима, Пленник в поэме Ивана. Но таковы и «чуждые» ему (за редким исключением – Лужин, Верховенский, Ракитин) – Свидригайлов, Ставрогин, старый Карамазов, Смердяков.

Различен тон прекания – социально и морально *участливый* или глубинно родственный, любящий. Показательна в этом плане связь героев-антагонистов с героями-протагонистами; порой они как бы меняются местами, позициями (например, Мышкин и Ставрогин).

Но *вненаходимость* автора в отношение героя *всегда* неизменна.

И два слова о типах *исповедальности*. Если *исповеди* Пушкина лиричны по истоку (присущи его поэзии, а проза иронична; позиция автора проступает через подачу характеров и ситуаций, Достоевский перенял этот его прием), у Лермонтова – беспокаянна (едва ли не окаянна), Гоголя – надрывна (смирение паче гордости), то Достоевским исповедь *организована* особым способом, через расстановку сил. Он – скрытый демиург своего мира, дирижер хора и оркестра, *спикер парламента* (по выражению Померанца). Он панорамно структурирует роман – как симфонию, систему, организацию и организм. Происходит это по его *веленью* и *хотенью* жизни.

В итоге выходит не арифметическое среднее, а иное, отличное от замысла автора, идейного его «произвола» и от диктата реальной эмпирики; нечто живущее не по законам логики и не по законам стихийной реальности.

Так иррацио образа отлично от *безумия мира* и от логики рассудка, но сродни *безумию* Креста, сотворенного Провидением вместе с соратником-соперником Творца.

Промысел любовно одолевает *сопротивление материала*, своеволие твари, что сотворена им же изначально пластичной, но со своей волей и разумением, вольным принимать ложное направление.

Художник в творческой своей воле (потенции) предстает *образом* и *подобием* Творца, неузнаваемо порой искаженным.

Резюмирую: образ-герой у Достоевского отливается в завершенную форму тогда, когда отношение к нему как носителю идеи (т.е. к ней самой) определилось, наметилось ее оформление, как знак свершения, расставания, прощания. Прежняя *мысль автора становится мыслью героя*, но в в *критической* подаче, форме, живя уже своей суверенной жизнью. Автору остается лишь наблюдать за процессом ее развития и восприятия читателем.

Герои же в сознании читателя способны вступать в непредсказуемые отношения, заложенные в них автором (как правило, неосознанно).

Литература

1. *Белинский В.* Идея искусства // *Его*. ПСС в 13 т. Л., Т. 4. 1954.
2. *Леонтьев К.* Наши новые христиане Ф.М. Достоевский и гр. Лев Толстой. М., 1882.
3. *Лурье В.* Догматика «религии любви». Догматические представления позднего Достоевского // Христианство и русская литература. Сб. 2 СПб., 1996.
4. *Померанц Г.* Открытость бездне. Встречи с Достоевским. М., 1990.

В.В. Калугин
доктор филологических наук,
профессор МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва (Россия)
E-mail: vasiliykalugin@mail.ru

Акростих с еврейскими маргиналиями в Плаче пророка Иеремии в сборнике 1502–1507 гг. Матфея Десятого[1]

Аннотация. Матфей Десятый подготовил Плач Иеремии по нескольким спискам Толковых Пророчеств. За основу был взят восточнославянский оригинал, имевший общий протограф с русскими рукописями. Очевидно также знакомство с болгаро-молдавской традицией памятника, прямое и опосредованное, через русскую рукопись. Новый акростих явился частью редакторской работы Матфея Десятого. Писец переписывал глоссы на иврите с рукописного образца. Он плохо знал еврейское письмо, писал неумело и безграмотно. Это был не еврей, а восточный славянин, очевидно Матфей Десятый. В XVI в. украинец воспользовался его сборником. Он переписал по своему источнику Плач Иеремии, а затем расставил на полях кирилловские названия еврейских букв по рукописи Матфея Десятого, но опустил глоссы на иврите, будучи не в силах справиться с ними.

Ключевые слова: Толковые Пророчества, Плач Иеремии, акростих, архетип, протограф, антиграф, редакция, разночтение, маргиналия, церковнославянский и греческий языки, иврит.

Vasily V. Kalugin,
DSc in Philology, Professor,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow (Russia)
E-mail: vasiliykalugin@mail.ru

The lamentations of Jeremia with the Jewish marginalia in the code of Matfey X from 1502–1507

Abstract. Matfey X prepared The lamentations of Jeremia based on several copies of the Explanatory prophecies. It was based on the East Slavic original, which had a common protograph with Russian manuscripts. Obviously, he was also familiar with

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16–04–00276 «Русская рукописная Библия Матфея Десятого 1507 г. Подготовка издания».

the Bulgarian-Moldovan tradition of the monument, directly and indirectly, via the Russian manuscript. New acrostic was part of the editorial work of Matfey X. The scribe rewrote the Hebrew glosses from a handwritten sample. He did not know the Hebrew letter well, wrote ineptly and illiterately. It was not a Jew, but an Eastern Slav, obviously it was Matfey X. In the XVI cent., a Ukrainian scribe used his code. He rewrote The lamentations of Jeremia according to his source, and then placed on the margins the Cyrillic names of the Hebrew letters according to the manuscript of Matfey X, but excluded the glosses in Hebrew, being unable to cope with them.

Keywords: Explanatory prophecies, The lamentations of Jeremia, acrostic, archetype, protograph, antigraph, edition, discrepancy, marginalia, Church Slavonic and Greek languages, Hebrew.

Введение. Алфавитный акростих был, очевидно, весьма популярным жанром древнееврейской религиозной поэзии. В его форме написаны некоторые псалмы (Пс 9, 10, 25, 34, 37, 111, 112, 119, 145 по счету еврейской Библии[1]), «Поэма о добродетельной жене» (Притч 31: 10–31), Плач [8, с. 94]. В Плач каждая из первых четырех глав состоит из 22-х строф по числу букв еврейского алфавита. Наиболее последовательно этот прием выдержан в третьей главе, состоящей из 22 трехстиший, в каждом из которых все три строки начинаются одной и той же буквой по порядку еврейского алфавита. Первая и вторая песни также написаны в форме 22-х трехстиший, однако здесь алфавитный принцип соблюден лишь для первого стиха каждого из них. Так же построена и четвертая глава, но она состоит из двустиший. Заключительная пятая глава не является акростихом, и с предшествующими песнями ее роднит лишь то, что в ней 22 стиха [8, с. 92–93].

Еще одна важная особенность касается порядка букв. В первой главе он обычен: *аин* предшествует *пей*. Во второй, третьей и четвертой песнях, наоборот: *пей* стоит перед *аин*. Последний порядок очень древний. Его сохранили «Поэма о добродетельной жене», правда, лишь в переводе Септуагинты и глиняные черепки (остраконы) со списками букв, обнаруженные в середине 70-х гг. XX в. в Палестине. Древнейшие из них восходят к концу второго тысячелетия до н. э. В Кумране найдена рукопись Плач (4QLam), в которой и в первой песни сначала идет стих на *пей*, а потом – на *аин* [8, с. 94].

[1] Септуагинта и ее славянский перевод соединяют Пс 9 и 10 в один, девятый, а Вульгата следует за еврейским оригиналом.

В древнеболгарском переводе Толковых Пророчествах (далее – ТП) эта акростишная система представлена только в Плач 1, да и то не полностью. Здесь указаны кириллицей названия 19 еврейских букв и объяснены их значения. Три буквы – *вав*, *мем*, *реш* – пропущены в списках ТП. Поэтому начиная с *заин* (Плач 1: 6) произошел сбой в акростишной структуре [5, с. 101–102][1]. Еврейский алфавит с толкованиями известен в раннехристианской грекоязычной литературе: в сочинениях Иосифа [5, с. 102], Евсевия Кесарийского и др. Он построен по принципу толковой азбуки: объяснения букв подобраны так, что из них складываются фразы [5, с. 102].

Хотя о еврейских маргиналиях в Плач в библейском сборнике Матфея Десятого 1502–07 гг. давно известно в науке [14, с. 108], этот список остается неизученным. Нельзя сказать, что об акростихе в редакции Матфея Десятого не писали вообще, но делалось это как-то невнятно: в отрыве от текста Плач, его источников и рукописной традиции ТП, а также палеографически неудовлетворительно [6, с. 35–37].

Хотя о еврейских маргиналиях в Плач в библейском сборнике Матфея Десятого 1502–07 гг. давно известно в науке [14, с. 108], этот список остается неизученным. Нельзя сказать, что об акростихе в редакции Матфея Десятого не писали вообще, но делалось это как-то невнятно: в отрыве от текста Плач, его источников и рукописной традиции ТП, а также палеографически неудовлетворительно [6, с. 35–37].

§ 1. *Акростих с еврейскими маргиналиями* в *Плаче Иеремии в списке Матфея Десятого*. Идея дополнить акростих еврейскими маргиналиями в славянской транскрипции и на иврите родилась у Матфея Десятого во время работы по редактированию Плач, вероятно, в Вильне. Из «Сказания Плач Иеремиин», помещенного в ТП [Срезн-75: 103 об.; Чуд-184: 389; Щук-507: 31 об.–32; F.I.461: 175; 14, с. 108], Матфей Десятый знал, что Иеремия сочинил Плач по образцу азбучного акрости-

---

[1] В 1519 г. в Праге Франциск Скорина напечатал Плач. Акростих в его издании не связан ни с ТП, ни с редакцией Матфея Десятого. Ф. Скорина привел кириллицей названия еврейских букв в первых четырех главах [3, с. 677–693], а в предисловии описал акростих в Плач, «выложил» еврейскую азбуку «**по рускиѝ**», то есть записал ее названия кириллицей и объяснил их значения [3, с. 676]. В Острожской Библии 1580–81 гг. помещен перевод в редакции ТП с незначительными исправлениями [5, с. 102]. Но акростих был серьезно переработан и дополнен. Названия еврейских букв совпадают с редакцией Ф. Скорины, не считая мелких орфографических отличий [Библия. Л. 119в–121г].

ха. Он мог видеть акростишную разбивку текста в западноевропейской Библии, печатной или рукописной, например, в пражском издании 1488 г. [ЧБ 1488: 399г–402а] и в протографе сборника F19–262 с новыми переводами с еврейского, где в Притч (31: 10–31) и Плач между стихами был помещен алфавит в еврейской графике (см. ниже).

Плач в сборнике Матфея Десятого серьезно переработан. Текст дополнен на внешних и внутренних полях книги славянскими и еврейскими глоссами. (Забегая вперед, заметим, что в XVI в. с акростиха в редакции Матфея Десятого была сделана копия [Овч-78: 407–413 об.], но без маргиналий на иврите.) В конце Плач 1, вслед за **та̑ѵ** (греч. ϑαυ)[1] – последней буквой еврейского алфавита *тав*, сместившейся с 22-го стиха к началу 19-го [Срезн-75: 104; Овч-78: 408 об.], добавлена пропущенная **рѣ́шь** и повторены **ши́нъ** и **та́въ** (Плач 1: 20–22), но уже не в грецизированной форме (**сєнь**, греч. σεν), а в еврейской и на этот раз на своих местах [Срезн-75: 104 об.; Овч-78: 408 об.]. Во всех главах Плач, включая неакростишную пятую, приведены буквы еврейского алфавита в еврейской же графике [Срезн-75: 103 об.–106], а начиная с **рѣ́шь** в Плач 1: 20 и до конца добавлены кириллицей их названия, передающие произношение на иврите. Только в Плач 3, возможно, из-за ее особой акростишной структуры имена букв написаны на иврите с огласовками [Срезн-75: 105–105 об.].

В неакростишной Плач 5 буквы еврейского алфавита (их названия и начертания) не закреплены за стихами, а разделены на группы, одинаковые в обоих списках [Срезн-75: 106; Овч-78: 413–413 об.]. Здесь же указаны позиционные варианты трех букв с двойной графикой: **каⷴ. хаⷴ, пє. фє, цади. цадиⷦ** (ошибочно **цадѝ** в Овч-78) – *цади* и *цади софит*. Такие пары перечислены не все. Например, нет *мем – мем софит*, хотя ранее писец использовал дважды *мем софит* (Плач 3: 43 вм. 37; 4: 15 вм. 13) [Срезн-75: 105 об., 106]. Вероятно, алфавит в Плач 5 преследовал учебно-познавательные цели. Матфей Десятый хотел дать как можно более полное представление о еврейской азбуке.

Утверждается без достаточных оснований, что Матфей Десятый мог сверять текст «с какой-то рукописью Торы» и работать «с еврейскими источниками» [18, с. 163]. Знание Матфеем Десятым еврейского языка вызывает большие сомнения. В самом деле, мог ли книжник, чита-

[1] Здесь и далее греческие примеры из Плач приводятся по изд.: [Septuaginta. P. 756–766], а латинские – по изд.: [Biblia. P. 1248–1255].

ющий Тору и Небиим в подлиннике, грубо ошибаться в названиях еврейских букв: писать то **гиⷧ҇м҆** (Плач 1: 3) [Срезн-75: 104], то дважды **гі́мен** (Плач 2: 3; 3: 7–9) [Срезн-75: 104 об., 105], или обозначить букву *хе* как **й҆п҃** (Плач 1: 5) [Срезн-75: 104], неверно разделив текст своего антиграфа, или под его влиянием принять искаженное чтение **є̑ни** вм. **а̑инъ** (Плач 1: 14 вм. 16) [Срезн-75: 104]? Иврит был незнаком Матфею Десятому, и он сам без посторонней помощи не справился бы с дополнением акростиха по еврейскому оригиналу. Понимая это, он обратился за помощью к кому-то из еврейской среды и, вероятно, попросил написать образцы еврейского алфавита и названий букв с огласовками. Его наставник оказался неважным грамотеем, и подготовленная им «пропись» оставляла желать лучшего. Следствием их «соавторства» явились еврейские маргиналии в Плач, написанные очень неумело, с многочисленными ошибками. Начальное знание букв еще не означает знания языка.

Не являясь специалистом по еврейской палеографии, мы сошлемся на заключение гебраиста-палеографа Е.М. Белкиной, просмотревшей по нашей просьбе акростих в списке Матфея Десятого[1]. «Работал один неквалифицированный писец (нееврей) в несколько подходов или приемов. Он был знаком с еврейским алфавитом, но не привык писать им, не имел достаточной практики. Его в основном полукурсивный почерк неустойчив и вариантен, так как еще не сформировался. Маргиналии на л. 104 об.–105 (Плач 1: 20–22; 2: 1–22) написаны почерком, больше похожим на еврейский. Однако и там есть неточности в соответствии букв их киноварным кирилловским названиям. Буква *пей софит* стоит напротив глоссы **цади** (Плач 2: 18), а *цади софит* – напротив маргиналии **кѡ́фъ** (Плач 2: 19), начертание же *коф* пропущено [Срезн-75: 105]. Остальные глоссы переписаны еще более неумело, местами коряво. В каждом случае есть какие-то недочеты в следовании алфавита или соответствии букв в еврейской графике тому, что написано кириллицей киноварью. Он явно списывает с рукописного образца, но это не бездумное копирование. Писец делает ошибки, но в том, как буквы начертаны, видно, что он успел поупражняться в еврейском письме, вероятно специально готовясь к работе над акростихом. Во всяком случае, это не первая проба пера. Об этом же говорит его попытка расставить огласовки на л. 105–105 об., где слова приводятся целиком. Огласовки и полные названия букв пишет

[1] Благодарю Е.М. Белкину и М.С. Мушинскую за консультации и помощь в работе.

бездумно, со множеством ошибок. Он явно не консультировался с профессиональным сойфером – переписчиком священных текстов. Он явно не умел читать на иврите и, скорее всего, не умел до акростиха писать в еврейской графике».

Каким бы неумелым ни был писец, он писал справа налево. На корешковых полях в Плач 3 названия букв на иврите выровнены более-менее по правому краю и представляют собой изломанную линию по левому [Срезн-75: 105–105 об.]. Работая с еврейским алфавитом, он учитывал особенности славянского перевода. В редакции ТП буква *пей* (*фей*) получила грецизированное имя **фї**<φη (Плач 1: 15 вм. 17) [Срезн-75: 104; Овч-78: 408; Син-915: 551; Чуд-183: 451 об.; Чуд-184: 390; Щук-507: 32 об.; F.I.461: 176 об.]. По правилам еврейского произношения она обозначает [p] в начале слова, [p] или [f] в середине и [f] на конце слова. Писец, прочитав **фї**, указал на корешковом поле не *пей*, а ее позиционный вариант конца слова *фей софит*: ף, точно такой, как в алфавите в Плач 5 [Срезн-75: 106].

Работа над акростихом велась таким образом. Сначала Матфей Десятый написал кириллицей на внешних полях киноварные названия еврейских букв. Он соотносил их с началами стихов, выделенными в тексте малыми киноварными инициалами. Делалось это не всегда точно, а начиная с Плач 3: 19 структура акростиха окончательно сместилась вперед [Срезн-75: 105; Овч-78: 410 об.]. Однако это нимало не беспокоило Матфея Десятого.

Буквы в еврейской графике были добавлены рядом с их кирилловскими названиями, а в Плач 5 вставлены между строк. Это произошло до киноварной разбивки текста на главы на полях и после обозначения там же зачал чернилами. На л. 106 номер пятой главы был написан киноварью спустя некоторое время после еврейской буквы: **ши́нъ** ש **: гла҃ⷡ .є҃.**, а в самом конце акростиха писец старается обойти уже проставленный номер зачала Посл Иер **ρк҃ѳ́**. Матфей Десятый покрывает буквы-цифры титлом с косой черточкой сверху: **а҃́** и т. п., как в греческом минускуле и нередко в подражавшем ему славянском полууставе XV–XVI вв. Иногда эта черточка ставится справа от титла. Так произошло и в номере **ρк҃ѳ́**. Эту черточку затерли, так как она оказалась сразу же за добавленной позднее ר (*реш*), почти на одном уровне с буквами в еврейской графике, вписанными потом, и является среди них инородным знаком. И в других местах писцу приходилось искать свободные пространства. На л. 105 об. буква כ (Плач 4: 4 вм. 2) сдвинута вниз, так как ее пытались уместить

между ее названием **бе́тъ**, находящимся справа от нее, и длинным изогнутым хвостом **а** в вышестоящем слове **а҃́леф**.

Уже говорилось об особом месте *аин* в архаичном еврейском алфавите и акростихе в Плач. В обоих списках в Плач 4, среди названий еврейских букв в кирилловской транскрипции, а у Матфея Десятого и в графике оригинала, *пей* предшествует *аин*, то есть сохранен древний алфавитный порядок еврейского первоисточника (Плач 4: кон. 17, сер. 18 вм. 16, 17) [Срезн-75: 106; Овч-78: 412 об.]. В Вульгате и Чешской Библии, наоборот: сначала Ayn, потом Fe [ЧБ 1488: 400б, г, 401в, г]. В изданиях Ф. Скорины и И. Федорова **ѳе** (**фе**) следует также за **а҃́инъ** [Біблія. С. 676, 680, 684, 689; Библия. Л. 119г, 120а, в, 121б, г].

В обеих рукописях пропущено название *аин* в кирилловской транскрипции, а Матфея Десятого еще и на иврите (Плач 3: 55–57 вм. 46–48) [Срезн-75: 105 об.; Овч-78: 411 об.]. В этом месте начало стиха на *аин* (Плач 3: 46) не выделено в тексте: оно написано со строчной и не киноварью, а чернилами [Срезн-75: 105 об.; Овч-78: 411][1]. Возможно, это и стало причиной пропуска: редактор расставлял маргиналии напротив киноварных инициалов в тексте. Ниже, в Плач 5, еврейское начертание *аин* перед *пей* затерто [Срезн-75: 106]. Там же на предшествующей строке киноварная кирилловская **пе** размазана тремя длинными бледными полосами вниз, но стоящее под ней ее еврейское начертание не повреждено, так как было написано несколько позднее.

Сначала Матфей Десятый записывал *йод* как **є̑ѡ̑дъ** или **є̑о̆дъ** (Плач 2: 10; 3: 32 вм. 28–30) [Срезн-75: 104 об., 105; Овч-78: 409, 411]. Такая транскрипция достаточно точно передает еврейское произношение. Потом он написал **ю̆́дъ**, а затем исправил на **є̆́одъ**, наведя по мачте **ю** полукруг **є** (Плач 4: 12 вм. 10) [Срезн-75: 106]. Украинский переписчик прочитал это место как **ю́дъ** [Овч-78: 412]. Далее Матфей Десятый изобразил в том же самом слове необычную первую букву. Она похожа больше всего на **ю**, перевернутую набок и поставленную на мачту-основание вверх кругом: **ꙍ̆́дъ** (Плач 5) [Срезн-75: 106]. В южнославянском письме еще в XV в. иногда использовалась древняя буква **ю** оборотная. Она встречается изредка и в восточнославянских рукописях XI–XIII вв.

[1] Так же чернилами и со строчной начало этого стиха было написано в общем протографе южно- и восточнославянских ТП: **о̑тврѣ̑шѧ** (Плач 3: 46) [Чуд-184: 393; Син-915: 552 об.; ТСЛ-63: 340 об.; ТСЛ-90: 433 об.], разночтение **ѿтврѣѕошѧ** [МДА-19: 311; МДА-20: 322; Овч-78: 411; Син-576: 228 об.; Син-577: 315 об.; Срезн-75: 105 об.; ТСЛ-63: 340 об.; Чуд-183: 454 об.; Щук-507: 35; F.I.461: 179].

Однако начертание Матфея Десятого больше неизвестно нам. В украинском списке здесь єⷣ с сокращенной ᲂ [Овч-78: 413]. Е.М. Белкина замечает по этому поводу: «Писец правит в соответствии с огласовкой, которую дает через *вав* с огласовкой *кубуц* (читается как [u]) в предшествующем полном названии буквы на иврите на л. 105 (Плач 3: 32 вм. 28). Потом он начинает гиперкорректировать свои записи». Таким образом, Матфей Десятый понимал огласовки и пытался передать своей кирилловской записью особенности еврейского произношения. Судя по всему, он и был писцом еврейских глосс.

В Библиотеке Академии наук Литвы в Вильнюсе хранится сборник с ветхозаветными переводами с еврейского (Иов, Руфь, Пс, Песн, Еккл, Притч, Плач, Дан, Есф) конца 10-х–20-х г. XVI в. [F19–262]. Книга написана на бумаге с филигранями 1514 и 1522 гг. [Морозова. С. 91] и находилась ранее в Супрасльском монастыре [Добрянский. С. 441]. П.В. Владимиров установил, что эти библейские книги, за исключением Пс, переведены с еврейского оригинала [Владимиров. С. 239] и что Пс и Притч были сверены с пражскими изданиями 1517 г. Ф. Скорины, но не самим переводчиком, а переписчиком его труда [Владимиров. С. 241]. Таким образом, переводы с еврейского дошли до нас не авторском экземпляре, а в его списке. И.Е. Евсеев предположил, что эти переводы, судя по их позднему языку с многочисленными местными особенностями, «не многим старше» рукописи F19–262 [Евсеев. С. 133].

Среди переводов с еврейского обращает на себя внимание акростишная «Поэма о добродетельной жене» (Притч 31: 10–31), состоящая из 22-х стихов по числу букв еврейского алфавита. Чтобы дать представление о структуре алфавитной поэмы, между стихами затранскрибированы кириллицей еврейские названия букв, передающие произношение на иврите [Архипов. С. 158–161]. Эти названия совпадают с теми, которые приводит Матфей Десятый в Плач, включая такие редкие, как *еод* ‘йод’, и некоторые позиционные варианты букв с двойной графикой: *каф–хаф*, *пе–фе* [Архипов. С. 159–162]. Правда, переписчик F19–262 (христианин) пропустил последние буквы после *цаде* (*цади* в орфографии Матфея Десятого) и оставил вместо них пробелы [Архипов. С. 156–157, 162–163]. Важно, что и в Плач в F19–262 оставлены пробелы в тех местах, где должны находится кирилловские названия еврейских букв [Архипов. С. 162–163]. А. А. Архипов предполагал, что алфавитные маргиналии Матфея Десятого вроде *еод* могли повлиять на писца рукописи F19–262 или ее протограф «сам послужил образцом для Мат-

фея Десятого» [Архипов. С. 162]. В любом случае переписчик F19–262 получил названия еврейских букв из другого, дополнительного источника, где были указаны наименования букв с двойной графикой [Архипов. С. 162–163]. Как уже отмечалось, в неакростишной Плач 5 Матфей Десятый приводит еврейский алфавит с тремя парами букв с двойной графикой: *каф–хаф*, *пе–фе* и *цади–цадик*.

Еврейский переводчик и Матфей Десятый были современниками, и их объединяли общие интересы. И.Е. Евсеев установил, что переводчик с еврейского, работая над Дан, руководствовался ее славянским мефодиевским переводом [Евсеев. С. 131]. Мефодиевский перевод Дан встречается крайне редко, и случаев обращения к нему немного. Он дошел до нас в составе Архивского и Виленского хронографов, первый список – 60-х гг. XV в. [МГАМИД-279: 10а–478б; Летописец. С. VI], второй – начала [F19–109; Летописец. С. VI] или первой трети XVI в. [Морозова. С. 42–43]. Мефодиевский перевод знал и использовал Матфей Десятый. Он редактировал по нему Дан в переводе ТП [Калугин 2017. С. 26–39]. Ни переводчик с еврейского, ни профессиональные сойферы не помогали Матфею Десятому в его работе над акростихом. Как уже говорилось, в его списке слишком много ошибок, которые не мог пропустить опытный гебраист. Однако Матфей Десятый пересекался с членами еврейской общины, возможно виленской, где появились новые переводы с масоретских оригиналов и где был известен редкий мефодиевский перевод Дан.

Не исключено, что Матфей Десятый видел протограф сборника F19–262, где, как предполагают, в Плач между стихов были помещены буквы в еврейской графике [Архипов. С. 162–163], и попросил изготовить ему список еврейского алфавита, дополненный названиями этих букв в кирилловской транскрипции. В свою очередь Плач в списке Матфея Десятого мог повлиять на работу переписчика F19–262 и его замену букв в еврейской графике на их названия в кирилловской транскрипции.

§ 2. *Украинский список Плача Иеремии с акростихом в редакции Матфея Десятого*. Матфей Десятый закончил сборник в Супрасльском монастыре в 1507 г. Книга значится в описях этого монастыря с 1557 по 1836 г. В XVI в. (ближе к концу) украинский писец ТП познакомился там с рукописью Матфея Десятого и воспользовался ею. Его внимание привлек необычный акростих, и он переписал его с некоторыми разночтени-

ями [Овч-78: 407–413 об.][1]. Переписчик пропустил глоссы в еврейской графике, не желая обременять себя кропотливой работой по их копированию и понимая, что все равно не сможет передать их правильно. Этот важный источник не получил известности в научной литературе.

Оба списка совпадают почти полностью в части нового акростиха, начиная с добавления *реш* в конце Плач 1. По два раза в каждом источнике искажено название *гимел*: **гі́мен** (Плач 2: 3; 3: 7–9) [Срезн-75: 104 об., 105; Овч-78: 408 об., 410 об.]. Дважды **да́ледъ** написана со второй **д** вм. **т** (Плач 4: 6 вм. 4; Плач 5) [Срезн-75: 105 об., 106; Овч-78: 412, 413], а **ла́метъ**, наоборот, с **т** вм. **д** (Плач 4: 14 вм. 12; Плач 5) [Срезн-75: 106; Овч-78: 412 об., 413 об.].

Начиная с Плач 3: 19, структура акростиха, не всегда соблюдавшаяся и ранее, была окончательно нарушена и сдвинута вперед [Срезн-75: 105; Овч-78: 410 об.]. Поэтому последние буквы третьей песни *шин* и *тав* захватывают начало четвертой главы (Плач 4: 1–2) [Срезн-75: 105 об.; Овч-78: 411 об.–412]. Акростих же четвертой песни распространяется буквами *шин* и *тав* на часть пятой главы (Плач 5: 1–5) [Срезн-75: 106; Овч-78: 413], в которой новые группы еврейских букв начинаются только с шестого стиха.

Сходство между списками простирается порой вплоть до графических мелочей. Буква *шин* заканчивается одинаковой лигатурой **н**+**ь**=**њ**: **сєњ**, греч. σεν (Плач 1: 18 вм. 21) [Срезн-75: 104; Овч-78: 408]. Эта лигатура встречается изредка и в других местах: **ѿ҇њ̀** в конце строки (Плач 4: 11) [Овч-78: 412].

Переписчик Овч-78 допустил несколько ошибок. Искажено название **ка́ѳъ** (Плач 2: 11) [Срезн-75: 104 об.]: **ѻ҃а̑ѳ҆** [Овч-78: 409 об.], пропущены *реш* (Плач 2: 20) [Овч-78: 410], *ге* (Плач 5) [Овч-78: 413], а **цади̂** потеряла конечную **к** [Овч-78: 413 об.]. Ошибка **са́в҆** (Плач 4: 8 вм. 6) [Овч-78: 412] получилась из **ва́въ** [Срезн-75: 105 об.], так как писец, не вчитавшись, принял за **с** начальную полукруглую **в** с разведенными маленькими петлями (вроде греческой минускульной ϐ). Такая буква стоит в этом месте у Матфея Десятого, но, вообще, это распространенный вариант **в**. Кроме того, произошел сбой в акростишной структуре после *пей* (Плач 2: 18–20) [Овч-78: 410].

[1] В конце XIX в. при старообрядческой реставрации книги восполнили ее утраты: л. 1в–54 об. (Ос–Мих 4: 2, почти все толк.), 206–206 об. (бо́льшая часть вводного Сказания Феодорита Кирского к Иез), 428–448 об. (Дан 3: кон. 81–14: 42 и заключительная статья Феодорита Кирского к Дан).

Список Овч-78 украинский, но восходит к русскому источнику, а через него – к общему восточнославянскому протографу ТП, в котором отрывок Иез 45: 12–25 и вся глава 46: 1–24 были вставлены в стих Иез 48: 4 по вине переплетчика, неправильно подобравшего листы [Калугин 2017. С. 138]. Такая же путаница есть и в украинских ТП [Овч-78: 356 об.–359 об.]. Имеется здесь и позднейшее добавление, частично восполняющее пропуск архетипа ТП (Иер 1: 1–8, 11–17 и 2: кон. 1–12) [Овч-78: 363–364]. Вставка была сделана по Паримийнику [Мострова 1995: 22] впервые, очевидно, в Московской редакции ТП 1489 г. [Калугин 2017. С. 139–140; Он же 2018. С. 47].

Мелкие разночтения также указывают на русский источник. Матфей Десятый приводит первоначальное чтение: **ꙁабрала твоꙗ̑ и̑ сꙋны** ‘башни’ (Иез 26: 9) [Срезн-75: 75]. Украинский же список передает это место иначе, повторяя вслед за своим антиграфом: **ꙁабра́ла̀ твоꙗ̀ и̑сто̑ⷱнъи̑**, маргиналия **ї̑ сꙋно́и̑** [Овч-78: 289 об.]. Архаизм **и соꙋнъи** (или **и сынъи**) был искажен в протографе некоторых русских списков. Ошибка появилась, вероятно, из сокращения под титлом **и̑сⷩ҇ъи**: все было понято как одно слово, а первая часть древнего диграфа еры (**ъи**), сохраненного в этом месте многими поздними копиями, была прочитана как отдельная буква **ъ** и заменена потом на **о**. Овч-78 отражает следующую стадию в развитии ошибки: перенос основного чтения на поле, а маргиналии – в библейский текст. В более ранних русских рукописях ТП встречаются такие варианты, как, например: в тексте **и̏ сꙋнъи** с диграфом **ъи**, на поле глосса **и̏сточнои** [КБ-9/134: 224 об.] и с перестановкой, как позднее в Овч-78: в тексте **и̑сточнъи**, маргиналия **и̑ сꙋнои** (**и̑ сꙋнъ҇и̏**) [Муз-4094: 245[1]; Ув-334: 266 об.] [Калугин 2018. С. 45, № 5, сн. 10].

Языковые особенности наиболее ярко проявились у второго писца, начиная с л. 207. Нередко смешение **ѣ** с **и**: **винєць** (Ис 28: 5) (л. 152), **на рицѣ** (Иез 1: 1) (л. 207), **на си́веръ** (Иез 8: 3, 5, 14; 9: 2; 46: 9) (л. 226 об., 227, 227 об., 228 об., 358), **во стинѣ** (Иез 8: 8; 12: 5) (л. 227, 236), **диѓа́нїꙗ̑** (Иез 16: 41, толк.) (л. 250), **прѣѿбѣди̏ша** (Плач 1: 19) (л. 408 об.) вм. **прѣо̑бїдѣша** [Срезн-75: 104; Чуд-183: 451 об.; Чуд-184: 390 об.] и т. п. Широко представлено отвердение [r’]: **по радꙋ** (Иез 18: 14–17, толк.) (л. 258 об.), **градꙋть** (Иер 31: 27, 31, 38) (л. 374, 374 об.), **цѣсара̀** (Иер 45: 1) (л. 396 об.), **цр҇ꙋ** (Ис 7: 18–19, толк.; Иез 19: 1–2, толк.; Иер 27: 12) (л. 121,

[1] В Муз-4094 приписка на поле **и̑ сꙋнои** сделана рукой, отличной от почерка писца.

261, 367), **сотворѹ** или **створѹ** (Иез 11: 9, 14–16, толк.; 16: 53–55, толк.; 18: 21–22, толк.) (л. 233, 234, 252 об., 259 об.), **ꙁвѣ̑ры** (Иез 14: 21, 21, толк.; Иер 34: 24–25, толк.) (л. 243 об., 320), **дъщѥ́ры̀** (Иез 14: 21, толк.) (л. 243 об.) и мн. др. Сочетание *trъt перешло в [tryt]: **ѹ҆крывавлє́нъ** (Иез 16: 22, толк.) (л. 248), позднее читатель исправил **ы** на **о**; ср.: укр. *крива́вити*, блр. *крыва́віць* ‘окровавливать’. Изменение сочетания [nj] в долгий согласный, вероятно, передает пропуск **ї** или **ь** в **сѣ̑ченю̀** (Иез 9: 6–8, толк.) (л. 230). Писец уточнил по-украински значение архаизма **лаꙵно** ‘кирпич’ и ‘кал’ (Иез 4: 1) (л. 216 об.), указав на поле: **цє́глѹ**; ср.: укр. *це́гла*, польск. cegła ‘кирпич’.

В XVIII в. книга бытовала на западе Украины. 1 июня 1761 г. заключенный Александр дал ее вкладом в Дерманский униатский монастырь на Волыни. Книга была пожертвована в благодарность за помилование от смертной казни за убийство еврея. Василианин иеромонах Мартин Балясевич сообщил в записи: **Алеѯандра вїаⷥнꙗ** [польск. więzień ‘заключенный’] **ꙁа жида що ꙁабилъ ѿсѹждеⷩнаго на смеⷬтъ выпроважаючи ꙁа стaранеⷨ свойⷨ ѿ тоꙵ кари череⷥ юриⷥдичаⷩ и иⷩныхъ людеи ѹвоⷩ҇илеⷨ** [‘я освободил, избавил’] **ѿ смеⷬти** [Овч-78: 362 об.].

§ 3. *Правка старого акростиха в Плаче Иеремии*. Правка старого акростиха известна в русских рукописях с конца XV в. Ниже увидим, что Матфей Десятый использовал рукопись ТП, близкую по тексту русскому пафнутьевскому списку конца XV в. [Чуд-183: 450–456 об.]. В нем к старому акростиху в Плач 1 добавлен новый почерком писца на внешних полях, а иногда и в тексте. Названия еврейских букв пронумерованы (хотя и не все, № 2–18) и даны по преимуществу в грецизированной форме. Два из них записаны так, как они звучат на языке оригинала, в одном случае с отражением цокающего говора писца: **чадекъ** (Плач 1: 18), то есть *цадик* и **реш** (Плач 1: 21 вм. 20) [Чуд-183: 451 об.]; ср.: греч. ϱης, лат. res и так же (Res) в Чешской Библии [ЧБ 1488: 400б, 401а, в, 402а]. Исправлены названия **бефь** (Плач 1: 2), **самѣ̑хъ** (Плач 1: 15), **аинъ** (Плач 1: 16) при старом чтении **самхъ** (Плач 1: 13 вм. 15) и искаженном **є̑ни** (Плач 1: 14 вм. 16) [Чуд-183: 450, 451, 451 об.] и т. п. Новый акростих передан с ошибками и пропусками: нет *алеф* и *хе* (Плач 1: 1, 5) [Чуд-183: 450, 450 об.], *шин* (*син*) превратилась в **сїонъ** (Плач 2: 1 вм. 1: 21) [Чуд-183: 452]. Это не авторский экземпляр, а одна из его копий. Возможно, подобная правка в источнике вроде пафнутьевского списка, бывшем у Матфея Десятого, навела его на мысль о полной переработке акростиха.

В Плач 1 у Матфея Десятого названия еврейских букв помещены в тексте, а их толкования – на полях. В Овч-78, наоборот, названия находятся на полях, а объяснения – в тексте. Изначально же все они были написаны киноварью в тексте, как в болгаро-молдавских ТП [F.I.461: 175 об.–176 об.; Щук-507: 32–33], геннадиевской рабочей рукописи и беловом экземпляре Библии 1499 г. [Син-915: 550 об.–551; Чуд-184: 389–390 об.].

В украинском списке [Овч-78] старый акростих в Плач 1 исправлен, но непоследовательно. Пять букв переименованы в соответствии с еврейским произношением: **а̂леф҆**, **ѕаи҃**, **саме҃** (Плач 1: 13 вм. 15) [Овч-78: 408], **а҃нь** с небольшой опиской. Матфей Десятый искажает их вслед за своим антиграфом – рукописью вроде пафнутьевской: **є̂ни**[1] или называет по-старому на греческий манер: **а̂л҆ѳ** (αλφ), **ѕай** (ζαι)[2], **самх҃** (σαμχ)[3]. Но есть и общая замена грецизированной формы **ви́т** (**виѳ**)[4] на **бе҃** (Плач 1: 2) [Срезн-75: 103 об.; Овч-78: 407]. Матфей Десятый взял это название, возможно, оттуда же, откуда он заимствовал ошибку **є̂ни**, – из списка вроде пафнутьевского, где стоит **бефь**. Впрочем, источником правки могла быть Вульгата или Чешская Библия: Aleph, Beth, Samech, Ayn, но Zay [ЧБ 1488: 399г–401г]; ср. у Ф. Скорины и И. Федорова: **ӑлефъ**, **бетъ**, **ѕаїнъ**, **самехъ**, **а҃йнъ** [Біблія. С. 676–678, 680, 682–684, 686–692; Библия. Л. 119в–121г].

[1] Это название было искажено в общем протографе южно- и восточнославянских списков ТП: **аіни** (Плач 1: 14 вм. 16) [F.I.461: 176; Щук-507: 32 об.], **аини** [Чуд-184: 390; МДА-19: 308; МДА-20: 320; Син-576: 225 об.; Син-915: 551; ТСЛ-63: 337 об.; ТСЛ-90: 445], греч. αιν. В ТП оно пишется правильно редко, только вследствие правки: **аинъ** [Чуд-183: 451 об.; Син-577: 311]. В украинской рукописи оно почти верное: **а҃нь**, только выносная **и** перепутана с похожей **н** (Плач 1: 14 вм. 16) [Овч-78: 408].

[2] В греческих и латинских переводах Плач эта буква называется сокращенно и полностью: ζαι, ζαιν и zai, zain. В украинском списке стоит полная форма **ѕаи҃** (Плач 1: 6 вм. 7) [Овч-78: 407]. Она встречается в ТП изредка, лишь вследствие правки: **ѕаїнъ**, ошибочно повторенная дважды (Плач 1: 5, 6 вм. 7) [Син-577: 309 об., 310]. Первоначальное же чтение было сокращенным: **ѕай** [Срезн-75: 104; МДА-19: 307 об.; МДА-20: 319 об.; Син-576: 224 об.; Син-915: 550 об.; ТСЛ-63: 336 об.; ТСЛ-90: 444 об.; Чуд-183: 450 об.; Чуд-184: 389 об.; Щук-507: 32; F.I.461: 175 об.].

[3] Так [Срезн-75: 104; МДА-19: 308; МДА-20: 320; Син-915: 551; ТСЛ-63: 337 об.; ТСЛ-90: 445; Чуд-183: 451; Чуд-184: 390; Щук-507: 32 об.; F.I.461: 176].

[4] Ср.: **виѳ** [F.I.461: 175 об.; Щук-507: 32], **ви́т** [Чуд-184: 389; МДА-19: 307 об.; МДА-20: 319; Син-576: 224 об.; Син-915: 550 об.; ТСЛ-63: 336 об.; ТСЛ-90: 444], греч. βηϑ.

Иногда украинская рукопись точнее в старом акростихе, чем список Матфея Десятого. Он принимает два болгарских по происхождению чтения своего источника, но они оказываются ошибочными (см. ниже табл. 4, № 1 и табл. 5, № 2). Восточнославянские же списки ТП и вслед за ними Овч-78 верно передают первоначальный текст в этих местах.

В «Приготовлении к Евангелию» (X. 5, 4–9) Евсевий Кесарийский объясняет еврейский алфавит и дает такое толкование букве *хе* (греч. η, лат. he, цсл. **гє**): «τὸ πέμπτον Η, ὅ ἐστιν ‘αὕτη’», то есть «пятая [буква] Н, что значит ‘эта’» [Eusebius. P. 63]. В предисловии к Плач Ф. Скорина также объясняет *ге* формой указательного местоимения жен. р.: **Сиѧ** [Біблія. С.676]. В протографе ТП чтение было испорчено вставной **п**: **и пт** (Плач 1: 5) [Чуд-184: 389 об.; МДА-19: 307 об.; МДА-20: 319 об.; Син-576: 224 об.; Син-915: 550 об.; ТСЛ-63: 336 об.; Щук-507: 32; F.I.461: 175 об.]. Все это писалось нередко слитно и иногда с паерком после **п**. Рядовому писцу было трудно догадаться, где здесь буква и где ее значение. Редактор (видимо, Матфей Десятый) понял, что **т** означает указательное местоимение **тъи** и является толкованием. Однако он не знал, как поступить с **п**, и присоединил ее к грецизированному названию буквы **й**, исказив его: **йп** [Срезн-75: 104]. Переписчик Овч-78 принял это словоделение, но не сразу. Он добавил **то**, киноварью позднее над чернильным знаком конца строки —, а сначала, не разобравшись, посчитал толкованием и стал писать киноварью начало стиха: **Бы́шà стꙋжáю́щї є**… [Овч-78: 407].

Общим является название буквы *каф* – **хав** (Плач 1: 7 вм. 11) [Срезн-75: 104; Овч-78: 407 об.]. В болгаро-молдавских ТП она называется **хаѳ** [F.I.461: 176; Щук-507: 32 об.], хотя греч. χαφ, а в восточнославянских – обычно **хат** [Чуд-184: 390; МДА-19: 308; МДА-20: 319 об.; Син-576: 225; Син-915: 551; ТСЛ-63: 337; ТСЛ-90: 445] и изредка **хафь** [Чуд-183: 451]. Форма **хав** появилась из **хафь** (**хаѳ**) вследствие гиперкоррекции по глухости – звонкости.

§ 4. *Источники Плача Иеремии в редакции Матфея Десятого*. В составе ТП Плач представлен двумя местными традициями: болгаро-молдавской и восточнослаянской (последняя со своими отличиями в отдельных списках и их группах). Обе они близки по тексту, так как восходят к одному преславскому переводу, но имеют отличительные особенности, накопившиеся к началу XVI в. почти за шесть столетий рукописной истории ТП. Плач в редакции Матфея Десятого объединяет

восточнославянскую и болгаро-молдавскую ветви и занимает промежуточное положение между ними.

Основным списком был восточнославянский, имевший общий протограф с русскими рукописями ТП. Матфей Десятый повторяет их общие ошибки (табл. 1, № 3–6), не известные болгаро-молдавским ТП, удерживает архаизмы, унаследованные от архетипа и замененные в болгаро-молдавских списках (табл. 1, № 7–9). И в других местах восточнославянские рукописи и сборник Матфея Десятого лучше, чем болгаро-молдавские ТП, сохранили текст древнего преславского перевода (табл. 1, № 11–13).

Табл. 1. Зависимость редакции Матфея Десятого
от восточнославянского антиграфа

Срезн-75 и восточнославянские ТП	*Болгаро-молдавские ТП*
1. **с҃нве сі́ѡ́ні чьстнїи… ка́ко намѣнїшас҃ в съсꙋ́ды глїн’ны. дѣло рꙋ́кꙋ гръньча́рскꙋ** (Плач 4: 2), л. 105 об.; так с мелкими разночтениями **глинены** и **горнечарьскꙋ** [Чуд-183: 455]. Обычно же последнее слово – **чл҃чьскоу** [Чуд-184: 393 об.; МДА-19: 311; МДА-20: 322 об.; Овч-78: 412; Син-576: 229; Син-577: 316; Син-915: 553; ТСЛ-63: 341; ТСЛ-90: 434].	**с҃нове сіѿни чьстнѣйший… како въмѣнишѫсѧ въ съсѫ ды гни́лны.** (‘глиняные’ [Словарь. Т. 1. С. 407]) **дѣло рѫкоу гръничарскоу** [F.I.461: 179 об.; Щук-507: 35 об.]; греч. κεραμέως.
2. **ї да сѧ ѡ҆братим до г҃а… на рукѫ нш҃ею на нб҃о** (Плач 3: 40, 41), л. 105 об.; так, но начало переосмыслено в форму аориста: **и҆ даша** [Чуд-183: 454–454 об.]. В большинстве же списков ошибочно с **ю** вм. **сѧ** и пропуском последнего **на** [Чуд-184: 393; МДА-19: 310 об.; МДА-20: 322; Овч-78: 411; Син-576: 228; Син-577: 315; Син-915: 552 об.; ТСЛ-63: 340 об.; ТСЛ-90: 433 об.].	**и҆ да сѧ ѡ҆братимь къ г҃оу… и҆ рѫцѣ наши на нб҃о** [F.I.461: 179; Щук-507: 35].
3. **бы҃с и҆мъ** (Плач 1: 17), л. 104; так [МДА-19: 308 об.; МДА-20: 320; Овч-78: 408; Син-576: 225 об.; Син-577: 311; Син-915: 551; ТСЛ-63: 337 об.; ТСЛ-90: 445 об.; Чуд-184: 390 об.].	**бы҃с ї҆ѐрл҃имъ** [F.I.461: 176 об.; Щук-507: 33]; так [Чуд-183: 451 об.]; греч. ἐγενήθη Ιερουσαλημ.

4. **Съꙁва гнѣвъ ꙗ҆ростї своеѧ҆. вс҄ь ро҃д ї҆и҃лвь** (Плач 2: 3), л. 104 об. Лишь первое слово совпадает с чтением болгаро-молдавских ТП, а далее Матфей Десятый повторяет искажения русских списков. В их протографе было переделано начало: **Възвавъ гнѣвъ** (у Матфея Десятого нет **въ**, но **гнѣвъ** остался в форме им. пад.) и имелась ошибка **родъ** [Чуд-184: 391; МДА-19: 309; МДА-20: 320 об.; Овч-78: 408 об.; Син-576: 226; Син-577: 312; Син-915: 551 об.; ТСЛ-63: 338; ТСЛ-90: 431].	**Съꙁва въ гнѣвѣ ꙗ҆ро́сти** [греч. ἐν ὀργῇ θυμοῦ ‘в пылу гнева’] **свое̑ѧ҆, ве҃с ро́гъ** [греч. κέρας ‘рог’] **ї҆ꙁ҃левь** [F.I.461: 177; Щук-507: 33].
5. **стра́ж҄ и҆ ѹ҆жасть** (Плач 3: 47), л. 105 об.; так [МДА-19: 311; МДА-20: 322; Овч-78: 411; Син-576: 228 об.; Син-577: 315 об.; Син-915: 552 об.; ТСЛ-63: 340 об.; ТСЛ-90: 433 об.; Чуд-183: 454 об.; Чуд-184: 393].	**стра҃х и҆ оужась** [F.I.461: 179; Щук-507: 35]; греч. φόβος καὶ θυμὸς.
6. **кто** [пропуск] **оу҆тѣши҃т** (Плач 2: 13), л. 104 об.; так [МДА-19: 309 об.; МДА-20: 321; Овч-78: 409 об.; Син-577: 313; Син-915: 552; ТСЛ-63: 339; ТСЛ-90: 432; Чуд-183: 452 об.; Чуд-184: 391 об.].	**кто тѧ оу҆тѣшить** [F.I.461: 177 об.; Щук-507: 34]; так [Син-576: 226 об.], но затем **тѧ** зачеркнули киноварью.
7. **и҆ нап҄ръже рожанїкъ свои҆** (Плач 2: 4), л. 104 об.; так, но без союза **и҆**, которого и не было изначально [МДА-19: 309; МДА-20: 320 об.; Овч-78: 409; Син-576: 226; Син-577: 312; Син-915: 551 об.; ТСЛ-63: 338; ТСЛ-90: 431; Чуд-183: 452; Чуд-184: 391].	**Напръже лѫкь свои҆** [F.I.461: 177; Щук-507: 33 об.].
8. **погыбе побы҃т҄ моѧ҆** (Плач 3: 18), л. 105; так [МДА-19: 310 об.; МДА-20: 322; Овч-78: 410 об.; Син-576: 228; Син-577: 314 об.; Син-915: 552 об.; ТСЛ-63: 340; ТСЛ-90: 433; Чуд-183: 454; Чуд-184: 392 об.].	**погыбе прѣбыванїе мое** [F.I.461: 178 об.; Щук-507: 34 об.].
9. **Въскую на побыть ꙁабы на҃с** (Плач 5: 20), л. 106; так с первоначальным **ны** вм. **на҃с** [МДА-19: 312 об.; МДА-20: 323 об.; Овч-78: 413 об.; Син-577: 318; Син-915: 554; ТСЛ-90: 435 об.; Чуд-184: 395].	**Въскѫѫ҆ напослѣдокь ꙁабы на҃с** [F.I.461: 181; Щук-507: 36 об.].

10. **и҆ꙁѣдѧ̑ᵀ жены** (Плач 2: 20), л. 105; так [МДА-19: 310; МДА-20: 321 об.; Овч-78: 410; Син-576: 227; Син-577: 313 об.; Син-915: 552; ТСЛ-63: 339 об.; ТСЛ-90: 432 об.; Чуд-183: 453 об.; Чуд-184: 392].	**сънѣдѧтъ жены** [F.I.461: 178; Щук-507: 34].
11. **вї́дѣнїѧ ѿ г҃а** (Плач 2: 9), л. 104 об.; так [МДА-19: 309 об.; МДА-20: 321; Овч-78: 409; Син-576: 226 об.; Син-577: 312 об.; Син-915: 551 об.; ТСЛ-63: 338 об.; ТСЛ-90: 431 об.; Чуд-183: 452 об.; Чуд-184: 391]; греч. παρὰ κυρίου.	**видѣнїа ѿч҃а** [F.I.461: 177 об.; Щук-507: 33 об.].
12. **Рѫцѣ же́нъ щⷣе́ры̑ᵡ** (Плач 4: 10), л. 105 об.; так [МДА-19: 311 об.; МДА-20: 323; Овч-78: 412; Син-576: 229; Син-577: 316 об.; Син-915: 553; ТСЛ-63: 341 об.; ТСЛ-90: 434 об.; Чуд-183: 455; Чуд-184: 394].	**Рѫцѣ же дъщерь и҆́хь** [F.I.461: 180; Щук-507: 36].
13. **и҆с потока долнѧго. гла̑ⷭ мо́ї ѹ҆слы́ша** (Плач 3: 55–56), л. 105 об.; так [МДА-19: 311; МДА-20: 322 об.; Овч-78: 411 об.; Син-576: 228 об.; Син-577: 315 об.; Син-915: 553; ТСЛ-63: 341; ТСЛ-90: 434; Чуд-184: 393][1]; греч. φωνήν μου.	**и҆с потока долнѣ̑аго.** [пропуск] **ѹслыша** [F.I.461: 179 об.; Щук-507: 35].

Из первых двух примеров в табл. 1 хорошо видно обращение Матфея Десятого к источнику вроде рукописи конца XV в., принадлежавшей архимандриту Чудова монастыря Пафнутию (1595–1604) [Чуд-183: 450–456 об.]. Ее влияние отмечалось и в других местах Пророчеств в сборнике Матфея Десятого [Калугин 2017. С. 140–141]. Переписчик Чуд-183 или его предшественник цокал: **ѿгорцаваѧ**, где ошибочно выносная **т** вм. спиритуса (Плач 1: 4), **ѹ҆̑тѧж҆ци** (Плач 3: 7), аорист 3 л. ед. ч. от гл. **ѹтѧжьчити** ‘отяготить’ [Чуд-183: 450 об., 453 об.] и **чадєкъ** в акростихе (Плач 1: 18), то есть *цадик* [Чуд-183: 451 об.]. Превращение возвратных форм 1 л. ед. ч. в аористные 3 л. мн. ч. можно объяснить гиперкоррек-

[1] Нет [Чуд-183: 454 об.], так как писец перескочил глазами с одного выражения **и҆с потока дол҆нѧго** на такое же ниже и пропустил текст между ними.

цией – стремлением писца избежать псковского шоканья. Правильные чтения **ѝѕыскасѧ... ѝ стависѧ ѝ да сѧ** были поняты как народно-разговорные, шокающие и заменены на **ѝѕыскаша... ѝ ставиша ѝ даша ѡ̑братимъ** (Плач 3: 40) [Чуд-183: 454–454 об.].

Чуд-183 и Срезн-75 выделяются из среды других источников. Они сохранили первоначальные чтения, утраченные еще в протографе восточнославянских и болгаро-молдавских списков (табл. 2, № 1–3). Объединяют Чуд-183 и Срезн-75 и мелкие изменения текста (табл. 2, № 4–6).

Табл. 2. Совпадения
в Плач в списках Матфея Десятого и Пафнутия

Восточнославянские и болгаро-молдавские ТП	*Срезн-75 и Чуд-183*
1. **поѐмлѧ ѝ веде** (Плач 3: 2) [Чуд-184: 392; МДА-19: 310; МДА-20: 321 об.; Овч-78: 410 об.; Син-576: 227 об.; Син-577: 314; Син-915: 552; ТСЛ-63: 339 об.; ТСЛ-90: 432 об.; Щук-507: 34 об.; F.I.461: 178].	**поѧ̑ мѧ і̑ ведѐ**, л. 105; так [Чуд-183: 453 об.]; греч. παρέλαβέν με; лат. me minavit; Mie hnal [ЧБ 1488: 401a].
2. **Приспѣ гь҃** (Плач 4: 18) [Чуд-184: 394; МДА-19: 312; МДА-20: 323; Овч-78: 412 об.; Син-576: 229 об.; Син-577: 317; Син-915: 553 об.; ТСЛ-63: 342; ТСЛ-90: 435; Щук-507: 36; F.I.461: 180].	**Прїспѣ г҃ь нш҃ь**, л.106; так [Чуд-183: 455 об.]; греч. ὁ καιρὸς ἡμῶν; лат. finis noster; konec naš [ЧБ 1488: 402a]. (В архетипе ТП καιρός ‘время’ было перепутано с κύριος ‘Господь’.)
3. **въ расыпаныи҆ наши҆** (Плач 4: 20) [Чуд-184: 394 об.; МДА-19: 312; МДА-20: 323; Овч-78: 412 об.; Син-576: 229 об.; Син-577: 317 об.; Син-915: 553 об.; ТСЛ-63: 342; ТСЛ-90: 435; Щук-507: 36; F.I.461: 180 об.].	**в расыпанїи** [далее пропущено конечное **хъ**] **нш҃и҆**, л. 106; так [Чуд-183: 455 об.]. В Септуагинте и Вульгате здесь существительное: ταῖς διαφθοραῖς; лат. in peccatis; w hřiessiech [ЧБ 1488: 402a].
4. **всй дрꙋжащенсѧ с нимь** (Плач 1: 2) [Чуд-184: 389; МДА-20: 319; Овч-78: 407; Син-576: 224 об.; Син-577: 309 об.; Син-915: 550 об.; ТСЛ-63: 336 об.; ТСЛ-90: 444; Щук-507: 32; F.I.461: 175 об.].	**всї тружаю̑щїисѧ с ни҆**, л.104; **трꙋжающїи** [Чуд-183: 450 об.]; **трꙋжащенсѧ** [МДА-19: 307 об.]. Возможно, под влиянием известных слов (Мф 11: 28).

5. **Нечистота его̀ прⷣѣ ногама емꙋ** (Плач 1: 9) [Чуд-184: 389 об.; МДА-19: 308; МДА-20: 319 об.; Овч-78: 407 об.; Син-576: 225; Син-577: 310 об.; Син-915: 551; ТСЛ-90: 445; Щук-507: 32 об.; F.I.461: 176]; разночтение **ногама ѐго** [ТСЛ-63: 337].	**Нечїстота ѐмꙋ прⷣѣ ногама ѐго**, л. 104; так [Чуд-183: 451].
6. **црⷭ҇е земьстии** (Плач 4: 12) [Чуд-184: 394; МДА-19: 311 об.; МДА-20: 323; Овч-78: 412; Син-576: 229; Син-577: 316 об.; Син-915: 553; ТСЛ-63: 341 об.; ТСЛ-90: 434 об.; Щук-507: 36; F.I.461: 180].	**црⷭ҇е земнїи**, л.106; так [Чуд-183: 455 об.]

В то же время в Плач между списками Пафнутия и Матфея Десятого много отличий. Некоторые места существенно переработаны в пафнутьевской рукописи, а Матфей Десятый не знает этой правки (табл. 3, № 1, 2). К тому же в пафнутьевском кодексе много ошибок, пропусков, добавлений, замен и т. п. Некоторые из них повторяются в других русских рукописях ТП (табл. 3, № 3), но не у Матфея Десятого. Разумеется, он пользовался не самой пафнутьевской книгой, а подобным ей экземпляром, который мог быть более исправным и иметь свои особенности. Но и в таком случае рукопись вроде пафнутьевской использовалась только как дополнительный источник.

Табл. 3. Отличия в Плач
между списками Матфея Десятого и Пафнутия

Срезн-75 и восточнославянские ТП	*Чуд-183*
1. **Бл҃гъ г҃ь терпѧщиⷨ ѐмꙋ. дш҃а ѓще просиⷮ оу҆ него бл҃гаго и҆ терпиⷮ и҆ оу҆молчиⷮ въ сп҃се́нїе г҃не. Бл҃го ѥⷭ҇ мꙋ́жꙋ ѐгⷣа въздвигнеⷮ ꙗ҆реⷨ въ ю҆ности своѥ́и. сѧдеⷮ ѐдїнъ ї ꙋ҆млъкнеⷮ ꙗ҆ко въздвигнꙋ на сѧ** (Плач 3: 25–28), л. 105; так [МДА-19: 310 об.; МДА-20: 322; Овч-78: 410 об.–411; Син-576: 228; Син-577: 314 об.–315; Син-915: 552 об.; ТСЛ-63: 340; ТСЛ-90: 433; Чуд-184: 392 об.; Щук-507: 34 об.–35; F.I.461: 178 об.].	**Бл҃гъ б҃ъ терпѧщиⷨ и҆ дш҃и ꙗⷤ възыщеть ѐго бл҃го терпѣти и҆ оу҆повати на сп҃сенїе ѐго. бл҃го ѥⷭ҇ мꙋжю ѐгⷣа възметь и҆го тѧжько и҆зъ оу҆ности своеѧ. и҆ сѧдеть ѐди́нъ и҆ оу҆мол҆чить. ꙗ҆ко възѧтъ на сѧ и҆го тѧж҆ко**, л. 454.

2. **погрѹѕї г҃ь. не пощадѣ въ вс҇ѣ кра́сны҇ ї҃а́ковль… ѡ҃скверні ц҃рⷭ҇ ѥ҃ѧ. Съꙁва гнѣвъ** (Плач 2: 2–3), 104 об.	**погрѹѕи г҃ь ї҃а́ковль. и҃ не пощадѣ вс҇ѣ красны҇ г҃ь… ѡ҃скверни въ ц҃рѧ ѥѧ и҃ кнѧꙁѧ ѥ҃ѧ. Съломи въ гнѣвѣ**, л. 452; ср. греч. ἐβεβήλωσεν βασιλέα αὐτῆς καὶ ἄρχοντας αὐτῆς. Συνέκλασεν ἐν ὀργῇ.
3. **Вьскую на побыть ꙁабы на҇** (Плач 5: 20), л. 106; так с первоначальным **ны** вм. **на҇** [МДА-19: 312 об.; МДА-20: 323 об.; Овч-78: 413 об.; Син-577: 318; Син-915: 554; ТСЛ-90: 435 об.; Чуд-184: 395].	**Вьскѹю на побытъкъ ꙁаконы**, л. 456 об.; так [Син-576: 230; ТСЛ-63: 343]. Затем в **побытокъ** вторую **о** исправили на **ъ**, а следующее **къ ꙁако** зачеркнули и сверху написали **ꙁабы** [ТСЛ-63: 343]. В **ꙁаконы** буквы **он** немного затерты [Син-576: 230].

Объединяет списки Матфея Десятого и Пафнутия близость болгаро-молдавской версии Плач. От древней болгарской традиции ТП сохранилось всего лишь два неполных списка. Это болгарский ветхозаветный сборник 70-х гг. XIV в. [F.I.461: 175–181] и славяно-молдавская копия 1474 г. [Щук-507: 32–36 об.]. Между ними нет значительных разночтений в Плач, но одно следует отметить особо. Самое заметное такое. Болгарский писец, сомневаясь в правильности своего антиграфа и будучи не в силах установить истину, пропустил бо́льшую часть слова и оставил свободное место для последующей правки: **въ** […]**цѣ** (Плач 3: 53) [F.I.461: 179]. Переписчик славяно-молдавской копии повторил это чтение с лакуной, а затем, спустя какое-то время, пропуск был восполнен: **въ пото́цѣ** [Щук-507: 35]. Пафнутьевская рукопись помогает представить ошибку, столетием ранее смутившую болгарского книгописца. Очевидно, в болгарском протографе, созданном до 70-х гг. XIV в., был пропущен слог **то**: **въ поцѣ**. Писец Чуд-183 или его предшественник исправил по догадке **ц** на **т**, и так получилось **въ потѣ** [Чуд-183: 454 об.].

Временами Матфей Десятый явно предпочитает болгаро-молдавскую версию Плач восточнославянской. Он приводит ее чтения в трудных местах с гебраизмами, но они оказываются ошибочными, а русские списки верно передают текст (табл. 4, № 1; табл. 5, № 2). Пафнутьевская книга совпадает с болгаро-молдавскими рукописями, хотя между ними есть мелкие отличия (табл. 4, № 1–3).

Табл. 4. Совпадения в Плач в списках Матфея Десятого, Пафнутия и болгаро-молдавских ТП

Восточнославянские ТП	*Срезн-75, болгаро-молдавские ТП и Чуд-183*
1. **алѳ. ѡбꙋченїє** в тексте (Плач 1: 1) [Чуд-184: 389; Син-915: 550 об.; ТСЛ-90: 444]; так с разночтением **ѧ҆лфа** [МДА-19: 307 об.] и ошибочно **а́лфл** [МДА-20: 319]; **а҆леф҆** на поле, в тексте толкование **ѡбꙋче́нїє** [Овч-78: 407] и так же с разночтением **а҆лф** [Син-576: 224 об.]; ср. у Иосифа: αλφ – μάϑησις ‘учение; обучение’ [Горский, Невоструев. С. 102][1].	**а҆л҆ѳ** в тексте, на поле ошибка **ѻбꙋ҆ч҇нїє**, л. 103 об.; так, но все в тексте [F.I.461: 175 об.; Щук-507: 32], как это и было в архетипе ТП; **ѻ҆бꙋ҆ченїє** в тексте, название буквы пропущено [Чуд-183: 450].
2. Объяснение буквы *коф*: **ꙁванїє. ѿсвѣщенїє** (Плач 1: 17 вм. 19) [Чуд-184: 390; МДА-19: 308 об.; МДА-20: 320; Овч-78: 408; Син-576: 225 об.; Син-577: 311; Син-915: 551; ТСЛ-63: 337 об.; ТСЛ-90: 445 об.].	**възва҇ѥ и҆ ѻ҆свѣщ҇єє**, л. 104; так, но только **ѻ҆свѣшенїє** [Чуд-183: 451 об.]; так, но без союза **и҆** [F.I.461: 176 об.; Щук-507: 33]. Ф. Скорина дает такое толкование этой буквы: **Возвание** [Біблія. С. 676].
3. **ѻ҆ко моѐ погрѧꙁнꙋ и҆** [пропуск] **оу҆млъкноу, ꙗ҆ко** [пропуск] **быти оу҆трѣꙁвенїю** (Плач 3: 49) [Чуд-184: 393; МДА-19: 311; МДА-20: 322–322 об.; Овч-78: 411 об.; Син-576: 228 об.; Син-577: 315 об.; Син-915: 552 об.; ТСЛ-63: 340 об.; ТСЛ-90: 433 об.].	**ѻ҆ко моѐ погрѧꙁе** [правка] **и҆ не ꙋ҆молкнꙋ ꙗ҇к не быті оу҆трѣꙁвенїю**, л. 105 об.; так с первоначальным чтением **погрѧꙁнѫ** [F.I.461: 179; Щук-507: 35]; так, но с ошибкой в первых двух словах: **ꙗ҆ко** [пропуск] **погрѧꙁноу** [Чуд-183: 454 об.].
4. **ꙁаповѣда҇х иꙗ҆ковꙋ** (Плач 1: 17) [Чуд-184: 390 об.; МДА-19: 308 об.; МДА-20: 320; Овч-78: 408; Син-576: 225 об.; Син-577: 311; Син-915: 551; ТСЛ-63: 337 об.; ТСЛ-90: 445 об.].	**ꙁаповѣда г҇ь ї҆ѧковꙋ**, л. 104; так [F.I.461: 176 об.; Чуд-183: 451 об.; Щук-507: 33]; греч. ἐνετείλατο κύριος.

[1] В «Сказании о письменах» черноризец Храбр объясняет еврейскую букву алеф (греч. αλεφ) как **оучение** (ошибочное чтение – **оу҆чинение** в сборнике 1348 г.) [13, с. 162]. В «Житии Стефана Пермского» Епифаний Премудрый называет грецизированную форму **алфъ** (αλφ) еврейской, а еврейскую алдфъ – сирийской [13, с. 167].

5. **въсколѣбашѧсѧ бъжрїи его̀ въ и҆схо́дѣ** (Плач 4: 14) [Чуд-184: 394; МДА-19: 311 об.; МДА-20: 323; Овч-78: 412 об.; Син-576: 229 об.; Син-577: 317; Син-915: 553–553 об.; ТСЛ-63: 342; ТСЛ-90: 434 об.].	**въсколѣбашѧ҇ бо́дрїи е҇ въ і҆сходѣ҇**, л. 106; так с разночтением **и҆сходѣ** [F.I.461: 180; Чуд-183: 455 об.; Щук-507: 36].
6. **и҆збраныѧ̀ моꙗ̀** (Плач 1: 15) [Чуд-184: 390; МДА-19: 308 об.; МДА-20: 320; Овч-78: 408; Син-576: 225 об.; Син-577: 311; Син-915: 551; ТСЛ-63: 337 об.; ТСЛ-90: 445 об.].	**и҆зборныѧ моѧ̀**, л. 104; так [F.I.461: 176 об.; Щук-507: 32 об.]; **и҆зборнаꙗ** [Чуд-183: 451 об.].
7. **и҆з҅бранїи ѿ пѣснїи** (Плач 5: 14/15) [Чуд-184: 395; МДА-19: 312 об.; МДА-20: 323 об.; Овч-78: 413; Син-576: 230; Син-577: 318; Син-915: 554; ТСЛ-63: 342 об.; ТСЛ-90: 435 об.].	**і҆зборнїи ѿ пѣснеи**, л. 106; так [F.I.461: 181; Чуд-183: 456 об.; Щук-507: 36 об.].

Если оценивать источники в целом, то в части Плач болгаро-молдавские ТП намного ближе редакции Матфея Десятого, чем пафнутьевский экземпляр. В распоряжении Матфея Десятого находился болгарский или молдавский список ТП, не дошедший до нас, хотя и близкий, но не тождественный по тексту двум сохранившимся. Так, Матфей Десятый приводит верное чтение **съсѣдоша҇**, а болгаро-молдавские рукописи ошибаются: **сънѣдошѧсѧ**. В русских же ТП, включая Чуд-183, здесь пропуск, унаследованный от общего протографа (табл. 5, № 1). Авторитету болгаро-молдавского источника обязан и ошибочный выбор искаженного гебраизма во втором примере в табл. 5, хотя русские списки передают его правильно. Наименее показательны замена архаизма и варьирование устойчивой формулы, так это могли сделать разные писцы независимо друг от друга (табл. 5, № 3, 4).

Табл. 5. Совпадения в Плач
в списке Матфея Десятого и болгаро-молдавских ТП

Восточнославянские ТП	*Срезн-75 и болгаро-молдавские ТП*
1. **ѿчистишасѧ назаряне єю, паче снѣга просвьтѣшасѧ** [пропуск] **паче камыка сапфира** (Плач 4: 7) [Чуд-184: 393 об.; Син-915: 553; ТСЛ-90: 434 об.]; так с разночтением **просвѣтѣша** [МДА-19: 311 об.] или **просвѣтишасѧ** [Чуд-183: 455; МДА-20: 322 об.–323; Овч-78: 412; Син-576: 229; Син-577: 316 об.; ТСЛ-63: 341 об.] и, кроме того, с первоначальной формой **єѧ** [Чуд-183: 455].	**ѡчїстїша назаряне єѧ. паче снѣга просвѣтїша. па млѣка съсѣдоша.** (‘свернулись’ [Словарь. Т. 4. С. 341, 342]) **па камыка сапфира**, л. 105 об.; так с разночтениям **просъвтѣшѧ** и ошибкой **сънѣдошѧсѧ** ‘были съедены’ [F.I.461: 180; Щук-507: 35 об.; Словарь. Т. 4. С. 315, 316].
2. **гимелъ** (Плач 1: 3) [Чуд-184: 389; МДА-19: 307 об.; МДА-20: 319; Овч-78: 407; Син-576: 224 об.; Син-577: 309 об.; Син-915: 550 об.; ТСЛ-63: 336 об.; ТСЛ-90: 444]; **гымелъ** [Чуд-183: 450 об.]; греч. γιμελ или γιμλ.	**гимл**, л. 104; так [F.I.461: 175 об.; Щук-507: 32].
3. **ѡбратисѧ назаждь** (Плач 1: 8) [Чуд-184: 389 об.; МДА-19: 308; МДА-20: 319 об.; Овч-78: 407 об.; Син-577: 310; Син-915: 551; ТСЛ-63: 337; ТСЛ-90: 444 об.–445; Чуд-183: 451].	**ѡбратисѧ назад**, л.104; так [F.I.461: 176; Щук-507: 32 об.] и так же независимо от них [Син-576: 225].
4. **ѡскѹдѣсте ѡчи мои слезами** (Плач 2: 11) [Чуд-184: 391 об.; МДА-19: 309 об.; МДА-20: 321; Овч-78: 409 об.; Син-576: 226 об.; Син-577: 313; Син-915: 551 об.; ТСЛ-63: 338 об.; ТСЛ-90: 431 об.; Чуд-183: 452 об.].	**ѡскудѣсте слезамї ѡчї мои**, л.104 об.; так [F.I.461: 177 об.; Щук-507: 33 об.].

Некоторые особые чтения у Матфея Десятого появились вследствие правки, возможно, его собственной (табл. 6). В первом примере можно предположить знакомство с Чешской Библией 1488 г. Однако это

может быть и случайное совпадениие. Два варианта Матфея Десятого предваряет редакцию Острожской Библии 1580–81 гг. (табл. 6, № 1, 2). Во втором из них он точнее, чем южно- и восточнославянские ТП, где **борѕи** – явная ошибка из **говꙁи** (табл. 6, № 2).

Табл. 6. Отличия Плач в списке Матфея Десятого

Восточнославянские и болгаро-молдавские ТП	*Срезн-75*
1. **пла́чи ı҆еремїнни** (заглавие Плач) [Чуд-184: 389; МДА-19: 307 об.; МДА-20: 319; Овч-78: 407; Син-576: 224 об.; Син-577: 309; Син-915: 550 об.; ТСЛ-63: 336 об.; ТСЛ-90: 444; Чуд-183: 450; Щук-507: 32; F.I.461: 175]; греч. Θρῆνοι ‘рыдания, плачи’; лат. Lamentationes.	**пла́чь. ı҆̑еремийнъ**, л. 103 об.; так же [Біблія. С.673–695; Библия. Л. 119в–122б]; ср.: placż Jeremiasse proroka [ЧБ 1488: 399г, 402г].
2. **вразї єго бъдри** (Плач 1: 5) [Чуд-184: 389 об.; МДА-19: 307 об.; МДА-20: 319 об.; Овч-78: 407; Син-576: 224 об.; Син-577: 309 об.–310; Син-915: 550 об.; ТСЛ-63: 336 об.; ТСЛ-90: 444 об.]; **говꙁи** [F.I.461: 175 об.; Щук-507: 32]; откуда, очевидно, **борѕи** [Чуд-183: 450 об.].	**вра́зї є̑го гов҄ꙁствжю**ⷮ, л.104; так же [Библия. Л. 119в]; греч. εὐϑηνοῦσαν; лат. locupletati sunt. Ф. Скорина переводит Чешскую Библию 1506 г.: **неприѧ̑тели є̏го ѡ̑богатишесѧ** [Біблія. С. 678].
3. **на ı҆сходⷯѣ ꙁемьныи**ⷯ (Плач 2: 21) [Чуд-184: 392; Син-576: 227 об.; Син-915: 552; ТСЛ-63: 339 об.; ТСЛ-90: 432 об.]; **ꙁемльныи**ⷯ [МДА-19: 310; Овч-78: 410; Син-577: 314; Щук-507: 34; F.I.461: 178]; **ꙁемленыи**ⷯ [МДА-20: 321 об.]; **ı҆сходъ ꙁемныхъ** [Чуд-183: 453 об.].	**на ı̑҆сходⷪщиⷯ ꙁем҄ны**ⷯ, л. 105.
4. **въ исхóдѣхъ** (Плач 4: 5) [Чуд-184: 393 об.; МДА-19: 311 об.; МДА-20: 322 об.; Овч-78: 412; Син-576: 229; Син-577: 316 об.; Син-915: 553; ТСЛ-63: 341 об.; ТСЛ-90: 434 об.; Чуд-183: 455; Щук-507: 35 об.; F.I.461: 179 об.].	**въ ı̑сходⷪщиⷯ**, л. 105 об.

Иногда Матфей Десятый ошибался или повторял неточности своего антиграфа. Впрочем, искажений у него немного. Ведь он работал над текстом тщательно и вдумчиво.

Табл. 7. Ошибки в Плач в списке Матфея Десятого

Восточнославянские и болгаро-молдавские ТП	*Срезн-75*
1. **въ селⷯѣ д҆щере сиѡнѧ** (Плач 2: 4) [Чуд-184: 391; МДА-19: 309; МДА-20: 320 об.; Овч-78: 409; Син-576: 226; Син-577: 312; Син-915: 551 об.; ТСЛ-63: 338 об.; ТСЛ-90: 431; Чуд-183: 452; Щук-507: 33 об.; F.I.461: 177].	**в҆селⷯѧ дщ҃ере сі́онѧ**, л. 104 об. Начальное сочетание ‘въ селенїихъ’ было прочитано, по-видимому, как форма аориста 1 л. ед. ч. от гл. **въселити (въселꙗти)**.
2. **Что ти съвѣтоую** (Плач 2: 13) [Чуд-184: 391 об.; МДА-19: 309 об.; МДА-20: 321; Овч-78: 409 об.; Син-576: 226 об.; Син-577: 313; Син-915: 552; ТСЛ-63: 339; ТСЛ-90: 432; Чуд-183: 452 об.; Щук-507: 33 об.; F.I.461: 177 об.; Горский, Невоструев. С. 101].	**Что тї съвѣстуюⷮ**, л. 104 об. Вероятно, диакритический знак над **ю̑** был принят за выносную **т**.
3. **Приспѣ гъ҃… пристѫпи конець на́шь** (Плач 4: 18) [Чуд-184: 394; МДА-19: 312; МДА-20: 323; Овч-78: 412 об.; Син-576: 229 об.; Син-577: 317; Син-915: 553 об.; ТСЛ-63: 342; ТСЛ-90: 435; Щук-507: 36; F.I.461: 180–180 об.].	**Прїспѣ г҃ь нш҃ь… прїспѣ конець нш҃ь**, л.106. Во второй раз аорист **прїспѣ** повторен ошибочно, очевидно, под влиянием такой же предшествующей формы. В пафнутьевской рукописи точнее: **г҃ь нашь** и **пристоупи** [Чуд-183: 455 об.].
5. **не ѿбрѧщѹще пажити** (Плач 1: 6) [Чуд-184: 389 об.; МДА-19: 308; МДА-20: 319 об.; Овч-78: 407 об.; Син-576: 228; Син-577: 315; Син-915: 550 об.; ТСЛ-63: 337; ТСЛ-90: 444 об.; Чуд-183: 450 об.; Щук-507: 32; F.I.461: 175 об.].	**не ѡ̑бращаю̑ще пажїти**, л. 104. Такой ошибке было легче появиться из формы с отвердевшим [r] в антиграфе; ср.: **не ѿбра́щю̑ще** [Овч-78: 407 об.].

Готовя Пророчества для сборника, Матфей Десятый занимался книжными разысканиями, привлекал разные списки и источники, сравнивал их между собой. Он отбирал лучшие тексты и чтения, исправлял ошибки, делал конъектуры и дополнения и т. п. Это был не переписчик-копиист, а опытный книжник и редактор, сделавший текстологический метод своим основным рабочим принципом.

Заключение. Матфей Десятый подготовил Плач по нескольким спискам ТП. За основу был взят восточнославянский оригинал, имевший общий протограф с русскими рукописями. Очевидно также знакомство с болгаро-молдавской традицией памятника, прямое и опосредованное: через русский список вроде пафнутьевского. Новый акростих явился частью редакторской работы Матфея Десятого над Плач. Писец переписывал глоссы на иврите с рукописного образца. Он плохо знал еврейское письмо, не имел опыта и писал неумело и безграмотно. Это был не еврей, а восточный славянин, очевидно сам Матфей Десятый. Несмотря на недостатки его работы, надо отдать должное его любопытству и увлеченности. Плач в редакции Матфея Десятого представляет собой уникальное явление в славяно-русской письменности. Да и в западноевропейской Библии XVI в. буквы в еврейской графике встречаются редко в акростихе.

В XVI в. украинец воспользовался сборником Матфея Десятого как дополнительным списком, заинтересовавшись его акростихом. Он переписал по своему источнику Плач, а затем, начиная с *реш* в конце первой главы, расставил на полях кирилловские названия еврейских букв по рукописи Матфея Десятого, но опустил глоссы на иврите, будучи не в силах справиться с ними. Он учел также некоторые чтения Матфея Десятого в старом акростихе в Плач 1. Поэтому Срезн-75 и Овч-78 совпадают по добавленным новым маргиналиям в акростихе, но отличаются по тексту Плач.

Литература

1. *Архипов А.А.* По ту сторону Самбатиона. Этюды о русско-еврейских культурных, языковых и литературных контактах в X–XVI веках. Oakland, California, 1995.
2. Библия. [Острог, 12.8.1581 г.] / Фототип. переизд. текста с изд. 1581 г. под набл. И.В. Дергачевой. М.; Л., 1988.

3. Біблія. Факсімільнае ўзнаўленне Бібліі, выдадзенай Францыскам Скарынаю ў 1517–1519 гадах. У 3 тамах. Мінск, 1991. Т. 3.
4. *Владимиров П.В.* Доктор Франциск Скорина, его переводы, печатные издания и язык. СПб., 1888. (ОЛДП).
5. *Горский А.В., Невоструев К.И.* Описание славянских рукописей московской Синодальной библиотеки. М., 1855. Отд. 1. Священное Писание.
6. *Грищенко А.И.* Славянские и еврейские маргиналии Плача Иеремии в Библейском сборнике Матфея Десятого 1502–1507 гг. // Международная конференция «Маргиналии-2017: границы культуры и текста» Торжок. Тезисы докладов. М., 2017. С. 35–37.
7. *Добрянский Ф.Н.* Описание рукописей Виленской публичной библиотеки церковнославянских и русских. Вильна, 1882.
8. *Дьяконов И.М., Коган Л.Е.* Плач Иеремии: Комментарий // Ветхий Завет: Плач Иеремии. Экклесиаст. Песнь песней / Перевод и коммент. И.М. Дьяконова, Л.Е. Когана при участии Л.В. Маневича. М., 1998. С. 85–172.
9. *Евсеев И.Е.* Заметки по древнеславянскому переводу Св. Писания. VI. Книга пророка Даниила в переводе жидовствующих по рукописи XVI в. // ЧОИДР. М., 1902. Кн. 3. С. 127–164.
10. *Калугин В.В.* Книги пророков в Библии Матфея Десятого 1502–1507 годов // Славяноведение. М., 2017. № 2. С. 26–39.
11. *Калугин В.В.* Указатель Матфея Десятого «От пророчеств пословицы» и его русские источники // Славянская Библия в эпоху раннего книгопечатания. К 510-летию создания Библейского сборника Матфея Десятого. СПб., 2017. С. 137–148. 0, 6 п. л.
12. *Калугин В.В.* Московская редакция Толковых пророчеств 1489 года дьяка Василия Мамырёва // Palaeoslavica. International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology. Cambridge (Massachusetts), 2018. Vol. 26. № 1. С. 36–55.
13. *Лавров П.А.* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930. (Труды славянской комиссии. Т. 1).
14. *Лавров П.А.* Библейские книги 1507 года // Slavia. Časopis pro slovanskou filologii. Praha, 1933–34. Roč. 12. S. 85–112. (С примеч. и послесловием М.Н. Сперанского и Б. М. Ляпунова. На с. 102–104 исследование Д.В. Айналова о художественных особенностях рукописи.)
15. Летописец Переславля Суздальского (Летописец русских царей) / Предисловие Б.М. Клосса. М., 1995. Т. 41.
16. *Морозова Н.А.* Кириллические рукописные книги, хранящиеся в Вильнюсе. Каталог. Vilnius, 2008.

17. *Мострова Т.* Старобългарският превод на книгата на пророк Иеремия по преписи от XIV–XVI век // Palaeobulgarica / Старобългаристика. София, 1995. Т. 19. Кн. 2. С. 9–26.
18. *Ромодановская В.А.* Типология маргиналий в Библейском сборнике Матфея Десятого // Славянская Библия в эпоху раннего книгопечатания. К 510-летию создания Библейского сборника Матфея Десятого. СПб., 2017. С. 158–176.
19. Словарь старославянского языка / Slovník jazyka staroslověnského. Lexicon linguae Palaeoslovenicae / Репринт. изд. СПб., 2006. Т. 1, 4.
20. Biblia Sacra iuxta Vulgatam versionem adiuvantibus B. Fischer, I. Gribomont, H. F. D. Sparks, W. Thiele recensuit et brevi apparatu critico instruxit Robert Weber. Editionem quintam emendatam retractatam praeparavit Roger Gryson. Stuttgart, 2017. (Deutsche Bibelgesellschaft).
21. Eusebius. Praeparatio Evangelica // Eusebius Werke, ed. K. Mras. Berlin 1956. Bd. 8. Teil 2. (Die Griechischen Christlichen Schriftsteller der ersten drei Jahrhunderte. 43.2).
22. Septuaginta. Id est Vetus Testamentum graece iuxta LXX interpretes edidit Alfred Rahlfs. Editio altera quam recognovit et emendavit Robert Hanhart. Duo volumina in uno. Stuttgart, 2016. (Deutsche Bibelgesellschaft).

Список сокращений

1. КБ-9/134 – ТП Основной редакции (до правки). 70–80-е гг. XV в. РНБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 9/134.
2. МГАМИД-279 – Архивский хронограф. 60-е гг. XV в. РГАДА, собр. МГАМИД (ф. 181), № 279/658.
3. МДА-19 – Сборник с ТП (л. 1–340). Кон. XV в. ОР РГБ, собр. МДА (ф. 173.I), № 19.
4. МДА-20 – Московская редакция ТП дьяка В. Мамырёва. 1489 г. ОР РГБ, собр. МДА (ф. 173.I), № 20.
5. Муз-4094 – ТП (толкования опущены). Кон. 80–нач. 90-х гг. XV в. ОР РГБ, собр. Музейное (ф. 178), № 4094.
6. Овч-78 – ТП. Кон. XVI в., старообрядческая реставрация кон. XIX в. (л. 1в–54 об., 206–206 об., 428–448 об.). ОР РГБ, собр. П.А. Овчинникова (ф. 209), № 78.
7. Син-576 – Сборник с ТП (л. 1–266 об.) (толкования сокращены, но не везде). Кон. XV–нач. XVI в. ГИМ, Синодальное собр., № 576.

8. Син-577 – ТП (толкования опущены). 1-я тр. XVI в. ГИМ, Синодальное собр., № 577.
9. Син-915 – Геннадиевская Библия. 1499 г. ГИМ, Синодальное собр., № 915.
10. Срезн-75 – Библейский сборник Матфея Десятого (Книги пророков, л. 3–122). 1502–07 гг. БАН, собр. И.И. Срезневского, № 75 (БАН, № 24.4.28).
11. ТСЛ-63 – ТП Геннадиевской редакции с дополнениями из Вульгаты (толкования опущены, но не везде). 90-е гг. XV в. ОР РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры (ф. 304.I), № 63.
12. ТСЛ-89 – ТП Геннадиевской редакции с дополнениями из Вульгаты. 90-е гг. XV в. ОР РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры (ф. 304.I), № 89.
13. ТСЛ-90 – ТП Основной редакции. 1488–89 гг. ОР РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры (ф. 304.I), № 90.
14. Ув-334 – ТП. Кон. XV–нач. XVI в. ГИМ, собр. А.С. Уварова, № 334. 1°.
15. ЧБ 1488 – Biblia česka. Praha, 8.1488. 2°. МК РГБ, Inc. № 4.318.
16. Чуд-183 – ТП. Кон. XV в. ГИМ, Чудовское собр., № 183.
17. Чуд-184 – ТП Основной редакции. Нач. 90-х гг. XV в. ГИМ, Чудовское собр., № 184.
18. Щук-507 – Ветхозаветный сборник с ТП (л. 1–198 об.). 1474 г. Славяно-молдав. ГИМ, собр. П.И. Щукина, № 507.
19. F19–109 – Виленский Хронограф. Нач. или 1-я тр. XVI в. БАН Литвы, фонд церковнославянских и русских рукописных книг, F19–109.
20. F19–262 – сборник с ветхозаветными переводами с еврейского (Иов, Руфь, Пс, Песн, Еккл, Притч, Плач, Дан, Есф). Кон. 10-х–20-е г. XVI в. Фонд церковнославянских и русских рукописных книг, F19–262.
21. F.I.461 – Ветхозаветный сборник (Тырновская Библия) с ТП (л. 140–337 об.). 70-е гг. XIV в. Среднеболг. РНБ, F.I.461.

Г.Д. Певцов
заместитель главного редактора,
Международный альманах «Литературные знакомства»,
Союз писателей Москвы
Москва (Россия)
E-mail: pevtsov.gd@mail.ru

Поэтика «Слова о полку Игореве» в сюрреалистическом контексте Филиппа Супо

Аннотация. В настоящей статье отражен и проанализирован взгляд известного французского поэта 20 века Филиппа Супо, одного из основоположников сюрреализма, на выдающееся произведение не только древнерусской, но и мировой литературы – «Слово о полку Игореве», являющееся, по мнению многих известных деятелей мировой культуры, одним из самых значимых поэтических произведений всех времен и народов. В предисловии к своему переводу «Слова», вышедшему в середине 20 века (1950 г.), Супо отмечает многочисленные достоинства шедевра средневековой, древнерусской, литературы и рассматривает некоторые важные аспекты «Слова» в контексте изложенного им сюрреалистического подхода к поэзии. При этом автором проводятся также параллели и сравнения с соответствующими взглядами на поэтическое творчество французских символистов и поэтов круга Аполлинера. Рассмотрению этого сюрреалистического контекста и посвящена данная статья. Отношение французского поэта-сюрреалиста Филиппа Супо к величайшему произведению древнерусской словесности, безусловно, свидетельствует о единых истоках мировой поэзии, ее общих глубинных корнях.

Ключевые слова: поэзия, Слово о полку Игореве, сюрреализм, Филипп Супо, образ, ритм, сновидение.

Grigory D. Pevtsov
Chief Editor's Assistant, International Anthology
"Literary Familiarities"The Moscow Union of writers
Moscow (Russia)
E-mail: pevtsov.gd@mail.ru

The poetic aspect of "The Tale of Igor's Campaign" in the surrealistic context of Philippe Soupault

Abstract. The article "The poetic aspect of "The Tale of Igor's Campaign" in the surrealistic context of Philippe Soupault" reflects and analyses the view of the well-known French poet of the 20th century Philippe Soupault, one of the founders of surrealism, on the famous work of the world and old-Russian literature – "The Tale of Igor's Campaign" that is one of the most significant poetic works of all times and peoples according to the opinion of many outstanding figures of the world culture. In the introduction to his own translation of "The Tale" published in the middle of the 20th century (1959) Soupault denotes the numerous advantages of the masterpiece of the medieval, old-Russian, literature and considers some important aspects of "The Tale" in the context of the surrealistic approach to poetry set forth by him. The author also compares his approach with the artistic conceptions about poetry of the French symbolists and the poets of the Apollinaire circle. The article considers this surrealistic context. The attitude of the French poet-surrealist Philippe Soupault to the greatest work of the old-Russian language arts certainly indicates that the world poetry has the common sources and roots.

Keywords: poetry, "The Tale of Igor's Campaign", surrealism, Philippe Soupault, an image, rhythm, a dream.

Уже в самом начале предисловия к сделанному им же переводу «Слова о полку Игореве» Филипп Супо ставит вопрос об определении жанра этого произведения древнерусской словесности и связанный с этим, в данном случае, вопрос перевода названия. Что это – проза, поэзия, ритмизованная проза? И как следовало бы перевести само название – «Слово» (то есть сделать кальку, перевести буквально, лишь с кажущейся точностью) или, может быть, «Сказание о поражении Игоря с князьями и дружиной их»? Или, с аллюзией на «Песню о Роланде», назвать перевод: «Песня о полку Игореве»? Супо поясняет окончательный выбор варианта перевода названия – «Песнь о князе Игоре» – исключительно поэтической природой произведения – одной из самых вдохновенных, по его словам, поэм всей мировой литературы. Он говорит о том, что язык перевода не должен рассматриваться как средство «калькирования или простого репродуцирования», приводит старую итальянскую поговорку «переводить – предавать» и далее пишет: «Перевод не является предательством, лишь когда он претендует, подобно фотографии, на «воспроизведение» реальности. Это значило бы заранее принять, что текст не имеет ни выразительной рельефности, ни гармонического единства, ни красок, ни, прежде всего, ритма. Так что, после всех рассуждений, этот французский текст «Песни о князе Игоре» не мог быть просто перево-

дом, хотя бы каждое слово оригинала и было воспроизведено, но представляет собой вольное переложение» [2, с. 11].

Автор перевода старался почувствовать и передать не только строку и план поэмы, но, прежде всего, линию ее движения, ее «фарватер», в связи с чем особое внимание было уделено структуре и сохранению архитектоники произведения. Стремление уловить и органично передать это глубинное течение поэмы, безусловно, явилось проявлением сюрреалистического подхода, основанного на схожести поэзии с естественным ходом и ритмом сновидений, их свободным течением. При этом главное внимание уделялось ритмическому и образному строю поэмы: «Стараясь следовать ритму, а затем в рамках выбранного языка выстраивая, как в типографической композиции, аспект оригинального текста, мы предопределили то, что эти составляющие, таким образом воссозданные, придали качество большей аутентичности тому, что, по нашему мнению, надлежало назвать „Песнью"» [2, с. 12].

Супо уделяет также особое внимание выбору языка перевода, его лексическим и стилистическим особенностям. Поэта не смущает мысль о том, что некоторые читатели наверняка удивятся его переводу, свободно написанному современным переводчику языком и лишенному архаизмов, напоминающих о времени первой публикации «Слова».

Удивительно при этом то, что, несмотря на постоянные споры ученых-эрудитов о времени и обстоятельствах написания «Слова», его подлинность не вызывает у Супо никаких сомнений. Он даже называет «демоническими» попытки некоторых критиков увидеть в этой песни лишь своего рода литературную игру или филологическую забаву и считает единственной причиной споров то обстоятельство, что в нашем распоряжении оказались лишь копии первоначальной рукописи. Это сюрреалистическое чутье подлинности «Слова» у французского поэта двадцатого столетия буквально поражает. То, что доказал сугубо научным путем наш выдающийся отечественный ученый-лингвист А.А. Зализняк, французский сюрреалист почувствовал интуитивно. Филипп Супо пишет: «В конечном счете, важно, прежде всего, то, позволит ли этот вольный перевод признать ни с чем не сравнимое величие и уникальную красоту этой поэмы, одной из самых прекрасных, которые когда-либо пели русские люди, и, без сомнения, не имеющей аналогов в литературе других народов» [2, с. 12].

Проблема передачи поэтики «Слова» для Супо тесно связана с вопросом более общим: о глубинной сущности поэзии как неотъемлемо-

го явления человеческой жизни во все времена. «Обесцененный словарь тех, кто пытался взять поэзию в кольцо, стараясь дать ей словесное определение, более не может быть оправдан» [2, с. 13] – считает поэт. Что есть поэзия? Просто версификация со словарем рифм в качестве инструмента работы поэта? Не более чем «литературный жанр»? Супо всем своим существом чувствует актуальность кардинальных изменений в понимании поэзии: «Французский писатель в течение последних тридцати лет даже стяжал славу и обрел выгоду, хвастаясь тем, что рассматривает поэмы, свои поэмы, исключительно как экзерциции, соглашаясь таким образом, при всей иронии, на которую он весьма расточителен, в действительности заниматься ремеслом обманутого в своем деле» [2, с. 13].

Супо полагает, что современные ему определения поэзии крайне неточны. Перед тем как анализировать сам предмет и пытаться дать ему определение, необходимо понимать, о чем идет речь. Этот простой с виду вопрос «Что такое поэзия?», по его мнению,– «самая опасная из ловушек». Идет ли речь о поэзии в самом общем смысле, подлинной, «естественной», или о поэзии как искусстве версификации, или о «всём том, что не является прозой»? В своей первичной сущности поэзия живет в пространстве и во времени самостоятельно, независимо от моды или критики. Пытаясь определить феномен поэзии, Супо предлагает начать с нуля и «в связи с этим, раз и навсегда, перестать бояться противоречить общепринятым идеям». Продолжая свою мысль, он пишет: «Длительный личный опыт (который можно сравнить с чародейством, магией) позволяет с самого начала думать о поэзии как о, своего рода, «жанре» прямого воздействия человеческого духа» [2, с. 13]. Таким образом, в его понимании поэзии на передний план выступает ее мистическая и духовная природа.

Именно предельное духовное напряжение мы и видим в подлинной поэтике «Слова». Но добраться до нее было нелегко. Следовало, как считает Супо, «отбросить» первый перевод на французский, передающий лишь буквальный смысл, лишь анекдотический, то есть чисто событийный, или исторический аспекты произведения. Только после пяти новых попыток, по мнению Супо, удалось воссоздать не только канву, композицию, ритм, но и «поэзию» поэмы. Важно было не удариться в прозу, дабы соблюсти лишь видимость перевода «слово в слово». Верным же оригиналу в данном случае окажется тот переводчик, который постарается придать определяющее значение влиянию поэзии. Свое сокровен-

ное, внутреннее ощущение поэзии «Слова» Супо передает так: «По мере того как поэма освобождалась от этой своего рода анекдотической оболочки, ясность и фосфоресцирующий свет рождались из возвышенного текста. Здесь следовало бы говорить об излучении. В самом деле, поэзия в своей аутентичности не позволяет себя сокращать, подобно простому повествованию, рассказу. Она обладает властью, природу которой не смогли бы объяснить или проанализировать, хотя бы и пытались сделать это тысячи раз. Требовать для поэмы правил или законов, предопределяющих проявление ее мощи, ее излучения, ее воздействия, – это всё равно что желать взвесить невесомое, отказаться принять, что поэзия, как было сказано, происходит из света» [2, с. 12-13].

Интересно, что по вопросу авторства «Слова» позицию Супо косвенно отражает следующее его высказывание: «Абсолютное уважение, испытываемое к тексту, позволило открыть для восприятия великие строки и вновь почувствовать замысел того, кто первым объединил различные части поэмы» [2, с. 12]. В этой осторожной фразе явно содержится некий намек на то, что «Слово о полку Игореве» – как бы плод коллективного творчества, соединения неким лицом различных фрагментов, существовавших ранее. И хотя при внимательном, пристальном рассмотрении поэмы вполне можно убедиться в том, что следующие друг за другом различные тематические части «Слова» совершенно естественным образом связаны либо логически, либо исторически, либо ассоциативно, предопределяя тем самым смысловое и стилистическое единство всего текста, тем не менее некоторые исследователи, в том числе и французские, высказывали точку зрения, что «Слово о полку Игореве» – это текст-кентавр. Думается, что Супо тяготеет к этой точке зрения, стремясь придать «Слову» более сюрреалистический аспект, связанный с новым, выдвинутым сюрреализмом, принципом создания текстов. Этот принцип был впервые реализован в написанном методом автоматического письма (то есть письма, не контролируемого авторским сознанием) совместно с Андре Бретоном, без индивидуализации авторов, произведении «Магнитные поля».

Рассуждая о сущности поэзии, Супо приводит определение Новалиса: «Поэзия – это абсолютная действительность» [2, с. 14]. Истинная поэзия бесценна и неисчерпаема: «Поэзия – это не «предмет» торга. Не должно ли было написать, что поэзия в ее подлинном значении раскрывается только в бесконечности? И не является «ясной», каковой ее слишком часто считали» [2, с. 14]. При этом Супо говорит, что определение

Новалиса следует понимать буквально. Оно отражает существование той сакральной, не внешней, а глубинной и скрытой от нас реальности, которой невозможно достичь, но к которой истинная, подлинная поэзия может бесконечно близко подойти. Далее Супо акцентирует внимание на слове «абсолютная»: «Еще было бы важно подчеркнуть слово «абсолютная». Всегда слишком велик соблазн ошибочно принять за действительность данность или воспринимаемое нами, даже в сфере эстетики, даже в сфере механики или психологии. Это определение поэзии, будучи принятым во избежание еще больших неясностей и нескончаемых дискуссий, подразумевает нахождение способов подойти вплотную к этой абсолютной действительности» [2, с. 14-15]. На этом пути придется отвергнуть, выражаясь словами Супо, многие «трюки» и «фокусы». Французский поэт-сюрреалист свидетельствует: «Артюр Рембо, говоря о Бодлере, наилучшим образом сумел отразить позицию того, кто хотел достичь абсолютной действительности, позицию поэта, называя автора „Цветов зла” не иначе как „первым ясновидцем”» [2, с. 15].

Заметим, что глубина и подлинность поэзии «Слова», ее сокровенная правда, ее «действительность» также связаны с ясновидческим аспектом этой древней поэмы. Мы чувствуем, что автор «Слова» тоже является ясновидящим и погружается в состояние, близкое к инсайту. Он «видит» Божий промысел, свободно общается со стихиями, с высшими силами природы, взывает к ним. Ярким свидетельством тому являются такие фрагменты «Слова», как плач Ярославны, рассказ о полоцком князе Всеславе-чародее и другие.

Одним из главных сюрреалистических аспектов «Слова» являются эпизоды, связанные со сном и описанием сновидений. Как известно, в основе концепции сюрреализма, отраженной в манифесте этого течения, лежит представление о близости поэзии и области сновидений. Супо прямо говорит о том, что настоящий поэт должен быть сновидцем «по доброй воле», и далее поясняет: «В самом деле, исследуя область сновидений, изучая их природу и сущность, нетрудно заметить, что именно этой сфере всего точнее можно было бы уподобить поэзию» [2, с. 15]. Он обращает внимание на тот факт, что некоторые особенности внутренней позиции видящего сны сходны с таковыми в позиции поэта.

Одним из самых ярких фрагментов «Слова» в этом аспекте является описание сна Святослава: «А Святослав мутный сон видел и сказал боярам своим: „Этой ночью с вечера в Киеве на горах одевали вы меня черным покрывалом на кровати, что из тиса была. Черпали мне синее

вино, с горечью смешанное, узкими колчанами половцев поганых сыпали мне крупный жемчуг на лоно и нежили меня. Без конька уже доски на кровле в моем тереме златоверхом. Всю ночь с вечера серые вороны граяли. У Плесенска в низине на поречье подол под дождем раскис, и несло муть к синему морю"» [1, с. 100-101]. Другой эпизод этого ряда – упоминание сна Игоря в половецком плену: «Заштормило вдруг море к полуночи, идут тучи мглами. Игорю князю Бог путь показывает из земли Половецкой на землю Русскую, к отчему злату столу. Погасли зори вечерние: Игорь спит, но не спит, Игорь мыслию поля мерит – от великого Дона до малого Донца» [1, с. 103]. Пограничное состояние между сном и явью, характерное для сюрреализма, нашло свое отражение еще в одном фрагменте, относящемся к описанию начала Игорева похода: «Игорь войско к Дону ведет. Вот уж беды его стерегут птицы, волки воют, словно перед грозой, по оврагам, орлы клёктом на кости зверей зовут, лисицы брешут на червлёные щиты. О, Русская земля! Уже за холмами ты. Долго ночь меркнет, заря-свет закатилась, мгла поля покрыла, свист соловьиный замер, говор галок проснулся» [1, с. 99].

Заметим, что вышеприведенные фрагменты «Слова», равно как и весь текст этого произведения, изобилуют яркими, выразительными, невольно западающими в память образами, свободно и органично следующими друг за другом. Но ведь именно такой свободный, спонтанный язык образов, а не формализованных логических конструкций, как раз и лежит в основе сюрреализма. «Освобожденная, поэзия должна вновь обрести свое естественное течение. Поток образов в известной мере определяется ритмом, в свою очередь обусловленным поэтическим намерением при зарождении стихотворения, так же как тональностью сновидения в случае снов» [2, с. 21] – говорит нам Супо. Поэтому главной задачей переводчика, поэта-сюрреалиста, было, прежде всего, передать богатый и выразительный, полный драматического напряжения, образный строй «Слова», динамику этого строя, ритм его движения. Филипп Супо подчеркивает, что в подлинной поэзии образы исходны, что их роль генерирующая, определяющая: «Поэзия начинается с образов. Иначе говоря, лишь двигаясь от них, можно достичь поэзии – убеждение, опирающееся, собственно говоря, на опыт сюрреализма, родившегося с „Магнитными полями"» [2, с. 17].

Сюрреалистам также присуще видеть в первую очередь язык образов и в речи народной. «Народная речь – не что иное, как ткань образов» [2, с. 16], – пишет Супо. Поэтому граница, отделяющая речь, называе-

мую народной, от народной поэзии и от поэзии поэтов, – весьма нечеткая. Эти три плоскости народной и поэтической речи органично соединены в «Слове» – так, что, несмотря на явное присутствие выдающегося автора – поэта от Бога, произведение остается подлинно народным.

Среди предшественников сюрреализма Супо, прежде всего, называет Аполлинера (придумавшего само слово «сюрреализм») с поэтами его круга и дадаистов. Дадаизм, по его мнению, был непосредственным предтечей сюрреализма. Причем, как бы это ни показалось странным, Супо отмечает, что проповедники дадаизма «для успеха своего дела более всего использовали силу поэзии и рассматривали эту силу как свидетельствующую о силах небесных или силах тьмы» [2, с. 18]. Это поэтическое отражение небесных и темных сил нашло одно из лучших своих воплощений в «Слове». Противостояние Света и Тьмы является главным мистическим аспектом поэмы. Вот пример такого поэтического видения реальности автором: «Другого дня утро брезжит, засветились зори кровавые. Черные тучи с юга идут, хотят закрыть четыре солнца; а в них трепещут синие молнии. Быть грому великому, идти дождю стрелами с Дона великого» [1, с. 99].

Еще одним важнейшим аспектом поэзии, по мнению Супо, является ее вневременной характер. Он считает, что истинная поэзия – вне времени и над реальностью. Независимо ни от чего, поэзия существовала всегда. Она необходима человеку. «На самом деле, – пишет Супо, – будучи более прозорливыми, мы обнаружили бы эту необходимость поэзии с того самого момента, когда появился человек. <…> При этом мы, прежде всего, должны чувствовать общий знаменатель поэзии, называемой первобытной, и поэзии сегодняшнего дня» [2, с. 23].

Филипп Супо считает, что суть поэзии можно определить, сравнивая «автоматические» тексты современной ему сюрреалистической поэзии с древними, подчас анонимными поэмами «тех веков, когда дух еще не был закабален, когда человек не терял своей свободы выражения, чтобы петь» [2, с. 24].

В связи с этим, в следующих словах Супо, безо всяких колебаний, признает абсолютную подлинность поэзии «Слова», ее непреходящий характер: «Так вот, нет лучшего образца поэзии в ее подлинном смысле, чем эта «Песнь о князе Игоре», еще неизвестная франкоязычному читателю и являющаяся одним из самых великих, самых чистых и безупречных поэтических текстов-повествований, когда-либо рассказанных людьми. Эта поэма, которую надлежало вытащить вновь из-под слоя

книжной пыли учености, чтобы сделать ее адекватный перевод, – одно из самых убедительных свидетельств мощи и силы воздействия поэзии. Образы, озаряющие «Слово», ритмы, сообщающие ему непреодолимое движение, исполнены величия, красоты, силы и чистоты, которые лишь большие поэты смогли постичь и принять, воздав им должное.

Именно потому, что этот текст, даже если не брать в расчет то, в какую эпоху он увидел свет, отличается необычайным богатством и несравненной мощью, его должно рассматривать как одно из явных свидетельств того, что представляет собой поэзия всех времен и народов» [2, с. 24-25].

Далее Филипп Супо справедливо замечает, что настоящая, рожденная в глубинах человеческого духа поэма не может явить всю свою силу в одночасье: «Перед тем как засиять на своем подлинном месте на поэтическом небосводе «Слово о полку Игореве» должно озарить избранных – немногих, но ревностных, тех, кто постигнет его, когда придет время. Вспомним о «Песнях Мальдорора», впервые опубликованных в 1868 году, влияние которых только начинается» [2, с. 25].

Истинные поэты, по мнению Супо, всегда имели прямой контакт с миром. Их язык был лишь средством отражения Вселенной. Отразить ее им удавалось лишь тогда, когда они предлагали новые образы и ритмы, «изобретая» или «заново изобретая» поэзию. Именно так удалось автору «Слова» почувствовать и выразить всю мощь, широту и глубину русской и не только русской Вселенной.

Литература

1. «Слово о полку Игореве» в переводе Григория Певцова // Литературные знакомства. – 2016. – №4 (27). – С. 97-105.
2. Soupault P. Essai sur la poésie. Lausanne: Eynard, 1950. – 28 p.

Л.А. Сугай
доктор филологических наук, профессор,
Почетный работник высшей
профессиональной школы Российской Федерации,
профессор кафедры славянских языков
Университета им. Матея
Банска Быстрица (Словакия)
E-mail: larisasugay@yandex.ru

Академик Ф.Е. Корш как стиховед и поэт

Аннотация. В статье характеризуются стиховедческие труды Ф. Е. Корша и его поэтическое наследие, практически неизвестное исследователям и читающей публике. Академик Корш был не только поэтом-переводчиком, но и автором оригинальных лирических произведений, циклов интимной лирики, не подлежавших публикации. Корш – мастер сонета, он ввел в русскую поэзию такие сложные структурно-жанровые формы, как венок сонетов с акромагистралом и сонетный трилистник. Сохранившиеся в архиве академика рукописные сборники стихов в корне меняют представления об истории «твердых» поэтических форм в России.

Ключевые слова: Ф. Е. Корш, стиховед, переводчик-полиглот, международная транскрипция, венки сонетов.

Larisa A. Sugay
DSc in Philology, Professor,
Honorary Worker of Higher Vocational Education
of the Russian Federation,
Professor of the Department of Slavic Languages
of Matej Bel University,
Banska Bystrica (Slovakia)
E-mail: larisasugay@yandex.ru

Academician F.E. Korsch as a verse explorer and a poet

Abstract. The article describes the verse studies of F.E. Korsch and his poetic legacy, which is almost unknown to the researchers and the reading audience. Academician Korsch was not only the poet-translator, but also the author of original lyric works, intimate lyric cycles, not available for a publication. Korsch was the master of

a sonnet, he has introduced into Russian poetry such a complex structural-genre forms as a acro magistral wreath of sonnets and a sonnet trefoil. The handwritten collections of Korsch's poems, found in his archives, radically change the understanding of the history of «solid» poetic forms in Russia.

Keywords: F.E. Korsch, a verse explorer, a polyglot translator, international transcription, a wreath of sonnets.

«Академик Корш – необъятная по широте научная сила, академик Корш – художник мысли, художник слова, это – всегда живая личность, проникновенно-чуткая и глубоко-отзывчивая ко всем явлениям окружающей жизни, научной ли, общественной ли, или, наконец, частной жизни» [36, с. 1], – так характеризовал выдающегося русского филолога профессор С. П. Обнорский. Перу Федора Евгеньевича Корша (1843–1915) принадлежат исследования в области классической филологии, иранистики, семитологии, русской орфографии и орфоэпии, славяноведения, типологических и сравнительно-исторических исследований индоевропейских, тюркских, финно-угорских языков. «Он производил исследования и о русских говорах, и о морфологии романских языков; он разрабатывал с одинаковой компетентностью теорию метрики и вопросы сравнительной грамматики» [14, с. 3]. Профессор А. Н. Шварц в своем приветственном адресе по случаю тридцатилетия ученой и профессорской деятельности Ф. Е. Корша, обращаясь к юбиляру, говорил: «Современная наука стремится к узкой специализации в том предположении, что ученый может вполне обнять лишь какую-нибудь одну небольшую, ограниченную область своей науки. Вы являетесь живым опровержением этого мнения, так как нет той области в индоевропейской, семитической и урало-алтайской филологии, которой бы Вы коснулись, не сделавшись в ней таким же специалистом, как те ученые, которые исключительно ей одной посвящали свои силы» [42, с. 9]. «Как некогда семь городов препирались о том, которому считаться родиной Гомера, так семь научных дисциплин могли бы спорить о том, которую из них следует признать настоящей специальностью Ф. Е. Корша», – и в шутку, и всерьез говорили современники [см.: 7, с. 34; 9, с. 378; 13, с. 3].

Сын академика В. Ф. Миллера, Б. В. Миллер, вспоминал, что на именинах отца, где в числе гостей было много представителей разных народов Востока и Запада, Ф. Е. Корш разговаривал с каждым из них на его родном языке [8, с. 167]. Он свободно общался на арабском и новогреческом, исландском и кумыкском, черкесском, персидском, турец-

ком и славянских языках. Идеально владел ученый древними языками: санскритом, древнегреческим, латинским, древнееврейским. Иранские, монгольские, тюркские, кавказские и финно-угорские языки также входили в арсенал Ф. Е. Корша. Валерий Брюсов в стихотворном послании «Ф. Е. Коршу» (1912) именовал адресата «Титаном, себе подчинившим / Все наречья земли, словно все ветры Эол…» [6]. «Он разгадал тайны стиха и легко, как поэт “Божией милостью”, переводит или, точнее, воссоздает на русском языке стихотворения иностранных поэтов: он переводил Сафо, Горация, Катулла, персидских поэтов (Джеляльэддина Руми, Омара Хаяма и др.); у него есть переводы с новогреческого, с румынского, датского, польского, итальянского, арабского, словенского (собрание стихотворений Прешерна)…» [12, с. X], – читаем во вступительной статье сборника, посвященного юбилею Ф. Е. Корша. Следует добавить, что Федор Евгеньевич переводил европейских авторов не только на русский, но и на украинский язык, мало того, переводил стихи Пушкина, Баратынского, Фета, Гёте на древнегреческий и латинский языки [см., напр.: 33]. Передают, что В. О. Ключевский, знакомя кого-то с Ф. Е. Коршем, аттестовал последнего такими словами: «Вот Корш Федор Евгеньевич – секретарь при Вавилонском столпотворении» [цит. по: 11, с. 6].

Корша сравнивали с Джузеппе Меццофанти (1774–1849), итальянским кардиналом [см.: 9, с. 375], одним из самых выдающихся полиглотов в истории человечества, владевшим, как считается, 38 языками и 50 диалектами. Но «русский Меццофанти» не только свободно владел множеством древних и новых, европейских и восточных языков, не только переводил мировую поэзию, но, как констатировал, проф. А. К. Крымский, «был первым во всей Европе знатоком и авторитетом стихосложения» [цит. по: 1, с. 63]; «Первый знаток в мире метрики» [9, с. 375], – так характеризовал Корша в 1913 г. будущий советский академик В. А. Гордлевский. Как переводчик, Корш на практике постиг все тонкости метрики и общей поэтики множества различных языков.

Первая (магистерская) диссертация, защищенная Ф. Е. Коршем в 1868 г., – это стиховедческое исследование: «De versu Saturnio» («О сатурнийском стихе»). Среди трудов Корша немалое место занимают именно стиховедческие исследования: «Значение темпа в греческой ритмике» (1893), «Ударение холиамба» (1894), «Опыт ритмического объяснения древне-индийского эпико-дидактического размера çlokas» (1896), «О русском народном стихосложении» (1897), «Основное время в ритмике» (1898); «Римская элегия и романтизм» (1898), «Очерк пер-

сидского стихосложения» (1901), «Об ударениях в русских песнях и стихах» (1901), «Происхождение десятисложного стиха южных и западных славян» (1905), «Введение в науку о славянском стихосложении» (1907), «Древнейший народный стих турецких племен» (1907), «Различия между персидским и арабским стихосложением» (1908), «До історії українського осьмикладового вірша» (1910) и др. К анализу стиха Корш обращается и в других работах. «О чем бы ни говорил или ни писал Корш, он неизменно уклонялся в сторону ритма» [9, с. 384]. Например, в лекциях о комедии Теренция «Adelphi» он не только характеризовал метрику анализируемого произведения, но и общие законы греческой и римской метрики [32, с. 70–87].

Арабист Г. А. Муркос восторгался талантом Федора Евгеньевича, в частности, его остроумными наблюдениями над «тончайшими особенностями стихотворного ритма, казалось бы, доступными лишь чутью сына пустыни…» [35, с. 383]. В. Я. Брюсов, вспоминая свои университетские годы, писал: «Но единственный истинно талантливый, даже гениальный человек – это Федор Евгеньевич Корш. Я шел не его лекции <по> метрике с гордым предубеждением поэта, но я многому научился у него в технике стиха. Его преподавание о русском народном стихе – верх совершенства» [5, с. 204]. Другой поэт-символист, теоретик стиха Андрей Белый называл имя Ф. Е. Корша среди немногих ученыхсловесников, «соединивших в себе критическое чутье со способностью переживать творчество» [3, с. 436]. Что же касается задач изучения ритма в поэзии, его связи с музыкой и с поэтическим метром, то Белый констатировал в статье «Лирика и эксперимент» (1909): «…в этом чисто научном направлении в настоящее время в России работали только одни поэты, музыканты да профессор Ф. Е. Корш» [3, с. 192]. В своем исследовании по ритму Белый неоднократно ссылался на опыт Ф. Е. Корша [2, с. 32, 40, 50, 78, 195, 196].

В статьях по ритмике Ф. Е. Корш предстает не только как филолог-стиховед, но и как знаток музыкальной теории, его работы включают часто развернутые нотные записи с надлежащим комментарием. В статье «Основное время в ритмике» Корш обращается и к филологам («к своей братии»), призывая их опираться при анализе стихов на теорию музыки, и к музыкантам, рекомендуя им воспользоваться «добрым зерном из науки греков, основавших свои понятия об этом предмете на параллельных наблюдениях над появлением ритма в трех его субстратах (ϱυϑμιζόμενα) – напеве, слове и движении» [18, с. 45].

Важнейшая работа Корша, специалиста по ритму, – это «Слово о полку Игореве». Академик А. А. Шахматов писал 2 августа 1897 г. профессору Ф. Ф. Фортунатову: «Последнее время я сидел за замечательной работой Федора Евгеньевича: он восстановил стихотворный или точнее песенный размер “Слова о полку Игореве”. Я положительно любуюсь восстановленным текстом и талантом Федора Евгеньевича, в особенности же после того, как я постиг путь, по которому шел Федор Евгеньевич при этой работе» [43, с. 154]. Комментаторы письма отсылают читателей к работе Корша «Слово о полку Игореве», вышедшей в 1909 г., то есть через 12 лет после письма Шахматова. Допустим, Шахматов читал работу задолго до ее публикации, но сохранившаяся в Архиве Академии наук (Санкт-Петербург) рукопись статьи «О ритмическом складе “Слова о полку Игореве” и об ударениях древнерусского языка» (так же озаглавлена вступительная статья в исследовании 1909 г. [25, с. V]), датирована 1904 годом [26], то есть об этой рукописи тоже не могло быть речи в письме 1897 года. Но «Слово о полку Игореве» было предметом исследований ученого на протяжении всей его творческой биографии. «Слову…» посвящена первая в жизни Корша публикация [23]. В НИО рукописей РГБ, в фонде Горье, сохранился переписанный рукою Е. И. Герье перевод «Слова», датированный 1875 годом – автор работы – Ф. Е. Корш [26]. Лексические заимствования, этимология ряда лексем в «Слове» рассматривались Коршем в статьях 1904 и 1906 гг. Итак, можно считать публикацию в 1909 году полного текста «Слова» с обширным теоретическим введением итогом многолетней работы Корша по изучению и реконструкции ритмического строя памятника. Шахматов, видимо, читал один из первоначальных вариантов исследования.

«Мерность речи „Слова“» не подлежит для Корша сомнению. Ученый считал, что «первая задача всякого, кто желает хотя бы лишь составить себе понятие об истинном характере “Слова”, должна заключаться в том, чтобы, удалив из него церковнославянские примеси, перевести его на древнерусский язык, и при том, по возможности, более чистый и народный, чем язык летописей, далеко не свободный от церковного налета. <…> Такой перевод не только изменяет впечатление от этого высоко-поэтического памятника, приближая его к привычной нам народной песне, но и обнаруживает стихотворный склад речи там, где он уничтожен превращением русских форм в церковнославянские, и устраняет многие трудности в вопросе об ударениях, отчасти показывая нам его места при помощи выяснившегося таким образом стиха, отчасти откры-

вая возможность пользования аналогиями позднейших русских ударений» [25, с. VII]. Корш публикует полный перевод «Слова» с разбивкой на стихи, сопровождаемые метрическими схемами [25, с. 1–29]. «Беспристрастный разбор текста со стороны ритма, – констатирует автор, – приводит исследователя к признанию в нем стихов различных как по числу стоп, так и по их соединению в ритмические группы. Такое стихосложение роднит „Слово“, с одной стороны, с великорусскими былинами, с другой – с малорусскими думами» [25, с. IX]. По словам В. Колесова, «гениальная интуиция К<орша>, основ<анная> на глубоком знании древних культур, способствовала синтетич<ескому> проникновению в сущность средневекового текста как живого, звучащего и подверженного вариативным изменениям. Типологич<еский>, ист<орический> и культурный аспекты в исследованиях К<орша> как бы сошлись в фундамент<альной> попытке реконструкции первонач<ального> звучания (исполнения) средневековых текстов. К<орш>. был первым, кто поставил саму проблему реконструкции поэтич<еского>. текста (в том числе и совр<еменной>. лит<ерату>ры – напр., у Пушкина)» [16, с. 82].

Закономерно, что В. Колесов провел параллель между работами Корша о «Слове о полку Игореве» и о поэзии Пушкина. Даже когда в научных спорах позиция Корша оказывалась неверной (редкий случай), например, в вопросе о подлинности окончания «Русалки» А. С. Пушкина, предложенная им методология исследования и конкретный анализ текста закладывали основы и раскрывали перспективы отечественного стиховедения. А. А. Шахматов сетовал, что среди полемизирующих с Коршем «редко кто заглядывал в исследование Корша, которое само по себе важно, если бы даже оказалось, что исходит от ошибочного положения» [43, с. 245]. Спор вращался вокруг опубликованного в 1897 г. в «Русском Архиве» окончания пушкинской «Русалки», изданного со слов Д. П. Зуева, который утверждал, что якобы запомнил это неизвестное окончание, которое слышал в юности в исполнении самого Пушкина. На общие постулаты оппонентов о том, что, если «в тексте не все превосходно, он не может восходить к Пушкину» [25, с. 6], Корш ответил конкретной постановкой проблем: «“Пушкинские стихи” – что это такое?»; «А что такое “Пушкинская техника” стиха?» [25, с. 7, 8]. Подделка натолкнула исследователя на всестороннее изучение языка и стиха Пушкина. Впервые был предложен анализ и систематизация на сотнях примеров строфики, ритмики, метрики, рифм Пушкина. Строгий, беспристрастный анализ показал, в частности, наличие у Пушкина неудачных

стихов (главный аргумент оппонентов Корша – «неотъемлемым признаком каждого стиха Пушкина всестороннее совершенство» [25, с. 32]): «При сравнении с полным собранием сочинений других поэтов, не только русских, но также иностранных, у Пушкина неудачных произведений окажется поразительно мало, – против этого не менее трудно спорить; но теперь речь не о достоинствах Пушкина, а об его недостатках, как бы они ни были малочисленны и ничтожны» [25, с. 33]. Из разбора «Русалки» родился первый в пушкинистике «План исследования о стихосложении Пушкина и словаря пушкинских рифм» (1905). Предпринятый проект ставил целью дать «читателю возможность вникнуть в самый строй Пушкинского стихосложения и понять причины той легкости, красоты, силы и того разнообразия, которыми пленяет нас Пушкинский стих независимо от размера, но в органической связи с содержанием, настроением и тоном» [20, с 111].

«Его филологические комбинации были блестящи; в них ярко сверкала творческая мысль. Он обладал колоссальной памятью; знал наизусть стихи всех мировых поэтов; о классической литературе уже и говорить нечего. И при всем непрерывном кипении своей творческой мысли он печатал очень мало» [15, с. 64], – вспоминал о своем университетском профессоре историк А. А. Кизеветор. Что же касается художественного творчества, то Корш практически не публиковал и не предавал гласности свои оригинальные стихи.

Стихотворение «Пустота» [21], одно из немногих опубликованных произведений Корша-поэта, увидело свет только благодаря решительным действиям Афанасия Фета, о чем узнаем из его письма Коршу от 28 декабря 1890 [см.: 34, с. 227]. Фет искренне восхищался Коршем как ученым и как человеком. «Люди с запасом знаний Ваших у нас такая редкость, а с Вашим ясным и широким отношением к жизни – редкость и в целом свете» [34, с. 216], – писал Фет Коршу 1 января 1887 г., а позднее признавался: «Неудивительно, что я помню и ценю Вас не потому, что Вы со мною единомысленны, а потому, что принадлежите к самым редким людям, с которыми заговоришь и чувствуешь, что наши слова не пропадают даром» [34, с. 226]. Работая над собственными переводами римских классиков, Фет не раз обращался к Коршу за консультациями и советом, о чем свидетельствует его письма к Коршу и ряд намеков в стихах Фета, посвященных Коршу.

Современники знали и ценили Корша как поэта-переводчика. Лидер русского символизма В. Я. Брюсов в приветственном адресе,

подготовленном в связи с юбилеем Корша, писал от имени возглавляемого им объединения: «Московский литературнохудожественный кружок присоединяет свои приветствия к голосу всей России, чтущей день Вашего семидесятилетия, своего великого ученого, славного писателя и прекрасного поэта. Председатель Валерий Брюсов» [12, с. XXV].

А. А. Шахматов писал в некрологе, опираясь лишь на редкие опубликованные строки Корша-поэта: «Поэтическое дарование влекло Ф. Е. Корша и к самостоятельному творчеству. Он писал и по-русски, и по-гречески, и по-латыни, и по-малорусски. Латинские и греческие его стихотворения (в сборнике Στέφανος, напечатанном в 1886 г. в Копенгагене) едва ли вызовут в русском читателе сочувственное настроение, которым определяется влияние и значение поэта; русских стихотворений напечатано Ф. Е. Коршем очень немного; многие из них (оставлю в стороне шуточные) не могут не найти сочувственного отклика в читателе, а некоторые показывают, что действительно в Ф. Е. Корше, по собственному его выражению, „в полном сердце свободная сила бушевала, как горный поток“» [44, с. 392].

Относительно переводов поэтов XIX века на древние языки, скептическую оценку академика Шахматова не разделял, например, ученик Корша А. А. Грушка: «Эти стихотворения являются истинным венцом глубокого постижения античности, которое доступно в такой мере лишь исключительно одаренным филологам» [10, с. 27]. Солидарен с данной оценкой был М. Н. Сперанский: «…Это же незаурядное знание классических языков использовано было им и в виртуозных по форме переводах на латинский и греческий языки стихотворений русских поэтов: они были собраны в свое время в его Στεφανοσε (1886) печатались и после; в числе их найдем, напр., переводы таких вещей Пушкина, как “Поэт”, “Поэту”, “Поэт и чернь” и др. Та же завидная способность Ф. Е. – быстро и в то же время тонко и глубоко проникать в строй и дух любого языка – нашла себе применение также в многочисленных переводах его с чужих языков на родной, достаточно напомнить, что Ф. Е. дал нам по обыкновению изящные и подчас изысканные по форме переводы с языков: кроме классических, также с словенского, с арабского, немецкого, датского, польского, итальянского, новогреческого, румынского, мадьярского…» [39, с. 4].

В критической оценке Шахматова, думаю, следует видеть продолжение «войны» за «своего Корша»: академик-русист выступал за Корша как русского поэта, цитировал его упомянутое выше стихотворение

«Пустота», Шахматову единственному была известна любовная лирика Корша. После смерти он вынул из стола академика последнюю тетрадь его стихов и тайно передал ее дочери Корша [см.: 13, с. 115].

Сам Ф. Е. Корш не раз скептически высказывался о своем стихотворстве, называл себя *лже-поэтом* [цит. по: 4, с. 66], *малой Парнасской сошкой* [19, с. 768]. «Поэт я только вскользь и с краю» [13, с. 151], – так оценивал Корш свой поэтический дар в стихотворении «Я никому свой труд не посвящаю…» (6 июня 1900). Но в сонете, не подлежавшем публикации, признавался:

Поэзия, души моей отрада,
Моих надежд целительный бальзам,
Моих надежд и грез единый храм,
Волшебный ток без горечи и яда! [13, с. 151].

Особенно интересным в плане самооценки автора и его понимания сути поэтического творчества является стихотворение «Тайна поэзии»:

Я постиг, что такое поэзия, –
Понял так, как уж чаял давно.
Я теперь чтото в роде Тирезия:
И ослеп и прозрел за одно <…>

Свет луны, анапест, метонимия,
Водопад и трохей и любовь –
Только с ними блажен, только с ними я
Силы юности чувствую вновь.

Дайте море мне звуков безбрежное,
Дайте рифмы отзывчивой гром,
Настроенье таинственнонежное, –
И до звезд вознесусь я челом.
[28, л. 1–1 об].

В этом стихотворении чувствуется и характерная самоирония Корша, и самооценка поэта, действительно проникающего в тайны непостижимого, преодолевающего границы рационального мышления и познающего великий момент творчества:

Беспрерывно бегут ощущения;
Я ловлю их на кончик пера;
Только оку могучего гения
Их волшебная зрима игра.

Мимо Канта, Спинозы, Картезия
Я нашел к непостижному мост:
Я постиг, что такое поэзия,
Ухватил ее прямо за хвост» [28, л. 1 об.].

Дата стихотворения неизвестна. Но в письмах А. Фета к Коршу находим вопрос, который косвенно указывает и на время написания стихотворения, и на то, что натолкнуло Корша на его создание. 8 января 1888 г. Фет, работавший над переводом Проперция, обращается к своему адресату и неизменному консультанту в вопросах римской поэзии: «Ваши слова за столом о наклонном колесе ввели меня в искушение, иначе я ни за что бы не решился утруждать Вас детским вопросом, может ли при всемогуществе Божием дважды два для него равняться пяти?» [34, с. 218]. Слова о «наклонном колесе» связаны с комментированием элегии Проперция, а на поставленный Фетом вопрос Ф. Е. Корш ответил в третьей строфе анализируемого стихотворения «Тайна поэзии»:

Стал я чужд разумения ясного,
И меня никому не понять:
В недомыслимой сфере прекрасного
Дважды два – не четыре, а пять [28, л. 1].

Поэзия, ее *непостижная* тайна, *недомыслимая сфера прекрасного,* чуждые *ясному разумению,* открыты «только оку могучего гения».

В процитированном письме Афанасия Фета есть еще одно важное заявление, «что переводчик – не филолог» [34, с. 218]. Возможно, поэт оправдывал себя перед *филологом* Коршем. Сам же Корш, как свидетельствует С. М. Соловьев, утверждал: «Чтобы быть хорошим филологом, необходимо быть поэтом» [38, с. 604]. А в лекциях о Катуле он рассуждал о том, что «наука всетаки не есть чтолибо такое, что совершенно противоположно поэзии: понятно, что ученость не исключает всетаки возможности поэтического дарования» [30, с. 27–28].

«Совершенно недостаточно освещен Федор Евгеньевич как поэт. Поэтический дар в нем развивался одновременно с даром ученого-филолога» [4, с. 6], – констатировал А. И. Богданов (внук Корша). Однако сам автор процитированных слов не слишком обогатил характеристику поэтического творчества Корша. Включив в состав своей книги о Корше несколько опубликованных и неопубликованных его стихотворений, он сделал ряд ошибок в их атрибуции и упустил из виду наиболее значимые произведения.

Поэтическое наследие Корша не привлекло внимание литературоведов. После кончины академика в акциях, ему посвященных, Р. Ф. Брандт выступил с докладами: «Корш как теоретик и практик русского стихосложения» (7 марта 1915 г. Публичное заседание историко филологического факультета Московского университета); «Ф. Е. Корш как переводчик и стихотворец» (27 марта 1915 г. Заседание Московкой диалектологической комиссии Академии наук). К сожалению, тексты выступлений Брандта не были опубликованы, и об их содержании можно только догадываться.

В юбилейной статье о Корше 1913 года автор писал, что друзья «поэзии были бы несказанно рады, если бы стихотворения (Корша – *Л.С.*), в большинстве рассеянные в журналах и специальных книгах (даже литографированных), были собраны в один том» [12, с. X]. За прошедшее столетие данное пожелание так и не получило отклика. «Поэт Божией милостью» не только не удостоился отдельного томика стихов, но и его богатейшее переводческое наследие не привлекло практически никакого внимания издателей. Опубликовано несколько шуточных стихотворений Корша [31], они помещены также на сайте «Поэзия Московского университета от Ломоносова до…». В антологиях и хрестоматиях перепечатывались отдельные переводы Корша из античной поэзии. В 2008 г. вышел в Москве сборник «Персидские лирики X–XV вв.» – книга повторяет издание 1916 года, где тексты персидских поэтов даны в переводах Ф. Е. Корша и И. П. Умова. В то же время книга переводов стихотворений Франце Прешерна [37] не переиздана, выходившие в СССР поэтические сборники словенского поэта составлялись из переводов других авторов.

В 2013 г. была опубликована переписка Великого князя Константина Константиновича (поэта К. Р.) с Ф. Е. Коршем. Великий князь неоднократно просил у Корша советы как у стиховеда и стихотворца. На страницах его ответных посланий, наряду с теоретическими замечаниями по

вопросам поэзии и практическими рекомендациями поэту К. Р., встречаем оригинальные стихотворения самого Корша [19, с. 769, 770–771, 776–777, 781, 786, 787–788, 792–793], так и не удостоенные публикации ни при жизни автора, ни столетие спустя его кончины.

Что же касается рукописных сборников его оригинальных стихотворений, то они продолжают пылиться в архиве, приговоренные архивистами к вечной ссылке. Между тем, поэтическое наследие Ф. Е. Корша, собранное в НИО рукописей РГБ, составляет около 240 единиц хранения. Описывая фонд Коршей и характеризуя стихи – самую крупную составляющую архивных материалов Федора Евгеньевича, Н. В. Зейфман. разделила их на четыре неравные части: 1) переводы, 2) послания – от торжественных до шутливых, стихотворения на случай, пародии, юмористические и сатирические стихи и 3) лирические циклы. Два лирических любовных цикла поэта получили негативную оценку, не только несправедливую, но и непрофессиональную. «Когда предметом его поэзии становились собственные душевные раны, сильные и глубокие чувства, – пишет Н. В. Зейфман о Корше, – тогда прозаическая ее канва проступала самым ощутимым образом. Автор не в силах подчинить свои переживания требованиям поэтической формы, сделать объектом и материалом эстетического обобщения, наоборот, он целиком находится в их власти и не может подняться над конкретностью занимающих его чувств и образов; отсюда кропотливый анализ своих переживаний, бережная до педантичности фиксация событий, деталей и обстоятельств, неоспоримо драгоценных для него лично, но эстетически малозначимых. Критерии авторского отбора резко меняются, вопросы литературной формы уходят на задний план. Этим объясняются, казалось бы, необъяснимые для человека столь высокой культуры и лингвиста подобного масштаба провалы вкуса в его лирике» [13, с. 113–114].

О *провалах вкуса* и о том, что у Корша уходят на задний план *вопросы литературной формы*, архивистка пишет о произведениях, подавляющее число которых создано по самым строгим канонам сонета: катрены на две обнимающие (часто изысканные) рифмы и секстет также на две рифмы. И главное: в каждом из циклов есть образец наиболее трудной, изысканной структурно-жанровой формы – венок сонетов, причем усложненной магистралом в виде акростиха.

То, что с именем Корша связано рождение в русской поэзии такой наиболее сложной для воплощения формы поэтического творчества, как *венок сонетов*, указано во всех словарях литературоведческих тер-

минов, во всех исследованиях о «твердых» стихотворных формах. Первым произведением в этом жанре, написанным по-русски, явился осуществленный Ф. Е. Коршем перевод «Сонетного венка» (*Sonetni venec*, 1834) выдающегося словенского поэта Франце Ксаверия Прешерна (1800–1849). В 1889 г. Корш опубликовал в журнале «Русская мысль» перевод данного произведения [27], затем венок сонетов вошел в сборник «Стихотворения Франца Преширна со словенского и немецкого подлинников» [37, с. 129–144], подготовленный переводчиком к столетию со дня рождения поэта. Факт, что Ф. Е. Корш был не только переводчиком «Сонетного венка» Прешерна, но и автором оригинальных венков сонетов, созданных задолго до опытов в этом жанре М. Волошина, Вяч. Иванова, В. Брюсова, К. Бальмонта, больше столетия оставался неизвестным. Найденные рукописи «Сонетного венка» («Мой друг угасший, но во мне нетленный!..», 1891) [24, л. 55–62] и «Сонетного венка» («Ах, если б был певец я сладкогласный…» [29, л. 47–54]) – оба с акромагисталами – вносят существенные коррективы в историю русской поэзии, ее «твердых» форм, в историю русского «стефанотворчества» (στέφανος, *греч.* – венок). Особенностью рукописей является то, что большая их часть написана международной транскрипцией на основе латиницы, часто стихи имеют еще приписки арабскими письменами. О «расшифровке» рукописей двух «Сонетных венков», а также «Сонетного трилистника» (1902) [29, л. 87–88] – структурно-жанровой формы, введенной в поэзию Коршем, о причинах сокрытия текстов не только от публики, но и от ближайшего окружения поэта подробно рассказано в моих публикациях [см.: 40; 41]. Стихотворные сборники Федора Корша с включенными в них венками сонетов давно заслуживают публикации.

В заключение приведу характеристику, обобщающую все многогранные ипостаси творческой личности академика. Филолог, *фольклорист* и *византинист*, профессор Московского университета и член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской академии наук М. Н. Сперанский писал, что Федор Евгеньевич Корш «был редчайшим явлением в нашей интеллигентной среде: языковед в своей основе, удивительный полиглот не только теоретик, но и практик, он был и художественным критиком, и знатоком музыки, и историком литературы не только древней и новой, русской и иноземных, был в то же время знатоком ритмики, был сам поэтом и т. д.» [39, с. 2].

Литература и архивные источники

1. *Баксаков Н.А., Баксаков Ник. А.*: Академик Ф. Е. Корш в письмах современников. М., 1987. 277 с.
2. *Белый А.* Собр. соч. Ритм как диалектика и «Медный всадник». Исследование. М., 2014. 528 с.
3. *Белый А.* Собр. соч.: Символизм. Книга статей. М., 2010. 527 с.
4. *Богданов А.И.* Федор Евгеньевич Корш. Ашхабад, 1982. 126 с.
5. *Брюсов В.Я.* Из моей жизни. М., 1994. 267, [2] с.
6. *Брюсов В.Я.* «Речи медной, когда-то звучавшей на форуме Римском…» // Брюсов В.Я. Собр. соч.: В 7 т. М., 1974. Т. III. С. 322.
7. *Варнеке Б.В.:* Памяти Ф.Е. Корша. Одесса, 1915. 52 с.
8. Главы из истории московского востоковедения. Лазаревский институт – Московский институт востоковедения. М., 2014. 384 с.
9. *Гордлевский В.А.* Русский Меццофанти (К 70летию Ф.Е. Корша); Ф.Е. Корш // Гордлевский В.А. Избр. соч.. М., 1968. Т. IV. С. 375–395.
10. *Грушка А. А*. Федор Евгеньевич Корш. М., 1916. 79 с.
11. *Дмитриев Н. К*.: Федор Евгеньевич Корш. М., 1962. 56 с.
12. Древности восточные: Труды Восточной комиссии Импер. Моск. археол. обва. Юбилейный выпуск, посвященный, по случаю истечения 25летия существования Восточной Комиссии, ее председателюоснователю Ф. Е. Коршу. Т. IV. М., 1913. XXXII с.
13. *Зейфман Н.В*. Архив Коршей // ГБЛ. Записки отдела рукописей. Вып. 48. М., 1990. С. 85–152.
14. *Зенгер Г.* Федор Евгеньевич Корш: Оттиск из журнала «Гермес» за 1915 год (№ 7–8, апрель). 14 с.
15. *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий: Воспоминания 1881–1914. М.; Берлин, 2016. 483 с.
16. *Колесов В.В.* Корш Федор Евгеньевич // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. СПб., 1995. Т. 3. С. 82–85.
17. *Корш Ф.Е.* О ритмическом складе «Слова о полку Игореве» и об ударениях древнерусского языка. Автограф. 1904 // АРАН. Ф. 558. Оп. 1. Научные труды Корша Ф.Е. № 164. 98 л.
18. *Корш Ф.Е.* Основное время в ритмике // Филологическое обозрение. М., 1898. Т. XV. С. 13–45.
19. *Корш Ф.Е.* Письма великому князю Константину Константиновичу 1900–1915 // Бумаги великого князя Константина Константиновича и членов его семьи: семейная и литературная переписка, отрывки из дневника, завещания. 1874–1918 гг. М., 2013. С. 766–811.

20. *Корш Ф.Е.* План исследования о стихосложении Пушкина и словаря пушкинских рифм // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб., 1905. Вып. 3. С. 111–134.
21. *Корш Ф.Е.* Пустота: [Стихотворение] // Русское обозрение. 1891. Т. 1. № 2. С. 625.
22. *Корш Ф.Е.* Разбор вопроса о подлинности окончания Русалки А.С. Пушкина по записи Д.П. Зуева. [I]. СПб., 1898. 376 с.
23. *Корш Ф.Е.* Рецензия на первое издание «Слова о полку Игореве» Н.С. Тихонравова // Московский университет. Известия. 1866. № 2. С. 165–169.
24. *Корш Ф.Е.* Сборник стихотворений и переводов («В»). 1876–1899: Автограф с правкой карандашом // НИО рукописей РГБ. Ф. 465. Карт. 9. Ед. хр. 16. 200 л.
25. *Корш Ф.Е.* Слово о полку Игореве // Исследования по рус. яз. СПб., 1909. Т. II. Вып. 6. С. I–LXIV, 1–29.
26. *Корш Ф. Е.* «Слово о полку Игореве» – перевод. 1875 / Рукою Е.И. Герье // НИО рукописей РГБ. Ф. 070. Карт. 83. Ед. хр. 4. 27 л.
27. Ф. К[орш]. Сонетный венок Франца Преширна // Рус. мысль. 1889. № 7. С. 1–8.
28. *Корш Ф.Е.* Тайна поэзии («Я постиг, что такое поэзия…»): [Стихотворение]. Б.д. Автограф // НИО РГБ. Ф. 465. Карт. 7. Ед. хр. 113. 2 л.
29. *Корш Ф.Е.* Цикл лирических стихотворений (1–408). 1899–1915: Автограф // НИО рукописного отдела РГБ. Ф. 465. Карт. 9. Ед. хр. 17. 390 л.
30. *Корш Ф.Е.* Чтения о Катулле: Лекции проф. Ф.Е. Корша: V семестр. М., [1888]. 190 с.
31. *Корш Ф.Е.* Шуточные стихи / Публ., [вступ. ст. и примеч.] Ф.А. Петрова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 1992. [Т.] II–III. С. 248–251.
32. *Корш Ф.Е.* «Adelphi». Комедия П. Теренция: Лекции Ф.Е. Корша, чит. на 5 семестре и на 6 1896-97 акад. г. СПб., [1897]. 379 . 26 с.
33. *Korsch Th.* Στεφανοσ: Carmina partim sua graeca et latina partim aliena in alterutram linguam ab se conversa elegit recensuit in ordinem redecit Th. Korsch. Hauniae (Kobenhaun, 1886. III, 49 с.
34. *Космолинская Г.А.* Письма А. А. Фета к Ф. Е. Коршу // Из фонда редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского университета. М., 1993. С. 204–228.
35. *Муркос Г.А.* Некоторые курьезы английского перевода путешествия антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века //

ΧΑΡΙΣΤΗΡΙΑ: Сборник статей по филологии и лингвистике в честь Евгения Федоровича Корша заслуженного профессора Московского университета. М., 1896. С. 381–389.

36. *Обнорский С. П.* Памяти академика Ф.Е. Корша. Пг., 1915. 8 с.
37. [Прешерн Ф.] Стихотворения Франца Преш259ирна / Со словен. и нем. подлинников перевел Ф. Корш. М., 1901. XCXIX, 224 с.
38. *Соловьев С. М.* Памяти Федора Евгеньевича Корша // Богословский вестник. 1916. Т. 1. № 3/4. С. 602–606.
39. *Сперанский М.Н.* Памяти Федора Евгеньевича Корша (читано 28 февраля 1915 г. в Общ. ист. лит. в Москве). М., [1915]. 12 с.
40. *Сугай Л.А.* Идиллия и трагедия в любовной лирике Ф.Е. Корша (по архивным разысканиям) // Пастораль: метаморфозы идеала и реальности: Сб. науч. трудов. М., 2015. С. 93–107.
41. *Сугай Л.А.* Тайнопись любви: неизвестные «Сонетные венки» Ф.Е. Корша // Венок сонетологов и сонетистов. М., 2016. С. 49–61.
42. Тридцатилетие ученой и профессорской деятельности Федора Евгеньевича Корша. М., 1897. 32 с.
43. *Шахматов А.А.* Избранная переписка: В 3 т. СПб., 2018. Т. I. 844 с.
44. *Шахматов А.А.* Федор Евгеньевич Корш: Некролог // Известия Императорской Академии Наук. VI серия. Петроград, 1915. Т. IX. № 5. С. 389–391.

Раздел II

ИСТОРИЯ И ПОЭТИКА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Л.В. Левшун
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры стилистики английского языка
Минского государственного лингвистического университета
Минск, Беларусь
E-mail: llb55@mail.ru

Предварительные замечания к изучению Средневековой агиобиографической книжности Беларуси (к проблеме идентификации, дефиниций и методологии исследования)

Аннотация. Автор анализирует употребление в современной славистике дефиниции «белорусская» по отношению к культурным феноменам эпохи Средневековья, в частности, агиобиографической книжности, аргументирует правомерность отказа от употребления этой дефиниции в качестве научного термина; наиболее приемлемым при исследовании агиобиографической книжности Беларуси видит сочетание историко-культурологического и территориально-политического критериев.

Ключевые слова: белорусская агиобиография, агиобиографическая книжность Беларуси, средневековая культура slavia orientalis, Собор белорусских святых, «руский език», Великое княжество Литовское, Речь Посполитая.

Lyubov V. Levshun
DSc in Philology, Associate Professor,
Professor of the Department of the Stylistics of English of
Minsk State Linguistic University
Minsk (Belarus)
E-mail: llb55@mail.ru

Preliminary comments on the studying of the Medieval hagiobiographical literature of Belarus (to the problem of the identification, definition and methodology of research)

Abstract. The author analyzes the use of the term “Belarusian” in modern Slavicism in relation to the cultural phenomena of the Middle Ages, in particular, the hagiobiographical book, argues the legitimacy of refusing to use this definition as a scientific term; the most acceptable in the study of hagiobiographical book writing in Belarus sees a combination of historical-cultural and territorial-political criteria.

Keywords: Belarusian hagiobiography, hagiobiographical book writing of Belarus, medieval culture of slavia orientalis, Cathedral of Belarusian Saints, “Russian hezik”, Grand Duchy of Lithuania, Polish-Lithuanian Commonwealth.

В современной медиевистике все чаще употребляются такие понятия, как «белорусская агиобиография» [3, с. 154; 4, с. 17-32 и др.], «старобелорусская агиография» [19, с. 354, и др.], «старобелорусское агиографическое произведение» [5, с. 69, 77; 1, с. 119, 205 и др.], «старабеларуская агіяграфія» [8, с. 22], «арыгінальныя беларускія агіяграфічныя творы вядомы з канца XII-XIII ст.» [9] и даже констатируется наличие «на Беларуси… местной агиографической школы, заложенной Евфросинией Полоцкой и Кириллом Туровским» (причем речь идет о последней четверти XIV в.!-*Л.Л.*) [21, с. 62.][1]. Однако понятия эти, уже, по-видимому, получившие терминологический статус, тем не менее, нуждаются в существенных уточнениях, поскольку не определены ни их состав, ни объем, ни атрибутивные признаки, то есть нет собственно научной их дефиниции. И причина здесь, думается, не в том (или, во всяком случае, не только в том), что медиевисты не дали себе труда теоретически осмыслить и практически апробировать принятые к употреблению понятия и обозначаемый ими предмет исследовательских интересов; причина – в объективной сложности таковой операции.

I

Прежде всего, следует отметить неопределенность самой дефиниции «белорусский» (как и «*старо*белорусский») по отношению к эпохе средневековья; потому этот термин взят у нас в кавычки.

Этноним «белорус» более-менее оформился лишь к концу XVIII в. (а в качестве эндонима стал употребляться намного позже); однако Белой Русью в составе Великого княжества Литовского (далее ВКЛ), Речи Посполитой и Российской империи именовались территории Подвинья и Поднепровья [13, с. 295-296; 22, с. 67-68][2].

Политоним «белорус» возник вместе с белорусской государственностью только в первой четверти XX века. В связи с этим крайне сложно определиться с объемом и составом понятия «*старо*белорусский».

Таким образом, возникает серьезное затруднение: ка́к, не впадая в анахронизм, понятийно-терминологически определить культурные феномены, которые являются генетической частью культуры Беларуси, но никогда не были собственно «белорусскими» (культура Полоцкой, Туровской, Берестейской и др. земель XII–XVIII вв.); вместе с тем, что́ считать исторически принадлежащим белорусской культуре из того, что развивалось в составе культур Киевской Руси, в ВКЛ, Речи Посполитой?

В современной белорусской гуманитаристике есть несколько способов преодоления этого исторически и культурологически обусловленного затруднения, основанных на различных критериях отбора.

а) В узком смысле за «белорусское» принимают то, что когда-либо было создано на территории нынешней Беларуси, то есть за основание берется территориально-географический критерий – место создания памятника. Этот подход к проблеме имеет свои резоны, хотя далеко небесспорен. В частности, по этому основанию, в нашем случае, к «белорусской» агиобиографии следует относить, кроме традиционно включаемой смоленской, еще и черниговскую, киевскую, волынскую и даже новгородскую агиобиографическую книжность, поскольку нынешняя белорусская территория покрывает части не только Смоленской, но и некогда Новгородской, Черниговской, Волынской, Киевской земель.

Вместе с тем, при таком подходе, в нашем конкретном случае, из «белорусской» агиобиографии выпадают: «Житие трех виленских мучеников»; жизнеописания преп. Леонтия Виленского, мученика Павла Виленского, благоверного кн. Довмонта-Тимофея Литовского и Псковского, «Житие мч. младенца Гавриила Белостокского» и др.

б) В широком смысле «белорусским» считается то, что развилось на балто-славянском этнокультурном субстрате, поскольку именно этот субстрат, как полагают, воздействовал на этническое обособление «белорусов» от остальных наследников древнерусской народности. По этому основанию в «белорусскую» включается, в частности, культура Смоленской земли.

Но тогда «белорусскими» или «протобелорусскими» следует считать и культуры псковских кривичей, а также вятичей (вплоть до Оки и самой Москвы) и северян, некогда взаимодействовавших с балтами. Наряду с этим культура Турово-Пинской земли, не знавшая балтского субстрата, должна быть исключена из «белорусской».

Кроме того, как известно, этническое сплочение полоцких кривичей с волынскими дреговичами и черниговскими северянами и радимичами в особую «белорусскую» (или «протобелорусскую») этническую общность (кстати напомнить, самоназывавшуюся *«русь», «русины», «руские»*), произошло лишь в XV–XVI вв., что вынуждает, если быть последовательными в соблюдении этого критерия, ограничить древность истории «белорусской» культуры этим пределом.

в) К «белорусскому» относят то, что когда-либо было создано в границах Великого княжества Литовского (так, например, в историю «белорусского» летописания включаются Галицко-Волынская летопись, созданный в Смоленске «Летописец великих князей литовских» и др.). Но, во-первых, границы ВКЛ за историю существования этого государства не раз и сильно изменялись, так что встает в общем-то неразрешимая проблема выбора: в границах ВКЛ какой конкретно эпохи исследовать явления «белорусской» культуры и почему.

Во-вторых, в любую из эпох существования ВКЛ в «белорусское» неизбежно попадает часть «украинской» и «великорусской» культур (так, культуры, к примеру, Киевской, Черниговской, Волынской земель, Брянского княжества, Вязьма, земли по Оке и др. в известные исторические периоды развивались в границах и в контексте культуры ВКЛ). Причем, культуронимы «украинский» и «великорусский» (также позднего происхождения) нужно тоже закавычить, поскольку и они по отношению к культуре восточнославянского средневековья крайне неопределенны.

И в-третьих, остается вопрос: что делать с культурой, существовавшей *до* возникновения ВКЛ? Включать ли ее, на каких основаниях, в каком объеме и составе, в историю «белорусской» культуры? Что касается конкретно «белоруской агиобиографии», то, в частности, при таком подходе жития древнейших полоцких и туровских святых – свв. Мины и Дионисия, епископов Полоцких; преп. Мартина Туровского; свв. Кирилла и Лаврентия, епископов Туровских; преп. Евфросиньи Полоцкой – оказываются за рамками «белорусской» агиобиографии.

г) Еще бо́льшие сложности и неопределенности возникают при попытке использовать языковой критерий, то есть считать «белорус-

ским» то, что создано на «белорусском» (или так называемом «старобелорусском») языке.

Во-первых, как признают сами лингвисты, «в эпоху белорусской народности (авторами имеются в виду XIV-XVIII вв.-*Л.Л.*) на Беларуси практически существовало письменное *четырехъязычие* с определенным размежеванием в сфере функционирования[3]... в письменном употреблении было два языка – собственно белорусский на древнерусской основе и церковнославянский восточнославянской (позднее белорусской) редакции. Со второй половины XVI в. на Беларуси начали распространяться польский и латинский языки, которые использовались в сфере делопроизводства и науки[4]... Созданные на Беларуси памятники на белорусском, церковнославянском, польском и латинском языках, как раз и создают комплекс..., который правомерно считать белорусской письменностью» [12, с. 4-5]. В «узком» же смысле «под белорусской письменностью (с лингвистической, разумеется, точки зрения. – *Л.Л.*) понимаются произведения, написанные в эпоху белорусской народности на белорусском языке, в отличие от памятников на церковнославянском, польском и латинском языках»[12, с. 5].

Во-вторых, до XIV в. ученые не знают четких признаков, по каким можно однозначно различить литературные памятники северозападнорусского («белорусского») извода древнерусского языка от прочих его изводов, то есть, строго следуя данному критерию, все произведения книжности, созданные до XIV в. следует относить к общевосточнославянской культуре (культуре древнерусской народности), а историю «белорусской» (вкупе с «украинской») начинать с XIV в. Однако только с XVII в. можно четко различить по языку собственно югозападнорусские («староукраинские») и северозападнорусские («старобелорусские») письменные произведения[5]. Так что, с лингвистической точки зрения, о собственно «белорусских» памятниках письменности мы можем говорить не ранее как с XVII в., то есть с того времени, когда древнейший пласт житийных произведений был уже давно сформирован и даже неоднократно отредактирован.

Вместе с тем в «белорусские», при таком подходе, безусловно, попадают и житийные произведения, переведенные на «руский език», такие как, к примеру, «Приклад о житии святаго великомученика Еустафия, и о навращении блуднаго», «Прикладный живот святаго Алексия (Человека Божия. – *Л.Л.*), чтобы смыслости сего света возненавидели» из «белорусской» редакции «Римских деяний»; «Житие» Алексея

человека Божия из мартовского Пролога 17 в.: РНБ Ф.256, № 325 (лл. 484-685об.) на «белорусском наречии» и т.д.) И безусловно выпадают из «белорусского» древнейшие памятники, сохранившиеся лишь в более поздних списках различных («небелорусских») редакций: жития Евфросиньи Полоцкой, Кирилла Туровского, Авраамия Смоленского, «Повесть о Меркурии Смоленском», «Житие Иоанна, Антония и Евстафия Виленских « и др.

В-третьих, следует учесть, что еще и до сих пор северо-белорусские говоры отличаются от южно-белорусских гораздо сильнее, чем северо-белорусские от, скажем, тверских, брянских, псковских, а южно-белорусские от северо-украинских, так что в отношении памятников, написанных, скажем так, на литературно не нормированном языке (а процесс нормирования белорусского языка не завершен и поныне), языковой критерий даже и в нынешнее время не может быть использован для однозначной этнокультурной дефиниции.

В-четвертых, в случае применения языкового критерия из агиобиографии Беларуси «выпадают» польско- и латиноязычные произведения – стихотворные жития-поэмы Николая Гусовского, жития-эпиграммы Лазаря Барановича мч. Меркурию Смоленскому, Иулиании Ольшанской в «Apollo chrzescianski opiewa zywoty swiętych, zchwałą ich cnoty vcho skłon zochoty…» 1670 г.; «Josaphidos, sive de nece Josaphat Kuncewicz, archiepiscopi polocensi… Vitebsci a schismaticis caesi» И. Исааковича (М.Кмитича) (Isakowicz I. /Kmicic M./) в трех книгах, 1628; « Żywot y męczeństwo b.Jozafata...» С.Косиньского (Kosiński S.) 1665; «Ikones symbolicae vitae et mortis b.Josaphat martyris, archiepiscopi polocensis...», 1675; «Vita Alexi, metropolitae Kijoviensis in Russia et Lithuaniae cum commentario historico» Henschenius'а 16?? г. (так!) и др. – а также все оригинальные и переводные агиобиографические произведения, созданные на древнерусском языке: известные 5 виленских списков «Жития мчч. Иоанна, Антония и Евстафия», «Память св. Кирилла Туровского», созданная во Владимиро-Суздальской земле, основной массив агиобиографических произведений, посвященных преп. Евфросинии Полоцкой и т.д., что требует дополнительных объяснений и неоправданно сужает и обедняет исследовательское поле.

Нужно также учитывать, что язык богослужения в ареале slavia orthodoxa, к которому бесспорно относились белорусские земли в период раннего и высокого восточнославянского средневековья, – церковнославянский[6]; а некоторые типы святожизнеописаний (гимнография

и евхология агиобиографического характера) входят в состав богослужения, так что извлечение церковнославянского агиобиографического материала из состава «белорусского» также грозит неоправданно сузить его, редуцировать многое из агиобиографической книжности западнорусских земель XI–XVII вв. до ее, так сказать, этнографического ремейка.

д) Не менее сомнительный по своей научной корректности выход – относить к «белорусской» книжной культуре произведения, созданные «белорусскими» авторами. Но тут (даже если вынести за скобки сложнейшую проблему авторства в средневековой христианской культуре) начинается второй круг блужданий в поисках критерия дефиниции «белорусский автор», поскольку опять-таки непонятно, кого из писателей (даже в случаях, когда его имя точно известно) считать «белорусами»: выходцев из «белорусских земель»? Но что мы будем называть «белорусскими землями»? Писавших на «белорусском языке»? Но что мы будем называть «белорусским языком» и как быть с выходцами из «белорусских» земель, писавших на церковнославянском, латыни, греческом, польском[7]? Называющих себя «белорусами»? Но до конца XVIII в. такой эндоним не был распространен. И т.д.

II

Другой аспект, где понятийно-терминологическая неопределенность дефиниции «белорусский» проявляется не менее проблемно, – церковно-исторический, который невозможно игнорировать, занимаясь агиобиографической книжностью. Однако в отношении «белорусской агиографии» критерии церковной традиции оказываются также (если не еще более) небесспорны.

1. Сам Собор Белорусских святых (далее СБС) оформился только в 1984 г. (точнее, начал оформляться, и процесс его оформления не закончен по сей день). Вместе с тем невозможно однозначно определить, по какому основанию отобраны представленные в Соборе святые XI–XVII вв. Так, например, в него включен благоверный князь Ростислав-Михаил Смоленский великий князь Киевский, но не включены преп. Авраамий архимандрит Смоленский, мч. Меркурий Смоленский, благоверный князь Феодор Смоленский и чада его Давид и Константин и нек. др.; в СБС включен благоверный князь Борис Юрьевич Туровский (сын Юрия Долгорукого) из владимиро-суздальского княжеского дома, правивший в Турове короткое время, но не включен его род-

ной брат – св. благоверный князь Андрей Юрьевич Боголюбский, тоже из владимиро-суздальского княжеского дома, и тоже, но раньше (!) кн. Бориса, правивший в Турове короткое время и к тому же – духовное чадо св. Кирилла, епископа Туровского. В СБС включены мчч. Иоанн, Антоний и Евстафий Виленские, преп. Харитина, кн. Литовская, благоверная Евпраксия, княгиня Псковская, но отсутствует благоверный Довмон-Тимофей, князь Литовский, князь Псковский; включен преп. Федор Острожский, но отсутствуют Арефа-полочанин, насельник Киево-Печерского монастыря; включен младенец мч. Гавриил Белостокский, но не включен преп. Иов Почаевский и т.д.

2. Как уже отмечалось, жития древнейших святых Белорусского Собора созданы в то время, когда собственно «белорусская» культура еще не выделились из общевосточнославянской (из культуры древнерусской народности), а Белорусская Церковь как таковая и вовсе не существовала. К тому же святожизнеописания некоторых подвижников представлены лишь «небелорусскими» их редакциями, например: «Память святителя Кирилла Туровского», «Житие преп. Евфросинии Полоцкой», Эпитафия и «Сказание или повесть… об обретении святых мощей св. Юлиании [Ольшанской]» с тропарем и кондаком и нек. др.

3. Представляется неправильным исключать из агиобиографической традиции Беларуси: а) произведения, посвященные святым не «белорусским» – общерусским и общеславянским, широко почитавшимся местным населением – чьи имена устойчиво входили в состав Месяцесловов, Святцев, Пролога, Миней, четих житийных сборников); б) жития, созданные или отредактированные сообразно местным творческим традициям и, безусловно, повлиявшие на дальнейшее развитие книжной культуры Беларуси (западнорусские редакции житий, известных как в православной, так и в католической агиобиографических традициях, к примеру, «Житие Алексия человека Божия», а также произведения типа упомянутых выше латиноязычных поэм-житий Николая Гусовского, польскоязычных «Житий» Петра Скарги или «Патерикона» Сильвестра Коссова); в) жизнеописания святых, созданные «небелорусскими» авторами и/ или на «небелорусской» территории, как, например: новелла об Арефе-полочанине из Киево-Печерского патерика, записанная еп. Симоном Владимирским (к слову сказать, Арефа-Полочанин включен в Собор Киевских святых); прологовая «Память» св. Кирилла Туровского, составленная первоначально в Северо-Восточной Руси и сохранившаяся исключительно в «небелорусских» списках; «Память

Иоанна, Антония и Евстафия Виленских», написанная, вероятнее всего, в Византии, и их «Житие» во всех трех его редакциях – сербской, виленской и русской («белорусская», скорее всего, была, но не сохранилась) и др.

4. Проблему различения «великорусской», «малорусской» и «белорусской» агиобиографии усугубляет екклезиологический критерий, поскольку вступает в противоречие с критериями лингвистическим, геополитическим и культурологическим. Так, если лингвистические данные позволяют исследователям четко различать западнорусские и великорусские («московские») письменные памятники, в том числе и агиобиографические, начиная с XIV в., а «малорусские» и «белорусские» – с XVII в., то принадлежность всех восточнославянских земель (до 3-й четверти XV в.), а «белорусских» и «малорусских» земель (до 3-й четверти XVII в.) к Киевской митрополии Константинопольского патриархата вынуждает рассматривать эти памятники как принадлежащие единой культурной традиции Русской Православной Церкви.

5. Культура Беларуси вобрала в себя разновеликие и разнозначные элементы двух письменных традиций – slavia orthodoxa и slavia romana/latina, но в понятии «Собор Белорусских Святых» определение «белорусских» употребляется в том конкретном смысле, что они канонизированы Белорусской Православной Церковью. И тут со всей остротой встает вопрос: в праве ли исследователь исключать из традиции «белорусского» святожинеописания жития, созданные католическими или униатскими агиографами?

Очевидно, что агиобиографическая книжность Беларуси оказывается гораздо шире, чем комплекс святожизнеописаний Собора Белорусских Святых. В нее необходимо включать агиобиографический материал всех сохранившихся четий и богослужебных сборников (независимо от их языка и конфессиональной принадлежности), распространенных в этом культурном регионе. Известно, что инославные житийные произведения серьезно влияли на православную агиобиографию [см. 4; 20 и др.]. Так, например, под влиянием книжной культуры slavia romana в «руской» (иначе – «старобелорусской» православной) книжности ВКЛ распространились такие формы агиобиографии, как *«погрéбок»* – проповедь с элементами жизнеописания над гробом христианского подвижника («Казанье на погреб Леонтия Карповича» Мелетия Смотрицкого, «Омилиа албо казанье на честном погребе блаженного мужа и превелебного отця кир Еліссеа, в іеросхимонасех Евфиміа Плетенецкого» и др.),

а также *«ляменm»,* или *«жаль»* – своего рода стихотворный некролог, также содержащий элементы жизнеописания (анонимный «Лямент на смерть Леонтия Карповича»; «Echo żalu na głos lamętującego po... śmierci... J.Bobrykowicza, episkopa Mścisławskiego, Orszańskiego, Mohilewskiego...”; „Cherubin przy akcie pogrzebowym Bobrykowicza, episkopa Mścisławskiego, Orszańskiego, Mohilewskiego...” Сильвестра Коссова; „Zal ponowiony po pogrzebie jasnie przewelebnego o. Piotra Mohily, archiepiskopa, metropolity Kijow…” Иосифа Калимона и др.), которые ассоциируются с аналогичными произведениями, посвященными светским лицам. Приведем более частный случай: житие римского папы Льва Великого (понтифик в 440-461 гг.), составленное польским писателем иезуитом Петром Скаргой (1536-1612), стало источником «старобелорусского» перевода (1669 г., хранится в рукописи Библиотеки Академии наук Литвы им. Врублевских в Вильнюсе) и было использовано свт. Димитрием Ростовским при написании первого пространного восточнославянского жития папы Льва (Киев, 1695 г.) [16]. Во второй пол. XVII – XVIII вв. широкое распространение в Речи Посполитой получают разного рода произведения, отражающие почитание униатского мч. Иосафата Куцевича [см. 2, № 425; 429; 436; 437 и др.]

Вместе с тем, по пути механического объединения двух традиций пойти тоже нельзя, не нарушив всех культурологических законов, каким бы научно объективным, конъюнктурно нейтральным и конфессионально толерантным не казался таковой путь. С точки зрения культурологической и филологической, агиобиографическая книжность Беларуси – это не только то, чтó объединяет в себе жития «белорусских» святых и христианских подвижников, но также и то, чтó составляет органическую часть/ продолжение западнорусской («старобелорусской») и ранневосточнославянской (древнерусской) книжно-письменных традиций. Христианское население северозападно- и южнорусских земель (Полоцкой, Минской, Туровской, Пинской, Берестейской, Киевской, Черниговской, Галицко-Волынской и т.д.) до литовской инвазии и долгое время в условиях литовского (а позже – литовско-польского) ига было полностью «русскоязычным» и в абсолютном большинстве православным, следовательно, книжно-письменная культура Беларуси в своем истоке имеет общевосточнославянскую (древнерусскую) культуру традиции slavia orthodoxa и, значит, основание письменной традиции Беларуси составляют произведения, которые либо творчески ее развивают, либо «консервируют», либо ей подражают, либо ее «отрицают» (по закону «отрицания

отрицания»), но в любом случае *генетически связаны* с культурологической парадигмой slavia orthodoxa, в частности, с ее агиобиографическим каноном.

III

Есть и еще одно обстоятельство, повергающее белорусского медиевиста в растерянность. Это – невозможность использовать, казалось бы, самый надежный критерий: устойчивость почитания святого в том или ином регионе. Невозможность эта объясняется почти полным отсутствием «белорусского» агиобиографического материала в сохранившихся богослужебных и четьих сборниках XV–XVII вв., созданных на западнорусских землях. Специфика исторического (в том числе социо-культурного и конфессионального) развития этого региона slavia orientalis[8] сказалась, среди прочего, также и в том, что агиобиографические свидетельства почитания местных святых (в частности, включенных в СБС) эпохи раннего и высокого средневековья почти не представлены в «белорусских» редакциях и списках. Так, в житийных сборниках разного типа и состава не встречаются вовсе (либо встречаются в единичных случаях) жития и памяти, к примеру, святителей Мины, Дионисия, Симеона – Полоцких святых епископов, преп. Евфросинии, игумении Полоцкой; святителей Кирилла и Лаврентия Туровских, преп. Елисея Лавришевского и др., зато регулярно присутствуют памяти общерусских святых: мчч. Феодора варяга и сына его Иоанна; равноап. князя Владимира, крестителя Руси, и кн. Ольги, «бабы его»; князей-страстотерпцев Бориса и Глеба; преп. Феодосия Печерского, благоверн. князя Александра Невского и др.; а также святых, почитавшихся в Московской Руси: митрополитов Киевских Петра, Алексия и Ионы, Российских чудотворцев; перенесение мощей митрополитов Киприана, Фотия, и Ионы Киевских; или отдельно: митр. Петра, митр. Алексия, митр. Киприана (причем то как Киевских, то как Московских, независимо от места создания сборника) и др.

Между тем иные, косвенные, свидетельства дают основания утверждать, что почитание древнейших местных святых все-таки имело место в православной культуре и ВКЛ, и даже Речи Посполитой. К примеру, в Речи Посполитой с 1596 по 1635 г. несколько раз (в том или ином составе) издавались проповеди св. Кирилла Туровского, и вышло по меньшей мере семь изданий его седмичного цикла молитв [7, №№ 6, 30,

31, 44, 58, 70, 96, 104, 114, 119, а возможно, и № 68.]. Вместе с тем, в известных нам рукописных и старопечатных сборниках, сохранившихся от этой и более ранних эпох, не обнаруживается ни проложной памяти святителя, ни даже поминания его имени в месяцесловах, не говоря уже об отсутствии полного биоса, который, как правило, складывается при длительном и массовом почитании святого в той или иной местности [см. 18, с. 620]. Поэтому сложно судить о том, насколько широко почитался православными ВКЛ и Речи Посполитой сам св. Кирилл Туровский, то есть ассоциировались ли издаваемые православными братскими типографиями произведения «грешного Кюрила» со святым туровским епископом, жившим в XII веке.

Другой пример – почитание в ВКЛ и РП преп. Евфросинии Полоцкой. Судя по тому, что трудами митр. Киевского Петра Могилы, в 1643 г. были причислены к местночтимым святым преподобные, почивающие в Ближних и Дальних пещерах Киево-Печерской лавры, среди которых находим и преподобную Полоцкую игуменью, можно предполагать, что память о Евфросинии Полоцкой непрерывно сохранялась здесь (во всяком случае, в Феодосиевой Лавре) на протяжении XII–XVI вв. Однако все сохранившиеся списки ее Жития относятся к редакциям сборников, Пролога, Великих Миней-Четий и Степенной книги, созданных в Московии [11, с. 110-209]. А в известных нам рукописях, имеющих характерные западнорусские языковые особенности, Житие преп. Евфросинии Полоцкой встречается лишь во вторичных по отношению к Редакции сборников пpóложных редакциях и представлено всего тремя списками, самый старший из которых относится к первой четверти XVI в. (БАН Лит. F 19, Пролог № 98) [см. 23, с. 217–222].

Памяти и жития большинства древнейших православных святых стали известны в Беларуси лишь благодаря сохранению их в книжности северо-восточной Руси. И лишь в эпоху, которую современные белорусские историки обычно характеризуют как период «насильственной русификации» белорусских земель, почитание местных святых постепенно возвращается в отечественную культуру. Так, «Западно-Русский месяцеслов на 1865 год» (Вильно: тип. Губернского правления, 1864. – 105 с.) наряду с широко распространенной в западной Руси памятью свв. Антония, Иоанна и Евстафия Виленских приводит памяти: св. Кирилла Туровского; преп. Евфросинии Полоцкой; преп. Аврамия Галицкого; прп. Аврамия Смоленского; св. кнн. Феодора, Давида и Константина; мчц. Харитины; мч. Меркурия Смоленского.

Таким образом, ни один из применяемых ныне критериев определения границ «белорусскости» в отношении средневековой культуры небесспорен. А их произвольное, в тех или иных соотношениях, объединение совершенно размывает смысл этой дефиниции. Следовательно, необходимо найти если не бесспорное, то хотя бы логически непротиворечивое сочетание существующих способов определения «белорусскости».

Прежде всего, представляется правомерным отказ от употребления в качестве *научного* термина дефиниции «белорусский» при описании средневековой культуры и замена этой дефиниции более, на наш взгляд, корректной: «относящийся к культуре/ истории Беларуси».

Далее, наиболее приемлемым при исследовании агиобиографической книжности Беларуси видится сочетание историко-культурологического и территориально-политического критериев, что предполагает: 1) учитывать не только место создания памятника, но и ареал его активного бытования и, значит, влияния на развитие книжной культуры данного ареала; 2) рассматривать бытие агиобиографической книжности Беларуси как ряд сменяющих друг друга этапов/ эпох, характер которых определяет соответствующие аспекты и методологию их исследования:

• агиобиографическая книжность Беларуси как часть общевосточнославянской (древнерусской) книжности – период до включения западно- и северо-западнорусских земель в состав ВКЛ в первой половине XIII века;

• агиобиографическая книжность Беларуси как часть книжности ВКЛ (общеславянские и местные святожизнеописания), различая периоды до Кревской унии (1385 г.) и после нее;

• агиобиографическая книжность Беларуси как часть церковной книжности Речи Посполитой (общеславянские и местные святожизнеописания; «руско-», польско- и латиноязычные), различая периоды, вехами которых являются Брестская церковная (1596 г.) уния и «Статьи для успокоения греческой религии» (1632 г.);

• заимодействие агиобиографических традиций slavia orthodoxa и slavia romana в книжной культуре Киевской Руси, ВКЛ и Речи Посполитой.

При этом, каждый новый аспект изучения не должен исключать предыдущий, то есть: принадлежность культуре Речи Посполитой не исключает принадлежности культуре ВКЛ и общевосточнославянской (древнерусской) культуре региона slavia orthodoxa. Именно сочетание

всех означенных аспектов, как видится, дает более менее адекватную ретро- и перспективу исследования данной проблемы, хотя и не разрешает всех затруднений.

Примечания

[1] Заметим, что какими-либо известиями об агиобиографических трудах Евфросинии Полоцкой современная медиевистика пока не располагает.

Из сохранившихся агиобиографических произведений, написанных св. Кириллом Туровским ("похвалы многим святым", как сказано в его синаксарии), точно принадлежащим ему можно считать лишь "На успение преподобныа княгини Ольги, бабы Владимеря, канон и стихиры, творение Кирила мниха"; вклад же свт. Кирилла в создание одной из редакций "русского" Пролога (то есть написанные святителем и/или отредактированные им синаксарии русских и славянских святых) пока окончательно не выяснен.

К тому же, не представляется верным объединять в одну традицию книжные школы Полоцкой и Туровских земель, развивавшихся в X-XII вв. в несколько разных культурных контекстах (хотя и в общей сфере slavia orientalis), и говорить о некоей единой "местной агиографической школе... заложенной Евфросинией Полоцкой и Кириллом Туровским".

[2] Приведу для примера некоторые характерные контексты: стихотворное «Pisanie satirów **puszczy Litewskich** do Anny królowny o łowach **w Białowieżach**» (Kraków,1589), где, как видим, Беловежская пуща считалась литовской землей; «Verificatia nievinności y omylnych po wszystkiej **Litwie y Białej Rusi** rozsianych nowin...» Мелетия Смотрицкого (Wilno, 1621); Alandus J.O cudach aniołów Bożych w kościele Michała Archnioła **blizko Nieświeża w Litwie** dziejących się. – Wilno, 1630; из «Диариуша» препмч.Афанасия Филипповича (1646 г.): «Господь наш Ісус Христос… дивным прейзренем Своим, **зъ Литвы, зъ монастыра Купятицкого, миля отъ Пиньска лежачого**, послал мя… якъ бы для ялмужны», после чего «приехавши нам до **Слуцка**, отец Шицик, архимандрит, розгневался барзо на отца нашего ігумена Купятицкого о тое, же ся его… не докладал, **высилаючи нас** («з Литвы», где находится Купятицкий монастырь.*-Л.Л.)* **на Белую Русь** по ялмужну…»; особенно любопытны издания, которые подготовил Sanson d’Abbevill, – «Partie de **Lithuanie** ou sont les palantinats de **Poloczk, Vitepsk, Mscislaw et partie Minsk, avec le duché de Smolensko**» и «Partie de Lithuanie ou est le palatinat de **Novogrodeck Litevski**, le palatinat de **Bresscie en Polesie**, duchés de **Nesvies et Slusck**...» (Paris, 1665 и 1666); Redwitz J. Ad illustrissimum… Petrum Opalinski… item de homine inter ursos anno 1661 in **Lithuano-Grodnensibus** sylvis reperto. – Lesnae, 1674; в «Синопсисе» (1674) есть раздел «О народе сарматском и о наречии его», где говорится о двух сарматиях – скифской, населенной татарами, и европейской, «идеже **Москва, Русь, поляки, Литва**, прусы и проч. обитают». И др. Но вместе с тем: Gliński J. Kazanie na obsequiach... T.Sapieżyny... w **Białyniczach** przez... komissara konwentów **białoruskich karmelitów** 22/XI 1652. – Białyniczache, (1652); „Катехизм..., в богоспасаемом граде **Могилеве белорусском** напечатан...” (издания 1757 и 1761) и т.д.

[3] Размежевание это было, как видится, весьма относительным: к примеру, цитаты из Св. Писания, не зависимо от функции произведения, могли приводится на церковнославянском языке, а фрагменты из произведений Отцов Церкви – на греческом и латинском; вместе с тем известны переводы Св. Писания и творений Отцов Церкви на «руский язык» (западнорусский извод древнерусского). Ср.: «В отдельных случаях насыщенность белорусизмами церковнославянских произведений достигает такой степени, что порой вообще бывает трудно выявить даже языковую основу памятника и с уверенностью утверждать, с белорусским или церковнославянским текстом приходится иметь дело» [12, с. 5].

[4] И это утверждение видится спорным: к примеру, «Песня про зубра» (1523), «Житие и деяния св. Гиацинта (Иоакинфа)» (1525) и др. поэтические произведения Николая Гусовского, «Житие Алексия, митрополита Киевского» (G.Henschenius'a, 16??), а также анонимный стихотворный мартирий Андрея Боболи (1792) и др. написаны на латыни; издание «Казанья св. Кирилла Иерусалимского» с комментариями Стефана Зизания (1596), «Гармонии» Ипатея Потея (1608) и др. осуществлены параллельно на польском и «руском» (западнорусском изводе древнерусского) языках; «Фринос, или Плач Восточной Церкви» Максима Смотрицкого (1610), согласно заявлению самого автора, последовательно издавался на греческом, церковнославянском («словенском») и польском языках и др.; а «Казанье на погреб князя В.В. Голицына» Леонтия Карповича (1619) и «Казанье на погреб Леонтия Карповича» Мелетия Смотрицкого (1620) известны в двух вариантах – «руском» и польском (авторские переводы) и т.д.

[5] Белорусские лингвисты предлагают в данном случае в помощь языковому анализу еще два критерия: *национальность* автора (в эпоху «белорусской *народности*» (!), когда само понятие «нация» еще не оформилось в культурном сознании европейцев) и место возникновения памятника [12, с. 6]. Но эти критерии вряд ли применимы в *литературоведении*: к примеру, Стефан и Лаврентий Зизании, родились под Львовом, а свои произведения создали в Остроге, Вильне; Бресте и др.; Матфей Десятый родился в Торопце, начинал написание своего знаменитого сборника, известного ныне под названием «Десятоглава», в Вильне, а закончил в Супрасле, – так следует из авторского послесловия, и очевидно, что ни один из приведенных фактов не помогают идентификации названных памятников в отношении их принадлежности «белорусской» книжности.

[6] Ср.: «Термином «церковнославянский язык» определяют наднациональный язык, который в течение нескольких веков использовался значительной частью славянского мира для создания текстов, по преимуществу, хотя и не исключительно, связанных с сакральной сферой жизни и религиозными традициями православного славянства... «язык православного славянства» не являлся ни чуждым, ни препятствующим естественному развитию литературных норм вне сферы библейской литературы языком. Литургический церковнославянский язык представлял собой высший образец. Пользователи этого сакрального языка были заняты проблемой чистоты этого образца, но они никогда не отождествляли его с небиблейскими текс-

тами... В каждом регионе, где проживали православные славяне, «язык православного славянства» использовался не как «второй язык», но как система межславянских норм, или «изонорм», благодаря которым письменные тексты могли свободно циркулировать среди читателей с разными языковыми базами... Та граница, до которой писец мог вводить в текст местные диалектные формы, определялась аудиторией, к которой он обращался... Если бы «разделение» (церковнославянского.–*Л.Л.*), которому его пытаются подвергнуть, было законным, тексты на церковнославянском не могли бы иметь хождение по всей Slavia orthodoxa вплоть до XVIII в.» [15, с. 363, 401-402, 411].

[7] Весьма показательно в этом смысле, к примеру, издание произведения Максима Смотрицкого: Threnos, to iest lament jedynej... Wschodniez Cerkwie z objaśnieniem dogmat wiary. **Pierwiej z greckiego na słowieński**, a teraz **z słowieńskiego na polski** przełożony przez T. Orthologa. – Wilno, 1610. Правда, греческий и «словенский» варианты этого произведения пока не найдены.

[8] Имеем в виду постоянное, планомерное, хотя и разной интенсивности в разные эпохи, уничтожение православной, в том числе книжно-письменной, культуры в ВКЛ, свидетельства чему находим, например, в Послании митрополита Киприана преподобным Сергию и Феодору 1378 г. («…в Литвѣ … **мѣста церковная, запустошена давными лѣты**… Новый Городок литовсьский давно отпал… В Велыньской же земли тако же: колько лѣт стояла Володимерьская епископиа безъ владыки, запустошала… Будѣ вам свѣдомо, что **брату нашему** [Алексию-митрополиту] **не волно было сласти ни в Велыньскую землю…** Святительскым недозиранием которыйждо владыко, не блюдася, по своей воли ходил как хотѣл. А попове и черньци и вси христиане – как животина бес пастуха» [17, с. 438, 440]); в «Перестороге» 1606(?) г. («В самом Кракове корунном и в костелах римских **книг словенских** (читай церковнославянских, то есть православных.–*Л.Л.*) **великими склепами знайдешь замкненых**, которых въ свет не выпустят; также есть во Львове у мнихов-домиников склеп великий книг наших словенских учителных до купы възнесенных» [14, с. 204.]) и др. Целенаправленное уничтожение «словенских книг» в ВКЛ, думается, и стало причиной того, что традиция почитания святых, особенно раннесредневековых, на западнорусских землях была прервана. Следовательно, сохранившиеся житийные сборники «белорусского» происхождения не могут адекватно отражать реальное почитание православных святых в ВКЛ и Речи Посполитой.

Литература

1. Анталогія даўняй беларускай літаратуры: XI – першая палова XVIII стагоддзя / НАН Беларусі, Ін-т літ. імя Я. Купалы; падрыхт.: А.І. Богдан і інш; навук. рэд. В.А. Чамярыцкі. – Мінск: Бел. навука, 2003.
2. Белоруссия в печати XVII столетия. Библиогр. указ. на иностр. яз. Сост. М.А. Василевская. – Минск, 1985. – 84 с. – В надзаг.: Гос. б-ка им. В.И. Ленина.
3. Гісторыя беларускай дакастрычніцкай літаратуры: у 2-х т./ Рэд.кал.: В.В.Барысенка і інш. Т.1: З старажытных часоў да к.XVIII ст. – Мн.: Навука і тэхніка, 1968.
4. *Гудзий Н.К.* Переводы «Żywotów Świętych» Петра Скарги в юго-западной Руси // Университетские известия. – № 9-10. – Киев, 1917. – С. 1-135.
5. *Дабравольская І.* Жыційны ідэал у «Жыціі Еўфрасінні Полацкай» і «Жыціі саввы Сербскага» // Праваслаўе. – № 11. – 2002.
6. Западнобелорусское письменное наследие XVII-XX вв.: (экспедиц. исслед. 2000-2002 гг.) / Ю. А. Лабынцев, Л. Л. Щавинская; Рос. акад., Ин-т славяноведения, Нац. б-ка Беларуси. – Минск : Нац. библиотека Беларуси, 2004. – 328 с.
7. Кніга Беларуси. 1517-1917. Зводны каталог. – Мінск: Беларуская савецкая энциклапедыя, 1986.
8. *Крычко В.П.* Інтэграцыя жанравых форм агіяграфіі і аратарскай прозы ў «Жыціі Аўраамія Смаленскага» // Працы кафедры гісторыі беларускае літаратуры Белдзяржуніверсітэта: Навуковы зборнік. – Вып. 5. – Мн.: ВТАА «Права і эканоміка», 2004. – С.21-27.
9. Культуралогія: Энцыклапедычны даведнік / Уклад. Э. Дубянецкі. – Менск: Беларуская Энцыклапедыя, 2003. – 384 с.
10. *Левшун Л.В.* Категория жанра в средневековой восточнославянской книжности: жанр и канон // Древняя Русь: вопросы медиевистики. – № 4(26) – М., 2006. – С.,101-113.
11. *Мельнікаў А.А.* З неапублікаванай спадчыны. – Мн.: Четыре четверти, 2005.
12. Мова беларускай пісьменнасці XIV-XVIII стст. / А.М Булыка, А.І. Жураўскі, І.І Крамко, І.М Свяжынскі. – Мн.: Навука і тэхніка, 1988.
13. *Новоселов А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.* Пути развития феодализма. – М., 1972.
14. Перестόрога // Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные археографической комиссией. Т. IV. № 149. – Спб., 1851.

15. *Пиккио Р.* Slavia orthodoxa: Литература и язык / Отв. ред. Н.Н. Запольская, В.В Калугин; предисл. В.В Калугина. – Москва: Знак, 2003. – (Studia Philologica).
16. *Полонский Д.Г.* Влияние Петра Скарги на православную традицию жития римского папы Льва Великого // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». – 2018. – № 4. – С. 24-30.
17. Послание митрополита Киприана игуменам Сергию и Федору // Памятники литературы Древней Руси: XI – начало XII века / Вступит. статья Д.С. Лихачева; сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева. – Москва: Худ. лит., 1981. – С. 430–443.
18. Рэлігійнае пісьменства кірылічнай традыцыі XI–XV стст. / Нац. акад. навук Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ., філ. «Ін-т мовы і літ. імя Якуба Коласа і Янкі Купалы»; уклад., прадм., камент., указ.-давед. ім. Л. В. Ляўшун. – Мінск : Беларус. навука, 2013. – 719 с. – (Помнікі даўняга пісьменства Беларусі).
19. *Саверчанка І.* В. Мастацкія дыскурсы ў старажытнай шматмоўнай літаратуры Беларусі // Мовазнаўства. Літаратура. Культуралогія. Фалькларыстыка: XIII Міжнар. з’езд славістаў (Любляна, 2003): дакл. беларус. дэлегацыі / Нац. акад. навук Беларусі, Беларус. кам. Славістаў. —Мінск, 2003. – С. 354-371.
20. *Сапожникова Г.Н.* Кириллические переводы “Житий святых” Петра Скарги: археографический обзор рукописных источников и публикаций текстов // Slavistica vilnensis. – 2018. – № 63. – С. 365-376.
21. *Тварановіч Г.П.* Беларуская літаратура: паўднёваславянскі кантэкст: (Адзінства генезісу, тыпаў літаратур і характар узаемасувязей). – Мн.: Беларуская навука, 1996.
22. *Трещенок Я. И.* История Беларуси: В 2-х чч. Ч. 1. Досоветский период: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 2-е изд. – Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2004.
23. *Ярмоленка Э.В.* Пролажнае “Жыціе Еўфрасінні Полацкай” (БАН Літ., Пролаг, сакавік–май, F. 19–98): структура і моўныя асаблівасці // Матэр. ІІІ Міжнар. навук. канф. “Сімяон Полацкі: светапогляд, грамадска-палітычная і літаратурная дзейнасць (да 380-годдзя з дня нараджэння). – Полацк, 2010. – с. 217–222.

А.А. Шайкин

доктор филологических наук,
профессор кафедры истории
русской литературы XI – XIX веков
Орловского государственного университета
имени И. С. Тургенева
г. Орел (Россия)
E-mail: ashaikin@yandex.ru

Два Авраамия и два Ефрема: Житие Авраамия Смоленского и Житие Аврамия Затворника

Аннотация. В статье рассматриваются связи Жития Авраамия Смоленского с Житием Аврамия Затворника. Общие места в рассматриваемых житиях предопределены, во-первых, сознательным выбором смоленским иноком тезоименного святого, во-вторых, непосредственной ориентацией агиографа Ефрема смоленского на текст Ефрема Сирина, в-третьих, топосным характером ситуаций житий святых и форм их изображения. Однако разновекторные направленности в реализации своих путей к Богу – уединенного, келейного у Аврамия Затворника, и – открытого пастве, прихожанам у Авраамия Смоленского, предопределило то, что очевидных совпадений оказалось не так много, как можно было бы предполагать.

Ключевые слова: житие, святой, топос, гонения, бесы, спасение.

Aleksandr A. Shaykin

Doctor of Philology, Professor
Department of History of Russian Literature
of XI – XIXth Centuries
Turgenev Orel State University
Orel (Russia)
E-mail: ashaikin@yandex.ru

Two Abrahams and two Ephrems: Life of Abraham of Smolensk and Life of Abraham the Anchorite

Abstract. The article discusses the connection of the Life of Abraham of Smolensk with the Life of Abraham recluse of the Kiev Caves. Common places in the lives under consideration are predetermined, firstly, by the conscious choice of the Smolensk

monk of his cognominal saint; secondly, by the direct orientation of the hagiographer Ephrem of Smolensk to the text of Ephrem the Syrian; thirdly, by the topos nature of the situations of the lives of the saints and the forms of their depiction. However, different directions in the implementation of their paths to the God – the solitary, secretive path of Abraham Recluse and the path of Abraham of Smolensk, which is open to people, to parishioners – determined that there were not so many obvious coincidences as might be expected.

Keywords: life, saint, topos, persecution, demons, salvation.

Связь смоленского жития [2] с сирийским [3] реализуется разнонаправлено и многократно: общностью имен героев, общностью имен авторов, а сверх того характером взаимоотношений авторов и героев: Ефрем Сирин был другом Аврамия (1) Затворника, и соучаствовал в его делах, Ефрем смоленский был учеником Авраамия Смоленского и, можно полагать, его помощником.

Житие тезоименного патрона входило в круг чтения Авраамия Смоленского: «изъ всѣхъ любя часто почитати учение преподобнаго Ефрѣма» (2), и это было не просто чтение, а стремление «како бы ихъ житиа и труды, и подвигъ въсприяти» [2, с. 34]. По мнению Г. П. Федотова, «св. Ефрем, а не Савва был духовным предком смоленского Авраамия» [10, с. 83] Сознательно выбирая имя Авраамия (3) – «имя нареклъ себѣ, своего святьца подражая» [2 с. 46] – смоленский монах должен был и свою судьбу выстраивать соответственно судьбе «святьца»: «яко же бо и онъ, подражая, много пострадалъ» [2 с. 46]. В статье выясняется, в какой мере и как именно Житие Авраамия Смоленского ориентировано на текст Ефрема Сирина.

Начинает свой труд Ефрем Смоленский с библейского всемирно-исторического вступления, следуя в этом, скорее, Нестору (4), нежели Сирину, и молитвой, обращенной к Иисусу Христу. Здесь же косвенно выясняется, что Ефрем – инок монастыря, в котором игуменствовал блаженный Авраамий; самое начало «письма» Ефрема сопряжено с празднованием-поминанием дня успения блаженного [2, с. 30]. Сходно с Нестором Ефрем мотивирует необходимость составления жития: никем не написано. Несторовыми же словами формулируется и цель писания: «да и по насъ сущии черноризци», узнав о подвигах святого, на свой подвиг укрепятся, вдохновляясь тем, что «въ странѣ сей … такъ мужь явися, угодникъ Божий» [2, с. 30-32] (5). Ефрем Сирин не эксплицирует такой далеко идущей заботы, а в качестве мотивировки «письма» выставля-

ет собственное желание: «Хощу вамъ повѣдати житіе добро и совершено мужа дивна и совершена…» [3, стлб. 1996]. Нет у Сирина и мотива «отверзения уст», значимого для русских агиографов; смоленским автором молитва об этом (6) обращена даже не к Иисусу Христу, а к Отцу: «Отче Господа нашего Исуса Христа…» [2, с. 32].

Ефрем Сирин во вступительной части размещает не только самоуничижительные сомнения в своих способностях («житіе добро и совершено мужа сего; азъ же немощенъ и грубъ» [3, стлб. 1996], но и констатирует несоответствие наличных изобразительных возможностей его объекту: «образъ дѣтели его свѣтелъ и дивенъ; шарови (краски) же мои худи и темни» [3, стлб. 1996] (7). Ефрем Смоленский самоуничижение небывалой интенсивности переносит в финальную часть своего текста. Таким образом, в начальной части жития Ефрем Смоленский ближе к Нестору, а не к Ефрему Сирину.

Фабульный рассказ о святом обычно начинается с сообщений о родителях. Сирин краток в сведениях о них: родители Аврамия богаты, дали сыну хорошее образование, надеясь на карьеру чиновника для него. Русский агиограф подробнее: пользуясь клишированными формулами, Ефрем сообщает, что родители Авраамия живут «въ законѣ Господни», благочестивы, отец – известный человек, «отъ князя честь приемля», прилежен в молитвах; мать благочестием украшена. Появляются подробности, которые, может быть, тоже надо отнести к «формульным», но, учитывая личные связи автора и героя повествования, нельзя исключать и исторической конкретности: у родителей Авраамия было 12 дочерей, но не было сына, о котором они молили Бога, приносили обеты и жертвовали на монастыри и церкви и, наконец, «послуша ею Богъ и дасть има отроча» [2, с. 32]. По мнению автора, благодать Божья посетила младенца еще в утробе и освятила его, как некогда Божьей благодатью был отмечен в материнской утробе ветхозаветной Анны ее сын, будущий пророк Самуил. Ефрем Сирин сразу называет того, чье имя получил его герой: «подобало сказати вамъ доволно о вторѣмъ Авраамѣ семъ» [3, стлб. 1996]. Однако через своего «святца» и смоленский Авраамий тоже может быть возведен к ветхозаветному Аврааму – он их общий прототип.

Аскетичный автор Ефрем Сирин держится голой фабулы, смоленский же Ефрем ценит сопутствующие обстоятельства: рождению героя предшествует замечательный нарратив о сне некоей инокини, в котором сама Богородица присутствует при родах Авраамия и облачает младенца в одежду белее снега. Когда инокиня рассказала об этом сне Марии –

только здесь выясняется, как звали мать Авраамия – носившая младенца отметила: «В тотъ часъ отроча оживе въ утробѣ моей» – [2, с. 32].

Важное в русской православной традиции событие восьмого дня – крещение и наречение имени младенцу – у Ефрема Сирина отсутствует. В изложении обязательного топоса обучения книжного тексты обоих житий достаточно близки: Аврамий сирийский «божественыхъ писаній сладко послушаше и поучашеся в нихъ» [3, стлб. 1997], смоленский же ребенок божественные книги «скорымъ прилежаниемъ извыче» [2, с. 32]. Общность здесь, скорее всего, топосного характера.

По выходе из отроческого возраста перед героем жития возникает проблема конфликтного характера: родители стремятся женить своего сына, а герой так или иначе должен избежать ненужного ему брака. Из уважения к своим родителям Аврамий сирийский соглашается на брак, но на седьмой день, когда он с невестой (т. е. как бы еще не женой) сидел на брачном ложе, «внезапу же, яко свѣтъ, въ сердци его восія благодать», и жених «искочивъ же из дому» и, направляемый благодатным сиянием, «изыде изъ града» [3, стлб. 1997]. Так начинается самостоятельная деятельность героя Ефрема Сирина. В двух поприщах от города Аврамий обретает одинокую келью, через 17 дней родители сумели разыскать его, но вернуть к жизни в семье не смогли. Более того, Аврамий просит не слишком часто навещать его. Вскоре затворничество и аскетизм Аврамия приобретают известность, люди устремляются к его келье в надежде получить пользу от его премудрости и разумения [3, стлб. 1998]. Смоленский тезоименный оказался категоричнее: «Родителема же его къ браку принужающимъ, но тъй самъ не въсхотѣ…»; более того, он и родителей едва не определил в «мнишескый чинъ» [2, с. 34].

После брачных коллизий в обоих житиях следуют сообщения о кончинах родителей и о раздаче доставшегося в наследство имения. В этих сообщениях нет клишированности. Родители Аврамия еще 10 лет до своей кончины навещали своего сына-отшельника в его келье; родители же Авраамия, видимо, вскоре после неудачной попытки женить сына отходят от «житиа сего къ Богу» [2, с. 34]. Оригинален смоленский автор в констатации чувства радости-облегчения, охватившего героя в связи со смертью родителей: «онъ же повелику обрадовася и дасть Богу славу, тако изволшему» [2, с. 34]. По всей вероятности, Ефрем Смоленский, как и его герой, исходили в этом из евангельских императивов: Иисус Христос на вопрос апостола Петра «вот, мы оставили всё и последовали

за Тобою; что же будет нам?» ответил: «Всякий, кто оставит дом, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную» (Мф 19: 29). И даже более того: «Если кто приходит ко Мне, и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть моим учеником» (Лк 14: 26). Так что «радость» смоленского Авраамия в связи с кончиной родителей вполне евангельского толка. Можно отметить, что и сирийский Аврамий просит родителей не часто посещать его.

Оба героя спешат расстаться с полученным по наследству «имением»: Аврамий Затворник просит своего «искреннего друга» раздать наследство «нищимъ и сирымъ», Авраамий Смоленский сам «убогымъ раздаде, вдовицамъ и сиротамъ». Мотивация в том и в другом случае сходная: «дабы не оставилъ молитвы» [3, стлб. 1998], чтобы «всѣхъ земныхъ отъити и наставити мысль свою къ Богу» [2, с. 34].

И тот, и другой облачаются в «худые ризы»: один «ничьсоже не стяжа на земли, токмо ризу едину и стихарь власянъ и опаницю (миску), в ней же вкушаше, и рогозину, на нейже почиавааше» [3, стлб. 1998]; второй «измѣнися свѣтлыхъ ризъ и в худыя ся облече, и хожааше яко единъ отъ нищихъ» [2, с. 34]. Порыв смоленского тезоименного оказался глубже: «на уродство ся преложь, и расмотряя, и прося, и моляся Богу, како бы спастися» [2, с. 34].

Аврамий Затворник после побега от невесты утвердился в одинокой келье недалеко от города; смоленский юноша также тайно покинул родительское жилище и принял постриг в загородном монастыре святой Богородицы в местечке Селище. Не преминул автор указать, что этот монастырь находился «къ въстоку» (вероятно, от Смоленска, но восток – сакральная сторона света). В плане повествования одинокая келья Затворника может быть тождественной первому монастырю Авраамия.

Авраамий Смоленский имеет возможность опираться на безусловные авторитеты начальной монашеской традиции – Антония, Илариона, Евфимия, Саввы, Феодосия (III – V вв.), о подвигах которых он мог читать в трудах Ефрема Сирина (названного первым в числе его любимых авторов), Иоанна Златоуста, Кирилла Скифопольского, обращался Авраамий и к возникающей отечественной гомилетике – словам и поучениям Феодосия Печерского[2, с. 34]. Герой Ефрема Сирина, как, впрочем, и автор его жития, в значительной мере сами были зачинателями этой традиции: указаний на круг их чтения, на авторитеты в ЖАЗ нет;

Аврамий сирийский, по всей вероятности, обходился текстами Священного писания.

Недолго обоим героям довелось в одиночестве «спасаться» от мирской жизни: того и другого принуждают принять священнический сан. Недалеко от того места, где спасался Аврамий, находилось селение, жители которого пребывали в язычестве, и ни один из прежде направляемых туда священников не сумел там удержаться. У епископа возникла мысль отправить в это селение Аврамия, уже прославившегося своей затворнической аскезой. Епископу пришлось выдержать напряженный диалог с Аврамием, не желающим брать на себя такую миссию, и лишь укоризна в отсутствии «послушания» заставила Аврамия принять поручение [3, стлб. 1999-2000]. Смоленского Авраамия игумен также «принуди … прияти священическый санъ» [2, с. 36]. Для осуществления священнической миссии сирийскому Аврамию пришлось возвести храм, привлекавший своей украшенностью жителей селения; украшал свои храмы и смоленский Авраамий.

В характеристике пастырского служения Авраамия Ефрем смоленский, возможно, прибегает к заимствованию из Жития Аврамия Затворника. Ефрем говорит, что божественную литургию Авраамий проводил «съ всяцѣмъ тщаниемъ» и «не единого же дне не остави … и до самое смерти, и не оставившаго церковная правила» [2, с. 36]. Примерно то же самое Ефрем Сирин говорил о службах, проводимых его героем: «Вся же лѣта чернечества его не измѣни правила своего. Пятьдесятъ чернечествова лѣтъ со всяцѣмъм прилежаніемъ» [3, стлб. 1999].

Для обоих героев пастырское служение сопряжено с тяжелыми испытаниями – поношениями и гонениями. Содержание этих испытаний различно: сирийского Аврамия истязают язычники, не принимая поначалу христианского учения; смоленского же Авраамия третируют собратья по вере, в том числе и игумен, побудивший Авраамия принять духовный сан. Вспоминая это время, герой вздыхает: «Быхъ 5 лѣтъ искушениа терьпя, поносимъ, бесчествуемъ, яко злодѣй» [2, с. 36]. Разумеется, инициатором этих искушений в том и другом случае был «диаволъ», теснимый святыми. Правда, Ефрем Сирин упоминает об этом задним числом: «Видѣвъ же се убо сатана, (…) яко в селикахъ скорьехъ, яже нанесе ему въ веси, не возможе его прогнати, ни во уныніе возложити, ни мысли его оставити отъ Бога…», начал допекать Аврамия, вернувшегося в свою келью [3, стлб. 2006]. Об участии нечистого в изгнании смоленского Авраамия из монастыря в Селище автор говорит без обиняков: дьявол

захотел «прогнати» Авраамия и преуспел в этом: «яко же и бысть» [2, с. 38]. Получается, что, самовольно покидая монастырь, святой уступил дьяволу, и не в этом ли настоящая причина дальнейших бед, обрушившихся на Авраамия?

Аврамий Затворник тоже покидает свою церковь после года служения в качестве священника (до этого он три года терпел мучения от язычников); решается он на этот шаг, лишь убедившись в твердости обретенной веры жителей селения; решается, «убоявся, еда како понужденъ будетъ на раздрушеніе чернеческого правила, да никакой же вещи привязанъ будетъ умъ его…» [3, стлб. 2004]. Но и он не безусловно уверен в правильности своего шага, в молитве просит Господа: «не вмѣни сего въ грѣхъ; ты бо провѣси, вся свѣдый, яко тя люблю и тебе гоню (к Тебе стремлюсь)» [3, стлб. 2005]. Он хочет безраздельно посвятить себя Господу, так что и священническая служба для него – отвлечение от этой цели.

Перед смоленским автором трудная задача: объяснить-оправдать самовольный уход Авраамия из монастыря в Селище. Ефрем цитирует Евангелие, говорящее, что не следует светильнику во тьме сиять (Мф 5, 14 – 15), ссылается на случай с Иоанном Златоустом, ушедшем было в «пустыню», но из-за недуга, охватившего его по Божьему промыслу, вынужденного вернуться в город – дабы успешнее поучать людей. Ефрем хочет сказать, что священнический талант Авраамия пропадает в далеком Селище, поэтому ему, как и Златоусту, надо оказаться в городе, чтобы больше людей могло спастись его проповедями. Уравнивая Иоанна Златоуста и Авраамия, Ефрем не замечает противоречия: возвращение Златоуста в город сопряжено с Господней волей: «Оттолѣ выйде въ градъ, уча и наказуя на страхъ Господень» [2, с. 38], а выход из монастыря его героя в повествовании самого Ефрема сопрягается с иным инициатором: «И сице же и сему бысть отъ дияволя наученіа…» [2, с. 36]. Ни цитата Евангелия, ни ссылка на высокий авторитет не избавляют Ефрема от упоминания дьявола. Конечно, дьявол напал не на самого Авраамия, а на иереев и иноков того же монастыря, которые восстали на Авраамия, но тем не менее его уход – провокация нечистого. Позже, когда тучи сгустятся над Авраамием и на новом месте, Ефрем скажет: «яко же бо сотона отъ прѣжняго монастыря отгна, сице и нынѣ сътвори» [2, с. 42].

В Смоленске Авраамий нашел пристанище в монастыре Честного Креста. Хотя Авраамий недолго пробыл в этом монастыре, его деятельность здесь была весьма успешной: люди шли слушать его проповеди

и толкования Священного писания, приносили ему дары многие, которые он тотчас раздавал; Авраамий украсил церковь монастырскую [2, с. 38]. В это же время Авраамий написал две иконы, «едину Страшный судъ втораго пришествиа, а другую испытание въздушныхъ мытарьствъ». Ефрем свидетельствует о завороженности Авраамия темой Страшного суда: «И сего убо не престааше Страшнаго поминая суда, испытаниа бояся, и не прѣстая прилѣжно Бога моля и в нощь, и въ день, и къ всѣмъ приходящимъ оного страшнаго дне не престая о томъ глаголя» [2, с. 40]. Может быть, это и раздражало смоленское духовенство, ибо и они должны были пройти горнило Страшного суда. В разработке этого мотива Ефрем, конечно, исходит из реальных обстоятельств деятельности его героя, но нельзя не отметить, что и Аврамий Затворник был увлечен темой Страшного суда: «по вся дни чтяше имъ (жителям селения. – А. Ш.) божіа книгы, уча я и глаголя, яже о Царствіи Небеснѣмъ и яже о раи и о *родьствѣ огненомъ* и о правде, и о вѣрѣ и о любьви» (курсив наш. – А. Ш.). Эти проповеди производили на жителей селения сильное впечатление: «умъ ихъ плѣненъ ученіемъ его бысть» [3, стлб. 2004].

Сатана, не удовлетворяясь изгнанием святого из монастыря Богородицы в Селище, преследует Авраамия в монастыре Честного Креста. Нечистый является днем и ночью, прокатывается огнем, не давая спать не только Авраамию, но иным монахам; является в виде льва, или великана-воина ростом до потолка, секущего и избивающего; порой сбрасывает Авраамия с его ложа [2, с. 42]. Сходным образом сатана допекал Аврамия Затворника: когда блаженный молился ночью, сатана, держа топор, ломал келью его и, прорубив ее, кричал сильным голосом: «потьщитеся, друзи мои, потьщитеся! Скоро шедше, удавити и!» [3, стлб. 2007]. Как и позже у Авраамия, сатана являлся его патрону огнем под ногами, блистанием ослепительным. Сирийский сатана, пожалуй, изощреннее смоленского: он прикидывался господом богом и искусными словами пытался совратить Аврамия. Но блаженный распознавал лесть лукавого и именем настоящего Господа прогонял наваждение [3, стлб. 2006-2007].

Перекличку текстов житий можно увидеть в некоторых сценах преследования подвижников. Авраамия Смоленского, как злодея, волокут по улицам города на судилище; на улицах полно народу, люди вовсе не сочувствуют святому: «овии ругахуся ему, инии же насмихаахуся ему и бесчинная словеса кыдающе». От себя автор замечает: «бѣ позоръ тяжекъ видѣти» [2, с. 42-44]. Нечто сходное происходило и с сирийским Аврамием в начале его священнического служения. Когда Аврамий,

выстроив церковь, разорил языческое капище, сельчане, «яко звѣріе дивии, устремишася нань и, бьющее и [изгнаша] вонъ из веси» [3, стлб. 2001]; святой возвращается на место и «с плачемъ и воплемъ моляше Бога, да быша спаслися» [3, стлб. 2001] (молитву о прощении хулящих его смолян возносит и Авраамий, влекомый по улицам города: «Господи, не постави имъ грѣха сего…» [2, с. 44]. В последующие дни жители селения вязали своего наставника, «яко каменя бездушна» [3, стлб. 2001], и, избивая, волокли по улицам за околицу, но Аврамий, не помня зла, продолжал свой пастырский подвиг. Сопоставлением страдания своего героя с мучениями сирийского предшественника Ефрем смоленский объясняет выбор имени его героем: «Сего же ради блаженый имя нареклъ себѣ, своего святьца подражая, яко же бо и онъ, подражая, много пострадалъ отъ оноя веси и за ня моляся Богу обращая вся къ Богу и спасая, блаженый же терпя ихъ запрещение» [2, с. 46]. Так эксплицируются прямые связи между героями и текстами о них. Но, будучи сходны в перенесенных «страданиях», преподобные различались в направленности своих устремлений: сирийский Аврамий стремился к «затвору», к одиночной келье, смоленский Авраамий – к пастве, к проповеди.

В обнаружении прямых связей следует проявлять осторожность. Так, в молитве о дожде Авраамий произносит: «…и приими милостиве всѣхъ въздыхание и *съ слезами* молящих ти ся, и пусти, и одожди…» [2, с. 50; здесь и далее курсив выражения «со слезами» наш – А. Ш]. В. А. Москалевой представляется, что это особо важный случай: «это слова самого святого, цитирование им ЖАЗ» [6]. Действительно, в Житии Аврамия Затворника находим фразу: «о коемъ грѣшницѣ нечестивѣ слышавъ (Аврамий. – А. Ш.), *со слезами* помолися Богови, дабы спасенъ былъ?» [3, стлб. 2009]. Но если для провозглашения факта прямого цитирования достаточно общего выражения «со слезами», то придется признать, что Житие Аврамия Затворника цитирует не только Авраамий Смоленский, но и епископ Игнатий, причем всего несколькими строками выше, и тоже в молитве о дожде: «с великымъ умилениемъ, и *съ слезами* помиловати люди своя, и послати милость свою на землю» [2, с. 50]. Полагаем, что в этом случае перед нами простое клише, бытующее в агиографической традиции. Это же выражение находим и в авторской речи Ефрема: «И сице утверди вся *съ слезами* многами сихъ не забывати николи же…» [2, с. 56].

Дальнейшие обстоятельства жизни Авраамия Смоленского не коррелируют с обстоятельствами Аврамия сирийского, в частности, нет

аналога встроенному сюжету о племяннице Марии, важному в биографии Затворника. Однако отсутствие событийных связей, не отменяет связи некоторых мотивов-смыслов, хотя они и расположены чуть ли не на противоположных концах фабульных развитий: имеем в виду мотив осенения светом. Авраамий Смоленский в конце своего пастырского пути обретает, наконец, свой монастырь и свой храм. Когда он впервые входит во врата монастырские, «свѣтъ восия ему въ сердци отъ Бога и с радостью просвѣщая душю его и помыслъ» [2, с. 54]. У Аврамия Затворника подобное осенение светом произошло в начале его аскетического подвига, в драматической сцене преодоления вынужденного брака (мы уже кратко упоминали эту сцену): жених *сидит* на брачном ложе рядом с невестой, между ними, вероятно, еще не было супружеских отношений и (передаем слово Ефрему Сирину) «внезаапу же, яко свѣтъ, въ сердци его восія благодать, и искочивъ же из дому, образ наставу бысть свѣта оного (путеводительствуемый образом света. – А. Ш), его же въслѣдъ изшедъ, изыде из града поприщу двою вдалече и, обрѣтъ хлѣвину праздну и вшедъ, вселися в ню с радостію велію и веселіемъ сердца, славя Бога ту» [3, стлб. 1997] (8).

Есть любопытные инверсии. Авраамий Затворник, радуясь возвращению племянницы Марии к подвижнической жизни и видя ее покаяние и усердие, «славя Бога и величая его» [3, стлб. 2021] – *святой славит и величает Бога*. Ефрем смоленский, рассказывая о благополучном завершении деятельности Авраамия Смоленского в «доме святыя Богородица», говорит: «И оттолѣ прослави ѝ Господь болѣ…» [2, с. 54] – *Господь прославляет святого*.

Аврамий Затворник, выстроил на остаток средств, оставшихся от родителей, храм и украсил его так, что жители селения, язычники, приходили «видѣти доброту зданія и красоты ея» [3, стлб. 2001]. Авраамий Смоленский, обретя в конце жизни храм Богородицы, «украси ю яко невѣсту красну… иконами и завѣсами, и свѣщами; яко же и нынѣ есть видѣти и всѣмъ притекающимъ в домъ ея милости и заступлению, въ хвалу Богу и угодника его» [2, с. 54].

Сообщения о кончинах обоих святых довольно краткие: Аврамий Затворник, по свидетельству Ефрема Сирина, «успе же, сый лѣтъ 70, *чернечествова же лѣтъ 50*» [3, стлб. 2021]; об общем возрасте Авраамия Смоленского автор, к сожалению, не упоминает, но о сроке пасторского служения говорит сходным образом: «И пребысть блаженый Авраамий *подвизаяся лѣтъ 50*» [2, с. 56. Курсив в обоих цитатах наш. – А.Ш.].

Ефрем Сирин в соответствии с традицией сообщал, что проститься со святым «собрася мало не весь градъ» [3, стлб. 2022], люди стремились заполучить хотя бы кусочек от одежд святого, добытые частички чудесно исцеляли от любых хворей [3, стлб. 2022-2023 с примечаниями]. Сцену похорон Авраамия Смоленского у Ефрема заменяет сцена дня памяти успения святого. И умерших, и еще живущих Ефрем призывает радоваться и ликовать «въ святое успение богоноснаго отца Авраамиа!» [2, с. 62]. В этот день не скорбят, а радуются, ибо с этого момента начинается настоящее небесное бытие святого. Редуцирование предсмертных мотивов Ефремом Смоленским, видимо, можно объяснить тем, что его герой всю свою жизнь готовился к смертному часу: «Блаженый Аврамий часто собѣ поминая, како истяжуть душу пришедшеи аггели, и како испытание на въздусѣ отъ бѣсовьскыхъ мытаревъ, како есть стати прѣдъ Богомъ и отвѣтъ о всемъ въздати…» [2, с. 56]. Ему не требовались специфические действа накануне смерти, он готов был к ней всякий час.

В конце своих текстов оба автора размещают самоуничижительные пассажи. Чрезмерность, избыточность самоуничижений Ефрема Смоленского отмечалась исследователями (9), но надо сказать, что и в этом отношении образцом для него мог быть Ефрем Сирин. Первый строит самообличения на противопоставлении себя своему герою; Сирин тоже противопоставляет себя своим героям, святым отцам: они «отрѣшились совсѣм отъ земныхъ дѣлъ и любовію соединились съ Богомъ», тогда как он – «не приготованъ есмь и не прилѣженъ к подвигомъ» [3, стлб. 2023 и прим. 5 и 6 на этой же странице]. Примерно о том же говорит и смоленский Ефрем: «Азъ же грѣшный и недостойный Ефрѣмъ и в лѣности мнозѣ пребывая, и в послѣдний всѣхъ, и празденъ, и пустъ бывъ…» [2, с. 58]. Ефрем Сирин скорбит, что застигла его «зима бесконечная», а он «нагъ есмь и не готовъ житіемъ». Более всего Сирин сокрушается о собственной непоследовательности: «дивлю же ся, любимици, како по вся дни согрѣшаю и по вся дни каюся, заутра же глумлюся». Эту тему монах-агиограф детализирует: «въ один часъ строю, въ другой разрушаю; вечеромъ говорю: завтра покаюсь; а когда настанетъ утро, мною овладѣваетъ лѣность, я отступаю назадъ и теряю день», в поддень откладываю на ночь, но «приспѣвъши же нощи, сномъ одерьжимъ есмь» [3, стлб. 2023 и прим. 8 на этой же странице]. И нет сил преодолеть это бесполезное существование: «Господь мой приближился есть во ществіе, и се трепещеть сердце мое, и плачюся дни лѣности моея, не имы, что отвѣщати ему» [3, стлб. 2024] (10). Смоленский агиограф самобичевания строит

как вереницу оппозиций, в которых низменным качествам автора противостоят христианские совершенства его героя: «онъ умиленый плачася, азъ же веселяся и глумляся»; «онъ иже на молитву и почитаниа Божественыхъ книгъ…, азъ же на дремание и на сонъ многъ»; «онъ еже трудитися и бдѣти, азъ празденъ ходити и в лѣности мнозѣ» и т. д. Присутствуют в оппозициях и темы, особо значимые для Авраамия: «онъ же страшный судный день Божий поминая, азъ же трапезы велиа и пиры»; «онъ паметь смертную и разлучение души отъ телеси, испытание въздушныхъ мытаревъ, азъ же бубны и сопѣли, и плясаниа». Самобичевания начинаются раньше того, как они приобрели форму оппозиций. Ефрем признается, что он вовсе не следовал «терпѣнию, смирению, любви и молитвѣ» святого, но «по вся дни пианъ и веселяся, и глумяся в неподобныхъ дѣлехъ, иже въ правду быхъ празденъ» [2, с. 58]. Структурно оформленных оппозиций насчитывается 14, они охватывают наиболее значимые аспекты монашеских нравов, идеологии и быта.

Чрезмерность самообличений в этих оппозициях имеет, на наш взгляд, риторический характер: приемом контраста Ефрем надеется оттенить совершенства героя. Вряд ли монах Ефрем был таким гулякой-пьяницей, лентяем, болтуном, пустословом, гордецом, щеголем, лежебоком, неженкой, оскорбителем нищих и т. п. – ему нужно показать совершенства своего героя и потому он решительно жертвует собственной персоной. Как прием рассматривали эти самообличения, по всей вероятности, и в средние века – об этом свидетельствует причисление Ефрема к лику святых, автор и герой образовали как бы святую пару, они и на иконах могли изображаться вместе (11).

Оба агиографа завершают свои тексты молитвенным обращением к небесным силам. У Ефрема Сирина это обращение к Святой Троице, Ефрем Смоленский обращается к Христу, но через посредство Богородицы: «испроси, пресвятая и приснодѣво Богородице Марие, Сына своего и Бога нашего…» [2, с. 60]. Вообще, стоит отметить усиленное обращение Ефрема Смоленского к пресвятой деве Марии, его, видимо, можно считать одним из зачинателей богородичного культа в русской земле.

Подытоживая связи Жития Авраамия Смоленского с текстом Жития Аврамия Затворника, можно отметить, что очевидных ориентаций на текст Ефрема Сирина оказалось меньше, чем можно было предполагать, учитывая патрональность сирийского святого. Вступительные части своего текста, в том числе мотивировки своего «письма», Ефрем Смоленский строит, опираясь на жития Нестора. Многие «общие места»

в фабульной части текстов имеют, скорее, топосный, нежели цитатный, характер. Ефрем Смоленский как писатель свободнее Ефрема Сирина: там, где последний ограничится указанием на факт, первый может привлечь особый фабулат, освещающий смысл и обстоятельства факта, как например в истории рождения Авраамия. Различны у героев способы решения сходных проблем, например, в ситуациях преодоления браков. На общее они обречены самим типом своей святости: они спешат расстаться с оставленным от родителей «имением», стремятся в уединенной молитве и суровой аскезе посвятить себя Богу, духовное «начальство» побуждает того и другого принять священнический сан. Но в том, как они стали строить свои дальнейшие жизненные пути, намечаются существенные отличия. Аврамий Затворник после года успешного священства (которому предшествовали три года гонений), удаляется в свою келью, предпочитая спасаться в одиночестве (ситуация с племянницей Марией не нарушает его принципиального одиночества). Авраамий Смоленский только в начале своего пути обнаруживает тягу к уединенному спасению; впоследствии он увлечен проповеднической деятельностью, он открыт для людей, для множества. В этом состоит существенное отличие святых.

Оба пережили гонения, сходны физические формы преследований: того и другого влекут по улицам, понося и избивая. Сходством перенесенных страданий Ефрем Смоленский объясняет выбор имени своим героем: «Сего же ради блаженый имя нареклъ себѣ, своего святьца подражая, яко же бо и онъ, подражая, много пострадалъ отъ оноя веси…» [2, с. 46]. Но существо преследований разное: Аврамия Затворника преследуют язычники, Авраамия Смоленского – собратья по вере. И, может быть, в этом последнем случае не явную и не отрефлектированную автором роль играет «вина» Авраамия: он покинул монастырь в Селище, как бы уступая проискам нечистого.

Сближает обоих героев увлеченность темой Страшного суда.

Как и Аврамий Затворник, Смоленский Авраамий украшает храмы, в которых ему доводится служить.

В топосной борьбе с бесами, при наличии индивидуализирующих особенностей, есть и общие черты, в частности огненные явления бесовской силы: у Затворника это «нижний» огонь, блистающий под ногами, Авраамию и его сокелейникам бесовский огонь не дает спать. Божественные импульсы в обоих житиях открываются героям не в огненной форме, а в виде света, пронизывающего их изнутри.

Важнейшая житийная ситуация – кончина святого – в обоих житиях редуцирована. У Ефрема Сирина, хотя и кратко, топосное чудо присутствует: люди, заполучая фрагменты одежды святого, получают исцеления; смоленский агиограф сцену похорон заменяет сценой радостного дня памяти святого.

В финальных самоуничижениях чрезмерно усердствует Ефрем Смоленский, но самая форма противопоставления собственной малости и греховности святости и величию своих героев задана Ефремом Сирином. Окончательными завершениями произведений служат обращения агиографов к высшим силам: у Ефрема Сирина к Святой Троице, у Ефрема Смоленского к Христу, но не прямо, а как к сыну Пресвятой Богоматери.

Таким образом, общие места в рассматриваемых житиях предопределены, во-первых, сознательным выбором смоленским иноком тезоименного святого, во-вторых, непосредственной ориентацией Ефрема Смоленского на текст Ефрема Сирина, в-третьих, топосным характером ситуаций житий святых и форм их изображения. Однако разновекторные направленности в реализации своих путей к Богу – уединенного, келейного у Аврамия Затворника, и – открытого пастве, прихожанам у Авраамия Смоленского, предопределило то, что очевидных совпадений оказалось не так много, как можно было бы предполагать.

Примечания

(1) В переводах на современный русский имя сирийского святого пишется с одним «а», даем в тексте статьи такое написание для лучшего различения героев, в цитатах сохраняем удвоенное «а».

(2) Сборник Ефрема Сирина «Паренесис», включавший Житие Аврамия Затворника, был известен в Древней Руси с XI – XII вв. [1, с. 296-299].

(3) Крестильного имени своего героя Ефрем не называет. Н. Редков говорит, что младенца назвали Афанасий. [7, с. 68].

(4) Вступление Ефрема, по видимому, редуцирует вступление Нестора в Чтении о Борисе и Глебе [11].

(5) Ср. в Житии Феодосия: «…житие преподобнааго, не сущю же съписану ни отъ *кого* же… Да и по насъ сущеи чьрноризьци, *приимьше писание и почитающе ѝ, тако видяще мужа доблесть, въсхвалять Бога,* и въгодника его прославляюще, на прочия подвигы укрѣпляються, наипаче же яко и въ странѣ сей такъ сий мужь явися и угодникъ Божий». – [4, с. 352]

(6) «отвръзи устнѣ мои на исповѣдание устенъ твоихъ и чюдесъ, и на похваление святаго твоего угодника» – [2, с. 32].

(7) Сходное по структуре противопоставление Ефрем смоленский использует в финальном самообличении: «оного бо образъ свѣтелъ, и радостенъ, и похваленъ, образъ же мой теменъ и лукавъ, и мерзокъ, и безстуденъ» – [2, с. 58].

(8) Сравнительный анализ мотива «света» в Житии Авраамия Смоленского и Житии Аврамия Затворника см.: [6].

(9) Е. Л. Конявская замечает, что В. Н. Топоров толкует этот пассаж «исключительно как искреннее покаяние» [5, с. 112, сноска 7]. Действительно, у Топорова встречаются соображения, что пороки, о которых говорит Ефрем смоленский, относятся к его молодости, впоследствии же они был им преодолены. Вместе с тем исследователь ясно видит в этом пассаже «риторический прием “ухудшения с преувеличением”», указывает на «чрезмерность в выставлении напоказ своих пороков», более того готов усмотреть в самобичевании Ефрема «своего рода кокетство» [9, с. 116-117].

(10) О самоуничижениях Ефрема Сирина в иных его произведениях см.: [9, с. 166-167, сноска 63.]

(11) См. парную икону XVII в Авраамия и Ефрема в: [8, в начале текстов житий].

Литература

1. *Буланин Д.М.* «Паренесис» Ефрема Сирина // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I: (XI – первая половина XIV в.). Ответ. ред. Д.С. Лихачев. Л.: Наука. 1987.
2. Житие Авраамия Смоленского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. XIII век. СПб.: «Наука». 1997. С. 30 – 64.
3. Житие Аврамия Затворника («…сказаніе преподобнаго отца нашего Ефрѣма Сирина о житіи преподобнаго отца Авраамиіа затворника») // Великие минеи четьи, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Октябрь, вып. 6. День 29. СПб., 1880 (сканирование «Аксион эстин», 2009). Стлб. 1996-2024.
4. Житие Феодосия Печерского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. I. XI – XII века. СПб.: Наука, 1997.
5. *Конявская Е.Л.* К вопросу об особенностях «Жития Авраамия Смоленского» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2001 № 1 (3). С. 112.

6. *Москалева В.А.* (КГУ). О поучениях Ефрема Сирина в древнерусской книжности // Православный собеседник № 1 (11) – Казань, 2006, ч. 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.tat-t.ru/publishing/sobesednik/eleven/artiklesixteen/ (Дата обращения 06.09.2018).
7. *Редков Н.* Преподобный Авраамий Смоленский и его житие, составленное учеником его Ефремом. – Смоленская старина, 1909, вып. 1, ч. 1.
8. Розанов С.П. Жития преподобнаго Авраамия Смоленского и службы ему. – СПб., 1912 (репринт: Смоленск, 2014)
9. *Топоров В.Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. М.: Языки русской культуры, 1998. Т. 2. С. 116-120.
10. *Федотов Г.П.* Преподобный Авраамий Смоленский // Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М.: Московский рабочий, 1990.
11. *Шайкин А.А.* Тексты Нестора в Житии Авраамия Смоленского. – В печати.

О.В. Гладкова
доктор филологических наук, секретарь
Экспертный совет РОО ОИДР
Москва (Россия)
E-mail: olesya.gladkowa@yandex.ru

Тема монастыря в Повести от жития Петра и Февронии Муромских: символика и художественная реальность

Аннотация. Тема монастыря раскрывается в Повести в реальном и символическом планах: так, действительно существовавший монастырь Воздвижения Креста становится местом сакральным: здесь Петр переживает Теофанию и обретает «Агриков меч». Название монастыря указывает на прообразы Петра и Февронии – Константина и Елену, утвердивших Православное царство.
В неназванном монастыре осуществляются пострижение, монашеская жизнь и преставление супругов.
В финале Повести возникает своего рода оппозиция монастыря «вне града» церкви «внутри града»; общий гроб супругов в итоге помещается в городской церкви, что символически указывает на не прекращающееся со смертью совместное государственное служение княжеской четы.

Ключевые слова: монастырь, монашество, пострижение, царство, супруги, гроб.

Olesya V. Gladkova
DSc in Philology,
Secretary of the Expert Council,
Association of the History and Ancient works of Russia
Moscow (Russia)
E-mail: olesya.gladkowa@yandex.ru

The theme of the monastery in the Story of Peter and Fevronia of Murom: symbolism and artistic reality

Abstract. The theme of the monastery is revealed in the Story in real and symbolic terms: so, the really existing monastery of the exaltation of the cross becomes a sacred place: here Peter experiences Theophany and finds the “Agric Sword”. The name of the monastery indicates the prototypes of Peter and Fevronia – Constantine and Helen, who established the Orthodox Kingdom.

In the unnamed monastery, tonsure, monastic life and representation of spouses are carried out.
In the finale of the Story there is a kind of opposition monastery "outside the city" church "inside the city"; the common coffin of the spouses in the end is placed in the city church, which symbolically points to the continuing with the death of the joint public service of the princely couple.

Keywords: monastery, monasticism, tonsure, realm, a married couple, a coffin.

Культ святых благоверных супругов Петра и Февронии Муромских в последнее время приобрел широкую популярность, день их памяти (25 июня по ст. ст., 8 июля по нов. ст.) даже был объявлен федеральным праздником семьи, любви и верности. При этом не следует забывать, что Петр и Феврония, посвятившие себя редкой для Руси аскезе – супружеству во Христе[1], − на последнем этапе своей жизни приняли монашеский постриг и отошли к Богу хоть и в один день и час, но каждый в своем монастыре.

В житии[2] двух супругов, написанном монахом, это далеко не единственное упоминание о монастырских реалиях и символах.

В настоящей работе будет предпринята попытка анализа важнейшей темы Повести о Петре и Февронии Ермолая-Еразма[3] − темы монастыря, а также связанных с ней идеологем, аллюзий, традиций и т. д.

Впервые монастырь появляется уже в начальной части Повести − ее прообразовательном зачине [3, с. 275 и след.], рассказывающем о Павле, его жене, змее, поединке Петра со змеем и поиске врачей[4]. В этой части монастырь, реально существовавший, приобретает сакральное значение: именно там любивший уединяться «по церквам» Петр видит Божественного отрока и находит «Агриков меч», которым убивает змия[5]. Само наименование обители, посвящение ее празднику Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, несет особую символическую нагрузку: это указание на историческую параллель деяниям Петра и Февронии – духовный подвиг Константина и Елены, ставший олицетво-

[1] Понимаемому в символическом плане как союз Христа и Церкви [3, с. 362].

[2] Автор статьи считает Повесть житием, подробнее см. [2, с. 86-87].

[3] О символическом подтексте Повести автором статьи было написано несколько работ, см., например [2, с. 83-121]. Символика монастыря в Повести ранее никем специально не рассматривалась.

[4] Об авторском разделении Повести на части см. [4].

[5] О символическом истолковании эпизода подробнее см. [2, с. 94-99; 3, с. 364-367].

рением священной государственности [2, с. 96; 3, с. 362]. «Агриков меч» ассоциируется в Повести как с воздвигаемым Крестом, утверждающим царскую власть от Бога, так и с мечом Константина, побеждающим врагов богоизбранного царства [3, с. 366]. «Керемиды», в «скважне» между которыми был найден меч, могут указывать на «Керамидион», то есть на Спаса «Святое Чрепие» − особый тип изображения Спаса Нерукотворного [2, с. 95].

Предпоследняя житийная часть Повести, посвященная монашеству, преставлению и посмертным чудесам Петра и Февронии[1], начинается сложной ритмической конструкцией, в которой доминирует тема смерти и единого гроба [2, с. 116-117]:

Єгда же приспѣ блгочстное преставленїе ею.
оумолиша бга да во един час бѹдет преставленїе ею.
и совѣт сотворше да бѹдѹт положена оба вь едином гробѣ.
и повелѣша оучредити себѣ вь едином ка́мени два́ гро́ба.
еди́нѹ токмо преградѹ имѹщи межѹ собою.
Сами же вь едино вре́мѧ ѡблекоша с во мнишескїꙗ ри́зы[2].

Обычай принятия царствующей или знатной особой пострига перед смертью или незадолго до смерти пришел на Русь из Византии и известен, по крайней мере, с XII-XIII вв., а, может быть, и еще более раннего времени [1, с. 663-664; 11, с. 175]. Однако, как замечает Г.Г. Донской, «практика принимать монашеский постриг перед смертью хоть и имела широкое бытование, но всё же далеко не являлась всеобщей и обязательной» [6, с. 20]. Источники сообщают о принятии пострига как святыми, так и несвятыми [1, с. 663-664; 11, с. 175]. Правда, существовали и противники этого обычая, справедливо полагающие, что человек, в преддверии смерти принимающий постриг, часто не только никак не мог проявить себя в качестве инока, но даже сознательно участвовать в обряде пострижения [1, с. 665-668]. Одновременное пострижение супругов встречалось еще в византийской агиографии – житиях Галактиона и Епистимии, Марии и Ксенофонта и др. [5, с. 198], о пострижении в конце жизни родителей Сергия Радонежского Кирилле и Марии рассказывал Епифаний Премудрый: «постригостася въ мнишескый чинъ, отъидоша кыйждо ею въ своа времена въ монастыря своа» [10, с. 305].

---

[1] Так же выделенная графически Ермолаем-Еразмом [4, с. 76].

[2] Текст Повести цит. по нашему изданию памятника по принципу «знак в знак» [2, с. 232].

Ермолай-Еразм решает вопрос о постриге святых, как и многие другие вопросы, предельно деликатно [3, с. 371]: Петр и Феврония совместно принимают решение об уходе в монастырь, уже в новом качестве и под новыми именами проживают в иноческом облике еще какую-то часть своей жизни, при этом Евфросинья-Феврония даже успевает выполнить типично монашескую работу – вышивает, пусть и не до конца, воздуvх для храма [2, с. 117].

Приверженность муромской четы княжеским обычаям проявляется не только в принятии монашества в конце жизни, но и в выборе иноческих имен: так, имя «Евфросинья» указывает на знатных предшественниц Февронии среди женской половины Рюриковичей, у которых это имя давно стало «родовым» при постриге [11, с. 177], монашеское имя Петра «Давид» также вполне соответствует традиции имянаречения у Рюриковичей [11, с. 520-522, 524-531][1].

Вместе с тем, в Повести не уточняется, в каких именно обителях произошел уход от мира – в данном случае это неважно, поскольку значим только сам факт пострига и последующего иноческого служения. Знаменательно, что, будучи в монастыре, Феврония выполняет свою работу вовсе не для монастыря, а для церкви Пресвятой Богородицы[2]. Феврония вышивает воздуvх, символизирующий камень, которым была привалена могила-пещера Христа [2, с. 117]. Таким образом, является еще одна очевидная параллель, дополняющая сквозной образ-символ камня в Повести (Петр (камень) − основание Церкви Христовой − общий гроб святых, ложащийся в основу Церкви [3, с. 365] и, согласно Повести, Православного Царства), и одновременно снова подтверждается прозорливость Февронии-Евфросинии.

В действии святой заключен высший смысл – именно в церкви Богородицы и предопределено в конечном итоге покоиться в едином гробу супругам, что противоречит первоначальному желанию горожан похоронить их отдельно: Петра – в городе, в церкви Богородицы, а Февронию – за городом, в монастыре Воздвижения[3].

---

[1] Приведенные факты опять заставляют задуматься о существовании высокого заказчика у Ермолая-Еразма [2, с. 119-120 (прим.)].

[2] Символическая связь Февронии с Богоматерью вплоть до отождествления, проходит через всю Повесть [2, с. 100-103 и др.].

[3] О.А. Еремина полагает, что в эпизоде с неразумными горожанами проявилась «*близость взглядов Ермолая-Еразма к взглядам Матвея Башкина, Феодосия Косого и И. С. Пересветова» [7] (курсив автора. – О. Г.): «*Этим эпизодом Ермолай-

В заключительных частях Повести неизменно подчеркивается стремление супругов все совершать совместно, не разлучаться и после смерти. В их единстве проявляется сила супружеской верности и непоколебимое единство Христа и Церкви. Однако в Повести рисуется не только идеал супружеский или религиозный, но и идеал государственный [12, с. 231 и др.; 2, с. 114 и др.]. Так, отдельная часть Повести посвящена идеальному правлению Петра и Февронии «во всех заповедях и оправданиях Господних» [4, с. 76]. Думается, что явная оппозиция локусов «внутрь града» и «вне града» имеет символическое значение[1], факт предпочтения церкви «внутрь града» монастырю «вне града» свидетельствует о том, что Петр и Феврония, как и все православные правители, по мысли Ермолая-Еразма, должны как при жизни, так и после смерти служить своему отечеству: муромские супруги после ухода из жизни, прологом к чему служит монастырь, должны остаться «внутрь града», поскольку они *оба* предназначены «граду» (а не монастырю) «на просвещение и на спасение». Разделение княжеской четы после смерти (одного – в загородный монастырь, другого – в городской храм) оказывается невозможным не только из-за личных отношений святых, но и из-за их общественного *совместного* служения. Мысли о высоком долге православного государя

Еразм доказывал, что «правда» (в современном значении «вера») выше «веры» (то есть «формы», «обряда»)» *[7]*. Возможно, это и так, но, думается, смысл эпизода еще глубже, о чем см. ниже. Вместе с тем, примеров, доказывающих людское неразумие, непонимание промыслительного значения событий, осуждающих обрядоверие, в христианских источниках, начиная, конечно, с Евангелия, более чем достаточно. Приведем пример, тематически связанный с Повестью: Г.П. Федотов пересказывает легенду, согласно которой саркофаг, в котором покоился прах супругов «из рода св. Илария», триста рабочих в течение целого дня безуспешно пытались передвинуть (видимо, не понимая, в чем дело. – *О. Г.*), потому что он мешал починке стены. Наутро же саркофаг сам оказался на нужном месте [13, с. 170]. Другие примеры – епископу не удалось перенести мощи Февронии Низибийской из монастыря, где она подвизалась, в церковь, воздвигнутую в память святой (перенесли только один зуб) (Житие Февронии Низибийской, в этом сюжете можно усмотреть еще одну перекличку Повести и Жития [5, с. 196]), неразумный (еще язычник) Евстафий Плакида гнал чудесного оленя с крестом между рогами, читай: Христа (Житие Евстафия Плакиды), неразумные люди мучали юродивого Исидора, не понимая смысла его служения Христу (Житие Исидора Твердислова). И т.д.

[1] Выражение «внутрь града» повторяется в небольшом фрагменте 5 раз, «вне града» − 2 раза. Возможно, число «5» выступало в данном контексте «как знак мистического единения земной церкви, поврежденного человечества со Спасителем, евхаристического пресуществления всех христиан в жизнь вечную» [9, с. 31].

Ермолай-Еразм высказывал не раз, так, в своем трактате «Правительница» он писал: «Аще же убо вѣрою прав есть, достоит ему нелѣностно снискати, разсмотряя, яже к благополучению всѣм сущим под ним» [8, с. 652].

Итак, тема монастыря раскрывается в Повести в реальном и в символическом планах: в реальных, земных монастырях осуществляется важнейший и заключительный этап земного пути святой четы − пострижение и смерть для мира, предвещающие смерть телесную; монашеский труд Февронии и преставление супругов. Названия монастырей, как факт в данном случае не существенный, не упоминаются.

Ранее в Повести был обозначен не менее реальный и к тому же вполне конкретный Крестовоздвиженский монастырь, который стал в высшей степени местом сакральным − там Петр пережил Теофанию и обрел меч, без которого он не победил бы змия. Впоследствии люди хотели похоронить там Февронию. Само посвящение монастыря празднику Воздвижения Креста Господня символически значимо в контексте Повести: оно указывает на прообразы Петра и Февронии – Константина и Елену, утвердивших Православное царство.

В Повести Ермолай-Еразм дает своего рода «урок царям»: монастырь «вне града» как место упокоения княживших супругов по знаку свыше отвергается в пользу городской церкви «внутрь града», что символически указывает на не прекращающееся со смертью общественное совместное служение святых правителей.

Литература

1. *Голубинский Е.Е.* История русской церкви: В 2-х тт. Т. 1, перв. пол. тома. М., 1997 (репринт изд. 1901 г.).
2. *Гладкова О.В.* О славяно-русской агиографии. Очерки. М., 2008.
3. *Гладкова О.В.* Житие Евстафия Плакиды в русской и славянской книжности и литературе IX-XX веков (История текстов и опыт интерпретации). М., 2013.
4. *Гладкова О.В.* Об особенностях списка «Повести от жития Петра и Февронии Муромских» Ермолая-Еразма // Русская речь. М., 2017. № 3. С. 73-77.
5. *Гладкова О.В.* Феврония Низибийская и Феврония Муромская (к вопросу об источниках Повести от жития Петра и Февронии) // Литература Древней Руси. М., 2019. С. 175-204.

6. *Донской Г.Г.* Переход в «иной мир» в духовной культуре средневековой Руси (XIV-XVI вв.). Автореф. … канд. историч. наук. М., 2011.
7. *Ерёмина О.А.* «Повесть о Петре и Февронии Муромских» как произведение христианской культуры / Русская словесность, № 4, 2002. С. 15-24. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.facets.ru/articles11/4510.htm (Дата обращения: 08.05.2019).
8. Ермолай-Еразм. Правительница. Подгот. текста и комментарии Р.П. Дмитриевой // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. М., 1984. С. 652-662.
9. *Кириллин В.М.* Символика чисел в литературе Древней Руси (XI-XVI века). СПб., 2000.
10. *Клосс Б.М.* Избранные труды. Том I. Житие Сергия Радонежского. М., 1998.
11. *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Выбор имени у русских князей в X-XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006.
12. *Плюханова М.Б.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995.
13. *Федотов Г.П.* Собр. соч.: В 12-ти тт. Т. 1. М., 1996.

Л.Б. Сукина
доктор исторических наук, кандидат культурологии,
зав. кафедрой подготовки кадров высшей квалификации
Института программных систем им. А.К. Айламазяна РАН
Переславль-Залесский (Россия)
E-mail: lbsukina@gmail.com

Александр Невский – «корень Русского государства» в книжности и изобразительном искусстве XVII в.

Аннотация. В статье рассматривается проблема трактовки образа князя Александра Невского как элемента династической идеи Русского государства в культуре XVII в. Александр Невский считался одним из прославленных предков царей династии Рюриковичей. В книжности Смутного времени он назывался в числе основателей царского рода Шуйских. Его почитание как святого «сродника» Московских царей достигло апогея при первых Романовых. Во второй половине XVII в. изображения князя включались в композиции родословных древ Русского государства в иконописи, книжной миниатюре, фреске. Наиболее концептуально целостными выглядят те конструкции, где святой князь представлен не просто как один из предков Романовых, а как «корень» Русского государства, управляемого новой династией.

Ключевые слова: русская культура, книжность, иконопись, миниатюра, фреска, вербальный и визуальный образ.

Lyudmila B. Sukina
DSc in history, PhD in Cultural Science
Head of Higher Qualification Training Department of
the Program Systems Institute of RAS
Pereslavl-Zalessky (Russia)
E-mail: lbsukina@gmail.com

Alexander Nevsky – “the root of the Russian state” in the book and visual arts of the 17th century

Abstract. The article deals with the problem of interpreting the image of Prince Alexander Nevsky as an element of the dynastic idea of the Russian state in the culture of the 17th century. Alexander Nevsky was considered one of the illustrious ancestors of the kings of the Rurik dynasty. In the books of Time of Troubles, he was named among the founders of the royal family Shuysky. His veneration as a holy

"kinsman" of the Moscow kings reached its climax with the first Romanovs. In the second half of the 17th century images of the prince were included in the composition of the genealogical trees of the Russian state in iconography, book miniature, fresco. The most conceptually complete are those constructions where the holy prince is represented not just as one of the ancestors of the Romanovs, but as the "root" of the Russian state, ruled by a new dynasty.

Keywords: Russian culture, literacy, iconography, miniature, fresco, verbal and visual image

Александр Невский в русской культуре позднего Средневековья – не только видный полководец, государственный деятель прошлого и православный святой, но и один из важных элементов династической идеи государства, которая, как отмечает А.В. Сиренов, формировалась на протяжении XVI в. и была представлена во вполне завершенном виде в Степенной книге [8, с. 345]. Он считался одним из прославленных предков русских государей династии Рюриковичей и был включен в длинную династическую цепь, на одном конце которой находился Владимир Святой, а на другом Иван Грозный и его потомки. Особое место при этом уделялось «князьям владимирским», от которых напрямую вели свой род Московские государи.

Образ Александра Невского был выдвинут на первый план в Смутное время, когда на царском престоле оказался Василий Шуйский, представитель боярского рода, который вел свое происхождение от суздальских князей. В Писании о преставлении и погребении князя М.В. Скопина-Шуйского, царского племянника, одного из героев эпохи Смуты Александр Невский назван в числе первопредков Василия. Автор Писания подчеркивал, что Василий Иванович Шуйский был прирожденным благочестивым государем, так как происходил от «единаго корени» Римского кесаря Августа, князя Киевского и всей Русской земли Владимира и от «единоя отрасли» династической ветви рода великого князя Александра Ярославича Невского [4, с. 58]. Возможно, семья Шуйских была заказчиком известной иконы «Александр Невский с житием» конца XVI – начала XVII в. из Покровского (Василия Блаженного) собора в Москве.

Династия Рюриковичей прервалась в 1598 г., а Шуйские навсегда покинули царские палаты в 1610 г. Однако получивший престол в результате избрания на царство Михаила Федоровича род Романовых нуждался в легитимации своего права на высшую власть в Русском государстве, и прежняя династическая концепция использовалась первыми государями

из этой семьи на протяжении всего XVII в. Александр Невский вошел в династическую легенду Романовых, но уже не как кровный родственник, а как «святой сродник», почитание которого при их дворе достигло апогея в петровское время. В качестве святого благоверного князя Александра Невского можно было изображать в композициях великокняжеских и царских родословных древ, которые во второй половине XVII в. стали помещать на иконах, храмовых росписях и книжных миниатюрах [9].

У визуального представления спиритуального царского родословия к тому времени уже имелась, пусть и неглубокая, но традиция. В эпоху Ивана Грозного изображения князей, упомянутых в Степенной книге, были включены в программу росписи Архангельского собора Московского Кремля [6]. В середине XVI в. подобные росписи находились на сводах и в оконных проемах Золотой палаты царского дворца [3, стлб.1245, 1249].

Первым из известных ныне генеалогических древ эпохи Романовых является образ «Похвала иконе “Богоматерь Владимирская» (“Древо государства Московского») 1663 г. [7, с. 111]. На левой ветви древа помещены медальоны с изображениями почитаемых царствующим домом светских правителей и церковных иерархов. На правой изображены чтимые в Москве святые-юродивые, святые основатели московских и подмосковных монастырей и Александр Невский, указанный в подписи к его изображению как «преподобный». Все изображенные держат в руках свитки с текстами, восхваляющими Богородицу.

В строгом смысле икона «Древо государства Московского» не является визуализированным родословием династии Романовых (из прямых, кровных предков царя Алексея Михайловича на ней изображен только патриарх Филарет). Ее идейная основа представляет собой сложную богословскую концепцию происхождения православного Русского государства, в рамках которого обеим ветвям власти, светской и церковной, самим Господом предназначено находиться в симфонии. Образ Александра Невского, хотя и занимает в композиции иконы скромное место, являет собой пример возможности единения земного и небесного в жизни одного из прославленных правителей Северо-Восточной Руси, наследником которой мыслилось Московское государство.

Изображения Александра Невского как одного из основателей великокняжеской Владимиро-Суздальской династии – предшественницы обоих династий Московских государей (Рюриковичей и Романовых) и их святого покровителя помещены на ветвях родословных древ в новой

редакции Степенной книги 1670 г. («Изображение степеней»), синодике царевны Татьяны Михайловны, вложенном в Новоиерусалимский монастырь 1660-х – 1680-х гг. («Поминание великих князей и царей»), на своде паперти служившего усыпальницей семьи Романовых Спасо-Преображенского собора Новоспасского монастыря в Москве 1680-х гг. («Родословное древо Рюриковичей»). Во всех этих случаях Александр Невский изображен в княжеских одеждах, а в подписях поименован как «князь» или «великий князь». Хотя и эти родословные древа носят исключительно спиритуальный характер, так как иллюстрируют не родовые связи, а умозрительную концепцию происхождения власти династии Романовых, они отчасти воспроизводят схемы нисходящего родословия, которые были в это время приняты и в европейской генеалогии.

Последней по времени создания визуальной конструкцией древа царского родословия, выполненной в средневековой традиции, была фреска «Род царствия благословится» в западной обходной галерее церкви Ильи Пророка в Ярославле 1716 г. Возможным поводом к составлению ее иконографии стало почти одновременное рождение сыновей у царя Петра I (от второй супруги Екатерины Алексеевны) и у царевича Алексея Петровича, что создало неудобную коллизию в престолонаследии. Оба новорожденных изображены на концах ветвей, спускающихся к подножию древа. Петр Петрович титулован царевичем, а Петр Алексеевич великим князем.

Наиболее близкой аналогией композиции древа из церкви Ильи Пророка является гравюра «Род правых благословится» из книги Лазаря Барановича «Меч духовный» 1666 г. Эта гравюра художественно обосновывает духовное происхождение православных государей рода Романовых от первого благоверного князя династии Рюриковичей – Владимира, что приобретало особую значимость в канун ожидаемого Конца света. На верхних ветвях древа, ствол которого выходит из бедра лежащего на земле Владимира Святого, изображены царь Алексей Михайлович и царица Мария Ильинична (Милославская), на нижних – царевичи Алексей Алексеевич и Федор Алексеевич. Из самого низа ствола выходит небольшой отросток с изображением царевича Симеона Алексеевича. На стволе древа выгравирована фраза из послания апостола Павла к Римлянам: «Аще корень свят, то и ветви» (Рим.11:16).

Композиционная схема фрески воспроизводит общие формы древа, произрастающего от Владимира с вышеописанной гравюры. Но при этом иконографическая программа значительно расширена и отре-

дактирована так, что молитва о защите царского рода перед наступлением последних времен превратилась в апологию благоверной династии Романовых, «многоплодность» которой по мужской линии сулит ей и царству спасение и процветание в будущем.

На стволе древа, выходящего на сей раз из колена первого благоверного правителя Древней Руси, нет той надписи, что была на гравюре. Вместо этого над Владимиром изображены продолжающий его «корень» Александр Невский (основатель династической ветви московских князей) и царь Михаил Федорович (первый государь дома Романовых). Оба правителя в надписи, помещенной на двух коротких лентах, пересекающих ствол, обозначены как «плоды сей ветки», также отсылающей к посланию Павла.

На левой ветви, отходящей от «корня» Александра Невского, изображены царь Федор Иоаннович (последний правитель династии Рюриковичей) и царевичи Алексей Петрович и Петр Петрович. На правой ветви – царевичи Дмитрий Иоаннович (Св. Димитрий Углицкий), Алексей Петрович и великий князь Петр Алексеевич (новорожденный сын Алексея Петровича). На ветвях, выходящих из-за спины Александра Невского, изображены государи Алексей Михайлович и Федор Алексеевич, царевичи Симеон Алексеевич и Алексей Алексеевич, цари Петр Алексеевич и Иван Алексеевич.

В композиции этого древа очевидно влияние династической легенды, тщательно поддерживавшейся первыми Романовыми на протяжении многих десятилетий. Царь Федор Иоаннович и царевич Дмитрий Иоаннович включены в это визуальное родословие как «прямые» предки Михаила Федоровича Романова, чье воцарение преподносилось в книжности середины – второй половины XVII в. как исполнение завещания последнего царя династии Рюриковичей, которому он приходился «племянником» [2, с. 2].

При Михаиле Федоровиче были предприняты и усилия по закреплению Александра Невского в династической конструкции, объединяющей князей Владимиро-Суздальской Руси, московских Рюриковичей и Романовых. В 1640 г. были изготовлены новые покровы на все великокняжеские и царские гробницы независимо от их местонахождения, в том числе, на гробницы матери и брата Александра Невского, бывшие во Владимире [1, с. 160].

Александр Невский был тем самым необходимым звеном, которое связывало воедино глубокое прошлое, недавнюю драматическую историю, настоящее и перспективы на будущее власти русских государей. В

композиции «Род царствия благословится» «корень» государства состоит из первого благоверного князя Владимира и святого благоверного князя Александра. Цари и царевичи династии Романовых – плоды благословенных ветвей, произрастающих из этого «святого корня».

К сожалению, круг книжных источников иконографии фрески не установлен. Исследователь Церкви Ильи Пророка Т.А. Рутман отмечала, что предполагаемому автору композиции, ярославскому иконописцу Федору Игнатьеву было свойственно компилировать сразу несколько заимствованных сюжетов и преображать их своей фантазией [5, с. 154].

В культуре XVII в. существовали различные подходы к конструированию происхождения власти Романовых. Во всех из них по разным основаниям использовался образ Александра Невского. Наиболее концептуально целостными выглядят те конструкции, где святой благоверный князь представлен не просто как один из «сродников», а как «корень» Русского государства, управляемого новой династией.

Литература

1. *Давиденко Д.Г.* Царский некрополь при первых Романовых (по данным письменных источников) // Вспомогательные дисциплины и специальные науки в XX – начале XXI в.: Призвание, творчество, общественное служение историка. М., 2014. С. 158-161.
2. Книга об избрании на царство великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича. Изд. Комиссиею печатания государственных грамот и договоров. М., 1856.
3. Материалы по истории, археологии и статистике города Москвы, собр. и изд. И. Забелиным. М., 1884. Ч. 1.
4. Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI – начало XVII веков. М., 1987.
5. *Рутман Т.А.* История церкви Ильи Пророка в Ярославле // Церковь Ильи Пророка в Ярославле: В 2-х т. Ярославль, 2005. Т. 2.
6. *Самойлова Т.Е.* Княжеские портреты в росписи Архангельского собора Московского Кремля. М., 2004.
7. Симон Ушаков – царский изограф / Гос. Третьяковская галерея. М., 2015.
8. *Сиренов А.В.* Концепция династической монархии в России XVII – первой половины XVIII в. // Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не)единства. М., 2017. С. 345-357.
9. *Сукина Л.Б.* Родословные древа великих князей и царей в художественной культуре XVII столетия // Родословные древа русских царей XVII-XVIII веков. М., 2018. С. 28-39.

Н.В. Трофимова

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русской классической литературы
Института филологии
Московского педагогического государственного университета
Москва (Россия)
E-mail: nvt.df@yandex.ru

Библейские цитаты в Киевской летописи

Аннотация. Цель статьи – выявить и систематизировать библеизмы в Киевской летописи, содержащей значительное количество цитат, неравномерно расположенных в разных ее частях, что объясняется сводным характером памятника. Заимствованные тексты используются для раскрытия важнейших мотивов: смирения перед Божьим промыслом, братолюбия князей, силы православной веры, справедливости воздаяния за грехи, княжеской власти как данной от Бога. Цитаты помогают объяснить ход событий, мотивировать и оценить поступки исторических лиц с провиденциальной точки зрения, способствуют созданию характеристик князей и раскрытию мыслей летописцев.

Ключевые слова: Киевская летопись, Ипатьевская летопись, библейская цитата, мотив, функция.

Nina V. Trofimova

DSc in Philology,
Professor, Institute of Philology of
Moscow State Pedagogical University (MPGU)
Moscow (Russia)
E-mail: nvt.df@yandex.ru

Biblical quotes in Kiev chronicle

Abstract. The purpose of the article is to systematize the material of biblical quotes in Kiev chronicle. It contains a significant number of quotations, irregularly distributed to the different parts of chronicle. This fact is explained by the consolidated nature of the monument. The borrowed texts are used to reveal the most important motives: the humility against God's Providence, brotherly love of princes, the power of the Orthodox faith, justice of retribution for trespasses, the power of prince as given by God. The quotes help to explain the course of events, to motivate and to evaluate the actions of historical persons with the providential point of view, contribute to

the creation of the characteristics of the princes and the revelation of the thoughts of the author.

Keywords: Kiev chronicle, Ipatiev chronicle, a Biblical quote, a motif, functions.

Киевский свод, составляющий вторую часть Ипатьевской летописи, по мнению исследователей, восходил к ряду источников, написанных разными авторами и объединенных игуменом Выдубицкого монастыря Моисеем [3, с.86-96; 4, с.7-183]. В связи со сложным составом свода цитаты в разных его частях используются неравномерно. Появившись под 1123 г., они присутствуют в повествованиях 1137 – 1149, 1168, 1172-1175 гг., а далее до конца свода содержатся только в годовых статьях 1180,1185, 1197 и 1199 гг. Всего цитаты использованы в 17 летописных статьях. Если следовать гипотезе Б.А. Рыбакова, то обнаруживается, что большинство цитат принадлежат текстам, написанным Кузьмищем Киянином и игуменом Моисеем, сделавшим также вставки в повествования предшествующих летописцев.

Один из важнейших мотивов, раскрывающихся через цитаты, – **смирение перед Божьим промыслом.** Он появляется в авторском рассуждении, включенном в воинскую повесть 1123 г. о попытке Ярослава Святополчича в союзе с Васильком и Володарем, а также с помощью угров, чехов и ляхов захватить Владимир Волынский, в котором княжил Андрей Владимирович. Ярослав требовал сдать город, хвалясь, что наутро все равно возьмет его, но, когда он поехал от города, два ляха подстерегли его, ранили, и он умер. Союзники Ярослава отправили послов к Владимиру Мономаху, который уже собрал силы в помощь сыну, и князь «прослави Бога о таковомъ чюдеси Божии» [2, стб. 287]. В связи с этим автор дважды говорит о смирении цитатами: «якоже писание глаголеть *весь узносяися сердцемъ несть предъ Богомъ*» (Ср. Мф 23:12, Лк 14:11,18:14); «вижьте братие коль благъ Богъ и милостивъ на смиреныя и на праведныя призирая и мьщая ихъ, а *гордымъ Господь Богъ противится силою своею, а смиренымъ же даеть благодать*» (Пр 3:34, Иак 4:6, 1 Пет 5:5) [2, стб. 288].

Вторая цитата повторяется под 1174 г. в авторской реплике о конфликте Андрея Боголюбского с Ростиславичами с ошибочной ссылкой на апостола Павла: «Си бо вся быша от дьявола на ны иже вьсѣваеть в сердце наше хвалу и гордость, якоже Павелъ глаголеть: *гордымъ Богъ противиться а смиренымъ даеть благодать*» [2, стб. 574]; в сокращен-

ном виде с дополнением из Псалтири 32:10 она появляется в повести о приходе Кончака с войском к Хоролу [2, стб. 635].

Первая из появившихся под 1123 г. цитат представляет собой парафраз начала евангельского стиха, который полностью включен в рассуждение о поражении гордого Андрея от Ростиславичей, вновь с ошибочной отсылкой: «Се же уже сбыся слово апостола Павла рекша еже передѣ написахомъ: *возносяися смириться, а смиряися вьзнесеться*» (Мф 23:12, Лк. 14:11, 18:14) [2, стб. 577]; аллюзия к этому тексту использована под 1180 г. в повести о походе Святослава против Давида: «Богъ бо не любить высокоя мысли нашия *возносящагося смиряеть*» [2, стб. 615]. Цитаты служат для разъяснения хода событий и оценки действий князей.

Мотив смирения выражается также через цитату, подчеркивающую миролюбие князей, обладающих большой военной силой, но решающих конфликты мирным путем. В 1137 г. Ольговичи в союзе с половцами выступили против Ярополка и Андрея Владимировичей, Ярополк собрал большое войско, но ««приемъ расмотрение въ сердци не изиде на нь противу ни створи кровопролитья, но убоявся суда Божия *створися мнии в нихъ* (ср. Лк 22:26), хулу и укоръ прия на ся от братиѣ своея и от всихъ по рекшему: *любите враги ваша* (Мф 5:44, Лк 6:27, 6:35) и створи с ними миръ» [2, стб. 299]). Первая цитата из Евангелия от Луки включена также в статью 1140 г., где рассказывается о походе Всеволода Ольговича на Киев против Вячеслава, который, «не хотя крове пролияти, но *створися мнии*» [2, стб. 302], послал к Всеволоду митрополита с обещанием оставить Киев и уйти в Туров.

По поводу смирения того же князя в повести о междоусобных битвах 1149 г. приводится другая цитата: «Си слышавъ Вячеславъ преклонися на любовь, тѣмь же речеть ся: *блажени смиряющеся яко тѣ сынове Божии нарекуться*» (Мф 5:9) [2, стб. 392].

Сходную роль выполняет цитата, использованная в повести под 1139 г., рассказывающей о том, что Всеволод Ольгович решил воевать против Ярополка, собравшего огромное войско, но жители Чернигова уговорили Всеволода просить о мире, и Ярополк, «*страхъ Божии имея в сердци*» (Ср. 2 Кор 5:11) [2, стб. 302], не желая кровопролития, заключил мирный договор.

Смирение перед Божьим промыслом выражается цитатами не только в повествованиях летописцев, но и в речах гибнущих и умирающих князей. Игорь Ольгович, которого собираются убить киевляне, гово-

рит, когда с него срывают одежду: «*нагъ бо изиидохъ и щрева матери моея и нагъ отиду тамо*» [2, стб. 351] (Иов 1:21); умирающий Ростислав в молитве использует слова старца Симеона: «Възревъ на икону самого Творца, нача глаголати тихомъ гласомъ, слезу испущая от зѣницю: «*Нынѣ отпусти раба своего владыко по глаголу твоему с миромъ*» (Лк 2:29) [2, стб. 532].

С мотивом смирения связана цитата, выражающая надежду на спасение души: «*в руцѣ твои прѣдаю духъ мои*» (Пс 30:6, Лк 23:46), которая звучит в молитвах Игоря Ольговича [2, стб. 352], Андрея Боголюбского [2, стб. 589], и в авторском рассуждении, сопровождающем гибель первого [2, стб. 353].

Та же мысль звучит под 1174 г. в некрологической характеристике Святослава Юрьевича: «От роженья и до свѣршенья мужьства бысть ему болѣзнь зла, ея же болѣзни просяху на ся святии апостоли и святии оци у Бога. Кто бо постражеть болезнью тою, яко же книги глаголють, *тѣло его мучиться, а душа //его спасеться*» (ср.: Рим 8:10) [2, стб. 579-580].

Со смирением и надеждой на Божью помощь отправляется в неудачный поход против половцев в 1185 г. и Игорь Святославич: «И тако поидоша к нимъ, *положаче на Бозѣ упование свое*» (ср. Пс 72:28) [2, стб. 639].

Важен для летописи **мотив братолюбия** в качестве того идеала, который хотели бы видеть авторы в межкняжеских отношениях. Рассказывая о заключении Изяславом Мстиславичем в поруб Игоря Ольговича и попытке Давидовичей захватить Святослава, летописец замечает, что они не вспомнили «божественыя любве, якоже *бѣ лѣпо жити братии единомыслено укупѣ* (ср. Пс 132: 1) блюдучи отецьства своего» [2, стб. 329]. Ту же цитату влагает летописец в уста Андрея Юрьевича, уговаривающего отца примирить князей во время похода 1149 г. [2, стб. 392]. В этом же рассказе миротворцем выступает и Вячеслав, «помянувше слово глаголющее: *Бога люблю, а брата ненавидя, ложь еси, аще Бога любиши, люби брата*» (ср. 1Ин 4:20,21) [2, стб. 393].

Мотив милости как характеристики князя появляется в посмертной похвале Андрею Боголюбскому: «слыша Господа глаголюща: *аще створите братьи меньшии моѣи, то мнѣ створисте* (Мф 25:40). И пакы Давидъ глаголеть: *блаженъ мужь милуя и дая всь днь* (ср. Пс 36:26) *о Господѣ не поткнется* (Ср. Пс 111:5, Ин 11:9, Ис 33:15)*, мужьство и умъ в нѣмъ живяше, правда же истина с ним ходяста и иного добродѣянья много в немь бяше и всякъ обычаи добронравенъ имѣашеть»* (ср. Пс

84:11-12, 3 Цар 3:6?) [2, стб.583]; «И тако приимаше всякого приходящаго к нему, яко же Христосъ заповѣда рече: *аще симъ меньшим створисте братьи моеи, то мне створисте*» (Мф 25:40) [2, стб.584]. Основная функция приведенного круга цитат – характеристика князей, в том числе их дущевного состояния.

Ярко проявляется через цитаты мотив **силы веры,** спасающей душу человека. Игорь Ольгович перед смертью в молитве говорит: «да на тя уповая стерплю, ты бо Спасе глаголалъ еси: *веруя в мя аще умреть, живъ будеть в вѣкы*» (Ин 11:25-26) [2, стб. 350]. Вячеслав во время усобицы 1149 г. решает примириться с врагами, «поминая писание: *аще имѣете вѣру яко зерно синапьно, речете горѣ сеи пре[и]ди, преидеть*» (Мф 17:20) [2, стб.393]. Дважды этот мотив появляется в похвале Рюрику Ростиславичу. Сначала он связан со строителем стены Выдубицкого монастыря Петром Милонегом, который отказался от помощи, «поминая Господа, глаголющаго, яко *вся мощна верующему*» (Мк 9:23) [2, стб. 711]. А затем игумен Моисей говорит о том, что видевшие монастырь хвалят «богомудрость» князя, а «*блажении же не видивше, но вѣрующе* (Ин 20:29) радуются, якоже вѣща Соломонъ: *похваляему пра//вѣдному веселяться людье*» (Пр 29:2) [2, стб.714-715].

Тема Божьих казней звучит в Киевской летописи, в первую очередь, в виде **мотива справедливого воздаяния за грехи**. В одной из записей под 1146 г. рассказывается о том, что Владислав лядский ослепил некоего Петрока и выслал его с семьей из своей земли. По мнению летописца, это было справедливым возмездием за то, что Петрок обманом захватил Володаря, мучил и ограбил его: «якоже еуангельское слово глаголеть: «*ею же мѣрою мѣрить, възмѣрить ти ся*» (Мф.7:2, Мк 4:24) [2, стб. 319].

Та же цитата в большом комплексе заимствований (Ср. Ис 1:28, Иак.2:13, 2 Тим 2:5, Мф 25:46, Пс 9:7; 7:16-17) появляется в авторском поучении по поводу судьбы владимирского епископа Феодорца [2, стб. 553] и в молитве людей, избавленных от злого пастыря (Ср. Пс.75:8, 88: 8,11,14, Вт 32:39, Пс 73:16-17,146:6, 135:12), а в завершение летописец приводит рассуждение о Божьем даре: «*Всякъ бо даръ свыше исходить и от тебе, отца свѣтомъ* (Ср. Иак 1:17). Его же благословять человеци на земли, будеть благословленъ, а его же прокленуть человеци, и будеть проклятъ. Тако и сесь Феодорѣць не вьсхотѣ благословения и удалися от него, *злыи ибо злѣ по[г]ибнеть*» (Ср. Мф 21:41) [2, стб.554].

Рассказывая о убиении Игоря Ольговича в Киеве, летописец замечает, что участвовавшие в злодеянии должны бы помнить, ««вѣдуще, *яко мьститель есть Богъ* (Ср. Наум 1:2) и *взищеть крови неповиньнаго*» (Ср. Вт 18:13, 4 Цар 24:4) [2, стб. 353].

Фрагмент о Божьей любви и Божьем суде содержится в рассуждении о убиении Андрея Боголюбского, в нем использованы тексты Притч 3:12, Евр 12:6,7, 1 Кор 2:9 [2, стб. 594].

Тот же мотив появляется в повести о походе владимирской рати на Новгород под 1173 г., во время которого владимирцы сожгли и ограбили окрестности города, но Новгород не взяли. Летописец вспоминает о том, что до этого три новгородские иконы плакали, предвещая будущие события, но город «Богъ и Мати Божия избави милостью своею, зане христьяне суть, пишеть бо глаголя Давидъ: *Наказая накажи мя, рече, Господи, смерти не предаи мене*» (Пс 117:18) [2, стб. 561].

Наказание за грехи упоминается в повести о походе Игоря Святославича на половцев: «И тако во день святого воскресения наведе на // ня Господь гнѣвъ свои*, в радости мѣсто желю* на рѣцѣ Каялы» (Ср. Ам 8:10) [2, стб. 642-643]. В той же повести сам князь осмысливает причины поражения и смиряется с ним, видя в нем справедливое возмездие: «Се *возда ми Господь* (Пс.17:21, 25) *по безаконию моему и по злобѣ моеи на мя* (ср. 2Цар 3:39), и *снидоша дньсь грѣси мои на главу мою* (ср. Пс 7:17). *Истиненъ Господь и прави суди его зѣло*» (Дан 3:27) [2, стб. 644].

Цитата из Книги Премудрости Соломоновой 3:6 появляется в сходных фрагментах предсмертных молитв Игоря под 1147 г. и Андрея Боголюбского под 1175 г. Оба князя, примиряясь со своей участью, вспоминают судьбу пророков, апостолов, мучеников, которые «многыя напасти и горкыя мукы и различныя сьмерти прияша, искушени бывше от дьявола *яко злато в горнилѣ*. Их же молитвами, Господи, причти мя избраномъ твоемъ стадѣ съ десными мя овцами» [2, стб. 350, ср. стб.588]. <u>Цитаты этой группы служат провиденциальной мотивировке хода событий, одновременно их яркая образность способствует созданию эмоционально выразительных текстов</u>.

Мотив княжеской власти как данной от Бога появляется в повести об усобице 1149 г. Владимир Галицкий, пытаясь примирить князей, обращается к Вячеславу, Юрию и Изяславу: «*Богъ поставилъ насъ волостели в месть злодѣемъ и в добродѣтель благочестивымъ* (ср. Рим 13:3-4), то како можемъ молитися къ създавшему нас: *отце нашь оста-*

ви намъ прегрѣшения наша якоже мы оставляемъ прегрѣшения наша» (ср. Лк 11:4) [2, стб.392].

Еще два случая обращения к цитатам о власти связаны с размышлениями летописца о разграблении дворца Андрея Боголюбского и домов его слуг: грабящие «не вѣдуще глаголемаго: *идеже законъ, ту и обидъ много*» (ср. Рим 4:15) [2, стб.592], и только появление священника Николая-Микулицы с иконой Святой Богородицы остановило их, в связи с чем автор говорит: «пишеть апостолъ Павелъ: *всяка душа властемъ повинуется, власти бо от Бога учинены суть*; естествомъ бо царь земнымъ подобенъ есть всякому человеку, властью же сана вышьши яко Богъ. Рече велики Златоустець*: иже кто противится власти, противится закону Божью, князь// бо не [туне] носить мѣчь, Божии ибо слуга есть* (Рим 13:1,2,4)» [2, стб. 592-593].

В ряде случаев в летописи возникают явственные аллюзии к эпизодам Писания, дополненные цитатами. В первую очередь они связаны с **созданием образа идеального князя**. К сцене суда над Иисусом отсылает рассказ о том, как Игорь Ольгович, уже принявший монашество, упрекает киевлян в предательстве, «лукавыи же нечьстивыи сборъ боле *въпиаше, глаголя: побѣите, побѣите*» (Ср. Лк 23:21, Ин 19:6) [2, стб.351]. С помощью аллюзии автор уподобляет князя-мученика Христу.

Та же мысль проходит через приведенные летописцем размышления Андрея Юрьевича о своей судьбе: «Князь же Андрѣи вражное убииство слышавъ напередѣ до себе, духомъ разгорѣся божественымъ и ни во что же вмѣни, глаголя: Господа Бога моего вседержителя и творьца своего возлюблении людье на крьстѣ пригвоздиша, глаголюще: *кровь его буди на насъ и на чадехъ нашихъ* (Мф 27:2). И пакы глаголющее слово усты святыхъ еуангелистъ: *аще кто положить душю свою за другъ свои (*Ин 15:13), *можеть мои ученикъ быти* (Ср. Лк.14:26,27,33)» [2, стб. 583-584]. Разъясняя аналогию, летописец добавляет: «Сеи же благолюбивыи князь не за друга, но за самого творца, создавьшаго всячькая от небытья въ бытье, душю свою положи» [2, стб.585].

Противопоставлены князю убийцы, которых «прия ѣ *страхъ и трепетъ*» (Исх 15:16, Пс 54:6) [2, стб.586], и им понадобилось пойти в медушу, чтобы набраться храбрости. Цитата служит прямому выражению чувств злодеев, при этом контекст ближе к книге Исход, где приведенный летописцем образ содержится в просьбе к Богу о наказании преследователей.

Несколько цитат в текстах, написанных Моисеем, служат выражению его отношения к деяниям князя и к собственному творчеству.

По отношению к возведенной по приказанию Рюрика церкви Святых апостолов в Белгороде с восхищением звучит цитата из Песни Песней 4:7: «высотою и величествомъ и прочимъ украшениемъ всѣмъ в дивъ удобренѣ, по приточнику, глаголющему: *вся добра возлюбленая моя и порока несть в тебе*» [2, стб.706]. По наблюдениям А.А. Алексеева, этот текст использован в «Огласительных поучениях» Кирилла Иерусалимского, перевод которых был сделан Константином Преславским к 907 г. Исследователь предполагает, основываясь на произведениях Кирилла Туровского и «Молении Даниила Заточника», что толковый перевод Песни появился на Руси в середине или во второй половине XII в. [1], что подтверждается приведенной Моисеем цитатой.

Аллюзию к притче о талантах содержит повествование о создании Рюриком стены Выдубицкого монастыря: «Ты же с радостью приимъ, *акы благыи рабъ вѣрныи, потщася немедлено сугубити дѣломъ, да не истязанъ будеть скрыившии талантъ*» (Ср. Мф 25:14-29) [2, стб.708]. Притча подчеркивает сущность князя как боголюбивого и стремящегося приумножить добрые дела, мысль эта звучит и дальше, в похвале князю: «*во всю бо землю изиидоша,* по пророку, *богомирная словеса твоя, христолюбовная дѣла* (ср.: Пс 18:5, Рим 10:18), ими же о всихъ владыка твои славиться, да видѣвше бо вѣща Еуангелистъ: *дѣла ваша добрая прославять отца вашего, иже есть на небесѣхъ*» (Мф 5:16) [2, стб.714].

Восхваляя Рюрика, летописец использует фигуру самоуничижения, ссылаясь на притчу о двух лептах вдовицы: «и нашея грубости писание приими акы даръ словесенъ на похваление добродѣтели, во газъфулакию бо княжения твоего любовь и хотѣнье ввергъше, акы *вдовица она двѣ мѣдницѣ*» (Мк 12:42, Лк 21:2) [2, стб. 712-713]. Отношение к трудам Рюрика и надежду на его милость Моисей выражает и образом, редко встречавшимся в летописях: «Еще же и мы, долъжнии ти молитвьници, нашь присныи господине, единомыслено суще, ко избраньному сему мѣсту надѣемся не забыти, жажюще от тебе милости, *якоже елень на источникы водныя*» (ср. Пс 41:2) [2, стб.715].

Таким образом, в Киевской летописи наибольшее количество цитат содержится в исторических повестях и похвалах, появляются они также в молитвах и поучениях. Цитаты редко сопровождаются точными ссылками (как правило, на Евангелия или на апостольские послания), чаще указывается тип книги (якоже писание глаголеть, тѣмь же речеть

ся, яко же книги глаголють, и помянувше слово глаголющее, слыша Господа глаголюща, поминая писание) или библейский прямо вводится в повествование без указания на источник. Некоторые цитаты повторяются несколько раз, точно или в форме парафраза. Библеизмы используются не только в рассуждениях летописцев, но и в речах персонажей, в этом случае они способствуют их характеристике, раскрытию мыслей и чувств.

Наибольшее количество текстов взято из Псалтири и Евангелия от Матфея, по нескольку фрагментов заимствовано из Евангелий от Луки, Марка и Иоанна, посланий апостола Иакова и апостола Павла Римлянам. Редко появляются ветхозаветные цитаты: из пророческих книг Исайи, Амоса, Наума и Даниила; книг Исхода, Второзакония, 2-й и 4-й Царств, Иова, Притч и Премудрости Соломона, Песни песней; есть единичные тексты из апостольских посланий: 1-го Петра, 1-го и 2-го Коринфянам, 1-го Иоанна, 2-го Тимофею, Евреям.

Основные функции цитат – объяснение и оценка хода событий, мотивировка поступков героев, характеристика персонажей, раскрытие мыслей князей и летописцев, в некоторых случаях создание эмоционального фона повествования.

Литература

1. *Алексеев А.А.* Текстология славянской Библии [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Biblia/tekstologija-slavjanskoj-biblii/ (Дата обращения 30.04.2019)
2. Ипатьевская летопись /ПСРЛ. Т.2. М.: Языки русской культуры, 1998.
3. *Приселков М.Д.* История русского летописания XI-XV вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996.
4. *Рыбаков Б.А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М.: Наука, 1972.

Е.В. Никольский

доктор филологических наук,
доктор богословия, профессор Карпатского
университета имени Августина Волошина
Ужгород (Украина)

Идея секуляризации церковного землевладения в публицистике князя – инока Вассиана Патрикеева

Аннотация. В статье рассматривается один из важнейших аспектов публицистики князя-инока Вассиана Патрикеева (проекты и обоснования изымания церковной земельной собственности в пользу государства). Анализ его воззрений осуществляется в контексте полемики иосифлян и не стяжателей. Автор статьи раскрывает не только идеи князя, но и делает попытку рассмотреть его мотивацию, показывает, что его связь с преподобным Нилом Сорским носила, скорее всего, формальный характер.

Ключевые слова: Московская Русь, секуляризация, церковная собственность, иосифляне, не стяжатели, Вассиан Патрикеев, политическая борьба, еретические движения.

Evgeniy V. Nikolsky

DSc in Philology,
DSc in Theology,
Professor of Carpathian University
named after Augustin Voloshin
Uzhgorod (Ukraine)

The idea of secularization of Church land ownership in the journalism of Prince – monk Vassian Patrikeev

Abstract. The article deals with one of the most important aspects of the journalism of Prince-monk Vassian Patrikeev (projects and justifications for the seizure of Church land in favour of the state). The analysis of his views is carried out in the context of the controversy of the Josephites and non-possessors. The author of the article reveals not only the ideas of the Prince, but also makes an attempt to consider his motivation, shows that his connection with the monk Neil Sorsky was most likely of a formal nature.

Keywords: Moscow Russia, secularization, Church property, Josephites, non-possessors, Vassian Patrikeev, political struggle, heretical movements.

На излете XV–XVI столетий идеи секуляризации церковных имений нашли свое воплощение в публицистике Вассиана Патрикеева. Сам князь Василий Патрикеев, в возрасте примерно 30 лет, на взлете блистательной карьеры, в результате неожиданной опалы, лишен всего и заточен в монастырь. Но, освоившись в новых условиях, он, в сущности, начал свою новую, иную карьеру, в которой опирался на авторитет уже имевшего широкое признание на Руси старца прп. Нила Сорского.

По мнению исследователей, «ему удалось наладить взаимоотношения с прп. Нилом Сорским, не в последнюю очередь благодаря тому, что в 1501 г. (или 1502 г.) в том же Кирилло-Белозерском монастыре принял пострижение находившийся уже в преклонных летах (в 1503 г. он, по всей вероятности, скончался) "государев дьяк" Андрей Федорович Майков – старший брат прп. Нила Сорского» [5, с. 436]. Андрей Федорович Майков не раз участвовал в посольствах, возглавлявшихся отцом и сыном Патрикеевыми и имеются все основания полагать, что именно он помог князю-иноку Вассиану Патрикееву войти в доверие к своему уже имевшему высокий духовный авторитет брату.

В пользу того, что Василий Патрикеев был, безусловно, мнимым учеником скитского старца и всего лишь пытался приспособиться к новым обстоятельствам своей жизни, совершенно ясно говорит все его позднейшее жизненное поведение. Вскоре после кончины прп. Нила Сорского (†1508), князь-инок в 1509 г., бросает свой скит и добивается своего «перевода» в Москву, в Симонов монастырь, (фактически, – придворную обитель), где он вскоре сумел вступить в самые тесные взаимоотношения с великим князем Василием III и заняться активнейшим участием в политической придворной борьбе. И теперь, как свидетельствовал прп. Зиновий Отенский, «ядаше же мних Васьян приносимое ему брашно от трапезы великого князя» [6, с. 247]. Еще в Белозерском крае князь-инок Вассиан занимался деятельностью, явно чуждой истинным ученикам прп. Нила Сорского. Однако, как человек, имеющий талант организатора, он сумел объединить вокруг себя своего рода партию – немалое количество людей, которых, по-видимому, очаровывали и знатность этого потомка Гедимина и недавнего верховного вельможи, и, одновременно, статус ученика прп. Нила Сорского.

В Москве перед великим князем Василием Ш князь-инок Вассиан Патрикеев предстал как негласный вождь целого направления церковных людей, которых публицисты XIX века назвали «нестяжателями»; современники же употребляли названия «кирилловские старцы» (или

«заволжские старцы»). Одно из первых «нестяжательских» сочинений, связанное с Вассианом Патрикеевым и направленное лично против прп. Иосифа Волоцкого, было озаглавлено именно как манифест целого направления: «Ответ кирилловских старцев».

Направление, возглавляемое Вассианом Патрикеевым, в то время в высшей степени отвечало интересам внутренней политики Василия III, который вел наступление на вотчинные права монастырей, и великий князь нашел в Вассиане Патрикееве умного и деятельного сторонника политики ограничения прав церковного землевладения. По сути, это означает, что князь-инок превратил глубокое духовное учение, которое исповедовал прп. Нил Сорский, в чисто политическую программу, умело используя ее в своей собственной борьбе за власть. Князь Василий Патрикеев, будучи «старцем Вассианом» явно сумел надолго завоевать себе положение первого (или, по крайней мере, одного из самых первых) лиц в государстве. Василий III, называвший своего любимца «старец Васьян княж Иванов» (таким образом, объединяя сразу два «достоинства»), говорил о нем, что он «подпор державе моей... и наставник ми».

Говоря, непосредственно о произведениях князя-инока, необходимо отметить, что текстологическое изучение литературного творчества Вассиана Патрикеева, проведенное его самым авторитетным исследователем – Н.А. Казаковой [3; 4], позволяет сделать вывод о принадлежности ему следующих произведений:

1) «Собрания некоего старца»;

2) «Ответа кирилловских старцев»;

3) «Слова ответна»;

4) «Слова о еретиках»;

5) «Прения с Иосифом Волоцким» [3, с. 219] (А.И. Плигузов оспаривает его принадлежность Вассиану Патрикееву, считая, «что наиболее вероятный его автор – старец Артемий» [7, с. 277]).

Названными произведениями ограничивается круг тех произведений, которые могут быть включены с достаточной степенью убедительности в число сочинений Вассиана Патрикеева. Несомненно, что литературное наследие Вассиана было гораздо шире: как показывает его последнее полемическое сочинение «Прение с Иосифом Волоцким», Вассиан в своей публицистической деятельности поднимал ряд вопросов, не нашедших отражения в названных произведениях. Очевидно, им были посвящены специальные сочинения князя-инока. Но они на сегодняшний день неизвестны.

Исходным пунктом отрицания вотчинных прав монастырей являлось в сочинениях Вассиана Патрикеева положение о несоответствии вотчинного быта монастырей обетам иноков. Свое первое произведение, направленное против монастырского землевладения – «Собрание некоего старца на воспоминание своего обещания», Вассиан начинает с указания на необходимость для иноков свято хранить свои обеты: «Вдавый себе Богови и вручив ся честному житию, и печатлев свою душу целованием Святого Евангелия пред многими послухи, и прикоснувся десною рукою на поручение честнаго послушания ко своему игумену, должен есть опасно сохранити сия» [3, с. 224].

Важнейший из обетов иноков – это обет нестяжания, рассматриваемый Вассианом как отказ от вотчинных прав монастырей: «Иноком жити по Евангелию, и по Апостолу, и по Великому Василию – сел не держати, ни владети ими, но жити в тишине и в безмолвии, питаяся своима рукама» [3, с.224]. Так жили древние святые отцы, основатели монастырей, греческих и русских – Пахомий Великий, Савва Освященный, Антоний и Феодосий Печерские и другие, – которые «сел у монастырей не держали... Аще кто и давал им села, и оне не имали, но жили безименно по Евангелию и по своему обещанию» [3, с. 224-225].

Из приведенных цитат ясно видно, что у Вассиана провозглашается совершенно определенное отношение к монастырскому землевладению: вотчинный быт монастырей противоречит, с его точки зрения, духу евангельского учения, которому должны были следовать иноки. Помимо ссылок на Евангелие, отрицание вотчинных прав монастырей Вассиан аргументировал историческими примерами – указаниями на нестяжательность древних святых.

Ту же аргументацию против вотчинного быта монастырей Вассиан развивает и в своем более позднем сочинении – «Слово ответно противу клевещущих истину евангельскую и о иноческом житии и устроении церковном». Основное назначение инока – это следование евангельской заповеди нестяжания: «Господь же рече: Аще хощеши съвершен быти, иди и продай имениа твоа и даждь а нищим, и прииди и последуй Ми. Сиа краткыя глаголы опасне являют иноческое житие, – пишет Вассиан, – в трех сих съборнейших главизнах съобьемлющи и прочаа вся съставляющаа иноческое житие, рекше, нищету, милостыню и всякое братолюбие и състрадание, к симь же и молитву непрестанну с воздержанием и бодростию» [3, с. 257].

Чтобы показать, что вотчинный быт современных ему монастырей является результатом отступления от первоначальной нестяжательности их, Вассиан предлагает обратиться к житиям святых, основателей первых монастырей, – Пахомия, Евфимия, Саввы и других. «Аще и трудолюбно в житиа их приникше, обрящеши их последну нищету возлюбивших, яко многажды и дневнаго хлеба оскудевшим; и обаче сице скудне имевших николи же запустеша свяшон-нй их манастыри, скудости ради нужных, но и паче возрядста-ху и поспешествоваху во всех и умножахуся, своими руками тружающеся и хлеб свой ядуще в поте лица своего, по заповеди» [3, с. 265], – таковы, с точки зрения Вассиана, результаты обращения к Житиям святых.

Примерно около 1515 года Вассиан приступает к работе над Кормчей. К составлению новой Кормчей Вассиана побудило стремление подкрепить свои публицистические выступления против монастырского землевладения авторитетом правил Номоканона. Составляя свою Кормчую, Вассиан хотел свою прежнюю аргументацию против вотчинных прав монастырей – религиозно-теоретическую (евангельские заповеди), историческую (примеры древних святых) – дополнить аргументацией канонической, ссылками на постановления церковных соборов.

Но во многих Соборных правилах, являвшихся неотъемлемой частью Кормчей, встречались упоминания монастырских сел, противоречащие общему направлению Кормчей Вассиана. Из этого противоречия Вассиан попытался выйти, дав термину «монастырские села» своеобразное толкование. Так, в пояснении к 11-й грани (титуле) Кормчей, сделанном Вассианом, мы читаем: «По сей грани 11, аще именяются села монастырьскиа в правилех, но не иноком повелевает ими владети, но данныа им села от соборныя церкви епископом их хранятся от соборныя церкви икономом, и окоръмляются от него всякыми потребами повелением от епископа их или милостынею христолюбцев, аще не довлеются своим рукоделием» [7, с. 72].

Таким образом, монастырские села, упоминаемые в Соборных правилах, Вассиан трактует как села, принадлежащие соборным кафедральным церквам и лишь переданные монастырям с тем, чтобы доходы с них шли на содержание иноков.

Но позднее, сочтя, очевидно, это объяснение недостаточно убедительным, Вассиан в своем каноническом трактате «Собрание некоего старца», включенном в Кормчую, высказал иную версию: «О сем же, что в русских наших правилех, 4-го Събора правило 24 и Седмаго Събора

правило 12 и 18, писано к манастырем села – и сие есть блазнено по Божественому Писанию: кто будет сим Святая Писаниа подписал ложно в наших русских правилех, что манастырем села дрьжати. Но из богородцких правил соборныя церькви московьскыа греческаго писма, что вывезены из Цариграда митрополитом Фотеем, и в тех правилех во всех сел к манастырем не писано держати» [3, с. 234].

И далее Вассиан прилагает сделанный для него прп. Максимом Греком перевод указанных правил. К переводу Вассиан присовокупляет, очевидно, со слов прп. Максима Грека, пояснение о том, что встречающееся в греческом подлиннике слово «проастион» следует понимать как «пашни и винограды, а не села с житейскыми христианы» [3, с. 236].

Еще один комментарий дан самим прп. Максимом, в приписке в 3-й редакции «Собрания некоего старца»: «Агрос тлъкуется на трое, сиречь село, где люди живут, и пакы виногради и пашни без людей, яже преградия зовутся, и третие – лугы» [2, с. 67]. Так, путем критики текста, путем истолкования терминов и сверки с первоисточником, Вассиан пытался привести правила Кормчей в соответствие со своей концепцией и авторитетом церковных канонов подтвердить свое учение о «нестяжательности» монастырей.

В исследовательской литературе, в т.ч. церковных историков, распространено мнение о том, что борьбу против вотчинных прав Церкви Вассиан ограничивал отрицанием монастырского землевладения. Основанием для этого утверждения является известное место из Соловецких списков последнего полемического сочинения Вассиана – «Прения с Иосифом», где Вассиан следующим образом передает содержание своих бесед с великим князем Василием III по поводу монастырского и церковного землевладения: «Аз велю великому князю у монастырей села отъимати, а не у мирскых церквей» [4, с. 346]. Это место толковалось обычно в том смысле, что против собственности мирских храмов Вассиан не выступал и признавал за ними право на владение селами. Однако внимательный анализ остальных сочинений Вассиана показывает, что везде, где Вассиан говорил о землевладении мирских церквей, он имел в виду собственность только кафедральных епископских соборов.

Так, в «Слове ответном» Вассиан следующим образом трактует рассматриваемый вопрос: «Аз же не токмо манастырем предстоявших обретаю последнее нестяжание, по заповеди возлюбивших, но и самех во архиерейство восиавших: имь же от святых правил попущается некако стяжаниа движимая и недвижимаа дръжати, и сиа бо угодне устраати,

и изнуряти икоиномы, сииречь строительми, в потребах нищих и скудных, и вдовах, и сир, и приходящих странник, яко же повелевают грозными прещенми святая правила Седмых Събор» [3, с. 266].

В «Слове ответном», Вассиан прямо не говорит о церковном землевладении: он указывает лишь, что епископам-архиереям разрешалось держать некоторую движимую и недвижимую собственность для нужд нищих и убогих.

Более четко вопрос о церковном землевладении Вассиан ставит в Кормчей. В написанном для Кормчей каноническом трактате «Собрание некоего старца» Вассиан указывает: «Тако же и Росейскыа земли здешние наши началници и чюдотворци... сел к своим маяастырем не имали, но своих учеников учили по Еуангалию жити и по иноческому обещанию. Понеже села держати епискупом у соборныа церкви, нищих ради или убогых, и иное церковное богатьство, а не иноком, ни манастырем по своему обещанию» [3, с. 233].

В уже упомянутом выше пояснении, сделанном к 11-й грани Кормчей, Вассиан вновь касается этого же вопроса. Он говорит о том, что «монастыри не должны владеть селами и что в случае нужды иноки могут лишь пользоваться доходами с сел, принадлежащих соборной церкви и по указанию епископа приданных монастырям» [4, с.346]. В обоих высказываниях право на владение землями признается только за соборными церквами (под контролем епископов), причем в первом случае подчеркивается, что доходы с этих земель должны идти на нужды нищих, во втором – разрешается употреблять их частично для помощи монастырям.

Наиболее полно свои воззрения на церковное землевладение Вассиан излагает в «Прении с Иосифом». В 11-м пункте «Прения с Иосифом», указав, что «не подобает монастырем сел дръжати», Вассиан далее пишет: «У соборных церьквей у мирскых повелевают святая правила земли дръжати, но не епископу ими владети, ни попом, но все церьковное богатство ведати иконому и давати от него, со епископля доклада и с всего его Священнаго Собору попов его, причетником церковным всем комуждо что на потребу, такоже и нищим, и убогим, и плененных окупа ти и всяким в убожестве живущим помогати. Сего ради христолюбци приношают ко церквам соборным мирским своя имениа и богатства» [3, с. 279]. Из приведенного места совершенно ясно следует, что Вассиан признавал право на владение землями за соборными кафедральными церквами при условии использования доходов с них исключительно на нужды причта и для благотворительных целей.

За мирскими же храмами в целом, так же как и за монастырями, Вассиан этого права не признавал и побуждал великого князя произвести секуляризацию принадлежащих им земель. «Аз великому князю у манастырей села велю отъимати и у мирскых церквей» 4, с. 346], – категорическим согласием отвечал Вассиан на замечание прп. Иосифа Волоцкого о том, что он, Вассиан, пытался склонить великого князя к проведению секуляризации.

Таким образом, в своей борьбе против вотчинных прав Церкви Вассиан не ограничился отрицанием монастырского землевладения, Он добивался ликвидации всего церковного землевладения, делая исключение лишь для соборных кафедральных церквей.

Выступая против церковного и монастырского стяжания, ратуя за ликвидацию вотчинных прав Церкви, Вассиан прекрасно понимал, что для достижения этой цели одной идейной пропаганды недостаточно. Сломить сопротивление могла только сильная великокняжеская власть. Поэтому Вассиан «учил» великого князя «у манастырей села... отъимати и у мирскых церквей». Требование секуляризации церковных и монастырских земель, к проведению которой Вассиан стремился склонить великого князя, являлось естественным завершением его публицистической деятельности. Ставя вопрос о ликвидации всего церковного землевладения (исключая земли, соборных епископских церквей), Вассиан основное острие критики направлял, однако, против вотчинных прав монастырей. Но с программой секуляризации Вассиан выступил не сразу.

В своем первом произведении, посвященном осуждению монастырского стяжания, – первоначальной редакции «Собрания некоего старца», написанной еще в период пребывания в скиту Кирилло-Белозерского монастыря (1499-1503 гг.), Вассиан Патрикеев лишь обосновывал «нестяжательность» монастырей, не ставя вопроса о путях ликвидации монастырского землевладения.

В «Слове ответном», написанном уже после возвращения из ссылки (приблизительно в начале 20-х гг. XVI века), вопрос о монастырском и церковном землевладении Вассиан рассматривал уже более широко: он бичевал стяжательскую деятельность не только иноков, но и архиереев (что, возможно, было вызвано начинавшимся конфликтом Вассиана Патрикеева и нового митрополита Даниила Рязанца, сменившего в 1522 году благосклонно относившегося к князю-иноку митрополита Варлаама).

Наряду с этим в «Слове ответном» Вассиан высказал еще одну мысль, явившуюся логической предпосылкой для формулировки требо-

вания секуляризации. Возражая прп. Иосифу Волоцкому, утверждавшему, что никто, даже «венец носящий», не имеет права поднимать руку на церковное и монастырское имущество, так как источником его является «милостыня» – вклады по душе, Вассиан пишет: «Ниже да глаголемь непщеванием непщующе во гресех, яко благовернии князи сиа приложиша к священным манастырем о спасении душь своих и памяти родителий их, ниже бо изати ли возмогут от рук Божиих приложшеи сия» [3, с. 263].

Таким образом, Вассиан призывал не говорить, что князья не могут брать из монастырей сделанных ими вкладов, – тем самым он подвергал сомнению принцип неприкосновенности церковной собственности и, в частности, положение о том, что даже «венец носящие» не могут посягать на имущества, принадлежащие Церкви.

Логическим выводом из этого сомнения должно было быть утверждение права светской власти распоряжаться церковными имуществами и производить их отобрание. Но этот вывод Вассиан сделал позже.

То обстоятельство, что требование секуляризации Вассиан сформулировал сравнительно поздно, может быть объяснено двумя причинами: во-первых, тем, что только к этому времени у самого Вассиана окончательно созрело убеждение в том, что ликвидировать вотчинные права Церкви может лишь государственная власть; во-вторых, тем, что именно в эти годы влияние Вассиана на великого князя упрочилось, и он счел возможным, поэтому открыто выступить с программой секуляризации.

Анализ публицистических сочинений Вассиана Патрикеева позволяет установить не только основные черты его мировоззрения, но и его истоки. Основным источником, на который ссылается Вассиан, – учение прп. Нила Сорского. От преподобного Нила Вассиан заимствовал идеи полного нестяжания и пропитания иноков трудом рук своих. Насколько сильно было влияние творений прп. Нила, явственно видно из сопоставления основных произведений прп. Нила и Вассиана, посвященных монашеству, – «Предания» и «Устава» прп. Нила Сорского и «Собрания некоего старца» Вассиана.

Сопоставление показывает, что текст из «Собрания некоего старца», в котором Вассиан в сжатой форме излагает свои взгляды на монашество, находится и в композиционной и текстуальной зависимости от соответствующего места «Предания» прп. Нила Сорского. Подобно прп. Нилу Сорскому, отталкиваясь от авторитета святых отцов, Вассиан утверждает, что монахи должны питаться трудом рук своих и лишь в случае нужды могут принимать от христолюбцев милостыню. Эта

милостыня не только не должна быть излишней, но она не может быть связана и с эксплуатацией чужого труда: «Стяжания же, иже по насилию от чюжих трудов събираема, вносити отнюд несть нам на пользу» [1, с. 97], – говорит прп. Нил. У христолюбцев не подобает принимать «ни села, ни многаго богатства» [3, с. 232], – указывает Вассиан.

Отрицая вотчинные права монастырей и церквей, проповедуя «нестяжательность», Вассиан выступал и против украшения храмов и икон драгоценностями. В 14-м пункте «Прения с Иосифом» на слова прп. Иосифа Волоцкого: «О еже како Нил и ученик его Васиан глаголют и пишут, яко не подобает Божественых церквей и всечестных икон украшати златом и сребром, тако же и священых сосудов не подобает имети в церкви златых и сребряных», – Вассиан отвечает: «О сем тебе пишу, Иосифе, Иоан Златоустый о сем пишет, яко не подобает церквей украшати, а нищих и убогих обидети, но лучше есть нищим и убогим даяти, нежели церкви украшати» [3, с. 280].

Отрицательное отношение Вассиана к богатому церковному убранству приводится по аналогии с высказыванием прп. Нила Сорского. В «Прении с Иосифом» Вассиан высказывает ту же мысль о ненужности украшения церквей драгоценностями, которая была изложена прп. Нилом в его «Предании». Интересно, что свою мысль Вассиан аргументирует и тем же самым высказыванием свт. Иоанна Златоустого, с которого прп. Нил Сорский в «Предании» начинает рассуждения о церковном убранстве. Но при кажущейся похожести высказывания – прп. Нила Сорского и князя-инока Вассиана Патрикеева коренным образом отличаются – прп. Нил никогда не предлагал рецепцию своего учения для всей Церкви, ограничивая свое «Предание учеником» духовным чадам своего скита.

Учение Вассиана Патрикеева отличает от учения прп. Нила Сорского и еще одна существенная черта, которая сразу заметна – внимание к практическим вопросам организации монашества в противоположность сосредоточенности прп. Нила Сорского на внутренней духовной стороне жизни инока. Мировоззрение прп. Нила сложилось под влиянием афонских исихастов-подвижников. Отсюда его созерцательность и проповедь внутреннего самоусовершенствования, основанная на «умной молитве». В творчестве Вассиана Патрикеева вопрос о духовной жизни инока, о его внутреннем самоусовершенствовании не занимает никакого места. Правда, Вассиан пишет о том, что прославлять Отца Небесного иноки должны своими добродетелями – «постом и молитвою чистою, правдою

же и целомудрием, молчаниемь же и безмолвием, смирениемь же и безпечалием житейским» [3, с.263]. Но, перечисляя иноческие добродетели, Вассиан всего лишь отдает дань традиции. Все свое внимание он сосредоточивает на важнейшем вопросе организации монастырей – вопросе об их вотчинных правах и решает его в отрицательном для монастырей смысле.

Из всего вышеприведенного можно сделать единственный вывод: князь-инок Вассиан Патрикеев был беспринципным идеологом и политическим деятелем. Целый ряд разнообразных фактов убедительно доказывает, что этот вывод не является ошибочным. В свою очередь, с полным основанием можно утверждать, что сама идеология «нестяжательства» провозглашенная и отстаиваемая Вассианом Патрикеевым – это основанная на греховном отношении к церковному достоянию духовная и интеллектуальная провокация опальной элиты.

Литература

1. *Белякова Е.В.* Устав пустыни Нила Сорского // Литература Древней Руси. Источниковедение. М., 1988. С. 97.
2. *Буланин Д.М.* Переводы и послания Максима Грека: Неизданные тексты. Л., 1984.
3. *Казакова Н.А.* Вассиан Патрикеев и его сочинения. Л., 1960. С. 263.
4. *Казакова Н.А.* К изучению Кормчей Вассиана Патрикеева // ТОДРЛ. Т. XXX. Л., 1974.
5. *Кожинов В.В.* История Руси и русского слова. Опыт беспристрастного исследования. М., 2001
6. *Морозова Л.Е.* Сочинения Зиновия Отенского. М., 1990.
7. *Плигузов А.И.* Кормчая Вассиана Патрикеева // Исследования по источниковедению истории СССР XIII-XVII вв. М., 1986

М.В. Михайлова
кандидат филологических наук,
доцент кафедры лингвистики
Московского государственного института культуры,
заместитель заведующего кафедрой лингвистики
Московского государственного института культуры
Москва (Россия)
E-mail: nemashasky@mail.ru

Эволюция восприятия царской власти в русской литературе (90-е годы XV в. – 40-е годы XVII в.)

Аннотация. В статье рассматривается изменение отношения человека к царской власти и исследуется происходящая в связи с этим эволюция сознания древнерусского человека. Автор анализирует и сравнивает произведения таких древнерусских писателей, как Максим Грек, Федор Карпов, Иван Пересветов, Андрей Курбский, Иосиф Волоцкий.

Ключевые слова: царская власть, эволюция сознания, сакральность, богопоставленность, служение царю.

Mariya V. Mikhaylova
PhD in Philology,
Associate Professor of the Department of Linguistics,
Moscow State Institute of Culture
Moscow (Russia)
E-mail: nemashasky@mail.ru

The evolution of the perception of tsar's power in the Russian literature (the 90s of the XVth century – the 40s of the XVIIth century)

Abstract. The changing of the man's attitude to tsar's power is investigated in the article, besides the evolution of consciousness of an Old Russian man connected with this changing is also dwelt upon. The author of the article analyses and compares the literary works of such Old Russian authors as Maximus the Greek, Fyodor Karpov, Ivan Peresvetov, Andrey Kurbsky, Joseph Volotsky.

Keywords: tsar's power, the evolution of consciousness, sacredness, godliness, service to the tsar.

Тему восприятия человеком царской власти рассматривают многие авторы периода конца XV в. – I пол. XVII в. – стадии миропростижения в русской литературе (см. подробно о стадиальном развитии литературы и мировоззрения [9]). В литературе этого периода становится все более заметным господство разума и прагматического отношения к действительности, постепенно происходит секуляризация сознания. Все это приводит к появлению и развитию мирского начала в сознании человека. Безусловно, вышеупомянутые изменения в миропонимании не могли не повлиять на восприятие царской власти. Эти изменения в отношении человека к царской власти мы и попытаемся проследить в нашей статье.

Основной принцип, которого придерживаются авторы, и который в основном фигурирует в произведениях в начале рассматриваемого периода, заключается в богопоставленности самой царской власти. Господь «по своей ему воли дает власть, и царство, и славу емуже хощет, и скипетры царствия поручает» (Из «Степенной книги царского родословия», [2]). А.Л. Юрганов в статье «Опричнина и Страшный суд» пишет, что в то время «господствовало твердое христианское убеждение, что нет власти не от Бога. Более того, власть государя уподоблялась власти Божьей» [13, с. 56-57]. Власть правителя рассматривается как нечто сакральное, такому восприятию ее, конечно, способствовало произошедшее в 1453 г. падение Константинополя. Данное событие нашло вполне логичное объяснение у древнерусских авторов: это не что иное, как наказание за отступление от православной веры, роль Руси и Москвы при этом переосмысляются, а размышления о сакральности царской власти становятся все более отчетливыми.

Весьма устойчивым было понятие о царе как о батюшке, о спасителе, о посреднике между человеком и Богом, а подчинение царю, помазаннику Божиему, рассматривалось древнерусскими книжниками как одно из непременных условий спасения человека. «Мы, человеци, идже естьмя в семъ мори велицемъ, в нем же бури бѣдны, требу имамы жити под цари, иже нас въ царьствѣхъ и градехъ своихъ по коегождо сподоблению праведнѣ пасуть, неповинных защищають, вредимыхъ разърѣшають, вредящих и озлобляющихъ казнят, неисцѣлныхъ же весма от среды благыхъ возъмутъ» [1] – так пишет один из наиболее оригинальных и образованных русских публицистов XVI века Федор Ива-

нович Карпов. Именно поэтому в литературе рассматриваемого периода встречается так много наставлений человеку, как именно и почему нужно служить царю.

Одно из центральных произведений древнерусской словесности «Домострой» напутствует: «Царя боися и служи ему верою, и всегда о немъ Бога моли, и можно отьнюдь не глаголи предъ нимъ <…> яко самому Богу, во всемъ повинуйся ему» [4, с. 11]. В «Домострое» часто фигурирует понятие страха, страх в данном случае означает благоговение, глубокое почтение по отношению к тому, кого человек «страшится». Человек-подданный молится за своего царя, и царь совершает молитву за своих подданных, так осуществляется принцип синергии в общем деле спасения.

Царю полагалось служить верой и правдой, каждый человек для личного спасения обязан исполнять «всякую правду» [12, с. 81], а великий князь в этой структуре является правдой мира сего. Кто противится царской власти, тот противится Богу. Помазание царя придавало ему специфический сакральный статус, особую харизму. «Царь как бы принадлежит иной, высшей сфере бытия» [См. об этом: 10, с. 24]. Поэтому и задачи русского царя, пишет исследователь А.Л. Юрганов, приобретают своего рода мессианистический характер, царь уподобляется Богу, а потому именуется Спасом [См. об этом: 10, с. 24-25]. Царь словно говорит от лица грешников, он – мученик во имя всего царства, именно поэтому от человека ожидается безусловное подчинение царю, ведь все это происходит во имя богоугодных целей.

У другого автора рассматриваемого нами в данной статье периода русской литературы И.С. Пересветова одной из центральных идей также является учение о царе, как об образе Бога, соглашаясь в этом с другими писателями конца XV в. – I пол. XVII в., И.С. Пересветов развивает идею помазания на царства, идею царя как наместника Бога на земле. Царь способствует спасению души, лечит духовные недуги, поэтому служение царю приравнивается к сохранению души человека. Царь и его власть – это величайшее благо для подданных. «Царь – носитель всецелой полноты и величия власти. Особа царя священна» – пишет А.И. Филюшкин [11, с. 144]. Поскольку царь является наместником Бога на земле, выступления против царя приравниваются к выступлениям против Бога и, следовательно, являются тяжким грехом. Размышляя об идее наместничества на земле, стоит все же быть внимательными и помнить о том, что царь не может претендовать на полное духовное господс-

тво, поскольку, будучи наместником Бога на земле, он – посредник в деле спасения человека, но никак не замещает Господа.

Православный царь у И.С. Пересветова изображается как мессианская фигура, только царь может преодолеть рознь мира сего, восполнить нарушенную целостность общественного бытия. Публицист выдвигает мысль о том, что царь ответственен за дело народа, конечной целью государя является благо его подданных. Устами одного из героев своих произведений («Сказание о Магмете-салтане») султана-«философа» Пересветов раскрывает читателю учение о царе как об образе Бога. Проникнувшись уважениям к христианским книгам, таким царем стал Магмет-салтан, который внял заповедям Христовым. «Таковому было быти християнскому царю, всеми правдами Богу сердечную радость воздати и за веру християнскую крепко стояти» [7, с. 72] – так рассуждает иноверный правитель, который постепенно проникается сознанием того, что Божественная правда, справедливость неизбежно приводит к вере, вера позволяет постичь великий смысл и назначение дарованной Богом власти. Это постижение возможно потому, что правду, как было отмечено ранее, Пересветов считает непременно богоугодной. «Магмет, турской царь – снял образец жития света сего со християнских книг» – говорится в «Сказании о книгах», логика Божественного замысла открывается правителю через опыт христианских книг. Таким образом, Магмет-салтан являет собой пример добродетельного человека, «до скончания веку своего Бога в сердцы своем имел и веры христианския из мысли не выпустил, и поту чела своего уживал, и ничево из казны своея царьския во уста своя не имал; а рек тако: Исполняю заповедь Божию» [7, с. 84].

Еще одна важная мысль о царской власти, которая фигурирует в творчестве Пересветова – это идея о царской «грозе». «Не мощно царю царства без грозы держати», «какъ конь под царемъ без узды, так и царство без грозы» – говорится в «Сказании о Магмете-салтане» [7, с. 72]. Царская «гроза» очищена от пороков. И человек должен смиренно принимать эту «грозу», ведь власть предана Богу и невозможно служить Богу, минуя праведного царя. Участие в деле Божием – непременное условие личного спасения.

Интересно также обратиться к произведениям значимой фигуры того времени Андрея Курбского. Как человек государственный, к тому же находящийся в постоянной полемике с царем Иваном Грозным, князь Андрей Курбский не мог обойти вниманием вопрос царской власти, ее границ, восприятия царской власти человеком, а также роли личности монарха.

Андрей Курбский считал, что роль личности монарха чрезвычайно велика, поэтому все изменения в жизни России и русского человека напрямую связаны с «нравственными “метаморфозами”» царя[1]. Но есть и обратная сторона: нравственный облик государя создает его ближайшее окружение, поэтому благочестивые подданные так важны, в некотором роде царь, по мнению исследователя А.В. Каравашкина, играет пассивную роль воспитуемого. Князь Курбский особенно подчеркивает важность и даже необходимость христианина беседовать только с благочестивыми мужами, поэтому он и приходит к выводу, что советники царя – это избранники Божии, царское окружение может состоять только из тех, кто верен заповедям и достигает, таким образом, действительной святости. В этом случае получается симфония царя и благочестивых мужей, которые охраняют душу царя, таким образом, это соработничество окормляет царство и весь христианский род.

Вопрос помазания царя на царство является одним из центральных в «Переписке Ивана Грозного с Андреем Курбским». «Переписка» считается многими исследователями уникальным явлением, и это действительно так, ведь в ней мы можем видеть позиции правящего человека и его подданного по очень важным и принципиальным вопросам. Вопрос советников рассматривался Курбским чрезвычайно подробно, царь у Андрея Курбского – человек, нуждающийся в умных и дельных помощниках, Курбский считает, что власть царя должна быть ограничена, и советники царя как раз и играют эту роль, потому что неограниченная царская власть становится по сути своей богоборческой и антихристианской. Примечательно, что у Ивана Грозного совершенно противоположные взгляды, в переписке он подчеркивает, что царь – это земной Бог. Позиция Андрея Курбского оспаривается многими ведущими исследователями, например, Р.Г. Скрынниковым. Подданные, по его мнению, не могут вмешиваться в государственные дела, «законный монарх, получивший власть от самого Бога, не должен делить ее ни с кем» [8, с. 318].

Интересно также обратиться к произведениям Иосифа Волоцкого, он пишет, что праведный царь – это символ справедливости, кормчий, который ведет своих подданных ко спасению. Царь на земле обязан быть справедливым, так же, как справедлив небесный владыка. С ним соглашается и Максим Грек, он уверен, что царь может и должен править

---

[1] Данный термин вводится А.В. Каравашкиным, см. его работу «Русская средневековая публицистика». М., 2000. С. 312.

исключительно на основе справедливости и правды, он соглашается в этом с вышеупомянутыми публицистами, что царь – это проповедник Божьей воли на земле, посредник и помощник в деле спасения людей. Царская власть, в силу своей божественности, имеет исключительно высокий авторитет. «Якоже кормчий бдит всегда, тако и царьски многоочиты твой ум съдержит твердо добраго закона правило, иссушаа беззакониа потоны, да корабль всемирныа жизни, сиречь всеблагаго царствиа твоего, не погрязнет волнами неправды» [6, с. 184]. В «Отрывке из Послания великому князю» мы можем видеть некоторые наставления автора, обращенные к правящему человеку: «Подобает же ти, благочестивый царю, всяко тщаниа и о благочестии имети и сущих под тобою от треволнения спасати, душевна и телесная, и душевное бо есть треволнение еретичьское учение, телесное же есь треволнение – татьба и разбойничество, хищение, и неправда, и обиды, и прочаа злаа дела, иже убо телесные врежаютъ, а не душевне» [6, с. 184]. Здесь мы вновь видим то колоссальное значение, которое имеет благочестивый царь для подданных и для всего царства.

Что примечательно, Максим Грек вовсе не идеализирует образ царя, публицист признает, что царь может страдать от трех злостных страстей: сластолюбие, славолюбие и сребролюбие, причем сребролюбие Максим Грек считает корнем всего зла. Стоит вспомнить о трех спасающих от этих страстей добродетелях: правда, целомудрие и кротость. Поэтому первоочередная задача государей – «крепкой уздой обуздывать свои богомерзкие плотские страсти» [1]. Самодержец – это тот, кто обуздывает и держит себя, тот, кто преодолел свои пороки и есть самодержец, ведь не может быть ничего нелепее, чем погрязший в грехах правитель. Если царь – самодержец в истинном понимании этого слова, то он соответствует нравственному идеалу и может служить примером для своих подданных.

Итак, мы рассмотрели важнейшие аспекты восприятия царской власти древнерусскими книжниками в период с конца XV в. до первой половины XVII в., обратив свое внимание на положительный образ царя в русской литературе. Царь в основном воспевался древнерусскими авторами, характерны были длинные, полные благоговения и похвальных слов обращения к властителям, все произведения литературы, которые касались вопроса царской власти в отношении царя чаще всего были наполнены такими прилагательными, как пресветлый и пресветлейший, праведный, благоверный, богохранимый, преславный, благо-

родный, боговенчанный, многопочтительный, высокопрестольнейший [1,2]. Стоит отметить, что постепенно происходит эволюция в понимании концепции царской власти писателями. Началось это еще во времена Смутного времени, в этот период появляются сомнения в божественном происхождении царской власти, как следствие, возникают самозванцы и в произведениях древнерусских авторов понемногу начинают фигурировать критические размышления о деятельности монарха. Начинается десакрализация образа правителя и появляется все больше портретов неблагочестивых царей.

Первые и наиболее дипломатичные указания на образ нечестивого властителя появляются у публициста Федора Карпова. «Но увы, – пишет публицист, – ужо в нынѣшные времена мнози началники на своихъ подвластныхъ и сирыхъ не призираютъ, но их под невѣрными приказъщики погнетатися попускають, о стражбѣ должной стада порученнаго не радяще, под тяжкою работою терпѣниа жити своихъ попускають, и не расматряють, яко человечьский род немощенъ есть и паче похотѣнию последуеть чювственому, неже правому словества суду» [1]. Сначала такие отсылки читателя к отрицательным качествам в образе правителя весьма аккуратны, они вписаны в текст повествования и идут параллельно с положительными качествами, постепенно авторы становятся более смелыми в своих суждениях о государе. В повести Ивана Андреевича Хворостинина «Словеса дней, и царей, и святителей московских», написанной в первой четверти XVII века, рисуется образ царя Бориса с его как положительными, так и отрицательными чертами. «Аще убо лукав сый нравом и властолюбив, но зело и боголюбив: церкви многи возгради и красоту градцкую велелѣпием исполни, лихоимцы укроти, самолюбных погубив, областем странным страшен показася, и в мудрость жития мира сего, яко добрый гигантъ облечеся, приим славу и честь от царей, и озлоби люди своя, и востави сына на отца и отца на сына, и сотвори вражду в домѣхъ ихъ, и ненавидѣние и лесть сотвори в рабѣхъ, и возведе работныхъ на свободныя, и уничижи господа началствующих, соблазни миръ, и введе ненависть, и востави рабы на господей своих, и власти силных отъя, и погуби благородныхъ много» [3]. Писатель также не забывает упомянуть о том, что Борис согрешил, возгордившись и обратившись к чародейству.

Произведение неизвестного автора «Описание винъ или причинъ, которыми къ погибели и къ разоренью всякие царства приходять, и которыми дѣлами въ цѢлости и въ покою содержатца и строятца», являю-

щееся памятником исторической мысли, наполнено размышлениями о том, что в бедствиях могут быть виноваты как людские пороки, так и грехи их властителей. Автор становится более смелым в своих суждениях, он не боится давать властителям указания, как следует себя вести и как править. Читатель также может увидеть мысль о зависимости благочестия подданных от благочестия их правителей: «Надобет государем и начальником во всякомъ государстве добро и праведно жити, чтобы были обрасцом всякихъ добродѣтелей того для, что каковых обычаевъ будет царь, таковы же, смотря на него, будут и подданые его. Есть к тому и простая притча: каков купецъ или торговый человекъ, таков и товаръ его» [3]. Здесь, как и у писателя И.А. Хворостинина, помимо положительного образа, рисуется возможный отрицательный образ царя.

Анализируя аспекты возможного негативного восприятия царской власти, невозможно не обратить внимания на «Плач о пленении и конечном разорении Московского государства», созданный также неизвестным автором. Автор осмысляет причины бедствия, обрушившегося на государство Московское, его последствия и историческое значение, в своей оценке он весьма смел, поскольку обвиняет в бедствиях, обрушившихся на Русь не только народные прегрешения, но и прегрешения правителей. «Сего ради падеся превысокая Россия, и разорися толикии твердыи столпъ. Сущии в немъ живущии царие вмѣсто лѣствицы къ Богу возъводящеи спасительных словесъ, еже раждаются от книгородных догматовъ, прияша богоненавистныя дары: бѣсовския козни, волшбу и чарование. И вмѣсто духовных людей и сыновъ свѣта возлюбиша чадъ сатаниныхъ, иже отводятъ от Бога и от неблазненаго свѣта во тму. И не даша мѣста умному видѣти своему слуху словеси правдива, но клевету на благородныхъ ненависти ради ясно послушающе и крови многочисленнаго народа того ради, яко рѣка, излияша. И вмѣсто непобѣдимаго жезла богоподражателныя кротости и правды гордость и злобу возлюбиша» [3] – автор непреклонен в своих суждениях. Интересно также то, что автор не идеализирует никого из царей, даже Федора Ивановича, который был неким исключением для писателей Смутного времени, ему возносили хвалу, например, в «Повести о житии царя Федора Ивановича» [3].

Итак, рассмотрев интересующую нас тему отношения человека к царской власти в литературных памятниках стадии миропостижения в русской литературе, мы можем проследить изменения в восприятии людьми государевой власти: от вознесения хвалы царю-батюшке

и безусловного его почитания до появления сомнений в богопоставленности царя и попыток критики его деятельности. Эти изменения появляются в древнерусской литературе не сразу, однако, безоговорочно указывают на постепенную десакрализацию образа монарха в сознании человека.

Литература

1. Библиотека литературы Древней Руси. Том 9. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4887 (Дата обращения: 09.06.2019)
2. Библиотека литературы Древней Руси. Том 12. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=9890 (Дата обращения: 09.06.2019)
3. Библиотека литературы Древней Руси. Том 14. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10860 (Дата обращения: 09.06.2019)
4. Домострой. СПб., 1867.
5. *Каравашкин А.В.* «Русская средневековая публицистика». М., 2000.
6. Послания Иосифа Волоцкого. Подготовка текста А.А. Зимина и Я.С. Лурье. М. – Л., 1959.
7. *Ржига В.Ф.* Пересветов – публицист XVI века. М., 1908.
8. *Скрынников Р.Г.* Великий государь Иоанн Васильевич Грозный. В 2-х томах. Т. 1 (Тирания). Смоленск, 1996.
9. *Ужанков А.Н.* Стадиальное развитие русской литературы XI – первой трети XVIII в. Теория литературных формаций М.: Издательство Литературного института им. А.М. Горького, 2008.
10. *Успенский Б.А.* Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русского переосмысление). М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.
11. Филюшкин А.И. Термины «царь» и «царство» на Руси // Вопросы истории. 1997. № 8.
12. *Юрганов А.Л.* Категории русской средневековой культуры. М., 1998.
13. *Юрганов А.Л.* Опричнина и страшный суд // Отечественная история, 1997 № 3.

А. К. Сухарев

кандидат исторических наук,
методист ГБОУДО МДЮЦ ЭКТ
Москва (Россия)
E-mail: Sukharev_AK86@mail.ru

Корни мотива употребления лука при встрече с врагом в былине «Илья Муромец и Словей Разбойник»

Аннотация. Данная статья посвящена установлению происхождения в былине «Илья Муромец и Соловей разбойник» мотива пускания богатырем стрелы в голову противника. Несовместимое с жизнью ранение, которое получает чудовищный Соловей, совершенно не согласующееся с задачей богатыря доставить злодея в Киев как живое доказательство расчистки прямоезжего пути и победы над врагом, заставляет предположить архаические истоки мотива пускания стрелы в Соловья, унаследованные из стадиально более древней версии данной былины.

Ключевые слова: эпос, былина, Соловей разбойник, Илья Муромец, киевский цикл.

Alexander K. Sukharev

PhD in history,
Methodist at Moscow Children's and Youthful's Centre
Moscow (Russia)
E-mail: Sukharev_AK86@mail.ru

The roots of the motive of using a bow at the moment of meeting the enemy in the epic tale «Ilya Muromets and Solovey the Robber»

Abstract. This article inquires the origins of one of the most enigmatic motifs in the ancient Russian epic tale about Ilya's victory over Solovey the robber. Running against this monstrous semi bird-shaped enemy during his journey to Kiev Ilya sends an arrow to his head and makes to the enemy harm incompatible with life. But this action of the hero does not correspond with his main aim – to deliver the robber to Kiev like the best prove of his great exploit. This fact suggests and proves some idea that Ilya's use of the arrow against his enemy has its origin in some ancient version of

this tale which had arisen earlier than the tale about Solovey the robber became one of the Kiev's epic circle tales.

Keywords: epic tale, Ilya, Solovey, heroic tale, Ilya Muromets.

Во всех без исключения многочисленных вариантах былины «Илья Муромец и Соловей разбойник» богатырь Илья неизменно использует для победы над чудовищным Соловьем лук и стрелу. На первый взгляд целесообразность употребления этого оружия не вызывает сомнений. Соловей традиционно стережет прямоезжую дорогу на Киев, сидя на деревьях, зачастую в гнезде, свитом сразу аж на семи, девяти, а то и двенадцати дубах[1], так что с земли иными способами его не достать. Кроме того, чудовищный противник богатыря наделен фантастическим оружием, которое исключает возможность для кого бы то ни было приблизиться к нему на близкое расстояние. Речь идет о его смертоносном свисте невероятной силы, от которого замертво падает все живое, и даже деревья пригибаются к земле[2]. Таким образом, лук и стрелы оказываются наиболее подходящим оружием для поражения Соловья с дальнего расстояния.

Однако при внимательном прочтении песни бросается в глаза ряд противоречий между целью, стоящей перед героем – захватить Соловья в плен и доставить его живым в Киев, без чего никто из киевлян не поверит в то, что он и впрямь одолел Соловья[3], и результатом его стрельбы

[1] [6, № 191, Ст. 99-101]: «Приезжает Ильюша к сырым дубам: / Сидит Соловей-разбойник на семи дубах, / Захватывает злодей он на семи верстах». то же [4, № 53, Ст. 115]. Двенадцать дубов упомянуты, к примеру, в: [5, № 69, Ст. 92-93].

[2] [4, № 53, Ст. 115-120]: «Он сидит-то на семи дубах, / Он свистит по-соловьиному, / Закричит он по-звериному, / Зашипит он по-змеиному – / С гор сползут пески сыпучие, / Лесы, рощи к земле склоняются». То же [6, № 195, Ст. 103-109]. О смертоносном характере свиста Соловья см., к примеру, [6, № 172, Ст. 200-204]: «Свище Соловей по-соловьиному, / Как шипит Соловей по-змеиному, / Крицит Соловей да по-звериному, / Как нельзя-то ехать добру молодцу, / Убиват своим свистом Соловьиным».

[3] Традиционно во всех вариантах былины по прибытии Ильи в Киев княжеское окружение и нередко сам Владимир встречают заявление Ильи о том, что он добрался к ним прямоезжей дорогой, неверием и насмешками. К примеру, [5, № 71, Ст. 93-110]: «Распроговорил красно солнышко Владимир-князь: / «Я не знаю тебе ни имени, ни вотчины, / И не знаю тебя да отечества! / Ты какой земли, какого городу?» – / «Уж я города ноньче да Мурома, / А села-то я да Карачарова. / А зовут меня Илеюшко, да Илья Муромец / Да сын Иванович!» – / «Ты покудова ехал, по

в злодея. В подавляющем большинстве версий и вариантов песни стрела, пущенная Ильей, попадает Соловью прямо в глаз, и зачастую пробивает голову насквозь, вылетая левым ухом. По сути злодей получает смертельное ранение и должен пасть на землю замертво. Тем не менее он остается жив и не требует никакого лечения. Его парадоксальное спасение обычно никак не объясняется. Изредка в некоторых вариантах былины Илья лишь перевязывает ему голову, оказывая своего рода «первую помощь» и оттягивая смерть злодея до приезда в Киев[1]. Но в Киеве выясняется, что рана Соловья была практически неопасной. Во время полушутливого испытания его силы по приказанию князя Владимира злодей ведет себя как ни в чем не бывало. Рана скорее делает его смиреннее, нежели ослабляет, и уж никак не угрожает его жизни[2]. Это обстоятельство резко контрастирует с характером полученной злодеем раны. И подчас оно вызывало недоумение даже у самих старинщиков, сказывавших эту былину[3]. Наличие данного парадокса вызывает сомнение, действительно

куда путь держал?» / «Уж я ехал дорожкой да премоеждею!» / Говорят все сильнии-могучие богатыри: / «Ох ты гой еси, красно солнышко Владимир-князь! / Во очах-то детинка да завираетце! / Уж где ему проехать дорожка-то премоеждея! / Залегла та ведь дорожецка тридцеть лет / От того-то Соловья нонь да разбойника!» / «Ох ты гой еси, красно солнышко Владимир-князь! / Если вы не верите мне, то пойдемте: / Я привёз разбойника на двор к себе!»»

[1] [6, № 208, Ст. 58-61]: «Подъежжал Илья Муромец к Соловью-разбойнику – / Соловей-разбойник был ешче во живностях – / Перевёзал ёго буйную голову своим носовым платком, / Привязал ко стремени ко булатнёю».

[2] В ряде вариантов имеется сцена предварительного отпаивания Соловья вином и медом, чтобы вернуть ему прежнюю силу, якобы поубавившуюся от полученной раны, однако речи о том, что злодею тем самым возвращается его жизненная сила вообще, не идет. Его жизни ничто не угрожает, он не находится при смерти и вполне жизнеспособен. Поэтому в дальнейшем в песне ему никогда не сохраняют жизнь. См.: [6, № 174, Ст. 386-455]; [6, № 206, Ст. 315-364]; [6, № 207, Ст. 145-180]; [6, № 208, Ст. 165-190]. Отпаивание Соловья обычно встречается в нескольких пудожских вариантах былины. В мезенских, к примеру, отпаивания нет, и Соловей ведет себя как ни в чем не бывало, спокойно свистит во всю мочь и не жалуется на свою рану – [5, № 68, Ст. 225-245]; [5, № 69, Ст. 190-205]; [5, № 71, Ст. 100-124]; [5, № 70, Ст. 125-150].

[3] Не имея возможности объяснить парадокс между характером ранения Соловья и тем, что он, получив такую рану, оставался жив, старинщики, прерывая пение, от себя добавляли ремарку, что Илья, мол, его этим выстрелом только ранил или сбил, а не убил. Тем самым они смягчали последствия выстрелы Ильи из лука в противника, давая последнему логически обоснованный шанс на выживание. См, к примеру, [6, № 194, Ст. 87-94]: «Попадала тая стрелочка / А во Соловья Рахматова,

ли стрела была тем оружием, с помощью которого Илья мог обезвредить злодея и взять его в плен живьем. Для этого богатырь располагал куда более подходящими средствами, и в первую очередь собственной огромной физической силой. Во многих вариантах песни, где имеется мотив преодоления богатырем дополнительных застав на пути к Соловью, герой пробирается сквозь непроходимый лес и болота, вырывая голыми руками дубы из земли и выстилая ими путь через топи[1]. Стало быть, у него было достаточно сил, чтобы просто стряхнуть злодея с дуба или дубов, на которых тот сидел. Кроме того, мощь Ильи такова, что он оказывается единственным героем песни, на которого вообще не действует свист Соловья. Даже конь Ильи падает окарачь, но богатырь спокойно извлекает лук, берет стрелу, целится и пускает ее злодею в голову[2]. Значит для Ильи, каковым он изображается в былине, не составляло труда противостоять свисту Соловья и подойти к дубам, на которых тот сидел, и стряхнуть его на землю. Тем не менее этого никогда не происходит.

Выстрел Ильи и его последствия находятся друг с другом в противоречии, и это говорит о том, что сам выстрел намного старше всех остальных действий богатыря в отношении Соловья (суть которых сводится к необходимости захватить его живым и доставить в Киев) и имел место в сюжете песни задолго до того, как мотив пускания стрелы Соловью в голову приобрел свое нынешнее значение[3]. Очевидно лук и стрела, используемые героем в схватке с противником, некогда играли иную роль в сюжете песни и вероятно входили неотъемлемым элементом в сюжет архаического прасюжета былины, в котором схватка его с Соловьем выглядела иначе. Стрела, выпущенная Ильей, была явно роковой для Соловья. Об этом говорит, не только характер полученной злодеем раны, но и тот факт, что в довольно большой группе вариантов былины стрела

/ И свалила тая стрелочка / Оттуль Соловья Рахматова, / А Рахматова разбойничка, / Повалился, будто сенная-та кучищо, / А до смерти не убило ли, / Только Соловья разило ли».

[1] Например [6, № 193, Ст. 110-114]: «Тут скакал Илья со добра коня, / Левой рукой коня ведет, / А правой рукой дубья рвет, / Мостит мосты все дубовые».

[2] См, к примеру, [5, № 71, Ст. 46-55]; [6, № 169, Ст. 210-234]; [6, № 174, Ст 230-240].

[3] Это вполне согласуется с общим характером сюжета былины, давно отнесенной исследователями русского героического (былевого) эпоса к числу архаических песен, сложившихся до формирования киевского цикла и имеющих в центре повествования борьбу героя с чудовищным противником: см. [3, с. 35; 239-257]; [1, с. 411].

оказывается не простой, а волшебной. Фактически она живая. Богатырь нашептывает ей путь, определяя не только цель, но и способ поражения злодея. В этом наказе стреле очевидно прослеживается цель сразить противника наповал[1]. Вероятно, прежде герой песни не собирался оставлять Соловья в живых и не намеревался его никуда везти. Об изначальном характере схватки Ильи с Соловьем может поведать параллель, обнаруживающаяся в чукотской волшебной богатырской сказке «Ёнавьёчгын», сюжет которой вплоть до отдельных деталей схож с былиной о Соловье.

Ёнавьёчгын жил вместе со своей женой и каждый день ходил на охоту. И вот вернувшись однажды как обычно домой, он не застал там жены. Ее поиски ни к чему не привели, и лишь чудом Ёнавьёчгын узнал, что с ней произошло. Ему помог встретившийся на пути песец, который рассказал герою, что его жену похитил, налетев посреди дня, огромный мужчина с крыльями, который был орел. Этот мужчина-орел унес жену Ёнавьёчгына в свою страну. Песец велел герою отправляться в страну орлов, чтобы вернуть жену, и предупредил его о грозной опасности, лежащей на пути. Вход в страну орлов, где живет главный орел, умыкнувший жену Ёнавьёчгына, лежит через длинный холм, который стережет другой гигантский орел. Этот орел столь велик, что, сидя на холме, почти весь его закрывает своим телом. Этот грозный страж хоть и дремлет, но всегда начеку. Пройти мимо него незаметно невозможно. Песец велит герою смастерить лук и две стрелы, которыми он должен убить орла-стражника. Ёнавьёчгын должен незаметно подкрасться к орлу и пустить стрелу ему в голову, а затем вслед за ней вторую, чтобы добить орла. После этого путь в страну орлов будет свободен. Песец предупреждает героя, что он должен стрелять без промаха, ибо в противном случае орел убьет его. Выслушав слова песца, Ёнавьёчгын, смастерив лук и прихватив с собою две стрелы, отправляется в путь и встречает на холме гигантского орла. Одолев его, как велел песец, он направляется дальше к дому главного орла, в котором и живет его жена. А далее он совместно с ней хитростью одолевает врага, и они вместе возвращаются в родные края [7, с. 218-221].

---

[1] [6, № 193, Ст. 130-136]: «Он натягивал свой тугий лук, / Калёной стрелы приговаривал: / «Не пади-ко ты ни на воду, ни на землю, / А пади Соловью-разбойнику во правый глаз / И выходи во лево ухо, / Обосрони-ко Соловья-разбойника о сыру землю, / Пролей-ко кровь по сыру дубу!»»; [6, № 198, Ст. 94-100]: «Сам тугой лук натягиват, / Сам стрелочку направливат: / «Лети-ко, стрелка, по поднебесью, / А пади ко Соловью во правой глаз, / А вылети во лево ухо!»».

В этой сказке бросается в глаза типологическое сходство эпизода встречи Ёнавьёчгына с орлом-стражником, охраняющим вход в свою страну, и Ильи Муромца с Соловьем разбойником, стерегущим дорогу в Киев, а на деле, как выясняется из анализа песни, в свою собственную усадьбу. Оба противника героев стерегут вход в иной мир, в который нельзя попасть иным путем. Оба имеют обличье гигантской птицы[1]. Оба постоянно пребывают на чеку и неотлучно сидят на своем посту. И обоих герои поражают стрелой. В сказке о Ёнавьёчгыне цель пускания стрелы очевидна. Это единственный верный способ сразу убить чудовищную птицу, голова которой, очевидно, единственное уязвимое место. Но до головы орла охотнику не достать. И, главное, Ёнавьёчгыну во что бы то ни было необходимо было остаться незамеченным его врагом, иначе его гибель была бы неизбежной. В силу этих причин он разит орла-стража издалека и прибегает к помощи лука. Аналогичным образом действует и Илья Муромец. Пуская стрелу в глаз Соловью, он, во-первых, стремится сразить чудовищного противника наповал, и, во-вторых, поразить его с дальнего расстояния, как из-за внушительной высоты, на которой находится гнездо врага, так и из-за смертоносного и могучего свиста злодея, который практически исключает возможность подступа к его гнезду. Но в отличие от Ёнавьёчгына у былинного Ильи есть одно важное преимущество – его невероятная сила, которую не способен одолеть даже соловьиный свист. Ёнавьёчгын, напротив, такой силой не обладает и орла боится. Он должен застать орла врасплох, поскольку второго шанса его одолеть у него не будет. Илье свист Соловья не страшен. Он не сбивает его с ног и не лишает богатыря жизни[2]. Если бы не конь, который падает от свиста злодея на колени, Илья мог бы подъехать и к самому дубу злодея[3]. Лишь слабость коня заставляет богатыря осуществить выстрел

---

[1] Птичий облик Соловья-разбойника и его гигантские размеры без труда восстанавливаются по рудиментам его гибридного описания в различных вариантах былины и были давно признаны исследователями в качестве исконных черт Соловья, которые в процессе привязки былины к киевскому циклу и переосмысления сюжета, как и образа самого Соловья, постепенно редуцировались вплоть до почти что полной антропоморфизации злодея. См. [2, с. 85-90]; [3, с. 254-257].

[2] Во всех без исключения вариантах былины Илья действует в потоке оглушительного и сносящего все на своем пути свиста Соловья как ни в чем не бывало, и даже попрекает своего коня за малодушие, уничижительно отзываясь о силе свиста противника.

[3] См. к примеру [5, № 71, Ст. 46-55]: «Зашипел Соловей да по-змеиному – / А под Ильей Муромцем конь да на коленца пал / От того-то от рёву от соловьиного.../

раньше. Но в некоторых вариантах и конь Ильи обладает силой не меньшей, чем его хозяин, подвозит богатыря поближе, и тот стреляет в Соловья[1]. Но чтобы просто вытряхнуть противника из гнезда Илья свою силу не использует. Он всякий раз стреляет ему в голову, словно разя Соловья наповал.

Этому факту может быть лишь одно объяснение. Очевидно, что, как и Ёнавьёчгын, Илья или точнее его прототип такой могучей богатырской силой прежде не обладал и мог рассчитывать только на меткость своего оружия. Меткость, подкрепленную волшебством, магией. Заговор стрелы, встречающийся в былине, говорит о том, что изначально герой в схватке с чудовищным противником не мог положиться ни на свою физическую мощь, ни даже на меткость.

Вероятно, мотив выстрела героем в голову противника в былине «Илья Муромец и Соловей-разбойник» сложился в иную эпоху, в среде архаического общества охотников и был типичен для волшебных богатырских сказок о подвигах охотника-одиночки в пределах сопредельного с местом его обитания иного мира. До того момента, когда конечным пунктом путешествия героя былины стал Киев, ему не было нужды сохранять чудовищу жизнь и брать его в плен, и он этого, собственно, не делал, а стрелял в Соловья с целью его мгновенного уничтожения, и истинное значение этого выстрела заключалось в том, что он был единственной гарантией его выживания героя в момент встречи с гораздо более могучим и почти неуязвимым противником.

И бьет Илья Муромеч коня да по крутым ребрам: / «Ох ты конь-то, конь – да травеной мешок! / Не слыхал ты, конь, свисту да соловьиного, / Али реву ты, конь, да звериного?» / Вынимает Илья Муромеч да ле тугой лук / И вынимает из кольчана да калену стрелу, / И пускает он калену стрелу да в Соловья-разбойника».

[1] См. к примеру [5, № 68, Ст. 109-121]: «Заревел Соловеюшко по-звериному: / А под старым конь пал ведь окарачь. / А ишше бьёт-де старой коня по крутым бедрам: / «Уж ты конь же мой, конь – да лошадь добрая! / Не слыхал ле ты свисту соловтиного? / Не слыхпал ли ты реву зверинаго? / Не слыхал ле ты шипу змеинаго?..» / А под старым-то конь ведь стал на ноги. / А подъежжает стары казак Илья Муромецъ / Ко тому же гнезду ко Соловьиному: / А на двенаццати дубах было на столетниех/ Да сидил Соловеюшко-разбойницёк. / А вымал-де старой из налучишша тугой лук».

Литература

1. *Астахова А.М.* Илья Муромец в русском эпосе // Илья Муромец. Серия: Литературные памятники – М.-Л., 1958.
2. *Миллер В.Ф.* Экскурсы в область русского народного эпоса. М., 1892.
3. *Пропп В.Я.* Русский героический эпос. М., 1999.
4. Свод русского фольклора. Серия «Былины в 25 томах». Былины Печоры. Т. 1. СПб.-М., 2001.
5. Свод русского фольклора. Серия «Былины в 25 томах». Былины Мезени. Т. 3. СПб.-М., 2003.
6. Свод русского фольклора. Серия «Былины в 25 томах». Былины Пудоги. Т. 16. СПб.-М., 2013.
7. Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки // Серия: Сказки и мифы народов Востока. М., 1974.

О.А. Туфанова
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник ИМЛИ РАН
Москва (Россия)
E-mail: tufoa@mail.ru

Структурно-тематическое своеобразие рукописного сборника повестей из собрания по временному каталогу библиотеки МДА

Аннотация. В статье анализируются особенности структуры и тематики рукописного сборника повестей (НИОР РГБ, ф. 173.III, № 123). В его структуре отчетливо выделяются два микросборника. Первый содержит три памятника и не имеет названия, второй представляет собой выписки из «Великого Зерцала». В сборник включены повести и «приклады» (своеобразные проповеди). Подборка памятников свидетельствует о том, что книга была составлена с учетом интересов широкой народной аудитории. Тематика текстов указывает на то, что составитель пытался в занимательной форме рассказать читателям о смысле бытия, о том, как связаны между собой земная и загробная жизнь, о спасительной силе веры, молитвы и покаяния.

Ключевые слова: рукописный сборник, структура, повесть, сюжет, диалог.

Olga A. Tufanova,
PhD in Philology,
Senior Researcher,
Gorky Institute of World Literature
Moscow (Russia)
E-mail: tufoa@mail.ru

The structural-thematical originality of the handwritten collection of tales from the corpus from the temporal catalogue of the library of MSA

Abstract. The article analyzes the structure and themes of the handwritten collection of tales (NIOR RGB, f. 173.III, No. 123). The handwritten collection consists of two micro miscellany. The first micro miscellany contains three tales and has no name, the second micro miscellany is an extract from the *Velikoe Zertsalo*. The collection includes tales and original sermons. A selection of texts testifies that the book was

compiled taking into account the interests of a wide popular audience. The themes of the texts indicate that the compiler tried in an entertaining way to tell readers about the meaning of life, about how the earthly and afterlife are connected, the saving power of faith, prayer and repentance.

Keywords: handwritten collection, structure, tale, plot, dialogue.

Средневековые четьи сборники, разнообразные по своему предназначению, составу, содержанию, жанровым признакам, являются «важнейшим элементом древнерусской культуры» [1, с. 15]. Исследование их состава исключительно важно не только для «восстановления истории текста входящих в них литературных произведений» [2, с. 3], но и «для изучения круга читательских интересов в различное время в разных местностях и в разнородных социальных слоях» [2, с. 12]. Особый интерес представляют сборники неустойчивого состава, в которых наиболее ярко прослеживаются индивидуальные предпочтения составителя.

Одна из таких книг – это небольшой по объему сборник повестей, хранящийся в НИОР РГБ, ф. 173.III. (Собрание по временному каталогу библиотеки МДА), № 123, 53 л. Он написан полууставом, одним почерком. Форзацы книги испещрены записями различных почерков, среди них и выполненные полууставом, и скорописью, и недописанный до конца алфавит, и др. На переднем форзаце есть запись скорописью владельца: «Сїя книга ибогодухновеная Цветникъ принадлежит богословской Слободы Казоному хрестьянину антону васильевичу Позднееву 1824го года їюля 20го дня». Под этой записью читается: «Подписалъ Гаврила Познев». На финальном форзаце есть запись полууставом: «Сей цветникъ выписанъ изъ книги, великаго зерцала, Антона Васильева Позднеева. Подписалъ Иванъ Михайловичъ Позднеевъ 1842 года месяца июня 25 числа».

Сборник имеет внешне двухчастную структуру.

В первую часть входят три текста: «Сказание о некоемъ отроке како умоли о матери своей у Господа Бога и у Пречистыя Богородицы, како возврати от огненныя реки в раи и како рука его си ради и бысть» [3, л. 1 – 5 об.], «Слово святого преподобного отца нашего Варлаама како хотя уведати премудрость Божию» [3, л. 5 об. – 8 об.], «Слово о преподобном отце нашем Агапии како Господь введе в раи и чюдеса многа показа» [3, л. 8 об. – 13 об.]. Вторую часть составляют «Духовныя приклады и душеспасительныя повести новописанныя от великаго зерцала в честь Богу и душевную ползу» [3, л. 14–50].

В структуре книги, таким образом, обнаруживаются две подборки текстов, представляющие собой два микросборника. Первый составляют имевшие широкое хождение на Руси тексты, известные в отечественной науке под другими названиями:

1) Повесть о грешной матери, имеющая в рукописях различные названия и известная в списках с XV в.[1];

2) Повесть о старце, просившем царскую дочь себе в жены, оригинальное русское произведение второй половины – конца XV в.; самый ранний дошедший до нас список датируется началом XVI в.[2];

3) Сказание отца нашего Агапия, апокриф; русский перевод с греческого известен по списку XII–XIII вв. в составе Успенского сборника (Успенский сборник XII–XIII вв. / под ред. С. И. Коткова. М., 1971. С. 466–473).

В рассматриваемом сборнике памятники имеют несколько иные названия и иную жанровую атрибуцию: сказание – слово – слово. Но по сути все три текста представляют собой повести, на первый взгляд никоим образом не связанные между собой. Тем не менее, нечто общее в них есть, их последовательность в сборнике подчиняется определенной логике.

Все три повести имеют, хотя и абсолютно разные, динамически развивающиеся сюжеты. Первая повесть о грешной матери представляет собой вариацию «орфического сюжета» о нисхождении героя в «загробный мир для встречи с умершим родственником и спасения его от мучений» [5, с. 316] и рассказывает о некоем отроке, который отмолил свою грешную мать, занимавшуюся блудом после смерти мужа и умершую без покаяния, вытащив ее из огненной смрадной реки и отмыв в «изрядном» источнике. Во второй преподобный Варлаам проверяет вычитан-

---

[1] Греческий оригинал повести приписывается Павлу, епископу Монемвасийскому (вторая половина X в.), опубликована Н.И. Костомаровым (по рукописи конца XVII в.) [4, с. 99–101], С.А. Ивановым (по рукописи: РНБ, ф. 585 (собрание М.П. Погодина), № 1287, Сборная рукопись, XVI в.) [7], С. Ю. Темчиным (публикация русской версии по рукописи: РГБ, ф. 304.1 (собрание Троице-Сергиевой лавры), № 701, Патерики азбучно-иерусалимский и сводный, 1469 г., л. 444 об. – 448) – с параллельным греческим текстом) [6].

[2] Опубликована в БЛДР, т. 9, под названием «От Евангелиа, главы от Матфеа. Слово о старцѣ, просил у царя дщери за собя, ялся царь дать» по рукописи: РНБ, Софийское собр., № 1478, л. 161–164 об.). Существенным отличием от опубликованного в БЛДР текста является наличие имен, в рассматриваемом сборнике старец назван преподобным Варлаамом, а царь Феодосием.

ное в Евангелии изречение: «просящему дается, толкущему отверзается аще обрящемъ слыша»[1] [3, л. 6]. В третьей повести рассказывается о том, как преподобный Агапий побывал в раю, какие препятствия он преодолел на этом пути.

Завязки повестей наводят на мысль о неслучайности такой компоновки и выборки текстов. В первой повести сын, оставшийся после смерти матери «во младыхъ летехъ», «много плакався о погибели души матери своея» и «размышляти како бы помощи души матери своея» [3, л. 1 об.], и Господь вложил «благую мысль» в него, он отправился искать в пустыню преподобного старца, который бы смог ему помочь. Во второй повести завязкой становится смущение преподобного Варлаама, много лет жившего в пустыне, после прочтения евангельских строк, и он сам, без божественного участия, отправляется в город, чтобы проверить их истинность. В начале третьей повести говорится о том, что преподобный Агапий, будучи игуменом монастыря, молился Богу, и Господь услышал его молитву и послал ангела, который и рассказал, что тот должен делать. Последовательность завязок являет своеобразную лестницу: на первой ступени – горячая молитва, услышанная Господом; на второй – проверка истинности евангельских слов, возвращающая к истокам и утверждающая в вере; на третьей – своеобразная награда за веру и служение Богу.

Во всех трех повестях главным героям удается достичь цели благодаря помощникам, большую роль в организации их сюжетов играют мотивы решения трудных задач (испытаний), диалоги и символика троичности. Так, в первой повести, прежде чем найти свою мать, отрок последовательно приходит сначала в пустыню к «грешному старцу», затем к «старцу святу», а потом к старцу, живущему за рекой Иордан; трижды отрок каждому старцу рассказывает печальную историю погибели души своей матери (в одних и тех же выражениях) и послушно следует их указаниям; трижды в разных вариациях повествуется о том, что случилось с рукой отрока и почему. Во второй повести символика троичности реализуется в трех основных сюжетных эпизодах, соответствующих евангельскому изречению. Старец уходит из пустыни во град к царскому двору, стучится в ворота, его впускают; он просит царя Феодосия отдать за него дочь, царь соглашается, если тот принесет ему «самоцветный» камень, который и ночью светит, как днем. При помощи беса преподоб-

[1] Тексты цитируются с упрощением орфографии, принятым в литературоведческих изданиях.

ный Варлаам добывает этот камень, и царь отдает ему свою дочь. Но старец, проверив истинность евангельских слов, уходит обратно в пустыню, оставляя царю и камень, и дочь. Со всеми старец ведет диалог. В третьей повести преподобного Агапия препровождают в рай три помощника: орел, отрок на корабле, пророк Илия (с последними двумя старец вступает в диалог). Во всех трех повестях герои имеют дело с потусторонним миром: в первой повести отрок видит и ад, и рай, во второй повести упоминается царство сатаны, в третьей повести – рай.

Концовки первой и третьей повестей содержат упоминание о чудесах, явленных Богом. Первая повесть завершается строками: «Отрокъ же много хождаше по странамъ до кончины жития своего и возвещалъ страхъ Божий и муки вечныя яже сотворена грешникомъ, и много вниде страхъ Божий привесть Богу нашему славам содержащему таковая чудеса» [3, л. 5 об.]. В концовке третьей повести говорится о том, что свое путешествие в рай Агапий описал перед смертью в хартии, которую нашли два юноши. В «рукописании» его они «прочтоша како преподобныи отецъ Агапии ходилъ плотию въ раи и многа чудеса показа Богу нашему слава ныне и присно и во веки векомъ» [3, л. 13 об.]. Концовка второй повести вкупе с началом составляют своеобразное композиционное кольцо, славящее имя Бога: в завязке повести старец читает Евангелие и уходит из пустыни, а в конце он возвращается в пустыню и снова читает евангельский текст: «изыде и града того и прииде въ пустыню и нача чести Евангелие со усердиемъ писание и паче душу свою о Христе Иисусе нашемъ слава вовеки» [3, л. 8 об.].

Таким образом, расположение повестей в первом микросборнике не хаотично, а имеет определенный, продуманный составителем порядок, подчиненный троичной идее: убедить читателей в действенности искренней молитвы, слез и деятельного благочестия, способных спасти даже душу грешников в аду, и в то же время наглядно продемонстрировать вечные муки грешников и необходимость иметь страх Божий в душе (повесть о грешной матери); доказать истинность евангельских слов, укрепив веру, и необходимость приобщения к чтению божественных книг (повесть о преподобном старце Варлааме); показать красоту рая (в сравнении со смрадом ада первой повести), величие божественного познания, явленного в повести об Агапии.

При этом первый микросборник имеет внутри формальное членение, выраженное словом «Аминь», которое будет наблюдаться и во втором микросборнике. «Зааминенными» оказываются первые две повести

и третья. И это тоже представляется не случайным, поскольку в первых двух доказывается чудодейственность и евангельских слов, и искренних слезных молитв, и благочестивых дел, а в третьей демонстрируется, какова будет участь тех, кто будет иметь страх Божий в душе и молиться Богу. Вместе с тем все три повести разными способами являют в разных формах чудеса, творимые Богом, что, по всей видимости, и было основной целью составителя.

Второй микросборник составляют выписки отдельных глав из сборника религиозно-назидательного характера «Великое Зерцало», первый перевод которого с польского языка на русский был осуществлен в 1676–1677 гг. Здесь, благодаря «зааминиванию» отдельных частей и орнаментальной зарисовке, тоже наблюдается определенный логический порядок. На основе данного формального критерия отчетливо выделяются пять смысловых блоков.

Первый блок, отделенный от других словом «аминь», состоит из двух произведений: «О непостижимей Пречистыя Троицы…» [3, л. 14–15], «Вписано ис книги Зерцало Великаго велми предивна» [3, л. 15 – 19 об.].

В первом памятнике рассказывается о том, что епископ Августин, утрудившийся читать и писать ученые книги о Пресвятой Троице, отправился вечером погулять вдоль берега моря. Там он увидел отрока «пречудно доброты и красоты» [3, л. 14], который вычерпывал серебряной ложкой воду из моря в маленький «ровик». На вопрос Августина: «Что творишь?» – отрок отвечал, что хочет вместить все великое море в «малу лужинку». Епископ удивился: разве можно вместить «неизмеримое» море в «малу лужицу»? В ответ отрок сказал, что его действия подобны мыслям Августина. Удивленный епископ снова вопрошает: «что есть сие чюдо?» [3, л. 14–15 об.]. И отрок поясняет аллегорию: «разумети хощиши еже что есть о неразделенней троице превелия и несказаныя тайна и сего дондеже аще изречеши азъ вси ровикъ сие море влию» [3, л. 15]. Сказав это, отрок исчез, а Августин, прося прощения за попытку осмыслить природу неразделимой Троицы, воздав хвалу Отцу и Сыну и Святому Духу, оставил свое занятие.

В определенном смысле текст этой главы симметричен повести о преподобном Варлааме из первого микросборника, в обоих памятниках истины Святого Писания доказываются конкретными жизненными примерами. В обоих текстах главными героями являются священнослужители, усомнившиеся в истинности слов святых книг или задумавшиеся

об этом. В обоих текстах в концовках герои встают на правильный путь: старец Варлаам возвращается к чтению Евангелия, а епископ Августин отставляет небогоугодное занятие. Кроме того, как и в других повестях первого микросборника, большую роль в организации сюжета здесь играет диалог.

Сюжет второй повести столь же динамичен, как и сюжет «Слова о преподобном отце нашем Агапии…», но если в тексте из первого микросборника описывается путешествие в рай, то в главе второй, выписанной из «Великого Зерцала», рассказывается о путешествии Иоанна с благословения Богородицы в ад. Архангел Рафаил последовательно проводит Иоанна по аду, каждое новое место мучений подробно описывается, показываются фигуры грешников, архангел, отвечая на вопросы Иоанна, дает пояснения. Первым, кого увидел Иоанн, в «темной» и «мрачной» земле, был человек в «шишале огненном», сидящий на огненном коне, на хвосте которого была нашита коза. Это был, по словам архангела, «воин зело немилостивъ и обиди много творяше того ради непрестанно мучится» [3, л. 17]. Затем архангел повел его в «глубочайшую темноту» и показал «езеро горящее без меры страшное и по другую страну узре бурю и лютаго мраза» [3, л. 17 об.], грешники же мечутся между этим озером и бурей, а во время перебежек их дьявол непрестанно бьет. И т.д. Завершается путешествие Иоанна в «бесконечной пропасти огненной и смрадной» [3, л. 18 об.], где он видит огромное колесо, которое катается из одной стороны в другую по пропасти, к колесу привязан Иуда-предатель. Показав страну мучений грешников, архангел исчезает, святой же Бенедикт, в монастыре которого подвизался Иоанн, велит ему никому не рассказывать о виденном.

Помимо диалоговой формы, с текстами из первого микросборника эту повесть сближает наличие антитез и ярких контрастных эпитетов. Так, в первой повести сборника отрок находит свою мать в «огненном озере», которое исполнено было «вони... смердящая» [3, л. 4], источало «злы смрад» [3, л. 4], а потом ангел приводит их «къ неизреченнымъ красотамъ» [3, л. 4 об.], где их встречает Пресвятая Богородица. Описанию цветущего, «многоцветного» рая, доминантной характеристикой которого становятся «благоухание» и «немерцающий свет», в повести об Агапии предшествует характеристика страны змей, коих было «много страшныхъ» [3, л. 9 об.]. Прежде чем увидеть ад, «темную», «мрачную», «смрадовскую» землю [3, л. 17], «глубочайшую темноту» [3, л. 17 об.], «езеро горящее» [3, л. 17 об.] и т.д., где грешники мучатся на «огненных

конях» [3, л. 17], с них сдирают кожу [3, л. 18], они падают в «пропастнейшую темноту» [3, л. 18] и вновь поднимаются, чтобы опять упасть, Иоанн, пройдя по лестнице с демонами, оказывается в «светлом благоуханном месте» [3, л. 16 об.], где видит в «белых» ризах Матерь Божию, «сияюще паче солнца» [3, л. 16 об.]. Контрастность наблюдается и на уровне одного текста, и на уровне общей структуры. В сборнике создается тематическая симметрия: повесть о грешной матери содержит описание адского «смрадного» озера, повесть о Варлааме – убеждение в истинности евангельских слов, повесть об Агапии – подробное описание рая, повесть о епископе Августине – убеждение в необходимости безграничной веры, повесть об Иоанне – подробное описание ада.

Второй блок, отделенный от следующего текста орнаментальной зарисовкой, состоит из пяти текстов. Это короткие повести «О прелюбодеянии и о покаянии в силе словесъ…» [3, л. 19 об. – 21], «О воине непостояннаго его жителства и о неизреченной благостыни Пресвятыя Богородицы» [3, л. 21 об. – 24 об.], «О неизглаголанном милосердии Божии Пречистыя Богородицы к некоей церковнице и о покаянии» [3, л. 25 – 27], «О некоей вдове удивительныя щедроты и о покаянии» [3, л. 27 – 28 об.], «Неки воин за убиение брата своего убице смерти не воздаде но отпусти грехъ убиения ради Спасителя нашего страстей» [3, л. 28 об. – 29 об.]. Повествование в них строится на антитезе образов. Так, в повести «О прелюбодеянии…» муж согрешил, а жена во сне почувствовала погибель его души; в повести «О воине непостояннаго его жителства…» разорившийся муж заключает договор с дьяволом и снова становится богат, но его материальное благополучие куплено дорогой ценой, он должен отдать дьяволу свою жену, женщину благочестивую, особо почитающую Богородицу; в повести «О неизглаголанном милосердии…» девице в «девичьем» монастыре противопоставлен клирик, дивившийся ее красоте и чистоте и задумавший с помощью дьявола «нечистоту ея видя» [3, л. 25] и т.д. И во всех них, кроме последней, грешников спасает искреннее покаяние и молитва их или их близких к Богородице. Сюжетно повести никак не связаны с текстами, рассмотренными выше, кроме, пожалуй, двух важных моментов: во всех текстах герои, и согрешившие, и ведущие праведный образ жизни, молятся и во всех текстах в различных сюжетных ситуациях они либо видят Богородицу и беседуют с ней, либо она оказывает им помощь, вплоть до того, что Божья Матерь, спасая жену воина от сатаны, принимает ее образ.

Третий блок, состоящий всего из одного текста «О славе небесней и радости праведныхъ вечне» [3, л. 30–32], выполняет роль своеобразного мостика между сюжетными повестями и «духовными прикладами» двух следующих религиозно-нравоучительных блоков, содержащих конкретные наставления по разным вопросам. В четвертый блок входят тексты: «Како лучше скорби и беды зде терпети нежели тамо» [3, л. 32 об. – 34], «О еже подобаетъ святыхъ Божиихъ предстателей и помощников стежати и прележати и веру имети к нимъ» [3, л. 34 – 37 об.], «О Удоне епископе магъдебугскомъ како онъ страшнымъ и ужаснымъ образомъ смерти предан…» [3, л. 38 – 45 об.]. В пятый блок: «О клевещущихъ и поядающихъ братию свою» [3, л. 46 – 46 об.], «О еже честь воздавати родителемъ и не презирати ихъ зело ужаси и полезно» [3, л. 47–49], «Иже слушаютъ литоргию обедъ спасаются а неслышащий погибаютъ» [3, л. 49 – 49 об.], «О проповеди слова Божия и каково симъ еже не хотятъ слушати его» [3, л. 49 об. – 50]. По тематике, явствующей из названий, и стилистике входящие в эти два блока тексты сродни дидактическим проповедям и поучениям и мало любопытны в художественном отношении.

Таким образом, состав рассмотренного сборника повестей и «прикладов» весьма пестр. В его структуре отчетливо выделяются два микросборника, первый содержит три памятника и не имеет названия, второй, более пространный по объему, представляет собой выписки из «Великого зерцала». Сборник содержит как сюжетные тексты, так и проповеди, представленные в виде «прикладов». Подборка текстов свидетельствует о том, что книга была составлена с учетом интересов широкой народной аудитории, поэтому большинство представленных памятников отличает краткость, доступность изложения, в них легко обнаруживаются фольклорные мотивы. Не случайно в этой связи, видимо, и то, что владельцем, а значит, и читателем этого сборника был крестьянин или крестьяне. Тематика текстов, включающих описания ада и рая, сюжетную проповедь благодатной силы молитвы и страха Божьего, призывы вести благочестивый образ жизни (последние два блока во втором микросборнике), безграничная вера в заступничество Богородицы, акцент на эсхатологические сюжеты с яркими картинами вечных мучений грешников указывают на то, что составитель пытался в занимательной форме рассказать читателям о смысле бытия, о том, как связаны между собой земная и загробная жизнь, о спасительной силе веры, молитвы и покаяния; книга, очевидно, должна была способствовать воспитанию благочестия и христианской морали.

Литература

1. *Грицевская И.М.* Древнерусский монастырский четий сборник: вопросы терминологии и классификации // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 8: Филология. С. 15–26.
2. *Лихачев Д.С.* Изучение состава сборников для выяснения истории текста произведений // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. Т. XVIII. С. 3–12.
3. НИОР РГБ. Ф. 173.III (Собрание по временному каталогу библиотеки МДА). № 123. 53 л.
4. Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Г. Кушелевым-Безбородко. СПб.: Тип. П.А. Кулиша, 1860. 484 с.
5. *Подопригора В.В.* «Повесть о грешной матери в поздних старообрядческих сборниках и вопросы ее литературной истории // Одиннадцатые Макушинские чтения. Материалы научной конференции / отв. ред. С. Н. Лютов. Новосибирск: Гос. публичная научно-техническая библиотека СО РАН, 2018. С. 316–322.
6. *Темчин С.Ю.* Церковнославянская Повесть о грешной матери (Синодик, Патерик, Пролог, Измарагд) и ее греческий оригинал (BHG 1449d) // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. 2017. № 1. С. 504–517.
7. *Ivanov S.A.* The Right Hand Fetid, the Left Unclean. The Unknown Byzantine Spiritually Beneficial Tale // Analecta Bollandiana. 2015. Vol. 133, no 2. Pp. 249–255.

А.И. Попович
студент 4 курса, департамент «Филологический факультет,
лаборант-исследователь,
Лаборатория эдиционной археографии,
Уральский федеральный университет
Екатеринбург (Россия)
E-mail: alexeypopowich@mail.ru

Топос жертвенности в «Житии Стефана Пермского» Епифания Премудрого как грань религиозного гуманизма

Аннотация. В статье исследуется жертвенный топос в «Житии» Стефана Пермского. Обращение к указанному топосу предстает одним из способов выражения авторской позиции Епифания Премудрого – писателя эпохи духовного объединения Руси. Топос находит идеальное воплощение в апостольском служении Стефана: в его духовном подвиге и готовности к самопожертвованию. Показано, что этим в «Житии» обусловлена специфика отношения Стефана к язычникам: особенно в провозглашении ненасильственного метода словесного убеждения. Обосновывается предположение, что одной из авторских задач было утверждение гуманистической установки по отношению и к другим «заблудшим» этого времени – еретикам, в частности стригольникам.

Ключевые слова: Стефан Пермский, Епифаний Премудрый, топос жертвенности, подвижничество, церковная полемика, еретики, стригольники, гуманистическая установка, конец XIV в.

Alexey I. Popovich
4th year student, the Department of Philology,
laboratory researcher,
the Laboratory for the Study of Primary Source,
Ural Federal University
Ekaterinburg (Russia)
E-mail: alexeypopowich@mail.ru

The Topos of Spiritual Sacrifice in Epiphanius the Wise's *The Life of Stephen of Perm* as the Dimension of Religious Humanism

Abstract. This article examines the topos of spiritual sacrifice in *The Life of Stephen of Perm*. The appeal of Epiphanius the Wise (a writer of the time of the spiritual uniting of Russia) to this topos is one of the ways to express the author's position. The perfect embodiment of the topos is the apostolic service of Stephen of Perm: his spiritual feat and readiness for self-sacrifice. The article shows that this determines the specifics of Stefan's attitude to pagans in *The Life*: especially in using the non-violent method of verbal persuasion. The author justifies the assumption that one of the author's tasks was the assertion of a humanistic trend in relation to other "erring men" of this time – heretics, in particular strigolniks.

Keywords: Stephen of Perm, Epiphanius the Wise, the topos of spiritual sacrifice, selfless devotion, church controversy, heresy, strigolniks, humanistic trend, late 14th century.

В конце XIV в. общественно-политическое и культурное развитие Древней Руси переживало большие перемены. Это эпоха национального подъема после Куликовской битвы, начала процесса объединения земель под властью Москвы, знаменательной деятельности таких русских подвижников, как Сергий Радонежский, Стефан Пермский, Епифаний Премудрый, Андрей Рублев и т. д.

Епифаний Премудрый был ярким выразителем мнения одной из частей интеллектуальной элиты страны, которая была озабочена осмыслением происходящих событий и связанных с ними вопросов общественной жизни. Ученик преподобного Сергия Радонежского, невероятно талантливый агиограф, Епифаний в своих сочинениях в равной степени откликался как на проблемы, извечно волнующие человека, так и на только встающие перед обществом в конкретное историческое время. «Житие» Стефана Пермского[1], написанное им через какое-то время после смерти Стефана, с которым они были дружны и близки[2], несомненно, встает в один ряд с написанным им же «Житием» Сергия, более того, первое произведение, возможно, является более «епифаниевским», чем второе[3].

---

[1] Не касаясь проблем текстологии памятника, мы цитируем текст по одному из последних изданий: [2]. В нем использована рукопись 1480–1490-х гг. из РНБ (Собр. Вяземского. № 10. Л. 129–200 об.).

[2] Подробнее о биографических подробностях жизни автора и его героя см.: [9], [10].

[3] Особенно если помнить о проделанной Пахомием Сербом работе над «Житием» Сергия Радонежского, см.: [17].

Осмысляя свое творчество в категориях книжной традиции, Епифаний, несомненно, обращается к темам, уже получавшим раскрытие в предшествовавшей литературе, использует известные сюжеты и выходит на топосы в создании этих житий. Так или иначе подстраивает он под «миссионерскую» агиографию [12] и «Житие» Стефана Пермского. Однако исследователи не раз отмечали своеобразие епифаниевской манеры письма, особый стиль «плетения словес», психологизм [8], собственно авторское тематическое и идейно-философское наполнение. И хотя автор не называет Стефана пермским апостолом, но постоянное обращение к контексту из сочинений и событий апостольского ряда должно было подсказать читателю высокую оценку его «равноапостольским» деяниям.

Оригинальность подвига Стефана неоднократно подчеркивается Епифанием. И дело не только в том, что Стефан, помимо самой религии, дает «пермянам» письменность и переводит на язык коми основные тексты и книги, необходимые для богослужения. В характеристике святого подвижника Епифаний стремится обозначить те качества, которые, по его мнению, отличают того от предшественников. Ритмизация похвалы усиливает ее эмоциональное воздействие:

«Тебе и Богъ прослави,
и ангели похвалиша,
и человеци почтиша,
и пермяне ублажиша.
Иноплеменници покоришася,
иноязычници устыдѣшася,
погании усрамишася,
кумири скрушишася,
бѣси ищезоша,
идоли попрани быша» [2, с. 250].

Исследовательница древнерусской агиографии Т.Р. Руди посвятила специальное исследование топике «миссионерских» житий, уделив особое внимание «Житию» Стефана Пермского [12]. Комплекс выделенных топосов, хотя в целом и характерен для других анализируемых ею житий, не до конца раскрывает замысел автора. В его творчестве явно присутствует «кумулятивный эффект» от собирания топосов в тексте, что становится способом выражения авторской позиции[1].

[1] Подробнее об авторских приемах Епифания, в т. ч. в связи с топосами, см.: [5].

Поэтому при изучении топики «миссионерских» житий представлять «Житие» Стефана Пермского необходимо не как произведение, наиболее ярко воплотившее в себе топосы подобных житий, а как феномен, выделяющийся на их фоне (в плане художественной выразительности и идейной самостоятельности). Представляется целесообразным для этого сформировать более широкий взгляд на топику, попробовав рассмотреть несколько наиболее характерных для жития топосов[1], находящих себе переклички во многих других историко-культурных контекстах, но, несомненно, обладающих в этом контексте своей спецификой.

Задачу осмысления подвига Стефана через раскрытие темы труженичества ставил перед собой и П.Ф. Лимеров, не до конца раскрывший выделенный им же мотив жертвенности в «Житии» [7, с. 115]. Отчасти это объясняется тем, что здесь мы имеем дело с явлением более сложного порядка, чем мотив, а именно с топосом жертвенности, неотрывным от выделяемых Лимеровым пар мотивов: «молитвы – проповеди (поучения), построения церквей – разрушения кумирниц, обучения в школе – полемики с волхвами» [7, с. 118].

Обозначенному топосу жертвенности противопоставлен в житии топос жертвы. В этом смысле жертва и жертвенность принадлежат разным уровням конфликта в произведении (внешнему и внутреннему соответственно), разным сферам человеческого бытия (телесной и духовной; материальной и идеальной), в конце концов, они представляют разные мировоззренческие системы, к которым может причислить себя человек (если для раннего этапа Древней Руси речь идет о язычестве и христианстве, то для XIV–XV вв. актуальной станет иная оппозиция).

Епифаний воспевает величественность подвига, уникальность фигуры святого подвижника, но описание подвига раскрывает и другие авторские задачи. В «Житии» Стефана важное место, как и в ранних древнерусских проповедях, занимает противопоставление язычества и христианства. Тексты, посвященные христианизации «пермян»[2], иллюс-

---

[1] Говоря о топосе в этом смысле, мы ставим более общие задачи, чем те, которым посвящены последние работы Т. Р. Руди, разделяя при этом точку зрения, высказанную в ее программной статье: «топосом может быть любой повторяющийся элемент текста – от отдельной устойчивой литературной формулы до мотива, сюжета или идеи» [11, с. 61]. Можно сказать, что нас интересуют последние элементы этого ряда.

[2] Имеется в виду не только текст, созданный Епифанием Премудрым: у христианизации коми-пермяков есть длинная национальная фольклорная история осмысления, см., например: [6].

трируют ту картину их быта и сакральных действий, которой Епифаний противопоставляет христианскую картину мира: «идѣже покланяются идолом, идѣже жрут жертвища, служаще глухим кумиром, идѣже молятся издолбеным болваном, идѣже вѣруютъ в кудесы, и в волхвованья, и в чарованья, и в бѣсованья…» [2, с. 82]. Автор и его герой идут по пути десакрализации жертв – даже не обличения, а уничижения: новообращенные христиане «посмѣявшеся» сообщают волхву Паму, что из пелен, которыми были покрыты наиболее чтимые кумиры, слуга Стефана Матвейка сделал «гаща и онуща, и ногавища, и износи я бес пакости и без вреда» [2, с. 126].

Впрочем, основным пунктом противопоставления оказывается личность самого Стефана, подкрепляемая цельностью религии им исповедуемой. Стефан, «единъ уединенъ, единъ единого Бога на помощь призывая» [2, с. 184], принадлежит к иному, более упорядоченному и развитому миру, что осознается и язычниками, которых просвещает Стефан: «Слышасте ли, братье, словеса мужа того, иже от Руси пришедшаго? Видѣсте ли терпѣнье его и преизлишнюю его любовь еже к нам?» [2, с. 110].

Неслучайно с самого начала Епифаний делает акцент на внутренней жизни Стефана, обусловленной праведностью его жизни. Пермскую землю язычников, «идѣже рекомии невѣгласи, прелщении некрещении человеци» [2, с. 82] Стефан засеял, «яко сѣменем, учениемъ словес книжныхъ» [2, с. 218]. Язычникам, которые в порыве гнева «прямо лучшными стрѣлами своими сътрѣляти его жадаху» [2, с. 96], он говорит: «Мнѣ бо ваших стрѣлъ не велѣно блюстися Владыкою моим… еже бо вашими стрѣлами наносимая нам телесная смерть маловременная есть и малогоднаа» [2, с. 98]. Поведение Стефана непонятно язычникам: Стефан не оказывает сопротивления, поэтому и они не могут начать с ним борьбу: «но обаче обычай лихъ имать – еже не творит начала бою» [2, с. 106]. На его стороне сила Божьего слова, которая в рамках христианской антропологии противостоит любой физической силе. Стефан изначально готов к самопожертвованию, понимая, что Бог не оставит его: «не сваряшеся, не бьяшеся с ними, но с кротостью Слово Божие проповѣдающе им, и учаше я вѣрѣ Христовѣ, и наказаше я всяцѣй добродѣтели» [2, с. 100]. Волхву Паму, вступившему в спор со Стефаном, он предлагает пройти испытание веры огнем и водой. И если Стефан справляется с этими испытаниями, то Пам трусит и отказывается от них, признавая также и свою беспомощность перед силой его слова.

Представляет интерес, что Стефан последователен в методах борьбы с иноверием: он прибегает только к словесному воздействию и убеждению. Поэтому, понимая, что Пама не переубедить, он, вопреки призывам «пермян» казнить волхва, отпускает его, говоря: «Ни убо, да не будет тако: и не буди рука наша на нашем вразѣ! Ни скоро руки моея не взложу нань, ни казня показню его, и смерти не предам его, не посла бо мене Христос бити, но благовѣстити; и не повелѣ ми мучити, но учити с кротостью и увѣщати с тихостью; ни повелѣ казнити, но наказати съ милостью» [2, с. 156]. Самопожертвование Стефана, как и все его поведение не может не соотноситься с идеальной, духовной сферой, в которой ключевое место занимают выбираемые пути восхождения к Богу. Таким образом, отказ от насилия над иноверцами вписывается в топику жертвы/жертвенности, которая в порубежье XIV–XV вв. задействует новые ресурсы национальной культуры.

Характеризуя историко-политический контекст эпохи, Л. С. Соболева справедливо связывает «Житие» с реакцией духовенства на еретические движения, отмечая, в частности, что «в образе Пама полемически заострены и иронически обыграны противники православной веры – еретики и язычники» [13, с. 39]. Возможно, неслучайно, доказывая Паму-язычнику истинность веры, Стефан ссылается на семь церковных соборов и, попутно цитируя слова из Чина православия, аргументирует: «“Си вѣра апостольская, си вѣра отческая”, иже святыми апостолы проповѣдана и святыми отци уставлена, утвержена и извѣстована и зборнѣй апостольстѣй Церкви предана» [2, с. 140][1].

Конец XIV века ознаменовался распространением новой ереси – стригольников[2]. Последним специальным крупным исследованием этого религиозного движения стала работа А. И. Алексеева [1]: автор делает источниковедческий и историографический пересмотр истории ереси, уточняя конкретные пункты в учении стригольников: отвержение института священства и церковной иерархии; отказ признавать церковные таинства (причащения); почитание Евангелия и отстаивание права учить людей, не прибегая к посредничеству священников; отказ испо-

[1] Ср. предсмертное поучение Стефана против еретиков: «Аще бо кто начнеть учити вы учение супротивно святыя православныа вѣры христианьскиа, кромѣ святыя сборныя апостольскыа» [2, с. 208].

[2] Стригольничество имеет давнюю историю изучения: среди исследований советского периода, так или иначе касающихся интересующей нас проблематики, можно отметить работы А.И. Клибанова и Н.А. Казаковой и Я.С. Лурье: [4], [3].

ведоваться духовным отцам и предпочтение исповеди земле; отказ от поминальных служб и заупокойных молитв, от пожертвований церквям и подушных вкладов; евангельский аскетизм и нестяжательство [1, с. 204]. Исследователь последовательно и доказательно определяет место стригольничества в религиозной сфере общественной жизни того времени, показывает, что «стригольничество представляло собой лишь частное проявление доктринального и культурного конфликта, вызванного успехами углубленной христианизации русского общества» [1, с. 205].

Это также и время попыток переосмысления наличествующей традиции, острой внутрицерковной полемики. В своем творении Епифаний тоже полемизирует с еретиками [13, с. 33–40]: по вопросам необразованности церковных деятелей и их неуважительного отношения к апостольскому учению, бесполезности поминовений мертвых, стяжательства церковников или даже мздоимства при поставлении в священство. Епифаний опровергает эти обвинения на примере труженичества Стефана, утверждает институт церкви в торжестве христианства в Пермской земле, противопоставляет веру рациональному началу (которое так не дается Паму, несмотря на его попытки).

Особого внимания в связи с топосом жертвенности и отношением к еретикам, на наш взгляд, заслуживает тема апостольского учения. «Да елма же убо никтоже от апостолъ не бывал в Перми» [2, с. 70], – объясняет Епифаний то, что Пермская земля долго оставалась некрещенной; однако Господь «въсхотѣ их спасти и привести, и присвоити къ Своей благодати хотя в послѣдняя лѣта, якоже в “въ 11 годину”[1]» [2, с. 70].

Направляемый Богом («такоже ему правиму добрѣ благодатми, имяше управленъ образ делъ его» [2, с. 62]), Стефан хочет стать учителем Перми, подобно евангельским апостолам[2], и обращается к епископу Герасиму со словами: «Да или научю я, и обращю я, и приведу а ко Христу Богу, или и сам главу свою положу за Христа, и за вѣру, и за доброе исповѣданье, якоже рече апостолъ: “Дарова бо я намъ не токмо вонь вѣровати, но и зань страдати…”» [2, с. 74]. Изучая мотив подражания апостолам (imitatio apostolorum), Т. Р. Руди [12] не акцентирует внимание

---

[1] Речь идет о притче о работниках одиннадцатого часа. Чуть далее Епифаний укажет, что Господь, не дав «погибнути в прелести идолстѣй» [2, с. 72], благоволил крестить «пермян» «на исход числа седмыя тысяща лѣт» [2, с. 72] – до Второго пришествия (1492 г. – 7000 г. от сотворения мира).

[2] Особенно частым было обращение к фигуре апостола Павла: «И бысть подражатель святых апостолъ. Павла апостола всячьски подражая…» [2, с. 256].

на важной для «миссионерской» агиографии готовности к самопожертвованию. Между тем потенциальное мученичество Стефана подчеркивается уже тезоименитством со Стефаном Первомучеником или похвалой Епифания: «Аще бо и не пролься кровь твоя мученичьскою смертью, на нюже и приготовльсья, но обаче многажды срѣтоша тя многия мученическия смерти» [2, с. 244]. Епифаний также цитирует слова Христа, обращенные к апостолам, отправляющимся проповедовать его учение: «”Идѣте! Се Азъ посылаю вы, яко овца посредѣ волкъ”. Не убойтеся от убивающих тѣло, а душа не могущих убити; убойте же ся паче могущаго и душю, и тѣло погубити въ езерѣ огньнѣ”» [2, с. 78].

Именно поэтому древнерусская жертвенность в преломлении пафоса апостольского служения обретает особое религиозно-историческое содержание. По мысли Л.С. Соболевой, «крещение пермяков становится символом исторической миссии Московского княжества, усилиями которой продолжается апостольский подвиг славянских первоучителей» [13, с. 12]. Она же далее вспоминает точные слова богослова Л.А. Успенского: «В эту эпоху постоянных внутренних междоусобиц между князьями и опустошительного ордынского нашествия и отдельных набегов носителем единства русской земли была Церковь… <…> В лице своих лучших представителей, в первую очередь преподобного Сергия Радонежского и московских святителей, осуществляла она церковное и духовное сплочение великой Руси вокруг Москвы, предшествовавшее сплочению государственному…» [15, с. 291–292].

Таким образом, равноапостольный подвиг Стефана Пермского соотносится с деятельностью Сергия Радонежского, которую В.Н. Топоров связывает с актуализацией «личностного» начала в религиозной жизни Руси XIV в.: «Осознание своей открытости Ему [Святому Духу – *А. П.*], своих потенций на пути к Богу как раз и отмечало важнейший рубеж в истории христианства на Руси и ставило вопрос о практических путях к воплощению этих возможностей в своей собственной жизни, о новой личной ответственности за это воплощение» [14, с. 576].

Помимо готовности к самопожертвованию, в топос жертвенности, если не включается, то тесно связывается с ним гуманное отношение к иноверцам в широком смысле – речь идет не только о язычниках, но и о еретиках. Гуманистическая установка выражается в отказе от насильственных методов при крещении «пермян» и предпочтении им проповеди – словесного воздействия: Стефан стремится переубедить всех язычников до последнего: «и Слово Божие проповѣдаше с дръзновение-

мъ, и невъзбранно учаше я, елико гдѣ осталося от некрещеных, изискaя сюду и сюду» [2, с. 168]. В отсутствие отечественной школы проповеди «Житие» выполняет функции этого жанра (как из уст Стефана, так и из уст автора), в т. ч. антиеретического поучения (или публичного обличения). Важно при этом, что сочинение Епифания не лишено предмета – конкретной ситуации (обращения язычников), не является случайным набором красноречивых формул.

Епифаний передает воззрения Стефана о том, каким должен быть епископ, посредством характеристик, взятых из апостола Павла, с особым акцентом на еретиках: «заступающю вѣрное слово учениа, да силенъ будет утѣшати ученьемъ здравым, да мощенъ будет вопреки глаголющая обличати и еретиком уста загражати» [2, с. 162–164] – «Епифаний, вступая в обсуждение новой для русского православия темы преследования противников веры, стремится сохранить образ церковного милосердия…» [13, с. 41].

Важно при этом понимать, что автор «Жития» необязательно выражает взгляды самого Стефана, а если и выражает, то нет никакого противоречия, например, в том, что Стефан мог разделять взгляды на еретиков, извлекаемые из т. н. «Списания Стефана Пермского» (или «Послания патриарха Антония» – в другой редакции) и оставаться гуманным по отношению к еретикам. Наоборот, в условиях острой церковной полемики, устойчивого неприятия церковью стригольников (как и любой другой ереси) иерархи могли занимать разные по возможности применения силы позиции в вопросе наказания еретиков. Исследователь А.И. Клибанов писал, что в посланиях патриарха константинопольского Нила и московского митрополита Фотия отсутствуют призывы к казни еретиков, наоборот, в них отмечается необходимость примирения со стригольниками через их переубеждение [4, с. 123–125].

В случае невозможности переубеждения остается только один, по мнению Епифания, и, в сущности, гуманный по меркам Средневековья метод наказания – изгнание. «Изиди убо от лица нашего цѣлъ и неязвенъ, токмо прочее блюдися потом, да не злѣ постраждеши» [2, с. 158], – говорит Стефан волхву Паму, делая акцент на телесной целостности, полном отсутствии физического наказания.

Обнаружить определенную гуманистическую установку можно и в словах, сказанных Стефаном перед уходом из Пермской земли: «Тѣмже, братье, никтоже вас да не преокрадет лживыми ученьи и ересью, “никтоже вас да не прелщаеть тщими словесы”. Но “аще кто впа-

дет в нѣкое прегрѣшенье, вы, духовнии, свершайте таковаго духом кротости, блюдый себе, е(г)да и ты искушен будеши”» [2, с. 200]. Стефан молится перед Богом, чтобы тот укрепил «пермян» в вере против еретиков и, наконец, в предсмертном поучении вновь призывает: «Станите о вѣре тверди, блюдѣтеся от еретиков, стерезитеся от иже развратников вѣрѣ, снабдитеся от приходящих раскол церковных и от находящихъ раздоръ…» [2, с. 206]. Таким образом поучения Стефана против еретиков фактически ограничиваются призывом к избеганию их учения и изгнанию самих еретиков.

Процесс «собирания духовных сил на Руси во имя их согласия и единства» [14, с. 578] отразился на апостольском служении Стефана Пермского – в особом типе жертвенности, более сложном оттого, что речь идет о тех свойствах духа, которые высвечиваются при обращении к острым вопросам, нуждающимся в решении. Вопрос о возможности милосердного отношения к еретикам, отказа от бесчеловечных казней и насилия решается Епифанием Премудрым в рамках средневековой установки на гуманизм. В напоминание о сложности последующего взаимодействия церкви с еретиками уместно привести суждение Г. П. Федотова: «“Заволжцы” защищают духовную свободу и заступаются за гонимых еретиков, иосифляне предают их на казнь. <…> “Заволжцы”, при всей бесспорной русской генеалогии их – от преподобных Сергия и Кирилла – питаются духовными токами православного Востока, иосифляне проявляют яркий религиозный национализм» [16, с. 186].

Общественная мысль того времени испытывается «апостольской» жертвенностью. Именно ее Епифаний кладет в основу своего выдающегося сочинения, напоминая читателю о сложности творимой истории, заявляя о встающей, в первую очередь перед церковью, необходимости занять гуманистическую позицию по отношению к «заблудшим», условием для чего стал идейно-исторический контекст обновления и возрождения.

Литература

1. *Алексеев А.И.* Религиозные движения на Руси последней трети XIV – начала XVI в.: стригольники и жидовствующие. М.: Индрик, 2012. 560 с.
2. Житие Стефана Пермского // Святитель Стефан Пермский. СПб.: Глаголъ, 1995. С. 50–263.

3. *Казакова Н.А., Лурье Я.С.* Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI в. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1955. 544 с.
4. *Клибанов А.И.* Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI в. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 412 с.
5. *Конявская Е.Л.* К вопросу об авторском самосознании Епифания Премудрого // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2000. № 1. С. 70–85.
6. *Лимеров П.Ф.* Образ св. Стефана Пермского в письменной традиции и в фольклоре народа Коми М.: Наука, 2008. 256 с.
7. *Лимеров П.Ф.* Тема труженичества святого Стефана Пермского в «Слове о житии» Епифания Премудрого // Уральский исторический вестник. 2008. № 4 (21). С. 109–119.
8. *Лихачев Д.С.* Человек в литературе Древней Руси. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 186 с.
9. *Прохоров Г.М.* Епифаний Премудрый // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.: Наука, 1988. Вып. 2. Вторая половина XIV – XVI в. Ч. 1. А–К. С. 211–220.
10. *Прохоров Г.М.* Равноапостольный Стефан Пермский и его агиограф Епифаний Премудрый // Святитель Стефан Пермский. СПб.: Глаголъ, 1995. С. 3–47.
11. *Руди Т.Р.* Топика русских житий (вопросы типологии) // Русская агиография: Исследования. Публикации. Полемика / под ред. С.А. Семячко и Т.Р. Руди. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 59–101.
12. *Руди Т.Р.* О топике миссионерских житий (Житие Стефана Пермского в контексте агиографической топики) // Вестник Новосибирск. гос. ун-та. Серия: История, филология. Т. 13. 2014. Вып. 2. С. 134–148.
13. *Соболева Л.С.* «Житие Стефана Пермского» Епифания Премудрого в историко-политическом контексте эпохи // Уральский археографический альманах. 2005 год. Екатеринбург: Волот, 2005. С. 6–41.
14. *Топоров В.Н.* Святость и святые в русской духовной культуре: в 2 т. М. : Языки русской культуры, 1998. Т. 2. Три века христианства на Руси (XII–XIV вв.). 864 с.
15. *Успенский Л.А.* Богословие иконы православной церкви. Переславль: Изд-во Братства во имя св. кн. Александра Невского, 1997. 656 с.
16. *Федотов Г.П.* Святые Древней Руси. М.: Московский рабочий, 1990. 269 с.
17. *Яблонский В.* Пахомий Серб и его агиографические писания: биографический и библиографически-литературный очерк. СПб.: Синод. тип., 1908. XVI, 314, CXIV с.

А.Ю. Семанин
аспирант Московской православной духовной академии
Сергиев Посад (Россия)
E-mail: alezandrsemanin@gmail.com

Особенности Минейной редакции жития св. кн. Андрея Смоленского

Аннотация. В статье рассматриваются два наиболее ранних списка жития св. Андрея Смоленского XVI в., которые выделяются в отдельную редакцию, названную Минейной. Сопоставляется содержание списков жития между собой, а также с житием прп. Даниила, что позволяет прояснить характер заимствования текста, отмечаются некоторые текстологические особенности списков Минейной редакции. На основании указанных сопоставлений делается попытка анализа состава жития св. Андрея и работы его составителя.

Ключевые слова: Андрей Смоленский, житие, редакция, рукопись, список, текстология, древнерусская литература.

Alexander Yu. Semanin
Aspirant of Moscow Orthodox Theological Seminary
Moscow (Russia)
E-mail: alezandrsemanin@gmail.com

The peculiarities of the Mineynaya edition of the life of St. Andrey Smolensky

Abstract. The article discusses the two earliest lists of life of St. Andrey Smolensky of the 16th century, which are identified in a separate edition, called Mineynaya. The comparison of the contents of the lists of life among themselves, as well as with the life of St. Daniel is done, which makes it possible to clarify the nature of the borrowing of the text, some textological features of the lists of the Mineynaya edition are mentioned. Based on these comparisons, an attempt to analyze the composition of the life of St. Andrew and the work of its compiler is made.

Keywords: Andrey Smolensky, life, editorial, a manuscript, a list, textology, Old Russian literature.

Житие св. Андрея Смоленского было составлено на основе жития прп. Даниила Переяславского во второй половине XVI в. и на настоящий

момент известно в 16 списках XVI-XIX в. Исходя из анализа состава списков жития может быть выделено несколько редакций [13].

Два наиболее ранних списка (Погод [10] и Маз [9]) повествуют об обретении мощей св. Андрея в г. Переяславле-Залесском прп. Даниилом. Эти списки являются чрезвычайно близкими между собой. Оба они содержатся в минеях, обоим предшествует служба благоверному князю Андрею, а также они близки по содержанию:

Маз	Погод
1. «Лѣта…» (л. 76). 2. «Обрѣтение мощеи ст҃го кн҃зя Андрѣя Смоленьскаго и Переславьскаго». Нач.: «И потом бывшу нѣкогда прп(д)бному старцу Данилу на Москвѣ» (л. 76 об.) 3. «Чюдо первое». Нач.: «И повелѣша представити исцелѣвших и воспошаеми повѣдаша сице» (л. 80). 4. «Чюдо второе». Нач.: «И жена нѣкая пришед от града повѣдаша гл҃я: «Азъ три лѣта гортанию болѣх»» (л. 80). 5. «Чюдо третьее». Нач.: «Иная жена пршедши повѣда: „Азъ болѣх очима много лѣтъ“» (л. 80 об.). 6. «О проречении ст҃аго, иже послѣди избысть». Нач.: «Старець ж источники непрестанныя изливая слезы гл҃аше» (л. 80 об.). 7. «Повѣсть чюдна, юж повѣда нам Данил» (л. 82 об.). Нач.: «Повѣда ж нѣкогда нам чюдну повѣ(с) и удивлению достоину». (л. 82 об.)	1. «В лѣта…» (л. 399). 2. «Обрѣтение мощеи ст҃аго князя Анъдрѣя Смоленьскаго и Переславъскаго». Нач.: «И потомъ бывшу нѣкогда прп(д)бному старъцу Данилу на Москвѣ» (л. 399). 3. «Чюдо первое». Нач.: «И повѣлеша представити исцѣлѣвъшихъ и воспрошаеми повѣдаша сице» (л. 401об.). 4. «Чюдо второе». Нач.: «И жена нѣкая пришед от града повѣдаша гл҃я: Азъ три лѣта ~~болѣхъ~~[1] горътанию болѣхъ…» (л.401об.) 5. «Чюдо третье». Нач.: «И ина жена пришедъши повѣда: „Азъ болѣхъ очима много лѣтъ“» (л. 401 об.). 6. «О проречении ст҃аго, иже послѣди избыстьса». Нач.: «Старець же источники непрестанъныя излевая слезы, гл҃ше». (л. 402). 7. «Повѣсть чюдна, юже повѣда намъ Данилъ». Нач.: «Повѣда же намъ чюдну повѣсть и удивлению достоину» (л. 403).

Сопоставление заглавий показывает, что житие в данных списках имеет одинаковый состав. В заглавиях встречается лишь несколько грамматических разночтений, вариации в написании «ъ» в слабой позиции,

[1] Так в тексте: слово зачеркнуто.

«ѣ» в середине слова. В рукописи из собрания М.П. Погодина в начале главы «чюдо второе» имеет место исправление, зачеркнуто слово «болехъ»: «~~болѣхъ~~ горътанию болѣхъ». Данный фрагмент проясняет характер работы писца: он стремился не допускать перестановок слов и счел необходимым сделать исправление, когда это случайно произошло, что говорит о его желании точно следовать антиграфу. При этом других, более поздних, списков с тем же составом нам не встретилось, все они значительно отличаются от Маз и Погод: или прибавлением больших фрагментов теста, или измененным содержанием жития [13]. Это позволяет выделить ранние списки, в отдельную редакцию, которую можно назвать Минейной по типу рукописных книг, в которых содержится данная версия жития. Имя первоначальной, как представляется, будет не вполне точно, так как согласно тексту жития, прежде уже существовала некая редакция, которая была утрачена.

Отметим, что этот текст стал основой для создания прочих редакций жития, он почти полностью (в некоторых случаях опускается краткое введение) содержится во всех текстах о кн. Андрее, повествующих об обретении его мощей. Единственным отличием списков данной редакции жития от прочих стало выделение одного из фрагментов в отдельную главу: «Обрѣтение мощеи ст҃го кн҃зя Андрѣя Смоленьскаго и Переславьскаго» (Маз, л. 76 об.). Хотя этот фрагмент присутствует во всех списках, но заголовком не выделяется.

В своей работе «Древнерусские жития святых как исторический источник» В.О. Ключевский пишет о житии князя Андрея: «кто-то в Переславле выписал целиком этот рассказ [об обретении мощей кн. Андрея] из жития Даниила и, приделав к нему небольшое вступление, пустил под именем жития кн. Андрея» [11, с. 282]. Василий Осипович не рассматривает подробно вопроса заимствования, лишь констатирует этот факт.

В 1908 году профессор Московской духовной академии С.И. Смирнов осуществил критическое издание древнейшей редакции жития преподобного Даниила по пяти известным ему спискам [2]. В издании он также подвел значимые лексические разночтения по спискам позднейших редакций жития, всего использовав в работе девять списков [2, с. XXXVIII]. Именно это издание будет использоваться в данной работе при цитировании фрагментов жития прп. Даниила[1].

[1] Далее издание жития прп. Даниила, осуществленное С.И. Смирновым обозначается ЖД.

Действительно, в житии прп. Даниила есть несколько глав, посвященных событиям обретения мощей благоверного князя Андрея. Как показывает сверка текста, все они были заимствованы автором жития Андрея Смоленского, причем без какой-либо редакторской правки текста. Ниже для иллюстрации этого факта представим названия и начала соответствующих глав жития св. Андрея по рукописи из собрания Погодина и из жития преподобного Даниила по изданию С.И. Смирнова:

№	Название главы в житии св. Андрея (Погод)	Название главы в житии прп. Даниила (ЖД)
1	«В лѣта бл҃гоч(с)тиваго…» (л. 399).	этого текста нет
2	«*Обрѣтение* мощеи ст҃аго князя Анъдрѣя Смоленьскаго и Переславъскаго» (л. 399). Нач.: «И потомъ бывшу нѣкогда прп(д)бномоу старъцу Данилу на Москвѣ и воспомяну самодеръжцу о старѣвъшихся цр҃квахъ близь градныхъ вратъ града Переславля…» (л. 399).	«*О обрѣтении* мощей князя Андрѣя Смоленского» (с. 62). Нач.: «И потомъ бывшу нѣкогда преподобному старцу Данилу на Москвѣ, и воспомяну самодержьцу о состарѣвшихся церквах близ градных врат града Переаславля» (с. 62).
6	«Чюдо *первое*» Нач.: «И повѣлеша представити исцѣлѣвъших҃ и воспрошаеми повѣдаша сице. Нѣкто приставникъ цр҃выхъ селъ имянем Иванъ зовомыи Оклячеевъ…» (л. 401 об.)	«Чюдо а҃» Нач.: «И повелѣша представити исцѣливших. И вопрашаеми повѣдаша сицѣ: Нѣкто приставнпк царевых селъ именем Иван, зовомый Оклячѣевъ» (с. 65).
7	«Чюдо *второе*» Нач.: «И жена нѣкая пришед от града повѣдаша гл҃я» (л. 401 об.)	«Чюдо в҃» Нач.: «И жена нѣкая, пришед от града, повѣдаше, глаголя» (с. 65).
8	«Чюдо *третье*» Нач.: «И ина жена пришедъши повѣда» (л. 401 об.)	«Чюдо г҃» Нач.: «И иная жена пришедши повѣда» (с. 65).
9	«О пророчении ст҃аго, иже послѣди избыстся» Нач.: «Старець же источники непрестанъныя излевая слезы» (л. 402).	«О пророчении ст҃аго, иже послѣди збыстся» Нач.: «Старець же, источникы непрестанныя изливая слезы» (с. 66).

10	«Повѣсть чюдна, юже повѣда *намъ* Данилъ». Нач.: «Повѣда же нѣкогда намъ чюдну повѣсть» (л. 403).	«Повѣсть чюдна, юже повѣда Данилъ». Нач.: «Повѣда же нѣкогда нам чюдну повѣс[ть]» (с. 67).

Из таблицы видно, что за, исключением введения, все остальные главы жития св. Андрея в Минейной редакции соответствуют главам из Жития прп. Даниила Переяславского, причем текст копируется дословно. Сверка текстов соответствующих глав показывает, что они, и только они, заимствованы целиком. Отметим, что разночтения в названиях иллюстрируют в целом характер изменения текста – он незначителен. Мы видим в житии св. Андрея замену в названиях чудес цифр на слова, добавление слова «намъ» в последней главе; орфографические разночтения: смягчение конечого к (источники – источникы), в некоторых случаях орфографические ошибки (излевая – изливая), добавление еров в слабой позиции (непрестанъныя – непрестанныя). Абсолютное большинстов разночтений не являются ни лексическими, ни синтаксическими вариантами, почти все они имеют орфографический характер.

Аналогично списки Минейной редакции (Маз и Погод) текстологически близки между собой: обильны только орфографические варианты (например: свѣща вся – свѣщи вся; старецъ – старець; подвиги – подвизи; многи – многы), несколько раз встречаются перестановки слов (чл҃ка нѣкоего – нѣкоего чл҃ка: Николы Чюдотворца – Чюдотворца Николы), более существенных разночтений выявить не удалось.

В обоих списках Минейной редакции жития св. Андрея Смоленского есть ошибка прочтения, которая делает непонятным смысл фрагмента и различается от чтения в житии прп. Даниила:

Маз	ЖД
«не отхожаху *ч(с)тно имаху* яже на ползу прошения» (л. 77).	«не отхожаху *тщи, но приимаху* яже на ползу прошения» (с. 62)

Вполне понятное чтение в житие преподобного Даниила несколько затемняется из-за неверного прочтения: тщи, но приимаху – честно имаху. Издание жития Даниила и известные нам списки полной редакции жития в собраниях РГБ не дают разночтений к слову приимаху (ЖД, с. 62; У1011 [6], л. 75; У1026 [7], л. 67 об.; Ник [3],

л. 136 об.; Опт [4], л. 60; ТрД [5], л. 108) – чтение везде постоянно. Этот фрагмент оказывается важным в текстологическом отношении, так как проявляется и в других редакциях жития св. Андрея, а потому может являться текстологической приметой при классификации прочих списков рукописей и изучении истории текста.

Если причина, по которой в житие включены первые восемь глав, не вызывает сомнений (они повествуют непосредственно о князе Андрее), то несколько сложнее обстоит дело с главой «Повесть чудна». Она представляет собой достаточно самостоятельный текст, имеет небольшое вступление, основную часть и заключение. В этой повести описывается как «некогда» «некий» человек, молясь вечером у стен храма, увидел незнакомца, который также пришел к храму и начал молиться. Как затем ему чудесным образом отверзлись запертые двери храма, а после произошло еще чудо, незнакомец перешел другую сторону реки по воде, как по суху, чтобы совершить свою молитву и в иных церквах. В самой повести прямо не сказано о том, кем был человек, видевший видение, и кем был незнакомец: «Сию убо чюдну повесть повѣда нам Данилъ, а имени не повѣда, ни видѣша его, ни преходя|щаго (л. 242) пѣши верьху воды, и не вѣм, аще от инѣхъ ч҃лкъ слыша, или сам видѣ, Бг҃ъ вестъ единъ, Свѣдыи таиная» (Тр [8], л. 239 об. – 242) Князь Андрей Смоленский упоминается лишь самом конце главы, сразу после приведенных выше слов: «Многажды бо своя повести и казоваша, яко от иного лица, яко ж и о мощех *преже помянутаго* князя Анъдрѣя явьствено извѣщение не сказа, но мнозем глаголаше: «не пытайте о сих, не туне о сих подвигохомся, но обаче вѣруйте без сумнѣния, яко воистину Божий угодникъ есть». Слова *преже помянутого* позволяют предположить, что сам автор жития Даниила, не считал, что эта повесть рассказывает о князе Андрее, иначе ему бы не пришлось здесь о нем напоминать, да и скорее всего, он бы тогда прямо назвал его имя.

Таким образом, не вполне понятно, составитель АСЖ выписал этот фрагмент, так как отождествил незнакомца из повести с князем Андреем, чему нет явного подтверждения в житии Даниила, или только ради последней фразы со свидетельством преподобного о князе. Отметим при этом следующую разницу в икосах канона из службы Андрею Смоленскому по рукописям из собраний РГАДА и БАН [14]:

Маз, XVI в.	Усп, XIX в.
р(д)у ленивым образом увѣщания, р(д)уи(с) многи от прелести избавляя, р(д)уи(с) потоки чюдесы даруя, р(д)уися нищим попечение сътворивыи (л. 73 об.)	радуися лѣнивымъ возбуждение образомъ своимъ показа путь ко спасению, *радуися* | *(л.21об.) яко въ нощехъ таино хождаше по црквамъ и въ нихъ моляшеся Г(с)подеви и по водамъ, яко по суху, хождаше и чюдесы своими градъ нашъ просвѣщая*, радуися яко многия от прелести избавляя, радуися яко от ч(с)тнаго твоего гроба многия потоки чюдесъ даруеши съ вѣрою къ тебѣ приходящимъ, радуися нищимъ попечение сотворивыи (л. 21-21 об.).

Как видно из данного фрагмента, икос рукописи из Успенского собрания значительно расширен, кроме того в нем содержится вставка, отождествляющая князя Андрея с незнакомцем, ходившим по водам из «повести чудной», отсутствующая в тексте службы XVI в. Поэтому можно сделать вывод о том, что, скорее всего, первоначально в XVI в. незнакомец из повести не принимался за князя Андрея и повесть целиком была выписана только ради последней ее фразы. Впоследствии же читатели, видя этот текст включенным в состав жития, начали воспринимать весь рассказ полностью посвященным святому князю, что отразилось со временем и в тексте службы.

В.В. Дорохова выделила в качестве отдельной редакции АСЖ главы об обретении мощей из жития прп. Даниила, эта редакция называется исследовательницей Даниловской [1]. Нам представляется необоснованным выделение в отдельную редакцию жития св. Андрея Смоленского нескольких глав жития прп. Даниила, не выписанные оттуда в качестве самостоятельного текста, ведь в таком случае собственно редакции жития святого Андрея как самостоятельного памятника не создавалось. В XIX в. такая редакция все-таки была создана епископом Никанором, опубликовавшим эти главы самостоятельной брошюрой в 1908 году [12].

Итак, Минейная версия жития Андрея Смоленского известна в двух списках текстологически близких между собой и восходящих к общему протографу. Она является текстом об обретении мощей св. кн. Андрея, состоящим из небольшого оригинального введения и фрагмента жития Даниила Переяславского. А именно, в житие св. Андрея были включены полные три главы жития прп. Даниила. При этом последняя из глав имеет свое заключение, которое и становится заключением жития

св. Андрея. К нему добавлено лишь краткое прославление Бога, традиционно завершавшее древнерусские тексты: «Бг҃у нашему слава всегда нн҃ѣ и пр(с)но и во вѣки вѣкомъ, аминь» (Маз, л. 84).

Литература

1. *Дорохова В.В.* К вопросу об истории создания жития святого благоверного князя Андрея Смоленского… [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rumchten.rsl.ru/assets/files/2005/doc/1106318067.doc (Дата обращения: 01.04.2019).
2. Житие преподобного Даниила, Переяславского чудотворца. Повесть о обретении мощей и чудеса его / Изд. проф. С.И. Смирнова. М., 1908. – ЖД.
3. Житие прп. Даниила Переяславского. РГБ. Ф. 199 (собрание Никифорова) № 381, XVIII в. – Ник.
4. Житие прп. Даниила Переяславского. РГБ. Ф. 214 (Собрание Оптиной пустыни) № 203, XIX в. – Опт.
5. Житие прп. Даниила Переяславского. РГБ. Ф. 304.II (Дополнительное собрание Троице-Сергиевой Лавры) № 52, 1825. – ТрД.
6. Житие прп. Даниила Переяславского. РГБ. Ф. 310 (Собрание Ундольского) № 1011, XIX в. – У1011.
7. Житие прп. Даниила Переяславского. РГБ. Ф. 310 (Собрание Ундольского) № 1026, XVIII в. – У1026.
8. Житие св. Андрея Смоленского // Жития русских святых. РГБ. Ф. 304.I (Основное собрание Троице-Сергиевой Лавры). №696, XVII в. – Тр.
9. Житие св. Андрея Смоленского // Минея праздничная «новым чудотворцам» с дополнительными статьями. РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. № 501, 1600 (?) – 1602 гг. – Маз.
10. Житие св. Андрея Смоленского // Четья минея за сентябрь – январь. РНБ. Собрание Погодина. №962, ок. 1569 – Погод.
11. *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 282.
12. Обретение мощей святаго благовернаго Андрея, князя Смоленскаго, по древнему сказанию (1556 года) / Изд. архиеп. Никанора (Каменского). Казань, 1908г.
13. *Семанин А.Ю.* Житие святого благоверного князя Андрея Смоленского в списках Отдела рукописей Российской государственной библиотеки // Румянцевские чтения – 2019. Материалы Международной научно-практической конференции (23-24 апреля 2019). Ч.3. М., 2019. С. 27-31
14. Служба св. Андрею Смоленскому // Сборник. БАН. Собрание М. И. Успенского. №93, XIX в. – Усп.

Раздел III

ТРАДИЦИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ЕЕ ИЗУЧЕНИИ

В.В. Борисова
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русской литературы
Башкирского государственного педагогического
университета им. М. Акмуллы
Уфа (Россия)
E-mail: borisova@ufacom.ru

Аксиологическое пространство произведений С.Т. Аксакова

Аннотация. В статье рассматриваются особенности аксиологического пространства произведений С.Т. Аксакова на примере ключевого фрагмента повести «Детские годы Багрова-внука», в котором отразилась иерархия главных ценностей писателя: культ природы, материнской любви и христианской веры.

Ключевые слова: аксиология С.Т. Аксакова, природа, материнская любовь, христианская вера.

Valentina V. Borisova
DSc in Philology, Professor,
Head of the Department of the Russian Literature of
M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University
Ufa (Russia)
E-mail: borisova@ufacom.ru

The axiological space of the literary works of S.T. Aksakov

Abstract. The article focuses on the specific features of the axiological space of S.T. Aksakov's works on the example of a key fragment of the novel "Children's years of Bagrov-grandson", which reflects the hierarchy of the writer's main values: the cult of nature, maternal love and Christian faith.

Keywords: S.T. Aksakov, axiology, nature, maternal love, Christian faith.

Произведениями С.Т. Аксакова о русской старине, семейных преданиях, красоте родной земли восхищались в XIX столетии Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой. Видные литературоведы XX века А.В. Чичерин и Ю.И. Минералов справедливо отнесли творения писателя к «классическим произведениям русской словесности» [3; 4], которые органично вписались в ее аксиологическое пространство, в свое время полно описанное В.В. Кусковым на материале древнерусской литературы [2].

Достаточно показательной в этом плане выглядит повесть С.Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука». В этом автобиографическом произведении, наполненном детскими воспоминаниями, представлена та иерархия ценностей, которая, на наш взгляд, отличает как творческую индивидуальность писателя, так и русскую литературу, и культуру в целом. В выбранном для целостного анализа ключевом тексте повести наглядно отразился пиетет ее автора перед спасительной силой природы, материнской любви и христианской веры.

Сам текст достаточно показателен в плане поэтики писателя и позволяет выявить идейные и стилевые константы его творчества. Уже в первом приближении он подтверждает репутацию С.Т. Аксакова как художника-натуралиста и создателя семейной хроники: «Заметив, что дорога мне как будто полезна, мать ездила со мной беспрестанно: то в подгородные деревушки своих братьев, то к знакомым помещикам; один раз, не знаю куда, сделали мы большое путешествие; отец был с нами. Дорогой, довольно рано поутру, почувствовал я себя так дурно, так я ослабел, что принуждены были остановиться; вынесли меня из кареты, постлали постель в высокой траве лесной поляны, в тени дерев, и положили почти безжизненного. Я все видел и понимал, что около меня делали. Слышал, как плакал отец и утешал отчаянную мать, как горячо она молилась, подняв руки к небу. Я все слышал и видел явственно и не мог сказать ни одного слова, не мог пошевелиться – и вдруг точно проснулся и почувствовал себя лучше, крепче обыкновенного. Лес, тень, цветы, ароматный воздух мне так понравились, что я упросил не трогать меня с места. Так и простояли мы тут до вечера. Лошадей выпрягли

и пустили на траву близехонько от меня, и мне это было приятно. Где-то нашли родниковую воду; я слышал, как толковали об этом; развели огонь, пили чай, а мне дали выпить отвратительной римской ромашки с рейнвейном, приготовили кушанье, обедали, и все отдыхали, даже мать моя спала долго. Я не спал, но чувствовал необыкновенную бодрость и какое-то внутреннее удовольствие и спокойствие, или, вернее сказать, я не понимал, что чувствовал, но мне было хорошо. Уже довольно поздно вечером, несмотря на мои просьбы и слезы, положили меня в карету и перевезли в ближайшую на дороге татарскую деревню, где и ночевали. На другой день поутру я чувствовал себя также свежее и лучше против обыкновенного. Когда мы воротились в город, моя мать, видя, что я стал немножко покрепче, и сообразя, что я уже с неделю не принимал обыкновенных микстур и порошков, помолилась богу и решилась оставить уфимских докторов, а принялась лечить меня по домашнему лечебнику Бухана. Мне становилось час от часу лучше, и через несколько месяцев я был уже почти здоров. <...> Выздоровленье мое считалось чудом, по признанию самих докторов. Мать приписывала его, во-первых, бесконечному милосердию божию, а во-вторых, лечебнику Бухана. Бухан получил титло моего спасителя, и мать приучила меня в детстве молиться богу за упокой его души при утренней и вечерней молитве. <...> Я приписываю мое спасение, кроме первой вышеприведенной причины, без которой ничто совершиться не могло, – неусыпному уходу, неослабному попечению, безграничному вниманию матери и дороге, то есть движению и воздуху. <...> Моя мать не давала потухнуть во мне догоравшему светильнику жизни: едва он начинал угасать, она питала его магнетическим излиянием собственной жизни, собственного дыханья. Прочла ли она об этом в какой-нибудь книге или сказал доктор – не знаю. Чудное целительное действие дороги не подлежит сомнению. Я знал многих людей, от которых отступались доктора, обязанных ей своим выздоровлением. Я считаю также, что двенадцатичасовое лежанье в траве на лесной поляне дало первый благотворный толчок моему организму. Не один раз я слышал от матери, что именно с этого времени сделалась маленькая перемена к лучшему» [1, с. 269-271].

Первый ключевой словесный ряд, выражающий одну из смысловых доминант представленного текста, связан с мифопоэтическим мотивом целительного воздействия природы на умирающего ребенка, которого спасла сила матери-земли и могучего древа жизни: это «дорога», «высокая трава», «лесная поляна», «тень дерев», «цветы», «ароматный

воздух». Здесь явственно выражен чудесный переход от сна смерти к жизни: «...вдруг точно проснулся и почувствовал себя лучше, крепче обыкновенного» [1, с. 269].

Вторая смысловая доминанта определяется словесным выражением мотива горячей родительской любви: это слезы отца и «неослабное попечение» самоотверженной матери.

И наконец, доминирующим в данном тексте становится мотив «бес- конечного милосердия божия», о котором горячо молилась отчаянная мать, «подняв руки к небу». Примечательна в этом плане емкая развернутая метафора: «...мать не давала потухнуть во мне догоравшему светильнику жизни: едва он начинал угасать, она питала его магнетическим излиянием собственной жизни, собственного дыханья» [1, с. 271].

Здесь сквозной в первой части аксаковской повести образ «искры жизни», продолжающей тлеть в больном ребенке, вызывает ассоциации с догорающей свечой перед образом Смоленской божьей матери, «некогда чудным знамением озарившей и указавшей Софье Николавне путь жизни» [1, с. 68]. Далее он максимально метафоризируется и развертывается в ряду глагольных и отглагольных форм: «потухнуть», «угасать», «догоравшему», дополняясь другими метафорами («излияние жизни», «дыхание жизни») и выразительным эпитетом «магнетический», который передает неразрывную связь матери, уповающей на милость богородицы, и «дитяти».

И хотя в функциональном плане все три мотива фокусируются на чудесном выздоровлении героя-рассказчика, их значимость далеко не однозначна: в отличие от матери, на первое место поставившей «милосердие божие», автор-мемуарист считает, что «первый благотворный толчок» его организму дало именно «двенадцатичасовое лежанье в траве на лесной поляне».

В результате в авторском сознании иерархически выстраивается вполне определенный аксиологический ряд: это природа, родительская любовь и вера в Бога, что является важнейшей особенностью творческой индивидуальности С.Т. Аксакова. В первую очередь он предстает художником-натуралистом; во-вторых, не менее важна его ипостась как писателя-мемуариста, воспринимающего жизнь в свете родовой и христианской жизни.

Таким образом, мы видим здесь отражение принципиальных особенностей творческой индивидуальности С.Т. Аксакова, иерархии его главных ценностей.

Литература

1. *Аксаков С.Т.* Детские годы Багрова-внука // Аксаков С.Т. Собр. соч.: В 5 т. М.: Правда, 1966 / под ред. С.И. Машинского. Т. 1.
2. *Кусков В.В.* «Язык» древнерусской культуры // Slavia Orientalis. 1969, т.18, вып. 2. С. 311-324.
3. *Минералов Ю.И.* Сергей Тимофеевич Аксаков: (1791–1859) // Минералов Ю.И. История русской литературы XIX века (40–60-е годы): учеб. пособие. М.: Высшая школа, 2003. С. 156-166.
4. *Чичерин А.В.* Русское слово Сергея Аксакова // Русская литература. 1976. № 2. С. 120-126.

И.В. Калус
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры литературы
Московского государственного института культуры
Москва (Россия)
E-mail: irina.kalus@yandex.ru

«Тихий» человек Алексей Зыков, или Жизнь Адама в романе Вацлава Михальского «Семнадцать левых сапог»

Аннотация. Статья обращена к роману Вацлава Михальского «Семнадцать левых сапог». Основной интерес сконцентрирован на образе главного героя и своеобразии подобного типа личности в литературе XX века. Художественный мир вещей, таких как сапоги или старая лампа с абажуром, помогает более чётко обозначить образ Адама Домбровского и его окружения. Другой акцент статьи – женские образы романа, которые выписаны автором с тончайшим психологизмом.

Ключевые слова: Вацлав Михальский, «Семнадцать левых сапог», Алексей Зыков, «тихий герой», художественный мир вещей, женские образы, психологизм.

Irina V. Kalus
DSc in Philology, Associate Professor,
Professor of the Department of literature of
Moscow State Institute of Culture
Moscow (Russia)
E-mail: irina.kalus@yandex.ru

"Quiet" man Alexey Zykov, or Adam's Life in Vatslav Mihalsky's novel Seventeen left boots

Abstract. The article is addressed to the novel by Vatslav Mihalsky "Seventeen left boots". The main interest is concentrated on the image of the main character and the originality of this type of personality in the literature of the XXth century. The artistic world of things, such as boots or an old lamp with a lampshade, helps to more clearly define the image of Adam Dombrovsky and his environment. Another emphasis of the

article is the female images of the novel, which are written by the author with the finest psychologism.

Keywords: Vaclav Mikhalsky, “Seventeen left boots”, Alexey Zykov, “quiet hero”, the artistic world of things, women’s images, psychology.

Более пятидесяти лет назад, в 1967-м г., в Махачкалинском книжном издательстве увидел свет первый роман Вацлава Михальского «Семнадцать левых сапог», написанный в 1964–1966 гг. [4] Уже тогда, в прошлом, которое, вероятно, покажется сегодняшнему молодому читателю бесконечно далёким, практически нереальным, молодой писатель сумел создать произведение, пережившее и замалчивание, и всплеск интереса знаменитых критиков, а также полстолетия неугасающего внимания со стороны читательского племени. Признаем, что далеко не все книги других авторов, написанные в этот период, оказались столь жизнеспособными.

Будучи опубликованным, роман собрал множество народных откликов. Подобные отзывы и сейчас периодически появляются в сети: то здесь, то там мелькнёт тёплое искреннее высказывание человека, прочитавшего книгу. Не один раз Вацлаву Михальскому приходили письма, звонили по телефону: тот или иной читатель уверенно утверждал, что прототипом Алексея Зыкова (Адама Домбровского), главного героя романа «Семнадцать левых сапог», является его дед или сосед, или какой-нибудь другой ближайший родственник, знакомый. Не раз находились люди, «лично знавшие» самого Адама.

Горькая «радость узнавания» сопровождала читательские впечатления. Роман для каждого становился «своим», обрастал сопряжёнными судьбами из реальной жизни, «мыслями по поводу» – мыслями-вспышками и мыслями-долгими раздумьями. И надо сказать, содержание книги напрямую касалось того, о чём ещё нельзя было говорить в полный голос – по свидетельству самого Вацлава Михальского, роман не должен был пройти в печать – это произошло отчасти по недосмотру цензуры, отчасти благодаря помощи тех, кто смог оценить важность поднимаемой темы. А как необходимо было слово правды – во времена колоссального внутреннего конфликта, когда многие писали, читали и говорили одно, а думали совсем другое!

Невероятность – один из главных параметров, сопровождающих судьбу романа на всех уровнях, включая внутренний — содержательный, ведь путь, подобный пути главного героя Адама, сумели бы пройти лишь

единицы, а выжить и остаться при этом человеком — так же невероятно, как, впрочем, и естественно для личности, имеющей несгибаемый внутренний стержень.

Формальные параметры «Семнадцати левых сапог» в полной мере соответствуют уровню высокого художественного мастерства: язык – колоритный, меткий, эмоциональный, богатый оттенками смысла; невыдуманный сюжет, умело «дорисованный» воображением (сюжет «прилетел» к писателю «по воздуху» в виде клочка газеты – история, столь же невероятная, сколько и достоверная); необычная композиция; спрессованное повествование компактного объёма, не отпускающее в накале развития действия (подразумеваем не только событийный уровень, но и уровень душевных движений героев), выразительный финал и ещё что-то невыразимое – всё это черты, обеспечившие роману долгую жизнь.

Но именно невыразимое создаёт целостность книги.

Что-то, конечно, можно назвать: здесь и милый, родной сердцу Дагестан, и горянки, прикладывающие к больным местам рецепты врача. Здесь и больница, до мелочей знакомая зоркому писательскому оку – с фонтаном, тенистыми аллеями… Молодой (слишком молодой!) Вацлав Михальский многое вложил в книгу, чтобы художественная ткань заиграла тончайшим кружевом узорного переплетения неизъяснимых смыслов.

Где же найти отчаянные и пронзительные слова, чтобы всё-таки сказать читателю самое значимое о романе? Пожалуй, лучше самого Вацлава Михальского этого не сделает никакой литературовед или критик – ничто не заменит читателю погружение в художественный мир этой и светлой, и одновременно трагической книги. Данная статья – всего лишь отражённое прикосновение к абсолютно живому миру «Семнадцати левых сапог».

Главный герой явно не соответствует канонам соцреализма или былинным представлениям о богатырстве – в завязке и в финале это тихий старик-инвалид с польским именем. Живёт он в пристройке к мертвецкой (позже поясним, что в определённой мере это символично), работает ночным сторожем, и кажется сперва, что тихость и неприметность – основные черты Адама Степановича Домбровского. Он не хлопочет о пенсии от государства (не увлечён личным и материальным? хранит собственное достоинство? а может быть, его гложет обида? – ответы появятся у читателя позже), ответственно несёт свою скромную службу. Но за его именем, скрывающим библейского праотца, стоит такая судьба, которая, кажется, вместила в себя все муки, способные выпасть на

долю человеческого существа. Имя – поистине говорящее: Адам – не может быть посторонним, он кровно связан с каждым из нас. Его история – из невыдуманного прошлого, она касается всех, кто только считает себя причастным человеческому роду. И какая-то фатальная несправедливость чувствуется уже в заглавии – странно-нелепом, интригующем, даже в чём-то вызывающем. Сперва кажется, что такого в нашей жизни не может быть.

По мере развития действия мы всё ближе и ближе узнаём «тихого» героя и несоответствия бесследно испаряются, распределяя всё по местам. «Я весь – редкий случай», – замечает Алексей, рассказывая о себе Гуле и её мужу. Действительно, Зыков – настоящий Робинзон Крузо, несколько раз начинавший свою жизнь с нуля, даже с минус единицы.

В этой истории сперва перед читательским взором предстаёт молодой парень Лёха, сбежавший из родного села с любимой девушкой Марусей, а вот уже Алексей провожает маленькую дочь Лизу с огромным букетом чайных роз в первый класс, единственный в слободке дарит своей жене серьги с бриллиантами; работая кочегаром, спасает корабль и всю команду от гибели; а вот и война, плен, побег, снова плен – и снова побег, Освенцим, и ещё один невероятный побег – потом приговор на десять лет тюрьмы, полученный уже от «своих» – и снова побег!..

А если б не убежал, то «помер бы от обиды» в лагере, замечает Алексей Зыков, не умевший понять, что «хорошие солдаты в плен не попадают». Смерть не от физических лишений, а от обиды – смертельной обиды на тех, кто обрёк своих защитников на смерть и забвение – по сути, предал, могла бы стать реальностью, но последний побег Алексея всё же состоялся – во исполнение долга перед теми, кто остался в Освенциме, для того, чтобы передать их близким, что они не трусы и не предатели.

«Я не преступник», – с горечью говорит Алексей и о себе. И сколько таких «Адамов», с чужим именем, скрывалось по стране – до сих пор никто доподлинно не знает. Сам же Алексей, после «своего плена», отрываясь от скольжения по острию смерти, летел по жизни, как одинокий сапог, запущенный чей-то недоброй рукой, сполна испивая чашу жизненной неполноты – из небытия и невозможности черпая жизненные силы и дух, чтобы выживать и идти дальше. Последнее пристанище героя – пристройка к мертвецкой – символическое место, отвоёванный в «мирной войне» полулегальный клочок земли между этим миром и небытием.

Такая двуплановость в некотором смысле ещё более проявляет неуловимость, неразгаданность писательской тайны Вацлава Михальского, лишь острее очерчивая способность писать почти «за гранью», на узком лезвии между бытием и небытием или, как писал Михаил Бахтин, «на границе». Критик Лев Анненский, рассуждая о романе «Семнадцать левых сапог» и называя вполне конкретные достоинства произведения, точно заметил, что Вацлаву Михальскому удалось совершить нечто запредельное, то, что до него ещё в отечественной литературе не делал никто – соединить «два “плена”, два лагеря, два варианта колючей проволоки…» [1, с. 56].

Отслеживая извилистые траектории судеб героев Вацлава Михальского и проводя диагональ к другому произведению, литературовед неслучайно задаётся дальнобойным вопросом: «Интересно, предчувствовал ли двадцатипятилетний махачкалинец, что отыграется этот сапог сорок лет спустя в романе «Одинокому везде пустыня», когда сгинет от прямого попадания немецкого снаряда молодой хирург по имени Адам и останется его вдове Сашеньке от суженого один сапог…»

Как ни печально, но порой зримым итогом жизни становятся лишь сапоги в старом сундуке да какая-нибудь старая лампа...

Что же остаётся после нечеловечески тяжёлой, подчас невыносимой, но наполненной светом судьбы Алексея Зыкова – только семнадцать левых сапог? И никак не взвесить этот «сухой остаток» – совершенно бестолковый, ни к чему не применимый. Только горе для старухи Маруси, недоумённо и раздражённо прикидывающей, что с сапогами делать.

Катастрофическая незавершённость видится в этих семнадцати непарных сапогах – как будто своей несуществующей правой ногой, невидимо износившей, как и левая – здоровая – те же семнадцать, ступал Алексей Зыков по русской послевоенной земле. И часть души, так же безвозвратно утратившая свою половину, одеревеневшая вместе с левой ногой, была недобровольно изъята из его целостности, обрекая на вечную тоску, вечную «непарность». Парадоксально вместе с левой ногой всё правое (праведное – право (на открытую жизнь, на имя, на близких, на место под солнцем)) – было жестоко отобрано.

Но след от одного правого сапога (символа странствия и свободы – ведь рабы всегда были босыми), пусть и впечатанный в сердце историей, которую невозможно забыть, был лёгок и беззлобен. Герой, переживший военные действия, плен, допросы, смертные приговоры, утрату имени и

семьи, остался способен воспринимать полноту гармонии, целостность человеческой жизни, её духовную сердцевину.

Алексей – инвалид, но дух его по-настоящему полноценен и мужествен. Зыков великодушнее и благороднее многих из своего окружения, его мир наполнен чистотой (даже в прямом смысле – герой на редкость чистоплотен) и всеми красками живого мира, а море – «единственный поверенный его тайных дум».

Чистая радость жизни наполняет одноногого старика Алексея – радость каждой травинке, солнечному лучу, плеску морской волны, запахам южной земли, полутеням, тьме и свету, и нежной, требующей защиты детской судьбе, находящейся рядом.

Будучи в преклонных годах, Алексей мог слышать плач-писк пойманной рыбки – своего собрата по несчастью. Уж он-то, тоже потерявший «среду обитания», как никто другой понимал, что это значит – быть пойманным на крючок.

Ещё не зная о том, что отец жив и находится не так далеко, дочь Алексея Лиза записывает в своей тетради, будто бы посвящая эти слова ему: «Я знала людей совсем простых, малограмотных, которые понимали ВСЁ, потому что дана была им мудрость сердца, чуткая душа – самое высокое, что может быть в человеке, чего не получишь ни в каком институте, не купишь, не возьмёшь напрокат».

Добро и зло, честь и предательство были чётко поляризованы во внутреннем мире Зыкова. И если уж говорить о классификациях, то напомним, что учёный Ю.М. Павлов относит Алексея к персонажам «с традиционной (религиозной, сотериологической по своей сути) системой ценностей. Эти герои представляют духовный, жертвенный тип личности. В ранних произведениях Михальского персонажи с таким типом сознания, культуры либо определяют общую атмосферу жизни («Баллада о старом оружии», “Печка”), либо заметно влияют на неё (“Катенька”, “17 левых сапог”)» [5, с. 124].

Мы видим, как духовная верхушка личности Алексея является векторной величиной по отношению ко всем поступкам. Мир вещей не привлекает героя. Их ценность определяется только смыслом, который им придаётся. Таким исключением становится зелёная лампа из разбомбленного дома врача-спасителя Зыкова – Афанасия Ивановича Каргина. От всего дома и близких Каргина остаётся только этот чудом уцелевший элемент интерьера с зелёным абажуром, который Афанасий Иванович рискуя жизнью выносит из разрушенного дома и до конца дней хранит у

себя. В этой лампе теперь – весь его дом и память о близких, это – уже не просто вещь, а почти святыня. Предсмертные слова Афанасия Ивановича – просьба передать лампу Алексею Зыкову.

Через подобные щемящие эпизоды как будто сквозят «белогвардейские» слова Михаила Булгакова: «Никогда. Никогда не сдергивайте абажур с лампы! Абажур священен. Никогда не убегайте крысьей побежкой на неизвестность от опасности» [2, с. 26].

Дом, семья, дети, любовь, честь – ценности, которыми живут сам Алексей Зыков, Алёша Никогосов, командир Иван Дмитриевич Ермаков, его дочь Гуля и к которым всей душой стремится Лиза, попавшая в коварную ловушку непорядочного человека.

Лиза – героиня, занимающая «собственные» страницы, персонально отведённые для неё в книге, стоит отдельной реплики, поскольку при создании этого образа Вацлав Михальский претерпевает настоящее перевоплощение, столь точно воспроизводя девичью, женскую натуру со всеми присущими ей штрихами внутреннего портрета, оттенками эмоций, мыслями и поступками, что это кажется нереальным. Надо сказать, именно женские образы — разновозрастные, разнохарактерные, разностатусные — сильная сторона почти каждой книги писателя — чего стоят, например, «Баллада о старом оружии», «Печка», «Катенька», множественные рассказы (назовём лишь один из самых известных — «Свадебное платье № 327»), и, конечно, на первом месте — наполненная глубочайшим психологизмом (в первую очередь, психологизмом женской души) эпопея «Весна в Карфагене», которую, не вдаваясь в подробности, в ракурсе нашей беседы о женских образах вполне можно было бы назвать «Сёстры».

Женская тема, выливаясь в тему родства, естественным образом порождает и тему детства. Дети, особенно дети страдающие – чувствующие сиротство, несправедливость, лишения – художественная ситуация крайне больная и щемящая. И Вацлаву Михальскому удаётся подойти к её художественному воплощению с особенной деликатностью, правдоподобностью и выразительностью. Дети населяют почти все рассказы, повести, романы – не исключением становится и роман «Семнадцать левых сапог», где на фоне историй целых поколений встречаем детей самых разных возрастов и разной степени близости к герою: от Митьки Кролика и его компании – друзей Алексея Зыкова, до его выросшей дочери Лизы и маленькой внучки Танечки. Но, конечно, именно дочь Лиза занимает центральное место в душе главного героя.

Подобно своему безногому отцу, Лиза ощущает такую же тоску, неполноту, порождённую своей неправедной разрушительной любовью. Именно Лизе посвящены самые трогательные и эмоциональные страницы книги. Будто следуя неведомому наитию Вацлав Михальский запечатлевает тонкий эмоциональный внутренний мир девушки. Если не знать, кто написал «женские страницы» романа – «Тетрадь Лизы» – уверенно отдашь авторство женской руке, женскому чутью, женской способности к эмпатии и видению подводных камней в заколдованной тёмной воде «бермудских» любовных треугольников – ревности свекрови одновременно к сыну и мужу, метаний молодой души в опасном капкане подлого и низкого мужчины с «крысьей побежкой» – Николая Артёмовича Никогосова, никогда и никого по-настоящему не любившего. Ещё не зная о его грязной роли в судьбе дочери Алексея, мы видим, как он забывает прийти на день рождения к самому Алексею.

Ю.М. Павлов справедливо характеризует подобный тип личности: «Николай Артёмович Никогосов… духовно стоит в одном ряду с Вадимом Глебовым (Юрий Трифонов "Дом на набережной"), Юрием Стрепетовым (Владимир Маканин "Отдушина"), Виктором Зиловым (Александр Вампилов "Утиная охота") и другими эгоцентрическими героями литературы 60–70-х годов минувшего столетия. Михальский раньше многих своих современников мастерски запечатлел сей тип мужчины-нарцисса» [5, с. 121].

Череда поступков Никогосова, совершённых по отношению к Лизе, к своим близким, достойна «опереточного злодея», только с поправкой на «настоящую любовь», которую он якобы питал к своей невестке.

В этих послевоенных перипетиях с андерсеновской стойкостью – на одной ноге – солдат Алексей Зыков сгорает в огне сердечной боли, оставаясь честным до конца – так же, как в далёком украинском селе русский солдат – его зять, Алёша, погибший в немецком плену, успевает написать на небеленой стене сарая последние слова любви к своей жене: «Лиза Лиза Лиза Лиза Лиза Лиза».

Убивает Зыкова не чужеземный плен, и даже не «родной», «отечественный», не жизнь «вне закона» – убивают его горестные переживания о судьбе собственного ребёнка, заново обретённой дочери Лизы, в личную жизнь которой вошёл жестокий обидчик, по иронии судьбы работающий бок о бок с Алексеем и претендующий на приятельство. Счастье от обретения дочери и бессильное созерцание её мук разрывают сердце Зыкова на части и ставят точку в судьбе человека, пережившего невзгод и страданий не меньше чем на десять жизней.

И жизнь, и смерть «тихого» Алексея Зыкова «замечают» не заслуженные деятели страны, не государство, а лишь его семья, близкие друзья и обычные дворовые дети – отчаянные сорванцы-мальчишки, «голоногое воинство», бегающее летом по улицам в сатиновых трусах. Их героем (настоящим героем, с орденами!) и защитником, то и дело смахивающим детскую «слезинку» с конопатых лиц, и является Алексей Зыков, он же Адам. И в их сердцах найдёт продолжение его «тихая» жизнь даже после физической смерти.

Прошло более пятидесяти лет со дня выхода романа «Семнадцать левых сапог» в свет, но он написан как будто сегодня уверенной рукой настоящего мастера.

Художественно аранжированный факт перестаёт быть сам собой и, утрачивая налёт сиюминутности, обыденности, обрастая соцветиями смыслов, вырастает в нечто большее, в нечто, причастное каждому, кто способен мыслить и чувствовать; превращается в нечто более долговечное – так рождается художественное произведение. В «Семнадцати левых сапогах» нет схем, нет заданности или чёткого «чертежа», он отражает сложность и, как ни печально, несправедливость жизни. Писатель не делает выводов за читателя, не морализирует, оставляя множество вопросов открытыми. К примеру, спросит читатель: почему подлец, настоящий предатель Никогосов занимает высокое положение в обществе (именитый врач, доктор медицинских наук) и остаётся жить, а лучшим достаются страдания и самый плохой жребий: Алёша Никогосов погибает, защищая родину, Алексей Зыков – такой же беззаветный защитник, гоним и обрекаем на смерть? Как могла Лиза полюбить Никогосова? Как героиня, не зная точно, где искать, неожиданно обнаруживает предсмертные слова Алёши, адресованные ей? Всё это кажется совершенно невероятным.

Но ведь и в нашей жизни немало странностей, случайностей, нелепостей и совпадений – не всё определяется прямой логикой и законами справедливости. Если бы мы умели видеть подводные течения и скрытые смыслы поворотов судьбы, тогда бы начали прозревать таинственные «пути», выпавшие на ту или иную долю. В этом случае всё становится закономерным – но уже по другим, «небесным» законам: и дар предвидения, как у Лизы, смотревшей по вечерам на одну и ту же звезду с Алёшей, чувствовавшей дыхание его жизни, и его гибель, и верящей, что он обязательно оставил ей «знак»; и сила духа, которой обладали Адам и Алёша; и духовная ничтожность Никогосова.

Валентин Катаев, высоко ценивший творчество Вацлава Михальского, писал: «Уверен, что долгая жизнь в сердцах читателей суждена многим героям Вацлава Михальского, и прежде всего таким, как непобеждённый Алексей Зыков из романа “17 левых сапог”…» [3, с. 73].

«Дар воображения» творческой личности (а по меткому слову Валентина Катаева, одна из основных характеристик Вацлава Михальского-писателя) неуничтожим никаким временем – он крепче, чем каменные стены самых древних построек на земле; он живуч, как незаписанные, но заученные современниками и потому дошедшие до наших дней стихи и песни древних; он исполнен духа, как лики святых, изображённые на стенах великих соборов, как предсмертные слова, написанные на стене сарая любящим солдатом своей жене.

Дар воображения вечен как любопытный детский взгляд, зачарованный первым снегом, как неистребимая жажда целостной личности жить «по совести» и выживать – в плену ли, на краю ли пропасти в родной стране, под тяжестью рока или под властью злых людей.

Дар истинного художника, как и все явления, которые с утратой физического измерения, продолжают существовать в мыслях тех, кто помнит о них, – не подлежит исчезновению. Его сверхзадача – минуя лабиринты исторических версий и политических интриг, снова и снова в разных ликах воспроизводить жизнь Адама.

Литература

1. *Анненский Л.А.* В своём плену // Октябрь, № 8, 2007.
2. *Булгаков М.А.* Белая гвардия. М., «Ладомир: Наука», 2015, 852 с.
3. *Катаев В.П.* Дар воображения // В.В. Михальский. Собр.соч.: В 10 т. Т. 1. М., «ООО Издательство “Согласие”», 2015.
4. *Михальский В.В.* Семнадцать левых сапог. В.В. Михальский. Собр.соч.: В 10 т. Т. 2. М., «ООО Издательство “Согласие”», 2015.
5. *Павлов Ю.М.* Свет любви. М., ООО Издательство «Согласие», 2018, 344 с.

Ю.А. Брунёва
кандидат филологических наук,
декан ЧОУ ВО Института иностранных языков
Санкт-Петербург (Россия)
E-mail: juliabruneva@gmail.com

Языковая реализация концепта «чудо» в малой прозе постсоветской эпохи

Аннотация. В данной статье рассматривается репрезентация концепта «чудо» в современной малой прозе, а именно, в творчестве таких писателей, как Виктория Токарева «Зигзаг» (2006), «Рождественский рассказ» (2004), Людмила Улицкая «Капустное чудо» (2003) и Владимир Крупин «Зимние ступени» (2007). Концепт «чудо» неразрывно связан с понятием бинарных оппозиций, а также с фигурой героя, непосредственно переживающей событие и состояние чуда.

Ключевые слова: концепт, литературный герой, малая проза, бинарные оппозиции, литературное пространство.

Yulia A. Brunyova
PhD in Philology,
Dean of Institute of Foreign Languages
St. Petersburg (Russia)
E-mail: juliabruneva@gmail.com

The language implementation of the concept “Miracle” in the small prose of the Post-Soviet era

Abstract. This article discusses the representation of the concept “miracle” in the modern small prose, namely, in the works of such writers as Victoria Tokareva “Zigzag” (2006), “Christmas story” (2004), Lyudmila Ulitskaya “Cabbage miracle” (2003) and Vladimir Krupin “Winter Steps” (2007). The concept of “miracle” is inextricably linked with the idea of binary oppositions, as well as with the figure of the hero, directly experiencing an event and a state of miracle.

Keywords: a concept, a literary hero, small prose, binary opposition, literary space.

После распада в 1991 году Советского Союза общество стало переживать особенные изменения. Страну захлестнули потоки неизвестной ранее информации, которую нужно было не только научиться принимать,

но и осмыслить и переосмыслить. Возникает другая реальность, новые условия существования, смещаются морально-этические и нравственные акценты, долгое время бывшие незыблемыми. Акценты, связанные с любовью к Родине, с жизнью для страны и для общества, не для себя, а для других заменяются в прозе конца XX- начала XXI века важностью одного конкретного человека и важностью его переживаний и чувств, также важностью любви как категории – от бытового понятия любовных переживаний до вселенской любви к Богу [1]. Эти тенденции сближают современную прозу с прозой начала XIX века, с рассказами А.П. Чехова, Ф.М. Достоевского, М.М. Зощенко, А.М. Куприна, которых волновала тема «маленького человека», его мироощущение, судьба и переживания.

Тексты конца XX – начала XXI века отличаются особой легкостью восприятия и чтения, они просты, синтаксические конструкции не перегружены причастными и деепричастными оборотами, сами предложения короткие. Во многом это связано с увеличивающимся ритмом жизни обычного теперь уже российского человека. Его потребность в получении информации возрастает, а времени на чтение становится все меньше. Именно поэтому авторы этого периода достаточно часто отдают предпочтение малой прозе, упрощают синтаксис.

Писатели осваивают и имплицируют в своих произведениях и реальность нового для России времени, с новыми характерами, «героями» и типажами. Персонажи становятся не героическими, пережившими войну и живущими для страны личности, а **герои – обычные люди, попавшие в новое для них время и пространство, проснувшиеся в другой стране**. Можно сказать, что герои начала XXI века, как и герои эмигрантской прозы начала – середины XX века потеряли «**свое**» пространство, которое вдруг перестало существовать и стало частью прошлого.

Л.Я. Гинзбург, определяя литературного героя, пишет о том, что «персонаж – человек, изображаемый литературой, – существует в различных измерениях. Он соотнесен с социальной действительностью, с существующими в ней представлениями о человеке. В плане социальном эти представления, если пользоваться современной терминологией, мыслятся как *социальные роли,* в плане психологическом – как типы или характеры» [2, с. 89]. Мы рассмотрим реализацию категории чуда в русской литературе начала XXI века именно с точки зрения социальной роли и психологического типа героя, «несущего чудо» и героя, это чудо «ощущающего» на себе. Чудо представлено в творчестве таких писателей, как Виктория Токарева «Зигзаг» (2006), «Рождественский рассказ»

(2004), Людмила Улицкая «Капустное чудо» (2003) и Владимир Крупин «Зимние ступени» (2007). Все произведения написаны в течение первого десятилетие XXI века.

Концепт «Чудо» / «Герой» (двоичная система или бинарные оппозиции)

Двоичная система или система бинарных оппозиций была упомянута еще Ю.М. Лотманом, который пишет по этому поводу: «Если взять не телефонную книгу, а какой-либо художественный или мифологический текст, то нетрудно доказать, что в основе внутренней организации элементов текста, как правило, лежит принцип бинарной семантической оппозиции: мир будет члениться на богатых и бедных, своих и чужих, правоверных и еретиков, просвещенных и непросвещенных, людей Природы и людей Общества, врагов и друзей» [3, с. 227]. Именно двоичная система позволяет нам говорить о чуде как о событии, появляющимся не вдруг, а являющимся результатом взаимодействия двух начал или же двух противоположностей – мужского и женского, черного и белого, внутреннего и внешнего, верха и низа.

Взятые нами для анализа тексты примечательны тем, что чудо, прежде всего, воссоздается за счет парного взаимодействия. Главный герой всегда имеет некую пару, для которой это чудо творит, или же главный герой находится в позиции «творящего» чудо самостоятельно, для кого-то или для себя. Все герои обладают способностью «двоиться» на нескольких уровнях – В рассказе Людмилы Улицкой девочек двое, их «пару» как спаянную единицу удваивает еще раз со своей стороны опекунша Ипатьева, на уровне «девочки-баба Таня». Пара девочек в данном случае – это единое целое, повторяющее и одновременно дополняющее друг друга.

Девочки не просто очень похожи, они как будто отраженны друг в друге: «Две маленькие девочки, обутые в городские ботики и по-деревенски повязанные толстыми платками, шли к зеленому дощатому ларьку, перед которым уже выстроилась беспросветно-темная очередь». «Девочки испуганно жались друг к дружке и исподлобья смотрели на старуху одинаковыми круглыми глазами», и, наконец, «Они посмотрели друг на дружку – два светло-голубых изумленных глаза смотрели в другие, точно такие же». Происходящее с девочками чудо – появление 2-х кочанов капусты, один из которых еще и раскололся на две половины – тоже удваивается – его внутренне переживают и ждут именно две отраженные в глазах и в переживаниях друг друга героини.

Героиня рассказа Виктории Токаревой «Рождественский рассказ» встречается с мальчиком Толей, который ее жутко раздражает и так и не становится в полном смысле ее парой. Ее внутреннее пространство постоянно занято другим – Борькой Карповым, сломавшим ее цветок. Именно с ним героиня неразлучна – постоянно думает о нем и не отпускает из собственного метафизического пространства, которое он заполняет практически полностью, не пуская никого.

Героиня говорит о некой парной концепции существования белых и черных ангелов, набирающих свою армию и о концепции «пораженки». Ее «темная» позиция пораженки чудесным образом меняется на прямо противоположную – светлую позицию, имеющую счастливое разрешение.

Стоило героине самой купить для себя розу, как событие, затянувшееся на пять лет нашло свое разрешение – неожиданная встреча с «черным ангелом» Борькой меняет ненависть на появившееся в героине новое чувство – сочувствие. Она встречает совсем другого героя, не убийцу, не того, которого ненавидела и представляла 5 лет: «Все пять лет я мечтала встретить этого человека и сказать ему сильные и жесткие слова упрека. Я даже приготовила эти слова. Но они предназначались другому Борьке – красивому и наглому, хозяину жизни. А не этому, в казенной шинели. В свое время я хотела, чтобы он чесался и мучился. И он, должно быть, мучился и катался по земле. Но меня это не обрадовало». Героиня оставляет Борьке свою розу, как бы давая и ему возможность пережить некое чудо, которое изменило ее жизнь. Фактически героиня оставляет часть себя, как символ собственного метафизического пространства. Оно должно изменить, в свою очередь, внутреннее состояние Борьки. Борька больше не ее «пара», он отпущен и прощен.

Другая героиня рассказа Виктории Токаревой «Зигзаг» получает в пару практически волшебника, «осчастливившего» бедную девушку, как в вечном сюжете о Золушке и Принце. Однако рассказ называется «Зигзаг» еще и потому, что герой сворачивает в чужую жизнь по дороге к себе домой – у «волшебника» уже есть пара, поэтому двоичность герой-героиня весьма условная. Они вместе на короткий промежуток времени.

Однако момент трансформации героини от «нескончаемого ремонта» в жизни до «праздничной, как елка» убранной лестницы, олицетворяющей, в первую очередь, внутренний порядок, перенасыщен событиями, которые она переживает как маленькую другую жизнь в другом пространстве. Это пространство и все происходящие события обусловлены образом героя, появление которого никак логически не обосновано. У героя

нет характера и нет прошлого, только сами события, осуществленные его силами: «Он сидел, откинувшись в деревянном кресле, слушал музыку, и его лицо было обращено куда-то в своё прошлое. Он был далёк, непостижим. Ничему и никому не принадлежал». Интерес героя представлен именно как желание творить чудо и что-то менять. Он выступает в роли волшебника не единожды – именно это предназначение ему определено в тексте. Эпизод с героиней – одно из многих чудес. Зигзаг, как выясняется, собственно говоря, это момент сотворения чуда.

В рассказе Владимира Крупина «Рождество» героев двое, Василий и Аркадий – они вместе делают ступени к источнику. Герои явно противопоставлены друг другу, они по-разному выглядят, оценивают свое место в мире, определенное им свыше, по-разному воспринимают событие Рождества. Противопоставленность героев в данном случае идет, прежде всего, на уровне внутреннее/внешнее. Василий все время остается в тени, незаметно выполняя самую сложную часть работы, а Аркадий много рассуждает вслух и «поучает» окружающих своей «близостью» к событиям, происходящим в церкви в Рождество. Оба героя по-разному причастны к таинству Рождества. Пространство церкви, где Василий во время рождественской службы сидит в самом дальнем углу за печкой, а аркадий стоит впереди, «размашисто крестясь», разделяет героя на того, кто ощущает чудо божественной любви внутри собственного внутреннего пространства и на того, кому эта любовь пока недоступна.

Таким образом, мы можем говорить о реализации категории чуда именно с точки зрения его восприятия и переживания героями рассказа. Чудо происходит, прежде всего, внутри, меняется сам герой во взаимодействии с неким событием. Это событие, само по себе являясь внешней составляющей жизни, позволяет ему пройти внутренний путь. Примечательнее всего, что чудо не только меняет героя, но и как будто остается с ним, задавая совершенно особую перспективу событий, которые должны будут произойти и далее.

Литература

1. *Аверинцев С.С.* Иисус Христос – русскими глазами // Труд–7. – 2000. – № 2 (от 6 января).
2. *Гинзбург Л.Я.* – О литературном герое – 1979.
3. *Лотман, Ю.М.* Об искусстве [Текст] / Ю.М. Жлуктенко. – Санкт-Петербург: Искусство. – СПб, 1998.

С.Л. Ястребилов
старший преподаватель кафедры лингвистики
Московского государственного института культуры
Москва (Россия)
E-mail: smbk123@mail.ru

НКВД-ГПУ в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»

Аннотация. В статье рассматривается образ ОГПУ-НКВД в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Автор исследует стилистические приемы, используемые для описания сотрудников ОГПУ, их действия в различных ситуациях, а также отношения, существующие между органами внутренних дел и советскими гражданами в начале 30х годов.

Ключевые слова: Мастер и Маргарита, Булгаков, ОГПУ, НКВД, Воланд, валюта, аресты, доносы, репрессии, барон Майгель, Алоизий Могарыч.

Sergey L. Yastrebilov
Senior Lecturer of the Department of Linguistics of
Moscow State Institute of Culture
Moscow (Russia)
E-mail: smbk123@mail.ru

NKVD-GPU in the novel of M.A. Bulgakov "Master and Margarita"

Abstract. The article discusses the image of the OGPU-NKVD in the novel "Master and Margarita" by M.A. Bulgakov. The author explores the stylistic techniques used to describe the staff of the OGPU, their actions in various situations, as well as the relations that existed between the OGPU and Soviet citizens in the early 30s.

Keywords: Master and Margarita, Bulgakov, OGPU, NKVD, Woland, currency, arrests, denunciations, repressions, Baron Meigel, Aloizy Mogarych.

Свой самый известный роман Мастер и Маргарита («Мастер и Маргарита»), М.А. Булгаков писал с 1929 года и вплоть до своей кончины в 1940 г. Окончательный вариант романа готовила уже его жена Елена Сергеевна.

Время действия романа можно определить довольно точно: с 1931 по, примерно, 1933-34 гг. Первая дата обусловлена тем, что в романе уже фигурирует магазин Торгсин, созданный как раз в 1931 году. А в начале 1933 г. к власти в Германии уже пришли нацисты, тесные связи, которые существовали между СССР и Веймарской республикой были разорваны, политика Германии стала резко антисоветской, и вряд ли в такой ситуации был возможен приезд в Москву немецкого специалиста по черной магии (Воланд), как, впрочем, и какого-либо другого специалиста из Германии.

В своём романе (жанр которого даже невозможно точно определить: фантастический, фантасмагорический, мистический, сатирический? Здесь есть всё!) Булгаков воспроизвёл множество реальных элементов московской жизни начала 30х годов: антирелигиозная кампания, трудности с жильем (квартирный вопрос), охота органов внутренних дел за валютчиками, уже упомянутый магазин с роскошными товарами за валюту – всем известный Торгсин[1], писатели и писательская организация МАССОЛИТ, идеологическая цензура, московские таксомоторы сосуществующие с извозчиками, которых тогда называли «лихачами», мания руководителей предприятий создавать на рабочих местах всевозможные кружки (подмеченная ещё Ильфом и Петровым в «Двенадцати стульях») и многое другое. Поэтому роман с полным правом можно назвать ещё и историческим.

Одной из таких реалий того времени, отраженных в романе, без которой и представить-то себе Москву 30х годов просто невозможно, являются органы внутренних дел и их работа. Сотрудники органов, милиционеры присутствуют практически во всех московских эпизодах романа, их действия достаточно подробно описываются, и можно даже сказать, что органы внутренних дел являются одним из его многочисленных действующих лиц.

В этой работе я попытаюсь рассмотреть, как же показаны в романе «Мастер и Маргарита» сотрудники НКВД и деятельность органов внутренних дел. Следует уточнить, что в период с 1926 по 1934 год органы внутренних дел СССР носили название ОГПУ (Объединенное Государственное политическое управление) или просто ГПУ, как тогда говорили, – название, которое, возможно, молодое поколение сегодня даже и не знает. В обязанности и задачи ГПУ входила борьба с политической и

---

[1] «Торгсин» расшифровывается как Торг[овля] с ин[остранцами] .

экономической контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом. В структуру ГПУ всходила и народная милиция, осуществлявшая функции охраны общественного порядка. В 1934 году ОГПУ было преобразовано в хорошо всем известный НКВД.

Самому автору романа «Мастер и Маргарита» иметь дело с органами госбезопасности приходилось неоднократно. В начале 20х его не раз вызывали в ЧК на допросы. В 1926 году ОГПУ провело у писателя обыск, в результате которого были изъяты рукопись повести «Собачье сердце» и личный дневник. Дневник ему потом возвратили [3], и позже Булгаков сам его сжег. Но дневник писателя не пропал! Он дошёл до наших дней благодаря… копии, снятой на Лубянке. Ну что ж, «нет худа без добра», со стороны НКВД это, в самом деле, большая услуга русской культуре. Однако, больше автор «Мастер и Маргарита» дневников не вёл. *«Сам он больше не мог заставить себя вести подневные личные записи после того, как его взятый при обыске 1926 года дневник читали, по позднейшему свидетельству Молотова, «всем Политбюро»* [6].

В течение 20-х годов Булгаков неоднократно всерьёз опасался ареста – особенно в самом конце 20-х, во время кризиса в отношениях с театральными властями (Главреперткомом), когда все пьесы Булгакова были запрещены. Как пишут исследователи творчества Булгакова И. Белобровцева и С. Кульис, ГПУ принимало непосредственное участие в руководстве Главреперткомом. [1, с. 260] Так что, особо теплых чувств к органам писатель питать не мог. После знаменитого звонка Сталина весной 1929 г. ситуация, конечно, изменилась, и Булгаков почувствовал себя гораздо свободнее. В 30е годы на квартире Булгаковых регулярно устраивались приемы, на которые приходило множество людей, в том числе и иностранцы. Сам Булгаков часто бывал в американском и английском посольствах. В то же время, исследовательница жизни и творчества Булгакова М. Чудакова утверждает, что осведомители окружали писателя повсюду. Даже супруга Булгакова Елена Сергеевна, по её мнению, была осведомительницей НКВД [6]. Одним из осведомителей был некто Жуховицкий, интеллигентный, образованный человек, знавший несколько языков. Булгаков мгновенно его распознал, любил над ним подшучивать и специально вёл в его присутствии провокационные разговоры. И даже скучал, когда тот долго не приходил. Но никаких отрицательных последствий для писателя всё это не имело – сказывалось, видимо, покровительство Сталина.

Итак, как же показаны в романе органы госбезопасности ГПУ-НКВД? Прежде всего, обращают на себя внимание лингвистические приёмы, используемые Булгаковым для их описания. Слова «милиция» и «милиционер» с маленькой буквы, как служба охраны общественного порядка, вмешивающаяся во все происшествия, спровоцированные нечистой силой, присутствует практически в каждой главе романа. Но нигде в романе Булгаков не называет органы внутренних их настоящим именем – ГПУ. Каждый раз, когда речь заходит об этой могущественной организации, Булгаков использует языковые замены (эвфемизмы, нейтральные эквиваленты).

Профессор Стравинский предлагает взволнованному Ивану изложить его подозрения на бумаге и направить это заявление «*куда следует*». «Пусть «*там разбирают*», говорит Римский Варенухе, отправляя того в милицию с документами о Степе Лиходееве. Никанор Иванович Босой, арестованный за валюту в вентиляции, перед тем как попасть в психиатрическую лечебницу, предварительно побывал *«в другом месте».* Встретившая Азазелло Маргарита, думая, что имеет дело с сотрудником НКВД, спрашивает его из какого он *«учреждения».* (В ранних редакциях романа, в этом эпизоде стоит полное название «ГПУ», но впоследствии Булгаков его убрал. [1, с. 124]) На вопрос Аркадия Апполоновича Семплеярова, с трудом приходящего в себя после скандальных разоблачений в Варьете, откуда ему звонят *«голос в телефоне очень коротко ответил откуда».* В конце романа автор даёт описание *«одного московского учреждения»*, окна которого выходили *«на залитую асфальтом большую площадь»,* в котором хорошо узнаётся здание НКВД на Лубянской площади.

Для описания действий сотрудников НКВД в романе применяются практически исключительно глаголы в пассивной форме, либо неопределённо-личные предложения. Это также позволяет избежать прямых названий и подчеркивает безличный характер этих действий – в предложениях буквально нет подлежащих: В ГПУ с Никанором Ивановичем *«вступили в разговор».* Ему *«был задан»* вопрос. У Никанора Ивановича *«спросили».* Никанора Ивановича *«вывели» и «поместили»* в отдельной комнате. К сошедшему с самолета Степе Лиходееву *«подошли»...* его *«уже ждали».* «На Садовую, конечно, *съездили* и в квартире № 50 *побывали…*», но «…никакого Коровьева там *не нашли*». И так далее.

Почему Булгаков применил такие приёмы для изображения органов внутренних дел? Во-первых, скорее всего, из соображений чисто

литературных – этого требовал художественный замысел, форма романа. Роман фантастический, события, описываемые в нём, являются вымыслом. Герои романа тоже вымышленные, хотя многие и имеют реальные прототипы. Вымышленными в романе являются и все упоминаемые организации: МАССОЛИТ, ресторан «Грибоедов», Зрелищная комиссия, театр Варьете, Акустическая комиссия. Хотя прототипы есть и у них. Единственной реальной исторической организацией, фигурирующей в романе, является магазин Торгсин. В этой ситуации выводить ОГПУ-НКВД под своим историческим названием было бы неправильно по форме. Булгаков мог бы, конечно, придумать замену реальному названию, но он предпочел использовать для обозначения ГПУ традиционно существующие в русском языке речевые обороты для обозначения органов внутренних дел. Такой приём не только позволяет сохранить единую литературную форму, но и придает образу органов внутренних дел в романе дополнительный смысл. Известно, что во многих культурах (русская не исключение) существует суеверие не произносить вслух имена или названия чего-то страшного, нежелательного, неприятного из опасений накликать беду, а находить для этих вещей какие-то нейтральные выражения-заменители. Использование Булгаковым в романе для обозначения ГПУ, таких нейтральных выражений с хорошо всем понятным смыслом, отражает как раз тот суеверный страх, те негативные эмоции, которые вызывают эти органы у людей, желание держаться от них подальше, не иметь с ними, по возможности, никаких дел. Кроме того, могли играть роль и цензурные соображения. Представлять НКВД, организацию в высшей степени серьёзную, гоняющейся по Москве за нечистой силой, могло в те годы показаться насмешкой, вызвать непонимание, неудовольствие, раздражение литературных и нелитературных властей, как и самой могущественной организации. Это могло создать проблемы, помешать изданию романа. Булгаков к этому, конечно, не стремился.

Характерной чертой того времени и важным аспектом деятельности ГПУ, отраженным в романе, являются частные аресты. Одного за другим арестовывают всех жильцов кв. 50, опечатывают их комнаты, а затем и всю квартиру. Это официальное наложение печатей на жилище человека, было в то время явным и часто единственным признаком того, что человека именно арестовали, и он не уехал куда-то по своим делам, или не находится где-нибудь в больнице. Увидев *«огромную сургучную печать на верёвке»* на двери комнаты Берлиоза, Степа Лиходеев сразу подумал, что тот арестован. Приехавший из Киева племенник

Берлиоза, Поплавский, после того, как у него на глазах увели последнего члена правления Пятнажко, сразу понимает, что все члены правления тоже арестованы. *«Эх, какое осложнение! И нужно ж было, чтоб их всех сразу...»* При встрече с Азазелло первой мыслью Маргариты было то, что тот является сотрудником ГПУ и пришёл её арестовывать. Не избежал ареста и главный герой романа, Мастер. Правда, в романе автор предпочёл не говорить это прямо, но дал читателю недвусмысленные указания: вежливый стук в квартиру к Мастеру в середине октября, и… появление его в следующем эпизоде перед окнами своей квартиры уже в январе, среди сугробов, в пальто с оторванными пуговицами. Известно, что пуговицы с одежды срезали у арестованных в ГПУ. После исчезновения Мастера, Маргарита предполагает, что он не только арестован, но и сослан, и удивляется только, что он не даёт знать о себе. Здесь интересна произнесенная главной героиней фраза: *«Если ты сослан, то почему же не даешь знать о себе? Ведь дают же люди знать».* Эта фраза говорит о том, что в жизни Маргарита Николаевны это был уже далеко не первый случай, и она знала и других арестованных и сосланных, которые, тем не менее, давали о себе знать.

Одним словом, аресты были в то время банальным событием, частью повседневной жизни.

Показательны в этом смысле слова (вернее, даже, мысль) Иван Бездомного в лечебнице при виде листка, поданного ассистентом профессору Стравинскому: *«Целое дело сшили».* Хотя никакого дела, собственно, нет, и в руках у профессора всего-навсего один *листок*, важна используемая персонажем арестантская лексика. Это говорит о распространенности такой практики («шить дела» т.е. необоснованно обвинять) в ГПУ, и о том, что все прекрасно об этом знали.

Причины ареста могли быть самые разные. В романе мы видим, что очень частой причиной была спекуляция валютой и другим ценностями. За это арестовали хозяйку квартиры № 50, её домработницу и многих других героев романа. Мастера арестовали по доносу за хранение запрещенной литературы. Ареста за неправильную с идеологической точки зрения статью и неосторожный разговор опасается Степа Лиходеев: *«И тут закопошились в мозгу у Степы какие-то неприятнейшие мыслишки о статье, которую, как назло, недавно он всучил Михаилу Александровичу для напечатания в журнале. И статья, между нами говоря, дурацкая! И никчемная, и деньги-то маленькие... Немедленно вслед за воспоминанием о статье прилетело воспоминание о каком-*

то сомнительном разговоре, происходившем, как помнится, двадцать четвертого апреля вечером тут же, в столовой, когда Степа ужинал с Михаилом Александровичем».

Знаменитая фраза Ивана Бездомного, сказанная им в разговоре с Дьяволом на Патриарших *«Взять бы этого Канта, да за такие доказательства года на три в Соловки!»,* свидетельствует, прежде всего, не только о высоком уровне идеологической нетерпимости в обществе в то время, но и о том, что в сознании многих людей того времени лишение свободы за неправильные идеи считалось вполне допустимым и даже правильным способом решения проблем. *«Инакомыслие, чужой стиль жизни, люди «с другой идеей» ощущались как опасные, вызывали желание донести, искоренить».* [1, с. 246]

Но в очень многих случаях, как показывает Булгаков, было совершенно непонятно, за что же арестовали человека, казалось бы, совершенно безобидного, и которого ни в чем нельзя было заподозрить или обвинить. И это как раз и было характерной и страшной чертой арестов в то время. Эта кажущаяся немотивированность ареста и полная непостижимость его причин особенно пугали людей. В этих обстоятельствах никто не мог чувствовать себя в безопасности: если пришли за соседом, то в любой момент могут прийти и за тобой. Встретив на бульваре посланника Воланда, Азазелло, Маргарита сразу думает, что это сотрудник ГПУ, который хочет её арестовать.

Думая, что Берлиоз арестован, и не понимая за что же могли арестовать такого надежного и законопослушного человека, начинает бояться за себя и Степа Лиходеев. Когда не вернулся администратор Варенуха, посланный в милицию сообщить о творящихся в Варьете беспорядках, Римский сразу предполагает, что его арестовали, и не понимая за что же могли того арестовать, начинает опасаться, что и ему угрожает опасность. В такой обстановке люди испытывали перед органами внутренних дел иррациональный, панический страх, который показан в романе в нескольких эпизодах. При виде сотрудников ГПУ «бледнеют» и взяточник Никанор Иванович Босой, и его жена Пелагея Антоновна. Сослуживец Никанора Ивановича, и такой же взяточник, член правления дома на Садовой, Пятнажко, увидев пришедшего за ним сотрудника НКВД не только *«побледнел»,* но и практически утратил дар речи – стал говорить «*чуть слышно*». При одном упоминании ГПУ мгновенно слетает вся спесь с *«обычно очень надменной»* супруги Аркадия Аполлоновича Семплеярова, и она начинает что-то заискивающе *«лепетать»*

и *«стрелой летит»* звать своего мужа к телефону. А сам Аркадий Апполонович, узнав, что ему звонят *«оттуда»,* выскакивает с кровати даже не одевшись, и в одном белье и в одной туфле, бежит к телефону, чтобы в свою очередь, начать услужливо *«бормотать»,* и *«лепетать»* в трубку. После исчезновения Варенухи, не желая пить горькую чашу ответственности за происшедшие в Варьете беспорядки, боится звонить в ГПУ финдиректор Римский: *«Два раза расстроенный директор клал руку на трубку и дважды ее снимал».*

Что касается технической стороны арестов, то здесь сотрудники ГПУ очень изобретательны и применяет самую различную тактику: человека могут просто попросить зайти в милицию по пустяковому вопросу и там арестовать. За человеком может, как обычно, прийти служебная машина, но увезти его не на работу, а совсем в другое место. Арестовывать могут прийти домой, днем или ночью. К человеку могут подойти на улице, арестовать могут на работе и т.д. Но, как бы ни проходил арест, всё всегда делается очень чётко и профессионально – быстро, тихо, совершенно неожиданно для арестованного и, как правило, незаметно для окружающих. О сопротивлении, в таких обстоятельствах, не могло быть и речи. Не случайно, слушая в своём кабинете превратившегося в вампира Варенуху, Римский понял, что тот лжёт, как только Варенуха начал рассказывать, что Лиходеев *«пытался оказать сопротивление тем, кто приехал за ним, чтобы вернуть его в Москву».*

Другой характерной чертой того времени, показанной в романе, и относящейся к деятельности ГПУ, были доносы, т.е. информирование гражданами органов внутренних дел о различных нарушениях, совершённых их соотечественниками. Доносчиком мог быть кто угодно: сосед по квартире, сослуживец, приятель, домработница. *«Наташа подкуплена!»* восклицает Маргарита, пытаясь объяснить себе, откуда незнакомцу на улице могли быть известны подробности её личной жизни. Поэтому, в любых обстоятельствах нужно было вести себя осторожно. Сосед Маргариты, Николай Иванович, которого Наташа превратила в борова, опасается быть услышанным, даже летя по небу. По привычке. *«Что вы, Наталья Прокофьевна! Нас услышит кто-нибудь! – моляще орал боров».*

С феноменом доноса читатель встречается уже в самом начале романа, в первой главе, когда Берлиоз и Бездомный собираются сообщить «*куда следует*» о подозрительном иностранце. Но главные доносчики представлены в романе тремя совершенно различными персона-

жами, на примере которых мы видим три разные мотивации доносов, существующие в то время.

Первый – это жилец дома на Садовой, Тимофей Квасцов. Правда, строго говоря, это не он донёс на Никанора Ивановича Босого. От его имени в ГПУ позвонил помощник Воланда, пакостник Коровьев, но мы понимаем, что Коровьев сделал это не «ни с того ни с сего», а именно потому что гражданин Квасцов имел обыкновение заниматься такого рода делами. Тимофей Квасцов – доносчик особой категории. Он действует не по заданию НКВД, не из соображений гражданского долга, не по злобе, и не извлекает для себя какую либо выгоду. Он – доносчик-энтузиаст, действующий по душевной склонности, по велению сердца. Разузнать что-то и сообщить это другим – его страсть, которая придаёт смысл всей его жизни: *«В это время Тимофей Кондратьевич Квасцов на площадке лестницы припадал к замочной скважине в дверях квартиры председателя то ухом, то глазом, изнывая от любопытства».* И арестован Тимофей Квасцов был в тот момент, когда он *«рассказывал другим жильцам, захлебываясь от удовольствия, о том, как замели Председателя».* Фактически, Тимофей Квасцов – патологический тип, больной человек.

Второй персонаж – это знакомый Мастера, умный и образованный, Алоизий Могарыч, «отрекомендовавшийся» журналистом. Желая заполучить квартиру Мастера, Могарыч написал на него донос в ГПУ о том, что тот хранит у себя нелегальную литературу. Здесь мы видим использование доноса (в данном случае, политического) для достижения корыстных целей. Алоизий Могарыч – в романе образец законченного подонка.

Третий доносчик – это барон Майгель, который, благодаря своему знанию иностранных языков, работал в Зрелищной комиссии в качестве *«ознакомителя иностранцев с достопримечательностями столицы»* – или, попросту, гида. И, по совместительству, докладывал в ГПУ о поведении своих подопечных. В отличие от первых двух, барон действует не «от себя» (не по собственному почину и не в своих интересах), а выполняет задание ОГПУ. Барону Майгелю, удается проникнуть на бал к Сатане, что является безусловным успехом (и здесь в лице барона можно поздравить ГПУ, сумевшее внедрить своего агента даже к самому сатане!), но с дьяволом не потягаешься … его разоблачают, и, сказав в его адрес много нелестных слов (наушник, шпион) … убивают! Причем, как можно понять из текста, дни барона в любом случае были сочтены –

вскоре его и так должны были убить по причинам, как раз, связанным с его профессиональной деятельностью.

Барон Майгель, конечно доносчик, но всё же, он – фигура, на мой взгляд, неоднозначная, и за него хочется вступиться. Интерес ГПУ к иностранцам был в то время далеко не праздный. СССР существовал тогда в откровенно враждебном окружении, и разведки многих иностранных государств вели против него активную подрывную работу (Польша, Англия, Франция, Япония и многие другие). Многие иностранцы были агентами этих разведок, и приезжали в СССР далеко не с дружественными намерениями. В самом СССР существовало мощное антисоветское подполье, а за рубежом существовали многочисленные контрреволюционные центры, которые вынашивали планы свержения советской власти. Они тоже засылали в СССР своих эмиссаров. Достаточно вспомнить такие крупные операции ГПУ против шпионов и диверсантов, как «Трест» и «Синдикат-2», в результате которой в середине 20-х годов были пойманы диверсанты и террористы О. Рейли и Б. Савинков [2, с. 154] Поэтому говорить, что в СССР в начале 30х была шпиономания – т.е. что угроза шпионажа и диверсий была преувеличенной, как это делают некоторые исследователи романа, это, просто-напросто, неверно [4, с. 432]. То, что иностранцы очень даже могли шпионить подтверждает в разговоре с Никанором Ивановичем Босым и сам подручный дьявола Коровьев, выдающий себя за переводчика иностранного артиста: *«Вот они где у меня сидят, эти интуристы! ... Приедет... и или* ***нашпионит, как последний сукин сын****, или же капризами все нервы вымотает».*

Задачей ОГПУ-НКВД, в этих обстоятельствах, было предотвратить их возможные враждебные действия (шпионаж, диверсии). Для этого было необходимо получать информацию. Этим и занимался барон Майгель. Да и не только он. Тогда это требовалось от всех, точно также как сегодня проблемой является международный терроризм, и граждан просят сообщать обо всех подозрительных лицах. Мы помним, как Берлиоз и Бездомный, встретив Воланда, подумали, что он, скорее всего, иностранный шпион, и немедленно хотели немедленно сообщить о нём в ГПУ.

Барон Майгель информирует НКВД не из болезненной страсти к доносам, как Тимофей Квасцов, и не из корыстного интереса, как Алоизий Могарыч, и на бал к Воланду он напросился не из любопытства, а для выполнения профессиональных задач. Если действия первых двух доносчиков приносят людям только большие неприятности, то действия

барона Майгеля, наоборот имеют целью эти неприятности предотвратить. Поэтому, по типу и целям деятельности, барон скорее приближается к контрразведчикам, и, на мой взгляд, вряд ли заслуживает какого-либо осуждения и той нелестной характеристики, которой наградил его явно рассерженный Воланд.

Внешность сотрудников ГПУ характерна тем, что она совершенно неприметная. Одеты они обычно в гражданскую одежду и очень просто – кепка, высокие сапоги, косоворотка. Бойцы невидимого фронта ни чем не выделяются среди обычных граждан тех лет, и всегда очень похожи один на другого. В нескольких местах, говоря о служителях плаща и кинжала, Булгаков вообще оставляет их без внешности, подчеркивая, таким образом, безличный характер их действий: у них нет никакой природы, есть только функция. Это отсутствие особых примет парадоксальным образом и является их особой приметой. И не случайно поэтому, когда они приходят, то их сразу безошибочно узнают: Никанора Ивановича пришли арестовывать просто *«двое граждан»,* но по изменившемуся поведению его жены понятно, что она сразу поняла, кто к ним пришел. За членом правления Пятнажко пришел *«какой-то гражданин»,* и побледневший Пятнажко сразу понял, кто это. За Тимофеем Квасцовым тоже явился *«неизвестным гражданин».*

Ходят сотрудники ГПУ обычно по двое или по трое и действуют всегда очень уверенно. Манера обращения сотрудников могущественного ведомства всегда спокойная и вежливая, они никогда не повышают тон и не грубят. Один из лучших следователей Москвы, приехавший в лечебницу к Ивану «*потолковать»,* описан автором как *«спокойный и мягкий в обращении человек…совсем не похожий на следователя»,* и говорящий *«ласково».* В квартире у Никанора Ивановича Босого, сотрудники ГПУ, констатируя наличие долларов в вентиляции, выражаются *«задумчиво»,* а вопросы задают *«мягко и вежливо»,* и сдавать остальную валюту просят также *«мягко».* Уже в ГПУ, куда привезли Никанора Ивановича, с ним разговаривают просто *«задушевно».* Когда, по мнению следователей, Никанор Иванович стал молоть уже совершенную чушь, его вежливо *«попросили не валять дурака».* И только когда Никанор Иванович не внял просьбе и упорно продолжал нести ахинею, допрашивающие стали терять терпение. Но и тогда максимум, что они себе позволили, это *«повысить голос»* и *«намекнуть»,* что ему пора заговорить на человеческом языке». Как мы видим в романе, грубость или насилие явно не являются у сотрудников ГПУ предпочитаемыми методами воздействия.

Важным направлением деятельности ГПУ, которому в романе уделяется значительное место, является настоящая «охота» за валютой[1]. Но почему валюта вызывает у ГПУ такой интерес, и почему обладание ей оборачивается для героев романа большими неприятностями? Дело вот в чем: в 1928 году НЭП был фактически свёрнут[2]. Свободные операции с валютой и золотом для граждан был запрещены. Началась первая пятилетка. Был взят курс на форсированную индустриализацию. Но станки, оборудование и технологии для создания сотен и тысяч промышленных предприятий можно было купить только за границей. В связи с этим в конце 20х в СССР резко возросла потребность в валюте. А взять её было негде, потому что собственный экспорт был тогда очень слабым и потребности страны не удовлетворял. В тоже время было известно (Правительству СССР, ГПУ), что огромные количества валюты и ценностей находятся на руках у населения – драгоценности, припрятанные богачами в годы революционного хаоса, а также средства накопленное предпринимателями в годы НЭПа, когда операции с валютой и золотом были разрешены. В этой ситуации Правительство СССР изыскивало самые разные способы, чтобы получить эти находящиеся у населения крупные валютные резервы. Подчас, даже довольно оригинальные. Так, историк И.А. Чуднов в своей интереснейшей статье, посвященной этому вопросу, сообщает, что *«председатель правления Госбанка вел напряженные переговоры с владельцами зарытых при бегстве из советской России кладов – эмигрантами, которые готовы были поделиться и из-за рубежа указать сокровенное место. Госбанк, торгуясь за каждый процент, скрепя сердце соглашался на 30% комиссионных при государственном транспорте и охране»* [7]. Но основная задача по получению валютных ценностей от граждан (вернее, наверное, будет сказать: «по вытряхиванию» из них валюты) была поставлена перед ГПУ, которое взялось за дело своими методами. Прекрасно зная, у кого могут быть спрятаны значительные накопления (все бывшие богачи, нэпманы, торговцы валютой были зарегистрированы), ГПУ проводило повальные обыски, прибегало к арестам, требуя сдать государству имеющуюся валюту. В случае доб-

[1] Валютой называли в то время не только собственно иностранные деньги, но и золото, драгоценности и прочее.

[2] Юридически НЭП был прекращён только 11 октября 1931 года, когда было принято постановление о полном запрете частной торговли в СССР. См.об этом: https://www.calend.ru/events/4132/ *«В СССР принято решение о полной ликвидации частной торговли»*

ровольной сдачи, человеку могла быть даже выплачена какая-то компенсация в рублях. Но такие силовые методы были не очень эффективными – найти спрятанные ценности было непросто, и на это уходило много времени, а арестованные чаще всего упорно всё отрицали. Поэтому помимо обысков и арестов, ГПУ широко применяло психологическое воздействие на подозреваемых в укрывательстве валюты – метод разъяснений и уговоров [5]. Их целыми группами приглашали в ГПУ и объясняли, уговаривали и устрашали, что прятать валюту нет никакого смысла, воспользоваться ей им все равно не удастся, и что, пряча золото и валюту, они становятся ярыми врагами советской власти, с которыми будут поступать так, как они того заслуживают. Тем, кто отдаст валюту и золото добровольно, гарантировалось возмещение советскими деньгами по существующему курсу. В случае же, если будет оказано сопротивление, а валюту будет найдена, тогда она будет конфискована, а виновные, не сдавшие валюту, привлечены к судебной ответственности [5]. Применение этого метода как раз изображено в романе как сон, который снится Никанору Ивановичу Босому. Этот эпизод не плод фантазии писателя, а реальная история, которая произошла в 1931 г. с одним его знакомым из купеческого рода [7]. Но, несмотря на все приложенные усилия, проблему валюты решил не ГПУ, а … магазин Торгсин (ну, и Колыма[1], конечно, тоже). Открытие сети магазинов Торгсин (1931-1936 гг.), где товары продавались за валюту (и очень, очень дорого), позволили совершенно мирно и безболезненно получить для индустриализации огромные валютные средства, находящиеся на руках у граждан. Но это уже совсем другая история.

Несмотря на такую негативную и можно даже сказать, зловещую роль ГПУ, отраженную в романе, милиция (в то время подразделение ОГПУ) показана как очень хорошо работающая служба охраны общественного порядка, немедленно прибывающая на место происшествия, способная четко и оперативно решить возникшую проблему, важная для людей и пользующаяся большим авторитетом.

Ни одно событие, происходящее в общественном пространстве, не обходится без участия милиции. *«Милицейский свисток сам по себе не предвещает ничего хорошего»,* написал Булгаков. Да, конечно, потому что это значит, что произошло какое-то нарушение или даже преступле-

[1] Колымские месторождения золота, разработка которых началась в 30-е годы.

ние. Но милицейский свисток означает и то, что предпринимаются действия по его предотвращению, что милиция работает. И, в этом смысле – это, скорее, хороший знак.

Милиция присутствует в театре Варьете на сеансе черной магии, организованном Воландом и его свитой. И сразу вмешивается, как только, после спектакля, на улице появились полураздетые гражданки. А когда на следующее утро после скандального сеанса, у театра Варьете выстроилась огромная очередь, то *«с удивительной быстротой были присланы как пешие, так и конные наряды [милиции], которые эту очередь и привели в некоторый порядок»*. Милиция сопровождает похоронный кортеж Берлиоза: *«Первым показался шагом следующий мимо решетки сада конный милиционер, а за ним три пеших»*. Когда Маргарита разгромила квартиру критика Латунского, на место происшествия сразу прибыла милиция: *«По асфальтированному тротуару, усеянному битым стеклом, бегали и что-то выкрикивали люди. Между ними уже мелькали милиционеры»*.

Милиция – это первое место, куда без колебаний обращаются люди за помощью и защитой, рассчитывая, что там помогут, разберутся, решат вопрос. Мы видим в романе, что у москвичей сформировался настоящий «рефлекс» в любой сложной ситуации сразу обращаться в милицию. В милицию просит позвонить прибежавший в ресторан Грибоедов взволнованный смертью Берлиоза поэт Иван Бездомный: *«звоните сейчас в милицию, чтобы выслали пять мотоциклетов с пулеметами, профессора ловить»*. Милицию вызывают, когда Прохор Петрович исчез из своего костюма, и она тут же прибывает и входит в секретарскую в свойственной ей манере *«спокойной деловой походкой»*. Немедленно вызвать милицию требует в Варьете оскорбленная супруга Аркадия Апполоновича Семплеярова. *«Милиция! Взять ее! ... страшным голосом прокричала супруга Семплеярова»*. Перенесенной магией Воланда в Ялту несчастный Степа Лиходеев, сам идёт за помощью куда? В милицию, в Ялтинский угрозыск. Милицию зовет на помощь на чистом русском языке ложный иностранец в Торгсине, ставший очередной жертвой хулиганствующего кота Бегемота: *«Убивают! Милицию! Меня бандиты убивают!»*

Авторитет милиция очень высок. Люди убеждены в том, что милиция всё контролирует и может успешно решить любую проблему. В ресторане Грибоедов, при виде нелепого наряда Ивана Бездомного, какая-то дама недоумевает: *«Как же милиция-то пропустила его по улицам в таком виде?»* И ответ поэта свидетельствует о том, что милиция как

раз именно *не пропустила*, а два раза пыталась задержать подозрительно выглядевшего Ивана, но ему удалось убежать. Этот авторитет слышен и в словах директора ресторана «Грибоедов» Арчибальда Арчибальдовича, отчитывавшего швейцара за то, что тот пустил в заведение Ивана Бездомного в кальсонах: *«Дамы здесь ни при чём, дамам это все равно, ...а это милиции не все равно! Человек в белье может следовать по улицам Москвы только в одном случае, если он идет в сопровождении милиции, и только в одно место – в отделение милиции!»* И немедленно требует вызвать милицию, которая вскоре появляется, чтобы унять разбушевавшегося поэта и отвезти его в лечебницу.

Но москвичи не только рассчитывают на помощь милиции, но и со своей стороны, добровольно готовы, и, более того, считают своим долгом содействовать её работе. В уже упоминавшемся мной эпизоде на Патриарших, Берлиоз и Бездомный решают немедленно сообщить «куда следует» о встреченном ими подозрительном иностранце. Находясь в лечебнице, Иван Бездомный звонит в милицию и сообщает о своей готовности лично участвовать в его поимке. Получив телеграммы из ялтинского угрозыска по поводу Воланда, финдиректор Римский в ответ заверяет: *«Меры наблюдения указанным артистом принимаю. Финдиректор Римский»*. Полный энергии и желания изобличить злодеев – виновников хулиганских шуточек, и даже предвкушая что-то приятное, бежит в милицию администратор Варенуха. Такие действия москвичей показывают, что, несмотря на те аспекты деятельности ГПУ, отраженные в романе, которые представляются явно негативными (аресты, доносы), уровень гражданского сознания москвичей остаётся очень высок – они осознают необходимую и полезную роль ГПУ-НКВД в их жизни.

Особенно хорошо работа НКВД-ГПУ показана Булгаковым в очень подробном описании расследования произошедших в Москве событий. Мы видим, как умело и профессионально действуют органы.

Следствие началось сразу же с трагической гибели Берлиоза под трамваем на Патриарших прудах. В морге, куда были доставлены тело и голова погибшего, уже присутствует следователь. А после «безобразий», происшедших во время сеанса черной магии, и после исчезновения всей администрации театра Варьете, ГПУ занялось этими событиями со всей серьезностью. К расследованию были привлечены значительные силы: 12 следователей, сообщает автор, не покладая рук, работали над этим делом в здании на Лубянской площади даже ночью!

Немедленно были опрошены все участники произошедших беспорядков. В театре Варьете следователи опросили всех служащих, включая уборщицу. Для поисков пропавшей администрации применили даже розыскную собаку. Для допроса Ивана Бездомного в лечебницу приезжал один из лучших следователей Москвы.

Благодаря произведенным розыскным мероприятиям (рассылка телеграмм «*во все города»)* и четкому взаимодействию областных отделений милиции (в Ялте и в Ленинграде) с центром очень быстро были найдены, привезены в Москву, и допрошены финдиректор Римский и директор Варьете Степан Лиходеев, а также администратор Варенуха. В тоже время следователями были опрошены участник сеанса Аркадий Апполонович Семплеяров, многие пострадавшие во время сеанса дамы, и курьер Карпов, побывавший на кв. № 50. Таким образом, в кратчайший срок было установлено место, где надлежало искать виновников все этих «приключений» (кв. 50 в доме № 302 бис по Садовой).

Квартира № 50 была самым тщательным образом осмотрена, и за ней было организовано внешнее наблюдение: агентов расставили как перед входом в дом, так непосредственно перед квартирой, и даже на крыше у дымовых труб! Для осуществления скрытого наблюдения за кв. 50 были применены даже сотрудники, переодетые в водопроводчиков.

Как только от наружного наблюдения на Лубянку поступило сообщение о том, что в квартире кто-то есть, была предпринята попытка захвата предполагаемых преступников. Сцена поединка вооруженных маузерами сотрудников ГПУ с котом Бегемотом, вооруженным браунингом, явилась своего рода кульминацией противоборства ГПУ с нечистой силой. Заметим, что кот Бегемот первый достал оружие, и сотрудники ГПУ были вынуждены защищаться. Поймать кота, конечно, не удалось, но в результате перестрелки коту всё-таки пришлось отступить, и он покинул квартиру через окно.

Практически то же самое произошло и в ресторане «Грибоедов». Прибывшие по вызову сотрудники ГПУ, вооруженные, на этот раз, револьверами, сразу открыли огонь по сидевшим в зале Бегемоту и Коровьеву, но ничего этим, конечно, не добились (кроме пожара в ресторане). После этого следствие продолжалось ещё долго, но никакого результата, разумеется, не дало: Воланд со своей свитой исчез без следа.

Вывод, которые совершенно определённо можно сделать из описанных Булгаковым действий сотрудников ГПУ, следующий: да,

конечно, им не удалось справиться с Воландом и его шайкой, поймать их и арестовать, но только потому, что это невозможно в принципе! Однако, действия ГПУ (так, как они описаны в романе) не оставляют никаких сомнений, что при таком высочайшем уровне профессионализма, любой другой противник (шпион, диверсант или просто бандит) был бы успешно обезврежен и заключен в тюрьму!

Отвечая на вопрос, как представлены в романе органы ГПУ-НКВД, можно сказать, что они представлены, прежде всего, очень правдиво и объективно – как положительные аспекты их деятельности, существующие в то время (высокий профессионализм, надежность), так и отрицательные (произвольные задержания, использование доносов). Изображая многочисленных персонажей романа, Булгаков обычно прибегает к сатире – приёму, которым он мастерски владел. Это одна из сильных сторон произведения. Только в отношении ГПУ-НКВД автор не позволяет себе ни малейшей насмешки или сатирической нотки. Всё, что говорится об органах, говорится с полной серьёзностью. ГПУ для Булгакова – явно не предмет для смеха. Особо следует отметить показанное Булгаковым сложное и даже *парадоксальное* отношение москвичей к органам – с одной стороны явный страх (особенно у тех, у кого совесть нечиста), а с другой – надежда на помощь, уважение, авторитет и готовность содействовать. В романе мы хорошо видим, что ГПУ-НКВД – это не какие-то чуждые народу «инопланетяне», ГПУ-НКВД – это сам народ, который осуществляет над собой те или иные действия (не только защищает, охраняет, но и арестовывает, доносит) и, таким образом, сам несет ответственность за всё, что тогда происходило.

Литература

1. *Белобровцева И., Кульюс С.* «Роман Булгакова «Мастер и Маргарита». Комментарий. – М.: Книжный клуб, 2007.
2. *Гаспарян А.С.* «Операция «Трест». М.: Издательский дом «Вече», 2008.
3. *Лакшин В.Я.* «Мир Михаила Булгакова» Примечание 21. М. 1996 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.e-reading.club/chapter.php/1023259/18/Lakshin_-_Mir_Mihaila_Bulgakova.html (Дата обращения 22.06.2019).
4. *Лесскис Г. Атарова К.* «Путеводитель по роману Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита», издательство «Радуга», 2007 г.

5. *Пыхалов И.* «Граждане, сдавайте валюту!» (из книги М. Шрейдера «НКВД изнутри. Записки чекиста») [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://pyhalov.livejournal.com/83901.html (Дата обращения 14.06.2019).
6. *Чудакова М*. «Реалии 1930-х в «Мастере и Маргарите». Четвёртая лекция из курса «Мир Булгакова». [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://arzamas.academy/materials/1183 (Дата обращения 18.06.2019).
7. *Чуднов И.А*. «Граждане! Сдавайте валюту!» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://doc.knigi-x.ru/22tehnicheskie/263413-1-neformat-udk-3367412421470-571091-chudnov-grazhdane-sdavayte-valyutu-chudnov-igor-aleksandrovich-kandidat-istoricheskih.php или https://cyberleninka.ru/article/v/grazhdane-sdavayte-valyutu (Дата обращения 17.06.2019).

Я. В. Сафронова
студентка 4 курса, «Литературное творчество»,
Московский государственный институт культуры
Москва (Россия)
E-mail: Ja.safronova@yandex.ru

Древнерусские мотивы в творчестве Алексея Прасолова

Аннотация. В статье анализируются древнерусские мотивы в творчестве поэта Алексея Прасолова. Рассматривается образный ряд и тематическое соответствие. Выявляются основные мотивы, соответствующие заявленной теме.

Ключевые слова: поэзия, древнерусская литература, образ, природа, традиция.

Yana V. Safronova
4th year student, "Literary creative work",
Moscow State Institute of Culture
Moscow (Russia)
E-mail: Ja.safronova@yandex.ru

Old Russian motifs in the literary works of Aleksey Prasolov

Abstract. The article analyzes the ancient Russian motifs in the literary works of the poet Alexei Prasolov. A figurative series and thematic correspondence are considered. The main motifs corresponding to the stated theme are identified.

Keywords: poetry, Old Russian literature, image, nature, a tradition.

Имя Алексея Прасолова практически незнакомо современному читателю. Прасолов – поэт, о недооценённости которого говорил ещё в 1983 году Вадим Кожинов. Его поэтический голос был не громким, без истерических нот и чужих интонаций. Прасолова всегда интересовали «большие» темы, в своём творчестве он постигал вечные законы мироздания, может быть, поэтому взыскательная публика обошла его пристрастным вниманием.

Алексей Прасолов продолжал традиции русской классической литературы, истоки которой лежат в древнерусском понимании природы и мира. Фольклорная установка на одушевлённость, боговдохновлённость природы в полной мере реализована в произведениях поэта. Характерной особенностью стиха Прасолова является «импульс», который в начале строфы подаёт природа: по её состоянию и настроению читатель угадывает, как будет развиваться лирический сюжет в дальнейшем.

Вот «запев» одного из стихотворений 1966-го года:

Зелёный трепет всполошенных ивок,
И в небе – разветвление огня [1]

Что открывается в двух этих начальных строках? Молодые «ивки» всполошены, растеряны, они трепещут на ветру; а молния в небе разделена, она распалась и раздвоилась, потеряла единство в дрожании и ряби воздуха. Отчётливо звучит ощущение нарастающей тревожности. Камертонная нота определяет развитие параллельного сюжета:

И молодого голоса отрывок,
Потерянно окликнувший меня.
<…>
Да, этот крик – отчаянье и ласка,
И страшно мне, что ты зовёшь любя,
А в памяти твой облик – словно маска,
Как бы с умершей снятая с тебя [1].

Лирический герой вспоминает свою возлюбленную, она окликает его из прошлого, но память настолько «расслоила» время дистанцией, что образ девушки кажется чужим, недостоверным, слепком с когда-то живого лица.

Приведу похожий, но более энергичный и явный пример. В стихотворении 1965 года встречаем следующий пейзаж:

Я услышал: корявое дерево пело,
Мчалась туч торопливая, тёмная сила
И закат, отражённый водою несмело,
На воде и на небе могуче гасила [1].

Тут уже не шелест и трепет дерева, но совершенно определённое предупредительное пение. Растительный мир готовится к силе стихии, которую обрушат на землю небеса. «Темная сила» туч, грозы противо-

поставлена умиротворительному спокойствию заката. Его отражение в воде она «гасит», пожирает всей своей мощью. Тьма ломает стройную небесную вертикаль пополам, до наступления бури закат гармонически отражался в водной глади, а теперь всё это пропало, растворилось в тумане. Но не может всё это быть просто так:

И ударило ветром, тяжёлою массой,
И меня обернуло упрямо за плечи,
Словно хаос небес и земли подымался
Лишь затем, чтоб увидеть лицо человечье [1].

Растерянный перед природой, виноватый, человек боится взглянуть ей «в лицо». Но она всё равно оказывается сильнее и одним повелением «упрямо оборачивает за плечи».

Природный мир всегда чутко реагирует на психологическое состояние лирического героя, подобно тому, как в «Слове о полку Игореве» наступает символические затмение, в стихотворениях Алексея Прасолова разражаются бури, грозы, темнеет художественное пространство. О тесной связи человека и природы Прасолов прямо «проговаривается» в одном из поздних произведений:

И вышла мачта чёрная – крестом,
На барже камень, сваленный холмом,
И от всего, что плыло мне навстречу,
Не исходило человечьей речи [1].

«Не исходило речи человечьей», то есть, окружающий мир лишился души, из него исчезла сущность.

Древнерусское искусство было удивительным симбиозом фольклорного прошлого и христианского настоящего. Вот и в поэтической картине Алексея Прасолова помимо фольклорного понимания природы – христианское осмысление бытия. В уже процитированном стихотворении возникает образ креста, очертания которого принимает чёрная мачта. Образ креста как основа мотива страшного суда – определяющий в поэзии Прасолова. В несколько путаном стихотворении «Лучи – растрёпанной метлой…» поэт живописует бесконечный ад, в который послал лирического героя «За то, что ты не знал границ, // Дал воле имя – Ложь, // Что не был рожей среди лиц // И ликом – среди рож». И вдруг в огневом метании возникает крест как возмездие и наказание:

И что ни двери – крик чужих
Прямоугольным ртом,
И рамы окон огневых
Мерещатся крестом [1].

А в стихотворении на военную тему «Тревога военного лета…» Прасолов говорит об антигуманистической сущности войны и призывает романтизирующих бой задуматься о том, что в действительности он отнимает жизни. Крест – напоминание, запечатлённое страдание, которое носят на своих формах врачи:

Спешат санитары с разгрузкой.
По белому красным – кресты.
Носилки пугающе узки,
А простыни смертно чисты.
<…>
Забудь про Светлова с Багрицким,
Постигнув значенье креста,
Романтику боя и риска
В себе задуши навсегда! [1]

Подобное восприятие военных действий существует в христианской парадигме, Прасолов призывает «забыть про Светлова с Багрицким», которые находили в войне повод для вдохновенной песни. Для поэта война равна смерть, и иначе быть не может.

В поэзии Алексея Прасолова нет прямых отсылок на мифологические древнерусские сюжеты, нет жанрового соответствия житиям, летописи и былине. Однако она прочно «укоренена» в эстетической системе русского искусства, а потому поэтическое сознание Прасолова на уровне архетипа воспринимает природу и мир так же, как это делали его анонимные предки, которые создавали великие словесные памятники. Прасолов, как и всякий великий русский поэт, наследовал и продолжал традиции древнерусского искусства, соединяя в себе прошлое, настоящее и будущее.

Литература

1. Прасолов Алексей. Лирика. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://libking.ru/books/poetry-/poetry/285883-aleksey-prasolov-lirika.html (Дата обращения: 15.06.2019).

Д.С. Иванова
студентка Московского государственного института культуры
Москва (Россия)
E-mail: 11diana.ivanova1999@gmail.com

Мастер и Маргарита. Христианские мотивы в произведении

Аннотация. В статье рассматривается роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» с целью нахождения и анализа в нем христианских мотивов.

Ключевые слова: христианские мотивы, «Мастер и Маргарита», Евангельские сюжеты.

Diana S. Ivanova
student of Moscow State Institute of Culture
Moscow (Russia)
E-mail: 11diana.ivanova1999@gmail.com

Master and Margarita. Christian motifs in the literary work

Abstract. The novel “Master and Margarita” by M.A. Bulgakov is investigated with the purpose of finding and analyzing Christian motifs.

Keywords: Christian motifs, “Master and Margarita”, Evangelical plots.

«Мастер и Маргарита» – роман Михаила Афанасьевича Булгакова, работа над которым началась в конце 1920-х годов и продолжалась вплоть до смерти писателя. Сам роман всегда считался окутанным тайными и возможно загадками. При прочтении романа каждый понимает его по-разному. Кто-то видит в нем элизию на события в реальной жизни. А кто-то отражение христианского мира. Несмотря на то, что однозначных мотивов романа никто не установил, христианские среди них кажутся самыми существующими.

Вы никогда не задумывались над образом Воланда? Если смотреть на него с точки зрения Христианства, Воланд это не кто иной, как дьявол.

Но тогда возникает резонный вопрос: почему он так спокойно ходит по земле? Не устраивает хаос или еще что-то? Он показан нам совсем иным. Возможно, это связано с одним из главных христианских мотивов: злых людей не бывает. В книге «Мастер и Маргарита: гимн демонизму? Либо Евангелие беззаветной веры» есть целая глава, которая помогает понять, почему Иешуа вечно называет Понтия Пилата «Добрый человек». Христианство всего несло какие-то мысли о прощении. О том, что людей надо прощать и видеть в жизни хорошие моменты. Поэтому в романе мы видим, что Понтий Пилат мучается после казни. Ему снится сон, где он идет и мирно беседует с Га-Ноцри. Многие считают, что Понтий Пилат злой и жестокий, но мы не сможем знать правды наверняка. В романе видно, как он страдает и сожалеет о содеянном. И в конце он обретает покой: он встречается с Иешуа и говорит с ним об всем. Во всем этом важно помнить: Булгаков не оспаривает Библию, и его роман не призван менять каноны. Это то как автор сам понял Библию и его мысли.

Но это сказано о людях. А Воланд не человек. Тогда не странно ли его поведение в Москве? Я думаю нет. Воланд не есть абсолютное зло. Пройдясь по Москве, он не наказывает лишь жуликов, шарлатанов и тех, кто заслужил наказание. Давайте вспомним разговор Воланда и Левия Матвея. Воланд говорит такие слова:

«Не будешь ли ты так добр подумать над вопросом: что бы делало твое добро, если бы не существовало зла, и как бы выглядела земля, если бы с нее исчезли тени? Ведь тени получаются от предметов и людей…».

Это сцена добавлена в произведение вовсе не просто так. Без света нет тени. Добро и зло всегда будут связанны. Ведь вспоминая события романа. мы понимаем, что Воланд может не только наказывать, но и награждать. Ведь именно он помогает Маргарите вернуть Мастера, и он проводит эту парочку к покою.

Отвлечемся немного от Воланда. По мимо его в романе много других посылов. Мы вернемся на время к началу романа. Важнейшая встреча происходит на Патриарших Прудах. Там читатели впервые узнают о героях романа. Почему эти пруды названы именно так? И почему именно пруды? В этом есть посыл. Вода – источник жизни и, как утверждает книга «Мастер и Маргарита: гимн демонизму? Либо Евангелие беззаветной веры»: «Вода- издревле общепринятый в иносказаниях символ для обозначения знаний и в целом – культуры». Встреча у воды не может являться случайностью. Вода так же считается символом обновления. Бездомный, увидев нечто странное и не объяснимое, начинает меняться. Он, испытав

страх, хватает икону и свечку и направляется в НКВД. И возможно это странно выглядит, но человек, который изначально говорил о том, что в Бога не верит, испытывает перерождения и вновь возвращается к вере. Это можно расценить как Христианский мотив романа.

Евангельский сюжет, изображенный М.А. Булгаковым в произведении «Мастер и Маргарита», обращен и к нашей истории. Писателя тревожил вопрос: «Что есть истина?» Этот философский и порой некоторые даже не знают, что можно ответить на него. Но Булгаков в романе дает ответ. Возможно не самый точный, по мнению многих читателей. Это слова Га-Ноцри:

«Истина прежде всего в том, что у тебя болит голова…Но мучения твои сейчас кончатся, голова пройдет…».

Истина, в понимании Булгакова – это правда. Это что есть сейчас и то, что произойдет в ближайшем будущем. Это тоже можно отнести к своеобразным христианским мотивам. Это мотив того, что для каждого истина своя. Это важный мотив в книге, который помогает понять философию произведения. Итак, христианские мотивы как стрела пронизывают все произведения от самого начала до конца. От первой встречи у воды и до финального крика Мастера: «Свободен!». Возможно, их больше, чем я привела в этом тексте. Через тьму автор ведет нас к истинному свету. Но отрицать приведенные факты невозможно. Как я уже говорила, этот роман все воспринимают по-своему и возможно для кого-то эти примеры не будут весить ничего, и они найдут другое описание христианских мотивов здесь.

Литература

1. *М.А. Булгаков.* Мастер и Маргарита.
2. Мастер и Маргарита: гимн демонизму? Либо Евангелие беззаветной веры. М.: Концептуал, 2017.

С.Д. Зобкова
студентка 4 курса
Московского государственного института культуры
Москва (Россия)
E-mail: Svietlana.zobkova@mail.ru

Древнерусские мотивы в поэзии Николая Клюева

Аннотация. Данная работа является анализом древнерусских мотивов в поэзии Николая Клюева. Выявлены истоки возникновения древнерусских мотивов в творчестве автора. На основании этого анализа выявлены основные тенденции развития древнерусских мотивов в поэзии Н. Клюева.

Ключевые слова: мотив, древнерусская поэзия, Клюев, жанр, образ.

Svetlana D. Zobkova

4th year student of
Moscow State Institute of Culture
Moscow (Russia)
E-mail: Svietlana.zobkova@mail.ru

Ancient Russian motifs in the poetry of Nikolay Kluev

Abstract. «This work is an analysis of old Russian motifs in the poetry of Nikolai Klyuev. The origins of the ancient Russian motifs in the work of the author are revealed. On the basis of this analysis, the main trends in the development of old Russian motifs in the poetry of N. Klyuev».

Keywords: motif, old Russian poetry, Klyuev, genre, image.

Поэзия Николая Клюева, как и других новокрестьянских поэтов, складывалась из самобытного, крестьянского, архаического слова.

Путь Н. Клюева в литературу был не самым легким, особенно остро это можно было ощутить после первой русской революции. В тот период в его творчестве ярко раскрылись религиозные мотивы. Стоит упомянуть, что Клюев воспитывался в старообрядческой семье, что

также повлияло на его поэзию и образ мышления. Сам Н. Клюев говорит, что его поэтический дар, как религиозно-нравственные истоки уходят корнями к матери. Поэт стал певцом народной лирики, соприкасался с древней мифологией и старообрядческой Русью.

В 1912 году вышел сборник стихов «Братские песни», который автор составлял из сочинений в пору юности. Сборник появился благодаря увлечению Клюева «голгофскими христианами (духовенство, которое выступало за революцию, а также выступало за личную ответственность за зло всего мира. Издавали журналы «Новая жизнь», «Новое вино») [1, с. 49].

В тот период поэзию Клюева можно разделить на три стилистических и смысловых потока: стихи, религиозные гимны и песни – не стилизованные под фольклор, а достаточно самобытный пласт, прекрасно перекликающийся с Русским Севером. Одной из характерных черт поэзии Клюева является его умение органически совмещать несовместимое. В русскую литературу XX века он привнес то самое Слово, свойственное летописцам и духовникам Руси. Н. Клюева часто называют хранителем старины и «избяного рая».

В своих произведениях автор действительно часто вставал на сторону крестьянского быта, его уклада, который веками складывался в русской деревне. Это заметно в стихах раннего периода, которые были опубликованы в сборниках «Братские песни» и «Мирские думы». В названных книгах художественная система вместила в себя обрядовую символику и фразеологизмы, также это заметно и по языку автора, которому присуща библейская архаика (пламень, судный жертвенник, серафим и т.д.)

Поэт черпает свои силы от матери-земли и древней народной культуры. Мир живой природы раскрывается во многих стихотворениях Клюева с позиций нужд деревенского труженика и его хозяйственной деятельности.

В древнерусских сказаниях, в народном эпосе, сохранившем культ «большой семьи», Клюев ищет прообраз будущего общественного устройства.

Глубокая связь с историей и культурой Древней Руси, с фольклором русского Севера предусматривала появление в поэзии Клюева образов и мотивов, уходящих в далекое прошлое, в древние легенды и предания, включая предания о Китеж-граде и об «Индеюшке богатой». Внеисторично не то, что Клюев обращался к мифам Древней Руси. Внеисторична

концепция автора, внеисторично отношение поэта к крестьянской России XX в., его попытка создать модель социалистического будущего на основе древних книжных и фольклорных преданий. Воспев трудящегося человека «с молотом в руках, в медвежьей дикой шкуре», Клюев непременно желает найти в современном обществе социально-нравственного антагониста. Гимн труду, простым труженикам тут же оборачивается реакционной утопией, прославлением уходящего прошлого. Поэт пытается снова открыть накрепко закрытую историей дверь в патриархальную старину. Вновь в поэзии Клюева возрождается легенда о «берестяном рае» и керженских отшельниках [3]:

Столб-кудесник, тропа проволочная
Низвели меня в ад электрический...
Я поэт – одалиска восточная
На пирушке бесстыдно языческой.

Надо мною толпа улюлюкает,
Ад зияет в гусаре и в патере,
Пусть же керженский ветер баюкает
Голубец над могилою матери.
(«По керженской игуменье Манефе...»)

Клюев не мистифицировал читателя, не «выкапывал»» из различных источников экзотичные доказательства глубины средневекового «умозрения в красках» и не инсценировал свою сопричастность древней традиции – он действительно жил в этом культурном пространстве. Свидетельством тому – логика художественного мышления поэта, неизменно проявляющая органическую связь Клюева с русско-византийской эстетикой, с гимнографией и иконографией.

И там, где читателю видятся безнадежно «темные» места или явные ошибки, содержание текста проясняется лишь с учетом этой устойчивой, природной связи. Так, проследить развитие одной из центральных клюевских тем – Мужицкого Спаса – в поэме «Белая Индия» и актуализировать ритуальный смысл жертвоприношения поэта, раздающего себя «по кускам... в поминок векам», можно с помощью иконографического ориентира: Спаса Нерукотворного «В потемках деревня – Христова брада...» – это сравнение основано на обычной у Клюева метонимической модели и понятно тому, кто знает, что «... разделенная

надвое брада Христова, в особенности на иконах Спаса Нерукотворного, служит эмблемою двоякого естества Его» [2].

Несмотря на то, что магистральная тема произведений Клюева – тема избяной, мужицкой России, его творчество имеет более широкий смысл, выходящий за пределы исключительно деревенской проблематики. В сущности, это была вечно живая тема искусства всех народов и стран – тема отношения человека и природы. Выдающееся значение ее в истории русской классической литературы не подлежит сомнению [4].

Поэзия Клюева – это прежде всего любовь к России, вера в духовные силы народа. Поэт использовал огромный пласт накопленных знаний и умений, смело, а, главное, уверенно играл со словами и архаизмами. Его поистине можно назвать русским поэтом. Он многое сделал для крестьянской литературы в не самое благоприятное для нее время пролетарской литературы.

Литература

1. *Азадовский К.* Николай Клюев: путь поэта / К. Азадовский. – Л., 1990
2. *Арсеньев В.* О церковном иконописании // Философия русского религиозного искусства... С. 141
3. *Субботин С.И.* Н.А. Клюев: поэзия 1905–1908 гг. и проза 1919–1923 гг. Вопросы источниковедения и атрибуции : автореф. дис. на соискание учен. степени канл. филол. наук : спец. 10.01.01 «Русская литература» / С.И. Субботин ; Ин-т мировой лит-ры им. А.М. Горького. – М., 2008. – 30 с
4. *Клюев Н.А.* Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы / Н.А. Клюев ; пред. Н.Н. Скатова, вступ. ст. А.И. Михайлова; сост., подготовка текста и прим. В.П. Гарнина. – СПб. : РХГИ, 1999. – 1072 с.

С.Д. Балбина
студентка 3 курса, «Литературное творчество»,
Московский государственный институт культуры
Москва (Россия)
E-mail: balbinasonya@mail.ru

Древнерусские мотивы в творчестве И.С. Тургенева

Аннотация. В данной работе рассматриваются древнерусские мотивы, содержащиеся в творчестве Тургенева. Дана краткая характеристика древнерусской литературы и обозначены некоторые ее мотивы. Произведен анализ некоторых произведений русского классика. Тема работы актуальна в наше время, поскольку данный аспект рассматривается литературоведами достаточно редко. Однако, он очень важен, потому что помогает представить произведения более развернуто, а также проследить литературный процесс, влияние истоков на всю дальнейшую литературу.

Ключевые слова: древнерусская литература и ее мотивы в творчестве Тургенева, русская классика, художественные произведения.

Sofia D. Balbina
3d year student, "Literary creative work",
Moscow state university of culture
Moscow (Russia)
E-mail: balbinasonya@mail.ru

Old Russian motifs in the works of I.S. Turgenev

Abstract. This work examines the ancient Russian motifs contained in the works of Turgenev. A brief description of Old Russian literature is given and some of its motifs are indicated. The analysis of some works of Russian classics is presented in the article. The theme of the work is relevant in our time, since this aspect is rarely considered by literary critics. However, it is very important, because it helps to present the works in more detail, as well as to trace the literary process, the influence of the sources on all further literature.

Keywords: Old Russian literature and its motifs in the works of Turgenev, Russian classics, works of art.

Древнерусская литература – это особый мир, во многом потаенный для современного человека. У древнерусской литературы особая система художественных ценностей, свои законы творчества, непривычные формы произведений. Она берет начало своего развития с принятием на Руси христианства и базируется на системе религиозных представлений о мире; в ее основе – религиозно-символический метод познания и отражения действительности.

Древнерусская литература – это основа, крепкий фундамент, на котором строится вся русская литература. И, подобно тому, как указывает А.В. Чернов о христианском мироощущении, которое «оказывается усвоенным сознанием русского человека настолько, что начинает уже «работать» на подсознательном уровне» [2, с. 152], древнерусские, христианские мотивы прослеживаются в произведениях практически каждого отечественного писателя.

Творчество Ивана Сергеевича Тургенева не стало исключением. В основе содержания его романов проступают христианские архетипы. Думается, что именно от христианства Тургенев воспринял представление о той особой роли, которую страдание может оказать на духовное развитие личности. Ведь с религиозной точки зрения в страданиях есть своя ценность, и заключается она в том, что страдания разрушают самодовольство. Не все герои Тургенева приходят к признанию Бога, но каждого из них страдание ведёт к смирению, а смирение, как правило, преображает их в лучшую сторону. Например, в романе «Рудин» под влиянием перенесённых невзгод, испытаний и неудач герой избавляется от самовлюблённости, тщеславия и позёрства, к которым он так был склонен ранее. Во время его последней встречи с Лежневым перед нами предстаёт человек простой, искренний и вместе с тем самоотверженный, до конца преданный своему идеалу. своему идеалу. Страдая и смиряясь, герои «Дворянского гнезда» поднимаются на исключительную нравственную высоту. И даже нигилист Базаров испытывает благотворную перемену: именно смирение делает его лучше, добрее, человечнее, делает его для нас привлекательным. Конечно, нельзя забывать, что такие понятия, как страдание и смирение, могут иметь разные значения. И смирение Рудина или Базарова, конечно, не совсем то, которое относится к высшей христианской добродетели. Это скорее философское осмысление ограниченности человеческой природы и разума. Но оно в известной мере соприкасается с важнейшими истинами христианского учения. Для мировоззрения Тургенева характерен отказ от того постулата гуманисти-

ческой культуры, согласно которому главный смысл человеческой жизни заключается в стремлении к счастью.

Некоторые исследователи говорят о присутствии мотива притчи в романе «Отцы и дети», а именно его сходство с известной притчей о блудном сыне, правда, неполное. Блудный сын уходит от отца, забывает свой дом, пережив духовное падение, и, что главное, ему удается подняться, -покаявшись, он возвращается домой. В нашем случае блудный сын уходит от отцов, уходит от того, что называется культурой, которая жила поколениями. Возвращается ли он? Этот вопрос остается открытым.

Этот мотив был достаточно распространен в древнерусской литературе. В частности, в «Повести о Горе-Злосчастии» и «Повести о Савве Грудцыне». В этих произведениях также раскрывается тема взаимоотношений двух поколений, противопоставляются два типа отношений к жизни. Главные герои, сбившиеся с пути, ослепленные собственным эгоизмом, покидают отчий дом, их преследует рок, они впадают в греховность, марают собственную душу, но по итогу, раскаявшись, приняв Бога, получают прощение, очищаются и возвращаются в родную обитель.

Интересны взаимоотношения Базарова с представителем и той реальности, которую он отрицает, – с отцом Алексеем. Тургенев представляет его как человека либеральных взглядов – в карты играет, даже иногда трубочку покуривает. Сделано это, наверное, для того, чтобы примирить его с Базаровым: автор вывел образ отца Алексея не как пример идеального священника, а именно как «немного нигилиста». Взгляд Базарова на эти отношения чисто нигилистический: «Если он моей тарелки супа не съест, то я с любым человеком могу за столом сидеть» [1]. Но когда отец Алексей его соборует, то он подсознательно откликается на этот обряд: «Когда святое миро коснулось его груди... что-то похожее на содрогание ужаса мгновенно отразилось на помертвелом лице» [1]. Вот здесь Базаров совершенно отрекается от своих принципов – именно тогда, когда над ним происходит церковный обряд. Здесь и происходит вышеупомянутое покаяние, смирение, возвращение блудного сына.

В рассказе «Муму» также можно наблюдать некоторые древнерусские мотивы в самом образе Герасима. Это герой-богатырь, который, следуя традиции, не чурается никакого труда. Тяжкие крестьянские работы, органичные рожденному для земли, – потому и дана ему богатырская сила, – доставляют ему истинную радость. Для славянской

традиции характерно возвеличивание крестьянского труда, а с ним и образа земледельца.

Это был вечный («неистомный») радостный труд под открытым небом, на огромной земле. Ничто не стесняло движений пахаря, и он по-богатырски взрезывал сохой огромные ломти земли, пахнущие разнотравьем, размашисто косил, безостановочно молотил. Должно заметить, что мотив природы также связывает древнерусскую литературу и произведения Тургенева.

Однако, этот самый богатырь, могучий человек, ассоциируется у окружения с нечистым, попадая в разряд отверженных, изгоев, что, конечно, не является его настоящей характеристикой.

Итак, в творчестве Тургенева, как и у многих классиков, явно прослеживаются мотивы древнерусской литературы, поскольку это значительный неотъемлемый пласт нашей культуры, нужно лишь уметь это заметить, чтобы иметь возможность понять и прочувствовать произведения более глубоко.

Литература

1. *Тургенев И.С.* Собрание сочинений. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://az.lib.ru/t/turgenew_i_s/ (Дата обращения: 15.05.2019).
2. *Чернов А.В.* Архетип «блудного сына» в русской литературе XIX века // Проблемы исторической поэтики. 1994. №3. С. 152.

О.М. Давыдова
студентка 3 курса
Московского государственного института культуры
Москва (Россия)
E-mail: olchok1998@yandex.ru

Древнерусские мотивы в творчестве И.А. Гончарова

Аннотация. Статья посвящена выявлению мотивов, характерных для древнерусской литературы, в творчестве И.А. Гончарова (на примере его романов «Обыкновенная история», «Обломов» и «Обрыв»). Общим моментом произведений разных эпох становится «сильная зрительная изобразительность», взаимосвязь слова и изображения. Характерной объединяющей чертой является использование мотива дороги как символа жизненного пути человека. В работе также затрагивается вопрос о роли детали в произведениях разных эпох.

Ключевые слова: древнерусская литература, Гончаров, «зрительная изобразительность», мотив дороги, художественная деталь, хронотоп.

Olga M. Davydova
3d year student of
Moscow State Institute of Culture
Moscow (Russia)
E-mail: olchok1998@yandex.ru

Old Russian motifs in the literary works of I.A. Goncharov

Abstract. The object of the article is motifs of Old Russian literature in the literary works of I.A. Goncharov (on the example of his novels “A common story”, “Oblomov” and “The Precipice”). The common point of the works of different eras is “strong visual imagery”, the interrelation of the word and the image. A characteristic common feature is the use of the road motif as a symbol of a person’s life path. The article also dwells upon the issue of the role of detail in works of different eras.

Keywords: Old Russian literature, Goncharov, “visual imagery”, the road motif, an art detail, chronotope.

Связь временных эпох и проникновение тех или иных методов прежних столетий в явления веков новых – процесс, не подлежащий сомнению и характерный для любой области, в т.ч. для литературы. Поэтому появление мотивов древнерусской литературы в произведениях XIX в. не является чем-то необычным и исследуется многими литературоведами. Более того, Д.С. Лихачев, автор «Поэтики древнерусской литературы», наиболее полного и систематического изложения художественных особенностей литературы XI – XVII веков и ее методов, писал, что «без полного выявления всех художественных особенностей русской литературы XI – XVII вв. невозможно построение истории русской литературы» [7, с. 1]. В данной статье будут перечислены некоторые выявленные мотивы литературы Древней Руси в романном творчестве И.А. Гончарова (1812 – 1891).

Первое, на что стоит обратить внимание, – так называемая *«зрительная изобразительность»*. В Древней Руси слово и изображение были связаны гораздо теснее, чем в новое время. Не стоит забывать, что сюжеты изобразительного искусства были по преимуществу литературными. Фрески и иконы основывались на персонажах и сценах из Ветхого и Нового заветов, использовали сцены из житий святых и т.д. Миниатюры также иллюстрировали жития святых, летописи и т.д. Д.С. Лихачев писал: «Художник был нередко начитанным эрудитом, комбинировавшим сведения из различных письменных источников в росписях и миниатюрах. Даже в основе портретных изображений святых, князей и государей, античных философов или ветхозаветных и новозаветных персонажей лежала не только живописная традиция, но и литературная. <…> Словесный портрет был для художника не менее важен, чем изобразительный канон. Художник как бы восполнял в своих произведениях недостаток наглядности древней литературы» [7, с. 16]. Поэтому литература имела в Древней Руси, по словам исследователей, сильную зрительную изобразительность [7, с. 28].

Многие критики и гончароведы обращали внимание на изобразительность произведений писателя. Уже В.Г. Белинский отмечал, что Гончаров «поэт-художник». [1, с. 32]. А.В. Дружинин проводит параллель между эпизодами романов писателя и картинами художников фламандской школы: «Подобно фламандцам, г. Гончаров национален, неотступен в раз принятой задаче и поэтичен в малейших подробностях создания. Подобно им, он крепко держится за окружающую его действительность, твердо веруя, что нет в мире предмета, который не

мог бы быть возведен в поэтическое представление силой труда и дарования <…> ». [5, с. 166]

Изобразительность слова у Гончарова проявляется, например, в описании пиршества в Обломовке, это почти натюрморт. В романной трилогии пристрастие писателя к портретным и пейзажным зарисовкам вообще становится наглядным. М.Г. Уртминцева свою работу посвящает портретной живописи в романе «Обломов»: «Портреты его персонажей написаны в технике, близкой к акварели или масляной живописи: каждый последующий эпизод романа кладет свою краску, вносит свой штрих в уже намеченные контуры». Подробно анализирует фон, на котором дан портрет Обломова: «Другая «примета» фона, на котором первоначально дана фигура главного героя, – серый цвет всего, что имеет отношение к Захару, в свою очередь выдвинутого на «передний» план картины. На фоне цветовой гаммы, не окрашенной яркими красками, появляется и перекликающееся с ней изображение фигуры и лица Обломова, не имеющего определенного «цвета»: «ни румяный, ни смуглый, ни положительно бледный, а безразличный или казавшийся таким <…>» [9, с. 21].

И такая живописность в целом характерна для творчества Гончарова. Писатель не только словом знакомит с сюжетами своих романов, но и стремится дать читателю изображения, и для этого он тщательнейшим образом выписывает каждую деталь, особое внимание при этом обращая на интерьер, на вписанность человека в мир вещей. Взаимопроникновение слова и изображения – отличительная черта творчества Гончарова.

Необходимо сказать отдельное слово о *роли деталей*. Д.С. Лихачев, характеризуя особенности древнерусской литературы, отмечает, что детали направляют внимание читателя: «Каждый жест «остановлен» художником именно в тот момент, который наиболее выразителен для события: занесена сабля, рука поднята для благословения или для указания, указующий перст четко вырисовывается над группой людей» [7, с. 37]. А.Е. Краснова, рассуждая в статье о фламандском стиле Обломова, отмечает, что деталей, собственно, у писателя нет. Все описываемое изображается с одинаковой тщательностью и вниманием: «…Мелочи быта поднимаются до человека. Человек слит с окружающей действительностью, отражается в ней, а она – в нем» [6, с. 51]. Однако нельзя забывать о сюжетной роли детали у Гончарова. Так, «настоящий восточный халат», в котором просторно и привольно, помогает передать созерцательность характера Обломова. К тому же, как мы помним, находясь под влиянием Штольца, Обломов на время отказывается от халата, но

затем снова к нему возвращается. И для творчества И.А. Гончарова и для древнерусской литературы характерна роль детали, но у Гончарова она наполняется психологическим и лирическим содержанием, а в древнерусской литературе – выполняет направляющую и поучающую функции.

В романах И.А. Гончарова можно отметить также *особенности хронотопа*. В первую очередь, это касается *мотива дороги*. В искусстве древней Руси этот мотив представлен многими произведениями различных жанров. Это и «Слово о полку Игореве», и «Задонщина», «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, и «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное» и т.д. Дорога символизирует не только конкретный путь, проделанный героями, но и жизненный путь со всеми его испытаниями. Кроме того, дорога – это еще и способ познать мир. Так и в каждом романе из трилогии И.А. Гончарова пространственные и временные координаты, два главных топоса (дворянская усадьба – Петербург) и две временные точки («было – стало»), объединяет мотив дороги и изменения героя.

Наиболее ярко древнерусские мотивы у Гончарова проявляются там, где дело касается *времени*. Например, время фольклорных жанров исторически не определено. В древнерусской же литературе автор стремится изобразить объективно существующее время, независимое от того или иного восприятия. Поэтому когда повествователь стремился передать событие со всеми подробностями, повествование как бы замедлялось. «Действие замедлялось почти до реального, когда требовалась картинность описания», – отмечал Д. С. Лихачев [7, с. 209]. Здесь невольно вспоминается глава «Сон Обломова» и описание дня Илюши: его медленность и повторяемость; тщательная «выписанность», с мельчайшими подробностями; статическое описание типического русского сельского пейзажа.

Более того, Д.С. Лихачев в книге «Поэтика древнерусской литературы» целый параграф посвящает анализу нравоописательного времени у И.А. Гончарова [7, с. 252-258]. Учительная литература Древней Руси подчиняла настоящее время задачам нравоописания и нравоучения. В этом ряду мы можем провести параллель между «Обыкновенной историей» И.А. Гончарова и «Повестью о Горе-Злочастии» (XVII в.).

Предметом изображения в данных произведениях является становление личности молодого человека, его желание «жити, как ему любо» [8, с. 9]. Герои проходят путь (объединяющим моментом становится *мотив дороги*) от момента разрыва с традициями предков («пошел он на чюжу

страну, далну, незнаему…» [8, с. 11]), к утверждению оригинальности своей личности и своего жизненного пути через преодоление цепи искушений. Таким образом, и повесть XVII века, и роман Гончарова можно отнести к произведениям воспитательной направленности.

Нужно понимать, что литература XIX века не возникла просто так, без почвы. Ее появлению предшествовали древнерусская литература и литература XVIII века. Писатели последующих эпох, без сомнения, усвоили накопленный опыт в создании художественных образов, в принципе отбора материала и приемах воплощения идей, мыслей и изображения чувств, осознанно или неосознанно переняли это. Именно поэтому сейчас мы можем выявить некоторые древнерусские мотивы в творчестве И.А. Гончарова, писателя XIX века.

Литература

1. *Белинский В.Г.* Взгляд на русскую литературу 1847 года // И. А. Гончаров в русской критике. – М.: Художественная литература, 1958.
2. *Гончаров И.А.* Собрание сочинений. В 8-ми томах. – Т. 1. Обыкновенная история. Произведения 1838-1842-х гг. – М.: Художественная литература, 1977.
3. *Гончаров И.А.* Собрание сочинений: В 8-ми тт. – Т. 4. Обломов. – М.: Художественная литература, 1979.
4. *Гончаров И.А.* Собрание сочинений: В 8-ми тт. – Т. 5. Обрыв. – М.: Художественная литература, 1979.
5. *Дружинин А.В*. «Обломов», роман И. А. Гончарова // И.А. Гончаров в русской критике. – М.: Художественная литература, 1958.
6. *Краснова Е.В.* «Материнская сфера» в романах И. А. Гончарова // Гончаров И.А.: Материалы Международной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения И. А. Гончарова. – Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2003.
7. *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. – М.: Наука, 1979.
8. Повесть о Горе-Злочастии // Библиотека русской фантастики: В 20-и тт. Т. 2. Звездочтец. – М.: Советская Россия, 1990.
9. *Уртминцева М.Г.* Портретная живопись в романе И. А. Гончарова «Обломов» // Литература в школе. – 2006. – № 2.

А.В. Федорова
Московский кадетский корпус «Пансион воспитанниц Министерства обороны Российской Федерации»
Москва (Россия)

Образ Рима в поэзии С.П. Шевырёва

Аннотация. Образ Рима органично вошел в творчество С.П. Шевырёва. В конце 1820-х – начале 1830-х годов С.П. Шевырёв живет в Италии. В 1829 году С.П. Шевырёв создает «римский» цикл стихотворений. Следуя за А.С. Пушкиным, С.П. Шевырёв развивает художественный образ Рима. С Римом он знакомит Н.В. Гоголя и увлекает его исторической поэтикой «вечного города». Древнейшая римская цивилизация будоражит воображение С.П. Шевырёва, он увлеченно изучает итальянскую историю и культуру. И если ранний С.П. Шевырёв учится мудрости древних, то на закате жизни он транслирует русскую культуру среди европейских народов, и в частности итальянцев.

Ключевые слова: С.П. Шевырёв, Н.В. Гоголь, А.С. Пушкин, русская словесность, Италия, Рим, Россия, Русь, история, древность, эпоха, цивилизация.

Anastasiya V. Fedorova
Moscow cadet corps "Boarding school of pupils The Ministry of defence of the Russian Federation»
Moscow (Russia)

The image of Rome in the poetry of S.P. Shevyryov

Abstract. The image of Rome organically entered the work of S.P. Shevyrev. In the late 1820s – early 1830s, S. P. Shevyryov lived in Italy. In 1829 S.P. Shevyrev created the "Roman" cycle of poems. Following A.S. Pushkin, S.P. Shevyrev develops the artistic image of Rome. He introduces Gogol to Rome and captivates him with the historical poetics of the "eternal city". The ancient Roman civilization excites the imagination of S.P. Shevyryov, he enthusiastically studies Italian history and culture. And if early S.P. Shevyryov learns the wisdom of the ancients, then at the end of life he broadcasts Russian culture among the European peoples, and in particular the Italians.

Keywords: S.P. Shevyrev, N.V. Gogol, A.S. Pushkin, Russian literature, Italy, Rome, Russia, Russia, history, antiquity, epoch, civilization.

Сегодня многие знают имя С.П. Шевырёва по его высказыванию о «загнивающем западе». С.П. Шевырёв верил в историческую миссию России. С.П. Шевырёв был одним из ярких представителей пушкинской эпохи. И хотя в 1860 году С.П. Шевырёв покидает Россию, он не порывает с родиной духовной связи. Еще в 1830 году, находясь в Риме, поэт словно принесет обед верности в стихотворении «Италии»:

Лобзай и жги и жми меня к устам,
Италия! – в пылу очарованья:
Не изменю, – России передам
Твоим огнем горящие лобзанья.
[9, с.86]

Образ Рима органично вошел в творчество С.П. Шевырёва. Образом Рима был увлечен ранний А.С. Пушкин: в стихотворении «К Лицинию» (перевод с латинского) юный поэт использует образ «вечного города» для обличения нравственных и общественных пороков, наблюдаемых им России: «О ромулов народ! пред кем ты пал во прах?», «О Рим! о гордый край разврата, злодеянья», «Свободой Рим возрос, а рабством погублен» и др. При этом А.С. Пушкин вдохновлялся Римом, он прямо признавался: «Я сердцем римлянин, кипит в груди свобода» [6, т. 1, с. 112].

С 1829 по 1830 годы С.П. Шевырёв работает над исторической трагедией «Ромул», которая, как принято считать, отразила общественно-политические и историософские взгляды автора, в ту пору увлекавшегося славянофильскими идеями. А.С. Пушкин, как предполагают, подарил С.П. Шевырёву сюжет из истории древнего мира. Сам С.П. Шевырёв в своих воспоминаниях признается, что А.С. Пушкин поделился с ним замыслом драмы по возвращении из михайловского уединения в 1826 году [2, с. 245]. Сохранился план пушкинской трагедии «Ромул и Рем». С.П. Шевырёв реализует пушкинский замысел о двух легендарных братьях-близнецах, основавших Рим, но полностью трагедия не была опубликована. Находясь в 1830 году в Риме и словно подытоживая свою работу над исторической темой, С.П. Шевырёв пишет довольно длинное послание, которое озаглавливает – «Послание А.С. Пушкину». Рим С.П. Шевырёв называет «гробом древности»: «Здесь, как в гробу, грядущее видней; / Здесь и слепец дерзает быть пророком…». И словно на контрасте – «Русь милая», «родная Русь», «Святая Русь» с ее голосом

певца-поэта. И для С.П. Шевырёва таким голосом стал голос А.С. Пушкина. Как отмечает А.В. Шмелева, с 1824 года, когда А.С. Пушкин находился в Михайловском, в нем происходит духовное перерождение, пребывание в деревне «стало поистине новым периодом как в жизни, так и в творчестве; именно здесь в А.С. Пушкине пробуждаются и оттачиваются национально-исторические взгляды, народное восприятие, народные идеалы, ощущение себя русским и причастным к родной истории» [10, с. 156]. По духу близкий С.П. Шевырёву Н.В. Гоголь увлекается «римской» древностью, и так же, как и С.П. Шевырёв, на чужбине укрепляется поэтическим словом А.С. Пушкина. А.С. Пушкин был живой связью с Россией. В 1832 году Н.В. Гоголь в статье «Несколько слов о Пушкине» пророчески напишет: «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет. В нем русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла» [1]. Спустя десятилетие, в 1841 году С.П. Шевырёв опубликует статью, посвященную А.С. Пушкину, в которой резюмирует сказанное о любимом поэте: «Да, да, вся поэзия Пушкина, как современная ему Россия, представляет чудный, богатый эскиз недовершенного здания, которое народу русскому и многим векам его жизни предназначено долго, еще долго строить – и кто же из нас с чувством надежды не прибавит? – и славно докончит» [8, с. 270].

В конце 1820-х – начале 1830-х годов С.П. Шевырёв дважды был в Европе, и дважды посетил Италию. Первый раз С.П. Шевырёв оказался в Италии в 1829 году благодаря княгине З.А. Волконской, которая покидая Россию, пригласила его в качестве воспитателя для своего сына А.Н. Волконского [7]. Итогом первого итальянского периода стало создание диссертации «Дант и его век», которую С.П. Шевырёв успешно защитил по возвращении своем в Россию в 1833 году.

Летом 1830 года С.П. Шевырёв, в начальный период работы над диссертационным сочинением, своему герою посвящает «Чтение Данта»:

Что в море купаться, то Данта читать:
    Стихи его тверды и полны,
    Как моря упругие волны!
Как сладко их смелым умом разбивать!
    Как дивно над речью глубокой

Всплываешь ты мыслью высокой:
Что в море купаться, то Данта читать.
[9, с. 85]

Итальянская тема прочно вошла в художественный мир С.П. Шевырёва. Не только поэзия Данте стала предметом его творческого увлечения. С.П. Шевырёв создает ряд описаний – Помпеи («Прогулка русского путешественника по Помпее в 1829 году», «Отрывки из писем Русского путешественника по Италии. Письмо 2»), Апеннинских гор («Прогулка по Апеннинам в окрестностях Рима в 1830 году»), долины Риэти («Водопад Терни. Отрывок из путевых заметок по Италии», 1831), состояния искусства («Отголосок из Италии», 1833; «Болонская школа. Отрывок из путевых записок по Италии», 1833) и др., переводит с итальянского стихотворение «Лотос». С 1829 года в творчестве С.П. Шевырёва появляется цикл стихотворений, который справедливо можно назвать «римским»: «Тибр», «К Риму», «Стансы Риму», «Стены Рима», «Две реки», «(Педантам-изыскателям»), «В альбом», «К Фебу», «Тройство» и др. Поэзия С.П. Шевырёва того времени художественно воспроизводит итальянский колорит. В стихотворении «Стены Рима» (1830) С.П. Шевырёв передает благоговение перед великими «обломками» древней цивилизации.

Веками тканная величия одежда!
О каменная летопись времен!
С благоговением, как набожный невежда,
Вникаю в смысл твоих немых письмен.
Великой буквою мне зрится всяк обломок,
В нем речи прерванной ищу следов…
Здесь все таинственно – и каждый камень громок
Отзывами огрянвуших веков.
[9, с. 81]

Вернувшись в стены Московского университета, С.П. Шевырёв читает курс по истории российской словесности. В 1836 году С.П. Шевырёву присуждают степень доктора философии за труд «Теория поэзии в историческом ее развитии у древних и новых народов». В 1838-1840 годах С.П. Шевырёв находился в Европе, где слушал лекции. Его выдающиеся способности обратили на себя внимание: в Афинах он избран

членом художественного общества, в хорватском Аграме – членом филологического общества, во Франции получил степень доктора философии. В Италии С.П. Шевырёв изучает археологию и культуру христианства в Папской Римской археологической академии. Близко знавший С.П. Шевырёва и Н.В. Гоголя в Италии М.П. Погодин вспоминал: «Шевырёву принадлежала наука и знание, Гоголю – воображение и оригинальность, которая не оставляла его ни в чем, в важных делах, как и в мелочах» [4, стб. 1272].

Римская тема была выстрадана русскими литераторами. Н.В. Гоголь признавался в своих письмах о том, что о России может писать только в Риме (См. письмо к П.А. Плетневу от 17 марта 1842 года). Свою поэму о России «Мертвые души» Н.В. Гоголь создает в Риме. И если с А.С. Пушкина начинается очередное (после древнерусской книжности) обращение к римской теме в русской литературе, то С.П. Шевырёв и Н.В. Гоголь заявляют о Риме как о «земле обетованной», как о духовном Первом Риме – колыбели христианской цивилизации, вновь обращая внимание современников на мистическую связь Рима и России. Вместе с тем, поэтизируя римскую древность, С.П. Шевырёв был далек от мысли возвеличивать европейскую культуру. В своей статье 1841 года «Взгляд русского на современное образование Европы» С.П. Шевырёв подвергает жесткой критике состояние современной европейской культуры и общества в целом [5]. Три года, проведенных в Риме, послужили тому, что С.П. Шевырёв убежденно изучает классическую философию, труды античных авторов, историю и теорию древнего искусства, в котором Италии отводит особое место. В статье «О возможности ввести итальянскую октаву в русское стихосложение» С.П. Шевырёв, по существу, совершает прорыв в русской поэтике, но безуспешно, несмотря на то, что делает весьма удачный перевод VII песни поэмы «Освобожденный Иерусалим». Как отмечает биограф С.П. Шевырёва, в начале 1861 года С.П. Шевырёв читает во Флоренции курс по истории русской словесности [3], на этот раз имея уже желание приобщить европейцев, в частности – итальянцев к русской культуре, и в этих лекциях творчеству А.С. Пушкина С.П. Шевырёвым отводилось центральное место. В начале 1862 года он продолжает свою деятельность уже в Париже. Жизнь С.П. Шевырёва увенчалась его служением русскому слову на чужбине, и это служение было выстрадано его плодотворным пребыванием в период становления его творческой личности в Италии.

Литература

1. *Гоголь Н.В.* Несколько слов о Пушкине / Гоголь Н.В. Арабески. Разные сочинения. Ч.1. СПб.: Тип. вдовы Плюшар с сыном, 1835. С.213-225.
2. Москвитянин, 1841. Ч.5. №9. С.245.
3. Н.Ч. Шевырев Степан Петрович / Русский биографический словарь: В 25 тт. СПб., 1911. Т.23. С.19-29.
4. Отрывок из записок. О жизни в Риме с Гоголем и Шевырёвым в 1839 году // Русский архив, 1865. Изд. 2. М., 1866. Стб. 1270-1278.
5. *Петров Ф.А.* С.П. Шевырёв – первый профессор истории российской словесности в Московском университете. М.: Альтекс, 1999. -57с.
6. *Пушкин А.С.* К Лицинию: (перевод с латинского) / Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1959. Т.1. Лицейские стихотворения (1937). С.111-113.
7. *Сайкина Н.В.* Материалы к ранней биографии кн. З.А. Волконской // Вестник Московского университета, 2017. Серия 9. Филология. №5. С.197-223.
8. *Шевырёв С.П.* Сочинения Александра Пушкина // Москвитянин, 1841. №9. Ч.5. С.236-270.
9. *Шевырёв С.П.* Стихотворения / Вступ. ст., ред. и прим. М. Аронсона. Л.: Сов. писатель, 1939. -240с. (Библиотека поэта).
10. *Шмелева А.В.* Национальные истоки духовно-нравственного идеала А.С. Пушкина: к вопросу о воспитательном значении русской словесности // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология, 2010. №4. С.125-130.

Раздел IV

ГЕРМЕНЕВТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО НАСЛЕДИЯ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Е.А. Федорова
доктор филологических наук, доцент,
профессор Ярославского государственного
университета им. П.Г. Демидова
Ярославль (Россия)
E-mail: sole11@yandex.ru

Евангельское слово в романах Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», «Идиот»*

Аннотация. В статье на основе анализа текста романов Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», «Идиот» показано, как автор создает этическую перспективу с помощью отсылок к евангельскому слову, автобиографических аллюзий, курсива. Результатом исследования является утверждение, что Достоевского включает читателя в иерархически организованное ценностное пространство, где главным критерием истины является Евангелие. Речевой жанр исповеди и учительное слово Сони Мармеладовой, Порфирия Петровича, Мышкина, продолжая традиции древнерусской словесности, также обращают читателя к Евангелию.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, «Преступление и наказание», «Идиот», Евангелие, аллюзии, курсив, система образов.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ: проект № 18-012-90036 «Достоевский в средней и высшей школе: проблемы и новые подходы».

Elena A. Fedorova
DSc in Philology, Associate Professor,
Professor at the Department of
Communication Theory and Practice
of P.G. Demidov Yaroslavl State University
Yaroslavl (Russia)
E-mail: sole11@yandex.ru

The evangelic word in the novels of F.M. Dostoevsky "Crime and punishment", "Idiot"*

Abstract. The article is based on the text analysis of the novels of F.M. Dostoevsky *Crime and Punishment*, *Idiot,* it shows how the author creates an ethical perspective with the help of references to the Gospel word, autobiographical allusions, and italics. The result of the study is the assertion that Dostoevsky includes the reader in a hierarchically organized value space, where the gospel is the main criterion of the truth. The speech genre of confession and the teaching word of Sonya Marmeladova, Porfiry Petrovich, Myshkin, continuing the traditions of Old Russian literature, also turn the reader to the Gospel.

Keywords: F.M. Dostoevsky, *Crime and Punishment*, *Idiot*, Gospel, allusions, italics, image system.

О роли Евангелия в творчестве Ф.М. Достоевского размышляли многие исследователи: Н.М. Чирков, Р.В. Плетнев, Г.Ф. Коган, И.А. Кириллова, Д. Григорьев, Ф. Тарасов и др. ([23], [16], [13], [12], [6], [19]). Об авторском дискурсе написаны единичные работы [3], но проблема соотношения авторского дискурса и евангельского слова еще не рассматривалась исследователями.

В романах Достоевского находят обращение к евангельскому слову на разных уровнях текста: авторской идеи и проблематики, системы образов и прецедентных феноменов. Наконец, Ф. Тарасов восприни-

* The publication was prepared with the financial support of RFBR: project № 18-012-90036 "Dostoevsky in secondary and higher education: problems and new approaches".

мает евангельский текст в произведениях Достоевского как метасюжет, бытийный уровень. По его мнению, происшествия с героями в текстах писателя – это события перед лицом Христа [19].

Литургические традиции проявляются в произведениях Достоевского, поскольку древнерусская словесность своим происхождением связана с богослужением, а Достоевский, создавая свои романы и «Дневник писателя», опирается на образцы отечественной словесности [24]. Исследователи также обнаруживают в речи Мышкина традиции учительного слова, для которого характерна одна из древнейших особенностей русского риторического идеала, связанная с этическими ценностями – кротость, смирение, выражаемые в речи «нарочитым самоуничижением» [21, с. 52-54]. Преп. Иустин Попович отмечает евангельскую смиренность и ощущение вины за грехи окружающих князя Мышкина и делает вывод: «Это чувство всегреховности, эта покаянная грусть, это суровое самобичевание, это немилосердное самоосуждение, по мысли Достоевского, пронизывает душу русского народа, характеризуя русскую историю, выявляя то, что есть в народе православного» [18, с. 150].

Романы «Преступление и наказание», «Идиот» объединяет идея испытания евангельской заповеди любви к ближнему: Раскольников переступает через эту заповедь, разрушая божественное и человеческое в себе, а Мышкин делает эту заповедь основой поступка в мире страстей, но этот мир его разрушает [26]. К этим двум романам примыкает рассказ «Сон смешного человека», поскольку там показана эволюция героя типа Раскольникова и Парадоксалиста к идеалисту, напоминающего Мышкина. «Смешной человек» приходит к евангельской заповеди и проповеди через падение (попытка самоубийства) и покаяние. В этом рассказе упоминается только одна дата – 3-ое ноября, и это не случайно. Прот. Н. Артемов замечает, что 3 ноября Достоевский принял крещение [2]. Автобиографическая аллюзия подчеркивает близость автора к тому, что утверждает герой: «Истину я узнал в прошлом ноябре, и именно третьего ноября, и с того времени я каждое мгновение мое помню» [8, с. 105]. Евангельское слово «Истина» (с прописной буквы, как было отмечено Н.А. Тарасовой) звучит также в финале и является ключевым понятием, которое выстраивает вокруг себя концептосферу произведения: «Главное – *люби других как себя,* вот что главное, и это все, больше ровно ничего не надо: тотчас найдешь как устроиться. А между тем ведь это только – старая Истина, которую биллион раз повторяли и читали…» [8, с. 118]. Курсивом выделена сама евангельская заповедь, а, как было отме-

чено В.Н. Захаровым, курсив – это авторский монологический прием [11, с. 21-22]. Рассказ строится как повествование от первого лица, в котором речевой жанр исповеди сменяется проповедью.

Курсивом выделяет евангельское слово Достоевский и в романе «Преступление и наказание» – в сцене чтения Соней повествования о воскрешении Лазаря. Г.Ф. Коган сравнила пометы, сделанные в Евангелии самим Достоевским с текстом, который читается в романе Соней, и пришла к выводу, что все 45 стихов «легенды о воскрешении Лазаря», помеченные автором римскими цифрами, включены в роман [13]. Чтение вечной книги сопровождается авторским комментарием, где голос автора соединяется с голосом героини и усиливает звучание евангельского слова [4]. Речевой жанр исповеди переходит в проповедь, большое значение имеют авторский курсив и отмеченные автором паузы в речи героини: «Иисус говорит ей: воскреснет брать твой. Марфа сказала Ему: знаю, что воскреснет в воскресение, в последний день. Иисус сказал ей: *Я есмь воскресение и жизнь*; верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякий живущий и верующий в Меня не умрет во веки» [9, с. 315]. Главные слова в авторском тексте выделены курсивом: «*Я есмь воскресение и жизнь*» (Иоанн 11: 25).

И.А. Кириллова, исследуя Евангелие, которое принадлежало Достоевскому, пришла к выводу, что отметки, сделанные писателем в 11-ой главе, показывают: Достоевский «подчеркивает ряд слов, как бы утверждая и проверяя свою веру», выделяет фразу «Я есмь воскресение и жизнь» тройными отметками в начале и в конце и весь стих на полях отмечает дважды «NB» [12, с. 55]. Это соотносится с размышлением Достоевского о сущности веры в черновых рукописях к роману «Бесы»: «Не мораль Христова, не учение Христа спасет мир, а именно вера в то, что Слово плоть бысть. Вера эта не одно умственное признание превосходства Его учения, а непосредственное влечение. Надо именно верить, что это окончательный идеал человека, все воплощенное Слово, Бог воплотившийся. Потому что при этой только вере мы достигаем обожания, того восторга, который наиболее приковывает нас к Нему непосредственно и имеет силу не совратить человека в сторону» [7, с. 187-188]. Курсив в указанной и последующей сцене романа показывает, что автор соединяет свой голос с голосом Сони и с Евангельской Истиной: «*И вышел умерший*» – «*Тогда многие из Иудеев, пришедших к Марии и видевших что сотворил Иисус, уверовали в Него*» [9, с. 316]. После этого автор заключает эту сцену своим комментарием: «Огарок уже давно погасал

в кривом подсвечнике, тускло освещая в этой нищенской комнате убийцу и блудницу, странно сошедшихся за чтением вечной книги» [9, с. 316].

Автор дает ключ к евангельскому осмыслению событий, происходящих в романе. «Блудница» – слово маркированное, отсылающее читателя к Евангелию, в частности к эпизоду «Христос и грешница» (Иоанн 8:11). Этот евангельский сюжет завершается словами Спасителя, обращенного к грешнице: «иди и впредь не греши». Соня, действительно, в романе возвращается на праведный путь. Кроме того, авторское слово взаимодействует и со словом Мармеладова, отца Сони. Мармеладов при первой встречи с Раскольниковым в своей исповеди напоминает ему евангельскую истину о грешнице, которая «возлюбила много» и своей самоотверженностью может быть прощена [9, с. 27].

Однако в Евангелии от Луки, которое цитирует Мармеладов, эти слова Спаситель говорит о Марии, сестре Марфы и Лазаря, после того, как ее упрекают в том, что она отерла Ему ноги миром: «А потому сказываю тебе: прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много» (Лук. 7:47). Мармеладов соединяет разные евангельские эпизоды, автор присоединяет свой голос к голосу Мармеладова-отца, показывая путь к спасению Сони.

Г. Померанц, размышляя о внутреннем строе романов Достоевского, пришел к выводу, что недосказанность и намеки в романах писателя выражают апофатический характер его религиозного миросозерцания. Каждый раз, когда герой Достоевского пытается определить сущность религиозного чувства, получается «не то», как было замечено Мышкиным в беседе с Рогожиным [17]. Исследователь предлагает обнаруживать в романах писателя диалогизм на горизонтальном уровне и диалогизм на вертикальном уровне. Так, исповеди героев Мышкину или Алеше Карамазову, считает Г. Померанц, происходят с участием «высшего нададресата», как это определил в свое время М.М. Бахтин.

Сцену чтения Евангелия предваряет исповедь Сони, в которой она называет себя «великой грешницей» из-за невнимания к близким. Автор включает Раскольникова и читателя в исповедальный дискурс, что должно вести к духовному возрастанию.

Соня перед чтением Евангелия от Иоанна цитирует стихи Нагорной проповеди: «Блаженны чистые сердцем, ибо они узрят Бога» (Матф. 5:8). Порфирий Петрович в первой беседе с главным героем спрашивает, верует ли Раскольников в воскресение Лазаря [9, с. 254]. В последнем разговоре с Раскольниковым, как и Соня, Порфирий Петрович, сначала самоуничижается, а затем обращает Раскольникова к Евангелию от

Матфея: «Ищите и обрящите» [9, с. 441] – это окончание Нагорной проповеди (7:7). Автор включает Раскольникова и читателя в «евангельский текст», обращает их к словам Спасителя: Соня начинает Нагорную проповедь, а Порфирий Петрович ее заканчивает. Единственным героем, кто полемизирует с евангельским текстом в романе, оказывается Лужин: он возражает против заповеди любви, которая также звучит в Нагорной проповеди (Мф. 5:43-47).

В эпилоге романа содержится автобиографическая аллюзия – Евангелие под подушкой на каторге, что подчеркивает близость автора Раскольникову, который начинает осознавать греховность своей теории (сон о трихинах).

В роман «Идиот» Достоевский не включает цитату из Евангелия, тем не менее, голос автора здесь также соединяется с голосом Мышкина, когда главный герой романа говорит о христианских истинах. Каким образом это происходит? Достоевский использует автобиографические аллюзии. Глубоко личная нота в голосе автора, когда используются автобиографические проекции, включает читателя в исповедальный жанр и позволяет тексту произведений Достоевского как бы «светиться» изнутри (сквозь чужую просвечивает собственная жизнь), что не только придает его роману скрытую «интимность», но и способствует созданию целостности произведения.

В романе звучат проповеди Мышкина: о смертной казни – это слово обращено к камердинеру и к Епачиным, о значении православия – эта речь обращена к высшему обществу. Учительная речь Мышкина включает в себя евангельские цитаты и автобиографические аллюзии. Не соглашаясь с необходимостью смертной казни, Мышкин говорит камердинеру: «Сказано: «не убий», так за то, что он убил, и его убивать?» [10, с. 25]. Перед следующим обращением к Евангелию герой Достоевского произносит слова, которые являются автобиографической аллюзией писателя: «Может быть, и есть такой человек, которому прочли приговор, дали помучиться, а потом сказали: «ступай, тебя прощают». Вот этакой человек, может быть, мог бы рассказать» [10, с. 27]. А затем следуют слова: «Об этой муке и об этом ужасе и Христос говорил. Нет, с человеком так нельзя поступать!» [10, с. 27]. Таким образом, Достоевский показывает, что Мышкин является его резонером.

В беседе с Рогожиным о вере, вступая в полемику с атеистом, Мышкин утверждает, что тот говорит «не про то». Сущность религиозного чувства герой передает через сравнение его с отношением к ребенку

матери: «у Бога радость, всякий раз, когда Он с неба завидит, что грешник перед ним от всего сердца на молитву становится» [10, с. 228]. Кроме того, Мышкин рассказывает Рогожину о пьяном солдате, который пропил своей крест (мотив креста, который пропивает грешник, есть и в «Преступлении и наказании» – это маляр Миколка). Его заключение о том, что нужно подождать осуждать «этого христопродавца», обращает Рогожина к Евангелию: «Не судите, да не судимы будете» (Матф. 7:1). Когда происходит встреча Мышкина с Рогожиным после покушения Рогожина на его жизнь, эту евангельскую заповедь Мышкин берет за основу своего поведения: кается перед Рогожиным, что терял в него веру, и разделяет с ним его вину.

Евангельские заповеди становятся основой поведения главного героя романа «Идиот»: дважды он защищает женщину (Варвару Иволгину и Настасью Филипповну), принимая удар на себя. Так реализуется евангельский посыл: «Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Матф. 5:39).

Аглае в беседе о Настасье Филипповне Мышкин также напоминает евангельское слово: «О, не позорьте ея, не бросайте камня» [10, с. 447]. Он почти цитирует слова Спасителя: «кто из вас без греха, первый брось на нее камень» (Ин. 8: 7). Наконец, Евгению Павловичу Радомскому Мышкин пытается объяснить, что Ипполит Терентьев написал свою «исповедь», чтобы «всех благословить» и от всех «благословенье получить», его он призывает «чтоб и вы согласились принять от него прощение» [10, с. 350]. Это также соотносится с евангельскою проповедью Спасителя: «любите врагов ваших, благословляйте ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Матф. 5:44). Во время другой встречи Мышкин говорит Евгению Павловичу, что Аглая и Настасья Филипповна во время своего свидания были далеки от Истины: «Обе они говорили тогда не про то, совсем не про то, потому так у них и вышло» [10, с. 599].

В речи к высшему обществу Мышкин дважды от исповеди переходит к проповеди. Сначала он называет себя идиотом: «нельзя же было не терять терпение… с таким идиотом, каким я тогда был» [10, с. 555], а затем утверждает авторскую мысль, что католицизм «искаженного Христа проповедует» [10, с. 558] и «социализм порождение католичества» [10, с. 559]. В этом месте своей проповеди Мышкин цитирует слова Спасителя о лжепророках: «по делам их узнаете их» [10, с. 559]. В Евангелии от Матфея это звучит так: «по плодам их узнает их» (7:16). Кульминацией речи героя становятся любимые идеи Достоевского о «почве», которая

сможет объединить русский народ: «Кто почвы под собой не имеет, тот и Бога не имеет», это не мое выражение. Это выражение одного купца из старообрядцев, с которым я встретился, когда ездил» [10, с. 561].

Во второй части своей речи Мышкин сетует, что «не имеет жеста», поэтому унижает идею, а потом кается: «я подл иногда, потому что веру теряю» [10, с. 568]. Мышкин напоминает представителям высшего общества о словах Христа, обращенных к апостолам: «Станем слугами, чтобы быть старшинами» [10, с. 568]. Это также аллюзия к Евангелию от Матфея: «Ибо и Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Матф.20:28).

Н.Ю. Тяпугина заметила, что «появление мессианских идей на страницах романа хронологически совпадает с «выводами ума и всей прожитой жизни его автора». В письме к А.Н. Майкову от 5 (27) мая 1869 года, излагая их, Достоевский указывает точное время, когда он пришел к этим убеждениям: год назад, то есть летом 1868 года, когда шла работа над последними частями «Идиота» [22, с. 83].

Система образов героев в романе также связана с евангельским словом. В романе «Идиот» негативная авторская оценка звучит при первом появлении Лебедева [10, с. 11], в романе «Преступление и наказание» – при повествовании о Лужине [11, с. 148, 295]. Эти герои пытаются выступить в роли учителей: Лебедев толкует Откровение Иоанна Богослова, Лужин, отрицая евангельскую заповедь любви, противопоставляет ей иное – «возлюби самого себя». Прямая авторская оценка этих героев подчеркивает, что писатель не разделяет идей этих героев.

Таким образом, ближе всего к автору оказывается Соня Мармеладова, дальше всех – Лужин. Авторская оценка героя соотносится со степенью приближенности к Евангельскому слову. В романах есть речь секуляризированная, в которой не происходит обращение к Евангельскому слову (Тоцкий, например).

Текст Достоевского иерархически организован, так создается этическая перспектива романа: авторское слово соединяется с евангельским словом и корреспондирует с отсылками к евангельскому тексту героев. Авторские отсылки к Евангелию, а также курсив образуют систему, которая позволяет понять авторскую позицию. Система авторских оценок героев коррелирует с отношением героев к евангельскому слову: резко негативная авторская оценка героев показывает несогласие автора с тем, что он утверждает, авторское согласие с голосом героя, устремленным к евангельской истине, отмечается автобиографическими аллюзиями.

Литература

1. *Аскольдов С.А.* Религиозно-этическое значение Достоевского / С.А. Аскольдов // Ф.М. Достоевский: статьи и материалы / Под ред. А.С. Долинина. Сб. 1. Пг., 1922. С. 1-32.
2. *Артемов Н.,* прот. Литургия и эсхатология в творчестве Ф.М. Достоевского [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://esxatos.com/artemov-liturgia-eshatologia-tvorchestve-dostoevskogo (Дата обращения: 10.02.2019).
3. *Габдуллина В.И.* Авторский дискурс Ф.М. Достоевского: проблема изучения / В.И. Габдуллина. Барнаул, 2010. 137 с.
4. *Гаричева Е.А.* Слово героя в романе Достоевского «Преступление и наказание» / Е.А. Гаричева (Федорова) // Литература в школе. 2001. № 5. С. 30-35.
5. Геймбух Е.Ю. Диалогизм одно и двуголосных контекстов в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» / Е.Ю. Геймбух // Русский язык в школе. 2016. № 11. С. 35-40.
6. *Григорьев Д.* Евангелие и Раскольников / Д. Григорьев // Проблемы исторической поэтики. Вып. 7. Петрозаводск, 2005. С. 296-301. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://poetica.pro/journal/article.php?id=2669 (Дата обращения: 10.02.2019).
7. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в тридцати томах / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом); [редкол.: В.Г. Базанов (гл. ред.), Г. М. Фридлендер (зам. гл. ред.), В. В. Виноградов и др.]. Т. 11. Л.: Наука, 1974. 417 с.
8. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в тридцати томах / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом); [редкол.: В.Г. Базанов (гл. ред.), Г. М. Фридлендер (зам. гл. ред.), В. В. Виноградов и др.]. Т. 11. Л.: Наука, 1983. 464 с.
9. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: Канонические тексты / под ред. В.Н. Захарова. Т. 7. Петрозаводск, Изд-во ПетрГУ, 2007. 992 с.
10. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: Канонические тексты / под ред. В.Н. Захарова. Т. 8. Петрозаводск, Изд-во ПетрГУ, 2009. 844 с.
11. *Захаров В.Н.* Проблемы изучения Достоевского: Учеб. пособие по спецкурсу / В.Н. Захаров. Петрозаводск: ПГУ, 1978. 110 с.
12. *Кириллова И.А.* Отметки Достоевского на тексте Евангелия от Иоанна / И. Кириллова // Достоевский в конце XX в.: сб. статей /Сост. К.А. Степанян. М.: Классика плюс, 1996. С. 48-59.
13. *Коган Г.Ф.* Вечное и текущее (Евангелие и его значение в жизни н творчестве писателя) / Г.Ф. Коган // Достоевский и мировая культура. Альм. № 3. М., 1994. С. 27 – 42.
14. *Надежкин А.М.* Раннехристианские толкования воскрешения Лазаря / А.М. Надежкин // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16. № 2. С. 7-15.

15. *Павлова Н.И.* Целостное изучение романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»: учеб. пособие / Н.И. Павлова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2017. – 272 с.
16. *Плетнев Р.В.* Достоевский и Евангелие / Р.В. Плетнев // Русские эмигранты о Достоевском. СПб.: Изд-во «Андреев и сыновья», 1994. С. 160-190.
17. *Померанц Г.* Открытость бездне: Встречи с Достоевским. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/kritika/pomeranc-otkrytost-bezdne/zametki-o-vnutrennem-stroe-romana.htm. (Дата обращения: 08.06.2018).
18. Попович Иустин, преп. Достоевский о Европе и славянстве / Пер. с сербского Л.Н. Даниленко. М.; СПб., 2001. 286 с.
19. *Тарасов Ф.* Роль Евангелия в художественном творчестве Ф.М. Достоевского / Ф. Тарасов [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://pravoslavie.ru/30.html (Дата обращения: 12.04.2019).
20. *Тарасова Н.А. Тарасова Н.А.* Значение заглавной буквы в наборной рукописи рассказа «Сон смешного человека»: «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского за 1877 год / Н. А. Тарасова // Русская литература. 2007. № 1. С. 153-165.
21. *Ткаченко О.Ю.* Речь учительская и учительная у Достоевского / О.Ю. Ткаченко // Русский язык в школе. 2014. № 2. С. 50-54.
22. *Тяпугина Н.Ю.* Поэтика Ф.М. Достоевского. Символико-мифологический аспект / Н.Ю. Тяпугина. Саратов: Изд-во Сарат. Пед. ин-та, 1996. 100 с.
23. *Чирков Н.М.* О стиле Ф.М. Достоевского [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/kritika/chirkov-o-stile/velikij-filosofskij-roman.htm. (Дата обращения: 08.06.2018).
24. *Федорова Е.А.* Евангельское как родное в «Братьях Карамазовых» и «Дневнике писателя» за 1876-1877 гг. / Е.А. Федорова // Проблемы исторической поэтики / М-во образования и науки РФ, Петрозаводский гос. ун-т; [редкол.: В. Н. Захаров (отв. ред.) и др.]. Вып. 13: Актуальные аспекты. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. С. 304-313. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://elibrary.ru/item.asp?id=25397972. (Дата обращения: 08.06.2018).
25. *Федорова Е.А.* Проблема выбора в сюжете рассказа Е.Н. Опочинина «Братья» / Е.А. Федорова // Проблемы исторической поэтики. 2017. Т. 15. № 3. С. 143-157. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://elibrary.ru/item.asp?id=30010518 (Дата обращения: 08.06.2018).
26. *Щенников Г.К., Щенникова Л.П.* История русской литературы XIX века (70-90-е годы): Учебное пособие / Г.К. Щенников, Л.П. Щенникова. М., 2005. 384 с. (Дата обращения: 08.06.2018).

И.В. Дергачева
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой лингвистики
Московского государственного института культуры
Москва (Россия)
E-mail: krugh@yandex.ru

Церковная экклезия в «итальянском тексте» Ф.М. Достоевского[1]

Аннотация: В экклезиологии под Церковью понимается сообщество христиан прошлого и настоящего, составляющих мистическое «Тело Христа», объединённых на основе общего вероучения В художественных текстах и в эпистолярном наследии Ф.М. Достоевского вопросам церковной экклезии отведено глубинное, центральное место. То же можно сказать и о текстах (художественном и эпистолярном), написанных в Италии и очевидно, или имплицитно отражающих итальянскую тему в творческом наследии писателя.

Ключевые слова: Достоевский, экклезия, православная церковь, католичество, локусный текст, всечеловек, общечеловек.

Church ecclesia in the “Italian text” of F.M. Dostoevsky

Abstract. In ecclesiology the Church refers to the community of Christians of the past and present, who make up the mystical “Body of Christ”, united on the basis of a common creed. In literary texts and in the epistolary heritage of F.M. Dostoevsky’s questions of church ecclesia were assigned a deep, central place. The same can be said about texts (artistic and epistolary) written in Italy and obviously or implicitly reflecting the Italian theme in the writer’s creative heritage.

Keywords: Dostoevsky, ecclesia, Orthodox Church, Catholicism, a locus text, all-man, general-man.

Образы Италии привлекали Ф.М. Достоевского задолго до того, как он смог осуществить свои юношеские мечты и побывать там триж-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 18-012-90034 Достоевский («Достоевский и Италия»).

ды. Впервые – в 1862 году с философом и критиком Н.Н. Страховым он посетил Турин, Флоренцию, Милан и Венецию. В 1863 г. с А.П. Сусловой они побывали в Турине, Риме, Неаполе и Ливорно. Самым продолжительным стало третье путешествие с Анной Григорьевной, когда они, посетив Милан, прожили во Флоренции с ноября 1868 г. по май 1869 г. Во Флоренции был закончен роман «Идиот», где образ города присутствует в строках романа имплицитно и связан с излюбленной темой писателя о том, что «мир красотою спасется».

Во время вынужденного пребывания за границей Достоевский постоянно размышляет о христианских ценностях. В письме к С.А. Ивановой от 29 сентября (11 октября) 1867 из Женевы он осуждает «Конгресс мира»: «Женева на Женевском озере… Я сюда попал прямо на *Конгресс мира*, на который приезжал и Гарибальди. Гарибальди скоро уехал, но что эти господа, – которых я в первый раз видел не в книгах, а наяву, – социалисты и революционеры, врали с трибуны перед 5000 слушателей, то невыразимо! … Начали с того, что для достижения мира на земле нужно истребить христианскую веру… И главное, огонь и меч – и после того как всё истребится, то тогда, по их мнению, и будет мир»[1].

В письме А.Н. Майкову от 9 (21) октября 1870 г. из Дрездена, Достоевский пишет о русской соборности: «Пишете Вы мне много про Николая- Чудотворца. Он нас не оставит, потому что Николай- Чудотворец есть русский дух и русское единство» [*Д 30*; 29, кн.1: 144-145]. Писатель уверен, что в трудный для России день даже «самая нерусская часть России, то есть какой-нибудь либерал – петербургский чиновник или студент, и те русскими становятся, русскими себя начинают чувствовать, хотя и стыдятся признаться в том» [*Д 30*; 29, кн.1:145]. Писатель возмущается сообщению в «Голосе» о том, что «мы, дескать, радовались в Крымскую кампанию успехам оружия союзников и поражению наших» и вспоминает, что он вместе с прочими товарищами по несчастью «ощутил себя русским, желал успеха оружию русскому» [Там же]. Однако Достоевский чрезвычайно озабочен тем, «что болезнь, обуявшая цивилизованных русских, была гораздо сильнее, чем мы сами воображали, и что Белинскими, Краевскими и проч. дело не кончилось» [Там же]. Сложившуюся в России ситуацию с оторванными от России и Христа

[1] Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1985. Т. 28. Кн. 2. С. 224–225. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с сокращением Д30 и с указанием тома, книги (нижний индекс) и страницы в круглых скобках.

либералами Достоевский интерполирует и обобщает, сравнивая с евангельской притчей о бесах: «Точь-в-точь случилось так и у нас. Бесы вышли из русского человека и вошли в стадо свиней, то есть в Нечаевых, в Серно-Соловьевичей и проч. Те потонули или потонут наверно, а исцелившийся человек, из которого вышли бесы, сидит у ног Иисусовых. Так и должно было быть. Россия выблевала вон эту пакость, которою ее окормили, и, уж конечно, в этих выблеванных мерзавцах не осталось ничего русского. И заметьте себе, дорогой друг: кто теряет свой народ и народность, тот теряет и веру отеческую и Бога» [Там же]. Как видим, для Достоевского народность и вера в Бога неотделимы друг от друга. В этом письме писатель не только делится своими идейными соображениями, но и открывает тему своего нового романа, призванного войти в великое «Пятикнижие»: «Ну, если хотите знать, – вот эта-то и есть тема моего романа. Он называется «Бесы», и это описание того, как эти бесы вошли в стадо свиней» [Там же]. Достоевский уверен, что «русский дух, единение, – всё это есть и будет и в такой силе, в такой целости и святости, что даже мы не в силах проникнуть во всю глубину этой силы» [*Д 30*; 29, кн.1:146].

В этом же письме писатель жалуется на непонимание иностранцами «всей глубины и силы нашего единения… Чуть лишь дело коснется до России, – точно горячешный человек в темноте забормочет черт знает что такое! Я думаю, звезду Сириус основательнее знают в Европе, чем Россию» [Там же]. Знаменательно, что именно тексты Достоевского получили глубокую и обширную рецепцию на западе, в частности, в Италии [1]. Сначала итальянцы знакомились с ними через французские переводы, а затем были осуществлены переводы на итальянский язык. Заканчивается письмо заключением Достоевского о церковной экклезии, без которой невозможно понять глубинную сущность России: «Всё назначение России заключается в православии, в *свете с Востока,* который потечет к ослепшему на Западе человечеству, потерявшему Христа» [Там же]. Писатель определенно утверждает, что «Всё несчастие Европы, всё, всё безо всяких исключений произошло оттого, что с Римскою церковью потеряли Христа, а потом решили, что и без Христа обойдутся» [*Д 30*; 29, кн.1: 146-147].

Совершенно те же мысли органично вошли в текст романа «Идиот», где князь Мышкин, в некотором роде alter ego писателя, заявляет о неприятии католицизма, который, по его мнению, даже хуже, чем атеизм.

В письме Н.Н. Страхову от 18 (30) мая 1871 из Дрездена Достоевский вновь возвращается к той же теме: «Напишут много книг, а главное упустят: на Западе Христа потеряли (по вине католицизма), и оттого Запад падает, единственно оттого. Идеал переменился, и – как это ясно! А падение папской власти рядом с падением главы римско-германского мира (Франция и друг<ие>). Какое совпадение!» [*Д 30; 29*, кн. 1: 214]. Писатель упрекает позитивистов, особенно, в частности, Белинского, позорящего «великие явления ее.., чтоб окончательно сделать Россию *вакантною* нациею, способною стать во главе *общечеловеческого* дела… Этот человек ругал мне Христа по-матерну, а между тем никогда он не был способен сам себя и всех двигателей всего мира сопоставить со Христом для сравнения… Ругая Христа, он не сказал себе никогда: что же мы поставим вместо Него, неужели себя, тогда как мы так гадки» [*Д 30; 29*, кн. 1: 215].

В письме государю императору А.А. Романову от 10 февраля 1873 г. из Петербурга Достоевский указывает, что возможность появления «в нашем странном обществе таких чудовищных явлений, как нечаевское преступление… прямое последствие вековой оторванности всего просвещения русского от родных и самобытных начал русской жизни» [*Д 30; 29*, кн. 1: 260]. Писатель сетует на то, что «В смущении и страхе перед тем, что мы так далеко отстали от Европы в умственном и научном развитии, мы забыли, что сами, в глубине и задачах русского духа, заключаем в себе, как русские, способность, может быть, принести новый свет миру, при условии самобытности нашего развития» [Там же].

Важной чертой русской самобытности для Достоевского является следование православной традиции и соборность русского народа. В письме к генералу Ф.Ф. Радецкому от 16 апреля 1878 г. из Петербурга, написанном во время светлого праздника Воскресения, писатель выражает свое великое желание: «И да воскреснет к жизни труждающееся и обремененное великое Славянское племя усилиями таких, как Вы, исполнителей всеобщего и великого русского дела», сразу связывая его с православием: «А вместе с тем да вступит и наш русский «европеизм» на новую, светлую и православную Христову дорогу» [Д 30; 30, кн. 1: 20].

В письме к К.П. Победоносцеву от 24 августа (5 сентября) 1879 г. из Эмса писатель делится своими планами на «атеистические положения»: «Мнение Ваше о прочитанном в «Карамазовых» мне очень польстило (насчет силы и энергии написанного), но Вы тут же задаете *необходимейший* вопрос: что ответу на все эти атеистические положения у меня

пока не оказалось, а их надо. То-то и есть и в этом-то теперь моя забота и всё мое беспокойство. Ибо ответом на всю эту *отрицательную сторону* я и предположил быть вот этой 6-й книге, «Русский инок», которая появится 31 августа. А потому и трепещу за нее в том смысле: будет ли она *достаточным* ответом. Тем более что ответ-то ведь не прямой, не на положения прежде выраженные (в «В<еликом> инквизиторе» и прежде) по пунктам, а лишь косвенный. Тут представляется нечто прямо противуположное выше выраженному мировоззрению, – но представляется опять-таки не по пунктам, а, так сказать, в художественной картине. Вот это меня и беспокоит, то есть буду ли понятен и достигну ли хоть каплю цели» [Т.30, кн. 1 с. 121, 122].

В.Н. Захаров нашел в Архиве внешней политики Российской Империи МИД РФ и опубликовал копию письма Достоевского С.Н. Цвету от 14 Марта 1877 г. из Петербурга, в котором писатель вводит определение «всечеловеческий» для последователей наших "русских", т. е. всечеловеческих в высшем (а не узком) смысле идей», относя к подобным людям самого Н.С. Цвета [3, с. 17]. Подобным людям Достоевский противопоставлял торжествующих «обшечеловеков и самооплевников», наряду с «копеечниками и наживателями». В 1880 г. термин «всечеловек» будет употреблен Достоевским в речи о Пушкине: «Ибо что такое сила духа русской народности, как не стремление ее в конечных целях своих ко всемирности и ко всечеловечности?... Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, *всечеловеком,* если хотите» [*Дост. 30*; 26 : 147]. Всеобщее единение, которое характерно для «всечеловека», имеет у Достоевского прямую связь с христианской экклезией. Это описал преподобный Иустин (Попович): «Достоевский – апостол, ибо он – всечеловек. В новейшее время никто так, как он, не свидетельствовал о Богочеловеке Христе. В течение веков не было человека, который с такой силой исповедовал, что Богочеловек есть все и вся для человека во всех мирах. Трагедия человека окончательна и безнадежна, если его не возродит и не преобразит Богочеловек [4].

В.Н. Захаров указывает, что именно «в отрицании народности… Достоевский видел «западничество в самом крайней своем развитии и без малейших уступок» (20; 207). Христианство дает иной урок: «... новую, неслыханную дотоле национальность всебратскую, всечеловеческую, в форме обшей вселенской Церкви» (26; 169)» [3, с. 20] И делает вывод, что для Достоевского «Быть русским – значит стать всечелове-

ком, христианином…Об этом, собственно, и писал Достоевский украинцу Цвету, включая его в число русских» [Там же].

В художественных текстах Достоевского тема соборности и экклезии занимает центральное место. В романе «Идиот», завершенном во Флоренции, центральный герой произведения, князь Мышкин, во многом являющийся alter ego писателя (эпилепсия; глубокое сочувствие приговоренному, помилованному перед неминуемой казнью и прочувственное подробное описание его мыслей – аллюзия на трагический эпизод в биографии Достоевского, приговоренного по делу Петрашевского к казни, но в последний момент получившего помиловании от Государя императора; описание картины Г. Гольбейна (Младшего) «Христос во гробе», сходное с ее восприятием Достоевским, которое мы знаем со слов супруги писателя Анны Григорьевны; православная суть характера и неприятие католицизма), является непременно инициатором духовной экклезии, пытаясь примирить и окормить своею добротой всех, кого он встречает на своем пути. «Активно участвуя в судьбе главных героев романа, князь Мышкин находит наконец для себя цель жизни, в этот момент Россия для него становится родной, о чем он сообщает в разговоре с Рогожиным: «Но главное то, что всего яснее и скорее на русском сердце это заметишь, и вот мое заключение! Это одно из самых первых моих убеждений, которые я из нашей России выношу. Есть что делать, Парфен! Есть что делать на нашем русском свете, верь мне» (Д30; 8, 184). Кульминацией их разговора является обмен крестами, породнивший князя с Рогожиным и определивший их общий крестный путь» [2, с. 180]. Подобное желание князя Мышкина пройти крестный путь (не только с Рогожиным, но и с Настасьей Филипповной, «вышедшей чистой из ада», в обреченности которой он не сомневается) дало возможность К.А. Степаняну указать на очевидные аллюзии в образе князя на Франциска Ассизского, чье «усиленное смирение не препятствовало Франциску последовательно осуществлять главное дело своей жизни: повторить земную жизнь и судьбу Христа» [6]. Создание образа «положительно прекрасного человека» для Достоевского несомненно было связано с его возможно наиболее полным следованием примеру Христа, ибо «священная история в христианстве потому и продолжается, что, как писал Достоевский, все лучшее/ настоящее в человечестве должно будет войти в синтетическую натуру Христа… Он – лишь начало строительства, собирания единого тела человечества – Его Церкви (на всякий случай,

напомню, что экклезия (*греч.* – народное собрание) – это единый орган законодательной и исполнительной власти, где учитывается слово каждого, а вовсе не некая жесткая иерархическая структура)» [5].

Литература

1. *Алоэ С.* Dostoevskiana. Материалы к библиографии трудов) о Достоевском в итальянской критике (1980– 2012 гг.) // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 20. СПб., 2013. С. 528-560.
2. *Дергачева И.В*. Танатологический дискурс в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Проблемы исторической поэтики. Т. 17. № 2. Петрозаводск, 2019. С. 175-191. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1562073465.pdf (Дата обращения: 20.08.2019 г.).
3. *Захаров В.Н*. Из архива Достоевского. Уильям Гладстон и Семен Николаевич Цвет // Достоевский и мировая культура. Альманах № 29. СПб., 2012. С. 9-24.
4. *Иустин (Попович)*. Достоевский о Европе и славянстве. Глава 14. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Iustin_Popovich/dostoevskij-o-evrope-i-slavjanstve/15 (Дата обращения: 20.08.2019 г.).
5. Касаткина Т.А. Достоевский: богословие в имени. Pater Seraphicus и мужик Марей // Федор Михайлович Достоевский. Антология жизни и творчества. 09 апреля 2012. [Электронное издание]. Режим доступа: https://www.fedordostoevsky.ru/news/2016/077/ (Дата обращения: 20.08.2019 г.).
6. *Степанян К.А.* Достоевский и Франциск Ассизский // Русская народная линия. 098,10.2007. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2007/10/09/dostoevskij_i_francisk_assizskij/ (Дата обращения: 20.08.2019 г.).

Я.О. Гудзова
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры литературы
Московского государственного института культуры
Москва (Россия)
E-mail: disava@yandex.ru

С.Н. Ханбалаева
доктор филологических наук,
старший преподаватель,
МГИМО (Университет) МИД России
Москва (Россия)
E-mail: sabinamgimo@mail.ru

Житийные традиции в творчестве Ф.М. Достоевского и И.С. Шмелева

Аннотация. Попытка создания религиозно обоснованного романа означает сближение традиций духовной, в частности житийной, и художественной литературы. В литературе XIX века наиболее значительные попытки подобного рода принадлежат Ф.М. Достоевскому. Жанровое своеобразие итоговой книги И.С. Шмелева «Пути небесные» сам писатель определял как «опыт духовного романа», указывая на Достоевского как «предтечу нового религиозного искусства» (Вл. Соловьев).
Контуры житийного канона обнаруживают себя в произведениях двух авторов весьма отчетливо. Это традиционное для духовной литературы изображение явлений, чудес, указаний, озарений, вещих снов, мотивы высокого юродства, страдания человека за ближних, благостности страдания, описание многотрудных подвигов грешника, его раскаяния и превращения в праведника. Житийная традиция находит непосредственное отражение в образах Достоевского и Шмелева. Князя Мышкина и Алешу Карамазова исследователи порой рассматривают как своего рода «современных святых» в русской литературе. Житийный тип угадывается в образе Дариньки.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, И.С. Шмелев, житийные традиции, духовный роман, святоотеческая литература.

Yaroslava O. Gudzova
DSc in Philology, Associate Professor,
Professor of the Department of Literature of
Moscow State Institute of Culture
Moscow (Russia)
E-mail: disava@yandex.ru

Sabina N. Khanbalaeva
DSc in Linguistics, Senior Lecturer,
MGIMO University
Moscow (Russia)
E-mail: sabinamgimo@mail.ru

Hagiographical traditions in the works of F.M. Dostoevsky and I.S. Shmelev

Abstract. The attempt to create a religiously substantiated novel means the convergence of spiritual traditions -hagiographic, in particular, and fiction. In the XIX century literature, the most significant attempts of such kind belong to F.M. Dostoevsky. I.S. Shmelev defines the genre originality of his final novel «The Heavenly Ways» as «the experience of a spiritual novel». He points to Dostoevsky as «the forerunner of a new religious art» (Vl. Soloviev.)
The outlines of the hagiographic norms can be identified quite clearly in the works of the two authors. For the spiritual literature, it is traditional to depict the image of the phenomena, miracles, insights, prophetic dreams, motives of high craziness, human suffering for others, and the goodness of suffering, the description of the very arduous deeds of the sinner, his repentance and transformation into the righteous. The hagiographic tradition is directly reflected in the images created by Dostoevsky and Shmelev. Sometimes researchers regard Duke Myshkin and Alyosha Karamazov as a kind of «modern saints» in the Russian literature. One can see the hagiographic type in the image of Darinka.

Key words: F.M. Dostoevsky, I.S. Shmelev, hagiographic traditions, spiritual novel, patristic literature.

Влияние Ф.М. Достоевского на творчество И.С. Шмелева бесспорно. Жанровое своеобразие итоговой книги Шмелева «Пути небесные» сам писатель определял как «опыт духовного романа», указывая на Достоевского как «предтечу нового религиозного искусства» [12, с.10]. Попытка создания религиозно обоснованного романа означает сближе-

ние традиций духовной, в частности житийной, и художественной литературы.

В русской литературе наиболее значительные попытки подобного рода принадлежат автору «Преступления и наказания». Шмелев напрямую связывал «религиозные романы» Достоевского с традициями духовной литературы. О неосуществившемся втором томе «Братьев Карамазовых» он писал: «Этот роман мог явиться синтезом нравственно-социального и религиозного романа, новым направлением в искусстве. Преждевременная смерть этому помешала» [15, с. 289].

Вывод Шмелева подтверждает еще один несостоявшийся замысел Достоевского. Роман «Атеизм» фигурировал в черновиках классика под названием «Житие великого грешника». Так и не воплотившаяся в самостоятельное произведение, идея эта оказала влияние на все творчество Достоевского. Следы ее литературоведы обнаруживают в «Преступлении и наказании», «Бесах», «Братьях Карамазовых» [1, с. 121; 11, с. 148].

Об ориентации на традиции святоотеческой литературы свидетельствует и синтетическое жанровое образование задуманного романа-жития. Достоевский писал: «Тон (рассказ-житие – т.е. хоть и от автора, но сжато <…>). Но и владычествующая идея жития чтоб видна была – т.е. хотя и не объяснять словами всю владычествующую идею и всегда оставлять ее в загадке, но чтоб читатель всегда видел, что идея эта благочестива, что житие – вещь до того важная, что стоило начинать даже с ребяческих лет» [1, с. 132-133].

У Шмелева житийные традиции обнаруживают себя в повестях «Неупиваемая чаша», «Богомолье», цикле «Заметы», «Записках неписателя» и др. Однако последовательней всего они прослеживаются в последней книге писателя.

«Роман медленно развертывается в «житие» и в «поучение»» [6, с. 161], – писал И.А.Ильин. В тех случаях, когда критики игнорировали жанровые особенности произведения, они видели в «Путях небесных» просто слабый роман (Адамович Г.В., Струве Г.).

И у Достоевского, и у Шмелева часто встречаются ссылки на жития. Макар Иванович в «Подростке» любил рассказывать о древних подвижниках, странниках, пустынножителях. От него главный герой услышал и «Житие Марии Египетской». В «Путях небесных» с житиями блудниц соотносится история увлечения Дариньки Вагаевым.

Житийная ориентация заметно влияет на стиль Шмелева. Всевозможные свидетельства проникновения в мир земной (реальный) мира

духовного (реальнейшего) являются у Шмелева следствием абстрагирующих тенденций агиографической литературы.

Однако в противовес Достоевскому, унаследовавшему от житийной литературы безбытность, автор «Путей небесных» укоренен в быту, рисует его любовно практически во всех романных ситуациях.

Все же главное отличие Шмелева от Достоевского в том, что для классика, по выражению Бахтина, характерно «диалогическое раскрытие истины». В «Путях небесных» идея Божественного Промысла задана монологически, авторская интонация во многих случаях приобретает оттенок поучения, оборачивается прямолинейной тенденциозностью.

Изображение соблазнов, указаний, озарений, вещих снов, которыми изобилует роман Шмелева, – традиционная особенность житийной поэтики. О Дариньке в романе сказано: «Это святое, что было в ней, этот «свет нездешний» – наполняли ее видениями, голосами, снами, предчувствиями, тревогами» [16, с. 258]. Сны героини несут большую смысловую нагрузку, проливая свет на ее внутренний мир, предвосхищая многие события в ее жизни. Так, «тошный» сон о красивом, «будто фарфоровом», яичке с дохлой мышью внутри навсегда связался в сознании Дариньки со сломанным гусарчиком – знаком Вагаева. Художественное решение этого сна непосредственно восходит к снам Достоевского: в кошмаре Свидригайлова мышь также символизирует «что-то ужасно гадкое». Явления во сне матушки Агнии и загадочного «бутошника» с ликом Николая-Угодника сродни житийным явлениям святых, предвосхищающим значительные жизненные события, влияющим на судьбы людей.

Подобные случаи часто описываются в житийной литературе. В житии преподобного Серафима Саровского, к примеру, сказано, что старцу было двенадцать таких явлений. Свидетельницей одного из них стала старица Дивеева [4, с. 300-301]. Из житийного рассказа о великомученице Анастасии Узорешительнице известно, что каждую ночь ей являлась святая мученица Феодотия и укрепляла ее в страданиях [5, кн. 4, с. 613]. Преподобный Александр Свирский, явившийся во сне Никандру Псковскому, укрепил его на «брань с невидимыми врагами» [5, с. 491]. Явление преподобному Давиду во сне архангела Гавриила было знаком прощения его грехов [5, с. 155] и т.д.

Крестный сон Дариньки тоже выдержан в верности традиции. Подобно житийной святой, героиня заранее узнает о своей мученической кончине. Как свидетельствуют заметки к ненаписанному третьему

тому романа, Шмелев планировал связать трагическую гибель Дариньки с предсказанием старца Амвросия: «Понесешь всю жизнь Крест свой» и «умрешь на своей реке» [8, с. 71].

Многочисленные «молитвенные припадки», обмороки, «явления оттуда» Шмелев также рассматривает как одно из проявлений высокой духовности героини. Виктор Алексеевич в романе говорит об этом: «Эти «провалы сознания», очень короткие, с ней случались при «угрозах страсти». Доктора объясняли наследственностью, повышенной чувствительностью «целомудренного центра». Ну, это дело их. Мне казалось, что Даринька как бы оборонялась от «власти плоти» – отказом, невосприятием. Но это проявлялось и совсем в ином – при страстном напряжении в молитве» [16, с. 189-190].

У Достоевского сны, галлюцинации, призраки сигнализируют о болезненном – вплоть до раздвоения личности – состоянии героя. Вспомнить хотя бы кошмары Раскольникова и Свидригайлова, галлюцинации Ставрогина и Ивана Карамазова. Явление во сне смеющейся старухи и сон о «моровой язве» действительно посещают героя «Преступления и наказания» во время болезни. Но значение сновидений и у Достоевского не сводимо к горячечному бреду. В подсознательном героя сосредоточивается (а сон это обнажает) самое сокровенное для человека. После первого сновидения Раскольников переживает что-то вроде катарсиса или житийного «чуда»: «Точно нарыв на сердце его, нарывавший весь месяц, вдруг прорвался. Свобода, свобода! Он свободен теперь от этих чар, от колдовства, обаяния, от наваждения!» [3, т. 5, с. 61].

Реальный смысл таких психических состояний, как бред, горячка, слабоумие, у Достоевского совмещается с мистическим. Содержание снов «смешного человека» о счастливой земле, Алеши Карамазова о Кане Галилейской и Дмитрия Карамазова о «дите» – свидетельство того, что сновидец Достоевского также «пророк и проповедник» [14, с. 84]. При этом писатель как бы избегает говорить о духовном, немедицинском содержании явлений и снов, во множестве посещающих его героев. Но этот «второй» смысл обусловлен логикой романной действительности. Как замечал С.Н. Булгаков, «душа человеческая для Достоевского несомненно уходит в мир иной, Божественный, и его реализм простирается поэтому не на человеческий только, но и на Божественный мир» [13, с. 195].

В целом характер галлюцинаций, обмороков и припадков в романах Достоевского чрезвычайно многообразен. Среди причин, вызывающих эти болезненные состояния, исследователи выделяют социальные и

философские, нравственно-психологические и психические – соответственно типу героев: от идеального Мышкина и Алеши Карамазова до низкого Смердякова. Шмелев в этих случаях и опирается на художественные открытия Достоевского, и усиливает житийные параллели, выводя «обмирание» Даринькой из «внечеловеческой» способности к духовному созерцанию: «Об этом можно только догадываться по Житиям, по несказанному блаженству Угодников, – вспомните «видение белых птиц» Сергию Преподобному, рассказы о Серафиме Саровском… – по блаженным мигам у эпилептиков… (вряд ли при этих словах Шмелев не вспоминал о Достоевском – Я.Г.) Даринька говорила: «я испытывала такую легкость, будто тело мое пропадало, как вот во сне бывает, когда летаешь…»» [16, с. 227-228].

Житийная традиция находит непосредственное отражение в образах Достоевского и Шмелева. Князя Мышкина и Алешу Карамазова исследователи порой рассматривают как своего рода «современных святых» в русской литературе [9, с. 45]. Повествование об Алеше действительно как бы воспроизводит житийный канон: рожденный от благочестивой матери, он с детства чуждался игр со сверстниками, отличаясь крайней стыдливостью и целомудрием. «Душою влеком на любовь Божию», Алеша испытывает тягу к монастырю и в конце концов становится послушником. Образ Дариньки также стилизован под житийный тип. Как и Алеша, она начинает свой жизненный путь в монастыре, при этом оказывается, что один из ее предков – прославленный святой. Для характеристики своего героя Достоевский прибегает к слову-символу «ангел», а о Дариньке у Шмелева сказано: «подвижница и святая» – «это светится у нее в глазах» [16, с. 123].

В обоих случаях в повествование вплетаются житийные мотивы искушения героя миром и борьбы со страстями. У Шмелева Даринька «брошена в мир», чтобы, пройдя через искушения и соблазны, страданием искупить свой грех и возродиться к новой жизни. У Достоевского старец Зосима прозревает жизненный путь Алеши: «Мыслю о тебе так: изыдешь из стен сих, а в миру пребудешь как инок» [3, т. 11, с. 336].

Но если Достоевский подчеркивает в Алеше чистоту (ее не может затемнить даже «земляная» карамазовская сила, которую чувствует в себе герой), то у Шмелева одной чистотой дело не ограничивается. Он выше всякой меры, допустимой в художественной литературе реализмом, идеализирует свою героиню. «Монашка в миру» – далеко не исчерпывающая характеристика Дариньки. В романе она – «непорочная», «чистая»,

«неземная», «не от мира сего», «пречистая», «иконная», «Святая Дева», на нее «молиться можно». Охваченный греховными страстями, Вейденгаммер обращается к ней за спасением, как к защитнице: «Дариня моя, святая! Спаси меня!» [16, с. 211]. Об исключительной духовной силе Дариньки свидетельствуют необыкновенные нравственные превращения Виктора Алексеевича, Вагаева, Ютова, Кузюмова, садовника Мухомора и юродивой Настеньки, которые можно трактовать как житийные чудеса. Последний случай особенно показателен в этом смысле. Достаточно вспомнить, что Кузюмов называет исцеление девочки «проявлением» и «чудом», а отец Настеньки прямо связывает ее выздоровление с молитвами героини: «Барышня, милая… через вас ей легкость-то подана, во сне вас видала» [16, с. 361]. Жития святых изобилуют подобными примерами. В Дариньке, таким образом, угадываются черты не только реальной Дарьи Королевой, невенчанной жены реального Виктора Алексеевича Вейденгаммера, но и многих известных жен церковной истории – таких, как скажем, святая Елизавета Чудотворица, которая так угодила Богу, что получила дар лечить физические и душевные недуги людей: «Своею молитвою она исцеляла всякую телесную болезнь, своими же речами и богодохновенными наставлениями врачевала души человеческие, наставляя их к покаянию и ко всяким добродетелям» [5, кн. 8, с. 399]. Таким же даром обладала преподобная мученица Евгения. От одного ее вида больные выздоравливали, скорбящие утешались, гордые смирялись [5, кн. 4, с. 653]. Но более всего биография шмелевской героини походит на житие преподобной Афанасии. Под воздействием примера этой кроткой и смиренной женщины муж ее отрекся от мира и ушел в монастырь [5, кн. 4, с. 169].

В мире Достоевского много значит идея высокого юродства. Подвиг юродства – одна из своеобразных форм церковной аскезы. Это «удел «совершенных», утвердившихся в добродетели» [7, с. 85]. Христа ради юродивые обличали, наставляли и наказывали грешников, предсказывали будущее, исцеляли больных. Причем делали это в самых парадоксальных, порой ярко театральных формах, нарушая принятые в обществе нормы поведения и пренебрегая обычными представлениями о нравственности. Внешним проявлением юродства нередко была болезнь, психическое расстройство (жития Василия Блаженного, юродивого Виссариона, Блаженной Исидоры, Симеона юродивого, Прокопия, Христа ради юродивого, блаженной старицы Евфросинии и др.).

Юродивые Достоевского – люди, которые не могут не бросаться в глаза, настолько они не от мира сего. Свидригайлов сравнивает свою невесту с Мадонной: «А знаете, у ней личико вроде Рафаэлевой Мадонны. Ведь у Сикстинской мадонны лицо фантастическое, лицо скорбной юродивой <…>» [3, т. 5, с. 466]. Неожиданное, на первый взгляд, сопоставление оказывается глубоко закономерным, поскольку «юродское в героях русского писателя становится выражением святости в миру» [1, с. 7]. С этой точки зрения, круг юродивых у Достоевского весьма широк. Кроме Лизаветы Ивановны, Марьи Тимофеевны Лебядкиной, Лизаветы Смердящей, исследователи относят сюда и князя Мышкина, Мармеладова, Соню Мармеладову, Маврикия Николаевича, Дарью Шатову и архиерея Тихона, Алешу Карамазова и старца Зосиму. В отличие от шмелевских ютовцев, их объединяет вовсе не безгрешность, а сознание своей греховности, то, что в каждую минуту жизни человек перед Богом ходит. Юродивые Достоевского даже внешне порой выглядят похожими. Взглянув однажды на Соню, Раскольников «как бы увидел лицо Лизаветы»: «Юродивая, юродивая!» – твердил он про себя». И словно подытожил: «<…> обе – юродивые» [3, т. 5, с. 314-315]. Об Алеше Карамазове сказано, что он «из таких юношей вроде как бы юродивых <…>» [3, т. 11, с. 24].

Расширенное толкование юродства, восходящее к традиции Достоевского, свойственно и Шмелеву. «Покорливая» слабоумная девочка Настенька в романе оттеняет и дополняет характер главной героини. И дело не только в том, что молитвами Дариньки юродивая «в разум пришла». Настенька в некоторых случаях почти двойник Дариньки. Если Даринька у Шмелева – «явленная», «иконная», «святая», «чистая», «ангел», «святой ребенок», то Настенька во время болезни «будто и во-святая», а по выздоровлении – «как святая мученица-дева» (Дети и у Достоевского – «образ Христов», символ безгрешности, способности к возрождению. Соня Мармеладова и Лизавета – «точь-в-точь как маленькие дети» [3, т. 5, с. 398]).

Мотив страдания человека за других концептуально сопрягается с житийной идеей благостности страдания. Это главная мысль многих житийных рассказов. Так, например, пьяница и распутник Вонифатий при виде мучений христиан раскаялся в своих грехах, добровольно пошел на страдания за веру и был удостоен мученического венца [5, кн. 4, с. 505-514]. Святой Петр в бытность свою мытарем был жестоким и злым человеком. Тяжелая болезнь, посланная ему в наказание, преоб-

разила его, и «с тех пор он стал милостив» [5, с. 448-453]. Способность к страданию определяет духовно-нравственный уровень личности и, в конечном счете, становится спасительной для многих героев. Сокровенная мысль Дариньки, что «и мы сораспятыми быть должны», глубоко согласуется со словами Таинственного посетителя в «Братьях Карамазовых»: «Пострадать хочу» [3, т. 11, с. 363]. В обоих случаях воздаяние за грехи воспринимается как проявление высшей справедливости и милости, направленной на вразумление человека. Мотивы нравственного возрождения грешника и очищающей силы страдания особенно ярко проявляются в истории о купце Скотобойникове, рассказанной Макаром Ивановичем в «Подростке».

Праведники Достоевского и Шмелева хорошо понимают, что нет «греха единичного», и это дает им силы в бескорыстном служении ближнему. Афористически четко выражает в «Братьях Карамазовых» мысль о связанности всех в добре и в зле старец Зосима: «<…> всякий из нас пред всеми во всем виноват <…>» [3, и. 11, с. 340]. Батюшка Варнава по существу о том же говорит Дариньке: «Я твою боль в карман себе положил» [16, с. 248].

От грешного существования к – подвижничеству и святости – такова история жизни старца Зосимы. Офицер Зиновий, будущий старец Зосима, не понаслышке знал о соблазнах и искушениях атеистического века. Для Зиновия в этом смысле примером была судьба его брата Маркела.

В «Путях небесных» по той же схеме кризисного жития (см. жития Иакова Постника, Моисея Мурина, преп. Давида и др.) изображается судьба Вейденгаммера. Характерно, что Шмелев в этом случае едва ли не сознательно следовал за автором «Братьев Карамазовых». Известно, что во время посещения монастыря Братства Преподобного Иова Почаевского писатель поделился с владыкой Серафимом замыслом «Путей небесных». Говоря о главном герое романа, он особенно подчеркивал желание дать «преображенного во Христе русского человека» и ссылался на опыт Достоевского, не успевшего явить такого человека миру [8, с. 70].

У Достоевского тема превращения грешника в праведника бросает дополнительный свет на образы Ставрогина и Ивана Карамазова, в сознании которых противостояние веры и неверия отличается особой напряженностью. Глубокая раздвоенность героев в полной мере раскрывается в безуспешных попытках решить вопрос о Боге, когда «совершеннейшие

атеисты» так и остаются стоять «на предпоследней верхней ступени до совершеннейшей веры». У Шмелева на этой ступеньке несколько задержался Вейденгаммер, но его, как Раскольникова, «воскресила любовь». Любовь помогла герою «Путей небесных» сделать в жизни решающий шаг, обрести Бога.

Наряду с описанием многотрудных подвигов грешника житие предполагает изображение его искреннего покаяния, духовного очищения и просветления. В романах Достоевского покаянный акт часто облекается в форму исповеди. Кроме «Записок из Мертвого дома», «Записок из подполья», «Подростка», «Сна смешного человека» и «Кроткой», где исповедь организует повествование, она имеет принципиально важное идейно-художественное значение практически во всех романах Достоевского. Исповедальная интонация так же характерна и для автора «Путей небесных». Она обнаруживается в особенностях сюжета и композиции произведений двух писателей (концентрация внимания на истории жизни одного человека), в тоне рассказа (покаянные интонации, суд над собой) и в самом характере повествования (рассказ от первого лица).

Осознание своей вины и искреннее раскаяние – тот очистительный рубеж, через который проходят у Достоевского Аркадий Долгорукий, Смешной человек, Зосима, Таинственный посетитель и другие герои. На пороге духовного возрождения стоит Раскольников.

Как свидетельствуют заметки к незаконченному тому «Путей небесных», Шмелев планировал провести свою героиню через предсмертное покаяние с молитвой об отпущении грехов [8, с. 69]. Исповедальными чертами отмечен рассказ Вейденгамера, где в соответствии с житийной традицией новой, христианской точке зрения, противопоставлен прошлый, безбожный взгляд на мир.

Таким образом, глубокое жанровое родство «Путей небесных» с романами Достоевского состоит в попытках создания «религиозно обоснованного романа». Выход к житию и житийному герою и у Достоевского, и у Шмелева был подготовлен и творческой, и личной судьбой.

Литература

1. Достоевский и современность: Материалы IX Международных «Старорусских Чтений 1994 г.». – Новгород.: Старорусская гортипография, 1995. – 223с.

2. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. – Т. 9. – 526 с.
3. *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: В 12 т. – М.: Правда, 1982.
4. Жития и творения русских святых. – М.: Современник, 1993. – 480 с.
5. Жития Святых, на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней Св. Димитрия Ростовского. – М.: Синодальная тип., 1903. – Кн.1. – 669 с.
6. *Ильин И.А.* О тьме и просветлении. Книга художественной критики: Бунин. Ремизов. Шмелев. – Мюнхен: Типография обители Преп. Иова Почаевского, 1959. – 196 с.
7. *Ковалевский И.* Юродство о Христе и Христа ради юродивые Восточной и Русской Церкви. Исторический очерк и Жития сих подвижников благочестия. – М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1895. – 275 с.
8. *Кутырина Ю.А.* «Пути небесные». Заметки к третьему ненапечатанному тому // Возрождение. – 1957. – № 70. – С. 59-72.
9. *Новикова Т.Л.* Агиографические мотивы в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Русская литература XIX века и христианство. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – С. 328-336.
10. *Одиноков В.Г.* Типология образов в художественной системе Ф.М. Достоевского. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1981. – 145 с.
11. *Пономарева Г.Б.* Житийный круг Ивана Карамазова // Достоевский. Материалы и исследования. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1991. – Т. 9. – С. 144-166.
12. *Соловьев В.С.* Три речи в память Достоевского (1881-1883 гг.). – М.: Универс. типогр., 1884. – 55 с.
13. Творчество Достоевского в русской мысли 1881-1931 годов. Сб. ст. / Сост. В.М. Борисов, А.Б. Рогинский. – М.: Книга, 1990. – 432 с.
14. *Туниманов В.А.* Сатира и утопия («Бобок», «Сон смешного человека» Ф.М. Достоевского) // Русская литература. – 1966. – №4. – С. 70-87.
15. *Шмелев И.С.* О Достоевском. К роману «Идиот» // Русские эмигранты о Достоевском: СПб: Андреев и сыновья, 1994. – С. 283-290.
16. *Шмелев И.С.* Собр. соч.: В 5 т. – М.: Русская книга, 1998. – Т.5. – 477 с.

М. Боровски
кандидат гуманитарных наук (литературовед),
Адъюнкт (Институт Славянской Филологии,
Вроцлавский университет)
Вроцлав (Польша)
E-mail: marcin.borowski@uwr.edu.pl

Творчество Ф. М. Достоевского и современная теория развития личности (на примере романа «Подросток»)

Аннотация. Цель статьи – проанализировать главного героя романа «Подросток» Ф. М. Достоевского с позиций современной теории развития личности. Доказать, что в образе Аркадия Долгорукого обнаруживаются аспекты характера и поведения «нелюбимого ребенка», что является востребованной проблемой в современной психологии и психоанализе.

Ключевые слова: Достоевский, Аркадий Долгорукий, «Подросток», развитие личности, психология, психоанализ, семья, воспитание.

M. Borowski
PhD in Literary Studies,Assistant Professor,
Institute of Slavic Studies, University of Wroclaw
Wroclaw (Poland)
E-mail: marcin.borowski@uwr.edu.pl

The works of F.M. Dostoevsky and the modern theory of the development of a personality (using the example of the novel “An adolescent”)

Abstract. This paper is purposed to analyze the main character in the Fyodor Dostoevsky’s novel “The Raw Youth” in the context of the modern theory of personality development. It is aimed at proving that Arkady’s behaviour and personality can reveal the features of an unloved child which modern psychology and psychoanalysis have focused on today.

Keywords: Dostoevsky, Arkady Dolgoruky, “The Raw Youth”, personality development, psychology, psychoanalysis, family, education.

Состояние семьи как социальной ячейки среди русской интеллигенции было темой очень популярной, часто поднимаемой писателями во 2-й половине XIX века. Вопрос воспитания детей вписывался в проблематику конфликта поколений, который еще с 40-х гг. был актуален и связывался с влиянием немецкой философии на интеллигенцию, со сложными аксиологическими поисками на плоскостях вера-неверие, Восток-Запад, славянофильство-западничество, а также с влиянием нигилистических идей на молодежь. О семье, разрыве семейных связей, о воспитании детей писали великие русские классики: Иван Тургенев в «Дворянском гнезде» (1859), «Отцах и детях» (1862), Михаил Салтыков-Щедрин в «Господах Головлевых» (1876), Лев Толстой в «Анне Карениной» (1875–1877).

Состоянием русской семьи интересовался также Федор Достоевский, который в своих произведениях многократно поднимал проблему воспитания и процесса формирования личности молодого человека, например, в романах «Бесы» (1871-1872), «Подросток» (1875), «Братья Карамазовы» (1878 – 1880). Автор посвятил этим темам также ряд публицистических статей в «Дневнике писателя» (1876-1877, 1880-1881). Он считал ребенка существом, требующим особого внимания и заботы, и подчеркивал необходимость обеспечить детям среду безопасности и любви. Достоевский был категорическим противником физического наказания детей и жестокого обращения с ними (примером служит отзыв на дело Джунковских в «Дневнике писателя» [1, с. 182]).

Писатель обращал внимание на то, что забота о детях не заключается только в предоставлении им средств к существованию и возможности образования, а – прежде всего – в создании прочного фундамента, на котором молодой человек будет строить свою жизнь. Таким фундаментом он считал позитивные воспоминания из детства, связывающие человека с семьей, а также с собственными корнями, историей, верой, народными традициями. Отсутствие таких связей, по мнению русского классика, лишает человека возможности определить свои корни и препятствует формированию моральных основ, на которых развивается вся нравственность личности.

Достоевский был сильно огорчен состоянием русской семьи своего времени, считал, что она перестала выполнять воспитательную функцию и не обеспечивает детям чувства безопасности. Он прямо писал о ее распаде, для представления которого создал термин «случайное семейство», то есть такая семья, в которой родители (прежде всего отцы) не

имеют «общей идеи, в отношении к своим семействам, общей для всех отцов, связующей их самих между собою, в которую бы они сами верили и научили бы так верить детей своих» [1, с. 178]. Писатель доказывал, что для правильного формирования личности необходимы заботливое окружение, сильные нравственные убеждения родителей (единственным безупречным нравственным ориентиром писатель, как известно, считал образ Христа) и присутствие их положительного примера. Он советовал в письме неизвестной матери: «изливая и на них (окружающих) доброту свою и труд сердца своего, Вы станете примером светлым ребенку» [2].

Здесь можно обнаружить, что Достоевский интуитивно предлагал поведение, которое пропагандирует современная психология развития. Согласно сегодняшнему научному подходу, формирование личности, а при этом и усвоение нравственных норм, происходит не только на «интеллектуальном» уровне, но здесь важны также «живые» примеры значимых людей (нравственные убеждения и поведение родителей) вместе с сердечным отношением к ребенку, теплой, чувственной атмосферой, любовью. Родительский дом, в котором ребенок окружен любовью, помогает формировать эмпатию, чувство связи порождает понимание эмоций других людей, учит чувствительности к потребностям других и морального поведения по отношению к ним. С другой стороны, стиль воспитания, подчеркивающий власть над ребенком (физические наказания, угрозы), может быть чреват проблемами в развитии личности, не способствует выработке эмпатии и помощи другим [8], [9].

В одной статье невозможно даже кратко изложить современные психологические и психоаналитические теории формирования личности, поэтому я сосредоточусь только на одной концепции – на развитии «ребенка нелюбимого». Соединение подходов психологического и психоаналитического в одну концепцию – шаг рискованный, но здесь кажущийся оправданным: обе группы пользуются разными исследовательскими подходами и методами, однако представляют в итоге одинаковую модель невротической личности нелюбимого ребенка и демонстрируют такие же последствия отсутствия любви в процессе формирования личности. Выбор мотивирован также фактом, что в очень обширной и богатой репрезентации героев Достоевского интересных с «психологической» точки зрения, можно найти такого, который идеально исполняет все черты «нелюбимого ребенка», описываемые современными исследователями – это Аркадий Долгорукий, главный персонаж романа «Подросток». Конечно, роман был уже не раз исследован литературоведами

как роман воспитания, однако не в предлагаемом мною контексте, и в этом заключается актуальность данной работы.

Многие исследователи считают роман скрупулезным анализом интеллигентской семьи XIX века, подчеркивают при этом необыкновенность «человека сороковых годов» [5]. «Подросток» действительно сильно связан с конкретными реалиями, а его персонажи – это «герои своего времени», однако они, несмотря на это, не лишены черт универсальных.

Аркадий – внебрачный сын Софьи Андреевны Долгорукой и дворянина Андрея Петровича Версилова, но его юридическим отцом считают садовника Макара Ивановича Долгорукого. Биологический отец Аркадия влюбился в Софью, соблазнил ее, а потом выкупил и, с разрешения Макара, уехал с нею. Макар, хотя и разрешил жене покинуть его, все время состоял в формальном браке с Софьей и считался законным отцом ее (и Версилова) детей. Аркадия быстро отдали на воспитание, и можно сказать, что он не знал своих родителей, почти не встречался с ними, сохранил только несколько детских неясных воспоминаний. Когда ему исполнилось 21 год (читатель знакомится с ним именно в это время), Аркадий решает встретиться со своей семьей, не зная, что впутывается в сложные соотношения, в паутину тайн, интриг и страстей.

Положение Аркадия, ситуация, в которой у него два отца – биологический и юридический – является для него очень некомфортной. Он живет в интеллигентской среде, но чувствует, что это не совсем его место. Не любит своих школьных товарищей, не чувствует связей с окружающей средой, легко злится, бывает раздражительным, считает себя одиночкой. Можно было бы подумать, что герой испытывает злость из-за того, что он незаконный ребенок и не является «настоящим дворянином». Но дело не в этом. Проблема Аркадия заключается в отсутствии контактов с родителями, прежде всего с настоящим отцом, и в недостатке отцовской любви, а вместе с тем невозможности определить свои корни, то есть онтологически самоопределиться. Это не только проблема определения собственного происхождения, родословия, крови, но – шире – касающееся, как утверждал сам писатель, фундамента, на котором можно строить свою личность.

Современная психология подчеркивает важную роль позитивных контактов с родителями в процессе развития личности. Важно не столько само присутствие родителей, сколько «качественность» чувства, связывающего их с ребенком, который должен испытывать постоянную любовь и принятие. При этом любовь должна быть безусловной, не зави-

сящей от поведения ребенка или его поступков. Ощущение такой любви учит, что она не является наградой, но есть постоянное эмоциональное состояние, связывающее близких людей. Отсутствие постоянной, безусловной любви в детстве, в будущем мешает правильному развитию личности, ведет к недоразвитию эмоциональных отношений. Поэтому современные психологи самой лучшей моделью воспитания считают стиль авторитетный (не авторитарный!), требующий от детей подчинения определенным правилам и одновременно предлагающий ребенку уважение и заботу об удовлетворении его потребностей [6]. Такой стиль воспитания (называемый также «партнерским») учит детей уважению к другим и к самим себе, способствует искренности, правильному эмоциональному развитию и содействует успеху в других сферах жизни, а также вызывает чувство свободы, связанное с убеждением в возможности руководства собственной жизнью.

Похожую точку зрения на необходимость подлинного тепла и любви для правильного развития личности представляют современные психоаналитические (или, вернее, неопсихоаналитические) теории, касающиеся развития личности. Если ребенок чувствует себя любимым, тогда он спокойно терпит родительские наказания и жизненные неудачи [7, с. 60-74] (дело, прежде всего, в родительской любви, стоит, однако, заметить, что в случае отсутствия теплых родительских чувств, можно их в большой степени компенсировать любовью других близких лиц, например, бабушки или/и дедушки).

Отсутствие же любви впоследствии вызывает боязнь перед миром, сверхчувствительность даже к незначительным обидам, эскапизм, неспособность к самозащите, подверженность травмам, может также порождать неприязнь к другим детям и враждебность к родителям [7, с. 85]. Результатом воспитания в атмосфере недостатка любви и семейного тепла является также чрезмерная ревность, например, к братьям и сестрам, которая может превратиться в ненависть. Ревность, убеждение в несправедливости может спровоцировать конфликты с родителями. В нашей культуре такое поведение неприемлемо, запрещено, поэтому бунт может вызывать чувство презрения к самому себе и признание себя недостойным родительской любви.

С течением времени появляется жестокость по отношению ко всем людям и недоверие, а вместе с ними враждебность, презрение и отказ от «всего и всех», которые действительно являются попыткой защиты от мира. Добавочный защитный механизм – это чрезмерная осторож-

ность по отношению к другим, убежденность в лицемерии окружающих. Чрезмерная осторожность ведет к эмоциональной изоляции, связанной с чувством внутренней слабости и желанием найти поддержку в других людях, невозможную из-за собственной агрессивности.

Неправильный процесс развития личности вызывает страх, который разрушительно влияет на всю жизнь. Основными способами преодоления страха в психологии признаются подчинение и власть. Подчинение характеризуется повиновением перед всеми окружающими, постоянной попыткой исполнения их желаний, забвением своих нужд и разрешением использовать себя. Власть, наоборот, ведет к подчинению себе других благодаря занимаемой высокой должности, позиции, а также благодаря успеху, богатству. Эти факторы усиливают чувство безопасности личности, испытывающей страх. Человек с неправильно сформированной личностью жаждет, чтобы другие его любили, а сам (из-за страха и подозрительности) не способен любить других. Таким образом, появляется всеохватывающее чувство одиночества.

Присмотримся к образу Аркадия Долгорукого. Он ощущает себя нелюбимым ребенком, в его характере и поведении можно обнаружить все вышеупомянутые последствия несчастливого детства. Герой чрезмерно впечатлителен и обидчив, из-за постоянной неуверенности в себе сильно переживает даже небольшие неудачи. Его все раздражает, он болезненно реагирует даже на невинные шутки товарищей, а собственная фамилия, которая ассоциируется с княжеской родовитостью, однако контрастирует с его невысоким происхождением (сын крестьянина), кажется ему издевательством судьбы. Он чувствует себя отвергнутым, одиноким, не умеет установить и поддерживать связи с окружающими, часто испытывает приступы ненависти к однокашникам, женщинам, матери, отцу и всему миру. Аркадий ощущает также зависть к счастливым законным детям дворян. Его фрустрация проявляется в бесцеремонном поведении по отношению к сестрам, матери и отцу. Неприязнь к членам семьи переплетается с любовью, но иногда приближается к яростной ненависти.

Аркадий пытается бунтовать против родителей, заявляет, что их покинет, предлагает матери уйти от отца и жить с ним. Он считает себя самопровозглашенным судьей нравственных (или безнравственных) поступков своего отца, соперничает с ним за возлюбленную, допускает возможность компрометирования отца с помощью письма, которое может решить вопрос о его имуществе и репутации во внешней репрезента-

ции. Подросток чувствует себя выше других, однако внутренне испытывает презрение к самому себе и боится, что не получил родительской любви, потому что не был ее достоин. Чтобы заглушить беспокойство, он культивирует в себе презрение к миру, убеждает себя, что ему никто не нужен, и может или даже желает жить как отшельник – здесь очевиден отказ от «всего и всех».

Герой романа подозрителен и одновременно наивен, такая противоречивость поведения соединяется с амбивалентностью чувств к своему отцу. Аркадий хотел бы ему доверять, узнать его, почувствовать его любовь, поверить в нее. Он вспоминает встречу с Версиловым в детстве и рассказывает о ней с волнением. Когда ему на момент удается сблизиться с отцом, он тянется к нему, почти поклоняется ему. Одновременно он испытывает неприязнь, в нем много обиды за испытанные (в его представлении) обиды. Он презирает отца из-за порочащих его сплетен (например, что Версилов трус, не отвечающий на открытое оскорбление, что влюбил в себя несовершеннолетнюю, не совсем вменяемую девочку, которая родила ему ребенка и совершила самоубийство).

Аркадий не может решить: любит он отца или ненавидит? Сила его чувств, их интенсивность и одновременно их амбивалентность – в отношении к отцу и всему миру – сильно мучают героя и углубляют неприязнь к самому себе. Аркадий называет свою природу «душой паука» и так говорит о своих внутренних конфликтах: «Жажда благообразия была в высшей мере, и уж конечно так, но каким образом она могла сочетаться с другими, уж бог знает какими, жаждами – это для меня тайна. Да и всегда было тайною, и я тысячу раз дивился на эту способность человека <…> лелеять в душе своей высочайший идеал рядом с величайшею подлостью, и всё совершенно искренно» [3, с. 307].

Герой, бесспорно, все время испытывает сильную боязнь и подсознательно использует обе уже упомянутые защитные тактики: подчинение и власть. Можно констатировать, что подчинение касается, прежде всего, прошлого (в детстве Аркадий не умел отстаивать свои интересы, в школе терпел унижения и был согласен на них, позволил сделать себя лакеем, потому что он и сам верил, что хуже других), власть же тактика будущего времени.

У Аркадия есть идея, которой он хочет в будущем посвятить жизнь. Он только откладывает ее осуществление, пока не решит семейных загадок. Герой мечтает «сделаться Ротшильдом», то есть миллионером, зарабатывать деньги, откладывать их и скопить несметные богатства. Потом,

вопреки своим огромным деньгам, жить как нищий и испытывать удовольствие от невиданного самоограничения. Истинная его цель – не богатство, а могущество, «настоящая» свобода, которой можно добиться благодаря деньгам. С точки зрения современной теории развития личности, можно здесь обнаружить отсутствие чувства управления своей жизнью и связанное с этим чувство недостатка свободы (вызываемое неправильным развитием личности) и поиски этой свободы в заменителях. Надо также подчеркнуть, что Аркадий убеждает читателей, к которым обращает свою исповедь, что его интересует только «чистая идея», но в его словах появляется любопытная деталь: идея должна ему заменить *все и всех*. Дело здесь в независимости от тех, которыми он был отвергнут (то есть окружающим миром и родителями). «Брошу всё и уйду в свою скорлупу. Именно в скорлупу! Спрячусь в нее, как черепаха; <…> Я буду не один <…> никогда теперь уже не буду один, как в стольько ужасных лет до сих пор: со мной будет моя идея, которой я никогда не изменю, даже и в том случае, если б они мне все там понравились, и дали мне счастье, и я прожил бы с ними хоть десять лет» [3, с. 15-16], – говорит герой. Он чувствует себя лишним и отвергнутым, боится снова быть брошенным и пытает защититься отказом от «всего и всех». Задача его «идеи» – возместить отсутствие другого человека. Защитная тактика видна хотя бы в решении отказаться от всех, когда они уже его оценят и полюбят.

Здесь обнаруживается также желание произвести впечатление на тех, кто покинул Аркадия. Мечта о том, что все его полюбят и начнут уважать из-за богатства, раскрывает истинное желание героя – жажду любви. Здесь обнаруживается очень важный аспект – убеждение, что человека любят «за что-то». Это тоже пример понимания ребенка, который никогда не испытывал безусловной родительской любви.

Учитывая все вышеупомянутые моменты, можно сказать, что в образе и характере Подростка обнаруживается глубочайшая проницательность Достоевского-«психолога», ибо писатель интуитивно раскрыл в романе аспекты, на которых сегодня сосредоточилась современная психология.

Чувство недостатка любви в детстве влияет на всю жизнь, и очень сложно этот недостаток компенсировать. Поэтому, казалось бы, судьба нашего героя предрешена – его ждет несчастливое будущее. Однако Аркадий спасается. Он сознает необходимость ответа на вопрос «кто его отец?», «является ли он трусом и подлецом или хорошим человеком?».

На протяжении романа герой начинает понимать, что разъяснение тайны не нужно для того, чтобы выступать в роли судьи, вершить судьбу Версилова, мстить за обиды. Разъяснение тайны, прежде всего, нужно Аркадию для того, чтобы узнать, кем является он сам. Герой начинает путь, на котором из независимого наблюдателя превращается в сына, ищущего отцовской любви. Он до конца романа не раскроет всех загадок, связанных с отцом. Однако, как оказывается, не раскрытие тайны является самым важным, а поиск и обретение любви. Герой учится любить сам и находит семейное счастье, преодолевает собственную раздвоенность (в чем сильно помогает общение с законным отцом, странником Макаром, проповедующим идею «благообразия»), укрепляется в своих корнях и обретает покой.

Надо заметить, что Аркадий – один из немногих героев Достоевского, который имел возможность найти семейное счастье. Большинство главных персонажей романов русского классика не имеют отца или матери, поэтому у них нет возможности получить положительные родительские образцы. Родители в творчестве Достоевского «уязвимы и смертны» [4] (у Мышкина вообще нет семьи, у Раскольникова нет отца, после его приговора умирает и мать, матери Дмитрия, Ивана и Алеши Карамазовых уже нет в живых, когда начинается действие романа, скоро братья теряют также отца), а судьба их детей обычно несчастлива. Семейная любовь в творчестве Достоевского неразрывно связана с любовью христианской и образом Христа. Результатом отсутствия веры, а вместе с ней и любви, является одиночество, порождающее атеизм, который, по мнению писателя, всегда ведет к катастрофе. Таким образом, мысли Достоевского о значении семьи логично соединяются с его философскими и религиозными идеями.

Литература

1. *Достоевский Ф.М.* Дневник Писателя // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. – Т. 25. – Л.: Наука, – 1983. – 472 с.
2. *Достоевский Ф.М.* Письмо неустановленному лицу из 1878 года, [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dostoevistika.ru/neustanovlennomu-litsu-27-marta-1878-peterb/ (Дата обращения: 12.05.2019).
3. *Достоевский Ф.М.* Подросток // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. – Т. 13. – Л.: Наука, – 1975. – 456 с.

4. *Иванов В.В.* Поэтика молвы у Достоевского / В.В. Иванов // Достоевский и современность: материалы XVII Международных Старорусских чтений 2002 года / под ред. В.В. Дудкина. – Великий Новгород, 2003. – С. 70–88.
5. *Кантор В.* Трагические герои Достоевского в контексте русской судьбы (Роман «Подросток») / Владимир Кантор // Вопросы литературы. – 2008. – № 6. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/r55dj4qqxl/direct/72243930 (Дата обращения: 12.05.2019).
6. *Brzezińska A., Appelt K., Ziółkowska B.* Psychologia rozwoju człowieka, // Psychologia. T. 2, под. ред. J. Strelau, D. Doliński. – Gdańsk, 2008. – С. 95-293.
7. *Horney K.* Neurotyczna osobowość naszych czasów, пер. H. Grzegołowska. – Warszawa, 1976. – 240 с.
8. Maruszewski T., Doliński D., Łukaszewski W. Emocje i motywacja // Psychologia. T. 1, под. ред. J. Strelau, D. Doliński. – Gdańsk, 2008. – С. 511-553.
9. Przetacznikowa M. Wychowanie a kształtowanie osobowości, // Przetacznikowa M., Włodarski Z. Psychologia wychowawcza. – Warszawa, 1983. – С. 380-417.

Е.В. Степанян

кандидат филологических наук,
доцент кафедры литературы
Московского государственного института культуры
Москва (Россия)
E-mail: estepanian@ya.ru

«Подросток» − роман вИдения. Достоевский – Лоррен – Беллини

Аннотация. В статье рассматривается проблема концепта «золотого века» (мечты о блаженном детстве человечества) в разных произведениях искусства, созданных в разные эпохи. В романе Достоевского «Подросток» имеется известное описание картины К. Лоррена «Пейзаж с Ацисом и Галатеей», которое интерпретируется как образ райской невинности человеческого рода. Однако в картине Дж. Беллини «Озерная Мадонна» образ золотого века раскрывается с бОльшей полнотой и находит неожиданные соответствия с образами романа русского писателя.

Ключевые слова: Достоевский, Лоррен, Беллини, золотой век, аура.

Elena V. Stepanyan

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Literature,
Moscow State Institute of Culture
Moscow (Russia)
E-mail: estepanian@ya.ru

"The Adolescent" is the novel of looking through. Dostoevsky – Lorrain – Bellini

Abstract. The article deals with the "golden age" concept (dreams of blissful early years of the humanity) in the artworks created in different eras. In the novel by Dostoyevsky 'The Adolescent' there is a description of a painting 'Landscape with Acis and Galatea' by Claude Lorrain, which is commonly interpreted as a representation of the heavenly innocence of the human race. However, in the painting by Giovanni Bellini 'Lake Madonna' the image of the golden age reveals itself more fully and displays unexpectedly explicit similarities with the literary images of the Russian writer.

Keywords: Dostoyevsky, Lorrain, Bellini, golden age, aura.

Поиск родственных друг другу произведений, принадлежащих разным нациям, традициям, векам, наконец, родам и видам искусства, напоминает о древнем единстве, едином культовом корне всего художественного. Пронизанность концептами (мотивами, устойчивыми образами) тела мирового искусства наподобие нервов или кровеносных сосудов, прямо говорит: культура – в своем роде целостный, «тканый сверху» хитон, одевающий жизнь человечества. Обнаружение концептуальных нитей, соединяющих произведения, неожиданной близости различных артефактов – потребность культурологии, увлекательное занятие для исследователя, волнующая новость для любителя искусства. Одним из вековечных мотивов мировой культуры является образ «золотого века». Некоторые – быть может, не до конца проанализированные − детали его существования в разной художественной среде привлекли мое внимание.

И еще одно. Концепты, мотивы, повторы, бродячие сюжеты и всякого рода заимствования создают вокруг произведений искусства трудно определимую атмосферу, ауру[1]. Исследователи этого феномена так конкретизировали свои задачи: они «… постарались рассмотреть различные исторические профили ауры как в классическом, так и в современном искусстве» [4, с. 8]. То, на что мы можем отважиться, исследуя ауру, – попытаться анализировать «различные ее исторические профили». Ученые, стремившиеся более позитивистски решить эту туманную проблему, говорили, что аура – не что иное, как контекстуальные взаимодействия, в частности, словесно-пластические. Мощным источником ауры в литературном произведении являются экфрастические, а также

[1] Российская академия художеств в свое время выпустила коллективный труд «Художественная аура: истоки, восприятие, мифология», где данный феномен рассматривался максимально подробно. Это издание – подтверждение мнения Бориса Гройса, что понятие ауры в последнее время сделало «потрясающую» философскую карьеру. В самом деле, художественная аура, описанная в прошлом веке В. Беньямином и Т. Адорно, привлекает к себе все большее внимание исследователей. Востребованность этого термина неустанно растет, при том, что он, собственно, не термин, до такой степени он неточен и размыт. В аннотации к изданию говорится: ауру можно трактовать как «*эманацию* произведения искусства, как переживание невербализуемого пространства смыслов, как *излучение, отзвук, тон, теплоту, настроение, атмосферу, дыхание, певучесть* произведений искусства» [4, с. 8]. Мне лично довелось услышать от составителя и автора центральной статьи О.А. Кривцуна: «Нас просто посчитали сумасшедшими, ведь мы занялись тем, что недостоверно… и вообще неизвестно, существует ли».

всякие иные изобразительные включения[1]. Они особенно характерны для романа Достоевского «Подросток», в котором визуальные впечатления героев приобретают особое значение. Это иллюстрирует известный фрагмент из романа Достоевского «Подросток», условно именуемый картиной «золотого века».

Герой романа Андрей Петрович Версилов рассказывает сыну Аркадию свою заветную грезу, навеянную полотном Клода Лоррена «Морской пейзаж с Ацисом и Галатеей» (Дрезденская картинная галерея). Версилов, охваченный волнением, говорит сыну: «… уголок Греческого архипелага… голубые, ласковые волны, острова и скалы… словами не передашь. Тут запомнило свою колыбель европейское человечество… О, тут жили прекрасные люди!..» [1, с. 375]. Средствами слова с изумительной мощью не только воссоздается колорит лорреновского пейзажа, но и воплощена мировая скорбь «русского европейца», «лишнего человека», видящего закат современной Европы и на русский лад тоскующего о всемирном единении людей[2]. Эта гуманистическая утопия как бы совмещает начала и концы (речь идет то ли о доисторическом детстве человечества, то ли о его закате, когда мировой «бой уже кончился… люди остались одни, как желали… великий источник сил… отходил, как то величавое зовущее солнце в картине Клода Лоррена», там же). В образах идеального лорреновского Средиземноморья герою романа видится картина дивного родства между людьми на лоне лелеющей их природы. Люди, потерявшие в мировом катаклизме веру, начинают трепетно-любовно заботиться друг о друге; сироты, они стремятся согреть друг

---

[1] Вообще вставочный элемент является не чем иным, как сгустком центрального замысла произведения, концентратом смысла. Экфрастические вставки играют не поверхностно декоративную роль, а имеют прямое отношение к идейному ядру текста, частично выводят его наружу, делают чувственно ощутимым и наглядным. Недаром Врубель говорил, что «декоративно всё, и только декоративно», имея в виду овнешнение содержания произведения при помощи изобразительных средств. Иными словами: экфрастические вставки являются декоративным элементом именно во врубелевском смысле – в смысле их символичности, значимости для целого.

[2] Версилов рассматривает пейзаж Лоррена в контексте своей заветной идеи – идеи всечеловечности русского культурного типа, драгоценной для него «русской тоски» по целостной христианской Европе. Можно взглянуть на эту ситуацию и обратным образом: Версилов осознает себя русским, поскольку для него живо воспоминание об общей средиземноморской прародине всего европейского человечества. Так или иначе, лорреновская атмосфера (аура) способствует осознанию русским европейцем своей национальной миссии и предназначенности.

друга. Все завершается в трактовке героя Достоевского явлением Христа тем, кто, даже не зная, а то и отвернувшись от Него, все-таки осуществил в своей жизни закон любви.

Разумеется, версиловско-лорреновская утопия не возникает на пустом месте, ей предшествует целая традиция, коренящаяся даже не в античности, а в еще более древних культурных системах. Заметим: пейзаж Лоррена предстает в тексте не вполне как прямое экфрастическое описание, не как картина, увиденная непосредственно и имеющая совершенно определенную музейную «прописку». Это, по свидетельству Версилова, воспоминание о сне, в котором картина была им увидена (тройная степень приближения к объекту, как раздвигающаяся зрительная труба, направленная Версиловым на лорреновские образы; приближаясь, они в то же время не теряют особой идеальной удаленности). Как утверждают исследователи, для восприятия ауры необходима дистанция. Итак, дистанция налицо, налицо и аура (шлейф ассоциаций, тянущихся за произведением, кокон читательских/зрительских воспоминаний и предчувствий, окружающих артефакт со всех сторон).

Заимствованная у Лоррена картина блаженства ранних поколений представляет альтернативу царствующему в романе социальному, семейному, идейному беспорядку[1]. Идиллия Ациса и Галатеи – это еще не царство духа, но одушевленная плоть, и прежде всего плоть мыслящей и чувствующей природы. Перед нами – упорядоченная природа, какой она вышла из рук Творца, простодушие земного эдема, натуральное блаженство, «Ева в круглом раю» (выражение М. Цветаевой). Да, в этой божественно спокойной природе маячит и смерть в образе циклопа Полифема[2], но что это за смерть? Это – что-то напоминающее природную метаморфозу, ведь убитый Полифемом Ацис не умирает, а становится потоком (кстати, все три главных героя полотна связаны с водной стихией: Галатея – с морской, Ацис – с речной, и Полифем – снова с морской, он – экстравагантное порождение Посейдона. Вода универсальна, она может быть разной: и безмятежно тихой, дающей жизнь, и бурно стихийной). Полифем у Лоррена – вариация мотива

---

[1] Она же является промежуточным звеном между «красотой форм», о которой как о достижении русской цивилизации несколько раз говорится в романе, и царством благообразия, пути к Горнему Иерусалиму, о возможном торжестве которого говорит идеальный герой романа Макар Долгорукий.

[2] На это указывали такие исследователи «Подростка», как К.А. Степанян и Т.А. Касаткина.

memento mori, на свой лад реализующегося в пейзаже, сообщающего ему оттенок меланхолического философствования. И если воссозданный Достоевским лорреновский мир – это мир без Христа, то он, во всяком случае, находится в ожидании Спасителя и готов принять Его, о чем, собственно, Версилов и говорит. Это – мир природных стихий, пока еще кротких и умиротворенных, которым, увы, предстоит пережить катастрофу грехопадения, а впоследствии – катарсис Суда. Но ведь и безгрешная природа, вышедшая из рук Создателя, и даже разрушенная и униженная, какой она является ныне, достойна почитания в своем качестве совершенного изделия. Это – еще не выстраданный человечеством рай, когда Бог становится Все во всем, но, по крайней мере, мир, хранящий след творящей Руки.

Очень важно, что произведение живописи во всем богатстве своих подробностей, казалось бы, даже не соотносящихся с повествованием Достоевского, оказывается пучком света, высвечивающим главный конфликт романа: общественный беспорядок, «все врозь» – и благообразие, которое вносит в мир любовь. Чем обширнее окажется исследуемое нами ассоциативное поле, окружающее роман, тем больше неожиданностей нас ждет при новом погружении в текст. Припомним кстати: Н.А. Дмитриева (1917−2003), замечательный русский искусствовед, мимоходом заметила, что «Озерная Мадонна» Джованни Беллини несравненно больше подходит к образу золотого века у Достоевского, чем картина Лоррена [2, с. 209]. Одно это замечание ставит разделенные веками произведения в единый ряд, «наращивает» ауратический слой вокруг него. Обе картины имеют общей темой красоту и умиротворение бытия, по поводу обеих вспоминаются слова Пушкина о спокойствии как необходимом условии прекрасного. Между ними, разумеется, есть и принципиальные различия: так, при всем своем совершенстве природа Лоррена уже психологизирована, у Беллини – еще возвышенно-анонимна.

Композиция Беллини относится к типу «Sacra conversazione», «святое собеседование[1]. У его персонажей под ногами – пол в стиле «косматеско» с характерной инкрустацией из разноцветных мраморов в виде геометрического узора; шахматный рисунок пола задает упорядоченный ритм картины. Здесь вообще происходит всеобщее спокойное торжество

[1] Красноречивое описание полотна Беллини имеется у П.П. Муратова в «Образах Италии» [5, с. 32]. Л.М. Баткин подробно анализирует полотно Беллини в духе единения и диалога природного и культурного, то есть упорядоченного [3, с.298].

над беспорядком[1], идея равновесия вводится мотивом парности. Перед Мадонной – святые Иов (Онуфрий?) и Севастиан, так сказать, обнаженная святость в двух возрастах; за перилами расположились драпированные фигуры апостолов Петра и Павла. Рядом – видимо, святая Варвара (не исключено, что и аллегорическое изображение благочестивого Богатства в золотой короне, смиренно склонившегося перед Царицей Небесной). На переднем плане – не идентифицированная женская фигура в черной венецианской шали (быть может, парная аллегорическая фигура благочестивой достойной Бедности). Она, при всей анонимности, как бы актуализирует происходящее: венецианки носили такие шали еще века после Беллини. (Бытовая деталь, перекочевавшая из прошлого в современность, косвенно указывает, что явления высшего порядка не чуждаются современной жизни, они и сейчас разворачиваются там, в своем идеальном пространстве.) Все предельно невозмутимы, погружены в чистую задумчивость, беседа протекает в молчании. На противоположном берегу бродит кентавр, расположились фигуры пастуха и пустынника, то есть простеца, живущего природной жизнью, и уединенного созерцателя. Кентавр – нередкое в искусстве Кватроченто изображение животных страстей, прирученных и обузданных Разумом. Таинственная композиция Беллини толковалась по-разному, известно, что ее возводили к сюжету французской поэмы XIV века, давали ей название «Души Чистилища», трактовали как иносказательное изображение Креста и поклонения ему (младенческие фигуры вокруг вечнозеленого деревца − возможно, вариант изображения душ на лоне Авраамовом, окружающих райское вечнозеленое древо). Другая участь у вышеупомянутых действующих лиц на противоположном берегу озера, у анонимной фигуры в восточных одеждах, минующей ограду «horti conclusi», «вертограда заключенного». Словом, со спокойной гармонией в центре соседствует атмосфера ожидания (во всяком случае, для части персонажей), ожидания явления чего-то высшего и лучшего, что пока еще не раскрылось окончательным образом. (Так же, как в рассказе Версилова средиземноморская гармония есть уготовление явления Христова.)

Образы золотого века из разных произведений соединены друг с другом не всегда явным образом, но все же они смыкаются, как звенья цепи. «Морской пейзаж с Ацисом и Галатеей» близок к обстановке

---

[1] Кстати, первоначально роман Достоевского именовался автором «Беспорядок». Одоление беспорядка, хаоса, преодоление случайного – в этом пафос романа.

«Sacra conversazione» (минус фигуры святых персонажей). Задумчивый пейзаж, умиротворенная природа и у Лоррена располагает к собеседованию. У Лоррена отсутствуют фигуры святых, в наличии всего лишь образ идеальной любви, сообщающий, однако, пейзажу настроение не чувственного блаженства, а утонченной грусти, умиленного томления по высшей и лучшей красоте.

В свою очередь, из пересказа картинного сюжета в «Подростке» исключены мифологические любовники Лоррена. Пейзаж в «Подростке» – фон для ведущейся в романе беседы о судьбе русских сословий, о перспективах истории, об ожидании Христа в России и во всем человечестве. Версилов и Аркадий как бы берут на себя функцию отсутствующих у Лоррена собеседующих. При этом герои Достоевского находятся вне пределов картины, их диалог разворачивается в сюжетном пространстве (то есть в пространстве их реальной жизни); для нас же, читателей, рассказ о золотом веке – мост из мира живописи в словесное искусство, одна из ауратических зон романа.

Образ золотого века, с которым человечество не в состоянии расстаться на протяжении тысячелетий, сообщает новые и новые ауратические импульсы произведениям различных искусств, роднит их между собою. Элементы этой картины, варьируясь, все-таки остаются одними и теми же. Природа, оплодотворенная человеческой мыслью, как фон, тема и соучастница философского диалога; животная стихия, получившая от людей прививку человечности; вселенская упорядоченность как следствие подвига самоотречения и любви... Это – составляющие вековечной мечты не только о святом прошлом, но и о возвышенном будущем, когда, по словам Версилова, человек, брат всех людей, сможет посмотреть на природу «взглядом любовника на возлюбленную» [1, с. 375].

Концепт «золотого века» прошил мировую культуру, соединил произведения, принадлежащие разным эпохам и видам искусства, и при этом высветил в них драгоценные подробности, индивидуально присущие каждому из них. Этот образ – дополнительный источник света, помогающий яснее видеть многое при погружении на глубину шедевра.

Литература

1. *Достоевский Ф.М.* Подросток. / Полное собрание сочинений. Т. 13. – М.: Наука, 1975. – 456 с.
2. *Дмитриева Н.А.* Краткая история искусств. М.: АСТ-Пресс – Галарт, 2000. – 623 с.
3. *Баткин Л.М.* Итальянское Возрождение. Проблемы и люди. М.: РГГУ, 1995. – 448 с.
4. Колл. авторов. Художественная аура: истоки, восприятие, мифология. М.: Индрик, 2011. – 552 с.
5. *Муратов П.П.* Образы Италии. В 3-х тт. Том 1. М.: Галарт, 1993. – 327 с.

М.А. Шалина

кандидат филологических наук,
доцент кафедры филологических дисциплин и
методик их преподавания
Евпаторийского института социальных наук
Евпатория (Россия)
E-mail: marie_ka@mail.ru

Семантическая оппозиция «мертвое – живое» в идейно-художественном целом романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»[1]

Аннотация. В статье проанализирована художественная реализация семантической оппозиции «мертвое – живое», которая в творческой системе Ф. М. Достоевского воплощается в дихотомии «подполье – живая жизнь». В романе «Преступление и наказание» образы-символы, реализующие данную оппозицию, а именно: духота – воздух, а также вода мертвая и живая – играют ключевую роль, помогая раскрыть глубинное идейно-художественное содержание произведения.

Ключевые слова: Достоевский, оппозиция «мертвое – живое», подполье, живая жизнь, духота, воздух, вода.

Marina A. Shalina

Associate Professor of the Department of
Philological Disciplines and the Methods of Teaching,
Institute of Social Sciences in Evpatoriya
Evpatoriya (Russia)
E-mail: marie_ka@mail.ru

The semantical opposition “dead – living” in the idea and art system of the novel of F.M. Dostoevsky “Crime and punishment”

[1] Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ: проект № 18-012-90036 «Достоевский в средней и высшей школе: проблемы и новые подходы».

Abstract. The article analyzes the artistic realization of the semantic opposition "dead – living", which in the creative system of F. M. Dostoevsky is embodied in the dichotomy "underground – living life". In the novel "Crime and Punishment", the images-symbols that implement this opposition, namely, stuffiness – air, as well as dead and living water – play a key role in helping to reveal the deep ideological and artistic content of the work.

Keywords: Dostoevsky, "dead – living" opposition, underground, living life, stuffiness, air, water.

«Преступление и наказание» – первый роман «великого пятикнижия» Ф. М. Достоевского – можно без преувеличения назвать самым знаменитым в его наследии. Произведение уже более полувека входит в обязательный образовательный курс, а топор стал узнаваемым символом, вызывающим устойчивые ассоциации с творчеством русского классика. В тенденциях изучения хрестоматийного произведения за 150 лет с момента его публикации закономерно произошли изменения: с аспектов социально-психологических трактовка проблематики романа эволюционировала к религиозно-философской и духовно-метафизической. Сегодня большинством исследователей роман воспринимается как художественная экспликация пути души от грехопадения к раскаянию, от болезни к исцелению, от духовной смерти к воскресению.

Своеобразной идейно-художественной преамбулой романа «Преступление и наказание» служит повесть «Записки из подполья». В ней автор обнаруживает и обосновывает феномен «подполья» как духовно-нравственного тупика, в котором оказалась существенная часть образованного «русского большинства» по причине «усиленно развитого сознания» (рационализма), сопряженного с индивидуализмом и утратой традиционных (для Руси – христианских) идеалов и ценностей. Сознание подпольного парадоксалиста трагически разорвано между самообличением и оправданием собственной злости и низости; между желанием любви и невозможностью полюбить, не тиранствуя; между жаждой веры и неспособностью принять в себя высший Идеал. В исследовательской литературе справедливо отмечено, что человек из подполья – первый герой-идеолог в знаменитой галерее персонажей Достоевского. Очевидны типологические связи между образами подпольного и Родиона Раскольникова [см.: 9], а также между реализацией взаимоотношений главного героя с падшей женщиной (подпольный – Лиза, Раскольников – Сонечка) и животворного влияния последних на героев.

Чрезвычайно важной и системообразующей для всего наследия классика является концептуальная оппозиция, явленная им впервые в «Записках из подполья» и продолженная во всем зрелом творчестве, а именно – оппозиция «подполья» и «живой жизни» (подробнее об этом см. мою статью [5]). Сам подпольный именует себя и себе подобных (мечтателей-романтиков 40-х, ставших циниками-парадоксалистами в 60-х [6, с. 339]) «мертворожденными», что подсказывает идею контекстуального метафизического противопоставления «мертвого» – «живому», где первое связано с подпольем (самообособлением, «книжной» оторванностью от действительности, многоглаголивой бездеятельностью, рационализмом, безверием, эгоцентризмом), а второе, ему противоположное, соответственно, с «живой жизнью» (причастностью к «почвенному идеалу»[1], единением личности с окружающим миром, жертвенностью, любовью, верой, спасением от подполья). Можно утверждать, что феномены «подполье» и «живая жизнь» становятся некими полюсами аксиологической системы Достоевского, объединяя в себе идеи, образы, символы, концепты – *смерти / духовной и/или физической гибели* на одном полюсе и – *жизни / воскресения из мертвых* – на другом. Особенно ярко эта концептуальная оппозиция реализована в романе «Преступление и наказание».

С первых страниц повествование насыщено мучительным ощущением «подпольной» *духоты*. Она становится емкой характеристикой социально-психологической атмосферы всего романа. Духота летнего Петербурга, углов и каморок, в которых ютятся герои, экстраполирована писателем с их физического уровня на духовный. Как неоднократно отмечено исследователями, «духотой как бы оправдывается идейное преступление Раскольникова» [7, с. 152].

Если говорить об очевидной реализации здесь первого компонента оппозиции «мертвое – живое», то в традиционной для нее фольклорной поэтике мотив, усиливаясь, повторяется трижды и разворачивается

---

[1] Причина «подполья», согласно концепции Достоевского, − «уничтожение веры в общие правила. “*Нет ничего святого*”. Недоконченные люди (вследствие Петровск<ой> реформы *вообще)*» [3, т.16, с. 330], т. е. в утрате культурных традиций, религии, истинного идеала. Человек из «подполья» не имеет веры, а значит, и опоры, почвы под ногами: «Чувства мучительного неверия и скептицизма посещают его иногда, но он стоит твердо и, наконец, как будто достигает цели... И вот при столкновении с действительностью падает ужасно, страшно, немощно. Почему? Оторван от почвы, дитя века…» [3, т.16, с. 407].

в художественном пространстве романа в виде тройного кольца «духоты», в котором заключен главный герой.

1) **Душно** в летнем Петербурге: «На улице жара стояла страшная, к тому же *духота*, толкотня, всюду известка, леса, кирпич, пыль и та особенная летняя вонь, столь известная каждому петербуржцу, не имеющему возможность нанять дачу», – звучит уже с первых страниц [Выделения сделаны мной. – М. Ш. – 3, т. 6, с. 6]; «а где тут воздухом-то дышать? Здесь и на улицах, как в комнатах без форточек. Господи, что за город!..» – вырывается у Пульхерии Александровны [3, т. 6, с. 185].

2) Душно и **тесно** в каморке Раскольникова, которая сравнивается со «шкафом» [3, т. 6, с. 50], «морской каютой» [3, т. 6, с. 93], а, как известно, «тесные комнаты душу и ум теснят».

3) Герой **задыхается** физически и духовно. В тесной и душной каморке рождена губительная идея, окончательно лишившая героя «воздуха» жизни: «Какая у тебя дурная квартира, Родя, точно гроб… я уверена, что ты наполовину от квартиры стал такой меланхолик», – говорит Раскольникову мать [3, т. 6, с. 178]. С чем не может не согласиться и сам герой: «Да, квартира много способствовала… я об этом тоже думал» [там же].

Усиленный теснотой, узостью пространства, мотив духоты трансформируется в роковой романный символ – **гроб**. Здесь у Достоевского то же тройное кольцо: *1)* Петербург – камень-город, построенный на болотах, стоящий на костях, становится каменным «гробом» для Раскольникова; *2)* комната-гроб, в которой и от которой родилась его теория – одна из «подпольных» идей; *3)* да и сама идея, математически выверенная, казуистика, отточенная, как бритва, является для героя гробом, очевидной духовной смертью – исполнив задуманное, он признается: «Я себя убил, а не старушку» [3, т. 6, с. 322].

В «Преступлении и наказании» Петербург, как ни в одном другом романе, является одним из главных действующих лиц, не только «соавтором» идеи, но и «соучастником» преступления [10, с. 376]. В художественном космосе Достоевского он предстает неким метафизическим пространством, лишенным жизни, безвоздушным вакуумом. Искусственно возведенный на болотах, не имеющий под собой твердой почвы-фундамента, город-фантасмагория, по убеждению Достоевского: «Мне сто раз, среди этого тумана, задавалась странная, но навязчивая греза: А что, как разлетится этот туман и уйдет кверху, не уйдет ли с ним вместе и весь этот гнилой, склизкий город, подымется с туманом и исчезнет как дым», – скажет Подросток [3, т. 13, с. 113]. «Редко где найдется столько

мрачных, резких и странных влияний на душу человека, как в Петербурге», – констатирует Раскольников [3, т. 6, с. 357]. Человек из «подполья» намеренно, мучаясь, живет именно в Петербурге – «самом отвлеченном и умышленном городе на всем земном шаре» [3, т. 5, с. 101]. Уместно будет вспомнить, что все герои с именем Петр или отчеством Петрович в поэтонимиконе Достоевского соотносятся с идеей «петербургского периода русской истории» и являются носителями раздвоенного «подпольного» сознания.

Духовная смерть героя романа «Преступление и наказание», замкнутость его в «гробу»: Петербурге, каморке, идее – иллюстрируется ключевым эпизодом чтения евангельской главы о воскрешении четверодневного Лазаря. История Раскольникова прозрачно накладывается на библейское событие, так как герой сам метафизически является «четверодневным» смердящим мертвецом[1].

Смертоносной «духоте» в тексте романа противопоставлен животворящий «**воздух**». Р.Г. Назиров выделил антитезу «гроба» и «воздуха» в качестве основной смыслообразующей оппозиции в «Преступлении и наказании» [8, с. 13].

И здесь снова слово-концепт, соответствующий компоненту «живое» в оппозиции, повторяется трижды. Так, Порфирий Петрович и Свидригайлов троекратно повторяют Раскольникову: «воздуху надо». Сравним реплики этих двух персонажей. Свидригайлов: «Эх, Родион Романыч <...> всем человекам надо бы воздуху, воздуху, воздуху-с... Прежде всего!» [3, т. 6, с. 336] Порфирий Петрович: «Вам давно уже воздух переменить надо», и, словно вторя Свидригайлову: «Вам теперь только воздуху надо, воздуху, воздуху!» [3, т. 6, с. 351] Интересно, что Б. Н. Тихомиров приводит два различных комментария к этим пассажам действующих лиц. Высказывание Свидригайлова отсылает к спору героев тургеневских «Отцов и детей». Опровергая нигилистическую доктрину, изложенную Аркадием Кирсановым, Павел Петрович говорит:

[1] В исследовательской литературе о романе существует традиция символического отождествления Раскольникова с мертвым Лазарем на основании того, что герой якобы приходит к Сонечке именно на четвертый день после совершения им убийства [3, т. 7, с. 386]; [1, с. 177–178]. В комментарии Б. Н. Тихомирова ошибка исправлена (визит Родиона Романовича к дочери покойного Семена Мармеладова происходит не на четвертый, а на шестой день), а также представлен обзор иных исследовательских интерпретаций данного евангельского эпизода применительно к сюжету «Преступления и наказания» [10, с. 297–298].

«…*без принсипов*, принятых, как ты говоришь, на веру, шагу ступить, *дохнуть нельзя.* <…> Посмотрим, как вы будете существовать в пустоте, *в безвоздушном пространстве*» [10, с. 354]. Таким «безвоздушным пространством» является «мир разрушенных религиозно-нравственных абсолютов». Автор комментария подчеркивает в словах Свидригайлова надобность воздуха «всем человекам», значит, и самому герою. В этих словах «ключ и к глубинным мотивам самоубийства» Свидригайлова, заключает исследователь [там же]. В устах Порфирия Петровича «этот призыв приобретает принципиально иные смысловые обертоны», связываясь с понятием национальной «почвы» и «ставя Раскольникова в ряд “русских скитальцев”», оторванных от корней [10, с. 370–371].

К приведенному комментарию добавим собственные наблюдения над текстом. Если приглядеться к коннотациям обоих эпизодов, увидим следующее. Произнеся «вдруг» свое «всем человекам надобно воздуху, воздуху, воздуху-с», Свидригайлов так же «вдруг» «посторонился, чтобы пропустить входящего на лестницу **священника и дьячка**» [3, т. 6, с. 336]. В речи следователя Порфирия Петровича словам о «воздухе» предшествует сравнение Раскольникова с «одним из таких, которым хоть кишки вырезай, а он будет стоять да с улыбкой смотреть на мучителей, – если только **веру** иль **Бога** найдет» [3, т. 6, с. 351]. Таким образом, текст формирует прямую ассоциативную связь понятия «воздух» с верой, религиозным чувством, идеей мученичества во имя спасения.

Символическим является и завершение сцены разговора Свидригайлова с Раскольниковым на лестнице: пропустив священнослужителей, «Свидригайлов пошел своею дорогой. Раскольников постоял, подумал и вошел вслед за священником в квартиру Сони» [3, т. 6, с. 336]. Уже здесь символически предварен итог судеб обоих героев. Свидригайлов избирает «свою дорогу» – «вояж в Америку» − самоубийство, уход навечно в душную «баню с пауками»; Раскольников же приходит к вере и надежде на обретение бессмертия в Царствии Небесном через Сонечку: « …он подумал о Соне. Из окна повеяло свежестью» [3, т. 6, с. 327]. Соня, таким образом, является проводницей «воздуха» жизни – в том числе жизни вечной – для героя.

Между тем его духовное освобождение – воскресение – оказывается возможным только при условии перемены топоса. По мысли Б.Н. Тихомирова, для мифопоэтического плана произведения принципиально необходимым оказывается возрождение Раскольникова не в петербургском полицейском участке и даже не на петербургской площади, а на

«берегу широкой пустынной реки», в необозримой перспективе сибирской степи [10, с. 297]. Здесь Раскольников наконец оказывается на «воздухе», и воскресение его подобно выходу Лазаря из гробницы: «…он воскрес, и он знал это, чувствовал вполне всем обновившимся существом своим…» [3, т. 6, с. 421]

Все это происходит в романе «вдруг», как евангельское чудо. Однако Достоевский каждое свое «вдруг» подготавливает заранее, потому и в тексте изучаемого произведения заложены знаки, предшествующие перелому судьбы героя и предзнаменующие его: «Шла уже вторая неделя после Святой; стояли теплые, ясные, весенние дни; в арестантской палате *отворили окна*…» [Выделено мною. – М. Ш. – 3, т. 6, с. 420] «Воздух» духовного воскрешения оказывается художественно «приготовленным» открытыми в помещении окнами.

Можно предположить, что чуть слышная, доносящаяся с другого берега реки песня является аллюзией на Божественное Слово, творящее чудо жизни. В следующий момент и происходит будто бы внезапное возрождение Раскольникова, как по слову Христа: «Лазарь, гряди вон!» путы смертоносной идеи спадают с героя, освобождая его, открывая возможность вдохнуть самоё жизнь: «Вместо диалектики наступила жизнь, и в сознании его должно было выработаться что-то совершенно другое» [3, т. 6, с. 422].

Обозначенный хронос действия – весеннее утро воскресения – указывает на то, что путь в новую жизнь героям еще предстоит пройти: «Он даже и не знал того, что новая жизнь не даром же ему достается, что ее надо еще дорого купить, заплатить за нее великим, будущим подвигом…» [3, т.6, с. 422]. Весна в эпилоге символически прообразует «живую жизнь». Можно предположить, что, оставляя финал своего литературного шедевра открытым, Достоевский доверяет стихиям «воздуха» и «живой жизни» как своих героев, так и читателей.

Концептуальное воплощение «духоты» в «Преступлении и наказании» усиливается мотивом **жажды**. Раскольников мучим жарой и жаждой, ему хочется пить, не достает свежести в атмосфере: «проходя мимо Юсупова сада, он даже очень было занялся мыслью об устройстве высоких фонтанов и о том, как бы они хорошо освежали воздух на всех площадях» [3, т. 6, с. 60]. Однако томление героя на физическом уровне – лишь проекция жажды духовной, подсознательно он чает **«воды живой»**, о чем свидетельствует греза об оазисе, где он «все пьет воду, прямо из ручья, который тут же, у бока, течет и журчит. И прохладно так, и чудесная-чудесная такая голубая вода, холодная, бежит по разноцвет-

ным камням и по такому чистому с золотыми блестками песку…» [3, т. 6, с. 56] Указанный эпизод, кроме существующих версий, интерпретирующих литературные аллюзии на «Три пальмы» М.Ю. Лермонтова и пушкинское «Подражание Корану», без сомнения, отсылает к Священному Писанию, где вода отождествляется с Божественным Словом.

Иисусом Христом сказано: «кто жаждет, иди ко Мне и пей» (Ин, 7:37), «кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную» (Ин, 4:14). Жажда Раскольникова – это томление духа во гробе, бессознательное томление подпольного героя по «живой жизни». Жажда воды живой воплощается подсознательно, через видения и косвенные влечения. Сознание же, пораженное сатанинской гордыней, наполеоновской идеей, остается закрытым истинному желанию, посему герой находит замену воде для утоления жажды: «палящая жажда томила его. Ему захотелось выпить холодного *пива*» [3, т. 6, с. 10].

Симптоматична в поэтике Достоевского своеобразная «водобоязнь» бесовски одержимых героев. Так, Свидригайлов никогда не любил воды, «даже в пейзажах» [3, т. 6, с. 389]; Раскольников, находясь в предобморочном состоянии в кабинете следователя, отказывается от предложенной воды: «Он [Порфирий Петрович] таки заставил его взять стакан с водой в руки. Тот машинально поднес было его к губам, но, опомнившись, с отвращением поставил на стол» [3, т. 6, с. 265][1]. Бес, «тащивший» Раскольникова на преступление [см. 3, т. 6, с. 321], боится живой воды, не дает своей жертве прикоснуться к ней.

«Вода» как символический знак имеет двойную природу, поэтому представлена в романе через бинарную оппозицию воды **живой** и **мертвой.**

«Широкая и пустынная» река в финальной сцене символизирует Реку Времени, несущую героев «в жизнь вечную», приобщающую возрожденных Раскольникова и Сонечку благой вечности, в которой «не прошли еще времена Авраама и стад его» [3, т. 6, с. 421]. Реке жизни противопоставлена река смерти – Нева, на которой стоит и которой окружен город-гроб Петербург.

Находясь в смертоносном петербургском пространстве, герои как бы замкнуты мертвой водой. Ключевыми для выражения этого символа становятся связанные с Невой эпизоды самоубийств: женщина, бросив-

[1] Особо отметим здесь, что Раскольников принимает и пьет воду из рук Настасьи – «*воскресшей*» (греч.) [3, т. 6, с. 92].

шаяся в воду на глазах Раскольникова [3, т. 6, с. 131], его мысли о самоубийстве у моста [3, т. 6, с. 399], жертва Свидригайлова – девочка-утопленница [3, т. 6, с. 391].

В художественном образе Невы доминантной является семантика холода – мертвенного и мертвящего. «Неясным и неразрешимым» кажется Раскольникову ощущение холода от великолепной панорамы парадной невской набережной, где «дух немой и глухой» овладевает героем [3, т. 6, с. 90]. Мысль-воспоминание о необъяснимом холоде «черной воды» Малой Невы охватывает и Свидригайлова, предзнаменуя кошмар о девочке-самоубийце [3, т. 6, с. 391], которая, по наблюдению исследователей, наделена целым комплексом характеристик, соответствующих мистическому образу русалки (см.: [2, с. 135]; [10, с. 401].

Безусловно, значимой и связанной с семантическим полюсом «живого» является и вода, льющаяся с неба: «дождь хлынул, как водопад», «вода падала не каплями, а целыми струями хлестала на землю» [3, т. 6, с. 384]. Ассоциируясь с легендарно-историческим Потопом, ливень в «Преступлении и наказании» является, как кажется, не только знаком кары небесной, но и очищения от греха. Свидригайлов, повинуясь глубинной потребности души, в дождливый вечер отправляется к Сонечке, чтобы подарить ей и сиротам необходимые для жизни средства; Раскольников же окончательно «решается» на явку с повинной [3, т. 6, с. 395]. Установленная дата – Ильин день [10, с. 409], по мысли Г.А. Зябревой, – видится знаком если не прощения, то помилования героев [4, с.27], ведь ильинский дождь в народном сознании имеет особую очистительную силу, избавляя от бесовского наваждения. Именно этот момент считается «точкой перехода» из профанного, не выделяемого в основной части времени, в сакральное – христианскую систему временных координат эпилога [10, с. 430].

Таким образом, традиционная семантическая оппозиция «мертвое – живое», имеющая фольклорно-мифологическую природу, в творческой системе Ф.М. Достоевского обретает свою литературно-художественную модификацию – противопоставления «подполья» и «живой жизни». Названная оппозиция, явленная впервые в повести «Записки из подполья», образно воплощается и в последующих произведениях классика, в частности, выступает ключевой в художественной структуре романа «Преступление и наказание». Семантическое поле «мертвого», «подпольного», составляют мотивы духоты, камня-гроба, мертвой воды. Противостоят им образы и знаки «живого», «живой жизни»: воздух, Слово, вода живая.

Литература

1. *Белов С.В.* Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»: комментарий: кн. для учителя / Белов С. В.; [под ред. Д.С. Лихачева]. – М.: Просвещение, 1984. – 240 с.
2. *Волгин И.Л.* Родиться в России: Достоевский и современники: Жизнь в документах / И. Л. Волгин. – М.: Книга, 1991. – 607с.
3. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. / Ф.М. Достоевский; [редколл.: В.Г. Базанов, В.В. Виноградов, Ф.Я. Прийма, Г.М. Фридлендер, М.Б. Храпченко]. – Л.: Наука, 1972–1990. Том и страница цитирования указываются в ссылке.
4. *Зябрева Г.А.* Романы Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и «Идиот» в системном аспекте / Г.А. Зябрева // Вопросы русской литературы: [межвуз. науч. сб-к.]. – Симферополь: Крымский Архив, 2000. – Вып. 6. – С. 21–37.
5. *Кустовская М.А.* Концепция «живой жизни» в творчестве Ф.М. Достоевского [Электронный ресурс] // Проблемы исторической поэтики. – Петрозаводск: изд-во ФГАОУ ВО «Петрозаводский государственный университет». № 9. 2011. С. 169 – 179. – Режим доступа: https://elibrary.ru/item.asp?id=21184484
6. *Мочульский К.В.* Гоголь. Соловьев. Достоевский / К.В. Мочульский. − М.: Республика, 1995. − 606 с.
7. *Мысляков В.А.* Как рассказана «история» Родиона Раскольникова (К вопросу о субъектно-авторском начале у Достоевского) / В.А. Мысляков // Достоевский. Материалы и исследования − М.: Гослитидат, 1976. – Т.1. – С. 147–163.
8. *Назиров Р.Г.* Творческие принципы Ф.М. Достоевского / Р.Г. Назиров. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1982. – 160 с.
9. *Стреляева А.А., Шалина М.А.* Художественная реализация феномена «подполье» в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» [Электронный ресурс] / А.А. Стреляева, М.А. Шалина // Художественный текст глазами молодых: материалы Международной научно-практической конференции. – Ярославль, 2019. – С. 80-86. – Режим доступа: https://elibrary.ru/item.asp?id=37126600
10. *Тихомиров Б.Н.* «Лазарь, гряди вон!». Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: книга-комментарий / Б.Н. Тихомиров. – СПб.: Серебряный век, 2005. – 472с.

М.В. Михайлова
кандидат филологических наук,
доцент кафедры лингвистики
Московского государственного института культуры
Москва (Россия)
E-mail: nemashasky@mail.ru

Роль бинарных оппозиций в формировании образа главного героя в повести Ф.М. Достоевского «Хозяйка»

Аннотация. В статье исследуется значение бинарных оппозиций и их художественный синтез в формирования образов главных героев в повести Ф.М. Достоевского «Хозяйка». Последовательно рассматривается каждый герой в отдельности и далее все герои в их взаимосвязи.

Ключевые слова: образ главного героя, бинарная оппозиция, художественное своеобразие, одержимость.

Mariya V. Mikhaylova
PhD in Philology,
Associate Professor of the Department of Linguistics of
Moscow State Institute of Culture
Moscow (Russia)
E-mail: nemashasky@mail.ru

The role of binary oppositions in the formation of the image of the main character in the novel of F.M. Dostoevsky “The Housekeeper”

Abstract. The meaning of binary oppositions and their artistic synthesis in the formation of the main characters’ images are investigated in the article.

Keywords: the image of the main character, a binary opposition, artistic originality, obsession

«Человек есть тайна. Ее надо разгадать,
и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь,
то не говори, что потерял время;
я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком».
(Письмо брату Михаилу 16 авг.1839) [3, с. 63]

Художественное своеобразие повести «Хозяйка», названной В.Н. Захаровым «идеологическим и стилистическим экспериментом» [5, с. 99] Ф.М. Достоевского, основывается на различных смысловых оппозициях: горячий – холодный, живой – мертвый, бледный – румяный, ветхий – богатый, смех – слезы, являющихся ключевыми элементами произведения. При прочтении повести временами кажется, что Ф.М. Достоевский соединяет в ней несоединимое, начиная от вышеупомянутых «простых» бинарных оппозиций и заканчивая «сложными» – явь и видения, наука и домыслы, суеверия, светлая любовь и темная ненависть, реальность и мистика в их фантастическом переплетении. Эти оппозиции могут как существовать параллельно, так и временами парадоксально взаимопроникать друг в друга. Данные оппозиции позволяют нам увидеть и представить себе сложный художественный мир повести, «дивной загадки причудливой фантазии» Достоевского [1, с. 421], проникнуться жизнью главных героев повести во всей ее многогранности и всем ее многообразии. Совокупность этих бинарных оппозиций, их взаимосвязь и составляет единое семантическое целое повести, наполняя ее глубиной, таинственностью и великим смыслом. Как указывает исследователь В.П. Владимирцев, художественный мир повести «Хозяйка» временами «настолько непрозрачен и загадочен, что не поддается однозначному рациональному толкованию» [2, с. 176].

Итак, обратимся к главным героям произведения. Первый человек, который встречается читателю на страницах повести, «художник в науке» [4] Василий Ордынов представляет собой чрезвычайно сложный и глубокий образ, формированию которого автор уделяет в повести огромное внимание. Читателя этот образ, несомненно, может заинтересовать с философской, нравственной, психологической точек зрения. Первое, что мы можем наблюдать в формировании образа – это одержимость главного героя, причем, в ходе развития событий в повести мы наблюдаем метаморфозы главного героя: сначала герой бредит наукой, затем охвачен и одержим чувством любви. «Его пожирала страсть самая глубокая, самая ненасытимая, истощающая всю жизнь человека и не выделяющая таким

существам, как Ордынов, ни одного угла в сфере другой, практической, житейской деятельности. Эта страсть была – наука. Она снедала покамест его молодость, медленным, упоительным ядом отравляла ночной покой…» [4] – так описана страсть Василия Ордынова к науке, не менее всепоглощающей и ненасытной станет потом его страсть к Катерине.

Для иллюстрации одержимости главного героя Ф.М. Достоевский использует множество бинарных оппозиций, позволяющих ярче и полнее представить образ на страницах произведения. В главном герое «было более бессознательного влечения, нежели логической отчетливой причины учиться и знать» [4]. Эти две стороны единой совокупности человеческого существования и представлены в Ордынове, но примечательно то, что они занимают не равные позиции, между ними совершенно нет конфронтации, но одна оппозиция перекрывает вторую. Это бессознательное влечение управляет главным героем на протяжении всех изменений в его одержимости – сначала в науке, потом в чувствах к Катерине.

Описание обстановки, в которой живет и действует главный герой, так же принципиально важно для создания его целостного образа. И тут Ф.М. Достоевский снова использует все многообразие бинарных оппозиций. В одном и том же абзаце мы можем прочитать, что Василий Ордынов одичал, заперся в своей уединенной жизни, словно в монастыре и тут же дается описание «другой» жизни, той жизни, где царит шум и вечное волнение, жизни гремящей, вечно меняющейся, вечно зовущей. Затишье его жизни, где он как отшельник в «немой пустыне» [4], резко контрастирует с оппозицией шумного и гремящего города, с оппозицией внешнего мира, который кипит и грохочет, мира, в котором царят «свет, блеск, вихрь жизни, шум и пестрота толпы» [4]. Сам же Ордынов представлен писателем как «младенец для внешней жизни» [4], и тут тоже интересен контраст в построении образа – взрослый человек, называемый автором младенцем.

Обратимся к тому, что же окружает нашего главного героя в повседневной жизни. Гуляя по улицам города, Василий Ордынов видит абсолютно контрастные предметы: как ветхие избенки сменяются богатыми домами. Даже зайдя в церковь, он наблюдает эти контрасты: внутри перед глазами его предстает «черная мгла, густевшая над сводами храма», и кажется, что нет конца этой черноте, но и тут возникает оппозиция – герой любуется иконами, которые описаны как «блистающие, раззолоченные», кроме них некому и нечему больше создать противостояние мгле церкви, да и мгле существования Ордынова [4].

Еще один важнейший штрих к атмосфере, в которой живет наш главный герой: «Свежего воздуха никогда не было в его душном углу» [4]. Чтобы избавиться от духоты своего повседневного существования, герою безмерно нужен свежий воздух, этот воздух врывается в его жизнь в виде молодой девушки Катерины, ошеломляющей, полностью меняющей его жизнь и ход мыслей. Образа Катерины мы коснемся подробнее чуть позже. Меняется и эмоционально-психологическое состояние главного героя, мы видим, что для его иллюстрации Ф.М. Достоевский вновь применяет множество бинарных оппозиций. В основном тут используются оппозиции «холодный – горячий» в их разнообразных многочисленных вариациях. Ф.М. Достоевский широко использует их для описания болезненного состояния Ордынова уже после переезда на квартиру Мурина и Катерины, тело Ордынова болезненно, слабо, его «обдавало то мелкой дрожью, то пламенем», часто упоминается о его ознобе, а слезы, если они появляются у главного героя, рисуются нам как «родник из горячей души его» [4]. В глазах героя мы можем видеть огонь, он чувствует жар и лихорадку, и далее, в различных частях повести, в разных ситуациях Ордынов чувствует одновременно то жар, то холод.

Та же оппозиционная пара встречается не только в создании образа одного героя, но и в переплетении образов героев между собой: наиболее ярко это видно в момент волнительной беседы Ордынова и Катерины: Ордынов, обессиленный, смятенный, потерянный и Катерина, застигнутая в момент отчаяния, словно лед и пламень предстают перед читателем на страницах повести, горячие слезы Катерины жгут похолодевшую руку Ордынова.

Сам факт, что бинарные оппозиции используются не только в образе одного героя, но смешиваются в образе одновременно нескольких, представляет огромный интерес. Так, например, чтобы ярче описать состояние Василия Ордынова, Ф.М. Достоевский изображает его встречу с давним знакомым Ярославом Ильичом, в то время, как Ордынова бьет озноб, он валится с ног, чувствует усталость и полное изнеможение во всем теле, едва волочит ноги, и земля под ним дрожит, Ярослав Ильич предстает перед взором читателя бодрым, краснощеким, сильным. Таким образом, бинарные оппозиции, перекликаясь в образах разных персонажей повести, создают ее неповторимое художественное своеобразие.

Еще один образ, который, несомненно, представляет интерес для изучения – образ Катерины, молодой девушки, которая полностью изменила жизнь Василия Ордынова, стала причиной его смятения, болезнен-

ной воодушевленности. Весь ее образ буквально пронизан бинарными контрастами, и это, безусловно, делает его еще более интересным для читателя. Впервые Ордынов встречает девушку в церкви, и уже в тот момент он поражен ею, в ней сочетаются важность в детских кротких чертах лица, на лице заметны следы страха, ужаса, вся ее фигура окутана печалью, но при этом улыбка мелькает на губах ее. Плач может звенеть сквозь смех и улыбки, бледность лица молниеносно вспыхивает багровым румянцем, «как заря вечерняя» [4], кровь опаляет ее бледные щеки.

Весь образ Катерины словно соткан из противоречий, если автор пишет о чувствах ее, то это непременно контрастные чувства, которые меняются в ней в считанные секунды. Вот Василий Ордынов видит, что слезы еще не остыли на ресницах ее после рыданий, и вдруг улыбка крадется по губам и молниеносно сменяется смехом, а смех тут же переходит в грусть и «безысходную печаль», в сердце же закипает отчаяние. Радость может резко смениться замешательством и наоборот. Это изумляет и поражает Ордынова, он пытается понять девушку, при этом для формирования ее образа в его сознании ему важно знать совершенно противоположные вещи – «чем рада была и о чем тосковала она» [4]. Герой как бы изначально понимает, что односторонне попытаться понять Катерину невозможно, узнавать ее и постичь глубины ее внутреннего мира можно лишь, познав все оппозиции, из которых сформирован ее образ. Подобным же образом обращается к Катерине и Мурин, он просит ее: «Урони ж хоть словечко, красавица, просияй в бурю солнцем, разгони светом темную ночь» – тут отчетливо видны оппозиции «светлый – темный», «буря-солнце».

Чувства, которые на протяжении повести испытывает Катерина к другим героям, также многогранны и противоречивы. В момент, когда она и Василий Ордынов находятся в одной комнате со спящим стариком, Ордынов видит одновременно столько противоположных чувств на ее лице, мгновенно сменяющих друг друга, что ему на короткое время становится дурно. На лице Катерины отражается изумление, но «как будто в то же время злость и презрение в глазах». В данном случае бинарные оппозиции помогают нам ярче представить смятение и волнение Ордынова.

Анализируя роль бинарных оппозиций в повести, нельзя не уделить внимания тому, как Ф.М. Достоевский изображает отношение Ордынова и Мурина к Катерине. Даже смотрят они на нее по-разному, Ордынов с изумлением, будто в первый раз, «такая страшная красота пронзила сер-

дце его», старик Мурин же смотрит внимательно, испытующе, холодно. Злой воле Мурина в повести противопоставлена всеобъемлющая мощь любви Ордынова, его одержимость ею, о чем уже говорилось ранее.

Интересно и отношение Катерины к главным героям. Примечательна ее болезненная зависимость от Мурина, «тягостная, но и в то же время сладостная» [6, с. 425], исступленное любование им, светлая любовь к нему, вместе с этим чувством в ней уживаются страх и темная ненависть.

В заключение хотелось бы отметить еще один интересный момент. Сами герои представляют по отношению друг к другу оппозицию, Катерина и Мурин – люди из народа, оказавшиеся в Петербурге, и Ордынов, молодой ученый, петербургский интеллигент, им, выходцам из разных слоев, никогда не суждено сблизиться, и сословная дистанция между ними не может быть преодолена.

Итак, подводя итоги, отметим, что образы главных героев повести, сформированные с использованием бинарных оппозиций, представляют собой загадочный треугольник, они сложны, витиеваты и запутанны, они вовлекают читателя в круговорот событий и держат его в напряжении до конца повествования.

Литература

1. *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. Т. XII. М., 1965.
2. *Владимирцев В.П.* Достоевский народный. Ф.М. Достоевский и русская этнологическая культура. Иркутск, 2007.
3. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 Т. – Л., 1985. – Т.28. – Кн. 1.
4. *Достоевский Ф.М.* Хозяйка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: *https://ilibrary.ru/text/21/p.1/index.html* (Дата обращения: 13.06.2019).
5. *Захаров В.Н.* Система жанров Достоевского. Типология и поэтика. Л., 1985.
6. *Егоренкова Г.И.* Путь к великим романам // Достоевский Ф.М.: Бедные люди; Двойник; Хозяйка; Игрок. – Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1983.

А.И. Дубинец
студент 3-го курса группы литературного творчества
Московского государственного института культуры,
Москва (Россия)
E-mail: dubinec98@bk.ru

Фольклорные элементы в структуре «Преступления и наказания» Ф. М. Достоевского

Аннотация. В статье анализируются место в структуре и функция скрытых и открытых фольклорных элементов романа «Преступление и наказание». Они, являясь словом народно-религиозного сознания, интересовавшего Ф. М. Достоевского, влияют на понимание отдельных сцен и общий образ романа.

Ключевые слова: Ф. Достоевский, «Преступление и наказание», народно-религиозное сознание, фольклор, «золотой век», крестовые братья, поговорки, пословицы, диалог.

Alexander I. Dubinets
3d year student of the Group of
Literary creative work,
Moscow State Institute of Culture
Moscow (Russia)
E-mail: dubinec98@bk.ru

Folklore elements in the structure of “Crime and punishment” by F. Dostoevsky

Abstract. In this article the position in the structure and the function of the latent and open folklore elements of the novel “Crime and Punishment” is analyzed. Being the word of the ethno-religious mind that interested Dostoevsky, they influence the understanding of certain scenes and the general image of the novel.

Keywords: F. Dostoevsky, “Crime and Punishment”, ethno-religious mind, folklore, Golden age, blood brother, a proverb, adage, a dialogue.

В романе Ф.М. Достоевского диалог сознаний автора и героя ведется при наличии народно-религиозного сознания. Писатель обращался к нравственному идеалу братства, ответственности и совестливости народного духа. Персонажи из данной среды – выражение идеала. Фольклорный материал введен в композиционные формы разнообразно: это фольклорная реминисценция, ассоциация, цитация. Подобные включения не всегда прочитываются, вызывая смысловые потери. Вот почему возникает задача изучения художественных функций фольклора в романе.

Другие фольклорные элементы в «Преступлении и наказании» выполняют характеристическую функцию. Это поговорки «по одежке протягивай ножки», «держи карман» и пословица «хлеб-соль вместе, а табачок врозь». Известная пословица о «двух зайцах», которой Лужин подтверждает свое кредо, противостоящее христианской заповеди о любви к ближнему и пародирующее идею «разумного эгоизма» так стилистически оформлена, что кажется дурным переводом: «пойдешь за несколькими зайцами разом, и ни одного не достигнешь».

Поговоркой «все в Питере есть, отца-матери только нет» говорит один из красильщиков в квартире Алёны Ивановны. Важно, что Раскольников слышит эти слова, сцепляющие мысли романа, соотносясь с наказанием героя, о котором в черновой редакции автор сделал пометку: «отпадение от матери». Это «отпадение» от родной матери и от матери-сырой земли.

Некоторые компоненты художественной структуры романа призваны вызвать отфольклорные ассоциации, чтобы прозвучало народное слово как выражение почвенного сознания. К примеру, профанирование «наполеонизма» осуществляется звучанием шарманки, которая в те времена имела открывающуюся площадочку, с танцующими под музыку фигурками умирающего Наполеона и плачущих вокруг него генералами.

Ф.М. Достоевский использует мотив крестового братания. Его можно заметить в разных жанрах фольклора: былинах, легендах, духовных стихах. Раскольников соглашается обменяться с Соней крестами. Этот национальный архаический обряд образует священную связь прочнее кровного родства. Побратимство мужчины и женщины запрещает жениться на крестовой сестре. Можно предположить, что духовный уровень отношений между Раскольниковым и Соней был подсказан писателю этим запретом.

Показателен и другой эпизод: Свидригайлов – в отдельной комнате трактира, в единственное окно увидел его Раскольников. В мифопоэтической и фольклорной традиции окно – символ смотрящего глаза, надежды, обещания, обновления. У Ф.М. Достоевского окно – символ глубокого чувства: отсвет заката на окне Сони, на которое смотрит Раскольников – как луч надежды на спасение, свет свечи. А единственное окно в комнате Свидригайлова – малая надежда на обновление и воссоединение с людьми

В посещении Раскольниковым квартиры процентщицы после убийства отразился фольклорный мотив о заклятье, лежащем на преступном духе, который и после смерти вынужден повторять сцену преступления в том же месте. Возможно, что этот мотив Ф.М. Достоевским был воспринят через готические романы, где он довольно обычен.

Уже в начале работы над романом появляется мотив «золотого века». Он связан не только с сен-симонизмом, неохристианством петрашевцев, но и с народными социально-утопическими легендами. На вопрос: «Так вы все-таки верите же в Новый Иерусалим?» – Порфирий Петрович получает от Раскольникова утвердительный ответ. Тоска о «золотом веке» и своем праве быть достойным его звучит в воспринимаемом каторжником Раскольниковым мифологизированном пейзаже в эпилоге романа. Звучащая на противоположном берегу песня, едва доносящаяся до Раскольникова, – это тоже знак «золотого века», как и необозримое пространство. Раскольникову – в пределах романа – не дано преодолеть преграду между прежней своей сущностью и новой, которая достойна «золотого века». Но он – на пути к преодолению.

Литература

1. *Минюхевич В.А.* Русский фольклор в художественной системе Ф.М. Достоевского. Челябинск, 1994, 320 с.

М.А. Полуянова
студентка Московского государственного института культуры
Москва (Россия)
E-mail: margosha070@mail.ru

Древнерусские мотивы в творчестве Ф.М. Достоевского

Аннотация. Работа посвящена древнерусским мотивам в творчестве Фёдора Михайловича Достоевского и анализу произведений «Бесы» и «Братья Карамазовы».

Ключевые слова: Достоевский, древнерусские мотивы, анализ, православие.

Margarita A. Poluyanova
Student of Moscow State Institute of Culture
Moscow (Russia)
E-mail: margosha070@mail.ru

Old Russian motifs in the literary works of F.M. Dostoevsky

Abstract. The work is devoted to ancient Russian motifs in the works of Fyodor Dostoevsky and the analysis of the works "Demons" and "The Brothers Karamazov."

Keywords: Dostoevsky, Old Russian motives, analysis, Orthodoxy.

Во второй половине XIX века к древнерусским мотивам обращался Ф.М. Достоевский.

В 1859 году, возвращаясь домой из ссылки в Сибири, Достоевский по дороге хотел посетить Троице-Сергиеву Лавру, которая была для него особенным местом: «Сергиев монастырь вознаградил нас вполне. 23 года я в нем не был. Что за архитектура, какие памятники, – писал он в письме к А.И. Гейбовичу. «Ризница привела нас в изумление...Одежды нескольких веков – работы собственноручные русских цариц и царевен, домашние одежды Ивана Грозного, монеты, старые книги, всевозможные редкости – не вышел бы оттуда»[1]. Впечатления от обители преподобного Сергия Радонежского нашли своё отражение в творчестве Достоевского.

---

[1] См.: «Книга письма» Достоевский Ф.М.- Гейбовичу А.И., 23 октября 1859, г.Тверь. с.28

В древнерусской культуре Достоевский видит всю сущность русского народа. Писатель всегда считал высшим идеалом нравственности Иисуса Христа, а идеалы народности находил в Сергии Радонежском, Тихоне Задонским и Феодосии Печерском, которые подарили русскому народу настоящие духовные ценности. Древнерусская культура сильно повлияла на путь писателя и почти во всём его творчестве можно найти отблески древних времён. [2, с. 79]. Наибольшее влияние на литературный путь Достоевский получил от жизни Сергия Радонежского. [4, с. 15] С житием святого Достоевский был знаком прежде всего по имевшемуся в его личной библиотеке изданию избранных житий святых – «Четьи Минеи». Личность преподобного Сергия была близка Достоевскому по своей высшей духовности, по масштабности влияния на последующую русскую культуру. Для писателя Сергий Радонежский был самым великим православным святым и одной из самых важных фигур в истории России – заступник Русской Земли. [1, с. 58]. Достоевскому был близок тип святости «Труженичество во Христе», которым обладал Сергий Радонежский. Сергий Радонежский, а так же Феодосий Печерский, Нил Сорский, Тихон Задонский и некоторые другие являются прообразами старца Зосимы из романа «Братья Карамазовы». Об этом говорил даже сам автор в письме к редактору журнала «Русский вестник» Н.А. Любимову: «Взял я лицо и фигуру (Зосимы) из древнерус ских иноков и святителей: при глубоком смирении на дежды беспредельные, наивные о будущем России, о нравственном и даже политическом ее предназначении. Св. Сергий, Петр и Алексей митрополиты разве не имели всегда в этом смысле Россию в виду?».[1] Несомненно, что преподобный Сергий и другие святые оказали глобальное воздействие в «Братьях Карамазовых» на религиозно-философскую проблематику и на образ «русского инока» в целом. [3, с. 14]

Также Достоевский много обращался к Житию Феодосия Печерского. Влияние этого святого можно увидеть в романе «Бесы» [1, с. 22]. Достоевский был знаком с Житием Феодосия Печерского, написанным Нестором. В описании Нестора Феодосий предстает человеком редкой нравственной красоты и цельности. Как пишет летописец, он отличался «смирением и необыкновенной кротостью, во всем подражая Христу»...[2] «Учитесь у меня, как кроток и смирен сердцем». Преподобный Фео-

[1] «Письмо к Н. А. Любимову, посвященное „Братьям Карамазовым“» Достоевский Ф.М. 7(19) августа 1879

[2] Из жития «Феодосия Печерского»

досий бескорыстно помогал бедным и больным. Заступался за более слабых. Обличал несправдлеивость. Внимание Достоевского должна была привлечь такая характерная деталь Жития, как борьба преподобного Феодосия с бесами. Скорее всего, Феодосий Печерский предстает перед читателями в романе в образе Святителя Тихона [1, с. 34]. Глава «У Тихона», рассказывающая о приходе главного героя романа Ставрогина к проживавшему «на спокое» в монастыре архиерею Тихону и его неудавшейся попытке покаяния, была задумана писателем как религиозно-философский центр романа «Бесы». Уже набранная в корректуре, глава эта была забракована редактором журнала «Русский вестник», где публиковался роман, и по цензурным соображениям изъята из его состава (в настоящее время печатается обычно в «Приложении»). Тихон должен разгадать, что привело неверующего Ставрогина в его келью, каковы истинные мотивы, побудившие его принять решение обнародовать свою «Исповедь»: подлинное ли это раскаяние и желание тяжкой ценой искупить свой грех или же это всего лишь «дерзкий вызов от виноватого к судье», бесовская гордыня сильной личности, считающей себя вправе дерзко преступать нравственный закон? Известно, что основным реальным прототипом архиерея Тихона в «Бесах» Достоевскому послужил епископ Воронежский и Елецкий Тихон Задонский. [1, с. 33] Однако, типологические черты Феодосия Печерского также нашли художественное отражение в «Бесах».

Многообразие древнерусской культуры присутствующей в текстах Достоевского проявляет мастерство писателя, показывает его любовь к своей религии и культурному наследию в целом.

Литература

1. *Григорьев А.Г.* Творчество Ф.М. Достоевского и древнерусская мистико-аскетическая традиция: Феодосий Печерский, Сергий Радонежский, Нил Сорский//Диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.01 – М., 2009.
2. *Коротаева И.В.* Апокриф «Хождение Богородицы по мукам» и богородичные мотивы в контексте творчества Ф. М. Достоевского // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2006. №5-1.
3. *Натарзан Е.В.* Житийные мотивы в творчестве Достоевского.// Диссертация … кандидата филологических наук: 10.01.01. – Новосибирск, 2000.
4. *Сайченко В.В.* «Житие Великого грешника» – трансформация замысла, жанровое своеобразие, роль в творческой эволюции Ф. М. Достоевского//Диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.01 – Краснодар, 2002.

Раздел V

ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТОЛОГИИ: ТРАДИЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

О.Д. Журавель
доктор филологических наук,
Институт истории Сибирского отделения
Российской академии наук,
ведущий научный сотрудник,
профессор Новосибирского государственного университета
Новосибирск (Россия)
E-mail: olga_zhuravel@mail.ru

Репрезентация автора в сочинениях старообрядческого писателя (на материале сочинений Андрея Денисова)

Аннотация. В статье рассматриваются способы риторической репрезентации лидера крупнейшего старообрядческого центра на Выге Андрея Денисова. В начале XVIII столетия на Выге был создан особый культурно-идеологический центр внутри империи, своеобразное «государство в государстве». Роль Андрея Денисова в этом процессе была важнейшей. Успех был в значительной степени обусловлен тем значением, которое он придавал литературной культуре, особенно проповеди. Уникальная литературная культура Выга была основана на сочетании древних традиций и новейших идей барокко. Андрей Денисов стремился создать исключительно действенную проповедь, поскольку полностью осознавал важность и эффективность слова. Статья написана на материале рукописного наследия Андрея Денисова.

Ключевые слова: старообрядцы, Андрей Денисов, барокко, проповедь, репрезентация.

Olga D. Zhuravel
DSc in Philology,
Institute of History of the Siberian Branch of
the Russian Academy of Sciences,
Leading Researcher,
Professor of Novosibirsk State University
Novosibirsk (Russia)
E-mail: olga_zhuravel@mail.ru

The representation of the author in the literary works of an old believers' writer (based on the material of the literary works of Andrei Denisov)

Abstract. The article deals with the ways of the rhetorical representation of the leader of the largest Old Believers' center in Vyg Andrei Denisov. At the beginning of the 18th centuries the Vyg founders succeeded in building their own cultural and ideological center inside the empire, a so-called state of its own. The role of Andrei Denisov in this process was the most important. The success was largely due to the importance that Andrei Denisov attached to the literary culture, particularly to the sermon. A unique literary culture of Vyg was based on ancient traditions and the modern ideas of Baroque. Andrei Denisov aimed at creating exceptionally high quality sermons as he fully realized the importance and effectiveness of the sermon word. The author focuses on the handwritten heritage of Andrei Denisov.

Keywords: Old Believers, Andrei Denisov, Baroque, a sermon, representation.

Старообрядческая литература унаследовала от древнерусской одну из важнейших особенностей: установку на двойной уровень прочтения, когда «словесные знаки должны были толковаться при помощи двойного кода – их непосредственного контекста и исходного образа» [8, с. 436]. В высшей степени это характерно для литературной культуры Выга, основанной на поэтике барокко. Все уровни отраженной реальности, будь то события, послужившие стимулом для создания текста или сам автор, создавший текст, представали сквозь призму риторических стратегий.

Выговское общежительство, возникшее в конце XVII века, до 1830-х годов, вплоть до разгрома царскими войсками, оставалось главным оплотом русского традиционализма и самобытным центром народ-

ной культуры [11]. Роль Андрея Денисова в расцвете и усилении Выга трудно переоценить. Именно после его избрания киновиархом в 1703 г. Выг по сути дела становится своеобразным «государством в государстве». «Основатели Выга … на протяжении полутора столетий превращали в процветающее и многолюдное общежительство некогда убогие и скудные лесные чащобы Севера» [6, с. 491]. Выговская утопия была воплощением аскетического идеала, она создавалась в условиях напряженных эсхатологических переживаний как «остров истинной веры в океане безверия» [13, P. 106]. Андрей Денисов, обладая талантом организатора, высокой образованностью в сфере духовной литературы, догматики, риторики, являлся духовным лидером, чья деятельность и литературное наследие имели важное значение для всей последующей истории старообрядчества. В его лице «староверы обрели человека, способного выработать ясную и определенную доктрину и воспитать новые кадры фанатичных и упорных миссионеров» [4, с. 596]. «Доктрина» Андрея Денисова, основанная на теории «духовного антихриста», отражена в его многочисленных сочинениях – ему принадлежит более двухсот текстов, написанных в разных жанрах [2, с. 88–128].

Важнейшую роль в пропаганде учения Андрей Денисов и его соратники придавали слову. Проповеди, способной убедить, вселить веру, поддержать в трудные периоды испытаний, уделялось много внимания. На создание эффективной проповеди была нацелена и огромная работа над книгами по риторике – они должны были помочь выработать метод, сделать слово учителя более действенным. Андрей Денисов пользовался огромным авторитетом у старообрядцев. Постепенно создавался имидж духовного вождя, его имя окружалось легендами и мифологизировалось уже следующим поколением старообрядцев, но у истоков легенды – тот образ автора-проповедника, который транслировал сам Андрей Денисов в своих текстах. Разумеется, мы не можем говорить об отражении каких-то автобиографических или даже личностных качеств, речь идет о конструировании образа при помощи различных риторических средств.

При обозначении позиции автора, субъекта высказывания, в сочинениях Андрея Денисова встречаются формулы самоуничижения, известные по древнерусской литературе, например: «Ах убо последнейший и грубейший в разуме, но любитель премудростию украшенных; нищь есмь премудростнаго украшения, но усердно ублажаю обогащенныя разумом, позлатившыя своя уста красотою премудрых словес» [3, с. 360]. Отметим, что подобные loci communes появляются в контексте апологии

«премудрости», которая понималась автором как владение современным искусством слова, то есть, прежде всего, барочными риториками. Подобные формулы являются скорее данью традиции, ведь смена культурного кода не означала для этого поколения защитников старого обряда отказа от духовного наследия Древней, «дониконовской», Руси. В то же время во многих текстах Андрея Денисова появляются приемы, усиливающие масштаб и авторитет автора послания или проповеди.

Этому в ряде случаев способствует цитата, служившая своеобразным семантическим маркером, – «фема». Прием, известный и в средневековой литературе slavia orthodoxa, в выговской словесности становится почти обязательным. Цитата из авторитетного текста, чаще всего из Библии, в маркированной позиции начала сочинения играла роль тематического ключа, связывая разные уровни («сенсы», по терминологии риторик). Помимо «фемы», большое внимание в барочной проповеди уделялось началу слова, этой структурной части посвящены целые разделы риторик. Даже если в сочинении отсутствует фема, начало должно было задать тему и определенную модальность. И если в начале послания звучали слова проповедника: «Кто даст главе моей воду, – с Божественным пророком Иеремием вопию, – и очима моима источник слез, да плачю день и нощь доспевшее на ны злочастное сие время…»[1], – то слушатель (а проповеди на Выге зачитывались вслух и их слушание было обязательным) воспринимал голос автора через призму голоса пророка. Именно так начинается сочинение Андрея Денисова «О содержании староверства и о укоризне раскольникам». Сетования автора по поводу обрядовых отступлений, на которые пошла правящая церковь, обретают смысл пророческих предостережений. В этом, как и в ряде других своих текстов, Андрей Денисов достаточно творчески обращается с цитатой, адаптируя текст Ветхого Завета к актуальным проблемам. В оригинале цитата завершается словами: «я плакал бы день и ночь о пораженных дщери народа моего» (Ср.: Иер 9:1). Андрей Денисов оплакивает «злочастное сие время», эпоху трагического духовного перелома. Отметим, что топос «плачевного времени» войдет в круг устойчивых мотивов старообрядческой литературы.

«Слово о последних днех и скорбех» начинается с грозного обращения самого Господа, переданного пророком Ездрой. «Слышите, возлюбленнии мои, − рече Господь, − се пред вами дни скорбни, и от всех

[1] БАН, собрание Дружинина, № 74. Л. 69 [2, с. 269].

избавлю вас. Не бойтеся, не сумняйтеся, яко Бог водитель ваш есть. И иже воздержати заповеди и повеления моя, − рече Господь Бог, − да не отягчают вас грехи ваши, ни воздвигнутся беззакония ваша. Горе, иже стиснутся от грех своих и отягчатся от беззаконии своих», − у Ездры пророка Божия написано въ 3 книгах, в главе 16» [3, с. 351]. В этой цитате выражены мысли, которые автор доказывает всем содержанием своего сочинения: это и утешение в «дни скорбны», уверение в том, что Господь, как отец, уже принял под опеку детей своих, и суровое предупреждение о том, что они должны быть благодарны ему, не отягощая свои души грехами и нарушением заповедей. Сила внушения проповеднического слова использовала ресурс сакральных библейских текстов.

Наиболее часто в «фемах» сочинений Андрей Денисова представлены цитаты из Псалтыри, одной из самых популярных и почитаемых в среде старообрядчества книг. Голос «царственного пророка» настраивал на определенную тему, содержащуюся в том или ином псалме. Тексты псалмов были хорошо известны слушателям, содержание сочинения обогащалось за счет отсылок к псалмам, а интонации автора обретали новый тембр благодаря подключению голоса пророка Давида. «Кто есть человек, – возглашающу пророку, – иже поживет и не узрит смерти?» (Пс 88: 49) – так начинается Слово надгробное Петру Прокопьеву. В нем Андрей Денисов не только рассказывает о жизни и кончине одного из видных деятелей пустыни, но и создает первую историю поморского согласия, а попутно – собственную концепцию старообрядческого сообщества как духовной семьи, где смерть не означает окончательной разлуки.

Словами пророка Давида начинаются и другие сочинения выговского проповедника. Например, акцентируется тема врагов в посланиях, где сообщалось об аресте брата Андрея, Симеона Денисова: «Оружие извлекоша грешницы, напрягоша лук свой состреляти убога и нища, заклати правыя сердцем. Оружие их внидет в сердца их, и луцы их сокрушатся» (Пс 36: 14-15) [12, с. 94]. Тема другого послания задана «фемой» «Аз же, внегда они стужаху ми, облачахся во вретище и смирях постом душу мою, и молитва моя в недра моя возвратится» (Пс 34: 13) [12, с. 98], – апеллируя к Псалтыри, автор настраивал слушателей на духовную работу, которая предстояла им в связи с гонениями.

Позиция автора могла обозначаться не как его личная, а как результат присоединения к голосу пророка, в разных местах текста. «Понеже убо ваше боголюбное сословие возжелесте церкволюбным усердием

украсити всежеланныи Спаса Христа образ …, добре сие и празднолюбне возусердствovaсте, боголюбивии, *яко и с пророком вам соревностно глаголати*: «Господи, возлюбих благолепие дому твоего» (Пс 25: 8) (курсив мой – О. Ж.) [12, с. 210]. Андрей Денисов обращается здесь с праздничным поздравлением в честь Преображения к насельникам Боровского скита, соединив свой голос с голосом пророка Давида.

Этикетность барочной проповеди Андрея Денисова включает приемы, напоминающие поэтику своеобразного зрелища. Так, например, автор может «вводить» и предлагать вниманию слушателей прекрасную царицу Девство: «Сию солнцесиятелную добродетель возжелех в показателной словес ризе украшенну представити пред вашими, о боголюбезное христоневестное сочленение, очесы, и аще бы всебогатшая и всеславнейшая некая царица явилася бы посреде вас, красотою многою сияющая, вас бы любезно украшающая, и многомилостивно венчающая, и всесладостно приветствующая…» [3, с. 378]. В сочинении «Слово плачевно о злостраданиях и скорбех Церкве Христовы» автор, используя известный в Средневековье притчевый сюжет о встрече путника с плачущей женщиной, выстраивает драматический сюжет, где сам автор – Путник, устремленный в дальнее место, Град Небесный, а «Жена» – сединами украшенная мать-Церковь, горько оплакивающая своих непослушных детей [3, с. 205-214].

Автор проповеди нередко позиционирует себя как дарителя, обладающего бесценным богатством – словесным умением, мудростью Божественных слов, и щедро предлагающего свои дары слушателям. В «Слове о правдосудии» слова Господа, переданные через пророка Иезекииля, предваряются этикетным вступлением автора-дарителя: «Иже любовию к друг другу дышут, тии от конец земли познавающеся, аще не лицем к лицу, но вещьми и дары и писаньми целующеся, поздравляютъся, и полезная, елико могуще, друг другу промышляюще, и советы и уведомления, еже любимым к полезному препосылающе, дарствуют. Что же аз к моим любезным другом дарствовати возъимам, которыя дары давшим себе Богови в дары дати возмогу? <…> Но иже боготканными благочестия и добродетелей одеждами, а не человекотканными, украшающимся, и пищами духовными, паче нежели телесными, алчющим присно, сицевыя дары дарствовати желаю, словеса самого Господа пророком Иезекиилем реченная написую: «Неправду, – рече, – и злобу отъимите, и суд и правду творите, измете насилие от людей моих», – глаголет Господь Бог [3, с. 366].

В нескольких надгробных плачах голос Андрея Денисова обретает почти лирическую проникновенность. В них тоже присутствует зрелищность, особого, скорее, мистического характера: автор вызывает в минуты поминовения самого умершего, имитируя его голос, ведет беседу с ним, прощается, просит молиться за свою духовную семью. В «Слове надгробном Петру Прокопьеву» [12, с. 42-62] присутствует слово самого Петра Прокопьева, основанное на его духовном завещании, но не совпадающее с ним, – это текст, сочиненный автором. Мотив слова умершего известен и по фольклорной причети, и по церковному обряду отпевания, но он преобразован проповедником в соответствии с барочной стилистикой. Создавая эффект временного присутствия умершего, автор достигает высокой степени драматизации повествования.

«Слово» центрального персонажа другого надгробного слова, брата Дамиана, составляет половину текстового пространства и представляет собой жалобный плач юноши, молящего о прощении. Он ничем не успел прославиться, более того, судя по тексту, не отличался особым усердием в исполнении требований иноческого жития. Внезапная смерть побудила Андрея Денисова написать слово, которое должно было призвать не только к молитвам за погибшего брата, но и к мыслям об ответственности за свою земную жизнь других пустынножителей. Дидактический пафос сочетается с медитативной тональностью – автор размышляет о бренности жития и об ответственности человека за свою земную жизнь. Дамиан по призыву проповедника «умиленными словесы же и вещми жалостне гласа к вашему боголюбному собору вопия вопиет:

> ‟Здрави будите, здрави, любезнии отци мои и братие,
> и за мя, умиленнаго, воставше помолитеся,
> недр ваших отеческих отлучаюся
> и не вем, куда безпождателно восхищаюся.
> Желаю вашю святыню лобызати
> и ни до мала дают в своих побывати…‟» [3, с. 388].

Как видим, автор вложил в уста поминаемого брата вирши, вполне в духе барочной эпохи.

Выражая чувство скорби, апеллируя к сочувствию, в надгробных словах автор использует множество приемов и тропов. Среди них – метафора, построенная на мотиве чернил, смешанных со слезами: «…кое надгробное слово любезному нашему подвижнику принесу, какими ли

писмены жалость сию оплачю пред вашим боголюбным братожалостным собором? Ибо предваряет витийства жалость и *предскачют чернил слезныя капли*» [3, с. 398]; «…некую отраду скорби подати возжелах, *со слезами чернило смесивъ*, вашему боголюбию краткими словесы побеседовати усердствую» [3, с. 393].

Было бы неверно говорить о едином целостном образе автора в проповедях Андрея Денисова. Различные приемы, основанные в первую очередь на семантических возможностях использования двойного кодирования, апелляции к сакральным текстам, позволяют усилить голос автора, придать ему значимость и авторитет слова не профанного. Кроме того, автор-проповедник создает условия, позволяющие представить текст, созданный в дискурсе oratio, почти как narratio, кроме того, он обильно использует приемы зрелищности, театрализации, что способно сделать длинную проповедь увлекательной, и, в итоге, эффективной.

Способы репрезентации старообрядческого автора имеют за собой определенную традицию. Согласно концепции, сформировавшейся уже у поэтов-силлабиков в XVII веке, автор стихов подобен Творцу [7, с. 176-177]. Протопоп Аввакум воспринимал многие идеи силлабиков враждебно, не признавая «новин» в сфере культуры, однако сам себя уподоблял Христу [10, с. 70-83; 9, с. 184-200]. Н. М. Герасимова на основе цитат и реминисценций «Жития» протопопа сделала вывод о том, что представление Аввакума о собственном избранничестве основано на аналогиях с апостолом Павлом [1, с. 63]. До 170 обращений к Посланиям апостола Павла выявил в корпусе сочинений Аввакума А.И. Клибанов: «Апостольство Аввакума (и других провозвестников и учителей «старой веры») удостоверяется не только его свидетельством о самом себе, а также свидетельством Авраамия, и даже не столько ими, сколько характеристикой Аввакума, могущей быть почерпнутой из его сочинений, – его видениями, провидениями, врачеванием, преображениями, общением с небесными силами – все это так называемые харизматические дары...» [5, с. 25].

Отметим, что использование библейских тематических ключей в текстах Андрея Денисова позволяло конструировать не только собственный образ в соотнесении с высокими образцами. Адресаты слов также переосмыслялись сквозь призму символической структуры Священного Писания, обретая убедительность мифопоэтических образов. Слушатели включались в коммуникацию, основанную на знаковой системе «двойного кодирования». «....Вам глаголю, воином Царя царем и Господа

господем, всякаго чина, возраста же и служения... различными единаго пути служения в пресветлейшии Матере Градовом, во всекраснейшую митрополию, во сладчайшии небесныи Иерусалим, в вечную утеху, в нескончаемый прохлад, в клевретство пресветлых аггел, в соседство всекрасных жителей небесных: зде обнищавшим, тамо обогащающимся, зде смирившимся, тамо прославляющимся, зде служащим, тамо воцаряющимся...» [12, с. 132-133]. Выговцы предстают как воины Христа, которые вершат шествие в Небесный Иерусалим.

В сочинениях Андрея Денисова создается обобщенный образ выговцев: они и воплощают собой Выговскую пустынь, то есть Церковь, которая, согласно Иоанну Златоусту, есть «не стены и покровы, а вера и житие». Мысль проповедника вполне логично, хотя миф не поддается логике, идентифицирует Церковь и апокалиптическую Жену, облеченную в Солнце (Откр. 12). Индивидуальность, личность каждого отдельного насельника теряется в этом лучезарном образе Жены из Откровения Иоанна Богослова, которая в других текстах Андрея Денисова отождествляется с Церковью-Невестой Христа. Выговцы позиционируются как единое целое, стремящееся к воссоединению с Христом.

Таким образом, тексты Андрея Денисова, чтение которых входило в обязательный круг обязанностей пустынножителей, транслировали идеи религиозного лидера, оформленные в соответствии с эстетическими требованиями барочных риторик. Авторское «я» конструировалось при помощи цитат из Священного Писания, причем в большей степени это были Книг Ветхого Завета. Голос проповедника резонировал на фоне голосов библейских пророков, самоидентификация лидера религиозного сообщества, претендующего на единственно правильный путь спасения, формировалась при помощи высоких авторитетов священных текстов. Важным элементом сакрализации слова проповедника было и кодирование, которому подвергались адресаты, слушатели его проповедей. «Воины Христа», совершавшие неустанный путь в небесные чертоги, соединялись в целостный персонифицированный образ Церкви, которая в условиях эсхатологической реальности представала как «Жена, облеченная в Солнце».

Литература

1. *Герасимова Н.М.* Поэтика «Жития» протопопа Аввакума. СПб., 1993.
2. *Дружинин В.Г.* Писания русских старообрядцев: Перечень списков, составленный по печатным описаниям рукописей. СПб., 1912.
3. *Журавель О.Д.* Литературное творчество старообрядцев XVIII – начала XXI вв.: темы, проблемы, поэтика. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. – 442 с.
4. *Зеньковский С.А.* Идеологический мир братьев Денисовых // Русское старообрядчество. Т. 1-2. М., 2009.
5. *Клибанов А.И.* Протопоп Аввакум и апостол Павел // Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.). Сб. науч. трудов. М., 1994. С. 12–43.
6. Выгорецкий Чиновник: В 2 т. – СПб., 2008. Т. 2. Маркелов Г. В. Выгорецкий Чиновник: Тексты и исследования.
7. *Панченко А.М.* Русская стихотворная культура XVII века. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1973. – 280 с.
8. *Пиккио Р.* Функция библейских тематических ключей в литературном коде православного славянства // Пиккио Р. Slavia Orthodoxa: Литература и язык. М., 2003. С. 431–473.
9. *Плюханова М.Б.* О некоторых чертах личностного сознания в России XVII в. // Художественный язык средневековья. М., 198. С. 184-200.
10. *Хант П.* Самооправдание протопопа Аввакума // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 70–83.
11. *Юхименко Е.М.* Выговская старообрядческая пустынь. Духовная жизнь и литература: В 2 т. Т. 1. М., 2002. 544 с.
12. *Юхименко Е.М.* Литературное наследие Выговского старообрядческого общежительства: В 2 т. Т. 1. М.: Языки славянских культур, 2008. 688 с.
13. *Crummey Robert O.* The Old Believers and the world of antichrist. The Vyg Community and the Russian State 1694-1855. Madison, Milwaukee and London. 1970.

Д.Б. Терешкина
доктор филологических наук, доцент, профессор
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ (РАНХиГС)
(Новгородский филиал)
Великий Новгород (Россия)
E-mail: terdb@mail.ru

Читательские пометы в книгах в контексте проблем современного читателеведения

Аннотация. В статье рассмотрен частный вопрос современного читателеведения – пометы читателей в массовых изданиях последних десятилетий. Не являющиеся предметом специальных систематических исследований, закономерно находящиеся в «андеграунде» культурных явлений вследствие своего нелегитимного характера, пометы разных типов и видов могут стать ценным материалом для изучения способов и видов реакции читателя на текст в виде помет, читательского спроса, изменяющихся форм работы с книгой, социального, возрастного, гендерного среза читателей, исчезающей культуры отражения взаимодействия читателя с книгой как предметом.

Ключевые слова: читателеведение, читательские пометы, взаимодействие, текст, книга, культура чтения, повседневность.

Daria B. Tereshkina
the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration under the President
of the Russian Federation or RANEPA
(Branch in Novgorod the Great)
Novgorod the Great (Russia)
E-mail: terdb@mail.ru

Reader’s notes in books in the context of the problems of modern reader studies

Abstract. The article considers a private matter of modern reader studies – reader’s notes in the mass publications in past decades. Not being the subject of special systematic research, naturally located in the “underground” cultural phenomena due to its illegitimate nature, the reader’s notes of different types can be a valuable

material for the study of ways and types of reader's reaction to the text, reader demand, changing forms of work with the book, social, age, gender section of readers, disappearing culture of reflection of the reader's interaction with the book as a subject.

Key words: reader studies, reader's notes, interaction, a text, a book, culture of reading, everyday life.

Термин «читателеведение» не является новым. Он употреблялся в исследованиях еще в 20-е годы XX в. [6, с. 74; 20], был включен в «Словарь библиотечных терминов» 1976 г. [21]. Терминологическое поле читателеведения включает около тысячи терминов [6, с. 75]. Выработано несколько подходов в читателеведении (психологический, книговедческий, литературный и др.) [3; 5; 7; 14; 17; 19; 24; 25]. Однако полностью разработанной эту дисциплину считать нельзя [2; 10; 22; 29; 30]. Более того: в период перехода традиционного чтения в «экранное» читателеведение в области книжного чтения вынуждено «ловить уходящую эпоху» и описывать явления, находящиеся в стадии вымирания. В наше время наблюдается тенденция изучения читателеведения в комплексе проблем чтениеведения [10; 22], поскольку сам феномен чтения ныне нуждается в новом определении и осмыслении [31].

Предметом нашего рассмотрения стал частный вопрос читателеведения, уже не раз освещенный в исследовательских работах. Речь идет о читательских пометах в книгах. Читательские пометы рассматривались в основном в тех аспектах, которые важны для воссоздания биографии и творческого метода известных писателей и поэтов (М.В. Ломоносова, Н.В. Гоголя, А.А.Блока и др. [1; 8; 15]), истории бытования книги (особенно в древнерусский период) [4; 12; 23; 26, с. 305 – 321], творческой истории произведений. Пометы сами по себе, вне связи с другими исследовательскими проблемами, изучаются крайне мало, что вполне объяснимо. Пометы читателей либо однотипны, либо индивидуальны, но плохо интерпретируемы (особенно в случае, когда личность оставившего пометы неизвестна); поиск экземпляров с пометами (в случае, когда книга не является музейной ценностью и пометы не указаны в описании экземпляра) становится почти слепым, с надеждой на случайную удачу; большинство помет стирается прилежными читателями или вовсе не оставляется теми из них, кто книгу считает предметом почти священным[1]. Если речь идет о вдумчивых читателях, систематизация

[1] Опираемся на устные заявления опрошенных современных читателей, особенно старшего поколения. Такую позицию можно считать совершенно правильной,

их индивидуальных отношений с книгой почти невозможна – в этом и состоит элитарность чтения как интеллектуального занятия [14]. «Квалифицированные читатели составляют (и всегда составляли) исчезающе малую часть потребителей книжной продукции, и эта среда чрезвычайно дифференцирована, раздроблена» [11, с. 176]. Кроме того, чтение является в высшей степени интимным процессом; это отмечают библиотекари и библиографы, работающие в современных библиотеках, прикладывающие неимоверные усилия по осмыслению нового назначения и функций общественных библиотек: «Интимность самого процесса чтения предполагает личностный, индивидуальный подход к читателю» [11, с. 176]. В зависимости от типа чтения читателем в книге оставляются те или иные виды помет или не оставляются вовсе (различают чтение учебное, развлекательное, экзистенциальное и др.). Кроме того, отношение к пометам в книгах у разных читателей различно – от категорического неприятия до признания их как необходимой части работы с книгой. Таким образом, изучение помет на книгах является попыткой исследования «источника-улики», особого типа эго-документа [27; 28] (в случае большого количества и достаточного разнообразия помет, принадлежащих одному лицу), обнаружение которого является счастливой случайностью, а его интерпретация – не претендующим на строгую научную достоверность результатом комплексного исследования.

Несмотря на очевидные трудности в достижении цели нашего исследования, мы, тем не менее, намеренно ограничиваем его рамки, дабы исключить тиражирование однотипных (и, вероятно, более полезных) работ по изучению значимых помет интересных в историческом отношении лиц. Нас интересуют: 1) только традиционные (бумажные) книги; 2) только современные издания (второй половины XX – начала XXI вв.); 3) книги из общедоступных фондов публичных библиотек (исключая те собрания, которыми пользуется ограниченный круг исследователей); 4) анонимные пометы (анонимными будут считаться и те пометы, которые сделаны читателями, знакомыми автору статьи, но не известными достаточному кругу людей). Целью настоящего исследова-

---

соглашаясь с М.Н.Куфаевым, в свое время писавшим: «”Работа” с карандашом, еще более с пером, *внутри* книги – вредная работа. Даже если книга принадлежит читателю как собственность. <…> “артикуляция” автора книги исчезает, остается на первом плане карандашная артикуляция читателя» [13, с. 191]. М.Н. Куфаев настойчиво рекомендовал работать с карандашом вне книги – в записях, конспектах, карточках, заполняемых по прочтении книги, и т.д.

ния, таким образом, становится сам феномен читательских помет, их специфика, типологические черты и уникальность. Пометы на книге являются особого рода коммуникацией с книгой, текстом, автором, самим собой и другими читателями. «Читатель перестает быть анонимным, как только ставит свой непосредственный вопрос к тексту; во множестве потенциально возможных прочтений он оставляет след своей, особенной, интерпретации» [16, с. 195].

Материалом для исследования послужили экземпляры книг с пометами читателей из Новгородской областной научной универсальной библиотеки (НОНУБ), из библиотеки Гуманитарного института Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, из личных библиотек новгородцев – представителей разных профессий и социальных слоев. Мы намеренно исключаем из исследования личные библиотеки читателей всем корпусом: в них пометы однообразны и скорее отражают специфику личности в целом, а не функцию помет как таковых. Так, например, личные библиотеки учителей и преподавателей совершенно ожидаемо ранжированы на разделы «для себя» и «для работы» [18]. В книгах «для себя» может не быть помет, зато в них могут находиться разного рода закладки в виде листков отрывных календарей (что определенно уходит в прошлое), засушенных цветов, специальных закладок, особенно у учителей-филологов, вырезок, открыток, талонов из общественного транспорта, скидочных карт и проч. – история книжной закладки и модификация закладки в последние десятилетия как отражение изменения жизни общества, быта каждого читателя и специфики бытования книги – предмет отдельного интересного исследования. Книги учителей «для работы» однотипны: они, как правило, представляют собой классические (зачастую далеко не новые, «авторитетные») издания, густо оснащенные закладками-«навигаторами» (у словесников это, как правило, обозначение ключевых слов фрагмента, например: «Кн. Андрей», «Встреча с Пьером», «Монолог о дубе», «Сравнение» и проч.), а также многочисленными пометами в самом тексте: отчеркиваниями нужных мест, ключевыми словами или литературоведческими терминами, написанными на полях, и т.д. В работе словесников с книгой замечена одна характерная особенность последних десятилетий: наличие в собственном пользовании нескольких одинаковых изданий текстов, часть которых отведена для работы (на которых «не жалко» делать пометы), часть представляет собой «чистые» экземпляры («парадные» или «для себя»). Это стало возможным, в том числе, потому, что и биб-

лиотеки, и частные лица стараются освободиться от бумажных книг, в свое время приобретенных зачастую с большими трудностями, а ныне утративших свое значение и даже надобность. В школьном же изучении (в вузовском – тем более) бумажная книга продолжает удерживать определенные позиции, особенно у читающих учеников и студентов. (Речь идет, несомненно, о тех текстах, которые подробно изучаются на уроках или занятиях, в остальных случаях электронные книги практически полностью заменяют бумажные.) В кабинетах литературы сохраняются (а в новых школах создаются) кабинетные библиотеки, которые составляются из личных книг учителей или книг, от которых освободились библиотеки или индивидуальные читатели; учителя-словесники зачастую играют роль координаторов миграции традиционных книг – от тех, кому они не нужны, тем, кто в них еще нуждается, хотя бы на время. Попадая в пространство прочтения и работы с текстом, книга приобретает следы использования, в том числе в виде помет.

Нами был проведен опрос библиотекарей НОНУБ (как одной из наиболее посещаемых в Великом Новгороде), каково их отношение к пометам читателей в книгах. Резко отрицательно работники библиотек относятся к пометам, сделанным ручкой или маркерами; а вот пометы, сделанные карандашом, они считают свидетельством заинтересованного и внимательного отношения к книге. Работники библиотек подчеркивают, что процесс чтения всегда индивидуален, а «интеллигентные» пометы в книгах могут стать предметом научного интереса. Наиболее подвержена воздействию читательских помет учебная и научная литература[1], а также издания тех художественных произведений, которые изучаются в школах и вузах. По признанию работников библиотечного абонемента, студенты стараются брать те экземпляры, в которых есть пометы: последние становятся своего рода «навигатором» выборочного чтения при подготовке к экзаменам (читателями-предшественниками выделяются наиболее значимые фрагменты, на полях оставляются маргиналии в виде кратких конспектов или указаний (вроде «портрет Наташи», «лирич.оступл.» и под.), в том числе литературоведческих тер-

[1] Например, особо примечательным сотрудники абонемента НОНУБ считают издание «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна (М.: Иностр. лит., 1958), инв. №286680. Книга испещрена карандашными пометами, значками, комментариями на полях, зачастую не читаемыми или совершенно не понятными последующим читателям. Пометы разновременные, принадлежат, судя по всему, нескольким читателям разных поколений.

минов (текст с пометами представляет в этом случае практически готовый анализ литературного произведения); нередки в учебной литературе экземпляры с готовыми вписанными ответами.

В классификации читательских помет в книгах на современном этапе можно указать их *типы* и *виды*.

К типам (разновидностям, характеристикам) помет можно отнести следующие:

1) Пометы единичные и множественные («густые»);

2) Пометы в оглавлениях (свидетельствуют о текстах, заслуживших особое внимание читателя (читателей) либо являющихся необходимыми в рамках школьного или вузовского изучения);

3) Пометы одновременные и разновременные по времени их оставления в книге (определяются по разному виду чернил, карандашных помет (простым, химическим, цветным и др.), по разным почеркам и типам помет, принадлежащим одной руке или нескольким, и др.). Таким образом, пометы одновременные, как правило, принадлежат одному читателю, разновременные – либо тому же читателю, либо разным, что, несомненно, учитывается в анализе помет экземпляра из той или иной библиотеки.

4) Важным оказывается стремление некоторых читателей либо уничтожить чужие пометы, либо указать, что помета была сделана не ими. Последнее было отмечено при изучении помет А.А. Блока [15, с. 59]; стирание чужих помет свойственно некоторым современным читателям[1].

5) Пометы в виде маргиналий на полях либо на форзацах книг. Это могут быть цитаты, высказывания, услышанные по радио или телевизору, собственные мысли, возникшие попутно прочтению или услышанному и увиденному. В этом случае мы имеем дело с книгой как с индивидуально личным предметом. Подобного рода экземпляры после смерти владельца собрания расцениваются как эго-документы и не могут быть переданы в другие руки, если на то не было согласия владельца[2].

---

[1] Ссылаюсь на устное замечание моей матери, филолога О.Д. Максимовой, практикующей такое отношение к книжным пометам.

[2] Ссылаюсь на устное распоряжение моей матери уничтожить все её записи после её смерти. Учитывая практически полное отсутствие в последние десятилетия эго-документов в виде писем и прочего, книгу с пометами можно считать единственным в своем роде эго-документом, раскрывающим интимную часть жизни человека.

6) Особым типом читательских помет является исправление напечатанного текста. В последнее время, в связи с ослабленным контролем при издании книг, подобное явление стало массовым (и даже породило целое охранительное направление, борющееся за чистоту и правильность языка в печатных текстах). В истории книгопечатания исправления порой имели политический контекст (например, в случае исправления печатных подцензурных изданий Льва Толстого известным новгородским «толстовцем» Владимиром Молочниковым, умершим в советских лагерях в 1936 г. Библиотека В.А. Молочникова, состоящая из полутысячи экземпляров, с многочисленными пометами и вклейками с переписанным от руки изъятым цензурой текста в изданиях сочинений Л.Н. Толстого, хранится в Новгородском государственном музее-заповеднике [9, с. 249 – 251]).

7) К общим типам помет относят выделительные пометы, ссылки, правки, отсылки, комментарии разного рода (эмоциональные, ментальные, идеологические, фактические и проч.)[1].

К *видам* помет относится огромное разнообразие специфических, зачастую индивидуальных, знаков реакции на текст. Многие из них наиболее частотны и лишены индивидуальности. Таковы:

– подчеркивания и отчеркивания разных видов (волнистой, прямой, ломаной линиями, полукругом, дугой, квадратной, фигурной скобкой на полях; непосредственно в строке – прямыми, волнистыми линиями, скобками – круглыми и фигурными); пространные фрагменты часто подчеркнуты по линейке;
– знак NB на полях;
– восклицательный, вопросительный знак на полях;
– знаки NB и «!» вместе;
– «галочка» (реже – знак «W» как две галочки) на полях возле важного для читателя фрагмента;
– отсылки к другим частям текста (напр., «см. с. 45» или «см.» со стрелкой, направленной вверх).

[1] Разработанную систему помет применительно к одной книге – Острожской Библии – предложил С.А. Кудрявцев [12]. Подобного рода систему полезно будет представить по отношению к другим памятникам книжности, и не только в рамках изучения творчества известных личностей, но и безвестных (как в случае с Острожской Библией) читателей.

Менее употребительными и более индивидуализированными являются обнаруженные нами следующие пометы[1]:

– заключение в рамку важных слов в тексте;

– знак (рисунок) «спираль» на поле напротив подчеркнутого фрагмента;

– дублирование подчеркиваний в тексте отчеркиваниями (часто – такого же типа линией) на поле напротив подчеркнутого фрагмента;

– слова-сигналы на полях («конспект» прочитанных важных фрагментов, например: «смысл жизни», «через речь хар[акте]р» и др.);

– тройная система помет: подчеркивание, отчеркивание, слова-сигналы;

– знак «две разнонаправленные стрелки» возле противоречивой характеристики героя произведения;

– разного вила стрелки, указывающие, например, на продолжение мысли автора, прерванной лирическими отступлениями;

– названия других произведений автора на поле рядом с фрагментами, переклички с которыми увидел читатель.

Необходимо отметить, что зачастую пометы дублируются закладками (они, вырезанные из чистых полосок бумаги, нередко «утапливаются» в блоке книги, незаметны, а потому не все изымаются читателями перед сдачей книги).

Важным указанием на работу с текстом является наличие помет в комментариях к произведениям. Несомненно, в таком случае речь идет не только о вдумчивом, но и о профессиональном читателе (на это указывает, например, в описываемом издании рассказов Г.Газданова написанная карандашом возле содержания книги ссылка на широко известную Фундаментальную электронную библиотеку (ФЭБ)). Так электронная книга пока еще соседствует с книгой традиционной.

Особую группу помет составляют пометы на изданиях популярных пьес (по большей части, входящих в школьную программу изучения). Эти пометы отражают особый вид работы с текстом: либо анализ драмы на уроках и занятиях по литературе, либо использование текста как сценария для постановки пьесы в школьном театре либо инсценировки на уроке литературы. Примечательность такого рода помет – в том, что они

---

[1] Разнообразные по виду пометы чрезвычайно вдумчивого читателя обнаружены нами, например, в издании собрания сочинений Гайто Газданова из фондов НОНУБ (М.: Согласие, 1996. Т. 3. Инв. № 1183221).

больше, нежели пометы в иных текстах, отражают повседневность читателей. Так, в афишах часто проставляются имена исполнителей тех или иных ролей (и можно изучать именник поколений), в комментариях на полях могут значиться ссылки на известных исполнителей тех или иных ролей как на своего рода образец для подражания при исполнении той или иной роли. Все ремарки в текстах пьес подчеркнуты или выделены, для работы над нужной в сцене интонацией и невербаликой; попутные комментарии порой конкретизируют обозначенное автором (так, возле слова «пауза» дописано «напряженность обстановки»[1]. В афише дописываются указания на возраст действующих лиц (как известно, это иногда понятно только из текста), а также какие-либо краткие характеристики персонажей. «Рабочий» характер указанного экземпляра издания пьесы А.П. Чехова подтверждают записи на задней обклейке форзаца: там значится расписание уроков на какой-то учебный день, пятизначный номер городского телефона (в Новгороде такие существовали до начала 2000-х гг.), схемы подчинительных связей в сложном предложении, а также рисунки и дорисовывания штриховкой и деталями иллюстраций художника В.Панова, имеющихся в книге.

Даже в случае работы с подобным спорадическим и разнородным материалом в виде разного вида и типа помет читателей на современных традиционных (бумажных) книгах, мы имеем дело с широким полем возможностей для воссоздания истории повседневности «поколения массовых печатных изданий», уже сейчас, в первой четверти XXI в., уходящей в безвозвратное прошлое. Исследование читательских помет на книгах предоставляет базу для изучения читательского спроса, изменяющихся форм работы с книгой, способов и видов реакции читателя на текст, «диалога» помет разных читателей в случае наличия разновременных помет на одном тексте. Чрезвычайно интересным может быть самостоятельное изучение помет детей в детских книгах и в доступных детям книгах для взрослых, что может стать, в том числе, одним из признаков этической и эстетической оценки маленьким читателем увиденного и прочитанного в книге и меняющихся от поколения к поколению представлений о должном и прекрасном. Мало изучаются всякого рода следы нечаянной порчи книги (влагой, солнцем, пылью, животными, детьми, огнем и проч.) – что, несомненно, является картиной, составленной из

[1] Чехов А.П. «Вишневый сад». М.: Дет.лит., 1980. Из фондов НОУНБ (инв. №825822).

случайных «отметин» истории хождения книги в читательской среде. Изучение помет может дать материал для создания социального, возрастного, гендерного среза читателей, исчезающей (при этом не полностью установившейся) культуры отражения взаимодействия читателя с книгой и читателя с текстом (что, несомненно, различается). Читателеведение в рамках традиционного книговедения, не успев начаться, вынуждено заканчиваться: чтение приобретает совсем иные формы. Книжное читателеведение постепенно переходит, по сути, в архивное дело.

В идеальном варианте, читателеведение (в том числе в рамках изучения читательских помет) должно воссоздать картину процесса чтения каждым читателем каждой книги. И хотя подобный результат недостижим, главной целью читателеведения как дисциплины гуманитарного профиля становится изучение повседневности простого человека в его духовной жизни самопознания и миропонимания через чтение как основополагающий процесс в становлении личности.

Литература

1. *Балакшина Ю.В.* Пометы Н.В.Гоголя в книге Бытия: материалы иинтерпретация // Седьмые Гоголевские чтения. Гоголь и народная культура. М., 2007.С. 302–312.
2. *Банк Б.В.* Изучение читателей в России XIX в. М., 1969.
3. *Баренбаум И.Е.* Основы книговедения. Л.: ЛГИК, 1988. С. 70–86.
4. *Бахтина О.Н.* Особенности творческой работы томского старообрядца-книжника конца XIX начала XX в. А.Н. Нифантова (по его читательским пометам на книгах) //Мир старообрядчества. Личность. Книга. Традиция. М.;СПб., 1992. Вып. 1. С. 100-107.
5. *Беляева Л.И.* Проблемы интеграции библиотековедения и психологии // Библиотеки СССР. 1971. Вып. 50. С. 44–65.
6. *Бородин С.М., Бородина В.А.* Изучение терминологического пространства в читателеведении // Современный читатель: взгляд специалистов книжной культуры. СПб.: РНБ, 2011. С. 74 – 85.
7. *Гречихин А.А.* Методика чтения и работы с книгой в книговедении. М., 1980.
8. *Грякалова Н.Ю.* К изучению читательских помет и маргиналий А.А. Блока // Что и как читали русские классики? (От круга чтения к стратегиям письма): Колл. монография / Отв. ред. Н.Ю. Грякалова. СПб., 2017. С. 225–270.

9. Ежегодник Новгородского государственного музея (НГОМЗ). 2014. Великий Новгород, 2016.
10. *Загидуллина М.В.* Современное читателеведение и чтениеведение в западных Social Studies и проблемы изучения чтения в отечественной науке XXI века / Чтение. XXI век: коллективная монография / науч. ред.-сост. В.Я. Аскарова; Челяб. гос. акад. культуры и искусств. Челябинск, 2014. С. 49 – 61.
11. *Крохина Е.Н.* Элитарный читатель и библиотека: проблемы взаимоотношений // Современный читатель: взгляд специалистов книжной культуры. СПб.: РНБ, 2011. С. 175 – 182.
12. *Кудрявцев С.А.* Пометы на листах Острожской Библии (по материалам экземпляра из собрания УрГУ) / С.А. Кудрявцев // Уральский сборник. История. Культура. Религия. – Екатеринбург, 1998. – Вып. 2. – С. 112-145.
13. *Куфаев М.Н.* Избранное: Труды по книговедению и библиографии. М.: Книга, 1981.
14. *Мелентьева Ю.П.* Эволюция представлений о читателе в ходе его изучения // Современный читатель: взгляд специалистов книжной культуры. СПб.: РНБ, 2011. С. 86 – 95.
15. *Миллер О.В.* Пометы Блока на книгах по истории русской литературы XIX в. //ЛН. Т. 92. Кн. 4. С. 57—74.
16. *Неф Ж.* Поля рукописи // Генетическая критика во Френии: Антология. М.: ОГИ, 1999.
17. *Никифорова О.И.* Психология восприятия художественной литературы. М., 1972.
18. *Полякова О.М.* Читательская активность преподавателей высшей школы // Современный читатель: взгляд специалистов книжной культуры. СПб.: РНБ, 2011. С. 156 – 159.
19. *Прозоров В.В.* Читатель и литературный процесс. Саратов, 1975.
20. *Рубакин Н.А.* Психология читателя и книги: кратк. введ. в библиот. психологию. М.; Л., 1929.
21. Словарь библиотечных терминов. М., 1976.
22. Современный читатель: взгляд специалистов книжной культуры. СПб.: РНБ, 2011.
23. Схемы научного описания экземпляра // Книжные памятники: изучение, сохранение, использование: Сб. материалов. Архангельск, 2010. С. 120–121; Список терминов для создания научного описания экземпляра // Там же, с. 122–126.
24. *Таловов В.П.* Историческая обусловленность познания читательской психологии как научная проблема. Л., 1971.

25. Теоретические проблемы руководства чтением. Л., 1977.
26. *Терешкина Д.Б.* «Четьи-Минеи» и русская словесность Нового времени. Великий Новгород, 2015.
27. *Терешкина Д.Б.* Записные книжки дореволюционного периода в фондах Отдела письменных источников Новгородского музея // Новгородский исторический сборник. Великий Новгород, 2016. Вып. 16 (26). С. 260 – 284.
28. *Терешкина Д.Б.* Помянники в фондах Отдела письменных источников Новгородского музея // Новгородский исторический сборник. Великий Новгород, 2017. Вып. 17 (27). С. 228 – 244.
29. *Трубников С.А.* Типология читателей художественной литературы. М., 1978.
30. *Тугов Ю.М., Куликова А.П.* Психолого-педагогические основы классификации читателей // Советская библиография. 1980. № 4. С. 55–60.
31. Чтение. XXI век: коллективная монография / науч. ред.-сост. В.Я. Аскарова; Челяб. гос. акад. культуры и искусств. Челябинск, 2014. – 310 с.

М.В. Антонова
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории русской литературы XI-XIX вв.
ФГБОУ ВО «Орловский государственный
университет имени И. С. Тургенева
Орел (Россия)
E-mail: gavrila05@yandex.ru

«Рассказ отца Алексея» И. С. Тургенева в контексте традиций древнерусской литературы

Аннотация. В статье проводится анализ агиографических мотивов в «Рассказе отца Алексея» Тургенева и соотношение сюжета данного произведения с демократическими повестями XVII в. «Повестью о Горе-Злочастии» и «Повестью о Савве Грудцыне».

Ключевые слова: Тургенев, агиография, мотив, демократическая повесть, сюжетная модель.

Maria V. Antonova
DSc in Philology, Professor,
Head of the Department of History of
Russian literature of XI-XIXth centuries
Orel State University named after I. S. Turgenev
Orel (Russia)
E-mail: gavrila05@yandex.ru

"The story of priest Alexei" by I.S. Turgenev, in the context of the traditions of ancient literature

Abstract. In this article we have analyzed the hagiographic motives of Turgenev's work "The Story of priest Alexei", as well as the plot parallels of this work and the democratic stories of the XVIIth century "The Tale of Gore-Zlochastije" and "The Story of Savva Grudtsyn".

Key words: Turgenev, hagiography, a motive, a democratic story, a plot model.

«Рассказ отца Алексея» по признанию самого И.С. Тургенева в письме к М.М. Стасюлевичу от 18 (30) марта 1877 г. был им написан на основании собственных воспоминаний: «в ней совершенно набожным

языком передается (действительно сообщенный мне) рассказ одного сельского попа о том, как сын его подвергся наущению дьявола (галлюцинации) – и погиб» [17, с. 106]. Связь с реальными жизненными обстоятельствами подтверждается также в заметках И.Ф. Рынды, который вспоминает, что о. Борис, бывший священником в Спасском, рассказывал И.С. Тургеневу о своем племяннике, «который отличался странностями и совсем не был похож на окружающих людей» [14, с.30]. Сам писатель называл свое сочинение «легендообразным», что свидетельствует не столько о биографической основе сюжета, сколько об ориентации на «флоберовскую» традицию: писатель только что закончил перевод «Легенды о св. Юлиане Милостивом» и приступил к работе над «Иродиадой». Но в то же время И.С. Тургенев отмечает и наличие в своем небольшом рассказе наличие определенной стилизации: «совершенно набожным языком передается … рассказ».

Если современники И.С. Тургенева видели в «Рассказе отца Алексея» лишь психологический этюд, то начиная с 70-х гг. XX в. исследователи обратили внимание на иррациональные начала бытия [7, с. 5-8; 8, с. 101-102, 18, с. 65-81]. Современные исследователи подчеркивают наличие мифопоэтической основы произведения [10], определяют отношение произведения к разряду православной литературы [5, с. 25-30]. В задачу настоящего исследования входит рассмотрение соотношения тургеневского текста с традициями средневековой русской книжности.

Наиболее очевидна связь сюжета тургеневского рассказа и образа Якова с агиографической топикой [см.: 6, с. 113]. Достаточно указать на то, как рассказчик описывает детские и юношеские годы героя: «– ... У меня была жена добрая и степенная, – так начал он, – я ее любил душевно и прижил с нею восемь человек детей; но почти все умерли в младых летах. <…> о другом сыне – Яковом его звали – я вот теперь расскажу вам. Отдал я его в семинарию, в город Т...; и скоро стал получать самые утешительные о нем известия: первым был учеником по всем предметам! Он и дома, в отрочестве, отличался прилежанием и скромностью; бывало, день пройдет – и не услышишь его... всё с книжкой сидит да читает. Никогда он нам с попадьей не причинил неприятности самомалейшей; смиренник был. Только иногда задумывался не по летам и здоровьем был слабенек» [16, с. 122]. Как видим, здесь можно отчетливо увидеть реализацию агиографической схемы: рассказ о благочестивых родителях – книжное учение – смирение и задумчивость. Понятно, что подобное следование канону может быть мотивировано тем, что

в качестве повествователя выступает священник, который определенно обладал начитанностью в области агиографии и, поскольку испытывал надежду на посмертное прощение грехов сына, в рассказе о нем неосознанно следовал правилам построения именно житийного повествования.

Однако Яков отнюдь не агиографический герой. Скорее, он относится к категории бесноватых, но не в чистой форме, т.к. бес не вселился в него, а является ему, влияет со стороны. В качестве агиографического мотива с определенной натяжкой можно рассматривать способность Якова видеть бесов.

Агиографические герои ведут борьбу с бесами, противостоят им и побеждают. Например, в греческом житии Нифонта Констанцского повествуется о том, как главный герой, поддавшись бесовскому влиянию, вел разгульный образ жизни. Но герой смог опомниться, раскаяться и пойти по пути благочестия. Бесы долгое время пытались вернуть Нифонта под свое влияние, посеять сомнения в вере в его душе, являлись в видениях, искушали и угрожали. Но он, получив способность распознавать дьявольские козни, успешно сопротивлялся и вел активную борьбу с ними. Очистив свою душу, Нифонт Констанцский стал аскетом-праведником и начал помогать людям в их борьбе с нечистой силой [См.: 3, с. 69-133.].

В «Житии протопопа Аввакума» главному герою приходится исцелять людей от болезней, насылаемых дьяволом. Автор не говорит о причинах заболевания бесноватых, об их образе жизни и грехах. Внимание акцентируется на страданиях «бешеных» и процессе их исцеления. Жертвами бесов становятся разные люди, не зависимо от пола и возраста: это и вдовы, и молодые девушки, и взрослые мужчины, и младенцы, и, что удивительно, даже духовные дети протопопа – весь мир вокруг Аввакума «взбесился». И во всех случаях подвижник побеждает нечистого [См.: 4, с. 39-94].

И, наконец, пример текста, в котором бесноватый смог победить бесов и очиститься – «Повесть о бесноватой жене Соломонии». Нечистый обманом проникает в дом женщины, вселяется в нее и мучает в течение одиннадцати лет и пяти месяцев. Для того чтобы избавиться от влияния бесов, отцу женщины, священнику, необходимо было запомнить имена демонов и проклинать их в алтаре. Отметим, что и сама Соломония должна была совершить паломничество в город Устюг, и молиться Иоанну-чудотворцу и святому Прокопию. Женщине удалось исцелиться, она продолжила жизнь в вере и любви к Богу [См.: 11, с. 398-410].

В рассказе И.С. Тургенева Яков, по его собственному убеждению, в итоге проигрывает схватку с нечистым. И лишь в глазах отца Алексея его сын заслужил прощение, о чем свидетельствует его умиротворенный облик после смерти: «… уж очень он хорош лежал в гробу: совсем словно помолодел и стал на прежнего похож Якова. Лицо такое тихое, чистое, волосы колечками завились – а на губах улыбка» [16, с. 131-132]. Посмертная красота усопшего также является устойчивым агиографическим мотивом, наличие которого объясняется точкой зрения рассказчика.

В соотношении с агиографией может рассматриваться и образ беса, который преследует Якова. Первая встреча мальчика с нечистым, которая происходит в детстве, отсылает читателя к мифопоэтическим представлениям русских крестьян. Старичок, подаривший 10-летнему герою орешки, своим внешним видом напоминает лешего, каким его обычно описывают в Орловской области: «Маленький старичок, с горбиною, ножками все семенит и посмеивается – и весь, как лист, зеленый <…> И лицо, и волосы, и самые даже глаза» [16, с. 122]. Лешие, наряду с домовыми, овинниками, водяными, русалками и пр., относятся к так называемой народной демонологии. К этому же разряду С. В. Максимов относит и чертей (бесов, дьяволов), которые могут обитать в доме, а могут и нападать непосредственно на человека. Охотнее всего они селятся в глухих лесах, на болотах, представляют собой черных, мохнатых и рогатых существ. По отношению к людям черти пакостят, насылают болезни, превращаются в разных существ, искушают и соблазняют людей. По народным представлениям, «все душевно-больные и ненормальные суть люди порченые, волею которых управляет нечистая сила чем-либо напущенная и зачастую наталкивающая на злодеяние…» [9, с. 17]. Интересно, что при разговоре со взрослым Яковом отец Алексей, вспомнивший о встрече сына с лешим, предполагает, что его одолевает некто «зеленый» «с рогами». Облик сатаны, преследующего героя иной: «Нет, он как человек – только весь черный» [16, с. 126]. «Черный человек» уже значительно ближе именно к христианской традиции изображения черта. Чернота нечистого является его характерной чертой, которая отражается и в иконографии, и в житийных описаниях. Например, в популярном на русской почве Житии Андрея Юродивого в чудесном сне святой видит противостояние светлых юношей и «эфиопов», представляющих «сатанинский легион», вступает в битву и побеждает их «тысяцкого»: «И изииде же абье блаженыи, да ся бореть, и рече великымъ гласомь: “Иди сѣмо, учѣрнене, да ся боревѣ оба”. Пришед же ефиопъ,

дыша и грозяся, въсхыти Андрѣа, и нача имъ вѣртѣти на многы часы» [2]. Н.В. Кургузова совершенно справедливо замечает, что ни отец Алексей, ни Яков не называют «черного человека» чертом, сатаной или как-то иначе, поскольку народная традиция запрещала произносить подобные слова [6, с. 114].

Наименее очевидны параллели «Рассказа отца Алексея» с древнерусской беллетристической литературой XVII в., тем не менее, они весьма существенны и значимы, поскольку отражают уже не позицию рассказчика – сельского священника, а авторскую модальность.

Встреча с «зеленым старичком» в лесу имеет для Якова судьбоносное значение, поскольку нечистая сила как бы «пометила» ребенка. Мотив может быть интерпретирован как зеркальное отражение житийного, как антижитие. Если в житиях чудесные события детства мотивируют развитие агиографического сюжета, то в данном случае встреча с лешим предопределяет последующее падение Якова: в девятнадцать лет он отрекается от духовного пути, выходит из семинарии, т.к. в его душе поселилось сомнение в существовании Бога.

Яков отказывается идти по пути своих родителей: отец Алексей упоминал, что несколько поколений его семьи принадлежали духовному чину. Герой же теперь полагает, что достигнет больших высот, поступив в университет и став врачом, и у него это почти получается. Отец Алексей гордится успехами сына, однако вскоре происходит катастрофа. Яков оступается, им овладевает гордыня и открывает его сердце сомнению в вере. Как именно это произошло, автор не описывает, а лишь констатирует факт.

Данная ситуация и последующее бесовское преследование отсылают нас к «Повести о Горе-Злосчастии». Главный герой – Молодец, не послушавший наставления отца и матери, пожелавший жить своим умом и по-своему, в результате он растрачивает все свое имущество, попадает в кабак, и его преследует неотступное «горе-горинское», несмотря на все его попытки скрыться, убежать. Единственным спасением для молодого человека становятся монастырь и иночество, только тогда Горе-Злосчастие, не способное проникнуть за стены обители, прекращает его преследовать [12, с. 31-43].

Подобно Молодцу из древнерусской повести, Яков отказывается от традиционного жизненного пути его предков (священства) и затем не может скрыться от преследующего его беса. Изначально, когда он начинает заниматься медициной, отказавшись от учебы в семинарии, отцу

Алексею даже кажется, что сын окрылен, но это состояние молодого человека быстро сменяется вспыльчивостью, угрюмостью и отчуждением. Изменился он и внешне: постарел лет на десять. Когда Яков окончательно возвращается домой, отец с трудом узнает сына. Он стал еще более чужим, молчаливым, скрытным. Внешний вид стал пугающим, взгляд диким: «Щеки этта подтянуло, скулы выпятились, кости да кожа, голос как из бочки... а глаза... Господи владыко! Что это за глаза? Грозные, дикие, все по сторонам мечутся – и поймать их нельзя; брови сдвинуты, губы тоже как-то набок скрючены» [16, с. 124].

Зарождающееся чувство к Марфе Савишне приносит Якову облегчение, но лишь на короткий промежуток времени. И опять мы должны вспомнить «Повесть о Горе-Злочастии», в которой Молодцу удается на время восстановить свое социальное положение, вернуться к нормальной купеческой жизни, он даже собирается жениться. Но «серое горе-горинское», подслушав его желания, вновь начинает его уговаривать отказаться от благополучной жизни в пользу «наготы и босоты безмерной» [12, с. 39]. И Молодец, и Яков отказываются от благополучной жизни, следования заветам родителей, от брака. Оба пытаются убежать от преследователей: Молодец укрывается за стенами монастыря, а Яков отправляется вместе с отцом на богомолье.

Пример преследования человека бесом мы находим еще в одном сочинении XVII в. – «Повести о Савве Грудцыне». Молодой человек опрометчиво заключил договор с дьяволом и дал расписку. Влияние беса в конце концов привело Савву к смертельной болезни, но молодой человек сначала отказывался от покаяния. Во время исповеди перед ним возникла толпа бесов во главе с его «названным братом», который сменил свой человеческий облик на подлинный, зверообразный. Черт напомнил о расписке, которую дал Савва, и попытался вернуть душу под свою власть. После исповеди бес начал физически мучить Савву, подвергать ему пыткам: «По исповеди же оной нападе на Савву дух нечисты и начат немилостиво мучити, ово о стену бияше, ово о мост с одра его метая на пол, ово храплением и пеною давляше и всякими различными томлении мучаше его» [13, с. 56]. Долгое время больной находился во власти беса, пока ему не явилась Богородица и не научила, как исцелиться. Для того чтобы освободиться, бесноватому необходимо было в праздник Казанской Пресвятой Богородицы помолиться в храме.

Подобно Савве Грудцыну, Яков надеется получить избавление от беса путем церковного покаяния. Отец уговорил Якова сходить на пок-

лонение к святому Митрофанию, в Воронеж. В пути молодой человек испытал некое облегчение, казалось он совсем исцелен, бес его оставил: «И с каждым днем Яков мой все в лучший вид приходит. <…> Целых три дня почти что не выходили из храма. Сколько молебнов отслужили, свечей сколько понаставили! И все ладно, все прекрасно; дни – благочестивые, ночи – тихие; спит мой Яша, как младенец. Сам со мной заговаривать стал. Бывало, спросит: “Батюшка, ты ничего не видишь?” – а сам улыбается. “Не вижу, – говорю я, – ничего”. – “Ну и я, говорит, не вижу”» [16, с. 129-130].

В Воронеже происходят ключевые события рассказа. Поскольку раскаяние Якова было искренним, он прошел через таинство исповеди. А вот принять в себя Тело Христа – не смог. Во время таинства причастия черт, появившись в соборе, нанес последний удар по вере Якова. «Черный человек» в первый раз заговорил с юношей и приказал совершить самый тяжелый грех из всех возможных – выплюнуть и растереть Тело Господа. Влияние сатаны на сознание Якова оказалось слишком сильным, и молодой человек не смог обрести спасение. После этого происходят последние изменения в сознании Якова. «Бывало, страшное было у него лицо, а теперь какое-то зверское, ужасное стало! Бледен, как смерть, волосы дыбом, глаза перекосились» [16, с. 130].

Начало научного изучения «Повести о Горе-Злочастии» и «Повести о Савве Грудцыне» относятся к 50-м годам XIX в. В 1856 году Повесть от Горе-Злочастии» была открыта А.И. Пыпиным и издана И. И. Сразневским и И.Н. Костомаровым [См.: 1, с. 622]. Исследование «Повести о Савве Грудцыне» также начинается с трудов А.И. Пыпина в 1858 г. и издания Н.С. Тихонравова 1859 г. [См. 15, с. 181-182]. Это обстоятельство заставляет нас предположить, что на момент создания «Рассказа отца Алексея» в 1877 г. И.С. Тургеневу могло быть известно содержание данных произведений. Проведенное сопоставление дает основания для утверждения, что сюжетная модель тургеневского рассказа и древнерусской «Повести о Горе-Злочастии» совпадают в основных чертах: отказ от родительского жизненного пути – грехопадение – возвращение к традиционному пути – попытка жениться (обрести счастье в любви) – новое грехопадение – попытка избавиться от дьявольского преследования. Что касается «Повести о Савве Грудцыне», то здесь параллели усматриваются в завершении сюжета, когда героям удается искупить свой грех и избавиться от бесовского наваждения. В содержательном плане, разумеется, Яков, Молодец и Савва Грудцын могут быть соотнесены весьма

условно и приблизительно. Открытым остается также и вопрос о том, насколько сознательно писатель использует сюжетную модель древнерусской повести.

Существенно отличается и финал тургеневского рассказа: Яков умирает в полном помрачении рассудка, без покаяния и причастия, однако отец Алексей полагает, что он все-таки обрел прощение, поскольку его посмертный облик отличается благообразием и красотой.

В то же время следует признать, что после совершения смертного греха в Воронеже Яков полностью признает свою духовную немощность и не способность победить силы зла: «И стало быть, я теперь навсегда пропащий – потому что всякое преступление отпускается, но только не преступление против святого духа...» [16, с. 131]. Герой смог смирить гордыню, очиститься от этого греха, поэтому умиротворение в смерти не выглядит неестественным и неоправданным в православной точки зрения. Несомненно, важно, что об умиротворенном виде покойника узнаем только от самого отца Алексея. Это он верит в то, что сын получил прощение и отпущение грехов, что снова возвращает нас к агиографическим мотивам.

Таким образом, в «Рассказе отца Алексея» выявляются, с одной стороны, агиографические мотивы, которые связаны с личностным восприятием отца трагической истории жизни и смерти своего сына. Священник, хорошо знакомый с житийной литературой, в привычных формах переосмысляет произошедшие события, что позволяет ему сохранить надежду на спасение души Якова. С другой стороны, И. С. Тургенев, вероятно, неосознанно воспроизводит в рассказе сюжетную модель древнерусских демократических повестей о Горе-Злочастии и о Савве Грудцыне, что отражает ориентацию писателя на национальную духовную и культурную традицию.

Литература

1. *Виноградова В.Л.* Повесть о Горе-Злочастии (библиография) // Труды Отдела древнерусской литературы. Т.XII. – М.,Л., 1956. С. 622-641.
2. Житие Андрея Юродивого // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 2: XI–XII века. – СПб., 1999. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=2155 (Дата обращения: 15.05.2019).

3. Житие Нифонта Констанского // Выголексинский сборник. – М., 1977. С. 69-133.
4. Житие протопопа Аввакума // Пустозерская проза. – М., 1989. С.39-94.
5. *Конышев Е.М.* «Иной мир» в изображении Тургенева и Достоевского («Рассказ отца Алексея» и «Бесы») // Спасский вестник. 2014. №22. С. 25-30.
6. *Кургузова Н.В.* Фольклорные и житийные мотивы в «Рассказе отца Алексея» И. С. Тургенева // Ученые записки ОГУ. 2019. №1. С.112-115.
7. *Курляндская Г.Б.* «Таинственные повести» И. С. Тургенева // III межвузовский тургеневский сборник. – Орёл, 1971. С. 5-8.
8. *Курляндская Г.Б.* И.С. Тургенев. Мировоззрение, метод, традиции. – Тула, 2001. С. 101-102.
9. *Максимов С.В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. – СПб., 1903.
10. *Мусий В.Б.* Мифопоэтическое и психологическое в «Рассказе отца Алексей» И.С. Тургенева // Науковий вісник Волинського національного університету імені Лесі Українки. 2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://bo0k.net/index.php?p=achapter&bid=17921&chapter=1 (Дата обращения: 15.05.2019).
11. Повесть о бесноватой жене Соломонии // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 17. – СПб., 2013. С. 398-410.
12. Повесть о Горе-Злочастии //Библиотека литературы Древней Руси. Т. 15. – СПб., 2006. –С. 31-43.
13. Повесть о Савве Грудцыне // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 15. – СПб., 2006. –С. 44-59.
14. *Рында И.Ф.* Черты из жизни Ивана Сергеевича Тургенева: с портретом и рисунками. – СПб., 1903.
15. *Скрипиль М.О.* Повесть о Савве Грудцыне // Труды Отдела древнерусской литературы. Т.II. – М.,Л., 1935. С.181-214.
16. *Тургенев И.С.* Рассказ отца Алексея // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т.9. – М., 1982. С.121-132.
17. *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма. В 18 т. Т.15. Кн.2. – М., 2014.
18. *Тюхова Е.В.* «Рассказ отца Алексея» Тургенева и Достоевский // V межвузовский тургеневский сборник. – Курск, 1975. С. 65- 81.

М.С. Крутова
доктор филологических наук,
главный палеограф ОР РГБ
Москва (Россия)
E-mail: mskrutova@yandex.ru

«Царствующий град Москва» в памятниках письменности Российской государственной библиотеки

Аннотация. В статье рассматриваются рукописные материалы о Москве, хранящиеся в ОР РГБ: история ее основания, московские цари и венчание на царство, столица и ее окрестности в литературных произведениях и воспоминаниях, исследованиях.

Ключевые слова: литературоведение, археография, рукописный источник, москвоведение.

Marina S. Krutova
DSc in Philology,
chief paleographer of the Department
of Manuscripts of RSL
Moscow (Russia)
E-mail: mskrutova@yandex.ru

"The reigning city of Moscow" in the written monuments of the Russian state library

Abstract. The article deals with handwritten materials about Moscow, stored in the RR of the RGB: the history of its Foundation, the kings and the wedding to the Kingdom, the capital and its surroundings in literary works and memoirs, in research.

Keywords: literary studies, Archeography, handwritten source, Moscow studies.

«Царствующий град Москва» – устойчивое выражение, встречающееся во многих документах и произведениях. История Москвы постоянно привлекает внимание исследователей русской литературы. В отделе рукописей Российской государственной библиотеки хранятся уникальные рукописные документы, рассказывающие об истории Москвы:

летописи, хронографы, повести, сказания, письма, воспоминания и др. [9] Они содержат сведения об истории Москвы, памятниках культуры и архитектуры, ее правителях и жителях.

К вопросам истории основания древней столицы обращались такие известные исследователи, как С.А. Салмина [6], М.Н. Тихомиров [7], С.К. Шамбинаго [8] и мн. др. Не обошел их своим вниманием эту тему и В.В. Кусков, который рассмотрел произведения о Москве в своем знаменитом труде по истории древнерусской литературы [4], также он посвятил этому отдельную статью о «начале Москвы», опубликовав ее в журнале «Русская словесность» [3]. Есть подготовительные материалы к написанию работ по данной теме и в архиве В.В. Кускова, хранящемся в ОР РГБ [5].

В своих работах исследователи поднимали вопросы о том, когда, где и кем была основана Москва и какое отражение это нашло в списках памятников различных редакций.

Принято считать, что первое надежное летописное упоминание о Москве встречается в Ипатьевской летописи, в которой рассказывается о встрече в местечке *Москов* Ростово-Суздальского князя Юрия Долгорукого и Новгород-Северского князя Святослава в день «Пятка на Похвалу Богородицы», который пришелся в 1147 году на 4 апреля. Хотя село с названием *Москов* уже существовало до этого времени, его все же считают датой основания Москвы, но не как города, а некоего поселения.

Известно только пять списков этой летописи XV–XVII вв. В фондах отдела рукописей Российской государственной библиотеки их нет, но в состав Ипатьевского списка вошла Киевская летопись, в которой также содержатся упоминания о Москве и её князьях, и вот этот список середины XVIII века хранится в отделе рукописей РГБ. В нем читаем: «В лето 6660... Великому же князю Александру Ярославичу, еще здраву ему сущу, предаде сыну своему князю Даниилу Александровичу Животворящий Крест, и багряницу, и виссон, и златую гривну, и венец Мономахов и повеле быти великим князем на Москве и над всею Русскою землею сему сыну своему великому князю Даниилу Александровичу Московскому и всея Руссии. От сего времени преиде великое княжение из Володимера на Москве» (Ф.178.1 №3420).

В отделе рукописей хранится несколько списков «Повести о зачале Москвы», «Сказание о убиении Даниила Суздальского и начале Москвы» дошедших до нашего времени в нескольких редакциях [8]. Среди них выделяется список XIX в., в котором встречаем не описанный в науч-

ной литературе текстологический вариант «Повести о зачале Москвы». В нем говорится о том, что на месте Москвы находилось селение, принадлежавшее боярину Стефану Ивановичу Кучке на речке Смородинке. Это произошло после того, как он, прельстившись красотой супруги боярина, на месте которого вел. кн. Юрий Долгорукий построил Москву. Неоднократно обращались к этому мифотопониму и фольклористы, по их исследованиям эта река также протекала по территории современной Москвы [10].

Следует выделить в отдельную тематическую группу и сочинения XVII–XVIII вв., посвященных ее именованию (Ф.236. № 31). К ним относится, например, повесть «Чесо ради Русь Москвою имянуется и Москва благополучная откуду начало прия зватися тако» (в списках может называться еще и как «Сказание о Мосхве» или «Повесть известная по свидетельству многих историков о многословутом граде Мосхве»). В ней происхождение слова *Москва* объясняется как искаженное *Мосох* в рукописях. Это имя библейского патриарха *Мешеха*, которое упоминается в книге «Бытия», «Первой книге Паралипоменон», «Книге пророка Иезекииля» (Быт. 10,2; 1 Пар. 1,5 и 1,17; Иез. 27,13; 32,26) [1].

Очень интересны таблицы в кругах, находящиеся в сборниках исторического содержания XVIII в., в которых наглядно представлены пять великих городов мира, в том числе и Москва (Ф.732. №5); «Родословие всемирное (от Адама до Константина Багрянородного) и русских князей и царей» также показано в кругах (Ф. 310, № 815, 816).

Еще одна группа рукописей содержит материалы, которые раскрывают историю получения царского титула московскими государями и венчания их на царство.

Принято считать, что первое венчание на царство в России произошло ранее 1498 года. Именно тогда Иван III венчал своего внука Димитрия Иоанновича как наследника. В хранящейся в ОР РГБ копии с грамоты 1514 года, данной императором Максимилианом царю и великому князю Всея Руси Василию Иоанновичу, говорится, что он был титулован цесарем Всероссийским. Этот документ находится в составе историко-литературного сборника середины XVIII в., в нем говорится следующее: «В Посольской канцелярии в Москве при разборе старинных архивов для дел и писем найдена грамота подлинная Его цесарского величества римского Максимилиана, за его собственною рукою печатью златою. 7022 [года], а от Христа 1514 года, писанная на немецком старинном языке к царю и великому князю Всероссийскому Василию

Ивановичу, ко отцу царя Ивана Васильевича, которого помянутый той цесарь в той грамоте своей титуловал цесарем всероссийским. И понеже оная яко вещь древняя и куриозная и ко утверждению безпрекословному того высокого достоинства, за толико лет всероссийским монархам надлежит и от цесаря римского яко в свете первом граде имеющем монарха воздаванного Того ради указал Его царское величество оную грамоту перевесть на руский язык и для всенароднаго известия в Типографии своей в СанктПетербурхе напечатать» (Ф. 722, № 223. Л.5).

Иоанн Васильевич IV был венчан на царство в 1547 году. В отделе рукописей хранится уникальная пергаменная грамота Константинопольского Патриарха Иоасафа 1560 года, утверждающая за великим князем Иваном IV Грозным титул царя (Ф. 181, № 175). Она написана на пергамене на греческом языке и заверена вислой сургучной печатью [1].

Говоря о венчании московских государей на царство, нельзя не сказать о сочинениях, имеющих отношение к теории «Москва – Третий Рим». Московские великие князья (притязавшие начиная с Иоанна III на царский титул) полагались преемниками римских и византийских императоров. Теория «Москва – третий Рим» впервые была сформулирована в двух посланиях конца 1523 – начала 1524 года старцем псковского Елеазарова монастыря Филофеем. В отделе рукописей РГБ в составе различных сборников хранятся многочисленные списки этих посланий XVII- XVIII вв. (Ф.310. № 601. Л.1–7; Ф.310. № 1046. Л. 4 об. – 12; Ф.344. № 193. Л.37–47, 76–79, 87 об. – 91об.). Нашла эта теория отражение и в «Сказание о князьях Владимирских» (Ф.310. № 762. Л.29–64), «Сказании о Мономаховом венце» (Ф. 775. № 50. Л.627 об.-628 об.). Об этой грамоте говорится и в «Титулярнике» конца XVII в. (Ф.304/II. №17).

В «Венчальная царственной книге» 1676–1679 гг. находится описание церемонии венчания на царство Феодора Алексеевича (Ф.304/II. № 11). Книга «Чин венчания на царство царей Иоанна и Петра Алексеевичей» 1682–1686 гг. прекрасно иллюстрирована изображениями гербов всех областей Московского государства, а также парсунами этих двух царей (Ф. 178. № 7750). Чин венчания на царство Михаила Федоровича находим в списке «Стоглава». XVIII в. (Ф.313. № 37.2). Церемониал коронования Павла I описан в сборнике кон. XVIII – нач. XIX в. (Ф.344. №200). Чины венчания на царство и поставления в Патриархи Московские (в том числе и первого Патриарха Иова) находятся в сборнике грамот (Ф.313. № 32).

Список исторических материалов, в которых находятся различные документы, посвященные московским князьям и митрополитам, весьма обширен и, к сожалению, как и другие источники, не может быть представлен полностью в статье заданного объема.

Еще одна тематическая группа материалов, хранящихся в ОР РГБ, посвящена описаниям Москвы и ее окрестностей. Они, например, находятся в сочинении Н.М. Карамзина, составленном для императрицы Марии Федоровны (Ф.304/II. № 25. XIX в.). В письмах от 1805 г. митрополита Платона (Левшина) представлены проекты Лобного места в Москве (Ф.416. К.8. Ед.27). Ценность представляют сочинения на французском языке Ф.В. Растопчина «Правда о пожаре Москвы», датированное 1823 г. (Ф.344. № 341. Л.7–46) и «Описание Москвы и окрестностей, краткая история и топографические очерки в этом городе. Е. Ге», датированное 1856 г. (Ф.183/I. № 1963). В книге XIX в. выписок из переписных дворов и земель «Домовладельцы в Москве» много интересной информации о жильцах домов, в частности там есть информация о М.Ю. Лермонтов и А.С. Пушкине (Ф.344. № 442). Интересны и «Книги расходов московского Кремля» середины XVII в. (Ф.178. № 1390). В сборнике выписей 1830–1831 гг. находим сведения о постройке в Кремле колокольни Ивана Великого (Ф.353. № 26.Л.172–174).

Есть в ОР РГБ и картографические материалы: «Книга большому чертежу Московского государства», XVII в. (Ф.310. № 1330); «Материалы к проекту сооружения железной дороги вокруг г. Москвы инженера Барминского» – карта Москвы 1864 г. с планом линии железной дороги по проекту инженера Барминского (Ф.178.1 №5255.8)

В Отделе рукописей хранится весьма значительный комплекс архивных материалов, связанных с деятельностью общества «Старая Москва» (Ф.177), в которых отражена деятельность разных комиссий Общества: Протокольной, Архивно-библиотечной, Библиографической и Мемуарной, Регистрации архитектурных памятников, Экскурсионной, Составления исторического атласа г. Москвы; Мемориальной, Кладбищенской, Издательской, Пушкинской; Составления словаря московских краеведов, Эпиграфической. Среди членов этой комиссии были известные исследователи: А.В. Арциховский, П.Д. Барановский, А.А. Бахрушин, С.В. Бахрушин, А.И. Соболевский, М.Н. Сперанский, П.В. Сытин, Я.И. Стеллецкий, М.Н. Тихомиров, Л.В. Черепнин, А.И. Яковлев и др.; деятели искусства: актрисы Г.Н. Федотова, А.А. Яблочкина, писатели: В.А. Гиляровский, Н.Д. Телешов. С докладами на заседаниях этого обще-

ства выступали ученые из Петрограда, Киева, Саратова и других городов. В этом фонде сохранились протоколы заседаний комиссий, выступлений отдельных лиц, посвященные истории Москвы, а также подробные доклады (по большей части неопубликованные). Так, большой интерес вызывают доклады Аполлинария Васнецова «Способы передвижения по Москве», «Вероятный вид Красной площади во второй половине XVII века». Очень интересны литографии, выполненные по его рисункам с малодоступных литографий зарубежных ученых. По ним можно судить об облике старой Москвы, в том числе и о московском Кремле.

Царствующий град Москва был источником вдохновения для многих литераторов – поэтов и писателей. Москву описывали в своих произведениях практически все русские классики.

В ОР РГБ хранятся замечательные списки произведений, в которых М.Ю. Лермонтов дает поэтическое описание Москвы. Это список «Песни про купца Калашникова», выполненный рукой кузины поэта Александрой Верещагиной в 1839 г. (Ф.456. К.1. Ед.хр.3. Л. 4–11). Знаменитый поэт неоднократно упоминает древнюю столицу и в стихотворении «Бородино», список которого, сделанный рукой неустановленного лица, хранится в ОР РГБ (Ф.178. №11035. Л.207–208). До сих пор неизвестны широкому кругу читателей воспоминания «Москва с окрестностями» А.П. Сумарокова (Ф.353. № 25. Л.297–298 об.). В сборниках стихов Г. Р. Державина (Ф.466. № 51) и К.Ф. Рылеева (Ф.344. № 372. Л.61–62) находятся и их стихотворения, посвященные древней столице. Конечно, Москву любили не только знаменитые поэты, воспевали ее и неизвестные авторы, один из них написал слова к песне «Здравствуй, матушка старушка Белокаменна Москва» (Ф.344. № 255. Л.32-32 об.).

Данная статья не претендует на полноту изложения, поскольку ее задача – показать разнообразие и историко-культурную значимость имеющихся в ОР РГБ материалов, посвященных Москве. Подробное их изучение представляется делом будущего. Все вышеизложенное и свидетельствует о значимости для проведения научных исследований представленных рукописей.

Литература

1. Analecta byzantino-russica. 1891. P. 75–79 – Соборная грамота (ОР РГБ. Ф. 181. № 175), греч. текст.; рус. пер.: Российская Историческая Библиотека. Т. 22. Кн. 2. (Дела Тайного Приказа). СПб., 1908. С. 68–71.
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Изд. Московской Патриархии, 1988. – 1371 с.
3. *Кусков В.В.* Повести о начале Москвы // Русская словесность. 1997. 3. С. 7–11.
4. *Кусков В.В.* История древнерусской литературы: Учебник для филол. спец-тей. вузов. 6-е изд., испр. и доп. М., 1998.
5. Опись архива Владимира Владимировича Кускова (1920-1999), ученого-филолога, доктора филологических наук, профессора Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Документы 1923–2007 гг.). М., 2014. – 273 с. Компьютерный набор.
6. *Салмина М.А.* Повести о начале Москвы [Текст] / Исследование и подготовка текстов М.А. Салминой; Акад. наук СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский дом). – Москва; Ленинград: Наука. [Ленингр. отд-ние], 1964. – 273 с.
7. *Тихомиров М.Н.* Древняя Москва XII–XV вв.: Средневековая Россия на международных путях XIV–XV вв. / М. Тихомиров. – М.: Терра- Кн. клуб., 1999. – 430 с.
8. *Шамбинаго С.К.* Старая Москва: Ист. очерк в 2 ч. / С.К. Шамбинаго. – Москва: Д.И. Тимковский, 1903. – 60 с.; 18. – (Очерки по русской истории для школ и народного чтения / Под ред. проф. А.И. Кирпичникова, А.А. Кизеветтер и М.В. Довнар-Запольского).
9. Фото – рукописные материалы выставки «Царствующий град Москва. К 870-летию первого письменного упоминания о Москве», подготовлены куратором выставки М.С. Крутовой. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.flickr.com/photos/leninka/sets/72157686905379744/ (Дата обращения: 10.06.2016).
10. *Юдин А.В.* Ономастикон русских заговоров. Имена собственные в русском магическом фольклоре / Рец-ты: д-ра фил. наук Журавлев А.Ф., Карпенко Ю.А., Толстая С.М. – М.: МОНФ, 1997. – 319 с.

Рукописные источники

Ф.178. №11035.
Ф.178. № 1390.
Ф.178.1 №3420.
Ф.178.1 №5255.8.
Ф. 178. № 7750.
Ф. 181. № 175.
Ф.183/I. № 1963.
Ф.236. № 31.
Ф.299. № 156.
Ф.304/II. №17.
Ф.304/II. № 11.
Ф.310. № 601.
Ф.310. № 762.
Ф. 310. № 815.
Ф. 310. № 816.
Ф.310. № 1330.
Ф.310. № 1046.
Ф.344. № 193.
Ф.344. № 372.
Ф.344. № 255.
Ф.313. № 37.2.
Ф.344. №200.
Ф.313. № 32.
Ф.304/II. № 25.
Ф.344. № 341.
Ф.344. № 442.
Ф.353. № 26.
Ф.353. № 25.
Ф.416. К.8. Ед.хр. 27.
Ф.456. К.1. Ед.хр.3.
Ф.466. № 51.
Ф. 722. № 223.
Ф.732. №5.
Ф. 775. № 50.

В.Н. Матонин

доктор культурологии,
профессор кафедры культурологии и религиоведения
Северного (Арктического) федерального университета имени
М. В. Ломоносова
Архангельск (Россия)

Н.Н. Бедина

кандидат филологических наук,
доцент кафедры культурологии и религиоведения,
Северного (Арктического) федерального университета
имени М. В. Ломоносова
Архангельск (Россия)
E-mail: bedina-nat@yandex.ru

Историко-культурный контекст Чекуевского списка XVIII века «Службы благодарственной Богу … о великой Богом дарованной победе над свейским королем Карлом и воинством его, содеянной под Полтавой в лето 1709, июня в 27 день»

Аннотация. Статья представляет собой описание историко-культурного контекста бытования рукописной копии «Службы благодарственной…», посвященной Полтавской победе, – рукописи первой половины XVIII века из села Чекуево Онежского района Архангельской области. На протяжении XVIII века текст службы, изданный в 1709, 1711 и 1717 гг., распространяется в рукописных копиях. Одним из таких списков является обнаруженная авторами данной статьи рукопись из села Чекуево. История рукописи связывает такие исторические сюжеты, как посещение Петром I Русского Севера и Соловецкого монастыря и события Северной войны, выявляет свойственное северному крестьянству осознание причастности к военно-морским успехам России, а также демонстрирует специфику функционирования крестьянских и монастырских библиотек.

Ключевые слова: Служба благодарственная, Полтавская победа, Петр I, крестьянская библиотека.

Vasiliy N. Matonin
DSc in Cultural Science,
Professor of the Department of
Cultural Science and Religious Studies
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov
Arkhangelsk (Russia)

Nataliya N. Bedina
PhD in Philology,
Associate Professor of the
Department of Cultural Science and Religious Studies
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov
Arkhangelsk (Russia)
E-mail: bedina-nat@yandex.ru

Historical and cultural context of the manuscript from Chekuevo village "Divine service of thanksgiving on the great victory at Poltava"

Abstract. The article is devoted to the historical and cultural context of the handwritten copy of "Divine service of thanksgiving ...", dedicated to the Poltava victory – the manuscript of the XVIIIth century from Chekuevo village Onega district of the Arkhangelsk region. Throughout the XVIIIth century, the text of the "Divine service of thanksgiving ...", published in 1709, 1711 and 1717, was distributed in manuscript copies. One of such lists is the manuscript found by this article authors in the Chekuevo village. The manuscript history connects such historical subjects as Peter I's visit to the Russian North and the Solovetsky monastery and the events of the Northern war. It reveals the Northern peasantry's awareness of involvement in the naval successes of Russia, and demonstrates the specifics of the peasant and monastery libraries functioning.

Keywords: Divine service of thanksgiving, Poltava victory, Peter I, peasant library.

Чекуевский список «Службы благодарственной…» сельский школьник Дима Долгих нашел в доме свой бабушки из села Сырья Онежского района Архангельской области. Через местного учителя истории рукопись попала к авторам данной статьи, а позднее была возвращена владельцам. Визуальный осмотр и палеографический анализ текста позволили выявить ряд особенностей источника. Текст написан полу-

уставом, двумя писцами (листы 13-19 выполнены другим почерком). По водяным знакам рукопись (из двадцати трех листов с оборотами) датируется 10-ми годами XVIII столетия. Числа, используемые в рукописи, обозначаются кириллическим алфавитом, хотя в гражданской письменности уже с 1700 г. введена арабская цифирь. Рукопись является акцентуированной и написана по-церковнославянски (палеографический анализ осуществлен к.ф.н., доцентом А.В. Волынской).

Рукопись в форме тетради 21х18 см лежала в сундуке с дореволюционными изданиями сочинений Ч. Диккенса, А.С. Пушкина, «Законом Божиим» для семинаристов и другими книгами. Из рассказов местных жителей удалось выяснить, что прежние владельцы дома братья Воробьевы были хорошими плотниками. Они поддерживали дружеские отношения с состоятельным чекуевским крестьянином Иконниковым и построили ему дом. Перед раскулачиванием в 1930 году Иконников передал Воробьевым сундук с книгами. До 1992 года содержимое сундука оставалось в неприкосновенности. Книги отмечены печатью Чекуевской или «Польской библиотеки» библиотеки (по наименованию села Поле, которое входит в Чекуевский приход).

В Санкт-Петербургском филиале архива РАН сохранились годовой отчет библиотеки и брошюра о деятельности Чекуевского библиотечного общества [1]. Народная библиотека-читальня и крестьянское Библиотечное общество открыты 1 октября 1899 года стараниями крестьянина Ивана Ивановича Попова при помощи архимандрита Соловецкого монастыря отца Иоанникия. На членов Библиотечного общества легла забота о поддержании библиотеки при помощи трехрублевых членских взносов. Крестьяне Иконниковы стали благотворителями Библиотечного общества. Библиотека располагалась в церковно-приходской школе. Заведующим был местный диакон отец Николай (Кашин), библиотекарем – Августа Ивановна Попова, а ее помощником – псаломщик Стефан Юсов. Все работали бесплатно.

Соловецкий архимандрит Иоанникий участвовал в формировании Чекуевской библиотеки, пополняя ее книгами духовного содержания из книгохранилища Соловецкого монастыря. Редакции периодических изданий бесплатно присылали журналы, авторы дарили свои произведения. Наблюдение за содержанием книг легло на местного священника отца М. Кипреева. Учителю школы поручено составление и заполнение каталогов.

К первому октября 1900 года количество книг в библиотеке возросло до 1522 томов. На церковнославянском языке в читательском фонде

библиотеки было 27 книг. Духовной литературы – 306 томов. Книги распределены на отделы: детский или ученический, общедоступный, учительский, духовный. Приблизительная стоимость всей библиотеки определялась в 827 рублей 76 копеек. Выдачей книг занимались заведующий библиотекой и старшие ученики. Книги выдавались сроком на две недели. В течение года насчитывается 5018 посещений библиотеки. Большинство читателей – местные жители в возрасте от 7 до 50 лет и старше. Библиотека располагалась в церковно-приходской школе, построенной на средства Ивана Максимова Попова. Книги безвозмездно переплетали в мастерских Соловецкого монастыря. Наибольший наплыв читателей был по вечерам, когда заканчивались домашние и сельскохозяйственные работы, а также в воскресные и праздничные дни. Во время Великого Поста ни один читатель не спрашивал светских книг. Крестьян в великопостные дни интересовала исключительно религиозно-нравственная литература. Как удалось выяснить, благотворительность соловецкого архимандрита Иоанникия по отношению к библиотечному обществу объясняется в значительной степени его происхождением из села Поле Чекуеваского прихода.

В 1986 году жительница села Поле Привалихина Анна Владимировна (1901 г.р., деревня Есенская Польского погоста) рассказала участникам историко-этнографической экспедиции Соловецкого государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника, что среди соловецких монахов известны два местных жителя: Юсов Александр Филиппович (отец Иоанникий) и Александр Иванович Марков (отец Анатолий) [3, с. 12]. Александр Филиппович был веселым парнем, песенником. В юности сломал ногу. По обету ушел в Соловки, там и остался. Впоследствии стал трудником, а потом монахом и архимандритом, предпоследним настоятелем Соловецкого монастыря. Монастырь был закрыт в 1920 году. Псаломщик Стефан Юсов не только однофамилец, но и, по-видимому, родственник архимандрита Иоанникия, в миру – Александра Юсова.

Влияние Соловецкого монастыря в Чекуевском приходе имело глубокие исторические корни. В XVI–XVII вв. на территории Поонежья располагались вотчины Соловецкого Спасо-Преображенского, а позднее – Крестного монастырей (о. Кий). Книжное собрание Соловецкого монастыря было самым крупным на Русском Севере. Ситуация не сильно изменилась и после 1854 года, когда часть архива и книгохранилища были эвакуированы с Соловков в Казанскую духовную академию из-за

опасности захвата монастыря англо-французской эскадрой во время Крымской войны (1854–1855).

Сочетание Преображенского, Успенского и Никольского престолов в селе Чекуево соответствует наименованию храмов центрального культового комплекса Соловецкого монастыря: Спасо-Преображенский собор с Трапезной Успенской церковью и Никольской церковью [3, с.15]. Из восьми часовен прихода две освящены именами соловецкими святых: Зосимо-Савватиевская (в деревне Медведевской) и Святителя Филиппа Митрополита Московского (в Павловском Бору) [2, с. 63–65]. Тесная связь села Чекуево и Соловецкого монастыря позволяют предположить, что Чекуевский список «Службы благодарственной…» был передан архимандритом Иоанникием (урожденным местным крестьянином Александром Юсовым) в народную библиотеку из книгохранилища Соловецкого монастыря.

Появление «Службы благодарственной…» на Соловках объясняется паломничеством царя Петра I в Соловецкий монастырь. Впервые отправившись со всей свой свитой на яхте «Святой Петр» в Соловецкий монастырь в 1694 году, государь попал в сильный шторм и чудесным образом был спасен от гибели в Унской губе Белого моря. Молодой царь-реформатор не мог не воспринять это событие как благоприятное знамение Божественного промысла. В благодарность за чудесное спасение Петр Алексеевич пожертвовал 700 рублей на обновление иконостаса Спасо-Преображенского собора. В 1702 году по его приказу на острове Большой Заяцкий корабельными плотниками построена церковь, освященная именем покровителя русского флота Андрея Первозванного. В этом же году от Соловецкого монастыря был начат знаменитый поход по «осударевой дороге», от поморского села Нюхча к Нежскому и Ладожскому озера через реку Свирь. Русские корабли «Курьер» и «Святой Дух» вышли в тыл шведской крепости «Орешек», которая считалась неприступной. Ударами с суши и с моря «орешек» был расколот, и Взятие крепости положило начало победам на Балтике и основанию Петербурга в 1703 году. Немалую роль в борьбе с неприятелем сыграли онежские крестьяне: в 1700–1709 гг. в русскую армию рекрутировано не менее двадцати тысяч северян, в 1712–1715 гг. на Балтийский флот призвано три с половиной тысячи человек. Об ощущении причастности чекуевских крестьян к деяниям Петра говорит топонимическая легенда, соединяющая название села Чекуево и фигуру царя (там «нашли чеку его»). После победы русского воинства под Полтавой царь Петр повелел

ежегодно совершать благодарственное Богослужение. Тогда, видимо, и была отправлена в Соловецкий Спасо-Преображенский монастырь рукопись «Службы благодарственной…», а через двести лет она оказалась в Чекуевской сельской библиотеке.

Литература

1. *Кашин Н.* Польская библиотека-читальня (за 1 год существования). Из Архангельских епархиальных ведомостей. – Архангельск: Типо-лит. насл. Д. Горяйнова, 1901. – С. 1–7.
2. Краткое описание приходов и церквей Архангельской епархии. – Вып. 3. – Архангельск, 1896.
3. *Морозов С.В., Матонин В.Н.* Отчет историко-этнографической экспедиции в Онежский район Архангельской области. – Архив СГИАПМЗ, 1986.

М. Вл. Пименова

доктор филологических наук,
профессор, ректор Института иностранных языков
Санкт-Петербург (Россия)
E-mail: MVPimenova@yandex.ru

Этногерменевтика русской сказки (фольклорный концепт «царевна»)

Аннотация. Русская фольклорная картина мира отличается от языковой картины мира, как по составу компонентов, так и по строению. Поскольку в фольклорной языковой картине мира фиксируются донаучные, наивные, мифологические представления, набор наиболее существенных из них, подвергшихся концептуализации, не совпадает с тем, что есть в русской языковой картине мира в целом. В статье рассматриваются когнитивные признаки концепта *царевна*, формирующие структуру: мотивирующие, понятийные, символические, иронические.

Ключевые слова: этногерменевтика, языковая картина мира, фольклорный концепт.

Marina Vl. Pimenova

DSc in Philology, Professor,
Rector of Foreign languages Institute
St. Petersburg (Russia)
E-mail: MVPimenova@yandex.ru

Ethnogermeneutics of the Russian fairy tale (folklore concept “princess”)

Abstract. The Russian folklore picture of the world differs from the language picture of the world, both in the composition of the components and in the structure. Since pre-scientific, naive, mythological notions are fixed in the folklore language picture of the world, the set of the most significant of them, which have undergone conceptualization, does not coincide with what is in the Russian linguistic map of the world as a whole. The article discusses the cognitive signs of the princess concept that forms the structure: motivating, conceptual, symbolic, ironic.

Keywords: ethnohermeneutics, the language picture of the world, a folklore concept.

Фольклорная картина мира – важная, основополагающая часть концептуальной картины этноса (см. подробнее: [7, с. 46–56]). Фольклор представляет собой отражение особой картины мира, сложившейся в народном сознании в течение тысячелетий и не утратившей значимости в наше время. Особенно в настоящее время изучение устного народного творчества представляется актуальным, когда растет интерес к историческому прошлому, идет поиск русской национальной идеи. Современная лингвистика обратила свое внимание на фольклорные концепты (см., например: [8, с. 63–102], [10]). Обратимся к важной части фольклорной картины мира – народным сказкам, которые станут материалом для описания фольклорного концепта *царевна*.

Остановимся на структуре концепта *царевна*. Начнем с **мотивирующих признаков** этого концепта. Мотивирующий признак – это внутренняя форма слова.

Слово *царевна* – производное от *царь*. Царевна – дочь царя и царицы. Традиционно считается, что царь – правитель, властитель, глава (рода, народа), а царица – жена царя. История России знала периоды, когда ею правили царицы без мужей. То есть царевна – это дочь правителей, властителей (царя и царицы), глав рода, народа. Кроме того, царевна – наследница трона и невеста. Таким образом, к мотивирующим признакам относятся ‘дочь правителей (царя-царицы)’, ‘наследница полцарства’, ‘невеста’.

Существует ряд народных сказок, где описывается сюжет, когда за девушку (невесту, царевну) дают полцарства в придачу, т.е. наследование материальных благ и власть когда-то передавались по женской линии! Это первое, на что следует обратить внимание. К царевне приходят царевичи, королевичи из других государств (у них уже в наследстве, видимо, есть их царство, однако они «конкурсные» задания не выполняют – нашим царевнам чужие земли ни к чему![1]). А побеждает кто-то из своих «соискателей», даже не царевич, но достойный!

В сказках мотивирующий признак *царевны* – главный, хотя не во всех сказках о царевнах у них есть родители. Этот признак актуализиро-

[1] А Вы обращали свое внимание на то, что в истории нашего народа было много фактов, когда русские освобождали другие народы от плена, ига, захватчиков, но не захватывали эти земли, не основывали там свой протекторат, а уходили оттуда, хотя эта земля, политая нашей кровью, могла быть по общепринятому правилу присоединена к нашему царству-государству (примеры: Болгария в войне с турками, Франция в 1812 году и т.д.).

ван практически во всех сюжетных линиях, где встречается царевна как персонаж. У девушки четкая цель – отыскать человека, который будет равен ей (не подкаблучник!), который будет править царством, поскольку за ней полцарства дается в качестве приданого. И здесь важными критериями претендентов на руку и сердце являются сила (ловкость), умение добыть нужный предмет, ум (смекалка). И вот что важно – избирает себе мужа сама девушка.

Понятийные признаки концепта

Под понятийными признаками понимаются семы и семемы слова – репрезентанта концепта, отображенные в толковых словарях современного языка. Значение слов, указанные в таких словарях, определяют не всю совокупность познанных признаков предметов или явлений, а только те из них, которые помогают отличать один предмет от другого. В разных словарях приводится только часть понятийных признаков слова – репрезентанта концепта. Чтобы выявить все понятийные признаки концепта, нужно обратиться ко многим словарным статьям. Слово *царевна* в разных словарях определяется так:

«ЦАРЕ́ВНА, царевны, род. мн. царевен, жен. Дочь царя. В темнице там царевна тужит. А.С. Пушкин» [18]. «ЦАРЕ́ВНА -ы; мн. род. -вен, дат. -внам; ж. 1. Дочь царя. Ц. Софья. 2. Нар.-поэт. О девушке-красавице. Ты посмотри, какая царевна выросла! 3. Пренебр. О женщине, девушке излишне высоко себя ставящих. Подумаешь, ц. нашлась: всё не по ней. Царевна-Несмеяна (героиня русских народных сказок)» [5]. «Царевна – красавица, королевна, дочь царя» [14]. «Царевна. a) Дочь царя. b) Супруга царевича» [6].

Толковые словари указывают не все понятийные признаки, потому что познание мира продолжается, значение слова меняется – дополняются и утрачиваются какие-то признаки. В случае с исследуемым концептом мы видим, что синонимы не показывают его дополнительных признаков, что можно объяснить его отношением к разряду исторических, застывших, не развивающих свою структуру. Тем не менее, дополнительный понятийный признак возможно отыскать, анализируя устойчивые сочетания. Еще обращает на себя внимание факт сдвига мотивирующего признака ‘дочь царя’ на последнее место в ряду синонимов (по частотности употребления), при этом совсем не упоминается, что царевна – еще и дочь царицы. В русском языке зафиксирован фразео-

логизм *царевна-недотрога* – «Разг. Шутл. О женщине, которая держится подчёркнуто строго, не допуская малейшей вольности или шутки» [19].

Таким образом, к понятийным признакам концепта *царевна* относятся: ‘дочь (царя-царицы/ короля-королевы)’, ‘красавица (девушка)’, ‘девушка (женщина) с самомнением’, ‘супруга (царевича)’, ‘недотрога’, при этом первый признак в этом ряду – мотивирующий, сохранивший свою актуальность и перешедший в разряд понятийных, однако он частично трансформировался – к разряду правителей отнесены и имена чужих государств – короля и королевы (царевна = королевна).

Специфика развития структуры у исторических концептов налицо: имя концепта может стать именем собственным. В народных сказках мы встречаем персонажи, у которых странные имена: *Царевна-лягушка, Царевна Несмеяна, Царевна-лебедь* и т.д. «Царевна. 1. (персонаж стих. А. А. Блока «Царица смотрела заставки – ...»). Протекали над книгой Глубинной Синие ночи царицы. А к Царевне с вышки голубиной Прилетали белые птицы. // Рассыпала Царевна зерна, И плескались белые перья» [12]. А.А. Блок в стихотворении «Царица смотрела заставки – ...» в качестве эпитета использует слово *невеста*, указывающее на мотивирующий признак концепта (*Царевне так томно и сладко – Царевна-Невеста, что лампадка*). Если репрезентант концепта может быть именем собственным, то здесь мы встречаемся со случаем перехода образных признаков в символические. Анализируемый концепт в составе символических содержит и ценностные признаки. Этот этап фиксируется в текстах сказок, дошедших до нас. Рассмотрим подробнее это явление.

Символические признаки концепта *царевна*.

Царевна Несмеяна. В русской народной сказке царевна Несмеяна – царская дочь, которая ««никогда не улыбалась, никогда не смеялась, словно сердце ее ничему не радовалось». Переносно так называют тихоню, скромницу» [20]. «Царевна Несмеяна. Народн. Шутл. или Ирон. Серьёзная, задумчивая девушка, которую трудно рассмешить; тихоня, скромница. / По имени героини русских народных сказок» [1]. «Царевна Несмеяна – неулыба» [14]. В народе бытует выражение *царевна плачет*, восходящее к этому сказочному персонажу, означающее «Кар. Шутл. О мелком дожде при солнце» [1].

Символическими признаками Царевны Несмеяны выступают ‘скромность’, ‘серьезность’, ‘задумчивость’, ‘неулыбчивость’.

Царевна-Лягушка – персонаж, который встречается в некоторых русских народных волшебных сказках. По типичному сюжету сказки – Царевну-Лягушку Иван-Царевич находит случайно. Иван-Царевич стрелял из лука, чтобы стрела привела его к невесте, но вместо девушки находит лягушку в болоте, которая держит его стрелу. При этом стрелы всех остальных братьев (их обычно двое) попадают в дома боярской или купеческой дочери. Иногда Царевна-Лягушка оказывается дочерью какого-либо царя, иногда – нет. Царевна-лягушка обычно умная, доброжелательная, умелая девушка, которая делает работу быстро и споро. Часто работу по дому она делает ночью, чтобы её жених – Иван-Царевич не видел этого. В образе Лягушки Царевна-Лягушка должна жить три года, так как она ослушалась своего отца (вариант: не захотела выйти замуж за Кощея Бессмертного). Царевна-лягушка» – русская народная волшебная сказка. Сказки с похожим сюжетом есть в Италии и в Греции. Главный персонаж этой сказки – прекрасная девушка, обычно обладающая познаниями в колдовстве (Василиса Премудрая), вынужденная жить определенное время в облике лягушки.

Рассмотрим подробнее сказку «Лягушка-царевна». Эта сказка объединяет два этапа инициации – выбор жениха и брак. Обращает на себя внимание то, что в этой сказке не девушка выбирает себе мужа (на первый взгляд!). На поиски жены отправляет своих сыновей царь. Задание его заключается в следующем: пустить стрелы в чистом поле, и куда попадет стрела – там искать суженую. Иван Царевич вынужден жениться на лягушке, так как находит её в результате этого обряда (царевичи стреляли из луков наугад в разные стороны).

Два слова о символах в этой сказке. Стрелы и чистое поле – это особые символы. «Стрела представляется символом мужского начала и традиционных мужских добродетелей – целеустремленности, непреклонности и мужества. … На Востоке “делать стрелы” – метафора, означающая “рожать сыновей”. … Стрелы Купидона, пронзающие сердца – традиционный эротический символ. … Запускать стрелу в небо у многих славянских народов считалось колдовским занятием». И, наконец, «стрела – это указатель пути» [4, с. 614].

Вернемся к сказке. Лягушка проходила третий обряд инициации. Она – Царевна. И напрашивается вопрос – она наследует какое царство? Начнем с ее места пребывания. Именно это определяет эту сказку как повествование о женской инициации. Болото в славянской мифологии является символом смерти (туда в заговорах “ссылаются” все болезни и

смерть). Умирание в прежнем статусе и возрождение в новом – это и есть суть инициации.

Вспомним задания, которые выполняют все женские персонажи этой сказки. Они здесь неспроста. Первое задание – испечь хлеба. Это явное указание на проверку прохождения первого этапа инициации. Второе задание: соткать ковер – это указание на проверку прохождения второго этапа инициации (на первом этапе только пряли кудель). Царевна ткёт ковер живой – на нем сияют звезды и плывет корабль по движущимся волнам. А ведь это признак демиурга – творца мира, наделенного магическими способностями. И третье задание – танец на пиру. Вспомните, чем сопровождается танец – опять же сотворением мира: из костей птиц, которых подали к столу, Царевна творит лебедей (тотемных птиц славян), из вина – озеро. Всё живое. Все настоящее. Царевна-то – Богиня. В этом-то и заключается суть третьего этапа инициации – творить мир, в котором ты живешь, в котором живут твои близкие. А близких у Царевны – все царство, весь мир! [8, с. 39–40].

Подтверждением этим рассуждениям служит вспомогательный анализ имени персонажа. Лягушка в народной классификации относится к разряду гадов (как змеи и ящерицы). «Гад. 1. Обычно мн. ч. (гады). Земноводное или пресмыкающееся животное» [16, I, с. 295]. В английском языке God «бог» (в германских языках – так же). Вспомним, что раньше поклонялись земноводным (ящерам и иным земноводным): эта семантическая привязка объяснима.

Лягушки имеют непосредственную связь с небом. «Мотив небесного происхождения лягушки рассматривать их (и некоторых других хтонических животных) как превращенных детей (или жену) громовержца, изгнанных на землю, в воду, в нижний мир [ср. русскую примету «до (первой) грозы лягушка не квакает» и повсеместные представления о кваканье лягушек к дождю, об их появлении вместе с дождем и т.п.]. <…> Мотив лягушек как превращённых людей <…> не исчерпывается их связью с громовержцем; <…> к этому же кругу представлений относится мотив обращения в лягушку за обман, образы Царевны-Лягушки в русских сказках и т.н. лягушачьего принца в германском фольклоре» [2, II, с. 84 – 85].

Признаками Лягушки-Царевны являются ‘ум’, ‘красота’, ‘доброжелательность’, ‘умелость/ деловитость’, ‘обладающая знаниями и умениями в магии/ колдовстве’, ‘Богиня / демиург’. Небесная Богиня берет в мужья земного царевича. Сюжет брака человека с животным или птицей широко распространен у разных народов.

К этому образу примыкает еще один сказочный персонаж, который предстает в сказках то в «птичьем», то в антропоморфном облике – Царевна-Лебедь. У этой девы-лебедя луна (месяц) под косой блестит, а во лбу звезда горит. Луна и звезды – символы неба, верхнего мира. Перед нами Небесная Богиня. Месяц под косой и звезды на челе – символы верховной – божественной – власти Великой Богини или Царицы Небесной. Женщины на Руси носили венцы, формой напоминающие перевернутую луну, или кику – в форме луны рогами вверх.

В античной и средневековой традициях было распространено мнение, что душа странствует по небу в виде лебедя. *Душа*-лебедь – символ, пришедший из мифологии: «эта символика в своей основе связана и с представлением о способности души странствовать по небу в образе лебедя, выступающего как символ возрождения, чистоты, целомудрия, гордого одиночества, мудрости, пророческих способностей, поэзии и мужества, совершенства, но и смерти» [16, с. 41]. Звезда на челе царевны-лебедя тоже объяснима: по смерти душа в славянских поверьях превращается в звезду [8, с. 67–68], при этом Царевна-Лебедь сама из верхнего, небесного, мира – Богиня.

Такая особенность описания основывается на мифологических и исторических корнях существования у русского народа тотемов – птиц. Тотемами выступали гуси-лебеди, соколы, орлы (в русских сказках гуси-лебеди – атрибут Бабы Яги, в имени которой, скорее всего, скрывается образ Богини-матери или ее жрицы. Баба Яга, по всей вероятности, связана с культом предков). Этот вывод подтверждается ещё и теми языковыми и фольклорными фактами, что добры молодцы называются *орлами, соколами, соколиками*, красны девицы – *Царевнами-лебедями, лебёдушками*, ср.: женская походка – *идёт, будто лебедь белая плывёт*; шея у женщины – длинная, *лебединая*, что является эталоном красоты. *Лебёдка, лебёдушка, лебедь* (народн.-поэт.) «Ласковое название молодой девушки, женщины» [15, II, с. 167]. Действия врагов до сих пор сравниваются с действиями коршунов и воронов (*налетели, навалились будто коршуны/ вороны*). Женщин ласково называют *голубка, голубушка, голубица,* мужчин *голубчик, голуба, голубок, голубь.* Отрицательную смысловую нагрузку несут слова, именующие женщин *ворона, кукушка, курица*, именующие мужчин *коршун, ястреб, гусь* [8, с. 68].

Образ и функции демиурга, творца и управителя выявляется в ярком персонаже русского фольклора – Царевна-Лебедь. Существительное *лебедь* ныне в современном русском языке имеет вариантные

родовые формы, которые «противопоставлены друг другу как нормативная и ненормативная, современная и устаревшая, нейтральная и просторечная... Существительные, нормально употребляющиеся в одном роде – преимущественно в мужском, в разговорной речи могут иметь формы другого рода: *лебедь, лебедя* (муж. р.) и нар.-поэт. *лебедь, лебеди* (жен. р.)» [11, I, с. 470]. Для русского фольклора слову *лебедь* свойственна форма женского рода (*белая лебедь*). В сказках «женщина оборачивается в белую лебедь, изображается колдуньей и называется *еретницею*» [2, с. 241–242]. Лебеди сохранили чистоту своего образа в русской лингвокультуре. Это стало возможным благодаря тем качествам, которыми они наделяются: красота и верность [8, с. 87-88]. Признаки Царевны-Лебедь: ‘красота’, ‘доброжелательность’, ‘Богиня/демиург’ [9].

Итак, символическими признаками анализируемого фольклорного концепта оказались ‘Царевна Несмеяна’, ‘Лягушка-Царевна’, ‘Царевна-Лебедь’. Вероятно, символические признаки первоначально были образными, связанными с верованиями в оборотничество и магию. А соответствующие образы появились на основе метонимического переноса – что восходит к обрядовой практике. Исследуемый концепт прошел весь путь развития своей структуры. На это указывает наличие иронического признака: *царевной* называют девушек или женщин, которые ведут себя заносчиво.

Лингвокультурный типаж «царевна» развивался по такой схеме в русском языке: ‘дочь правителей (царя-царицы/ короля-королевы)’, ‘наследница полцарства’, ‘невеста’ → ‘красавица (девушка)’, ‘девушка (женщина) с самомнением’, ‘супруга (царевича)’, ‘недотрога’ → ‘Царевна Несмеяна’ (‘скромность’, ‘серьезность’, ‘задумчивость’, ‘неулыбчивость’), ‘Лягушка-Царевна’ (‘ум’, ‘красота’, ‘доброжелательность’, ‘умелость/деловитость’, ‘обладающая знаниями и умениями в магии/колдовстве’, ‘Богиня/демиург’), ‘Царевна-Лебедь’ (‘красота’, ‘доброжелательность’, ‘Богиня/ демиург’) → ‘заносчивость’.

Литература

1. Большой словарь русских поговорок. – М: Олма Медиа Групп. В. М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. 2007. С. 609.
2. *Буслаев Ф.И.* Преподавание отечественного языка. М., 1992.

3. *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Лягушка // Мифы народов мира: энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1988. Т. II. С. 84–85.
4. Иллюстрированная энциклопедия символов; сост. А. Егазаров. М.: АСТ, Астрель, 2007. 723 с.
5. *Кузнецов С.А.* Большой толковый словарь русского языка. 1-е изд-е: СПб.: Норинт. 1998. // http://dic.academic.ru/dic.nsf/kuznetsov/12903/царевна. Дата обращения: 12.04.2019.
6. *Михельсон А.Д.* Объяснение 25000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней. 1865. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/8534 /. (Дата обращения: 12.04.2019).
7. *Пименова М.В.* Фольклорная картина мира // Пименова М.В. Языковая картина мира: учебное пособие. Изд. 3-е доп. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2011. 106 с. С. 46–56. (Серия «Славянский мир». Вып. 7).
8. *Пименова М.В.* Фольклорные концепты // Концепт и дискурс: коллективная монография; отв. соред. Г.Н. Кенжебалина, М.В. Пименова. Павлодар-Кемерово-Киев-Витебск: Кереку, 2012. 178 с. С. 63–102. (Серия «Поликультурное пространство языка в Казахстане». Вып. 2).
9. *Пименова М.В.* Развитие теории лингвокультурных типажей (русский фольклорный концепт «царевна») // Человек. Язык. Культура: сборник научных статей, посвященных 60-летнему юбилею проф. В.И. Карасика: в 2-х ч.; отв. соред. В.В. Колесов, М.Влад. Пименова, В.И. Теркулов. Киев: Издательский дом Д. Бураго, 2013. Изд. 2-е, испр. Часть 1. 800 с. С. 16–25. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 2).
10. *Пименова М.В.* Этногерменевтика русской сказки: монография / М.В. Пименова. М.: ИНФРА-М, 2018. 355 с. (Научная мысль).
11. РГ-80: Русская грамматика; гл. ред. Н.Ю. Шведова. М., 1980. Т.1.
12. Собственное имя в русской поэзии XX века: словарь личных имён. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://personal_names_of_russian_poets.academic.ru/2387/ЦАРЕВНА. (Дата обращения: 22.04.2019).
13. Словарь крылатых слов. Plutex. 2004. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/3282/Царевна. (Дата обращения: 12.04.2019).
14. Словарь русских синонимов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://jeck.ru/tools/SynonymsDictionary/царевна. (Дата обращения: 12.04.2019).
15. СРЯ: Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус, яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд. М.: Русский язык, 1981-1984. Т. 2.
16. *Топоров В.Н.* Лебедь // Мифы народов мира: в 2 т. М., 1988. Т. II. С. 40 – 41.

17. *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь русского языка. 1935-1940. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1084130. (Дата обращения: 12.04.2019).
18. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4-х т.: Пер. с нем. 2-е изд., стереотип. М.: Прогресс, 1986–1987. Т. 1. 576 с.: // http://vasmer.narod.ru/ Дата обращения: 12.04.2019.
19. Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/rus_orthography/98671/царевна (Дата обращения: 12.04.2019).
20. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. – М.: «Локид-Пресс». 2003. Словарь крылатых слов. Plutex. 2004. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/3282/Царевна. (Дата обращения: 12.04.2019).

Т.Е. Зинкевич
ведущий архивист Отдела рукописей РГБ
Москва (Россия)
E-mail: zinkevichte@rsl.ru

Топос «принятия ангельского образа» в житиях столпников на материале РГБ

Аннотация. В статье рассмотрены основные элементы ментальной и событийной топики, характерной для житий восточных и русских столпников на этапе прихода в монастырь. Проведенный анализ выявил индивидуальные особенность топики житий столпников в сравнении с топикой преподобнического жития в рамках агиографического канона.

Ключевые слова: событийные и ментальные топосы, жития, столпники, преподобные.

Tatiyana E. Zinkevich
Senior Archive Specialist of the Department
of Manuscripts of Russian State Library
Moscow (Russia)
E-mail: zinkevichte@rsl.ru

The topos of "accepting the angelic image" in the lives of pillar-saints (based on the material of RSL)

Abstract. The article considers the main elements of mental and event-related topics, typical for the Lives of Eastern and Russian pillars on the way of their acceptance of the angelic image. The analysis revealed the individual features of the topics of the lives of the pillars in comparison with the topic of the life of the monk within the hagiographic canon.

Keywords: event and mental topos, lives, stolpniki, Reverend.

Чин святости преподобных, к которому относятся столпники, является самым многочисленным. В последнее десятилетие исследователи-медиевисты широко применяют термин «топика», «топос» при изучении агиографических текстов, как одного из главных элементов агиографи-

ческого канона. В рамках канона литературоведы рассматривают общие места в агиографических текстах, трафареты, характерные мотивы, клише, т.е. то, что входит в обобщающее понятие топоса [10, с. 431-500]. Жития преподобных, к которым относятся столпники, имеют строгую каноническую схему, и содержат ряд устойчивых топосов, свойственных только этому типу агиографических памятников [10].

При рассмотрении топики столпничества будем опираться на жития русских и восточных стилитов, таких как прпп. Никита Переславский, Савва Вишерский, Симеон Столпник, Даниил, Симеон Дивногорец, Алипий, Лазарь Галисийского, Лука Новый. Рассмотрим один из этапов их жизненного пути – от рождения и детства до принятия ими монашеского пострига. Согласно учению святых отцов Церкви в человеческой природе соединены дух и тело, причем главенствующая роль отводится ее духовной составляющей, как инструменту общения с Богом. И если тело составляет внешнюю видимую часть человека, то дух является незримым, но именно он способен подчинить телесные стороны бытия. В связи с этим при анализе топики Житий столпников будем руководствоваться двумя терминами: событийным топосом, характерным для биографических фактов Жития, и ментальным топосом, отражающим духовную жизнь подвижников на пути восхождения к святости.

Для чина преподобных этого этапа Жития характерна следующая топика: мотив божественных предзнаменований матери святого до его рождения; топос благочестивого детства и мечта о постриге; тайный уход в монастырь, отказ игумена в постриге из-за малолетства святого, и, наконец, топос «принятия ангельского образа» [10, с. 285-286].

Однако у каждого столпника – свой путь в монастырь. Общим эпизодом этого этапа для всех подвижников является только постриг, тогда как всем остальным элементам жития столпников, начиная с рождения и кончая поступлением в монастырь, присущи индивидуальные черты. Рассмотрим, как соотносится топика Жития столпников этого этапа с агиографическим каноном преподобных.

Основатель столпничества прп. **Симеон Старший или Первый** (IV–V вв.) не помышлял в детстве о монашестве. Он жил в Антиохии вместе с родителями, которые были христианами. Возможно, они были простыми людьми, хотя и состоятельными, однако не дали сыну никакого образования, поскольку с раннего детства обязали Симеона пасти стадо овец. Заходил он в храм только в свободное от работы время, которое было редким, так как климат Сирии позволял пасти скот круглый год.

Пребывая постоянно в пустыне с овцами, Симеон с детства научился терпению и умению переносить лишения и невзгоды. Длительное пребывание в одиночестве наедине с природой способствовало выработке аскетических навыков. Все эти качества получили свое дальнейшее развитие в монашестве. Однажды во время непогоды он зашел в храм и услышал слова Заповедей Блаженства из Евангелия, которые потрясли его. Симеон, не заходя домой, отправился в монастырь, и «*паде архимандриту и глагола – помилуй мя смиренаго и спаси душю, погибающу и желающу служити Богу*» [8, л. 244]. Так, будучи юным отроком на двенадцатом году жизни, Симеон поступил в монастырь, и после шестилетнего периода послушничества принял постриг в 18 лет.

Таким образом, для этого этапа Жития прп. Симеона Старшего характерны следующие событийные топосы преподобных в их своеобразном преломлении: божественное предзнаменование было ему самому в подростковом возрасте в храме; благочестивое детство (без друзей и детских игр) было вынужденным в силу его образа жизни (пастух), а мысль о монастыре у него появилась внезапно в храме после чтения Евангелия, и он ее сразу же осуществил. Благодаря пастушеству аскетические мотивы проявляются у прп. Симеона еще в детстве: неприхотливость в еде, стойкость к проявлению неблагоприятных погодных условий, вынужденное молчание, зачатки созерцательности.

Прп. **Даниил Столпник** (V в.) – ученик Симеона Старшего, родился в Месопотамии. Воспитанный благочестивыми родителями, Даниил с детства мечтал о монашестве и в 12 лет тайком ушел в монастырь. Игумен хотел отправить юного отрока к родителям, но юноша высказал твердое намерение остаться в обители. Когда родители узнали о месте пребывания сына, они обрадовались, что сын решил посвятить себя служению Богу, и попросили игумена постричь Даниила в монашеский чин в их присутствии. Здесь житийные канонические топосы реализованы в полной мере: рождение от благочестивых родителей, благочестивое детство и мечта о монастыре, тайный уход в монастырь. Однако мотив плача родителей о сыне отсутствует – он заменен топосом радости родителей об избрании сыном монашеского пути. И завершился этап событийным топосом пострига Даниила в «ангельский образ», при котором присутствовали родители, благословившие его на избранный монашеский путь.

Прп. Симеон Дивногорец (Младший) (VI в.) родился в Антиохии. Мать его, святая Марфа, была извещена святым пророком Иоан-

ном Крестителем о рождении богоизбранного сына. С младенчества Симеон удивлял всех своим строгим постничеством, а когда подрос – стремлением к уединенной молитве. Уже в детстве мальчику (и его матери) несколько раз являлся Господь, предсказывая его будущие подвиги. Симеону не было еще и шести лет, когда после землетрясения ему явился Ангел и привел его на пустынную гору: *«виде отроча мужа в белых ризах глаголюща ему иди вослед мене и абие вослед иде стезею явльшагося и иде с ним и веде»* [9, л. 10-10 об.]. Там мальчик жил некоторое время среди зверей, и принимал пищу из рук Ангела, который во всем его поучал: *««..и в пустыни горы тоя един пребываше отроча со зверми... наставляема явльшимся иже в белых ризах муж и потребу ему подающа ... наставляем во всем»* [9, л. 10-10 об.]. Затем Ангел привел Симеона на гору, на которой располагался монастырь. Его игуменом был столпник Иоанн. Так, шестилетний Симеон (Дивногорец) поселился в монастыре, пребывая под руководством игумена, отдельно от всех, в молчании и строгом посте [9].

Топосы, характерные для чина преподобных, не только присутствуют на этом этапе Жития прп. Симеона Дивногорца, но и реализуются в «увеличенном» объеме, достигая своего эпогея. Так, топос божественных знамений характерен для всех лиц, связанных с Симеоном: матери – о рождении сына, игумену-столпнику Иоанну – о приходе необычного отрока. Божественные знамения постоянно сопровождают Симеона с раннего детства, и выражаются мотивом ангела, принимающего деятельное участие в жизни Симеона. Ангел ведет пятилетнего отрока на необитаемую гору, питает его, обучает, а затем приводит в монастырь и вручает его игумену-столпнику Иоанну. Топос пострига Симеона Младшего уникален – игумен постриг его в шестилетнем возрасте – самом раннем из всех известных житий столпников, и совершил постриг без всяких колебаний по Божественному промыслу.

Прп. Алипий Столпник (VI–VII вв.) родился в городе Адрианополе на юге Малой Азии. Топос божественного знамения присутствует в житии св. Алипия, начиная с его зачатия и кончая рождением. Мать его была христианкой, и накануне рождения сына у нее было видение, что она держит на руках красивого агнца с двумя горящими свечами: *«Избра же его Господь себе еще от чрева очерпаю, ибо непраздна и близ рождения бывши мати его, нощию виде сицевое видение»* [6, л. 90-90 об.]. После рождения сына мать увидела во сне, как новорожденного ребенка окружает множество людей, воспевающих ему псалмы. Она поняла

предназначение сына и отдала ребенка на обучение Андрианопольскому епископу Феодору: «*Приведе его яко Анна Самуила к церкви и вдаде Богови на службу, вручивши его епискови града таго, блаженному Феодору, иже духом разумев сущую во отраце благодать Божию возлюби его зело, научаше писания*» [6, л. 90-90 об.]. Мать Алипия, раздав все имение нищим, стала подвизаться при этой же церкви, где была удостоена звания диаконисы. Алипий, воспитанный епископом при церкви, вел благочестивую жизнь, чем снискал всеобщую любовь. Топос благочестивого детства в Житии прп. Алипия выражен как *«исполнен бо бяше Алимпии страха Божия, смирения же и кротости в юных своих летех являше седину премудрость и имеяше возраст старости нескверное житие»* [6, л. 90 об.]. Епископ постриг Алипия и рукоположил в сан диакона: «*чесо ради постален бысть економом церковным, таже и дияконом хиротонисан, непорочно служаше Богови*» [6, л. 91].

Наиболее ярко в Житии прп. Алипия на этом этапе выражен топос божественных предзнаменований матери, которая не только поняла особое назначение сына, но и сама активно этому способствовала: продала все имущество, и вместе с сыном избрала путь спасения в Церкви.

Из Жития **прп. Луки Столпника, или Нового Столпника** (Х в.) нам ничего не известно о его детских годах. Агиограф описывает Луку византийским воином, который не помышлял о монашеском пути. Во время одного из сражений греки потерпели поражение, и многие соотечественники Луки погибли. Несмотря на это страшное сражение, Лука по воле Господа не только остался жив, но и не получил ни единой царапины. Он воспринял это как божественный знак, и ушел в монастырь, будучи уже зрелым человеком [3]. На этом этапе жития прп. Луки Нового Столпника реализуется только один топос – божественного предзнаменования, но уже в зрелом возрасте.

Прп. Лазарь Галисийский (981–1053) был родом из византийской Лидии. Он был хорошо образован; принял монашество в обители святого Саввы в Палестине. Скупые сведения этого этапа жития прп. Лазаря (до поступления в монастырь) не позволяют судить о характерных топосах этого периода. Однако Лазарь, названный в житии как *«образованный и боголюбивый юноша»* [2, с. 144], видимо, имел благочестивое детство, и получил хорошее образование. Таким образом, топос благочестивого детства прп. Лазаря Галисийского выражен в житии опосредованно.

Житие **прп. Саввы Вишерского** вполне соответствует агиографическому канону преподобных. Родился он в 1381 году в Кашине в семье

известного и почитаемого всеми боярина-воеводы Ивана Васильевича Борозды. Савва был вторым из восьми его сыновей, и воспитан был в благочестии: *«Преподобный отец наш Сава бяше от тверския земли града Кашина не от проста рода бе, но от велика. И всем знаема. Тамо взрасте и воспитан был»* [7, л. 335]. Еще в детстве он не любил рассеянной жизни, постился и усердно ходил в Божий храм: *«но понеже юн сы телом и свершен добродетелью. Аще бо мирская носяше. Но вся иноческая тому бяху глаголю же пост с молитвами и всех первее сверстник своих в церкви обреташеся»* [7, л. 371].

Савва с детства мечтал о монашестве и, повзрослев, ушел в Саввину Тверскую пустынь, отличавшуюся строгим уставом, где он и принял монашество: *«изыде от своего дому и от своих сродник и прииде в честную обитель святого Савы»* [6, л. 371] и *«во иноческий чин облечеся, оставль все рода своего благочестие мирское, и славу, и богатство, яко мимотекуще»* [6, л. 90-90 об.].

Так, для этого этапа жития прп. Саввы Вишеского характерен событийный топос благочестивого детства с мотивами мечты о постриге и подражанием иноческой жизни еще в отрочестве. За топосом принятия «ангельского образа» сразу следует мотив отречения от всего мирского. Все это вписывается в каноническую схему жития препродобных.

Совсем иным описывается в житии **преподобный Никита Столпник, Переславский чудотворец (XII в.)**. Его путь в монастырь кардинально отличается от всех других столпников и требует детального рассмотрения всех фрагментов Жития, отражающих духовное преображение человека, погрязшего в грехах, в смиренного инока. В Житии преподобного Никиты Столпника отсутствуют стандартные событийные топосы преподобнического агиографического жанра, которые описывают рождение и детство святого. Здесь нет рождения будущего подвижника от благочестивых родителей с божественными знамениями о его избранности, нет крещения как духовного рождения с выбором имени и пророчеством священника. Отсутствует благочестивое детство со стремлением героя к ранней богоугодной жизни, отказом от детских игр со сверстниками, чтением божественных книг и любовью к церковным богослужениям. В повествовании мы находим только одно предложение о рождении и воспитании святого в городе Переславле: *«Никита, преподобный отец наш, бе рожден и воспитан во граде Переславле»* [5, л. 96 об.].

Следующий стандартный мотив, отсутствующий в основной части текста Жития преподобного Никиты Столпника – это описание благочес-

тия молодого человека, избегающего брака и мечтающего о монашеском постриге. Перед нами предстает вполне зрелый, женатый человек, далекий от христианского идеала. Никита был сборщиком налогов, прославившийся у горожан особой жестокостью и стремлением к обогащению. Никита добывал деньги для князя Юрия Долгорукого, был мытарем, сборщиком податей, при этом оставлял себе значительные суммы, не отдавая в казну. И так продолжалось в течение многих лет: *«И много пакости и мятежи творяше человеком, от них же неправедну взимаше мзду, тем питаше себе и подружие свое»* [5, л. 96 об.].

Перед нами встает неправедный человек, одержимый жаждой обогащения. Ментальный топос ГРЕХ противоположен ментальному топосу СВЯТОСТЬ. Страсти сребролюбия и лихоимства владеют Никитой; и то, и другое не знают насыщения. Житие повествует, что много горя причинил Никита людям своим мздоимством: *«И много пакости и мятежи творяше человеком, от них же неправедну мзду взимаше»* [4, л. 237]. Учитывая то, что Никита присваивал деньги, которые он собирал на строительство храма, то ко всем его прегрешениям добавляется еще и святотатство. В Житии ментальный топос ГРЕХа мытаря Никиты ярко выражен, а основными событийными топосами, которые его репрезентируют, являются следующие: *«много пакости творяше человеком»; «мятежи творяше человеком», «неправедну взимаше мзду»* [5, л. 96 об.]. Здесь в сферу ментального топоса ГРЕХа входят другие ментальные топосы: ЛИХОИМСТВО, СРЕБРОЛЮБИЕ, ГОРДОСТЬ, ЖЕСТОКОСЕРДИЕ.

Далее происходит преображение мытаря Никиты. В силу вступают ментальные духовные законы, которые коренным образом меняют мировоззрение грешника. И если прежняя жизнь мытаря Никиты описана всего лишь несколькими строками, то в дальнейшем повествовании древнерусский писатель дает развернутую картину происходящего. Здесь отчетливо проступают структурные компоненты ментальной топики Жития, которые показывают духовное преображение мытаря Никита. Однажды Никита был в храме, где услышал слова паремии из Книги пророка Исаии: «*Измытеся и чисти будете, и отимете лукавство от душь ваших пред очима Моима…*» [5, л. 97]. Эти слова поразили Никиту и способствовали его пробуждению от греховного сна через ОСОЗНАНИЕ СВОЕГО ГРЕХА. Под впечатлением слов прор. Исаии [1, Ис.1,16.] Никита не мог заснуть, но с наступлением утра ночные мысли рассеялись, и он решил в очередной раз пригласить друзей к себе домой на

ужин. Жена Никиты готовила угощение для гостей, когда вдруг увидела в кипящем котле с мясом плавающие части человеческого тела, и в страхе позвала мужа. И тогда изумленный Никита окончательно «пробудился» и осознал, что своими деяниями он поступал омерзительно. *«Ох, мне, ох и увы, много согрешившему»* [9, л. 15 об.] – произнес он и покинул свой дом. В душе Никиты происходит окончательное ОСОЗНАНИЕ СВОЕЙ ГРЕХОВНОСТИ. Никита с ужасом взирает на всю прежнюю свою греховную жизнь – *«и омертвев плотию, ниспаде очерп: и воспомянув своя неправедная дела, яже творяще человеком»* [5, л. 97]. Как только у него появляется осознание своей греховности, его пробужденная совесть охватывает все его существо, и он полагается на волю своего преображенного сердца – *«рече – токмо ох мне, ох увы, многосогрешившему, и востенав от глубины сердца, изыде дому своего»* [5, л. 97]. Основными ментальными топосами в этом эпизоде являются РАСКАЯНИЕ и ПОКАЯНИЕ. Эти мотивы редко присутствует в житийных текстах преподобных и совсем отсутствуют в Житиях других столпников. Однако в Житии прп. Никиты Переславского древнерусский автор уделяет им большое внимание. Следующий эпизод также связан с описанием покаяния Никиты. Здесь реализуется событийный топос ухода от прежней жизни и ментальный топос глубокого ПОКАЯНИЯ героя. Недалеко от Переславля находился мужской Никитский монастырь, куда решил уйти Никита. Со слезами Никита упал в ноги игумена и стал просить его: *«Прииодох, отче, ко твоей святыни, дабы мя еси сподобил ангельского образа, и молитвами твоими причтен был к избранному стаду, святой братии»* [5, л. 97 об.]. Житийный жанр преподобнического чина святости диктует следующий топос – первоначальный отказ игумена от пострига из-за молодости героя. В Житии игумен также сначала отказывается от пострига Никиты, однако руководствуется иным – он не верит в искренность раскаяния мытаря Никиты, прекрасно зная его прежнюю греховную жизнь. И тогда игумен решает испытать его и отсылает Никиту к воротам монастыря, где он в течение трех дней должен *«исповедати грехи своя со слезами входящим и исходящим из монастыря»* [5, л. 97 об.]. Три дня Никита провел у монастырских ворот, плача и сокрушаясь о своих грехах, исповедуя их перед всеми. Через ПОКАЯНИЕ и СМИРЕНИЕ происходят изменения в душе Никиты – он осознает всю греховность прежней своей жизни, и душа его жаждет обновления. Однако обновленная душа его пребывает в прежнем изнеженном физическом теле, и Никита принимает решение, что, как грешило его тело, так оно должно и

пострадать. Он уходит на болото рядом с монастырем, раздевается, обнажая свое тело для комаров и мошек. При этом уста его творят молитву: *«Боже, очисти мя, многогрешнаго»* [9, л. 10]. Игумен, спустя три дня, послал монаха узнать, что произошло с Никитой. Однако тот обнаружил его не у ворот монастыря, а на болоте. Тело его, облепленное комарами и мошками, было распухшим и истекающим кровью от их укусов. Когда игумен с братией пришли к Никите, они уже увидели перед собой не того безжалостного мытаря, которого знали прежде, а совсем другого человека – смиренного и глубоко раскаявшегося, который вновь обратился к нему: *«Отче, спаси душу гибнущую»* [5, л. 97]. И тогда игумен сам ввел Никиту в монастырь и удостоил пострижения его в монашество: *«сотвори его ангельскаго образа и постриже его в иноческий чин»* [5, л. 98].

Таким образом, путь в монастырь у каждого столпника индивидуален и может выходить за рамки агиографического канона преподобных. Возраст будущих столпников, приходящих в монастырь, самый разный: от младенческого (прп. Симеон Дивногорец, 6 лет) до зрелого возраста (прп. Никита Столпник, прп. Лука Новый Столпник). Для каждого Жития столпников характерен топос божественных знамений, но в разном преломлении. Наиболее ярко он выражен в Житии прп. Симеона Дивногорца, сопровождая его на всем этапе поступления в монастырь в образе Ангела. В Житии прп. Алипия топос божественных знамений ярко выражен в эпизодах, связанных с матерью подвижника. Ментальный топос ГРЕХа присутствует только в Житии прп. Никиты. Более того, мытарь Никита в отличие от других столпников был женат, богат и занимал высокую должность на службе у князя. Однако через ОСОЗНАНИЕ ГРЕХА – РАСКАЯНИЕ – ПОКАЯНИЕ – СМИРЕНИЕ происходит духовная трансформация грешника мытаря Никиты в смиренного и боголюбивого человека, достойного монашеского пострига.

Топос «принятия ангельского образа» характерен для всех столпников, и является единственным, который полностью вписывается в каноническую схему чина преподобных. Так, будущие столпники, каждый своим путем, вступают на иноческую стезю. Принимая постриг, они отказываются от прежней своей жизни. Прежний мир умер для будущих столпников; оставлены за воротами монастыря дом, родственники, друзья, высокое общественное положение (прп. Никита), богатство (прпп. Никита и Савва). Впереди предстоял тернистый путь монашеских подвигов.

Литература

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Изд. Московской Патриархии, 1988.
2. Димитрий Ростовский, св. Житие преподобного Лазаря Галисийского Столпника. // Жития святых. Т.III. Киев: Изд-е Киево-Печерской лавры, 1998. Ноябрь. С. 144–145.
3. Димитрий Ростовский, свт. Житие преподобного Луки, нового Столпника // Жития святых. Т. IV. Киев: Изд-е Киево-Печерской лавры, 1998. Декабрь. С. 328–329.
4. ОР РГБ. Ф. 7. № 16. Перв. четв. XVI в.
5. ОР РГБ. Ф. 68. № 434. Перв. четв. XVIII в.
6. ОР РГБ. Ф. 212. № 18. Кон. XVII в. – 2-я четв. XVIII в.
7. ОР РГБ. Ф. 256. № 397. XVI в.
8. ОР РГБ. Ф. 304.1. № 747. Сер. XV в.
9. ОР РГБ. Ф. 310. № 267. Перв. четв. XVII в.
10. *Руди Т.Р.* О композиции и топике житий преподобных // ТОДРЛ. Т. 57. СПб.: Изд. Дмитрий Буланин, 2006. С. 431–500.

Ю.В. Коренева

кандидат филологических наук,
доцент кафедры истории русского языка
и общего языкознания Московского
государственного областного университета
Москва (Россия)
E-mail: uv.koreneva@mgou.ru

Ценность святости в русской лингвокультуре: к вопросу о религиозных смыслах слова

Аннотация. В статье ставятся два вопроса о ценности святости в русской лингвокультуре и наличии религиозного компонента в семантике русского слова в сопоставлении с церковнославянским словом. Утверждается, что святость эксплицируется совокупностью разных лексем, которые обнажают сложную связь между церковнославянским и русским языками. В одном и том же слове различительную функцию выполняет сигнификативный компонент семантики, при этом религиозные смыслы реализуются через религиозно детерминированную сему или ее часть. Таким образом, обнаруживаются смысловые различия русского и церковнославянского слова с опорой на дискурсивные параметры соответствующих текстов.

Ключевые слова: святость, религиозный смысл, семантика, лингвокультура, житие святого, церковнославянский язык, русский язык.

Yulia V. Koreneva

PhD in Philology, Associate Professor,
Moscow State Regional University
Moscow (Russia)
E-mail: uv.koreneva@mgou.ru

The value of holiness in the Russian language and culture: to the question of the religious meanings of the word

Abstract. The article raises two questions about the value of holiness in Russian linguistic culture and the presence of a religious component in the semantics of the Russian word in comparison with the Church Slavonic word. It is approved that holiness is explicated by a set of different lexemes, which expose the complex relationship between Church Slavonic and Russian. In the same word, the distinctive function is performed by the significative component of semantics, while religious

meanings are realized through a religiously determined family or part of it. Thus, the semantic differences of the Russian and Church Slavonic words are found with reliance on the discursive parameters of the corresponding texts.

Keywords: holiness, religious meaning, semantics, linguoculture, life of the saint, Church Slavonic, Russian.

При осмыслении вынесенной в название статьи темы возникает сразу два вопроса, попытка найти ответы на которые и составит наше рассуждение. Во-первых, обладает ли святость, как понятие и как лексема, ценностными характеристиками в русской лингвокультуре? И во-вторых, существует ли особый – религиозный – смысл русского слова? Начнем со второго вопроса, поскольку именно он в большей степени ориентирован на лингвистический аспект рассуждения.

Слово *религиозный* в применении к языку может восприниматься по-разному, в том числе в дискурсивных рамках и через синонимические замены. Исследователи говорят и о сакральном языке, и культовом, выделяют религиозный или религиозно-проповеднический стиль, изучают духовную словесность и религиозную коммуникацию (подробнее: [2]).

В нашем случае слово *религиозный* используется как атрибутивная характеристика смысла слова. Изучение русских религиозных текстов – т.е. текстов, составляющих русский религиозный дискурс (= православный) и наполняющих русскую религиозную концептосферу (=православную) – позволяет говорить о наличии в семантическом объеме некоторых слов, общих и для русского узуса, и для религиозного дискурса, таких смыслов, которые проявляют себя только в религиозном контексте, т.е. такой подход можно назвать жанрово-дискурсивным. Языковой материал в этом случае предоставлен текстами житийными, потому что именно житие как жанр обладает особой смысловой спецификой: житие стоит на стыке духовной и мирской жизни, рассказывая о подвиге святости человека, жившего среди нас и удостоившегося Царствия Небесного по итогам своего земного пути. Именно из-за соединения в концептуальной структуре житийного текста земного и небесного (мирского и духовного) многие известные и употребляемые в современном русском языке слова, эксплицирующие концепт святости, имеют в своем семантическом объеме те смыслы, которые отсутствуют в повседневном употреблении, что дает нам право вводит в оборот формулировку *религиозные смыслы слова*. Таким образом, можно говорить о том, что само

понятие святости реализуется в житийных текстах разными способами, на лексико-семантическом уровне оно эксплицируется совокупностью лексем (*святой, святость, преподобный, благоверный, вера, мученик, подвиг, любовь, грех, добродетель, покаяние, терпение, смирение, чудо, радость, спасение, сердце, смерть, крест, молитва, безмолвие*), семантика которых не ограничивается узуальным употреблением и фиксацией в словарях русского языка. В качестве первичной иллюстрации, еще не связанной в нашем рассуждении с конкретным текстовым материалом, приведем пример трактовки значения слова *благоверный*: в словаре Д.Н. Ушакова дана помета «только в шутл. выражениях в знач. сущ.» и есть ссылка в скобках «первонач. церк. эпитет царей в знач. “православный, правоверный”» [17].

Стоит сказать и о том, почему такая ситуация сложилась. Вряд ли здесь можно дать однозначный лингвистический ответ, потому что причина кроется во внеязыковой действительности. Новый для своего времени словарь русского языка Д.Н. Ушакова должен был отвечать задачам и политическим установкам новой власти, поэтому в данном словаре многие бывшие в ходу и употребительные слова из языка церковнославянского и сохраняющие те – церковные – значения интерпретировались по-новому. Также и многие слова, которые до сих пор активны в современном церковнославянском языке русского типа, были интерпретированы как устаревшие и книжные либо отмечены оценочно как шутливые, неодобрительные и проч. (по словарю Д.Н.Ушакова можно посмотреть такие церковнославянизмы, как *трезвенный, смиренный* и *смирение*), либо у таких слов вообще не отражено то значение, которое было церковнославянским (*спасение, подвиг* и др.), либо есть в некоторых случаях помета церковное (*послушание, покаяние* и др.). Анализ словаря не является целью нашего рассуждения, это лишь иллюстрация к той теме, которая разрабатывается.

Возвращаясь к представлениям о религиозных смыслах слова, скажу, что из-за сложнейших исторически обусловленных отношений русского и церковнославянского языков в современном русском и современном церковнославянского русского типа сложилась прозрачная и в то же время сложная ситуация: лексический фонд обоих языков настолько близок, что между церковнославянскими и восточнославянскими (=русскими) словами сложились семантические отношения и синонимии, и паронимии, и омонимии: достаточно обратить внимание на слова *прелесть, гордый, подвиг* и другие, чтобы убедиться в реальности таких отношений. Само понятие святости и все слова, его реализующие в текс-

тах русской православной концептосферы, отражают эту сложную связь между церковнославянским и русским языками. В современном русском языке *святость* воспринимается не совсем так, как она раскрывается в церковнославянских текстах, но поскольку русско-церковнославянская языковая амальгама есть языковая реальность, то приходится разбираться в этих семантических сплетениях, что важно и для понимания и изучения обоих языков, и особенно для лексикографической практики, потому что сопоставительного семантического словаря русского и церковнославянского языков нет. В моих исследованиях житийных текстов русского религиозного дискурса и православной концептосферы описаны семантические объемы разных слов: *покаяние, спасение, чудо, трезвение* и проч. [6; 8; 10; 11]. Исходя из анализа текстовой и жанрово-дискурсивной семантики, могу утверждать, что в семантическом объеме тех слов, которые реализуют личностные характеристики святого в его житии, денотативный аспект языкового знака в большинстве случаев совпадает в обоих языках, а сигнификативный – нет. Именно сигнификативный компонент значения слова обладает различительными свойствами, показывающими, что, к примеру, *послушание* в русском узусе и церковнославянском языке различаются, при этом для каждого такого «общего» слова в его историческом семантическом развитии отмечаются разные способы семантической трансформации: либо в русском языке слово сужает или расширяет свой семантический объем через терминологизацию или метафоризацию, либо в церковнославянском ведет себя подобным образом (цркcл. *обязание* и рус. *обязанность*; цркcл. и рус. *коварный*), при этом как в русском, так и в церковнославянском семема слова может включать в себя и оценочный компонент, иметь мелиоративную или пейоративную окраску. Кстати, этот момент должен стать самостоятельной темой сопоставительного исследования.

Таким образом, налицо два сопоставительных результата семантики русских и церковнославянских слов: совпадение или несовпадение, как полное, так и частичное. И как раз семантическое несовпадение демонстрирует наличие в русских словах тех смыслов, которые коррелируют с религиозным дискурсом, т.е. русский язык под влиянием церковнославянской языковой стихии сохраняет в семантическом объеме слова (не каждого!) религиозные семы. Связано это, прежде всего, с этимологией слов, первичным употреблением и временем первой текстовой фиксации. Общим местом историко-культурных рассуждений о русской литературе и языке стало утверждение о том, что русская культура в своих

истоках религиозна, что становление русской культуры инициировано именно церковной историей и евангельской парадигмой. Не вдаваясь в общефилософские и историко-литературные размышления на эту тему, отмечу, что язык, реализуя свою кумулятивную функцию, все это накапливал и накапливает, поэтому в языке как факторе культуры отражаются все те смыслы, которыми жил и живет народ (о проблемах современного русского языка в контексте его смыслов сейчас говорить не приходится, хотя это злободневная актуальная проблема). С этимологических позиций церковнославянский язык в отношении слов-номинантов личностных житийных концептов ближе к исходной семантике корня, нежели язык русский, который, активно включившись в секуляризацию лексико-семантического уровня в XVIII веке, многое приобрел в такой свободе развития, но и многое утратил, причем так, что многие слова и понятия, восходящий к церковнославянскому материалу, сегодня требуют историко-культурного комментария (к примеру, семантика выделенных слов у Е.А. Боратынского «*Гармонии таинственная власть/ Тяжелое искупит* ***заблужденье/*** *И укротит бунтующую* ***страсть****./ Душа певца,* ***согласно*** *излитая, /****Разрешена*** *от всех своих* ***скорбей****; /И чистоту поэзия* ***святая****/ И мир отдаст* ***причастнице*** *своей»* [1]).

Ответить на вопрос о наличии религиозного компонента значения слова в русских словах необходимо положительно, сделав только акцент на том, что речь идет об исторически едином фонде русской и церковнославянской лексики. В этом ключе именно этимологические разыскания помогают выявить смысловую ДНК как в конкретном слове, так и в лексико-семантической группе, в тематической группе слов.

Так, лексемы *учение, наука* и *ум* в агиографическом тексте определяют свое значение через обобщенную семантику *ментальных состояний и действий*, при этом есть точка зрения на единство этимологии всех трех слов [19, т.4, с.161,179–180], хотя в словаре П.Я. Черных данных об этимологическом родстве слов *ум* и *учить* нет [20, т. 2, с. 289–290, 297], в этом контексте интерес представляет семантика слова *учение*, которая в житийном тексте сигнификативно связана с сутью Евангельской истории. Семантика лексемы *исцеление* связана с воздействием и на тело, и на душу, и в церковнославянском корпусе текстов этимологически связана с понятием цельности, что отсутствует в семантике этого слова в русском языке. Восстановление таких связей однозначно проявляет ядерную семантику лингвоконцепта *Исцеление* – процесс, результатом которого должен быть целый человек, как единство духа – души – тела.

В житийном тексте исцеление человека связано, прежде всего, с чудесами по молитвам святого, т.е. в этом слове есть религиозный компонент семантики и сигнификативно *исцеление* определяется как *“чудесное выздоровление по молитвам святого к Богу ”* и вместе к с другими словами входит в состав макроконцепта агиографии *Святой/Святость*. Подобная ситуация наблюдается и при анализе других лингвоконцептов жития: *исправление* [9], *помощь* [7] и проч.

Итак, религиозные смыслы слова реализуются через *религиозно детерминированную семему* или *часть семемы*, при этом слово в своем семантическом объеме функционирует во всем корпусе религиозных текстов, от жанра к жанру и от текста к тексту актуализируя тот или иной элемент семантики и/или оценочный компонент. Поэтому специфика отношений религиозного (христианского православного) и нерелигиозного, т.е. бытового и/или профанного, в семантической структуре слова изучаться должна с учетом дискурсивных условий бытования анализируемой лексики.

Что же касается ответа на первый поставленный в начале этой статьи вопрос, то и он требует однозначного утвердительного ответа. Обзор публикаций о религиозном дискурсе и религиозных текстах, активное развитие современного богословия, в том числе и прежде всего в интернет-пространстве, разработка грамматик церковнославянского языка и словарей разного типа, наличие в структуре русского языка сохраненных значений самого слова *святость* – все это свидетельствует в пользу того, что для русской лингвокультуры святость – понятие значимое [3; 4; 12; 16;18].

Некоторые иллюстративные аргументы в защиту данного тезиса:

1) для слова *святой* зафиксировано 48622 вхождения в Национальном корпусе русского языка, для слова *святость* – 2745 вхождений [15]; по словарю лексических минимумов В. В. Морковкина святой входит в список 2500 самых употребительных слов русского языка [13, с. 151]

2) в словаре русской ментальности В.В. Колесова *святости* уделено внимание на пяти страницах (9.5 столбцов) [5, с. 226–231] через описание понятий Святая Русь, Святки, Святое, Святой, Святость, Святыня, Священное

3) в словаре И.И. Срезневского [14] есть 105 слов с корнями *–свят–* и *–свящ–*. Всего слов с корнем *–свят–* 46 (43, 81%), с корнем *–свящ–* 58 (55, 24%) и одно греческое слово *агиасма* (0, 95%).

В итоге своего рассуждения на заявленную тему могу четко выделить несколько установок, выстраивающих структуру дальнейшего изучения этого вопроса: 1) русская лингвокультура немыслима без

церковнославянского языка, 2) изучение семантики слова в религиозном тексте невозможно без опоры как на русские, так и на церковнославянские словари, потому что слово в своем историческом развитии может в обоих языках претерпевать различные семантические трансформации, 3) религиозный компонент значения в слове существует, и это обусловлено этимологически и дискурсивно, 4) изучать семантику слова в ее историческом изменении невозможно без опоры на жанрово-дискурсивные параметры текста, в котором это слово функционирует.

Литература

1. *Боратынский Е.А.* Болящий дух врачует песнопенье [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://feb-web.ru/feb/boratyn/texts/br1/br12154-.htm?cmd=p (Дата обращения 10.05.2019).
2. *Бугаева И.В.* Религиозная коммуникация// Образовательный портал «Слово» [Электронный ресурс] Режим доступа: www.portal-slovo.ru (Дата обращения 10.05.2019).
3. *Забияко А.П.* Категория святости: Философско-религиоведческий анализ: диссертация … доктора философских наук. М., 1998. 330 с.
4. *Завальников В.П.* Языковой образ святого в древнерусской агиографии (проблематика взаимной обусловленности лингвистического и экстралингвистического содержания языкового образа человека в определенной социокультурной ситуации). Диссертация … кандидата филол.наук: 10.02.01. Омск, 2003. 174 с.
5. *Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А.* Словарь русской ментальности. В 2 т. Т.2. П – Я. С.-Петербург : Златоуст, 2014. 592 с.
6. *Коренева Ю.В.* Житийный лингвоконцепт “Покаяние”: особенности синтагматики// Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы XI Международной научной конференции (Владимир, 29 сентября – 1 октября 2015 года). Владимир: Транзит-ИКС, 2015. С.228-233.
7. *Коренева Ю.В.* Лингвоконцепт *Помощь* в симфонии по творениям преподобных Оптинских старцев // Актуальные вопросы изучения мировой культуры в контексте диалога цивилизаций: Россия – Запад – Восток. Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XVII Кирилло-Мефодиевские чтения», 24 мая 2016 года. М.: Ярославль: Ремдер. 2016 С.18–20.
8. *Коренева Ю.В.* Лингвокультурема *Чудо* в русском агиографическом тексте (северные преподобнические жития) // Образы национальной ментальности в текстах Русского Севера: сборник наученных статей// отв. ред. Е.Н. Ильина;

Вологодский государственный педагогический университет. Вологда: Легия, 2013. С.118–124.

9. *Коренева Ю.В.* Специфика лингвоконцепта *Исправление* в Симфонии по творениям преподобного Амвросия Оптинского // Языковые аспекты профессиональной коммуникации в современной образовательной среде: сборник материалов II Международной научно-практической конференции/ под ред. канд.филол.наук И.В. Кондариной. М.: РИО Российской таможенной академии 2017. С. 46–49.
10. *Коренева Ю.В.* Специфика лингвоконцепта Спасение в Симфонии по творениям Оптинских старцев// Русский язык: история, диалекты, современность (вып. XV). Сборник научных статей по материалам докладов и сообщений конференции. М.: МГОУ, 2017. 373 с. С.155–161.
11. *Коренева Ю.В.* Трезвение и трезвость: культурные смыслы слова (На примере житий святых)// Русский язык в школе. № 4. 2013. С. 72–74, 84
12. *Коренева Ю.В.* Система лингвоконцептов в житиях Оптинских старцев // XXIV Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. М.: Изд-во ПСТГУ, 2014. С. 270–272.
13. Лексические минимумы русского языка / В.В. Морковкин, Ю.А. Сафьян, Е.М. Степанова, И.В. Дорофеева; Под ред. В.В. Морковкина. М.: Рус. яз., 1985. 608 с.
14. Материалы для словаря древнерусского языка. Труд И.И. Срезневского [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://etymolog.ruslang.ru (Дата обращения 29.04.2019).
15. Национальный корпус русского языка. *[Электронный ресурс]*. Режим доступа: http://www.ruscorpora.ru/ (Дата обращения 29.04.2019).
16. *Смирнова С.А.* Святость как феномен русской культуры (семантическое и лингвокультурологическое описание). Диссертация …кандидата филол.наук. Северодвинск, 2005. 218 с.
17. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. *Д.Н. Ушакова*. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ushakovdictionary.ru/view_search.php (Дата обращения 29.04.2019).
18. *Топоров В.Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. Том 1. Первый век христианства на Руси. М.: «Гнозис» – Школа «Языки русской культуры», 1995. 875 с.
19. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 тт./ Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева; под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. 3-е изд., стер. СПб.: Терра–Азбука, 1996.
20. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: 13 500 слов: Т. 1–2. М.: Рус.яз., 1993.

В.А. Садикова
кандидат филологических наук,
доцент кафедры лингвистики
Московского государственного института культуры
Москва (Россия)
E-mail: vsadnik46@mail.ru

Ментально-языковая топология как культурологическая идея

Аннотация. В статье анализируется связь языка и культуры. Проводится мысль о том, что эта связь осуществляется на топологическом уровне, которым человек владеет изначально – как интегральной структурой, позволяющей приобретать жизненный опыт, осваивать язык и приобщаться к культуре.

Ключевые слова: язык, культура, топика, смысл, языковая топология, интегральность ментально-языковых единиц.

Valentina A. Sadikova
PhD in Philology, Associate Professor of
the Department of Linguistics of
Moscow State Institute of culture
Moscow (Russia)
E-mail: vsadnik46@mail.ru

Mental-language topology as a cultural idea

Abstract. This article analyzes the relationship of language and culture. It suggests that this communication takes place on a topological level, that person owns the initially – as an integral structure allowing him to acquire experience, develop language and acquire culture.

Keywords: language, culture, topika, meaning, language topology, integrated mental-language units.

Где живет культура? В материальных артефактах – от предметов быта до архитектурных сооружений, в обычаях и традициях народа – от народного костюма до национальных танцев, в народных сказках и песнях и, конечно же, в языке и человеческом сознании.

Связь языка с культурой может пониматься двояко – в узком и широком смысле, в практическом и обобщенно-теоретическом плане. Первое понятно: знать перечисленное выше, чтобы чувствовать себя частью своего народа, владеть родным литературным языком, культурой речи, ее нормами (культурно-речевыми и поведенческими). Культурология все это изучает и преподает.

«Науки о культуре изучают феномены, которые относят к гуманитарной реальности. <…> Гуманитарные знания прямо или косвенно включаются в изучаемый феномен. <…> Культура – это основная феноменальная реальность», – пишет известный российский философ, культуролог и социолог П.С. Гуревич [2, с. 5–6]. Отсюда можно сделать вывод: во-первых, наук о культуре много; во-вторых: гуманитарное знание есть основное содержание культуры; в-третьих, культура феноменальна. И тогда у культурологии вырисовывается особая сверхзадача: культурология должна быть *интегральной* наукой (в отличие от других наук, изучающих культуру) и иметь *интегральный* предмет изучения (наряду с другими, частными). Иными словами, в обобщенно-теоретическом плане культурология должна изучать *феноменальность гуманитарного знания*, его отличие от других видов знания, и в то же время – то общее, что делает его целостным объектом изучения.

О том же самом говорит и другой ученый, философ и культуролог, А.Л. Доброхотов: «У культурологии есть свои задачи, она может делать то, чего не делает ни одна из наук, – *изучать механизмы порождения и воплощения смыслов как таковых, их взаимодействие, постоянное влияние друг на друга*» [7, с. 63. *Выделено мной.* – В.С.]. Отсюда следует, что связь с другими науками, которая очевидна и которую никто не отрицает, культурология должна осуществлять особым образом, не только через частное, но через нечто общее. И это ОБЩЕЕ А.Л. Доброхотовым названо: смысл.

Доктор филологических наук В.И. Карасик, социолингвист и лингвокультуролог, руководитель Волгоградской школы антропологической лингвистики, одну из своих книг начинает словами: «Обретение и передача смысла являются важнейшими признаками Человека разумного. Определение того, что есть смысл, относится к числу центральных проблем гуманитарных областей знания» [4, с. 5].

Как продолжение и развитие этой мысли звучат слова еще одного современного философа – Е.Н. Князевой: «Производство смыслов – не разовый акт, а процесс. Смыслы создаются в процессе взаимодействия

партнеров, по мере развертывания и углубления этого взаимодействия открываются все новые и новые смыслы. Производство смыслов в социальном взаимодействии предстает вечно незавершенным процессом, настоящим приключением, которое подстегивается синергией взаимодействующих личностей» [5, с. 67].

Таким образом, смысл многопланов, многоаспектен, разнообразно выражаем, но непременно антропологичен и динамичен. Другими словами, смысл – это *ВСЁ человеческое*, т.е. культура.

Однако чтобы быть изучаемым, это ВСЁ должно быть структурировано – без ущерба для глубины и многообразия смысла. Это значит, что единицы изучения должны быть не элементарны, а интегральны, т.е. отражать эту целостность и динамичность ВСЕГО. Не элементы, а единицы! О чем, собственно, еще в начале XX века писал психолог Л.С. Выготский: «Под единицей мы подразумеваем такой продукт анализа, который, в отличие от элементов, обладает всеми основными свойствами, присущими целому, и которые являются далее неразложимыми живыми частями этого единства» [1, с. 13–14]. Конечно, *неразложимыми*, потому что если «разложить», то получатся элементы, из которых невозможно собрать снова *живое* целое. Динамичность, процессуальность обязательно должна учитываться при анализе этого ВСЕГО, потому что только динамичное – живо, только живое – системно функционирует, только «схваченное» в динамике может быть изучено адекватно.

Последовательно, в виде стройной теории ВСЕГО, полнота бытия (и небытия), сознания (и бессознательного), материального (и духовного) представлена в Интегралике И.И. Шашкова [12]. Целостность мира в Интегралике – главный принцип; та интегральная *Единица*, от которой происходит все остальное. Отсюда и подход к исследованию ВСЕГО реализуется не путем сложения элементов в более крупные единицы, а посредством «спуска» к «краевым» (частным, более конкретным) областям и объектам исследования. Каждый из этих объектов, в свою очередь, тоже может рассматриваться как целостность, что позволяет сохранять «живость» (жизнь!) исследуемого объекта.

Культура в свете Интегралики – интегральная целостность. Язык, в свою очередь, существеннейшая составляющая культуры, способ общения и обобщения в культуре, т.е. одновременно и ЧАСТЬ, и ЦЕЛОЕ. Без языка культура невозможна; язык осуществляет её диалектическое взаимодействие и взаимовлияние. Целостность языка, в свою очередь, невозможна, если исходить исключительно из его элементов

и практиковать только поуровневое его изучение: звуки (буквы), слова, предложения, сверхфразовые единства, тексты. Поуровневое же обобщение – фонемы, лексемы, модели предложений – положения не спасает: целостность языка ускользает от исследователей. Мы убеждены, что целое – СМЫСЛ – может изучаться только посредством целостных (интегральных, универсальных, категориальных) единиц-моделей, тогда как традиционное исследование языка опирается на *сложение элементарных единиц*, которое и находит отражение в упомянутом поуровневом изучении.

Таким образом, чтобы изучать язык (и культуру), культуру (и язык) целостно и в динамике, мы должны иметь не просто единицы, а *категориальные интегральные* единицы. Попытки категоризации в истории гуманитарного знания предпринимались неоднократно. Сегодня наиболее полно и последовательно этим занимается когнитивная лингвистика. См., например, работы Дж. Лакоффа [8, 9], который не только предлагает собственную теорию когнитивных моделей познания, понимаемых и осуществляемых посредством языка, но и проводит убедительный критический анализ предшествующих исследований в этой области, начиная с Аристотеля. Однако и в работах самого Дж. Лакоффа не преодолена статичность анализа, поскольку исследовать высказывания типа *Кошка сидит на коврике* или *Туман лежит перед горой* (примеры из работ Дж. Лакофа), может быть и интересно, но неконструктивно, так как анализ оторван от того, *кому*, *зачем* и в *какой ситуации* они «высказываются», тогда как *истинность* высказывания зависит не только от его соотнесенности с действительностью, но и от обстоятельств общения. К тому же Дж. Лакофф, обращаясь к результатам исследований широчайшего спектра научных знаний в области философии, логики, психологии, антропологии, биологии, математики, физики, лингвистики и объединяя свои исследования под «крышей» когнитивизма, на наш взгляд, недооценил культурологию, не увидел её интегральные горизонты, её будущие возможности.

В современных исследованиях наших отечественных ученых когнитивная лингвистика реализуется, прежде всего, в концептуальном плане. В замечательных работах М. Вл. Пименовой, ее учителя В.В. Колесова и их учеников сделано немало глубоких открытий относительно характерных для российской ментальности культурных концептов [6]. Однако база взаимопонимания – как для межличностного, так и для межкультурного общения – концептуальным анализом не создается.

Это как бы *срединный* аспект обобщения – исключительно важный, но не единственно возможный, и даже не единственно необходимый. Хотя – насыщенный конкретикой – концептуальный анализ дает очень много для проникновения в культуру и для ее освоения.

Между тем, такая база – база взаимопонимания – существует в самом языке; ее надо только открыть, что мы и пытаемся сделать, переосмысляя древнее понятие *топика*, понимая ее как систему структурно-смысловых моделей порождения коммуникативного смысла [11]. Для этого нужно, во-первых, оторваться от элементарности и обратиться к интегральности языковых единиц. Во-вторых, анализировать язык в общении, в коммуникации, в процессе, что возможно только посредством таких интегральных целостных единиц. В-третьих, не отрывать этот анализ от тех, кто на нем общается, от их сознания, от их интенций, что возможно только при анализе в общении. В-четвертых, саму категоризацию проводить не в смысле классификации объектов реальной действительности, а в смысле *отношения* людей к этой действительности и друг другу. Такой анализ может быть только диалектическим в том значении, которое вкладывает в это понятие А.Ф. Лосев [10].

Хочется обратить внимание на еще один аспект интегральности языка, имеющий прямое отношение к культуре. Воспитание культуры (и культурой) начинается, как ни странно, не с эмпирического знания, а с обобщенного, *абстрактного*, что и есть собственно феноменально-человеческое. Замечательный русский ученый-психолог и педагог В.В. Давыдов уделяет этому аспекту в воспитании и обучении исключительно много внимания. Он выдвигает гипотезу о возможности (и необходимости) обучения детей теоретическому мышлению через понятное и доступное им теоретическое обобщение, когда эмпирическое, наблюдаемое, частное становится для них естественно выводимым знанием, а не начальным усвоением истин. Ученый пишет: «Если их (т.е. основные черты обобщения – В.С.) свести воедино и выделить основной принцип содержательного обобщения и связанного с ним понятия, то обнаружится, что для них характерно *построение всеобщей, единой формы какого-либо многообразия частных явлений,* выяснение происхождения того или иного содержания понятий. Реализация этого принципа в обучении требует, чтобы дети посредством специфических предметных действий воспроизводили и в моделях фиксировали *такое особенное отношение вещей, которое одновременно выступает как всеобщее основание частных проявлений изучаемой системы*. Определенным образом расчленяя

и конкретизируя исходное отношение, *ученики должны прослеживать эти связи всеобщего с частным и единичным,* т. е. оперировать понятием. Усвоение учебного материала, охватываемого данным понятием, будет осуществляться в процессе перехода *от всеобщего к единичному*» [3. *Выделено мной.* – В.С.].

Этот принцип обучения (а значит – и приобщения к культуре), хотя и замечен, не имеет широкого применения в практике преподавания, потому что нет *практически освоенного* «посредника» обучения от общего к частному, от всеобщего к единичному, от абстрактного к конкретному, от целостного к частичному. И замечен он, этот принцип, прежде всего, философами. С.Е. Шилов, например, разрабатывая риторическую теорию числа, ссылается на В.В. Давыдова, подчеркивает, что последний в своей теории обучения исходил из того, «что детям нужно начинать преподавание с истин высшей математики, **топологии**, потому что *дети обладают врожденной истиной об отношении дискретности и непрерывности*. То есть мы имеем риторическую теорию числа (скажем так, универсальную теорию Всего), которую должны изложить детям, создав при этом формальный язык (модель) представления для них этой теории» [13, с. 241– 242. *Выделено мной.* – В.С.]. К сожалению, чуть ниже автор, сопоставляя *естественный язык* и *арифметический язык,* утверждает, что «в грамматике мы говорим о том, как слова складываются в предложения», т.е. опирается на традиционное поуровневое представление о языке, тем самым сводя на нет конструктивную топологическую идею.

Мы полагаем, что равновеликий (вершинный) анализ универсально интегральных единиц следует проводить на ***топологическом*** уровне, который осваивается детьми совершенно естественным образом задолго до школьного возраста. Пример. Четырехлетняя девочка не выговаривает букву ***л***. Досадуя на себя, говорит бабушке: «Меня скоро замуж выдавать, а я никак не могу сказать Юда!». (Имеется в виду – Люда). Бабушке смешно, она не сразу вспоминает, что сама читала недавно внучке рассказ Виктора Драгунского «Заколдованная буква», и теперь девочка перенесла ситуацию из рассказа в собственную жизнь. Что произошло? Совершенно естественным образом четырехлетний человек воспользовался ментально-языковой топологической моделью СОПОСТАВЛЕНИЕ. Девочка не только усвоила и запомнила содержание рассказа, но «схватила» *модель* ситуации и грамотно её применила к *другому* случаю.

Точно так же ребенок совершенно естественно осваивает все другие ментально-языковые модели: ИМЯ, ДЕЙСТВИЕ, СТРАДАНИЕ (как испытание воздействия), СВОЙСТВА, ЦЕЛОЕ, ЧАСТИ, ПРИЧИНА, СЛЕДСТВИЕ, ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ОБЩЕЕ и/или АБСТРАКТНОЕ, ЧАСТНОЕ и/или КОНКРЕТНОЕ, РОД, ВИД, СРАВНЕНИЕ, СОПОСТАВЛЕНИЕ, ПРОТВОПОСТАВЛЕНИЕ, ОПРЕДЕЛЕНИЕ, СВИДЕТЕЛЬСТВО, ПРИМЕР, СИМВОЛ.

Именно эти интегральные единицы, будучи структурно-смысловыми относительно общения и порождения в этом общении коммуникативного смысла, и представляют собой ментально-языковую топологию, посредством которой человек приобщается к культуре.

Таким образом, применительно к культуре надо говорить не о математической топологии, а о топологии языковой, основанной на топике, понимаемой как система структурно-смысловых моделей порождения коммуникативного смысла. Ментально-языковая топология – это тот практический посредник, которого так не хватает, чтобы перейти на новый принцип обучения, позволяющий не «вдалбливать» ученикам прописные истины, а формировать у них творческий подход к знаниям, к себе как феноменальной личности, к культуре, основываясь на естественных целостных ментально-языковых единицах, которые заложены в человеческом сознании изначально.

Литература

1. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1996. 416 с.
2. *Гуревич П.С.* Культурология: учебник. 5-е изд., перераб. и доп. М.: КНОРУС, 2011. 448 с.
3. *Давыдов В.В.* Виды обобщения в обучении // Сост. Н.В Носова, В.Н. Карандашев и др. Педагогическая психология: Хрестоматия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://bookap.info/edu/avtorov_pedagogicheskaya_psihologiya_hrestomatiya/gl3shtm. (Дата обращения: 02.06.2019).
4. *Карасик В.И.* Языковая кристаллизация смысла. М.: Гнозис, 2010. 351с.
5. *Князева Е.Н.* Инновационная сложность: методология организации сложных адаптивных и сетевых структур // Философия науки и техники, 2015. Т. 20. № 2. С. 50–69.
6. *Колесов В.В., Пименова М.В.* Языковые основы русской ментальности: учеб. пособие / отв. ред. М.В. Пименова. 3-е изд., доп. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 136 с.

7. Культурология как наука: за и против: круглый стол, Москва, 13 февраля 2008 г. Дискуссионный клуб университета. Вып. 18. СПб.: СПбГУ, 2009. 102 с.
8. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990. С. 387 – 415.
9. *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. Книга 1: Разум вне машины / Пер. с англ. И.Б. Шатуновского. М.: Гнозис, 2011. 512 с.
10. *Лосев А.Ф.* Введение в общую теорию языковых моделей. Изд. 3-е. М.: Едиториал УРСС, 2010. 296 с.
11. *Садикова В.А.* Топика как система структурно-смысловых моделей порождения коммуникативного смысла: Монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2017. 164 с.
12. *Шашков И.И.* От представления о полноте к интегрально-квантовому моделированию протокода // Интегралика: от представления о полноте к интегрально-квантовой картине мира: Коллективная монография / Под ред. И.И. Шашкова. Тверь: изд-во «Триада», 2017. С. 162–179.
13. *Шилов С.Е.* Математика как риторический опыт дефинирующего разума. Концептуальные основы нового учебника // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 17 / Под ред. проф. А.А. Ворожбитовой. Сочи РИЦ ФГБУ ВПО «СГУ». 2012. С. 239–244.

М.А. Бонина
преподаватель, заведующий дневным отделением
Тверского промышленно-экономического колледжа
Тверь (Россия)
E-mail: bonina@mail.ru

Философско-педагогические воззрения В.В. Розанова (100-летию Тверского промышленно-экономического колледжа посвящается)

Аннотация. В статье анализируются основные причины выявляемых В.В. Розановым сумерек просвещения в России второй половины XIX века. Рассматриваются представления В.В. Рязанова о роли духовной культуры в образовании и воспитании, о роли церкви и семьи, о необходимости воспитания целостного человека.

Ключевые слова: В.В. Розанов, образование, воспитание, духовная культура, церковь, школа, семья.

Marina A. Bonina
head of the Day Department of
Tver Industrial and Economic College
Tver (Russia)
E-mail: bonina@mail.ru

Philosophical and pedagogical views of V. V. Rozanov (to the 100th anniversary of Tver Industrial and Economic College)

Abstract. The article analyzes the main causes of the twilight of enlightenment revealed by V. V. Rozanov in Russia in the second half of the 19TH century. V. V. Ryazanov’s ideas about the role of spiritual culture in education and upbringing, the role of the Church and the family, the need for education of an integral person are considered.

Keywords: V. V. Rozanov, education, upbringing, spiritual culture, Church, school, family.

Проблема совершенствования института образования является одной из тех фундаментальных проблем, решение которых обусловлива-

ет существо жизни людей. Именно поэтому к осмыслению этой проблемы обращались выдающиеся мыслители прошедших времен и продолжают обращаться глубочайшие умы современности.

Выработка гуманистических идеалов образования невозможна без фундаментального целостного анализа содержания русской философско-педагогической мысли, предлагающей весьма оригинальные подходы к решению проблемы построения возвышающего человека образования.

Особое место в панораме отечественной философско-педагогической мысли принадлежит выдающемуся философу, писателю и публицисту Василию Васильевичу Розанову (1856–1919 гг.) – одному из тех, кто сумел дать нетривиальную оценку состоянию образования в России второй половины XIX столетия и наметить пути его обновления.

Мировоззрение В.В. Розанова и его взгляды на образование формировались в период, по некоторым характеристикам, очень близкий к переживаемым сегодня переменам. Выход из захватившего мир процесса дегуманизации В.В. Розанов видел в разработке вопросов этики, в осмыслении назначения человека, построении образования, обращенного к духовно-нравственным проблемам. И поэтому поиск философом выхода из кризисного состояния общества, человека и культуры не только интересен, но и чрезвычайно плодотворен для решения значимых проблем современности.

Богатое творческое наследие В.В. Розанова, содержащее в себе актуальный и значимый для современного отечественного образования идейный потенциал, продолжает оставаться малоизученным.

В настоящей статье мы анализируем философско-педагогические взгляды В.В. Розанова по материалам его фундаментальной работы «Сумерки просвещения» [6].

В.В. Розанов о причинах сумерек просвещения в России второй половины XIX века

В этом разделе приведем и кратко проанализируем основные причины выявляемых В.В. Розановым сумерек просвещения в России второй половины XIX века:

1. Отсутствие учета историко-культурной специфики, бездумное обращение к опыту Запада. Образование, по убеждению В.В. Розанова, должно готовить людей к жизни в настоящем, к жизни в конкретных культурно-исторических условиях. Это отнюдь не означает, по его

мысли, ни отрицания устремленности образования к горизонтам будущего, ни забвения им прошлого. Истинное образование предполагает установление прочной связи человека с историей, традицией, государством, религией, окружающими людьми. По мысли В.В. Розанова, все заимствованные отечественным образованием у европейского Запада подходы к формированию абстрактного «человека и гражданина» [6, с. 6] носят сугубо искусственный характер. Бездумный перенос на отечественную почву опыта Запада привел к тому, что образование стало «бескультурным» [5, с. 170]. Его основная задача свелась к совершенствованию заимствованного у Европы трафарета, выбивающего «штемпель «общеинтеллигентности» на ребенке, после чего он оказывается негодным или малогодным к какому-нибудь употреблению» [5, с.170].

2. Несоответствие реального положения учителя его высокой миссии и предназначению. В рамках трафаретного образования подвергся искривлению и труд учителя – главной единицы сферы просвещения. Если внимательно посмотреть на «школу и стоящего за нею учителя, – говорит отечественный мыслитель, – мы увидим все это как-то оборванным в своем существовании и достоинстве; все это жмется куда-то в угол в нашем широком и, казалось бы, для всего привольном отечестве; ежится и как будто чувствует нужду в оправдании самого бытия своего… Христианское понятие, по которому свет, просвещение есть высшее земное дело, есть украшение и возвеличивающее человека занятие, – нам совершенно чуждо. Оно нам чуждо во всех проявлениях, в науке, литературе, но впереди всего – в школе» [1, с. 234–235]. А ведь «Школа, – пишет В.В. Розанов, – это только и всецело учитель: учитель – во-первых, учитель – во-вторых, учитель – в-третьих, и только в-четвертых еще что-нибудь, ну, там программа, штат и, наконец, какое-нибудь здание…» [2, с. 217]. Наше же учительство – это «…нервный, раздраженный, замученный трудом и бедностью люд, который пошевелиться не смеет в своей педагогической ячейке, трепещет округа, боится и укрывается от директора…» [2, с. 210].

3. Формализм при составлении учебников. В.В. Розанов с сожалением констатирует, что стремительно стало изживаться в отечественном образовании понимание того, что учитель – это «ремесленник на ремесле», а нужное ему для ремесла «долото или верстак» – учебник. Мыслитель детально описывает, как в полном соответствии с духом пришедшей к нам с Запада «педагогической промышленности» учебники стали составляться «по программе» на формальных основаниях. И началась

«убийственная по бездушности и бесталанности» эра продуцирования «педагогической макулатуры», лишившей учителя своего собственного лица [4, с. 184]. Один из кардинальных для образования вопрос об учебнике был передан в «руки алчной конкуренции». Так как подготовка «одобренного» министерством учебника сулила «обеспеченность на старость и даже улыбающееся богатство», учитель, влачивший скудное существование, невольно осознавал, что «можно худо учить, но нужно составить «хороший» учебник»; который охотно бы раскупался, «при котором учителю не нужно бы много объяснять и по которому ученику легко было бы готовить уроки» [4, с. 185]. Такой учебник стал «не истинен, не полон», учителя стали хуже учить, ученики стали терять живой интерес к обучению, и те и другие, – с болью говорит В.В. Розанов, – стали «при исполнении обязанностей» [4, с. 186].

4. Опора на «реальный тип» умственного образования – еще одна причина, негативно влиявшая на отечественное просвещение того времени. В.В. Розанов обращает особое внимание на то, что в контексте реального обучения «собственно ум образуемый здесь пренебрежен: как бы предполагается, что его нельзя, или не следует, или не стоит воспитывать. Важно, *что* он понесет с собой; *кто* он – это не существенно» [3, с. 239–240].

Полноценной альтернативой «реальному обучению» является, по мысли отечественного философа, «формальное образование», которое сфокусировано не на трансляции и усвоении содержания, а на развитии умственных способностей ученика. В формальном образовании собственное содержание предметов, их ценность и польза не выступают доминантами обучения. Главное, чтобы при усвоении знаний «изощрялся бы ум» и становился более «сильным, устойчивым, жизнедеятельным». Здесь важно только одно, считает мыслитель, «*кто* станет носителем знаний, *каковы* его сведения, в *чем* его ноша – не существенно» [3, с. 242].

Подводя итог краткому рассмотрению причин сумеречного состояния просвещения второй половины XIX века, следует отметить, что выявляемые В.В. Розановым факторы – реализация подхода к формированию «человека и гражданина» без учета историко-культурной специфики, несоответствие реального положения учителя своей высокой миссии и предназначению, неадаптированное использование опыта других стран в сфере обучения и воспитания, недостаточное акцентирование внимания на умственном развитии ученика – продолжают оказывать неблагоприятное влияние на современное отечественное образование.

В.В. Розанов о роли духовной культуры в образовании и воспитании

Касаясь проблемы роли духовной культуры в системе образования, В.В. Розанов отмечает несостоятельность идеи Ж.Ж. Руссо о «создании человека вне духа своей культуры, синтетически собранного из элементов всех цивилизаций» [6, с. 23–24]. Наиболее опасные формы эта идея принимает в том случае, если ее реализация основана на государственной монополии в системе образования, по существу отстранившей от образовательного и воспитательного процесса церковь, семью и ученых-специалистов.

1. В.В. Розанов о роли церкви в системе образования и воспитания. С точки зрения В.В. Розанова, воспитание в духе христианского спиритуализма есть единственно историческое воспитание для народа России. Важная часть такого воспитания состоит во всестороннем развитии полноты собственно христианского учения, познания его теоретических основ и практических положений. Для реализации поставленной задачи необходимо удалить из школьных программ «безобразные приделки», «какие явились в пору сближения с классической школой и собственного обезличения, укрепления древней их основы и развития ее в полноту сил» [6, с. 55]. Путь к этому – в теснейшем слиянии образования с «живым служением в недрах церкви». Нужно «погружение в дух и заветы Библии, еврейской Библии, знание Евангелия и проникновение им, вчитанность в великих отцов церкви, в ее древних великих апостолов» [6, с. 55].

Преподавание этой, по сути дела, православной культуры – культуры проповеди – является мощным образовательным и воспитывающим средством, более эффективным, нежели год сидения на школьной скамье или чтения самой содержательной книги. В то время как светская средняя школа стремится преимущественно к развитию мышления, а не нравственной стороны души, школа, положившая в основу воспитания Евангелие, формирует людей на ниве Христовой, в которых искра Божия горит самым ярким и полным светом, и притом наиболее привлекательным для всех людей.

2. Критика В.В. Розановым антихудожественной основы образования и воспитания; о воспитании целостного человека. Важнейшим источником ошибок в системе российского и европейского образования и воспитания В.В. Розанов считает недостаток художественного воззре-

ния на предмет. Обосновывая это положение, В.В. Розанов показывает, что «от практического, от научного и всякого другого художественное воззрение отличается тем, что оно не дробит свой предмет и для него всякая часть имеет значение лишь в отношении к целому, насколько помогает его красоте и гармонии» [6, с. 102]. Таким образом, недостаточное развитие художественного осмысления мира есть отступление от обоснованного В.В. Розановым принципа целостности, наиболее значимо проявляющегося в системе гуманитарного образования. В отличие от воспитателя-ученого или воспитателя-ремесленника, показывает В.В. Розанов, художника вдохновляет идеал цельного человека.

В.В. Розанов считает, что «школа должна оценивать человека в целом, и она должна оценивать его в будущем.... Эластичность ее форм, гибких в применении к неисчерпаемому разнообразию индивидуальных развитий, может достигнуться при условии, если она, как и семья, как церковь, как все органическое, станет жить бытом, а не правилами, не механически инертным или машинообразно действующим строем. Если не создать (что невозможно), то способствовать самосозданию в ней этих бытовых форм, воспитывающих без слов, без поучений, одним своим духом, смыслом, – вот первая забота организации национального воспитания» [6, с. 108].

3. В.В. Розанов о роли семьи и школы в образовании и воспитании. В.В. Розанов исходит из признания великого культурного значения наделения семьи образовательными функциями, поскольку, с одной стороны, «только семья может воспитать в детях существеннейшие стороны культуры, привить ее самые одухотворенные, эфирные частицы». С другой стороны, «семья согреется и просветлеет детьми, раз перестанет давать им только квартиру и стол, раз почувствует их живыми и постоянными в себе членами; вынужденно зорче, трудолюбивее станет в ней жизнь взрослых». Выдвигая это положение, В.В. Розанов исходит из признания некоего общего закона, согласно которому в «данную культурную эпоху, по мере ее общей высоты или, напротив, общего падения, семья все же держится на несколько высшем уровне, чем школа, по мистическим задаткам, в ней данным, и которые отсутствуют совершенно в школе» [6, с. 222]. В сравнении семьи и школы есть две важнейшие стороны: внешняя и механическая, внутренняя и субъективная. Внешняя сторона деятельности школы составляет проведение урока, усвоение учебника, работу учителя, выслуживающего 25 лет. Естественно, что эти элементы способны стать основой для организации работы только над внешни-

ми и механическими сторонами образования. Но школе в принципе не под силу привить веру, организовать молитву, любовь к отечеству и к неясным высотам науки. Она может дать некоторые знания, но не может воспитать потребность в вере, которая существует, чтобы лучше понять этот загадочный и таинственный мир. Тогда как семья способна создать соответствующую среду для зарождения и воспитания национальных и религиозных духовных ценностей, которые овладевают обучающимся ребенком невидимо и неуловимо.

Высоко оценивая духовный потенциал семьи, В.В. Розанов, тем не менее, полагает, что именно гимназия должна превратиться в центр целого мира семей-школок, поскольку даже самая образованная семья неизмеримо слабее в технике обучения. Кроме того, для домашних сил гимназическая программа все-таки чрезмерна. Здесь требуется, чтобы гимназия была подвижна, гибка, приспособляема к разнообразию волнующейся около нее жизни, т.е. она должна иметь очень умного и добросовестного директора и этому директору должна быть дана большая свобода.

Подводя итог своим исследованием, В.В. Розанов делает вывод, что школьное обучение должно пронизывать жизнь, а не стоять в стороне от нее. Для подлинного реформирования системы российского образования необходимо, чтобы трудилась семья, трудилось все общество, трудились дети. Только в этом случае школа станет образовательным и воспитательным, а, следовательно, и культурным центром России.

Литература

1. *Розанов В.В.* Беспочвенность русской школы // Сумерки просвещения.
2. *Розанов В.В.* Город и школа // Сумерки просвещения.
3. *Розанов В.В.* Два типа образования // Сумерки просвещения.
4. *Розанов В.В.* О гимназической реформе семидесятых годов // Сумерки просвещения.
5. *Розанов В.В.* Педагогические трафаретки // Сумерки просвещения.
6. *Розанов В.В.* Сумерки просвещения. М.: Педагогика, 1990.

С.С. Полич

Сретенская духовная семинария
Москва (Россия)
E-mail: polich_sergei@mail.ru

Гимнография Праздника Воздвижения Креста Господня: проблемы восприятия церковнославянских богослужебных текстов

Аннотация. Приходится выразить сожаление, что чтение богослужебных текстов не всегда внимательно воспринимается молящимися, посему глубокие и назидательные мысли, заключенные в каждом гимне, не всегда доходят до сознания членов Церкви.
В настоящей работе затронут вопрос, связанный с пониманием текстов богослужения праздника Воздвижения Креста.
Основной задачей является посильное вхождение в дух писаний, оставленных верующим святителем Косьмой, и анализ его глубокого, высокохудожественного произведения – канона праздника Крестовоздвижения.

Ключевые слова: Служба Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, гимнография, канон, тропари, кондаки, стихиры, седальны и светильны, вечерня, утреня, церковные песнопения, церковнославянский язык.

Sergey S. Polich

Sretenskaya Theological Seminary
Moscow (Russia)
E-mail: polich_sergei@mail.ru

The hymnography of the feast of the Exaltation of the Cross: the problems of the perception of church liturgical texts

Abstract. It is regrettable that the deep and edifying thoughts contained in each hymn do not always reach the consciousness of the members of the Church, that’s why the worshippers do not always carefully perceive the reading of liturgical texts.
In the present work the question related to the understanding of the texts of the service of the feast of the Exaltation of the cross is touched upon.

The main task is the feasible entry into the spirit of the Scriptures left by the faithful Saint Kosma, and the analysis of his deep, highly artistic work – the Canon of the feast of the cross.

Keywords: Service of the exaltation of the Holy cross, hymnography, the Canon, the troparia, kondaki, canticles, sedalini and illuminating, Vespers, Matins, hymns, the Church Slavic language.

Слово «гимнография» означает песнотворчество, (от греч. ὕμνος – гимн, песнь и γράφω – писать). В это понятие входят небиблейские (в некоторых местах и библейские) поэтические тексты, предназначенные для исполнения (по Уставу – певческим способом, на практике нередко пение заменяется чтением) в определенные моменты христианского богослужения [3, с. 751].

Гимнография, кроме библейских текстов, включает в себя также краткие молитвенные песнопения – тропари, кондаки, стихиры, седальны и светильны.

Несмотря на то, что тексты Священного Писания имеют больший вес и авторитет, все же гимнография по объему занимает весомую часть в богослужении (вечерни, утрени праздника).

Исходя из этого, очевидна необходимость работы, связанной с богослужебными текстами в русле их прояснения.

В создании гимнографических произведений участвовали известные творцы церковных песнопений, имена которых сохранила церковная традиция в указании их авторства.

Например, празднику Крестовоздвижения, который Церковь отмечает 27 (14) сентября, гимнографию составили преподобный Косьма Маюмский (автор канона), преподобный Андрей Иерусалимский (Критский, на литии стихиры самогласны), Иоанн монах (на «И ныне» стихир на стиховне и др. Ряд же песнопений оказался не связан с именем того или иного гимнотворца [6, с. 87-88].

В изучаемом каноне для изображения торжества Креста Христова преподобный песнописец приводит многие свидетельства Ветхого Завета, поданные с высоким, священным пафосом. Здесь и образ пророка Моисея, «вообразившего крест», и образ израильского народа, разделившегося крестообразно в предшествии скинии; воспоминание меча, охраняющего Едем по грехопадении прародителей; и пророк Иона, крестовидно распростерший руки в утробе кита, и патриарх Иаков, крестооб-

разно благословляющий внуков, новозаветные образы. Воспевая «треблаженное Древо», преподобный Косьма не перестает воспевать подвиг Христов. «О треблаженное Древо,– восклицает он,– на немже распяся Христос Царь и Господь, имже паде древом прельстивый, тобою прельстився, Богу пригвоздившуся плотию, подающему мир душам нашим» (ирмос 5-й песни канона). Дальше гимнотворец, изображая тайну Креста, приникая к домостроительству человеческого спасения, призывает небесные силы воспеть Крест Христов, указывая, что на нем был распят Бог Слово: «Воздвизаему Древу, окроплену Кровию воплощшагося Слова Бога, пойте, небесныя силы» (первый тропарь 8-й песни). Венчается канон Воздвижения тропарем 9-й песни, где излагается мысль о победе Крестом всех греховных начинаний: «Священный воста рог, и глава всем богомудрым Крест, имже грешных мысленно стираются роги вси» [2, с. 20].

Понимание гимнографических текстов затрудняется их поэтическим характером. Известно, что в любом языке поэтические тексты гораздо труднее поддаются восприятию и адекватному переводу на другие языки, чем повествовательные (прозаические) фрагменты. В связи с этим необходимо использовать прием, который часто позволяет прояснить даже непонятные на первый взгляд тексты, перестановки слов исходного текста и в группировки их по смыслу [1].

Отец Феодор приводит три основных соображения относительно облегчения понимания богослужения [4].

1. «Важнейшим средством прояснения церковнославянских богослужебных текстов следует признать их редактирование, которое должно заключаться

а) в исправлении явных ошибок,

б) в определенной русификации.

Разумеется, это дело не ближайших лет. Работа такого объема не может быть осуществлена силами нынешней Синодальной богослужебной комиссии – этим должен заниматься целый институт. Впрочем, в настоящее время соответствующие специалисты имеются, так что нужна лишь четко выраженная воля священноначалия и исправное финансирование»;

2. «Необходимо более широкое и глубокое изучение церковнославянского языка как в церковных, так и в светских учебных заведениях, причем в последних церковнославянский должен изучаться в качестве

а) русского литературного языка эпохи средневековья,

б) важнейшего компонента для созданного в XVIII – первой трети XIX вв. русского литературного языка нового типа»;

3. «Но ни редактура церковнославянских текстов, ни изучение церковнославянского языка никоим образом не отменяют острой потребности в издании хороших (а не подстрочных!) переводов богослужебных текстов на русский литературный язык. (Разумеется, не для литургического употребления, введение русского языка в богослужение в настоящее время нежелательно, – а для домашнего чтения.) Такие опыты уже есть – назовем хотя бы переводы иеромонаха Амвросия (Тимрота), – и в целях осознанного восприятия богослужения прихожанами они должны быть изданы. А в интернете они доступны уже сейчас» [4].

Еще одно значимое возражение против исправления церковнославянского языка: кто будет проводить эту работу. Ведь для того, чтобы вносить серьезные исправления в богослужебный язык, нужно, с одной стороны, иметь соответствующий духовный, молитвенный опыт, блестяще разбираться в литургических тонкостях, а с другой стороны – иметь серьезное филологическое образование, понимать особенности поэтической системы византийской гимнографии [5].

Одним из таких центров в настоящее время является деятельность кафедры древних и новых языков Сретенской духовной семинарии, где студенты под высококвалифицированным руководством занимаются редактированием текстов Священного Писания и гимнографии. Это, например, такие работы и выпускников: Батищев А., диак. «Древнеславянские тексты как источники церковнославянского редактирования Апостола в XIX веке (на примере послания Апостола Павла к Евреям)». – М.: Сретенская духовная семинария, 2016; Гугливатый А. «Никоновская и старообрядческая редакции церковнославянских Псалтири, Часослова, Деяний святых Апостолов (главы 1, 2): опыт актуального сравнения». – М.: Сретенская духовная семинария, 2015; Родионов В., свящ. «Церковнославянское редактирование канона Рождества Пресвятой Богородицы (принципы и результаты)». – М.: Сретенская духовная семинария, 2015 и др.

В заключение надо отметить, что на пути к пониманию богослужебных текстов необходимо готовиться как людям с большим опытом литургической жизни и служения, так и всем прихожанам.

Такая подготовка должна заключаться во вдумчивом анализе богослужебных текстов, чтобы, услышав их в храме, верующие удостоились именно тех бесценных трепетных переживаний, ради которых эти песнопения были составлены и введены в христианское богослужение.

Литература

1. Игнатия (Пузик), монахиня. Церковные песнотворцы. М.: Подворье Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 2005. С. 20.
2. *Кашкин А., свящ.* Церковная гимнография: не только услышать, но и понять [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ruskline.ru/opp/2019/maj/15/cerkovnaya_gimnografiya_ne_tolko_uslyshat_no_i_ponyat/ (Дата обращения: 19.05.2019).
3. *Кравец С.Л.* Гимнография // Большая Российская энциклопедия в 30 томах. Т. 11. Киреев-Конго. М.: БРЭ, 2009. С. 150.
4. *Людоговский Ф., свящ.* Проблема понятности богослужебного языка: путь разума в поисках истины// http://www.bogoslov.ru/text/300330.html (Дата обращения: 19.05.2019).
5. *Пахомий (Брусков), еп.* Практические вопросы применения церковнославянского языка в современном богослужении // http://www.eparhia-saratov.ru/Articles/article_old_60476 (Дата обращения: 19.05.2019).
6. *Скабалланович М.Н.* Воздвижение Честного Креста. Сергиев Посад, 1995. С. 87-88.

Н.В. Батищев

бакалавр теологии,
студент 1-го курса магистратуры
Сретенской духовной семинарии
Москва (Россия)
E-mail: nikolau1996@gmail.com

Церковнославянское редактирование как ключ к пониманию богослужебных текстов

Аннотация. Каждый православный христианин считает своим долгом регулярно посещать храм, участвовать в Таинствах Церкви, так или иначе, быть частью общества верных. Однако есть люди, которые ходят в церковь редко. На это может быть множество причин. Одной из них, как говорят сами люди, является непонятность богослужения. К сожалению, с этим нельзя не согласиться.
С большим огорчением необходимо признать, что в большинстве своем тексты богослужения неясны людям даже с большим опытом церковной жизни. Более того, порой священнослужитель не может объяснить слов какого-либо песнопения или даже Священного Писания. Неприятен тот факт, что люди, стоящие на богослужении, не могут вникнуть в слова Евангелия, апостольских посланий или псалмов, которые составляют основу богослужения.

Ключевые слова: церковнославянский язык, богослужебный язык, редактирование, богослужение, Священное Писание, новый перевод.

Nikolay V. Batishchev

bachelor of theology
1st year master's student of
Sretenskaya Theological Seminary
Moscow (Russia)
E-mail: nikolau1996@gmail.com

The Church Slavonic editing as the key to the understanding of liturgical texts

Abstract. Every Orthodox Christian considers it to be his duty to visit the Church regularly, to participate in the Sacraments of the Church, in one way or another to be a part of the faithful. However, there are people who go to the Church rarely. There can be many reasons for this. One of them, as people themselves say, is the

incomprehensibility of the service. Unfortunately, we cannot but agree with this. It is with great regret that it is necessary to admit that the majority of the texts of the service are incomprehensible to people even with extensive experience of Church life. Moreover, sometimes the priest could not explain the words of any chants or even the Scriptures. It is an unpleasant fact that people who stand at the service, can not understand the words of the gospel, Apostolic Epistles or Psalms, which form the basis of worship.

Keywords: the Church Slavonic language, liturgical language, editing, worship, the Holy Scripture, a new translation.

Проблема понимания литургических текстов существует в Русской Православной Церкви уже несколько веков, и не раз предпринимались различные меры ее устранения: от строго консервативных до вольно либеральных. Эта проблема актуальна и по сей день.

Признавая опасность сложившего положения, Межсоборное Присутствие Русской Церкви подготовило проект документа «Церковнославянский язык в жизни Русской Православной Церкви XXI века» [4], который вызвал оживленные, а порой и ожесточенные споры.

В ходе этих споров в очередной раз была выдвинута идея о необходимости редактирования текстов на церковнославянском языке.

Конечно, можно было бы принять сторону перевода богослужения на русский язык, как предлагают либерально настроенные участники дискуссий: «Принципиальное признание переводимости любого церковного богослужебного текста… становится признаком нашей верности вере апостолов и их учению. Если же мы принципиально отрицаем переводимость… то уклоняемся в фундаментализм и, вообще говоря, почти что в иудейство» [1, с. 7].

Однако тогда богослужение потеряет свою красоту, уникальность и самобытность. Надо понимать, что церковнославянский язык изначально, по происхождению из старославянского, являлся богословским [2]. Он был специально создан для употребления в богослужении. В этом заключается его уникальность. Отказываться от него Русская Церковь не имеет права. Об этом высказывались многие русские святые, такие как свт. Феофан Затворник, свт. Тихон, Патриарх Московский, свт. Агафангел Ярославский.

Свт. Феофан говорил о том, что необходимо неотложно приступить к переводу богослужения, но «перевесть не на русский, а на славянский язык» [5, с. 143].

Свт. Агафангел Алтайский подчеркивал необходимость редактирования богослужения: «Только немедленным исправлением этого языка до возможности понимания его и неучившимися славянской грамоте возможно сохранить любовь и преданность нынешнего поколения к церковнославянскому языку» [3, с. 326].

Свт. Тихон говорил: «Для Русской Церкви важно иметь новый славянский перевод богослужебных книг (теперешний устарел и во многих местах неправильный), чем можно будет предупредить требование иных служить на русском обиходном языке» [3, с. 332].

Церковнославянское редактирование представляет собой аккуратную многоуровневую обработку с текста богослужения. Целью этой работы является создание церковнославянского текста, понятного человеку XXI века с наименьшими потерями. Чтобы добиться понятности текста или облегчить его восприятие на слух, у правщика есть несколько инструментов.

Он в первую очередь выявляет места, недоступные либо малодоступные для понимания. После этого он должен определить, к какому типу относится проблемное место. Труднодоступный отрывок может иметь неясности богословского характера, быть связан со сложным синтаксисом, морфологией, лексикой.

Потом, путем исключения труднодоступного места (его редактированием), правщик должен достичь ясности в избранном для редактирования месте.

Редактирование церковнославянского текста должно проводиться самым внимательным и трепетным образом.

Как правило, текст проходит несколько стадий обработок, после чего смысл написанного можно считать понятным. Редко бывает так, что, применяя один из вышеописанных приемов, правщик сразу достигает нужного результата. Чаще только несколько подходов, применяемых комплексно, приводят к ожидаемому положительному итогу.

Кроме того, во многих случаях требуется творческая способность редактора, чтобы подобрать нужные варианты.

Такой подход к изучению и исправлению текста поможет не только сохранить красоту и изящность богослужения, но и стать на путь его понимания. Более того, работа с церковнославянским языком способствует адекватному его изучению и восприятию, а подготовленные версии могут стать более доступными для понимания современным человеком.

Литература

1. *Кочетков Г., свящ.* Некоторые богословские обоснования необходимости и возможности перевода богослужебных текстов с древних языков на современные// Православное богослужение. Кн. 1: Вечерня и Утреня. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2009.
2. *Маршева Л.И.* Праславянский, церковнославянский, русский… [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pravoslavie.ru/sm/5864.htm (Дата обращения: 25.12.2018).
3. Материалы к предстоящему Всероссийскому собору// Богослужебный язык Русской Церкви. М.: Сретенский монастырь, 1999.
4. Проект документа «Церковнославянский язык в жизни Русской Православной Церкви XXI века». [Электронны й ресурс]. Режим доступа: htpp://www.patriarchia.ru/db/text/1542499.html (Дата обращения: 16.03.2019).
5. Собрание писем святителя Феофана. Письмо 289. М., 1898.

А.В. Нестерова
*магистрант первого года обучения
департамента «Филологический факультет»
Уральского федерального университета
Екатеринбург (Россия)*
E-mail: nenavas@mail.ru

Интертекстуальные включения в рукописном сборнике XVII века «Статир» (на примере проповеди «Слово о красоте весны»)*

Аннотация. В статье рассматриваются интертекстуальные включения в поучении «Слово о красоте весны» сборника XVII века «Статир». Особое внимание уделяется сопоставлению текста рукописи с текстами источников, авторской мотивации использования большого количества цитат и роли интертекстуальных элементов в композиционной структуре проповеди.

Ключевые слова: «Статир», интертекст, гомилетика, письменность XVII века, творения святых отцов.

Anastasiya V. Nesterova
*Master Student of the Philological Department
of the Ural Federal University
Ekaterinburg (Russia)*
E-mail: nenavas@mail.ru

Intertextual inclusions in the 17th century manuscript collection “Stair” (with the example of the sermon “The Word About the Beauty of Spring”)

Abstract. The article discusses the intertextual inclusions in the sermon “The Word About the Beauty of Spring” of the 17th century collection “Statir”. The texts of the manuscript and the sources are compared, and special attention is paid to the author’s motivation for using quotations and the role of intertextual elements in the compositional structure.

Keywords: “Statir”, intertextuality, homiletics, 17th century writing, works of the Holy Fathers.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00186 ««Культура Духа» vs «Культура Разума»: Интеллектуалы и Власть в Британии и России в эпоху Перемен (XVII–XVIII вв.)».)

«Статир» – рукописный сборник авторских проповедей, созданный в 1683-1684 гг. в Орле-городке, центре Строгановских владений. Предыдущие этапы исследования позволяют говорить об уникальности содержания сборника и высоком уровне художественной выразительности его текстов. Имя автора рукописи по сей день нельзя определить с научной достоверностью [5], однако его фигура являет собой редкий случай сочетания самобытности авторского взгляда, стремления к творческому переосмыслению библейских сюжетов и опоры на существовавшую в то время традицию гомилетики. В этом плане особого внимания заслуживает проблема интертекстуальных включений в оригинальные авторские сочинения, соотношения творческого начала и заимствований фрагментов из канонических текстов.

В связи с обширностью сборника – 156 «Слов» на 815 листах – для исследования была избрана отдельная проповедь, отличающаяся особенно плотной цитацией. Это «Слово 21. О красоте весны», являющееся второй, завершающей частью проповеди на праздник Вознесения. Символический смысл самого праздника состоит в явлении возможности взаимопроникновения плоти и духа, обожествления всей тварной материи через вознесение обладателя земной плоти в небесный чертог. Содержание праздника задает логику всей проповеди, ему посвященной: в начале происходит восхваление весенней природы, а затем дается символическая интерпретация описанных явлений преображенного мира, позволяющая слушателям ощутить в нем божественное присутствие и проникнуть в глубинный смысл вещей.

Интертекстуальные элементы, понимаемые нами как включения в авторский текст фрагментов чужих текстов, в указанной проповеди представляют собой в первую очередь прямые и скрытые цитаты. Они не выделяются автором специально, но свободно вплетаются в речь, дополняются и модифицируются. В случае прямого цитирования на полях указывается ссылка на автора (например, «Златоуст», «Григорий Богослов», «Кирилл монах», т. е. Кирилл Туровский, «Кирилл Ставровецкий»), иногда – и на конкретный труд. Такие ссылки служат скорее точками опоры на авторитеты, которые придают авторскому тексту вес и позволяют включать собственные мысли. Поскольку автор не всегда указывал определенное сочинение, были изучены тексты проповедей упомянутых авторов на Вознесение и Антипасху и обнаружены схожие выражения, формулировки, образы. Источниками цитирования для данного «Слова», по нашим наблюдениям, выступили следующие тексты:

«Беседа третья на Вознесение» Иоанна Златоуста, «Слово 44. На неделю новую, на весну и в память мученика Маманта» Григория Богослова, «Слово на Антипасху» и «Слово на Вознесение» Кирилла Туровского. Для сопоставительного анализа в данной работе будут приводиться труды двух из перечисленных выше авторов. Тексты проповедей Иоанна Златоуста цитируются по наиболее доступному нам переводу полного собрания сочинений проповедника (под ред. Миня) на русский язык [3], тексты Кирилла Туровского – по источникам, изданным Ереминым [2].

«Слово о красоте весны» буквально пронизано цитатами. Особого внимания достойна авторская мотивация их использования. Если традиционная художественная парадигма так или иначе предполагает ценность авторской индивидуальности, оригинальности стиля, то автор XVII в. видит единственно возможный способ «достойно восхвалить» величие праздника во включении славословия в область священного – т.е. посредством вхождения в его пространство через сакральные тексты. Это тексты Писания и творения Святых Отцов церкви. Помимо этого, возникает традиционный мотив недостойности автора. Самоуничижаясь, он противопоставляет свои скромные возможности величию слова Святых Отцов, что обостряет восприятие слушателя, ожидающего этого противостояния, но не находящего его, поскольку талант автора соотносим с талантом классических церковных писателей: «Мне же убожайшему в премудрыхъ, недоумеваетъ ми разумная сила, смежаютмися умнии очи. Боюся приникнути во глубину таинъ смотрения Бога Плотоносца и к похвалению сего преславнаго и пресветлаго праздника Вознесения Христова. Обаче зело моя скверная душа радуется, зрю всю тварь красуему и веселящуся, познаваю от сихъ Творца и строителя. Прошу же азъ и молю, вознесшагося днесь во славе, да послетъ ми грубому от непостижимаго Своего сокровища Своея благодати. Да и азъ невежда сый, побеседую о премудрыхъ делехъ Господа Своего не отъ моихъ худыхъ и гнилыхъ словесъ, но отъ благодати Его и отъ писаний святыхъ» [4, л. 79 об.].

Первая часть проповеди представляет собой воспевание весенней природы. Открывается оно авторскими словами, отражающими постепенное восхождение от земных топосов к небесным: «Да радуется днесь Земля, и вси живущии на ней, играютъ холми, и горы с веселиемъ красуются» [4, л. 80]. Такое начало кажется оправданным и ввиду содержания самого праздника: вознесение происходило на возвышенности – Елеонской горе. Далее следует текст, представляющий собой переработку двух источников – «Беседы третьей на Вознесение» Иоанна Златоуста и

«Слова на Антипасху» Кирилла Туровского: «Ныне бо красная весна возсияла есть, югу часто веющу, землю тонко охлаждающу. Солнце яркою теплотою сияющо, дождеве благопогодливы, рососходительны проливаются, и земленая недра мягкостию устраяваются» [4, л. 80]. Нужно отметить, что на полях автор дает ссылку только на Златоуста, но в своем тексте явно использует и «Слово» Туровского. В «Беседе» Иоанна Златоуста можно обнаружить следующий фрагмент: «Теперь воссияла радостная весна и выросли очаровательные цветы; ветви виноградника обременены плодами, масличные деревья цветут, смоковницы уже произвели свои плоды, и густейшие нивы приводятся в движение зефиром, подражая приятному колебанию морских волн» [3, с. 889]. Некоторые образы возникли на основе «Слова» Туровского: «Днесь весна красуеться оживляющи земное естество, и бурнии ветри тихо повевающе плоды гобьзують [умножают], и земля семена питающи зеленую траву ражаеть» [2, с. 416]. Как видно из приведенных текстов-источников, автор довольно свободно обращается с цитатами и творчески перерабатывает их, дополняя своими выражениями и образами.

Затем следует довольно обширный фрагмент, представляющий собой компиляцию в произвольном порядке цитат из проповеди Григория Богослова «Слово 44. На неделю новую, на весну и в память мученика Маманта» с включением собственно авторских выражений. На полях указана ссылка на Григория Богослова с уточнением текста источника – «В новую неделю». Приведем весь фрагмент, выделяя курсивом собственно авторские слова: «И земли делатель рало водружаетъ, горе взирая Плодоподателя призываетъ. Подь яремъ вола подпрягаетъ, и сладкую бразду разсецаетъ, и о надежди своей веселится. Ныне реки брегомъ мерятся, и источницы горстии наполняются. *Ныне земля плодоноситъ сады, садове же зеленеющися приносятъ плоды*. Травникъ благоухаетъ, и земля злакъ прозябаетъ. Ныне пастырь овчий и говядарь, уготовляетъ свирель и пастырскую воспеваеютъ песнь. *Ныне скоти тучнеютъ*, и на зеленеющихся лузехъ почиютъ. *Ныне море благомирно волнуется, и ветри тонцы равностию дышутъ,* корабленицы от пристанища благонадежне отвозятся, с песнми и органы, ядрила воскриляютъ, *и радостно безбедно в пристанище си достизаютъ*.

Ныне рыбареве глубину прозираютъ, устраяюще мрежи, присеждаютъ камениемъ ловитвы сотворяютъ. Ныне убо люботрудная пчела, крило отвлекши, от улии воставаетъ, и своего художества мудрость показуетъ, и травники прелетаетъ, и цветы покрадаетъ, и ова убо соты устраяетъ,

ова медъ во влагалище полагаетъ, и тако странствующи, плодъ сладокъ, и неоранъ содеваетъ». [4, лл. 80-80 об.]. Как уже было сказано, высказывания текста-источника располагаются в порядке, избранном самим автором, многие из них опускаются. Завершает описательный пассаж фрагмент, частично позаимствованный из упомянутого нами труда – «Беседы третьей на Вознесение» Иоанна Златоуста, причем трансформируется уже приведенное высказывание, но распространение образа происходит в ином контексте: «Ныне древеса листвие испускаютъ, и красныя винныя ветви летния израстаютъ. Ластовицы и славиеве при источницехъ веселыя песни воспеваютъ, земледелателя утешаютъ» [4, л. 80 об.].

Наиболее концептуальной и значимой в авторском восприятии можно назвать вторую часть проповеди, представляющую собой аллегорическую интерпретацию явлений природы, описанных в первой части. Природа в сознании автора предстает не только объектом созерцания, свидетельством божественного величия, но и книгой, которую можно прочесть, раскрыв символический смысл происходящего преображения тварного мира. Переход ко второй части «Слова» маркируется авторскими словами: «Но вся сия восходомъ Господнимъ красятся и светлеютъ, и всеми тако Богъ прославляется, и нами чрезъ сия познавается. Сия образования положишася нашего спасения устроение. Есть же любимицы сице разумети, аще похощете послушати» [4, л. 80 об.]. Предуведомив слушателей, автор переходит к интерпретационной части.

Толкование явлений природного мира возникает на основе «Слова на Антипасху» Кирилла Туровского. Подобная интерпретация была обнаружена из изученных нами текстов лишь у него. Примечателен тот факт, что автора не удовлетворяет лишь живописание внешней стороны преображенной природы, он стремится проникнуть вглубь явлений и из всей массы текстов избирает соответствующие его установке цитаты. Первая и вторая части сопоставимы по объему и построены по принципу структурного параллелизма: каждое явление, описанное в первой части «Слова» (цитаты из Златоуста и Григория Богослова) эхом откликается во второй, «поясняющей» части (опора на текст Кирилла Туровского). Цитаты в обеих частях трансформируются, причем во втором пассаже автор использует образы из проповеди Туровского, но предлагает иную, оригинальную интерпретацию. Стоит отметить, что в большей степени второй пассаж «подстраивается» под первый, повторяя его перечислительную логику. Так, бессознательно утверждается авторитет святых отцов греческой церкви как общепризнанных носителей богословской традиции, и Кирилл

Туровский как бы являет собой их преемника. Заимствуя тексты источников, связанных с различными праздниками – Вознесением и Антипасхой – и от авторов, удаленных как хронологически, так и географически (Григорий Богослов и Кирилл Туровский), автор создает стройное единство, возможное в общем пространстве христианской традиции.

Здесь представляется необходимым сопоставить фрагменты второй части проповеди с текстом источника («Слово на Антипасху» Кирилла Туровского).

Начинается второй пассаж следующими словами: «Весна убо красная вера Христова, яже крещениемъ порождаетъ человеческое естество въ сыновство Божие, югъ же хладостный веющъ – покаяниемъ грехи оставляются, и искореневаются, и добродетель плодоносится» [4, л. 80 об.]. Эти строки практически полностью воспроизводят текст источника: «Весна убо красная есть вера Христова, яже крещениемь поражаеть человеческое паки естество; бурнии же ветри – грехотворнии помыслы, иже покаяниемь претворшеся на добродетель душеполезныя плоды гобьзують [умножают]» [2, с. 416].

Далее в проповеди следует оригинальный авторский текст: «Дождеве проливаются – апостольския сердца Духа Святаго наполняются, и во всю вселенную слово учения распростирается» [4, лл. 80 об.-81].

Продолжается он переработанной цитатой: «Ратай вола ярму подпрягаетъ – языцы на веру Христову притекаютъ, и крестъ Его в сердца своя водружаютъ. И о надежди своего сеяния апостоли веселятся. Понеже бо имъ паче всехъ за трудъ мзда готовится» [4, л. 81]. Ср. источник: «Ныня ратаи [пахарь] слова словесныя уньца [тельцы] к духовному ярму приводяще, и крестное рало в мысленых браздах погружающе, и бразду покаяния прочертающе, семя духовное всыпающе, надежами будущих благ веселятся» [2, с. 417]. В авторском тексте речь идет о язычниках, обращающихся апостолами в Христову веру, Туровский же говорит о священниках, проповедниках, призывающих паству к покаянию. При схожести образов возникает различная трактовка.

Продолжая логику своего текста, автор вновь говорит о язычниках, обращаемых в христианство: «Реки бо учения ихъ [т.е. апостолов] брегомъ равняются, и они словесную мрежу, евангельскую проповедь, по всей вселенней распростираютъ, и полну церковь от всехъ языкъ собраша» [4, л. 81]. Ср. источник: «Ныня реки апостолския наводняются, и язычныя [словесные] рыбы плод пущають, и рыбари глубину божия вочеловечения испытавше, полну церковную мрежю ловитвы обретають» [2, с. 417].

Далее автор решает избрать ровно противоположное оригинальному толкование образа. Кирилл Туровский говорит о язычниках, для автора же агнцами и тельцами становятся «верниии чада избранная»: «Агнцы и волове тучнеютъ – верниии чада избранная, от матери церкви млекомъ духовной благодати питаютъ» [4, л. 81]. Ср. источник: «Агньца глаголю кроткия от язык люди, а уньца [тельцы] – кумирослужителя неверных стран, иже Христовымь вочеловечениемь, и апостольскимь учениемь и чюдесы, скоро по закон емьшесе [взявшись], к святей церкви возвратившеся, млеко си учения сосуть, да и учители Христова стада о всех молящеся Христа бога славять, вся волкы и агньца в едино стадо собравшаго» [2, с. 416].

После этого следует оригинальный авторский текст: «Море мирно волнуется, языкъ злейшее идолобесие разрушися, и корабль церковь мати наша безбедно, Христовою силою окормляема, чрезъ всю вселенную, немятежно законы содержитъ» [4, л. 81].

В следующих строках можно вновь обнаружить переработанную цитату: «А еже древа прозябаютъ, и садове зеленеютъ, ластовицы и славиеве воспеваютъ, познавается, прежде неплоднии язычестии страны, сии ныне своя души Христу плодъ злаченъ приносятъ. И проповедуютъ, и радостно прославляютъ» [4, л. 81]. Ср. источник: «Ныня древа леторасли [отрасли] испущають, и цветы благоухания процвитають, и се уже огради сладку подавають воню [благоухание], и делатели с надежею тружающеся плододавца Христа призывають. Бехом бо [и мы] преже аки древа дубравная неимущи плода, ныня же присадися [привилась] Христова вера в нашемь неверьи, и уже держащеся корене Иосеева, яко цвети добродетели пущающе, райскаго паки жития о Христе ожидають, да и святители о церкви тружающеся от Христа мзды [награды] ожидають» [2, с. 416-417]. Можно обнаружить, что в «Статире» происходит расширение образности по сравнению с текстом оригинала, зеленеющие сады и деревья становятся прообразом обращенных в веру язычников.

Завершается фрагмент, апеллирующий к тексту Туровского, толкованием образа пчелы: «Премудрая пчела хитрость показуетъ: еже есть учители церковнии, труждаются день и нощъ, в читании божественных писании и умышлении» [4, лл. 81-81 об.]. Ср. источник: «Ныне мнишьскаго [монашеского] образа трудолюбивая пчела свою мудрость показающи вся удивляеть; яко же бо они в пустынях самокормиемь живуще ангелы и человекы удивляють, и си на цветы възлетающи медвены соты стваряють, да человеком сладость и церкви потребная подасть» [2, с. 417].

Можно сказать, что, помимо очевидной трансформации текста источника, автор стремится к более лаконичной и выразительной с художественной точки зрения форме изложения мыслей. Он не пускается в пространные разъяснения каждого образа, но, приводя аллегорическое толкование, делает небольшой акцент, позволяя слушателям развить интерпретацию образа самостоятельно. Не последнюю роль играет стремление создателя рукописи ритмизировать свой текст, в связи с чем он становится более сжатым и образным. Безусловно, стоит отметить самобытность в создании и интерпретации системы символов, несмотря на использование текстов святых отцов. При составлении собственной проповеди автор опирается на тексты нескольких авторов, посвященные разным праздникам, перерабатывая их создавая новое смысловое единство, имеющее стройную композиционную структуру, которая отражает авторский замысел. В ходе дальнейших исследований предполагается рассмотреть интертекстуальные связи на примере других текстов сборника и выявить определенные закономерности обращения к тем или иным источникам в связи с тематикой авторских сочинений.

Литература

1. *Аверинцев С.С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М. : CODA, 1997. 343 с.
2. *Еремин И.П.* Литературное наследие Кирилла Туровского // Труды Отдела древнерусской литературы. М. ; Л.: АН СССР, 1957 . Т. XIII. С. 409—426.
3. *Иоанн Златоуст.* Полное собрание сочинений в 12 т. в рус. переводе. Т. 3. Свято-Успенская Почаевская Лавра, 2005. 996 с.
4. Сборник «Статир». 1683–1684 гг. // РГБ. Собр. Румянцева № 411. 815 л. 4° (30 х 25), п/у одного почерка, авторская нумерация листов: 1–17 (I счета), 1–517 (II счета), 1–279 (III счета). Сбой нумерации: пропущены лл. 474 (II сч.), 187 (III сч.); нумерованы дважды лл. 439, 443 (II сч.), 189 (III сч.). Утрачены лл. 250, 251 (III сч.).
5. *Соболева Л.С.* Авторский код рукописного сборника «Статир» (Орел-городок, 1683–1684 годы) // Вестник Новосиб. гос. ун-та / Серия: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 8 : Филология. с. 175–186.
6. *Яхонтов И.К.* Русский проповедник семнадцатого века и несколько статей из его сочинения «Статир». СПб, 1883. Переиздано с готовых диапозитивов: М., 1997. С. 3-15.

Раздел VI

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИНГВОДИДАКТИКИ

А.В. Григорьев

доктор филологических наук, доцент,
профессор Московского педгогического
государственного университета,
профессор Московского государственного
института культуры
Москва (Россия)
E-mail: greg988@yandex.ru

Дериваты индоевропейского *(s)preg- в древнерусском языке: слово *супруг(ъ)* и его производные

Аннотация. В статье описываются существительные – элементы словообразовательного гнезда с вершиной *супруг(ъ)*, восходящего к индоевропейскому *(s) preg- > *pręg- / *prǫg- ‘вздрагивать, бросаться’ > ‘натягивать(ся), затягивать’ > ‘стягивать, связывать, соединять’, в истории русского языка (XI – нач. XIX вв.). Приводится и анализируется время первой фиксации каждого слова, производится сравнение с греческими соответствиями. Привлеченные источники позволяют более полно раскрыть смысл исследуемых древнерусских слов в исторических словарях и понять причины появления данных слов в составе словообразовательного гнезда с вершиной *супруг(ъ)*.

Ключевые слова: лексическая семантика, словообразовательное гнездо, история русского языка, внутренняя форма слова, индоевропейский корень *(s)preg, греческие соответствия.

Andrey V. Grigorev

DSc in Philology, Associate Professor,
Professor of Moscow State Institute of Culture,
Professor of Moscow Pedagogical State University
Moscow (Russia)
E-mail: greg988@yandex.ru,

Derivatives of Indo-European *(s)preg- in the Old Russian language: the word супруг(ъ) and its derivatives

Abstract. The article describes nouns – elements of derivative family of words with the top супруг(ъ), traced back to the Indo-European root *(s)preg- > *pręg- / *prǫg- ‘to tremble, to throw’ > ‘to pull, tighten’ > ‘to pull, to bind, to connect’, in the history of the Russian language (the XIth – the beginning of the XIXth centuries). The time of the first fixation of each word is given and analyzed in comparison with the Greek correspondences. The involved sources allow to reveal more fully the meaning of the studied Old Russian words in historical dictionaries and to understand the reasons for the appearance of these words in the composition of the derivative family of words with the top супруг(ъ).

Keywords: lexical semantics, an inner word form, derivative family of words, the Russian language history, Indo-European root *(s)preg-, Greek correspondences.

Краткое описание существительных русского языка, восходящих к индоевропейскому корню *(s)preg- > *pręg- / *prǫg- ‘вздрагивать, бросаться’ > ‘натягивать(ся), затягивать’ > ‘стягивать, связывать, соединять’ (*супруг, пругло, пружина*) было представлено в опубликованном нами ранее материале [1, с. 147-151].

В данной статье мы подробнее проанализируем слово *супруг(ъ)* и его производные как элементы словообразовательного гнезда в истории русского языка в сравнении с их греческими соответствиями.

Большинство дериватов лексемы *супруг(ъ) – супруга, супружение, супружие, супружица, супружница*, *супружный* – возникли в русском языке в XI–XIV вв. Первоначально, в XI в. – нач. XII в. данное словообразовательное гнездо представлено лексемами: *супруг(ъ), супруга, супружный.* Существительные *супруг(ъ)* и *супруга*, вероятно, являются кальками с греческого σύ-ζῠγ-ος ‘о чем-то соединенном, связанном, в том числе брачными или родственными узами, деловыми связями (о муже, жене, брате, товарище)’ [13, с. 1278], поскольку славянские слова соотносятся с греческим и по структуре, и по набору значений [10, с. 805]). Так, слово *супруг(ъ)* усваивает весь основной набор значений своих греческих соответствий (в первую очередь σύ-ζῠγ-ος и ζεῦγος), в основе которых лежит индоевропейский корень *jeug- ‘запрягать в ярмо’ (тот же, что и в словах *иго, йога, конъюнктив*): ‘запряженная пара, колесница, запряженная парой’, ‘муж (супруг)’, ‘пара (в том числе супружеская)’, ‘сото-

варищ', 'спутник в дороге' [8, с. 624]. Представленный исконный образ ярма [9, с. 205] в дальнейшем в переносном значении мог стираться, тем не менее в производных греческих словах всегда сохранялась идея связи, соединения каких-либо частей между собой в единое целое. Так, греческое слово того же корня ζῦγόν в древнегреческом языке могло означать и непосредственно ярмо, и перекладину между двумя брусьями, поперечную балку, и коромысло весов, и поперечную скамью на корабле, а также ряд, строй, шеренгу (в военном деле). Для перевода греческих σύ-ζῦγ-ος и ζεῦγος славянскими переводчиками было выбрано или создано путем словообразовательного калькирования слово *супруг(ъ)*, восходящее к семантически близкому *jeug- корню *(s)preg- 'вздрагивать, бросаться' > 'натягивать(ся), затягивать' > 'стягивать, связывать, соединять' [12, с. 240], однако, как мы видим, значение соединения не является для него первичным, тем более оно не связано с идеей ярма.

История слова *супруг(ъ)* демонстрирует, что из всех смыслов, связанных с тесным соединением и неразрывной связью, к XVIII веку остается только идея супружеской связи. Как показывает анализ 70 контекстов, по данным Национального корпуса русского языка, значение 'пара животных' в XV–XVII вв. фиксируется лишь однажды: «*Повѣдаша намъ и се: «Имяше убо отецъ нашъ супругъ воловъ, на них же самъ и братъ монастырьскую работу творяху, и въ лѣтнее время пометаху ихъ внѣ обители, въ чястинѣ лѣса*» (Волоколамский патерик, 1500-1550 гг) [3]. Словарь русского языка XI-XVII вв. приводит еще три контекста [6, с. 45]. В дальнейшем с пометкой *церковное* данное значение продолжает по традиции отмечаться в академических словарях русского языка 1789 [5] и 1847 гг. [7].

Как указывалось выше, слово *супруга* – возможно, также калька с греческого ἡ σύζῦγος, впрочем, есть точка зрения, что оно является производным от *супруг(ъ)*. О подобных случаях Н.М. Шанский писал так: «…В некоторых словообразовательных типах имен окончание выступает не как формообразующий элемент, а как синкретическая, словоформообразующая морфема, являясь, собственно, не только окончанием, но и суффиксом, участвующим в образовании слова» [11, с. 109]. К такому типу Н.М. Шанский относит слова «*крановщица, колхозница, кума, супруга, раба, инфанта, кузина* и т. п., в которых окончания не только выражают синтаксические свойства слова, но и указывают на пол обозначенного словом действующего лица» [Там же, с. 110]. Как указывает А.М. Камчатнов, «окончание *-а* в кум-*а* и проч. не просто суффикс и не

просто окончание, а сложная единица, выражающая как грамматические значения рода, числа и падежа, так и словообразовательное значение ‘лицо женского пола’» [4]. Такие словоформообразующие морфемы А.М. Камчатнов предлагает называть *суффлексами*, а способ образования – *суффлексальным* (термин *суффлекс* образован путем сокращения составного слова «суффикс-флексия»). Таким образом, если следовать гипотезе А.М. Камчатнова, слово *супруга* образовано от *супруг(ъ)* суффлексальным способом.

Обратим внимание, что слово *супружный* (образовано суффиксальным способом от *супруг(ъ)*) в XI в. имеет только значение ‘неразрывно связанный, соединенный, причастный к чему-либо’ как соответствие греческого ὁμόζῦγος: «*Ничтоже бо есть женѣ зълѣ прѣдати мужя своего на съмрьть, небонъ и правьдьнааго Иова своя жена на съмрьть прѣдаяаше… хоштеши ли и другую видѣти зълыя сея супружьну жену* [букв. женщину, причастную к этому пороку (предательству)]*, съмотри ми Далиды, како своего мужя … прѣда*». (Изб.Св. 1073 г., 539.) [6, с. 45]. Значение ‘супружеский, относящийся к супружеству’ возникает не ранее XVI века.

В XI–XII вв. в русском языке возникает, казалось бы, избыточная пара *супружник(ъ)* – *супружница* (вар. XII века – *супружица*). Однако, как уже указывалось, слова *супруг(ъ)* и *супруга* первоначально имели широкий круг значений. Появление пары *супружник(ъ)* и *супружница* исторически обусловлено тем, что данные слова указывали только на человека (‘о том, кто неразрывно связан с кем-либо’ > ‘товарищ, помощник’ > ‘муж, супруг’; ‘жена, супруга’), в то время как слово *супруг(ъ)* в период XI–XVI вв. активно встречается в значении ‘пара животных, запряженных в одну упряжку; парная упряжка’ [Там же].

С другой стороны, закономерно, что, когда слова *супруг(ъ)* – *супруга* и *супружник(ъ)* – *супружница* постепенно полностью совпадают по своим значениям к началу XVIII в., слова *супружник(ъ)* – *супружница* выходят из активного употребления (в XIX веке отмечается ок. 50 употреблений, по данным НКРЯ, для слова *супружница* и всего 3 употребления для слова *супружник*(ъ)). В словарях XIX века они как устаревшие снабжаются пометой *церковное*, а в Словаре Даля у слова *супружник(ъ)* мы встречаем и помету *шутливое*. Стилистические пометы (*просторечное, шутливое*) отражены и в словарях XX в. (для слова *супружник* 8 употреблений в подобных контекстах после 1960 г., для слова *супружница* – более 50 случаев).

К XIV веку в языке фиксируются слова *супружение* и *супружие* как кальки греческого συζῠγία, которое в классических текстах встречается в значениях ‘соединение, связь’, ‘парная запряжка, ярмо’, ‘пара’, ‘любовная связь’ [14, с. 1670], однако уже в византийских – преимущественно означает ‘брак, супружество’, ‘соединение, связь’ [13, с. 1278]. Таким образом, мы видим, что уже в греческом языке на первый план выходит значение ‘соединение членов пары в браке’. Именно в этом значении в XIV в. в русском языке используются слова *супружение* и *супружие*, а с XV–XVI вв. они вытесняются лексемой *супружество (супружство)* в том же значении: «*По том же преславнаго внука ея, равнаго апостоломъ, святаго и блаженнаго царя и великаго князя Владимера, и семени его праведнаго, иже мнози от них, мужеска полу и женска, Богу угодиша въ благоденственомъ державствѣ, в супружествѣ живуще и во благородном многочадии, овии же – безсупружествомъ, чистотою, иночествомъ, и мучением за Христа, и на бранех храбростию, и благодарнымъ терпѣнием во пленениих, в нужах, и в юзах,и в темницах, и в межеусобных крамолах, озлоблениемъ и лишениемъ очию и заточениемъ, и ини же—самоволною нищетою, и странствиемъ, и богомудростнымъ претворения уродством, и бездомъствием во отечествиихъ и в чюжеземствиих, и прочими добродѣтельми; паче песка умножишася, и никтоже может исчести их* (Из Степенной книги царского родословия,1560–1563) [3].

В конце XVII в. в русском языке возникает производное прилагательное от слова *супружество* – *супружественный* в значении ‘относящийся к супружеству’ [6, с. 26], которое заменяет восходящее к XI веку слово *супружный* (последняя фиксация по НКРЯ – 1726 год), однако слово *супружественный* использовалось в русском языке только в течение XVIII в. (последняя фиксация по НКРЯ – 1795 г.: «*Пропустивъ 9 главъ начинаю повѣствованiе съ моихъ супружественныхъ положенiй – будучи твердо увѣренъ, что они читателямъ магазина доставятъ сердечное увеселенiе*». (С. Филатьев. Мои свадебныя похожденiя. // Магазинъ общеполезныхъ знанiй и изобрѣтенiй съ присовокупленiемъ моднаго журнала, раскрашенныхъ рисунковъ, и музыкальныхъ нотъ. Часть первая. съ Генваря до Iюня., 1795) [3]). Впрочем, слова *супружный (-ий)* и *супружественный* фиксируются по традиции еще в Словаре церковнославянского и русского языков А.Х. Востокова 1847 г. [7, с. 230]; *супружний* также и в Словаре В.И. Даля [2, с. 639]. С 1715 года в русский язык как аналог слова *супружный*, приходит слово *супружеский,* образован-

ное от слова *супруг* суффиксальным способом по модели *друг – дружеский*: «*Ежели ж отговоритца, что будто ей не обещал о женитьбе, а признает при сем, что он ее обеременил, к томуж иные свидетелства явятца, из чего мочно будет видеть, что он всеконечно о супружестве обещал: то надлежит его с присягою спросить, что он с нею ни в какия супружеския дела не вступал, ниже оной обещал*» (Петр I. Артикул воинский, 1715) [3].

Итак, в статье нами прослеживается история словообразовательного гнезда с вершиной СУПРУГ(Ъ), восходящего к индоевропейскому *(s)preg- > *pręg- / *prǫg- ‘вздрагивать, бросаться’ > ‘натягивать(ся), затягивать’ > ‘стягивать, связывать, соединять’ (XI – нач. XIX вв.). Можно выделить следующие этапы развития данного гнезда:

– XI – нач. XII вв.: *супруг(ъ), супруга, супружный;*

– XII в.: *супруг(ъ), супруга, супружный, супружникъ, супружница (супружица)*;

– XIV в.: *супруг(ъ), супруга, супружный, супружникъ, супружница, супружение*, *супружие;*

– XV–XVI вв.: *супруг(ъ), супруга, супружный, супружникъ, супружница, супружество*;

– кон. XVII в.: *супруг(ъ), супруга, супружный, супружникъ, супружница, супружество*, *супружественный*;

– 1-я пол. XVIII в.: *супруг(ъ), супруга, супружный, супружникъ, супружница, супружество*, *супружественный*, *супружеский*;

– кон. XVIII в. – нач. XIX в.: *супруг(ъ), супруга, супружество*, *супружеский* (*супружникъ, супружница* – уходят на периферию языка).

Таким образом, максимальное количество элементов словообразовательного гнезда с вершиной супруг(ъ) мы наблюдаем в XIV в. – 7 элементов, кон. XVII в. – 7 элементов, 1 пол. XVIII в. – 8 элементов. Наиболее продуктивный способ словообразования – суффиксальный.

Литература

1. *Григорьев А.В.* Существительные с индоевропейским корнем (s)preg- в книжно-славянской и русской традиции XI–XVII вв. (в сравнении с греческими соответствиями) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. М., 2019. №3.

2. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. III, Спб.-М., 1909.
3. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ruscorpora.ru/ (Дата обращения: 15.06.2019).
4. Русский Древослов. Историко-словообразовательный словарь русского языка / под ред. А.М. Камчатнова. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.drevoslov.ru/ (Дата обращения: 15.06.2019).
5. Словарь Академии Российской. Т. 4. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1789.
6. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 29. М.: Наука, 2011.
7. Словарь церковно-славянского и русского языка / под ред. А.Х. Востокова. Т. 4. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1847.
8. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1912.
9. *Трубачев О.Н*. Этимологический словарь славянских языков. Вып. 9. М.: Наука, 1990.
10. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3 / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2 изд. М.: Прогресс, 1987.
11. *Шанский Н.М.* Очерки по русскому словообразованию. Изд. 3-е. М., 2010.
12. *Шапошников А.К.* Этимологический словарь современного русского языка. М., 2010.
13. *Lampe G.* Patristic Greek Lexicon. Oxford, 1961.
14. *Liddell, G., Scott, R.* A Greek-English Lexicon. Oxford, 1940.

Ф.Ш. Бекмурзаева
кандидат филологических наук,
преподаватель Военного института
(инженерно-технического) ВА МТО
Санкт-Петербург (Россия)
E-mail: bermur-ferusa93@mail.ru

Понятийные признаки в структуре концепта *лошадь / конь* в пространстве русской лингвокультуры

Аннотация. Анализируются понятийные признаки концепта *лошадь / конь*, представленные в лексикографических источниках. Фактический материал позволяет определить частотность понятийных признаков, которая является критерием актуальности для современной русской языковой картины мира.

Ключевые слова: концепт, понятийные признаки, языковая картина мира, дефиниционный анализ, семантическая структура концепта.

Feruza Sh. Bekmurzaeva
PhD in Philology
Lecturer, Military Institute (Engineering) MA MTS
St. Petersburg(Russia)
E-mail: bermur-ferusa93@mail.ru

Cognitive signs in the structure of the concept *horse* in the space of Russian linguoculture

Abstract. The present article is dedicated to the research of notional signs of the concept *horse* (*лошадь/конь*) revealed via the analysis of definitions from the explanatory dictionaries. The actual material allows to determine the frequency of notional signs, which is the criterion of relevance for the modern Russian language picture of the world.

Keywords: a concept, conceptual signs, the language picture of the world, definitional analysis, the semantic structure of the concept.

Концепт *лошадь / конь* начинает привлекать внимание исследователей с позиций сопоставления его признаков в русской и английской лингвокультурах, в рамках сравнения с когнитивными признаками разных концептов одной лингвокультуры [1; 2], в русском фольклоре [4]. В предлагаемой вниманию читателей статье изучаются понятийные признаки концепта *лошадь / конь* и способы их объективации в русской лингвокультуре.

Понятийные признаки концепта *лошадь / конь* актуализируются на основе словарных дефиниций соответствующей лексемы – репрезентанта концепта, эти признаки указаны в словарных статьях в виде семантических компонентов (сем) [3, с. 314]. Методика описания и моделирования концептов строится на анализе семантики языковых средств, объективирующих концепт.

Лексикографическое исследование считается базовым при экспликации концепта, так как именно этот процесс выявляет основные содержательные характеристики концепта, отраженные в сознании носителей языка.

Обращение к современным словарям русского языка, пристальное внимание к лексическому значению имени концепта позволяет проанализировать значимые, наиболее часто актуализируемые в современном языке понятийные признаки концепта.

Понятийная составляющая концепта *лошадь / конь* – часть признаковой структуры концепта, которая выявляется путём дефиниционного анализа номинанта концепта, а именно его семантических компонентов (сем / семем) и анализа значений, актуализируемых в фонде Национального корпуса русского языка, а также в произведениях художественного дискурса русских авторов.

В русском языке ядро исследуемого нами концепта объективируется лексемами *лошадь, конь*, поскольку они обладают синонимическими отношениями, семантическое наполнение которых полностью или частично совпадает.

В статье представлены самые релевантные понятийные признаки у концепта *лошадь / конь*, формирующего структуру семантического поля исследуемого концепта по принципу гиперо-гипонимических (родовидовых) семантических отношений и устанавливающих его семантические связи. Особенно широко эти связи представлены в словарных определениях лексических единиц. Важно подчеркнуть, что понятия рода и вида относительны, поскольку вид может быть, в свою очередь, родовым понятием по отношению к другим классам слов.

1. ‘Непарнокопытное животное семейства лошадиных’. Это самый многообразный, объемный когнитивный признак с родовым значением. Следует заметить, что данный признак восходит к мотивирующему. Первая дефиниция лексем *лошадь / конь*, представленная во многих словарных статьях, определяет лошадь / конь как крупное непарнокопытное животное семейства лошадиных: (Equus) в широком смысле слова – единственный ныне живущий род семейства лошадиных, или однокопытных (Equidae s. Solidungula), отряда непарнокопытных (Perissodactyla). Данный признак актуализируется в нескольких группах и подгруппах (*На тонущего героя НЕ смотрят не только люди — пастух, рыбак, моряки и пахарь, но и* ***животные – лошадь****, собака, четыре птицы и двадцать овец.* А. Генис. Довлатов и окрестности).

2. ‘Дикий’. Дикая лошадь является самым древним, вымершим, предком современных тяжеловозов и скакунов (*Да это же спутник мамонта,* ***древняя дикая лошадь****, а не падаль!* С. Томирдиаро. Мамонтенок Дима; *Вот лошадь****, древняя дикая лошадь****, вымершая тысячелетия назад.* А. Варшавский. Спасение Ласко).

Данный признак представлен подвидами, куда входят: **‘лошадь Пржевальского’**, от которой произошли все современные домашние лошади (*Были открыты дикий верблюд,* ***дикая лошадь Пржевальского****, тибетский медведь, карликовый гиппопотам, карликовые водяные слоны – всего не перечесть.* О. Куваев. Очень большой медведь; *По описанию* ***Н.М. Пржевальского, дикая лошадь****, открытая им в Джунгарской Гоби, несколько отличается от домашней, и поэтому нельзя думать, что это просто одичавшая домашняя.* В. Обручев. В дебрях Центральной Азии; *В пустынях и на плоскогорьях Центральной Азии в конце прошлого века русским путешественником* ***Пржевальским была найдена совсем дикая лошадь, носящая теперь его имя лошадь (Пржевальского)****, от которой, по всей видимости, произошли все современные домашние лошади и к типу которой постепенно приближаются, в той или иной степени, все одичавшие лошади.* М. Зорин. Одичание домашних животных); *Самое замечательное животное здесь – это* ***дикая лошадь****, экземпляр которой* ***под именем лошади Пржевальского*** *(equus Przewalskii) находится в Петербургской Академии Наук.* М. Лялина. Путешествия Н. М. Пржевальского в восточной и центральной Азии), **‘тарпаны’** – вымершие предки современных лошадей (*В степях Южной России еще до середины прошлого века встречалась другая* ***дикая лошадь – тарпан****, бродившая там громадными косяками.* М. Зорин. Одичание домаш-

них животных; *По поводу* ***тарпана*** *ученые вели бесконечные споры о том, действительно ли это* ***дикая лошадь****, или одичавшая домашняя.* М. Зорин. Одичание домашних животных; ***Исчезли с лица Земли дикая лошадь тарпан*** *и бык тур, питавшаяся водорослями добродушная стеллерова корова и зебра квагга, странствующий голубь и дронт.* В. Флинт. Еще не поздно...), **'мустанги'** (*Тут, в Ловелле, еще до принятия закона на «мирские деньги» был учрежден некий приют для* ***мустангов – ранчо «Дикая лошадь»****.* В. Песков, Б. Стрельников. Земля за океаном).

3. 'Домашний'. Лошадь, в первую очередь, считается домашним животным, используемым для перевозки людей, грузов, на сельскохозяйственных работах и т. п. Данный признак актуализируется в лексических конструкциях со словом-номинантом концепта *лошадь / конь* (*Любовь и женитьба связаны вместе, как* ***лошадь с повозкой****…* В. Аксенов. Круглые сутки нон-стоп; ***Лошадь*** *и верблюд* ***доместицированы*** *много позже, только в век металла.* Форум: Популяционная генетика (2009–2010); *– Что же дальше, – значит, снова* ***гружу лошадь*** *орехами, подвязываю к седлу пару индюшек и приезжаю сюда в полицию.* Ф. Искандер. Бедный демагог; *Однако этого терпеть нельзя, и я выехал утром в поле, где нашел* ***лошадь*** *и соху Андрона без пахаря.* А. Фет. Осенние хлопоты; *Дом в Данилове у нас был не очень большой, дважды перестраивался, зато была* ***лошадь****, а в некоторые времена и* ***две лошади****, корова, куры, овцы и свиньи.* К. Лученко, К. Владимирская. Свердловск – Калькутта – Прага; *Когда пригоняли скот, мы, мальчишки и девчонки, впускали корову, овец,* ***лошадь****, отвернув задвижку, и так оставляли скотину на ночь.* В. Лимонин. Это было, было…; *За это новая власть дала ему надел,* ***лошадь*** *и корову.* В. Арро. Дом прибежища).

4. 'Предназначение'. Процесс доместикации обусловил появление лошадей, предназначенных для выполнения разных видов работ. Данный признак носит комплексный характер и включает в себя несколько компонентов: **'рабочая лошадь'**, используемая для перевозки людей, грузов и т. п. (*Здесь указывается, что продажа скота пошла в таком темпе, что* ***рабочая лошадь*** *продавалась в Николаевском уезде за 9 р.* А.И. Шингарев. Бюджет и государственное хозяйство России; *Есть ли у вас на дворе хоть одна* ***рабочая лошадь*** *в таком виде и теле?* А. Фет. Из деревни).

Данный когнитивный признак в анализируемом материале имеет разную вербализацию: **тягловая** (*Но между революциями – не любил… Как, вероятно, не обожает* ***тягловая лошадь*** *– телегу с дерьмом,*

нагруженную по чьей-то прихоти. И. Грошек); **ломовая**, используемая для перевозки тяжёлых грузов (*На дороге по скользкому снежному месиву* ***ломовая лошадь*** *тащила огромный воз.* В. Кин. Записные книжки; *Рядом с квартирой Василия находилась конюшня, в денниках которой стояли рысаки и* ***ломовая лошадь****, обслуживавшая дом и бани.* Д. Засосов, В. Пызин. Из жизни Петербурга 1890-1910-х годов). Анализ корпусного материала показал преимущественно метафорическое использование данного вида лошади, ассоциированное с работой человека. (*На нее надо* ***наваливать работу****, как на* ***ломовую лошадь***. Э. Радзинский. Обольститель Колобашкин; *Работала, как* ***ломовая лошадь****, и регулярно отсылала деньги маме и Светке*. Татьяна Соломатина. Девять месяцев, или «Комедия женских положений»); **вьючная**, используемая для перевозки грузов (вьюков) на спине в пустыне, в таежных тропах и т. д. (*Из Алтын-Мазара приходит присланный за нами Гетье караван – три верблюда и одна* ***вьючная лошадь***. М. Ромм. Штурм Пика Сталина; ***Вьючная лошадь*** *не проходит через Бадукский перевал, поэтому вещи приходится нести на себе*. В. Броннер. Теберда. Путеводитель); **упряжная** (*Поки Мари, двадцатилетняя* ***упряжная лошадь****, во время поездки прошлой осенью ее хозяина на охоту за лосем повредила заднюю левую ногу в горях Чугач на Аляске.* Как Поки Мари на вертолете летала // «Знание – сила», 2003).

5. ‘Верховая’, предназначенная для передвижения, при котором человек находится на спине животного (*Он сел на* ***лошадь****, он любил* ***ездить верхом***. Ю. Давыдов. Синие тюльпаны; *К твоим услугам будут: собственная* ***верховая лошадь*** *с шарабаном без кучера, чтобы править самому, лодка и огромный наш загородный сад.* А. Колмогоров. Мне доставшееся: Семейные хроники Надежды Лухмановой; *И я, и он – никогда раньше с лошадьми дела не имели, мне ни разу в жизни вообще никогда не приходилось даже* ***верхом на лошадь садиться***. М. Касьянов. Телега жизни. Молодость; *Входя на двор, я увидела необыкновенную суетливость и беготню людей полковника; увидела множество экипажей и* ***верховых лошадей***. Н. Дурова «Кавалерист-девица».) или, в более узком смысле, – один из видов любительского вида спорта или досуга (*Мне очень хотелось в юности выучиться* ***ездить верхом****... но на первом же уроке* ***лошадь*** *наступила мне на ногу – и на этом с конным спортом было покончено.* Л. Лопато. Волшебное зеркало воспоминаний);

Когнитивный признак ‘верховая’ представлен подпризнаками: ***беговая*** (скаковая) (*Попадало Швырову за перевранное сообщение из*

Лондона; попадало Шальневу за такое неслыханное преступление, как то, что ***беговая лошадь взяла первый приз на скачках****, когда нужно было сказать на бегах; гром и молнии обрушивались на голову бедного Сумского, который позволил себе информационную заметку о присуждении Нобелевской премии неожиданно закончить латинским изречением – Caveant consules!* Дон Аминадо. Поезд на третьем пути; *Четырехлетний жеребец Изумруд – рослая* ***беговая лошадь*** *американского склада, серой, ровной, серебристо-стальной масти – проснулся, по обыкновению, около полуночи в своем деннике.* А. Куприн. Изумруд; *В аудитории комиссия, на доске развешены ее чертежи, она переходит от одного к другому на возвышении кафедры, в руке указка, порхают кружева над тонкой кистью, она возбуждена до дрожи, как* ***беговая лошадь****, ее знобит от воодушевления, она говорит собранно и ярко, ее проект полон остроумных находок и интересных выводов.* Т. Набатникова. День рождения кошки) и **боевая**. К боевой относится ***кавалерийская лошадь*** как один из важнейших элементов, орудий войны *(Он тронул поводья, и* ***горячая кавалерийская лошадь*** *пошла рысью, потряхивая всадника.* М. Булгаков. Мастер и Маргарита; *Как* ***кавалерийская лошадь****, услышав звуки марша,* ***группируется и стройно вышагивает по плацу****, так и я, сжавшись в кулак, выбросил себя на сцену.* Г. Васильев. Роли, которые нас выбирают; *Авдотья, десять лет проработавшая на ферме в ту пору, когда Спиряк Воронок был еще заведующим, привыкла выполнять его приказы автоматически, как старая* ***кавалерийская лошадь выполняет давно заученную команду***. Б. Можаев. Живой; *Но я уже* ***с упоением и азартом, как кавалерийская лошадь****, пущенная в карьер, несся, перепрыгивая через лужи и выбоины грязной мостовой.* А. Гайдар. Школа) и ***строевая*** (*Была теснота маленькой комнаты, снимаемой у еврея на окраине польского местечка, были денежные драмы, когда внезапно от колик пала* ***строевая лошадь*** *и надо было купить другую.* П. Краснов. От Двуглавого Орла к красному знамени; *Вдруг Вахрушка вздрогнул, как* ***строевая лошадь****, заслышавшая трубу.* Д. Мамин-Сибиряк. Хлеб (1895)).

6. ‘Гендерность’. В состав данного признака входит подпризнак **‘конь’**. Этот когнитивный признак используется преимущественно в речи военных, в коннозаводческой практике, а также в поэтической речи лошадь именуется конем (обычно о самце) (*Ариадна отучилась, получила права и за руль так и не села – боялась. Не за себя, за машину. Наверное, она считала ее железным конем.* ***Конь – это лошадь***. М. Трауб.

Ласточ…ка; *Как старый боевой конь, услышавший сигнал, дед в эти дни с самого раннего утра был взволнован.* Д. Самойлов. Общий дневник) и **‘жеребец / кобыла’** *(А какая это **лошадь: жеребец или кобыла**? Коллекция анекдотов: психиатры*).

7. ‘Масть’. В состав данного признака входят подпризнаки: ***‘белый’*** (*Вот почему, когда его **белая лошадь**, запряженная в пролетку, появлялась на улице, матросы рассыпались в разные стороны.* А. С. Новиков-Прибой. Капитан первого ранга); ***‘серый / серебристо-стальной’*** (*Четырехлетний жеребец Изумруд – рослая беговая **лошадь** американского склада, **серой, ровной, серебристо-стальной масти** – проснулся, по обыкновению, около полуночи в своем деннике.* А. Куприн. Изумруд), **‘гнедой’** (*Рослый **гнедой конь**, стоявший у палатки, был опрокинут и судорожно бился, дергая в воздухе ногами.* Г. Данилевский. Сожженная Москва); **‘вороной’** (*насторожился Корнила. – Был же **конь вороной**. – Был да нету.* В. Быков. Знак беды; *– Кто это несется с право-го фланга? – спросил Зарецкой, показывая на одного офицера, который проскакал мимо передовой линии на англезированной **вороной лошади**.* М. Загоскин. Рославлев, или Русские в 1812 году); **‘рыжий’** (*И не только мальчишки со всей Лисянки, но и взрослые приходили любоваться, когда **рыжий конь** делал пять-шесть шагов на двух ногах да еще поворачивался.* Е. Пермяк. Бабушкины кружева); **‘сивый’ (*Сивый конь*** *волочит его по траве – новорожденному теленку надо вставить в ухо бирку с номером.* Н. Аронов. Полномочный ковбой); **‘золотистый’** (*Как **конь золотистый** у башен, Играя, вставая на дыбы, И белый чепрак был украшен Узорами тонкой резьбы?* Гумилев. Ты помнишь дворец великанов…).

8. ‘Гимнастический снаряд’. Конь – гимнастический снаряд для маховых упражнений и прыжков. (Большой энциклопедический словарь).

Помимо прямого значения, лексемы *лошадь, конь* могут употребляться и в переносном смысле:

1) лошадь – крупная и нескладная женщина (разг., неодобр.): *Ну и лошадь эта баба*.

2) темная лошадка (разг.) – о человеке, чьи качества, возможности неясны, неизвестны (*У тебя в смене обосновалась очень **темная лошадка**!* Даниил Корецкий. Менты не ангелы, но…; ***Темная лошадка*** *Яценюк – самая большая заноза в электоральном поле Юлии Тимошенко.* Вадим Королев. Разноцветные наперстки // «Однако», 2009; *Не исключено, что в моей команде завелась **темная лошадка**.* Т. Сахарова. Добрая

фея с острыми зубками).

3) пить как лошадь – очень много, в больших дозах (*Фаина-то пьет мало, а адвокатская дочка* ***хлещет, как лошадь****!* Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 4; *И не потому, что вдруг подсядет, что ещё утомительнее, навязчивый сноб-интеллигент петербургского разлива, которого можно вынести, только если* ***пить как лошадь****, а здоровья, как у лошади, нет.* В. Маканин. Отдушина; – *Я джин-тоник один к трем просил, а вы мне три стакана чистого джина принесли в и! Что ж я,* ***лошадь, столько выхлебать****?* А. Берсенева. Полет над разлукой; *Он* ***пил как лошадь*** *и нарывался на истории – я тихо сидел дома и занимался своим.* М. Веллер. Ножик Сережи Довлатова).

4) разг.-сниж. О ком-л., обладающем какими-л. качествами, свойственными такому животному (силой, работоспособностью и т.п.).

5) лошадиное здоровье (перен.: очень крепкое) (*У меня ведь здоровья много. У меня* ***лошадиное здоровье****. Я тебя укутаю, все одно житья не дам…* В. Личутин. Любостай);

6) лошадиное лицо (перен.: с тяжёлой и вытянутой нижней частью) (*Она на редкость некрасива: большое* ***лошадиное лицо****, огромные зубы (кстати, ни одного вставного, все свои, чем она очень гордится), узкие, часто мигающие глаза.* Л. Уварова. Одинокий с собакой снимет комнату);

7) лошадиная сила единица мощности (двигателя, машины, равная 736 ваттам) (*Понятно, чем «легче»* ***лошадиная сила*** *и киловатт-час, тем легче и динамичней вся машина.* Варшавский И., Гуревич М. Второе открытие электромобиля);

8) лошадиная фамилия (разг. шутл.) – о том, что хорошо знакомо, но никак не удаётся вспомнить [по одноимённому рассказу А.П. Чехова] (*Это как чеховская* ***лошадиная фамилия****: не успокоишься, пока не вспомнишь*. Тайник // «Огонек». №№ 5-6, 8-13, 1970; ***Лошадиная фамилия*** *отродясь не была носителем мудрости, и как показывает практика, скорее поверят твердой руке и хлысту, нежели длительным дипломатическим уговорам.* Ася Клячина. Лошадиная фамилия. Как хорошо провести время в седле и не свалиться на землю).

Выявление понятийных признаков, формирующих концептуальную структуру концепта *лошадь / конь* позволило определить языковые средства объективации понятийных признаков, степень актуальности того или иного признака, получить информацию об этнической специфике отражения знаний и опыта в языке носителей языка той или иной культуры.

В результате анализа словарных дефиниций основных слов-репрезентантов концепта *лошадь / конь* был выявлен ряд признаков, входящих в понятийную часть его структуры: **‘непарнокопытное животное семейства лошадиных’, ‘дикий’, ‘домашний’, ‘предназначение’**, **‘верховая’**, **‘гендерность’, ‘масть’, ‘гимнастический снаряд’**.

Их объективация характеризуется различной степенью частотности, однако все представленные признаки остаются актуальными для носителей языка по сей день. Наибольшей частотностью обладает признак **‘предназначение’**, наименьшей – **‘гимнастический снаряд’**. Объемная семантическая структура и богатая вербализация говорит о том, что концепт *лошадь / конь* является одним из важнейших концептов русской лингвокультуры.

Литература

1. *Бекмурзаева Ф.Ш.* Образные признаки концепта *конь* в повести Ч. Айтматова // Возрождение национальных литератур во 2-й половине XX века и Чингиз Айтматов. Казань: ИЯЛИ, 2018. С. 58-62.
2. *Мошина Е.А., Бакирова А.А., Бекмурзаева Ф.Ш.* Реализация антропоморфного кода в структурах ландшафтного, анималистическрого и космического концептов в русской лингвокультуре // Лингвокультурные аспекты концептуальных исследований (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 16). Под ред. М.В. Пименовой. СПб.: СПбГЭУ, 2018. С. 64–71.
3. *Пименова М.В.* Концепт *сердце*: Образ. Понятие. Символ. Кемерово: КемГУ, 2007. Вып. 9. 500 с.
4. *Пименова М.В.* Этногерменевтика русской сказки: монография / М.В. Пименова. М.: ИНФРА-М, 2018. 355 с

Е.А. Мошина
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных
и русского языков Института иностранных языков
Санкт-Петербург (Россия)
E-mail: moshina@inbox.ru

Историческое развитие концептуальной структуры (на примере концепта *ЗЕМЛЯ*)

Аннотация. В статье представлены результаты исследования признаковой структуры концепта *ЗЕМЛЯ* в различные исторические периоды. Анализ внутренней формы лексемы *земля*, рассматриваемой в качестве имени концепта, позволил определить мотивирующие признаки, положенные в основу номинации данного фрагмента мира. Далее рассматривается процесс расширения структуры концепта *ЗЕМЛЯ* за счет приращения новых смыслов и за счет переосмысления абстрактных явлений на основе уже существующих в сознании образов.

Ключевые слова: внутренняя форма слова, мотивирующий признак, концепт, структура концепта, понятийный признак.

Elena A. Moshina
PhD in Philology,
Associate Professor of the Department of
Foreign and Russian Languages of
Foreign Languages Institute
St. Petersburg (Russia)
E-mail: moshina@inbox.ru

The historical development of the conceptual framework (on the example of the concept of Earth)

Abstract. The article presents results of a study aimed to observe the structure of the concept EARTH during various historical periods. Data of etymological and explanatory dictionaries of Russian are used as the material of research. The analysis of an internal form of the lexeme *earth,* regarded as a concept name, allowed to define the motivating signs which have been the basis for the nomination of this fragment of the world. The article shows further process of a concept structure expansion due to the increment of new meanings and due to reconsideration of the abstract phenomena on the basis of the images which are already existing in mind.

Keywords: internal form of a word, the motivating sign, concept, structure of a concept, conceptual (nominative) sign.

Введение. Концептуальные исследования, ставшие весьма востребованными в конце XX – начале XXI веков, направлены на выявление данных о структуре и наполнении этнического менталитета носителей определённой лингвокультуры посредством описания фрагментов концептуальной системы.

Особую ценность представляют собой сопоставительные концептуальные исследования, позволяющие увидеть этноспецифику ментальности носителей конкретного языка. Определить этноспецифику ментальности народа возможно двумя основными способами: обращаясь к данным одного языка в аспекте диахронии, а также в сопоставлении одного языка с другим. Так, в рамках концептуальных исследований появились такие направления, как диахроническая концептология, сопоставительная концептология, диахроническая сопоставительная концептология.

Цель данной статьи – сравнить две группы признаков в структуре концепта *ЗЕМЛЯ* – мотивирующие признаки, положенные в основу номинации носителями языка определенного фрагмента мира, и понятийные признаки, представленные в сознании современных носителей языка, отраженные в лексическом значении имени концепта и зафиксированные в лексикографических источниках.

Мотивирующие признаки концепта определяются нами на основе анализа внутренней формы слова, которое мы рассматриваем в качестве имени (номинанта) концепта.

Анализируя этимон, (т.е. исходное слово, основу слова или корневую морфему, от которых произошли существующие в современном языке слова) мы выявляем внутреннюю форму слова (т.е. **признак,** положенный в основу номинации при образовании нового слова). По мнению В.В. Колесова, внутренняя форма номинанта концепта является его первообразом. Внутренняя форма слова – это «…выраженное в устойчиво образном словесном корне представление о существенном признаке номинации» [3, с. 51]. По словам А.А. Потебни «Внутренняя форма есть тоже центр образа, один из его признаков, преобладающий над всеми остальными. <···> Внутренняя форма, кроме фактического единства образа, дает еще знание этого единства; она есть не образ предмета, а образ образа, т. е. представление» [5, с.100]. Новое слово появляется

в языке на основе признака, уже зафиксированного в ранее существовавшем слове – концептуме (в терминологии В.В. Колесова).

Внутренняя форма слова, являющегося именем соответствующего концепта, позволяет сформулировать один или несколько мотивирующих признаков концепта. Таким образом, под мотивирующими признаками, мы, вслед за М.В. Пименовой, понимаем «такой признак, который послужил основанием для именования некоего фрагмента мира» [3, с.155].

Мотивирующие признаки концепта служат основой для дальнейшего развития его структуры. В процессе познания и интерпретации окружающего мира слово обрастает дополнительными смыслами, которые ведут к созданию новых образов, для которых свойственно «овеществление» абстрактных смыслов, т.е. мотивирующий признак характеризуется приращением образных признаков. Эти образы в дальнейшем предполагают развитие понятийных признаков. Одновременно в структуре концепта появляются категориальные признаки и признаки природного и предметного миров.

Результаты исследования. Обратимся к исследованию внутренней формы слова ***земля***. По данным этимологических словарей [8–12] общеславянская основа zem изначально имела значение «низ», а слово ***земля*** является суффиксальным производным (суф. *-j-*, *-mj- > мл'*) от корня *zem* со значением «земля, пол, низ».

Слово ***земля*** имеет схожее звучание во многих родственных языках (сравни украинское, белорусское *земля́*, болгарское *земя́*, сербохорватцкое *зѐмља*, словенское *zémlja*, чешское *země*, словацкое *zem*, польское *ziemia,* верхнелужицкий, нижнелужицкий *zemja*).

Несмотря на то, что существительное ***земъ*** имеет индоевропейскую природу (родственно литовскому žẽmė «земля», латышскому zeme, древнепрусскому semme; литовскому žẽmas, латышскому zems «низкий», авестийскому, древне-персидскому zam- ж. «земля», греч. χαμαί «на земле», χαμηλός «низкий», латинскому humus, фригийскому ζεμέλω «мать-земля»), слово считается исконным древнерусским.

Современная форма явилась результатом нескольких фонетических процессов, которые привели к тому, что на месте изначального zemja из-за звука j («йот») появился звук «л».

Таким образом, мотивирующим признаком концепта *ЗЕМЛЯ* является признак «низ /земля под ногами, пол».

В древнерусском языке слову *ЗЕМЬ* существовал синоним *ТЬЛО* (чаще мн.ч. ТЬЛА) в значении «земь, почва, пол». Сделать «по тьлу»

означало «построить равновеликим полу»; (ср. «дотла разорить» – до земли, до основания) [8]. Слово «потолок» понималось как «подобие тла, пола»

Слово очень древнее по своему корню. «Тьло», родственное латинскому «тэллус» – «земля» и ряду других слов в разных индоевропейских языках. Например, tellurian, прилагательное, означающее «относящийся / связанный с землей». Произошло с помощью присоединения суффикса -ian к латинскому *tellus* «земля» от индоевропейской основы **tela- *tla-* «что-то плоское», сравни древнеиндийское talam «поверхность, равнина, подошва ступни», армянское *t'at* «область/регион», *t'atar* «земляной, земляная/ глиняная лодка», греческое Ťήλία «доска для настольной игры», старославянское *tilo* «земля», литовское *tilês*, латышское *tilandi* «доски дна лодки», древнепрусское *talus* «пол», древнеанглийское *Þel of s.m.*, древневерхнегерманское *dili* «плоская доска», древнеирландское *talam* «земля».

Однако, данный корень оказался непродуктивным и не получил дальнейшего развития в языковых формах в отличие от корня *зем.* С XI в. в древнерусском языке слово ***земля*** стало «обрастать» дополнительными смыслами, появились многочисленные производные. В работе И.И. Срезневского [7] насчитывается свыше 25 производных от корня ***зем***.

На основе данных словаря И.И. Срезневского, полного церковнославянского словаря Г.М. Дьяченко [2, с. 189-190] и словаря-справочника «Слова о полку Игореве» [6] мы попытались проанализировать значения лексемы ***земля***, представленные в литературных памятниках древне-русского языка периода XI-XIII веков. Рассмотренные нами значения объективируют следующие концептуальные признаки: «суша, поверхность суши», «почва, верхний слой земли», «мир, планета», «низ, пол», «государство, страна, край, область, местность», «народ какой-нибудь страны, люди, населяющие страну», «войско страны», «участок земли во владении кого-либо, имение», «обрабатываемая земля, нива, пашня», «мирское, материальное в противопоставлении божественному, духовному», «основной цвет, фон поверхности ткани», «одна из четырех стихий», «название буквы З».

Следующим этапом сравнения стали данные Толкового словаря живого великорусского языка В.И. Даля [1], включающий лексику письменной и устной речи XIX века. Представленные в словаре значения слова ***земля*** объективируют следующие концептуальные признаки: «мир, земной шар», «стихия», «суша, берег, материк, как противоположность воде, морю», «страна, государство, область, край, округ», «народ», имение,

собственность «почва, верхний слой суши», «всякое рыхлое, рассыпчатое ископаемое, где может расти что-либо», «земь, пол, помост, мостовая, поверхность или плоскость, по которой ходим, на чем стоим», «поле, грунт, фон ткани, стены», «название буквы «З», девятой в церковной азбуке».

Анализ современных лексикографических источников, представленный автором в статье «Базовые понятийные признаки в структуре ландшафтного концепта *земля*» [4], позволил выделить следующие концептуальные признаки, актуальные для носителей русского языка на современном этапе: «место жизни и деятельности человека (мир)», «3-я планета солнечной системы», «суша, земная твердь», «верхний слой земной коры; почва, грунт», «рыхлое темно-бурое вещество, входящее в состав земной коры», «территория, находящаяся в чьем-л. владении, пользовании», «страна, государство», «устаревшее название буквы з», «в Австрии и Германии: административно-территориальная (федеративная) единица», «наземный центр управления полётами», «народ, войско», «поле, фон (ткани, обоев), по которому сделан рисунок», «название красок», «реальность, в противопоставление миру идеальному», «одна из четырех стихий», «низ», «поверхность или плоскость, по которой ходим, на чем стоим».

Заключение. Результаты анализа лексического значения слова ***земля***, отражающего структуру понятийных признаков концепта *ЗЕМЛЯ* в разные исторические периоды, представлены в таблице.

Мотивирующий признак	XI-XIII вв.	XIXв.	XX-XXIвв.
Низ	Низ		Низ
Поверхность или плоскость, по которой ходим, на чем стоим	Пол	Земь, пол, помост, мостовая, поверхность или плоскость, по которой ходим, на чем стоим	Поверхность или плоскость, по которой ходим, на чем стоим
	Мир, планета	Мир, земной шар	Мир, планета
	Суша, поверхность суши	Суша, берег, материк, противоположность воде, морю	Суша, земная твердь
	Почва, верхний слой земли	Почва, верхний слой суши	Верхний слой земной коры; почва, грунт

	Обрабатываемая земля, нива, пашня	Рыхлое, рассыпчатое ископаемое, где может расти что-либо	Рыхлое темно-бурое вещество, входящее в состав земной коры
	Государство, страна, край, область, местность	Страна, государство, область, край, округ	Страна, государство
	Народ какой-нибудь страны	Народ	Народ
	Участок земли во владении кого-либо, имение	Имение, собственность	Территория, находящаяся во владении/пользовании
	Одна из четырех стихий	Стихия (огонь, воздух, вода, земля)	Одна из четырех стихий
	Войско страны		Войско
	Название буквы «З»	Названье буквы «З» в церковной азбуке	Устаревшее название буквы «з»
	Мирское, материальное в противопоставлении божественному, духовному		Реальность, в противопоставление миру идеальному
	Основной цвет, фон поверхности ткани	Поле, грунт, фон ткани, стены	Поле, фон (ткани, обоев), по которому сделан рисунок
			Название красок
			В Австрии и Германии: административно-территориальная (федеративная) единица
			Наземный центр управления полётами

Таким образом, мы можем наглядно продемонстрировать, что мотивирующий признак «низ /пол» не исчезает, а, наоборот, находит свое отражение в современных средствах выражения концепта *ЗЕМЛЯ*, т.е. сохраняет свою актуальность. Исследование также показало, что концепты, в отличие от лексического значения, сохраняют свою структуру, не

теряют включенные в эту структуру признаки на всём протяжении истории народа. Структура концептов только пополняется за счёт появления дополнительных признаков. Такое пополнение определяется развитием материальной и духовной культуры народа.

Литература

1. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка [в 4 т.] / Владимир Даль. – Репр. изд. – Санкт-Петербург : Диамант, 1996. Т. 1: А-З. 1996. XCVI. 699с.
2. *Дьяченко Г.М.* Полный церковно-славянский словарь / протоиер. Г. Дьяченко. [Репринтное воспр. изд. 1900 г.]. Москва : Отчий дом, 2009. 1120 с. (Дьяченко с. 189 – 190).
3. *Колесов В.В.* Концептология: учебное пособие / В. В. Колесов, М. В. Пименова. Кемеровский государственный университет. Кемерово, 2012. – 248 с.
4. *Мошина Е.А.* Базовые понятийные признаки в структуре ландшафтного концепта *земля.* Концептуальные исследования в аспекте лингвокультуры: к 55-летнему юбилею доктора педагогических наук Болотбека Мекеновича Акматова. Сб. науч. ст. / отв. ред. М.В. Пименова. Санкт-Петербург, 2018. – (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 22). С.67–71.
5. *Потебня А. А.* Мысль и язык / А.А. Потебня. Киев: СИНТО, 1993. 192 с.
6. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушк. дом); Под ред. действ. чл. АН ЛитССР Б. А. Ларина и др. Москва; Ленинград: Наука. Ленингр. Отделение. Вып. 2: Д-Копье / Сост. В. Л. Виноградова. 1967. 214 с.
7. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://oldrusdict.ru/dict.html# (Дата обращения 15.05.2019).
8. *Успенский Л. В.* Почему не иначе? : этимологический словарь школьника. М.: АСТ : Zebra E, 2008. 460 с.
9. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / Макс Фасмер; Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 3-е изд., стер. М. : Изд. центр «Терра», 1996. Т. 2: (Е-Муж). СПб.: Азбука; М.: Изд. центр «Терра», 1996. 671 с.
10. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1999. Т.1. 624 с.
11. *Шанский Н.М.* Этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский, Т. А. Боброва. М.: Прозерпина: ТОО «Школа», 1994. 398 с.
12. Этимологический словарь русского языка / сост. Крылов Г. А. СПб.: Victory, 2004. 428 с.

В.П. Фомина
кандидат искусствоведения,
доцент кафедры лингвистики
Московского государственного института культуры
Москва (Россия)
E-mail: tj-storm@mail.ru

Проблемы интерпретации художественного текста вокального произведения

Аннотация. Статья посвящена проблемам, с которыми сталкивается певец в процессе работы над вокальной интерпретацией музыкального произведения, написанного на иностранном языке, а также показаны возможные пути решения данных проблем.

Ключевые слова: музыка, интерпретация, вокал, художественный текст.

Valentina P. Fomina
PhD in Art History,
Associate Professor of the Department of Linguistics of
Moscow State Institute of Culture
Moscow (Russia)
E-mail: tj-storm@mail.ru

Problems of vocal piece art text interpretation

Abstract. The article is devoted to the problems that a singer faces while working at vocal interpretation of a musical piece written in a foreign language. Possible ways of the solutions to these problems are also represented.

Keywords: music, interpretation, vocal, art text.

Музыкальная интерпретация (лат. interpretatio – истолкование, разъяснение) – процесс звуковой реализации нотного текста, созданного авторами, «в искусстве интерпретации и состоит сам смысл и единственная сущность исполнительского искусства, как и его вечная ценность для слушателей всех стран и континентов» [6, с. 99]. Но исполнение может быть достоверным только в том случае, когда оно максимально приближено к тому образу, который они создавали.

Bel canto, которое лежит в основе современного вокала, – итальянская школа пения, полностью оформившаяся к XVIII веку, означающая красивое мелодическое пение, основанное на широкой кантилене, характеризующееся плавным выровненным соединением грудного, центрального и головного регистров, чистотой интонации, звучанием metallo, но при этом ясно воспроизводящее поэтический текст. [5, с. 186]. Значит, вокалисты должны владеть не только основами правильного звукоизвлечения и голосоведения, основами кантилены, но и осознано доносить до слушателей смысл, реализуя тем самым коммуникативный характер вокального исполнительства.

Вокальное произведение имеет две составляющие: нотный текст, сочиненный композитором, и художественный текст, написанный поэтом или либреттистом, и «главная задача музыки – расположить душу к восприятию стихов, стараться вызвать в слушателях те чувства, которые выражены поэтом, придать с помощью музыкальных средств бóльшую силу и бóльшую энергию каждому слову» [1, с. 119]. Таким образом, центральной проблемой интерпретации является умение вокалиста истолковывать поэтический текст и правильно доносить до зрителя эмоционально-художественный образ, в нем заложенный. Философской и методической основой такого истолкования может служить герменевтика.

Появившись на заре развития цивилизации как метод интерпретации текста, термин герменевтика стал употребляться в философском смысле в работах Ф. Шлейермахера. Он превратил ее в учение об искусстве понимания, главной задачей которого является разработка правил интерпретации, позволяющих избегать ошибок в понимании смысла. Ученый выявил принципиальное различие между нестрогой и строгой практикой интерпретации. Нестрогая практика была характерна для доромантических эпох (Ренессанс, Барокко, Классицизм) и подразумевала, что «понимание возникает само собой» и необходим только поиск «темных мест» текста.

Действительно, для барочных музыкальных текстов, например, была характерна «старинная текстуальная стратегия» [4, с. 14] – музыкальный текст характеризовался значительной условностью и свободой. Это же относилось и к художественному тексту, смысл которого передавался в соответствии с парадигмой той эпохи, и слушатели, как и вокалисты хорошо понимали произведение в рамках существовавших традиций.

Такому подходу противопоставлялась «…строгая практика интерпретации, поскольку “само по себе возникает как раз непонимание”, тогда как понимание требует особого усилия. Работа герменевтики начинается поэтому не с трудностей в обнаружении смысла, а с продумывания методов, посредством которых смысл может быть понят. Искусство понимания заключается в умении реконструировать чужую речь. Герменевт должен быть в состоянии воссоздать из отдельных частей целостность речи, зафиксированной в том или ином тексте. Он должен понять автора лучше, чем самого себя» [2, с. 20].

Данное утверждение справедливо для современной вокальной интерпретации произведений различных эпох, особенно при исполнении оперных произведений, в которых целостный образ конкретных персонажей складывается из набора отдельных арий, каватин, дуэтов и т. д., а либретто отражает драматическую линию произведения.

Средой герменевтического опыта является язык. «Язык – это универсальная среда, в которой осуществляется само понимание. Способом этого осуществления является истолкование», **– писал Х.Г. Гадамер уже в XX веке.** Язык рассматривался исследователем как особая реальность, внутри которой человек понимает другого человека и также понимает мир [2, с. 20]. Также и слушатели должны хорошо понимать вокалиста, поющего со сцены, вникать в жизненные ситуации, разворачивающиеся в спектакле или показанные в арии или песне, а для этого нужно без труда улавливать слова, образующие фразы и поток вокальной речи в целом.

Однако при работе с произведениями зарубежных авторов возникают серьезные проблемы владения иностранным языком, связанные не только с вокальной дикцией, но и с неточным или неправильным переводом поэтического текста, а также неадекватным подстрочным переводом, что приводит к такому же хара́ктерному искажению вокалистом художественного образа, закодированного авторами.

Например, широко известная неаполитанская песня La Spagnola (Испанка) композитора Винченцо ди Кьяра на русском языке называется Испанское болеро (танец на ¾), хотя само произведение имеет размер 2/4, со следующим адаптированным текстом Н. Стрешнева:

Гордая прелесть осанки,
Страстная нега очей...
Всё это есть у испанки,
Дочери южных ночей.

Ах! Жду тебя я, о, моя дорогая,
Ах! прерви же свой сладкий сон,
Выйди, милая, на балкон!

Содержания текста рисует образ страстной, но гордой синьориты, которой возлюбленный под балконом поет серенады. Дословный же перевод передает совершенно другой образ также, как и игривые триольки в аккомпанементе:

Из Испании я красавица,
Королева я любви.
Все мне говорят, звезда
живого великолепия.
В крепких объятиях
В восторге любви!
Испанка умеет любить, потому
Уста к устам днём и ночью.

Таким образом, певцу необходимо исполнять арию или песню на языке оригинала, точно, дословно и наизусть знать перевод текста, а кроме того, передавать те эмоции, которые он выражает. Однако при исполнении «неживой музыки» эмоциональный спектр находится в той или иной степени в области домысливания. Здесь как раз и проявляется «… индивидуальный подход к исполняемой музыке, активное к ней отношение, наличие у интерпретатора собственной творческой концепции воплощения авторского замысла» [3, с. 214].

Так, например, небольшой текст старинной итальянской арии Джузеппе Джордано Caro mio ben (Дорогое мое сокровище) дает вокалисту широкие возможности для собственного видения взаимоотношений между влюбленными и ситуации, в которой они оказались.

Caro mio ben, credimi almen,
Senza di te languisce il cor.
La tua fedel sospira ognor
Cessa crudel, tanto rigor.

Ария содержит основной аффект (аффект любви) и побочный (аффект гнева), соподчиненный основному аффекту. Сначала идет обращение к объекту любви «Дорогое мое сокровище», затем просьба «поверь мне все же». Во второй строчке выражается чувство любовного томления

«без тебя томится сердце». Во второй части арии происходит нарастание негативных чувств «твоя верная всегда вздыхает» и призыв «прекрати жестокость», и опять выражение крайних эмоций «много ярости».

Однако данные эмоции могут быть разными по характеру и силе: обращение и просьба могут быть томными, нежными, страстными, настойчивыми, выражение чувств более или менее смиренным или гневным и т. п. Это уже относится к подтекстовому уровню истолкования текста, который зависит от субъективного восприятия самого вокалиста. Следовательно, целью перевода текста вокальной партии является знание его точного содержания для адекватной передачи художественно-эмоционального образа, заложенного в структуре, лексико-смысловом составе литературного текста, его эмоциональном подтексте.

Для правильного перевода необходимо помнить, что в художественном тексте используются слова, относящиеся к книжной, поэтической, стилистически возвышенной лексике, устаревшие слова, сам текст не имеет четкой структуры: в нем может до неузнаваемости измениться порядок слов в предложении, нарушиться связь между служебными и смысловыми словами.

Работать над переводом можно в следующей последовательности:

1. Выписать текст вокальной партии отдельно.

2. Разделить текст на отдельные предложения или фразы по знакам препинания с учетом музыкальной структуры партии.

3. Определить, к каким частям речи относятся слова во фразе, взаимосвязь между ними как членами предложения.

4. Понять, в каком роде и числе стоят подлежащее и дополнение и определяющие их прилагательные или причастия, определить грамматическую форму, лицо и число глагола-сказуемого, чтобы понять время и характер действия.

5. Перевести незнакомые выразительные и изобразительные слова, выбирая значение, необходимое по смыслу и стилистике.

6. Воссоздать полностью оригинальный перевод художественного текста, убедиться, что содержание полностью понятно.

В данном контексте показательна ария Ксеркса, с которой начинается одноименная опера Г.Ф. Генделя:

Ombra mai fu di vegetabile, cara ed amabile, soave più.

1. Ombra – тень, подлежащее, существительное ж.р., ед. ч.;

2. Cara ed amabile – дорогая и приветливая, определения к подлежащему, прилагательные, согласующиеся с ним;

3. Più soave – более сладостная, определение к подлежащему, прилагательное в сравнительной степени;

4. Di vegetabile – дерева (р.п.) – определение к подлежащему, выраженное существительным;

5. Fu – была, глагол-сказуемое, 3 лицо, ед. ч., Passato Remoto;

6. Mai – никогда, наречие.

Итак, при правильной расстановке слов мы получаем фразу следующего содержания для понимания смысла: «Тень дерева, дорогая и приветливая, никогда не была более сладостной». Но поем эту арию так:

«Тень никогда не была дерева дорогая и приветливая, более сладостной».

Таким образом, одним из важнейших аспектов современной вокальной интерпретации произведений зарубежных школ является работа с художественным текстом. Проблемы, связанные с его достоверностью можно решить только при его правильной расшифровке, а это возможно при адекватном и грамотном переводе.

Литература

1. *Альгаротти Ф.* Очерк об опере /Ф. Альгаротти // Музыкальная эстетика Западной Европы XVII – XVIII веков: Сб. статей / сост. И общая вступительная статья В. П. Шестакова. – М.: 1971. – С. 118-132.
2. Герменевтика как наука о понимании и интерпретации текста. В. Дильтей, Г.-Г. Гадамер о герменевтике как «органоне наук о духе». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.Lektsia.com. (Дата обращения 25.07.2019)
3. Музыка. Большой энциклопедический словарь / гл. редактор Г. В. Келдыш. – М.: Научное издательство «Большая Российская Энциклопедия», 1998. – 671с.
4. *Мятиева Н.А.* Исполнительская интерпретация музыки второй половины XX век: вопросы теории и практики: автореферат дис. …кандидата искусствоведения: 17.00.02. – Магнитогорск, 2010. – 26 с.
5. *Симонова Э.Р.* Искусство арии в итальянском оперном барокко (от канцонетты к арии da capo): Диссертация кандидата искусствоведения: 17.00. 02 – М.: 1997. – 328 с.
6. *Штильман А.* Мысли об исполнительстве // Музыкальная академия. 2007. № 4. С. 98–102.

Л.Н. Уткина

кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков,
доцент кафедры «Лингводидактика и
межкультурная коммуникация» ИИЯСКУ
Московского государственного
психолого-педагогического университета
Москва (Россия)
E-mail: loraut@mail.ru

Е.А. Соколова

студентка 3 курса бакалавриата ИИЯСКУ МГППУ
Москва (Россия)
E-mail: dk.1999@yandex.ru

М.В. Калугина

студентка 3 курса бакалавриата ИИЯСКУ МГППУ
Москва (Россия)
E-mail: Marina.kalugina9900@gmail.com

М.О. Петрова

студентка 3 курса бакалавриата ИИЯСКУ МГППУ
Москва (Россия)
E-mail: marina.petrova20208@gmail.com

А.О. Сироткина

студентка 2 курса бакалавриата ИИЯСКУ МГППУ
Москва (Россия)
E-mail: sao@molodoymir.ru

Ценностные ориентации современных студентов педагогического и психологического направлений подготовки

Аннотация. В статье рассматривается важность концепта ценностных ориентаций для общества и человека. Представлен опросник из 28 вопросов для выявления ценностей студентов вуза психолого-педагогического направления. Даны результаты анализа ответов 137 человек с выявлением приоритетов.

Ключевые слова: ценности студентов психологов и педагогов, опросник, результаты опроса, осознание приоритетов.

Larisa N. Utkina
PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages of Moscow State University of Psychology and Education Moscow (Russia)
E-mail: loraut@mail.ru

Ekaterina A. Sokolova
3d year bachelor student of Moscow State University of Psychology and Education Moscow (Russia)
E-mail: dk.1999@yandex.ru

Mariya V. Kalugina
3d year bachelor student of Moscow State University of Psychology and Education Moscow (Russia)
E-mail: Marina.kalugina9900@gmail.com

Marina O. Petrova
3d year bachelor student of Moscow State University of Psychology and Education Moscow (Russia)
E-mail: marina.petrova20208@gmail.com

Anna O. Sirotkina
2nd year bachelor student of Moscow State University of Psychology and Education Moscow (Russia)
E-mail: sao@molodoymir.ru

Value orientations of modern students of pedagogical and psychological training directions

Abstract. The article considers the importance of the values concept for society and personality. The questionnaire of 28 questions is presented for finding out the values of psychology and education students. The poll results of 137 students' answers are given with priorities description.

Keywords: values of psychology and education students, a questionnaire, poll results, the understanding of priorities

Аксиологическое пространство русской культуры оказывает несомненное влияние на всех жителей Российской Федерации, на их личностные жизненные ценности. Влияние это, конечно, опосредованное, но оно обязательно присутствует в аксиологическом пространстве каждого гражданина России. Ценностные ориентации не остаются неизменными на протяжении веков в любой культуре, а также в жизни каждого индивида. Тем не менее, они играют огромную роль в жизни всего общества и отдельного человека. На российской земле, например, всегда непреложными ценностями являлись настоящая дружба, взаимная поддержка и доверие, товарищеская надежность. В связи с большим влиянием ценностных ориентиров на общественную и личную жизнь, интерес к изучению ценностей проявляют разные науки: философия, социология, психология. Жизненные ценности – это цели и приоритеты человека, определяющие его сущность и стремления. Существует очень много классификаций ценностных ориентаций, построенных на разных основаниях.

Например, Хокинс и др. [4] по критерию направленности выделяют 3 группы культурных ценностей: 1) ценности, ориентированные на другого (other-oriented values), которые отражают взгляды общества на уместные отношения индивидуумов и групп в обществе, т.е. взгляды общества на отношения между индивидами; 2) ценности, ориентированные на среду (environment-oriented values), которые предписывают отношение общества к его экономической, технической, физической среде, т.е. взгляды общества на взаимоотношения с окружающей средой; 3) ценности, ориентированные на себя (self-oriented values), т.е. цели/подходы к жизни, которые общество считает желательными. Данная классификация разработана для усовершенствования анализа поведения потребителей, чтобы правильно строить маркетинговые стратегии.

М.А. Макаревич, описывая структуру ценностных ориентаций, выделяет: *требования* (пожелания), чтобы нечто осуществилось; *оценку* явлений и людей с точки зрения моральных, политических, экономических, эстетических критериев; *цели* – то, к чему нужно стремиться; *средства*, при помощи которых можно достичь желаемого. Он справедливо замечает, что ценности иерархичны и самой большой ценностью обладает то, потребность в чем труднее всего удовлетворить [2].

Подробный анализ психологических воззрений на природу ценностных ориентаций личности приводится в статье Абдуллина А.Г. и др. [1]. Проблема ценностей в социологии является предметом диссертационного исследования В.А. Спиридоновой [3].

Как мы видим, классификаций жизненных ценностей существует много и составлены они как философами, так и социологами и психологами. Тем не менее, в глобальном смысле ценности можно разделить на эгоистические и альтруистические. Оба варианта абсолютно естественны и нормальны, но только при правильном их соотношении человеку удаётся комфортно существовать в обществе. Ценности закладываются семьёй и окружением, но меняются на протяжении всей жизни по мере роста и развития человека.

Многие ученые разных областей разрабатывали тесты и опросники, чтобы лучше понять существующие в данный момент общественные и личные ценности (Рокич М., Райан Р.М. и Диси Э.Л., Сопов В.Ф. и Карпушина Л.В. и др.). На основе анализа разнообразных опросников и тестов студенты-авторы данной работы составили собственный опросник (так как они сами являются студентами педагогического направления, они постарались обосновывать свой выбор тем и вопросов личностными предпочтениями). Полученный опросник содержит 28 возможных ответов, которые предполагают разную степень согласия:

1. Для меня играет важную роль саморазвитие.
2. Я предпочитаю заниматься только тем, что доставляет удовольствие.
3. Я преданный друг.
4. Если я чего-то хочу, я этого добьюсь.
5. По моему мнению, надо уметь понимать всех, даже если ты не поддерживаешь их точку зрения на что-либо.
6. Я люблю рисковать, мне нравятся приключения.
7. Я скромный, не хочу привлекать к себе внимание.
8. Я берегу природу.
9. Я люблю власть, мне нравится, когда мне подчиняются.
10. Я уважаю родителей и старших.
11. Если я берусь за дело, то всегда достигаю успеха.
12. Мне нравится узнавать что-то новое.
13. Для меня важно ни при каких обстоятельствах не потерять лицо.
14. Я всегда стараюсь говорить правду.
15. Я умею наслаждаться жизнью.
16. Я ответственный человек, на меня можно положиться.
17. Я стараюсь выглядеть опрятно и аккуратно.
18. Я всё делаю сам(а), надеюсь только на себя.

19. Я стараюсь не нарушать установленные порядки и правила.

20. Я стараюсь избегать крайностей в своих чувствах.

21. Я не держу обиды на других людей, умею прощать.

22. Я с трепетом отношусь к своим намерениям, продумываю каждый шаг.

23. Здоровье для меня очень ценно, я стараюсь беречь себя.

24. Мои действия не бывают безуспешными, я нахожу выход из любой ситуации.

25. Принимая решения, я всегда стараюсь взвесить все «за» и «против».

26. Моя задача – делать жизнь других лучше.

27. Я придерживаюсь религиозных убеждений.

28. Я стараюсь, чтобы моё время и способности были использованы максимально продуктивно.

Как мы подчеркнули ранее, этот перечень достаточно субъективен, так как отбор осуществлен по личным ощущениям и предпочтениям.

Данный опросник был предложен студентам двух направлений – педагогического и психологического Московского государственного психолого-педагогического университета. При ответе на вопросы они выбирали из 5 возможных вариантов ответа: 1. Полностью согласен (а); 2. Согласен (б); 3. В какой-то мере согласен (в); 4. Не согласен (г); 5. Полностью не согласен (д).

На вопросы было получено 137 ответов. В результате анализа ответов получились следующие результаты.

1 вопрос – (а) – 84; (б) – 33; (в) – 18; (г) – 0; (д) – 2. Большинство студентов уверенно делают саморазвитие своим приоритетом.

2 вопрос – (а) – 32; (б) – 59; (в) – 40; (г) – 6; (д) – 0. Большинство уверенно выбирают удовольствие, что, с одной стороны, радует, но всё-таки в большой степени заставляет задуматься, в том числе и над методиками, используемыми в обучении.

3 вопрос – (а) – 63; (б) – 55; (в) – 17; (г) – 2; (д) – 0. Интересен сам выбор данного вопроса: это не важность дружбы, как таковой, не какие-то качества друга, а оценивание самого себя в качестве друга. С одной стороны, это говорит о высокой самооценке, а с другой, о большом желании быть настоящим другом (а, значит, не в полной уверенности, что ты таковым являешься).

4 вопрос – (а) – 39; (б) – 49; (в) – 42; (г) – 6; (д) – 1. Студенты сейчас часто говорят, что они предпочитают делать (и часто делают) только то,

что им нравится, чего они хотят. Это ослабляет чувство ответственности и долга, но очень укрепляет волю при наличии такого большого желания и помогает добиваться желаемого.

5 вопрос – (а) – 49; (б) – 50; (в) – 31; (г) – 4; (д) – 3. Данный вопрос связан с толерантностью, которая чрезвычайно необходима в современном сложном мире, поэтому очень отрадно, что большинство студентов выбирают терпимость, хотя есть и достаточно большое число тех, кто пока сомневается в своем желании или возможности быть толерантным.

6 вопрос – (а) – 31; (б) – 40; (в) – 47; (г) – 17; (д) – 2. Больше половины опрошенных имеют склонность к риску и приключениям, что естественно в молодом возрасте, однако многие выражают осторожность в данном вопросе, а часть (17) с этим даже не согласна.

7 вопрос – (а) – 13; (б) – 23; (в) – 46; (г) – 38; (д) – 17. Эти ответы достаточно сложно проинтерпретировать, хотя большее количество студентов не считают себя скромными, им нравится привлекать к себе внимание (трудность в том, как оценить ответ 46 человек, которые в какой-то мере относят себя к скромным людям).

8 вопрос – (а) – 29; (б) – 65; (в) – 35; (г) – 7; (д) – 1. По ответам видно, что студенты берегут природу, стремятся это делать, осознают необходимость этого. Проведя таким образом анализ каждого из 28 вопросов, приводим далее некоторые заключения по ценностным ориентациям современных студентов двух указанных специальностей.

Результаты анализа всех остальных вопросов, которые очень разнообразны по тематике, жизненным сферам, принадлежности к ценностям-целям и ценностям-средствам, помогают сделать следующие частичные, не очень валидные (так как в связи с только что сказанным трудно было подобрать четкую и логичную методику анализа) ВЫВОДЫ.

Сами студенты отобрали такие вопросы и таким образом их сформулировали, что с большинством вопросов студенты-участники согласились (18 из 28) полностью или частично. Вопросы, с которыми многие студенты не согласны – это вопросы 9, 19, 20, 22, 23, 25, 26, 27.

Таким образом, они не стремятся к власти и не хотят никого подчинять; у них есть склонность не соблюдать правила и порядки (согласуется со стремлением к риску и приключениям); они обладают сильными чувствами и не пытаются уменьшить риск при их крайнем проявлении; они пока не очень рациональны (свойство молодости, которое проходит); не сильно озабочены здоровьем (тоже связано с молодостью, хотя сейчас у многих молодых слабое здоровье); они в меру эгоистичны и совсем не религиозны.

Объем данной статьи не позволил более подробно описать отдельные ценности, выбранные студентами педагогического и психологического направлений подготовки. Чтобы понять направление движения ценностных ориентаций современных студентов вузов, нужно проводить дополнительные серьезные исследования как психологического, так и социологического характера.

Литература

1. *Абдуллин А.Г., Абдуллина Д.Р., Иоголевич Н.И.* Психологическая природа ценностных ориентаций личности / Збірник наукових праць «Дороги І мости». Випуск 14. Киев, ДП «ДерждорНДІ». 2014. С. 8–13.
2. *Макаревич, М.А.* Ценность // Энциклопедический социологический словарь / Под ред. Г.В. Осипова. М. : Изд-во ИСПИ РАН, 1995. С. 871–872.
3. *Спиридонова В.А.* Проблема ценностей в социологии. Дисс. канд. социолог. наук (22.00.01). СПб., 2004.
4. Consumer Behavior: Building Marketing Strategy/Hawkins Del. I, Best Roger J., Coney Kenneth A. McGraw-Hill Irwin, 2004. 790 p.

А.В. Орлова
аспирант филологического факультета
МГУ им. М. В. Ломоносова,
преподаватель кафедры лингвистики
Московского государственного института культуры
Москва (Россия)
E-mail: antonina-orlova2607@yandex.ru

Слова со значением ‘клятва’ в древнерусском языке: к вопросу об исконной семантике слов *рота*, *ротитися*

Аннотация. В статье поднимается вопрос об исконной семантике слов *рота*, *ротитися* у славян. Рассмотрены различные точки зрения на происхождение этих слов (А.Г. Преображенский, М. Фасмер, О.Н. Трубачев, А. Брюкнер, К. Мошинский, В. Махек). Найдены новые примеры, которые доказывают, что в древнейших переводах внутренняя форма слов могла осознаваться носителями языка, однако судить об этом можно только на материале переводных памятников при обращении к греческим соответствиям. Данные примеры показывают, что наиболее убедительной является этимология, предложенная О.Н. Трубачевым: *rota* – причастие, образованное с помощью суффикса *-ta* от упрощенного **ro(k)ta*: **re(k)ti*, собственно – ‘произнесенное, изреченное’ (ср. ст.-слав. *решти*, рус. *речь*).

Ключевые слова: древнерусский язык, слова *рота, ротитися*, семантика, внутренняя форма слова, обряды принесения клятв.

Antonina V. Orlova
Graduate Student of the Philological Faculty of
Moscow State University,
Lecturer of the Department of Linguistics of
Moscow State Institute of Culture
Moscow (Russia)
E-mail: antonina-orlova2607@yandex.ru

The words with the meaning ‘oath’ in the Old Russian language: to the issue of original semantics of the words *рота*, *ротитися*

Abstract. The article raises the question about the original semantics of words *рота, ротитися* among the Slavs. Various points of view on the origin of these words have been considered (A.G. Preobrazhensky, M. Vasmer, O.N. Trubachyov, A. Brückner, K. Moshinsky, V. Machek). New examples have been found that prove that in ancient translations the inner form of words could be realized by native speakers, but this can be judged only by the material of translated monuments by referring to the Greek correspondences. These examples demonstrate that the most convincing etymology is the version proposed by O.N. Trubachev: *рота* – the participle formed by the suffix *-ta* from the simplified **ro(k)ta : *re(k)ti*, actually – ‘pronounced, spoken’ (cf. Old.-Slav. *решти*, Rus. *речь*.)

Keywords: Old Russian language, words *рота, ротитися,* semantics, the inner form of a word, oath rituals.

В древнерусских памятниках представлено большое количество слов со значением ‘клятва’: *клѧтва, рота, присѧга*, а также отмечается устойчивое выражение *крьстьное цѣлование* / *цѣлование крьста.* Внутренняя форма каждого из них отсылает к тому или иному древнему обряду. Так, например, слово *клѧтва* соотносится с глаголом *клонить* < **kloniti*. Это объясняется тем, что «славянин во время клятвы склонялся до земли, касаясь ее рукой» [7, с. 38], что связано с культом почитания Матери – сырой земли. Слово *присѧга* восходит к глаголу **sęgati* ‘доставать, хватать, касаться’ (ср.: рус. *посягать, осязать, сажень, шаг* и др.). Общий смысл корня **sęg-* – ‘прикосновение рукой’ [Там же]. Как пишет А.К. Шапошников, «смысловое развитие слова шло от древнего языческого обычая для подкрепления клятвы или договора прикасаться рукой земли как гаранта нерушимости обещаний» [9, с. 221]. В выражении *крьстьное цѣлование* / *цѣлование крьста* отражен христианский обряд целования креста (или прикосновения к нему) во время принесения клятвы.

При этом исконная семантика слова *рота* и однокоренного ему глагола *ротитисѧ* вызывает немало споров.

А.Г. Преображенский возводит слово *рота* к праславянскому **u̯rota* и соотносит с слав. *врать, враки, врач,* словен. *rotiti* ‘заклинать’, серб. *ро̀та* ‘клятва’, *ро̑тити се*, *ро̀ти̑м се* ‘божиться’, *ро̏тан* ‘клятвопреступный’, чеш. *rotiti* ‘проклинать’, польск. *rota* ‘присяжный лист’, в.-луж. *roćić so*, а также с сскр. *vratám* ‘воля, приказ, закон, обет’, гр. ῥῆμα ‘слово’, ῥήτορ ‘оратор’, εἴρω ‘говорю’, лат. *verbum* ‘слово’ и др. [1, с. 217] Подобной точки зрения придерживается и М. Фасмер [8, с. 507]. Одна-

ко О. Н. Трубачев оспаривает предположение об утрате *u̯* в слав. **u̯rota* «как схоластическое, не учитывающее фонетических особенностей славянского, который не знал органического выпадения *u̯* перед *r* в начале слова» [6, с. 601] и указывает, что слав. *rota* – причастие, образованное с помощью суффикса *-ta* от упрощенного **ro(k)ta*: **re(k)ti*, собственно – ‘произнесенное, изреченное’ (ср. ст.-слав. решти, рус. *речь*) [Там же; 7, с. 38]. От *rota*, в свою очередь, образуется глагол *rotiti (sę)*. Кроме того, О. Н. Трубачев предполагает, что «женский род слав. *rota* (ср. польск. *rota* и др.) – результат позднего аналогического выравнивания по женским α-основам. Первоначально это могла быть форма именительно-винительного падежа множественного числа с р е д н е г о рода: *rok-ta, ср. ст.-слав. πεченная, греч. τα εί ρημένα, что лучше объясняет самостоятельность употребления слав. *rota* (*rokta)» [6, с. 602]. Гипотезу А. Брюкнера о сближении *rota* с **rъtъ*, рус. *рот* Трубачев считает маловероятной [Там же, с. 601].

В то же время Казимир Мошинский в работе «Pierwotny zasiąg języka prasłowiańskiego» (1957) высказывает предположение, что слово *рота* является иранским заимствованием [8, с. 507]. Однако В.Н. Топоров в рецензии на данное исследование называет это суждение «явно ошибочным» [5, с. 122], придерживаясь этимологии, предложенной О.Н. Трубачевым [Там же, с. 91–93]. В. Махек пытается связать происхождение *rota* с авестийским *aša* ‘правда’. При этом, как и другие исследователи, он соотносит смысл слова *rota* с идеей речевого акта. В. Махек указывает, что оно использовалось в судебной практике как *устное* заверение своей правоты, в отличие от сходного по значению *přísaha,* которое могло использоваться вне судебных разбирательств, однако сопровождалось прикосновением к определенному предмету [12, с. 518]. При этом глагол «**rotiti (sę)*, как и *klęti (sę)*, может иметь значение ‘ругать, проклинать’ (ср. рус. орл., влг. *ротить* ‘ругать, бранить, проклинать’ и др.)» [4, с. 275].

Анализ данных точек зрения приводит нас к мысли, что, по всей видимости, словами с корнем *-рот-* могли описываться обряды, связанные с клятвой, присягой, при этом, с большой долей вероятности, сопровождаемые речевым актом. Так, например, начало русско-византийского договора князя Святослава с греками, заключенного в 971 г.: «*В лѣ(т) 6479 азъ ст҃ославъ кн҃зь ру(с)кыи. яко(ж) клѧхсѧ и оутвѣржаю на свѣщании семъ роту свою. хочю имѣти миръ и свѣршену любовь съ вс҃кымъ и великымъ цр(с)мь*». (Лавр. лет. 1377 (971), 22 об.) [2, с. 457]

примечательно тем, что после лексемы *рота* следует вербальное разъяснение ее содержания. В фрагменте договора князя Игоря с греками 945 г.: «*кнѧзю игореви ру(с)кому и к людемъ его. и ти приимающе харотью на роту идуть. хранити истину. якоже мы свѣщахо(м) написахомъ на харотью сию. на неиже*» (Лавр. лет. 1377 (945), 13 об.) [Там же, с. 458] также прослеживается связь данного слова с речевым актом. *Рота* здесь связана с сохранением, заверением исполнения истины, которая получена в результате переговоров, зафиксированных письменно на харатье. Нельзя исключить возможность вербального сопровождения и в следующем фрагменте: «*Глѣбу гл҃юще... хощемъ с тобою порѧдъ положити. w всемъ. и оутвердитисѧ межи собою. и внидемъ в роту а ты к намъ. да ни вы начнете боятисѧ насъ ни мы васъ. слышавъ же кнѧзь Глѣбъ рѣчь кнѧзии Половецьскы въсхотѣ к нимъ ити на роту*» (Лавр. лет. 1377 (Сузд. лет., 1169), 120–120 об.) [Там же, с. 457]. Из контекста видно, что *роту* предваряют продолжительные переговоры (*хощемъ положити*, *оутвердитисѧ*, *слышавъ*).

Однако нельзя исключать, что в данных фрагментах внутренняя форма слова *рота* могла и не осознаваться носителями языка, так как вербализация в равной степени характерна и для употреблений со словом *клѧтва*: «*онъ же съ клятвою извѣщася. яко и еще свѣтѣ затвореномъ соущемъ воротомъ и w(т)толѣ нѣсмь ихъ w(т)врьзалъ*» ((Жит. Феод. Печ.) Усп. сб. XII, 45) [Там же, с. 229]; «*wнъ же не имѣя что дати. съ клѧтвою извѣстовавъше. не вѣдати б҃лмаго къ немоу*» (СбТр к. XIV, 196) [Там же] и под.

Более показательными в этом вопросе являются найденные нами примеры из переводных памятников, имеющих твердо установленные греческие оригиналы. Так, в фрагменте из «Александрии»: «*Аще ли от Пръсъ кто есть* [убивший Дария], *да ся не устрашаеть, клену бо ся* (ὄμνυμι) *горнимъ промысломъ и сп҃сниемъ м҃тре моея Алумпиады, яко сътворю их ч҃стны и гръды всѣмъ ч҃лкомъ. И тако ротившюся* (οὕτως εἰπόντος) *Александру, множество все прослезися*» (Александрия, 71. XV в. ~ XII в.) [3, с. 221–222] – глаголу *клену ся* соответствует греческое ὄμνυμι ‘клясться’ [11, с. 1223], а причастию *ротившюся* – εἰπόντος (от глагола λέγω ‘говорить’ [Там же, с. 1033]). В первой части фразы представлена клятва Александра, во второй – указание на *сказанное*, на сам речевой акт. Свидетельством того, что внутренняя форма слов *рота, ротитисѧ* могла еще осознаваться, является и следующий контекст: «Дѣлеса дияволя суть прѣлюбодэиство, блужение, *нечистота,*

зависть, убииства, рети, пьря, лицемѣрства, обажения, роты, хуления, вълъшество (*в греч. иначе*: εἰρωνεῖαι ‘насмешки’). ((Сл. Ио. Дамаскина) Усп. сб., 303. XII–XIII вв.) [Там же, с. 220]. Греческое существительное εἰρωνεία, являющееся соответствием слову *рота*, образовано от εἴρων ‘притворщик, хитрец’, которое связано с εἴρομαι ‘спрашивать, говорить’ [10, с. 326]. Можно предположить, что словом *рота* переводчик пытался передать внутреннюю форму греческого существительного.

Таким образом, несмотря на то, что существуют различные точки зрения на происхождение слов *рота, ротитисѧ*, в каждой из них предполагается связь с семантикой слова, речи (возможно, обещания). При этом этимология, предложенная О.Н. Трубачевым, представляется наиболее убедительной. Однако судить о том, могли ли носители языка осознавать исконный смысл слова *рота* на основании изучения только оригинальных древнерусских источников достаточно трудно, так как вербализация в равной степени характерна и для употреблений со словом *клѧтва.* Однако на материале переводных текстов при обращении к греческим соответствиям это представляется вполне возможным: найденные нами примеры действительно показывают, что славянские переводчики могли осознавать внутреннюю форму слов *рота, ротитисѧ*.

Литература

1. *Преображенский А.Г.* Этимологический словарь русского языка. Т. 2. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Совко. 1914. 420 с.
2. Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.) / Гл. ред. Р.И. Аванесов. Т. 4. АН СССР. Ин-т рус. яз., 1991. 559 с.
3. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 22 / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – М.: Наука, 1997. 288 с.
4. *Толстая С.М.* Из лексики древнего славянского права: *klętva, *rota, *prisęga, *věra / С.М. Толстая // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Екатеринбург, 2015.
5. *Топоров В.Н.* Slovenica // Вопросы славянского языкознания / отв. ред. С.Б. Бернштейн. Вып. 4. М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. С. 90–99.
6. *Трубачев О.Н.* Славянские этимологии 8–9 // Трубачев О.Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 599–602.

7. *Трубачев О.Н.* Этимологический словарь славянских языков. Вып. 10. М.: Наука, 1983. 198 с.
8. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 3 /пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. Т. 3. М.: Прогресс, 1987. 832 с.
9. *Шапошников А.К.* Этимологический словарь современного русского языка. Т. 2. М: Флинта: Наука, 2010. 576 с.
10. *Chantraine P.* Dictionnaire étymologique grec. Histoire des mots. Paris: Editions Klincksieck, 1968–1980. 1368 p.
11. *Liddell, G., Scott, R*. A Greek-English Lexicon. Oxford, 1940.
12. *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého a slovenského / V. Machek. Praha: Československá Akad. Věd. 1957. 627 с.

А.Х. Барашев
соискатель ученой степени кандидата филологических наук,
преподаватель МГУ имени М.В. Ломоносова
Москва (Россия)
E-mail: andreybarashev@mail.ru

Экспрессивное словообразование как черта языковой личности (на материале писем А.П. Чехова)

Аннотация. В статье рассмотрены средства экспрессивного словообразования, которые использует А.П. Чехов в своих письмах. Отмечается, что писатель применяет и узуальные, и окказиональные экспрессивные словообразовательные элементы, в том числе диминутивы, аугментативы, сравнительные имена прилагательные, сравнительные наречия и др. В моменты наибольшего напряжения мыслей и чувств экспрессивные словообразовательные элементы используются писателем более интенсивно. Языковая личность А.П. Чехова, благодаря средствам словообразования, раскрывается перед адресатом письма и перед современным читателем как неординарная, творческая, стремящаяся к точному и детальному изображению собственных чувств и к прочному эмоциональному контакту с собеседником.

Ключевые слова: экспрессивный, словообразование, диминутив, аугментатив, языковая личность, Чехов, письма.

Andrey H. Barashev
Lecturer of Moscow State University
Moscow (Russia)
E-mail: andreybarashev@mail.ru

Expressive derivation as a feature of a language personality (on the material of A.P. Chekhov’s letters)

Abstract. The article describes the means of expressive word-formation, which are used by A.P. Chekhov in his letters. It is noted that the writer applies both usual and occasional expressive word-formation elements, including diminutives, augmentations, comparative adjectives, comparative adverbs, etc. The language personality of A.P. Chekhov, thanks to the means of word-formation, is revealed to the

addressee of the letter and to the modern reader as an extraordinary, creative, striving for an accurate and detailed depiction of his own feelings and for a strong emotional contact with the interlocutor.

Keywords: expressive, word formation, diminutive, augmentative, language personality, Chekhov, letters.

Экспрессивность – важнейшая составляющая речи. Т.В. Жеребило определяет экспрессию в языке как «выразительность языковых единиц в тексте; силу проявления описываемых автором эмоций, мыслей» [3, с. 465]. В исследование языковой экспрессивности большой вклад внесли В.И. Шаховский [8], В.Н. Телия [7] и другие учёные. Экспрессивность может достигаться различными способами – использованием экспрессивной лексики, образно-выразительных средств, эспрессивного синтаксиса, экспрессивного словообразования и др. Функцией экспрессивного словообразования является воздействие на читателя, на его сознание и эмоциональное состояние. Экспрессивность тесно связана с оценочностью и предполагает оценку автором того или иного объекта (человека, явления, действия, происшествия и т. п.), которая посредством экспрессивного языкового элемента транслируется адресату речи, то есть читателю письма.

Нашей целью стало выявление узуальных и окказиональных словообразовательных элементов, играющих роль экспрессивных средств в языке писем А.П. Чехова.

Экспрессивное словообразование может быть окказиональным (авторским) и узуальным (языковым). В первом случае автор создаёт новое слово по какой-то словообразовательной модели сам, во втором он использует «изобразительно-выразительные средства языка, связанные со стилистическими ресурсами словообразования» [5, с. 43], творчески пользуется материалом, уже имеющимся в языке. Окказиональное словообразование является экспрессивным по самой своей сути, так как автор прибегает к созданию нового слова с целью поразить читателя, передать ему свои сильные чувства. Экспрессивные окказиональные слова создают различные авторы. Е.С. Степашкина описывает их использование в публицистике А.И. Солженицына, отмечая, что «с их помощью автор оценивает общественные и исторические реалии, передает свое отношение и видение действительности, подчеркивает ту или иную мысль, а также усиливает ее звучание» [6, с. 181]. Л.Б. Гацалова и Л.К. Парсиева

анализируют индивидуально-авторские слова в стихотворениях Б.Л. Пастернака [1]; Ю.А. Дьяченко рассматривает окказиональные фитонимы в тексте произведений курского писателя Е.И. Носова [2]. Анализ авторских словообразовательных средств особенно актуален в связи с антропоцентрической парадигмой современного языкознания, со стремлением лингвистов увидеть в тексте преломление языковой личности его автора. Для современных исследователей несомненно, что «черты языковой личности писателя определяют язык и стиль его произведений, выбор им как грамматических конструкций, так и лексики» [4, с. 166].

Среди словообразовательных средств экспрессии А.П. Чехова выделяются в первую очередь диминутивы и аугментативы. Писатель широко использует стилистические ресурсы узуального словообразования. Экспрессивные узуальные диминутивы мы видим в обращении в начале писем: *«Благородная* ***сестрица!»*** (М.П. Чеховой, 16 марта 1891 г.), а также в конце писем, где автор традиционно передаёт приветы знакомым: *«Поклон и* ***Иринушке»*** (М.Е. Чехову, 25 марта 1891 г.), «*Желаю Вам и Вашим* ***деткам*** *всего хорошего»* (В.А. Тихонову, 14 сентября 1891 г.). Хотя они являются узуальными и традиционно используются в непосредственном общении с близкими людьми, но в письмах А.П. Чехова они создают атмосферу доброго отношения к адресатам и другим людям, которые в данный момент находятся далеко от писателя и по которым он скучает.

В характеристике иной реальности А.П. Чехов, только что выехавший за границу России, использует в числе прочих языковых средств диминутив *молочничек*: *«Холодно, снег; кондукторы и лакеи говорят тоном Поссарта. Кофе подают в* ***молочничках****. Много жидов»* (М.П. Чеховой, 19 марта 1891 г.). С его помощью подчёркивается изменение масштаба в окружающих писателя реалиях, передаётся мысль о том, что за границей всё становится каким-то маленьким, ненастоящим, чужим, но при этом славным.

С помощью имён прилагательных с уменьшительно-ласкательными суффиксами автор описывает поразившие его в Вене средства передвижения: *«Пролеток нет, а всё* ***новенькие, хорошенькие*** *кареты в одну и чаще в две лошади»* (Чеховым, 20 марта 1891 г.). Диминутив-существительное передаёт восхищение А.П. Чехова красотой и миниатюрностью итальянских женщин: *«...Какая здесь скульптура, какие* ***итальяночки****, стоящие на коленях с молитвенниками!»* (Чеховым, 25 марта 1891 г.)

Встречаются в письмах А.П. Чехова и окказиональные диминутивы. Например: *«**Семашечка**, поговорите с Ликишей и напишите Иваненке. **Ликиша**, Вы всесильны, дайте Иваненке место!»* (М.П. Чеховой, 16 марта 1891 г.). *Семашечка* – диминутив от фамилии *Семашко* (виолончелист М.Р. Семашко – приятель писателя). Этот окказиональный диминутив встречается и в других письмах, что показывает регулярность его применения автором: *«**Семашечке** с супругою, Ленским, красивому Левитану и Кувшинниковым нижайший поклон»* (Чеховым, 25 марта 1891 г.). *Ликиша* – диминутив от имени *Лика* (подруга писателя Л.С. Мизинова). Этот оригинальный диминутив также регулярен у А.П. Чехова, в том числе в обращениях к самой Лидии Сергеевне: *«И зачем Вы пренебрегли письмом, которое написали мне утром? Ах, **Ликиша, Ликиша**!»* (Л.С. Мизиновой, 11 января 1891 г.).

Аугментативы могут стать инструментами гиперболизации, например, при описании внешности: *«Здешние люди внушают приезжему нечто вроде ужаса. Скуластые, лобастые, широкоплечие, с маленькими глазами, с громадными **кулачищами**»* (Чеховым, 29 апреля 1890 г.). Сочетание аугментатива *кулачище* с эпитетом *громадный* является в данном случае дополнительным средством гиперболизации. Писатель чаще всего использует аугментативы с суффиксом -*ищ*-. Если суффикс добавляется к имени существительному с негативной коннотацией, то значение порицания чего-либо увеличивается. Это может происходить и в самокритичных высказываниях автора: *«…По поводу **позорища** моего под названием “Качучи и чучи” <пьеса “Лучи и тучи”>…»* (В.А. Тихонову, 3 марта 1890 г.).

Для окказионального словообразования А.П. Чехова характерно использование глаголов. Например: *«По выставке **чичеронствовал** мне Григорович»* (М.П. Чеховой, 16 марта 1891 г.). Глагол *чичеронствовать* образован суффиксальным способом с помощью суффикса -*ствова*-, это глагол речи, обозначающий ‘объяснять, рассказывать’.

Конструирует автор и окказиональные имена прилагательные сравнительной семантики на -*подобный*, например, в описании Венеции: *«…Всё грациозно и легко, как **птицеподобная** гондола»* (Чеховым, 25 марта 1891 г.). Этот образ разъясняется автором в одном из следующих абзацев письма: *«…Вместо извозчиков вы видите гондольеров на их удивительных лодках, **легких, нежных, носатых птицах**…»*. Сравнительные имена прилагательные на -*подобный* позволяют автору дать ёмкую характеристику чему-либо, провести параллель и установить соответс-

твие между явлениями. Примеры: *«Когда я ехал, то видел в Сазонихе брошенные сани с товаром, а теперь и подавно творится нечто* ***хаосоподобное****»* (М.П. Чеховой, 8 марта 1893 г.). Конструируются автором и сравнительные прилагательные в другими суффиксоидами: *«…Наша московская Н.М. Медведева, простая,* ***купчихообразная****, напуганная жупелами, но милейшая старуха»* (А.С. Суворину, 10 апреля 1894 г.).

К средствам экспрессивного словообразования, передающим сравнительную семантику, у А.П. Чехова относятся также наречия с приставкой *по-*: *по-мужски, по-мещански, по-человечески, по-свински, по-европейски* и т. п. Большая их часть являются узуальными, но встречаются и примеры конструирования автором окказиональных сравнительных наречий: *«Целую всех, откидываю к печке, потом опять принимаю в свои объятия, благословляю* ***по-архиерейски*** *и желаю всего хорошего»* (Чеховым, 28 мая 1890 г.). В любом случае данные наречия являются яркими средствами характеристики явлений, часто отрицательной: *«Другой рассказ безграмотен, сделан* ***по-бабьи*** *и аляповато, но есть фабула и некоторый перец»* (А.С. Суворину, 30 ноября 1891 г.).

В письмах А.П. Чехова элементы экспрессивного словообразования иногда играют особенно важную роль. В этом случае происходит их концентрация и использование нескольких языковых элементов данного типа в пределах одного фрагмента текста. Например: *«Милый мой, да ведь нужно же долги платить! Нужно во что бы то ни стало, хотя бы* ***армяшкам****, хотя ценою* ***голодухи****…»* (Ал. П. Чехову, 6 апреля 1886 г.). Для писателя здесь важно как можно убедительнее сказать брату о том, что необходимо платить долги, и средствами передачи экспрессии становится пренебрежительное суффиксальное наименование *армяшки*, унижающее в глазах брата его заимодавцев, и аугментатив *голодуха*, преувеличивающий лишения, несмотря на которые необходимо рассчитаться с теми, кому задолжал.

Итак, среди инструментов создания экспрессии, с которым прибегает А.П. Чехов в своих письмах, словообразовательные средства играют значимую роль. С помощью узуальных и окказиональных словообразовательных элементов писатель оценивает, характеризует, передаёт свои чувства, устанавливает соотношение между предметами и явлениями. Средства экспрессивного словообразования характеризуют А.П. Чехова как неординарную языковую личность, для которой очень важен эмоциональный контакт с собеседником и возможность передать ему свои чувства с помощью оригинальных языковых инструментов.

Литература

1. *Гацалова Л.Б., Парсиева Л.К.* Индивидуально-авторские слова как выразительное средство в художественном тексте // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2016. – № 11-2. – С. 35-39.
2. *Дьяченко Ю.А.* Окказиональные фитонимы в художественном тексте (на примере произведений Е.И. Носова) // Курское слово. – 2018. – № 17. – С. 51-54.
3. *Жеребило Т.В.* Словарь лингвистических терминов. – Назрань: Пилигрим, 2010. – 486 с.
4. *Крылова М.Н.* Выражение языковой личности М.А. Шолохова посредством сравнительных конструкций (на материале «Донских рассказов») // Перспективы науки и образования. – 2013. – № 6. – С. 166-169.
5. *Крючкова Л.Л., Лю Ш.* Экспрессивное узуальное словообразование в лирике П.С. Комарова // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты: Мат. XI Междунар. научн. конф. – Чита: Забайк. гос. ун-т, 2018. – С. 43-47.
6. *Степашкина Е.С.* Экспрессия окказионализмов в публицистике А.И. Солженицына // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 2-2 (32). – С. 179-182.
7. *Телия В.Н.* Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и её прагматическая ориентация // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. – М.: Наука, 1991. – С. 5-35.
8. *Шаховский В.И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987. – 192 с.

К.М. Паршина
бакалавр Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета
Москва (Россия)
E-mail: kiraparshina19@gmail.com

Аскетические термины в монашеских правилах Авраама Кашкарского (VI в.) и их соотношение с греческими аскетическими терминами

Аннотация. В статье рассматриваются аскетические термины в монашеских правилах Авраама Кашкарского (VI в.) и их соотношение с греческими аскетическими терминами.
Эти соотношения были выявлены с помощью анализа включенных в правила цитат из Священного Писания, написанного на сирийском, с цитатами из греческого Священного Писания.

Ключевые слова: монашеские правила, аскетизм, Христианский Восток.

Kira M. Parshina
Bachelor Student of St.Tikhon's Orthodox University
Moscow (Russia)
E-mail: kiraparshina19@gmail.com

Ascetic terms in the monastic rules of Abraham of Kashkar (the VIth cent.) and its correlation with Greek ascetic terms

Abstract. The article covers ascetic terms in the monastic rules of Abraham of Kashkar and its correlation with Greek ascetic terms. These correlations were revealed with the help of the analysis of included quotations from the Holy Scriptues, written in Syriac, and with quotations from the Greek Holy Scriptures.

Keywords: monastic rules, asceticism, Christian Orient.

Авраам Кашкарский – восточносирийский несторианский аскет и богослов, основатель «Великий монастырь» на горе Изла, горного массива на востоке современной Турции, в районе Тур-Абдин [4], где установил правила для жизни в монастыре и уделял большое внимание общению с новоприбывшими послушниками, и говорил послушникам каждую неделю повторять Священное писание [7, P. 119–127; 155–156]. По наставлению Авраама его ученики стали основателями монастырских братств и церквей на территории северо-западной Месопотамии [13]. Первым из основавших новые монастыри был Бар Эдта († между 611 и 621 гг.) [9]. Он построил один монастырь в Маргском крае, близ реки Хазир [13], а другой в селении Румини [7, P. 340–341]. Затем Бабай Нисибинский († 630 г.) [11] основал другой монастырь на горе Изла и учредил в нем порядок жизни в соответствии с правилами Авраама [10].

От Авраама до нас дошли монашеские правила [12]. Во вступлении сообщается дата их написания: месяц хазиран в сороковой год правления Хосрова, то есть в июне 571 года [12]. А. Баумштарк сообщает, что Авраам помимо правил написал «Гимны», сохранившиеся в «Халдейском часослове» [8].

Правила Авраама, состоящие из введения и 12-ти правил, можно разделить на две группы: практические, устанавливающие нормы поведения, которые не должны нарушаться, и теоретические, описывающие, в чем заключается подвижнический образ жизни.

В практических правилах (с пятого по 12-е) объясняется, что монахи не должны покидать стен монастыря без необходимости (5; 6; 11), клеветать (7), отвлекаться во время богослужения (8) и нарушать пост не причине болезни или тяжелого труда (9). Намерение желающих стать монахами должно быть проверено (10). Двенадцатое правило напоминает, что устав не должен нарушаться.

Содержание двух правил Авраама перекликается с несколькими правилами из монашеского устава Пахомия Великого. Так, шестое правило запрещает покидать монастырь не по болезни или же не по поручению братства. А вышедший в город по необходимости не должен заходить в дома мирян. У Пахомия Великого правило №56: «Никого нельзя посылать наружу одного для каких-либо дел без того, чтобы его сопровождал другой»; и правило №84: «Никто не должен ни выходить в поле, ни свободно разгуливать по монастырю, ни выходить за стены монастыря, если сначала не спросит у главы дома, а тот даст разрешение» схожи с правилом Авраама, посвященному этой теме [6, с. 404]. В десятом

правиле Авраама разъясняется, что принятые в братство должны сами строить себе келии. У Пахомия в правиле №49 описываются сами испытания, которые необходимо пройти, чтобы вступить в монастырь. Они предписывают будущему насельнику оставаться в течение нескольких дней за воротами монастыря, выучить наизусть молитву Господню и столько псалмов, сколько сможет. Также желающий стать монахом не может являться беглым рабом [6, с. 408].

Теоретическая часть позволяет сделать анализ аскетической лексики: соотнести значение греческих терминов с сирийскими и выделить список слов, заимствованных из греческого.

В первом правиле сирийский глагол ܫܠܐ «жить тихо» соответствует греческому ἡσυχάζω со значениями: 1) молчать; не отвечать; 2) успокаиваться, замолкать; 3) жить тихо. Для существительного ܫܠܝܐ «спокойствие» соответствующим словом в греческом будет ἡσυχία: 1) тишина, покой, спокойствие; 2) молчание. Ἀνάπαυσις: 1) отдых, покой; 2) пристанище; 3) прекращение, остановка; означает спокойствие со значением остановки деятельности и является лишь синонимом к ܫܠܝܐ, поскольку менее отражает идею внутреннего состояния.

Четвертое правило посвящено теме молчания, смирения и уединения.

«Молчание» ܫܬܩܐ по учению Исаака Сирина является необходимым условием для достижения спокойствия. Он утверждает, что: «молчание есть таинство будущего века, а слова суть орудие этого мира» [2, с. 703]. «Молчание разума» не есть синоним бессознательного и бесчувственного забвения. Напротив, это состояние предельно интенсивной деятельности разума, оказывающегося во власти Бога: «Как скоро он вступает в эту область, прекращается и молитва... Когда же управление и смотрение Духа будет господствовать над умом... тогда отнимается у естества свобода, и ум путеводится, а не путеводит. И где тогда будет молитва, когда естество не в силах иметь над собой власти, но путеводится иной силой – само не знает куда, и не может совершать движений мысли, в чем бы ему хотелось, но овладевается в тот час пленившей его силой и не чувствует, где путеводится ею? Тогда человек не будет иметь и желания; даже, по свидетельству Писания, не знает, в теле он или вне тела» [2, с. 723]. Сирийский термин «молчание» соотносится с греческим σιωπή: 1) молчание, безмолвие, тишина; 2) молчаливость, сдержанность, скромность.

«Смирение» ܢܟܦܘܬܐ соответствует греческому ταπεινοσύνη: 1) покорность; 2) скромность; смирение. Термин ταπεινοσύνη дает мысль

о «смирении» как об акте и проявлении жизни сознательно-свободной [1]. «Сокрушенный» ܡܟܝܟ соотносится с греческим τρέμοντος: 1) дрожащий; 2) боящийся. Исаак Сирин использует это слово для обозначения идеи смирения в словосочетаниях «смирение сердца» ܡܟܝܟܘܬܐ ܕܠܒܐ и «рассудительное смирение» ܡܟܝܟܘܬܐ ܕܦܘܪܫܢܐ.

Согласно его учению «смирение есть свойство ума здравого. Пока оно остается в человеке, не произойдет с ним богооставленность или какое-либо искушение, так чтобы он был искушаем телом или умом в одной из телесных и душевных страстей» [2, с. 703] и «смиренномудрие по причине постоянного самоограничения приходит в созерцание» [1, с. 473].

«Уединение» ܟܠܝܢܘܕܘܬܐ соотносится с греческим μόνωση.

Теме поста посвящено второе правило. «Пост» ܨܘܡܐ – νηστεία является временным воздержанием от известных родов пищи или даже от принятия пищи вообще, имеющее своею целью приспособление телесной жизни к созерцательному подвигу сосредоточенной самоуглубленности и покаянного самоиспытания [1, с. 632].

О молитве и чтении рассказывается в третьем правиле.

«Молитва» ܨܠܘܬܐ (προσευχή) понимается в Священном Писании как известное религиозное нравственное психическое состояние. По словам Исаака Сирина «всякая беседа, совершаемая втайне, всякое попечение доброго ума о Боге, всякое размышление о духовном включается в определение молитвы и называется именем молитвы. Под этим именем объединяются и различные чтения, и песнопения, славословящие Бога, и заботливая печаль о Господе и телесные поклоны, и псалмопение в стихословии, и все прочее, из чего составляется весь чин подлинной молитвы» [1, с. 447–448].

«Чтение» ܩܪܝܢܐ соответствует греческому ἀναγνῶσις: чтение (вслух за богослужением). Этот термин часто встречается у Исакка Сирина и указывает на молитвенное чтение Писания. Он говорит о чтении Писания как о главном средстве для внутреннего духовного изменения, сопровождающегося отказом от греховной жизни [2, с. 720].

Тема ноэтической сферы затрагивается в первом и в восьмом правиле, где Авраам использует для обозначения понятия «разум» слово ܗܘܢܐ, в греческом соотносится ему слово «νοῦς»: 1) ум, разум, мысль; 2) мышление; 3) рассудительность, понимание; 4) образ мыслей, мнение; 5) благоразумие. В книге «Воспламенение ума в духовной пустыне» А. В. Муравьев приводит два термина: «ум» ܪܥܝܢܐ и «рассудок» ܡܕܥܐ, которые на греческий могут быть переведены словом «νοῦς» [3].

В правилах Авраама встречаются три монашеских термина, заимствованных из греческого языка.

Так, термином «странник» ܐܟܣܢܝܐ (ξένος) в сирийской традиции часто назывался монах–отшельник. Странничество – это прежде всего удаление от мира и мирских развлечений, сознание кратковременности и непрочности настоящей жизни, отказ от земного ради достижения небесного: «Во все дни жизни своей, куда бы ты ни пришел, признавай себя странником». По словам Исаака Сирина, «человек должен быть чужд всем своим знакомым, своей семье, своим родственникам, уйти в чужую страну и избрать для себя спокойное место, которое спокойно от всякой суеты. И он будет жить там в телесной нужде, в одиночестве, в бедности, лишенный общения с людьми, видимого собеседования и утешения» [1, с. 703].

Также заимствованы из греческого были термины «нужда» ܐܢܢܩܐ (ἀνάγκη) и «епископ» ܐܦܝܣܩܘܦܐ (επίσκοπος).

Проведенный анализ сирийской аскетической лексики, встречающейся в Уставе, позволил выделить пласт греческих заимствований и лексических соответствий между греческими и сирийскими терминами. Исследование *Правил* привлекает внимание к сирийской аскетической литературе киновийного круга и к возможности ее анализа с лингвистической и литературоведческой точки зрения.

Литература

1. *Зарин С.М.* Аскетизм по православно–христианскому учению: Этико-богословское исследование. Москва, 1996. Т. 1: Основоположительный. Кн. 2: Опыт систематического раскрытия вопроса. С. 473; 632.
2. Иларион (Алфеев), митр. Исаак Сирин // Православная Энциклопедия. Москва, 2012. Т. 26. С. 695-731.
3. Мар Исхак с горы Матут. Воспламенение ума в духовной пустыне / Перевод с сирийского А.В. Муравьева. Москва, 2008. С. 171.
4. *Муравьёв А.В.* Изла // Православная Энциклопедия. Москва, 2014. Т. 21. С. 589–590.
5. Феодорит Кирский. История боголюбцев / Вступительная статья и перевод А.И. Сидорова. Москва, 1996 (Библиотека отцов и учителей Церкви). С. 266; 402.
6. *Хосроев А.Л.* Пахомий Великий. С-Пб., 2003. С. 404; 408.

7. *Abramo Zabaya.* Vita di Bar ‘Idta. P. 119–127; 155–156; 340–341.
8. Breviarium Chaldaeorum / Ed. P. Bedjan. Paris; Leipzig, 1886–7. Vol. II. P. 67–68.
9. *Chialà S.* Abramo di Kashkar e la sua comunità. La rinascita del monachesimo siro-orientale. Magnano, 2005. P. 190.
10. *Fiey J. M.* Assyrie chrétienne. Beirut, 1968. Vol. 1. P. 192–194.
11. Histoire nestorienne: (Chronique de Séert): Seconde partie (II) / Publ., et trad. par A. Scher, R. Griveau // Patrologia Orientalis. Paris, 1919.
12. Isodenah. Le livre de la chasteté / Ed. J.-B. Chabot. Paris, 1896. P. 14; 15.
13. *Thomas of Marga.* The book of governors / Ed. E. A. W. Budge. London, 1893. P. 14.
14. *Vööbus A.* Syrian and Arabic documents regarding legislation relative to Syrian asceticism. Stockholm, 1960. P. 152–162.

Я.Ю. Цветков
Магистрант Сретенской духовной семинарии
Москва (Россия)
E-mail: TcvetkovJakov-96@yandex.ru

Церковнославянский язык и культура современной русской речи (на примере социолингвистического анализа церковнославянизма *изрядно*)

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопроса сосуществования церковнославянского и русского языков – на примере употребления в Священном Писании и художественной литературе церковнославянизма *изрядно.*
Анализ сопровожден социолингвистическим опросом школьников, который выявил, как данное слово интерпретируется в современном русском языке.

Ключевые слова: Церковнославянский язык, русский язык, церковнославянизмы, *изрядно, с*оциолингвистический опрос, культура речи.

Yakov Yu. Tsvetkov
Master's student of Sretensky theological Seminary
Moscow (Russia)
E-mail: TcvetkovJakov-96@yandex.ru

The Church Slavonic language and the culture of the modern Russian speech (using the example of the sociolinguistic survey of the Church Slavism *izryadno*)

Abstract. The article is devoted to the consideration of the question of the coexistence of the Church Slavonic and Russian languages – by the history in the Scriptures and the literature of tserkovnoslavyanizmy *izrydno*.
The analysis is accompanied by a sociolinguistic survey of schoolchildren, which revealed how the word is interpreted in the modern Russian language.

Keywords: the Church Slavonic language, the Russian language, Church Slavism, izrydno, a sociolinguistic survey, the culture of speech.

Вопрос культуры речи чрезвычайно актуален сегодня. Чтобы понять суть проблемы снижения культуры речи, необходимо, среди прочего, обратиться к истокам взаимодействия церковнославянского и русского языка. В. В. Виноградов отмечал, что «создание славянского литературного языка и принятие славянами христианства с богослужением на славянском языке было самым значительным культурным фактором, объединившим на время в IX-XI вв. все славянство» [2, с. 17].

При этом уже «в XI-XII вв. было очень живо сознание различий между общеславянским литературным («церковнославянским») и живым русским языком» [2, с. 18]. Данные различия обусловлены наличием в церковнославянском языке целого ряда признаков. Так, можно выделить вариативность стилистических значений у лексем по фонетическому происхождению. Согласно Г. О. Винокуру «сюда относятся, например, такие дублеты, как градъ – городъ, свешта – свеча, надежда – надежа и т.п.; слова с фонетической структурой типа градъ, глава и т. п. совершенно свободно входили в употребление восточнославянской письменности» [3, с. 51].

Таким образом, сосуществование двух языков на Руси привело к отдельному замещению тех или иных форм лексем. Г.О. Винокур делает любопытное замечание: не всегда в рукописях можно найти русский аналог церковнославянизмам, данный факт связан с тем, что «второй член параллели или очень рано вытеснен из употребления, или, может быть, практически и не существовал никогда в языковом обиходе славян: «Например, при словах владыка, блаженъ, огласити, сладъкъ, зракъобычно не находим русских параллелей, при словах вóлокъ, колода, сорочька, узорочье, скоморохъ не находим совсем или по большей части параллелей старославянских» [3, с. 53].

Исходя из этого, для современного человека непросто понять те или иные слова , исконно не входившие в русский язык. И в настоящее время для разъяснения церковнославянизма зачастую необходимо обращаться к специальным словарям.

Поэтому перед тем, как перейти к анализу социолингвистического опроса на понимание славянизма *изрядно,* стоит рассмотреть его словарное значение.

Итак, «Полный церковнославянский словарь» протоиерея Григория Дьяченко дает следующие значения: «превосходно, отлично, особенно, чрезвычайно, преимущественно» [4, с. 217]. То же предлагается и в «Словаре церковно-славянского и русскаго языка, составленном вторым

отделением Императорской Академии Наук»: «1) преимущественно, превосходно; 2) довольно хорошо» [8, с. 122].

Следовательно, основными значениями слова *изрядно* являются значения *превосходно* и *преимущественно*.

Переходя к рассмотрению примеров из Священного Писания, стоит отметить, что указанный церковнославянизм встречается довольно редко.

Егдá иу́бо с7ты́й грáдъ обитáемь бэ во всzцэмъ ми́рэ, и закóны еще́ изрzднw хранzхуcz [5, с. 1643]. В Синодальном переводе на месте изрядно стоит *тщательно соблюдались законы* [1, с. 980].

Таким образом, наблюдается замена церковнославянизма на описательный синоним.

Ктому взирáющь, я́kw во благочéстiи и́сóпшымъ и́зрѧ́днэйшаѧ и́готóвасѧ благодáть [5, с. 1669]. В Синодальном переводе фиксируется: *уготована превосходная награда* [1, с. 995].

Здесь налицо семантика *превосходный*.

Исходя из библейских примеров возможно говорить о том, что церковнославянизм *изрядно* употребляется прежде всего в значении *тщательно* и *превосходно*.

Необходимо также обратиться и к русской художественной литературе и рассмотреть семантику анализируемого церковнославянизма.

Например, в стихотворении Н.А. Некрасова «Мороз, Красный нос» можно найти следующие строки: «Травой да мякиной питался,// А тело изрядно держал» [6, с. 332]. Скорее всего, для автора это слово выступает в значении *особенно*, которое характеризует непростую жизнь русского крестьянина.

Исследуемое выражение встречается и в повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка»: «Я уже сказывал, что я занимался литературою. Опыты мои, для тогдашнего времени, были изрядны, и Александр Петрович Сумароков, несколько лет после, очень их похвалял» [7, с. 100]. В данном контексте автор вкладывает в исследуемый церковнославянизм значение *хорошо*, которое весьма распространено в ответах школьников 9-11 классов.

Таким образом, в художественной литературе достаточно часто встречается слово *изрядно*, которое является довольно многозначным.

Показательные результаты дал проведенный в школах города Касимова Рязанской области социолингвистический опрос.

Таблица 1

	6-8 классы		9-11 классы		Студенты	
Варианты:	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Нет ответа	75	75	30	25	35	35
Устать	9	9	20	16,6	16	16
Особо, усердно, тщательно	5	5	13	10,83	10	10
Хорошо	5	5	23	19,2	15	15
Качественно	5	6	20	16,7	9	9
Сильно	–	–	9	7,5	4	4
Много	–	–	3	2,5		
Красиво	1	1	2	2	8	8
Посвятить	–	–	–	–	3	3
	100		120		100	

Исходя из этих результатов, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, для первой группы представилось непосильным объяснить значение слово *изрядно* – 75%.

В свою очередь, для второй и третьей группы процент – 25 и 35. Данные цифры говорят о том, что указанный славянизм непонятен для школьников 6-8 классов, и более понятен для более старших возрастов. Прослеживается положительная динамика уменьшения с возрастом неверных ответов.

Во-вторых, определенное число учащихся знакома со словарным значением *изрядно,* а также свободно может его соответствующими синонимами.

Так, в первой группе суммарно дали правильный ответ – 16% (усердно – 5%; хорошо – 5%; качественно – 6%). Для второй группы сумма составила 46,73% (усердно – 10,83%; хорошо – 19,2%; качественно – 16,7%), а для третьей 24% (усердно – 10%; хорошо – 15%; качественно – 9%).

Среди полученных результатов можно отметить преобладание процента правильных ответов среди школьников 9-11 классов. При этом среди всех групп наиболее популярным ответом является значение *хорошо* – 39,2%.

В-третьих, среди неверных ответов можно выделить вариант *устать*, который встречается в каждой из возрастных групп (9%; 16,6%; 16%). Сложно говорить о том, чем обусловлена подобная версия. Возможно, здесь сыграл свою роль контекст *вымощены изрядно*.

Из выше представленных результатов видно, что для большинства опрошенной аудитории не совсем понятен церковнославянизм *изрядно*. Однако важно отметить: для школьников не составило труда дать близкий к точному значению ответ. Это свидетельствует о хорошем владении учащимися русским языком и об их умении заменять слова синонимами.

Литература

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Российское Библейское общество, 2013. 1296 с.
2. *Виноградов В.В.* История русского литературного языка. Избранные труды. М.: Наука, 1978. 319 с.
3. *Винокур Г.О.* Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959. 489 с.
4. *Дьяченко Г., прот.* Полный церковнославянский словарь. М.: Отчий дом, 2004. 1120 с.
5. Елизаветинская Библия. Т. 3. СПб., 1751. 1744 с.
6. *Некрасов Н.А.* Сочинения в трех томах. Т. 1. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. 359 с.
7. *Пушкин А.С.* Сочинения. Т. 7. СПб.: Типография экспедиции заготовления государственных бумаг, 1838. 258 с.
8. Словарь церковно-славянского и русскаго языка, составленный вторым отделением Императорской Академии Наук. Т. II. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1847. 479 с.

Н.А. Фролова
старший преподаватель кафедры лингвистики
Московского государственного института культуры
Москва (Россия)
E-mail: nataliafrolova14@mail.ru

Сценарий речевого поведения студентов-иностранцев начального этапа обучения в условиях конфликтной ситуации

Аннотация. В статье рассматриваются различные варианты речевого поведения в проблемной ситуации, знакомство с которыми поможет студентам-иностранцам первого года обучения адекватно воспринимать речь и безопасно выходить из конфликта с окружающими.

Ключевые слова: обучение иностранцев русскому языку, речевое поведение, конфликтная ситуация, решение речевых задач.

Nataliya A. Frolova
Senior Lecturer of the Department of Linguistics of
Moscow State Institute of Culture
Moscow (Russia)
E-mail: nataliafrolova14@mail.ru

The scenario of the speech behaviour of foreign students of the first stage of studies in the conditions of a conflict situation

Abstract. Different variants of speech behaviour in a conflict situation is investigated in the article. Knowing these variants will help foreign first year students understand the speech adequately and find a way out of conflicts with other people.

Keywords: teaching foreigners the Russian language, speech behaviour, a confict situation, solving speech tasks.

Обучение свободному общению на русском языке является главной целью преподавателей-русистов, занимающихся со студентами-иностранцами. Существует огромное количество учебников и пособий, обещающих помочь иностранцам в разные сроки (чаще всего кратчайшие)

освоить подобное общение. Большинство их построено на ситуативном подходе, который учитывает разные стороны коммуникации в широком смысле: состав участников и их цели, тему, место, условия и т.д. Исходя из этого, предлагается определенный набор речевых единиц. Все темы и ситуации давно известны. Практически в любом учебнике мы найдем «Знакомство», «Покупки в магазине», «Прием у врача», «Свободное время», «Поход в музей» и подобные.

Почти всегда эти речевые ситуации лишены драматизма, то есть, в них нет конфликта. Что это значит? К примеру, при знакомстве диалог всегда идет в доброжелательном тоне, а герои просто рады и счастливы познакомиться друг с другом. Но ведь в жизни нередко бывает необходимость (в первую очередь у девушек) ответить отказом на неприятное знакомство или высказать свое недовольство собеседнику, но в такой форме, чтобы не обидеть его. «Иными словами, привычные ситуативно-коммуникативные технологии обучения часто неспособны развить умения речевого поведения в проблемной среде общения» (1, 7). А современная среда общения, увы, нередко бывает именно проблемной и конфликтной.

Как говорится, жизнь всегда богаче и сложнее самого лучшего учебника или справочника, и иностранный студент или студентка могут столкнуться с конфликтной ситуацией и в аудитории, и на улице, и в общежитии. На помощь должен прийти, используя весь свой педагогический, жизненный и методический опыт, преподаватель-русист. Это особенно важно, если речь идет о студентах-иностранцах начального этапа обучения.

Многолетний опыт преподавателя РКИ свидетельствует о том, что самые сложные и запутанные конфликтные ситуации, как правило, возникают между соседями по общежитию. Недопонимание и ссоры настолько сильно «отравляют» жизнь иностранца, что молодой человек или девушка уже не думает об учебе, постоянно находясь в состоянии стресса.

Для того чтобы научиться выходить из подобных ситуаций, необходимо «проиграть» их на уроке согласно определенному сценарию речевого поведения. В качестве примера приведем один из таких сценариев. Прежде всего, надо предложить студентам-иностранцам вполне жизненную ситуацию, с которой они не раз сталкивались на родине, а значит, имеют модель речевого поведения (или несколько моделей) на родном языке. Конечная цель подобного подхода в обучении – применять привычные стратегии речевого поведения на родном языке в новой (русской) речевой среде.

Итак, участники диалога – мать и сын пятнадцати лет.

Речевая задача матери – заставить сына, который в данный момент играет на компьютере, убраться в своей комнате.

Возможны четыре основных варианта развития сценария:

1) сын сразу откликается на просьбу матери, выключает компьютер, принимается за уборку;

2) сын сначала не соглашается, мать начинает уговаривать, в ходе уговоров сын перестает упрямиться, конфликт разрешен;

3) сын упрямится, мать уступает;

4) острый конфликт приводит к ссоре и взаимным упрекам, потому что никто не хочет уступать.

Первый вариант

Мать: Дима! Уберись, пожалуйста, в своей комнате.

Сын: Сейчас, мам! Пять минут!

Речевые модели могут быть усложнены, например, просьба матери может содержать дополнительную информацию о том, что именно нужно сделать: повесить одежду в шкаф, вытереть пыль, поставить книги на полку и т.д. Ответные реплики сына, выражающие согласие, могут быть такими: Хорошо. Ладно. Все сделаю. А где тряпка?

Второй вариант

Мать: Дим, оторвись от компьютера. Уберись в комнате!

Сын: Мам, только не сейчас. Дай доиграть!

Мать: Ты мне с утра обещал убраться.

Сын: Уберусь, уберусь. Не мешай мне, у меня важный момент!

Мать: Хорошо, сама буду убираться. Пусть тебе будет стыдно!

Сын: Ладно. Все. Выключаю компьютер. А что делать-то?

Реплики матери могут быть расширены: Играешь целыми днями, а матери помочь не можешь. Мы же договорились – свою комнату убираешь сам. Не заставляй меня кричать. Мне легче самой убраться, чем тебя уговаривать.

Реплики сына в виде отговорок: Не могу я убираться, у меня спина болит. Ты всегда отвлекаешь меня, когда я занят. Я не могу сейчас выйти из игры.

Третий вариант

Мать: Дима, ну сколько раз тебя просить! Выключи, наконец, компьютер и наведи порядок в комнате!

Сын: Мам, не могу сейчас, пойми, пожалуйста! Обещаю, сегодня вечером все сделаю: уберусь в комнате, мусор вынесу и с собакой погуляю.

Мать: Обещаешь?

Сын: Клянусь!

Четвертый вариант

Мать: Дима, немедленно выключи компьютер и уберись в своей комнате!

Сын: Не хочу, я позавчера убирался.

Мать: Плохо убрался. Посмотри – пыль везде, одежда валяется.

Сын: Сейчас не могу, и не проси. Завтра – пожалуйста, а сегодня не буду, и всё.

Мать: Почему не сегодня? Играть ты всегда готов, а матери помочь уговаривать надо. Не стыдно?

Сын: Вечно ты со своей уборкой не вовремя. Не видишь, я занят.

Мать: Помощи от тебя нет никакой. Мать и работает, и готовит, и стирает, и убирает. А ты только на компьютере играешь. Вот я расскажу отцу, как ты матери помогаешь.

Сын: Мне надоели эти разговоры. Сказал, не буду сегодня убираться, значит, не буду. В другой раз.

Разумеется, реплики можно упростить или усложнить, исходя из уровня владения студентами русским языком. Можно использовать вместо диалога полилог, введя в сценарий новых действующих лиц (к примеру, бабушку, отца, брата, сестру).

Итак, подобный подход к обучению позволяет студентам освоить несколько способов решения речевых задач, связанных с выходом из конфликтной, проблемной ситуации. Это, безусловно, поможет иностранным учащимся использовать «проигранные» на уроке тактики речевого поведения в общении вне учебной аудитории в стандартных жизненных ситуациях, в основе которых лежит какой-либо конфликт интересов.

Литература

1. Живая методика для преподавания русского языка как иностранного. – 2-е изд. – М.: Русский язык. Курсы, 2009.
2. *Казакова А.Г., Кузнецова Т.В.* Педагогика высшей школы в сфере культуры: учебник. Москва: МГИК, 2015.

Н.В. Пакулова
старший преподаватель кафедры лингвистики
Московского государственного института культуры
Москва (Россия)
E-mail: natasha_january@mail.ru

Развитие навыков аудирования иностранного текста в подготовке специалиста культуры

Аннотация. В статье рассматривается роль аудирования в подготовке специалистов культуры. Исследуются фонетические и лексические трудности аудирования. Приводятся примеры упражнений на аудирование.

Ключевые слова: аудирование, иностранный текст, обучение, устная коммуникация.

Nataliya V. Pakulova
Senior Lecturer of the Department of Linguistics of
Moscow State Institute of Culture
Moscow (Russia)
E-mail: natasha_january@mail.ru

The development of the skills of the listening comprehension of a foreign text in the teaching process of a specialist in cultural sciences

Abstract. The role of listening comprehension in the teaching of a specialist in cultural sciences is investigated in the article. Phonetic and lexical difficulties of listening comprehension are analyzed. Examples of exercises of listening comprehension are brought up.

Keywords: listening comprehension, a foreign text, a teaching process, oral communication.

Умение слушать, слышать и вести диалог – необходимые условия для менеджера – переводчика в сфере межкультурных коммуникаций.

Термин «аудирование» появился сравнительно недавно. Одной из первых, кто ввела его в обиход З.А. Кочкина. Аудирование – это понимание воспринимаемой на слух речи. Оно представляет собой перцептивную,

мыслительную и мнемическую деятельность. Перцептивную – потому что осуществляется восприятие, рецепция; мыслительную – потому что ее выполнение связано с основными мыслительными операциями: анализом, синтезом, индукцией, дедукцией, сравнением, абстрагированием, конкретизацией; мнемическую – потому что имеет место выделения и усвоения информативных признаков, формирования образа, узнавания в результате сличения с эталоном, который хранится в памяти.

Аудирование составляет основу общения, с чего начинается овладение устной коммуникацией. Оно складывается из умения дифференцировать воспринимаемые звуки, интегрировать их в смысловые комплексы, удерживать их в памяти во время слушания, осуществлять вероятное прогнозирование и, исходя из ситуации общения, понимать воспринимаемую звуковую цепь. При этом процесс восприятия проходит в определенном нормальном темпе, свойственном для данного языка, из разных источников, при естественных помехах речевого и неречевого характера (например, не расслышал слово, у кого-то что-то упало, со двора послышался шум и т.д.).

Понимание речи на слух связано с говорением – выражением мыслей средствами изучаемого языка. Говорение и аудирование – две взаимосвязанные стороны устной речи. Аудирование не только прием сообщения, но и подготовка во внутренней речи ответной реакции на услышанное. Понимание формируется в процессе говорения, а говорение – в процессе понимания.

Аудирование служит мощным средством обучения иностранным языкам. Оно дает возможность овладеть звуковой стороной изучаемого языка, его фонемным составом и интонацией. Через аудирование идет усвоение лексического состава языка и его грамматической структуры.

В процессе овладения аудированием студенты встречаются с трудностями лингвистического плана: фонетическими, лексическими, грамматическими и стилистическими.

Фонетические трудности аудирования вызываются:

1. расхождением между написанием и произношением (например, в английском языке существует 5 различных произношений буквосочетания ough в словах bough, cough, dough, rough, through);

2. несовпадением в членении звучащего и графического текста (например, plain ice может смешиваться play nice);

3. ассимилятивными явлениями речевого потока;

4. несовпадением в разных языках темпоральных характеристик гласных, согласных звуков, слогов, синтагм;

5. несовпадением дифференциальных признаков фонем в иностранном языке и родном;

6. фонематичностью и подвижностью ударения (например, замок–замок; руки – руки).

7. студентам трудно различать на слух разницу в звуках; в словах eat –it; lion – line; three – tree; walk – work; form – from; в предложениях:

Come here. (вежливая форма). Come here. (приказание). They worked there.

They walked there. The horse is sleeping. The horse is slipping.

Mother wanted to read this book. Mother wanted me to read this book.

К лексическим трудностям относятся распознавание омофонов, паронимов, парных понятий (открывать-закрывать; восток – запад); непривычные сочетания, идиомы, цифры, имена собственные, реалии также затрудняют понимание. Отсутствие формальных средств подчинения, характерное для англ. языка, приводит к тому, что такая бессоюзная подчинительная связь может восприниматься как сочинительная (e.g, He told us he would come.) Понимание на слух затрудняется любыми отклонениями от нормы языка.

Затруднения, связанные с восприятием содержания, сложнее. Сюда входит:

а) понимание предметного содержания, т.е. самих фактов (что произошло, где, с кем, когда);

б) понимание логики изложения, т.е. связей между фактами, событиями;

в) понимание общей идеи, мотива поступков.

В понимании иноязычной речи человек может быть заинтересован по-разному. Он может слушать:

– с целью ответа на вопрос;
– с целью приобретения тех или иных знаний;
– для удовольствия или развлечения;
– с целью понять содержание;
– для того чтобы получить тему, которую надо будет развивать далее или высказать к ней свое отношение.

Трудности восприятия могут быть связаны с восприятием языковой формы. Активные конструкции понимаются легче пассивных.

Среди трудностей, связанных с аудированием, следует назвать темп речи, интонацию и механическую речь (запись).

Восприятие записи затруднено тем, что не видно собеседника, который при необходимости иногда замедлит речь, либо перефразирует сказанное, либо поможет выразительными жестами, мимикой.

Пониманию способствует увеличение темпа, но увеличение лишь до определенных пределов. Темп при аудировании имеет значение потому что нет возможности вернуться назад (как при чтении), обдумать фразу еще раз. Но дело даже не в скорости; дело – в ритмике речи. Человек говорит не отдельными словами, а синтагмами; при восприятии речи он также осознает не каждое слово, а воспринимает определенную ритмическую (смысловую) группу. И здесь проявляется взаимосвязь говорения и аудирования.

Существуют также трудности, связанные с восприятием того или иного вида речи. Восприятие монологической речи хорошо развитой слуховой памяти, развитого логического мышления. В диалогической речи трудность связана с необходимостью обдумывать ответ или с домысливанием ситуации, породившей беседу, если сам слушатель в ней не участвует.

Имеются и другие трудности, связанные с самим текстом, его тематикой, структурой, формой изложения (монологическая и диалогическая речь). Об этом следует помнить и принимать меры для снятия трудностей. Если текст содержит имена собственные, географические названия, даты и т.п., то, зная, что они могут быть помехой для понимания, нужно сообщить их до прослушивания текста. Известно, что монологические тексты воспринимаются легче на слух, чем диалогические. Условия предъявления текста могут затруднять или облегчать его понимание. К ним следует отнести скорость или темп речи. Слушающий не может изменить его, он задан говорящим. К условиям также относится число предъявлений текста. Один, два или три раза. Если вторичное прослушивание не приводит к пониманию, значит преподаватель не учел трудности и не снял их до прослушивания и дальнейшее прослушивание не окажет большой помощи.

Последовательность действий при работе над аудиоматериалом.

При подготовке преподаватель прослушивает текст, определяет трудности для своей группы, продумывает как снять трудности, определяет опоры для понимания (картинки, запись на доске слов, дат, географических названий, имен и т.д.), формирует задания для 1 и 2 прослушивания.

При проведении занятия преподаватель:

1) снимает трудности;
2) дает установку на работу с текстом и первое прослушивание;
3) предлагает прослушать;
4) проверяет, как поняли, исходя из установки;
5) дает установку на второе прослушивание;
6) предлагает прослушать текст еще раз;
7) проверяет как поняли.

Далее возможно этот текст использовать для организации устной работы (говорения).

На основании экспериментальных данных можно выделить 2 причины, затрудняющие слуховое восприятие и понимание:

1) направленность внимания студентов только на общее содержание и неумение понять побочную информацию;

2) слишком быстрое переключение внимания с языковой формы на содержание. Это наиболее типично для аудирования сложных или эмоционально изложенных текстов.

Аудирование, связанное с пониманием чужих мыслей и замысла лежащего в основе высказывания, предполагает наличие достаточно высокого уровня развития лексических, грамматических и фонетических автоматизмов. Только при этом условии внимание слушающих может быть сконцентрировано на содержании.

Упражнения для обучения аудированию (специальные и неспециальные).

1) Неспециальные упражнения преследуют какую-то иную цель (не обучение аудированию), но попутно развивают умение аудировать.Это:

– речевая зарядка;
– прослушивание рассказа при семантизации слов;
– то же при презентации грамматического материала;
– запись на слух.

2) Специальные упражнения делятся на условно-речевые и речевые.

Условно-речевые для обучения аудированию:

– выполните команды в убыстряющемся темпе;
– поднимите руку, когда услышите неправильное утверждение,
– догадайтесь по описанию, о ком я говорю;
– покажите (назовите) объект, который я пропущу (из тех, что изображены);

– ответьте «да», если вы со мною согласны (следуют фразы в убыстряющемся темпе);

– запишите цифрами даты дней рождения и узнайте (у своих товарищей, чьи они);

– прослушайте рассказ о том, как я провела вчерашний день, и определите, что я пропустила;

– перечислите лица (объекты, страны и т.п.), которые упоминаются в моем рассказе;

– напишите кратко на родном языке или цифрами информацию, которую вы получите о человеке (дается схема: имя, возраст, национальность, профессия и т. д.).

– быстро покажите на карте те страны, о событиях в которых будет идти речь;

– найдите расхождения в близких по звучанию (содержанию) фразах, микромонологах;

– найдите расхождение между услышанным и изображенным;

– разделите услышанную фразу на синтагмы согласно задаче;

– восстановить по смыслу пропущенную фразу.

Речевые упражнения:

– послушайте рассказ и ответьте на вопросы;

– найдите в прослушанном основную мысль;

– послушайте и прокомментируйте высказывание;

– послушайте начало диалога и предложите его продолжение;

– прослушайте диалог и передайте его основное содержание;

– подберите заголовок к услышанному;

– послушайте рассказ о … и расположите пункты плана соответственно логике изложения;

– подтвердите или опровергните следующие утверждения, основываясь на услышанном;

– составьте план прослушанного рассказа;

мпослушайте и постарайтесь уловить основную мысль, несмотря на незнакомые слова;

– переспросите, если что-то непонятно;

– оцените услышанное;

– определите место (страну, эпоху и т. д.), где происходит действие.

Основная цель обучения иностранным языкам – развитие способностей использовать иностранный язык как инструмент общения в диа-

логе культур и цивилизаций современного мира. Решение этой задачи невозможно без развития культуры работы с аутентичным материалом, например, включая аудио и видеоматериалы. Материалом для контроля уровня сформированности иноязычных аудиоумений служат аутентичные тексты:

– информационно-справочного характера (например, материалы аудиопутеводителей; фрагменты устной речи в ситуациях поиска информации; аудиообъявления);

– рекламно- справочного характера (например, радио-, видеореклама);

– художественного плана (отрывки из радио и телепьес, отрывки из аудиокниг или видеофильмов);

– фрагменты радио и телепередач (новости, репортажи, популярно – массовые передачи, образовательные передачи).

При контроле уровня развития аудиокультуры в условиях иноязычного общения студенты должны продемонстрировать умение использовать такие стратегии аудирования, как:

– аудирование с извлечением основной информации;

– аудирование с полным пониманием содержания;

– аудирование с выборочным извлечением информации.

При оценке умений аудирования с извлечением основной информации

– следует обратить внимание на следующие умения:

– выделить ключевую информацию в содержании аудиотекста;

мопределять последовательность ключевых событий, действий, фактов;

– передавать (если это требуется в контрольном задании) основную информацию в виде таблиц, схем или другими способами передачи схематизированной информации;

– определять основную идею аудиотекста (если это публицистический или художественный аудиотекст) или его коммуникативное назначение (если это информационно-справочный или рекламно-справочный аудиотекст);

– оценивать свои речевые достижения в данном виде аудирования.

При оценке умений аудирования с полным пониманием содержания/информации аудио/видеотекста критерием являются следующие умения:

– догадываться о значении незнакомых языковых единиц по контексту;

– соотносить поступающую информацию со своим речевым опытом, социокультурными знаниями и находить опоры для ее понимания и оценки;

– полностью понять информацию, содержащуюся в справочно-информационных материалах, включая страноведческие/культуроведческие видеоклипы, радио/теленовости, репортажи, обращая внимание на предмет речи, коммуникативную, когнитивную или познавательную ценность передаваемой информации, отношение говорящего к передаваемой информации (нейтральное или заинтересованное);

– полностью понять содержание фрагментов видеофильма, популярных радио/телепередач, опознавая ситуацию общения, профессиональные роли говорящих, предмет общения и отношения между речевыми партнерами (официальные или неофициальные, дружеские, нейтральные или враждебные, вежливые или невежливые), замысел автора аудио/видеопродукции;

– прокомментировать прослушанное, выражая собственные суждения, мнения, оценки;

– оценивать свои речевые достижения в данном виде аудирования.

При оценке умений аудирования с выборочным извлечением информации из аудио/видеотекстов критерием являются следующие умения:

– точно выполнить коммуникативное или когнитивное (познавательное) контрольное задание в отношении искомой информации;

– передавать необходимую аудиоинформацию в виде схемы, таблицы или в любой другой форме представления схематизированной информации (если это требуется в контрольном задании);

– оценивать качество выполнения заданий на выборочное извлечение информации.

При контроле уровня сформированности умений аудировать иноязычный аудиотекст проверяется способность воспринимать на слух аутентичный текст, извлекать необходимую информацию и представлять ее в той форме, которая задается контрольным заданием.

Для этого используются контрольные задания на полное понимание прослушанного текста, а также на аудирование с выборочным извлечением информации и ее схематическим представлением. По форме эти задания могут включать задания тестового характера с мно-

жественным выбором, задания на определение правильности ряда суждений в отношении услышанного, на заполнение пропусков в тексте, в таблице, схеме. Длительность звучания – 5 минут, объем – 600-700 лексических единиц.

Литература

1. *Вайсбурд М.Л.* «Обучение пониманию иностранной речи на слух». Москва: Просвещение, 1965.
2. *Гез Н.И.* «Методика обучения иностранному языку в средней школе». М.: Высш. школа, 1982.
3. *Демьяненко М.Я.* «Основы общей методики обучения иностранным языкам». Теорет. курс [Для фак. романо-герм. филологии] / М.Я. Демьяненко, К.А. Лазаренко, С.В. Мельник; Под общ. ред. М. Я. Демьяненко. – 2-е изд., доп. и перераб. – Киев: Вища шк., 1984.
4. *Рогова Г.В.* «Методика обучения английскому языку в средней школе». Л.: Просвещение, 1975.
5. *Пассов Е.И.* «Основы методики обучения иностранному языку». М.: Русский язык, 1977.

Раздел VII

ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Mario Blancato
PhD, Professor of Catania University
University of Catania
Italy

Corrado Alvaro ed il viaggio nella Russia sovietica

Nel 1953, in Italia, siamo al centro della guerra fredda, nel pieno di una durissima contrapposizione Sinistra–Democrazia Cristiana, nel gelo dei rapporti USA-URSS, sulle macerie ancora fumanti della distruzione provocata dal II grande conflitto mondiale. Disagio e miseria dilagano, da poco è finita la micidiale guerra civile tra partigiani e il fascismo, che ha prodotto un pauroso livello di odio e di contrasti, mai sopiti, un'economia stremata, ma anche tanta voglia di riprendere e di ricominciare una nuova era.

Corrado Alvaro, scrittore famoso e amato, considerato, non del tutto a ragione, uno dei padri del neorealismo italiano, scriveva con una certa amarezza:

"quando molti anni fa andai (=in realtà egli parla al plurale, dice *noi andammo,* forse per indicare che quanto da lui affermato allora, era già stato pensato da molti altri, N.d.A) in Unione Sovietica e ne tornai sbigottito dello stato di miseria morale e di oppressione in cui era ridotto l'uomo, tanto che ancora oggi una per una quelle figure mi sono rimaste impresse nella mente, fui accusato di non capire, di non avere veduto abbastanza bene, di essermi fatto intontire dalla propaganda. Oggi, invece, ufficialmente è vero tutto quanto è stato scritto, è vera la letteratura dei profughi e di quelli che sono stati chiamati traditori, veri gli innumerevoli documenti che si sono letti come si leggerebbe una letteratura proibita, pagine oscene, dell'oscenità cui può arrivare l'oppressione dell'uomo. Tutto è vero. Lo ammettono quegli stessi che sono direttamente interessati e che per anni si sono prestati come strumento di oppressione. Soltanto che l'umanità non se ne rende conto……."

Il riferimento è al suo famoso ***Viaggio in Unione Sovietica*** realizzato nel 1934 e poi pubblicato nel 1935, raccolto sotto il titolo *I maestri del diluvio*, che comprende anche la ripubblicazione del 1943, compresa l'*Avvertenza,* nel mezzo della più grande guerra, mai combattuta, con il regime fascista sul ciglio del burrone della bruciante e storica sconfitta.

Alvaro non si riferiva, naturalmente, alla rivelazioni di devastante portata che il nuovo Primo Ministro dell' URSS, Nikita Kruscev farà nel corso di una riunione tenuta segreta dei paesi comunisti di tutto il mondo, sui crimini e sul culto della personalità di Stalin, fino ad allora considerato il padre amorevole di tutti gli sfruttati del mondo. Riunione che era avvenuto nel corso del XX Congresso del PCUS, tenuto a Mosca nel 1956.

Quando Corrado Alvaro rivendica le sue osservazioni critiche nel passo riportato sopra, (*1953* di ***Ultimo Diario***) fondate su una scrupolosa analisi e la veridicità del suo racconto sul suo viaggio in URSS, quale inviato da *La Stampa*, giornale di proprietà della famiglia Agnelli di Torino, era già ammalato di tumore in uno stadio abbastanza avanzato. Morirà infatti nel 1956, accompagnato dalla stima e dall'affetto di tantissime personalità del mondo culturale e civile del nostro paese. Ma egli con quelle parole stava rivendicando tutta la sua onestà intellettuale ed il suo lineare e libero comportamento dinnanzi alla cultura, soprattutto quella di sinistra, che in qualche modo lo aveva considerato un piccolo borghese decadente.

La figura di Alvaro nel panorama letterario europeo

Partiamo dal suo luogo di nascita, perchè il richiamo alle sue origini calabresi è centrale nella produzione letteraria dello scrittore ed è significativa per tutta la sua formazione culturale.

Egli nacque nel 1895 a San Luca. San Luca era allora e tale è rimasto una delle terre più desolate d'Italia. Per Alvaro, era il simbolo di una concentrazione dei dolori del mondo e nello stesso tempo una fonte inesauribile di rigore morale e di civiltà tutta antica.

Un paesaggio, e uno stile di vita, tipicamente meridionale. Come tanti altri luoghi della Sicilia, della Calabria, della Lucania.

Parlare di contadini evoca, naturalmente, in maniera immediata, come riflesso pavloviano tutta la produzione letteraria che dagli anni 1920-1960, tra Fascismo e Repubblica, con tratti diversi, talora contrapposti, ma tematicamente sovrapposti.

Un breve inciso letterario: la rievocazione del mondo contadino si collega con quella letteratura, che in Sicilia ed in Calabria si sviluppò alla fine delle tre guerre di indipendenza. I mali secolari di tutto il Mezzogiorno (estrema povertà, condizioni feudali della società e dell'economia, le terre baronali in mano a pochissime famiglie, arbitrio della legge e degli apparati governativi, inesistenza di strutture industriali, servizi a livello dei paesi africani), aggravati e non risolti dall'intervento dei Savoia con la liberazione di tutto il grande territorio borbonico nel 1860, esplosero quasi all'improvviso in tutta la loro drammaticità. In letteratura, dopo il periodo del romanticismo, si sviluppò il fenomeno del verismo, teorizzato da Luigi Capuana e Giovanni Verga, come una propaggine italiana del naturalismo francese.

"Il mondo dei vinti" di Verga, con il suo spietato verismo, riproduceva una società, che fino ad allora non era mai entrata come protagonista nella narrativa italiana. Il popolo miserabile dei pescatori, come quello successivo dei contadini, risvegliava e riformulava una letteratura d'opposizione, una letteratura sociale, che nel naturalismo e nel verismo aveva trovato la sua collocazione naturale. Ma il verismo nell'accezione verghiana rimase un fatto pressoché isolato, perchè esso fondendosi con il positivismo di fine secolo produsse nuovi germi e nuove forme artistiche. Per questo, per capire la successiva produzione letteraria di Corrado Alvaro, bisogna ricollegarci a tutta quella stagione della cultura europea, in cui tra i primi anni del secolo XX° e fino all'avvento del fascismo, i valori del positivismo agirono sulla coscienza collettiva, modificandola in profondità. Più di quanto avesse fatto l'illuminismo. Il dominio, infatti, della ragione e della scienza aveva scavato con maggiore incidenza sulla cultura generale degli strati sociali più aperti della società occidentale. La psicologia, la psicanalisi freudiana e junghiana, il darwnismo furono misurati e introiettati sul filo della ragione e con il metro della stessa ragione.

Tutto ciò portò anche ad un ribaltamento delle stesse tecniche narrative e romanzesche, per cui venne abbandonata quasi del tutto la verticale idealistico – romantica (lo scrittore esprime la sua visione del mondo e dei fatti) in favore di una scrittura, che scava nella psicologia dell'uomo, attraverso i cammini impervi della coscienza del personaggio e crea una figura poco decifrabile, ma altrettanto reale, crea cioè l'eroe negativo, come negativi sono gli eroi di J. Joyce, di Proust e di Kafka. Gli abissi del pensiero e del sentimento umano, sia nella forma conscia che inconscia, attraverso gli intrighi di un subcosciente sempre in tensione, diventarono gli attori principali dei romanzi e la fonte primaria di nuove costruzioni artistiche e poetiche.

La prima esperienza forte, scioccante, la prima scossa psicologica, il primo trauma che lo allontana dalle forme liriche e crepuscolari dei suoi primi iscritti (*Poesie grigio verdi*, e i romanzetti (*l'età breve, Mastrangelina…*) è la sua disillusione nazionalistica, durante il servizio militare prestato sui campi di guerra durante il primo conflitto mondiale. Dinnanzi alla visione di tante inutili stragi (così Benedetto XIII aveva definito quella guerra!), di fronte alla morte violenta di tanti studenti, di innumerevoli operai e contadini, che le mitragliatrici austriache non risparmiavano, nella assurdità della guerra, fu preso – narra lui stesso – "da un senso di orrore e di spaesamento". Ebbe in sostanza lo stesso identico atteggiamento di scrittori come Boine, Slataper, Michelstaedter, che avevano provato lo stesso sdegno e senso di pietà profonda; anche loro, come Alvaro avevano provato una sensazione, vagamente socialista, umanitaria, una specie di pessimismo verghiano: i vinti della storia restano sempre gli stessi, la povera gente, i contadini analfabeti, gli operai ignoranti. I vincitori sono sempre i ricchi, i borghesi, i padroni. È proprio da questa esperienza che nasce il primo vero romanzo di Alvaro, *Vent'anni*, un vero e proprio urlo contro la guerra. Il suo è un bisogno morale, cui non può sottrarsi. È una scelta morale commista a grande compassione per tutti gli sconfitti, un segno di partecipazione umana e civile nei confronti dell'umanità offesa.

Nel clima intellettuale così inquieto e tormentato degli anni '20, matura in Alvaro una naturale avversione al fascismo, che aveva generato, attraverso la censura ed il terrore repressivo, una forma di glaciazione culturale; il grigiore amorfo e senza luce di questa stagione è ben evidenziato e analizzato nei personaggi de *Gli indifferenti* di Alberto Moravia.

Nel 1930, mentre è lontano, volontariamente esule in Germania, scrive il suo capolavoro *Gente in Aspromonte*. Il libro ha un grande valore letterario, sociale e documentaristico. Alvaro con questo libro si è liberato dal dannunzianesimo, ma non certamente dell'influenza solariana, con quel misto di ricordi melanconici, tristi, nostalgici, che spezzano il cuore e che introducono qualcosa di fantastico e di meraviglioso, che formano il mito moderno su cui si fonda la scrittura di Alvaro, dinnanzi al reale fatto di sofferenza, di denuncia sociale, di raffigurazione del dolore. Egli è impegnato in un'operazione di recupero culturale e, se possiamo dirlo, spirituale, e antropologico di una forma di vita ancestrale, primitiva, quasi al limite della sussistenza e della bestialità. E lo fa senza infingimenti, ma conciliando il mito e l'affabulazione*, con un velo di mistero e di abbandono lirico, e con un sottile velo di allusività* (W. Mauro). E fu appunto questa allusività che permise la

libera circolazione del libro. Ma per poco tempo, perchè poi il regime lo mise al bando, come aveva già fatto per *Gli indifferenti* di Moravia, *Il garofano rosso* di Elio Vittorini e *Tre operai* di Carlo Bernari.

Ma Alvaro non è interessato alla vicende sociali. Egli non è stato mai uno scrittore *engagé*, non si è mai avvicinato alla politica, né alla *politique d'abord* né alla politica come sistema di valori, o, peggio, come sistema di potere. Anche all'interno del mondo contadino, vive solo l'individuo, con le sue storie e le sue contraddizioni. La società di massa, è solo una massa formata da tanti individui, ognuno con una sua particolare ed unica sensibilità. Alvaro scrive solo per capire, esplorare questo uomo e/o questa donna.

Torniamo al capolavoro di Alvaro: *Gente in Aspromonte*, 1930, in cui è racchiusa la sua poetica, la sua *weltenschauung*, la sua visione del mondo, che resisterà per tutta la sua vita, con qualche modifica, qualche aggiustamento, determinato dalle circostanze temporali variate.

La sua vocazione è stata sempre quella di cantare la realtà umile e dolorosa della sua Calabria, le opere e i giorni, come novello Esiodo, dei suoi pastori dell'Aspromonte, la fatica e le vicende di tutta una folla di personaggi tragicamente autentici nelle passioni – la vendetta, l'amore – chiusi negli angusti orizzonti del piccolo paese e nella religiosa fedeltà a norme di vita e a valori, che sono la loro interiore ricchezza e nel contempo – refrattari e tagliati fuori dalla storia – la loro povertà (Guglielmino).

Al suo mondo, a quello della Calabria, egli guardava con nostalgia, con moduli di rappresentazione evocativi, lirici immaginando una Calabria stereotipata, entità mitica e favolosa, rifugio in contrasto con il mondo delle macchine, dell'industria, della metropoli affannata e insidiosa. D'altra parte, questi sono i tempi di *Solaria* e del '*900* di Bontempelli, il teorico del realismo magico. Egli cioè ha assorbito le più diffuse tendenze esigenze letterarie del tempo ma ha arricchito di una dimensione umana quei canoni che Bontempelli utilizzava per ricavare effetti di sortilegio e di arcano, lucidi ma freddi. Ora, invece, è il mondo dei pastori di Calabria – cioè una condizione umana che ha una precisa dimensione storico-sociale – che viene trasfigurato e si carica di qualcosa di nuovo, sfuma nel favoloso mondo della memoria. Così la tematica di Alvaro va intesa come una scelta di opposizione, di polemica politica, che però deve fare i conti con gli orientamenti letterari del tempo. Al caso Alvaro bisogna rifarsi per capire tanta produzione posteriore: *Conversazione in Sicilia*, infatti, e *le Langhe* per Pavese non sono dissimili dalla Calabria; anche in Vittorini e Pavese coesisteranno atteggiamento realistico, vocazione lirica, ambizioni di trasfigurazione.

Lo strumento letterario, con il quale viene narrata liricamente la vita della gente di Calabria è la fiaba. Le descrizioni dei paesaggi e dei paesi, mai chiamati con il loro nome, un Aspromonte magico, dove i torrenti, le montagne, le greggi sembrano parlare e avvolgere di poesia l'esistenza dei pastori, tutto concorre alla creazione di un universo fantastico. Persino la stessa forma narrativa sembra costruita senza tempo, come avvolta in una nuvola: ripetizioni di episodi, lieti fini con tanto di morale; sembra la stessa di molte delle fiabe che ci siamo sentiti raccontare nell'infanzia.

Ma la rievocazione del mondo della provincia nasce in Alvaro quasi da un bisogno di trovare un punto fermo, un patrimonio affettivo-lirico: la Calabria cioè è un'alternativa da contrapporre alla condizione dell'uomo moderno, oppresso dalla dittatura, alla frustrante esperienza che il provinciale è costretto a fare nella città. Allo stesso modo di Cesare Pavese, per il quale le Langhe erano un'evasione, un riposo dalla città infernale. Così in Alvaro si trovano in contrapposizione il suo momento lirico, la Calabria e il momento ispirato dall'angoscia di vivere nella Babele cittadina, che comprende *l'uomo del labirinto* (1926), parecchi volumi di impressioni di viaggio, tanta parte delle meditazioni di ***Quasi una vita*** e – più notevole di tutti – ***l'uomo è forte***. Tema di fondo di questo romanzo è la condizione di una società oppressa da un regime dittatoriale, nella quale il protagonista vive irretito in una cupa atmosfera di insicurezza e di sospetto.

Il viaggio nella Russia sovietica

Inviato dal quotidiano *La Stampa* di Torino, C. Alvaro va a scrivere dei *reportages* per il suo giornale in Turchia nel 1932, e pubblica il libro ***Viaggio in Turchia*** nel 1932. Era proprio la Turchia, dove da poco era iniziata la svolta epocale sotto la guida politica di Mustafà Kemal Atatürk, che tentava, dopo la smembramento dell'Impero Ottomano, di innestare sulla vecchia cultura religiosa, sulle abitudini ancestrali della società turca, fatte di servilismo e povertà diffusa, il nuovo percorso, molto impervio, dell'occidentalizzazione della società turca nella direzione laica, con princìpi dell'uguaglianza dei sessi e l'importazione di un sistema politico occidentale.

Alvaro visitò quelle terre lontane e tenendosi ben lontano dalla tentazione di entrare in disquisizioni di carattere storico o più propriamente politico, si immerse in quella che sarà poi la caratteristica di tutti suoi viaggi: descrivere le forme di abbrutimento, nelle quali vivevano quelle popolazioni, i vari tipi di religiosità, ai limiti delle suggestioni superstiziose, cui vanno incontro tutti popoli piuttosto ingenui, e lontani da ogni forma di civilizzazione. Nell'osservare la miseria di quelle terre, la povertà morale, il dolore di quella

desolazione non poteva sfuggire alla nostalgia della sua terra, con la quale mentalmente si rapportava.

Egli è solo l'inviato de ***La Stampa***. Poi nel 1934 parte per Mosca. Per lui non sono previsti incontri ufficiali, né con i grandi dirigenti della Rivoluzione, né con l'incipiente nomenklatura di funzionari del Partito, né con i direttori dei giornali né tanto meno con le altre strutture della società russa. Il suo viaggio non si svolse solo in territorio russo, ma anche in parti dell'allora ***Unione sovietica***, come Baku (Azerbaigian) o Sozgorod (Usbekistan), attraversando anche luoghi dell'Ucraina e della Siberia.

Molti critici letterari (quasi tutti) di Corrado Alvaro pensano giustamente che ***l'uomo è forte*** **(**romanzo pubblicato nel 1938, appena 4 anni dopo il viaggio) costituisca una traduzione romanzesca del soggiorno russo e considerano per la maggior parte che l'atmosfera di oppressione, che si respira nel libro, sia la trasposizione dell'oppressione del sistema poliziesco, del grigiore uniforme che avvolge l'intera società sotto la dittatura della Germania nazista (Hitler), dell'Italia fascista (Mussolini), e della Russia Sovietica (Stalin). Nel suo giudizio, non c'è nessuna distinzione tra destra e sinistra. Il metro di valutazione di Alvaro non contempla i paradigmi politici per un giudizio storico. Le sue osservazioni, come vedremo, hanno altra genesi e altra formazione. Appartengono a quella categoria morale, di tipica impronta kantiana, che spiega i fatti umani, partendo calla centralità della persona umana, e dividendo la azioni in buone o cattive, in brutte o belle, forse senza sfumature di grigio. L'integrità morale è il punto di partenza per il giudizio sulle vicende umane e sul mondo. I regimi politici vanno giudicati per quello che riescono a dare all'uomo, nella sua individualità. Ed il compimento del bene è la libertà. Solo la libertà consente che l'uomo possa vivere una vita piena, senza condizionamenti e senza grettezze etiche.

Quando parte per la Russia, egli ha già una sua idea personale sul paese che va a visitare. Conosce quello che i viaggiatori precedenti hanno detto sulle loro esperienze e sul loro giudizio sulla Russia rivoluzionaria; Benjamin, Shaw, Aragon, Malraux, Gide sono già andati in quei luoghi. C'erano stati anche viaggiatori italiani, come Luigi Barzini e Curzio Malaparte.

Walter Benjamin aveva viaggiato tra la fine del 1926 e l'inizio del 1927 per la Russia per due mesi. Ha lasciato un bellissimo documentario, in cui sono raccolte le sua annotazioni. Aveva ampiamente decritto tutte i suoi pensieri, anche le piccole storie, i piccoli dettagli, l'incrinarsi della sua fede politica, il suo struggente amore per una ragazza lettone, con la quale aveva avuto un'appassionata storia d'amore, che però alla fine si era risolta in una

rottura irreparabile. Scrive infatti con una commovente sincerità: "con la grande valigia in grembo percorro piangendo le strade che imbruniscono verso la stazione". La sua fede nella rivoluzione era stata incrinata dall'esperienza diretta, da cui si era reso conto che la società sovietica si stava avviando verso la costruzione di una forma autoritaria dello stalinismo, e che in quelle condizioni era impossibile immaginare qualunque ipotesi di nuova cultura o di nuova arte rivoluzionaria.

George Bernard Shaw andò a Mosca nel 1931, perchè innamorato della Russia e del suo sistema socio-politico. Restò fino alla fine un fervente stalinista, credendo che la Russia avesse cambiato il volto all'umanità ed indicato una via nuova. "Stalin – erano le sue parole (oggi ci sembrano incredibili!) – ha mantenuto tutte le sue promesse: ha creato una società giusta e di conseguenza mi tolgo il cappello davanti a lui". Egli infatti, era veramente convinto che il comunismo russo avesse realizzato tutte le forme socio-politiche poste dal fabianesimo, cui egli si ispirava.

Louis Aragon, fondatore con André Breton negli anni '20 del surrealismo e del dadaismo, dalle cui teorie successivamente abiurò, si recò in Russia molte volte. Innamorato pazzo della bella rivoluzionaria Elsa Triolet, scrittrice di origini russe, ne fece il perno della sua vita. Rimase comunista fino alla fine dei suoi giorni (1982). Gli elogi sperticati nei confronti di Stalin si sprecano. Fortunatamente la sua grande ed affascinate poesia resiste all'onda d'urto della sua (poca!) accortezza e perspicacia politica.

Andrè Gide era stato un tenace sostenitore della rivoluzione sovietica. Il suo spirito ribelle ed anticonformista lo aveva sempre portato a screditare tutta la cultura occidentale, nella quale vedeva solo conformismo e debolezza morale. Il suo entusiasmo per la rivoluzione fu altrettanto rapido, quanto fu la sua repulsa e la sua critica serrata. Il comunismo russo per lui è la realizzazione completa della pagine evangeliche del Cristianesimo. "Pur essendo cristiano, sono stato sempre comunista con il cuore e con lo spirito", scrisse su le *Pages de Journal* nel 1932. Poi si ricredette in maniera eclatante, suscitando moltissime polemiche e discussioni infinite. I suoi *Retour de l' Urss* e *Retouches à mon retour,* scritti nel 1937, furono analizzati e fatti propri come potenti strumenti della propaganda antisovietica.

André Malraux, l'unico non comunista invitato al convegno degli scrittori sovietici nel 1934, scrisse i suoi *carnets de l'URSS*, in seguito appunto a questo viaggio fatto con la compagnia dell'amico russo Ilja Erenburg. I *carnets*, per la verità sono solo appunti e sono stati pubblicati solo nel 2007, ma non aggiungono nulla alla credibilità umana e politica di Malraux.

Durante il viaggio, fece – lo dice lui stesso – l'ascoltatore: era interessato a conoscere l'animo, lo spirito dei russi, la loro condizione umana. D'altronde non era un caso che proprio lui avesse scritto ***la condition humaine***. Ma il suo giudizio rimase positivo sulla Rivoluzione, non fu infranto successivamente neanche dai processi di massa degli anni 1937-1940. Arrivò allora al punto di teorizzare che "*come l'Inquisizione non distrusse la fondamentale dignità del Cristianesimo, così i processi di Mosca non hanno diminuito la fondamentale dignità del comunismo*".

Corrado Alvaro conosce bene i giudizi politici dei suoi compagni di strada, letterati e intellettuali, che vanno o sono andati in Russia. E allora bisogna premettere qualche osservazione preliminare per comprendere esattamente ciò che Alvaro cercava in Russia.

1) Egli non parte per avere conferma o per verificare il suo grado di ideologia socialista nella patria del socialismo realizzato, come è avvenuto per la maggior parte di intellettuali europei ed italiani, soprattutto francesi ed inglesi.

2) Il suo interesse non è di natura politico, o istituzionale. In Italia il regime gode di un consenso straordinario, al di sopra di ogni aspettativa. Dopo appena due anni, nel 1936 Mussolini proclamerà la rinascita dell'Impero romano, con l'annessione dell'Etiopia e parte della Somalia: non esiste una sola voce di opposizione, perchè gli oppositori o sono in carcere o sono fuorusciti in Francia. Lo stesso Alvaro, che pure aveva firmato il Manifesto antifascista nel 1925 fu in qualche modo sedotto dalla propaganda fascista se è vero, come è vero, che aveva scritto qualche anno prima del viaggio in Russia, il volumetto *Cronache dell'agro pontino*, pubblicato dall'Istituto Nazionale di Cultura Fascista. Si tratta in effetti di un caso isolato nella vita di Alvaro, questa sua debolezza nei confronti del fascismo. D'altra parte i fascisti non gli avevano mai perdonato la sua collaborazione con il mondo del liberale Giovanni Amendola. Debolezza abbastanza evidente per il senso di solitudine e di angoscia che l'autore viveva in maniera molto profonda. Ne è testimonianza la trilogia *Memorie del mondo sommerso*, in cui emerge con nettezza il senso di precarietà delle cose e degli uomini, il vuoto intellettuale, la solitudine desolante. Una crisi esistenziale, superata tuttavia dal recupero di un senso di moralità e di scatto etico nei confronti della bassezze menzognere del fascismo.

3) Alvaro per formazione non si è impegnato nella lotta politica. Il suo faro è la moralità, il senso etico delle vicende umane. Ed è questa sua intrinseca moralità che lo porta lontano dal fascismo, lo colloca anzi agli antipodi, in

forma naturale. Alvaro non ha una cultura, che si richiami ad una ideologia. È naturalmente, potremmo definirlo, antifascista, per natura direbbe Aristotele. Non ha la caratura oppositiva di Ignazio Silone, comunista integro fin dalla fondazione del Partito, 1921, poi allontanato dallo stesso partito, anch'egli è molto vicino, romanticamente, alle posizioni e alle condizioni di vita dei contadini. La sua conversione al cattolicesimo militante (*cristiano senza chiesa*) e la sua umanità, la sua speranza nel riscatto dei deboli, ne faranno un ottimo scrittore, precursore del neorealismo.

4) Alvaro, anche dopo la fine del fascismo, non è uno scrittore ***engagé***. Il suo esclusivo interesse è letterario, osservare gli uomini/le donne per carpirne i moti dell'animo. La sua compassione per i deboli non è mutuata da un sistema articolato di convinzioni ideologiche. È solo lo specchio della sua profonda umanità. Si sente compartecipe del dolore del mondo.

Alvaro, partendo da Varsavia, il 13 giugno arriva a Mosca e lì si fino al 23 luglio 1934 (quaranta giorni) con soggiorni a Kazan, Gorki, Baku, Sozgorod, Leningrado, oggi San Pietroburgo e altre città dell'Unione Siovietica. Queste sue esperienze sono tutte riportate sulla *Stampa* sotto forma di corrispondenze e con diversi titoli. Per esempio la corrispondenza da Rostov sul Caucaso era intitolata *Le terre nere*; quando si trovava sul treno tra Rostov e il Caspio, *i luoghi del fuoco eterno* e così via. Rimase come sbigottito allo spettacolo dell'immensa pianura di grano, terra enorme senza montagne e senza limiti, sterminata pianura, *una terra piana infinitamente*.

Nell'*Avvertenza* scritta nell'edizione del 1943, egli precisa un fatto che è importante per comprendere lo stato d'animo dello scrittore quando aveva visitato la Russia. Scriveva:

"sono convinto, per una certa pratica di viaggi, che un paese anche difficile, anche misterioso, si capisce subito quasi movendo il primo passo fuori dalla stazione, o non si capisce mai per si faccia e ci si muova. La vita quotidiana è scritta in viso a quelli che passano, sul selciato della strada, in fronte agli edifici, nelle abitudini di vita, nelle botteghe, nelle domande occasionali dei vicini, nei bisogni dell'umanità, che circonda il viaggiatore e che finiscono a proiettarsi nella sua stessa vita". (*Avvertenza*, in *Viaggio in Russia* p.6-7)

Il suo metodo di indagine, come si vede è semplicissimo: per capire un paese, bisogna interrogare i visi delle persone, parlare con i cittadini, che si incontrano, osservare i loro costumi, analizzare i loro edifici, chiedersi quali bisogni, quali costrizioni i lavoratori affrontano, come si vestono. Oggi la chiameremmo, indagine sociologica. Ma è quello che effettivamente interessa

ad Alvaro. Quando percorre la Russia, la vasta, immensa Madre Russia, egli si porta dentro nella sua mente le chiavi letterarie di Dostojevski, di Leone Tolstoi, di Anton Cechov, Ivan Turgeniev, Nikolai Gogol, della grande letteratura russa, di cui è profondo estimatore.

Le sue riflessioni sul viaggio, comprendendo in questo quadro anche il viaggio che sempre come inviato de ***La Stampa*** fece nel 1937 nelle repubbliche baltiche, sono pensieri, annotazioni, rievocazioni, che gli vengono improvvise dinnanzi alla visione della grandezza del Volga, dalla vista di una bambina che piange, dagli edifici cadenti, dalle visite ai kolkoz, da un colloquio con qualche giornalista (raro) che incontra casualmente, dalle nenie lamentose cantate da contadini nella pianura ricca di grano, nelle primordiali forme dei primi insediamenti industriali. Insomma, ogni cosa è uno spunto per una riflessione, che diventa immediatamente un termine di paragone con l'Italia o meglio con la sua Calabria ed i suoi pastori.

È oggettivamente difficile ordinare, dare una cronologia logica alla massa di pensieri, che gli saltano in testa, ogni momento. I suoi pensieri non seguono un filo ordinato di un preciso ragionamento, né politico, né sociale, né teso alla forma poetica o narrativa. Sono solo annotazioni di costume, di spunti, che la sua cultura e la sua formazione, intrappolata in una fase intermedia di decadentismo e di realismo, riesce a elaborare sul momento.

Pur con questa difficoltà, proveremmo a dare forma compiuta alle sue riflessioni, suddividendo la narrazione dei suoi viaggi su due aspetti fondamentali: l'analisi sociale e politica, la natura (campagna-città).

Sul primo punto, analisi socio-politica dell'URSS, il suo giudizio è senza appello. Descrive una Russia in preda all'anarchia, al caos, al terrore poliziesco. Nessuno guarda in viso i propri interlocutori. Nelle strade delle città russe, la folla non si volta mai indietro, non si ferma per nessun motivo, non sa stare tranquilla, non parla con nessuno. È una *massa solitaria* amorfa, disordinata, impaurita, in mezzo alla quale moltissimi sono delatori ed informatori della Ghepeù. Ha scoperto il trucco con cui è stato ideato l'Intourist, l'Agenzia di viaggi, costruita ad arte da parte dei mefistofelici dirigenti del PCUS, quel meccanismo geniale con il quale si organizzavano i viaggi guidati, utilizzando il cosiddetto metodo Potemkin.

Marcello Flores, autore de *L'immagine dell'Urss. L'occidente e la Russia di Stalin*, definisce l'ingranaggio creato dai russi "il metodo Potemkin", dal nome di quel primo ministro di Caterina II che costruiva interi villaggi finti affinché l' imperatrice in visita ne ricavasse un' impressione di benessere. "Questa costruzione di paradisi posticci", spiega ora Flores, "diventerà una

costante psicologica nei rapporti fra l' Urss e gli ' altri' . A livello fisico, trionferà durante i piani quinquennali. Il visitatore si trovava di fronte a una facciata, fatta di grandi spazi industriali, mentre non gli era consentito scorgerne il retroscena: cioè i prezzi sociali che la gente pagava per l' industrializzazione. Perfino di fronte allo sterminio dei kulaki, non mancava qualche argomento capace di predisporre gli osservatori all' indulgenza: il paese era teso nello sforzo di modificare antiche condizioni di arretratezza agricola".

L'*Intourist* era la realizzazione pratica dell'imbroglio sovietico. A disposizione dei viaggiatori, soprattutto delle delegazioni occidentali, venivano scelti i migliori alberghi, le cameriere parlavano le lingue occidentali e si mostravano molto istruite, i quadri del partito accompagnavano le delegazioni in luoghi appositamente addobbati e con abbondanza di cibo e di bibite, o vodka. In italiano diremmo, come i carri armati di Mussolini. Quando Mussolini si spostava da un luogo all'altro per vedere la quantità di carri armati per la guerra, i suoi fidati generali spostavano sempre gli stessi carri armati da un posto all'altro. Fu così che portò l'Italia al disastro. Una facciata di benessere e di vita assolutamente falsa. Un'impalcatura per imbrogliare gli stranieri.

Alvaro sostiene di non avere mai avuto alcun pregiudizio né di tipo storico o prettamente politico sulla Rivoluzione. Si sforza di essere preciso anche nei dettagli, limitandosi a dati oggettivi. Così annota come lo Stato sovietico sia una perfetta continuazione della vecchia politica dell'imperialismo slavo. D'altra parte anche Stalin ragiona come uno zar. La rivoluzione è stata un grande cataclisma ed insieme una forma di grande vacanza disordinata. Il culto della tecnica, che ha sostituito il culto religioso ortodosso, ha prodotto una rivoluzione di macchine. Del governo egli fa emergere chiaramente la sovrapposizione totalitaria della figura di Stalin, come Presidente di tre grandi strumenti politici e legislativi: segretario generale del Partito (PCUS), capo assoluto del Comintern (la Terza Internazionale, "una specie di Papato") e capo della famigerata polizia di stato, la Ghepeù. Egli inscrive la rivalità tra Stalin e Trotski come un fenomeno generazionale, indicando in Trotski, un reazionario, che non aveva il senso della realtà; più pericoloso dello stesso Stalin, perchè propugnava la Rivoluzione mondiale permanente. Sui grandi processi politici, che insanguinarono la Russia negli anni 1935-1940, si limita negli scritti (***URSS vent'anni dopo***, in Omnibus a.1- n.1 1937) ad osservare che questi spettacolari processi politici sembrano una raffigurazione teatrale e sacrificale, ponendosi il quesito se essi in questa gara verso la morte fossero la causa dell'annientamento della coscienza o l'estremo sacrificio del cittadino

russo allo stato. Nessun cenno né all'uccisione di Kirov, che fu la causa scatenante delle purghe staliniane, né delle migliaia di dirigenti comunisti, massacrati dalle farse dei processi sommari e finti. Stranissimo, perchè anche allora non si poteva dire di non sapere. Milioni di cittadini sovietici sono stati massacrati nel silenzio e forse nell'indifferenza generale o nell'ignoranza assoluta. D'altra parte il Novecento è il secolo dei massacri!

Annota ancora con una punta di amarezza:

Questa massa collettivizzata, incolonnata per le strade, accodata davanti ai negozi, accampata inattesa del treno, accomunata dal lavoro, riunita per le feste, a tutta questa massa rassegnata si contrappone altre gente, che è nomade sia per un impulso fisiologico, sia per la necessità vitale di andare in cerca di stipendi migliori, persone che sono 'volatori', perpetui migranti che deambulano in aperto contrasto con la collettivizzazione imposta dallo stato. In più esiste un profondo antagonismo tra le classi sociali. Finita la festa dell'uguaglianza, è intervenuto l'odio di classe. Sono privi di diritti civili tre milioni di persone, discendenti dei borghesi e degli intellettuali potenti prima della rivoluzione, superstiti che si aggirano con gli stracci diventati veste tragica. La conclusione di ciò è che il governo immeschinisce, gli operai, fomenta l'odio di classe, istiga al disprezzo per i superiori di una volta, banditi come paria, per i lavoratori invecchiati, considerati *brak*, cioè materiale di scarto, per gli affamati.

Nella visione di Alvaro, la Russia rappresenta, nella storia tra Oriente e Occidente, un vero e proprio ossimoro, un luogo di grandi contraddizioni, nel clima dagli improvvisi cambiamenti, nella contrapposizione tra steppa e città, tra contadino e operaio, nei piani politici ed economici che cambiano e si annullano a vicenda, nelle contraddizioni della vita quotidiana, nell'alternanza di ricchezza e povertà, nel nomadismo che sfugge alle costrizioni e alle imposizioni, nel carattere cangiante dei russi; l'antitesi può diventare un inferno di complicazioni, dove il vecchio uomo risorge ed il nuovo non è ancora nato! In questo paese delle contraddizioni, infatti, agli zar sono subentrati i soviet, generando il medesimo senso di dipendenza, eredità fatale per questo popolo senza storia, che non conobbe medioevo né Rinascimento né dominio della borghesia, ma solo rivolte fino alla rivoluzione del 1917 passando senza transizione dalla barbarie e dal feudalesimo alla festa e alla 'vacanza' dell'uguaglianza nella violenza, per giungere all'odio di classe, all'isolamento dal resto del mondo e all'accelerazione frenetica di esperienze politiche ed economiche che richiedono secoli, sempre gravato dalla carenza di civiltà e di convivenza civile.

La rivoluzione? Una favola terrificante o utopistica. Ritorno dal mio viaggio in Unione Sovietica, ed io ci credo ancora di più fermamente.

La rivoluzione staliniana aveva operato come un diluvio universale, abbattendo tutto ciò che si potesse frapporre alla costruzione di un mondo nuovo. Gli sembrò la Russia nuova un paese senza storia, senza passato significativo, che rifiutava il suo passato, perchè "il passato è la controrivoluzione, come aveva esclamato lo scrittore dell'*Armata a cavallo* Isaac Babel al convegno degli scrittori comunisti nel 1934.

Sul secondo punto, rapporto uomo-natura:

La terra è quella che colpisce la scrittore calabrese, le foreste per esempio lo impressionano perchè lui è nato in un paese di pietra. Il legno, utilizzato dai russi sia per le casette sparse un po' ovunque nell'immensa steppa sia perchè di legno sono fatti tutti gli archi che celebrano il trionfo del proletariato, suscita sentimenti strani nello scrittore che mette in paragone "***i grandi agglomerati delle città, all'interno di caserme irrazionali***" con le casette lignee, così fragili e esposte al fuoco.

Guarda con occhi curiosi meravigliati la mescolanza tra Oriente ed Occidente che si trova a Mosca:

Una città medievale e asiatica i cui piani sono di assomigliare a Londra e a new York….la piazza sfoga come in un deserto e si ricongiunge all'immensa pianura lontana, la chiesa sta selvaggia come un idolo, crudele come un totem, con le sue cupole tine di verde e di rosso….Qui si ritrova Bisanzio, Venezia e la Cina.

A Zernograd, la città del grano, vede una bambina che gioca sotto la pioggia e commenta poeticamente.

Fuori era la libertà e il capriccio dell'aria, dello spazio, degli elementi, e credo che la bambina proprio questo cercasse istintivamente. Tra le quattro mura della piazza l'architettura operaia era già vecchia e decrepita a confronto della sterminata gioventù della terra.

Vittime consenzienti di queste sistema massificato sono le donne. Egli paragona l'animo femminile russo al Volga, *vago, liquido come il gran fiume.* Scrive*: "la Russia di oggi dovrebbe fare un monumento alle sue donne. Le hanno divorate come il pane, buttate a piene mani come le sementi, vendemmiate come l'uva d'autunno.* Commenta inoltre che le donne russe avevano sacrificato sull'altare della rivoluzione la loro vita, avendo offerto ad essa tutta la loro bellezza femminile, vestendosi con il basco e la divisa, con la sciarpa rossa ed i calzini alla caviglia. Ma a me sembra eccezionale, oltre che veritiero, il suo ritratto delle donne russe, perchè con tratti raffinati ne

coglie tutta la complessità, mettendo a fuoco la loro lacerazione nel contrasto dirimente tra il vecchio modo di essere al tempo degli zar e la nuova avventura, faticosa ma libertaria, della rivoluzione. Scrive un lungo articolo (*Omnibus* a.1, n.1, 1937) di grande e acuta finezza psicologica:

Ricordate Natascha Rostov in *Guerra e Pace*? Fantastica, vittima del primo impulso, appena sposata si calma e ingrassa, è tutta casa e famiglia e quanto prima smaniava di piacere, ora smania di avere suo marito sotto le sue ali. È forse il tipo più eloquente del romanzo e dice molto della donna russa. Vale a dire che l'adolescenza di essa è piena di suggestioni fantastiche, di smoderatezze, di aspirazioni indefinite, concentrate tutte nell'attesa di entrare nella vita adulta e virile. È una grande energia che cerca il suo impiego, e può cadere in tutti gli eccessi, scivolare in tutti i pericoli. Ha qualcosa di morboso, come tutte le energie represse. La donna significa molto al cuore di un russo. Rappresenta la cultura e la tradizione locale, etnica, e terrestre della Russia, le abitudini, i riti, la mentalità, gli usi. Partecipa fisicamente del suo paese. La donna russa è vicinissima alle stagioni e al clima della sua terra. Imprecisa come questa, come questa sfocata, con qualcosa di errante come i suoi fiumi e l'infinito ondeggiare della pianura, è incapace di una completa espansione e, prima che nella sua natura fisica, è donna nella fantasia e nella ragione.

La sua perspicacia e la sua curiosità nei confronti della terra gli fa subito comprendere che i contadini sono contrari, anzi ostili alla collettivizzazione forzata delle terre predisposta dallo stesso Stalin con il II piano quinquennale, perchè la terra è stata trasformata in una grande fabbrica, la campagna è stata ridotta ad un immenso magazzino, i contadini sono privi della loro intimità con la terra. Poi afferma:

non c'è stato un solo momento in cui abbia rimpianto la vecchia Russia.

Eppure non si direbbe, egli che ricorda ogni minuto la vecchia zolla di terra dei vecchi contadini, la pioggia liberatrice, la casetta formata dai tronchi di alberi possenti delle fitte foreste lungo il Volga, i vagabondi delle pianure, il mercatino libero di contadini tristi, e ancora le greggi incarcerate, l'oro putrido di Baku, e l'orrendo coro degli affamati. Egli stesso riconosce: "mi accorgo di avere portato nelle mie investigazioni un pregiudizio, al quale del resto nessun uomo civile può rinunziare; il pregiudizio di chi proviene da una civiltà che ha considerazione dell'uomo".

In queste due affermazioni si può condensare il pensiero di Corrado Alvaro: la consapevolezza della sua storia di europeo, ricco di cultura millenaria, di arte che affonda le proprie radici nel mondo greco-romano, la sicurezza di vivere in un paese che vive la contraddizione tutta borghese

di una dittatura onnipresente, che marcia in direzione sbagliata, ma che pur rappresenta un passo avanti nella industrializzazione e nel progresso civile in confronto alla cultura proveniente dall'Asia, che ha aspetti e caratteristiche specifiche di totalitarismo e di servitù strisciante. La superiorità dell'europeo sta nell'evoluzione del suo pensiero da Socrate a Kant, a Hegel, nella sua architettura, nella storia del diritto e quindi del senso della giustizia, nella magnificenza delle sua Chiese, nella storia della modernità, nella sua filosofia dell'individuo contrapposto alla società massificata. E così egli oppone alla Russia Sovietica sul piano sociale e morale un'Europa che 'satura di industrialismo' deve affrontare problemi non 'materiali', come la Russia, ma morali e problemi che contribuisce a risolvere l'ideologia socialista, in modo paradossale dal momento che la stessa economia non ne sopporterebbe l'impatto. Esprime ammirazione per la stessa Europa, per la secolare capacità di imprimere capacità a quanto proviene dall'Oriente, ordine, chiarezza, umanità e forza di vita augurandosi che essa sappia fare prevalere il suo compito storico di regolatrice, legislatrice, salvatrice. All'Europa lo scrittore riconosce il merito di serbare l'antica fede religiosa, mentre la Russia ha rotto i ponti con le cose supreme, ed ha bandito libertà di coscienza, di arbitrio, senso di sé e delle libertà individuali. Mentre l'Europa serba la considerazione dell'uomo, la civiltà del singolo, ed ha a cuore la conciliazione dell'uomo con la massa, la Russia giunge a ridurre alla fame e alla disperazione intere popolazioni. Fra 50 anni – profetizza beffardamente – i russi andranno a colonizzare altri paesi ed esporteranno la guerra, come triste risultato dell'ideologia della fratellanza.

Un fondo di religiosità continua a formare il carattere russo, che nella pianura infinita sente il bisogno del divino, pur rinnegandolo con accanimento, e fu profeta Dostojevski nell'asserire che i russi, stabilita l'assenza di un dio, sarebbero pronti a farne una nuova religione; e la propaganda dello stato altro non è che un'operazione di partecipazione mistica ad un rito comune, attraverso radio, club, congressi, una vita contemplativa, che nella logorrea serba la cadenza di da sequenza religiosa. La chiese trasformate in musei antireligiosi manifestano questo misticismo ribaltato.

Bibliografia di Alvaro e URSS

1. Manacorda Giuliano Le esperienze di Alvaro in Società, Einaudi – Torino a .X, n.6 1954;
2. Virdia Ferdinando Corrado Alvaro in Dizionario biografico degli italiani, Istituto ------ Enciclopedia Italiana vol. II p.584 – Roma 1960;

3. Balduino Armando Corrado Alvaro Mursia – Milano 1972;
4. Mauro Wallter Invito alla lettura di Alvaro Mursia – Milano 1973
5. Cara Domenico Corrado Alvaro Il Castoro – Firenze 1974;
6. Cassata Maria Letizia Corrado Alvaro Le Monnier – Frenze1974;
7. Luti Giorgio La lezione politica e civile di Alvaro in AA.VV: Corrado Alvaro, l'Aspromonte e l'Europa Casa del Libro R.Calabria1981;
8. AA. VV. Corrado Alvaro, cultura, mito, realtà Lucarini – Roma 1981;
9. Misefari Enzo Alvaro politico Rubbettino – Soveria Mannelli 1981;
10. Luperini Romano Il Novecento Loescher – Firenze 1981;
11. Palermo Antonio C. Alvaro in Novecento Vol.VI p. 5314 Marzorati Milano 1982;
12. Blancato Mario Note scrittori meridionali in Laboratorio pp.19-29 Siracusa n.5/1982;
13. Palermo Antonio La solitudine del moralista Liguori – Napoli 1986
14. Falco Pasquale Utopia e periferia ne 'Luomo è forte' in AA.VV. Utopia e realtà nell'opera di C. Alvaro, a cura di P. F, Cosenza Periferia – Cosenza 1987;
15. Reina Luigi Percorsi alvariani Le Pleiadi – Napoli 1988;
16. Pedullà Walter Introduzione in C. Alvaro, Scritti dispersi Bompiani – Milano1995;
17. Guglielmino Salvatore Guida al Novecento Principato – Milano 1998:
18. Bassignana P.L. Fascisti nel paese dei Soviet Bollati Boringhieri – Torino 2000;
19. Morace Aldo Maria Un occidentale nella Russia sovietica Falzea –R. Calabria 2002:
20. Corrado Alvaro I maestri del diluvio. Viaggio nella Russia sovietica – Introd. di Anne Christine Faitrop-Porta Falzea – R. Calabria 2004;
21. Petracchi Giorgio Viaggiatori fascisti e/o fascisti in Rivista studi politici internazionali a.81 fasc.321….pp.35-59; Città di Castello 2014;

Elena Gaetana Faraci
PhD, Professor of
University of Catania
Italy

Mazzini and the Russian Democrats The Risorgimento and the Reforms in the Tsarist Empire

Mazzini e i democratici russi Il Risorgimento e le riforme nell'Impero zarista

Il tema di questa relazione riguarda i rapporti di Mazzini con i democratici russi e, in particolare, con Aleksander Herzen. Si tratta di un argomento poco indagato dalla storiografia, che finora ha dedicato particolare attenzione all'attività mazziniana nell'Europa orientale e nei Paesi balcanici.
L'autrice, indagando sugli scritti di Mazzini e di Herzen, ricostruisce nella prima parte la sensibilità del patriota genovese nei confronti dei movimenti democratici e liberali russi, a partire dai decabristi. Nella seconda parte emerge il rapporto tra Mazzini ed Herzen, il noto occidentalista russo, che alla vigilia della rivoluzione del 1848 si è recato in Occidente per cogliere le differenze economiche e politiche rispetto alla Russia. L'emigrato russo apprezza i movimenti rivoluzionari per l'affermazione di nuove istituzioni democratiche e per l'unificazione italiana.
Dopo il fallimento di queste esperienze, comincia a riflettere sui limiti della strategia mazziniana, ritenuta incapace di coinvolgere nella lotta gli strati sociali più poveri come i contadini. Attraverso queste considerazioni emerge la strategia herziana sulla necessità di realizzare in Russia un graduale processo riformatore con il coinvolgimento dell'autocrazia e con l'obiettivo prioritario dell'abolizione del servaggio. L'autrice dedica l'ultima parte della relazione agli influssi esercitati dai metodi di organizzazione e di lotta mazziniani sul movimento democratico e populista russo. In questo quadro, assume particolare interesse la ricostruzione dell'attività della *Giovane Russia*, che a partire dagli anni Sessanta opera fra gli studenti universitari. Certo, tra gli obiettivi perseguiti non mancano le differenze. La gioventù russa, dopo la liberazione dei servi, assume toni decisamente rivoluzionari, chiedendo una profonda trasformazione delle campagne russe.

Parole chiave: Risorgimento, democratici, Impero zarista, riforme, populismo, *Giovane Italia*, *Giovane Russia*, *Giovane Europa*

Mazzini and the Russian Democrats The Risorgimento and the Reforms in the Tsarist Empire

Abstract. The theme of this report concerns Mazzini's relations with the Russian democrats and, in particular, with Aleksander Herzen. This is a topic that has been little investigated by historiography, which until now has paid particular attention to Mazzini's activity in Eastern Europe and in the Balkan countries.
The author, investigating the writings of Mazzini and Herzen, reconstructs in the first part the sensitivity of the genovese patriot towards the Russian democratic and liberal movements, starting from the decembrists. In the second part emerges the relationship between Mazzini and Herzen, the well-known Russian westernist, who on the eve of the 1848 revolution went to the West to catch economic and political differences with Russia. The Russian emigrant appreciates the revolutionary movements for the affirmation of new democratic institutions and for Italian unification.
After the failure of these experiences, he began to reflect on the limits of Mazzini's strategy, considered incapable of involving the poorest social classes such as peasants in the struggle. Through these considerations the Herzen's strategy emerges on the need to achieve a gradual reform process in Russia with the involvement of the autocracy and with the priority objective of the abolition of the serfdom. The author dedicates the last part of the report to the influences exerted by Mazzini's methods of organization and struggle on the Russian democratic and populist movement. In this context, the reconstruction of the activity of the *Young Russia*, which since the sixties operates among university students, is of particular interest. Of course, there are differences among the objectives pursued. The Russian youth, after the liberation of the servants, took on decidedly revolutionary tones, calling for a profound transformation of the Russian countryside.

Keywords: Risorgimento, Democrats, Tsarist Empire, Reforms, Populism, *Young Italy*, *Young Russia*, *Young Europe*

La storiografia ha dedicato una particolare attenzione ai rapporti tra Giuseppe Mazzini e i democratici dell'Europa orientale e dei Paesi balcanici. Si conosce ormai la presenza mazziniana fra serbi, croati, bulgari, bosniaci, romeni e greci, i quali, nell'ambito del principio di nazionalità, avevano interesse alla realizzazione del progetto della *Giovane Europa*[1].

[1] Cfr. E. Morelli, *Mazzini. Quasi una biografia*, Edizioni dell'Ateneo, Roma 1984, p. VIII; F. Guida, *Idea di nazione e questione delle nazionalità nel pensiero di Giuseppe Mazzini*, in «Cuadernos de Historia Contemporánea», 2001, 23, p. 175; A. D'Alessandro, *Mazzini e l'Europa sud-orientale nella storiografia degli ultini trent'anni*, in «La Capitanata», 54, 2006, pp. 145-155.

Modesti, viceversa, sono stati finora gli studi sulle relazioni del patriota genovese con i democratici russi. Le indagini in tale direzione richiedono un approfondimento sull'effettiva incidenza del mazzinianesimo e delle vicende politiche dell'Europa occidentale di quel periodo sulla strategia politica dei democratici russi nella lotta contro l'autocrazia. Sotto questo profilo, il mio contributo riprende, con rinnovato interesse e con uno spettro tematico più ampio, i pochi studi esistenti sull'argomento, dedicando particolare attenzione al ruolo svolto da Aleksander Herzen[1].

È ormai noto che, a partire dagli anni Trenta dell'Ottocento, Mazzini avesse maturato il suo pensiero politico fondato sul principio di nazionalità, in base al quale le nazioni erano destinate ad essere protagoniste del nuovo avvenire europeo. Per l'affermazione di tale processo i maggiori ostacoli erano costituiti dalla presenza dei grandi imperi multinazionali: l'Impero turco e, soprattutto, l'Impero asburgico. Alla centralità dell'Austria e ai deliberati del Congresso di Vienna, Mazzini contrapponeva un nuovo ordine fondato sul ruolo particolare dell'Italia, della Germania e della Polonia, intorno alle quali si sarebbero unite, rispettivamente, le razze latine, germaniche e slave[2].

Vittime dell'oppressione straniera, della mancanza di ogni diritto nazionale, questi Paesi dovevano preparare una guerra insurrezionale, generale e repubblicana. Su queste tre nazionalità Mazzini imperniava la *Giovane Europa*. In particolare, guardava al grande mondo slavo, dal quale si attendeva lo sviluppo di importanti energie destinate a infondere nuova linfa alla civiltà europea[3]. Il compito di aggregarle spettava alla Polonia, la nazione martire per eccellenza, mentre la Russia doveva avere il compito di estendere all'Asia l'influenza europea. Analogamanente alle altre organizzazioni nazionali che favevano capo alla *Giovane Europa*, Mazzini cominciò a sognare la costituzione di una *Giovane Russia*. Naturalmente, per le politiche repressive adottate dall'Impero zarista negli anni Trenta dell'Ottocento, il movimento rivoluzionario versava in condizioni molto precarie. Il nome di Mazzini e

---

[1] Cfr. W. Giusti, *A. I. Herzen e i suoi rapporti con Mazzini e l'Italia*, Istituto per l'Europa Orientale di Roma, Roma 1935; V. Nevler, *La Russia e il Risorgimento*, Bonanno, Catania 1976; F. Venturi, *Il populismo russo*, 3 voll., Einaudi, Torino 1972.

[2] R. Romeo, *L'influsso rivoluzionario di Mazzini in Europa*, in «Nuova Antologia», a. CXXII, fasc. 2161, gennaio-marzo 1987.

[3] Cfr. A. Levi, *La filosofia politica di Giuseppe Mazzini*, nuova ed., Morano, Napoli, 1967, pp. 231-258; L. Girard, *Mazzini et la France*, in *Mazzini e il mazzinianesimo* (Atti del XIV Congresso di storia del Risorgimento italiano), Istituto di Storia del Risorgimento, Roma 1974, pp. 131-145.

gli obiettivi della *Giovane Europa* erano comunque conosciuti nella Russia del tempo. Tra l'intellighenzia e i movimenti democratici russi, inoltre, non mancavano i suoi ammiratori[1].

Questo interesse emerse negli anni Quaranta quando il movimento russo intensificò le proprie iniziative in concomitanza con il processo rivoluzionario nei Paesi dell'Europa orientale. Mazzini, in contatto soprattutto con gli emigrati polacchi, manifestava la propria soddisfazione per le novità maturate in Russia. A tal proposito esprimeva parole di simpatia e di ammirazione per l'eroismo e per l'abnegazione dei rivoluzionari russi in occasione dell'insurrezione decabrista. Certo non mancavano le osservazioni sulle divisioni esistenti in ordine agli obiettivi, ma il patriota genovese evidenziava i legami fraterni di tutti i democratici dell'Europa orientale e occidentale nella lotta per la causa dell'umanità.

Nel luglio 1845, unitamente ai democratici polacchi, Mazzini pubblicò l'*Indirizzo ai russi*, nel quale si parlava della solidarietà tra i repubblicani italiani e i rivoluzionari russi. In particolare, egli sosteneva che i decabristi «erano fratelli di tutti coloro che si battevano per la libertà e la giustizia sulla terra»[2]. I popoli slavi, con la Russia e la Polonia alla guida per ragioni storiche e geografiche, dovevano portare avanti questa missione. Gli interventi di Mazzini erano noti negli ambienti degli emigrati, ma poco conosciuti in Russia per gli interventi della censura. Alla conoscenza del pensiero mazziniano contribuì il grande democratico rivoluzionario Alexander Herzen, come si evince dalle sue lettere e dalle sue opere.

Su Herzen la letteratura è ampia, in Russia e in Europa. Qui basta ricordare che egli, appartenente al movimento occidentalista, proponeva il rinnovamento e la modernizzazione dell'Impero zarista con l'immediata abolizione della servitù della gleba e con la concessione di quei diritti civili e politici minimi necessari per la trasformazione del Paese in una monarchia costituzionale o, in casi più estremi, in una repubblica[3]. Il movimento occidentalista, come è noto, alla metà del secolo XIX cominciò a interrogarsi sul cammino percorso dalla Russia e sul suo confronto con l'Europa. Non si deve pensare che la critica e l'avversione per le istituzioni e per la vita sociale russe provocasse un'accettazione del modello occidentale. All'interno

---

[1] M. Clementi, *Mazzini e la Russia*, in G. Limiti (a cura di), *Il mazzinianesimo nel mondo*, Domus mazziniana, Pisa 1996, pp. 143-209.

[2] V. Nevler, *Mazzini e i democratici rivoluzionari russi*, in Id., *La Russia e il Risorgimento*, cit., pp. 109-120.

[3] W. Giusti, *A. I. Herzen e i suoi rapporti con Mazzini e l'Italia*, cit.

del movimento, anzi, emergevano le posizioni volte a individuare limiti e contraddizioni[1].

Alla conoscenza di questo processo contribuiva l'esperienza personale dello stesso Herzen. Abbandonata la propria patria nel 1847, il democratico russo si trasferì per un lungo periodo in Francia e in Italia, avendo l'occasione di vivere in prima persona i fermenti rivoluzionari che attraversavano le capitali europee. Già nel suo primo anno di emigrazione, Herzen incontrò alcuni rivoluzionari italiani. Fu testimone oculare dei burrascosi avvenimenti della rivoluzione del 1848 in Italia. Nelle *Lettere dalla Francia e dall'Italia* furono descritti i comizi, le manifestazioni popolari, la presenza delle brigate volontarie per le vie di Roma, i discorsi dei capi rivoluzionari. In tal modo giungeva nell'Impero russo l'eco delle battaglie risorgimentali. Nel 1849 Herzen conobbe Mazzini a Ginevra e a Losanna. Sin da questo momento, obiezioni e dubbi sulla strategia mazziniana si radicarono nell'animo del democratico russo, il quale però manifestò un'altrettanta ammirazione e simpatia personale per il patriota italiano[2].

Le divergenze tra i due si approfondirono agli inizi degli anni Cinquanta. Mazzini fece pressioni nei confronti dell'esponente russo per ottenere la sua adesione al Comitato centrale democratico europeo. Il rifiuto di Herzen rifletteva ormai le distanze che separavano i due democratici e il diverso percorso politico. In particolare, Herzen manifestava delle riserve nei confronti dell'area democratica europea per il coinvolgimento nel progetto del democratico francese Alexandre Auguste Ledru-Rollin, ritenuto il responsabile dell'involuzione autoritaria della Francia «per la sua ostilità verso il socialismo e il suo atteggiamento antioperaio nelle giornate del 16 aprile e del giugno 1848».

Insomma, non gli sfuggiva l'assenza di unità di «questo centro di aspirazioni eterogenee», il quale teneva uniti i partecipanti solo per la negazione del potere monarchico e del socialismo. Nella lettera diretta a Mazzini, Herzen precisò che il suo rifiuto al Comitato democratico europeo non era un modo per evitare l'impegno politico. Con quel gesto, egli voleva precisare l'incapacità dei democratici nella ricerca del fallimento della rivoluzione, attribuito più a errori personali che alla mancanza di una chiara linea politica capace di

[1] Cfr. C. Scacozza, *Un'identità difficile. Occidentalisti e slavofili russi tra passato e presente*, La città del sole, Napoli 2007; A. Walicki, *Una utopia conservatrice*, Einaudi, Torino 1973; A. Ferrari, *La Russia tra Occidente e Oriente*, Edizioni Ares, Milano 1994.

[2] C. Scacozza, *Aleksander Herzen e il Risorgimento italiano*, Mimesis, Milano-Udine 2010, pp. 18-20.

capire le ingiustizie sociali e il ruolo attivo dei contadini, fautori «della vera rivoluzione delle masse popolari»[1].

Le divergenze tra Herzen e Mazzini si approfondirono durante l'incontro svoltosi a Londra nell'autunno del 1852. In quella occasione, l'esponente russo condivise le contestazioni nei confronti di Mazzini, criticato per l'inclinazione a disperdersi in tentativi insurrezionali azzardati e per l'incapacità di individuare una pattiaforma che tenesse conto delle questioni sociali[2]. Tuttavia, pur criticando l'incapacità del patriota genovese a rivedere le sue teorie rivoluzionarie, Herzen conservò un profondo rispetto per la caparbietà e per l'inflessibile costanza: «nella fede a dispetto dei fatti, – scriveva – nell'attività indefessa per cui l'insuccesso è soltanto una sfida e un incitamento, vi è qualcosa di grandioso e, se volete, di insensato»[3].

Con la spedizione di Carlo Pisacane del 1857, Herzen ebbe l'opportunità di esprimere un giudizio sul carattere degli italiani, ormai votati alla causa risorgimentale. Il suo giudizio fu severo sul piano azzardato, ma lo colpì l'eroismo di quegli uomini la cui azione «era un esempio, la testimonianza vivente che non era ancora tutto morto nel popolo»[4]. Era indubbiamente singolare la convergenza di Herzen e Pisacane su tematiche importanti, come la convinzione che la spinta propulsiva verso la rivoluzione sociale di un Paese fosse direttamente proporzionale alla sua condizione di arretratezza. Con la teoria del salto della fase democratico-borghese si individuava nei contadini la forza potenzialmente rivoluzionaria. A questa concezione si associava quella della decadenza dei paesi industrializzati e della corruzione della borghesia francese. In effetti, molti erano i punti di contatto tra il russo e il napoletano[5].

Nei mesi successivi Herzen affidò ai suoi scritti considerazioni e giudizi estremamente critici sui governi europei, ritenuti tutti imperfetti e inadeguati a essere assunti come modello[6]. Dinanzi a una realtà sempre più ostile, difficilmente l'autocrazia russa avrebbe accolto la politica riformatrice. In

---

[1] Cfr. F. Della Peruta, *I democratici e la rivoluzione italiana*, FrancoAngeli, Milano 2004 (I ed. 1958), pp. 23-24. L. La Puma, *Democrazia e socialismo tra diaspora e esilio. Il dibattito politico in Europa dopo il 1848*, Lacaita, Manduria-Bari-Roma, 1998, pp. 95 ss.

[2] W. Giusti, *A. I. Herzen e i suoi rapporti con Mazzini e l'Italia*, cit., pp. 55-58.

[3] A.I. Herzen, *Il passato e i pensieri*, vol. II, Einaudi, Torino 1996, p. 731.

[4] Ivi, p. 733.

[5] F. Venturi, *Italia, Russia ed Europa dopo il '48. Herzen e l'emigrazione negli Stati sardi*, in «Rivista storica del socialismo», 1959, 5, pp. 13-14.

[6] M. Malia, *Alle origini del socialismo*, Il Mulino, Bologna 1972, pp. 545 ss.

quest'ottica vanno collocate le sue posizioni tra l'approccio talvolta sconfinante nell'anarchismo e l'apertura più moderata emersa dopo la morte di Nicola I. Con l'avvento al trono di Alessandro II, si profilò la possibilità per Herzen di collaborare con un autocrate per il raggiungimento dell'emancipazione dei contadini[1].

Del nuovo quadro politico esistente in Russia, «L'Italia del Popolo» pubblicò nel marzo del 1857 una lettera di Herzen diretta a Mazzini. Il moscovita manifestava una certa soddisfazione sulla possibilità di un rinnovamento del suo Paese, dopo la morte di Nicola I. Nel lungo articolo opponeva all'inerzia esistente in Occidente la crescita degli Stati Uniti e dell'Impero zarista. Se i primi erano strettamente legati all'Europa, «per quanto emancipati dai vincoli storici della monarchia e dell'aristocrazia», la Russia si presentava libera dalle tradizioni occidentali e dai loro istituti, pronta ad affrontare «l'immensa rivoluzione economica». «Siamo costretti – scriveva Herzen – a riordinare radicalmente la proprietà delle terre, a porre mano alla grande questione del proprietario e dell'operaio, dei diritti dell'artigiano allo strumento del suo lavoro. Perché, questo è il problema dell'emancipazione con il terreno»[2].

Le cose cominciarono a muoversi agli inizi di dicembre. Proprio in quel periodo una circolare imperiale ordinava ai governatori la costituzione di comitati per lo studio e per la formulazione di progetti sull'emancipazione dei contadini. Herzen partecipò, con tenacia e passione, alle trattative tra Stato e comitati e alle modalità di attuazione delle riforme. Per lo svolgimento di questo compito fondò e diresse, con Nikolaj Ogarjov, la rivista «Kolokol» (La Campana), che vide la luce il primo luglio 1857. La popolarità della rivista fu grande all'interno della Russia per l'assunzione di una posizione graduale e per l'accettazione della forma di governo monarchica in previsione del prioritario obiettivo riformistico[3].

Ottimismo e pessimismo si alterneranno nelle vicende russe per l'avvio e la conduzione delle riforme. Il risveglio della Russia dopo la

---

[1] Cfr. H. Seton-Watson, *Storia dell'Impero russo (1801-1917)*, Einaudi, Torino 1971; F. Venturi, *Il populismo russo*, vol. I, cit. , pp. 169 ss.

[2] A.I. Herzen, *Lettera a Giuseppe Mazzini sulle presenti condizioni della Russia*, pubblicata il 10 marzo 1857 su «L'Italia del Popolo», ora in M. Milli (a cura di), *Le fini e gli scopi. Scritti 1857-1863*, Editoriale Scientifica, Napoli 2003, pp. 12-20. Sulla corrispondenza tra Mazzini e Herzen cfr. V. Nevler, *La Russia e il Risorgimento*, cit., pp. 95-100.

[3] H. Williams, *Ringing the Bell. Editor-reader dialogue in Alexander Herzen's Kolokol*, in «Book History», 2001, n. 4, pp. 115-132.

disastrosa guerra di Crimea, il dibattito politico e la nascita di un movimento studentesco contribuirono a definire questo periodo il “Risorgimento russo”[1]. Dal suo esilio londinese, Herzen divenne la guida di quanti aspiravano in Russia alla libertà. Per quel che riguardava le vicende italiane, egli evidenziò l’opportunità, offerta dall’alleanza franco-piemontese contro l’Austria, per il raggiungimento dell’unificazione. La sua attenzione si rivolgeva a Giuseppe Garibaldi, conosciuto e frequentato a Londra, il quale era visto come il simbolo della lotta tra bonapartismo e libertà. Herzen considerò l’armistizio di Villafranca come la vittoria del dispotismo, che aveva ucciso la rivoluzione e la tradizione. Il democratico russo, con amarezza, cominciò a guardare a coloro che non avevano ceduto alle lusinghe. Tra questi spiccava la figura di Mazzini, che sin dall’inizio non si era illuso sul possibile sbocco liberale del conflitto. Bisognava ormai lavorare per quell’unità che il patriota genovese aveva voluto in modo coerente[2].

Il 1860, con la spedizione dei Mille, ridette speranze a coloro che credevano nell’unificazione italiana. Garibaldi divenne molto popolare in Russia. Alla vigilia dell’emancipazione dei servi, a Pietroburgo si vociferava che il provvedimento avrebbe subito un ritardo e che ciò non si sarebbe verificato «se Garibaldov avesse messo le mani»[3]. In questo clima si formarono le prime società segrete populiste. Il «Contemporaneo» di Nikolaj Černyševskijv e di altri pubblicisti democratici pubblicò brillanti ritratti di Mazzini, di Garibaldi e di altri capi rivoluzionari, ormai noti all’opinione pubblica.

Si ampliarono i legami dei rivoluzionari russi con Mazzini, il quale forniva aiuto e consigli. Nel gennaio 1861, Herzen e Ogarjov, che stavano elaborando il piano per la creazione di un’organizzazione rivoluzionaria segreta, presentarono Mazzini ai futuri capi di *Terra e Libertà*. A giusta ragione, ritenevano che il patriota italiano potesse dare preziosi consigli sulla società segreta, prima del loro rientro in patria. Nello stesso periodo furono diffuse clandestinamente le opere di Mazzini, tra cui quelle del periodo della *Giovane Italia*.

Lo confermava il contenuto del proclama della *Giovane Russia* (1862). Le idee in esso contenute maturarono nel circolo rivoluzionario di Mosca,

---

[1] E. Morelli, *Le carte di Michelangelo Pinto*, in «Rassegna storica del Risorgimento», 45, gennaio-marzo 1958, pp. 115 ss.

[2] F. Venturi, *L’Europa e il Risorgimento. Problemi russi e italiani*, in *Storia d’Italia*, vol. 3, Einaudi, Torino 1973, pp. 1462-1477.

[3] Id., *L’immagine di Garibaldi in Russia all’epoca della liberazione dei servi*, in «Rassegna storica toscana», 1960, n. 4, pp. 307-323.

costituito all'inizio del 1861 dagli studenti dell'Università di Mosca (Pëtr Grigor'evic Zaicnjevskij e Perikl Argiropulo), che conoscevano l'attività di Mazzini e della *Giovane Italia*. Proprio in quel periodo gli studenti moscoviti seguivano il movimento democratico in Europa e in Italia, dove il processo di unificazione aveva ricevuto nuovo impulso per la liberazione di Roma. Esprimendo le simpatie per questa iniziativa, dichiararono che «la causa italiana era la nostra causa»[1].

Tra i programmi della *Giovane Russia* e della *Giovane Italia* esistevano molti punti in comune. Erano eguali le proposte sull'ordinamento dello Stato, fondato sulla Repubblica, sull'istaurazione di una dittatura rivoluzionaria provvisoria, sul ruolo delle masse popolari e dei giovani durante il processo rivoluzionario. Mazzini e Zaicnjevskij avevano punti di vista comuni anche su altri problemi, quali le prerogative dell'autorità centrale e dell'amministrazione locale e la creazione di organizzazioni segrete nell'esercito. Nel proclama della *Giovane Russia* si sosteneva che l'Assemblea nazionale della Repubblica sociale russa doveva occuparsi della politica estera, della legislazione e dell'imposizione delle tasse. Alle regioni e ai comuni, con le loro Assemblee elettive, spettavano ampie autonomie. La *Giovane Russia* e la *Giovane Italia* prevedevano la sostituzione dell'esercito regolare con una guardia nazionale. Su un punto molto importante i loro programmi si differenziavano: la confisca delle terre ai latifondisti. Nella "Istruzione generale" della *Giovane Italia*, la questione non vi trovava posto, poiché la riforma agraria avrebbe alienato la borghesia dalla rivoluzione. Viceversa, il programma della *Giovane Russia* prevedeva la spartizione delle terre dei latifondisti e la secolarizzazione dei beni della Chiesa.

In base a queste considerazioni, si può concludere che l'attività di Mazzini, della *Giovane Italia* e della *Giovane Europa* ebbe grande importanza per lo sviluppo del movimento di liberazione in tutto l'Occidente, Russia compresa. Le idee di Herzen e di Černyševskij erano di nuovo in contatto con quelle di Mazzini, di Pisacane e di Carlo Cattaneo. Tuttavia, la gioventù russa, dopo la liberazione dei servi, stava assumendo toni decisamente rivoluzionari. La *Giovane Russia*, ormai, si orientava su posizioni giacobine e populiste, chiedendo una profonda trasformazione delle campagne russe[2].

---

[1] V. Nevler, *Mazzini e i democratici rivoluzionari russi*, cit., p. 112.
[2] F. Venturi, *Il populismo russo*, vol. II, cit., pp. 148 ss.

Bibliografia

1. G. Berti, *Il pensiero democratico russo del XIX secolo*, Sansoni, Firenze 1950.
2. F. Della Peruta, *I democratici e la rivoluzione italiana*, FrancoAngeli, Milano 2004 (I ed. 1958).
3. A. D'Alessandro, *Mazzini e l'Europa sud-orientale nella storiografia degli ultini trent'anni*, in «La Capitanata», 54, 2006, pp. 145-155.
4. V. Dini, *Il riccio e la volpe. Giuseppe Mazzini e Aleksander Herzen*, in S. Mastellone (a cura di), *Mazzini e gli scrittori politici europei (1837-1857)*, vol. 2, Centro Editoriale Toscano, Firenze 2005, pp. 417-429.
5. A. Ferrari, *La Russia tra Occidente e Oriente*, Edizioni Ares, Milano 1994.

   L. Girard, *Mazzini et la France*, in *Mazzini e il mazzinianesimo* (Atti del XIV Congresso di storia del Risorgimento italiano), Istituto di Storia del Risorgimento, Roma 1974, pp. 131-145.

   W. Giusti, *A. I. Herzen e i suoi rapporti con Mazzini e l'Italia*, Istituto per l'Europa Orientale di Roma, Roma 1935.
6. F. Guida, *Idea di nazione e questione delle nazionalità nel pensiero di Giuseppe Mazzini*, in «Cuadernos de Historia Contemporánea», 2001, 23.
7. A.I. Herzen, *Il passato e i pensieri*, voll. 2, Einaudi, Torino 1996.

   M.I. Kova'skaja, *A.I. Herzen e il Risorgimento italiano (Primi rapporti d'amicizia di Herzen in Italia – Leopoldo Spini)*, in G. Calebich Creazza (a cura di), *Aleksander Ivanovič Herzen. Profezia e tradizione*, Cuen, Napoli 2000, pp. 173-188.
8. L. La Puma, *Democrazia e socialismo tra diaspora e esilio. Il dibattito politico in Europa dopo il 1848*, Lacaita, Manduria-Bari-Roma, 1998.
9. A. Levi, *La filosofia politica di Giuseppe Mazzini*, nuova ed., Morano, Napoli, 1967.
10. M. Milli (a cura di), *Le fini e gli scopi. Scritti 1857-1863*, Editoriale Scientifica, Napoli 2003.
11. E. Morelli, *Mazzini. Quasi una biografia*, Edizioni dell'Ateneo, Roma 1984.
12. M. Malia, *Alle origini del socialismo russo*, Il Mulino, Bologna 1972.
13. V. Nevler, *La Russia e il Risorgimento*, Bonanno, Catania 1976.
14. R. Romeo, *L'influsso rivoluzionario di Mazzini in Europa*, in «Nuova Antologia», a. CXXII, fasc. 2161, gennaio-marzo 1987.
15. C. Scacozza, *Un'identità difficile. Occidentalisti e slavofili russi tra passato e presente*, La città del sole, Napoli 2007.

    Id., *Aleksander Herzen e il Risorgimento italiano*, Mimesis, Milano-Udine 2010.
16. H. Seton-Watson, *Storia dell'Impero russo (1801-1917)*, Einaudi, Torino 1971

17. F. Venturi, *Italia, Russia ed Europa dopo il '48. Herzen e l'emigrazione negli Stati sardi*, in «Rivista storica del socialismo», 1959, 5, pp. 1-24.
18. Id., *L'immagine di Garibaldi in Russia all'epoca della liberazione dei servi*, in «Rassegna storica toscana», 1960, n. 4, pp. 307-323.
19. Id., *Il populismo russo*, 3 voll., Einaudi, Torino 1972.
20. Id., *L'Europa e il Risorgimento. Problemi russi e italiani*, in *Storia d'Italia*, vol. 3, Einaudi, Torino 1973, pp. 1462-1477.
21. A. Walicki, *Una utopia conservatrice*, Einaudi, Torino 1973.
22. H. Williams, *Ringing the Bell. Editor-reader dialogue in Alexander Herzen's Kolokol*, in «Book History», 2001, n. 4, pp. 115-132.

Andrea Giuseppe Cerra
PhD candidate in Political Sciences
Department of Political and Social Sciences
University of Catania
Italy
E-mail: andreagiuseppe.cerra@unict.it

The italian-russian genie: Renato Caccioppoli mathematician and committed intellectual

Abstract. Renato Caccioppoli was one of the great personality of Italy's 20th century. A brilliant mathematician and nonconformist professor, beloved in Naples, his hometown, he was also a magnificent pianist and a connoisseur of all arts. Nephew of the anarchist Mikhail Bakunin, he was a libertarian and restless spirit. His political role during the anti-fascist war and in the aftermath, during the peace construction process, will be the witness of an irreducible commitment cleared from all rhetoric. His life was an eccentric one, in which the disorder was bent to the goals of the search for the truth and the beauty, reaching the dignity of a method.

Keywords: Caccioppoli, Bakunin, Maths, Comunism, Naples.

> *«Di ciò che gli ardeva dentro, del suo "fuoco", Renato aveva tentato una sorta di compendio iconografico esposto allo sguardo di tutti: aveva piazzato sul proprio scrittoio, in due portaritratti d'argento, il volto di un poeta e quello di un matematico, Rimbaud e Galois, destinati a tenersi diuturna compagnia e a colloquiare tra loro, nonché con lui stesso, nella comune consapevolezza di parlare tutti la medesima lingua, di perseguire tutti, per vie soltanto in apparenza diverse lo stesso scopo: rintracciare lembi di quell'armonia che si nasconde sotto la pesante crosta del caos. Scava, scava, – spiegava spesso al giovane amico [Renzo Lapiccirella[1]] che lo ascoltava incantato, – alla fine che cosa scopre, al di là dei confini del disordine, colui che ha occhi per vedere? Scopre frammenti di armonia, di perfezione. E ce li regala. Questo fa il genio, si tratti di un matematico, di un musicista o di un poeta.»*[2]

L'opera di Caccioppoli e la sua personalità di uomo e di scienziato ebbero un'influenza decisiva sullo sviluppo della analisi matematica in Italia:

---

[1] Redattore de L'Unità.

[2] Ermanno Rea, *Mistero napoletano*, Einaudi, Torino 1995, pp. 119-120

si può dire che un'intera generazione di analisti ha attinto da lui nuove idee, indirizzi e ispirazioni in un periodo in cui l'Italia si era isolata culturalmente dal resto del mondo. Al contributo scientifico di indubbio valore che offrì all'Accademia, va ricordato l'impegno civile, che lo vide strenuo militante comunista pur non avendo mai avuto la tessera del Pci.

Renato Caccioppoli nacque a Napoli il 20 gennaio 1904 da Giuseppe Caccioppoli e da Sofia Bakunin. Il padre, medico, probabilmente conobbe la futura moglie nella sua attività ospedaliera. Sofia era figlia dell'anarchico e rivoluzionario russo Michail Aleksandrovic Bakunin[1] e di Antossia Kwrathovoska, a sua volta figlia di Zaverio Kwrathovoska, deportato politico polacco. La madre del futuro materico godeva di particolare fascino per discendenza e vissuto personale. Infatti, Sofia, donna colta e raffinata, dopo aver conseguito la maturità classica presso il Liceo Umberto a Napoli, si iscrisse all'università, alla facoltà di Medicina e Chirurgia, ove fu la seconda donna a raggiungere tale risultato, nel 1893. L'aveva preceduta Anna Kuliscioff, laureatasi nel 1885. Sorella di Sofia era Maria, che per oltre cinquant'anni tenne una cattedra di chimica all'Università di Napoli[2]. Renato, vista

---

[1] Nel suo peregrinare per l'Europa Bakunin aveva soggiornato varie volte a Napoli, città da lui ritenuta particolarmente adatta a un moto rivoluzionario. La prima volta era stata nell'ottobre del 1864, in occasione dell'XI Congresso delle Società operaie mazziniane. Vi era tornato poi l'anno dopo a fare proselitismo alla causa socialista. Aveva raccolto intorno a sé numerosi giovani intellettuali provenienti soprattutto dagli ambienti mazziniani e garibaldini, con un passato da cospiratori antiborbonici. Tra questi Carlo Gambuzzi, affermato avvocato del foro di Napoli, Giuseppe Fanelli, letterato, giureconsulto, agronomo e geografo di fama, direttore dei collegi e delle scuole del Regio Alberto dei Poveri, Saverio Friscia, medico, patriota e sociologo, Alberto Tucci tra i fondatori della Federazione operaia di Napoli e altri ancora che, nel 1867, fondarono il circolo di Libertà e giustizia. Michail fu ancora a Napoli nel 1869, anno in cui Gambuzzi e Fanelli fondarono la prima sezione italiana dell'Internazionale socialista. Agli inizi del 1876, dopo un fallito tentativo di insurrezione nel bolognese, ritornò di nuovo a Napoli dove trascorse l'intera primavera per poi trasferirsi a Berna dove poco tempo dopo morì. Per approfondimenti sui soggiorni di Bakunin in Italia si veda M. Bakunin, *Viaggio in Italia*, a cura di L. Pezzica, Eleuthera, Milano 2013.

[2] Tra il 1909 e il 1940 Maria Bakunin insegna Chimica applicata, Chimica tecnologica organica e Chimica industriale presso la Scuola Politecnica di Napoli, contribuendo con le sue ricerche ai progressi della chimica moderna. Dal 1940 ricopre il ruolo di professore di Chimica organica presso la Facoltà di Scienze della Università di Napoli: è una delle prime docenti donna dell'Università di Napoli. Qui nei laboratori dell'Istituto di chimica industriale in Via Mezzocannone 16 studia le gomme sintetiche. Nominata da Benedetto Croce Presidente dell'Accademia Pontaniana per le sue qualità scientifiche e morali, riesce a far riprendere alla storica istituzione la sua attività subito

l'estrazione borghese della famiglia, sembrava destinato agli studi classici, come era di consueto nella Napoli dell'epoca. In realtà, il padre, si adopera in ogni modo perché i figli (Renato aveva un fratello di nome Ugo) non ne seguano le orme avventurandosi in una professione che ritiene troppo dura emotivamente e poco "affidabile", visto che non è riuscita a salvare la prima moglie e il primo figlio, morti in seguito ad una malattia infettiva. Così per la formazione di Renato non si prevede inizialmente né il liceo, né tantomeno l'Università e la Facoltà di Medicina. Renato deve conseguire privatamente la licenza liceale, per iscriversi a Ingegneria. Da qui passa a Matematica[1], dove si laurea alla fine del '25 con Ernesto Pascal. Nel 1928 conseguì la libera docenza in Analisi matematica. Nel 1930 vince un concorso per una cattedra vacante in Analisi algebrica all'Università di Padova, divenendo nel 1931 professore ordinario. Pur essendo notoriamente antifascista, accettò il consiglio di Togliatti rivolto ai professori di estrazione comunista, cioè di firmare *obtorto collo* il giuramento di fedeltà al fascismo per non perdere la cattedra universitaria. Dopo appena tre anni, Caccioppoli fece ritorno a Napoli, chiamato dall'Università partenopea ad insegnare Teorie dei gruppi e sue applicazioni alle risoluzioni delle equazioni. Alla fine degli anni '30 la vita del matematico fu colpita dall'infatuazione per la giovane Sara Mancuso, descritta come una ragazza brillante e colta, più matura rispetto alla sua età. Tra i due si instaurò un forte legame, che sembrò appagare l'irrequietezza del Caccioppoli. Un episodio particolare vide i due protagonisti, nell'ottobre 1938, cinque mesi dopo l'incontro di Hitler e Mussolini a Napoli.

> *Appena dentro, Renato corse subito a salutare il piccolo pianista che conosceva e verso il quale nutriva un particolare sentimento di solidarietà fondato forse sul semplice fatto che suonava il pianoforte, anzi che si guadagnava da vivere suonandolo…Passò del tempo. Poi, improvvisamente, Renato e Sara percepirono un sommesso coro che si sovrapponeva alle malinconiche*

---

dopo la guerra. A proposito della scienziata si veda una biografia puntuale in P. Mongillo, *Marussia Bakunin. Una donna nella storia della chimica*, Rubbettino, Soveria Mannelli 2008.

[1] Renato aveva una predisposizione alla musica, supportata da una grande passione. Egli possedeva facoltà rare che si riscontrano solo in valenti esecutori e in buoni direttori d'orchestra. I dubbi lo assalivano, sull'abbandonare o meno gli studi universitari e dedicarsi interamente alla musica. Ricevette in merito il consiglio di Benedetto Croce, il quale perentoriamente gli disse: «Andate a Matematica, ci vuole un metodo che la passione non può dare. La musica sopravviverà da sola», R. Gatto-L.T.Rigatelli, *Renato Caccioppoli. Tra mito e storia*¸ Sicania, Messina 2009, p. 18.

note del pianoforte: "Giovinezza, giovinezza, primavera di bellezza…". Le voci si fecero progressivamente. più perentorie e piene di sfida…(poi)… le camice nere, sempre cantando ma ormai a squarciagola, si diressero verso… (il pianista) …intimandogli di suonare l'inno fascista. L'uomo esitò, si guardò disperatamente in giro, poi a capo chino si arrese. Cantarono a lungo…Infine, se ne tornarono al loro tavolo. Allora, ecco, nel cuore di Renato accadde qualcosa... Scattò in piedi e, seguito da Sara, si diresse a sua volta dov'era il pianoforte. Mormorò poche parole all'orecchio del pianista che, senza esitare, gli cedette lo sgabello... Il professore sedette al suo posto, sfiorò con la punta delle dita, come in una carezza, la tastiera e cominciò. la Marsigliese. Sommessamente all'inizio. Poi, come avevano fatto i fascisti, via via con sempre più vigore. Sara, immobile accanto al pianoforte, cominciò a cantare per prima, subito seguita da Renato: "Aux armes, citoyens! Formez vos battallons…". Stupefatti, gli ufficiali della milizia apparivano pietrifica ti sulle loro sedie…Ma a toglierli dall'impaccio ci pensò lo stesso Renato che, smesso di suonare, cominciò a parlare al pubblico, a spiegare il significato di quell'inno, il senso di quella musica e di quelle parole, scritte per celebrare il bene più alto di cui un popolo possa godere: la libertà. In Italia questo bene era stato confiscato, distrutto, il cittadino degradato sul campo, espropriato della sua capacità di giudizio a opera d'una banda di violenti dediti alla pratica quotidiana della barbarie. Gli uomini in orbace scattarono come molle liberate…Si buttarono su Renato e su Sara e poiché Renato continuava a parlare, a invocare l'intelligenza della folla gridando "Ecco, vedete? Vedete?" gli tapparono la bocca con un fazzoletto.[1]

Un episodio sintomatico del desiderio di libertà che caratterizzava il matematico, a tal punto da rischiare la galera. Per questi reati era previsto il tribunale speciale. Ma l'intervento della famiglia riuscì a ridimensionale la bravata, riducendola al gesto di uno squilibrato che sconterà la pena prima nel manicomio giudiziario e poi in una clinica privata. Sara e Renato si sposeranno il 28 giugno 1939, col parere contrario di Sofia Bakunin, la madre di Caccioppoli, la quale riteneva un ostacolo la grande differenza d'età: lui 34enne, lei 19enne. La relazione durò pochi anni, infatti il 1944 Sara conobbe a Napoli il giovane Mario Alicata, redattore de L'Unità. L'abbandono di Sara fu causa di grandi sofferenze per il matematico, che non si riprese mai definitivamente. Caccioppoli sarà ancora attivo durante la guerra, ad esempio

[1] Ermanno Rea, *op.cit.,* pp. 128-130.

quando nel '43 tenta di organizzare lo sciopero degli autoferrotranvieri. Poi, l'adesione al partito Comunista senza comunque mai prenderne la tessera. Caccioppoli rappresenta vivamente l'espressione di una borghesia meridionale "illuminata", distante in parte dalla classe dirigente del comunismo italiano degli anni '50, ma che crede nel partito e nel suo ruolo quale unica possibilità di democrazia e di riscatto. Caccioppoli è un compagno di strada dei comunisti napoletani, fedele e mai "inquadrato", affidabile e per natura sempre sospettoso nei confronti della disciplina di partito. Insorge contro la "biologia marxista" di Lysenko[1], ma mette il silenziatore al suo dissenso nel timore che venga scambiato per atteggiamento antioperaio e possa danneggiare la causa. Nel '56 è profondamente turbato dall'invasione sovietica dell'Ungheria, ma si rassegna alla logica dei blocchi e alla necessità di difendere il proprio. Dopo la guerra, il suo impegno principale nel campo politico è all'interno dei "partigiani per la pace"[2] . Sente propria questa tematica, se ne appassiona, viaggia anche all'estero, tiene comizi, ricoprendo un ruolo anch'esso caratteristico nel Partito Comunista: quello di un intellettuale prestigioso, da esibire in Italia e all'estero e, contestualmente, da tenere ben lontano dalle reali sedi delle decisioni politiche.

---

[1] In polemica con la genetica classica, nel 1935-36 lo scienziato russo Lysenko sostenne una teoria di impronta neolamarckista, secondo la quale i caratteri acquisiti modificando le condizioni ambientali e l'alimentazione sarebbero potuti diventare parte del patrimonio ereditario degli organismi. L. fu a lungo sostenuto da Stalin e dal Partito comunista sovietico, fino a quando non fu riconosciuta la fallacia delle sue ipotesi.

[2] Il Movimento dei Partigiani della Pace nacque ufficialmente nell'aprile 1949 a Parigi. La denominazione discende dall'esperienza della resistenza europea e asiatica e raccoglieva il messaggio della politica antimperialista e della cultura antifascista. La lotta sarà indirizzata all'interdizione dell'arma atomica e all'incontro delle cinque grandi potenze per un patto di pace con la consapevolezza di poter evitare una nuova disastrosa guerra.

Rugero Panebianco
Italy

Futurismo italiano e futurismo russo: analogie e differenze

Abstract. In questo contributo si analizza il movimento culturale del futurismo nella variante italiana e russa. L'autore, pur cogliendo i tratti comuni, le reciproche influenze e la nozione di avanguardia, sostiene che non si trattò di un semplice trapianto. Gli elementi comuni riguardano l'atteggiamento critico verso la cultura borghese, la penetrazione dell'arte nella vita quotidiana, l'esaltazione della tecnologia ('modernolatria') e l'invenzione di nuove forme espressive adatte alle esigenze di un'arte moderna (parole in libertà, 'zaum''). Una prima novità del futurismo russo consiste nella sua nascita che si colloca nel periodo pre e post-rivoluzionario. I principali intellettuali di questo Paese oppongono alla civiltà contemporanea le epoche primordiali e patriarcali della campagna russa antica. A differenza del nazionalismo e interventismo degli italiani, i russi sono pacifisti e non si interessano di politica, con l'unica eccezione di Majakovskij. Un'ultima differenza riguarda il diverso ruolo della donna. Mentre il futurismo italiano considera la donna come un soggetto destabilizzante per l'arte e quindi da emarginare, in Russia operano molte donne come Natalja Goncarova, Alexandra Exter, Olga Rozanova, Lioubov Popova, Varvara Stepanova, Nadeshda Udaltsova. A conclusione del contributo, l'autore ritiene che il futurismo in generale ha contribuito allo sviluppo dell'arte e della letteratura contemporanee, affrontando la nuova realtà storica e cercando di dare soluzioni conformi alle esigenze artistiche moderne.

Parole chiave: futurismo, Italia, Russia, avanguardie, parole in libertà, 'zaum'', modernolatria

Italian Futurism and Russian Futurism: Analogies and Differences

This contribution analyzes the cultural movement of futurism in the Italian and Russian variant. The author, while grasping the common traits, the reciprocal influences and the notion of avant-garde, maintains that it was not a simple transplant. The common elements concern the critical attitude towards bourgeois culture, the penetration of art into everyday life, the exaltation of technology ('modernolatry') and the invention of new expressive forms suited to the needs of a modern art (words in freedom, 'zaum''). A first novelty of Russian futurism consists in its birth which is

placed in the pre and post-revolutionary period. The main intellectuals of this country oppose the primordial and patriarchal periods of the ancient Russian countryside to contemporary civilization. Unlike the nationalism and interventionism of the Italians, the Russians are pacifists and are not interested in politics, with the sole exception of Majakovskij. A final difference concerns the different role of women. While Italian futurism considers women as a destabilizing subject for art and therefore to be marginalized, many women operate in Russia such as Natalja Goncarova, Alexandra Exter, Olga Rozanova, Lioubov Popova, Varvara Stepanova, Nadeshda Udaltsova. At the conclusion of the contribution, the author believes that futurism in general has contributed to the development of contemporary art and literature, addressing the new historical reality and trying to provide solutions that conform to modern artistic needs.

Keywords: Futurism, Italy, Russia, Avant-garde, Words in Freedom, 'Zaum'', Modernolatry.

Italian Futurism and Russian Futurism: Analogies and Differences

Il futurismo non fu un movimento culturale esclusivamente italiano, ma si diffuse subito in vari Paesi del mondo fino al Giappone. Il terreno più fertile, però, per il suo sviluppo all'estero lo trovò in Russia, che all'inizio del Novecento era tra i paesi più poveri e arretrati d'Europa. Non si trattò di un semplice trapianto delle teorie marinettiane, perché gli intellettuali russi adeguarono il futurismo italiano alla loro cultura e al contesto storico e sociale del proprio Paese. I due movimenti artistico-letterari, pur provenendo da formazioni differenti, si sono influenzati a vicenda. La fusione delle 'due avanguardie' si realizzzò in particolare dopo lo sconvolgimento dovuto alla Prima guerra mondiale, con il sovvertimento delle istituzioni politiche tradizionali e con il sorgere del bolscevismo in Russia e del fascismo in Italia.

In questo contributo, attraverso l'analisi della poetica di Marinetti e di alcuni letterati russi, cercherò di individuare le analogie e le differenze che esistono tra il movimento futurista italiano e quello russo. I rapporti tra i due filoni sono stati ampiamente analizzati da diversi punti di vista. Gli studiosi ormai concordano nel sostenere che il futurismo italiano precedette cronologicamente quello russo. Allo stesso modo è assodato che i futuristi russi diedero vita ad un'avanguardia con caratteristiche autonome rispetto ai "fratelli" italiani. Inoltre è stato sottolineato che la complessa vicenda dei rapporti tra i due "futurismi" rinvia alla nozione stessa di "avanguardia".

1. *Le avanguardie europee all'inizio del Novecento*

Il termine "avanguardia", mutuato dal registro linguistico militare, nacque in Francia e venne usato per indicare la funzione di superamento della cultura borghese, di rottura e d'innovazione sia nel campo estetico che in quello politico.

Alla fine dell'Ottocento il capitalismo in Europa occidentale e negli Stati Uniti, a seguito dell'evoluzione tecnologica e del consolidamento del colonialismo passò alla fase più avanzata dell'imperialismo. A livello sociale da una parte c'erano gli operai che, acquisendo coscienza del loro essere "classe", si organizzavano in partiti e sindacati, dall'altra c'era la borghesia liberale che, a seguito della propria crisi d'identità, cercava di realizzare un equilibrio tra la classe operaia e il grande capitale industriale e finanziario.

In questo contesto politico-sociale il prodotto artistico veniva considerato come merce, consumata non solo dai borghesi ma anche dalle masse popolari 'ignoranti', e l'artista come un semplice produttore di merci. Molti artisti e letterati, sentendosi estranei a questa realtà storica, adottarono un atteggiamento di élite e spesso si schierarono su posizioni politiche reazionarie. Nella filosofia di Nietzsche, di Bergson e nelle teorie di Freud si possono identificare le basi filosofiche del loro comportamento.

Quando Marinetti pubblicò nel 1909 il suo manifesto futurista, nell'ambito artistico e letterario europeo esisteva un brulichio di movimenti, scuole, tendenze. Naturalismo, impressionismo, simbolismo e decadentismo facevano parte ormai della tradizione. Nuovi – ismi si affacciarono sulla scena culturale europea: futurismo, dadaismo, espressionismo, cubismo, surrealismo. Tutte queste avanguardie erano accomunate dalla volontà di rompere con il passato, di abbandonare la tradizione artistica e letteraria. Ricercavano l'originalità a tutti i costi, disprezzavano i valori borghesi, puntavano sull'irrazionalismo e sull'individualismo.

2. *Il futurismo italiano*

La rivoluzione industriale e lo sviluppo capitalistico in Italia si realizzarono tardi. Tuttavia, all'inizio del Novecento la situazione economica e sociale cambiò e l'Italia cominciò a trasformarsi da paese agricolo a paese industriale. La progressiva presa di coscienza degli operai acuì la lotta di classe e suscitò paura nella borghesia e in un gran numero di intellettuali, che cercarono rifugio

in posizioni sempre più autoritarie e nell'ideologia nazionalistica e neocoloniale. Ne sono una testimonianza le numerose riviste che uscirono in quel periodo («Hermes», «Il Leonardo», «Il Regno», «La Voce», «Lacerba»). In questo contesto di transizione apparve il futurismo, un movimento artistico e letterario d'avanguardia, fondato nel primo decennio del Novecento da Filippo Tommaso Marinetti, che nel 1909 pubblicò il manifesto programmatico (*Manifesto del futurismo*) sul quotidiano francese «Le Figaro»[1].

Il futurismo italiano si sviluppò in due fasi temporali. La più interessante sotto il profilo letterario e artistico fu la prima, dal 1909 alla prima guerra mondiale. Fu in questo periodo che il movimento si delineò come eversivo, antiborghese, ispirato al rifiuto di ogni forma di tradizione e all'opposizione a ogni retaggio della cultura del passato, esaltando per contro la modernità nei suoi aspetti più caratteristici: l'esaltazione senza limiti della tecnologia moderna, la velocità, le macchine, le metropoli, i complessi industriali, intesi come caratteristiche e valori della società del futuro, l'amore del pericolo, del dinamismo, del movimento aggressivo e violento, l'incitamento alla lotta contro l'inerzia borghese e passatista, l'esaltazione delle «grandi folle agitate dal lavoro, dal piacere o dalla sommossa». La seconda fase, dal primo dopoguerra alla morte di Marinetti nel 1944, fu invece caratterizzata dal ripiegamento del movimento verso posizioni tradizionaliste e dall'adesione al fascismo, mentre l'esaltazione della macchina e della velocità si tradussero nell'esaltazione della violenza, della guerra ('sola igiene del mondo'), del militarismo, del patriottismo e dell'imperialismo fascista.

Il futurismo interessò tutte le discipline artistiche, dalla letteratura alla pittura, dall'architettura alla musica, dalla scultura alle arti grafiche, intendendo in tal modo estendere il processo di rinnovamento a ogni campo della cultura e della vita contemporanea. Pertanto può essere considerato il primo movimento di massa del Novecento. S'impose come un'organizzazione culturale, politica, editoriale con un'ideologia che tende a diventare un modo di vita. Marinetti previde molto bene i grandi cambiamenti nella psicologia umana introdotta dall'industrializzazione. A tal proposito nel manifesto *Distruzione della sintassi. Immaginazione senza fili. Parole in libertà* (1913) scriveva: «Il futurismo si fonda sul completo rinnovamento della sensibilità umana avvenuto per effetto delle grandi scoperte scientifiche»[2].

---

[1] F. Tommaso Marinetti, *Manifesto del futurismo*, in «Le Figaro», Parigi, 20 febbraio 1909.

[2] F.T. Marinetti, *Distruzione della sintassi. Immaginazione senza fili. Parole in libertà*, Direzione del Movimento futurista, Milano 1913.

L'obiettivo del futurismo, al contrario delle altre avanguardie dell'epoca, era l'inserimento dell'artista nella dinamica sociale e non il suo isolamento. All'immobilismo scolastico ed accademico oppose lo sperimentalismo, all'estetica della bellezza classica contrappose quella meccanica. L'arte nuova, per essere conforme alla realtà, doveva trovare mezzi espressivi inediti, adeguati a esprimere il dinamismo dell'età moderna. Marinetti con il suo *Manifesto tecnico della letteratura futurista* (1912) lanciò una radicale riforma della lingua letteraria, i cui punti principali erano: distruggere la sintassi tradizionale disponendo i sostantivi a caso; usare il verbo solo all'infinito perché si adatti elasticamente al sostantivo; abolire l'aggettivo, l'avverbio e la punteggiatura; legare il sostantivo al suo doppio per analogia; fare uso di analogie vastissime e di immagini nuove; disporre le immagini secondo un massimo di disordine; distruggere nella letteratura l''io', cioè tutta la psicologia[1].

Nello stesso manifesto, Marinetti scriveva che, superando la sintassi, si può giungere a una «psicologia intuitiva della materia» e far sì che «la letteratura entri direttamente nell'universo e faccia corpo con esso». E aggiungeva: «Noi entriamo nei dominii sconfinati della libera intuizione. Dopo il verso libero, ecco finalmente le parole in libertà»[2]. Con l'abolizione della sintassi e della punteggiatura e con il 'paroliberismo' Marinetti enfatizzava la fisicità della parola, privilegiandone l'aspetto visivo, proponendo una 'rivoluzione tipografica' basata sull'uso di caratteri e corpi diversi per connotare in senso emozionale i vocaboli. L'esempio più famoso di applicazione della tecnica di scrittura futurista lo troviamo nell'opera di Marinetti *Zang Tumb Tuuum*, in cui si precisano gli aspetti tipografici, visivi, onomatopeici e sonori.

3. *Il futurismo russo*

Il programma del futurismo riscosse l'adesione di numerosi artisti e intellettuali italiani ed europei di varia estrazione ideologica, tutti accomunati dal rifiuto della tradizione, da una forte carica antiborghese e dall'entusiastica adesione al mito della tecnologia. Il Paese però fuori Italia dove il futurismo fiorì veramente, anche se assai discosto dalle origini, fu la Russia pre- e post-rivoluzionaria.

---

[1] Id., *Manifesto tecnico della letteratura futurista*, Direzione del Movimento futurista, Milano 1912.

[2] Ivi

Agli inizi del Novecento la Russia fu attraversata da agitazioni popolari e rivoluzioni. L'incapacità del regime zarista a modernizzarsi e la sua ostilità verso ogni innovazione economica, sociale e culturale, la repressione che esso esercitava sul popolo russo, la miseria diffusa nel Paese, spinsero la borghesia nascente e le masse popolari alla rivolta. Dalla rivoluzione del 1905 a Pietroburgo fino a quella vittoriosa dei bolscevichi nell'ottobre del 1917, la storia russa passò attraverso la Prima guerra mondiale e il breve intervallo della rivoluzione liberale del febbraio del 1917.

Gli intellettuali russi dell'epoca, influenzati da questo clima di rivolta generale, iniziarono ad avvertire sempre di più la necessità di rinnovamento della loro società. Una ondata di movimenti artistici di avanguardia percorreva il Paese; si trattava di movimenti basati sulle idee provenienti dall'estero il cui trapianto, però, in Russia non era facile. L'intellighenzia russa da tempo era divisa tra chi proponeva di aprirsi alle conquiste dell'Occidente e chi invece sosteneva di non snaturare la cultura slava, di restare se stessi e trovare una propria via di rinnovamento. Anche le avanguardie, per quanto caratterizzate dalla ricerca di innovazioni drastiche, si mostrarono diffidenti di fronte ad un accoglimento acritico dei modelli occidentali e spesso preferirono rifarsi a remote e fantasiose radici preistoriche e precristiane.

Nonostante ciò le avanguardie trovarono vasta diffusione in Russia. Il simbolismo entrò nel paese nel 1894 e vi aderirono grandi poeti come Konstantin Bal'mont, Valerij Brjusov, AndrejBelyj, Aleksandr Blok. Poi, nel 1913, sorse l'acmeismo, un movimento che sosteneva un ritorno della poesia al mondano e al terrestre, in antitesi alla concezione mistica della poesia simbolista. In questo periodo, però, continuò la tradizione della poesia contadina rappresentata da poeti come Nikolaj Kljuev e Sergej Esenin.

Dopo la rivoluzione d'ottobre, sotto l'impulso del cambiamento politico e sociale fiorirono nuovi movimenti, tra cui va ricordato l'immaginismo, che rivendicava il primato dell'immagine poetica fine a se stessa, indipendente anche dal senso. Un altro movimento era i 'fratelli di Serapione' che, dichiarando la libertà dello scrittore da formule estetiche e da influenze politiche, indicarono nella letteratura occidentale il modello a cui ispirarsi nella costruzione del racconto e del dramma, soffermandosi soprattutto sugli aspetti tecnici e formali della composizione letteraria. C'era poi la rivista «LEF», che raccolse soprattutto i cubofuturisti dell'epoca come VladimirMajakovskij, Nikolaj Aseev, Semën Kirsanov, Vasilij Kamenskij, Boris Pasternàk, Aleksej Kručënych, ma anche i registi Sergej Eisenstein e Dziga Vertov. Nel campo dell'architettura e della scenografia erano attivi soprattutto i costruttivisti.

Infine va ricordato il gruppo ‘Proletkul’t’ che cercò di creare un’arte di classe, prodotta e fruita dal proletariato.

All’interno delle avanguardie russe una posizione di spicco ebbe il futurismo che trasse le sue origini, come si è detto, dall’omonimo movimento italiano. Testi di Marinetti circolavano tra gli intellettuali russi già dal 1909-1910. In quel periodo il pittore futurista italiano Balla espose le sue opere in quattro città russe. Tra il 1911 e il 1912 vennero in Italia diversi pittori cubisti russi che conobbero da vicino il futurismo. Nel 1911 furono pubblicati in francese numerosi manifesti futuristi.

Nel 1912 a Pietroburgo il poeta Igor Severjanin, attratto dal termine futurismo, creò il gruppo degli egofuturisti, i quali, pur accogliendo eclletticamente certi temi marinettiani, esaltavano l’individualismo come filosofia del futuro. Il movimento futurista vero e proprio si formò, però, a Mosca, nell’ambito dei pittori cubisti e prese il nome di cubofuturismo, in netta distinzione con l’egofuturismo pietroburghese. Il primo scritto dei cubofuturisti, *Sadok sudej* (*Il vivaio dei giudici*), risale al 1909. Il loro manifesto apparve soltanto nel 1913 con il titolo *Schiaffo al gusto del pubblico*, firmato da David Burljuk, Kručënych, Majakovskij e Velemir Chlebnikov[1]. In esso dichiaravano la loro volontà di rompere con il passato letterario del proprio Paese. Convinti che il futuro gli apparteneva, se la prendevano con il ‘buonsenso’ e il ‘buongusto’ dell’epoca e proclamavano il diritto dei poeti moderni a odiare il linguaggio esistente e a sostituirlo con un altro nuovo, basandosi sulla ‘parola autonoma ed autosufficiente’.

Il legame stretto tra la pittura e la poesia era una componente importante nel periodo prerivoluzionario del movimento e ciò non soltanto perché alcuni futuristi erano contemporaneamente pittori e poeti (Burljuk, Kamenskij, Majakovskij), ma soprattutto perché i membri del gruppo cubofuturista volevano sperimentarsi su nuove vie di espressione poetica che utilizzasse, più che la parola libera, il suono primordiale con la sua dinamica e magia, capace di condurci a nuovi mondi fantastici fino allora inesplorabili.

I futuristi russi, come quelli italiani, esaltavano il dinamismo della civiltà industriale, idoleggiavano la macchina, abbandonavano la tradizione artistica e letteraria, sentivano ripugnanza per il gusto comune e si comportavano in modo provocatorio verso i borghesi. Nel 1913 la stampa parlò molto di loro perché si

[1] AA.VV., *Schiaffo al gusto del pubblico*, da *Poesia e Rivoluzione,* a cura di I. Ambrogio, Editori Riuniti, Roma 1968.

esibivano in eventi accuratamente preparati per le strade di Mosca, dove, con vestiti sgargianti e facce dipinte che scandalizzavano i borghesi, declamavano i loro versi in mezzo ai passanti. Tra il 1913 e il 1914 Majakovskij, Burljuk e Kamenskij intrapresero un giro propagandistico che toccò diciassette città della Russia. Alla fine del 1913 si rappresentarono a Pietroburgo le prime opere teatrali futuriste. Durante il periodo prerivoluzionario i poeti futuristi russi più importanti furonoo: Chlebnikov, Kručënych, Kamenskij e Majakovskij.

Velemir Chlebnikov (1885-1922) sperimentò molte nuove forme espressive. Attraverso la 'pittura acustica', e considerando la parola non come espressione d'un pensiero logico, ma come fine a se stessa ('la parola come tale'), arrivò alla concezione del cosiddetto 'zaum'', ovvero alla lingua transmentale, espressa nella poesia *Ritratto*. In base a questa concezione la parola in quanto tale non si esaurisce nei significati della comunicazione esplicita, non ne rivela la potenza trasformatrice della realtà. La lingua esprime al di là di quanto l'uomo voglia farle esprimere. Bisogna saper ascoltare le parole, i suoni, contemplare i segni, perché possano creare linguaggio, dandoci una nuova comprensione della realtà. Il 'zaum'' di Chlebnikov era un ricco gioco con le parole, un uso accurato di neologismi che si formano attraverso il cambiamento delle desinenze, dei prefissi, dei suffissi di cui è ricca la lingua russa. Questa tecnica è nota come 'verbopoesis' ('slovotvorcestvo') ed oltre ad essere un esperimento linguistico è anche un fatto estetico. Tipico esempio di verbopoesis è la poesia *Esorcismo col riso (Zakljatie smechom)*.

Un terzo principio della poesia chlebnikoviana è l''alfabeto mentale', secondo il quale il poeta cerca di costruire una lingua 'universale' di concetti astratti e simbolici basata su lemmi arbitrari. Si tratta di una lingua senza fini pratici, composta di sigle magiche e incantesimi. Per tali caratteristiche Ripellino caratterizza la poesia di Chlebnikov come inesauribile miniera e sorprendente intreccio di ingenuità e di enigmi, che il penetrarla può riempire di gioia il filologo, ma affatica il comune lettore. Considera inoltre inesauribile la sua azione sul successivo sviluppo della poesia sovietica[1].

Aleksej Kručënych (1886-1968), cercando di trovare il significato più profondo delle parole, andò oltre gli sperimentalismi di Chlebnikov. Il suo 'zaum'' consiste nello scomporre le parole in sillabe, poi in lettere e suoni fino ad arrivare al completo annientamento della lingua, quando in alcune sue poesie i grafemi dell'alfabeto cirillico cedono il posto a delle linee tracciate

[1] A.M. Ripellino, *Poesie di Chlebnikov. Saggio, antologia, commento*, Einaudi, Torino 1968.

a caso sulla carta. Le poesie di Kručёnych sono incomprensibili, dei rebus da risolvere (di solito senza successo).

Le teorie di Marinetti sulle ‘parole in libertà’, la tecnica freudiana della libera associazione delle parole come mezzo per accedere al subconscio, la ‘magia delle parole’ di Andrej Bely in opposizione alla lingua congelata dei concetti, e in più i linguaggi primitivi e bambineschi hanno condotto Kručёnych alla conclusione che «se ogni lettera ha un suo significato allora qualunque combinazione di lettere ha pure un significato. Non ci sono dunque opere completamente irrazionali» Kručёnych porta il ‘zaum’’ ai suoi limiti come lingua, perché in esso manca spesso il minimo dei presupposti di una lingua[1].

Per Vasilij Kamenskij (1884-1961) l’attrazione della parola come tale sta nella sua base figurativa. Nelle sue *Poesie di cemento armato* l’aspetto figurativo prevale su tutti gli altri a tal punto da renderli incomprensibili. Al poeta però interessa anche l’aspetto fonico delle parole. Utilizza tutti i mezzi (onomatopee, allitterazioni, neologismi, suoni vari) per creare degli effetti impressionanti in un’atmosfera giullaresca come, per esempio, nella poesia melodica *L’usignolo.* Secondo Kamenskij «un nesso tra le parole non è obbligatorio, perché le corde di musica parlano da sé».

Una posizione particolare, non soltanto nel gruppo dei futuristi russi ma anche nella poesia mondiale, occupa Vladimir Majakovskij (1893-1930), la cui opera letteraria mostra il suo vivo interesse per i problemi sociali e politici dell’epoca. Previde e accolse con entusiasmo la rivoluzione d’ottobre, continuando a lavorare da intellettuale comunista anche nel periodo post-rivoluzionario. Fondò nel 1923 la rivista «LEF» («Fronte di sinistra delle arti») che compì stimolanti esperimenti nel campo della letteratura, delle arti figurative, del cinema, del teatro, della critica. Tra le posizioni assunte dai collaboratori spicca il rifiuto totale della letteratura classica, per far posto a una fusione tra arte e vita, a una analisi sociologica di ogni forma d’arte. Nel periodo sovietico Majakovskij si occupò con grande perizia tecnica di molti generi letterari: liriche, opere teatrali, versi di propaganda commerciale, soggetti cinematografici, articoli, commedie, poesie per bambini, componimenti satirici.

Come quelle di Chlebnikov, le prime poesie di Majakovskij si ispirano ai quadri cubisti. Egli usava le parole come colori, cercando gioiose corrispondenze con la pittura moderna. La tematica e lo stile di Majakovskij

---

[1] G. Janecek, *Zaum. The transrational poetry of russian futurism*, San Diego State Univerity Press, San Diego California 1966.

erano differenti da quelli degli altri futuristi. Le sue idee politiche lo resero un poeta ribelle non soltanto all'estetica e alla morale borghesi ma anche all'ingiustizia sociale. Non scrisse poesie incomprensibili che si rivolgevano a una stretta cerchia di iniziati, ma scrisse per le masse in un modo nuovo, con versi esplosivi, anche quando voleva esprimere sentimenti lirici. Il suo stile non ha niente in comune né con l'estremismo dello 'zaum'' di Kručënych, nè con quello di Chlebnikov e di Kamenskij.

Dopo la rivoluzione i bolscevichi diedero molta importanza all'istruzione del popolo (per lo più analfabeta), perché credevano che il consolidamento della rivoluzione dipendesse molto da essa. Tuttavia i rapporti del nuovo regime con i letterati e gli artisti non erano facili. La maggioranza di essi ebbe un atteggiamento critico, se non addirittura negativo, verso le nuove idee. Nel 1919 Lilja Brik, Aleksandr Kušner e altri futuristi fondarono a Pietroburgo il gruppo dei futuristi comunisti ('comfut'). Il 26 gennaio dello stesso anno pubblicarono la dichiarazione programmatica del loro movimento. In essa si proclamava che «tutte le forme della vita quotidiana, dell'etica, della filosofia e dell'arte devono essere riplasmate sulla base degli ideali comunisti. Senza questo non è possibile lo sviluppo ulteriore della rivoluzione comunista».

Con il passare del tempo, in coincidenza con il consolidamento al potere del regime stalinista, però i rapporti tra le avanguardie artistiche e il governo sovietico diventarono più difficili, fino a quando nel 1932 tutte le organizzazioni letterarie furono assorbite nell'Unione degli scrittori sovietici, con la cui creazione furono estese anche al campo della cultura le strutture centralizzatrici e monolitiche che Stalin e il suo partito imposero allo Stato e alla società sovietica.

4. Conclusione

Da quanto è stato esposto risulta chiaro che fra i due futurismi ci sono elementi comuni e differenze vistose ed essenziali. Come si è visto prima, gli elementi comuni fra i due movimenti sono: l'atteggiamento critico verso la cultura passata borghese, la penetrazione dell'arte nella vita quotidiana allo scopo di cambiarla, l'esaltazione della tecnologia ('modernolatria'), il rigetto dello psicologismo (poetica dell'inumano), l'invenzione di nuove forme espressive adatte alle esigenze di un'arte moderna (parole in libertà, 'zaum'').

Assai più vistose però sono le differenze che li separano, differenze dovute a varie ragioni come il contesto storico e sociale, la diversità della tradizione culturale tra i due Paesi, l'arcaismo e la slavofilia dei letterati russi. Il futurismo letterario russo è un fenomeno molto più complesso di quello italiano, perché attraversando in breve tempo due periodi storici molto diversi (pre- e post- rivoluzionario), subì dei cambiamenti profondi e non soltanto a livello ideologico.

I punti salienti della diversità fra le due varianti sono i seguenti: l'esaltazione della civiltà meccanica del capitalismo è più marcata nel caso italiano che in quello russo. Ad eccezione di Majakovskij, che si muove nella città moderna, Chlebnikov e Kamenskij opponevano alla civiltà contemporanea le epoche primordiali e patriarcali della campagna russa antica. A differenza del nazionalismo e interventismo degli italiani, i russi erano, Burljuk in testa, pacifisti. I futuristi italiani s'occuparono presto della politica e finirono per essere assorbiti dal fascismo. I futuristi russi prerivoluzionari, al contrario, non s'interessavano alla politica e ai problemi sociali con l'unica eccezione di Majakovskij. Dopo la rivoluzione però la maggior parte di loro aderirono al comunismo senza che il futurismo facesse parte della cultura ufficiale del governo sovietico. Quella loro adesione segnò profondamente l'evoluzione del futurismo russo perché gli diede un nuovo contenuto e un nuovo slancio, cosa che non era successo in Italia.

Un ruolo importante nella differenziazione del futurismo russo ha inoltre giocato la personalità dei protagonisti. Chlebnikov, per esempio, è più arcaico che modernista, perché la sua opera è a volte inaspettatamente epica, ambientata in epoche remote patriarcali. Quello che lo unisce al futurismo, come Kručёnych, è il suo sperimentalismo stilistico per quanto riguarda soprattutto l'approfondimento dell'analisi della parola e la creazione di una lingua transmentale ('zaum"). Majakovskij invece si trova più vicino al futurismo italiano, perché è più modernista di tutti gli altri, ma nello stesso tempo è molto diverso situandosi ideologicamente e politicamente agli antipodi di quello.

Un'ultima differenza riguarda il diverso ruolo della donna. Mentre il futurismo italiano considerava la donna come un soggetto destabilizzante per l'arte e quindi da emarginare (anche se nel 1912 qualcuno scrisse Il *Manifesto delle donne futuriste*), nel futurismo russo invece operavano molte donne attive come Natalja Goncarova, Alexandra Exter, Olga Rozanova, Lioubov Popova, Varvara Stepanova, Nadeshda Udaltsova.

Comunque sia, il contributo del futurismo in generale è stato decisivo per lo sviluppo ulteriore dell’arte e la letteratura contemporanee, perché è stato il primo movimento di avanguardia ad affrontare con decisione la nuova realtà storica e a cercare di dare soluzioni conformi alle esigenze artistiche moderne.

Bibliografia

1. AA.VV., *I Fratelli di Serapione*, traduzione di Maria Olsufieva, De Donato, Bari 1967.
2. I. Ambrogio, *Formalismo e avanguardia in Russia*, Editori Riuniti, Roma 1974.
3. E. Bagrickij, *L’Ultima notte*, prefazione e traduzione di V. Strada, Einaudi, Torino 1965.
4. M. German, *Serdcem slushaja Revoljuciju”, “Ascoltare col cuore la Rivoluzione. L’arte dei primi anni dopo l’Ottobre. Pittura, manifesti, decorazione urbana, scultura monumentale, ceramica propagandistica, medaglie commemorative, scenografia teatrale, francobolli*, Avrora, Leningrad 1985.
5. R. Jakobson, *Una Generazione che ha dissipato i suoi poeti. Il problema Majakovskij*, a cura di V. Strada, Einaudi, Torino 1975.
6. G. Janecek Gerald, *Zaum. The transrational poetry of russian futurism*, San Diego State Univerity Press, San Diego 1966.
7. G. Kraiski Giorgio, *Le Poetiche russe del Novecento. Dal simbolismo alla poesia proletari*, Laterza, Bari 1968.
8. B. Livsic, *L’Arciere dall’occhio e mezzo. Autobiografia del futurismo russo*, a cura di Giorgio Kraiski, traduzione di M. Fabris, Laterza, Bari 1968.
9. L.N. Lunc, *La Rivolta delle cose*, presentazione di E. Lo Gatto, traduzione di M. Olsufieva, De Donato, Bari 1968.
10. L. Magarotto (a cura di), *L’Avanguardia dopo la rivoluzione. Le riviste degli anni Venti nell’URSS: ‘Il giornale dei futuristi’, ‘L’arte della Comune’, ‘Il Lef’, ‘Il nuovo Lef’*, prefazione di G. Scalia, Savelli, Roma 1976.
11. M. Marzaduri (a cura di), *Dada russo. L’avanguardia fuori della Rivoluzione*, Il Cavaliere Azzurro, Bologna 1984.
12. E. Petrova e A. Fiz, *Futurismo russo, Testo in italiano e francese*, Editore Mazzotta, Milano 2003.
13. B. Pilniak, *L’Anno nudo*, traduzione di P. Zveteremich, Garzanti, Milano 1965.
14. R. Poggioli, *I Lirici russi: 1890-1930. Panorama storico-critico*, Lerici, Milano 1964.

15. H. Pontus, *Futurismo & futurismi*, Bompiani, Milano 1986, 1a ed. Catalogo della mostra realizzata a Palazzo Grassi, Venezia.
16. A.M. Ripellino (a cura di), *Nuovi poeti sovietici*, Einaudi, Torino 1961.
17. Id., *Il trucco e l'anima. I maestri della regia nel teatro russo del Novecento*, Einaudi, Torino 1965.
18. Id., *Poesie di Chlebnikov. Saggio, antologia, commento*, Einaudi, Torino 1968.
19. Id., (a cura di), *Poesia russa del Novecento*, Feltrinelli, Milano 1973.
20. Id., *Majakovskij e il teatro russo d'avanguardia*, Einaudi, Torino 1976.
21. V. Sklovskij, *Majakovskij. Futurismo, formalismo e strutturalismo*, traduzione di M. Olsufieva, Il Saggiatore, Milano 1967.
22. Id., *La Mossa del cavallo*, traduzione di M. Olsufieva, De Donato, Bari 1967.
23. Id., *Il Punteggio di Amburgo*, traduzione di M. Olsufieva, De Donato, Bari 1969.
24. J. Tynjanov Jurij, *Avanguardia e tradizione*, introduzione di V. Sklovskij, Dedalo, Bari 1968.
25. Id., *Il Problema del linguaggio poetico*, Il Saggiatore, Milano 1981.

Stefania Mazzone
Associate Professor
Department of Political and Social Sciences
University of Catania
Italy
E-mail: smazzone@unict.it

Eva Kühn: the futurist translator of Dostoevsky in Italy

Abstract. The article aims to highlight the relationship between the vital and literary interpretation of the Lithuanian writer and translator lived in Italy, Eva kühn, Dostoevskji's first translator in Italy, and the ideology of futurism, in its masculine and feminine forms, of the early 1900s. In this regard, the aim is to reconstruct the family and intellectual background of the writer to highlight its cultural complexity and literary formation. From the heterogeneity of the geographic origin with respect to the Italian cultural context, to the unusual female intellectual participation in the cultural and artistic field with reference to men. The article highlights the phenomenon of the formation of a female literary subjectivity with refined linguistic sensitivity. This through the reconstruction of his philosophical and artistic interests, his attendance, studies of Russian origin and the Italian futurism environments also highlighting the phenomenon of psychiatric containment several times suffered by the author in Italy as in Lithuania. A practical experience of containing female subjectivity in the early 1900s, starting from the peculiarity of Eva's cultural formation. All this within a political and militant framework that from the origins related to Tolstoy and Thoreau, passes through interventionist futurism up to anti-fascism, remaining the most sensitive and main translator of Dostoevskji's works in Italy.

Keywords: Futurism, Italy, Twentieth Century, Russian literature, Italian fascism.

Eva Kühn: la traduttrice futurista di Dostoevskij in Italia

Il futurismo italiano, nella sua parte femminile, è stato in qualche modo sempre e comunque "straniero", se non per la provenienza geografica, quanto meno per quella culturale. Sono state donne di grande anticonformismo, decisamente lontane dalla cultura del "femminile" dominante. Spesso erano poliglotte, traduttrici, legate in qualche modo alla parola scritta. Donne sollecitate dall'energia e dall'immaginazione che il futurismo sviluppava prima e dopo la Grande Guerra.

«Vogliamo glorificare il disprezzo della donna», scrive Marinetti nel *Manifesto del futurismo* del 1909, ma si comprende pienamente cosa Marinetti intenda per "donna" quando, in *Come si seducono le donne*, del 1916, egli paragona la donna tradizionale ai «sedentari, gli invalidi, gli ammalati e tutti i consiglieri prudenti». Guerra, dunque, alla figura tradizionale, sottomessa, sdolcinata della donna la quale, invece, è spronata a ribellarsi.

Si è molto dibattuto della misoginia del futurismo italiano, soprattutto dalle studiose della prospettiva di genere della letteratura e il dibattito è tuttora aperto. La stessa Valentine de Saint Point, nel *Manifesto della donna futurista* del 1912, dirà: «Ogni eroe/genio è prodigiosa espressione della sua razza e della sua epoca solo perché è composto ad un tempo di elementi femminili e di elementi maschili, ossia perché è un essere complesso». Da questa impostazione, anche se non in conseguenza, la spinta ad adottare un modello maschile, spinto all'eccesso della "brutalità", al fine di annichilire il femminile stesso.

Eva Kühn era una intellettuale lituana, traduttrice per bisogno e passione, che studiava a Roma quando, nel 1903, incontra Giovanni Amendola. La giovane lituana si interessa al futurismo durante la sua esperienza con Giacomo Bolla, futurista della cerchia di Umberto Boccioni e Tommaso Marinetti. Grazie all'amicizia con Marinetti inizia a frequentare le scrittrici della rivista "L'Italia Futurista" (1916-1918), dove, nel 1916 pubblica il poema a parole libere, *Velocità*.

"La Russa", come la chiamavano, era nata a Vilnius il 21 gennaio 1880 da Oscar Kühn e Emmy Wittman. Il padre era di origine baltica e dopo gli studi all'Università di Dorpat, insegnò in un istituto tecnico a Vilnius. Egli fu un letterato, pubblicò novelle e poesie, raffinato appassionato di musica ma, soprattutto, amante della filosofia.

La madre aveva frequentato, come tutte le giovani aristocratiche, un collegio di Mosca e, nonostante la morte del marito, aveva continuato a crescere i tre figli e le quattro figlie con lo stesso tenore di vita, come Eva ricorderà nei suoi scritti, tra le zie di Riga, le feste, le gite, le ottime scuole dove la giovane eccelleva in tutto. Imparentata con Lev Tolstoj, la giovane fu vegetariana e influenzata da un profondo spirito umanitario e solidale.

Come tutte le ragazze emancipate di Vilnius, anche la giovane Eva andò a studiare nelle grandi città europee e a 17 anni fu istitutrice in un collegio a Londra. Del collegio di Hampton Court ricorderà che, pur non essendo pagata, riceveva vitto, alloggio e frequenza gratuita ai corsi, in cambio di lezioni di tedesco e russo. Tornata a Vilnius, decideva di iscriversi prima in Medicina

a Zurigo, ma poi, seguendo in modo decisamente più consono i suoi più profondi interessi, finiva per entusiasmarsi al sapere antropologico oltre agli studi di letteratura comparata e di storia dell'arte. Proprio da questa miscela di sensibilità, tra l'antropologia, la letteratura, la filosofia, nasce il primo saggio di Eva su Thoreau. Questi, come Kühn, era il filosofo vegetariano, ecologista, umanitarista che rifletteva sull'eremitaggio in *Walden, ovvero vita nei boschi*, ma anche sull'impegno politico in *Disobbedienza civile* dove si afferma il primato della coscienza civile sugli obblighi imposti dalla politica: il primo esempio di teorizzazione della resistenza non violenta al potere. Grazie a questo primo saggio Eva ricevette un premio di cento Franchi, sfidando la sempre tendenziale misoginia dell'ambiente filosofico.

La ritroviamo, dunque, a Roma, a frequentare le conferenze della Società teosofica di Annie Wood Besant, paladina dei diritti dei lavoratori e delle donne, in nome della teoria di Helena Blavatsky. Qui Eva incontra il giovane Giovanni Amendola, affascinante e silenzioso, figlio di garibaldino impegnato, anzitutto, nella "lotta alla miseria", come dirà poi il nipote Giorgio. Così Giovanni era stato un autodidatta per francese, inglese, tedesco, latino, greco, filosofia, grazie anche alla frequentazione della Biblioteca della Società Teosofica. Fu qui che nel 1903 incontrò Eva, di tutt'altra esperienza ed apertura, con cui nacque un amore innanzi tutto intellettuale. Lo scambio di lezioni tra italiano e tedesco e persino la lettura dal russo e la traduzione del saggio di Eva su *L'ottimismo di Artuto Schopenauer* che era stato letto ad una conferenza al seminario filosofico di Zurigo e che ora Eva avrebbe presentato alla Società Teosofica, furono i motivi di incontro tra i due. Infatti, nel marzo del 1904 si tiene la conferenza di Eva su Schopenauer definito "ottimista".

Evidente, in questo caso, la profonda identificazione della scrittrice con il filosofo, sia per la debolezza nervosa che per l'incrollabile volontà di salvezza, anche se lo stesso Schopenauer fu un campione di misoginia data la ferma convinzione della passività e inferiorità mentale delle donne. L'ottimismo eroico fu una costante della vita di Eva, dall'adesione a certo "anarchismo", tra Tolstoj e Thoreau, alla fuga dai ruoli predeterminati per le donne dell'epoca, fino, come si è detto, all'ambizione della filosofia, argomento considerato audace per una donna. Per questo la scelta di Zurigo, una delle poche sedi universitarie aperta alle donne e alle studentesse straniere tra cui molte russe e di minoranze religiose.

La condizione di inferiorità in cui veniva relegata la donna, anche se solo intellettuale, era condivisa ampiamente in Italia. Il feroce pregiudizio nei confronti delle donne imponeva alle scrittrici e alle intellettuali di ingaggiare

una sorta di lotta continua con il mondo maschile ma, anche e peggio, con se stesse e la propria percezione identitaria. Si parla di auto conflitto anche per Eva Kühn che naturalmente viveva il proprio femminile come un ostacolo alla realizzazione della propria personalità nel sociale. Non è un caso se questa condizione comune alle donne intellettuali abbia provocato disagi e squilibri nervosi in molte di queste donne, Eva per prima. Non mancava, poi, l'ambiente culturale psichiatrico maschilista che relegava ogni disagio espresso al femminile nell'ambito dell'isteria e della nevrastenia.

Dunque, Eva Kühn, che ha avuto il destino di essere ricordata in quanto "moglie" e "madre di", esprime, in realtà, un ambiente, una cultura, una sensibilità, tutt'altro che banale e comune. Sebbene ci siano pochi scritti futuristi di Kühn, tranne alcuni saggi e alcune poesie conservati presso l'archivio Marinetti, e il romanzo mai pubblicato *Eva la futurista*, di cui si è perso anche il manoscritto, abbiamo la raccolta curata dalla stessa autrice, delle lettere scambiate col marito e della ricostruzione della sua vita in *Vita con Giovanni Amendola*.

La diagnosi di malattia mentale accompagna la vita di questa donna inquieta, secondo quella definizione di "febbre cerebrale" attribuita al suo malessere già in giovane età. Da quel momento la fragilità di Eva aumenta, tra depressione ed emicranie che, però, la stessa donna attribuisce piuttosto a fatti genetici ed ereditari, entrando in conflitto con la cultura della malattia mentale. In effetti, proprio agli inizi del Novecento le donne più autonome, libere, sessualmente emancipate, non conformiste, venivano, spesso, "normalizzate" dentro questi istituti. Soprattutto durante la Grande Guerra e dopo, l'internamento delle donne per malattie mentali fu usato come mezzo per controllare socialmente e politicamente coloro che esprimevano nuova soggettività. Da questa esperienza e da queste riflessioni nascerà il saggio *La pazzia e la riforma del manicomio*, scritto durante l'internamento a Vilnius contro i metodi dell'istituto e le violenze sugli internati, e completato tra il 1913 e il 1916. Il saggio è rimasto inedito, se ne ha una versione manoscritta di sessanta pagine a firma Magamal conservate nell'archivio Marinetti del Getty Institute. Qui Eva elabora ipotesi di forme di psicoterapia alternative, con l'uso del gioco, della danza, della musica, del teatro. Claudia Salaris trovò in un baule in casa dell'ultimo figlio di Eva, Pietro Amendola, una lettera del 8 dicembre 1919 in cui un operaio conosciuto durante il volantinaggio nelle zone "rosse" per Marinetti fascista, tale Vincenzo Bianchini, accettava la collaborazione di Eva al giornale anarchico *Umanità Nova* per un articolo sulla riforma del manicomio. La stessa Salaris ritrova nel baule lo scritto composto

tra il 1913 e il 1916, ma riguardante la degenza del 1905, dal titolo *La pazzia e la riforma del manicomio*. Le crisi non finirono, anzi, si intrecciarono con la vita privata e passionale di Eva.

Nel 1907 Kühn aveva pubblicato in *Italia moderna*, un saggio sulla pedagogia delle lingue, *Il nuovo metodo intuitivo dell'insegnamento delle lingue moderne*, insegnava inglese in una scuola femminile e traduceva per l'Istituto Internazionale di Agricoltura. Durante il periodo fiorentino gli Amendola frequentarono il circolo *La voce*, con le famiglie Papini e Prezzolini. Lo stesso Papini, noto per la sua misoginia, esprimeva parole di grande ammirazione nei confronti di Kühn, fino alla richiesta alla scrittrice di tradurre Schopenauer, mentre Prezzolini aveva offerto un contratto ad Eva per la traduzione di una raccolta di racconti di Dostoevskij per le edizioni de *La Voce*, pubblicata, poi, nel 1913. Di questi anni anche il prezioso saggio di Eva Kühn su Henry George, l'economista della riforma agraria di spirito egalitario, sostenitore di una tassazione progressiva pura, riferimento scientifico dello stesso Tolstoj. Il saggio fu apprezzato e citato da Gaetano Salvemini e dallo stesso Tommaso Marinetti. Proprio Marinetti, poi, pubblicherà nel 1919 il saggio rivisto su *Roma futurista* come programma economico di *Democrazia Futurista*, a firma de "il futurista Magamal". Intanto, Eva continuava ad avere grandi passioni intellettuali e amorose insieme alle sue crisi nervose e ai suoi periodi di internamento. Sono gli anni della frequentazione assidua di artisti a casa Amendola, quale il pittore Balla, e letterati, proprio per il salotto di Eva, diventata futurista.

Eva portava il figlio ad ogni incontro culturale nei caffè, ad ogni serata nei salotti, comprese quelle tenute da Boccioni, in via degli Avignonesi, così come alle serate futuriste del Salone Margherita. Da qui anche gli incontri con Sibilla Aleramo, altro esempio di donna travagliata e futuristicamente mascolina. Non è un caso che lo pseudonimo che la stessa Eva Kühn assume sia Magamal, un personaggio del romanzo di Marinetti, *Mafarka il futurista*. Eva segue i futuristi e lo stesso libro a cui fa riferimento lo pseudonimo di Eva sarà motivo di scandalo per i riferimenti allo "stupro delle negre" e al "membro di dieci metri" di Mafarka. Certamente, nel *Manifesto* del 1909 Marinetti scriveva: «Noi vogliamo glorificare il disprezzo della donna», ma successivamente il futurismo si schierò per il suffragio alle donne, la parità di retribuzione, «il divorzio facile, il libero amore, l'abolizione della gelosia». Lo stesso Gramsci, nel 1913, ne coglierà le potenzialità di modernità paragonando Marinetti a Picasso sperando nell'apertura dei "filistei del movimento operaio" al progresso. Ciò spiega l'adesione convinta al movimento da parte di tante

artiste come Benedetta Cappa, Enif Robert, Rosa Rosà, Maria Ginanni, fanny Dini, Zàtkovà, Barbara Marisa Mori, Giannina Censi.

Durante la campagna libica del 1912, nasce il patriottismo femminile in Italia, come dimostra il "Manifesto della donna futurista" di Valentine de Saint-Point (1912) e poi il "Manifesto futurista della lussuria" (1913), dove le donne sono considerate guerriere al pari e più degli uomini. La stessa De Siant-Point però, che lavorava presso la Croce Rossa di Parigi, divenne pacifista nel 1916 insieme agli artisti che partirono per la Spagna, rifiutando il servizio militare.

La stessa vita privata di queste donne rispecchiava il senso del libero amore, come dimostra la relazione intensa e non solo intellettuale che Eva ebbe con lo scrittore Giovanni Boine, membro del circolo *La Voce*, vicino ai futuristi e a Boccioni. Il componimento *Velocità* è ispirato proprio alla corsa metaforica di progresso ed erotismo del treno che Eva Dopo questa tempesta amorosa Eva viene rinchiusa nuovamente in una clinica psichiatrica, a riprova dell'uso di queste strutture anche come freno per quelle donne che, come Eva, venivano considerate dal comportamento "disordinato".

In questa fase, Eva sembra essere affascinata dalla prospettiva della liquidità di genere, come testimonia una lettera del 29 aprile del 1915 al futurista Paolo Buzzi dove la scrittrice annuncia di aver scritto in due giorni il romanzo in parole libere *Eva la futurista* il cui manoscritto, mandato a Marinetti ma non apprezzato, fu in seguito bruciato. Eva cercava quella "virilità" autobiografica, nel racconto della propria psiche e dei propri turbamenti, che non doveva essere, nell'ottica futurista, esclusivamente legata alla mascolinità. Ma Marinetti, legato alla Loy, in questa fase, non apprezza i salti in avanti della componente femminile del movimento. I progetti letterari di Kühn, al momento della lettera a Buzzi, sono autonomi e in contrasto sia con Marinetti che col marito. Si tratta di un dramma su Marinetti, un altro intitolato *La donna di tutti e di nessuno*, e un saggio sull'amore futurista. Significativo l'appello finale della lettera di Eva a Buzzi: l'artista chiede all'amico di discutere di queste opere, forse mai scritte o distrutte, solo con futuristi come Carrà, Boccioni, Petrella, Russolo, e con nessuno che potesse parlarne al marito. Infatti, in conclusione della lettera, Eva afferma: «Non mi dovete tradire, se mio marito lo saprà, mi rinchiuderà».

Sono gli anni dell'interventismo ed Eva si allontana decisamente dalle posizioni pacifiste di Tolstoj per abbracciare la "guerra igiene del mondo" nella visione estetizzante del futurismo che anche David Burliuk e i futuristi russi avevano abbracciato nel manifesto del 1912 dove si esortava a "buttare Pushkin,

Tolstoj, Dostoevskij e altri nella nave della modernità”. Kühn attraversa anche in questi anni l’illusione futurista nei confronti della Rivoluzione d’Ottobre che avrebbe liberato la Lituania dai tedeschi e rovesciato il mondo feudale dello zarismo. Ma i bolscevichi impediranno l’indipendenza della Lituania e Eva Kühn si schiererà contro i sovietici insieme a Marinetti, anche se altri futuristi italiani, come Mario Carli, accomuneranno la rivoluzione bolscevica a tutte le rivoluzioni della modernità progressista. Rimaneva, in Eva, la giovanile visone anarchica e libertaria che le impediva di apprezzare il livellamento sociale di un regime.

Tra il 1914 e il 1915, dunque, sia Giovanni che Eva Amendola si trovano impegnati, con posizioni diverse, sullo stesso fronte interventista e la frequentazione-relazione assidua di Eva con Marinetti non turbò eccessivamente il matrimonio. Il 1° giugno 1916 esce il numero inaugurale della nuova rivista, *L’Italia futurista*, fondamentalmente sul tema della guerra. Vi scrivono Marinetti, Emilio Settimelli, Boccioni, Maria Ginanni (che è stata anche condirettore e redattore capo), Bruno Corra con un estratto del suo romanzo *Sam Dunn è morto*, di cui Magamal recensirà l’opera in seguito. Il 15 novembre 1916 Eva pubblicava la tavola *Velocità* che esprime la sperimentazione di nuovi codici espressivi formulando parole in libertà. Si tratta di quel ritmo che permette all’individuo di trasformarsi continuamente. Dunque, dall’immagine della donna che viaggia sola in treno e si allontana dalla se stessa banale e quotidiana: “Staccarsi, staccarsi – né angoscia, né pensieri”, fino all’esperienza elettrizzante e sensoriale della nuda vita, una “voluttà crescente”, autoerotica. Il cervello di chi viaggia paragonato ad un telegrafo che manda segnali a se stesso producendo un “Desiderio erotico” crescente e culminante nel piacere finale: “Fiamme: eruzione del vulcano”. Dunque Magamal declina al femminile il piacere sessuale intellettuale che certamente mai prima di allora era stato riconosciuto alle donne, pensatrici di “seconda mano” della concettualità maschile, utilizzando il concetto di “rapidità” nell’ambito di una geografia dell’intuizione tipicamente femminile, in contrasto con la concezione erotica femminile che Marinetti esprime in *Come si seducono le donne* del 1917, parlando di violenza, possesso, penetrazione.

Intanto, la campagna interventista impegnava completamente le energie degli Amendola. Eva era stata, naturalmente, affascinata dal “radioso maggismo” di Gabriele D’Annunzio che Giovanni considerava “stallone della carne e eunuco dell’anima”. Il fronte, come per molti, stravolse la vita e le idee della famiglia Amendola. Giovanni perse ogni illusione intellettuale, Eva capì che la guerra non avrebbe portato miglioramenti alla condizione

femminile. Se Giolitti, nel 1912, aveva deciso il suffragio universale maschile, il Partito socialista di Anna Kuliscioff aveva chiesto il voto alle donne. Ma fu la guerra a creare veri spazi materiali di promiscuità per le donne. Eva si dedicò ai soldati resi sordomuti dallo choc bellico portandoli al teatro e così fece con l'assistenza ai ciechi. Dunque abbandonò tutto e si trasferì a Frascati, a villa Aldobrandini, al centro di assistenza. In questo periodo Eva porterà il figlio Giorgio sempre con sé: da Trilussa, "l'unico amico non fascista di mia madre", dirà Giorgio, al Salone Margherita, al teatro degli Indipendenti. Anche i dadaisti furono tra la cerchia di amici di Eva. Da questo momento inizia la frequentazione assidua di *Roma futurista* che dal 1919 era diventato giornale esclusivamente politico. Eva aderiva all'arditismo esortando, nel '19, appunto, i lavoratori e i guerrieri della Patria ad unirsi. Inizia la propaganda per Marinetti, presentatosi nella lista dei fasci di combattimento di Mussolini, dove c'era anche il futurista Toscanini, futuro antifascista. In questa fase non si distingue ancora una destra e una sinistra nel movimento. Marinetti è repubblicano, per l'abolizione del Senato e il voto alle donne. Ma la natura dei fasci si faceva sempre più chiara. Giorgio Amendola ricorderà la "perfida vigliaccheria dei fascisti" che mandavano la russa Eva a volantinare nelle zone rosse e operaie. Fu questa l'occasione in cui Eva conobbe gli operai anarchici lettori di Stirner, Proudhon, Sorel, Dostoevskij e Gor'kij. In realtà, in quegli anni, risulta innegabile la contiguità tra fascismo, futurismo, socialismo e anarchia, come ricorda Giorgio Amendola, e alle elezioni vinceranno socialisti e popolari. Marinetti e Mussolini verranno arrestati e Giorgio ricorderà con vergogna i giorni in cui accompagnerà la madre a San Vittore per portare conforto ai due detenuti.

Con la marcia su Roma Eva spezza definitivamente il proprio equilibrio psichico: la casa diviene meta di attacchi squadristi e Giovanni accompagnerà per l'ultima volta la moglie in un manicomio, Villa Giuseppina, dove resterà rinchiusa fino al 1933. Poi il fascismo la considererà una donna immorale, alcolizzata, posta sotto sorveglianza e con il divieto di insegnamento in Italia, perché "segretamente ebrea". Alla fine degli anni Cinquanta comincerà a ricostruire il filo di un'esistenza attraverso le lettere del marito, martire dell'antifascismo, e il racconto della sua stessa vita, in una narrazione espressamente al femminile, con la stessa coraggiosa volontà di sempre.

Eva Kühn Amendola muore a Roma il 27 novembre 1961.

Bibliografia

1. AA.VV., *Donne nella Grande Guerra,* Il Mulino, Bologna, 2014.
2. AA.VV., *L'arte delle donne*, (a cura di) L. Iamurri e S. Spinazzé, Meltemi, Roma, 2001, p. 34.
3. AA.VV., *La famiglia Amendola. Una scelta di vita per l'Italia*, (a cura di) G. Cerchia, Cerabona, Torino, 2011.
4. AA.VV., *Spirale di dolcezza + serpe di fascino. Scrittrici futuriste*, a cura di C. Bello Minciacchi, Bibliopolis Napoli, 200.
5. Agnese G., *Marinetti. Una vita esplosiva*, Camunia, Milano, 1990.
6. Boine G., *CarteggioII: Giovanni Boine – Emilio Cecchi (1911-1917)*, (a cura di) M. Marchione and S. E. Scalia, Edizioni di Storia e Letteratura, Roma, 1983.
7. Burliuk D.- Kruchenykh A. et alii, *Uno schiaffo al gusto pubblico. Futurismo russo attraverso i suoi manifesti, 1912-1928*, Cornell Up, Itaca, 1988.
8. Carpi G., *Futuriste. Letteratura Arte Vita. Antologia del futurismo al femminile*, Castelvecchi, Roma, 2009.
9. Cigliana S., *Futurismo esoterico. Contributi per una storia dell'irrazionale tra Otto e Novecento*, La Fenice Edizioni, Roma, 1996.
10. De Giorgio M., *Dalla "donna nuova" alla donna della "nuova" Italia*, in *La grande guerra: Esperienza, memoria, immagini*. Il Mulino, Bologna, 1986.
11. De Saint-Point V., *Manifesto della donna futurista*; *Manifesto futurista della lussuria*; *Il teatro della donna*; *Il mio esordio coreografico*; *La metacorìa*, ed. J. P. Morel, Il Melangolo, Genova, 2006.
12. Gramsci A., *Socialismo e fascismo. L'Ordine Nuovo. 1921-1922*, Einaudi, Torino, 1966.
13. Guidi L., *Un nazionalismo declinato al femminile, 1914-1918* in Id., *Vivere la guerra. Percorsi biografici e ruoli di genere tra Risorgimento e primo conflitto mondiale*, Clio, Napoli, 2007.
14. Kühn Amendola E. [Magamal]: *Appello futurista al popolo d'Italia*, «Roma futurista», 24 Agosto, 1919.
15. Kühn Amendola E., [Magamal], *Polemiche sul tattilismo*, «Cronache di attualità», 5, 5 maggio 1921.
16. Kühn Amendola E., [Magamal], *Sam Dunn è morto*, «L'Italia Futurista», 9 Settembre 2016; [Magamal], *Velocità. Parole in libertà*, «L'Italia Futurista», 15 Novembre, 1916.
17. Kühn Amendola E., [Mgamal] *La riforma fondiaria di Henry George*, «Roma futurista», 10 Agosto, 1919.
18. Kühn Amendola E., *Henry George e il movimento dei riformatori fondiari*, «Nuova antologia di lettere, scienze e arti», 163, 1913.
19. Kühn Amendola E., *Vita con Giovanni Amendola (Epistolario 1903-1926)*, Parenti, Firenze, 1960.

20. Kühn Amendola E., *Il nuovo metodo intuitivo nell'insegnaento delle lingue moderne*, «Italia moderna», 1907: *L'ottimismo di Schopenauer*, «Coenobium», 6, 1907.
21. Kühn Amendola E., *L'ottimismo trascendentale di Arturo Schopenauer*, in A. Schopenauer, *Introduzione alla filosofia e scritti vari*, Paravia Torino, 1960.
22. Leoni D.- Zadra C., *La grande guerra: Esperienza, memoria, immagini*, Il Mulino, Bologna, 1986.
23. Lo Valvo O., *La guerra e i nuovi destini della* donna, Trimarchi, Palermo, 1918.
24. Marinetti T., *Mafarka il futurista,* Edizioni Futuriste di "Poesia", Roma, 1920.
25. Molinari A., *Una patria per le donne. La mobilitazione femminile nella Grande Guerra*, Il Mulino, Bologna, 2014.
26. Paolella F., *Solo un'immensa fonte di dolore. Appunti per una ricerca sulle donne in manicomio durante la Grande Guerra*, E-Review Rivista degli Studi Storici dell'Emilia Romagna in Rete 2, 2014
27. Re L., *Maria Ginanni vs. F. T. Marinetti: Women, Speed, and War in Futurist Italy*, «Annali d'Italianistica, 27, 2009
28. Re L., *Marinetti. Arte e vita futurista*, Editori Riuniti, Roma, 1997.
29. Re L., *Mina Loy and the Quest for a Futurist Feminist Woman*, in *Futurist Imperfect. Italian Futurism between Tradition and Modernity*, Special issue of *The European Legacy,* 14, 7, Dicembre 2009.
30. *Re L., Passion and Sexual Difference: The Gendering of Writingin 19th-Century Italian Culture*, in A. Ascoli-K. Von Hennenberg, *Making and Remaking Italy: The Cultivation of National Identity Around the Risorgimento*, Oxford, 2001.
31. Re L., *Rosa Rosà and the Question of Gender in Wartime Futurism*, in V. Greene, *Italian Futurism, 1909-1944: Reconstructing the Universe*, Guggenheim Museum, New York, 2014.
32. Re L., *Valentine de Saint-Point, Ricciotto Canudo, F. T. Marinetti: Eroticism, Violence and Feminism from Prewar Pari sto Colonial Cairo*, «Quaderni d'Italianistica», 24,2, 2003.
33. Salaris C., *Alla festa della rivoluzione. Artisti e libertari con D'Annunzio a Fiume*, Il Mulino, Bologna, 2002.
34. Scardino Belzer A., *Le donne e la Grande Guerra. La femminilità sotto il fuoco in Italia*, Palgrave MacMillan, New York, 2010.
35. Schiavon E., *Interventiste nella Grande Guerra. Assistenza, propaganda, lotta per i diritti a Milano e in Italia (1911-1919),* Mondadori, Milano, 2015.
36. Spini G., *Italia liberale e protestanti*, Claudiana, Torino, 2002.
37. Steiner R., *Teosofia*, Editrice Antroposofica, Milano, 1974.
38. Steiner R., *La scienza occulta nelle sue linee generali*, Milano, Editrice Antroposofica, 1969.
39. Vercelloni E., *Perché la coscrizione femminile deve essere obbligatoria*. Carlo Colombo, Roma, 1918.

Ermelinda Caruso
Teacher of Secondary schools of the 2nd grade
Italy

Tra mito e storia: L'Europa nella letteratura russa e italiana fra '800 e '900. A. Čechov, L. Pirandello e C. Levi

Nei numerosi memoriali di viaggio prodotti nel '900 da scrittori italiani che vanno ad immergersi nella cultura russa e in quella multiculturale dell'Unione Sovietica, emerge quella trama di scambi culturali e di relazioni personali fra scrittori ed artisti, che è alla base della costruzione di un canone europeo. Esso fra '800 e '900 si è già definito in linguaggi, tematiche e visioni del mondo, che interagiscono attraverso una dialettica plurale fra scrittori e scritture: della differenza e della omologia, della ragion critica e del salto nell'utopia, dell'angoscia esistenziale e dell'afflato sentimentale, della distruzione e costruzione di miti e visioni, che costituisce la ragione stessa di quella cultura.
In questo saggio, attraverso l'analisi di testi di Čechov, Pirandello e Levi, si aprono squarci significativi: dalla loro critica corrosiva alla costruzione di miti, viene tracciato un cammino progressivo di crescita tutto interno all'Europa, ma anche d'individuazione di elementi di permanenza. In questi si riassume l'essenza umanistica della civiltà europea, in una possibile dimensione circolare di questa storia, che ne preservi i valori costitutivi.

Between Myth and History: Europe in Russian and Italian Literature between 800 and 900. A. Čechov, L. Pirandello and C. Levi

Abstract. In the numerous travel memorials produced in the 1900s by Italian writers who immersed themselves in Russian culture and in the multicultural culture of the Soviet Union, emerges the pattern of cultural exchanges and personal relations between writers and artists, which is the basis of the construction of a European fee. Between the 1800s and the 1900s it has already been defined in languages, themes and visions of the world, which interact through a plural dialectic between writers and writings: of difference and homology, of critical reason and the leap into utopia, of existential anguish and sentimental inspiration, of the destruction and construction of myths and visions, which constitutes the very reason for that culture. In this essay, through the analysis of texts by Anton Chekhov, Luigi Pirandello and Carlo Levi, significant gaps are opened: from their corrosive critique to the construction of myths, a progressive

path of growth all within Europe is traced, but also of identification of elements of permanence. These summarize the humanistic essence of European civilization, in a possible circular dimension of this history, which preserves its constitutive values.

Nei numerosi memoriali di viaggio, prodotti nel '900 da scrittori italiani che vanno a immergersi nella cultura russa e in quella multiculturale dell'Unione sovietica, emerge quella trama di scambi culturali e di relazioni personali fra scrittori ed artisti, che è alla base della costruzione di un canone europeo. Esso, fra '800 e '900, si è già definito in linguaggi, tematiche e visioni del mondo che interagiscono attraverso una dialettica plurale fra idee e scritture: della differenza e della omologia, della ragion critica e del salto nell'utopia, dell'angoscia esistenziale e dell'afflato sentimentale, della distruzione e della costruzione di miti e di visioni, che costituisce la ragione stessa di quella cultura. Italia e Russia sono spazio esemplare di costruzione di percorsi artistico letterari europei. In questo saggio, Anton Čechov, Luigi Pirandello e Carlo Levi ne aprono squarci significativi.

In loro è possibile trovare la storia dell'Europa fra '800 e '900, con il suo andamento parabolico e progressivo, che va dallo sguardo corrosivo delle forme della società borghese fino al sogno liberatorio e alla mitologia rivoluzionaria. Dalla disperazione alla speranza, viene tracciato un cammino di crescita, tutto interno all'Europa, ma anche d'individuazione di elementi di permanenza, che costituiscono l'essenza della civiltà europea in una possibile dimensione circolare di questa storia. Interessante, in questa direzione e restringendone il punto di vista, è costruire un percorso che riguarda la visione del mondo contadino e intellettuale, attraverso l'analisi di alcuni testi dei suddetti autori, in quel passaggio di secolo in cui la storia europea sta per essere travolta da trasformazioni epocali e che sembrano irreversibili.

Vorrei partire dalla lettura del libro di Carlo Levi, *Il futuro ha un cuore antico. Viaggio nell'Unione Sovietica del 1956*[1]. Il contesto è quello di una cultura letteraria che in Italia, dagli anni '50 agli anni '70, da Levi a Pasolini, afferma il mito della purezza del popolo in cui si incarna la cultura contadina e degli intellettuali organici che se ne fanno portavoci. Esso è minacciato dall'irrompere di quel sistema capitalistico-borghese che produce l'uomo massa (Eco), ridotto a produttore e al tempo stesso consumatore alienato di merci (Marcuse). È nel cuore della Russia sovietica che Levi cerca la sopravvivenza di quel mondo, già ben conosciuto nel Sud Italia.

[1] C. Levi, *Il futuro ha un cuore antico. Viaggio nell'Unione Sovietica,* Einaudi, Torino 1956.

In questo saggio raccontato, oltre l'intenzione dell'autore di "lasciar da parte ogni ideologia della Russia" e "guardarla fenomenicamente e raccontare", emerge, come punto di vista caratterizzante, la ricerca di quegli archetipi che fondano la civiltà contadina e la rendono, agli occhi dell'autore, modello europeo di un'umanità aperta e accogliente, quale continua ad essere presente in quella Unione Sovietica che sta costruendo il suo futuro di paese industrializzato, mantenendo il cuore antico del suo passato contadino. Questa sua consapevolezza matura nel corso del viaggio, attraverso l'osservazione e il racconto, ma è piena solo alla sua fine, quando lo scrittore, trovandosi a passeggiare, sulla via del ritorno, in una piazza di Stoccolma, avverte un senso di straniamento: «Sento ad un tratto, quasi con una strana, muta emozione, di essere solo tra i passanti di una folla indifferenziata, di una folla con cui posso parlare…e che tuttavia è lontana e rinchiusa. E' la prima volta, da quasi due mesi, che avverto la solitudine. […] Là di dove vengo, non ti lasciano mai solo, non soltanto per le ragioni della lingua e dell'ospitalità, ma per un'abitudine più antica, e legata ai modi stessi di quella civiltà: gli stessi per cui non sei mai solo nei paesi contadini di Lucania, e ogni atto, ogni parola, ogni gesto della vita quotidiana è fatto davanti al paese intero, che ne partecipa, che ti accompagna, che si compiace di te, e ti giudica e ti onora»[1].

È questo cuore antico, fra le minacce di una modernità che incombe e rischia di trasformare il popolo in una massa indifferenziata, che vibra in tutto il libro e crea una sottile corrispondenza con altre culture e altre civiltà. Nella dacia dello scrittore Simonov, il rito del brindisi d'accoglienza evoca comportamenti e prodotti che sono mediterranei ma anche nordici, accomunati dall'appartenenza al mondo contadino, che può, nei suoi valori universali di fraternità, costituire un paradigma europeo e globale: «Gli viene offerto un raro bicchiere di vodka caucasica, fatta con la cera e il miele d'api. Era un liquore di ambrosia. […] Mentre si conversava cominciò così, senza che io lo volessi, una specie di prova di forza, fatta di brindisi successivi e replicati, che era insieme un esercizio di facondia, di spirito, di amicizia, e una misura primitiva della virilità, del coraggio e del valore […]. Eravamo arrivati al limite, […] al limite del quale l'Abcasia, e l'Italia e la Russia e tutti gli altri paesi della terra, confinano e si confondono»[2].

Nel libro il motivo di fondo di una cultura contadina universale e resistente, ma che evoca in modo specifico quella del Sud Italia, protagonista

[1] Ivi, pp. 301-302.
[2] Ivi, pp. 246-247.

dei libri di Levi, dei suoi quadri e del suo impegno politico, è come una musica che crea corrispondenze, legami fra luoghi, fra paesi, fra le età dell'uomo e quelle della storia: «Mosca belokamennaja, Mosca dalle bianche mura, Mosca dalle bianche braccia rotonde e robuste di una giovane madre, ci aspetta. Perché mai in questo paese straniero, mi pare di tornare a casa? […] Quel senso dell'infanzia, […] qui tornava mio malgrado, prepotente e vivo»[1].

A questa domanda vengono date delle risposte, implicite nell'afflato con cui l'autore racconta paesaggi, persone e ceti sociali, esplicite in alcune parti del libro che hanno un andamento più saggistico, anche se sempre il suo linguaggio razionale si snoda con un afflato poetico che lo rende evocativo e rarefatto. Dopo la prima settimana di soggiorno a Mosca, mentre lo scrittore fa un giro ozioso nella piazza in faccia al Cremlino, immerso nel fiume sempre in moto e diverso di operai, soldati, bambini, donne dai larghi visi d'angelo, toccato dall'aria pulita di una domenica puritana e laboriosa, ecco che lo assale improvviso: «il senso remoto di un mondo già conosciuto, già altrove vissuto, circonfuso di memoria e di un ordine dimenticato: quel mondo dell'infanzia, quando – ricorda – gli inverni erano lunghi e la neve più alta di me bambino e gli alberi scricchiolavano per il gelo, […] e la vita era tutta futuro, tutta proiettata in un vago domani folto di indimenticabili meraviglie; quando, in quell'infanzia dell'Europa, pareva che il mondo sarebbe cresciuto con noi, col crescere dei nostri corpi fanciulli, in un progresso naturale e infinito»[2]

Sul filo di un racconto interiore, che ha una forte carica poetica di rimembranza, si tesse dunque un discorso antropologico, che si fa tentativo di comprensione storica del rapporto fra continuità e rottura, tempi brevi e tempi lunghi della storia, ma anche riflessione filosofica sul rapporto fra i miti del progresso e i valori di cui si fanno portavoci i vari ceti sociali. Dappertutto, l'uomo Levi ritrova le immagini dell'infanzia sua e dell'Europa, nelle suppellettili, negli ornamenti, nei vestiti, nelle strade, nelle campagne, nei quadri della galleria Tretjakov, nelle farmacie, nella fiducia timida dei gesti, nella speranza azzurra degli sguardi. Lo scrittore riannoda il filo della vita e della storia, bruscamente interrotto da eventi traumatici come le guerre e le rivoluzioni: «È come ritrovare un filo, il capo di un filo spezzato, e che qui pare non si sia mai interrotto, qui, nel paese della grande frattura, della Rivoluzione di Ottobre […]. Qui si sono rovesciati i rapporti politici e sociali, conservando i costumi e i sentimenti: altrove, per conservare i rapporti politici

[1] Ivi, pp. 153-154.
[2] Ivi, p. 89.

e sociali, si sono rovesciati il costume e i sentimenti […] la scomparsa di una classe dirigente già decaduta ha lasciato integri i valori fondamentali che il mondo contadino e operaio portava in sé»[1].

In questa visione quasi religiosa del popolo russo, portatore di valori ancestrali legati all'infanzia dell'uomo e della storia, come si è costruita in Europa prima delle grandi rivoluzioni, c'è una nostalgia, il senso della fine di un mondo, il bisogno di salvarlo attraverso la memoria. C'è in tutto questo il legame con una storia individuale, ma anche con quella collettiva della generazione del '900, che in quel passaggio d'epoca sentiva il bisogno di una palingenesi trasformativa e insieme conservativa. «I sovietici sono rimasti i custodi dei sentimenti e dei costumi dell'Europa, di quando l'Europa era unita, e credeva, tutta intera, in alcune poche verità ideali, e aveva fiducia nella propria esistenza. Sono le stesse strade che gli uomini della mia età hanno calpestato […]: quella semplicità, quell'ingenuità, quell'onestà. Quella pulizia morale, quella timidezza, quella volontà di bene: quell'insieme di ideali che raccolgono insieme i miti del progresso, l'ottimismo della ragione, il positivismo, la fede nella scienza, il gusto per l'arte veristica e naturalistica e la decorazione eclettica ed eteroclita, fiduciosa accostatrice di tutte le possibili tradizioni di tutte le epoche e di tutti i luoghi, la passione per le grandi idee internazionali, il senso del potere dell'uomo sulla natura e sul mondo, la tecnica, la scoperta, la bontà, la virtù»[2].

Dunque, la sua non è un'ideologia regressiva tendente a conservare ma ad includere, all'interno dell'idea di progresso, quei valori atavici che mantengono e producono modelli di comportamento profondamente umani, nei quali la generosità dell'accoglienza, la semplicità dell'amore e la pulizia morale costituiscono la cifra identitaria. Si potrebbe dire che si tratta dell'altra umanità, raccolta ed essenziale, quella che sfugge ad uno sviluppo economico che produce miti impietosi e disumanizzanti.

Le corrispondenze si focalizzano quasi sempre, attraverso le intermittenze del cuore, su oggetti, persone, comportamenti e atmosfere che evocano il suo amato Sud. Fin dal suo arrivo nell'aeroporto, la sala, con i suoi tappeti di velluto, le caraffe di cristallo molato dai coperchi d'argento, i grembiuloni puliti e rammendati dei facchini, le tende di pizzo alle finestre, tutto ha un'aria antica, paziente e disordinata ma insieme orgogliosa: «Sentivo

[1] Ivi, p. 90

[2] Ivi, p. 91.

in me una indeterminata sensazione che mi richiamava il Sud, in questo estremo settentrione, il Sud dei contadini, un Sud di poveri, non più poveri»[1].

Il Sud è la patria adottiva di Levi, il luogo dove, confinatovi dal fascismo, ebbe modo di scoprire la realtà di un mondo contadino che sembrava resistere, nelle virtù e nelle sofferenze ataviche, ben oltre la storia. La traduzione mitica di questa realtà è legata certo alla storia del '900: agli esiti del populismo russo, alla diffusione delle teorie rivoluzionarie marxiste, alle rivoluzioni e ai movimenti rivoluzionari che contrastarono in Europa l'affermarsi delle destre politiche.

Rivoluzione russa e movimento contadino nel Sud Italia sono eventi per es. che creano un filo di contatto fra Nord e Sud Europa e ne condizionano l'immaginario letterario, pieno di rispondenze significative. Per Levi sono questi i paesi in cui batte e resiste il cuore antico dell'Europa. Čechov e Pirandello, che possono essere annoverati fra gli scrittori che esprimono meglio la coscienza critica dell'Europa fra '800 e '900, con le loro diffuse omologie, confermano questa intuizione di Levi di una trama di corrispondenze fra Nord e Sud Europa, ma in loro l'affresco delle classi sociali, fra mondo contadino e rivoluzioni, ha altri toni.

Se Levi si affida ad un racconto post-rivoluzionario, che cerca di recuperare, oltre la dissoluzione di un mondo e la costruzione di uno nuovo, le strutture mitiche su cui si reggono le costruzioni sociali, così legate ai bisogni profondi dell'uomo da essere eterne, nei due scrittori, che vivono il crepuscolo dell''800 e gli albori del '900, è invece evidente il travaglio di una generazione che sente e vuole rappresentare la fine catastrofica di quell'epoca. Essa è raccontata nella cristallizzazione dei rapporti sociali, nell'arrovellamento quasi marionettistico e grottesco di alcuni personaggi, nelle fuori-uscite dalla scena della vita attraverso una risata liberatoria, nei capovolgimenti umoristici, le fughe nell'oltre, il recupero di una dimensione naturale che possa liberare le energie spirituali dell'uomo e fargli vivere la sua assoluta libertà di ricerca. Non si salva nessuno stato sociale, ma solo una condizione interiore.

In Čechov, che pur visse una sua fase populista, il mondo contadino viene rappresentato, infatti, senza indulgenze sentimentali. Nella novella *La casa col mezzanino* del 1996, la miseria contadina, al contrario che in Levi, è la condizione per la perdita dei valori dello spirito: «tutto l'orrore della loro situazione viene dal fatto che non hanno tempo di pensare alla loro anima, di ricordare che sono fatti a immagine e somiglianza di Dio: la fame, il freddo, la paura animale, la massa del lavoro, hanno ostruito per loro, come valanghe,

[1] Ivi, p. 26.

tutte le vie che portano all'attività spirituale [...]. Voi li soccorrete con gli ospedali e le scuole, ma con questo non li liberate dalle catene; al contrario, li asservite maggiormente, poiché…accrescete il numero dei loro bisogni; senza contare che per rimedi e libri devono pagare allo zemstvo e, dunque, curvare ancora più la schiena!»[1].

A parlare è il signor N., protagonista della novella, pittore disoccupato, che conversa con Lijdia Volčaninova. Sono parole che negano, apparentemente, qualsiasi illusione riformista che allevii la condizione contadina. Potrebbero essere associate a quella forza erosiva della ragione che, come afferma Serena Vitale[2], «può solo rimandare, prolungare l'attesa di una soluzione, di una via d'uscita» se, alla luce del presente, non vi leggessimo una capacità, seppur inconsapevole, di cogliere i rischi di un futuro di benessere, così come poi verrà costruito in quelle società che metteranno produzione e consumo sopra ogni altro obiettivo. Certo Čechov sembra attaccare i consumi sociali, cioè i servizi, ma il suo ragionamento mette a nudo una contraddizione con la quale la modernità tutta si sta oggi misurando: la 'schiavizzazione' del lavoro man mano che il benessere cresce e crescono i costi di beni e servizi. Il signor N. continua il suo ragionamento con una lucidità demistificante e profetica: «Bisogna liberare gli uomini dal lavoro fisico pesante…alleggerire il loro giogo, dar loro un po' di respiro perché non passino tutta la loro vita accanto ai forni, ai mastelli, nei campi, perché abbiano il tempo di pensare all'anima e a Dio, perché possano fare emergere più largamente le loro qualità morali… Immaginate che tutti noi, ricchi e poveri, lavorassimo solo tre ore al giorno [...]. Immaginate che potessimo inventare delle macchine che lavorassero al nostro posto, e che cercassimo di ridurre al minimo i nostri bisogni [...] così di comune accordo, tutti insieme, cercheremmo la verità e il senso della vita»[3].

Si tratta di un salto in un futuro, che per quel tempo era utopia o, come dice Serena Vitale, la negazione di un qualsiasi possibile epilogo al dramma del lavoro, ma nel presente potrebbe essere una utopia possibile, anzi necessaria, se pensiamo all'insostenibilità di un sistema economico basato sull'illusione di una crescita senza limiti.

Ci sono due novelle, una di Čechov e l'altra di Pirandello, che ci dicono i rimandi continui, sul tema del crepuscolo del mondo contadino e della borghesia intellettuale fra '800 e '900, fra testi letterari del nord e del

---

[1] A. Čechov, *Racconti*, *La casa col mezzanino*, Garzanti, Milano 1980, p. 971.

[2] S. Vitale, *Introduzione* ad A. Čechov, *Racconti*, Garzanti, Milano 1975, p. XXVII.

[3] Ivi, p. 973.

sud Europa: *La maschera* e *C'è qualcuno che ride*. Čechov e Pirandello vi tracciano un quadro che indica le responsabilità sociali dell'oppressione del lavoro, sia esso contadino che impiegatizio, individuate nella perdita di ruolo sociale della borghesia intellettuale.

Il primo racconto è di Čechov ed è scritto nel 1884[1]. Fa parte di quel primo gruppo di racconti, pubblicati fra il 1880 e il 1886 su riviste umoristiche, che in gran parte l'autore espunse dalla raccolta completa o rielaborò. C'è in questo racconto, dietro la commedia degli equivoci, che suscita una esilarante risata, già una rappresentazione demistificante della società alto-borghese che si nasconde dietro la maschera da borghesia intellettuale, ma, come dice Serena Vitali, può affermare solo «il vuoto di senso e la voragine della banalità»[2].

La storia si svolge in un circolo sociale, dove si dà, a scopo benefico, un ballo in maschera. Lo schema, tante volte utilizzato da Čechov, è quello del capovolgimento paradossale. Irrompe nella sala di lettura del Circolo un gruppo mascherato di due "mamselì", accompagnate da un cocchiere con le piume di pavone, grosso e tarchiato, palesamente ubriaco, che irride il gruppo di intellettuali che legge, sonnecchia e medita attorno al tavolo di lettura.

Con atteggiamento padronale, sarcastico e imperioso, li invita ad abbandonare libri e politica e a bere con lui e con le "mamselì". I maggiorenti del circolo invano esibiscono i loro titoli e la specificità del luogo per buttare fuori il cocchiere ubriaco, perché, toltasi questi la maschera, si scopre la sua identità: al milionario Pjatigorov, famoso per i suoi scandali, per la sua beneficenza e per il suo amore per l'istruzione non può non essere dovuto che un deferente servilismo, che capovolge i ruoli iniziali: «L'uomo si alzò, si drizzò in tutta la sua statura e si strappò la maschera [...]. Si lasciò cadere in una poltrona e scoppiò in una gaia risata [...]. Tutti gli intellettuali si gettarono un'occhiata smarrita e impallidirono [...]. Nell'attaccabrighe tutti avevano riconosciuto il milionario locale [...]. Gli intellettuali zitti, senza dire nemmeno una parola, uscirono in punta di piedi dalla sala di lettura e Pjatigorov chiuse la porta dietro di loro»[3].

Le corrispondenze, come le differenze, con la novella di Pirandello *C'è qualcuno che ride*, pubblicata nel 1934, sono diverse[4]. Anch'essa inizia con un ballo che si dà nel ricco salone di una sede pubblica, animato da una

---

[1] A. Čechov, *Racconti*, *La maschera*, vol. 1, ivi, pp. 31-36.

[2] S. Vitali, *Introduzione* ad A. Čechov, *Racconti*, cit., p. XIII.

[3] Ivi, pp. 34-35.

[4] L. Pirandello, *Novelle per un anno, C'è qualcuno che ride*, Newton Compton Editori, Milano 2016, pp.1224-1229.

orchestrina di calvi inteschiati e da coppie, che paiono essere state sottratte da sottoterra e che non conoscono le ragioni dell'invito. Nella sala irrompono con la loro allegra risata un ometto elastico, con due corti braccini e la pancetta tonda e soda, la calvizie specchiante e il naso che gli ride più della bocca. Insieme a lui due giovani: una ragazzona di sedici anni, tutta rossa in viso, vestita di bianco, prosperosa e un po' goffa, con due occhi che schizzano fiamme, che urla la sua risata da bambina e un giovanotto biondo, molto bello, che ride come un pazzo anche lui inseguendola. Nessuno li conosce e la loro risata viene percepita come aliena e pericolosa in quel luogo oppresso da una serietà incombente e ossessiva: «L'ossessione di questa serietà è così su tutti incombente e soffocante che nessuno riesce a supporre che quei tre ne possano essere fuori, lontani, e possano avere in sé invece un'innocente e magari sciocca ragione di ridere così di nulla; la ragazza, per esempio, solo perché ha sedici anni e perché è abituata a vivere come una puledra in mezzo a un prato fiorito»[1].

Nella sala attigua si svolge una riunione alla quale partecipano i maggiorenti che hanno organizzato l'incontro. Al trambusto provocato da una marea nera d'invitati che circondano i tre rubicondi e allegri ospiti, tre dei maggiorenti, con il volto coperto da un domino e le mani burlescamente ammanettate da tovaglioli, fuoriescono dalla sala riunioni e si fermano davanti al divano in cui si sono asserragliati i tre sconosciuti invitati. «I tre maggiorenti, quelli che proprio per loro […] s'erano riuniti a consulto in una sala segreta, proprio per la voce che serpeggiava del loro riso inammissibile a cui han deliberato di dare una punizione solenne e memorabile […] ecco […] coi cappucci del domino abbassati fin sul mento e burlescamente ammanettati con tre tovaglioli come rei da punire che vengano a implorare la loro pietà»[2]. Una sardonica risata si leva dalla folla e i tre scappano, inseguiti dal terrore che tutti gli abitanti della città siano improvvisamente impazziti.

In Čechov come in Pirandello c'è la satira corrosiva delle classi dirigenti borghesi, cristallizzate in riti socialmente pericolosi, per la loro inutilità o per il loro dirigismo repressivo. Esse sono rappresentate negli spazi di socialità urbana, un circolo di conversazione in Čechov e una casa del popolo, presumibilmente del fascio, in Pirandello.

Il ballo rappresenta simbolicamente la vita che irrompe, ma il suo spazio è separato rispetto a quello della professione intellettuale e politica. Dalla

[1] Ivi, p.1226.
[2] Ivi, p.1227.

massa dei ballerini emergono due gruppi anomali, formati da tre persone, che rompono la quiete del rito sociale con la loro risata irridente o spensierata. In Čechov la trasgressione avviene all'interno dello stesso gruppo di potere ed è tesa a fissare gerarchie ed evidenziare subalternità; in Pirandello, invece, è una famigliola contadina, rubiconda e allegra, che svela, suo malgrado, la cristallizzazione di un rito sociale marionettistico, macabro, che nasconde trame di potere solo paradossalmente auto-repressive. In entrambi i casi, la vita che irrompe con la sua allegra e irridente risata è costretta o a rientrare dentro le gerarchie sociali e di potere o a fuggire, irriducibile rispetto a possibili integrazioni.

È questo il mondo che, nella narrativa di Levi, la rivoluzione sembra avere spazzato via: i finti intellettuali, che fanno della lettura un noioso e inutile passatempo, i politici fanatici che mostrano una funerea serietà e non tollerano risate trasgressive, la folla omologata che inorridisce quando irrompe la risata di una ragazza rubiconda, gli intorpiditi borghesi dei circoli sociali che considerano intollerabile l'ebbrezza giocosa del vino nei loro grigi santuari di sonnacchiose letture e conversazioni. È forse illusione, ma certo è vero quel sentimento di profonda umanità ritrovata che l'autore sente in quel mondo atavico che vive ancora nella patria della rivoluzione russa e nel Sud Italia, e che ha generato la civiltà europea.

A parere di Levi, c'è una linea progressiva e insieme parabolica che delinea la storia dell'Europa fra '800 e '900. Essa diventa, però, circolare nel momento in cui un evento, la rivoluzione russa, innerva in una costruzione sociale i valori dell'infanzia dell'uomo, che sono i valori dell'infanzia dell'Europa, i valori eterni di un'Europa immaginata e perduta. E non solo valori morali come: semplicità, ingenuità, onestà, pulizia morale, timidezza, volontà di bene; elaborazione di ideali come: i miti del progresso, l'ottimismo della ragione, il positivismo, la fede nella scienza, il gusto per l'arte veristica e naturalistica e la decorazione eclettica ed eteroclita, che univa tradizioni di tutte le epoche e di tutti i luoghi, la passione per le grandi idee internazionali, il senso del potere dell'uomo sulla natura e sul mondo, la tecnica e il gusto della scoperta. Ma ancora: «la voga del teatro dell'opera, del balletto, delle operette e del circo […] il rispetto religioso per la cultura, per il libro, per la scuola popolare, per l'istruzione diffusa, per l'artigianato, per i templi del sapere: le biblioteche, i musei, la mania per le statue celebrative, l'amore per gli alberi e i giardini pubblici, gli ideali del pionierismo, della redenzione e del progresso dei popoli arretrati, la sconfitta di ogni oscurantismo…, e sopra

a tutto, quella parola magica […] il futuro»[1]. Era questo il modello di vita europeo, che il vecchio continente, passato di catastrofe in catastrofe, e in contatto con la nuova civiltà dell'America, rischiava di perdere

Bibliografia

Carlo Levi

C. Levi, *Il futuro ha un cuore antico. Viaggio nell'Unione Sovietica*, Einaudi, Torino 1956.

A. Asor Rosa, *Scrittori e popolo, Saggi sulla letteratura populista in Italia,* Samonà e Savelli, Roma 1965.

Carlo Levi e la Letteratura di viaggio del Novecento. Tra memoria, saggio e narrativa. Atti della Giornata internazionale di studi, San Marco in Lamis, 1 Giugno 2002, a cura di Sergio D'Amaro e Salvatore Ritrovato, Claudio Grenzi, Foggia 2003.

G. De Donato, *Le parole del reale. Ricerche sulla prosa di Carlo Levi,* Dedalo, Bari 1998.

Ead. (a cura di), *Oltre la paura. Percorsi sulla scrittura di Carlo Levi*, Donzelli, Roma 2008.

Carlo Levi e il Mezzogiorno. Atti della giornata internazionale di studi, Torremaggiore, 5 Novembre 2001, a cura di Gigliola De Donato e Sergio D'Amaro, Claudio Grenzi Foggia 2003.

G. De Donato, S. D'Amaro, *Un torinese del Sud: Carlo Levi. Una biografia,* Baldini§Castoldi, Milano 2001.

Anton Cechov

A. Čechov, *Racconti,* Garzanti, Milano, I ed. 1975, III ed. 1980.

E. Lo Gatto, *A. Čechov e il crepuscolo di una grande letteratura,* nel I vol. di Studi e Letterature slave, Roma 1925.

C. Grabher, *A. Čechov,* Slavia, Torino-Roma 1929.

R. Picchio, *I racconti di Čechov,* Bazzarelli, Torino 1961.

V. Strada, *Una lettura di Čechov*, in *Gogol' Gorkij Čechov,* Editori Riuniti, Roma 1973.

S. Vitale, *Introduzione* ad A. Čechov, *Racconti*, Garzanti, Milano 1975.

I. Bunin, *A proposito di Čechov,* traduzione di Claudia Zanghetti, Adelphi, Milano 2015.

A. Čechov, *Né per fama, né per denaro,* a cura di Piero Brunello, Beat, Milano 2015.

R. Menna, *Nella mente di Čechov,* Doppiozero, 26 Ottobre 2017.

Ho scoperto un grande autore dimenticato, il giovane Čechov. Dialogo con Giuseppe Ghini, in «Pangea», 12 Dicembre 2018.

[1] C. Levi, *Il futuro ha un cuore antico*, cit., p. 92.

G. Corsalini, *La lettrice di Čechov,* Editore nottetempo, Milano 2018.
Viktor Gaiduk, *Čechov inedito e segreto*, Editore La Vita Felice, Milano 2018.
A. Čechov, *Il primo amore e altri racconti inediti,* a cura di Giuseppe Ghini, Ares Edizioni, Roma 2019.

Luigi Pirandello

L. Pirandello *Novelle per un anno,* a cura di Sergio Campailla, Newton Compton, Roma 2009, nel quale si trova la *Bibliografia essenziale*, pp. 18-23.
G. Petronio, *Pirandello novelliere e la crisi del realismo,* Edizioni Lucentia, Lucca 1950.
C. Salinari, *Miti e Coscienza del Decadentismo italiano,* Feltrinelli, Milano 1960, pp. 249-284.
A. Leone De Castris, *Storia di Pirandello,* Laterza, Bari 1962.
G. Macchia, *Luigi Pirandello,* in *Storia della Letteratura italiana,* IX, *Il Novecento,* Garzanti, Milano 1969.
F. Zangrilli, *L'arte novellistica di Pirandello,* Longo, Ravenna 1983.
AA. VV., *Pirandello e l'oltre,* Atti del Convegno internazionale (Agrigento 1990), Mursia, Milano 1991.
R. Luperini, *Introduzione a Pirandello,* Laterza, Roma-Bari 1992.
C. Donati, *Il sogno e la ragione. Saggi pirandelliani Napoli,* Edizioni scientifiche italiane, Napoli 1993.
G. Debenedetti, *Saggi critici,* Mondadori, Milano 1995, pp. 272-294.
M.L. Patruno, *Verismo e umorismo: poetiche in antitesi,* Laterza, Roma-Bari 1996.
L. Sciascia, *Pirandello e la Sicilia,* Sciascia, Caltanissetta-Roma 1961; nuova ediz. Adelphi, Milano 1996.
G. Patrizi, *Pirandello e l'umorismo,* Lithos, Roma 1997.
R. Luperini, *Pirandello,* Laterza, Roma-Bari 1990.
E. Providenti, *Pirandello impolitico: dal radicalismo al fascismo,* Salerno Editrice, Roma 2000.
P. Guaragnella, *Il matto e il povero: temi e figure in Pirandello, Sbarbaro e Vittorini*, Dedalo, Bari 2000.
Ead., *Luigi Pirandello e la cultura dell'umorismo,* Pensa Multimediale, Lecce 2001.
L. De Castris, *Pirandello e "la civiltà europea",* Marsilio, Venezia 2001.
R. Cavalluzzi, *Pirandello: la soglia del nulla,* Dedalo, Bari 2003.
E. Nicolosi, *Pirandello e l'oltre,* Carabba, Roma 2003.
I. Pupo, *Demoni di carta. Pirandello lettore di Dostoevskij,* in «Angelo di fuoco», n.s., III, 2004, n.5, pp. 57-107.
S. Campailla, *Il figlio del Caos*, *Introduzione* a *L. Pirandello. I romanzi, le novelle e il teatro.* Newton Compton, Roma 2009.
F. Zangrilli, *La tavola mascherata,* Sciascia, Caltanissetta-Roma 2011.

Paola Miceli
Teacher of Secondary Schools of the 2nd Grade
Italy

Italian Intellectuals traveling in revolutionary Russia

The October 1917 Revolution in Russia deeply impressed all the workers in any country in the world while the war was carried out by the forces of the Triple Entente (France-England-Russia+Italia in 1915) against the Habsburg empire. In all the countries of Europe the workers welcomed the news about Revolution and most of all the radical change of the social and political system of the zarist Russia, as – so it seemed – the old capitalist world was collapsing under the weight of its contradictions.

In Italy in the factories and squares you could hear the slogan, “let’s do as in Russia”. Lot of

intellectuals, workers and peasants were attracted by the desire to see for themselves what changes were taking place in that great country.

The newspapers sent their special correspondents; european governments equipped trade delegations to reformulate traffic and relations with the new Russian government. So many cultural personalities and many observers for trade and economic exchanges arrived in Russia. In Italy the government of Benito Mussolini proclaimed the clash against the communists, but actually he was interested in the great Soviet market. Indeed, for some time he left his own judgment on the socialist revolution of Russia undefined. Many visitors and travelers went to Russia either to confirm their socialist faith or to fight it and then denigrate it through newspapers and propaganda. The Italian intellectuals who visited the USSR showed themselves mostly objective. Indeed, Malaparte, who was also a militant member of the fascist forces, exalted the experience of the new man, who was born in Russia against the decadent bourgeoisie. Others were more loyal and more objective. Corrado Alvaro, for example, was right in his observations based on realism and truth. Still others strengthened as Luigi Bertone in their faith of fascist inspiration. However, things changed in 1934 when the new alliances (with the nazist Germany) became clear and the enemies were defined: thus from that date in Italy the criticisms of the Bolshevik system thickened. So, it meant the war was starting. The expedition of thousands of soldiers against the Soviet Union tragically ended up in mud and snow. But since then, relationships have been another story.

С.Ф. Вититнев

доктор исторических наук,
профессор Московского государственного
областного университета
Москва (Россия)
E-mail: svititnev@yandex.ru

Кризисные тенденции в развитии современной цивилизации и экологическое учение германских «зеленых»

Аннотация. В статье рассматриваются такие понятия, как цивилизация, культура, экология, а также различные методологические основания исследовательских подходов, раскрывающие отдельные аспекты специфики цивилизационного развития. В современной цивилизации, которую ученые называют цивилизацией модерна, обнаруживается кризис во всех сферах жизнедеятельности общества. Особую остроту наряду с кризисом социально-экономическим, политическим и духовным, приобретает кризис экологический, тесно связанный со всеми названными выше кризисными тенденциями. В этой связи особый интерес приобретают научные и публицистические труды германских «зеленых», в которых исследуются причины, порождающие кризисные тенденции и предлагаются меры, необходимые для их преодоления. С этой точки зрения учение германских «зеленых» представляет несомненный интерес для современного российского общества, находящемся в стадии определения цивилизационного пути.

Ключевые слова: цивилизация, культура, общество, мировосприятие, экология, учение, познание, прогресс, кризисогенность, геополитика.

Sergey F. Vititnev

DSc in History,
Professor of Moscow state regional University
Moscow (Russia)
E-mail: svititnev@yandex.ru

Crisis trends in the development of modern civilization and environmental teachings of the German “green”

Abstract. The article deals with such concepts as civilization, culture, ecology, as well as various methodological foundations of research approaches, revealing certain aspects of the specificity of civilizational development. In modern civilization, which scientists call the civilization of modernity, there is a crisis in all spheres of society. Along with the socio-economic, political and spiritual crisis, the ecological crisis becomes particularly acute. It is closely related to all the above-mentioned crisis trends. In this regard, of particular interest are the scientific and journalistic works of the German "green", which explores the causes of the crisis trends and proposes measures necessary to overcome them. From this point of view, the teachings of the German "green" is of great interest to the modern Russian society, which is at the stage of determining the civilizational path.

Keywords: civilization, culture, society, worldview, ecology, learning, cognition, progress, chrysiogenetes, geopolitics.

Понятие «цивилизация» давно и прочно вошло в научное обращение. Еще в XVIII веке французские философы-просветители именовали цивилизацией общественное устройство, где торжествуют принципы разума и справедливости. С их легкой руки смысловое содержание указанного понятия оказывается тесно связанным представлениями о высоком уровне развития материальной и духовной культуры, что давало основание нередко отождествлять понятия «цивилизация» и «культура». Если обратиться к публикациям, вышедшим из-под пера авторов, живших в последующие века, то можно обнаружить, что изначально заданное смысловое ядро оказывается несколько размытым, поскольку с разной степенью конкретизации и генерализации посредством понятия «цивилизация» характеризовали специфические виды целостной материальной и духовной жизни людей, складывающиеся в разные эпохи, на основе различных этносов, конфессий, тех или иных способов материального производства. Примером тому является возникновение таких понятий, как античная цивилизация, китайская цивилизация, мусульманская цивилизация, индустриальная и постиндустриальная цивилизации.

По справедливому замечанию Г.Г. Дилигенского, содержание понятия «цивилизация» в каждом конкретном случае «зависит от оснований выделения и рядоположения цивилизационных комплексов» [4], что в конечном счете определяется проблемами человеческой истории, интересующими конкретного исследователя, в сочетании с существующим

в обществе запросом на научное осмысление определенных социальных феноменов. Так, если интересы ученых XIX-XX веков были связаны изучением так называемых локальных цивилизаций, то современные авторы, на фоне набирающих силу процессов глобализации предпочитают концентрировать свое внимание на перспективах формирования единой планетарной цивилизации, стремятся выявлять признаки, свидетельствующие о том, что цивилизация, называемая ими индустриальной, уходит в прошлое, а ей на смену приходит цивилизация постиндустриальная и т.д.

При всех различиях направленности и методологических оснований исследовательских подходов, раскрывающих отдельные аспекты познания, можно предположить, что все образования, именуемые в научной литературе цивилизациями, обладают неким объединяющим их признаком, придающим им внутреннюю целостность, говорящим о неких особенностях существования, мировосприятия людей, создавших цивилизацию, признак, позволяющий постигнуть ее сущность. В качестве такового, по утверждению ряда авторов, смыслообразующие компоненты человеческой деятельности воплощающиеся, как пишет Г.Г. Дилигенский, «в общих принципах, выражающих смысл функционирования общества, в системе высших целей и ценностей, которые при всех различиях в экономическом и социальном положении, в интересах людей позволяет им жить вместе, осуществлять совместную деятельность» [4]. По замечанию В.Н. Лексина, системообразование цивилизаций осуществляется на основе определенного набора ценностей, под которыми понимается совокупность доминирующих, аксиоматических и априорных представлений о добре и зле, допустимом и недопустимом, правильном и неправильном, что закрепляется в быту, хозяйственной и социальной практике, праве, политике, мотивациях поведения людей, и определяет ход общественного развития, так и его кризисные состояния [7, с. 25].

В этой связи следует подчеркнуть, что жизненные смыслы, разделяемые индивидами, представляющими те или иные цивилизации, производны от тех общественных, объективно существующих отношений, субъектами которых они (эти индивиды) являются. Именно этот подход должен определить изучение современной цивилизации, именуемой индустриальной, техногенной, информационной, цивилизацией эпохи модерна, цивилизации, черты которой обычно экстраполируют при описании формирующейся глобальной цивилизации. По сути дела, речь идет о цивилизации Запада, являющейся не только индустриальной, но

и, это главное, буржуазной, что определяет специфику ее существования, характер общественных отношений, способы освоения окружающей среды, цели производственной деятельности, внутренние противоречия, нарастание которых заставляет говорить о набирающем силу цивилизационном кризисе, чреватом грядущим распадом, обнаруживающем признаки ее разложения. В литературе, посвященной изучению данного вопроса, представлено положение, согласно которому кризисогенность выступает как свойство любой социальной, экологической и политической системы. При этом кризисогенность цивилизаций порождается, по утверждению В.Н. Лексина, шаржированной гипертрофией ее ценностей, не сбалансированной с ресурсами цивилизационного существования [7, с. 26]. Ее воплощением становится в условиях возникшей возможности, используя достижения научно-технического прогресса, удовлетворять самые разнообразные человеческие потребности, гипертрофия потребления, стремление посредством его утвердить собственную «самость», культ собственного «я», беспредельный индивидуализм и т.д.

Воплощением кризиса современной (буржуазно-индустриальной, техногенной) цивилизации выступает набирающий силу экологический кризис, поразивший не только индустриально развитые страны, но и те, что относят к разряду развивающихся, поскольку именно на их территории усилиями транснациональных корпораций часто размещаются загрязняющие окружающую среду производства, а из недр в огромных количествах извлекаются невосполнимые ресурсы. Неуклонный экономический рост, основанный на достижениях научно-технического прогресса в условиях потребительского индустриально-буржуазного общества оказался сопряженным с продуцированием перманентных угроз человечеству.

Становится все более очевидным, что существующие в настоящее время проблемы, характерные для современной цивилизации, так или иначе связаны с экологией. Это проблемы голода, энергетики, ресурсных войн, неравномерности социально-экономического развития различных стран, регионов, пауперизация отдельных слоев населения, возникновение очагов внешне- и внутриполитической напряженности. Решение упомянутых проблем стоит на повестке дня человечества. С этой точки зрения безусловный интерес представляют теоретические наработки, взятые на вооружение участниками «зеленого» движения в Германии, обретшего в течение последних тридцати лет заметное влияние в этой

стране, стране одной из первых в мире столкнувшейся с проявлениями экологического кризиса.

Следует заметить, что германские экологисты в организационно-политическом и идеологическом плане отнюдь не монолитны. Это относится как к движению в целом, так и составляющем его ядро партии «Зеленые»/Союз 90. Однако наличие отдельных противоречий не мешает им быть едиными в своем неприятии негативных последствий хозяйственной деятельности, основой которой выступает индустриальный способ производства, а также в утверждении о необходимости подчинения человеческой деятельности в условиях современной цивилизации требованиям экологии. И хотя подходы «зеленых» к решению проблем общественной жизни не свободны от элементов утопизма и излишней категоричности, тем не менее они проникнуты гуманистическим пафосом и несомненно заслуживают внимания при решении болезненных вопросов современного цивилизационного развития.

Исходный тезис экологической теории «зеленых» таков: природа самоценна, и потому целью производственной деятельности должно стать не получение прибыли, а удовлетворение разумных потребностей, соответствующих природе человека [1, S. 37]. Руководствуясь этим соображением, ряд «зеленых» авторов подчеркивают, что накопление капиталов отдельными лицами коррелируется с нарастанием эксплуатации и ограблением природы, что порождает различного рода угрозы для существования человеческого общества [6, S. 44]. Альтернативой подобному положению должно стать утверждение постиндустриального способа производства, что, по мнению «зеленых», будет сопровождаться изменением ценностных ориентаций, господствующих в обществе, отказ от навязываемых вредных потребностей, на смену которым должны придти потребности постматериального характера, разумные и естественные, независимо от того, с какой средой они будут связаны – духовной или материальной [8, S. 61]. При этом количественной системе потребностей «зеленые» теоретики противопоставляют систему качественную, предполагающую возможность творческой самореализации, утверждение социальной солидарности, возможность получать удовольствие от общения с природой [5, S. 223].

Выступая за научное обоснование норм потребления различных материальных благ, «зеленые» неоднократно заявляли об избыточности существующего промышленного производства [2, S. 3], отстаивая идею качественного экономического роста, предполагающего, с одной

стороны, использование меньших объемов сырья и энергии, а с другой – выпуск продукции с высокими потребительными свойствами, что позволит поднять жизненный уровень населения. При этом одним из условий перехода к постиндустриальному обществу ряд «зеленых» авторов называли разукрупнения индустриального производства, поскольку экологическая деятельность гигантских предприятий ориентирована на безостановочный экономический рост, потребление в огромных масштабах различных видов сырья, что является одной из причин заявляющего о себе экологического кризиса. По мнению придерживающихся этой позиции сторонников «зеленой» идеи, несомненными преимуществами обладают малые и средние предприятия, деятельность которых не способна наносить серьезный ущерб окружающей среде.

Отвергая опасные для природы и человека производства (атомная энергетика, биотехнологии и др.), «зеленые» не раз указывали на необходимость прогнозирования результатов применения отдельных достижений научно-технической революции. Подвергая критике индустриальный способ производства, «зеленые» авторы, в первую очередь представляющие течение эко-социалистов, поднимают вопрос о том, насколько лежащие в его основе рыночные механизмы применимы в экологически ориентированной системе хозяйственной деятельности. И если представители течения «реалистов», долгое время задающие тон в руководстве эко-партии, придерживаются точки зрения, что рынок выступает важным средством регулирования экономики, а государство призвано своим вмешательством «компенсировать присущие ему дефициты» [3, S. 307], то их левые оппоненты однозначно высказываются в пользу ограничения сферы рыночных отношений [9, S. 66] и переориентации производства на выпуск продукции, обладающей потребительной, а не меновой стоимостью, кооперацию потребителей и производителей, как внутреннего, так и внешнего рынков, что является ключевым признаком постиндустриального способа производства. Развивая эту идею эко-социалисты предлагают реорганизовать существующую экологическую систему, которая наряду с государственными и частнокапиталистическими предприятиями будет включать в себя так называемый «второй сектор», представленный различными «группами самопомощи», целью деятельности которых станет не получение прибыли, а выпуск на основе экологически чистых технологий полезной продукции, удовлетворяющей здоровые человеческие потребности. Заглядывая в будущее, приверженцы данной модели социально-эко-политического развития

утверждают, что гармоничное устройство жизни общества потребует так же разукрупнения порожденных индустриальным обществом мегаполисов и создание поселений, где места проживания, трудовой деятельности, проведения досуга, получения образования и отношения между людьми будут строиться на основе принципов социального равенства, солидарности, что станет условием духовного развития каждого человека. Что же касается производства, то оно должно полностью соответствовать экологическим критериям, вписываясь в природные ритмы, что станет условием окончательного преодоления конфликта во взаимоотношениях человека и природы, выступающим порождением индустриального способа производства.

Как отмечалось выше, экологический кризис следует рассматривать как одно из наиболее значительных, но далеко не единственное проявление кризисных процессов, охвативших современную индустриально-буржуазную цивилизацию. Обнаруживается все больше подтверждений того, что кризис цивилизации эпохи модерна приобретает системный характер. Понимание этого отчетливо просматривается в теоретических построениях «зеленых» авторов, а потому с полной уверенностью можно говорить о значимости их вклада в осмысление причин, несущих беспрецедентные угрозы человеческому обществу. Речь идет не только об обществе, где утвердилась западная модель цивилизованного развития, но и обществе, существующем на территории Российской Федерации, где кризисные явления, присущие западной цивилизации, на вхождение в которую был взят долговременный курс с конца 1980-х годов, налагается на те, что напрямую связаны со сломом «особой советской цивилизации», выработавшей свою систему ценностей, свою систему организации хозяйства, свою национальную политику и т.д.» [7, с. 32].

Последствия этой геополитической катастрофы наши свое воплощение не только в явлениях, которые принято отождествлять с девяностыми годами прошлого века, связанными с резким снижением объемов промышленного производства, пауперизацией значительной части населения, кризисом власти, разгулом преступности, эрозией моральных норм, но и в сфере экологии. Неспособность страны слезть с «нефтегазовой иглы», наличие сырьевой рентной экономики [10, с. 143], выстроить инновационную экономику, ставка на экспорт за рубеж природных ресурсов, создают благоприятные условия для возникновения различных рисков и угроз, имеющих экологическое происхождение.

Это обстоятельство делает теоретические наработки, выводы и рекомендации германских «зеленых» востребованными при решении проблем, определяющих текущее состояние современного российского общества, а в более широком смысле – находящейся в процессе становления современной российской цивилизации.

Литература

1. Die Grünen: Farbe bekennen. Programm zur Bundestagwahl 1987. Bonn, 1987.
2. Die Grünen: Sinnvoll arbeiten – solidarisch leben: Gegen Arbeitslosigkeit und Sozialabbau. Köln, 1983.
3. Die Grünen: Umban der Industriegesellschaft. Schritte Überwindung von Erwerbslosigkeit. Armut und Umweltzerstörung. Köln, 1986.
4. *Дилигенский Г.Г.* «Конец истории» или смена цивилизации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/Dil_KonIst.php (Дата обращения 12.05.2019).
5. *Ebermann T., Trampert R.* Die Zukunft der Grünen: Ein realistisches Konzept für eine radikale Partei. Hamburg, 1984.
6. *Hasenklewer W.-D.* Ökologischer Humanismus // Die Grünen: Personen, Projekte, Programme. Stuttgart, Degerloch, 1980.
7. *Лексин В.Н.* Цивилизационный кризис: мир и Россия // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование, 2009. №6. с.25.
8. *Ludke H.-W.* Was ist ökologische Politik? Die Grünen: Personen, Projekte, Programme. Stuttgart, Degerloch, 1980.
9. *Meyer-Abich K.-M.* Bedingungen des Friedens mit der Natur für die wirtschaftliche Entwicklung// Weltwirtschaftsprobleme Mitte der 80-er Jahre: Energie/Technologie/Umwelt. Bonn, 1985.
10. *Фадеев В.Н.* Системный кризис цивилизации // Вестник Московского университета МВД России, 2016. №3. С.139-143.

А.В. Шмелева
кандадат филологических наук,
доцент, заведующий кафедрой
методики преподавания русского языка и литературы
Московского государственного областного университета,
Президент Ассоциации педагогов Московской области
«Учителя русского языка и литературы»
Москва (Россия)
E-mail: lug-anna@yandex.ru

Русское Просвещение: история и судьба

Аннотация. История русского просвещения восходит к славянской древности. В статье рассматриваются основные судьбоносные вехи в истории просвещения. Особое внимание уделяется XIX веку, в котором обозначились стратегические направления просветительской деятельности. Вектор просветительской деятельности напрямую связан с государственной политикой. Общение к истории позволяет увидеть не только духовную составляющую русского просвещения, его судьбу, но ретроспективно извлекать уроки, дабы продуктивно выстраивать образовательные стратегии на современном этапе.

Ключевые слова: просвещение, история, судьба, христианство, Россия, аксиология, гражданственность, политика, традиции, цивилизация, миссия, образование, модернизация.

Anna V. Shmelyova
PhD in Philology, Associate Professor,
Head of the Department of Methodology of Russian and Literature of
Moscow State Regional University,
President of Teacher's Association ofMoscow Region
"Teachers of Russian and Literature"
Moscow (Russia)
E-mail: lug-anna@yandex.ru

Russian Enlightenment: the history and fate of it

Abstract. The history of Russian enlightenment dates back to Slavic antiquity. The article discusses the main fateful milestones in the history of education. Particular attention is paid to the XIXth century. It outlined the strategic directions of educational activities. The vector of educational activities is directly related to public policy. Communication to history allows us to see not only the spiritual component

of Russian enlightenment, its fate, but also to learn lessons retrospectively in order to build educational strategies efficiently at the present stage.

Keywords: enlightenment, history, fate, Christianity, Russia, axiology, citizenship, politics, traditions, civilization, mission, education, modernization.

Просвещение в России имеют многовековую историю. Эта история восходит еще к славянской древности, ко времени принятия Русью Христианства и связана с деятельностью первых русских Князей. «Исторический выбор, связанный с Крещением Князя и принятием Христианства Русью, определил будущее уже не славянских племен, но объединенного единой верой народа и одной целью – спасением души и вечным бытием духа» [16, с. 137]. Митрополит Макарий (Булгаков) отметил, что «С воцарения у нас христианства при Великом князе Владимире начался новый период нашего бытия во всех отношениях: новый период и нашего просвещения, и наших обычаев, и нашего законодательства, и нашего гражданского устройства, и – что всего драгоценнее и выше в жизни народов – новый период наших религиозных верований, наших святых надежд, нашей нравственности» [6, гл. IV, с. 226]. Просвещение – это образование и воспитание в определенной системе национальных духовных ценностей. Уже в те далекие времена и была заложена основа просветительской деятельности, направленная на государеву (государственную) заботу о народе, «Формирование русской государственности началось после Крещения Великого князя Киевского Владимира, и Русская земля обрела историческое пространство и цивилизационную миссию, определяемые стоянием народа в вере и верности» [16, с. 140]. Ярким примером может служить деятельность Великого князя Ярослава Мудрого, создавшего вместе с митрополитом Иларионом Киевским первую библиотеку и своды законов – «Русскую Правду», и благоверной Княгини Евфросинии Полоцкой, положившей основу для развития женского образования.

Восемнадцатый век шагнул в историю, опаляясь лучами нового, европейского, просвещения. И связан он с деятельностью императора Петра Великого. Реформаторская деятельность Петра I, по мысли М.О. Меньшикова, сделала «просвещение главным заветом предков, наиболее обязательным для потомства». «Подобно святой Ольге и святому Владимиру, которые некогда приобщили новгородско-киевскую Русь к современной им христианской цивилизации, Петр Великий и Екатерина II приобщили Россию к неохристианской культуре» [8, с. 363].

Религиозный индифферентизм XVIII века очень быстро вытеснил традиционные ценности, главным образом это коснулось просвещения. России потребуется полтора столетия, дабы почувствовать необходимость в обретении исконной исторической базы, и постигая европейскую систему знаний, вычленять из нее методику и вырабатывать свой самобытный образовательный алгоритм. Однако первое сближение с европейским образованием было отмечено еще в период позднего Средневековья. Царю Борису Годунову принадлежала мысль открыть первый на Руси университет, подобно европейским образовательным учреждениям. Как отмечал в своем труде Н.М Карамзин: «Умом естественным поняв великую истину, что народное образование есть сила государственная, и видя несомнительное в оном превосходство других европейцев, он (Государь) звал к себе из Англии, Голландии, Германии не только лекарей, художников, ремесленников и людей чиновных в службу» [4, с. 639]. С этой целью в Европу были направлены отпрыски из благородных знатных фамилий. Но замысел об открытии университета в жизнь так и не воплотился (из направленных на обучение в Европу юношей никто не вернулся), а первый университет в России будет открыт лишь в 1755 году стараниями графа И.И. Шувалова [14]. Впоследствии опыт царя Бориса Годунова будет учтен императором Николаем I: в начале 1832 года он повелел, «<…> чтобы в чужие края русские отправлялись не ранее осьмнадцатилетнего возраста, когда сердце их укрепляется в любви к отечеству, а умы ознакомятся с его истинными потребностями, нравами, законами» [7], то есть базовое образование должно быть непременно отечественным. Известно, император был «личным» цензором А.С. Пушкина, создавшего в 1825 году историческую трагедию «Борис Годунов», и высоко оценивал творения поэта. Как отмечают исследователи творчества А.С. Пушкина, завещание императора своему сыну о том, каким должно быть государственное управление, восходит к напутствию пушкинского Бориса Годунова, адресованное сыну – царевичу Феодору [15].

В 1825 году А.С. Пушкин уже мыслит как государственник. В 1826 году, будучи в Михайловском, он составил «Записку о народном воспитании», предназначавшуюся для самого императора. Тема, которую затрагивает А.С. Пушкин, была весьма актуальна. Это просвещение. В «Записке» А.С. Пушкин недвусмысленно с первых строк назвал назревшую и неразрешенную проблему: «Последние происшествия обнаружили много печальных истин. Недостаток просвещения и нравственности вовлек многих молодых людей в преступные заблуждения»

[12, т. XI, с. 43]. Речь шла о событиях на Сенатской площади. А.С. Пушкин подчеркивает, что дистанцированность от своих корней и традиций, разрушительна и пагубна для Отечества. Современник А.С. Пушкина, Н.В. Гоголь был уверен, что России принадлежит миссия стать центром европейского просвещения, в 1846 году в письме к графине Л.К. Виельгорской (урожд. герцогини Бирон) он отметил: «Еще пройдет десяток лет, и вы увидите, что Европа придет к нам не за покупкой пеньки и сала, но за покупкой мудрости, которой не продают больше на европейских рынках» [1, с. 303].

В начале XIX столетия императором Александром I и его окружением активно обсуждалась проблема просвещения в России, анализировался опыт европейских, в особенности – французских, учебных заведений, было создано Министерство народного просвещения во главе с П.В. Завадовским. 24 января 1803 года были определены «Предварительные правила народного просвещения», в том же году выработан Новый план народного просвещения и опубликованы материалы об успехах предпринятых начинаний [13]. Преобразование педагогической системы явилось потребностью времени наряду с другими государственными свершениями, однако, заимствование западных образцов, недооценка взаимодействия с русским священством и др. привели к дезориентации в выборе пути именно русского национального просвещения [3]. И лишь с середины XIX века, когда стал вопрос о нравственных задачах воспитания, об этике Христианства в учебном процессе, тогда и обнажилась проблема национального образования. В 1824 году, когда министром народного просвещения был назначен А.С. Шишков, либеральная прозападная политика в области просвещения была остановлена.

Выдающаяся роль в истории русского просвещения принадлежит графу С.С. Уварову. Он был убежден, что России не следует идти по западному пути в области образования, и поставил образование под мощный государственный контроль. Вектор его просветительской политики был четко определен: «Пора отказаться от попыток сделать Россию английскую, Россию французскую, Россию немецкую. Пора понять, что с того момента, когда Россия перестанет быть русской, она перестанет существовать» [2]. Большое значение С.С. Уваров уделял сохранению русского языка от нововведений, считая русский язык важнейшим элементом национальной культуры. Уваровская система народного образования обеспечивала дальнейшее развитие отечественной педагогики. В 1835 году он принимал самое активное участие в разработке универси-

тетских уставов, при этом создал два университета, открыв в них кафедры по истории русской, всемирной, истории и литературе славянских наречий, утвердил заграничные стажировки.

Отлаженный механизм управления народным образованием дал сбой в эпоху царствования императора Александра II. Студенческие волнения – характерный показатель общего положения дел. Сложившаяся ситуация не выправилась к концу XIX века. В 1899 году в статье «Об университетском преподавании» К.П. Победоносцев писал о «постыдном падении серьезной науки в наших университетах», об «угасании живой духовной связи с юношеством» профессорского состава, об «ослаблении в среде профессорской чувства живой нравственной связи с университетом» – «И задачу воспитания нельзя ни поставить, ни разрешить, если руководящий ум не видит перед собою тот идеал, к которому должно стремиться образование» [5, с. 411-414]. В 1875-1876 годах К.П. Победоносцев состоял членом комиссии для рассмотрения Всеподданейших отчетов по Министерству народного просвещения и уже тогда у него возник замысел создания на всей территории Российской империи церковно-приходских школ. К этому побудило и изучение материалов П.И. Мельникова (псевд. Андрей Печерский), социолога, историка-этнографа, археолога, краеведа и писателя, который с начала 1860-х годов публикует исследования о расколе, сектах и старообрядчестве: «Письма о расколе» (1862), «Исторические очерки поповщины» (1864-1867), «Тайные секты» (1867), «Белые голуби» (1868), «Материалы для истории хлыстовской и скопческой ересей, собранные Мельниковым» (1872) и др. К.П. Победоносцев побуждал к чтению романов П.И. Мельникова-Печерского (в частности, романа «В лесах», печатающегося тогда в «Русском Вестнике») императора Александра III, о чем можно судить по их переписке (см., напр., письмо от 5 октября 1873 года). Действиям сект К.П. Победоносцев противопоставляет распространение церковно-приходских школ. Одновременно он призывает духовенство к активной просветительской деятельности.

В 1883 году К.П. Победоносцев писал августейшему адресату:

«Не устаю просить у Вашего Императорского Величества.

В настоящую минуту при Св. Синоде разрабатывается вопрос об устройстве церковно-приходских школ, – вопрос первостепенной важности для государства. Народ у нас пропадает, раскол и секты держатся от невежества: люди вырастают, не получая первых, самых основных, понятий о Боге, Церкви, о заповедях. Этому невежеству не поможет

ученье, криво устроенное, не приспособленное к жизни, – оно может еще более развратить простого человека, отрывая его от жизни и действительности.

Для блага народного необходимо, чтобы повсюду, поблизости от него и именно около приходской церкви, была первоначальная школа грамотности, в неразрывной связи с учением Закона Божия и церковного пения, облагораживающего всякую простую душу. Православный русский человек мечтает о том времени, когда вся Россия по приходам покроется сетью таких школ, когда каждый приход будет считать такую школу своею и заботиться об ней посредством приходского попечительства и повсюду образуются при церквах хоры церковного пения.

Ныне все разумные люди сознают, что именно такая школа, а не иная должна быть в России главным и всеобщим средством для начального народного обучения. В этом смысле наша комиссия получает отовсюду, от самых дельных представителей земства, и от духовенства, которое заметно оживилось, прослышав, что его не оставляют в забвении, но полагаются на его деятельность. Без сельского священника обойтись невозможно и, кроме его, не за кого взяться в этом великом деле посреди пустынных пространств, в коих раскинуты наши приходы. <…>» [10, т. 1, с. 27-28].

С 1881 по 1893 годы церковно-приходские школы стараниями К.П. Победоносцева увеличиваются с 4,440 до 29,945 [11, с. 83]; в 1902 году их число достигло 43,696. В состав церковно-приходских школ вошли школы, обустроенные сельскими учителями. Так, С.А. Рачинский, некогда профессор Московского университета, становится простым сельским учителем, в школах, им обустроенных. С.А. Рачинский был убежден в том, что «Наша школа – школа христианская не только потому, что в таком направлении построен весь ее педагогический план, а так же и потому, что учащиеся ищут в ней Христа, что учащиеся только Христа ради могут поднять те труды, при которых возможен какой-нибудь успех». К.П. Победоносцев поддерживал идеи С.А. Рачинского, в том числе, о привлечении к работе школ учителей-священников, особенно в сельские школы. На ниве просвещения С.А. Рачинский добился серьезных результатов. Свой опыт он изложил в 12 статьях, собранных в книгу «Сельская школа», с 1891 по 1899 года выдержавшей 4 издания. «Сельскую школу» по праву можно считать настольной книгой каждого русского педагога.

Вторая половина XIX века подарила России блестящую плеяду талантливых педагогов, подлинных просветителей: К.Д. Ушинского, Н.И. Пирогова, П.Г. Редкина, А.Д. Галахова, А.А. Хованского, Ф.И. Буслаева, К.П. Яновского, П.Е. Басистова, И.И. Паульсона, В.И. Водовозова, Н.А. Вышнеградского, Н.И. Ильминского, В.Я. Стоюнина, бар. Н.А. Корфа, В.П. Шереметевского, К.К. Сент-Илера, Д.Д. Семенова, Л.Н. Модзалевского, Л.И. Поливанова, Н.Ф. Бунакова, С.И. Миропольского, В.П. Острогорского, И.Ф. Рашевского, А.Г. Баранова, Д.И. Тихомирова, В.С. Гербача и мн. др. По инициативе начальника главных военных заведений И.В. Исакова и директора 2-ой военной гимназии Г.Г. Даниловича в начале 1860-х годов преобразованы учебные планы всех военных учебных заведений. Гражданское обучение в ту пору пребывало так же на пороге преобразований: так, был разработан план всеобщего обучения в России и проект всесословной женской средней школы (автор проекта Н.А. Вышнеградский), утвержден Особый отдел Ученого комитета Министерства народного просвещения, определены учебные округа и их деятельность, созданы Ученый комитет народного просвещения и комиссия по преобразованию средней школы, открыты Петербургское Педагогическое общество, Петербургский и Московский комитеты грамотности, Петербургское общественное собрание педагогов, Ученый комитет в Обществе распространения технических знаний и Педагогический кружок в Москве. Во многих городах России организованы Временные курсы для народных учителей (в Тамбове, Стародуме, Ярославле, Курске и др., в Павловске – по инициативе Великого князя Константина Константиновича, известного поэта К.Р.), действуют Андреевские курсы для подготовки народных учителей, Курсы для подготовки преподавателей в военные гимназии, Женские педагогические курсы. Проходят Съезды народных учителей в Санкт-Петербурге, Костроме, Херсоне, Пскове, Нижнем Тагиле, Великих Луках, Нижнем Новгороде и др.), русские педагоги активно участвуют во Всемирных выставках по педагогическому отделу в Париже, Вене и других городах. На протяжении всей второй половины XIX века увеличивается число церковно-приходских, начальных и воскресных школ, издаются просветительские и методические педагогические журналы: «Русский Педагогический Вестник», «Журнал для Воспитания», «Учитель», «Журнал Министерства Народного Просвещения», «Народная школа», «Воспитание», «Семья и Школа», «Церковно-приходская Школа», «Русская Школа», «Вестник Воспитания», «Педагогический Листок», «Детское Чтение», «Мiр

Божiй», «Воспитание и Обучение», «Русский Народный Учитель» и др. Ведется активная просветительская работа.

Как отмечает А.В. Моторин, «В первой половине 19 века, по справедливости прозванной золотым веком русской культуры, мощно развернулась православная просветительская работа, которая заложила основы небывалого расцвета духовности и государственности России в течение всего столетия. Все стратегические направления просветительской деятельности: от вопросов зарождения славян и Крещения их до вопросов русской государственной историософии – тщательно разрабатывались средствами искусства и науки. В основе данной общенародной работы лежало церковно-православное представление о Просвещении как Крещении, явлении световой божественной сущности Христа людям. Понятие Просвещения раскрывает глубинный смысл Крещения: это не одноразовое и окончательное действо, но, начатое однажды, оно требует непрестанных усилий по своему продлению, поддержанию, усилению» [9]. Модернизация образования лишена перспективы, если изначально не учитывается опыт предшествующих поколений. Историческая база служит мощным духовным потенциалом, определяющим вектор дальнейшего, как правило, продуктивного развития. Если речь идет о русском просвещении, то не учитывать позитивные начинания, давшие в свое время ощутимые плоды, – значит обрекать очередные новомодные проекты на дисбаланс. Е.П. Растопчина как-то произнесла: «Но если с всяким злом дар просвещенья слит, / Пусть нас минует просвещенье!» («Негодование», 1840). Обращение к своему историческому прошлому позволяет сегодня увидеть не только духовную составляющую русского просвещения, но ретроспективно извлекать уроки, дабы продуктивно и обоснованно подходить к решению тех задач, которые стоят перед нынешнем образованием в целом.

Литература

1. *Гоголь Н.В.* Страхи и ужасы России (Письмо к графине …ой) / Гоголь Н.В. История моей души: В трех книгах. Сост., подг. текстов, вступ. ст. и комм. В.А. Воропаева. Книга третья. М.: Парад, 2007.
2. Доклады министра народного просвещения С.С. Уварова Императору Николаю I. Публикация М.М. Шевченко // Река времен. Кн. 1. М., 1995.
3. Исторический очерк развития городских, народных или приходских училищ от Петра Великого до кончины Александра I. М., 1855.

4. *Карамзин Н.М.* Предания веков. М., 1988.
5. К.П. Об университетском преподавании // Московские Ведомости, 1899. №173. Цит. по: Тайный правитель России: К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. 1866-1895. Статьи. Очерки. Воспоминания / Сост., примеч. Т.Ф. Прокопов. М.: Русская книга, 2001.
6. *Макарий (Булгаков), митр.* Обращение к Христианству Великого князя Владимира / Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. Кн. Первая. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994.
7. *Максимович М.О.* О Русском Просвещении. Речь, говоренная в собрании Московского Университета, 1832, января 12 // Телескоп, 1832. №2.
8. *Меньшиков М.О.* Заветы веков / Меньшиков М.О. Письма к русской нации / Вступ. ст. и примеч. М.Б. Смолина. Изд. 2-е, переработ. и дополн. М.: Изд-во журнала «Москва», 2000. – 560с.
9. *Моторин А.В.* Славянский вопрос в русской словесности 1810-х – 1850-х годов / Россия и славянский мир в творческом наследии Ф.И. Тютчева / Сост. и ред. В.Н. Аношкиной. М.: Изд-во «Пашков дом», 2011. – 592.
10. Письма Победоносцева Александру III: В 2 т. М., 1925.
11. *Преображенский И.В.* Отечественная Церковь по статистическим данным с 1840-41 по 1890-91 гг. – СПб., 1893.
12. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М.-Л., 1937-1959.
13. *Пыпин А.Н.* Общественные движения при Александре I. Исторические очерки. СПб., 1885.
14. *Сердюцкая О.В.* Московский университет второй половины XVIII в. как государственное учреждение. Преподавательская служба. Изд. 2-е. М.: Спутник+, 2012. -186с.
15. *Филин М.Д.* О Пушкине и окрест поэта: Из архивных разысканий. М.: Изд. центр «Терра», 1997. – 347с.; илл.
16. *Шмелева А.В.* Исторический выбор Святого князя Владимира в формировании русского мировоззрения // Электронный журнал «Язык и текст langpsy.ru» 2015. Том 2. № 4. С. 137–143. doi: 10.17759/langt.2015020412 ISSN: 2312-2757 (online)

Д.А. Демина
кандидат педагогических наук,
доцент, заведующий кафедрой второго иностранного языка
Московского государственного лингвистического университета
Москва (Россия)
E-mail: dasha_k@mail.ru

Религиозная коммуникация в виртуальной реальности

Аннотация. В статье рассматриваются формы и возможности религиозного общения в виртуальной реальности на примере виртуального мира Second Life: дается определение виртуальной реальности, описываются конкретные примеры религиозного общения, а также ставится вопрос о целях и возможностях такого общения.

Ключевые слова: виртуальная реальность, религиозная коммуникация, религиоведение, теология.

Daria A. Demina
PhD in Pedagogics,
Associate Professor,
Head of the Department of the Second Foreign Language,
Moscow State Linguistic University
Moscow (Russia)
E-mail: dasha_k@mail.ru

Religious communication in the virtual reality

Abstract. The article discusses the forms and possibilities of religious communication in virtual reality using as example the virtual world Second Life: a definition of virtual reality is given, concrete examples of religious communication are described, and the question of the goals and possibilities of such communication is raised.

Keywords: virtual reality, religious communication, religious studies, theology.

На современном этапе своего развития цифровые технологии оказывают существенное влияние на общение людей: возникают новые формы общения, новые технические возможности, но это в свою очередь

меняет сущность самого общения. Так, например, философ Л.В. Баева в своей статье, посвященной виртуальной коммуникации, пишет, что «Информационное общество … во многом изменило сущность … общения, коммуникации, связи», что выразилось, прежде всего, «в виртуализации межличностного общения, связанного с открытием технологической возможности осуществления удаленного доступа, дистанционного общения субъектов» [1]. При этом автор дает определение виртуализации «В. – замещение реальных процессов и явлений виртуальными формами. В. связана с созданием цифровых аналогов объектов реальной культуры, с одной стороны, и с творчеством нового киберпространства и его феноменов, с другой» [1]. Таким образом, создается нечто новое, ранее не существовавшее. И это новое может дополнять старое, но может и замещать его. В настоящее время виртуально общение – это не просто обычное общение, дополненное новыми возможностями дистанционного общения, это самостоятельная форма общения, которая, однако, тесно переплетается с действительностью. Л.В. Баева рассматривает «виртуальную коммуникацию как форму общения между людьми, осуществляемую посредством информационных технологий, без личного контакта, на удаленных расстояниях, служащую как задачам традиционной формы общения, так и выполняющую новые функции» [1]. Дальнейшее исследование Л.В. Баевой посвящено общению, в основном, в социальных сетях, как и многие другие исследования виртуального общения. Данная тема представляет собой огромный интерес и имеет большую значимость для различных областей науки, так как такое виртуальное общение уже стало частью нашей жизни и не обошло стороной и религиозное общение.

Однако мы хотим посвятить данное исследование более узкому вопросу общения в виртуальных мирах. Это отдельная, мало исследованная на данный момент тема, так как виртуальная реальность (ВР) пока вошла в нашу жизнь не так глубоко, как другие формы компьютерной коммуникации. Однако ВР проникает в реальную жизнь все чаще в самых различных областях, особенно в области развлекательной индустрии (различные симуляторы, кинотеатры 4 и 5 D, аттракционы виртуальной реальности), но также и в педагогике, медицине, промышленности и мн. др.

Одно из распространенных словарных определений виртуальной реальности, на которое мы и опираемся в нашем исследовании, следующее: «Виртуальная реальность – высокоразвитая форма компьютерного

моделирования, которая позволяет пользователю погрузиться в искусственный мир и непосредственно действовать в нем с помощью специальных сенсорных устройств. которые связывают его движения с аудиовизуальными эффектами. При этом зрительные, слуховые, осязательные и моторные ощущения пользователя заменяются их имитацией, генерируемой компьютером» [3]. Таким образом мы делаем вывод, что общение в ВР – не просто дистанционное общение, это общение, обогащенное технологическим возможностями, это общение в другой среде и по законам этой среды. Эти законы еще только формируются, но уже действуют в каждом виртуальном мире.

В ВР часто ставятся конкретные реальные задачи, решение которых она призвана облегчить или как-то дополнить мир реальный. Так, в ВР можно обучаться. При этом мы имеем дистанционную форму обучения, максимально насыщенную возможностями современных технологий. ВР обогащает компьютерно опосредованную коммуникацию яркими визуальными образами, возможностью активного участия в процессе, не говоря уже о всех преимуществах самой компьютерно опосредованной коммуникации. ВР призвана максимально воспроизвести реальный мир, обогатив его новыми возможностями (асинхронная работа, отсутствие необходимости преодолевать расстояния, равные возможности обучения в любом возрасте, свободный выбор места, времени, темпов обучения и др.). Идет постоянный поиск эффективных путей использования этих возможностей, в том числе, и в сфере религиозной коммуникации.

На настоящий момент существует ряд виртуальных миров с довольно большим количеством пользователей: IMVU online (объединяет в себе виртуальный мир и социальную сеть), Next Island, There, Habbo, Active Worlds и др. Наиболее широкую популярность среди виртуальных миров приобрел проект Second Life (SL). Стать «жителем» Second Life может любой Интернет-пользователь. Это виртуальный многопользовательский мир, который создают сами его обитатели. Мир постоянно развивается и растет, ежемесячно здесь регистрируется около 900 тысяч пользователей (около 300 тысяч никогда больше в этот мир не возвращаются, однако количество активных пользователей неуклонно растет). Участники создают свой аватар, при этом они могут принять практически любой образ, поменять пол, социальный статус, расу, выбрать и создать любую внешность, одежду, принять облик животного. В этом виртуальном мире есть собственная валюта (линдены), которую можно потратить

в мире Second Life, а также конвертировать в реальные деньги. Здесь можно покупать вещи, недвижимость, можно зарабатывать. В этом мире воссозданы многие архитектурные сооружения и ансамбли различных стран и городов, музеи, созданы зоны для ролевых игр. Здесь можно слушать музыку, смотреть фильмы, заниматься спортом, проводить конференции, демонстрировать презентации и многое другое. Также нашлось место в Second Life религии и религиозному общению.

В Second Life есть целый ряд религиозных «локаций» и общин, здесь представлены самые разные религии: христианство, ислам, иудаизм, буддизм, индуизм, бахаи и др. Часто довольно искусно и максимально правдоподобно, представлены в этом мире копии религиозных архитектурных сооружений. Пользователи могут найти здесь и духовное общение, и поддержку в духовных вопросах, и возможности для образования в сфере религии.

Первым католическим епископством, которое решило искать пути возможного религиозного окормления паствы в виртуальном мире (в том числе, в Second Life), стало Фрайбургское архиепископство. Была создана виртуальная копия реальной церкви (церкови святого Георгия в Райненау), которая стала представительством архиепископства в виртуальном мире. Три раза в неделю здесь онлайн находится представитель архиепископства (Норберт Кебикус (имя в SL Бенедикт Бургер)), готовый пообщаться с посетителями (общение в SL возможно в формате чата, а также в аудиоформате, есть также возможность демонстрировать файлы разных форматов). Также здесь можно найти различную информацию о Церкви, вере и теологии. Община этой виртуальной церкви небольшая, службы здесь не проводятся, однако читаются совместные молитвы: каждую среду и воскресение совместно читается вечернее молитвенное правило. В реальной церкви св. Георгия на острове Райхенау (на Бодензее) собираются реальные прихожане из разных мест в Германии, но некоторые из них посещают и виртуальную церковь. Эти члены общины говорят о том, что опыт виртуального общения является особым, что он дополняет реальную жизнь, что наличие виртуальной церкви позволяет им присоединиться к общине, когда нет возможности приехать на остров в реальной жизни.

Есть в SL христианская протестантская община под руководством пастора Брайана, который служит мессы в виртуальном мире. Приход этой общины составляет около 20 постоянных членов, которые очень гостеприимны ко всем посетителям. Атмосфера на мессах очень

свободная, ведется чат, в котором участники могут общаться прямо во время мессы. После мессы члены общины вместе обсуждают вопросы веры.

Представлены в этом мире и иудаистские общины. Здесь есть молельные комнаты с интерактивными библиотеками, где в большом объеме задействованы возможности технологии в виртуальном мире: в этих библиотеках можно найти большое количество религиозных и религиоведческих текстов с гиперссылками, возможностями поиска по тексту. Есть здесь и синагога, в которой с помощью интерактивных элементов можно узнать, как она устроена, для чего предназначен тот или иной предмет, как надо здесь себя вести. Здесь можно пообщаться с другими пользователями, обсудить религиозные вопросы.

В SL существуют и земли, где проповедуется ислам. Эти земли отмечены особым значком и перед их посещением рекомендуется одеть свой аватар в подобающие скромные одежды. Исламские земли часто очень красиво оформлены: здесь много земли и растений, гор, водных источников, мечетей, воспроизводящих реальные архитектурные объекты. Здесь можно даже совершить виртуальный хадж, который носит, однако, обучающий, а не религиозный характер. Перед виртуальной молитвой в специальных источниках можно совершить обряд омовения, созданы условия для совершения намаза. На исламских землях представлены различные народы, люди здесь активно общаются на религиозные темы, делятся ссылками на интересные источники информации.

Буддистская община отличается детальнейшим воспроизведением религиозных практик в виртуальном мире. Буддистский центр в SL представляет собой локацию, в которой есть несколько храмов, множество статуй Будды, а также места для медитации и общения с учителями. В этой локации много природы, звучит медитативная музыка, здесь можно поклониться Будде, найти подходящее место для медитации, выпить виртуального чая, пообщаться с единомышленниками. Здесь также есть библиотеки, где можно найти множество литературы, в них проводятся занятия по медитации и читаются лекции.

Есть в SL и пустующие церкви. Скорее всего, создатели этих локаций руководствовались желанием воспроизвести именно архитектурный облик храмов. Часто в таких храмах можно зажечь виртуальную свечу, однако духовного окормления в них нет. Вероятно, создатели не нашли ресурсов развивать это направление, либо им не хватило опыта или желания.

В магазинах SL можно купить для своего аватара различные религиозные атрибуты и одежды, а также разнообразить набор типовых движений аватара, обогатив их жестами религиозной коммуникации.

Большинство пользователей считают, что религиозные локации в виртуальном мире носят символический игровой характер, позволяют примерить на себя различные роли. Однако также есть мнение, что в виртуальной реальности можно эффективно вести просвещенческую деятельность. Некоторые же пользователи находят здесь для себя настоящую альтернативу миру реальному (люди, которые не могут попасть на службу в храм в реальном мире из-за своего ритма жизни или вследствие каких-то физических ограничений) или возможность совершать религиозные практики чаще, чем это возможно только в реальной жизни.

Есть и противники виртуальной религиозной жизни. Например, Илейн Нит (Elaine Heath), являющаяся священнослужителем Методистской епископальной церкви и профессором Южного методистского университета, отрицает возможность бытия церкви без таинства причастия [4]. Православный священник Джонатан Тобиас резко критикует виртуальные миры как таковые, сравнивая их с миром фантазии, с пустыми мечтаниями (слово, которое употребляют отцы церкви для описания образа, который отвергает действительность, созданную Святой Троицей)[1] [5].

На наш взгляд, мы можем наблюдать некоторое размытие границ между реальным и виртуальным. Об этом пишет, например, философ Ж. Бодрийяр, утверждая, что активное развитие виртуального приведет к размыванию границ между действительным и альтернативными мирами [2]. И мы считаем, что это уже происходит. В виртуальных мирах может происходить вполне реальное традиционное общение, которое преодолевает границы ВР и может продолжаться в мире реальном, как и общение из мира реального может переходить в виртуальную сферу. В этой связи развитие религиозного общения в виртуальном мире представляется нам логичным и естественным процессом. И этот процесс представляет интерес для культурологов, религиоведов, теологов, педагогов, а также для церкви.

---

[1] При этом автор разделяет такую фантазию с литературным вымыслом, который может подтолкнуть читателя к духовным размышлениям.

Литература

1. *Баева Л.В.* Виртуальная коммуникация: классификация и специфика. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. Вып. № 4. Том 14. // Саратов, 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/v/virtualnaya-kommunikatsiya-klassifikatsiya-i-spetsifika (Дата обращения: 11.05.2019).
2. *Грицанов А.А., Кацук Н.Л. Жан Бодрийяр*. – Мн. Книжный Дом, 2008. – 256 с. С. 21.
3. Финансовый словарь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/fin_enc/21081 (Дата обращения: 11.05.2019).
4. NBC Nightly News – Religion Online in Second Life. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=1-BGQKaKi18 (дата обращения: 11.05.2019).
5. *Tobias, Fr. Jonathan* No Life in Second Life: Orthodoxy's Problem with Virtual Reality. // http://www.pravmir.com/article_261.html (Дата обращения: 11.05.2019)

О.Б. Уланова
кандидат психологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
РГАУ- МСХА им. К.А. Тимирязева
Москва (Россия)
E-mail: undina52@gmail.com

И.П. Готовцева
кандидат биологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
РГАУ- МСХА им. К.А. Тимирязева
Москва (Россия)
E-mail: lingva.cntr@gmail.com

А. В. Александров
доцент кафедры иностранных языков
РГАУ- МСХА им. К.А. Тимирязева
Москва (Россия)
E-mail: smartnd@rambler.ru

Способы организации самостоятельной работы со студентами магистратуры аграрного вуза на занятиях английским языком

Аннотация. В статье уточняется понятие самостоятельности с психологической и педагогической точки зрения. Рассматриваются способы организации самостоятельной учебной работы студентов магистратуры при выполнении заданий по английскому языку на понимание и структурирование научного текста, построение своих собственных высказываний, выбор адекватного сочетания передаваемого содержания и формы подачи материала.

Ключевые слова: аннотирование и реферирование научного текста, поиск информации, творческое мышление, самостоятельный выбор, самостоятельная учебная работа, студент магистратуры, упрощение и структурирование научного текста.

Olga B. Ulanova
PhD in Psychology,
Associate professor of the Department of Foreign Languages,
Russian State Agrarian University –
Moscow Timiryazev Agricultural Academy
Moscow (Russia)
E-mail: undina52@gmail.com

Irina P. Gotovtseva
PhD in Biology,
Associate professor of the Department of Foreign Languages,
Russian State Agrarian University –
Moscow Timiryazev Agricultural Academy
Moscow (Russia)
E-mail: lingva.cntr@gmail.com

Andrey V. Aleksandrov
Associate professor of the Department of Foreign Languages,
Russian State Agrarian University –
Moscow Timiryazev Agricultural Academy
Moscow (Russia)
E-mail: smartnd@rambler.ru

The ways of the organizing of independent work with Master students of agricultural university at the lessons of the English language

Abstract. The article specifies the idea of independence from the psychological and pedagogical standpoint. It considers the ways of organizing Master students` independent academic work for doing the tasks in the English language on understanding and structuring a scientific text, constructing their own statements, choosing the adequate combination of the contents conveyed and the material presentation form.

Keywords: scientific text annotation and reviewing, search of information, independent choice, independent academic work, Master- Degree student, creative thinking, simplifying and structuring a scientific text.

Самостоятельная учебная работа представляет собой вид деятельности, выполняемый студентами без непосредственного контакта с преподавателем или управляемый им опосредованно через специальные

учебные материалы. Обычно он направлен не на получение, а не закрепление ранее полученных знаний, умений и навыков.

Актуальность темы заключается в том, что наука вносит огромный вклад в развитие всех отраслей экономики нашей страны. Поскольку Российская Федерация обладает обширнейшей территорией и богатейшими природными ресурсами, распространяющимися на большое количество природных и климатических зон, её сельское хозяйство вносит огромный вклад в развитие всех отраслей экономики.

Научные разработки способствуют развитию, как промышленности, так и сельского хозяйства страны. В свою очередь, студенты магистратуры в будущем составят основу научных кадров России. Поэтому важно готовить эти кадры, руководствуясь потребностями современного общества. Следовательно, объектом нашей работы являются магистранты именно аграрного вуза.

Самостоятельность представляет собой обобщенное свойство личности, проявляющееся в инициативности, критичности, адекватной самооценке и чувстве личной ответственности за свою деятельность и поведение. Данное качество, позволяющее ставить цели и формулировать задачи, искать способы их решения и реализовывать их на практике без посторонней помощи, в огромной степени требуется любому научному работнику. По этой причине предметом нашей статьи служат способы организации самостоятельной учебной работы студентов.

Знание же иностранного (в том числе, профессионального) языка позволит научному работнику делиться результатами своих исследований с коллегами из других стран, что, в свою очередь, повысит авторитет нашей страны на международной арене.

Цель статьи заключается в анализе способов организации самостоятельной работы студентов с точки зрения их эффективности для овладения языковыми учениями и навыками студентами, а также развития личности молодого исследования [1] .

Одно из основных направлений работы со студентами магистратуры – обучение реферированию и аннотированию научного текста. Первая задача заключается в обучении магистрантов поиску информации по теме. Преподаватель знакомит студентов с основными принципами научного поиска как основного направления самостоятельной работы. В начале освоения принципов данной деятельности магистрантам рекомендуется перевести на английский язык название их направления подготовки. В качестве примера поговорим о направлении «Агрохимические

методы повышения урожайности». Огромную роль в развитии самостоятельности играет возможность выбора студентом различных вариантов построения одной и той же конструкции. Так, допустимо строить словосочетание с разным порядком слов: прямым- Agrochemical methods of increasing yields и обратным- Yield increase agrochemical methods. Поиск информации можно осуществляться не только по всей формулировке названия направления подготовки, но и по отдельным его частям (What is crop yield?) Следующий достаточно эффективный приём обучения поиску заключается в возможности перефразирования полного названия академической программы более простым способом (How do agro-chemists increase the yields?) И, наконец, студенты по просьбе преподавателя могут конкретизировать полную формулировку названия своего направления подготовки конкретными примерами сельскохозяйственных растений на английском языке (например, **potato** **(barley)** yield increase agrochemical methods).

Поиск материала необходим не только для реферирования и аннотирования статей, но и для выполнения другого важного задания- презентации по теме магистерской работы и доклада по слайдам. Один из слайдов посвящён вкладу наук и учёных в исследовательскую работу студента в рамках актуальности темы. На английском языке это звучит так: The topic relevance: scientists` contribution. Примерная тема исследовательской работы для академической программы «Разработка продуктов питания из растительного сырья с заданными свойствами» может звучать так: «Analyzing the influence of tomato variety on tomato juice quality». В качестве научных дисциплин, вносящих вклад в исследование, следует рассматривать не только профильную для студентов пищевую технологию, но и растениеводство, агрохимию и некоторые другие дисциплины. Преподаватель даёт студентам советы по поиску фамилий учёных, изучающих разные аспекты темы с точки зрения непрофильных дисциплин. Например, агрохимия не является профильным предметом для студентов технологического факультета, обучающихся по данной академической программе. Поэтому они получают рекомендацию искать материал, предварительно объединив проблематику профильной и непрофильной дисциплины в одно высказывание на иностранном языке. Вот образец такого высказывания: the influence of nitrogenous fertilizers on the quality of tomatoes used for juice production. Получается, что понятие fertilizers (минеральные удобрения) относится к агрохимической проблематике. Являясь разновидностью сельскохозяйственного растения, tomatoes

(помидоры) – это вид сельскохозяйственной культуры, изучаемый агрономией. Juice production (производство сока) – это тематика для изучения технологией производства продуктов питания. Следовательно, постановка на первое место проблематики непрофильной дисциплины позволяет подобрать материал с учётом её вклада в изучение темы исследования студента.

Слуховое восприятие, несомненно, представляет собой более сложный процесс, чем зрительное восприятие. В связи с этим вторая задача нашей статьи заключается в обучении студентов общим принципам упрощения текста статьи для его дальнейшего реферирования и аннотирования. В начале выполнения заданий такого типа студентам сообщаются общие правила упрощения структуры текста, которым надо следовать. Несколько предложений разбирается под руководством преподавателя. Приведём пример для направления «Ветеринарно- санитарная экспертиза»: « There are some organoleptic, chemical, bacteriological and pathoanatomical methods of a research **applied** for **examining** the sick animals` meat quality». Студенты переводят предложения на русский язык: «Существуют органолептические, химические, бактериологические и патоанатомические методы исследования, **применяемые** для анализа качества мяса больных животных». Первый принцип упрощения прочитанного и понятого текста заключается в трансформации глагольной структуры предложения. Магистранты находят все глагольные формы, и переводит их на русский язык: applied- применяемый, examining- рассмотрение. Далее они ставит глаголы в форму инфинитива: to apply- применять, to examine- рассматривать. Затем причастия в роли определений, а также герундии преобразуются в сказуемые преимущественно активного залога, который по принципам построения проще активного залога. При этом одно сложное предложение делится на два простых предложения. Сначала эта работа выполняется на русском языке. При преобразовании конструкции активного залога в пассивный залог она требует подбора содержания по смыслу (например, названия специалиста, выполняющего те или иные профессиональные действия). Вот результат построения предложения на русском языке: «Ветеринарно-санитарный эксперт **применяет** органолептические, химические, бактериологические и патогенные методы исследования. Эти методы позволяют **анализировать** мясо больных животных». Рассмотрим предложения, построенные студентами на английском языке: «A veterinary-sanitary inspector **uses** organoleptic, chemical , bacteriological and pathogenic research methods. These methods

let examine the sick animals` meat». Все используемые в ходе реферирования и аннотирования текста конструкции должны вносить вклад в понимание общего смысла текстового материала. Поэтому преподаватель советует студентам удалять вводные конструкции, часто переводимые на английский язык с помощью сложного подлежащего и дополнения. Вот пример подобной работы для студентов, обучающихся по направлению «Продукты питания животного происхождения»: «Milk **is known to** be rich in nutrients». Видоизменённое предложение выглядит гораздо проще «Milk is rich in nutrients». Сначала упрощённый текст составляется в письменном виде и только потом учится. Все принципы выполнения данной работы осмысливаются и записываются студентами, что позволит им в будущем достичь высоких результатов в самостоятельной языковой деятельности.

Работа выполняется в определённом порядке. Сначала магистранты упрощают отдельные предложения по просьбе преподавателя. Затем деятельность выполняется самостоятельно. Развитие навыков позволяет магистранту чувствовать уверенность при выполнении работы, а значит справляться с ней самостоятельно.

Таким образом, самостоятельность – это важнейшее качество личности, в основе которого лежит получение опыта успешных (в первую очередь, учебных) действий. Это приводит к высокой самооценке как языковой, так и собственно научной деятельности студента магистратуры.

Литература

1. *Конышева А.В.* Модульное обучение как средство управления самостоятельной работой студентов // Высшее образование в России. – Выпуск № 11/ 2009, с. 108-114.

М.К. Шеина
кандидат филологических наук,
доцент кафедры лингвистики
Московского государственного института культуры
Москва (Россия)

Знакомство с творчеством русских писателей при обучении иностранных студентов русскому языку (Из опыта работы со студентами 4 курса Пекинского университета культуры)

Аннотация. Знание иностранными студентами творчества русских писателей помогает более тонко понять русскую речь как устную, так и письменную. Это даёт возможность использовать полученные знания для того, чтобы стать адекватным участником межкультурной коммуникации, и тем самым способствовать общественному прогрессу, быть социально значимым.

Ключевые слова: обучение, творчество, знания, коммуникация, заинтересованность, активизация, эффективность, внимание, статус, оценка.

Miroslava K. Sheina
PhD in Philology,
Associate Professor of the Department of Linguistics of
Moscow State Institute of Culture
Moscow (Russia)

Studying Russian Writers Creation while teaching Russian to foreign students (From the teacher's experience of working with forth-year students of Beijing University of culture)

Abstract. The article is devoted to the significance of learning the Russian writers' merit while studying the oral and written Russian language. It enables to use the acquired knowledge to become an adequate participant of cross-cultural communication and thus to promote the social advancement and be socially significant.

Keywords: training, creativity, knowledge, communication, interest, activation, efficiency, attention, status, evaluation.

В общественном сознании оценочная сторона человека играет большую роль, выступая необходимым звеном к практике, которая определяет, что нужно человеку, и включает в себя познание и субъективное отношение [1, с. 143]. Отражая предмет, человек познает его объективное содержание и в то же время соотносит его с индивидуальной и общественной потребностями, которые могут способствовать общественному прогрессу, быть социально значимыми.

Вышесказанное относится и к обучению иностранных студентов русскому языку на примере знакомства с творчеством русских писателей, что дает возможность более тонко понять русскую речь как устную, так и письменную, и использовать полученные знания, чтобы стать адекватным участником межкультурной коммуникации, в чем и заключается современная цель работы с иностранными студентами.

С большой заинтересованностью обучающиеся, студенты 4 курса Пекинского университета культуры, отнеслись к творчеству А.П. Чехова, к его коротким рассказам, в которых создавался образ не только в понимании характера героя, но в и его моральной оценке.

Главный герой Чехова – рядовой человек со своими каждодневными заботами. Как тонкий психолог, Чехов считал, что роль автора заключается в том, чтобы задавать вопросы, а не отвечать на них.

Писатель касался разных сторон общественной жизни 80-90х годов XIX века [2, с. 23], что и отражено в его рассказе «Лотерейный билет».

При работе над этой новеллой с иностранными студентами был охарактеризован период того времени и обращено внимание на коммуникативные особенности. Поэтому для активизации были предложены отдельные слова, словосочетания, конструкции, часто употребляемые в общении.

Действующее лицо в рассказе, Иван Дмитрич, – средний человек, проживающий с семьёй 1200 рублей в год. При просмотре газеты с таблицей тиража ему бросились в глаза цифры серии, которые совпали с лотерейным билетом. Выигрыш был внушительным. Иван Дмитрич четыре раза удерживал жену, чтобы и она и он не проверили номер билета. Супруги размечтались. В воображении героя рассказа появились картины одна за другой «ласковей, поэтичней». В них он видел себя спокойным, здоровым, счастливым. У его жены возникли мысли о покупке имения и о поездке за границу. И то же время, в момент мнимого выигрыша у обоих супругов зародилось недоверие друг к другу, обнажился их внутренний мир. Они превратились в жалких, эгоистичных и жадных

людей. Чехов сумел создать тяжелую обстановку отношений размечтавшихся о выигрыше супругов.

Язык рассказа прост, понятен, доходчив. «Описание природы, – писал Чехов А.В. Жирковичу в 1985 году, – должно быть прежде всего картинно, чтобы читатель, прочитав и закрыв глаза, сразу мог вообразить себе изображаемый пейзаж».

Приведем примеры из рассказа «Лотерейный билет». «Вот он поевший холодной окрошки, как лёд, лежит вверх животом на горячем песке у самой речки или в саду под липой».

Действительно, эффективность и выразительность передаваемого возникает перед глазами читателя.

И затем: «Когда садится солнце, он берет простыню, мыло и плетется в купальню… Лезет в воду. А в воде около матовых мыльных кругов суетятся рыбешки, качаются зеленые водоросли».

Писатель не был противником изобразительных и выразительных приемов. Они, по его мнению, нужны, если удачны и будят воображение читателей [2, с. 27].

Холодная, как лед, окрошка – сравнение. Окрошка (пояснение для иностранных студентов) – холодное кушанье из кваса с резаной зеленью и мелко нарубленными мясом или рыбой [3].

Лежать вверх животом – лежать на спине (разговорный стиль).

Плестись – идти медленно, вяло [3].

«Томить и дразнить себя надеждой на возможное счастье – это так сладко»: то есть очень приятно наслаждаться надеждой на возможное счастье.

Томить и дразнить себя надеждой – контекстуальные синонимы. Они использованы для усиления экспрессивности передачи мысли.

«И в его воображении затолпились картины одна за другой…».

Затолпились картины – скопились картины (разговорный стиль)

«Иван Дмитрич рисует себе осень с дождями, с холодными вечерами и с бабьем летом».

Бабье лето – период по-летнему теплой и сухой погоды в преддверии осени.

«Днем и ночью идет дождь, голые деревья плачут, ветер сыр и холоден».

Деревья плачут – метафора, стилистический приём, указывающий на сходство падения большого количества капель воды с деревьев.

«Она знала, кто первый протянул бы лапу к ее выигрышу».

Протянул лапу – просторечие, которое передает презрение жены к мужу.

Финал рассказа остается открытым, автор не дает четкого вывода, позиция Чехова ощущается достаточно ясно, поскольку она выражена через сюжет – описание невинной истории о выигрыше, о неожиданном конце новеллы и о психологическом состоянии героев.

Таким образом, основополагающей задачей обучения русскому языку иностранных студентов является сохранение высокого статуса данной гуманитарной дисциплины, её независимости от стандартов дистанционного образования. Знакомство иностранных студентов с творчеством русских писателей дает возможность получить глубокие знания о культуре, обществе, человеке нашей страны, что закладывает в мировоззрении обучающихся устойчивые ценности познания современного общества в условиях глобализации.

Литература

1. *Делокаров К.Х., Лось В.Н., Чумаков А.Н.* От глобальных проблем к глобализации// Вестник российского философского общества. М. 2014, №1. 143 с.
2. *Голубков В.В.* Мастерство А.П. Чехова. М.: Прогресс, 2008, – 23 с.
3. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка. М.: АСТ, 2013.

Е.А. Ставицкая
кандидат философских наук,
доцент кафедры грамматики и истории
факультета немецкого языка
Московского государственного
лингвистического университета
Москва (Россия)
E-mail: eastavitskaya@mail.ru

Современная теолингвистика как основа межкультурного диалога

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению теолингвистики, области знания, возникшей на стыке лингвистики, теологии и культурологии. Предлагаются возможные направления исследований в данной области, а также оценивается практическая роль этого научного направления в межкультурном и межрелигиозном диалоге

Ключевые слова: теолингвистика, межкультурный диалог, межрелигиозный диалог, аксиологическая лингвистика.

Ekaterina A. Stavitskaya
PhD in Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Department of the Grammar and
History of the German Language of
Moscow State Linguistic University
Moscow (Russia)
E-mail: eastavitskaya@mail.ru

Modern theolinguistics as the basis of the intercultural dialogue

Abstract. The article is devoted to the studying of theolinguistics, a cross-disciplinary field of knowledge that appeared on the basis of linguistics, theology and cultural studies. Possible directions of research in this field are suggested and the evaluation of the practical role of this field of knowledge in the intercultural and interreligious dialogue is given.

Key words: theolinguistics, intercultural dialogue, interreligious dialogue, axiological linguistics.

Современный мир характеризуется двумя очень популярными понятиями: глобализация и диалог. Глобализация стирает границы культур, но в то же время обогащает культуры новыми знаниями. Как известно, культуры могут взаимодействовать по-разному: от агрессивного поглощения до мирного сосуществования. То же верно и относительно религий и религиозно-мировоззренческих систем. К сожалению, несмотря на многочисленные уроки истории в наше время религиозные и псевдорелигиозные конфликты все также нередки. Таким образом, не вызывает сомнений, что межкультурный и межрелигиозный диалог представляет собой дело не просто важное, но жизненно необходимое. Диалог в широком смысле этого слова, коммуникация составляет основу жизни в обществе, без коммуникации жизнь в обществе совершенно невозможна, таким образом, через коммуникацию, диалог между людьми, группами лиц, обществами, культурами и странами возможно построение мирных взаимоотношений.

Для ведения такого диалога необходим, естественно, инструмент, коим является язык, язык, который воспринимается как знаковая система культуры. И учитывая наличие разных языков у участников диалога необходимо находить инструменты для передачи информации настолько точные, насколько это возможно. Здесь мы неизбежно сталкиваемся с разностью картин мира у разных народов, картина мира всегда отражается в языке народа, а соответственно, и казалось бы идентичные концепты могут иметь совершенно разное наполнение. Как известно, перевод с одного языка на другой всегда связан с неточностями, обобщениями, трансформациями высказываний, точный перевод без потерь в принципе невозможен, перевод всегда является интерпретацией. [10] Умберто Эко интересно пишет об этом в своей книге «Сказать почти то же самое» о переводческой практике и о ее сложностях, размышляя о том, насколько велико это «почти» [12]. Вероятно, это «почти» может быть наименьшим в том случае, если переводчик очень бережно отнесется к оригиналу, будет знаком с культурой, литературой, религией, мифологией, современной политической ситуацией и многим-многим другим страны автора текста. И всё же, как носитель другой культуры, он тем не менее оставит нечто своё в переводе.

В современной лингвистике сейчас появляется огромное количество новых направлений, которые возникают на стыке нескольких наук и областей знания. Современная наука в целом, с одной стороны, характеризуется довольно интенсивным расщеплением широких направлений на все более узкие, а с другой стороны, некоторые направления сращи-

ваются, образуя смежную область исследования и обогащая друг друга. Так, лингвистика порождает такие сравнительно молодые области знания, как: психолингвистика, этнолингвистика, эколингвистика, гендерная лингвистика, социолингвистика, юридическая лингвистика, политическая лингвистика, документная лингвистика, интернет-лингвистика, лингвикультурология, даже документная лингвистика [8].

Наше исследование посвящено обзору такого направления, как теолингвистика, которое, как представляется, может действительно обогатить наши знания и в области религиозного дискурса в целом, и в области филологических, и в области теологических наук. Понимание религиозных взглядов людей, носителей разных культур, будет способствовать, на наш взгляд, их мирному сосуществованию и, возможно, позволит разрешить некоторые конфликты. Как известно, целое всегда больше суммы его частей. В данном случае, теолингвистика способна принести большие плоды, чем лингвистика и теология по отдельности.

К теолингвистике примыкает такая область знания, как аксиологическая лингвистика, с утилитарной точки зрения для ведения межкультурного и межрелигиозного диалога, на наш взгляд, важны оба эти направления. Аксиологическая лингвистика изучает систему ценностей определенной культуры, а система ценностей воспринимается при этом как сущность культуры, которая, конечно, существует благодаря ее носителям. Вот уже почти 20 лет работает особая научно-исследовательская лаборатория по данному направлению при Волгоградском педагогическом университете, где ученые занимаются классификацией ценностей и описанием способов их отражения в культуре. Ею руководит В.И. Карасик, известный российский лингвист. Ценности существуют в неразрывной связи с человеческим обществом, собственно, система ценностей является результатом мировосприятия человека в определенный период времени. Аксиологическая лингвистика занимается и ценностями, и так называемыми антиценнностями, которые воспринимаются как противоположности первых, при этом они получают негативную оценку в глазах данного сообщества. Ценности принято классифицировать по-разному, их делят на материальные и духовные, на религиозные, моральные, нравственные, социальные, эстетические, экономические и политические. Ценности обитают в так называемой аксиосфере, где часто распределяются по областям истины, этики, эстетики, удовольствия и пользы. Однако нужно заметить, что все вышеуказанные деления и классификации носят условный характер. Прикладная аксиологическая лингвистика

изучает духовно-нравственное состояние общества, исходя из декларируемых сознательно или бессознательно ценностей. Например, считается, что из-за особенностей восприятия труда и материальных ценностей в двух деноминациях христианства, православии и протестантизме, у их носителей формировались разные представления, а соответственно, и разные понятия в языке, связанные с этой областью. В немецком языке есть отдельная лексема Gelddenken (денежное мышление), которая имеет нейтрально-положительную окраску. В русском языке отдельного понятия нет, вероятно, это связано с большим отрицанием важности материальных благ как таковых. В протестантизме же существует учение о труде как о некоем религиозном служении, соответственно, плата за него не является чем-то отрицательным. [3]

В области аксиологической лингвистики и лингвокультурологии ведутся исследования «**лингвокультурных типажей**, узнаваемых образов представителей определенной культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества» [2]. Под руководством В.И. Карасика было проведено большое исследование по выделению таких типажей, характерных только для определенной культуры, иногда и определенного периода времени. «Например, к числу таких типажей относится «чудак» в английской лингвокультуре – человек с забавными странностями в поведении, обычно увлеченный каким-либо занятием и никому не причиняющий неудобств. Англичане любят своих чудаков, в России к таким людям относятся менее терпимо. В России, с другой стороны, четко осознается лингвокультурный типаж «юродивый» – нищий, придурковато-блаженный, истязающий себя и обладающий даром прорицания. Этот концепт давно потерял актуальность, но узнаваемые черты такого поведения – «юродствовать» – зафиксированы в русском языковом сознании. Данный концепт, как известно, уникален и специфичен, в других языках, насколько нам известно, нет слов для обозначения такой личности». [2] Изучение лингвокультурных типажей, которые получают определенную оценку в данной культуре, также обогащают результаты исследования культурных ценностей.

Аксиологическая лингвистика представляется областью знания, говорящей о ценностях современного человека безотносительно его религиозных взглядов или относительно таковых, но наряду с прочими ценностными установками. Однако религия и культура связаны настолько неразрывно, что изучению религиозных ценностей, религиозных концептов было со временем уделено особое внимание. Теолингвистика некото-

рым образом пересекается с аксиологической лингвистикой, однако имеет несколько отличный объект исследования, возможно, мы можем сказать, что в этой области именно религиозные ценности ставятся во главу угла. А.К. Гадомский, ученый-лингвист Таврического университета (г. Симферополь) определяет ее как «дисциплину, возникшую на стыке языка и религии и исследующую проявления религии, которые закрепились и отразились в языке» [5, С.166], его трудами в русскоязычной науке появилась и история становления теолингвистики на Западе. [6]

Основоположник западной теолингвистики, Й.-П.ван Ноппен, писал, что «теолингвистика пытается описать, как человеческое слово может быть употреблено по отношению к Богу, а также то, каким образом язык функционирует в религиозных ситуациях, в ситуациях, не соответствующих жестким стандартам непосредственной односторонней коммуникации, и которые, несмотря на это, с другой стороны, совпадают с логикой его описания в известных формах, таких как метафора или речевой акт» [Цит. по: 6, С.18]. Ван Ноппен в своей докторской диссертации писал также о таком направлении, как теография, ее можно назвать смежной областью по отношению к теолингвистике или даже ее составной частью, однако последняя все же скорее является разделом теологии, который призван изучить и практически научить составлять теологические тексты, наиболее доступным и понятным языком излагающие метафизические вопросы.

Термин «теолингвистика» был позднее включен в The Cambridge Encyclopedia of Language Д. Кристалла в 1987 г. Затем в самом начале двухтысячных годов эта область занята особое место в немецком языкознании. А. Вагнер написал одну из первых статей на эту тему, где он утверждал, что взаимодействие теологии и лингвистики несомненно принесет пользу. «Он также указывал на пропуски в проводимых ранее исследованиях и выдвигал конкретные исследовательские проекты. Например, такие, как языковедческий анализ отдельных элементов службы в Церкви и их взаимодействия, анализ высказываний на религиозные темы (например, на тему смерти близкого человека), анализ языка катехизиса (в том числе анализ языка бесед по подготовке молодежи к обряду миропомазания[1]), анализ архаичных фраз и синтаксических структур». [4]

---

[1] Интересно отметить, что в данной цитате приведен перевод, обозначение миропомазания «обрядом» оставлено в соответствии с протестантской традицией, однако в православном учении, конечно, миропомазание является таинством. В этой цитате вновь видны сложности перевода понятий религиозного дискурса.

Теолингвистика получила широкое распространение в Европе, в частности, в 1999 г. при Президиуме Польской Академии Наук была создана Комиссия Религиозного Языка. «Деятельность этой комиссии охватывает все вопросы, связанные с религиозным языком, а именно: польский язык в костеле, а также за его пределами. Существуют соответствующие нормативные документы, которые регламентируют деятельность комиссии. Каждые два года Комиссия проводит интердисциплинарные научные конференции, посвященные различным проблемам изучения религиозного языка. В 2004 г. состоялось VI заседание Комиссии. В числе других вопросов обсуждался вопрос популяризации термина «теолингвистика». С докладом на тему: «Теолингвистика: попытка популяризации термина» выступила доктор Э. Кухарска-Дрейсс [Kucharska-Dreiss, 2004]». [4]

Таким образом, мы видим, что теолингвистика охватывает огромные пласты знания, исследования требуют от ученых компетентности и в области лингвистики, и в области теологии, системного подхода. Однако для религиозного диалога наиболее важной представляется сопоставительная теолингвистика. Одна из последних теоретических работ, посвященных определению предмета, цели, задач и методов сопоставительной теолингвистики принадлежит профессору православного теологического факультета Белградского университета Ксении Кончаревич. [7] Она разделяет несколько видов теолингвистики:

– антропоцентрическую (где изучается отражение религии в языке и религиозный язык в русле антропоцентрической парадигмы);

– теоцентрическую (где язык понимается как сущностный атрибут человека, понимаемого как творение Божие);

– теоантропокосмическую (где целью исследований ставится познание Истины через установление частнонаучных истин).

Последнее направление предлагает совершенно новый подход, новую парадигму, главным теоретиком которой является профессор В. И. Постовалова (Институт Языкознания РАН), она изучает работы философов начала XX в., которые занимались философией имени (о. Павел (Флоренский), С.Н. Булгаков, А.Ф. Лосев) и «отмечает, что их труды содержат “ряд исходных лингвофилософских и лингвобогословских идей, а также ряд общемировоззренческих установок, позволяющих говорить о некоей общей концепции языка, развиваемой в трудах этих мыслителей, и о приверженности их к единой парадигме исследования языка”» [Цит. по: 11]. В качестве одного из центральных исследовательских проектов в облас-

ти сопоставительной теолингвистики, несущих несомненную пользу для ведения межрелигиозного диалога, нам видится исследование концептов, как правило, переводимых эквивалентно с одного языка на другой, но имеющих, тем не менее некоторые отличия, по-разному воспринимаемых представителями разных культур. По мнению Д.С. Лихачева, *концепт* понимается как заместитель понятия, как «намек на возможное значение» и как «отклик на предшествующий языковой опыт человека» [9]. Русское словосочетание «милость Божия», к примеру, практически не содержит оттенка значения «пощада», в то время как немецкое «Gnade Gottes» этот оттенок имеет, всё это также связано с особенностями религиозного учения. В протестантском учении о спасении Господь может помиловать или осудить человека на вечные муки независимо от заслуг человека. Возможно, поэтому и Gnade Gottes воспринимается как нечто незаслуженное, что тот, кто помилует/пощадит, делает лишь из собственной благости, но не исходя из добрых поступков человека при жизни.

Исследования такого рода, как нам кажется, могли бы с одной стороны, помочь более полно понять и почувствовать картину мира другого, а с другой стороны, могли бы, возможно, устранить имеющиеся в переводах неточности.

В заключении, на наш взгляд, важно вспомнить слова С. С. Аверинцева, в которых выражена ценностная ориентация становления и развития диалогических отношений: «Одна из главных задач человека – понять другого человека, не превращая его ни в поддающуюся ‘исчислению’ вещь, ни в отражение собственных эмоций. Эта задача стоит перед каждым отдельным человеком, но также перед каждой эпохой, перед всем человечеством. Филология есть служба понимания и помогает выполнению этой задачи». [1, С.8] Добавим лишь, что теолингвистика, накопив достаточно знаний, проведя достаточно исследований и сделав необходимые выводы, также послужит пониманию и поможет представителям разных религий строить диалог в самом широком смысле этого слова.

Литература

1. *Аверинцев С.С.* Попытки объясниться: беседы о культуре / С.С. Аверинцев. – М.: Правда, 1988. – 47 с.
2. Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи: Сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Карасика. Волгоград: Парадигма, 2005. – 310 с. [Электронный

ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books/about/%D0%90%D0%BA%D1%81%D0%B8%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B3.html?id=rXkbAQAAIAAJ&redir_esc=y (Дата обращения: 15.05.2019).

3. Аксиологическая лингвистика / Электронная библиотека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://scicenter.online/obschee-yazyikoznanie-scicenter/aksiologicheskaya-lingvistika-101238.html (Дата обращения: 15.05.2019).
4. *Гадомский* Краткий очерк истории теолингвистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://theologica.ru/kratkij-ocherk-istorii-teolingvistiki/ (Дата обращения: 15.05.2019).
5. *Гадомский А.К.* О лакунах в системе лингвистической науки: проблема взаимодействия языка и религии // Культура народов Причерноморья. – № 49. – Т.1 – 2004. – С. 164-167
6. *Гадомский А.К.* Теолингвистика: история вопроса// Учен. зап. ТНУ. Т. 18 (57). № 1. Филология. – Симферополь: ТНУ, 2005. – С. 16-26
7. *Киквидзе И.Д.* Сопоставительная теолингвистика предмет и цели исследования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/326131548_Sopostavitelnaa_teolingvistika_predmet_i_celi_issledovania (Дата обращения: 15.05.2019).
8. *Кушнерук С.П. Документная лингвистика: Учебное пособие*. Волгоград, Волгоградское научное издательство, 2007. – с.314
9. *Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://scicenter.online/frazeologiya-leksikografiya-leksikologiya-scicenter/lihachev-kontseptosfera-russkogo-126120.html (Дата обращения: 15.05.2019).
10. *Усачева А.Н.* Перевод: от лингвистической теории к когнитивной модели. Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкозн. 2011. №1 (13) с. 131-137
11. Теолингвистика / Электронная библиотека [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://scicenter.online/obschee-yazyikoznanie-scicenter/teolingvistika-101237.html (Дата обращения: 15.05.2019).
12. *Эко У.* Сказать почти то же самое. Опыты о переводе / Умберто Эко пер.с ит. А.Коваля – Москва: АСТ: CORPUS, 2015. – 736 с.

Д.В. Бартенева,
Е.С. Голубева
Московский кадетский корпус
«Пансион воспитанниц Министерства обороны РФ»
Москва (Россия)
E-mail: Bardo04@mail.ru

Образ Китая в русской литературе первой половины XIX века. К вопросу о восприятии восточной культуры

Аннотация. В статье на материале произведений русских классиков первой половины XIX века (А.С. Грибоедов, И.А. Крылов, А.С. Пушкин и др.) рассматривается отражение образа Китая в русской литературе. Анализируются факторы, влияющие на развитие китайской темы в творчестве русских писателей.

Ключевые слова: Россия, Китая, Восток, Европа, литература, культура, образ, образование, мода, самобытность, путешествие.

Darya V. Barteneva,
Evgenia S. Golubeva
Moscow cadet corps «Boarding school of pupils
The Ministry of defence of the Russian Federation»
Moscow (Russia)
E-mail: Bardo04@mail.ru

The image of China in the Russian literature of the 1st half of the XIXth century. To the question of the perception of the Eastern culture

Abstract. The material of the article is the works of Russian classics of the first half of the XIXth century (A.S. Griboedov, I.A. Krylov, A.S. Pushkin, etc.). They consider the reflection of the image of China in the Russian literature. The factors influencing the development of the Chinese theme in the work of the Russian writers are analyzed.

Keywords: Russia, China, East, Europe, literature, culture, an image, education, fashion, identity, travel.

В одном из своих пламенных монологов герой А.С. Грибоедова недвусмысленно заявляет:

<…>
Ах! если рождены мы все перенимать,
Хоть у китайцев бы нам несколько занять
Премудрого у них незнанья иноземцев.
Воскреснем ли когда от чужевластья мод?
　Чтоб умный, добрый наш народ
Хотя по языку нас не считал за немцев.
(действие III, явление 22) [2, с. 90]

Блестяще образованный А.С. Грибоедов знал историю и культуру Востока. Он был одним из талантливейших дипломатов своего времени. Давая оценку состоянию культуры и образования в России, А.С. Грибоедов смело критиковал русское дворянство, подражавшее иностранной моде, называя это подражание «нечистым духом», «пустым, рабским, слепым подражаньем». Упоминание в комедии о Китае органично вплетается в основной пафос речи Александра Чацкого. А.С. Грибоедов обращает внимание на изолированность культуры Китая, защищенного от западного влияния, что позволяет говорить о ее (культуре) самобытности и целостности.

Упоминания о Китае довольно часто встречаются в произведениях самых разных писателей, особенно первой половины XIX столетия. Даже у баснописца И.А. Крылова обнаруживается сюжет (басня «Три мужика») о том, что русский царь (назван «батюшка») «велел взять дань с китайцев чаем» [3]. Китай – первый в мире производитель чая. Когда на Руси стали употреблять китайский час доподлинно неизвестно, но широко распространена версия, связанная с именем императора Петра I, однако, согласно историческим сведениям, чай был известен на Руси еще задолго до реформаторской деятельности императора. Чай употреблял его отец – царь Алексей Михайлович. А один из знатоков русской кулинарии историк В.В. Похлёбкин в своей работе «Чай» [6] утверждает о том, что в России с чаем познакомились в 1567 году во время посольства в Китай казачьих атаманов Ивана Петрова и Бурнаша Ялышева с целью исследовать земли, находившиеся за Сибирью. При себе казаки имели дружественные грамоты от царя Иоанна IV к «властителям неизвестных народов». Об этой миссии упоминает в своей «Истории» Н.М.

Карамзин, сведения о первом официальном посещении Китая встречается в описаниях других путешествий [7].

Образ Китая в русской литературе XIX века постепенно начинает играть особую роль: интерес писателей подогревался тем, что эта земля была достаточно далека от Европы, а в самой Европе появляется мода на китайское [1]. Вообще, для XIX века характерен интерес к Востоку. В специальных журналах («Азиатский вестник», «Сибирский вестник» и др.), а также общеизвестных таких, как «Московский телеграф» Н.А Полевого, «Сын Отечества» Н.И. Греча, «Северный архив», «Московский вестник», «Литературная газета» все больше материалов появляется о культуре и истории Китая. В это время внимание привлекают труды путешественника, востоковеда, китаеведа архимандрита Иакинфа (в миру Н.Я. Бичуринна). В 1808-1821 годах он возглавлял Русскую Духовную миссию, девятую по счету в Китае. Н.Я. Бичурин опубликовал ряд крупных работ о китайской цивилизации. В одной из них, опубликованной в «Московском телеграфе», он признавался: «Без сомнения, приятно будет каждому видеть картину китайской столицы, столь известной по слухам и описаниям путешественников. Сия мысль, во все время моего пребывания в Пекине, делала меня внимательным ко всем, особенно достопримечательным предметам сей столицы» [5]. Кроме его участия в Азиатском департаменте и Академии наук, Н.Я. Бичурин был вхож в литературные салоны и кружки Петербурга. Он был дружен с И.А. Крыловым, А.С. Пушкиным, кн. В.Ф. Одоевским, А.А. Краевским и др. Его присутствие в литературных кругах так же провоцировало интерес литераторов к восточной, в частности китайской, теме.

После сватовства к Н.Н. Гончаровой в апреле 1829 года А.С. Пушкин пишет стихотворение, которое сам назвал «Элегическим отрывком»:

Поедем, я готов; куда бы вы, друзья,
Куда б ни вздумали, готов за вами я
Повсюду следовать, надменной убегая:
К подножию ль стены далекого Китая,
В кипящий ли Париж, туда ли наконец,
Где Тасса не поет уже ночной гребец,
Где древних городов под пеплом дремлют мощи,
Где кипарисные благоухают рощи,
Повсюду я готов. Поедем… но, друзья,
Скажите: в странствиях умрет ли страсть моя?

Забуду ль гордую, мучительную деву,
Или к ее ногам, ее младому гневу,
Как дань привычную, любовь я принесу?
…………………………
[8, т. 3, кн. 1, с. 191]

Китаем увлекся и А.С. Пушкин. А.С. Пушкин высоко оценивал труды архимандрита Н.Я. Бичурина. В последнем номере дельвиговского альманаха «Северные цветы» за 1832 год, которым руководил А.С. Пушкин с целью почтить память друга – бар. А.А. Дельвига, он разместил материалы по Китаю: статья Н.Я. Бичурина «Байкал» и отрывок из романа «История китайской четы», ставший первым в России переводом китайской прозы. «История китайской четы» Минцзяо Чжунженя – китайский роман XVII века (1683), первым получивший известность в Европе. В 1830 году наметилась очередная экспедиция в Восточную Сибирь под руководством бар. П.И Шиллинга к русско-китайской границе, и Н.Я. Бичурин был включен в качестве научного эксперта. В эту экспедицию пытался попасть и А.С. Пушкин. В письме к гр. А.Х. Бенкендорфу от 7 января 1830 года А.С. Пушкин сообщал: «Так как я еще не женат и не нахожусь на государственной службе, я бы хотел совершить путешествие либо во Францию, либо в Италию. Если это не будет мне разрешено, я просил бы о позволении посетить Китай с посольством, которое туда отправляется» [8, т. 14, с. 56]. Однако А.С. Пушкину было отказано. В этой экспедиции был приятель А.С. Пушкина поэт П.Д. Соломирский.

Широко известны стихотворения А.С. Пушкина, навеянные китайской темой: (1829), «Клеветникам России» (1831), «Осень» (1833) и др. Уже в раннем лицейском стихотворении 1813 года «К Наталье» поэт упоминает о Китае, когда свои достоинства противопоставляет характерным чертам, присущим другим национальным культурам: «Не владетель я Сераля, / Не арап, не турок я. / За учтивого китайца, / Грубого американца, / Почитать меня нельзя…» [8, т. 1, с. 7]. Упоминание о Китае («китайском соловье») встречается на страницах поэмы, задуманной еще «скамьях Лицея» «Руслане и Людмиле» (1820). Эти упоминания имеют реалистическую основу: в царскосельских садах был сооружен целый «китайский ансамбль»: китайский театр, «скрипучая беседка», «китайская деревня» и др. Чжан Цихуэй выделяет несколько факторов, повлиявших на развитие китайской темы в творчестве А.С. Пушкина: лицейс-

кие сады с элементами китайского антуража, пребывание на юге России вблизи с цивилизацией Востока, общение с архимандритом Иакинфом и чтение «китайской драмы» Вольтера. [10]. А.С. Пушкину так не пришлось побывать в Китае. Чжан Цихуэй приходит к интересному заключению – о А.С. Пушкине в китайской культуре: «Через сто лет Китай ответил пробудившимся интересом к его творчеству. Китай открывал для себя Пушкина, открывал Россию, русскую душу, русскую культуру. Поэт оказал влияние на китайскую культуру и стал одним из самых популярных и известных поэтов в Китае. И хотя Китай был для Пушкина неосуществленной мечтой, сам Пушкин стал для Китая старинным другом [10, с. 202].

Начало XIX века ознаменовалось освобождением от европейского влияния на русскую культуру, русская литература от подражательности устремилось к самобытности. Именно в это время Россия открывает для себя Восток, как мир, чуждый европейского поклонения. И Китай сыграл свою роль в охлаждении россиян к прежним западным кумирам. А.С. Пушкин подогревает интерес к художественному осмыслению Китая, он «выступает против «влияния чужеземного идеологизма» и напряженно размышляет о путях русского просвещения» [11, с. 125].

Дальнейшее отражение Китая в русской литературе будет связано с именами А.И. Герцена, Н.А. Некрасова, И.В. Киреевского, Г.П. Данилевского, В.С. Соловьева и др. [4, 10].

Литература

1. *Алексеев М.П.* Пушкин и Китай // Пушкин и Сибирь. Иркутск, 1937. С. 108-145.
2. *Грибоедов А.С.* Горе от ума. Комедия в четырех действиях в стихах / Послесл. и комм. В. Орлова. Л.: Детская литература, 1975. -176 с.
3. *Крылов И.А.* Три мужика / Крылов И.А. Полн. собр. соч. М.: Художественная лит., 1945-1946. Т. 3. С. 193-194.
4. *Лукин А.В.* Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII-XXI веках. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 598 с.
5. Описание Пекина, С приложением плана сей столицы, снятого в 1817 году. Переведено с китайского монахом Иакинфом. СПб., в тип. А. Смирдина, 1829.

6. *Похлёбкин В.В.* Чай. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007.
7. Путешествие чрез Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году // Записки русского географического общества по отделению этнографии. СПб., 1882. Вып. 1. Т. X.
8. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1959.
9. *Пчелинцева К.Ф.* Образ Китая в русской литературе и общественной мысли XIX-XX вв.: спецкурс для иностр. Волгоград: ВГПУ, 2005.
10. *Чжан Цихуэй.* Образ Китая в поэзии А.С. Пушкина / Китай: История и современность. Материалы IX Международной научно-практической конференции 22-23 октября 2015 года. Отв. ред. С.В. Смирнов. Екатеринбург: Изд-во УФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцына, 2015. С. 198-202.
11. *Шмелева А.В.* Национальные истоки духовно-нравственного идеала А.С. Пушкина: К вопросу о воспитательном значении русской словесности // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология, 2010. №4. С. 125-130.

А.А. Бакирова
зам. директора Центра РКИ
Институт иностранных языков
Санкт-Петербург (Россия)
E-mail: aigulbakirova@inbox.ru

Антропоморфные признаки в структурах концептов *звезда* и *star*

Аннотация. В статье рассматриваются антропоморфные признаки концептов *звезда* и *star* и способы их реализации в русском и английском языках. Выявление и описание антропоморфных признаков является одной из сторон концептуального анализа, основная цель которого – воссоздание структуры концепта.

Ключевые слова: концепт, структура концепта, когнитивная лингвистика, концептуальная метафора, когнитивная модель, лингвокультура, антропоморфный признак.

Aigul A. Bakirova
Deputy Director of the Centre of RKI
Institute of Foreign Languages
Saint Petersburg (Russia)
E-mail: aigulbakirova@inbox.ru

Anthropomorphic features in the structure of concepts *звезда* and *star*

Abstract. The article presents the anthropomorphic features of the ‘звезда’ and ‘star’ concepts and methods for their implementation in Russian and English. Identification and description of anthropomorphic features is one of the sides of conceptual analysis, which aims at the reconstruction of the structure of a concept under study.

Keywords: concept, the structure of the concept, cognitive linguistics, conceptual metaphor, a cognitive model, linguistic culture, an anthropomorphous feature.

Основным понятием когнитивной лингвистики является концепт. Концепт – единица сознания, в которой заключается информация о национальном, индивидуальном опыте, о явлениях окружающей действитель-

ности, своего рода «фрагменты опыта» [2, с. 8]. Национальный характер всякой культуры выражен в языке посредством особого мировидения. Согласно одному из подходов в когнитивной лингвистике, язык является отражением культуры как неотъемлемого компонента действительности. Язык, по мнению Лео Вейсгербера, является "промежуточным миром" между реальностью и мышлением. Человек познаёт не объективную действительность, существующую вне его и независимо от него, а тот язык, которым владеет. "Промежуточный мир языка" национально своеобразен. Характер и развитие мышления определяется его имманентным развитием, поэтому любое мышление имеет чисто национальные черты [1]. Такой подход делает возможным анализировать концепты «в их связи с национальными ценностями и национальными особенностями» [5, с. 12].

Цель данной статьи – выявление и анализ антропоморфных признаков концептов *звезда* и *star*, выраженных посредством концептуальной метафоры, так как метафора – это явление, которое «проникает в повседневную жизнь, причем не только в язык, но и в мышление и действие» [3, с. 387–415]. Так, метафора связывает между собой язык, мышление и культуру, позволяя выявить особенности культуры и мышления носителей русского и английского языков.

Антропоморфизм заключается в наделении человеческими качествами животных, предметов и природных явлений: способностью чувствовать, испытывать определенные эмоции, думать, совершать осмысленные человеческие действия. М.В. Пименова считает, что «языку присущ принцип антропоцентричности; язык предназначен для человека, и вся категоризация внешнего мира ориентирована на человека» [4, с. 33]

В ходе анализа фактического материала, собранного из Русского и Британского национальных корпусов, а также произведений русских и английских писателей, обнаружено множество общих антропоморфных признаков в структурах исследуемых концептов, наполняющих эмоциональную и социальную когнитивные модели.

Подгруппа эмоциональных признаков исследуемых концептов является достаточно обширной и разнообразной. Многоаспектность сложного мира чувств и эмоций, позволяет нам выделить следующие группы: 1) положительные эмоции 2) отрицательные эмоции 3) нейтральные эмоции.

Звезда и *star* концептуализируются признаками: "веселье" (*Я шел, одураченный тишиной, темным простодушным небом, в котором позва-*

нивали незнакомые мне ***веселые звезды***. И.М. Меттер. Пятый угол; *Balmy sleep seals the eyes of many tired wayfarers, as you see in the case of the Russian nobleman asleep among the portmanteaus; …and, as the smoke of his cigar rises calmly upwards to the deep sky and* ***the cheerful twinkling stars****, he feels himself exquisitely happy, and thinks of thee, my Juliana!* Thackeray. Little Travels and Roadside Sketches), “удивление” (*Their top-heavy dignity is more touching than any humility; their solemnity gives us more hope for all things than a thousand carnivals of optimism; their large and lustrous eyes seem to hold all* ***the stars in their astonishment****; their fascinating absence of nose seems to give to us the most perfect hint of the humour that awaits us in the kingdom of heaven.* Chesterton. The Defendant), “ласка” (***А звезды и звездочки****, сверкающие словно бы брильянты, засыпавшие бархатистое темное небо, трепетно и* ***ласково мигали*** *сверху*. К. Станюкович. Севастопольский мальчик), “нежность” (*А там, на севере, олени Бегут по лунному следу, И небо* ***нежную звезду*** *Качает у себя в коленях*. В. Пришвина. Невидимый град; *the Happieſt of their Kind! Whom* **gentler Stars** *unite, and in one Fate Their Hearts, their Fortunes, and their Beings blend.* Thomson. Spring), “счастье” (*To-night they seemed fixed with unusual firmness in the blue, and flashed back such a ripple of light into her eyes that she found herself thinking that to-night* ***the stars were happy.*** Woolf. Night and Day), “любовь” (*Ведь уж так сотворено все: солнышко любит землю, земля любит месяц, месяц* ***влюблен в утреннюю звезду****,* ***а звезда эта в зарю*** *– вот они один за другим и бегают…* Полевой. Клятва при гробе Господнем), “страсть” (*Как бы дел твоих презренных День ни гол, -- в ночи ты -- шах!* ***Звезды страсть свела -- на землю****! Картою созвездий -- прах.* М. Цветаева. Стихотворения), “торжественность” (*Темное небо было* ***в торжественных зимних звездах****, воздух упоительно свеж и чист*. Г. Иванов. Чекист-пушкинист; All *heaven looked down upon us through* ***the solemn stars***. Dickens. The Haunted House).

Концепты *звезда* и *star* описываются через признак „смех‟ (***И все звёзды на небе тихо рассмеялись*** *вместе с ним.* С.Козлов. Правда, мы будем всегда?; *The fir trees were dark and alien.* ***The stars were laughing*** *at her*. Montgomery. Anne of Ingleside), “улыбка” (*И, торжествуя над усмирившимся бунтом,* ***звезды вверху улыбнулись звездам внизу****, как древние авгуры, храня про себя свою тайну*. Форш. Одеты камнем; *There was no trembling and uncertainty, no rage of possession in that brilliant smile; it had the gleam of fixedness, like* ***the smiling of a star***. Galsworthy. The Island Pharisees).

Среди общих негативных эмоциональных признаков: “угрюмость” (*Вот моя песня – тебе, Коломбина, – Это* ***угрюмых созвездий*** *печать – Только в наряде шута-Арлекина Песни такие умею слагать.* А. Блок. Стихотворения. Книга первая; *Look down upon your taper, through a watch Of midnight hours, unseasonably twinkling In this deep Hollow, like* ***a sullen star*** *Dimly reflected in a lonely pool*. Wordsworth. The Excursion), “грусть/печаль” (*Я тоже вас забуду навсегда, Но будет мне навеки откровеньем, Таинственным и трепетным виденьем Над тихим лесом* ***грустная звезда***. Б.Левин. Инородное тело; *Он упал бы сейчас на колени, на грязный, крошащийся бетон, вскинул руки – к сумрачному, ночному небу, к небу, где даже* ***звезды горели тихо и печально***. С.Лукьяненко. Ночной дозор; *Over the whole landscape lay a luminous and unnatural discoloration, as of that disastrous twilight which Milton spoke of as shed by the sun in eclipse; so that Syme fell easily into his first thought, that he was actually on some other and emptier planet, which circled round some* ***sadder star***. Chesterton The Man who was Thursday a Nightmare), “злость” (*А раньше были добрые и* ***злые звезды****: добрые – звезды Кастора и Поллукса (Полидевка) – по имени легендарных близнецов Диоскуров, и* ***зловещая*** *звезда святой Елены*. В.Карцев. Приключения великих уравнений; *Drink, for you know not when you go nor where. Drink, because* ***the stars are cruel*** *and the world as idle as a humming-top. Drink, because there is nothing worth trusting, nothing worth fighting for.* Chesterton. Heretics), “зависть” (*Пусть* ***звезды, что с завистью смотрят*** *на твою красоту с далекого, темного неба;...пусть волны священной реки, что с тихим, восторженным шепотом несут морю рассказ о твоей красоте, о богиня, царица моя!* В.Дорошевич. Сказки и легенды*; He stood up in his armour and flashed his sword towards* ***the envying stars***. Middleton The Ghost Ship), “мука” (*«И Тамплинсон взглянул назад и увидал в ночи* ***звезды замученной*** *в аду кровавые лучи»*. Е. Парнов. Гимн морским ежам; *And Tomlinson looked down and down, and saw beneath his feet The frontlet of* ***a tortured star*** *milk-white in Hell–Mouth heat.* Departmental Ditties and other verses my Star).

Специфичными для концепта *звезда* являются такие эмоциональные признаки, как: “мрачность” (*Вдали над черным Сокольничьим бором появилась тускловатая* ***мрачная звезда***. А. Толстой. Петр Первый), “тревога” (*Близко стала к земле бледная полоса зари, а в черных силуэтах домов, среди слившихся в одну черную массу деревьев* ***тревожными звездами*** *засветились огни.* М.Арцыбашев. У последней черты), “испуг” (*И ужаснулся Брама, когда увидел при дрожащем* ***испуганном мерца-***

нии звезд *выползавших из земли с могильным ревом толпы париев*. В. Дорошевич. Сказки и легенды), “грозность” *(И долгие ночи проходили в завываниях мятелей или **грозном блистании звезд** на небе, чуть не трескавшемся от морозу.* Б.Зайцев. Аграфена), “свирепость” (*Тобой восшел наш луч полдневный На мрачный прежде горизонт, Тобой разрушен облак гневный**, Свирепы звезды** пали в понт*. А. Сумароков. Стихотворения), “беспокойство” (***В блеске звёзд*** *небесных всегда есть что-то **беспокойное***… М. Горький. Трое).

Концепт *star* характеризуется признаками: “скорбь” (*Many a lonely moon was bright upon the battle-ground, and many a star kept mournful watch upon it, and many a wind from every quarter of the earth blew over it, before the traces of the fight were worn away.* Dickens. The Battle of Life a Love Story), “ужас” (*And the time will come when you will all hide in them, to escape **the horror of the stars**.* Chesterton The Ball and The Cross), “сомнение” (*A dancing sparkle, **a doubtful star**, On the waste wind whirled and driven; But it seems to sing of a wilder worth, A time discrowned of doom and birth, And the kingdom of the poor on earth Come, as it is in heaven*. Chesterton. The Ballad of the White Horse), “презрение” (*Panic that shells the drifting spar —Loud waste with none to check – Mad fear that rakes **a scornful star** or sweeps a consort's deck.* The Five Nations the Destroyers).

Общими признаками для сравниваемых концептов в группе нейтральных эмоций выступают: “спокойствие/безмятежность” (*Огромные **звезды спокойно светились**, и привычные очертания созвездий радовали своей неизменностью.* Ефремов. Тень минувшего; *In the round dew-pond the **stars were untroubled**. She ventured softly into the water, grasping at the stars with her hands*. Lawrence. The Rainbow).

Звезда для носителей русской культуры может быть “равнодушной” (*На улицах сновала толпа; присев, выли собаки; где-то пьяный стрелял в луну, надеясь простым убийством девственницы вернуть дню блеск; в небе же среди **равнодушно блестящих звёзд** сиял слабый кольцеобразный свет вокруг чёрного, зловещего ядра, которое, казалось, и есть само потухшее солнце*. А. Грин. Ива), “бесстрастной” (*Но безмолвия горных вершин и **бесстрастия звезд** – не смущают тяжелые вздохи людей*. М. Горький. Дачники).

Социальная когнитивная модель проявляется в приписывании изучаемым концептам социальных ролей, статусов, профессий и т.д. В данной работе мы выделяем признаки, выражающие: 1. Социальный статус, 2. Межличностные отношения.

Звезда и *star* в сравниваемых концептуальных системах описываются через признаки “правителя” («*Подлейший раб солнца, луны и **двенадцати звезд, управляющих судьбами**, Шабахубосаар сын Бакубарооса, сына Махубелехова, всем читающим это желаем здравия и благополучия*. О.Сенковский. Ученое путешествие на Медвежий Остров; … *I will teach others how to look for them in their own souls—I will find whence arrises this unquenshable love of beauty I possess that seems **the ruling star of my life** – I will learn how I may direct it aright and by what loving I may become more like that beauty which I adore…* Shelley. Mathilda), “бедняка” (*Как началось – так и пошло: звезда его была неясной, тусклой **бедняцкой звездой.*** А. Волос. Недвижимость*; The very stars to which I then raised my eyes, I am afraid I took to be **but poor and humble** stars for glittering on the rustic objects among which I had passed my life*. Dickens. Great Expectations), “воина” (***Звезд и созвездий легионы**, Как отблеск божьего лица, Сияли в выспреннем эфире.* Н. Некрасов. Незабвенный вечер; *O struggling with the darkness all the night, And visited all night by **troops of stars**, Or when they climb the sky or when they sink:* Coleridge. The Complete Poetical Works), “свидетеля” (*Молчаливые **звезды были свидетелями** сладких восхищений любовников.* Г. Каменев. Инна; *But success shall crown my endeavours. Wherefore not? Thus far I have gone, tracing a secure way over the pathless seas: the very **stars themselves being witnesses and testimonies of my triumph***. Shelley. Frankenstein, or, the Modern Prometheus), “помощника” (*Луна и **звезды помогают нам**. И ночи тьма скроет нас, Мой друг, спеши сюда*. Д. Марголин. Спутник меломана; *Wonderful, isn’t it? Everything is in the Stars. In the Old Days, before I had **the Stars to help me**, I used to lose thousands.* Huxley. Crome Yellow), “покровителя” (*У меня есть вера, быть может, и странная для другого: что эта звезда – моя **звезда-покровительница***. Б. Зайцев. Голубая звезда; *The streets that were wont to be so still, so hushed with the cool and tranquil veils of darkness, asleep **beneath the patronage of the evening star**, now danced with glimmering lanterns, resounded with the cries of those who hurried forth, drawn as by a magistral spell*. Machen. The House of Souls), “сторожа” (*Побледневшие **звезды, сторожащие** нас, задремали на небе*. И. Бабель. Шабос-Нахаму; *Here he was, adrift in this great river of suns, halfway between the banked fires of the galactic core and the lonely, scattered **sentinel stars** of the rim*. Clark. A Space Odyssey)

В русской языковой картине мира употребительной выступает когнитивная модель звезда-“собеседник” (*Следя полночные наезды*

Бдил добровольческий табун, пока беседовали звезды С Единодержицею струн. М. Цветаева. Стихотворения 1906 – 1941), “член общества” (*С чем только не сравнимо небо в такую ночь! Крупные звезды – как званый вечер. Млечный Путь* ***– как большое общество***. Б. Пастернак. Охранная грамота), “певец в хоре” (*Торжественно звучит на небе* ***звездный хор***. *Меня клянут людские поколенья. Я для Тебя в горах зажег костер, Но Ты – виденье. Ищу спасенья.* А. Блок. Стихотворения), “кочевник” (*Мы не раз открывали шелковистые томы И читали спокойно и шептали: не тот! Но тогда нам сверкнули все слова, все истомы, Как* ***кочевницы звезды****, что восходят раз в год*. Н. Гумилев. Однажды вечером).

Общими признаками в сравниваемых концептуальных системах выступают социальный признак “сестра” (*Я знаю, что деревьям, а не нам, Дано величье совершенной жизни, На ласковой земле****, сестре звездам****, Мы – на чужбине, а они – в отчизне.* Н. Гумилев. Деревья; *Earth! thou mother of numberless children, the nurse and the mother,* ***Sister thou of the stars****, and beloved by the Sun, the rejoicer!* Coleridge. The Complete Poetical Works).

Специфичным признаком звезды является признак “подруга”, (*Они поднимут к себе, как подружку звезду, твою вольную душу.* В. Каменский. Землянка). Социальные признаки “сестра” и “подруга” определяют гендерную принадлежность *звезды* и *star*.

Среди признаков, выражающих межличностные отношения, релевантными для исследуемых концептов являются признаки “дружба” (*Глядя на эти* ***дружно мерцавшие звезды****, Васька вспомнил, как уверенно говорил отец о том, что жизнь будет хорошая*. А. Гайдар. Дальние страны; *They had lived and died quickly, helping to make others live. The sacred swing and circle of it went on forever, full and harmonious under the lighted sky, under* ***the friendly stars.*** Galsworthy. The Freelands) и “одиночество” (*Вечером потухала каменная пасть, в окне кухни над белой половинной занавесочкой стояла густая и важная пречистенская ночь* ***с одинокой звездой***. М. Булгаков. Собачье сердце; *Giants that tread down forests like grass are the creations of humility. Towers that vanish upwards above* ***the loneliest star*** *are the creations of humility.* Chesterton Orthodoxy).

Таким образом, в ходе анализа отобранного материала выявлены общие эмоциональные признаки: 9 положительных (все совпадают), 4 отрицательных и 2 нейтральных. Нужно отметить, что отрицательные эмоции также широко представлены, но только они специфичны для каждого концепта, у *звезды* – 5, у *star* – 4.

Среди статусно-ролевых признаков найдено 7 общих и 2 специфичных для русского концепта *звезда*. Наличие общих антропоморфных признаков свидетельствуют об одинаковом восприятии данных концептов двумя разными культурами. Специфические признаки концептов отображают особенности сравниваемых лингвокультур.

Литература

1. *Вейсгербер Л.Й.* Родной язык и формирование духа. М.: Едиториал УРСС, 2004. 232 с.
2. *Карасик В.И.* Иная ментальность. М.: Гнозис, 2005. 352 с.
3. *Лакофф Дж.* Метафоры, которыми мы живем. Теория метафоры / Дж. Лакофф, М. Джонсон. М., 1990. С. 387–415.
4. *Пименова М.В.* Антропоморфная парадигма признаков в структуре концепта *ум* // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2004. № 2. С. 32–35.
5. *Попова З.Д.* Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. М.: АСТ, Восток-Запад, 2007.

В.Д. Шевелев
студент Московского государственного
института культуры
Москва (Россия)
E-mail: Vova.shevelev.2000@mail.ru

Война и Мир в произведениях Э.М. Ремарка

Аннотация. В данной статье рассматриваются основные темы произведений Эриха Марии Ремарка. А конкретнее, темы Войны во время мира и Мира во время войны. Эти темы актуальны всегда, и в наше время в том числе. Эта тема рассматривается в произведениях «На западном фронте без перемен» и «Жизнь в займы», а также в научных статьях.

Ключевые слова: война, мир, Э.М. Ремарк, жизнь, смерть, любовь, дружба, борьба.

Vladimir D. Shevelyov
student of Moscow State Institute of Culture
Moscow (Russia)
E-mail: Vova.shevelev.2000@mail.ru

War and Peace in literature of E.M. Remarque

Abstract. In this article, investigate the issue of the main themes of the literary works of E.M. Remarque. More precisely, there are themes of War during Peace and Peace during War. These themes are actual ever and today too. These subjects are considered in such literature as «Nothing new on the West Front» and «Loaned life», and in some scientist's articles.

Keywords: war, peace, E.M. Remarque, live, death, love, friendship, fight.

Когда мы говорим о произведениях великого Эриха Марии Ремарка, следует вспомнить и выделить некоторые моменты истории этого писателя. Сама фамилия Remarque- французская. Она досталась писателю от своего прадеда, который был французского происхождения. Изначально он был Эрихом Паулем Ремарком, однако после смерти матери Анны-Марии Ремарк он сменил «Пауль» на «Мария» в дань уважения к той женщине, которая подарила ему столько доброты и нежности.

Смена второго имени также связана с тем, что Ремарк стыдился своего происхождения и принадлежности к немецкой нации. Милитаристическая политика. проводимая Германией на протяжения половины XX века его абсолютно не прельщала. Он даже пошёл в духовную семинарию, чтобы учить детей. Однако, из-за Первой мировой войны он был вынужден пойти в армию. Кстати говоря, он был там с 1916 года по 1919. Эрих не был на передовой, но именно война и служба в армии оставили в его душе неизгладимый след в его жизни и душе, а также 3 ранения. Война коренным образом повлияла на его литературные произведения. Ведь все его книги насквозь пропитаны духом войны, с её ужасами, страхами и, разумеется, смертью. Во время Второй Мировой войны, Ремарк был сначала в Швейцарии, а потом и в США, однако последствия этой разрушительной и ужасающей трагедии XX столетия он видел и очень подробно и живо описал жизнь людей в разрухе и во время войны в своих произведениях.

Итак, тема моей статьи «Война и Мир в произведениях Эриха Марии Ремарка». Однако, в его произведениях стоит в первую очередь рассматривать тему «Мир во время Войны и Война во время Мира». Это, пожалуй, наиболее точное описание того, о чём мы будем говорить в ближайшие несколько минут. Итак, хочется начать с одного из самых знаменитых и успешных произведений Ремарка «На западном фронте без перемен». В первую очередь, стоит отметить то, что всё произведение написано от 1-го лица, и, только концовка от 3-го. Таким образом, складывается впечатление, что Ремарк был хорошо знаком с главным героем, и, более того, служил вместе с ним. Этот роман, как и все остальные произведения Эриха, очень точно описывает окружающую среду и все события, которые происходят вокруг героев. «Мы стоим в девяти километрах от передовой. Вчера нас сменили; сейчас наши желудки набиты фасолью с мясом, и все мы ходим сытые и довольные. Даже на ужин каждому досталось по полному котелку; сверх того мы получаем двойную порцию хлеба и колбасы, – словом, живем неплохо. Такого с нами давненько уже не случалось: наш кухонный бог со своей багровой, как помидор, лысиной сам предлагает нам поесть еще; он машет черпаком, зазывая проходящих, и отваливает им здоровенные порции. Он все никак не опорожнит свой «пищемет», и это приводит его в отчаяние. Тьяден и Мюллер раздобыли откуда-то несколько тазов и наполнили их до краев – про запас. Тьяден сделал это из обжорства, Мюллер – из осторожности. Куда девается все, что съедает Тьяден, – для всех нас загадка. Он все равно

остается тощим, как селедка.» В данном отрывке заметно, что деталям уделяется очень солидное внимание. По своей сути, если брать роман, как художественное произведение, это описание не имеет никакого важного значения. Но здесь стоит отметить, что, как уже было сказано выше, «На западном фронте без перемен» не простое художественное произведение, а практически автобиография, по своей структуре и вниманию к деталям. То есть, данное произведение Ремарка стоит открыто называть автобиографическим романом. И это весьма важно в нашей теме. Важно это в большей части потому, что такие чувства, как любовь, лучше всего передаются «на живую», в каких-то параллельных событиям дневниках и прочему. Но к этому мы ещё вернёмся. А пока продолжим разбор «На западном фронте без перемен». Несмотря на то, что вокруг идёт Первая Мировая война и всё произведение пропитано смертью, отношение к ней в различных отрывках и у разных персонажей разное. В самом начале произведения говорится, что в боях полегла добрая половина роты, однако отношение к этому событию абсолютно прохладное. Это принимается как факт и всё тут. Такое поведение можно объяснить тем, что война убивает всё живое в людях. Они становятся более чёрствыми, прагматичными, но, в тоже самое время живыми. Человек на войне учится ценить каждое прожитое мгновение. Каждую секунду, поскольку они могут погибнуть в любой момент и не успеть сделать что-то важное, что может иметь ту или иную ценность для каждого отдельно взятого человека. «От бараков к нам долетают звуки гармоники. Порой мы кладем карты и смотрим друг на друга. Тогда кто-нибудь говорит: «Эх, ребята…» или: «А ведь еще немного, и нам всем была бы крышка…» – и мы на минуту умолкаем. Мы отдаемся властному, загнанному внутрь чувству, каждый из нас ощущает его присутствие, слова тут не нужны. Как легко могло бы случиться, что сегодня нам уже не пришлось бы сидеть в этих кабинах, – ведь мы, черт побери, были на волосок от этого. И поэтому все вокруг воспринимается так остро и заново – алые маки и сытная еда, сигареты и летний ветерок.» Возвращаясь к нашей теме, стоит отметить, что данный отрывок является ярчайшим примером Мира во время Войны. Ведь, как уже было сказано, и более того, как указывается в отрывке, мироощущение и чувство ценности мелочей в мире и жизни в целом, во время войны возрастает многократно. Люди, которые на пороге смерти, начинают ценить каждое мгновение, каждый момент, проведённый с близкими или просто в покое. Также в произведении главный герой почти не смотрит на своих сослуживцев как на солдат, но как на друзей. Они постоянно

проводят время вместе и пытаются жить той самой, спокойной, мирной жизнью. Также в произведении смерть представлена как-то не так, как мы привыкли видеть. Автор и его герои продолжают надеяться на лучшее, хотя кажется, что ситуация проигрышная.«Я не могу смотреть на его руки, – они словно из воска. Под ногтями засела окопная грязь, у нее какой-то ядовитый иссиня-черный цвет. Мне вдруг приходит в голову, что эти ногти не перестанут расти и после того, как Кеммерих умрет, они будут расти еще долго-долго, как белые призрачные грибы в погребе.» Герой понимает, что его друг умрёт, и автор пытается отвлечь нас от этой мысли какими-то философскими размышлениями. Тем самым показывает, что да, смерть вокруг героев, но надо продолжать жить дальше. Надо пользоваться тем временем, которое отведено каждому из нас, и неважно сколько и кому. Мы идем в наши бараки. Я думаю о письме, которое мне надо будет завтра написать матери Кеммериха. Меня знобит, я с удовольствием выпил бы сейчас водки. Мюллер срывает травинки и жует их. Вдруг коротышка Кропп бросает свою сигарету, с остервенением топчет ее ногами, оглядывается с каким-то опустошенным, безумным выражением на лице и бормочет: –Дерьмо, дерьмо, все вокруг дерьмо проклятое!» Ремарк очень точно передаёт те чувства и эмоции, которые испытывают герои. И такое описание показывает, какова жизнь во время войны. Тот самый мир, который пропитан войной и смертью.

В книге значительное время уделяется на описание быта солдат. Описывается всё. Будь то игра в карты, или же добыча гусей Катчинским, ну и наконец просто разговоры. Герои, как, впрочем, и все остальные люди, на войне становятся более меркантильными и чёрствыми. В тоже самое время, как бы это парадоксальное не звучало, солдаты становятся более восприимчивыми и чувствительными. Как уже было сказано, они ценят каждое мгновение, каждую секунду…каждую вещь. «Если Мюллеру очень хочется получить ботинки Кеммериха, то это вовсе не значит, что он проявляет к нему меньше участия, чем человек, который в своей скорби не решился бы и подумать об этом. Для него это просто разные вещи. Если бы ботинки могли еще принести Кеммериху хоть какую-нибудь пользу, Мюллер предпочел бы ходить босиком по колючей проволоке, чем размышлять о том, как их заполучить. Но сейчас ботинки представляют собой нечто совершенно не относящееся к состоянию Кеммериха, а в то же время Мюллеру они бы очень пригодились. Кеммерих умрет, – так не все ли равно, кому они достанутся? И почему бы Мюллеру не охотиться за ними, ведь у него на них больше прав,

чем у какого-нибудь санитара! Когда Кеммерих умрет, будет поздно. Вот почему Мюллер уже сейчас присматривает за ними. Мы разучились рассуждать иначе, ибо все другие рассуждения искусственны. Мы придаем значение только фактам, только они для нас важны. А хорошие ботинки не так-то просто найти.» В данном отрывке ключевым предметом являются сапоги, которые Мюллер хочет получить после смерти Кеммериха и это прекрасно подтверждает сказанное ранее, о том, что люди на войне становятся более меркантильными и чёрствыми. Но именно за этой чёрствостью скрывается и проявляется великая одухотворённость и, в какой-то степени нежность людей. Их чувства и их амбиции, которые они стараются реализовать и насладиться ими, пока они живы, потому что именно в таком состоянии человек чувствует себя наиболее живым.

Также в произведении Ремарк показывает то, насколько страшна война. Какие чувства испытывает герой, осознавая, что вот она смерть, вокруг него и она почти касается его плеча. «В эти первые минуты решается вопрос жизни и смерти: герметична ли маска? Я помню страшные картины в лазарете: отравленные газом, которые еще несколько долгих дней умирают от удушья и рвоты, по кусочкам отхаркивая перегоревшие легкие.» В этом отрывке показывается одно из самых страшных во время Первой Мировой войны. А именно атака газовым оружием. В такие моменты, человек цепляется за жизнь всеми силами. Потому что хочется умереть не такой страшной смертью, а более лёгкой, безболезненной. «Лежащий на земле солдат – один из новобранцев. Его бедро перепачкано кровью; он так обессилел, что я достаю свою фляжку, в которой у меня осталось немного рому с чаем. Кат отводит мою руку и нагибается к нему. –Куда тебя угораздило, браток? Он только водит глазами; он слишком слаб, чтобы говорить. Мы осторожно разрезаем штанину. Он стонет. –Спокойно, спокойно, сейчас тебе будет легче.Если у него ранение в живот, ему ничего нельзя пить. Его не стошнило, – это хороший признак. Мы обнажаем ему бедро. Это сплошная кровавая каша с осколками кости. Задет сустав. Этот мальчик никогда больше не сможет ходить.» В данном отрывке также показывается весь ужас войны и ранений. Люди моего поколения, которые прочитали подобные произведения, гораздо лучше начали понимать, почему наши отцы и деды, порой со слезами на глазах, говорили и говорят «Лишь бы не война» Ведь это страшно. Нет, страшно не умирать, но вернуться калекой, заклеймив себя и свою семью на то, что вы теперь обуза и не полноценный человек. И даже после всех этих ужасов, которые описывает автор, всё вновь возвращается в стезю

покоя и мира. Как будто нет никакой войны и всё снова нормально и обыденно. «Хлопотно убивать каждую вошь в отдельности, если их у тебя сотни. Эти твари не такие уж мягкие, и давить их ногтем в конце концов надоедает. Поэтому Тьяден взял крышечку от коробки с ваксой и приладил ее с помощью кусочка проволоки над горящим огарком свечи. Стоит только бросить вошь на эту маленькую сковородку, как сразу же раздается легкий треск и насекомому приходит конец.» Ситуация с вошью описана очень обыденно, даже как-то по-детски, будто это не солдаты, а школьники где-нибудь в провинциальном городке. Люди умудряются находить какую-то забаву и умиротворение даже в таких мелочах, как убийство вшей.

В завершении рассмотрения первой части этой темы, просто необходимо акцентировать на концовке произведения. Одним из самых сильных доказательств того, что у всякого солдата есть чувства является момент смерти последнего и лучшего друга главного героя, которого он тащил на ебе к санитарам. « Я не заметил, что, пока мы шли, Кату угодил в голову осколок. Дырка маленькая, должно быть осколок был совсем маленький, залетевший откуда-нибудь издалека. Но этого оказалось достаточно. Кат умер. Я медленно встаю. –Ты возьмешь его солдатскую книжку и вещи? – спрашивает меня санитар. Я киваю головой, и он передает мне и то, и другое. Санитар удивлен: –Ведь вы не родственники? Нет, мы не родственники. Нет, мы не родственники.Что это, неужели я иду? Неужели у меня еще есть ноги? Я поднимаю глаза, я обвожу ими все вокруг и сам поворачиваюсь вслед за ними, по кругу, по кругу, пока не останавливаюсь. Все осталось как было. Только рядового Станислава Катчинского уже нет в живых. Больше я ничего не помню». Пожалуй, самым показательным с ильным с точки зрения композиции здесь является повтор фразы «Нет, мы не родственники». С одной стороны, можно подумать, что автор сделал повтор для того, чтобы показать усталость и отречённость героя. Эта фраза сказана как бы на автомате. С другой же стороны, в эту фразу вложено гораздо больше, чем кажется. Действительно, герой признаёт, что они не родственники, однако он это говорит не санитару, а самому себе, убеждая себя в этом. Ведь они были больше чем родственники. Они были братьями по духу, борцами со смертью и катастрофе, имя которому война. Она объединила их, сделала родными духовно, и она же и убила. Пауль переживает смерть Катчинского, как потерю самого близкого человека на земле. Того, кто жил рядом и помогал все эти годы. Невозможно передать все эти чувства, это заведомо

гиблая затея. И автору об этом известно, ведь у него умер брат в детстве, которого он любил. Поэтому Ремарк и не пытается этого сделать, но вкладывает всю ту боль и ту скорбь, которую испытывает Пауль в эту простую фразу «Нет, мы не родственники»

У книги «На западном фронте без перемен» невероятно сильная концовка. Вся эта книга показывает жизнь и смерть человека, не только физическую, но и внутреннюю такой, какая она есть. И после всего, что случилось с Паулем, его должна была настигнуть смерть, ведь внутри он уже умер…« Осень. Нас, старичков, осталось уже немного. Из моих одноклассников, – а их было семеро, – я здесь последний…Деревья здесь сверкают всеми красками и отливают золотом, в листве рдеют алые кисти рябины, белые проселки бегут к горизонту, а в солдатских столовых шумно, как в улье, от разговоров о мире. Я встаю. Я очень спокоен. Пусть приходят месяцы и годы, – они уже ничего у меня не отнимут, они уже ничего не смогут у меня отнять. Я так одинок и так разучился ожидать чего-либо от жизни, что могу без боязни смотреть им навстречу. Жизнь, пронесшая меня сквозь эти годы, еще живет в моих руках и глазах. Я не знаю, преодолел ли я то, что мне довелось пережить. Но пока я жив, жизнь проложит себе путь, хочет того или не хочет это нечто, живущее во мне и называемое «я». Он был убит в октябре 1918 года, в один из тех дней, когда на всем фронте было так тихо и спокойно, что военные сводки состояли из одной только фразы: «На Западном фронте без перемен». Он упал лицом вперед и лежал в позе спящего. Когда его перевернули, стало видно, что он, должно быть, недолго мучился, – на лице у него было такое спокойное выражение, словно он был даже доволен тем, что все кончилось именно так.»

За последние несколько лет он прожил жизнь, которая была невероятно насыщенной и горькой. О такой можно только мечтать, или же наоборот бояться. Но в ней рутиной была война, а всё что происходило за её пределами, было событиями необъятными и важными для людей, принимающих в этом участие. Ведь только когда теряешь много и находишься постоянно под страхом смерти, начинаешь ценить то малое, что у тебя есть. Сказать честно, почти никто из нас не умеет ценить вещи так, как это делали наши предки, и это страшно. Потому что как только жизнь людей превращается в рутину, судьба преподносит очередной сюрприз, встряску, которая заставляет нас начать снова ценить то немногое, что у нас есть. Говоря же об этом произведении, мне хочется привести одну цитату из произведения другого великого немецкого

автора Иоганна Гете. «Но все мы дети до самой могилы» Вот и герои «На западном фронте без перемен» радуются минутам мира и тем маленьким вещам, которые с ними происходят, как настоящие дети.

Что же, продолжим. Сейчас будет рассматриваться тема «Войны во время мира» на примере произведения «Жизнь взаймы». Оно описывает мир после Второй Мировой войны. Настало мирное время. «Остановив машину у заправочной станции, перед которой был расчищен снег, Клерфэ посигналил. Над телефонными столбами каркали вороны, а в маленькой мастерской позади заправочной станции кто-то стучал по жести. Но вот стук прекратился, и оттуда вышел паренек лет шестнадцати в красном свитере и в очках со стальной оправой.» Описание явно не совпадает с описаниями войны. Оно более рутинное, умиротворённое. Однако во всём произведении нить войны перевязывает и переплетает судьбы людей и события, происходящие с ними. Но это уже другая война. Война в мирное время со смертью и с самим собой. Но упоминания войны, которая запомнилась нам всем как Вторая Мировая есть и их прилично. «— Не всегда поступаешь правильно, сын мой. Даже если сам сознаешь. Но именно в этом иногда заключается прелесть жизни. Понятно? ...Губерт Геринг показал на почти стертый номер, который виднелся из-под грязи на радиаторе. – А ты, оказывается, еще и мыслитель! – Клерфэ сел в машину. – Может, тебя лучше заблаговременно упрятать в тюрьму, чтобы избавить человечество от нового несчастья. Когда ты станешь премьер-министром, будет уже поздно. Он включил мотор. – Вы забыли уплатить, – заявил Губерт. – С вас сорок две монетки. – Монетки! – Клерфэ отдал ему деньги. – Это меня отчасти успокаивает, Губерт, – сказал он. – В стране, где деньгам дают ласкательные имена, никогда не будет фашизма.» В этих словах заключается прямая отсылка на ту идеологию, которая привела к самой большой катастрофе XX века, а также фраза, которая выражает сожаление, и, как бы извинение автора за то, что он немец. За то, что сделала его нация с Европой и всем миром в целом. Поэтому он говорит, даже слегка оправдываясь, что люди не всегда поступают правильно. Ведь не стоит забывать, что фашисты сначала завоевали свою страну, а потом уже полмира. И к тому же, последствия от позора в Первой Мировой войне давали о себе знать. Немецкая нация была разобщена и унижена, именно поэтому Гитлеру, как личности очень сильной и харизматичной, не составило особого труда, чтобы объединить под собой людей. Но вернёмся к книге. Далее идёт описание пути Клерфэ к санаторию. «Санаторий «Монтана» был расположен над деревней.

Клерфэ осторожно ехал в гору по спиралям дороги, пробираясь между лыжниками, спортивными санями и женщинами в ярких брюках.» Мир и покой. И весьма плавное начало, которое как раз соответствует роману. Ремарк отличается от многих других авторов тем, что он умеет описывать как кажется обычные, скучные и рутинные картины как-то по-особенному. Читателю не становится невыносимо это читать и не возникает желания поскорее перелистнуть надоедливый отрывок, напротив, появляется какой-то интерес и умиротворение. Продолжим. Автор приводит своего героя в санаторий, в котором находится его друг Хольман. Он лечится от туберкулёза. И это ещё один отголосок Второй Мировой войны. «Однако антибиотики оказались далеко не такими всемогущими и безотказными, как можно было ожидать, особенно когда дело касалось людей, которые росли в годы войны и плохо питались.»Хольман был очень рад был его видеть. Ведь они с Клерфэ были напарниками по гонкам и друзьями. Также Хольман был счастлив увидеть вновь «Джузеппе», гоночный автомобиль, который он так любил.

В санатории, Клерфэ познакомился с Лилиан. Она-главная героиня. В произведении её отведено ненамного меньше времени, чем Клерфэ.«— Это Клерфэ, Лилиан, – сказал Хольман. – Я вам про него рассказывал. Он приехал неожиданно. Прозрачные глаза женщины остановились на Клерфэ; казалось, она смотрит сквозь него.» Лилиан была больна туберкулёзом. Она была бельгийкой, и её родители погибли во время войны. Клерфэ она не показалась больной, наоборот очень даже красивой, но в тоже время какой-то взволнованной и расстроенной. Это из-за того, что совсем недавно умерла её подруга, Агнес. «Мне двадцать четыре года, – думала она, – столько же, сколько Агнес. Но Агнес умерла. Уже четыре года, как я здесь, в горах. А перед тем четыре года была война. Что я знаю о жизни? Разрушения, бегство из Бельгии, слезы, страх, смерть родителей, голод, а потом болезнь из-за голода и бегства. До этого я была ребенком. Я ужа почти не помню, как выглядят города ночью. Что я знаю о море огней, о проспектах и улицах, сверкающих по ночам? Мне знакомы лишь затемненные окна и град бомб, падающих из мрака. Мне знакомы лишь оккупация, поиски убежища и холод. Счастье? Как сузилось это беспредельное слово, сиявшее некогда в моих мечтах. Счастьем стали казаться нетопленная комната, кусок хлеба, убежище, любое место, которое не обстреливалось. А потом я попала в санаторий». Вот по сути и вся жизнь Лилиан. Как можно увидеть, она ребёнок войны. За всю свою жизнь она видела только войну, болезнь, санаторий

и смерть. Клерфэ видел почти тоже самое. Во время войны он был в лагере, а после неё стал гонщиком и, как и Лилиан, он всё время живёт одним днём, не смотрит и не загадывает в будущее, потому что каждую гонку он ходит по грани, как и она. Ведь он может разбиться, а у неё начаться кровотечение, и они оба умрут. Именно это и свело их вместе. Они были едины по духу. Проведя несколько вечеров вместе, Лилиан решила уехать из санатория вместе с Клерфэ. Они поехали в Париж, где жил её дядя Гастон. Он распоряжался всеми её средствами, которые оставили её родители. Она накупила себе лучших нарядов в самых дорогих домах моды Парижа. А Клерфэ уехал в Рим, чтобы подписать новый контракт и встретиться со своей любовницей Лидией Морелли «владевшую всеми женскими уловками». Лилиан никогда толком не видела нормального ночного города. И в Париже она почувствовала, что «образ мира вдруг начал оттаивать, задвигался и заговорил». Клерфэ, находясь рядом с Морелли, начал осознавать, что Лилиан ему не пара. Что она слишком проста. Однако, вернувшись к Лилиан, увидев какой она скала, он понял, что ошибался. А также понял, что хочет провести с ней всю жизнь. И именно это и испугало Лилиан. Она знала, что ей осталось недолго, поэтому она сбежала.

Пожалуй, нет особого смысла объяснять и пересказывать весь роман, но стоит выделить концовку, которая является полнейшим апофеозом всего, что происходило в течение всей книги. «Машина Клерфэ не только наскочила на передние машины, на нее саму наскочила машина Монти. Монти почти не пострадал. Ковыляя, он отошел в сторону. Клерфэ продолжал висеть в своей машине, которую подняло почти вертикально и швырнуло на мешки с песком. У него было разбито лицо, в его грудную клетку вдавился руль. Изо рта у Клерфэ текла кровь, он был без сознания. Толпа уже облепила шоссе, как мухи облепляют кровавый кусок мяса; зеваки во все глаза глядели на санитаров и механиков, которые начали выпиливать Клерфэ из машины. Одна из передних машин горела. Рабочим с огнетушителями удалось оттащить ее подальше, и теперь они пытались погасить огонь. К счастью, бензиновый бак был разломан, что предотвратило взрыв. Но бензин горел, жара была нестерпимая, и огонь все еще мог перекинуться на другие машины. Каждые две минуты гонщики проносились мимо места катастрофы. Рев моторов, нависший над городом, вдруг стал походить на мрачный реквием, нарастающий от секунды к секунде, а когда автомобили мчались мимо вздыбленной машины, где был распят окровавленный Клерфэ, освещен-

ный огнем догорающего пожарища, которое казалось блеклым при свете этого ясного дня, – тогда рев становится душераздирающим. Гонки продолжались; их не прекратили.» «Клерфэ не было, и сквозь глухой ужас, затопивший Лилиан, в ее сознание вдруг проникли раскаты жирного голоса диктора: «Среди пострадавших – Клерфэ; его отвозят в больницу. Видимо, он без сознания. Монти получил ранения колена и ступни; Саккетти…» Не может быть… Что-то внутри Лилиан противилось этому известию. Ничего не может случиться на этих игрушечных гонках в этом игрушечном городе с игрушечной гаванью и пестрым игрушечным видом. Произошла ошибка! Машина Клерфэ скоро выскочит из-за поворота, как она выскочила во время гонок «ТаргаФлорио», он немного отстанет, получит ушибы и шишки, но будет цел и невредим! Однако, говоря себе это, Лилиан чувствовала, что ее надежда тает и рассыпается, так и не успев окрепнуть. «Клерфэ без сознания», – думала она и цеплялась за это слово. Что оно значит?»

Клерфэ умер. Незадолго до этого он сделал Лилиан предложение, но она сказала, что примет решение позже, поскольку знала, что не доживёт до свадьбы. Она была в недоумении и зла на него. Потому что он умер раньше неё, а не наоборот. И это злило Лилиан. Она не понимала, как это произошло. Это и есть проявление Войны во время Мира. Войны со смертью, с жизнью, с любовью и друг с другом. Лилиан и Клерфэ боролись за жизнь каждый день. Борьба сблизила их, но стоило им влюбиться, то началась борьба другая. Она боролась за каждую минуту сейчас, а он за каждое мгновение завтра. Клерфэ не понимал, что у Лилиан нет времени, а она не понимала, что кроме неё у Клерфэ нет никого и ничего. Его нично не связывает с жизнью, кроме неё и, если бы она ушла окончательно, как планировала, то он всё равно бы умер без неё, без своего смысла. Как и она. Не от того, что болеет туберкулёзом, а от одиночества. Ведь она сильно привязалась и, возможно, полюбила его, хоть сама не готова была признать это. То, что она его любила. Видно в отрывке, который посвящён сестре Клерфэ. Она не думала о покойном, нё заботил только дом в Ривьере. И отчасти за это Лилиан облила водой её и послала куда подальше.

«Лилиан умерла через шесть недель после своего приезда, в светлый летний день, такой тихий, что, казалось, природа затаила дыхание. Она умерла быстро, неожиданно и в полном одиночестве. Борис на короткое время отлучился в деревню. Когда он вернулся, она лежала мертвая на кровати. Лицо ее было искажено, а руки подняты к самому горлу;

Лилиан умерла от удушья во время кровотечения, но немного погодя черты ее лица разгладились. Борис никогда не видел ее такой красивой. И он подумал, что она была счастлива, насколько человек вообще может быть счастлив.» Она была готова к смерти и очень счастлива от того, что её больше не придётся каждый день ждать смерти и жить одним днём. Теперь она наконец стала по-настоящему свободной.

Учёные и литературоведы неоднозначно принимают вышеописанные произведения. Например, Ремарка обвиняют в излишнем пессимизме за «На западном фронте без перемен». «Все герои романа принимают войну как фатальную неизбежность. Их раздумья разрешаются у Пауля Боймера пассивно. «Все равно, ведь от этого ничего не изменится!» – думает он и не видит выхода. Только доброта и тесная дружба привязывают героев романа к жизни. Несмотря на пронизывающую всю книгу искреннюю боль за человека и тревогу за его будущее, политическая близорукость приводит Ремарка к пессимизму, к признанию неизбежности зла. Эту концепцию пассивного созерцания и непротивоборства Ремарк сформулировал в эпиграфе к роману: «Эта книга не является ни обвинением, ни исповедью». Не совсем понятно, как можно автора обвинять в оптимизме или пессимизме своего произведения, но тем не менее в данном отрывке подтверждается тема «Мира во время войны». Да, солдаты просто смирились с неизбежным, но они продолжали жить дальше и использовали время по максимуму. Но ведь это и есть настоящая жизнь.

В произведении «Жизнь в займы», как уже было сказано, поднимается тема Войны и борьбы во время мира. Ученые также рассматривают данную проблему. «Вероятно, автор прав, считая, что люди – это падшие ангелы, которые постоянно находятся в поиске, которые регулярно куда-то стремятся. Однако куда? Они не могут вспомнить. Если бы была возможность вспомнить и прожить, еще немного, трансформируясь из одного возраста в другой. Надо торопиться, потому что есть куда торопиться, и обязательно нужно успеть. А что успеть? Часть людей живет так, как будто думает, что никогда не умрет.» Таким образом, можно увидеть, что в данном отрывке говорится о том, что людям необходимо ценить каждую минуту, каждую секунду своей жизни и жить так, чтобы не жалеть об этом. Не нужно откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня, потому что ни один человек не живёт вечно.

Подводя итоги, хочется сказать, что тема «Войны и мира» или же «Мира во время войны и Войны во время мира» актуальна и по сей день.

Да, сегодня мирное время, но наши расприи, борьба за лучшее место в мире это и есть война. От этого никуда не уйти. Мы постоянно боремся за что-то, будь то время, жизнь или же просто выгода. Ведь не бывает идеальных условий и ситуаций, и человек обречён бороться вечно. Только когда человек теряет почти всё, то он начинает ценить то самое малое, что у него есть. Или же то, что является бесценным-его жизнь. И то время, которое отведено каждому из нас необходимо использовать по максимуму, оставить после себя какую-то память, какой-то след. Это и есть главное предназначение и главная теорема человечества, доказанная многими поколениями наших предков. И нам просто следует следовать ей, а не пытаться доказать её снова.

Литература

1. *Ремарк Э.М.* «На Западном фронте без перемен»
2. *Ремарк Э.М.* «Жизнь взаймы»
3. http://www.litexplorer.ru/litexps-644-1.html
4. http://www.em-remarque.ru/biografija.html
5. http://emremarque.ru/proizvedenie_remarka_zhizn_vzaimy.html

К.С. Кожевникова
студентка 2-го курса
Московского государственного института культуры
Москва (Россия)
E-mail: kojevnikova-ksjusha@yandex.ru

Джек Лондон и Фридрих Ницше о сверхчеловеке

Аннотация. В статье предпринимается попытка найти черты, сближающие позиции двух мыслителей и в то же время качественно отличающие их относительно идеи о сверхчеловеке. Автор статьи принимает сторону Дж. Лондона, который гибелью своего героя доказывает несостоятельность ницшеанства.

Ключевые слова: сверхчеловек, индивидуализм, идеальный человек, ницшеанский тип, аполлоновское и дионисийское начала, интеллектуальный гений.

Kseniya S. Kozhevnikova

2nd year Student of
Moscow State Institute of culture
Moscow (Russia)
E-mail: kojevnikova-ksjusha@yandex.ru

Jack London and Friedrich Nietzsche about Superman

Abstract. The article attempts to find traits, bring the positions of the two thinkers and, at the same time, qualitatively distinguish them on the idea of Superman. The author of the article is taking the side of J. In London, that the loss of their hero refutes Nietzschean.

Keywords: Superman, individualism, the perfect man, nicsheanskij type, apollonovskoe and Dionysian beginning, intellectual genius.

«Там, где все горбаты,
стройность становится уродством»
Оноре де Бальзак

Джек Лондон и Фридрих Ницше – это два крупных имени, два великих писателя, без которых не может существовать мировая литература. Это две личности, две души, которые так противоречивы и в то же время так близки друг к другу. Именно идея о сверхчеловеке, ее воплощение и ее реализация, сближает этих людей, но также и разводит по разные стороны баррикад.

Фридрих Ницше – немецкий филолог, писатель и философ. Его идеи о сильном, индивидуальном и уникальном человеке нашли свое отражение у разных писателей и мыслителей той и последующих эпох.

Книга Ф. Ницше «Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого» – это произведение, которое наиболее ярко воплотило в себе идею о сверхчеловеке и которое впервые стало гимном сильной, независимой личности.

Ницше в этой работе создает особые черты, присущие только сверхчеловеку. Это такие черты как физическая и интеллектуальная сила; аполлоновское и дионисийское начала; индивидуализм; отрицание коллективизма (отрицание равенства и братства); столкновение сверхчеловека и «человека толпы»; полное и абсолютное одиночество личности; отрицание самой истины, (истина – это выдумка).

В книге Ф. Ницше «Так говорил Заратустра» образ самого Заратустры, несомненного сверхчеловека, представлен в образе идеального человека, он изображен как интеллектуальный гений, ум которого не обусловлен рамками и границами физических возможностей. Он наделён способностью принимать действительность с радостью, без тени грусти на лице, так как в ницшеанской философии заложено, что счастья сможет достичь лишь человек, наделённый силой воли, осознавший красоту и ценность жизни во всех ее выражениях.

Идеи и мотивы о сверхчеловеке нашли свое воплощение и в произведениях известного и крупного американского писателя и журналиста Джека Лондона. Сам он писал в своих письмах так: «Ницше повлиял на меня более, чем кто-либо другой». Но, несмотря на это, Лондон все-таки следовал своему восприятию ницшеанской теории. Он старался переосмыслить идеи немецкого философа и более того – ниспровергнуть теорию о сверхчеловеке. Чтобы решить эту задачу Джек Лондон создает

свой вариант сильной личности. Он наделяет её индивидуальностью, способностью принимать мир таким, какой он есть, со всеми его жизненными трудностями и испытаниями. Но Д. Лондон создает героя-одиночку, который не может найти понимания со стороны окружающих его людей.

Основываясь на чертах ницшеанского типа человека, Лондон и создает своего Заратустру – Мартина Идена, который обладает многими сверхчеловеческими качествами, а именно: большой физической силой, стальной волей, большими интеллектуальными и духовными возможностями. Сам Мартин уверен в своих способностях, ведь *«он непобедим. Он умеет работать, и никаким крепостям перед ним не устоять»* [2, с. 86].

Мартин Иден соединяет в себе черты дикого животного и утонченного интеллектуала, что делает его исключительным среди других персонажей романа. В герое как бы сталкиваются две вселенные, два по-своему прекрасных мира: мир первобытных инстинктов, животных потребностей и бушующих страстей, который близок к ницшеанскому дионисийскому началу; и мир возвышенных мыслей и совершенной красоты, соответствующий аполлоновскому началу. *« <...>, он понимал наконец, понимал ясно, отчетливо, что ему нужно: красота, и напряженная умственная жизнь, и любовь»* [2, с. 74].

Если говорить о ницшеанской концепции то, объединить в себе аполлоновское и дионисийское начала может только лишь совершенная личность.

Также дионисийской является неутолимая жажда творчества, охватившая Мартина. Недаром «дух поэзии» герой представляет в ницшеанском ключе. *«То был сам непостижимый дух поэзии <...> до которого не дотянуться, лишь изредка вдруг посчастливится ухватить несколько прядей и сплести из них строчки, которые звенели внутри неотступным эхом или проплывали перед мысленным взором воздушными видениями неправдоподобной красоты»* [2, с.103]. Несмотря на рационализм, присущий творчеству Идена, для него характерно иррационалистическое восприятие мира в целом: *«Все, что было вокруг <...>, – просто сон. Подлинная жизнь шла у него в голове, и каждый рассказ был частицей этой подлинной жизни»* [2, с.103].

Также можно отметить, что в начале повествования романа дионисийские качества Мартина преобладают над аполлоновскими. Руфь, глядя на своего нового знакомого, *« ...не очень понимала, что происходит. Она никогда еще не испытывала сердечных треволнений. <...> Не*

знала она, какие силы таятся в людях и в ней самой; <…>. Оттого она и смотрела на Мартина Идена как на некую новинку, личность необычную, и воображала, что этой новизной и необычностью он так на нее и действует. Что ж тут удивительного. Ведь когда смотришь на диких животных в зверинце, когда видишь, как разыгралась буря, когда вздрагиваешь при вспышке зигзага молнии, тоже испытываешь непривычные чувства» [2, с.76].

Тем не менее, герой со временем эволюционирует, приобретая черты аполлоновской личности, когда учится самоконтролю и приобщается к высотам философии и искусства. Аполлоновское начало также сильно стало проявляться в нем. Поскольку его жизнь постоянно находится в сознании, Мартин не любит проваливаться в мир сновидений, так как это отнимает время от учебы. *«Дня не хватало. Столько всего хотелось узнать. Он урезал сон до пяти часов, <…>. Он бы с радостью посвятил все оставшееся от сна время любому из своих занятий»* [2, с.103]. Непрерывная умственная и творческая деятельность Мартина, находящаяся в точке соприкосновения аполлоновского и дионисийского начал, делает его похожим на истинного сверхчеловека.

Мартин, будучи ницшеанцем, несомненно, отстаивал идею неравенства, он отрицал коллективизм. И это без сомнения соответствовало философии Ф. Ницше, где он отрицал принцип равенства и братства. *«Вы называете меня социалистом, потому что я отрицаю равенство, <…>. Республиканцы – враги равенства, хотя большинство их, воюя против равенства, без конца твердит о равенстве. Во имя равенства они уничтожают равенство. <…>. Ну, а я индивидуалист»* [2, с. 283].

Столкновения сверхчеловека и «человека толпы» можно рассмотреть на примере любовного конфликта романа. Мартин Иден – это свободная личность с индивидуальными идеями и несогласием с общепринятыми нормами. В то время как Руфь, возлюбленная главного героя, полностью отличается от него. Она не имеет собственного мнения, ее идеи и рассуждения строятся лишь на установленных правилах, на давно выстроенной идеологии «американской мечты». Она думает так же, как и многие другие, что непосредственно объединяет ее с большинством людей и образует из нее «человека толпы». *«<…> Но сама она неспособна была ни на самостоятельную мысль, ни на творческое усилие, и все, что будто бы говорило о ее высокой культуре, она повторяла с чужих слов, все получено было из третьих рук»* [2, с. 290]. Если же обратиться к ницшеанскому восприятию «человека толпы» сверхче-

ловеком, то второй должен испытывать пренебрежительное отношение к первому, так как первый является личностью ограниченной в свободе мышления, что неприемлемо для второго.

«Чувство бесконечного одиночества», которое охватило Мартина в конце произведения, можно связать лишь с тем, что теперь он является сверхчеловеком, так как одиночество – это первый признак того, что восхождение закончилось и что все светила мира принадлежат ему. Именно с этого момента полноправно и бесповоротно ницшеанский мотив впитывается в саму основу повествования, и отдельные эпизоды романа начинают складываться в «целостную картину восприятия ницшеанским сверхчеловеком обыденной жизни» [1, с. 89]. *«Он одолел подъем – и теперь <…> он выше тех, к кому стремился, <…>»* [2, с. 267]. Эти слова свидетельствуют о том, что Мартин изменился, он перерос «человека», преодолел его в себе и стал сверхчеловеком. Заратустра говорил: *«Я учу вас о сверхчеловеке. Человек есть нечто, что должно превзойти»* [3, с. 7].

Еще одной чертой сверхчеловека, по Ф. Ницше, является то, что человек обречен вечно жить в иллюзиях и что разочарование в этом пространстве ведет к неминуемой гибели души. «*Возможно, истины нет ни в чем, нет истины и в самой истине и это понятие – истина – просто выдумка».*[2, с. 443].

Вот и Мартин, разочаровавшись в окружающих людях и в самой жизни, решает закончить свое существование самоубийством, так как оно является лишь иллюзией. Ведь когда-то он жил, радовался, чувствовал, а в попытках найти рай потерял и то, что имел *« <…>, и рад бы вернуться назад, в кубрик и в трюм, но тщетны поиски утерянного рая. Нового рая он не обрел, а теперь нет возврата и к старому»* [2, с. 443]. Но иллюзорный успех также не был нужен Мартину. ***«Моя работа была уже сделана,*** *слова эти преследовали его. <…>. Вот сейчас я говорю – и ты не смеешь меня перебить, <…>. А почему? Потому что я знаменит <…>. Не потому, что я Мартин Иден, парень что надо и не такой уж дурак. А ведь книги мои написаны давным-давно, говорят тебе, моя работа была уже сделана, когда ты плевать на меня хотел и втаптывал в грязь»* [2, с. 411].

Таким образом, мы видим, что главный герой романа Мартин Иден является ницшеанским типом героя, но с одной оговоркой, которая ставит под сомнение само существование сверхчеловека среди обычных людей. Джек Лондон в своем произведении демонстрирует бесперспективность

индивидуалистического бунта личности. Он отвергает тезис Ницше, теоретически допускавшего существование сверхчеловека, тем, что приводит своего героя к трагическому концу, демонстрируя тем самым нежизнеспособность ницшеанца среди обыкновенных людей, так как первый существует в иной среде, невозможной для вторых.

Литература

1. *Кутеева Н.Э.* Полемика с ницшеанской идеей сверхчеловека в романе Джека Лондона «Мартин Иден» / Вестник Челябинского государственного университета 2009, №7 (118). Филология. Искусствоведение. Вып. 41. С. 86–91.
2. *Лондон Дж.* Мартин Иден. Изд-во АСТ (Эксклюзивная классика) М., 2016. 448 с.
3. *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. Изд-во АСТ (Эксклюзивная классика) М., 2017. 416 с.

И.И. Шашков

кандидат технических наук,
преподаватель Тверского промышленно-экономического
колледжа, Тверь (Россия)
E-mail: shashkovi0@gmail.com

Д.Ю. Старикова

студентка Тверского промышленно-экономического
колледжа, Тверь (Россия)
E-mail: Dasha-matino@mail.ru

Цветовые компьютерные методы развития интеллекта (100-летию Тверского промышленно-экономического колледжа посвящается)

Аннотация. С целью развития интеллектуальных способностей предлагается цветовой компьютерный *метод «обратного» Люшера*, когда не испытуемый при тестировании выбирает предпочтительные цвета, а, напротив, осуществляется воздействие специальной цветовой последовательности на его психику.

Ключевые слова: сознание, бессознательное, интеллект, компьютерные методы, цветовые методы.

Igor I. Shashkov

Lecturer of Tver industrial and economic College,
Tver (Russia)
E-mail: shashkovi0@gmail.com

Darya Yu. Starikova

Student of Tver industrial and economic College,
Tver (Russia)
E-mail: Dasha-matino@mail.ru

Colour computer methods of intelligence development (to the 100th anniversary of Tver Industrial and Economic College)

Abstract. In order to develop intellectual abilities, a color computer method of “reverse” Lusher is proposed – when not the test subject chooses the preferred colors, but, on the contrary, the effect of a special color sequence on his psyche is carried out.

Keywords: consciousness, unconsciousness, intelligence, computer methods, color methods.

Введение

Тему развития интеллектуальных способностей мы рассматриваем в рамках *КР-психологии* – философской психологии, основанной на единении (интегрировании) в кольце *коммуникативного резонанса* (КР) физического и психического, объективного и субъективного, теории и практики [1, с. 189–304].

В работе принято определение интеллекта, наиболее полно отвечающее инструментальности нашего подхода: *Интеллект – это когнитивный инструмент, обеспечивающий оперирование знаниями с целью перехода от некоторого исходного знания (набора исходных данных) к конечному знанию (результату решения задачи)***.**

Принципиально новые, адекватные и однозначные результаты при моделировании интеллекта достигаются при его структурировании на основе интегрального ***принципа 2-3***: *Две дополнительные, логически несводимые одна к другой модели в своей полноте единятся в третьей эмерджентной модели* [3, с. 126–142]**.**

В соответствии с этим принципом, имеем такую триаду интеллекта: *Алгоритмический интеллект – интуиционный интеллект – эмерджентный интегральный интеллект* [4]. Интуиция при этом понимается как интеллект, вышедший на край, за которым открывается бесконечное, ранее «невидимое» знание.

Алгоритмический интеллект – это обусловленный, детерминированный интеллект, подобный компьютерному «искусственному интеллекту». Для его развития разработаны многочисленные, достаточно эффективные методы (в т. ч. компьютерные).

Что касается необусловленного, активного интуиционного интеллекта, то его развитие осуществляется в основном при контактах с человеком, произвольно или непроизвольно играющего роль учителя. И это вопрос – возможно ли вообще эффективное применение компьютеров для развития необусловленного интуиционного интеллекта? Ведь обычно предполагается, что «вмешательство» компьютера должно *обуславливать* интеллект.

Выход, по нашему мнению, в том, чтобы воздействие компьютера было направлено не на поверхностные слои сознания (обуславливающие дискурсивное мышление и, соответственно, алгоритмический интеллект), а «в обход» сознания – в глубину психического бессознательного. Именно на этой предельной, краевой глубине осуществляется действительная свобода человека, которую можно инициировать, но нельзя обусловить.

На этой глубине собираются те элементы опыта, которые, с одной стороны, даны непосредственно, с другой же стороны, имеют общий или универсальный характер. Это конкретные «чистые качества», данные без какой-либо привязки к конкретным предметам.

Характерным примером таких элементов опыта являются цвета, сохраненные в глубине бессознательного «сами по себе» – как чистые качества, но не как окрашивающие какой-либо воспринимаемый предмет или фон.

Чистыми качествами цвета в глубине бессознательного не являются изначально – они становятся таковыми благодаря «очищению» от той предметности, с которой они соотносились в первоначальных конкретных восприятиях соответствующих окрашенных предметов. Такое «очищение» осуществляется не за счет удаления первичного опыта из бессознательного, а, напротив, за счет многократной повторяемости конкретного цвета на различных предметах (при этом соответствующий опыт является не только личным, но и коллективным, индуцированным на личный).

В итоге в психике человека образуется базисная система «очищенных» от предметности цветов, в большой степени соотносящаяся не только с психологическим типом личности, но и с элементарными, фундаментальными характеристиками психики.

На связи предпочтения восприятия того или иного воспринимаемого цвета с особенностями психологической структуры личности основан *метод тестирования Макса Люшера* [5].

Метод обратного Люшера

С целью гармонизации личности и развития интеллектуальных способностей, в настоящей работе предлагается компьютерный *метод «обратного» Люшера* (МОЛ) – когда не испытуемый при тестировании выбирает предпочтительные цвета, а, напротив, осуществляется воздействие специальной цветовой последовательности на его психику.

Эта многократно повторяющаяся цветовая последовательность должна постепенно формировать в глубине психического бессознатель-

ного обучаемого устойчивые структуры психики [2, с. 162–164], составляющие новую базисную систему цветов взамен той, которая была у обучаемого до начала работы с ним.

Вместо случайных воздействий при восприятии цвета различных попадающихся на глаза предметов осуществляется системное, организованное воздействие последовательности специально подобранных цветов. При сочетании такого воздействия с методами, в которых главную роль играет человек-инструктор, происходит целенаправленное частичное преобразование психики.

В общем случае обучение и развитие способностей на основе компьютерных цветовых методов имеет такие основные этапы:

1) Предварительное стандартное тестирование обучаемого.

2) Определение (путем опроса) желательных для обучаемого изменений.

3) Выбор соответствующего варианта компьютерной программы.

4) Работа обучаемого с выбранной для него программой (например, несложная компьютерная игра).

5) Контрольное тестирование для проверки результата обучения.

Человек сам выбирает, что хочет изменить в себе (или чему хочет научиться). При этом всякие жесткие воздействия на него исключаются.

В нашем случае при применении МОЛ осуществляется такая конкретизация схемы обучения:

1) Ставится цель создания у обучаемого определенного набора психических характеристик, отвечающих высокому уровню интеллектуальных способностей. Замеряется начальный коэффициент интеллекта IQ (например, тестированием по Айзенку).

2) Осуществляется стандартное тестирование испытуемого по Люшеру, в результате которого получается последовательность П.1.

3) Определяется (с использованием заранее подготовленной базы данных) цветовая последовательность по Люшеру, которой обладал бы обучаемый с требуемым набором характеристик (последовательность П.2).

4) Подготавливается система изменений, поэтапно приводящих П.1 к П.2. При этом сначала в П.1 изменяется первый, самый предпочтительный цвет, затем следующий и т.д.

Замечание: полностью изменять последовательность не требуется, достаточно изменить одну-две важнейшие цветовые связки.

5) Подбирается вариант компьютерной программы (компьютерная игра), при прохождении которой успешные действия сопровожда-

ются вспышками нужного цвета из последовательности П.2, а неудачи – вспышками цвета из последовательности П.1.

6). После проведения цикла из определенного числа прохождений игры проводится контрольное тестирование стандартным методом Люшера.

7). Затем пауза, необходимая для консолидации и фиксации в бессознательном осуществленных изменений. Во время этой паузы МОЛ следует подкреплять другими методами развития интеллектуальных способностей, в т. ч. теми, в которых главную роль играет профессиональный инструктор.

8). Периодически циклы повторяются – пока контрольное тестирование не выявит преобразование последовательности П.1 в нужную последовательность П.2.

9) Эффективность обучения определяется контрольным тестированием на IQ.

Отметим, что предъявление цветовой последовательности в обычном темпе (когда цвета успевают осознаваться), не является достаточно эффективным, т.к. в этом случае сознание в большой мере свободно в восприятии и отторжении предъявляемых стимулов, а также может менять предлагаемую временную последовательность стимулов.

Цветовую последовательность следует предъявлять не сознанию, а структурам психики в глубине бессознательного (которые непосредственно воспринимают стимулы и фиксируют их в правильной последовательности). Для этой цели следует стимулы, составляющие цветовую последовательность, делать *подпороговыми*: невоспринимаемыми сознанием, но воспринимаемые бессознательным. В этом случае сознание оказывается неспособным «разрушать» наводимую цветовую последовательность.

Метод промежуточных состояний

Базисная система цветов (своего рода «цветовая ДНК»), созданная в результате МОЛ, должна не просто наличествовать в глубине психического бессознательного, а эффективно воздействовать на менее глубокие слои сознания/мышления, ответственные за конкретную интеллектуальную деятельность.

Между зонами психического бессознательного и сознанием в интегрально-квантовой зонной модели психики находится «запрещенная зона», роль которой, в частности, заключается в фильтрации/ограни-

чении информации, поступающей из бессознательного в сознание (так, в первом приближении, работает долговременная память).

Соответственно, эффективность МОЛ повышается при создании *промежуточных уровней* между бессознательным и сознательным, облегчающих переход от бессознательного к сознательному [2, с. 164–166].

Такие промежуточные уровни должны характеризоваться промежуточными значениями воздействующих стимулов, переводящих сознание из одного состояния-уровня в другое. Они должны образовывать «лесенки», по которым нужная информация от «цветовой ДНК» переходит к сознанию бодрствования с малыми скачками между соседними «ступеньками».

Для создания таких промежуточных состояний можно использовать стимулы переменной длительности, последовательно изменяющиеся от очень коротких неосознаваемых до осознаваемых; а также – изменение темпа их предъявления [2, с. 165].

Литература

1. Интегралика: от представления о полноте к интегрально-квантовой картине мира / Под общ. ред. И.И. Шашкова. Тверь: Изд-во «Триада», 2017. 328 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://integralics.com/books/4.html (Дата обращения: 25.04.2019).
2. *Тарасюк Т.В., Шашков И.И.* Всё из ничего Тарасюк Т.В., Шашков И.И. Всё из ничего. Основы интегрального выведения мира. Киев: Изд-во Лаборатории Интегралики, 2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://integralics.com/books/2.html (Дата обращения: 25.04.2019).
3. *Тарасюк Т.В., Шашков И.И.* Интегральный интеллект: от теории к практике. Часть 1. Интегральное моделирование на основе принципа 2-3. // Credo New. № 2 (94), 2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://credo-new.ru/archives/1336 (Дата обращения: 25.04.2019).
4. *Тарасюк Т.В., Шашков И.И.* Интегральный интеллект: от теории к практике. Часть 4. Уровни мышления/интеллекта // Credo New. № 1 (97), 2019. URL: http://credo-new.ru/archives/1591
5. Тест Люшера – описание и интерпретация /Сайт «Пси-фактор» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://psyfactor.org/lib/lusher.htm (Дата обращения: 25.04.2019).

Раздел VIII

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Н.В. Летаева
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры лингвистики и переводоведения
Одинцовского филиала МГИМО МИД России
Одинцово (Россия)
E-mail: Letaewa.n@yandex.ru

Интеллектуальный модус художественности: к постановке проблемы

Аннотация. В статье в научный оборот вводится понятие «интеллектуальный модус художественности». Предпринята попытка теоретического обоснования понятия. В качестве иллюстративного материала используются художественные тексты прозаиков русского зарубежья.

Ключевые слова: поэтика, модус художественности, интеллектуальное, модальность, архитектоника, проза русского зарубежья.

Natalia V. Letaeva
PhD in Philology, Associate Professor
Associate Professor of the Department of
Linguistics and Translation Studies,
Odintsovo branch of the MGIMO MFA
Odintsovo (Russia)
E-mail: Letaewa.n@yandex.ru

Intelligent artistic mode: setting problems

Abstract. In the article the definition "intellectual artistic mode" is introduced into scientific circulation. An attempt of theoretical rationale of this definition is made. Artistic texts of writers of the Russian Diaspora are used as an illustrative material.

Keywords: poetics, artistic mode, intellectual, modality, architectonics, prose of the Russian Diaspora.

Под модусом художественности принято понимать тип художественной целостности, служащий базовой стратегией «завершения художественного» [7, с. 127]. Н. Жинкин такой тип определяет как «модальность эстетического сознания» [9, с. 37]. Категорию модуса художественности разрабатывали в разное время М. Бахтин [2], Н. Фрей [5], Б. Христиансен [8] и др. Выделяют, как правило, трагический, сатирический, комический, идиллический, элегический, драматический, иронический модусы художественности. Основанием такой классификации служат «некоторая стратегия оцельнения художественной реальности, предполагающая внутреннее единство эстетической ситуации, управляемой единым творческим законом; соответствующий тип героя и окружающего его воображённого мира; соответствующие авторская позиция и установка читательского восприятия; единая система ценностей и отвечающая ей поэтика» [7, с. 127–128]. Конкретизируя, отметим, что для модуса художественности характерны свойственные ему хронотоп, мотивно-тематический комплекс, образная система, язык. Полагаем, что классификация модусов художественности представляет собой открытую систему и может быть дополнена, в частности, таким модусом художественности, как интеллектуальный.

Интеллектуальность как тип художественного содержания отмечается литературоведами наряду с героикой, сентиментальностью, трагизмом, драматизмом и пр. И. Волков писал, что первоисточником этого типа является «интеллект, разум, который художественно осваивается как существенная, во многих случаях как высшая, основная ценность человеческого бытия, как наиболее действенное средство избавления людей от пороков общественной жизни и как наиболее верное средство утверждения гармонических отношений между людьми» [4, с. 108]. Интеллектуальность, по утверждению И. Волкова, нашла отражение в художественных произведениях эпохи классицизма и Просвещения, а также в художественной литературе XX века, главными героями которой становятся учёные, рационализаторы, руководители. Декларация разума как основного критерия истины человеческого бытия, как единственно возможного аналитического инструмента, позволяющего различать добро и зло, оказала несомненное влияние на художественную литературу в целом. В художественном преломлении это отражается в произведениях наличием рассудочности, отвлечённости, прямолинейности.

Предпринимая попытку выделения интеллектуального модуса художественности как самостоятельного литературоведческого поня-

тия, используем в качестве иллюстративного материала прозу младшего поколения русских писателей первой волны эмиграции. Так, в «Романе с кокаином» М. Агеева, состоящем из четырёх глав, последняя глава «Мысли» полностью опирается на рассуждения о человеке главного героя Вадима Масленникова, пытающегося в поисках гармонии бытия понять причины раздвоенности человеческого сознания. Прибегая к развёрнутой метафоре, основанной на сопоставлении жизни с театром, а человека – со зрителем, Масленников в пространном монологе приходит к выводу, что в человеческой душе в целом и в его душе в частности «человечнейшие чувства словно ниточкой связаны» со «звериными чувствами» и что «предельное напряжение» одних «влечёт и тянет за собою вылезание других» [1, с. 162]. М. Агеев в этой главе строит повествование как развёрнутую аргументацию заявленного тезиса: Масленников приводит в качестве аргументов сначала некоего сидящего в театре и созерцающего сентиментальную пьесу Иванова, готового ударить соседа только за то, что тот своим кашлем мешает Иванову наслаждаться игрой актёров, затем зрителей сентиментальных пьес, удовлетворяющих свои благороднейшие чувства «кровавым и жесточайшим каранием злодеев на сцене» [1, с. 169–170]. Заметим здесь, что образ Масленникова, с большой долей вероятности, выполняет функцию резонёра, поскольку логические, интеллектуальные умопостроения персонажа вступают в противоречие с его возрастом (Масленников только окончил гимназию) и состоянием, находясь в котором он произносит свои монологи (Масленников представлен автором как кокаинист).

Писатель не ограничивает интеллектуальную деятельность («поединки» разума) своего героя только размышлениями о человеке. Роман пронизан мыслительной работой персонажа, направленной на актуализацию важных для автора вопросов его современности: гендерная проблематика, Первая мировая война, христианство, цикличность истории и др. В эту мыслительную работу автор включает и других персонажей, в том числе однокашников Масленникова. Разум становится в романе средством поиска и определения истины, тем аналитическим инструментом, с помощью которого определяется вероятность реального или иллюзорного преодоления хаоса бытия. Интеллектуальная работа персонажей, не разрушая границы художественного дискурса, формирует полемику – как внешнюю, между различными образами, так и внутреннюю, в сложном мировоззрении самого Масленникова как главного героя. Дискуссия становится частью поэтики и привносит критическое, публицистическое начало в про-

странство художественного произведения. При этом сама дискуссия как форма диалога формируется пространными монологами с многочисленными риторическими вопросами и восклицаниями, императивными конструкциями. Монологи в свою очередь можно характеризовать как приём ретардации, замедляющий развитие сюжета произведения. Полемический характер общения персонажей обозначается автором открыто или имплицитно с расчётом на подготовленного читателя-адресата.

Такая стратегия повествования формирует своеобразный дидактизм художественного произведения, накладывающий отпечаток на язык текста. В романе М. Агеева это находит отражение в многочисленных логических умозаключениях, разбросанных по тексту. Приведём один пример: «Антисемитизм вовсе и не страшен, а только противен, жалок и глуп: противен, потому что направлен против крови, а не против личности, жалок потому, что завистлив, хотя желает казаться презрительным, глуп потому, что ещё крепче сплочает то, что целью своей поставил разрушить. Евреи перестанут быть евреями только тогда, когда быть евреем станет не невыгодно в национальном, а позорно в моральном смысле. Позорно же в моральном смысле станет быть евреем тогда, когда наши господа христиане сделаются, наконец, истинно-христианами, иначе говоря людьми, которые, сознательно ухудшая условия своей жизни – дабы улучшить жизнь всякого другого, будут от такого ухудшения испытывать удовольствие и радость» [1, с. 40]. Отметим и афористичность языка произведения. Например: «Что такое женщина? <...> Женщина, это всё равно, что шампанское: в холодном состоянии шибче пьянит и во французской упаковке – дороже стоит» [1, с. 76].

Таким образом, интеллектуальная работа персонажей придаёт роману художественную цельность. В противном случае роман М. Агеева может восприниматься как довольно натуралистическое и местами пошлое повествование о безнравственных похождениях героя и его пристрастии к кокаину. Однако роман писателя русского зарубежья есть повествование не о наркомании, но о том неуловимом «принципе зла» [6, с. 233], который стремились постичь прозаики младшего поколения русских писателей первой волны эмиграции в условиях, когда человек находился «в пустоте, нигде и ни в каком времени, как бы выброшен из общего социального мира и предоставлен себе» [3, с. 164]. Мыслительная деятельность, собственно, является своеобразным средством адаптации к жизни, средством преодоления одиночества и дистанцированности прежде всего от своего «я».

Подобного рода особенности можно отметить в рассказе Ю. Фельзена «Неравенство», изображающем сложные отношения персонажей: сюжет рассказа «тонет» в деталях пространных монологов, направленных на кропотливый анализ чувств Ольги Муравьёвой и Андрея Завадовского, их внутреннего мира. Собственно, персонажи необходимы автору для размышлений о проблеме взаимоотношений в современном ему мире. Это попытка интеллектуального осмысления причин рассогласованности человеческого общения в художественном дискурсе. Отметим и «Письма о Лермонтове» Ю. Фельзена, близкие по жанру к роману в письмах, в котором сюжет затмевается пространными рассуждениями о русской и западноевропейской литературе и о младшем поколении русских писателей первой волны эмиграции. Ограниченные рамками статьи, позволим себе не останавливаться подробно на этих произведениях, по возможности раскрыв их особенности в других работах.

Итак, интеллектуальное как эстетическая модальность смыслопорождения раскрывается в художественном произведении в противоречии, рассогласованности между внутренними границами бытия, определёнными стремлением к гармонии и её поиском, и внешними границами существования, определёнными событийной дисгармонией, хаосом, не поддающимся логическому осмыслению и пониманию, но подающимся обществом как нормативное миромоделирование. Смыслопорождение в таком случае опирается на энергию интеллекта, рассудочности, способность к которой позволяет личности художественного образа как эстетическому субъекту реализовать себя в той или иной степени, раскрыть и утвердить внутреннюю заданность интеллектуального «я», не умещающейся в рамках внешней данности его ролевого присутствия в мире. Стремлением к внутренней свободе от внешней заданности, выходу за границы условного миропорядка посредством разума и мыслительной деятельности определяется интеллектуальное в художественном произведении. В рассуждениях герой, главной деятельностью которого становится интеллектуальная, получает завершение художественности.

Архитектоническую основу интеллектуального художественного целого составляет ключевая ситуация диалогического, раскрывающаяся в дискуссионности, полемичности как явлении эмоциональной рефлексии. Диалогическое нередко есть следствие одиночества, отчуждённости, безысходности, нереализованности, что сопрягает интеллектуальный модус художественности с драматическим и трагическим модусами. Архитектонике интеллектуального автор подчиняет событийность эпизо-

дов, интонацию патетики, эмоционального слова, риторическую модель общения персонажей. Архитектоническая форма полемики делает рассуждение смыслопорождающей моделью присутствия персонажа в художественном мире и осваивает человеческий разум как ценность бытия. Интеллектуальный хронотоп при этом соединяет хронотоп замкнутого пространства, в котором находится герой (квартира, комната, кафе и пр.), и хронотоп пути самореализации.

Данная работа ставит проблему выделения интеллектуального в художественном произведении в самостоятельный модус художественности и может быть поддержана или опровергнута.

Литература

1. *Агеев М.* Роман с кокаином: Роман; Паршивый народ: Рассказ / Статья Никиты Струве. М.: Худож. Лит., 1990. 222 с.
2. *Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. 444 с.*
3. *Варшавский В. О «герое» эмигрантской молодой литературы // Числа. Париж, 1932. №6. С. 164–172 .*
4. *Волков И.Ф.* Теория литературы. М.: Просвещение; Владос, 1995. 256 с.
5. *Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.: Трактаты, статьи, эссе / Сост., общ. ред. Г.К. Косикова. М.: Изд-во МГУ, 1987. 510 с.*
6. *Поплавский Б.Ю.* Неизданное: Дневники, статьи, стихи, письма / Сост. и коммент. А. Богословского и Е. Менегальдо. М.: Христианское изд-во, 1996. 512 с.
7. *Тюпа В.И.* Модусы художественности // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. С. 127–128.
8. *Христиансен Б.* Философия искусства / пер. Г.П. Федотова; под ред. Е.В. Аничкова. СПб.: изд. «Шиповник», 1911. 289 с.
9. Художественная форма: Сборник статей Н. И. Жинкина, Н. Н. Волкова, М.А. Петровского и А.А. Губера / Под ред. А.Г. Циреса М.: ГАХН, 1927. 159 с.

Е.В. Кузьмина
старший преподаватель кафкедры лингвистики
Московского государственного института культуры
Москва (Россия)
E-mail: kaviku2717@gmail.com

Компаратив концепта «добро» у поэтов Серебряного века и в материалах журнала «Нива» в 1916 году

Аннотация: Представлены результаты сравнительного анализа концепта «добро» в произведениях поэтов Серебряного века и материалах литературно-художественного и научно-популярного журнала «Нива», рассчитанного на массового читателя. 1916 год, как предшествующий революционному преобразованию общества, наиболее контрастно представил взгляды на грядущие события у разных людей и в разных слоях общества, сопоставление которых представлено в результатах анализа.

Ключевые слова: Серебряный век, «Нива», добро, концепт, гармония, мировосприятие.

Ekaterina V. Kuzmina
IPCC, Senior Lecturer of the Department of Linguistics,
Moscow State Institute of Culture
Moscow (Russia)
E-mail: kaviku2717@gmail.com

The comparative of the concept “good” in the works of the poets of the Silver Age and in the materials of the magazine “Niva” in 1916

Abstract: The results of a comparative analysis of the concept “good” in the works of the poets of the Silver Age and the materials of the literary and popular scientific magazine “Niva”, designed for the general reader, are presented in the article. The year 1916, as the one preceding the revolutionary transformation of society, presented the most contrasting views on the upcoming events of different people and in different layers of society, the comparison of which is given in the results of the analysis.

Keywords: Silver Age, “Niva”, good, a concept, harmony, world perception.

Серебряный век, как направление культурного подъёма в предреволюционный период в России, называемый русским культурным ренессансом XX века, объединил представителей литературы и искусства в предвидении перемен и поиске литературно-художественных и музыкальных форм, соответствующих грядущему миру.

Преадаптация, опережающее отражение требований будущего состояния общества, поиск соответствующих ему систем ритмов, образов, структур, активный поиск новых форм общения с миром и в мире воплотились в произведениях творцов этого уникального явления.

Обострение эстетической чувствительности, расцвет поэзии и философии, религиозные искания привели к ряду открытий в культуре России.

У поэтов Серебряного века проявился широкий спектр реакций от осознания бесцельности существования, безысходности одиночества и неизбежного конца до страстной жажды гармонии, определившей направления художественного поиска. Отсюда и представления о преображении мира и человеческой души, поиск соответствующих им поэтических форм, на пути к лучшему будущему.

Так, в 1916 г., А.Ахматова говорит о смене мировосприятия:
Из памяти, как груз отныне лишний,
Исчезли тени песен и страстей.
Ей – опустевшей – приказал всевышний
Стать страшной книгой грозовых вестей [1, с. 201].
И в тот же период:
Жестокая, студёная весна
Налившиеся почки убивает.
И ранней смерти так ужасен вид,
Что не могу на божий мир глядеть я.
Во мне печаль, которой царь Давид
По-царски одарил тысячелетья [1, с. 154].
В той же тональности воспринимает ситуацию М.Цветаева:
Мимо дома своего пойдёшь –
И не тот уж твой по ночам.
И сосед твой – странно – непохож,
И за каждого спиною – нож.
И шатаются в бессильном гневе
Чёрные огромные деревья [11, с. 390].

При этом мрачное настроение идёт ещё дальше:
Я ль свечей не извожу по сотням?
Третью полночь воет в подворотне
Пёс захожий. Коли душу отнял –
Отними и тело, гость субботний! [11, с. 325].

У С.Есенина трагизм ситуации приобретает ещё более крайние формы:

Устал я жить в родном краю
В тоске по гречневым просторам,
Покину хижину мою,
Уйду бродягою и вором…
И вновь вернуся в отчий дом, чужою радостью утешусь,
В зелёный вечер под окном
На рукаве своём повешусь.
Седые ветви у плетня
Нежнее головы наклонят.
И необмытого меня
Под лай собачий похоронят [4, с. 109].

И при этом, как у А. Блока и Н. Гумилёва, стремление к сохранению традиций отечественной культуры, осознание провидческого назначения творчества, существующего, как отражение «мирового ритма». О том же говорится в «Облаке в штанах» В.Маяковского с мечтами о предопределении грядущего в соответствии с «чертежами зодчего», поиск «звёздного языка» Велимиром Хлебниковым.

Серебряный век собрал опыт множества течений, сплавленных из результатов индивидуальных поисков, с их эстетическими достижениями, которые вошли в классическое наследие мировой культуры. Примечательным является то, что новые направления в искусстве возникают на рубежах эпох, когда «время выходит из пазов» и «век вывернут наизнанку».

И В.Маяковский в 1916 г. так характеризовал ситуацию:

Сегодня
в Петрограде
на Надеждинской

ни за грош
продаётся драгоценнейшая корона [5, с. 69].

Корона, как символ высшей власти и величия, которая продаётся ни за грош, показывает полную потерю контроля над ситуацией, перехода к состоянию хаоса.

В 1912 г. Велимир Хлебников в поэме «Гибель Атлантиды» описывает закономерность преобразования сложившихся структур, достигших пределов своего развития:

Походы мрачные пехот,
Копьём убийство короля
Послушны числам, как заход,
Дождь звёзд и синие поля…
И мы стоим миров двух между,
Несём туда огнём надежду [9, с. 90].

Ситуация нахождения «миров двух между» была поэту очевидна ещё до начала Первой мировой войны.

А по результатам прямое указание времени наступления революции. 1917 года. Ещё в 1912 г. в заметке «Взор на 1917 год» он перечислил даты крушения государств и империй, среди которых были: Рим – 476, Израиль – 723, Карфаген – 146, Иерусалим – 70, Византия – 1453, Англия – 1066, Некто – 1917 [6, с. 548]. И в статье «Учитель и ученик», написанной в 1912 – 1913 гг., прямо говорится: «…не следует ли ждать в 1917 году падения государства?» [10, с. 156].

И в это же время И. Бунин в поэме «Сапсан» пишет о себе:

А я? Я тоже вечный странник,
Я, как и он, в добре и зле
Какой-то земной силы данник,
Живу скитальцем на земле…
Но он потом выбросил эту строфу из поэмы. Но далее:
Безмолвной жалостью к себе
Томленьем сладостным объятый
Покорный горестной судьбе
Он помнит лишь одни закаты.[2, с. 289].

В тот же период В.Брюсов:

Прошлое прошлому кину!
Лишь безмятежного мира,
Лишь раствориться в тумане,
Жаждет душа, наконец!
[3, с. 28].

Предчувствие грядущих перемен ярко выразил В.В.Маяковский в поэме «Облако в штанах»:

Я,
осмеянный у сегодняшнего племени,
как длинный
скабрезный анекдот, вижу идущего через горы времени,
которого не видит никто.
Где глаз людей обрывается куцый,
главой голодных орд,
в терновом венце революций
грядёт шестнадцатый год [6, с. 15].

При этом у поэта полное осознание своей роли в предвидении грядущих перемен:

А я у вас – его предтеча;
я – где боль, везде;
на каждой капле слезовой течи
распял себя на кресте [6, с. 15].
А в результате предвидение светлого будущего:
И он,
Свободный,
Ору о ком я,
Человек –
Придёт он,
Верьте мне,
Верьте! [6, с. 77].
И в журнале «Нива» в тот же период призыв:
Поэты, встаньте в общем кличе!
Довольно петь о Беатриче, -
Уже в полях свистит картечь
И реют ядра! – О. поэты,

Пора звенящие сонеты
Перековать на звонкий меч! [7, с. 616].

И, в самом деле, в период Великой Отечественной войны, слова из песни «Священная война»:

«Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой тёмною
С проклятою ордой!» –
звучали, как набат.

Фактически совокупность взглядов поэтов Серебряного века была ярким выражением реакции общества на происходившие социально-политические события. Насколько сильно эти взгляды соответствовали общественным настроениям можно проследить на материалах годового комплекта журнала «Нива» за 1916 год [8].

Нива – еженедельный иллюстрированный литературно-художественный и научно-популярный журнал, рассчитанный на массового читателя, издававшийся в Петербурге в 1870 – 1918 гг. В нём детально освещались и обсуждались основные общественно- политические проблемы. В связи с этим на материалах публикаций за 1914 – 1916 гг. в этом журнале рассмотрим отношение к категориям «добра» и «зла».

В журнале «Нива» представлен «Призыв к культурному миру»**:** «Мы не можем вырвать у наших врагов отравленного оружия лжи. Мы можем лишь взывать ко всему миру, что они лжесвидетельствуют против нас». В словах сомненья быть не может. Но смысл, смысл? Не говорит ли Мефистофель: Прекрасно! Лишь не надо сомневаться; а, если ускользает смысл, – стараться его словами заменить [8, с. 349].

«Русская общественность и государственность (Обзор внутренней жизни за год). Мировая война незаметно перевоспитывает русскую общественность в самых основах её мировоззрения и отношения к окружающей жизни. Ужасы расовой борьбы рассеяли в русских сердцах космополитические иллюзии. Практическая работа заставила спуститься с неба на землю, оторваться от излишней теоретичности и отвлечённой умозрительности суждения… Общественная жизнь с её моральными требованиями, с её неудовлетворённостями и недовольствами, с её идеалами и мечтами совсем не замерла и не заглохла, – она

только временно ушла внутрь, уступив первое место неотложной патриотической работе по обороне государства» [8, с. 3].

Как апофеоз этого, стихотворение И. Арденина «Портал Реймского собора, разрушенный бомбардировкой немцев»:

Помни Реймс!
Когда добыча каннибала,
В сень капища заметив след,
Его порог переступала –
Смирялся дикий людоед,
И жажда крови умолкала…
Но перед Реймским храмом ныне,
Перед молитвою веков,
Объятый бешеной гордыней,
Не стих тевтонских пушек рёв –
И надругался над святыней.
Земля, вскипев негодованьем,
Всё тщетно ищет жгучих слов,
Чтобы позорнейшим названьем
Навек отметить наглецов –
И отомстить за поруганье!
Но нет у нас такого слова
Чтоб беспощаднее бича
Оно вздымалось, жгло и снова
Впивалось в сердце палача [8, с. 764].

И в результате, призыв Н Аживцева:

Призыв к добру не ограничивается текстами, в которых фигурирует это слово или его производные. Это – призыв к реакции, определяющей благоприятное разрешение некоторого вопроса с позиций представлений о добре у данной группы лиц или отдельного лица. Так, в статье «**Против закона Божьего и человеческого**» Чрезвычайная Следственная Комиссия для расследования нарушения законов и обычаев войны австро-венгерскими и германскими войсками отметила: «Приводимые Комиссией факты нарушений обычаев и законов войны весьма разнообразны. В общем, их можно свести в несколько групп: истязания и пытки, совершаемые немцами над русскими воинами с целью выведать у них военную тайну, добивание раненых, сожжения, расстрелы, отравления

пленных и раненых, злоупотребления белым флагом, употребление варварских средств борьбы: разрывных пуль, ядовитых газов, огненных жидкостей» [8, с. 113].

В статье на смерть первого русского нобелевского лауреата И.И.Мечникова обсуждаются фундаментальные проблемы нравственности: «Жизнь есть великое благо», – говорил он. Такое благо, каждая крупица которого должна быть тщательно сохраняема. Благо великое последствиями и результатами, ибо оно ведёт к совершенству человека и мира… жизнь совершенствуется живущими, и счастлив тот, кто … успел выполнить до конца лежащий на нём обет жизни: трудиться для украшения земли и для просветления жизни [8, с. 625]. Автор теории иммунитета и исследователь проблем долголетия И.И. Мечников детально занимался механизмами реализации потенциальных возможностей человека и, в связи с этим, анализом нравственных основ, обеспечивающих их воплощение.

В статье об А.М. Горьком «Пламенеющее сердце» даётся достаточно жесткая характеристика его творчества, отразившая взгляд на нравственные основы общества этого периода: «Мир, прекрасный и величественный, являет зрелище постыдной и злой борьбы всех против всех. Какой смысл его величия, если царят в мире не красота, не добро, не любовь, а уродство, злоба, ненависть! Природа – добра, человек – зол; природа – гармонична, человек – хаотичен; в жизни природы властвует красота, в жизни человечества – безобразие» [8, с. 817].

В текстах поэтов Серебряного века, как и в публикациях журнала «Нива» добро и зло непосредственно фигурируют не везде, но они яркими образами воспроизводят отношение к этим категориям. Это – призыв к реакции, определяющей благоприятное разрешение некоторого вопроса с позиций представлений о добре и зле у данной группы лиц или отдельного лица. Слова, которые, как призыв к мировому сообществу, можно повторить и сегодня. В современном мире противостояние добра и зла может завершиться только победой добра над злом.

Литература

1. *Ахматова А.Г.* Лирика. М., Издательство «Э», 2017.
2. *Бунин И.А.* Стихотворения, СПб., В 2 т., Издательство Пушкинский дом, Вита Нова, 2014.
3. *Брюсов В.А.* Избранное. М., : Изд. «Правда», 1982.
4. *Есенин С.А.* Соч. в двух томах, том 1. М,, :«Русская книга», 2002.
5. *Маяковский В.В.* Собр. Соч. в шести книгах, т. 1. М., «Молодой колхозник», 1951.
6. *Маяковский В.В.* Собр. Соч. в шести томах, т. 3. М. «Молодой колхозник», 1951.
7. Нива, еженедельный иллюстрированный литературно-художественный и научно-популярный журнал, №18, 1914
8. Нива, еженедельный иллюстрированный литературно-художественный и научно-популярный журнал, №20, 1916.
9. *Хлебников В.* Собр. Соч. в трёх томах, том второй. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 2001.
10. *Хлебников В.В.* Собр. Соч. в трех томах. Том третий. СПб., Гуманитарное агентство «Академический проект», 2001.
11. *Цветаева М.И.* Соч. в трёх томах, том 1. М,1990.

Д.Ю. Шустова
преподаватель кафедры лингвистики
Московского государственного института культуры
Москва (Россия)
E-mail: shusttova_daha@mail.ru

Сравнение значимых составляющих словесной композиции повестей «Вий» Н.В. Гоголя и «Гробовщик» А.С. Пушкина

Аннотация. В работе рассмотрен образ рассказчика в повести Н. В. Гоголя «Вий». Этот образ рассмотрен с применением внешнего и внутреннего стилистического анализа. Разобраны проявления образа рассказчика в тексте, определено его отношение к образу автора и авторскому повествованию. Выявлено наличие в повести нетипичного конструкта из двух образов рассказчиков, как бы одновременно опосредующих повествование, причины их сосуществования и перспективы его изучения.

Ключевые слова: образ рассказчика, образ автора, всеведение, словесный ряд, субъективация.

Daria Yu. Shustova
Lecturer of the Department of Linguistics of
Moscow State Institute of Culture
Moscow (Russia)
E-mail: shusttova_daha@mail.ru

Abstract. In this work an image of narrator in N. Gogol's story "Viy" is parsed. This image is considered with external and internal stylistic analyze. Signs of an image of narrator are parsed in the text and its relation with an image of the author and author's narrative is defined. In this article there is detected the presence in the story of untypical construct of two images of narrator, mediating the narrative, reasons of this presence and outlook of its research at the same time.

Keywords: an image of narrator, an image of author, author's omniscience, a word line, subjectivation.

Словесную композицию повести «Вий» более, чем другие категории, определяют образ рассказчика и прочно взаимосвязанная с ним организация текста «реальным» и «ирреальным» полюсом повествования.

Выясним, с помощью каких средств и для какой роли создана в повести «Вий» маска рассказчика и что именно она из себя представляет.

В.В. Виноградов пишет: «Рассказчик – речевое порождение автора, и образ рассказчика – это форма литературного артистизма автора». [2, с. 122].

Наличие и роль рассказчика в произведении наиболее очевидны, когда повествование идёт от первого лица и (или) он участвует в действии как особый персонаж. В тексте повести «Вий» подобного нет. Употребление местоимений и форм глаголов 1 лица есть лишь в примечании к произведению. Процитируем его: «*Вий – есть колоссальное создание простонародного воображения… Вся эта повесть есть народное предание. Я не хотел ни в чем изменить его и рассказываю почти в такой же простоте, как слышал*» [4, с. 144]. Далее в тесте не встречается ни маркеров первого лица, ни субъективации рассказчика. Это означает, что персонажем произведения рассказчик не является, находится вне действия, то есть обладает «вненаходимостью», которая является свойством авторского повествования.

Кроме вненаходимости, во многих отрывках присутствует авторское всеведение. Оно проявляется в детализации повествования, например: «*Авдиторы, слушая урок, смотрели одним глазом под скамью, где из кармана подчинённого бурсака выглядывала булка, или вареник, или семена из тыкв*» [4, с. 145].

Другим маркером всеведения является ритм повести. Исследование ритма позволило выделить два ритмически различающихся полюса: «реальный», более спокойный, и «инфернальный», более динамичный. Поскольку в отрезках текста, связанных с «инфернальным» полюсом, обильно присутствует субъективация, то можно говорить о связи между ритмом и субъективацией, что является одним из проявлений всеведения. Таким опосредованным образом всеведение проявляется ритмически: в ряде отрезков текста ритм убыстряется, что предваряют действие нечистой силы. Изменение ритма становится явным в те моменты, когда инфернальные силы начинают действовать, но ещё находятся вне поля видения персонажей. Например, следующий фрагмент по содержанию относится к «реальному», а по ритму – к «инфернальному» полюсу: «*Философ, оставшись один, в одну минуту съел карася, осмотрел плетеные стены хлева, толкнул ногою в морду просунувшуюся из другого хлева любопытную свинью*» [4, с. 152] Здесь число безударных слогов подряд между двумя соседними ударными составляет 1,84 против 2,21

в среднем для «реального» ритмического полюса. Следовательно, приближение к философу нечистой силы обозначается более напряжённым ритмом, хотя персонаж ещё не подозревает, что в действие вступило что-то потустороннее. Это – пример проявления всеведения, являющегося свойством авторского повествования, следовательно, повествование в подобных случаях ведётся со стороны образа автора.

Ещё одним маркером близости образа рассказчика к образу автора является персонифицированность речи персонажей. В случаях, когда образ рассказчика отдалён от образа автора, всё повествование строится в языковой манере рассказчика. В повести «Вий» есть многочисленные примеры языковой характеристики персонажей. Например, зазывающей покупателей торговке свойственно употребление разговорной и просторечной лексики, лексических и фонетических украинизмов: *«Паничи! Паничи! сюды! сюды! ... Ось бублики, маковники, вертычки, буханци хороши!»* [4, с. 144]. Ректор употребляет в речи латинские обращения к собеседнику: «*Послушай, domine Хома!*» [4, с. 155].

Итак, рассказчик в повести по ряду ключевых параметров приближен к образу автора. Такой тип рассказчика описан А.И. Горшковым: «Рассказчик не обозначен с помощью местоимений 1-го лица и форм 1-го лица глаголов, но выделяется стилистически, с помощью просторечно-диалектных или, наоборот, «книжных» языковых средств. В этом случае в повествовании рассказчика возможны элементы всеведения». [5, с. 189]

Приближенность к образу автора – не единственная особенность рассказчика в повести «Вий». Речь идёт о приближенных к образу автора рассказчиках.

В примечании к повести говорится, что некий герой поведал «*народное предание*» тому, кто его непосредственно читателю «*рассказывает почти в такой же простоте, как слышал*». Следовательно, повествование опосредовано через две формы авторского артистизма.

Рассказчик 1 – рассказчик народного предания – не имеет имени. Мы можем предположить, что это человек, близкий к среде бурсы – и на этом основания для умозаключения иссякают. Этот образ рассказчика проявляется в тексте наличием словесного ряда украинизмов и словесного ряда просторечных и народных единиц. В зависимости от композиционной роли фрагмента текста чередуются отрезки текста, в которых словесные ряды рассказчика почти отсутствуют, и отрезки, в которых они представлены достаточно богато. Вся имеющаяся речевая характе-

ристика относится к рассказчику 1 – народному рассказчику. Приведём пример:

«*Философ Хома Брут был нрава веселого. Любил очень лежать и курить люльку. Если же пил, то непременно нанимал музыкантов и отплясывал тропака. Он часто пробовал крупного гороху, но совершенно с философическим равнодушием, – говоря, что чему быть, того не миновать.*

Ритор Тиберий Горобець ...носил только оселедец, и потому характер его в то время еще мало развился...» [4, с. 148].

Словесному ряду народного рассказчика принадлежат следующие лексемы и выражения: *люльку; тропака; крупного гороху; чему быть, того не миновать; оселедец.* Вместе с тем присутствует и словесный ряд, говорящий о рассказчике, как бы смотрящем на своих героев со стороны: *философическое равнодушие; ритор; характер развился.* Кроме того, всё пронизано авторской иронией. Она проявляется, в том числе, в словесных рядах, указывающих на рассказчика, то есть некоторые слова и выражения принадлежат одновременно словесному ряду образа рассказчика и словесному ряду, относящемуся к авторскому повествованию.

Образ рассказчика 2, то есть «пересказчика» «народного предания», по отношению к которому используется в примечании местоимение первого лица «Я», в остальном полностью обезличен. Мы не можем сказать о пересказчике совершенно ничего, кроме того, что он имел желание и возможность донести украинское «народное предание» до читателя, и, следовательно, стоит выше по социальной лестнице, чем рассказчик 1, и способен к литературному пересказу народного предания.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод: анализируемый комплекс из двух образов рассказчиков имеет черты условного рассказчика. Любой образ рассказчика – маска; но в «Вии» это свойство проявляется чрезвычайно ярко. Следовательно, образы рассказчиков, спрятанные в тексте, являются не *образами* в привычном смысле, то есть персонажами, а помогают реализации разных подсистем текста.

Далее прибегнем к внешнему анализу, поскольку, ограничиваясь внутренним анализом и использованием семантико-стилистического приёма, можно сузить понимание образа рассказчика и не усмотреть в нём закономерностей, общих для ряда литературных произведений.

Присутствие более одного образа рассказчика в тексте – нечастое явление, поэтому ряд произведений, интересных для сравнения, неширок. Из приближенных по времени создания произведений, более одного

образа рассказчика имеют такие шедевры классики, как «Герой нашего времени» и «Повести Белкина». Поскольку «Герой нашего времени» начал издаваться в 1840 году, позже, чем «Миргород», то межтекстовых связей у повести «Вий» с «Героем нашего времени» быть не может.

«Повести Белкина» были изданы в 1830 году. Повесть «Вий» Гоголь писал два года и выпустил в составе сборника «Миргород» в 1835 году. Это позволяет задаться вопросом, являются ли два образа рассказчика в «Вии» результатом влияния «Повестей Белкина».

Сравним конструкцию из образов рассказчиков в повести «Гробовщик» с двумя образами рассказчиков в «Вии».

В «Повестях Белкина» опосредование повествования через рассказчиков представляет собой достаточно сложное построение: сначала дан небольшой текст «от издателя», который взялся «*хлопотать об издании Повестей И.П. Белкина*» [7, с. 225], затем – письмо друга Белкина, представляющее собой краткий рассказ об авторе «Повестей…». Далее идут сами повести, которые, согласно сноске в тексте письма, были Белкиным «*слышаны…от такой-то особы…*»[7, с. 225]. В частности, «Гробовщик» «*рассказан был ему*» (Белкину) «*приказчиком Б.В.*» [7, с. 225].

Вмешательство издателя в текст «Повестей Белкина» никак не декларируется, он только «*хлопотал об издании*» текста, следовательно, он не является рассказчиком («пересказчиком»). Повествование от лица друга Белкина – это законченный отрезок текста в виде письма, друг Ивана Петровича проявляет себя в качестве рассказчика только на протяжении этого письма. Поэтому в повести «Гробовщик» присутствует конструкция из двух рассказчиков: рассказчик истории Б.В. и «пересказчик» Белкин, что, очевидно, совпадает с аналогичным сочетанием в «Вии».

Обращает на себя внимание, что способ введения рассказчиков в Повестях Белкина (приказчик Б.В.) и в «Вии» (некто из среды бурсаков) идентичен: с помощью сноски, дающей минимум информации.

Мы сможем определить, чему именно служит в этих повестях конструкт из двух образов рассказчиков, выяснив, чем связаны и в чем различны рассказчики «Вия» и «Повестей Белкина».

И в «Вии», и в «Гробовщике» пересказчик стоит выше на социально-литературной лестнице, чем рассказчик. Но если в «Вии» пересказчик стремится передать повествование «*в такой же простоте, как слышал*», то в «Гробовщике» пересказчик излагает «*слышанное*» от своего лица. Это различие в роли пересказчиков ведет к различию в стиле текстов:

«Стиль Гоголя более пестр и разнороден по своему социально-речевому составу и более непринужденно обращается с внелитературными речевыми жанрами и диалектами» [3, с. 17]. Поэтому, хотя в «Вии» личность рассказчика не декларируется, можно угадывать ее по стилю изложения и степени информированности рассказчика. В «Гробовщике» же рассказчик обозначен определенно – это приказчик Б.В. Однако этот рассказчик проявляется только сюжетом рассказанной истории. Причина отсутствия речевой характеристики приказчика Б.В. в том, что, как писал Виноградов, «методами речевого построения образа рассказчика» у писателей карамзинской школы, а, следовательно, и у Пушкина, «допускались лишь минимальные отклонения от среднего литературного стиля... Здесь образ рассказчика лишь слегка окрашивал своей экспрессией общее течение повествовательного стиля, за которым всегда стоял обобщенный и отвлеченный образ писателя с дворянско-эстетическими навыками и вкусами» [3, с. 17]. Оставаться в рамках «норм речи “хорошего общества”» тексту позволяет то, что на первый план в повести выдвинут не близкий среде ремесленников рассказчик Б. В., а «пересказчик», дворянин И.П. Белкин.

Остановимся на еще одном отличии рассказчиков в повестях. Это отсутствие текста от первого лица в «Вии» (кроме примечания) и незначительное его присутствие в «Гробовщике». Повествование от первого лица – наиболее явный вариант присутствия образа рассказчика. Выясним, ведет ли наличие текста от первого лица к существенному отличию образов рассказчиков в «Гробовщике» от таковых в «Вии».

В повести присутствуют три таких отрезка текста. Приведем самый большой:

«Просвещенный читатель ведает, что Шекспир и Вальтер Скотт оба представили своих гробокопателей людьми веселыми и шутливыми, дабы сей противоположностию сильнее поразить наше воображение. Из уважения к истине мы не можем следовать их примеру и принуждены признаться, что нрав нашего гробовщика совершенно соответствовал мрачному его ремеслу.» [7, с. 253]

В этих отрезках текста рассказчик выступает открыто, полемизируя с «*современными романистами*» или классиками, отстаивая и подчеркивая реалистичность описываемого. Однако после данного проявления «я» рассказчика больше нигде не возникает, следовательно, в сюжет, оценку действий персонажей, описание событий образ рассказчика не вносит вклада как персонаж и носитель отличной от всеведения и вненаходимости точки видения. Если провести стилистический эксперимент и

изъять из текста повести приведенные отрезки, то она не утратит своей целостности, потеряв лишь явно выраженную адресованность «*просвещенным читателям*». Поэтому полагаем, что повествование от первого лица не является принципиальным для повести «Гробовщик».

Выясним соотношение образов рассказчиков с образом автора в «Гробовщике». Обратимся для этого к прямой речи как к приему субъективации, использованному в повести. Как было сказано выше, писатели карамзинской школы не прибегали к ярко выраженной стилизации, однако речевая характеристика персонажей здесь, безусловно, присутствует. Ремесленники-немцы говорят тяжеловесным языком с оборотами, являющимися кальками иностранных, включают в свою речь немецкие слова: *«…Я сапожник, имя мое Готлиб Шульц, и живу от вас через улицу… Завтра праздную мою серебряную свадьбу»* [7, с. 253], «*За здоровье тех, на которых мы работаем, unserer Kundleute!*» [7, с. 255]. В речи работницы в доме гробовщика использованы просторечные выражения, предложения очень простые и короткие: «*Что ты, батюшка?... что ты это городишь? Перекрестись! Созывать мертвых на новоселие! Экая страсть!*» [7, с. 256] Речевая характеристика персонажей говорит о том, что текст не подчинён единой речевой манере рассказчика. В тексте использовано речевое разнообразие, что характерно для «авторского повествования». Отсюда, наряду с отсутствием на протяжении большей части текста непосредственной проявленности рассказчика как персонажа, можно сделать вывод о приближенности образа рассказчика («пересказчика») к образу автора в «Гробовщике». Подобное приближение есть и в «Вии».

Итак, общим для конструкта из двух рассказчиков в «Вии» и «Гробовщике» является (1) сам факт наличия двух рассказчиков, точнее, рассказчика и «пересказчика»; (2) способ введения первого рассказчика с помощью ссылки; (3) приближенность образов рассказчиков к образу автора.

Различия заключаются в том, что (1) «главным», заявленным в тексте повести, рассказчиком в «Вии» является первый, народный, рассказчик, а в «Гробовщике» – второй рассказчик, пересказчик Белкин. Следствие сказанного в том, что (2) в «Вии» рассказчик проявлен стилистически, а стиль «Гробовщика» ближе к «среднему литературному стилю».

Присутствие общих черт в конструкции из двух образов рассказчиков – одно из проявлений тематико-композиционной межтекстовой связи между повестями «Вий» и «Гробовщик».

Далее мы можем, как планировали, выяснить, чему именно служит конструкт из двух образов рассказчиков. В «Повестях Белкина» пересказчик, подобно пересказчику в «Вии», представляет публике текст, за который будто бы ответственен рассказчик 1. У Пушкина этот рассказчик 1 менее обезличен, о нём даётся прямая информация: приказчик Б.В. Он – представитель социальной среды мещан и вводит в эту среду. Рассказчик же «Вия» вводит читателя в украинскую народную среду, это народный рассказчик: для «народных преданий», то есть устного народного творчества, характерна анонимность.

Ссылка на рассказчика, принадлежащего к описываемой в повестях среде, в обоих произведениях позволяет усилить эффект достоверности повествования. Так, в подобных ссылках «особенно нуждается документальная литература и близкая к ней мемуаристика … такая литература, чтобы вызывать представление о достоверности сообщаемого, обычно называет и источники сообщений» [6, с. 88]. В «Вии» и «Гробовщике» ссылка, указывающая «источник сообщения», приближает произведение к литературе в жанре нон-фикшн.

Присутствие в этих произведениях двух образов рассказчиков объясняется мистическим/потусторонним наполнением повести, призванным вызывать страх. Было проведено статистическое исследование так называемых «страшных историй», чтобы доказать следующий факт: два образа рассказчика создают неопределённость, являющуюся составной частью саспенса.

В «страшных историях» часто декларируется подача повествования рассказчиком со слов ещё одного лица, то есть создаётся два образа рассказчиков. В доказательство тезиса, что такой конструкт является характерным свойством «страшных историй», нами было проведено статистическое исследование на материале пяти сайтов (https://4stor.ru/histori-for-life, http://www.osimira.com, http://realfear.ru/, http://story-house.ru/strashnye-istorii/, http://www.itspossible.ru/), на которых размещаются подобные истории. На каждом сайте были проанализированы 20 историй, то есть всего 100. Двух рассказчиков имели 27% историй. Это даёт основание считать наличие двух образов рассказчика не обязательным, но характерным признаком «страшных историй».

Следовательно, одной из причин создания двойного образа рассказчика как в повести «Вий», так и в повести «Гробовщик» является родственность некоторых аспектов этих произведений жанру «страшных историй», истоки которых мы находим в древнейшем фольклорном

жанре «былички». «Быличка – жанр устного народного творчества: рассказ героя о встрече с нечистой силой. Зачастую Б. становятся основой сюжета художественного произведения (Н.В. Гоголь “Вий”) или включаются в текст (например, И.С. Тургенев включил Б. в рассказ “Бежин луг”)» [1]. Тема «быличковых» закономерностей в повести «Вий» и языковых условий для создания саспенса многообещающа и требует дальнейшего исследования.

Литература

1. *Белокурова С.П.* Словарь литературоведческих терминов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://gramma.ru/SPR/?id=1.5 (Дата обращения 10.10.2018).
2. *Виноградов В.В.* О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959. 656 с.
3. *Виноградов В.В.* Язык и стиль русских писателей. От Гоголя до Ахматовой. М.: Наука, 2003.390 с.
4. *Гоголь Н.В.* Собр. соч. в 7-ми томах. М.: Художественная литература, 1979. Т. 2. 333 с.
5. *Горшков А.И.* Русская стилистика и стилистический анализ произведений словесности. М.: Литературный институт имени А. М. Горького, 2008. 543 с.
6. *Папян Ю.М.* Образы текстов в современном романе // Вестник Литературного института им. А.М. Горького**.** 2016. №3. С.86-92.
7. *Пушкин А.С.* Собр. соч. в 3-х томах. М.: Художественная литература, 1954. Т. 3. 620 с.

Е.Д. Алимов
студент Факультета государственной культурной политики
Московского государственного института культуры
Москва (Россия)
E-mail: Alimovaluda71@gmail.com

Исторический контекст причинно-следственных связей в повести Людмилы Петрушевской «Странствия по поводу смерти»

Аннотация. В статье рассматриваются исторические параллели в творчестве Людмилы Петрушевской, в частности в её повести «Странствия по поводу смерти». Затрагивается дискурс с творчеством Достоевского на примере романа «Бесы».

Ключевые слова: лексические повторы, ценностные противоречия, пепел, Вера и Иван Шатов, ощущение законности.

Evgeniy D. Alimov
Student of the Faculty of State Cultural Policy of
Moscow State Institute of Culture
Moscow (Russia)
E-mail: Alimovaluda71@gmail.com

The historical context of cause-and-effect relations in the story of Lyudmila Petrushevskaya "The journey about death"

Abstract. The article discusses the historical Parallels in the work of Lyudmila Petrushevskaya. The discourse with Dostoevsky's works is touched upon on the examples of the novel "Demons".

Keywords: lexical repetition, value contradictions, ash, Vera and Ivan Shatov, a sense of legitimacy.

Жизнь современного человека полна аллюзий… Человек – это краеугольная часть истории. История циклична, жизнь поколений – тоже. Современная литература актуализирует этот вопрос. Яркий пример

преподала Людмила Петрушевская в своём новом сборнике «Странствия по поводу смерти», состоящем из одной повести и восьми рассказов. В статье будет рассмотрена заглавная повесть этого сборника.

История семьи, наполненная множеством интонаций и, что немаловажно, наполненная объёмом. Высокая сюжетная и внесюжетная плотность повести не мешает читательскому восприятию.

Перед нами текст изящной, хоть и размашистой лепки, благодаря частому дроблению на абзацы.

Текст повести наполнен интертекстуальными отсылками, яркими лексическими повторами, злободневными тропами, позволяющими прочувствовать динамику не то что сюжета – динамику смены чувств и настроений у главной героини повести Веры. Мы видим динамику в новой исторической цикличности.

Повесть охватывает значительный период истории нашей страны, от раскулачивания в двадцатые годы XX века до наших дней. Акцент на переживаниях главной героини и на её личной трагедии позволяет прочувствовать весь этот исторический период на себе. Большинство из нас – законопослушные граждане страны, но, читая данную повесть, можно обнаружить, что закон – субстанция очень противоречивая. И дело не только в двусмысленной трактовке, но и в ценностных противоречиях разных слоёв русского общества.

Перейдём к персонажам повести. Главная героиня «Странствий» Вера не описывается подробно с первых же строк повести. Мы видим, что Петрушевская сразу задаёт бешеный темп. Нет времени пространно представлять персонажа. Мы видим, какая героиня – через действие. И здесь сокрыт композиционный перевёртыш – Петрушевская раскрывает не динамику происходящего, а динамику в причинно-следственной связи обстоятельств жизни семьи главной героини.

Подводя нас к поступкам главной героини, Петрушевская, описывая детство Веры, говорит об её доброте, вкладывая это в слова бывшего мужа Веры:

«И признавался, что особенно любит в Верочке доброту, что она не требует денег, не гребёт их…».

И когда сюжет подводит к тому, что Вера вынуждена преступить закон, это воспринимается как поиск справедливости.

Множество интонаций этой повести также подводит к построению причинно-следственных связей. Мама Веры – Лаура; Валеска Викентьевна – тётя Веры, оставившая наследство с тёмным прошлым;

погибший при странных обстоятельствах отец Веры – все они являются необходимыми условиями для того, чтобы вникнуть в повесть и распознать её многослойность.

Внесюжетные истории отсутствующих на современной авансцене героев дополняют их продолжателей – у героев современности появляется объём и глубина личной предыстории. Людмила Ивановна Воронцова в своём исследовании архетипических оппозиций в прозе Л. С. Петрушевской пишет о том, что в произведениях Петрушевской наблюдается серийный повтор судьбы через поколения. [1, с. 391]. В «Странствиях» это вновь наблюдается.

Наталья Юрьевна Печетова в своей работе «Языковые средства организации хронотопа в рассказах Л. Петрушевской» говорит о неоднородности художественного времени в творчестве Петрушевской. Она пишет: «Художественное время и пространство в рассказах писателя неоднородно: в одних реально и соотнесено с историческим, в других предстаёт как условное и устанавливается самим автором. Более того, подобная неоднородность прослеживается в разных эпизодах в пределах одного повествования» [5, с. 102]. В «Странствиях мы наблюдаем мастерский переход от истории к предыстории и обратно – это подчёркивает неразрывность связи поколений героев повести.

Многослойность сюжета подчёркивается тем, что личная предыстория перекликается с предысторией нашей страны. Как страдает страна, так и страдают поколения. И здесь Петрушевская очень к месту использует лексический повтор. Слово «пепел» имеет в контексте «Странствий» особое значение, и не только переносное. Стоит процитировать отрывок повести и понять, что в каждое упоминание слова «пепел» Петрушевская вносит новый смысл:

«А доносчики были палачами, что тут скрывать.

И потом, ПЕПЕЛ, который стучал в сердце Веры и её отца, потомка казнённых Советской властью, был не нашим ПЕПЛОМ.

ПЕПЕЛ после казней имелся в Средневековье в результате сгорания костров и людей, привязанных к столбу.

Тогда он и мог стучать сыну сожжённого в самое сердце.

Правда у гитлеровцев ПЕПЕЛ тоже был, но не после каждого сожжённого, а групповой, массовый, в лагерных крематориях.

Да и у нас какой ПЕПЕЛ мог стучаться в сердце, какой мог быть пепел в ГУЛАГе у Полярного круга. Дрова-то изводить, печь топить на вечной мерзлоте!».

Можно увидеть, что образ пепла перекликается с образами страха, ужаса и смерти. Маргарита Криволуцкая, исследуя «Странствия», пишет о том, что Петрушевская «описывает переживание страха, его признаки и поведения персонажей в ситуации опасности с помощью художественных приёмов повтора и градации, тщательно подобранной лексики с семантикой ужаса, страха и смерти» [4, с. 137].

Не только лексический повтор, но и парцелляция хорошо помогают прочувствовать переживания главной героини. Когда обнаружилась некоторая связь между смертью отца Веры и обстоятельствами случившейся с ней аварии, когда происходит допрос поймавших её представителей закона, когда она от них бежит – всё это подчёркивается короткими ёмкими предложениями, и сам читатель может проникнуть в шкуру героини и прочувствовать её действия на себе. Пример:

«Причина – допустим, поссорилась с водителем, он запросил больше, чем договаривались. Не согласилась. Так. Он высадил меня и уехал обратно с моим рюкзаком. Не запомнила номера. Ведь он меня просто вышвырнул. Скотина, ворюга. Бывают же такие. Упала на дорогу, хорошо не на ходу, а стоя. Хорошо, что я опёрлась на руку. На обе руки. Не попачкала одежду».

Читая произведение, мы можем мысленно действовать как Вера и тем самым осознáем себя частью нашей истории и её причинно-следственных связей.

Теперь об интертексте. «Странствия» стали новым переосмыслением творчества Достоевского. Можно увидеть перекликания с романом «Бесы».

Как пишет российский литературовед Мария Викторовна Загидуллина: «…Петрушевская и Достоевский строят творчество на ударах скальпеля по живому…» [3, с. 28].

Тема репрессий очень болезненная для российского общества. Прообразами представителей КГБ, убивших отца Веры, можно назвать Петра Верховенского и его революционное движение из «Бесов». Тогда они были по ту сторону закона. Но средства достижения целей были всё те же. Иван Шатов же, как Вера, – «попался под скальпель».

Свои собственные идеи вложил Достоевский в Ивана Шатова. Так же, как и Петрушевская – в ощущение законности у Веры.

Вот ещё одна немаловажная причинно-следственная связь.

Ирина Владимировна Дергачёва, исследуя сборник «Странствий», говорит о Вере как о «защитнике прав врагов народа, продолжившей

дело отца по увековечиванию памяти пострадавших жертв ГУЛАГа» [2, с. 457]. Враги народа – удивительное словосочетание. Враги ли народа? Или новые русские мученики-продолжатели? Вопрос, на который стоит ответить читателю.

Литература

1. *Воронцова Л.И.* Архетипические оппозиции «Мать и ребёнок» в прозе Л.С. Петрушевской // Самара: Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 16, №2(2), 2014. 390 – 393 с.
2. *Дергачёва И.В.* Рецепция особенностей танатологического дискурса в прозе Л.С. Петрушевской // М: МПГУ-2019. Литература Древней Руси. 2019. 453 – 457 с.
3. *Загидуллина. М.В.* Петрушевская и Достоевский // Челябинск: Челябинский гуманитарий, 2010. 24 – 28 с.
4. *Криволуцкая М.А.* Лингвистические средства выражения состояния страха в творчестве Л. Петрушевской (на материале сборника «Странствия по поводу смерти») // Тамбов: Грамота, 2018. №12(90). Ч. 1. 134 – 138 с.
5. *Печетова Н.Ю.* Языковые средства организации хронотопа в рассказах Л. Петрушевской // Якутск: Вестник СВФУ, 2013, Том 10, № 5, 101 – 105 с.

В.В. Серова
студентка 1-го курса факультета
государственной культурной политики
Московского государственного института культуры
Москва (Россия)
E-mail: vikabergman1@mail.ru

Любовная лирика Владимира Маяковского: биографические аспекты в творчестве поэта

«Любовь это жизнь, это главное. От нее разворачиваются и стихи, и дела, и все прочее. Любовь это сердце всего. Если оно прекратит работу, все остальное отмирает, делается мнимым, ненужным. Но если сердце работает, оно не может не проявляться в этом во всем». [1]
(Из письма Маяковского
к Л. Брик. 5 февраля, 1923 г.)

Аннотация. Данная статья посвящена человеку, который, на мой взгляд, имеет одну из самых незаурядных биографий, на фоне остальных поэтов Серебряного века. В моём сообщении я постаралась ёмко уместить все события, которые нашли своё отражение в любовной лирике Маяковского.

Ключевые слова: Маяковский, лирика, любовь, стихотворение, Брик, Денисова, футурист.

Victoriya V. Serova
1st year student of the
faculty of state cultural policy of
Moscow State Institute of Culture
Moscow (Russia)
E-mail: vikabergman1@mail.ru

Love lyric poetry of Vladimir Mayakovsky: biographical aspects in the poet’s works

Abstract. The article is devoted to a man who has one of the most extraordinary biographies in comparison with other poets of the Silver Age. This article makes

an attempt of describing the events that are reflected in the love lyric poetry of Mayakovsky.

Keywords: Mayakovsky, lyric poetry, love, a poem, Brik, Denisova, a futurist.

Новизна, эпатаж, непохожесть на остальных – то, что привлекает внимание к персоне Маяковского день ото дня миллионы читателей. Ни для кого не секрет, что тема советского патриотизма, борьбы за мир, места поэта и поэзии в обществе, борьбы с пережитками прошлого, тема укрепления величия страны выводится на первый план в лирике великого поэта. Большинству читателей Маяковский известен как поэт, который борется за справедливость, ратует за становление нового социалистического общества. Поэт, который любит свою родину, предан идее революции, народу и власти. В этой статье личность и лирику Маяковского через призму реальной жизни, упор сделан не на того эпатажного персонажа, который декламирует стихи революционного настроения, а на человека, который обращается в своей лирике к такому сокровенному чувству как любовь.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы раскрыть творчество Маяковского с не самого привычного для него ракурса. Прочитать, проанализировать и понять, что скрывается за многочисленными рубленными строками стихотворения или поэмы, что побудило Маяковского написать именно так, а не иначе. В статье будут рассмотрены адресаты любовной лирики Маяковского и сами стихотворения.

Мой выбор не случайно пал именно на личность Владимира Владимировича. Меня поражает то, как он смог создать столь яркого и противоречивого лирического героя и смог остаться в обыденной жизни человеком мягким, ранимым. Главное отличие лирического героя Маяковского от него самого заключается в характере. Персонаж является человеком твёрдым, решительным, он протестует сначала в сфере искусства, а затем и в сфере общественной жизни. Он не рассказывает, он убеждает, доказывает, призывает. От манеры написания до смысла стихотворения – везде заложено настроение чёткое, всем понятное. Это введение нового, демократического языка, вместо поэтического, в котором *«слова разлагаются, как трупики»,* скандальное обновление ритмики и рифмы так или иначе создаёт этот образ, который мы все привыкли узнавать, слыша фамилию Маяковский.

Для того чтобы понять мотивы написания тех или иных стихотворений и поэм стоит обратиться к биографии поэта, обратить внимание

на его характер, психологический фон. В своё время Маяковский был очень ярким мужчиной с необычной внешностью: высокий рост, острые, красивые черты лица выделяли его на фоне остальных. Невольно складывался образ сильного и властного мужчины.

Отсюда, несомненно, большой интерес со стороны прекрасного пола. Но внутренний мир Владимира Владимировича немного не сходился со своим внешним образом.

В душе он был человеком чувствительным, даже ранимым (это можно проследить в стихотворениях и письмах его возлюбленным) он не боялся влюбляться и любить.

Я выделила наиболее значимых женщин в жизни Маяковского, которым посвящены самые известные стихотворения поэта.

Мария Александровна Денисова – та самая «Джоконда», одна из первых девушек, которая заняла место в сердце и лирике Владимира Маяковского. Именно ей была посвящена чуть ли не самая известная и одна из первых поэм «Облако в штанах». С Денисовой Маяковский познакомился в Одессе в начале 1914 года. Маяковский и другие известные футуристы проводили выступления во многих городах России. Энергичные, резкие молодые люди, которые создавали новый литературный жанр, приковывали внимание публики безоговорочно. Денисова же, напротив, не сильно прониклась идеей футуристов, но, тем не менее, Маяковский ей понравился. Сам же поэт буквально остолбенел, когда впервые увидел её. Он не находил место своим чувствам, сам не спал и не давал другим, оттягивал свой отъезд из Одессы. «Мой остроугольный друг», так называла Денисова Владимира Маяковского, которая не смогла ответить поэту взаимностью.

Эта, по сути, небольшая искра, которая вспыхнула между Денисовой и Маяковским, зажгла такую звезду как «Облако в штанах».

В начале произведения Маяковский описывает, как мучительно ожидает герой свою возлюбленную, он так предвкушает эту встречу, что даже, *«у нервов подкашиваются ноги!»* [2]. Он не в силах совладать сам с собой, его не слушаются мысли, ему начинает казаться, что даже дождинки гримасничают, будто издеваются. Внутри него бушуют эмоции, а время течёт настолько долго, что он перестаёт его чувствовать.

«Упал двенадцатый час,
как с плахи голова казненного» [2]

Долгожданная встреча с возлюбленной мимолетно разрушает его внутренний мир – герой узнаёт, что Мария в скором времени выходит замуж. В один момент девушка смогла потушить величественный пожар эмоций в его груди. Внешне кажется, что он ничего не чувствует, но в его душе образовалась дыра, он спокоен, как *«пульс покойника»* [2]. В конце концов, лирический герой разочаровывается в Боге, Творец является для него бессильным, даже он не может его понять, увидеть, как кровоточит его сердце, как его настигают отчаяние, разочарование и одиночество.

«Я думал, ты всесильный божище, а ты недоучка, крохотный божик». [2]

Но герой всё равно не может освободиться от мыслей о Марии, он кричит о своей любви, хотя уже понимает, что это напрасно, так как вместе с чувствами в нем рухнули все сдерживающие его основы мировоззрения. Герой грезит о революции во всех сферах жизни и готов посвятить всего себя перестройке всего живого.

«Облако в штанах» – это сочетание легкости и романтики с грубостью и бытовыми аспектами жизни, поэт гениально совместил несовместимые характеры и образы.

«Хотите –
буду от мяса бешеный
– и, как небо, меняя тона –
хотите –
буду безукоризненно нежный,
не мужчина, а – облако в штанах!» [2]

Сильный и уверенный в себе мужчина под действием мучительных эмоций и горячего чувства любви в один миг становится мягким и невесомым, легким и бесформенным. Внешне он все так же суров и спокоен, эти качества присущие мужскому полу, Маяковский приводит в сравнении с грубыми штанами. Облако, которое в них одето, является отражением внутреннего мира лирического героя, который находится в подвешенном состоянии. Он нежен и чуток, у него нет сил на то, чтобы изменять то, что происходит вокруг.

Безусловно, самой главной темой поэмы Маяковского «Облако в штанах» является тема любви, безответной и мучительной. Она напрямую пересекается с остальными темами, которые автор рассматривает в произведении: одиночество, отвержение политики, морали, Бога.

Лирический герой страдает от неразделенной любви, и эти мучения приводят его к отрешению от собственных мыслей и убеждений.

В июле 1915 года состоялась по истине легендарная, роковая встреча для Владимира Маяковского – встреча с семьёй Бриков. ***Лилия Юрьевна Брик*** – это та женщина, которая совершила революцию в душе Маяковского безоговорочно и бесповоротно. Начиная со дня встречи Лилии и Владимира практически все стихи и поэмы посвящены именно ей. И даже поэму «Облако в штанах», которую издал Осип Брик, написанную для Марии Денисовой, Маяковский перепосвещает Лиле.

Лилия Юрьевна было очень необычной женщиной, она привлекала множество мужчин какими-то особыми чертами характера, она умела понравиться человеку. По её словам, *«надо внушить мужчине, что он замечательный или даже гениальный, но что другие этого не понимают. И разрешать ему то, что не разрешают ему дома. Например, курить или ездить куда вздумается. Остальное сделают хорошая обувь и шелковое белье»*. В бесконечном количестве писем Маяковский несмотря ни на что признаётся в вечной любви к этой женщине. Дама разума, души и сердца совершенно безумным образом оставалась в жизни Маяковского до конца его дней.

Рассматривая любовную лирику Маяковского нельзя не упомянуть самое яркое и известное стихотворение «Лиличка!». Примечательно то, что это стихотворение было написано в тот момент, когда Брик находилась в одной комнате с Маяковским, и поэт предпочёл выразить свои мысли на бумаге.

Лирический герой, видимо, понимает, что сила его чувств надоела возлюбленной, со временем эта пылкая страсть превратилась для неё в некую обузу и он пишет: «*Сегодня сидишь вот, сердце в железе. День ещё – выгонишь, может быть, изругав»* [3]. Далее описывается то, что будет, если он уйдёт. По-видимому, эта сцена уже повторялась, он знает, как будут развиваться события. Чтобы избежать унизительной сцены, герой вопрошает:

«Не надо этого,
дорогая,
хорошая,
дай простимся сейчас…
Дай в последнем крике выреветь
горечь обиженных жалоб[3]*».*

Из-за сложившейся ситуации герой размышляет о разных способах убить себя, но понимает, что чувства между ними в разы сильнее и выше смерти.

«И в пролет не брошусь,
и не выпью яда,
и курок не смогу над виском нажать.
Надо мною,
кроме твоего взгляда,
не властно лезвие ни одного ножа[3]*».*

Ради неё он *«душу цветущую любовью выжег»*. Отдав даме сердца всего себя, герой понимает, что не находит ответа.

Стихотворение было написано через год после знакомства Маяковского с семьёй Бриков. Все строки «Лилички» пронизаны криком души, который вырывается на бумаге.

Также Лили Брик была посвящена не одна поэма. Восьмая глава поэмы «Люблю» под названием «Ты», на мой взгляд, ярко отражают взаимоотношения между Маяковским и Лилей. В этом отрывке лирический герой *«просто мальчик»*, а его любимая *«взяла, отобрала сердце и просто пошла играть-как девочка с мячиком»* [4]. Проявление детской темы в этом отрывке оправдывает и сравнение с игрой, с которой отождествляется высокое чувство. Данный текст можно отметить, как наполненный оптимистичным, радостным звучанием. Герой как будто витает в облаках, *«не помнит себя от радости»*. Он поддан великому чувству любви. Женский же образ, отважный и категоричный, противопоставлен остальному «дамью», пугливому и пассивному. Прекрасный пол недоуменно взирает на бесстрашную героиню. Шокирующий эффект зрелища выражен при помощи неологизма «вкопалась». Вскоре всеобщее удивление сменяется предположением: чудесную смелость играющей объясняют серьезной профессиональной подготовкой, необходимой укротительнице хищников.

Также в жизни Маяковского некую роль сыграла ***Элли Джонс*** (Елизавета Зиберт) с которой поэт познакомился во время американского турне в Нью-Йорке в 1925 году. Джонс являлась переводчицей Маяковского, и с течением времени у них сложились отношения. Стихотворений, посвященных Элли, я не нашла, в источниках сказано, что, когда Владимир Маяковский сообщил о том, что хочет написать любовное стихот-

ворение, посвящённое ей, Элли сказала: «Давай сохраним наши чувства только для нас».

Элли Джонс родила от поэта дочь (Патрисия Томпсон – Елизавета Маяковская), с которой он встретился лишь однажды, в 1928 году в Ницце. Отношения Элли Джонс и Маяковского скрывались много лет, их полному обнародованию мы обязаны единственной дочери великого поэта.

Татьяна Александровна Яковлева – русская модель, иммигрировавшая в Париж, была следующей дамой сердца поэта. Маяковского и Татьяну не случайно знакомит в Париже Эльза Триоле, с целью отвлечь поэта от мыслей иммигрировать в США к «двум Элли». Брик придумала этот план, Триоле его воплотила. Яковлева должна была «перебить» планы Маяковского. Надежды сестёр на лёгкий флирт не оправдались, и Маяковский «по уши влюбился» в Татьяну, как и она в него. Современники вспоминают: *«Это была замечательная пара. Маяковский очень красивый, большой. Таня тоже красавица – высокая, стройная, под стать ему. Маяковский производил впечатление тихого, влюблённого. Она восхищалась и явно любовалась им, гордилась его талантом.»* [5]

Маяковский уговаривал Татьяну поехать с ним в Россию, бросить всё и стать его законной женой, но она была не готова кардинально поменять свою жизнь ради поэта-футуриста.

Яковлева была адресатом таких стихотворений поэта как «Письмо товарищу Кострову…», «Письмо Татьяне Яковлевой».

В первом Маяковский очевидно выражает, выплёскивает все те чувства, которые были до и после встречи с Татьяной. В начале он извиняется перед своим редактором Тарасом Костровом за то, что пишет не о поездке в Париж и своих впечатлениях, а о даме, о своих высоких чувствах, которые буквально застали его врасплох.

«Я видал девиц красивей, я видал девиц стройнее», – пишет поэт. Но именно Татьяна Яковлева, обладающая удивительным аристократизмом, тонким умом и целеустремленностью, произвела на Маяковского неизгладимое впечатление:

«…опять
в работу пущен
сердца
выстывший мотор[6]*»*.

Как будто после апатии герой вновь готов отдать всего себя той, которую полюбил, он снова может испытать те яркие эмоции, воодушевлённость, которые приносит любовь.

«Я навек любовью ранен –еле-еле волочусь», – по-видимому, эта строчка говорит не только о любви к Яковлевой, но и о любви к Лили Брик. Поэт понимает, что больше никогда он не сможет настолько сильно полюбить кото-то кроме Лили.

Далее автор признаётся, что о не желает скрепить свою любовь узами брака, так как ему *«любовь не свадьбой мерить»* и *«наплевать на купола»,* ему важны лишь внутренние чувства, которые не нуждаются в закреплении на бумаге. Маяковский рассуждает о сущности любви, о том, что это чувство способно заставить любого человека идти на безумные поступки. В конце Маяковский как бы предупреждает свою возлюбленную о возможной силе его чувств и вопрошает:

«Кто сумеет совладать?
Можете?
Попробуйте…» [6]

«Письмо Татьяне Яковлевой» – второе стихотворение, посвященное парижской любви Маяковского. Оно было написано уже тогда, когда Маяковский вернулся в Москву. Он болезненно воспринял отказ Яковлевой на его предложение вернуться на Родину, ведь они так подходили друг другу, она как никто понимала его. Поэт был зол, но всё-таки испытывал чувства к Татьяне. Это смешение двух сторон медали отразилось именно в этом стихотворении.

В начале Маяковский подчёркивает, что никакое чувство не может в нём заглушить любовь к Родине, так как *«красный цвет моих республик тоже должен пламенеть»* [7]. Обличая сущность парижских дам, которые за нарядами и макияжем скрывают свою сущность, Маяковский подчёркивает, обращаясь к Татьяне, что она отличается от легкомысленных парижанок:

«Ты одна мне
ростом вровень,
стань же рядом
с бровью брови…» [7]

Поэт пытаясь уговорить Татьяну вернуться в Россию, рассказывает ей о социалистическом быте, который Татьяна Яковлева так упорно пытается вычеркнуть из своей памяти. Но новая Россия в то время – это голод, нищета, войны, и Татьяна это понимает. Оставляя её в Париже, Маяковский понимает, что у Татьяны будет много поклонников, которые смогут обеспечить ей красивую жизнь. Поэта гложет обида за то, что лучшие люди покидают Родину больше, чем мужская ревность.

Финал стихотворения наполнен некой злостью, иронией, сарказмом. *«Оставайся и зимуй, и это оскорбление на общий счет нанижем»*. Эта строка подчёркивает то, что Маяковский считает Яковлеву предательницей не только по отношению к нему, но и к Родине. Однако это не охлаждает чувств поэта, и он обещает ей:

«Я все равно
тебя
когда-нибудь возьму –
одну
или вдвоем с Парижем[7]*»*

Но по иронии судьбы возлюбленные больше не видятся, так как через полтора года после написания этого письма в стихах Маяковский кончает жизнь самоубийством.

Таким образом, эта статья подтверждает тот факт, что вся любовная лирика Маяковского напрямую зависит от событий, которые происходили в жизни поэта. В каждом стихотворении выстраданы чувства к любимой, в строчках заложен глубокий смысл. Любовная лирика главного футуриста серебряного века складывалась в совершенно уникальном ключе за счёт яркой биографии, которая отпечаталась между строк каждого стихотворения.

Литература

1. Письма Владимира Маяковского к Лиле Брик [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://stayshalina.livejournal.com/5303.html / (Дата обращения: 20.03.2019).

2. Владимир Маяковский – Облако в штанах (поэма) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rustih.ru/vladimir-mayakovskij-oblako-v-shtanax-tetraptix / (Дата обращения: 21.03.2019).
3. Владимир Маяковский – Лиличка! [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rustih.ru/vladimir-mayakovskij-lilichka / (Дата обращения: 21.03.2019).
4. Владимир Маяковский – Ты [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rustih.ru/vladimir-mayakovskij-ty/ (Дата обращения: 21.03.2019).
5. «А глыбе многое хочется!»: женщины Владимира Маяковского [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ria.ru/20180117/1512806783.html / (Дата обращения: 21.03.2019).
6. Владимир Маяковский – О сущности любви [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rustih.ru/vladimir-mayakovskij-o-sushhnosti-lyubvi / (Дата обращения: 21.03.2019).
7. Владимир Маяковский – Письмо Татьяне Яковлевой [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rustih.ru/vladimir-mayakovskij-pismo-tatyane-yakovlevoj/ (Дата обращения: 24.03.2019).

Е.В. Борисова
*Московский кадетский корпус «Пансион воспитанниц
Министерства обороны Российской Федерации»
Москва (Россия)*
E-mail: katyabex@gmail.com

Издательская деятельность М.П. Погодина. Альманашный период

Аннотация. Исследование издательской деятельности М.П. Погодина каждый раз открывает новую грань его творческой личности. В статье рассматриваются истоки формирования многогранной деятельности М.П. Погодина, выявляется степень влияния московского типографа А.Г. Решетникова, педагогов Московского университета и А.С. Пушкина. Утверждается, что благодаря участию А.С. Пушкина в издательских проектах М.П. Погодина, издания приобретали философско-эстетическую направленность, а сам М.П. Погодин всегда прислушивался к высказываниям А.С. Пушкина, о чем свидетельствует их многолетняя переписка.

Ключевые слова: М.П. Погодин, А.С. Пушкин, издательская деятельность, журналистика, альманахи.

Ekaterina V. Borisova
*Moscow cadet corps "Boarding school of pupils
The Ministry of defence of the Russian Federation"
Moscow (Russia)*
E-mail: katyabex@gmail.com

Publishing activity of M. P. Pogodin. The almanac period

Abstract. Research of publishing activity of M.P. Pogodin every time opens a new facet of his creative personality. The article considers the origins of the formation of multifaceted activities of M.P. Pogodin, reveals the degree of influence of the Moscow typographer A.G. Reshetnikov, teachers of Moscow University and A.S. Pushkin. It is argued that due to the participation of A.S. Pushkin in publishing projects of M.P. Pogodin, publications acquired philosophical and aesthetic orientation, and M.P. Pogodin always listened to the statements of A.S. Pushkin, as it is evidenced by their long-term correspondence.

Keywords: M.P. Pogodin, A.S. Pushkin, publishing, journalism, almanacs.

Жизнь М.П. Погодина весьма удивительна. Он стал академиком, происходил из крепостных крестьян: его дед был крепостным крестьянином графа Г.П. Чернышева – сподвижника императора Петра I [3].

Уже в детские годы определилось призвание М.П. Погодина. Он не только знал, но с увлечением прочитывал такие ведущие журналы начала XIX века, как «Московские ведомости», «Вестник Европы», «Русский вестник» и др. А в доме московского типографа А.Г. Решетникова получил азы образования. А.Г. Решетников был приятелем отца. И в его доме будущий издатель М.П. Погодин провел около двух лет. Уже то, что А.Г. Решетников лично составлял и издавал книги учебного содержания (напр., азбуки грамматики, чтения, чистописания, правила арифметики, правила географии, рисования, пения и др.), ставит А.Г. Решетникова в один ряд с педагогами того времени. Журналы, которые издавал А.Г. Решетников, привлекали внимание оригинальностью содержания, которое отражалось в названиях, – «Дело от безделья, или Приятная забава, рождающая улыбку на челеугрюмых, умеряющая излишнюю радость вертопрахов и каждому, по его вкусу, философическими, критическими, пастушьими и аллегорическими повестями, в стихах и прозе состоящими, угождающая» или «Прохладные Часы, или Аптека, врачующая от уныния, составленная из медикаментов старины и новизны, то есть: философских, критических, рифмованных, пастушьих и аллегорических веществословий», и с 1806 года – «Московский Собеседник, или Повествователь мыслей в вечернее время, упражняющихся в своем кабинете писателей; рассказывающий повести, анекдоты, стихотворения, полезные рассуждения, авременем и критику». Волне вероятно, что находясь при А.Г. Решетникове, М.П. Погодин уже тогда проникся уважением к издательскому труду. Чтение и книги стали благодатной почвой для развития творческого потенциала М.П. Погодина.

М.П. Погодин оставил свои воспоминания о тех, кому он был обязан своим становлением, – педагогам, его обучавшим. М.П. Погодин с большим уважением воспоминал А.Г. Решетникова. Ему дороги годы, проведенные в Московской губернской гимназии, которую он окончил в 1818 году, в 14 ее выпуске. Ярким и незабываемым стало время, проведенное на словесном отделении Московского университета, где он сразу попал в кружок С.Е. Раича, поддерживающего романтическое творчество В.А. Жуковского, А.И. Подолинского, Д.В. Веневитинова и др. В 1826 году С.Е. Раич будет публиковаться в альманахе «Урания», своего когда-то студента М.П. Погодина. Здесь же в университете создается Общество

любителей Российской словесности, а в 1860-1866 годах М.П. Погодин будет избран уже его председателем.

Вспоминания годы ученичества, М.П. Погодин отмечает, что в освоении предмета многое зависит от преподавателя. Так, говоря об учителе статистики, истории и географии А.Е. Добровольском («воспитаннике старого педагогического института»), М.П. Погодин замечает: «Благоговение, которое учитель статистики умел внушать к себе гимназистам, есть важное достоинство в учителе и профессоре» [7, с. 55]. Как признается М.П. Погодин в своих «Школьных воспоминаниях», опубликованных в «Вестнике Европы» за 1868 год в августовской книжке, гимназисты разучивали наизусть произведения В.А. Озерова, В.А. Жуковского, И.А. Крылова, А.С. Пушкина и др. В дальнейшем филологические дисциплины преподавались по руководствам Н.Ф. Кошанского (общая риторика и теория прозаических сочинений), Н.И. Греча (история русской словесности). Система преподавания риторики Н.Ф. Кошанского была признана лучшей в ту пору. Н.В. Кошанский был преподавателем в Царскосельском лицее, у него учился А.С. Пушкин. Когда Н.Ф. Кошанский в 1818 году опубликовал «Общую риторику», она сразу же стала основным учебным пособием во всех ведущих образовательных учреждениях Российской империи. М.П. Погодин, учась в гимназии, знал о А.С. Пушкине и его учителях. Н.Ф. Кошанский активно печатался в «Вестнике Европы», которым зачитывался в гимназии М.П. Погодин. Как отмечает А.В. Шмелева, «Лицеисты разных поколений увлечённо занимались творчеством благодаря Кошанскому» [9, с. 71]. И благодаря Н.Ф. Кошанскому «в Лицее закрепилась традиция издавать рукописные журналы и сборники» [9, с. 72]. Впоследствии имя М.П. Погодина встречается в списках инспектирующих гимназию наряду с именами М.Т. Каченовского, И.И. Давыдова, П.С. Щепкина, М.Г. Павлова, Н.И. Надеждина, А.Г. Фишера, Н.Д. Брашмана, Д.Л. Крюкова и др. [7, с. 93]. В гимназии на экзаменах часто бывал митрополит Филарет (Дроздов).

С середины 1820-х годов М.П. Погодин начал издательскую деятельность. Он принимал участие в издании одних из востребованных журналах того времени – «Московский вестник» (1826-1827), «Москвитянин» (1841-1856), «Телескоп» (в 1831-1836 годах регулярно публиковал рецензии), «Русский зритель» (1828, редактирование №1-6), альманах «Урания» (1826), газета «Ведомости о состоянии города Москвы», «Русский исторический сборник» (1836, редактирование) и др. Сотрудниками М.П. Погодина в разное время были Е.А. Боратынский,

кн. П.А. Вяземский, А.Ф. Мерзляков, А.С. Пушкин, А.И. Полежаев, С.П. Шевырёв, Ф.И. Тютчев и др.

Издательская деятельность М.П. Погодина знакомит его с А.С. Пушкиным. Их встреча состоялось в Москве в 1826 году в доме Д.В. Веневитинова, который приходился четвероюродным братом А.С. Пушкину и где А.С. Пушкин впервые читал сцену «Ночь. Келья в Чудовом монастыре» из исторической трагедии «Борис Годунов». М.П. Погодин был в восторге [8]. И как предполагают, именно под впечатлением пушкинского «любимого детища» М.П. Погодин в 1830 году пишет историческую трагедию в стихах «Марфа, посадница Новгородская». Это не было соревнованием с А.С. Пушкиным, это был диалог двух выдающихся литераторов на тему анатомии смутного времени. А незадолго до этого М.П. Погодин благодаря стараниям кн. П.А. Вяземского публикует в своем первом предпринимательском опыте пять стихотворений А.С. Пушкина. Альманахи были очень популярны в начале 20-х годов XIX века. Эту моду ввел Н.М. Карамзин, когда в 1796 году стал выпускать альманах «Аониды». Как можно судить, «Петербург явился родиной русских альманахов: здесь в конце 1822 года вышел первый выпуск «Полярной звезды» А.А. Бестужева и К.Ф. Рылеева, открывший "альманачный период" русской литературы. И в течение десяти лет столица задавала тон и издании альманахов» [1, с. 96.]. В.Г. Белинский, составляя периодизацию русской литературы, впервые выделил «альманачный период». Т.К. Батурова, изучая альманахи «Урания», «Денница» и «Сиротка», отметила: альманахи отразили характерные явления эпохи, главные из которых – становление русской философской мысли [2]. В неизданной статье об альманахе «Северная лира» А.С. Пушкин заметил: «Альманахи сделались представителями нашей словесности. По ним со временем станут судить о ее движении в успехах» [5, т. 11, с. 48].

Альманах «Урания» (его полное название – «Урания, карманная книжка на 1826 год для любительниц и любителей Русской словесности») привлекал тогда читателей не только названием. Это был московский альманах. Урания, согласно древнегреческой мифологии, дочь Зевса и Мнемозины, родилась в Пиерии и являлась музой астрономии. Ее символ был очень популярен в искусстве. Ее изображают в звездной короне и лазоревом одеянии, ее атрибуты – зрительная трубка и лист с небесными знаками [4]. Устремленность Урании к нему привлекала русских литераторов. Альманах «Урания» поддержало окружение С.Е. Раича, Д.В. Веневитинов, кн. В.Ф. Одоевский, С.П. Шевырёв, А.И. Полежаев,

Ф.И. Тютчев, Д.П. Ознобишин, М.А. Дмитриев, А.Г. Рочев и др., а также сам С.Е. Раич и А.Ф. Мерзляков, который и дал цензурное разрешение от 25 ноября 1825 г. В альманахе печатались стихотворения Е.А. Боратынского и кн. П.А. Вяземского. А.С. Пушкин, по просьбе кн. П.А. Вяземского, прислал М.П. Погодину пять своих стихотворений – «Мадригал», «Движение», «Совет», «Соловей и кукушка», «Дружба». Сам же М.П. Погодин опубликовал в своем альманахе повесть «Как аукнется, так и откликнется» и повесть «Нищий».

Основательного сотрудничества А.С. Пушкина в «Урании» не получилось. А.С. Пушкин думал о серьезном журнале. А московские «любомудры» начинают задумываться о собственных альманахах «Гермес» и «Европейские цветы» (М.П. Погодин совместно с Д.В. Веневитиновым) разрабатывал программу «Гермеса»). Потому, когда М.П. Погодин стал собирать материалы для очередного выпуска, то столкнулся с рядом объективных причин. Во многом под влиянием А.С. Пушкина М.П. Погодин разрабатывает регулярный журнал. Им станет «Московский вестник», в котором активное участие примут Д.В. Веневитинов и С.П. Шевырёв.

Осенью 1826 года, когда А.С. Пушкин находился в Москве, то Д.В. Веневитинов инициировал издание журнала под руководством М.П. Погодина. Уже в ноябре М.П. Погодин получает разрешение на издание «Московского вестника». А.С. Пушкин возлагает большие надежды на этот журнал, но вскоре охладевает к нему из-за разногласий с М.П. Погодиным и С.П. Шевырёвым, как можно судить из его переписки с кн. П.А. Вяземским, бар. А.А. Дельвигом, В.И. Туманским и С.А. Соболевским: недоразумения, возникшие в связи с корректурными искажениями, но главное – А.С. Пушкин не испытывал того пиетета перед немецкой эстетической философией (Шеллинга, Гёте) [5, т. 13, с. 320.], а именно ею в это время увлекались М.П. Погодин и С.П. Шевырёв. Непростыми были в это время и взаимоотношения с кн. П.А. Вяземским [6]. Имя А.С. Пушкина составило славу московскому журналу. Им было опубликовано свыше 30 стихотворений. Журнал просуществовал до 1830 года. После закрытия журнала А.С. Пушкин привлекал М.П. Погодина к сотрудничеству со своими изданиями – газете «Дневник» (1832) и к журналу «Современник». В «Современнике» М.П. Погодин опубликовал «Прогулку по Москве» (под псевдонимом Пешеход). И А.С. Пушкин, и М.П. Погодин не перестают интересоваться и творчеством друг друга. А.С. Пушкин с большим интересом прочитывает исторические матери-

алы М.П. Погодина, а М.П. Погодин внимательно следит за произведениями поэта.

Участие и альманахах русских литераторов стало важной вехой в творческом и личностном общении.

Литература

1. *Батурова Т.К.* Петербургские альманахи пушкинского времени в духовном аспекте // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология», 2012. №3. С. 96-101.
2. *Батурова Т.К.* Страницы русских альманахов (Духовные искания литераторов пушкинского круга). Изд. 2-е, доп. М., 2010. – 148 с.
3. *Кубалов С.* Герой Северной войны Григорий Чернышев. Именно ему сдал шпагу комендант Нарвы // Военно-промышленный курьер, 2007. 06 февраля. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ricolor.org/history/voen/polk/chernyschov/ (Дата обращения: 25.04.2019).
4. *Лосев А.Ф.* Античная мифология в ее историческом развитии. Изд. 1-е. М.: МГПИ, 1957.
5. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М.-Л.: АН СССР, 1937-1959.
6. *Рогов К.Ю.* Из истории учреждения «Московского вестника» (к проблеме «Пушкин и Вяземский»: осень 1826 года) / Пушкинская конференция в Стэнфорде: Материалы и исследования / Под ред. Дэвида М. Бетеа, А.Л. Осповата, Н.Г. Охотина и др. М., 2001. С. 106-132.
7. Столетие Московской 1-й гимназии. 1804-1904 гг. / Сост. директор гимназии И. Гобза. М.: Синодальная тип., 1903. – 472 с.
8. *Шмелева А.В.* Литературная судьба первых публикаций «Бориса Годунова» А.С. Пушкина // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология», 2008. №4. С. 173-181.
9. *Шмелева А.В.* Лицей и лицеисты пушкинского времени в трудах Я.К. Грота (К 200-летию со дня рождения выдающегося русского ученого) // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология», 2013. № 5. С. 70-76.

А.Ю. Кузякина
студентка 1 курса факультета
осударственной культурной политики МГИК
Московский государственный институт культуры
Москва (Россия)
E-mail: nastena-kuzyakina@mail.ru

Особенности творчества А.С. Пушкина период его северной ссылки

Аннотация. В статье рассматривается эволюция творческого пути А.С. Пушкина в 20-е годы XIX века. Приводится сравнение его произведений периодов южной и северной ссылок. Анализируются характерные черты творчества периода северной ссылки.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, северная ссылка, южная ссылка, романтизм, реализм.

Anastasia Yu. Kuzyakina
1st year student of the Faculty of state cultural
policy of the Moscow state Institute of culture
Moscow (Russia)
E-mail: nastena-kuzyakina@mail.ru

Features of creativity of Alexander Pushkin during his northern exile

Abstract. The article deals with the evolution of the creative way of Alexander Pushkin in the 20s of the XIXth century. The comparison of his works of the periods of the southern and northern exile is given. The characteristic features of the creativity of the period of the northern exile are analyzed.

Keywords: Alexander Pushkin, northern exile, southern exile, romanticism, realism.

Из тридцати семи лет своей жизни шесть А.С. Пушкин провел в ссылках.

Южная ссылка стала поворотным этапом в жизни А.С. Пушкина. Оказавшись там за слишком вольнолюбивые стихи, он считал себя добровольным изгнанником, беглецом. Удаление Александра Сергеевича из Петербурга, интерес к поэзии Байрона, близость театра военных

действий, увлечение дочерьми Раевских – Екатериной и Марией – всё это даёт повод для творчества. Именно на юге оно приобретет отчасти географический характер: сюжеты разворачиваются в местах, которые посещал сам поэт (Кавказ, Крым, Бессарабия) [4].

Свобода – главное слово, написанное на знаменах романтизма, который занимает ведущее положение в творчестве А.С. Пушкина в этот период. Вечное несогласие с окружающим, неукротимость и мощь – качества, которые больше всего ценили романтики, стремившиеся показать в своих произведениях необычайные характеры и исключительные обстоятельства, раскрыть трагический поединок личности и судьбы. Романтические жанры помогали поэту передать чувство неудовлетворенности окружающим, разочарование.

В романтических произведениях поэта выражены стремления к другой жизни, к смутному, но властно притягивающему идеалу. На первый план выступил гордый, свободолюбивый человек, находившийся в конфликте с окружающим миром [2]. Особенное отражение это нашло в южных поэмах, главном творческом достижении периода южной ссылки. Образы современных романтических героев находят отражение в «Кавказском пленнике», в «Бахчисарайском фонтане».

Но уже в поэме «Цыганы» происходит пресечение пушкинского романтизма, в творчестве поэта начинается новый этап – этап реализма. В произведении поднимается тема свободы с другим завершением, не свойственным романтизму. Окончательно этот переход закрепят первые главы «Евгения Онегина», который закончится уже как реалистическое произведение.

Почти сразу после возвращения с юга, Александра Сергеевича ждет новое испытание – еще одна ссылка, но уже на север.

Впервые поэт побывал в Михайловском летом 1817 года. Он был очарован простотой деревенского быта, спокойным течением жизни и красотой природы. Позже он проведет два долгих года уже не как гость, а как опальный поэт. В августе 1824 года А.С. Пушкин возвращается в уединенное родовое имение своей матери из-за обвинения в атеизме. После шумной, многолюдной Одессы, где он имел возможность общаться с друзьями, – трудно переносить одиночество:

«А я от милых южных дам
От жирных устриц черноморских,
От оперы, от темных лож

И, слава богу, от вельмож
Уехал в тень лесов Тригорских,
В далекий северный уезд;
И был печален мой приезд».

Сильным ударом для него становится то, что его собственный отец берет на себя обязанность следить за ним. Это приводит к неизбежным ссорам, и вскоре Сергей Львович уезжает из Михайловского вместе со всей семьей, оставляя сына в одиночестве [3]. Единственной отрадой для поэта является творчество и общество обитателей Тригорского, находящегося в трех верстах от Михайловского, которым владела дальняя родственница А.С. Пушкина Прасковья Александровна Осипова. В длинном одноэтажном доме, построенном изначально как полотняная фабрика, жили в основном девушки, благодаря чему досуг Александра Сергеевича был более разнообразным.

Друзья поэта опасались, что уединение в деревне станет губительным для него. Но первая осень в Михайловском стала очень плодотворной для А.С. Пушкина: он много писал, размышлял, работал.

Вдали от крупных городов, поэт начинает общаться с простыми крестьянами, которые показывают ему другую сторону русской жизни, далекую от шумной, столичной. Он перенимает деревенские привычки, рацион. Именно в Михайловском ему удается уловить настроение недовольства, царившее среди людей. А.С. Пушкин начинает затрагивать реальные проблемы, заявлять о своей позиции во всеуслышание. Он пишет стихи и поэмы, близкие большей части населения империи.

А.С. Пушкин не перестает размышлять и о предназначении поэта и его роли в обществе. Создается гениальный «Пророк», раскрывающий трудности его миссии:

«Как труп в пустыне я лежал,
И бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

С новой силой поэта начинает волновать политика. Он остро переживает за своих друзей и знакомых, осужденных за участие в Дека-

бристском восстании. Особенно его поразила казнь Кондратия Рылеева и ссылка двух ближайших лицейских товарищей – Вильгельма Кюхельбекера и Ивана Пущина. Пушкин всем сердцем желал выйти вместе с ними на Сенатскую площадь и разделить их судьбу, но он не мог покинуть Михайловское до конца ссылки.

Огромной радостью для опального поэта становится то, что его близкие друзья посещают его в ссылке. Вторым из лицеистов в Михайловском оказался Антон Дельвиг, «сын лени вдохновенный», с которым у А.С. Пушкина была особая творческая связь еще с ранней юности. Затем поэта навестил Александр Горчаков. Их встреча была достаточно сухой, хотя и важной для обоих. Но самым значимым и долгожданным стал приезд Ивана Пущина, еще до декабрьских событий и ссылки в Сибирь:

«Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил».

Благодаря всем переменам в мироощущении поэта, в его творчестве происходит окончательный переход от романтизма к реализму. Во многом это связано с поражениями революций в Европе, для А.С. Пушкина наступает крах идеалов, он чувствует, что избранный человек не может повести людей к свободе: «Но что же в избранных увидел? Ничтожный блеск…».

Главным произведением А.С. Пушкина можно по праву считать «Евгения Онегина», в котором и прослеживается этот переход направлений.

В.Г. Белинский писал: «В своей поэме он умел коснуться так многого, намекнуть о столь многом, что принадлежит исключительно к миру русской природы, к миру русского общества. «Онегина» можно назвать энциклопедией русской жизни и в высшей степени народным произведением» [1]. Из романа, как и из энциклопедии, можно узнать практически всё об эпохе: о том, как одевались, и что было в моде, что люди ценили больше всего, о чём они разговаривали, какими интересами они жили. В «Евгении Онегине» отразилась вся русская жизнь. Кратко, но довольно ясно, автор показал крепостную деревню, барскую Москву, светский Санкт-Петербург. Пушкин правдиво изобразил ту среду, в которой живут

главные герои его романа – Татьяна Ларина и Евгений Онегин, воспроизвёл атмосферу городских дворянских салонов, в которых прошла молодость Онегина. Кроме того, в романе отразились события первой четверти XIX века (от заграничных походов русской армии после разгрома Наполеона до восстания декабристов).

В своем романе А.С. Пушкин выводит тип «лишнего человека», талантливого героя, неспособного реализовать себя на поприще николаевской России. Впоследствии многие писатели и поэты не раз обратятся к этому образу, ставшим определяющим для целого поколения литераторов, таких как М. Лермонтов, И. Тургенев, А. Герцен.

Кроме того, характерной чертой «Евгения Онегина» является особая, «онегинская строфа». Это уникальное явление, которое поэт разработал специально для своего романа в стихах. Каждая такая строфа состоит из 14 строк четырёхстопного ямба. Первые четыре строчки рифмуются перекрёстно, строки с пятой по восьмую – попарно, строки с девятой по двенадцатую связаны кольцевой рифмой. Оставшиеся 2 строчки строфы рифмуются между собой.

Годы ссылок для поэта стали одними из самых тяжелых в жизни. Множество эмоциональных, духовных и политических проблем преследуют его, заменяются новыми трудностями и преградами. Но также это и самые плодотворные годы в его творчестве, которые подарили русской и мировой литературе кладезь выдающихся произведений, навсегда вписавших имя Александра Сергеевича Пушкина в историю.

Литература

1. *Белинский В. Г.* Сочинения Александра Пушкина. – М., 1985.
2. *Вацуро В. Э.* Ранняя лирика Пушкина и поэтическая традиция 20-х годов // Русская литература. – 1964.
3. *Лотман Ю. М.* Александр Сергеевич Пушкин: Биография писателя // Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. – СПб.: Искусство-СПБ, 1995. – С. 21–184.
4. *Труайа Анри.* Александр Пушкин. М.: Эксмо, 2006.

Раздел IX

СЕМАНТИКА НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

И.Н. Щемелинина
кандидат филологических наук,
докторант кафедры современного русского языка
Московского государственного областного университета
Москва (Россия)
E-mail: baggi-8@yandex.ru

Слова *благо, благой, благоразумный, благовещение, благословение, благополучно* как репрезентанты концепта *БЛАГО* в сочинении Григория Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича»

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу лексем *благо, благой, благоразумный, благословение, Благовещение, благополучно* как репрезентантов концепта *БЛАГО* в тексте сочинения Г.К. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича». Контекст показывает, что Г. Котошихин стремился отразить понимание и течение жизни в православном государстве. В ходе детального рассмотрения особенностей семантики этих слов в тексте сочинения выявлено интерпретационное поле, средства номинации и предикации которого закрепляют представление о том, что использованные автором единицы словообразовательного гнезда с вершиной *благо* эксплицируют объединяющие их семы ‘благополучие’, ‘счастье’, ‘добро’, ‘любовь’, вводятся не только для описания религиозных обычаев, но и передают характеристику государственной деятельности, имплицитно – личности правителя.

Ключевые слова: язык сочинения Г. Котошихина, концепт *БЛАГО*, вербализатор, интерпретационное поле.

Irina N. Shchemelinina
PhD in Philology,
Doctoral Student of the
Department of the Modern Russian Language of
Moscow state regional University
Moscow (Russia)
E-mail: baggi-8@yandex.ru

The words *good, good, reasonable, Annunciation, blessing, safely* as representatives of the concept of *GOOD* in the literary work of Grigoriy Kotoshikhin "About Russia during the reign of Alexey Mikhaylovich"

Abstract. The present article is devoted to the analysis of tokens *benefit, good, wise, blessed, Annunciation, safely* as representatives of the concept of GOOD in the essay of G.K. Kotoshikhin "About Russia during the reign of Alexei Mikhailovich". The context shows that G. Kotoshikhin sought to reflect the understanding and flow of life in an Orthodox state. During detailed consideration of the semantics of these words in the text of the work identified interpretative field, means of nomination and predication of which reinforce the notion that the author used units of the derivational slot with the top benefit explicit uniting their seven 'prosperity', 'happiness', 'goodness', 'love', are introduced not only to describe religious practices, but also convey a characteristic of state activity, implicitly, the personality of the ruler.

Keywords: the language of composition of G. Kotoshikhin, the concept of GOOD, verbalization, interpretative field.

Высшее *благо* в сознании православного – нечто превосходящее любовь и отражающее реальность событий и ситуаций окружающего мира.

Согласно *СРЯ XI–XVII вв., благо*1 – '1. Добро, доброе дело. 2. Богатство. 3. мн. Блаженство, благополучия; блага' [5, с. 191]; *благо*2 – 'первая часть сложных слов соответствует греч. su: 1) хорошо, добро: благовоние, благодарити, благодушие, благолюбецъ, благонаказательный, благонравие и т.п.; 2) полностью, вполне, весьма, очень, совершенно: благознаменитый, благомудрый, благонадежный и т.д.' [5, с. 191–192]. Полисемантом является также слово *благословение* (благословление): '1. Пожелания благополучия кому-либо с призывом божией помощи, милости, благословения. 2. Хвала, благодарность. 3. Завещание и то, что завещается. 4. Разрешение, соизволение' [5, с. 216–217]. Имя прилагательное *благий(ой)* содержанием

своих ЛСВ (лексико-семантических вариантов) отражает семантическую доминанту ‘хороший’, исключая энантиосемичный ЛСВ-3: ‘1. Добрый, хороший. // Благоприятный, удобный. 2. Приятный, красивый, прекрасный. 3. Злой, свирепый. // Плохой, негодный’ [5, с. 191]. Отмечаемая в тексте сочинения «О России в царствование Алексея Михайловича» Г. Котошихина лексема *Благовещеньев* связана с номинацией христианского праздника: ‘прил. к Благовещение (в знач. 2) – церковный праздник’ [5, с. 194]’. Антропоморфный компонент актуализирован в значении имени прилагательного *благоразумный:* ‘1. Мудрый. // Рассудительный, благоразумный. 2. Понятный, вразумительный’ [5, с. 213–214]; он характерен и для наречия *благополучно,* словообразовательно связанного с именами прилагательными *благополучливый, благополучный* – ‘1. Счастливый; приносящий счастье. // Находящийся в состоянии покоя, благополучия. 2. Удачный, успешный. Благополучне, благополучно – нареч. 1. Счастливо, благополучно. 2. Удачно’. [5, с. 209].

В сочинении Г. Котошихина зарегистрировано 7 фрагментов с употреблением слов, являющихся вербализаторами концепта *БЛАГО*, а именно имена существительные *благо*, в семантически отмечаемой форме *блага* (мн. ч.), *благословение*; имена прилагательные *благой, Благовещеньев, благоразумный* (2); наречие *благополучно*. Рассмотрим их использование Г. Котошихиным.

Автор описывает традиции, обычаи православной церкви, связанные с обращением к обладавшему духовным авторитетом священнику, возможно, старцу за исповедью либо мудрым советом для получения благословения и научения жить по заповедям Божиим. ЛСВ-3 имени существительного *благо* во фрагменте: *протопоп поучает их* [царевну и царя при венчании – И.Щ.], *как им житии… и что со отцем духовным спрашивались почасту, той бо на вся* ***блага*** *научит* – эксплицирует семы ‘счастье’, ‘добро’, ‘благоденствие’, ‘радости жизни’, ‘заповеди Божии’ и используется для передачи философско-религиозного смысла, связанного с важностью произнесённого в храме слова: ‘наставления духовного отца при их осмыслении и претворении в жизнь приносят счастье и благополучие в семью, и наступает период благоденствия, согласия между мужем и женой’. С помощью контекстуальных партнеров, единиц агентивной лексики сферы религии *духовный отец, протопоп*, глаголов *поучать, спрашиваться, научить,* передается содержание ‘учить(ся) жить по-христиански’, т.е. указывается духовный путь к благу. «Велико лишь то, что способно воодушевляться идеями, несущими благо народам», – писал Фихте [6, с. 638].

Котошихин описывает в подробностях последовательность проведения свадебного чина, один из элементов которого связан с напутствиями, пожеланиями родителей молодым на долгую счастливую супружескую жизнь. Оно заключается в традиционном ритуале *благословения* – «пожелании либо получении особой благосклонности Божией для отдельной личности или общности людей посредством соответствующих слов или символических жестов» [4, с. 613]. Чин венчания предполагал «благословение и благожелание брачующимся со стороны родителей – благоденствовать и множиться», что и отразил как устойчивую традицию православных автор сочинения [3, с. 8].

ЛСВ-1 имени существительного *благословение* «Пожелания благополучия с призывом божией помощи, милости» в контексте: *отец и мать дают* ***благословение*** *словом* – актуализирует семы ‘совет’, ‘назидание’, ‘молитва’ и репрезентирует смысловую характеристику ‘родительское наставление на путь Господний, праведный’. Посредством «речевой конструкции *благословение словом* репрезентируется двойная сила Божиего одарения» [7, с. 80), ибо «Бог есть благо всякого блага, поскольку Он как самый совершенный содержит в Своем совершенстве все совершенства вещей, и в Его благости превосходным образом содержатся все Блага и именно в благости Божией схоласты усматривали причину творения мира» [4, с. 241].

Описывая обряд, автор представляет его в подробностях, в том числе показывает, что ему, как и каждому православному, известно о блюдах, предназначенных для сервировки праздничного стола в дни религиозных праздников. Свидетельством наличия такого фонового знания становится использование имени прилагательного *Благовещеньев* (*благовещенский*): *в Великой и в Успениев посты готовятца ествы, капуста сырая и гретая, грузди, рыжики соленые сырые и гретые, и ягодные ествы, без масла, кроме* ***Благовещеньева*** *дни* – с помощью единиц предикации *готовить(ся)*, номинации *ество* с собирательным значением и названий конкретных блюд (*капуста, грузди, рыжики, масло*), указывающих на постные кушанья, что связано с представлением в тексте соответствующего периода православного года (*Великий, Успеньев пост*), характеризуется отличие по виду вкушаемой пищи православного праздника *Благовещения*. Праздник *Благовещение* (*Благовещение Пресвятой Богородицы*) предваряет светлый праздник православных *Великую Пасху*, и поэтому упоминание его в тексте связано с имплицитной передачей смысла ‘предсказание о доброй вести / благополучии’.

Г. Котошихин при описании порядков и обычаев Московского государства в эпоху царствования Алексея Михайловича обращается к будущим читателям, восклицая и призывая их собраться с духом и настроиться на неожиданное дальнейшее развитие событий. Он заранее предугадывал реакцию читателей.

ЛСВ-1 имени прилагательного *благоразумный* «Мудрый» эксплицирует семы ‘рассудительный’, ‘осмотрительный’, ‘обдуманный’: ***Благоразумный*** *читателю! чтучи сего писания не удивляйся.* ***Благоразумный*** *читателю! не удивляйся сему: истинная есть тому правда.* Они актуализированы за счет средств предикации *читать*, номинации *читатель, писание.*

К числу особенностей использования слова *благой* относится подчёркнутый его введением запрет на посещение иноземных государств для обучения, который дан проживающим на территории Московского государства детям из-за опасения, что они покинут Отечество: *для науки… в-ыные государства детей своих не посылают, страшась того: узнав тамошних государств веры и обычаи, и волность* ***благую****, начали б свою веру отменить…* Контекстуальный партнер *вольность* передает контент ‘независимость, отступление от принятых в государстве Российском норм жизни’, отрицательная коннотация в его значении продуцируется указанием на обусловленное такой вольностью мысли отступление от *веры* (*начали б свою веру отменить*). С учетом такого интерпретационного поля считаем, что слово *благой* использовано Г. Котошихиным как негативнооценочное (ср. *блажь*).

Ценна представленная Г. Котошихиным информация о царе Михаиле Федоровиче, содержащая характеристику его правления, сказавшуюся на образе государственности. Наречие *благополучно* («Счастливо») во фрагменте: *царю ж и великому князю Михаилу Феодоровичю… правивше государство свое тихо и* ***благополучно*** – создает образ этого правления, поскольку значением этого слова эксплицируются семы ‘спокойствие’, ‘мир’, ‘благоденствие’. С помощью контекстуальных партнеров *править* (в форме *правивше;* указывает на властвование), *тихий* Г. Котошихин запечатлевает исторически сложившееся представление о спокойном правлении, главное в котором – налаживание спокойной, мирной жизни в России, что угодно Богу, является благом. «Если для человеческой воли возможно исполнение нравственного закона, то на сознании собственного морального поведения основывается вера в благо и вместе с тем чистое богопочитание, имеющее характер религии разума» [6, с. 235].

Таким образом, языковые единицы *благо, благой, благоразумный, благословение, Благовещение, благополучно* (члены словообразовательного гнезда с вершиной *благо*) в тексте сочинения Г. Котошихина эксплицируют объединяющие их семы ‘благополучие’, ‘счастье’, ‘добро’, ‘любовь’, используются не только для описания религиозных обычаев, но и передают характеристику государственной деятельности, имплицитно – личности правителя. При анализе их как репрезентантов концепта *БЛАГО* мы пришли к выводу, что в представлении автора этот концепт связан с активной, основанной на соблюдении духовно-нравственных законов, верности и вере деятельностью ради сообщества, в том числе семейного, его сохранения в нерушимости и единстве. Концепт *БЛАГО,* следовательно, имеет особое значение для культуры народа, объединенного православием. Слова с корнем -*благ*- используются в сочинении «О России в царствование Алексея Михайловича» преимущественно для передачи идеи любви, добра и благополучия, которое возможно благодаря вере в Бога и надежде на его помощь, в чем отражается понимание *БЛАГА* Г. Котошихиным как представителем эпохи царствования Алексея Михайловича, человеком XVII века.

Литература

1. *Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича. М., Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000.
2. *Леденёва В.В.* Идиостиль (к уточнению понятия) // Филологические науки. М.: 2001. № 5. С. 36–41.
3. Православная богословская энциклопедия. Приложение к духовному журналу «Странник»: Издание под редакцией профессора А.П. Лопухина. Том 1, 2. Археология – Бюхнер. Петроград. 1900 год.
4. Православная энциклопедия. Том V. БЕССОНОВ – БОНВЕЧ. Изд-во «Научный центр. Православная энциклопедия». М.: 2002.
5. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, Вып. 1. 1975.
6. *Фишер Куно.* История новой философии. Том 6: Фихте. Жизнь, сочинения и учение. – СПб.: РХГИ (Русский христианский гуманитарный институт), 2004. – 723 с.
7. *Щемелинина И.Н.* Благословить, благословение у Григория Котошихина / Русская речь: научно-популярный журнал. Вып. IV / – М.: «Наука», 2015. – С. 76–80.

Н.Г. Дяловская
кандидат филологических наук,
доцент, корректор
в редакции Русско-немецкого общества
культуры «Вдохновение Саксонии»
Лейпциг (Германия)
E-mail: baby1390@yandex.ru

Сборник поэзии и прозы «Вдохновение» (Саксония, Германия): аксиологический аспект

Аннотация. Статья содержит сведения о работе русско-немецкого общества культуры «Вдохновение Саксонии», основанного в 2009 году в Дрездене (Германия), главным проектом которого является ежегодный выпуск литературного сборника «Вдохновение», о творчестве жителей Германии, пишущих на русском языке.

Ключевые слова: литераторы Саксонии, четвертая волна, дискурсивный процесс, языковая личность, аксиологический аспект.

Nataliya G. Dyalovskaya
PhD in Philology, Associate Professor,
Proofreader in the Editorial Office of the
Russian-German Community of Culture
“Inspiration of Saxony”
Leipzig (Germany)
E-mail: baby1390@yandex.ru

Abstract. The article contains information about the work of the Russian-German culture society “Inspiration of Saxony”, founded in 2009 in Dresden (Germany), the main project of which is the annual edition of the literary collection “Inspiration”, about the work of residents of Germany, writing in Russian.

Keywords: writers of Saxony, the fourth wave, a iscursive process, a linguistic personality, an axiological aspect.

Компетентная языковая личность XXI века не может формироваться без осознанного владения родным языком. Языковую компетентность невозможно получить сразу и целиком, она возможна только в результате напряженной творческой работы над собой и своим духовным

уровнем. В немецком языке словосочетание «родной язык» переводится как «Muttersprache», «язык матери», одно из величайших жизненных ценностей.

Попадая в иную языковую среду, человек испытывает определенные затруднения. Это касается, в первую очередь, тех, кто поехал на постоянное место жительства в другую страну, в частности, в Германию. XX век стал веком свободного перемещения личностей по планете, а изобретение новых возможностей СМИ в определенной степени «съело» пространство. Четвертая волна эмиграции отличается от первых трех тем, что многие переселенцы уехали не потому, что были диссидентами, не приняли революцию, бежали от вооруженных конфликтов, стремились избежать тех или иных репрессий, не были удовлетворены культурным уровнем места своего проживания, озабочены религиозными проблемами и т.д. Четвертая волна имеет этнический характер, отличается организованностью и практически полной добровольностью. В обиходе её называют «колбасной»: люди ехали на новое место жительства, надеясь решить свои экономические проблемы, найти хорошую и высокооплачиваемую работу, снять большую и удобную квартиру, приобрести машину, получить квалифицированную медицинскую помощь, образование и пр. Многие «русские немцы» хотели переселиться на свою историческую родину. Но немало и тех, кто, оставаясь гражданином своей страны, просто поменял место жительства.

Одной из главных проблем в воспитании детей и внуков при постоянном проживании за пределами России является сохранение русского языка. Мы полагаем, что язык, воспринятый с молоком матери, является основной и непреходящей духовной ценностью, определяющей направленность и мотивацию деятельности человека. Представители четвертой волны эмиграции обычно выбирают один из трех путей: 1) полностью отказываются от языка своих родителей, общаясь только на немецком, 2) употребляют слова и грамматические конструкции русского языка вперемежку с немецкими, 3) говорят на обоих языках в зависимости от речевой ситуации. Многие семьи, осознавая важность владения русским языком, понимая его непреходящую ценность, стремятся сохранить чистоту родной речи, общаются в обиходе только на русском, дети умеют писать и читать на языке их предков, то есть навыки письменного и устного дискурса сохраняются.

В Лейпциге широко представлено поколение эмигрантов четвертой волны. Сформировавшиеся как языковые личности во второй полови-

не XX века и в начале следующего столетия, обладающие собственным ментально-лингвальным комплексом, приехав в Германию, многие бывшие представители стран СНГ в поисках средств самовыражения берутся за перо. Литературный сборник «Вдохновение» в 2009 году ставил своей целью поддержать тех, кто владеет кодифицированным русским языком, стремится писать стихи и прозу в Германии именно по-русски, искренне поклоняется Его Величеству Русскому Слову и бескорыстно служит ему. По нашим наблюдениям, авторы предпочитают следующие жанры: 1) эпические (басня, новелла, сказка, очерк, повесть, рассказ), 2) лирические (эпиграмма, романс, сонет, стихотворение), 3) лиро-эпические (баллада, поэма), 4) драматические (комедия, очень редко).

Первый сборник «Вдохновенья» [1] издавался за счет средств авторов и спонсоров. В него вошли произведения пятнадцати авторов из Мюльхайма-на-Руре, Лейпцига, Гёттингена, Дрездена, Кауфбойрена, Вайля-на-Рейне, Хемница, Хильберсдорфа (Германия), из Москвы (Россия). За десять лет география сборника значительно расширилась: Цвиккау, Мюнхен, Вюрцбург, Ганновер, Мерзебург, Энген, Нидеркассель, Фрайберг, Берлин, Буххольц, Фрайбург, Билефельд, Бремен, Дармштадт, Альтенштадт, Галле, Хаген, Зондерсхаузен, Виттен, Аугсбург, Ноймюнстер, Хахенбург, Штутгарт, Нюрнберг, Висбаден, Лемго, Вильдау, Швебиш-Халль, Бад-Дюбен, Оберхаузен, Вайблинген (Германия), Красноярск, Екатеринбург, Ижевск, Пермь, Новочеркасск, Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону, Алтайский край, Волгоград, Сорочинск, д. Лавры Псковской области, Новосибирск, Псков (Россия), Витебск (Республика Беларусь), Нью-Йорк (США), Тбилиси (Грузия), Хельсинки (Финляндия), Кишинёв (Республика Молдова), Бухарест (Румыния), Щецин (Польша), Харьков, Николаев (Украина), Тирасполь (Приднестровье) [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10]. Нас читают в России, Германии, США, Республике Молдова, в Приднестровье, Грузии, Казахстане, Киргизии, Туркменистане, Финляндии, на Украине, в Польше, Республике Беларусь, Узбекистане, Израиле, Азербайджане, Армении, Канаде, во Франции, в Австралии, Швейцарии.

Во «Вдохновенье 2009» насчитывалось всего 50 страниц. За 10 лет их количество выросло более чем втрое. В первом сборнике в основном были представлены стихи (философская и любовная лирика, произведения для детей), лишь у трех авторов были прозаические произведения. Позже, кроме основной части, появились разделы «Пишем о детях и для детей», «Книжка в книжке», «Поиски и эксперименты», «С благодарнос-

тью и любовью», «Переводы», «Путешествия», «Посвящения», «Семья», «Песни», «Когда деревья были большими», «„Inspiration“ Deutsch» и др. Со второго номера редакция стала объявлять конкурсы на лучшее стихотворение: «Вдохновение», «Случайность постучалась в нашу жизнь», «Объявление», «К юбилею „Вдохновения“», «Дорога», «Семья», «Три аккорда», «Настроение», «О любви». Стало традицией помещать в сборник стихотворные и прозаические произведения не только на русском, но и на немецком языках. Здесь соседствуют лирические зарисовки и сказки, юмор и философские размышления, воспоминания и шарады… Раздел «Пишем о детях и для детей» всегда выходил в цвете, с цветными фото малышей, особенно ярко и затейливо оформлялись песенки и сказки.

Со временем количество желающих напечатать свои произведения значительно выросло. В первом сборнике их было 15, потом 25, 30, 40, 50, а во «Вдохновении 2018» их более 60. Перед публикуемыми материалами помещен небольшой портрет каждого автора и краткие сведения о нем, о его творческом пути и достижениях на литературной ниве. Наши авторы – люди разного уровня образования, воспитания, жизненных устоев, житейского опыта, но всех их объединяет любовь в русскому языку и стремление поделиться своим мироощущением и состоянием души, не претендуя на славу и известность. В сборники помещены стихи тех, кто написал свои первые стихотворные строки, и тех, кто уже напечатал несколько книг, победил в различных международных литературных конкурсах, является членом Союза писателей России и других организаций тружеников пера.

Последние выпуски выходили только за счет спонсоров. Главным редактором все годы была Ханна Ляйнвебер, писатель, поэтесса (у нее пять книг и большое количество стихотворений). Редакторами в разное время работали Алла Кветная и Елизавета Канибалоцкая, координатором – Светлана Фурсова, корректором – Наталья Дяловская.

Стихи и проза в сборниках, естественно, были разного уровня. Во «Вдохновенье 2009» отдельные авторские строки выглядели беспомощно, не хватало рифм и ритма, использовались конструкции, нарушающие нормы русского литературного языка, но это было началом. Первый сборник был выпущен без профессиональной корректуры, что обусловило наличие некоторых стилистических, лексических, орфографических и пунктуационных ошибок. С каждым новым выпуском отбор произведений становился более строгим, усложнилась работа корректо-

ра, не принимались в расчет заявления непризнанных гениев о том, что «вот именно эта запятая должна стоять тут, потому что я так чувствую (потому что мне так приказано свыше, потому что я так хочу, я самобытен и неповторим)». Редколлегия строго следит за лексической тканью произведений, не допуская обсценной, вульгарной, бранной и просторечной лексики. Сейчас многие литераторы считают за честь печататься во «Вдохновении».

С «Вдохновением 2016» [8] впервые было выпущено музыкальное приложение к сборнику – диск mp3 с 28 песнями, сочиненными нашими авторами. С «Вдохновением 2017» [9] появился диск mp3 «Настроения» с избранными стихотворениями (их тоже 28), которые читали профессиональные и самодеятельные артисты. «Вдохновение 2018» [10] – юбилейный выпуск. К нему вышло поэтическое приложение – диск mp3 со стихами «О любви» (16 произведений). В 2018 году появился юбилейный альбом «“Вдохновению“ – 10», включающий огромное количество фотографий, воспоминания, подарки и десятилетнюю историю Русско-немецкого общества культуры «Вдохновение Саксонии» («Inspiration») [11].

Аксиология утверждает, что ценности отражают реальную связь человека и мира природных и социальных явлений, которые имеют огромную социальную значимость для жизнедеятельности общества и личности. Для формирования лингвориторической компетенции языковой личности, проживающей, в частности, в дальнем зарубежье, непреходящая ценность – русский язык. Сохранению его и посвящена наша скромная деятельность.

Литература

1. Вдохновенье. Литературный сборник поэзии и прозы по Саксонии № 1. Лейпциг, 2009. 50 с.
2. Вдохновение. Литературный сборник поэзии и прозы в Саксонии. Лейпциг, 2010. 108 с.
3. Вдохновение. Inspiration. Литературный сборник поэзии и прозы в Саксонии. Лейпциг, 2011. 126 с.
4. Вдохновение. Inspiration. Литературный сборник поэзии и прозы в Саксонии. Лейпциг, 2012. 120 с.

5. Вдохновение. Inspiration. Литературный сборник поэзии и прозы в Саксонии. Лейпциг, 2013. 148 с.
6. Вдохновение. Inspiration. Литературный сборник поэзии и прозы в Саксонии. Лейпциг, 2014. 140 с.
7. Вдохновение. Inspiration. Литературный сборник поэзии и прозы в Саксонии. Лейпциг, 2015. 136 с.
8. Вдохновение. Inspiration. Литературный сборник поэзии и прозы в Саксонии. Лейпциг, 2016. 118 с.
9. Вдохновение. Inspiration. Литературный сборник поэзии и прозы в Саксонии. Лейпциг, 2017. 126 с.
10. Вдохновение. Inspiration. Литературный сборник поэзии и прозы в Саксонии. Юбилейный выпуск. Лейпциг, 2018. 158 с.
11. Вдохновению – 10. История, воспоминания, подарки. Лейпциг, 2018. 96 с.

А.А. Курилова
кандидат психологических наук,
директор Тверского промышленно-экономического колледжа
Тверь (Россия)
E-mail: kurilova_a_a@mail.ru

Народные традиции в творчестве Студенческого Дома Моделей (100-летию Тверского промышленно-экономического колледжа посвящается)

Аннотация. *В культурном наследии нашего народа и народов мира значительное место занимает народный костюм, в котором выражаются традиции и ментальность народа, его представление о прекрасном. В Студенческом Доме Моделей при Тверском промышленно-экономическом колледже создаются коллекции, в которых отражаются как русские народные традиции, так и традиции народов мира.*

Ключевые слова: *Студенческий Дом Моделей, народные традиции, дизайн одежды, мода, костюм.*

Antonina A. Kurilova
PhD in Psychology,
Head of Tver Industrial and Economic College
Tver (Russia)
E-mail: kurilova_a_a@mail.ru

Folk traditions in the creativity of the student home models (to the 100th anniversary of Tver Industrial and Economic College)

Abstract. In the cultural heritage of our people and the peoples of the world is a folk costume, which expresses the traditions and mentality of the people, is reflected in the soul of the people, his idea of the beautiful. The Student House of Models at the Tver Industrial and Economic College creates collections that reflect both Russian folk traditions and the traditions of the peoples of the world.

Keywords: Student House of Models, folk traditions, fashion design, fashion, a costume.

К истории Студенческого Дома Моделей: от любительства к профессионализму

Студенческий Дом Моделей (СДМ), возникший в теперь уже далеком 1996 году – это визитная карточка Тверского промышленно-экономического колледжа.

Когда в 1994 году открылась специальность «Моделирование и конструирование одежды», первые студенты-модельеры поняли, что им необходимо воплощать свои фантазии в конкретных моделях, ведь профессия модельера подразумевает живое творчество, выдумку. Любой эскиз остается только эскизом без воплощения его в модели. И вначале возникло нечто вроде любительского кружка, где студенты демонстрировали свое творчество, выступали на студенческих веснах и вечерах.

Переход от любительства к профессионализму состоялся после того, как в 1995 году директор А.А. Курилова прошла стажировку в Лондоне в Ноттингемском университете и Лондонском колледже, увидела, как там идет подготовка специалистов по данной специальности, как юные английские модельеры демонстрируют на молодежных подиумах свои коллекции, и рассказала об **этом** преподавательскому и студенческому коллективу колледжа. Работа закипела по-настоящему.

Так появился Студенческий Дом Моделей, в котором начали работать самые талантливые, энергичные студенты.

Идейным вдохновителем и человеком, стоявшим у истоков СДМ, стала талантливый педагог, преподаватель конструирования одежды И.Р. Шишлова. А с 1996 год в лице молодого талантливого модельера-конструктора Т.Ю. Спириной СДМ обрел еще одного энергичного профессионального руководителя.

Начало: народные традиции как основа для поиска новых решений

Испокон веков долгом любого поколения было сохранение своего культурного наследия. Только зная свою историю, помня уроки прошлого, мы можем возродить и сохранить свое национальное самосознание.

Особое место в культурном наследии нашего народа занимает народный костюм, в котором выражаются его традиции и ментальность, находит отражение душа народа, его представление о прекрасном.

«Русский народный костюм входит в семиотическую сферу традиционной национальной культуры и как знак и как символ ее художественно-творческого выражения. В его образно-стилистической структуре ёмко и зримо отразились этноконфессиональные, этические, художественно-эстетические представления народа, его история, менталитет, система ценностей, уровень духовной и материальной культуры» [2, с. 3].

Соответственно одной из ведущих линий в развитии СДМ с самого начала было обращение к теме народных традиций, что должно было служить основой для поиска новых решений при создании современных моделей.

Первой серьезной темой СДМ стал русский народный костюм. Эта традиционная тема приносила удачу многим начинающим модельерам. Ведь это то, чем русские модельеры интересны всему остальном миру.

Итак, вначале нужно было разработать эскизы. Костюмы, представленные в них, должны были быть современными, авангардными и вместе с тем в них легко должна была прочитываться тема русского национального костюма. Из собранных эскизов начала формироваться первая коллекция. В ходе работы от первоначального эскиза порой оставался лишь силуэт, покрой рукава или какая-нибудь интересная деталь.

Так под руководством Спириной Г.Ю. рождалась коллекция с общим названием «Весенний бенефис», состоящая из блоков по 3-5 моделей с названиями «Городской романс», «Новые амазонки», «Экзотика», «Красная горка», «Футуристическая невеста», и т.д. Демонстрация студентами каждого блока сопровождалась аплодисментами. Это был триумф, который стал должным вознаграждением за проделанную работу.

СДМ стал полноправным членом коллектива колледжа, а вскоре и его визитною карточкой. Коллекция «Весенний бенефис» не осталась незамеченной. На презентации московского журнала «Красота от А до Я» она стала настоящим украшением и изюминкой праздника. А на Дне города студенты порадовали своим выступлением многих горожан.

Развитие: от победы к победе

Постепенно СДМ стал важной частью в подготовке будущих модельеров-конструкторов. В плане каждого нового учебного года художественный совет задает тему будущей коллекции, отбирает эскизы, затем закупаются ткани, и коллектив СДМ начинает творческую и очень инте-

ресную, живую работу по созданию новой коллекции, которая завершается традиционным весенним творческим отчетом, который, как и прежде, ждет, как большого праздника, весь коллектив.

Под руководством ведущих преподавателей создаются коллекции, в которых отражаются как русские народные традиции, так и традиции народов мира. Особое внимание при этом уделяется искусству народной одежды Тверского края – малой Родины большинства студентов.

Ниже приводятся характерные образцы таких коллекций, получившие высокие награды на российских и международных конкурсах, фестивалях и выставках.

Коллекция «МОЯ РОССИЯ» (Марина Макаревич), 2006 г.

Простые силуэты и сочетание цвета акцентируют внимание на каждой детали.

Награждена дипломом за участие в Международном конкурсе молодых дизайнеров «РУССКИЙ СИЛУЭТ» под председательством Татьяны Михалковой (г. Курск), диплом за участие в МЕЖДУНАРОДНОМ КОНГРЕСС-ВЫСТАВКЕ.

Искусство тверской народной одежды, созданное талантливыми мастерицами 19-20 вв., представляет ценную художественную традицию, дошедшую до наших дней, которая является неисчерпаемым источником для современной творческой практики в области создания ансамблей модной одежды.

Коллекция «СИТЦЕВЫЙ КАЛЕЙДОСКОП» (Татьяна Мальдова), 2016 г.

Вдохновением для коллекции «Ситцевый калейдоскоп» послужили природа России, традиции народных ремесел.

Синее весеннее небо, нарядная резьба деревенских наличников, символы-обереги народной вышивки угадываются в деталях и разбегаются-сходятся, как стеклышки калейдоскопа. Синие подснежники, незабудки, и колокольчики сплетаются в венок с ландышами и ромашками.

Выполненные в традиционной технике «пэчворк», модели обладают вполне современными силуэтами и находятся в русле тенденций современной моды. А компонуя предметы из коллекции разным образом, можно каждый раз создавать неповторимый образ.

1 место во XXVI Всероссийском конкурсе молодых дизайнеров и модельеров «Дыхание весны». XI Международный конкурс молодых дизайнеров «Русский силуэт» – диплом I степени. Гран При в Первой молодежной олимпиаде «ELNA FASHION SHOW» в рамках IV Открытого Международного фестиваля лоскутного шитья «QuiltFest 2016» г. Москва и показана на фестивале «QuiltFest» в Англии.

Коллекция «АРОМАТ ГЖЕЛИ» (Татьяна Мальдова), 2017г.

Коллекция из набивного хлопка. Изделия стеганные на синтепоновом утеплителе. Каждая модель дополнена головным убором и аксессуарами.

Вдохновением для создания коллекции стали мотивы гжельской керамики. Более двадцати оттенков синего цвета получается при обжиге знаменитой гжельской керамики, но невозможно подсчитать все оттенки восхищения, вызванного замечательной работой мастеров этого уникального искусства.

Авторы коллекции Гжель подошли к этому творчески, стараясь сохранить сияние и неповторимую красоту форм и росписей гжельской керамики, но с учетом тенденций современной моды.

Коллекция отмечена дипломом за 2 место во Второй молодежной олимпиаде «ELNA FASHION SHOW» в рамках V Открытого Международного фестиваля лоскутного шитья «QuiltFest 2017» г.Москва

Лен является богатством Тверского края и основой жизни. Одежда из льна на протяжении столетий не выходит из моды. Сочетание льна с шифоном, ручная роспись по ткани и вышивка бисером, вот так студенты сохраняют старинные традиции, реализуя свои идеи в современных тенденциях и представляют свои модели.

Коллекция «SKAZKA.RU» (Татьяна Мальдова), 2009 г.

Модели выполнены в радостных теплых тонах золотистой пшеницы, украшены жемчугом и ручным плетением.

«Во славном городе, во Твери, изо льна шьют да радуются…»

Хочется этой радостью поделиться с каждым. Велика Россия, Страна прекрасных озер, разнотравных полей, сказочных лесов... Всё полно чудес... Как и наша сказка о любви к России».

«Увидеть чистоту и яркость души человека во внешнем его образе» – это девиз для настоящего профессионала.

Коллекция «НЕЖНЫЙ ЛЁН»
(Татьяна Мальдова), 2016 г.

Выполнена изо льна и трикотажного полотна. Главная идея создания коллекции – сохранение и почитание русских традиций, создание русского силуэта в современной интерпретации. Нежное сочетание оттенков создают легкость и изящность, а отделка жемчугом и вышивкой придают моделям изысканную роскошь.

Коллекция «ЛЬНЯНАЯ МОЗАИКА»
(Татьяна Мальдова), 2018 г.

В коллекции использован прием украшения льна мозаичными мотивами, а в силуэтах и дополнениях элементы русского народного костюма.

Гран При в Третьей молодежной олимпиаде «ELNA FASHION SHOW» в рамках VI Открытого Международного фестиваля лоскутного шитья «QuiltFest 2018» г. Москва и показана на фестивале «QuiltFest» в Англии.

Одежда из льна на протяжении столетий не выходит из моды. Молодые дизайнеры, сохраняя старинные традиции, реализуют свои идеи в современных тенденциях и предлагают свои модели. Классический образ приобретает новое звучание: строгость силуэта подчеркивает обворожительность чарующих женских форм.

Коллекция «ФОЛК-МАЖОР» (автор Татьяна Мальдова) 2008 г.

Эта коллекция выполнена из льна и трикотажа в радостных теплых тонах золотистой пшеницы и сочного красного, олицетворяющего праздник. Дополнена эксклюзивными головными уборами и украшениями. В Москве на Всероссийской выставке «Русский стиль» известного русского кутюрье Вячеслава Зайцева была удостоена золотой медали «Золотой сирин» 2-й степени.

Коллекция «ТВЕРСКОЙ АЖУР» (Марина Макаревич) 2008г.

Тверская вышивка обладает высокой орнаментальной культурой с широким кругом древнеславянских мотивов, а также своеобразным композиционным и колористическим строем.

Кропотливая ручная работа: вязание льняной нитью, вышивка бисером, стразами и пайетками придает особенное обаяние. Также в моделях акцентируется внимание на прозрачности кружева: наряды полностью выполнены в этом ключе, смотрятся необыкновенно эффектно.

Творчество СДМ не замыкалось на русских народных традициях. Создание студентами костюмов, в которых раскрываются темы традиций народов других стран, не только расширяет их «пространство культуры» [1], но и имеет большое воспитательное значение.

Ниже приводится краткое описание коллекций, в которых отражаются народные традиции костюма Испании и Востока.

Коллекция «ИСПАНСКИЕ МОТИВЫ»
(Татьяна Мальдова), 2008 г.

Испания одарила эпоху ренессанса самым удивительным костюмом и яркими красками. Испанская мода стала интернациональной модой, получившей свою интерпретацию в Италии, Франции, Англии и Германии. Насыщенные цвета в костюмах отличаются особой глубиной и выразительностью.

Группа вибрирующих цветов – ярких, наполненных оптимизмом – создает дерзкие акценты, контрасты и предназначается для смелых решений.

Коллекция «КЕТЭНЭ» (авторы Яковлева А. и Рыбакова А.), 2004 г.

Раскрывает тему восточного костюма. Восток выражается **в вышивке по** восточным мотивам бисером и пайетками. Тема восточного фольклора сочетается с современным кроем, а также приближает коллекцию к современности и выбранная цветовая гамма.

Диплом ЛАУРЕАТА конкурса «ПОДИУМ ТВЕРИ» 2004 г. Диплом участника конкурса «ДЫХАНИЕ ВЕСНЫ» г. Санкт-Петербург, 2004 г.

Не останавливаемся на достигнутом!

В настоящее время СДМ под руководством высокопрофессионального преподавателя Н.С. Ковалевой и ведущего дизайнера Е.В. Мальдовой студенты колледжа создают новые коллекции, которые получают высокую оценку на всероссийских и международных конкурсах, фестивалях и выставках.

С некоторыми публикациями о таких коллекциях, их авторах, демонстрациях и полученных наградах можно ознакомиться на сайтах «Тверьлайф», «В Контакте» и «Тверской промышленно-экономический колледж». Отметим самые примечательные из них:

1. Тверские студенты стали лауреатами Всероссийского конкурса молодых дизайнеров, 31.05.2019. https://tverlife.ru/news/tverskie-studenty-stali-laureatami-vserossiyskogo-konkursa-molodykh-dizaynerov-.html

2. Работы тверских модельеров оценила министр образования России, 03.12.2016. https://tverlife.ru/news/raboty-tverskikh-modelerov-otsenila-ministr-obrazovaniya-rossii-.html?_utl_t=vk

3. Победа на олимпиаде «ELNA FASHION SHOW 2018», 20 апр. 2018 https://www.tverpek.ru/?act=cat&cat_id=42&tov_id=1861

4. Победа студентов и преподавателей на международном конкурсе «РУССКИЙ СИЛУЭТ 2018», 12 апр. 2018 https://www.tverpek.ru/?act=cat&cat_id=42&tov_id=1847

Свои лучшие работы студенты и преподаватели колледжа посвящают 100-летию Тверского промышленно-экономического колледжа, которое будет отмечаться в 2020 году.

Литература

1. *Касаткин П.И.* Культурное пространство: аксиологический аспект. [Электронный ресурс]. Режим доступа: Проблемы культурологии. №4, 2017. // https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnoe-prostranstvo-aksiologicheskiy-aspekt. (Дата обращения: 23.04.2019).
2. *Митрягина Т.А.* Русский народный костюм как ценностно-культурная парадигма. Автореферат дис… канд. Филос. н. Белгород-2005. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.dissercat.com/content/russkii-narodnyi-kostyum-kak-tsennostno-kulturnaya-paradigma/read (Дата обращения: 23.04.2019).

В.А. Богданова (Тарасова)
студентка 1 курса факультета
государственной культурной политики
Московского государственного института культуры
Москва (Россия)
E-mail: leratar@mail.ru

Концепт «Природа» в лирике Н.А. Некрасова

Аннотация. Автор рассматривает роль природы и пейзажных описаний в лирике Н.А. Некрасова, а также то, как природа позволяет раскрыть характеры персонажей, донести основную мысль автора с помощью пейзажных описаний. В статье рассматриваются произведения Некрасова «Железная дорога», «Зелёный шум», «Несжатая полоса», «Надрывается сердце от муки», поэма «Саша».

Ключевые слова: пейзажная лирика, природа.

Valeriya A. Bogdanova (Tarasova)
1st year Student of the Faculty of the
State Cultural Policy of
Moscow State Institute of Culture
Moscow (Russia)
E-mail: leratar@mail.ru

The concept “Nature” in the lyrics of N.A. Nekrasov

Abstract. The author considers the role of nature and landscape descriptions in the lyrics of N.A. Nekrasov, as well as the way nature allows to reveal the characters of the personage, to convey the main idea of the author with the help of landscape descriptions. The article discusses the works of N.A. Nekrasov “Railway”, “Green noise”, “An uncompressed strip”, “The heart is tormented by torture”, the poem “Sasha”.

Keywords: landscape lyrics, nature.

Тема природы в лирике Николая Алексеевича Некрасова занимает исключительное место. В основном проблематика его стихотворений не связана с пейзажем, однако автор часто обращается к теме природы в своих произведениях. Например, к теме природы автор обращается в первой части произведения «Железная дорога». Н.А. Некрасов с помощью

образного описания вида из окна поезда, который наблюдает герой произведения, от лица которого ведётся рассказ, создаёт некий контраст с тем, что описано во второй части «Железной дороги». Автор обращает внимание на то, что несмотря на явления, которые происходит в стране – бедность, несправедливость, бесправие простых людей, природа всегда совершенна. Следует отметить, что Некрасов в своих произведениях не раз обращался к теме бесправия в России, к теме крепостного права. Первая часть написана в лучших традициях пейзажной лирики. Некрасов использует яркие эпитеты: «славная осень»; «здоровый, ядреный воздух»; «лёд неокрепший»; «речка студёная»; «ясные, тихие дни»: а также сравнения: лёд сопоставляет с таящим сахаром, а листья – с кроватью, в которой можно выспаться [1].

Автор обращается к теме природы и в произведении «Зелёный шум». Само выражение «зелёный шум» обозначает в простонародье пору, когда вся природа пробуждается после зимы. Основная тема стихотворения «Зелёный шум» – измена жены. Герой стихотворения – крестьянин, только приехавший с заработков в Петербурге и узнавший об измене жены. Здесь автор подражает жанру семейно-бытовых песен о любви и об измене. Следует отметить, что писатели-реалисты ценили народные песни подобного жанра. Главный герой с трудом удерживается от убийства изменницы, но происходит это лишь под влиянием весеннего обновления. Это можно наблюдать в строках: «Под песню-вьюгу зимнюю окрепла дума лютая – припас я вострый нож… да вдруг весна подкралася» [1].

После этих строк следует пейзажная часть стихотворения. В ней Некрасов употребляет яркие фольклорные эпитеты: весенний шум, тёплое солнышко, липа бледнолистая, белая берёзонька, зелёная коса, тростинка малая, высокий клён, а также часто употребляет однокоренные слова, чтобы акцентировать внимание читателя: «зелёный шум», «шумит тростинка», «шумит клён», «шумят по-новому». В пейзажной части автор также обращается и к олицетворениям: верховой ветер, который «играючи, расходится»; сосновые леса у автора «повеселелые»; берёза и липа – «лепечут песню», а у березы – зелёная коса. В «Зеленом шуме» встречаются и сравнения: зелёная цветочная ольховая пыль – как облако, вишневые сады будто облиты молоком [1].

Само выражение «Зелёный шум» – это метонимия. Зелёный шум – шум зелени весной – образ пробуждения природы, обновления, оживления, символ нового начала. Следует отметить, что стихотворение пос-

троено на психологическом параллелизме – автор проводит параллель между обновлением природы и обновлением человеческой души.

Основная мысль стихотворения – победа жизни, то есть весны, над смертью, то есть зимой. Пробуждение природы после спячки освобождает душу человека от обиды, как бы обновляя душу главного героя.

Стихотворение «Несжатая полоса» также содержит в себе тему природы. Основная тема стихотворения – тяжёлый труд крепостного крестьянина, у которого даже если и уродится урожай, от тяжелого труда может случиться болезнь. Существует мнение, что в «Несжатой полосе» Некрасов проводит сравнение между «Несжатой полосой» и Россией, а также между заболевшим пахарем, который «не по силам работу затеял» [1] и Николаем I, который не мог справиться с тяжелой для русского народа Крымской войной. С другой стороны, существует точка зрения, что образ пахаря был придуман Некрасовым во время тяжёлой болезни, которая случилась с ним в 1853 году, и, исходя из этого, он сравнивал себя с больным пахарем, который не может закончить свою работу.

Само стихотворение можно поделить на 3 части – осенний пейзаж, воображаемые жалобы колосьев и воображаемый ответ ветра колосьям.

Начало стихотворения – осенний пейзаж, при прочтении описания которого создаётся унылая, тусклая атмосфера. Все опустело – опала листва с деревьев, опустело от зелени поле, даже улетели грачи. Осталась лишь несжатая полоса посреди опустевшего поля. Автор обращает внимание, что она «грустную думу наводит» [1]. Используются эпитеты: поздняя осень, осенняя вьюга.

В следующей части стихотворения колосья жалуются на то, что они пропадают зря, «купают тучные зерна в пыли» [1]. Следует отметить, что «тучные зерна» – это деталь, которая используется автором для того, чтобы донести до читателя, что с колосьев могли бы собрать неплохой урожай. Колосья подобны самим крестьянам, которые не понимают, чем они хуже других, куда уходят их старания и силы.

В третьей части автор использует образ ветра – олицетворение природных сил, которые уничтожают весь труд человека. Ветер даёт ответ колосьям, почему пахарь не придёт и не соберёт с них зерно. Оказывается, что пахарь тяжело заболел, работа оказалась ему не по силам. Портрет крестьянина-пахаря, который от болезни не может ни есть, ни пить, вызывает жалость у читателя. Также становится понятно, что пахаря ждёт неизбежная голодная смерть, ведь он не успел подготовить запасы хлеба на зиму.

Стихотворение «Надрывается сердце от муки» можно условно поделить на 2 смысловые части – пролог и эпилог, между которыми разворачивается основное лирическое действие. Первая часть – философские рассуждения автора о зле, несправедливости, царящих в нашем мире. Далее стихотворение плавно перерастает в пейзажную часть. В ней лирический герой рассуждает о беззаботности природы, сравнивая её с ребёнком. Яркое, образное описание весны, природы очень важно, ведь именно природа помогает автору очиститься, «воскресить» душу, поверить в добро:

«Мать-природа! иду к тебе снова
Со всегдашним желаньем моим –
Заглуши эту музыку злобы! Чтоб душа ощутила покой,
И прозревшее око могло бы
Насладиться твоей красотой» [1].

Лирический герой успокаивается от боли, тревоги посредством весенних образов, описанных автором в полной цветовой гамме.

Описывая лирического героя, который испытывает внутренний душевный конфликт, автор противопоставляет героя самой природе. Этим автор подчёркивает несовершенство человека перед природой, свободной от мирских проблем.

Некрасов использует в стихотворении эпитеты и сравнения, а также синекдохи: «барабаны», «цепи», «топор». Эти слова обозначают безумие, подлость палачей и мучения их жертв. Автор олицетворяет природу, как образ истинной человечности. Весенние образы в стихотворении – яркие, полные жизни и свободы.

Основная мысль стихотворения, которую стремится передать читателю Некрасов – нужно жить вопреки всему, что случается вокруг, как природа, которая возрождается после зимы.

Реалистическую поэму Некрасова «Саша» о беззаботной девушке, дочери степных помещиков, влюблённой в хозяина соседней усадьбы, можно разделить на 4 части. В первой части рассказчик возвращается домой в родное поместье. В третьей и четвёртой частях повествуется о встрече Саши, главной героини поэмы, и Льва Алексеевича Агарина, а также об изменении личности главной героини.

Вторая часть поэмы является ретроспективной. В ней рассказывается о детстве Саши, проведённом в деревне. В этой части раскрывается

характер и портрет Саши, а также окружающий её с детства пейзаж. Эта часть поэмы очень важна, именно она позволяет читателю получить представление о личности главной героини, а также о том, что оказало влияние на становление характера той девушки, какой она была до встречи Агарина. «Саша не знает забот и страстей» – так описывает автор девушку [1].

После портрета следует описание природы, которая окружала с детства Сашу. С помощью этого описания автор повествует о том, что героине не встречались ещё на пути настоящие проблемы. Девушка выросла в спокойной, мирной обстановке, и единственная невольница, которую встретила Саша – река, которая не может вырваться из своего русла. «Да и чего побоится она?.. всё так спокойно; кругом тишина» – пишет Некрасов [1]. Автор также обращает внимание на то, что до знакомства героини с Агариным ей нравилась такая жизнь: «И убежит, и в просторе полей сладко и вольно так дышится ей» [1]. Некрасов обращает внимание на то, что Саша, выросшая в такой обстановке, сохранила в себе истинную человечность, доброту души. «Но сохраняется дольше в глуши первоначальная ясность души» – отмечает поэт [1].

Автор повествует о том, каким образом происходит влияние разных факторов на становление характера человека. Мысль писателя заключается в том, что мировоззрение, мироощущение в полной мере зависят от того, где человек вырос, как его воспитали в юности. Так, Саша выросла в беззаботности, спокойствии. С детства её окружала лишь природа, никакие тревоги, опасности и проблемы знакомы ей не были. На становление личности влияет его круг общения в юности.

Роль природы и пейзажа в лирике Некрасова занимает особое место. С помощью образных описаний природы автор раскрывает характер героя: как в поэме «Саша», в произведениях «Зелёный шум» и «Надрывается сердце от муки» природа помогает главному герою очистить душу, а яркое, образное описание пейзажа в «Несжатой полосе» позволяет пробудить у читателя чувство сочувствия к тяжелому, непосильному труду крестьянина.

Литература

1. *Некрасов Н.А.* Собрание сочинений. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://az.lib.ru/n/nekrasow_n_a/ (Дата обращения: 15.05.2019).

В.С. Зотова
студентка 1 курса факультета
государственной культурной политики
Московского государственного института культуры
Москва (Россия)
E-mail: Zotovaveektorija@rambler.ru

Философское видение и анализ творчества Е.И. Замятина на примере сказок

Аннотация. В статье рассматриваются различные аспекты творчества Е.И. Замятина, связь с литературными произведениями М.Е. Салтыкова-Щедрина. Также автор проводит системное исследование компонентов сказок, как отдельных пластов художественного мира писателя.

Ключевые слова: литература, философский аспект, антиутопия, онтологические сказки, сатира, манкурт.

Viktoriya S. Zotova
1st year Student of the Faculty of the
State Cultural Policy of
Moscow State Institute of Culture
Moscow (Russia)
E-mail: Zotovaveektorija@rambler.ru

Philosophical vision and analysis of the literary works of E.I. Zamyatin on the example of fairy tales

Abstract. The article deals with various aspects of E.I. Zamyatin's literary works, the connection with the literary works of M.E. Saltykov-Shchedrin. The author also conducts a systematic study of the components of fairy tales as separate layers of the writer's artistic world.

Keywords: literature, a philosophical aspect, dystopia, ontological tales, satire, mancourt.

Литература XX столетия вобрала в себя разные эстетические начала и подвела итог художественно-философским исканиям минувшего века. Она рассматривала острые онтологические вопросы и отвечала на них, используя важнейший духовный опыт классической литературы, ориентируясь на новое самосознание общества.

Ярким продолжателем русской классической литературы является Е.И. Замятин. Его творчество занимает особое место в русской и мировой литературе. Интерес к творческому наследию и биографии писателя возрастает и в настоящее время.

Об этапах становления мастера русской литературы XX века – Евгения Ивановича Замятина (1884-1937), писателя, критика, драматурга, сценариста, переводчика, публициста, написано огромное количество статей и диссертаций. О творчестве писателя ведутся постоянные споры, оно таит в себе много загадок и не поддается целостному описанию.

Стоит отметить, что творчество писателя изучается очень активно до сих пор. Это говорит нам о сложности его художественного мира, определенной философичности его творчества в целом.

Интерес к произведениям Е.И. Замятина неизменно высок. Но всё-таки на несколько десятилетий писатель стал «манкуртом» (термин употреблен в романе Чингиза Айтматова «И дольше века длится день»), иными словами произошло насильственное лишение памяти о писателе. В 1929 г. Замятин вышел из Союза писателей (из-за жесткой травли), его перестали публиковать. Он написал письмо Сталину, просьбу одобрили и он эмигрировал из СССР.

Сложная судьба писателя, наполненная различными драматическими событиями, сформировала у Замятина свое точку зрения на социально-политические и философские концепции, давшие основу для его творчества. У писателя сложилось особенное чувство к своей Родине, порой противоречивые – он любил ее и ненавидел одновременно.

В настоящее время буквально в точности до мелочей выстраиваются факты биографии писателя, анализируется поэтика его произведений, рассматриваются взаимосвязь с традициями народной культуры, различные философские и литературные истоки творчества. Также некоторые авторы изучали связь замятинских произведений с творениями Н.С. Лескова, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского и другими писателями «серебряного века».

Важной темой обсуждения являются проблемы замятинской творческой индивидуальности. Сейчас многие суждения и предположения

требуют детальной разработки и выстраивания целостной осмысленной системы.

Замятинская проза являет собой ярчайшее явление, которое имеет в истории русской литературы глубокий литературно-художественный и философский контекст.

В рассказах, повестях и романах писателя очень четко прослеживается творческая линия с писателями русского реалистического искусства. Эти пересечения не всегда определялись совпадением и близостью мировидения позиций и творческих установок с авторами произведений того времени. «Е.И. Замятин совмещал в себе мощный интеллект с необычным сатирическим художественным даром» [Цит. по: 8, с.1] .

Жизненный опыт писателя дал ему необходимость обращаться к культурному наследию духовности человека для повышения эстетики текста, который способен вместить в себя новые смыслы. Литературные цитаты, аллюзии, знаки, символика применялись Е. И. Замятиным в качестве средства создания литературных образов.

Смешение различных литературных кодов является и способом увеличения семантики и выразительного потенциала художественных произведений. Наиболее ярко выражены творческие связи с сатирой М.Е. Салтыкова-Щедрина, которые проявились в циклах сказок Е.И. Замятина. Для обоих писателей жанровая форма сказки – это связь национальных идеалов с общечеловеческими, готовая форма выражения универсальной модели мира.

Как писал Замятин в одной из своих статей: «Главное в том, что настоящая литература может быть только там, где ее делают не исполнительные и благонадежные чиновники, а безумцы, отшельники, еретики, мечтатели, бунтари, скептики» (цитата из статьи Е.И.Замятина «Я боюсь»). В этой статье Замятин предупреждает, что литература как естественный творческий процесс может прекратить свое существование и для нее станет возможным только одно – ее прошлое.

В своих рассказах 20-х годов писатель «боится» за всё человечество в целом, которое незаметно, как в «Ловце человечков», или явно, как например, в «Пещере», погружается в хаос. Е.И. Замятин ощущает дисгармонию и беззащитность человека перед враждебными силами, но его героям не на что опереться в жизни, хотя в его произведениях присутствует и красота, и любовь, и семейное благополучие.

Как отмечает в своей работе В.Н. Евсеев: «Индивидуальная судьба человека в прозе Замятина связана с судьбой определенным образом

устроенного общества». Но писатель, как утверждает автор диссертации, не отвергает жизнеподобных форм (характеризующих отношения между действительностью и ее художественным образом), а сочетает их с условными – гротескными, мифопоэтическими [См. об этом: 3].

Отдельное внимание уделено частной, бытовой жизни героя, в которой проявляются знаки исторического времени, влияющего прямо или косвенно на его судьбу. Идеи определенной эпохи (ее наличная культура и идеология) проникают в частное бытие героев, мотивируя характер их поведения. Писателем устанавливаются причинно-следственные связи человека с обществом и исторической действительностью.

Последовательный анализ замятинских сказок представлен в диссертационной работе М.А. Резун «Малая проза Замятина. Проблема поэтики». Отличительной особенностью малой формы писателя автор считает неомифологизм. Неомифологические тенденции, зародились в русской литературе в начале двадцатого столетия, получили развитие в творчестве таких крупнейших писателей того времени.

М.А. Резун предлагает классификацию сказок, состоящую из трех групп:

1. Онтологические сказки (характеризующиеся столкновением различных связанных категорий жизни и сознания). Представлены такими произведениями, как «Бог», «Дьячек», «Дрянь-мальчишка», «Ангел Дормидон», «Петр Петрович», «Херувимы», «Электричество», «Халдей».
2. Антиутопические сказки – Цикл сказок о Фите.
3. Политические сказки – «Хряпало», «Иваны», «Четверг», «Арапы», «Церковь Божия», «Бяка и Кака» [См. об этом: 9].

В сказках Замятина М.А. Резун видит их своеобразие, она не раз подтверждает размытость границ данной классификации, где сказки объединены по одному, наиболее явному признаку. При более детальном рассмотрении наслоение политических или социально-исторических деталей почти исчезает, наружу проступает вневременной, философский, общечеловеческий аспект замятинских сказок, который объединяет их в единое целое. Поэтому возникают сложности с распределением сказок на циклы и определением структуры жанра.

Житейская мудрость Замятина видна во всех его сказках. Стоит рассмотреть одну из онтологических сказок. Чрезмерно «умным» оказывается индюк из сказки «Петр Петрович». Ему хочется скорее посмотреть на своё потомство, и он расклевывает раньше времени яйца,

в результате все индюшата погибают. В этой сказке можно заметить аллюзии на Петра Первого, его преобразования, которые вводились преждевременно, являясь неорганическими для России. На примере этой сказки можно увидеть, что народ еще не готов к категоричным нововведениям. Обнаруживается некий изъян в природе русского человек, на котором Замятин акцентирует своё внимание.

Теперь рассмотрим вторую группу – антиутопические сказки. Мысль о гибельности «уравнивания всех» Замятин делает центральной в своем сатирическом цикле сказок про Фиту, а затем доводит до яркого гротеска в романе «Мы» (1921).

Автор замятинских сказок близок к образу простонародного рассказчика. Отношение с недоверием автора к будущему как бы уравновешивается таким же отношением к прошлому – говоря нам иносказательно, что истоков «золотого века» не предвидится.

Своеобразие сказок мы находим в постоянных отступлениях от сказочного жанра. Происходит трансформация традиционной сказочной структуры и превращает утопию сказки в утопию, но стремление упорядочить современную жанровую форму позволяет писателю соединить в своих произведениях натурфилософское и социально-историческое, национальное.

Замятин специально усиливает намеки на сатиру Салтыкова-Щедрина в «Последней сказке про Фиту», сравнивая их с дореволюционной царской Россией, как процесс познания своего исторического времени и как формирование представления о будущем России и о мировых законах развития человечества.

В своих сказках про Фиту Замятин подтверждает, что предсказанное Салтыковым-Щедриным в «Истории одного города» «сатанинское нивеляторство в самых обширных размерах» вводилось и внедрялось в послереволюционную российскую действительность.

Признавая сатанинскую сущность «благодетелей человечества» типа Угрюм-Бурчеева и Фиты, авторы расходятся во взгляде – Замятин был настроен менее пессимистично по сравнению с Салтыковым-Щедриным на неизбежную обреченность человечества.

Комическое изложение позволяет автору добиться поразительного драматического и иронического эффекта в качестве «всенародного христианского подвига служения» [5].

Третья группа – это «политические» сказки, в основном они были написаны в 1920 году и явились выражением Замятина на тогдашнюю

послереволюционную действительность. Одним из примеров может служить сказка «Хряпало». У писателя с образом хаоса ассоциируется некое чудовище, вызывавшее страх у человека перед этим существом, которое несло угрозу.

В облике Хряпала было дикое начало: «ступни у него медвежачьи», «мертвая голова вепря», «и на брюхе – лицо, вроде человечьего, с зажмуренными глазами, а самое где пуп у людей – разинается пасть» [5].

Явление Хряпала писателем представлено как природная катастрофа: «Тряхнуло – посыпались сверху звезды, как спелые груши. Опустел небесный свод…только ветер над желтой щетиной шумит неуютно» [5].

Мифологический образ «Хряпало» сопоставляется Замятиным с революцией, которая вызывает тот же интуитивный страх у народа перед непонятной разрушительной силой.

Ирония, сатира, сарказм служили для Замятина непременной предпосылкой творческого «еретичества»[1]. В своей в статье «Я боюсь» писатель публично заявил: «Я боюсь, что у русской литературы одно только будущее – ее прошлое» [5]. Закон поэтики Замятина таков: все изменчиво, всё не то, чем кажется. Человек потерян в мире, он беспомощен. Эта тема является глобальной для литературы XX века. Проблема человеческой слабости и силы в разных аспектах: социальном, морально-нравственном, экзистенциальном – в различной степени решалась в произведениях многих крупных писателей и поэтов.

Литература

1. *Давыдова Т.Т.* Творческая эволюция Е. Замятина в контексте литературы первой трети XX века. М.: Изд-во МГУП, 2000. 364 с.
2. *Давыдова Т.Т.* Творческая эволюция Е. Замятина в контексте русской литературы 1919-1930-х годов. Автореф. дис. докт. филол. наук. М., 2001. 42с.
3. *Евсеев В.Н.* Художественная проза Е. И. Замятина: Творческий метод. Жанры. Стиль. Автореф. дис. докт. филол. наук. М., 2000. 34 с.

[1] По Е.И. Замятину, только писатели – «еретики», бунтари, нарушители сложившихся канонов могут сказать новое слово в литературе. Их произведения были неприемлемыми для современников.

4. *Желтова Н.Ю.* Проза Е. И. Замятина: поэтика русского национального характера. Дис. канд. филол. наук. Тамбов, 1999. 198 с.
5. *Замятин Е.И.* Собрание сочинений. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://az.lib.ru/z/zamjatin_e_i/ (Дата обращения: 19.06.2019).
6. *Комлик Н.Н.* Е.И. Замятин в жизни и творчестве. М. 2012 г. 136 с.
7. *Полякова Л.В.* Евгений Замятин в контексте оценок истории русской литературы XX века как литературной эпохи. Курс лекций. Тамбов, 2000. 283с.
8. *Попова И.М.* Сатира М.Е. Салтыкова – Щедрина как система – прототип творчества Е.И. Замятина // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 1997. Т. 3.– No 1– 2. Рубрика 5. Препринт. – с. 1–32
9. *Резун М.А.* Малая проза Замятина. Проблема поэтики. Дис. канд. филол. наук. Томск, 1993. 261 с.
10. *Резун М.А.* Антиутопические сказки Е.И.Замятина, канд. филол. наук. Томск
11. *Шишкина Л.И.* Народ и власть в политической сатире Евгения Замятина, канд. филол. Наук, СПб, 2012. 205-213 с.

Е.А. Кривенцова
помощник проректора по развитию
Московского государственного института культуры,
магистрант I курса,
Российский государственный гуманитарный университет
Москва (Россия)
E-mail: eugeneKrivencova@yandex.ru

К вопросу отражения войны 1812 года в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир»: военный совет в Дриссе

Аннотация. В данной статье автор предпринимает попытку анализа произведения Л.Н. Толстого «Война и мир», а также его влияния на восприятие Отечественной войны 1812 года. Особое внимание уделяется такому вопросу как стратегические планы ведения войны, а также личности Барклая де Толли и ее оценке в историографии.

Ключевые слова: Барклай де Толли, Дрисский лагерь, Лев Николаевич Толстой, Отечественная война 1812 года, план Фуля, роман-эпопея «Война и мир».

Evgeniya A. Kriventsova
Vice-rector's assistant,
Moscow state institute of culture
Moscow (Russia)
E-mail: eugeneKrivencova@yandex.ru

On the issue of the reflection of the Patriotic War of 1812 in the epic novel "War and Peace" by L.N. Tolstoy: the war council in Dryssa

Abstract. In this article, the author attempts to analyze the literary work of L.N. Tolstoy "War and Peace", as well as its influence on the perception of the Patriotic War of 1812. Special attention is paid to such issues as strategic plans for the conduct of war, as well as the personality of Barclay de Tolly and its assessment in historiography.

Keywords. Barclay de Tolly, Dryssky camp, Lev Nikolaevich Tolstoy, Patriotic war of 1812, Phull's plan, the epic novel "War and Peace".

Часто образ исторических событий формируется в памяти человечества посредством культурологических механизмов. И Отечественная война 1812 года не исключение. Огромное влияние на восприятие событий этой войны оказал роман-эпопея Льва Николаевича Толстого «Война и мир». Уже со второй половины XIX века это произведение начало оказывать влияние на культурную и историческую память. Однако, литературное произведение, описывающее историческое событие, стоит воспринимать весьма критично, важно понимать насколько скрупулезно автор изучил источники и соответствующую литературу по тематике этого события. Изучив главы романа-эпопеи «Война и мир» можно предположить, что Л.Н. Толстой работая над эпизодами своего произведения, раскрывающими ход военных действий, обращался к архивным документам и мемуарам, а также к фундаментальным трудам по описанию событий войны 1812 года. Особый интерес представляют главы с девятой по одиннадцатую третьего тома романа, в которых дается описание плана ведения военных действий. Автор романа на страницах указанных выше глав создал синтетический образ некоего военного совета, поспешно собранного после вторжения войск неприятеля на котором разные представители русского командования и окружения императора высказывали свои соображения о способах и характере ведения военных действий – *«...Это не был военный совет, но как бы совет избранных для уяснения некоторых вопросов лично для государя...»* [3, с. 49]. Однако такая интерпретация событий формирует у обывателя не совсем верное представление. Планы ведения войны обсуждались неоднократно, в том числе и до начала войны, и существовал не один лишь план генерала Фуля.

В десятой главе романа-эпопеи автор описывает сцену собрания военных деятелей. Совет был собран во время пребывания Александра I при Дриссе. У Л.Н. Толстого на это собрание Андрей Болконский был приглашен по инициативе Барклая де Толли. После чего описывается приезд Болконского в квартиру генерала Бенигсена[1], где должен был состояться совет. Совет в романе-эпопее представлен шведским

---

[1] Леонтий Леонтьевич Бенигсен – генерал от кавалерии на русской службе, который прославился в качестве командующего русской армией в сражении при Прейсиш-Эйлау против Наполеона.

генералом Армфельдом[1], генералом-адъютантом Вольцогеном[2], Винцигероде[3], Мишо[4], Толем[5], графом Штейном[6] и наконец, самим Фулем[7].

В рамках описываемой сцены все собравшиеся ожидают Государя, который вот-вот должен вернуться с хозяином квартиры и маркизом Паулучи с осмотра Дрисского лагеря. По прибытии ожидаемых лиц Болконский выслушивает рассуждения на тему стратегии ведения войны.

Безусловно, отправной точкой у совещавшихся является небезызвестный план Фуля. Данный план и по сей день не имеет однозначной оценки в историографии. Противоположные стратегические размышления высказывают герои романа генерал Армфельд и полковник Толь, а также автор включает в диалог замечания и рассуждения маркиза Паулучи, столь возбужденного осмотром Лагеря в обществе самого Императора. Отметим, что Л.Н. Толстой на страницах романа не раскрывает содержание вышеупомянутых планов. Из за этого у читателя может складываться впечатление будто существовал один фулевский план который был единственным и основополагающим и постоянно подвергался критическим замечаниям.

---

[1] Армфельд Густав Мориц – шведский государственный деятель, перешёл на русскую службу (под именем Густав-Маврикий Максимович Армфельт), получил чин генерала от инфантерии и стал советником Александра I по финляндским вопросам.

[2] Людвиг фон Вольцоген – немецкий военачальник, офицер Вюртембергской армии, генерал-майор российской армии, генерал от инфантерии Прусской армии.

[3] Фердинанд Фёдорович фон Винценгероде или Винцингероде – русский генерал от кавалерии и генерал-адъютант немецкого происхождения, герой Отечественной войны 1812 года, во время которой командовал «летучими» кавалерийскими отрядами русской армии.

[4] Александр Францевич Мишо де Боретур – российский военачальник эпохи наполеоновских войн, генерал-от-инфантерии, генерал-адъютант Русской императорской армии.

[5] Карл Фёдорович Толь – российский генерал от инфантерии (1826), участник войн с Наполеоном, генерал-квартирмейстер во время Отечественной войны 1812 года, с 1833 года – главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями.

[6] Генрих Фридрих Карл фом унд цум Штейн – 24 ноября 1808 года был отправлен в отставку. Известный как ярый противник Наполеона, фон Штейн сперва уехал в Австрию, а затем в 1812 году по приглашению Александра I – в Санкт-Петербург, где поступил на службу к российскому императору. 7 сентября 1813 года был награждён орденом Св. Андрея Первозванного.

[7] Карл Людвиг Август Фридрих фон Пфуль – прусский генерал, позже принятый на русскую службу. Известен по составленному им плану Отечественной войны 1812 года.

Однако принципиально учитывать следующее:

1) Планы представленные на совете в романе Л.Н. Толстого, были доведены до императора еще до того как француз перешел Неман.

2) Совет, транслируемый со страниц романа, является синтезом в действительности имевшего места быть военного совета при участии Главнокомандующего 1-й Западной армии Михаила Богдановича Барклая де Толли и ряда личных встреч Александра I с представителями русского генералитета.

В романе Император будто бы впервые ознакомляется с планами на спонтанно организованном военном совете, однако, в действительности, все возможные планы были разработаны и представлены Александру I в канун Отечественной войны 1812 года [1]. В одиннадцатой главе романа во время речи генерала Армфельда в спор вступает молодой полковник Толь с «исписанной тетрадью», остановимся на этом моменте более подробно. Очевидно, что в этой сцене Л. Н. Толстой обращает внимание читателя на факт имеющий место быть: среди ряда стратегических планов ведения войны был и проект графа Толя, который был представлен императору князем Петром Михайловичем Волконским в 1812 году 29 апреля. Однако, кроме плана Толя, наряду с планом прусского генерала Фуля существовал и проект плана военных действий авторства французского эмигранта, графа де Алонвиля, что интересно, технически он вполне мог претендовать на схожесть со стратегией плана прусака. Детали стиля Льва Николаевича Толстого обнаруживают сходство с фундаментальным описанием войны 1812 года Модеста Ивановича Богдановича и монографией Попова. Художественный образ Карла Фуля созданный Толстым не является плодом представления художника-писателя, особенности характера Карла Фуля были умело перенесены автором из реально существовавших мемуаров и документов. Для наглядности сравним два характерных отрывка из романа: *«...Все испортили, все спутали, все хотели знать лучше меня, а теперь пришли ко мне: как поправить? Нечего поправлять. Надо исполнять все в точности по основаниям, изложенным мною, – говорил он, стуча костлявыми пальцами по столу. – В чем затруднение? Вздор, Kinder-spiel...»* [3, с. 54] и отрывок из монографии А.Н. Попова: *«...При этом случае Пфуль выразил все особенности своего характера. С одной стороны, очевидно сбитый с толку неожиданными обстоятельствами, с другой, долго сдерживая досаду и замечая, конечно, что доверие к нему начинает падать, он быстро начал ходить взад и вперед по комнате, с желчью говоря, что не может*

сказать, как помочь делу, когда не хотят следовать его советам...» [2, с. 265]. Относительно Совета, созванного Александром I в лагере в Дриссе, очевидно, что Л.Н. Толстой опирался на события прибытия Барклая де Толли в укрепленный лагерь и созыв военного совета для решения вопроса: представляет ли выгоды Дрисский лагерь, чтобы можно было оставаться в нем и ожидать нападения неприятеля?

На фоне происходящих событий, после напряженной сцены с участием Фуля и набросившимися на него представителями русского командования, сюжетная линия отступает от событий исторического толка и Л.Н. Толстой дает слово Болконскому. Рассуждая о военной науке и о военном гении, князь Андрей приходит к очевидной теперь для него истине, что в условиях военного времени не может существовать никакая теория и наука, так как, обстоятельства дела и поведение неприятеля всегда остаются непредсказуемыми для обеих сторон. Получается и никакого военного гения быть не может: *«...Не только гения и каких-нибудь качеств особенных не нужно хорошему полководцу, но, напротив, ему нужно отсутствие самых лучших высших, человеческих качеств – любви, поэзии, нежности, философского пытливого сомнения...»* [3, с. 56] – так думал князь Андрей. Интересно, что устами Болконского Л.Н. Толстой описывает человека военного, лишенного всего сверхэмоционального и чувствительного. Здесь можно провести параллель с описанием у М.И. Богдановича первоначальных планов действий русских в канун Отечественной войны 1812 года. Примечательно, что в Истории отечественной войны 1812 года Модест Иванович Богданович, в своей оценке характера действий Барклая де Толли очень напоминает образ мыслей Андрея. Оценка действий русской армии в 1812 году и ее отступления вглубь страны, приводит М.И. Богдановича к выводу о том, что в целом отступление Западных армий имело место быть благодаря осознанному решению главнокомандующего Барклая де Толли. Поэтому образ мыслей Андрея Болконского весьма интересен тем, что обнаруживает сходные черты с тезисами Модеста Ивановича. М.И. Богданович, раскрывает важные детали по поводу оборонительного характера военных действий, а соответственно и хаотичного характера ведения войны с французом. Он указывает на то, что план оборонительной войны существовал до начала военных действий и что лично был одобрен и принят Барклаем де Толли.

Так называемым военным гением у автора Истории Отечественной войны 1812 года является Барклай де Толли – человек, действую-

щий холодно и абстрагировано от эмоциональных порывов как своих, так и чужих. По мнению М.И. Богдановича, важно в условиях войны вовремя заметить характер действий неприятеля и суметь хладнокровно и стремительно принять тот образ действий, который будет необходим в конкретных обстоятельствах. По его мнению, именно Барклай справился с этой задачей в 1812 году. Находим качества главнокомандующего первой западной армией подобными качествам человека из образа мыслей Андрея Болконского. Кто как не спокойный и равнодушный к внешним обстоятельствам Барклай де Толли способен был на подвиги, описанные Андреем. Безусловно, мы не можем утверждать, что именно образ Барклая пытался нарисовать для читателя Л.Н. Толстой. Но очевидно, что представления об идеальном военном искусстве у Л.Н. Толстого совпадают с воззрениями М.И. Богдановича на историческую реальность.

Литература

1. *Богданович М.И.* История Отечественной войны 1812 года [Текст]: в 3 т. / Модест Богданович. – СПб.: Типография Торгового дома С. Струговщика, Г. Похитонова, Н. Водова и Ко, 1859. Т. 1: Том первый. – 588 с.
2. *Попов А.Н.* Отечественная война 1812 года [Текст]: в 3 т. / Александр Попов. – М.: Минувшее, 2009. Т. 2: Нашествие Наполеона на Россию. – 1002 с., 32 илл.
3. *Толстой Л.Н.* Война и мир [Текст]: в 4 т. / Лев Толстой. – М.: Эксмо, 2014. Т. 3: Том третий. – 736 с.

Раздел X

ЭСТЕТИКА ИДЕАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

В.Б. Сорокин
кандидат философских наук, доцент,
Московский педагогический государственный университет
Москва (Россия)
E-mail: sorokin-vladbor@yandex.ru

Ценность «сельского покоя» против «суетного света» в русской поэзии XVIII века

Аннотация. Русская поэзия XVIII века отразила ценностное противопоставление нравственной чистоты сельской жизни и корыстной суеты светского общества.

Ключевые слова: ценность, покой, суета, сельская жизнь, светское общество, блаженство, переоценка ценностей.

Vladimir B. Sorokin
PhD in Philosophical sciences
Associate Professor,
Moscow pedagogical state university
Moscow (Russia)
E-mail: sorokin-vladbor@yandex.ru

The value of “rural quietness” against “the vanity of high society” in the Russian poetry of the XVIII century

Abstract. Russian poetry of the XVIIIth century reflected the value opposition between the moral purity of rural life and the selfish vanity of high society.

Keywords: value, quietness, vanity, rural life, high society, bliss, reassessment of values.

Горацианский мотив радостей сельской жизни пронизывает русскую поэзию XVIII века на всем его протяжении от А.Д. Кантемира до Г.Р. Державина, позволяя наблюдать изменение отношения к идиллической традиции у разных авторов.

«Счастлив! В свете без сует живущий», – воскликнул вслед за Горацием В.К. Тредиаковский в «Строфах похвальных поселянскому житию» [4, с. 52]. Поэт при этом умолчал, что хвалебные речи «поселянскому житию» у Горация произносит ростовщик, озабоченный только прибылью. Убрав из своего вольного перевода саркастическую последнюю строфу античного оригинала, В.К. Тредиаковский делает восхваление сельской жизни вполне искренним и серьезным.

Совершенно в этом же духе вторит ему в «Похвале пастушьей жизни» С.В. Нарышкин:

О, коль блажен тот, кто в долинах,
В полях, лугах овец пасет…
…Его веселья окружают,
Он всех счастливее сто раз,
Печали сердце не стесняют,
Живет в покое всякий час. [4, с. 283]

Перекликается с этими мыслями переложение стихов Горация, сделанное В.К. Тредиаковским:

Стой, кто хочет на скользкой придворной дороге,…
Но мне в убогой жизни люб есть покой сладки. [4, с. 46].

В этих строках автор отчетливо выявил ценностное противопоставление «суеты света» и «покоя сладкого» в «убогой жизни», далекой от «ловли счастья и чинов». «Тот в сей жизни лишь блажен, кто малым доволен», – утверждал А.Д. Кантемир. В своих стихах «О жизни спокойной» он впервые соединил мотивы «покоя» и «воли» как знаки заветной мечты поэта и высших ценностей творческой личности, равнозначные счастью:

Пусть клянет кто несчастье, а я им доволен,
И когда мя забыли, так остался волен. [4, с. 42].

Непритязательную сельскую жизнь на лоне природы вдали от городских сует российские поэты называют блаженством.

Н.Н. Поповский так дословно переводит начало эпода Горация:

Блажен тот, кто сует не знает,
Как жили люди прежних лет,
Поля наследны насевает
И лихвы с бедных не берет. [5, Т.1, с. 122].

Иначе, но не меняя главного, сделал поэтическое переложение «Похвалы сельской жизни» В.В. Капнист:

Блажен, градским не сжатый кругом,
Кто так, как древни предки, мзды,
Заботы чужд и чужд вражды… [2, с. 197].

В этой версии противопоставление жизни городской и сельской выявлено наиболее откровенно.

Само представление о блаженстве, в отличие от счастья сиюминутной удачи, мимолетной и обманчивой, которую можно «поймать» но и «упустить» тотчас же, отличается в ценностном отношении более высоким статусом, наполнено сакральным смыслом: блаженство нельзя «поймать», оно должно быть обретено, ниспослано.

В христианской традиции понимание блаженство восходит к словам Нагорной проповеди: «Блаженны нищие…, блажены плачущие…, блаженны милостивые…». Созвучны этому слова первого псалма «Блажен, кто к злым в совет не ходит». Блаженство даруется тем, кто уклоняется от соблазна и порока, протерпел мучения и за это будет вознагражден в Царстве Небесном.

Органическое, тесное переплетение мотивов античной поэзии и христианских текстов сформировало в русской поэзии 1-й половины XVIII века представление о блаженстве как о непритязательной спокойной сельской жизни, свободной от суетных забот городского светского времяпрепровождения.

Знаменитое стихотворение Г.Р. Державина «Евгению. Жизнь званская» переносит традицию похвал сельской жизни из XVIII века в новое столетие:

Блажен, кто менее зависит от людей,
Свободен от долгов и от хлопот приказных,

Не ищет при дворе ни злата, ни честей
И чужд сует разнообразных. [4, с. 342].

Однако «блаженство» в лирике Г.Р. Державина сопряжено с эпикурейским жизнелюбием и хлебосольным пиршеством в кругу родных и друзей:

Багряна ветчина, зелены щи с желтком,
Румяно-желт пирог, сыр белый, раки красны,
Что смоль, янтарь – икра, и с голубым пером
Там щука пестрая – прекрасны! [4, с. 345].

Наряду с пасторальной идеализацией сельского житья в поэзии XVIII века отчетливо звучат размышления о суетности земного бытия, постепенно все более ярко трансформируясь в представление о суете светской, придворной жизни.

Соотносясь с библейской фразой «Все – суета сует и всяческая суета», мотив скоротечности и превратности человеческой жизни не раз осмыслен в духовных одах А.П. Сумарокова: «Суетен будешь ты, человек, если забудешь краткий свой век», «Все в пустом лишь только свете, что ни видим – суета. Добродетель, ты на свете нам едина красота».

Этот философский, «бытийный» аспект развивает М.М. Херасков:

Все на свете сем преходит,
Постоянного в нем нет. [4, с. 196].

Сходные мысли высказывает А.А. Ржевский:

Наполнен век наш суетою,
Нигде блаженства в нем не зрим. [5, Т.2, с. 207].

Поэт рассуждает о ложных устремлениях и самообольщении людей:

Всяк то блаженством почитает,
К чему страсть ум его влечет,
И правды в слепоте не знает,
И суеты блаженством чтет. [Там же].

Завершая свой «Станс» автор утверждает:

В одном спокойствии душевном
Блаженство наше состоит. [Там же].

Ценность «душевного спокойствия» противопоставлена А.А. Ржевским искательству чинов, сословной гордости, скупости, тиранству, волокитству, щегольству и пьянству – всем порокам суетной светской жизни.

По-своему ответил на вопрос о земном блаженстве Н.М. Карамзин:

Верна дружба! Ты едина
Есть блаженство на земле. [3, с. 185].

Таким образом, сентиментализм привнес в русскую поэзию свою иерархию ценностей.

Наряду с этим, иносказательно обозначая свой идеал общественного устройства именем Астрея и «златого века», свое понимание покоя провозглашали масоны [6].

Разочарование в показной пышности правления Екатерины II окрасило буколические сельские мотивы противопоставленностью, оппозиционностью по отношению к придворному быту и великосветской жизни.

С явным вызовом имперскому величию писал И.И. Дмитриев:

Эрмитаж – мой огород,
Скипетр – посох, а Лизета –
Моя слава, мой народ
И всего блаженство света. [4, с. 639].

Созвучны этому настроению строки Г.Р. Державина:

Цари! Вы светом обладаете.
Мне не завидна ваша честь.
Стократ мне лестнее, вы знайте,
Над нежным сердцем сладка власть. [1, с. 99].

Переоценка ценностей во второй половине XVIII века проявилась в ироническом скепсисе поэтов по отношению и к идеалам имперского классицистского сознания, и к просветительским надеждам на силу разума и знания. Так, князь Г.А. Хованский в 1-й книге альманаха «Аониды» 1796 года опубликовал пародийную песенку:

Пусть, кто хочет, пишет оды
Или критику на моды –

Я – так песенку пою
Про голубушку свою.

Повторяя в каждой строфе две заключительные строчки, автор перечисляет все, что может привлекать людей:

….Пусть богатый веселится,
Пусть богатством он гордится…
…Пусть чинов, кто хочет ищет
И по крыльцам барским рыщет…
…Пусть военный побеждает,
А философ рассуждает… [1, с. 93].

Показательно, что в один ряд с пороками суетного света: алчностью и тщеславием – поставлены и военная слава, и наука. Эпикурейские и анакреонтические ценности любви и дружеского застолья заслонили собой ценности государственного служения и научного знания. Вполне откровенно это высказали безымянные авторы комических песен конца XVIII века:

Что мне нужды, как тела
В воздухе летают?
Что мне нужды, в чем Невтон,
Лейбниц погрешают?
Что мне нужды до того,
Солнце светит отчего
И земля вертится?
Кто не чувствует любви,
Тот для алгебры живи,
Тот пущай трудится. [1, с. 100].

Так же, как и в песне Г.А. Хованского, протестно звучит частица «пусть» в анонимной песне:

Пусть вольность защищает
Невольник новых прав,
Пусть он покой теряет,
Спокойствие искав.

Я воли не желаю
В неволе дорогой
И в хижине вкушаю
Блаженства все с тобой. [1, с. 96].

Этот напускной, притворный обскурантизм можно в определенной мере считать отдаленным симптомом романтической разочарованности и неудовлетворенности просветительскими методами исправления мира.

Подводя итог анализу развития в русской поэзии XVIII века мотива «сельского покоя», противостоящего мотиву «суетной жизни света», можно со всей определенностью утверждать, что возникшее аксиологическое противопоставление понятий «покой» и «суета» сформировало к исходу столетия в ценностных представлениях российских поэтов и читающей публики полярно противоположные комплексы: «суетный свет» – средоточие человеческих слабостей и пороков, с одной стороны, а с другой – «деревенское житье», мир сельской усадьбы – обитель добродетели, дружбы, любви, вольного вдохновения и покоя. Именно эта антитеза легла в основу поэтического мировосприятия поэтов начала XIX века.

Литература

1. «В понедельник я влюбился». Российские комические песни XVIII века. М.: «Кириллица», 2000.
2. *Капнист В.В.* Избранные произведения. Б-ка поэта. Большая серия. 2-е издание, Л.: «Советский писатель», 1973.
3. *Марасинова Е.Н.* Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века. М.: Роспэн, 1999.
4. Русская литература. Век XVIII. Лирика. М.: «Худ. Литература»,1990.
5. Русские поэты XVIII века. Т. 1, 2. Б-ка поэта. Большая серия. 2-е издание. Л.: «Советский писатель», 1972.
6. *Фомин А.И.* (1713-1804). «Живописец», Ч. II, лист 24. Песня «Здесь пристанище покоя,// Здесь убежище сует». Имеется в виду масонская ложа.

В.В. Мильков
доктор философских наук,
ведущий научный сотрудник
Института философии РАН (ИФРАН)
Москва (Россия)
E-mail: dr_milkov@mail.ru

«Слово о законе и Благодати» – первый опыт создания политической идеологии древнерусского государства

Аннотация. В публикации рассматриваются малоизученные аспекты «Слова о Законе и Благодати». В содержании текстов Илариона выявляются смысловые узлы политико-идеологического характера. Автор приводит доказательства, что концептуальным основанием заявленных в «Слове о Законе и Благодати» идеалов были доктринальные положения о равенстве всех в вере. На основе этих идеологических установок первый митрополит из русских пытался воплотить на практике идею равноправия единоверных людей, народов и стран. С этим были связаны планы Илариона по гуманизации отношений между представителями разных слоев общества и проведение независимой от Византии политической линии. Подобная политическая практика соответствовала независимому статусу русской церкви при Иларионе.

Ключевые слова: Древняя Русь, Иларион, Слово о Законе и Благодати, политико-идеологические установки, автокефалия, власть и обществ.

Vladimir V. Milkov
DSc in Philosophy,
Leading Researcher of
the Institute of Philosophy
of the Academy of Russian Science (IFRAN)
Moscow (Russia)
E-mail: dr_milkov@mail.ru

“The word about law and grace” – the first experience of creating the political ideology of the ancient Russian state

Abstract. The publication discusses the little-studied aspects of the “Word of Law and Grace”. The semantic nodes of a political and ideological nature are revealed in the texts of Hilarion. The author’s apology is that the conceptual basis of the ideals of Hilarion were the doctrinal provisions on the equality of all in the faith. On the

basis of these ideological attitudes, the Metropolitan of the Russians tried to put into practice the idea of equal rights of the same people, nations and countries. These ideas were associated with Hilarion's plans to humanize relations between representatives of different sectors of society and a policy independent of Byzantium. This political practice corresponded to the independent status of the Russian church under Hilarion.

Keywords: ancient Russia, Hilarion, Word about Law and Grace, political and ideological attitudes, autocephaly, power and society.

Обычно в содержании «Слова о Законе и Благодати» Илариона[1] объектом рассмотрения является глубокая богословская проработка проблемы соотношения Ветхого и Нового Заветов, объясняющая предпосылки появления христианства и доказательства неизбежности его торжества. Другая тема, находящаяся в поле внимания исследователей, – это историософская концепция, в которой осмысляется движение мировой и отечественной истории. Вне поля зрения остаются идеологические смыслы текстов Илариона, тогда как именно они замыкаются на политическую практику и определяют целеполагание при решении насущных проблем, стоявших перед светской и духовной властями в те годы.

Наследие Илариона невозможно интерпретировать без учета того, что он был независимо от византийской патриархии в 1051 г. поставлен Ярославом во главе русской церкви. Как следствие все проговоренное первым митрополитом из русских и в прямом смысле, и в подтекстах получало идеологическую окрашенность. По сути дела, экзегеза подводила через смысловые ассоциации к оценке современности и к форму-

[1] Мы в данном случае не дифференцируем составленную самим автором композицию, в которую под таким названием входят несколько разновременных блоков: «О Законе, через Моисея данном, и о Благодати и истине, которые были Иисусом Христом (1); и о том, как Закон отошел, а Благодать и Истина всю землю заполнили, вера на все народы распространилась и нашего народа русского достигла (2); и Похвала кагану нашему Владимиру, который нас крестил (3); и Молитва к Богу от всей страны нашей (4)». Все части этой композиции объединены единой идейно-религиозной направленностью и в историографии рассматриваются как одно целое. Для наших задач дифференциация не принципиальна. Точная датировка памятника – предмет дискуссии. Создание «Слова» относят к периоду между 1037 и 1050 гг. [2, с. 206-207; 9, s. 147-148; 7, с. 5; 12, *с*. 261-262, 281-282; 13, с. 3-18]. С учетом составного характера текста проблема датировки усложняется. Можно только предполагать, что композицию из разновременных частей Иларион составил в связи с поставлением его на автокефальную митрополию, как текст, отражающий программные представления духовного лидера страны.

лированию принципов внутренней и внешней политики государства[1]. Нерв времени, как бы не отстранена была экзегеза от реальности эпохи, пронизывает все строки произведения. Соответственно политико-идеологические смыслы являются синкретическим компонентом многогранного содержания, как на уровне основного проблемного ядра, так и в контексте конкретных мотивов, развивающихся на его основе. Можно даже сказать, что «Слово» Илариона представляет собой особого рода политический трактат, в котором экзегеза на библейско-исторические сюжеты выполняет роль религиозно-философского основания для номинирования идеологических установок.

Понятно, что рассматривать всю совокупность богословских и историософских аспектов здесь не уместно, поэтому мы отсылаем к работам, где данные смыслы детально проанализированы и раскрыты [14, с. 74-104; 6, с. 116-133; 10. с. 43-51]. Однако связь всего проблемного поля произведения с сюжетно-тематическим ядром очевидна и будет обозначаться по ходу повествования.

В «Слове о Законе и Благодати» действительность осмысляется в провиденциальном ключе. Ход истории рассматривается как реализация свыше заданного плана, согласно которому к христианству от языческого мира приходят новые народы: «Христова Благодать всю землю обняла...» [3, с. 48], «вера благодатная по в сей земле распространилась и до нашего народа русского дошла» [3, с. 52]; «Посетило человеколюбие Божие... Все страны благой Бог наш помиловал и нас не отверг..., но оказал милость нам Бог и воссиял в нас свет разума» [3, с. 52]; «Благословен Господь Бог, Бог израилев, Бог христианский за то, что что посетил и дал избавление людям своим, что ... не допустил до конца пребывать в идольском мраке, не дал погибнуть в служении бесам, ... все народы спас» [3, с. 45]. Это означает, что согласно Божественному плану к спасительной Благодати приобщается и русский народ, перед представителями которого открывается перспектива спасения.

Концепция провиденциальной богоизбранности «новых народов» обосновывается с опорой на библейскую притчу о виноградаре и винограднике. Согласно этой притче «Благодатью», как и виноградником, свыше предопределено обладать достойному. Достойными провоз-

[1] Об отражении в произведении стоявших перед страной задач церковно-устроительной и политической деятельности см.: [1, с. 82-95; 4, с. 130-150; 12, с. 264-266; 11, с. 285].

глашаются «новые народы», которые уподобляются «новым мехам для нового вина»: «Подобает Благодати и Истине воссиять на новых людей. Ибо "не вливают, – по слову Господню, вина нового, благодатного учения, в мехи старые, в иудействе обветшавшие, если прорвутся мехи, то вино прольется". Уж если не сумел подобие Закона удержать, многократно поклоняясь идолам, то как истинной Благодати удержать учение? Но для нового учения – новые мехи, новые народы. И сохраниться и то и другое» [3, с. 51-52].

На фоне мировых процессов Иларион принятие христианства Русью оценивает, как центральный момент ее исторического бытия. При этом суть перемен сводится не только к внешним проявлениям (отказ от идолов, жертв, скотского образа жизни). Важной образной характеристикой является сравнение крещения с переменой состояний: со слепоты на прозрение. Но прозрение приходит вместе с Божественным усыновлением: «чужими были, а людьми Божьими назвались, врагами были, а сынами прозвались» [3, с.58]. Усыновление – это не формальный акт принятия веры, а ценностная характеристика, подчеркивающая близость к Богу. Сыновство у Бога невозможно без нравственного преображения. При таком развитии мысли принятие крещения, сопровождавшееся нравственным преображением власти и подданных, обретает сою политическую перспективу.

Программные положения политического значения концентрируются в Похвале Владимиру, где подробно рассматриваются качества идеального властителя, где высказаны идеи, имеющие религиозно-политическую злободневность. По форме и содержанию Похвалу можно рассматривать как заявку на канонизацию крестителя Руси, хотя текст имел сугубо внутреннее назначение и в этом качестве высказывания о власти и обществе представляются особенно ценными.

Временная ось Похвалы построена по одной модели с предшествующими разделами – на сравнении настоящего с прошлым и при этом нацелена на будущее. Главным адресатом идей Похвалы, замкнутых на фактуру политических практик властных персонажей повествования, обозначен достойный преемник Владимира – Ярослав, с которым в доверительных отношениях находился Иларион, и которому в качестве образцового правителя он обозначал фигуру Владимира. Вопрос о взаимоотношении Церкви и государства митрополита заботит, и он напоминает своему светскому патрону, о порядках при Владимире, в обычае у которого было держать совет с представителями высшего духовенства

[3, с. 57]. Обращая внимание на опыт образцового христианского правителя, Иларион определяет идеал взаимоотношений Священства и Царства в форме симфонии светской и духовной властей, причем с довольно широкими совещательными полномочиями последних.

В Молитве, произнесенной новопоставленным митрополитом за всю Русскую землю, звучит призыв «бояр умудрить», что прочитывается как упрек в адрес тогдашней крупной знати. Характерно, что первоиерарх считает полезным не совет князя с боярством, а с высшим духовенством. Весьма своеобразная конфигурация верхнего, относящегося к принятию решений, властного этажа. Среди надежных союзников единодержавной знати бояре не обозначены. В программе сильного государства представителям этого политического класса значимой управленческой роли не отводилось. Зная теперь, какими бедами оборачивались для страны козни бояр, можно восхитится историческим предвидением Илариона. Так что вопреки жанровым ограничениям критическое отношение к правящей сфере выстроено.

Политический кругозор Илариона не ограничивается властной сферой. В качестве главы Русской церкви он озабочен благом всего населения. В Молитве, которая проникнута не только религиозным, но и высоким гражданским чувством, он обращается к Вседержителю за покровительство малым и великим своим современникам. Из пространного перечня паствы становиться ясно, что Русская земля – это не только власть и победоносное воинство, а все подвластное население князя, объединенное единой верой и единой судьбой [3, с. 61-62].

Социальный идеал Илариона – гармонизация отношений верхов и низов общества на основе христианских заповедей. Инструментом достижения этого идеала в его представлениях является князь, как верховный правитель. Идеальным князем выведен прославляемый в Похвале предшественник действующего властителя Руси. Деяния первого христианского властителя перечисляются как сумма должного в качестве образца. Здесь выстраивается целая программа желанных действий князя в отношении подданных: быть одеянием для нагих, напитать алчущих и жаждущих, дать приют странствующим, защитить обижаемых: «Радуйся, учитель и наставник благоверию! Ты в правду облачен, крепостью препоясан, в истину обут, разумом увенчан и милосердием, как гривой и золотым украшением, красуешься. Ты, о честный муж, был нагим одеяние, а лучшим – кормитель, жаждущей утробе – охлаждение, был вдовам помощник, странникам – пристанище, бездомным кров, обиженным ты

был заступник, бедным – обогащение» [3, с. 59]. Благодеяния – это не факты безвозвратного прошлого. Они пример для наследника и желательная норма взаимоотношений власти и подданных.

Особенно Иларион выделяет в деятельности Владимира заботу об обездоленных, выбитых из жизненной колеи и страждущих простолюдинов: его опеку больных и вдов, поддержку сирот и должников, а также щедрую милостыню нуждающимся, которая рассматривается как залог посмертного спасения властьимущего. Эта идея выражена таким образом: «кто поведает о твоих многочисленных милостынях и удивительной щедрости, которые денно и нощно оказывал ты бедным и сиротам, больным и должникам, вдовам и всем просящим сострадания. Ибо слышал слово, сказанное Даниилом Навуходоносору: ...“Грехи твои милостынями искупи и беззакония твои щедростью к нищим” (Дан. 4, 24)» [3, с. 56-57]. Задача властителя перед страной – мир укреплять, врагов изгонять, смирять соседей, избавлять от войн и мятежей, не допускать голода, строить города [3, с. 56-57]. Будучи представителем высшей в стране духовной власти, Иларион выражает в «Слове» не церковные, а общегосударственные интересы [8, с. 32].

Как видим, представителем высшей духовной власти четко очерчивается круг обязанностей светской власти на внешнем и внутреннем контурах ее деятельности. Достойный спасения «новый народ» достоин обережения от внешних угроз, также как достойна уважения каждая человеческая личность, вне зависимости от ее социального положения. На основе христианской идеи милосердия выстраивается желанные для представителей власти нормы попечения незащищенных и обездоленных слоев населения. Присутствует здесь и намек на знаменитые благотворительные пиры Владимира. Милостыня и покровительство слабым позднее вошли в основу т. н. теории «малых дел», исполнение которых открывало пути к спасению [7, с. 79-92]. Для состоятельных представителей власти этот набор нравственных требований не был обременительным. Суммируя, можно констатировать, что в Похвале дается прямая оценка социально-политической деятельности первого князя-христианина и одновременно предлагается образец для подражания действующему властителю.

В Похвале наблюдаем соединение идей политического плана с темой небесного заступничества. Князь Ярослав и подвластная ему страна представлены находящимися под надежным покровительством отца Ярослава – умершего Владимира Крестителя. К нему взывает

Иларион с хвалебными славословиями [3, с. 59]. С канонической точки зрения Владимир не может быть небесным покровителем ни своих потомков, ни государства. Но именно в таком качестве он предстает в Похвале. К тому времени еще не появились собственные святые защитники Русской земли. Поэтому надежды русский митрополит возлагал на того, кто, по его мнению, достоин быть святым. С другой стороны, надежды возлагались и на воинство, а образцовым примером выставлен весь овеянный славой род Рюриковичей. В качестве главы автокефальной церкви Иларион своей Похвалой делает заявку на создание собственного пантеона святых и волне логично, что в таком качестве представлен креститель Русской земли. Под пером Илариона сконструированная им сакральная ситуация как бы обгоняет тогдашнюю реальность и характеризует церковно-каноническую деятельность в условиях автокефалии. Похвала, возвеличивавшая Владимира и его некрещенных предков, соединяет в себе признаки жития с чертами героического песенного сказания и мотивами фольклорных плачей по умершему. Военная героика и фольклорная архаизация не характерны для церковной книжности.

Текст первого митрополита из русских выполнен в манере торжественного красноречия, что естественным образом задавало апологетическую трактовку действительности. Однако можно указать на один аспект социальных воззрений Илариона, где в критическом ключе поднимается тема рабства. Многократное повторение неприятия «Закона». «законности» и «рабства» (в обобщенном абстрактном понимании) прочитывается как критика несвободы в принципе. В состояние несвободы, судя по «Русской Правде», в ту эпоху попадали должники и отдельные правонарушители. Поскольку Иларион свободу противопоставлял рабству, то в плоскости социальных отношений это звучало как осуждение практики расширения социальной несвободы, что не допустимо для новопросвещенного общества. По крайней мере в перечне обездоленных нигде не фигурируют рабы и холопы, а лишь выбитые из жизненной колеи люди. В условиях феодализации подобные идеалы не могли быть сформулированы напрямую, но звучали в подтексте. Если такая трактовка верна, можно ставить вопрос о зачатках первой социальной утопии в истории русской мысли. Получается, что Иларион ратовал за установление лада в Русской земле для всех, накладывая определенные обязательства на власть, которая не должна допускать похолопления и злоупотреблений сильных в отношении слабых.

Необычными для христианской книжности можно считать мотивы гордости за правителей дохристианской Руси. В Похвале Владимиру, которая одновременно может рассматриваться и похвалой Ярославу, прославляется весь их род: «Похвалим ... нашего учителя и наставника, великого кагана земли нашей Владимира, внука древнего Игоря, сына же славного Святославова, которые в годы своего владычества мужеством и храбростью прославились во многих странах»; «Се каган наш Владимир, славный от славных родился, благородный от благородных. И вырос, и окреп, с детских лет возмужав, крепостью и силой совершенствуясь, в мужестве и преуспевании преуспевая» [3, с. 54]. В прославлении настоящего через прошлое четко очерчена национальная идея. С одной стороны, русская история – это часть мировой, а с другой – богатое собственными, достойными памяти и гордости событиями прошлое. В понимании Илариона, благо стране могут приносить и не познавшие Христа. Впрочем, сам автор говорит о предках Владимира в ценностном плане нейтрально и тактично, не акцентируя внимания на их религиозных заблуждениях. Конфессиональная оценка исторических фигур для него все же важна. Возвеличивая славу всего рода Ярослава, он особо выделяет христианскую родовую традицию, которая начинается с его бабки, княгини Ольги.

Сравнивая дохристианскую Русь со временем Ярослава, в родовой преемственности он выступает поборником единодержавия в исторической ретроспективе. Не разграничивая по конфессиональному признаку исторические этапы, автор Похвалы обосновывает принцип родовой преемственности власти, которая осуществляется на основе майората. Иларион прозорливо предвидел (и это подтвердила практика), что только крепкая единая власть способна обеспечить могущество страны, а военные победы – это явленный всем показатель силы власти. Поэтому для него важна не столько разовая полководческая удача, сколько накапливаемое поколениями укрепление международного авторитета Русской земли, на которую переходит слава побед ее властителей: «Ведь не в слабой и безвестной земле владычествовали, но в Русской, о которой знают и слышат во всех четырех концах земли» [3, с. 54]. По логике повествования цепь побед на международной арене и развитие успехов страны, начиная с дохристианской поры, позволяют оптимистически смотреть вперед, в будущее. О каких-либо про-языческих симпатиях первоиерарха Русской церкви в этой связи говорить не приходится. Он избегает огульного отрицания дохристианского дохристианского этапа русской

истории по идеологическим мотивам, действует как тонкий политик и проявляет бережное отношение к прошлому. Но за этой «нейтральностью» просматривается и вполне определенная религиозно-философская подоплека.

В провиденциальном контексте становится понятным снисходительно мягкое отношение Илариона к дохристианскому прошлому, которое под этим углом зрения не воспринимается исключительно как мерзость, а оценивается как несовершенство, сопоставимое с несмышленостью детского возраста. Существование обширного некрещеного мира, в понимании Илариона, оправдано уже тем, что народы дают людской материал для расширения веры христианской. У древнерусских церковных авторов, обращавшихся к оценке язычества, абсолютно преобладает крайне негативистский подход. В «Слове о Законе и Благодати» историческое «оправдание» язычества встраивается в сравнительный контекст рассуждений об историческом значении Ветхого Завета и его приверженцев. Предпочтение языческих народов перед иудейским обосновывается евангельским примером, когда пришедшие от языческого мира волхвы поклонились Христу, а иудеи искали его, чтобы убить [3, с. 51]. Поэтому не смотря на нелицеприятные характеристики дохристианского периода («тьма», «засуха», «скверна», «беззаконие», «служение бесам», «жертвы») именно «спотыкавшимся на путях погибели народам», а не иудеям, уготовано славное будущее.

В поступательном шествии христианства обновление водой крещения делает вчерашних неверных «сынами Божьими». Они свыше призваны стать преемниками Благодати. Поступательное шествие христианства превращает вчерашних бесопоклонников в паству Христову. Так идейно-философски закладывается вектор устремления русского народа к светлому будущему, к процветанию и успехам на исторической арене. Только иудеи обрубили себе эту спасительную и ведущую к благодати историческую перспективу. Поэтому характеризовавшееся в более сдержанных эпитетах иудейство («луна», «свет свечи», «оправдание Законом», «вера в единого Бога», «подготовка к истине») оказывается чуждым Благодати перед лицом предопределенной исторической перспективы. Более других иудеи были «почтены» Творцом, но в гордыне своей оказались слепы и встали на путь погибели.

Обе ветви исторического процесса оправданы предопределением, ибо без них невозможно было явление в мир Христа. Соответственно Закон представлен «предтечей и слугой Благодати и истины»: «прежде

Закон, потом Благодать, прежде стень, потом истина» [3, с. 46]. Согласно Илариону, в конфессиональном и этническом эгоизме иудеи восприняли свое избрание как исключительность и оказались в тупике исторического процесса. Несмотря на то, что откровение было дано иудеям, они становятся отсохшей ветвью на древе народов, а Благодатью – «слугой будущего века» – усыновляются блуждавшие в тьме неверия и безвестности прежде поганые идолопоклонники.

Хотя «идольский мраком» и «закон» рассматриваются как две разновидности заблуждения дохристианской истории человечества, между ними не ставится знака равенства. Именно язычники, а не обветшавшие в иудействе сыны, свыше призваны стать восприемниками Благодати. Существование пребывающих в тьме неверия оправдано тем, что их преображением вершится благодатное расширение христианства в странах и народах. Именно представители языческого мира, а не иудеи – надежда будущего века.

На наличие тенденциозности в проявлении некоторых симпатий к дохристианскому прошлому на фоне резко критического отношения к последователям «закона» обратил внимание С. Ю. Темчин. Он считает, что в понимании древнерусского мыслителя христиане – это только христиане из язычников и только они образуют «тело» христианского мира. При этом он совсем не замечает христиан из иудеев (иудеохристиан). Исследователь констатирует, что осуществленная Иларионом «подмена иудеохристианской традиции предшествующей (иудейской), возможна лишь в том случае, если ... полностью игнорируется их конфессиональное различие» [11, с. 283]. Следствием того, что в случае с оценкой новых народов (языкохристиан) применяется конфессиональный критерий, а во втором этнический, – иудеохристиане не отделяются от собственно иудеев, а на этом фоне игнорируется прошлый религиозный опыт у язычников [11, с. 283-284]. В сравнении двух реалий дохристианского прошлого симпатии автора «Слова» на стороне последних.

Важнейшим фактором внешней политики Руси были взаимоотношения с Византией и направление этих взаимоотношений автокефальный митрополит решает в соответствующем ключе. Иларион специально подчеркивает, что он держится веры Вселенской церкви, берущей начало от апостолов. Это означает, что он принципиально не принимал окончательно произошедшего к 1054 г. разделения на Восточную и Западную ветви христианства. Создатель «Слова о Законе и Благодати» последовательно придерживался принципа единства христианского мира: «вот уже

мы со всеми христианами славим святую Троицу» [3, с. 57]. Поэтому с одинаковым пиететом он относился к святыням Рима и Константинополя и прославлял правоверие Рима. Ставя «молодой» русский народ в один ряд с греками, Иларион воспроизводил литургическую формулу, употреблявшуюся только в латино-католическом мире [3, с. 55, 85]. Такой подход, соединенный с проповедью учения на родном языке, не укладывается в рамки чистого византинизма и соответствует чертам, которые были присущи кирилло-мефодиевской традиции.

Утверждая право молодого русского народа «быть новыми мехами для старого вина», Иларион противопоставляет это право стремлению к религиозному превосходству греков, которые высокомерно относились к варварам, как к объекту миссионерства и политического контроля. Весь пафос сочинений Илариона сводился к тому, что Русь самостоятельно, без внешнего участия, делает свой выбор и становится на равных в общем ряду христианских народов, в том числе и тех, кто давно утвердил свое положение на исторической арене. При этом никакой заносчивости в отношении к единоверцам с многовековым опытом в «Слове» не просматривается. Греческая земля фигурирует как страна «христолюбивой и крепкой веры». В остальном, через параллелизм уподоблений, намеренно подчеркивается равноправие Руси с Византией: по плодам деяний Владимир уподобляется Константину, поскольку оба подчинили свои державы Богу; первая христианка в роду Рюриковичей – княгиня Ольга, уподобляется Елене, принесшей крест из Иерусалима в Константинополь; создание Софии Киевской рассматривается в сравнении с Софией Константинопольской не в качестве подражания, а как равноправно-достойные главные святыни богохранимых столиц православных держав. Одновременно Владимир уподоблен Давиду, а его преемник Ярослав Соломону и в этот высокий ряд уподоблений включается еще одна пара деятелей византийской истории, действовавших на ниве храмостроительства: Константин – Юстиниан (первый создал условия, а второй осуществил постройку главного храма) [3, с. 57-58].

Именно это позволяет позиционировать Русь на равных с Византией, что соответствует независимому автокефальному статусу русской церкви при Иларионе и позволяет осуществлять религиозную политику в национальных интересах.

Никакого намека на принятие вероучения от греков в текстах Илариона нет. Приоритет просвещения русского народа он всецело отдает Владимиру, а не грекам. В созданной «Словом» конструкции Русь само-

стоятельна и равноправна со старшим братом по вере. Киев рассматривается как равный с древней христианской столицей. В этой конструкции Русь ни в чем не уступает Византии. При этом никакого намека на превосходство, тем более на вражду с единоверными греками, в сочинениях русского митрополита не содержится, как не содержится в его писаниях вражды к иноверию. Генеральная мысль заключается в утверждении равенства и взаимного уважения христианских народов. Такое позиционирование молодой христианской державы соответствует независимому автокефальному статусу Русской церкви при Иларионе. Но есть и парадокс выстраивания независимой церковной политики, которая на фоне дистанцирования от влиятельных единоверцев вынуждена была искать доктринально допустимые опоры в памяти о победах над Византией с дохристианского прошлого[1]. С такими «родимыми пятнами» русская автокефальная церковь входит в христианское сообщество, сочетая национальные и общечеловеческие ценности.

После неоднократно прокламируемого в «Слове» принципа спасительного действия Благодати в отношении «нового народа» и всей страны в целом, в Молитве, которой заключалось «Слово», выражается надежда, что всемилостивый Бог будет вершить Суд без кары [3, с. 60]. С точки зрения провиденционализма, как глобального закона бытия, проблема личной ответственности за грехи стоит уже не так остро. Надежду на исправление нравственного облика новокрещеных соотечественников митрополит связывает не с личным волеизъявлением людей, а с надеждами на благорасположение милующего и все прощающего Бога: «от тебя очищение, от тебя милость и щедрое избавление...» [3, с. 60]. Русский первоиерарх вполне четко осознавал, что в новопросвещенной стране, если воздавать всем по их заслугам, то никакой надежды на спасение не остается «Если воздашь каждому по делам его, то кто спасется?» [3, с. 60]. И не смотря на это надежда на прощение заслуживших гнев Всевышнего, является стержневой в Молитве. К Богу он взывает

---

[1] Напрямую антивизантийских выпадов не делается: «Похвалим же и мы по силе нашей малыми похвалами великое и чудное сотворившего – нашего учителя и наставника, великаго кагана земли нашей Владимира, внука древнего Иогря, сына же славного Святослава, которые в годы своего владычества мужеством и храбростью прославились во многих странах» [3, с. 54]. Но всем известно, что перечисленные князья находились в состоянии противоборства, часто результативного. Даже сам Владимир завоевывает Корсунь, неся на родину новую веру в качестве военного трофея.

о прощении достойных кары, опасаясь отпадения нетвердых в вере: «И пока стоит мир не насылай на нас напастей искушения, не предай нас в руки чужеземцев, и пусть не назовется город твой городом плененным, и стадо твое пришельцами в не свою землю... Не насылай на нас скорби и голода, напрасных смертей, огня, потопления, чтобы не отпали от веры нетвердые в ней» [3, с. 61]. Характерно, что здесь перечисляются бедствия, которые в рамках «теории казней Божиих» фигурировали в качестве прижизненного возмездия за грехи (т. н. малая эсхатология). На деле речь идет о массовых напастях, которые своим воззванием к Господу, митрополит надеется отвести. Вера в милостивого и все прощающего Вседержителя вырастает из убежденности в действии свыше заданного плана русской истории, открывающего перед несовершенными чадами Церкви оптимистические перспективы. Вопрос об индивидуальной ответственности за поступки ни разу не поставлен.

Подытоживая сказанное, можем констатировать что первый автокефальный глава Русской церкви был нацелен в своих чаяниях не только на будущее, он поднимает вопросы земного благоустроения. В политической философии – Иларион государственник. В творчестве – он не сравнимо ни с кем глубоко оригинален. И постановка, и способ решения проблем, не имеют аналогов среди известных образцов христианской книжности. Ни к каким авторитетным прототипам идеи, изложенные в «Слове о Законе и Благодати», возведены быть не могут. Из общеупотребимых в христианской книжности приемов используются только доктринальные принципы и цитирование Св. Писания. Все остальное – продукт индивидуального и очень высокого по качеству творчества, когда на основе экзегезы выстраивается стройная политическая программа с анализом внутреннего состояния общества и с обозначением внешнеполитических задач власти. Идеалом провозглашается гармония обновленного водой крещения русского мира, который обеспечен заботой со стороны мудрого Священства и надежной защитой со стороны Царства.

Первый митрополит из русских и выдающийся мыслитель Древней Руси провозглашал такой религиозно-нравственный идеал, в котором не было места возбуждению вражды оправданию страданий ближних с точки зрения высшей задачи приобщения к благодатной вере. На этой основе зиждилась гуманность и понимание несовершенства своих современников, идеалы социальной взаимопомощи и гармонизации расслаивавшегося на страты общества. Смыслы его произве-

дений непосредственным образом фокусируются на насущных проблемах внутренней и внешней политики государства. Как следствие, политический план выходит за рамки чисто религиозной значимости его трудов.

Философско-историческую доктрину Илариона можно назвать доктриной государственной независимости, церковного самоопределения и исторического оптимизма. Идеологические установки ее базируются на христианской идее равенства всех в вере. На этой основе программировалось стремление не только к максимально гармоничным взаимоотношениям между согражданами, но также выстраивание независимой церковной, (а, следовательно, и общегосударственной), политики, не умалявшей при этом достоинств и исторических свершений других стран и народов.

Литература

1. *Абрамов А.И.* «Слово о законе и благодати» киевского митрополита Илариона как русская историософская реакция на христианско-идеологическую экспансию Византии // Идейно-философское наследие Илариона Киевского / Отв. ред. А.А. Баженова. Ч. 2 М.: Ин-т философии РАН, 1986. С. 82-95.
2. *[Горский А.В.]* Памятники духовной литературы времен великого князя Ярослава // Прибавления к творениям святых отцов в русском переводе. Ч. 2. М., 1844.
3. Идейно-философское наследие Илариона Киевского. Ч. I / Изд. подг. Т.А. Сумниковой и В.В. Мильковым. М.: Ин-т философии РАН, 1986.
4. *Кожинов В.В.* Творчество Илариона и историческая реальность его эпохи // Вопросы литературы. 1988. № 12. С. 130-150.
5. *Мильков В.В.* Концепция малых дел в Древней Руси (об одной из особенностей морально-этического сознания отечественного средневековья) // Философский журнал. М.: ИФРАН, 2010. № 1 (4). С. 79-92.
6. *Мильков В.В.* Историософия оптимизма Илариона // Мильков В. В. Осмысление истории в Древней Руси. СПб.: Алетейя, 2000. С. 116-133.
7. *Молдован А.М.* «Слово о Законе и Благодати» Илариона. Киев: Наукова думка, 1984.
8. *Овчинников Г.К.* Иларион-русин – выдающийся мыслитель Древней Руси. Очерки жизни и творчества. М.: МГИУ, 2011.

9. *Розов Н.Н.* Синодальный список сочинений Илариона – русского писателя XI в. // Slavia. 1963. Roč. 31. Seš. 2. S. 147-148.
10. *Сендерович С.* «Слово о законе и благодати» как экзегетический текст Илариона Киевского и павлианская теология // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 51. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 43-51.
11. *Темчин С.Ю.* Типология этно-религиозных конфликтов в «Слове о законе и благодати» киевского митрополита Илариона // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 283-287.
12. *Топоров В.Н.* Работники одиннадцатого часа («Слово о законе и благодати» и древнерусские реалии) // Топоров В. Н. Святость и святые в русской культуре. Т. I: Первый век христианства на Руси. М.: Гнозис; Школа «Языки русской культуры», 1995.
13. *Ужанков А.Н.* Из лекций по истории русской литературы XI – первой трети XVIII вв.: «Слово о Законе и Благодати» Илариона Киевского. М.: НИЦ «Инженер», 1999.
14. *Ужанков А.Н.* «Слово о Законе и Благодати» и другие творения митрополита Илариона Киевского. М.: Академика, 2014.

Л.В. Болотова
предприниматель
Тверь (Россия)
E-mail: lyudmbolotova@mail.ru

В.Н. Гайдуков
кандидат философских наук,
доцент Тверского государственного университета,
заместитель начальника департамента
экономики и промышленной политики по Тверской области
Тверь (Россия)

«СД-модель Л. Болотовой» – системный подход к национальной (общенациональной) российской идентичности

Аннотация. В графике «СД-модель Л. Болотовой» отразилась новая, имеющая значимость в мироздании, целостность российской нации – энергоинформационная структура более высокого уровня иерархии жизни, топология которой определяет национальную (общенациональную) идентичность россиян через универсальный этнографический культурно-исторический код. Через обозначенную Цель и правильный выбор – следование «прямому» времени – открывается социальный механизм «прорыва в будущее». Русский язык проявляет себя, как коррелятор – макросистема, способная к усвоению и актуализации информации.

Ключевые слова: русский язык, график «СД-модель Л. Болотовой», культурно-исторический код, универсум, время, имя, гилетическое число, национальная идентичность, коррелятор.

Lyudmila V. Bolotova
Entrepreneur,
Tver (Russia)
E-mail: lyudmbolotova@mail.ru

Vladimir N. Gaidukov
PhD in Philosophy, Associate Professor of
Tver State University
Tver (Russia)

“SD-model of L. Bolotova” is a systematic approach to national (national) identity

Abstract. A new model of the Russian nation, the energy information structure of a higher level of life hierarchy, whose topology determines the national (national) identity of Russians through the universal ethnographic cultural-historical code, was reflected in the “SD-model of L. Bolotova”. Through the designated Goal and the right choice – following “direct” time – a social mechanism “breakthrough into the future” opens. The Russian language manifests itself as a correlator – a macrosystem capable of learning and updating information.

Keywords: the Russian language, graph “SD-model of L. Bolotova”, cultural-historical code, universe, time, a name, a hylenetic number, national identity, correlator.

Национальная (общенациональная) российская идентичность может быть определена вследствие ответа на вопрос: что наша страна несёт человечеству, миру, и что в связи с этим отличает россиян от других представителей современной цивилизации?

Ю.М. Фёдоров [16] обозначил четыре универсума: космический, человеческий, социальный и природный. Человеческий универсум – это некое человеческое пространство бытия, первая историческая форма онтологической первопроявленности Абсолюта, наполненная антропными смыслами. В качестве Антропоса человек помещён в именную обитель.

Согласно «закону сохранения прошлого» Н.В. Бугаева, «прошлое не исчезает, а накопляется» [4]. «Прошлое» включает в себя не только память обо всех событиях, совершившихся в вещественном Космосе, но и всё, что принято называть «событиями ментальной сферы» – не только видимые явления, но и их смысл.

По мнению А.Ф. Лосева, смыслы могут храниться в числах: «Число есть прежде всего отвлечённая сфера чистого смысла, а не выразительная…» [13, с. 50]. А.Ф. Лосевым введено понятие гилетического числа. «Первым полным числом является число гилетическое, не результат абстрагирования от мира вещей, а то многомерное Целое, проекции которого в трёхмерный мир являются нам в виде отдельных предметов. Гилетическое число – это число, осуществившееся во времени…» [12, с. 289].

За счёт использования ресурсов продолжается жизнь социума [5]. Время – ресурс. Различают «прямое» и «встречное» время. «Можно представить все происходящие в мире события как результат взаимопроникновения и взаимодействия двух противоположно направленных потоков

времени. С этой точки зрения будущее мы видим в потоке «встречного» времени: теологической причинности» [9, с. 53].

По мнению Ю.М. Фёдорова [16], социальный универсум по отношению к целостности мироздания может обладать положительной онтологической значимостью, если оказывается органично встроенным в человеческий универсум, а тот, в свою очередь, – в универсум космический. Следование «прямому» времени – «прорыв в будущее» – актуально для достижения социальным универсумом положительной онтологической значимости. Это возможно при условии, если экзистенция человека строго подчиняется истинной иерархии онтологических приоритетов. График «Статистически-детерминированная модель славянских имён-отчеств Л.Болотовой» («СД-модель Л.Болотовой») [1], представленный на рис.1, позволяет подойти к пониманию иерархии онтологических приоритетов в жизни россиян.

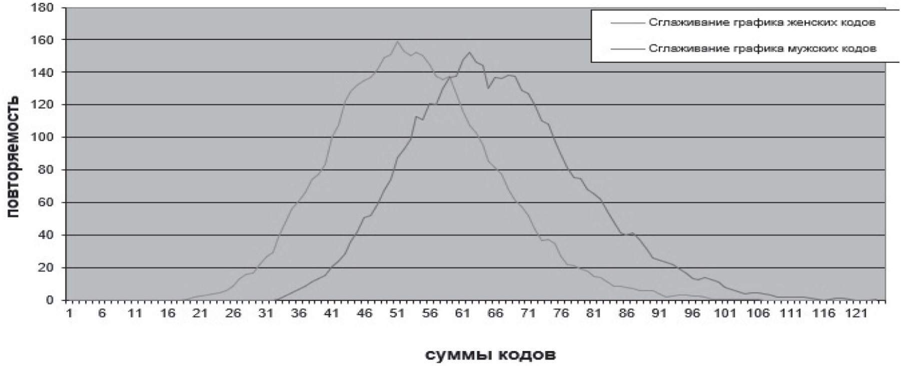


Рис.1 «СД-модель Л. Болотовой»

На графике «СД-модель Л.Болотовой» (рис.1) по оси абсцисс запечатлены числа: по системе соответствия цифр буквам русского алфавита А. Киселя [7] произведена оцифровка имён-отчеств современных россиян. По оси ординат – повторяемость чисел в соответствии со справочником современных имён Б. Хигира [17]. Каждое из чисел, запечатлённых в модели – это универсальный этнографический культурно-исторический код, выраженный в гилетических числах, своего рода «свёртка» определённых качеств, накопленных человеком и историей его рода. Попытка расшифровки гилетических чисел в диапазоне от 1 до

118 предпринята Н.В. Коротаевым [8] и Л.В. Болотовой [2, 3].

Современная математика определяется как наука о структурах: «топологическое» преобладает над «логическим», место элемента в структуре определяет его логику. График «СД-модель Л.Болотовой» позволяет по-новому посмотреть на мир как на целое, где можно распознать его составную часть – российскую нацию, а также определить идентичность (топологические характеристики) индивидуумов – её элементов.

«Имя сущности ни в коем случае не есть имязвучие, но – умная и смысловая энергия сущности… имя, как умная энергия, несёт на себе и все различия, свойственные смыслу сущности» [14, с. 227, 232].

График «СД-модель Л.Болотовой» – это новый – смысловой (через имена-отчества) и энергоинформационный (через числа) – подход к организации социума, определяющий новую, топологически определённую – через универсальный этнографический культурно-исторический код – значимость россиян в сообществе российской нации.

График «СД-модель Л. Болотовой» отображает энергоинформационную структуру более высокого (по сравнению с индивидуальностью) уровня.

Согласно учению Л.Н. Гумилёва [6], общество гармонично и динамически развивается тогда, когда в нём присутствуют в определённом соотношении, как цвета в радуге, все типы человеческих личностей. Этнос процветает, когда спектр действенных стереотипов поведения его представителей расширяется. В прошлую «акматическую» фазу – в 16 веке – на Руси была введена новая традиция: вместо кличек – фамилии-имена-отчества. Это существенно расширило спектр действенных стереотипов поведения россиян.

На рис. 2, 3 представлены графики, построенные в результате оцифровки базы данных участников Президентской Программы подготовки управленческих кадров по Тверскому региону.

Современная российская действительность определяется триипостасным бытием. «…ипостасность (в свою очередь имеющая три начала) является на фоне непостижимой сверхсущей бездны, единообразно охватывающей и едино-раздельно объединяющей ипостасное выражение сущности… Триипостасное бытие есть различенное единство сущности, существующее, однако, в самой сущности» [14, с. 219].

Расширение спектра действенных в социуме стереотипов, усложнение их – это следование «прямому» времени, «прорыв в будущее». Такой подход соответствует учению Аристотеля: «Главной заслугой

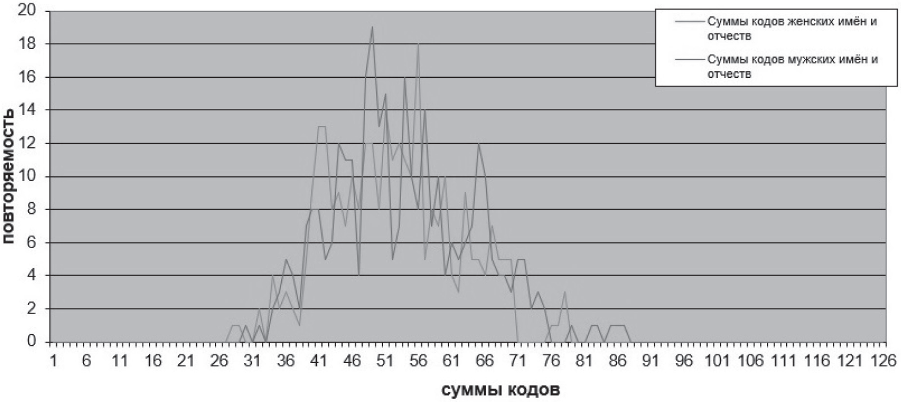


Рис.2. График оцифрованных по системе А. Киселя фамилий-имён

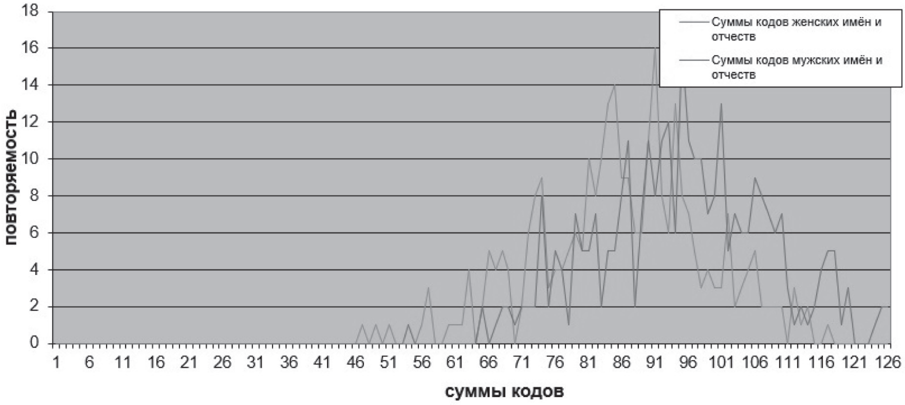


Рис.3. График оцифрованных по системе А. Киселя фамилий-имён-отчеств

Аристотеля в понимании сущности времени был переход от времени как меры «движения небосвода» к времени как меры «движения души»» (т.е. движения энтелехии тела)» [11, с. 555].

«Геометрическое представление гилетического числа есть объёмное тело, по крайней мере, – четырёхмерное, – в качестве четвёртого измерения выступает <…> «опространственное» время». Каждое из этих измерений имеет «мощность континуума». [12, с. 289].

Континуум имён-отчеств россиян представлен графиком на рис.1. Континуум фамилий-имён и континуум фамилий-имён-отчеств россиян (охваченных ими частот: смыслов, стереотипов поведения россиян) – на рис. 2, 3. Четвёртая координата – время – проявляется как процесс усложнения («прямое» время) или упрощения («встречное» время) параметров.

Наличие триипостасности в именах россиян и трёх континуумов, определяющих современную реальность, даёт каждому индивиду возможность внутреннего выбора – предпочтение той или иной субличности внутри личности [15] в соответствии с выбранными «временными» приоритетами. Понятно, что призыв «прорыв в будущее» становится ещё одним критерием, определяющим национальную (общенациональную) российскую идентичность в потоке к общей Цели, т.к. при движении к Цели «согласно динамической теории Аристотеля, – энтелехиально возникает Функционалистический Потенциал данной вещи, который затем естественно проявляется в Актуальной сфере и жизни, что может рассматриваться как Чудо» [10, с. 252]. Корреляция россиян с будущим в Актуальной сфере жизни позволит достичь Цели и отбросить альтернативы, не приводящие к правильным решениям.

Русский язык проявляет себя как коррелятор-макросистема, способная к усвоению и актуализации информации. В случае усложнения топографических параметров россиян возможна новая распаковка семантического континуума. «Полевая физика и полевое сознание должны… породить полевую психологию и полевую этику… человек способен порождать фильтры, открывающие возможность новой распаковки семантического континуума» [15, с. 135, 148].

Авторское знание – график «СД-модель Л.Болотовой» можно считать основой для обозначения российской национальной (общенациональной идентичности), так как на основе новой информации о топологической структуре национального социума Россия и россияне смогут выполнить свою историческую миссию, осуществить «прорыв в будущее» и внести свой вклад в достижение социальным универсумом положительной онтологической значимости.

Литература

1. Болотова Л.В. Модели интенсификации чувств в имитациях социального прогресса В сб. «Бренное и вечное: власть и общество в мифологиях модернизации». Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Великий Новгород, 2010. С. 49–52.
2. *Болотова Л.В.* Имена и числа: технология фазового перехода. Издательские решения, 2018. 154 с.
3. *Болотова Л.В.* Цивилизация любви. Издательские решения, 2018. 174 с.
4. *Бугаев Н.В.* Основы эволюционной монадологии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://bugayev.ru/bug2.htm (Дата обращения: 15.04.2019).
5. *Гринин Л.Е., Коротаев А.В.* Социальная макроэволюция и исторический процесс. Философия и общество №2 2007. С 19–63.
6. *Гумилёв Л.Н.* Этнос и категория времени. Доклады Географического общества СССР, 1970. Вып. 15. С.143–157.
7. *Кисель А.* «Кладезь Бездны», М., 1992. 128 с.
8. *Коротаев Н.В.* Тайное становится явным… или о чём молчал древний апокриф «Евангелие от Фомы». Красноярск ООО «Всем! Всем! Всем!», 2007. 187 с.
9. *Кудрин В.Б.* Целевая причина подобий организмов и событий в свете философии А.Ф. Лосева. Biocosmology-neo-Aristotelism. Vol.5, No. 1, Winter, 2015. С. 51–64.
10. *Кудрин В.Б.* Динамическая логика Аристотеля – основа Биокосмофизики. Biocosmology-neo-Aristotelism. Vol.6, No2, Spring 2016. С. 244–254.
11. *Кудрин В.Б.* Время Аристотеля возвращается. Biocosmology-neo-Aristotelism. Vol.6, Nos. 3&4, Summer/Autumn, 2016. С. 551 – 559
12. *Кудрин В.Б., Тасич М.* От натурализма Аристотеля – к поливалентным логикам и гилетической математике. Biocosmology-neo-Aristotelism. Vol.8, No. 2, Spring, 2018. С. 262–293.
13. *Лосев А.Ф.* Диалектические основы математики. М.: Academia, 2013. 800 с.
14. *Лосев А.Ф.* Миф. Число. Сущность. М., Мысль, 1994. 920 с.
15. *Налимов В.В.* Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектоника личности. М., Академический проект, 2011. 400 с.
16. *Фёдоров Ю.М.* Сумма антропологии. Новосибирск: Издательство СО РАН, филиал «Гео», 2000. 714 с.
17. *Хигир Б.Ю.* Тайна имени. М., АСТ, 2008. 640 с.

М.А. Мищерина
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры культуры речи и риторики
Московского государственного областного университета
Москва (Россия)
E-mail: mimaal@yandex.ru

Духовно-нравственные основы русской классической литературы в школьном изучении

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с аспектами личностно-ориентированного изучения литературного произведения, что будет отвечать наиболее полной реализации требований ФГОС в ходе обучения подростков на уроках литературы в общеобразовательной школе посредством «приближения» содержания мировоззренческому и социальному опыту школьника.

Ключевые слова: духовно-нравственные основы русской литературы, читательский опыт, личностно-ориентированное обучение, обучение и воспитание, текст литературного произведение, школьное обсуждение, мировоззрение, социальный опыт.

Marina A. Mishcherina
PhD in Pedagogics,
Associate Professor of the Department
of Speech Culture and Rhetoric of
Moscow state regional university
Moscow (Russia)
E-mail: mimaal@yandex.ru

Spiritual and moral foundations of Russian classical literature in school study

Abstract. The article deals with the issues related to the aspects of personality-oriented study of a literary work, which will meet the most complete implementation of the requirements of the GEF in the course of teaching teenagers at the lessons of literature in secondary school through the “approximation” of the content of the ideological and social experience of the student.

Keywords: spiritual and moral foundations of Russian literature, reader’s experience, personality-oriented learning, education, text of literary work, school discussion, a worldview, social experience.

Компетентностный подход к изучению произведений русской литературы, заявленный ФГОС, предполагает в качестве результата образовательной деятельности не только понимание школьниками содержания литературного произведения, умение характеризовать основные персонажи, видение особенностей использования средств выразительности и умения анализировать проблематику и художественное своеобразие художественного текста. Но он также нацеливает школу на необходимость усиления воспитательных результатов изучения литературного произведения в школе. Причем воспитательный аспект предполагает как формирование мировоззренческих основ личности ребенка, так и его поведенческую парадигму. То есть для сегодняшней школы важно не просто отработать у обучающегося понимание того, что есть хорошо, и что есть плохо в общем абстрактном понимании этого вопроса обучающимися, но и постараться выйти на неизбежность проявления формата «хорошо» в практической жизни, в обыденном и естественном ежедневном общении и поведении. Это непростая задача. Особенно для нашего времени, которое характеризуется в том числе и такими явлениями в детской обучающейся аудитории, как подростковый нигилизм и наивный прагматизм, проявляющиеся в делении школьниками образовательных предметов на «нужные» и «ненужные», в отрицании подростками «*школы*» как значимо необходимого в их жизни института обучения и воспитания, в стремлении низвести высокие темы обсуждения, задаваемые всем циклом гуманитарных предметов, до уровня утилитарной задачи успешного преодоления итоговой аттестации. На этом фоне, безусловно, аспект ценностного отношения к действительности, действенная реализация его в практическом повседневном поведении школьника – вопрос совсем непраздный. Ведь в основе индивидуальных особенностей поведения человека отражается и отношение к миру и к себе в этом мире, понимание этических норм, принятых в обществе, духовных ценностей, поведенческих моделей, предъявляемых миром взрослых. Изучение литературных произведений в этой связи может восприниматься как некий опыт «на вырост», когда школьник встречается с явлениями, проблемами, ситуациями выбора, которые еще не случались в его жизни, какие-то хотелось бы чтобы никогда в его жизни и не случались! В этой связи на литературное произведение можно смотреть под неким риторическим углом зрения, как на отражение обусловленных поведенческим аспектом речевых моделей, как моделей, отражающих внутренние механизмы предъявляемого уровня общения. Сложное художественное

произведение требует сложных шагов для понимания и дает школьнику некие пропедевтические ценностные опыты. Важно научить школьника видеть в писателе – собеседника, который говорит с ними языком художественного произведения о явлениях действительной жизни и ценностях духовного опыта, которые должны быть осмыслены и усвоены. А усвоение и осмысление оных можно и должно организовать в ходе обсуждения, рассмотрения литературных персонажей под различными углами зрения.

Каждое изучаемое в школе произведение следует рассматривать сквозь призму того опыта – поведенческого, мировоззренческого, который может получить подрастающий и взрослеющий человек. Литературное произведение стоит рассматривать как питательную среду для размышления читателя – школьника, прежде всего, о себе самом. «Евгений Онеги» Александра Сергеевича Пушкина, «Герой нашего времени» Михаила Юрьевича Лермонтова, «Горе от ума» Александра Сергеевича Грибоедова – дают богатейший материал для личностных сопоставлений, сравнений и обобщений. Поиски смысла жизни, выявление значимости нравственных ориентиров в поведении и формировании отношения к происходящим событиям, важность внутренней духовной работы над собой – все суть полезные уроки для растущей и формирующейся личности подростка. Организация такой работы возможна и необходима для современного щкольника. Личностно-ориентированное обучение даёт такую возможность изучения литературы – с опорой на личностный опыт подростка и с возможностью обогащения духовного опыта школьника. Таким образом, мы включаем возможность приближения мира художественного текста произведения внутреннему миру подростка. А значит, активизируем интерес школьника к чтению сложного художественного текста.

Одним из наиболее трудных для изучения произведений школьной программы, но и очень богатых возможностями обогащения ценностного опыта подростков является роман – эпопея Льва Николаевича Толстого «Война и мир». К восприятию этого художественного текста современного школьника необходимо серьезно подготовить. Можно сообщить обучающимся, что «Война и мир» – некое исследование Л.Н. Толстого об истине. Толстой вдумчиво, обстоятельно и неторопливо, посредством художественных образов и развития сюжетных линий литературного произведения говорит читателю о том важном для себя, что поможет и нам, современным читателям, сформировать свой взгляд на такие серьезные вещи, как истинная любовь и истинная семья, истинный военачаль-

ник, истинные мужество, героизм и патриотизм, в чем истинный смысл жизни человека. Современных школьников можно считать сложными читателями. Они легко берут информацию из сети Интернет, но не могут удержать внимание на объемном связном художественном тексте, быстро теряют нить повествования, окончательно теряются, когда встречают толстовские рассуждения. Постановка задачи – «пойми, что хочет сказать нам, современным читателям, Л.Н. Толстой», – это перевод плана анализа литературного произведения от собственно литературоведческого в план сущностного, личностного понимания общечеловеческих проблем, стоящих перед героями романа, точно так же, как эти же самые проблемы стоят перед современным молодым человеком. Для формирования стойкого интереса к содержанию, необходимо «приблизить» к современному школьнику это самое содержание. В этом нам поможет коммуникативно – деятельностный подход, актуализация всего комплекса имеющихся у школьника после изучения полного объема гуманитарных предметов знаний, навыков выразительного чтения, а также речевых и коммуникативных качеств учителя – словесника [2]. Это обеспечит понимание школьниками ситуаций повествования через приближение далеких в историческом плане событий к читателю посредством толкования, дают современному, слабо владеющему чтением и слабо замотивированному на чтение же читателю, инструмент для первичного понимания того сложного содержания, каким, безусловно, являются тексты художественных произведений большого объема, к каким относится роман «Война и мир». Одной из центральных проблем романа можно считать проблему мужества и героизма, отраженную в романе. Тему мужества и героизма можно рассматривать на примере эпизода Шенграбенского сражения. Это традиционно рассматриваемый в школе эпизод, его литературоведческий анализ не представляет для учителя особой сложности. Но вот в личностном, ценностном плане многое может ускользнуть от внимания неопытного читателя – школьника. Поэтому проникновенный рассказ учителя [3] о ходе сражения, о сцене прощания Кутузова, отправляющего на смертельную битву Багратиона, о поведении каждого из знаковых героев этого сражения с обязательной нравственной оценкой действий каждого, чтение учителем же отдельных эпизодов (например, как Багратион своим примером увлек в атаку отступающих солдат) создадут и соответствующее эмоциональное поле, и обеспечат понимание школьниками не только содержания романа, но и его человеческого ценностного духовно-нравственного звучания [1].

Думается, что поворот подростков к классической литературе как раз и может произойти при таком эмоционально-ценностном освоении произведения [5]. Школьники учатся понимать, что то, что рассказано о внутренних проблемах героев, об их мотивах выбора той или иной линии поведения очень соответствует запросам современного школьника [5]. Что такие высокие слова, как честь, совесть, человеческое достоинство, есть и сегодня основа жизни нашего современника и не остались только в далеких девятнадцатом – двадцатом веке.

Хочется верить, что духовно-нравственный потенциал русской литературы будет по силам современному читателю, что не утратил современности поход князя Игоря в землю половецкую, так как его ошибки – это ошибки, свойственные юности, и важно не избежать их, а научиться вырастать из них. а это понимание, безусловно, важно юному миру подростков – читателей [4].

Таким образом, возможности личностно-ориентированного обучения, коммуникативно-деятельностный подход, средства коммуникативной выразительности учителя – словесника могут активизировать интерес школьника к чтению художественной литературы и помочь школьнику лучше понять себя, прикоснуться к духовно-нравственным ценностям художественных произведений в ходе школьного изучения русской литературы.

Литература

1. *Боброва С.В., Мищерина М.А.* Русский язык и культура речи: учебное пособие по русскому языку и культуре речи для одаренных детей. – М.: ООО «Диона», 2013. – 448 с.
2. *Боброва С.В.* Способы формирования языкового сознания на уроке русского языка в средней школе // Сборник научных трудов «Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий». Воронеж, 2003г. с. 48-53.
3. *Колокольцев Е.Н.* Художественное произведение в аспекте речевого творчества школьника: учебное наглядное пособие/ Е.Н. Колокольцев. – М.: ООО «Диона», 2013. – 110 с.
4. *Ходякова Л.А.* Культуроведческий подход в преподавании русского языка: Монография. – М., 2012.
5. *Ходякова Л.А., Супрунова А.В.* «Расширение фоновых культурных знаний в процессе работы с текстом путем активизации познавательной деятельности учащихся // Русский язык в школе. 7-2017. с . 8-14.

И.И. Шашков

кандидат технических наук,
преподаватель Тверского
промышленно-экономического колледжа
Тверь (Россия)
E-mail: shashkovi0@gmail.com

Интегральные критерии адекватности моделей сознания/мышления/интеллекта (100-летию Тверского промышленно-экономического колледжа посвящается)

Аннотация. Предлагаются интегральные критерии адекватности моделей сознания/мышления/интеллекта, основанные на представлении об абсолютной полноте и легитимации краевой логической противоречивости. Сформулированы общий критерий абсолютной полноты и частные критерии, являющиеся аспектами общего критерия.

Ключевые слова: сознание, мышление, интеллект, критерии адекватности, интегральное моделирование, полнота.

Igor I. Shashkov

PhD in Technical Sciences,
Lecturer of Tver Industrial and Economic College
Tver (Russia)
E-mail: shashkovi0@gmail.com

Integral criteria of adequacy of models of consciousness/thinking/intelligence (to the 100th anniversary of Tver Industrial and Economic College)

Abstract. The integral criteria of adequacy of models of consciousness/thinking/intelligence, based on the idea of absolute completeness and legitimacy of the boundary logical inconsistency, are offered. The General criterion of absolute fullness and the particular criteria, which are aspects of the General criterion, are formulated.

Keywords: consciousness, thinking, intelligence, adequacy criteria, integral modeling, fullness.

Теме моделирования сознания/мышления/интеллекта посвящено множество работ, представляющихся во многих случаях в равной степени убедительными, но при этом принципиально отличающихся по предлагаемым моделям.

Как разобраться во всем множестве этих моделей, какие из них взять на вооружение в практической работе? Есть ли строгие критерии адекватности этих моделей? Ведь правильный выбор рабочей модели ведет к полноте и однозначности получаемых теоретических результатов. А это, в свою очередь, является важным условием надежности и эффективности разрабатываемых на их основе практических методов при обучении и развитии интеллектуальных способностей.

Принципиально новые, адекватные и однозначные результаты при моделировании сознания/мышления/интеллекта достигаются при трансформационном квантовом скачке к представлению об абсолютной полноте, включающей в себя всё без каких-либо изъятий и/или ограничений [6, с. 38–40].

Соответственно, критерии адекватности психических моделей должны основываться именно на представлении о такой абсолютной полноте.

Психические модели, разрабатываемые нами в КР-психологии [1, с. 189–304], в своей полноте обосновываются не на эмпирических и/или эвристических, а вытекают из общефилософских соображений. При этом сами эти общефилософские соображения выводятся из таких принципов-оснований, которые представляются настолько очевидными, что не нуждаются в каких-либо дополнительных обоснованиях или разъяснениях [2, с. 17].

В работе [4, с. 59–79] показано, что в психике человека полнота достигается на ее первичных элементах – *устойчивых структурах* психики (УСП), представляющих «спиралевидные замкнутые образования в психике, которые, благодаря коммуникативному резонансу в них, являются устойчивыми во внешнем охватывающем времени» [1, с. 277].

Поскольку сознание является фундаментальной УСП [3, с. 126–142], осуществляющейся в модусе полноты, в первую очередь следует установить критерии адекватности сознания, что позволит верифицировать/фальсифицировать другие, более частные, модели психики.

Соответственно, ***фундаментальным критерием*** адекватности, на котором должны основываться более частные критерии адекватности, является **критерий абсолютной полноты сознания**:

Всякая модель сознания полностью адекватна в том, и только в том случае, если в ней осуществляется абсолютная полнота.

Однако пользоваться на практике таким критерием можно только при работе «на краю» – в области, в которой самоосуществляются, образуя универсальную краевую схему, полные сущности. Для нашей конкретной практики неопределенность полноты делает этот критерий недостаточно конкретным и инструментальным (мы ведь не можем, например, точно измерить длину какого-либо предмета с помощью линейки с неопределенным, неточным масштабом).

Соответственно, для практической оценки моделей следует пользоваться не общим критерием абсолютной полноты, а ***частными критериями,*** являющимися аспектами общего критерия (эти критерии следуют из фундаментальных свойств полноты, раскрываемых ею при ее самоосуществлении в нашей конкретной действительности):

1. Полнота антиномична, логически противоречива; соответственно, из этого следует **критерий логической противоречивости**:

Всякое целостное описание психики человека (в частности, всякая целостная модель сознания) адекватно в том, и только в том случае, если в этом описании (модели) достигается краевая логическая противоречивость (КЛП).

Если какая-либо модель сознания не является внутренне противоречивой, то она неизбежно является приближенной и неполной. В основном в ней отражается «объективная» сторона моделирования – когда сознание рассматривается как внешний относительно самого себя объект. Логическая противоречивость при описании сознания достигается при отсутствии «объективирующего сдвига» – когда сознание обращено само на себя по кольцу коммуникативного резонанса.

Попытки построить логически непротиворечивую модель сознания сталкиваются, в конечном счете, с трудностями, преодолеть которые можно только за счет принципиальной незаконченности, неполноты соответствующей теории (см. теорему Гёделя о неполноте). Вспомним, что П.А. Флоренский также называл антиномичность важнейшим критерием формы безусловной Истины [5, с. 153].

2. **Критерий полноты интегральности**:

Адекватная модель сознания должна быть интегральной, причем ее интегральность должна быть полной – единящей в себе интегральность 1-го и 2-го родов.

О понятии интегральности см., например, в работе [1, с. 310]:

Интегральность 1-го рода – отвечает интегрированию, характеризующемуся нахождением и единением *общего* в группах родственных феноменов.

Это *пространственное*, *трансляционное* интегрирование; в результате его создается *статичная* картина мира, связи между элементами которой являются формальными.

Интегральность 2-го рода – интегрирование ведется по *противоположному* в интегрируемых феноменах.

Это *временное*, *трансформационное* интегрирование; в результате его создается *динамическая* картина мира, связи между элементами которой осуществляются как *время*.

Полная интегральность, полнота интегральности – интегрирование ведется как по общему в интегрируемых феноменах, так и по противоположному в них.

3. **Критерий обладания временем**:

Сознание в своей полноте должно обладать собственным временем.

Полнота, понимаемая как включающая в себя абсолютно всё, необходимо обладает собственным временем. Соответственно и сознание, понимаемое как полная сущность, должно обладать собственным временем.

Принципиально временной характер сознания означает, что в его полной адекватной модели время должно учитываться не просто как среда, внешняя координата для сознания, а непосредственно входить в модель, являясь ее необходимой частью.

Одно из следствий: *сознание не может возникнуть одномоментно; оно включает в себя путь к себе самому, обладающий длительностью*.

4. **Критерий интенциональности**:

Сознание принципиально интенционально, в случае отсутствия его интенции к каким-либо внешним сущностям оно направлено на самого себя (являясь при этом самосознанием).

5. **Критерий единения психического и физического уровней**:

Всякая адекватная, полная модель сознания принципиально единит в себе психический и физический уровни. Иными словами, нельзя адекватно описать сознание только как психическую, или только как физическую сущность.

Соответственно, построение адекватной модели сознания, удовлетворяющей, вместе с другими, и этому критерию, одновременно является и некоторым решением психофизической проблемы.

6. **Принцип 2-3**

Структурирование полноты (как и всех других краевых, фундаментальных феноменов/понятий) осуществляется на основе интегрального ***принципа 2-3*** – принципа перехода от дуальной оппозиционной модели к троичной, логически замкнутой модели [3, с. 126–142]:

Две дополнительные, логически несводимые одна к другой модели в своей полноте (на краю) единятся в третьей эмерджентной модели.

Принципу 2-3 отвечает интегральный критерий адекватности моделей сознания/мышления – **критерий 2-3**:

Всякая модель сознания/мышления полна и адекватна тогда и только тогда, если в ней единятся как минимум две модели, логически не сводимые одна к другой.

Соответственно, в адекватных моделях сознания/мышления необходимо осуществляется внутренняя логическая противоречивость.

Попытки построения моделей сознания/мышления в рамках одной логически непротиворечивой модели ведут к одностороннему или, в худшем случае, к ошибочному пониманию сознания/мышления.

Критерий 2-3 выполняется в применении к ***мышлению*** при моделировании последовательной мысли как цепочки элементарных мыслей (переходов между интегральными УСП); каждая элементарная мысль невидима, но целостная осознаваемая мысль начинается и заканчивается на представлениях-образах (осознаниях) [1, с. 312].

В соответствии с этим критерием, мысль в ее полноте можно понимать как эмерджентное единение последовательной мысли и «перпендикулярных» к ней, пограничных осознаний.

Мышление не есть сознание, но без краевых осознаний, не описываемых в рамках непротиворечивой логики, человеческая мысль невозможна.

В соответствии с принципом/критерием 2-3, адекватное описание ***механизма индивидуального интеллекта*** в его полноте должно основываться на единении *двух принципиально разных механизмов*:

1) механизм для краевой области полноты (краевой, интуиционный интеллект); интуиция есть интеллект, достигший полноты развития;

2) механизм для срединной области частичных сущностей (срединный, алгоритмический интеллект).

Соответственно, имеем такую триаду интеллекта:

Алгоритмический интеллект (конечность) – интуиционный интеллект (бесконечность) – интегральный интеллект (эмерджентное единение конечного и бесконечного) [3, 126–142].

В заключение отметим, что критерий 2-3 применим не только к моделированию сознания/мышления/интеллекта, но и *ко всем* сущностям в их предельном, краевом самоосуществлении.

Однако в случае сознания/мышления/интеллекта этот критерий играет особую роль, поскольку верификация моделей сознания осуществляется самим сознанием мыслителя – по логическому кругу, представляющему собой одну из форм краевой логической противоречивости (КЛП).

Так что «обойтись» стандартными критериями адекватности (типа критерия логической непротиворечивости) в этом случае нельзя – необходимо обращение к принципу/критерию 2-3, в котором непротиворечивая логика и КЛП единятся в эмерджентной абсолютной полноте.

Литература

1. Интегралика: от представления о полноте к интегрально-квантовой картине мира: Коллективная монография. // Под ред. И.И. Шашкова. Тверь: ТРИАДА, 2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://integralics.com/books/4.html (Дата обращения: 03.03.2019)
2. *Тарасюк Т.В., Шашков И.И.* Всё из ничего. Основы интегрального выведения мира. – Киев: Изд-во Лаборатории Интегралики, 2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://integralics.com/books/2.html. (Дата обращения: 03.03.2019)
3. *Тарасюк Т.В., Шашков И.И.* Интегральный интеллект: от теории к практике. Часть 1. Интегральное моделирование на основе принципа 2-3. // CredoNew. № 2 (94), 2018. С.126–142. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://credo-new.ru/archives/1336. (Дата обращения: 03.03.2019)
4. *Тарасюк Т.В., Шашков И.И.* Интегральный интеллект: от теории к практике. Часть 3. Мышление как оперирование первичными элементами психики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: CredoNew. № 4 (96), 2018. С. 59–79. // http://credo-new.ru/archives/1336. (Дата обращения: 03.03.2019)
5. *Флоренский П.А.* Столп и утверждение Истины. Т.1. М.: Правда, 1990. С.153.
6. *Шашков И.И.* Трансформационный скачок в представлениях о полноте. XVII Всероссийская научно-практическая конференция «Дни науки – 2017». Материалы конференции. Озёрск: ОТИ НИЯУ МИФИ, 2017. С. 38–40. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://oti.ru/wp-content/uploads/2015/09/Maket-sbornika-2017.pdf (Дата обращения: 03.03.2019)

А.С. Кобозева
студентка 2-го курса факультета МАИС
Московского государственного института культуры
Москва (Россия)
E-mail: kobozeva.a@mail.ru

Влияние личных душевных переживаний на творчество *(о творчестве Олега Павлова)*

Аннотация. Автор статьи обращается к произведениям одного из новейших писателей нашего времени, раскрывает общность его личной судьбы с литературным творчеством, выявляет трагизм и пронзительность его рассказов и романов, подчеркивает искренность и глубину его творчества.

Ключевые слова: Олег Павлов, литература XXI века, «Казённая сказка», «Асистолия», «Дневник больничного охранника», московская проза, литературная критика, «павловский психологизм».

Anastasia S. Kobozeva
2nd year Student of Moscow State Institute of Culture,
Moscow (Russia)
E-mail: kobozeva.a@mail.ru

The influence of personal mental strain on creativity *(about the creativity of Oleg Pavlov)*

Abstract. The author of the article refers to the works of one of the newest writers of our time, reveals the commonality of his personal fortune with a literary creativity, discovers the tragedy and shrill which are his short stories and novels, underlines the sincerity and depth of his creativity.

Keywords: Oleg Pavlov, literature of the 21st century, “with breech tale”, “Asistolia”, “Diary of a hospital security guard”, Moscow prose, literary criticism, ”Pavlovsky psychologism”.

«Изобразить живое, а не упереться в него или слиться с ним возможно только тогда, когда оно берется не сглаженным во всех своих противоречиях»
/Олег Павлов, «Метафизика русской прозы»/

Армейская трилогия. Яркое начало творческого пути Олега Павлова, замеченного Виктором Астафьевым, контрастирует с неожиданной и одинокой смертью. Несколько последних лет жизни о нём словно забыли, а о гибели узнали практически «случайно», как признается в статье

«Литературной газеты» Андрей Савельев. Творчество Олега Павлова никогда не оценивалось критиками однозначно. «Павловский психологизм», основанный на восприятии жизни в мрачных тонах, отталкивал многих критиков: «*Право слово, если бы человечество было серьёзным по-павловски, оно не выжило бы»,–* высказывается Кирилл Анкудинов [2]. Но стоило ли судить писателя за его мировоззрение, игнорируя качество самой прозы?

Первая серьёзная повесть «Казённая сказка» рассказывает о капитане, который несмотря ни на что не просто предан своей родине, а продолжает её любить. Однако это вытекает в некий «недостаток», проза становится излишне «военной», что влечёт за собой сухость и отстранённость. История жизни капитана Хабарова на самом деле является «казённой», его армейская судьба лишена лиризма. Кажется, чувства главного героя может задеть только картошка, с которой он «нянчится» в подвале казармы. Эпизод с выращиванием картошки и практически помешательством на ней Хабарова показывает, что сам писатель не воспринимает своего героя серьёзно. Поэтому он добавляет в произведение «жести» с самоубийствами и предательствами, стараясь придать тексту правдоподобности. Тем не менее, повесть не ощущается живой, в ней преобладают многочисленные описания природы и внешности самих героев, их механические действия, Олег Павлов не играет на струнах души читателя.

«Казённая сказка» стала первой книгой трилогии «Повести последних дней», которую объединяет трагическая судьба русского солдата. Через три года в журнале «Октябрь» выходит новый роман Олега Павлова «Дело Матюшина». Военная тематика в нём плотно переплетается с биографией главного героя. Четыре части романа – четыре точки жизненного пути Матюшина. Его юность в семье, молодость в военной части, служба рядом с лагерем заключенных – и вот он охранник в самом лагере. Как и в «Казённой сказке», текст лишён красочности из-за преобладания мрачности, за исключением первой части, где описаны эмоциональные переживания героя, связанные с семейной драмой. Именно в первой части чувствуется привкус «искренности», который оживляет сюжет и характеры самих героев. Далее лейтмотивом «Дела Матюшина» становится смерть, мысли о которой преследуют главного героя. При этом события вокруг Матюшина так быстро разворачиваются, что вовсе поглощают его личность, в итоге Павлов возвращается к тому же пересказу сюжета, что и «Казённой сказке», только более мрачному, что для

Павлова равносильно более правдоподобному. На деле же теряется необходимая «искренность».

Особо острое ощущение «жести» появляется в последующих кратких прозаических произведениях Олега Павлова. Вскоре после «Дела Матюшина» выходят армейские рассказы, вошедшие в сборник «Степная книга». Все рассказы, подобно предыдущему роману, достаточно резки. Героев преследует смерть, если не физическая, то моральная. В рассказе «Облака» жестокость окружающих приводит главного героя не к ответному чувству, а к умиротворению, поиску гармонии и спокойствия хотя бы в природе. Деревья в рассказе представлены более человечно, нежели сами люди: «*Но деревца-то по-мужичьи звать: тополь. И я подумал: это с Полиной родственно. Можно так и звать – Полина большая и Полина маленькая. Дерево как хочешь назови. Они одиноко растут, а если и совьются стволами, то им любить нечем – ветки сами по себе, врастопырку растут. И детей им земля рожает, поднимая стебелек из семени. Человек дерево бережет, чтобы любить потом крепко, если одинокий, престарелый, или как мы – истосковавшиеся, живые*» [9, с. 42]. И тут же заключенный лопатой рассекает горло другому солдату. Через эту жестокость показывается и человечность военных, несмотря на их положение, у многих в глазах стояли слёзы, случайная гибель парня отозвалась в душе каждого.

Напротив, страшная судьба героя рассказа «Беглый Иван» приводит его к душевной гибели. Молодого солдата Ивана насилует собственная бригада, после чего он убивает их всех до единого. С этого момента герой ненавидит всех людей, кроме своего начальника, который единственный не издевается над ним. Писатель подчёркивает нечеловеческое поведение Ивана. Он служит с «собачьей преданностью» и кидается убивать майора с животной злостью. Он воспринимает начальника как «хозяина», а услышав, что не нужен ему, убивает, ощущая потом «собачью» тоску. Страшна в произведении именно эта бесчеловечность, порождённая в Иване жестокостью других людей. Рассказы очень сильны психологически, везде прослеживается линия перехода героев из одного душевного состояния в другое, от припадка бешенства к искреннему раскаянию. В сборнике, как и в прочих произведениях Павлова военного цикла, отсутствуют любовные линии. Этим подчёркивается бесчувственность прозы, отрешённость автора от внутренних переживаний героев.

Последняя книга трилогии «Карагандинские девятины» издаётся спустя семь лет после дебюта автора. Она имеет удивительный успех,

вызывает много споров, именно за неё Олегу Павлову присуждается премия «Русский букер». За семь лет ужасающая реальность в изображении Павлова приобретает некоторые оттенки, начинает дышать, появляется диалог с читателем. С первых строк повести заметна поэтизация унылой природы, становится явной визуализация, природа уже существует не сама по себе, а зависит от героев: «*Открывалось широкоэкранное черно-белое небо ноября. Из каменной глыбы дня наружу выходил холод и бродил сумрачно по улицам, проспектам, площадям, на просторах которых волны ветров качали плотами одинаковые порыжевшие шеренги деревьев»* [8, с. 4]. Пейзаж иллюстрирует положение таких же одинаковых арестантских шеренг, схожих со строем деревьев. У автора появляется свой голос, а вместе с ним ирония: «*Мыши в лазарете грызли так много разных лекарств, точно болели всем сразу, но еще и про запас, чтобы не болеть когда-нибудь потом»*[8, с. 20]. Более яркой становится психологическая характеристика героев. Если в «Казённой сказке» за главным персонажем практически не было заметно других героев, то в «Карагандинских девятинах» у каждого нового человека появляется собственный голос и мнение. Писатель не делит своих героев на добрых и злых. Чаще всего они противоречивы, кажущийся идеальным Алёша случайно становится соучастником в преступлении, а для отца смерть сына – лишний повод выпить.

Литератор до мозга костей. Постепенно Павлов переходит к изображению реальности, которая свойственна его времени. Для этого нужно было осознать собственный опыт, исследовать свою душу. Как личность Олег Павлов в первую очередь ассоциирует себя с писателем. Это не просто его хобби или профессия, это призвание. А писатель живёт не только в своих фантазиях, ему всё же приходится взаимодействовать с остальным литературным миром. Таким образом, автор начинает перерабатывать в своём творчестве реальные литературные факты и ищет самого себя.

Олег Павлов заинтересован в писателях-современниках, достаточно хлёстко критикует их творчество. Всё больше углубляясь в писательский мир, автор начинает проецировать его черты на самого себя. Автобиографичный рассказ «Яблочки от Толстого» – яркий тому пример. Местом действия становится усадьба Льва Николаевича Толстого, куда главный герой приезжает на писательский съезд. Текст рассказа напоминает дневниковые записи, автору важно показать свои чувства на фоне происходящих событий. Он неоднократно упоминает, что

пишет только о том, что ему запомнилось, убеждая читателя, что рассказ его не содержит домыслов и «фальши». Психологическая содержательность рассказа гораздо сильнее ранних армейских повестей. Автор заставляет читателя взглянуть на простые вещи его глазами, вселяя в лирического героя собственную душу. Повествование ведётся отрывками, словно всплывающие воспоминания, что ещё более характерно, самые яркие из них не всегда с первого взгляда кажутся самыми важными: *«Помню, как глядел на картинки, предметы, старался их запомнить, но уже думал, знал, что почему-то они позабудутся, а втемяшивается-то всегда в голову сама собой всякая глупость, мелочь, только и мелькнувшая в уме. Запомнились старухи, что сидели в каждой комнате в уголке и хранили их покой. Они тоже были в тапочках, в домашних, взятых на сменку из дома; и эти обычные поношенные тапочки производили все то же впечатление музейных предметов, чуть закостенелых, отчужденных от жизни, которые нельзя, запрещается трогать руками»* [4, с. 241].

В произведении появляются современники Олега Павлова: «*Басинский оставил нас с Варламовым у ворот сторожить машину, а сам с прозаиком Сашей Яковлевым исчез искать людей»* [4, с. 244]. Автор от лица лирического героя показывает своё личное отношение к тем или иным писателям, так он слегка иронически отзывается о Дмитрии Михайловиче Балашове: «*Седенький старик с бородой расхаживал в рубахе и сапогах, ряженный под мужика. Мне подумалось после яблок, девушек и брички, что это не иначе как музейный работник. И я спросил без всякой другой мысли: «Что это дедок у вас, тоже для красоты?» Однако ж выяснилось, что это писатель Дмитрий Михайлович Балашов, автор исторических романов, приехавший в этот день получать присужденную ему премию Л. Н. Толстого, а в одежде такой он ходит даже по Москве»* [4, с. 245]. Ирония Павлова не безосновательна. Он – «чужой среди своих», вроде как окружен писателями, но относиться к ним серьёзно не может. Это несоответствие действительности и внутренней неудовлетворённости окончательно отобразилось в провокационной статье «Тотальная критика», где Олег Павлов откровенно высказывает своё мнение о творчестве тех же современников.

Однако после «Яблочек от Толстого» Павлов продолжает искать своё место в литературном мире. Можно предположить, что этот рассказ стал первоосновой более масштабного произведения – «Сны о себе». На мой взгляд, это попытка вернуться к собственным писательским исто-

кам, чтобы разобраться в своём мировоззрении. Жизнь самого автора неразделимо связана с творчеством, с литературой, поэтому, начиная со школьного возраста, Олег Павлов, так или иначе, ассоциировал себя с литературным миром: «*Не помню, как сдавал выпускные экзамены в школе, но уже через несколько дней трудоустроился грузчиком в продуктовом магазине, думая, что проник в тайники жизни, прямо в бездну, полную страданий. Я воображал себя и Джеком Лондоном, и Достоевским в ее мрачных подвалах с морожеными курами, по которым бегали мыши, похожие на маленьких серых демонов*» [4, с. 220]. Писательство не восхваляется автором, как дар, это увлечение, желание стремление, которое сам герой, по началу, воспринимает, как нечто постыдное. Ему сложно было найти поддержку со стороны, его лирический герой поначалу стыдится выбранного поприща, ведь даже в собственной семье писательство не воспринимается как профессия: «*Сознался еще в такой банальности, что хочу дописать роман. А что не могу прожить дня без строчки – это уж звучало так, как будто поведал на призывной комиссии, что страдаю энурезом*» [4, С. 223]. Тут же присутствует столкновение с реальным литературным миром, переносящее рассказ из просто художественного пространства в конкретные хронологические рамки с названиями литературных журналов и их политической направленностью: «*Критики в пух и прах разносили мой роман за этот финал. Писали, возмущались все кому не лень, что герой у автора остается в финале жить да еще и радуется, подлец, жизни! В журнале «Наша Москва» ужаснулся добрый христианин; журнал «Наш новый мир» сравнил меня отчего-то с каким-то «сантехником Васей», а «Наше знамя» радостно отозвалось прогрессивно-либеральной статьей «Сделка с героем», из которой следовало, что герой в романе – не герой, жизнь – не жизнь и сам роман – не роман*» [4, с. 225]. В этом фрагменте характерная для Олега Павлова болезненная восприимчивость к критике. Позже это ярко отобразится в сборнике «Антикритика», где писатель уже сам «разносит» своих современников. «Сны о себе» посвящены поиску творческого пути героя. Творить, писать значит переживать всей душой своё творчество. В конце рассказа автор приходит к выводу, что для вдохновения ему необходимо не «*блаженство чистейшее, настоянное на садах и травах воздуха»,* а родина, где, может быть, не так всё прекрасно, но именно здесь хочется творить: «*И надо было возвратиться в Москву, чтобы, как в клетке, снова сидя в четырех опостылевших стенах, начать выдавливать что-то тоскливое*» [4, с. 236]. Он чувствует неразрывную связь со

страной, но прекрасно понимает, что настоящее время, «как никакое другое, требует правды. Для государства это время реформ, необходимость которых осознаётся нацией, ищущей путь к спасению». Это осознание толкает писателя на путь «беспощадного реализма», который связан с яркой автобиографичностью.

От автобиографичности к самопознанию. Реализм Олега Павлова развивается постепенно – от изображения детства в романе «В безбожных переулках» к произведениям, открывающим более зрелое восприятие писателя. Шокирующая жестокость его первых армейских произведений значительно сглаживается. Эта растушёвка тёмных красок объясняется не желанием автора осветлить реальность, а лишь повествованием от лица маленького мальчика: «*Он так равнодушно относился к себе, что походил характером на собаку. Подчинялся одинаково и детской ласке, и женскому приказу хозяйки, будто служил верой и правдой, а своей воли при этом не давал знать…. Мне казалось, мама была от него зависима, а он нуждался в ней только, чтобы получить свое, и потому я ненавидел его»* [4, с. 5]. Так главный герой рассуждает об отце и остаётся непонятно, говорит ли он это будучи уже взрослым или находясь ещё в юном возрасте. Текст сохраняет форму плывущих воспоминаний.

Форма воспоминаний, которую избирает автор для своих произведений, играет главную роль в восприятии текста. «Плывущие» воспоминания, строящиеся на мыслях героя, встречаются в рассказе «Сны о себе» и в романе «В безбожных переулках», а затем автор совершенствуется в «Асистолии». На первый взгляд, форма напоминает «поток сознания» Джойса, однако Олег Павлов строит свои романы на психологическом познании героя, как своей души, так и своего окружения. Здесь важна и прямая автобиографичность. Произведения Павлова этого периода эмоциональны на грани срыва. В особо психологически напряжённые моменты мысли героя написаны большим шрифтом, что подчёркивает его слабость, скрывающуюся за гневом: *Проведет с ним эту ночь, согреет и не останется.*

НУЖНО ПРОСТО ЖИТЬ, НУЖНО ПРИВЫКАТЬ ЖИТЬ» [3, с. 187]

Роман «В безбожных переулках» кажется наброском к более глубокой психологически и эмоционально написанной «Асистолии». Первый роман посвящён взрослению главного героя книги, тогда как последний показывает зрелое миропонимание автора. Во-первых, язык повествования складывается всё из тех же воспоминаний. Во-вторых, герой того же типа, что и персонажи прошлых произведений писателя.

Он пассивен, склонен к депрессиям, частым мыслям о смерти. Своеобразное восприятие мира постепенно разрушает жизнь не только персонажа, но и его родных. При этом он творческая личность, но в отличие от «Снов о себе» является не писателем, а художником. Очевидно сходство и второстепенных персонажей, таких как деспотичная мать главного героя. У неё есть характерная черта манипулирования своим сыном, которая подчёркивается в обоих произведениях. Отрывок из романа «В безбожных переулках»: «*Наказанием для меня было молчание матери, а самым строгим – это когда должен был оставаться один в комнате. В одиночестве я чувствовал только тоску, забытость»* [4, с. 49]. В «Асистолии» мать главного героя мучила его, «*получая удовольствие*», при этом она была «*очень довольна собой, получив эту власть над ним: судить и прощать»* [3, с. 46]. В обоих случаях мать-диктаторша настраивает своего сына против отца. Только в раннем романе мы наблюдаем попытки примирения матери и отца, в позднем молодой человек живёт один с матерью, которая говорит, что если бы его отец любил её, то не умер бы. Также в романах появляется важный для мальчика образ деда. Дед мелькает только в детских воспоминаниях и самое яркое событие, связанное с ним – это рыбалка. Для героя рыбалка важна не только как развлечение, ему и не совсем весело там. Ребёнок быстро устаёт от дороги и нудной ловли, важен сам момент поимки и «убийства» рыбы. В «Асистолии» мальчик *«гордый тем, что сделал, не боясь этой крови»* отправляется с дедом к бабушке, чтобы похвастаться добычей. Примечательно, что оба романа начинаются именно с этой рыбалки, подчёркивая тем самым значимость этого дня для героя. Похожие чувства мальчик испытывает в романе «В безбожных переулках»: «*Так я, наверное, сгубил в своей жизни первый раз что-то живое, наученный дедом и гордый тем, что сделал»*. После рыбалки воспоминания о дедушке прерываются. Это событие, как отправная точка, выстраивает дальнейшую сюжетную линию произведения. Им же и заканчивается ранний роман, образуя тем самым кольцевую композицию. Поездка на рыбалку в романе «В безбожных переулках», как попытка вернуться в беззаботное детство заканчивается неудачей. В «Асистолии» рыбалка важна ещё и как знакомство со смертью. Ребёнок, «*будто играя во что-то»*, убивает булыжником рыбу и роет для неё ямку в песке, а после этого рассуждает, могут ли рыбы жить под землёй.

Важно умение автора моментально погружать читателя в требующееся настроение: «*На одной – тело женщины под простынёй, грузное,*

как сугроб. Она бредит, кого-то зовёт в бреду» [3, с. 5]. Для мальчика смерть – это игра. Впервые он столкнулся с ней в раннем детстве, когда умирали все его хомяки. Эти животные впоследствии становятся символом смерти. Герой с женой заводят хомяка, и зверёк сбегает, когда девушка теряет ребёнка. Как предвестники смерти зверьки появляются в подвале художника, где он скрывает прячущегося от правительства человека: «*И пришли это сделать не крысы – хорьки, перекупившие подвал и все его содержимое у крыс»* [3, с. 165]. Писатель специально изображает слабого человека, настолько никчёмного, что он презирает сам себя, настолько реалистичного, что невольно пугаешься. Он не спас того, кто прятался в его мастерской, а лишь нарисовал картину: «*Потом он написал картину. Портрет неизвестного. И эту картину купил, тронутый ее реализмом, иностранный господин. Картина пропала, как пропал этот человек»* [3, с. 167]. Впоследствии сближение со смертью вызывает в герое непреодолимый страх, панические атаки, влияющие его психологическое состояние.

Произведение мрачное, что свойственно творчеству Олега Павлова. Морально слабый по своему типу герой отравляет жизнь даже самым близким людям. Его жена вначале предстаёт перед нами как наивная, хотя и решительная, девушка, которая может помочь незнакомому пьянице в метро добраться до дома. Вскоре болезненная депрессивность героя передаётся девушке. Мы наблюдаем персонажа, идентичного главному герою.

Такое поведение не беспочвенно, психологическое состояние героя объясняется детской травмой – смертью отца. Счастье (любящая жена, успех в творчестве) было в его руках, но он упускает его. Самое важное, что развитие всё-таки происходит. Автор намеренно достаточно рано прерывает жизнь героя, подчёркивая, что не всегда есть возможность исправить свои ошибки, но в эпилоге помещает письмо другу. По сути, это письмо герой мог адресовать и самому себе, мы впервые наблюдаем в нём душевное спокойствие, смирение со всем происходящим: «*Но мы уже никогда не избавимся от того, что увидели, пережили…. И ничего не в силах изменить, все мы должны это почувствовать, но что же, если не утаенную в каждом из нас любовь? Эту боль в сердце я бы назвал тоской…. Тоской по любви»* [3, с. 380]. Всю жизнь, боясь смерти, герой смиряется с самой жизнью, что примиряет его и со всем остальным. Автор пишет короткими, отрывистыми фразами, не разбавляя текст лишними описаниями. Этот приём помогает сконцентриро-

вать внимание читателя на главном герое. Мы погружаемся в его мысли, начиная видеть всё его глазами. Это, с одной стороны, глубже раскрывает характер главного героя, с другой – лишь односторонне показывает других персонажей; к примеру, мы не до конца понимаем, что же чувствует Саша, жена и подруга. «Асистолия» – остановка сердца, граница между жизнью и смертью, граница, которую переступил главный герой и никто другой в произведении.

«Асистолия» – примирение автора с самим с собой. В ней уже не отражаются его литературные переживания, Олег Павлов просто творит, ставя своей задачей – полноценно изобразить жизнь человека.

Кризис. Возможно, Олег Павлов сам был не совсем доволен результатом, так как в 2011 году выходит его новый роман «Дневник больничного охранника», синтаксически напоминающий «Асистолию». Предложения также предельно кратки, но теперь, напротив, автор максимально отстраняется от главного героя, он становится лишь наблюдателем разворачивающихся событий: «*На меня никто не обращает внимания. Я хожу за всеми как свидетель»* [6, с. 53]. Синтез отстранения от героя и личная, автобиографичная концовка, к сожалению, не создал нового шедевра. От лица охранника иллюстрируются разные истории из больничной жизни, в которых сам он не принимает участия. Каждая такая новелла занимает от одного до пяти предложений. Пример одной из самых коротких историй: «*Маленькая девочка спрашивает о матери, которой сделали операцию: «А мама будет жить от начала и до конца?»»* [6, с. 67]. Такие истории по отдельности не представляют ценности, не раскрывают ничей характер. Объединив эти эпизоды в одно целое, автор хотел показать картину слома 90-х. Появляется несколько характерных черт того времени, таких как бандитизм, на который писатель смотрит, как «на баловство детей», и денежный дефолт, волнующий большинство героев и тем самым ставший чуть ли не основополагающим событием: «*Сантехник рассуждал: Какое время – такие деньги... Что счас пятьдесят тысяч? Бутылка водки... А в советское время? Это кооператив, дача и машина... И еще на ящик водки осталось бы...»* [6, с. 81] Однако нет уже того духовного развития, которое происходит в предыдущем романе. Автор будто сам отдаляется от собственного произведения.

Только последняя глава становится разговором с читателем, приём, использованный в «Асистолии». Поначалу кажется, что разговаривает с нами главный герой, то есть охранник. Он рассуждает о своём творчестве (ранее он писал стихи, а теперь взялся за дневник) и вступает в диа-

лог с читателем. Он объясняет, почему произведение написано именно в форме коротких новелл, а не связано в единый по форме роман или повесть: «*Сама жизнь точна в мельчайших деталях, стало быть, если что-то не обладает ее же точностью, оно безжизненно, фальшиво. Так что я не мог бы написать ничего точнее, сделав его просто сырьем*» [6, с. 92]. И перед нами уже не больничный охранник, а писатель Олег Павлов с мыслями, ранее высказанными в его же статьях. Есть яркие автобиографичные черты: «*Моей дипломной институтской работой и литературным дебютом стала повесть «Казенная сказка»,* «*поступил со второй попытки в институт. Литературный*» [6, с. 109]. Неудовлетворённость жизнью создаёт диссонанс между желанием и возможностью Олега Павлова создать новую «Асистолию».

В статье «Драма Олега Павлова» Андрей Савельев пишет: «*Он и не писал ничего глобального последнее десятилетие. И жить, такое ощущение, не хотел*» [11]. Олег Павлов осознавал, что «Асистолия» является пиком его творчества, но не мог поверить, как не хочется верить и читателям, что это предел. Он остался не понят многими критиками и писателями, его обвиняли в излишнем вживании в своего героя, тогда как для Павлова это был единственный способ изобразить действительность. «*“Искусство” – слово одного корня со словом “искусственный”*», – говорит критик Кирилл Анкудинов [2]. Искусство от старославянского «искоусъ» (опыт, испытание) – доказывает Олег Павлов, переосмыслив собственную жизнь на бумаге.

Литература

1. *Басинский П.В.* Переулок – не тупик. М., Новый мир, 2001.
2. «Живое и мёртвое слово», беседа Александра Карасёва и Кирилла Анкудинова // Литературная Россия. М., 2018 / 41.
3. *Павлов О.О.* Асистолия. М., Время, 2010.
4. *Павлов О.О.* В безбожных переулках. М., Время, 2007.
5. *Павлов О.О.* Дело Матюшина. М., Время, 2013.
6. *Павлов О.О.* Дневник больничного охранника. М., Время, 2012.
7. *Павлов О.О.* Казенная сказка. М., Время, 2012.
8. *Павлов О.О.* Карагандинские девятины, или повесть последних дней. М., Время, 2013.
9. *Павлов О.О.* Степная книга. М., Время, 2008.
10. *Павлов О.О.* Тотальная критика. М., Завтра, 1998.
11. *Савельев А.* Драма Олега Павлова. М., Литературная Россия, 2018, 45.

А.А. Пашина

Московский кадетский корпус «Пансион воспитанниц Министерства обороны Российской Федерации»
Москва (Россия)

К истории одной картины из коллекции Павла Третьякова. О взаимодействии искусства и литературы

Аннотация. Приобретенная Павлом Третьяковым картина К.Д. Флавицкого «Княжна Тараканова в темнице во время наводнения» положила начало в коллекции циклу картин, написанных на темы из русской истории. Полемика, возникшая вокруг картины, обнаружила взаимодействие истории, культуры, литературы и живописи.

Ключевые слова: К.Д. Флавицкий, П.М. Третьяков, живопись, литература, культура, история, предания, мемуары.

Anastasia A. Pashina

Moscow cadet corps “Boarding school of pupils The Ministry of defence of the Russian Federation”
Moscow (Russia)

To the history of one painting from the collection of Pavel Tretyakov. On the interaction of art and literature

Annotation. Pavel Tretyakov acquired from the artist K. D. Flavitsky the painting “Princess Tarakanova in prison during the flood”. This painting marked the beginning of a series of paintings in the collection of Pavel Tretyakov, written on themes from Russian history. The controversy surrounding the painting revealed the interaction of history, culture, literature and painting.

Keyword: K.D. Flavitsky, P.M. Tretyakov, painting, literature, culture, history, legends, memoirs.

В 1864 году Павел Третьяков для своей коллекции приобретает у художника К.Д. Флавицкого картину «Княжна Тараканова». К этому времени К.Д. Флавицкий вернулся из Италии, где пробыл шесть лет.

В Риме он написал масштабное полотно, принесшее ему славу и звание почетного вольного общника Императорской Академии художеств, которое он получил в 1863 году [9, с. 280], – «Последние минуты христиан перед казнью в Колизее». Заметим, что вольным общником Академии станет и Павел Третьяков. Это произойдет в 1868 году. А тогда, в 1864-м, К.Д. Флавицкий получает звание «профессора исторической живописи» за создание картины «Княжна Тараканова в темнице во время наводнения» [9, с. 281].

Исторической темой К.Д. Флавицкий увлекся рано. В середине 1850-х годов К.Д. Флавицкий будучи учеником Ф.А. Бруни создает два шедевра, которые сразу же получили высокое признание: в 1854 году малая золотая медаль за картину «Суд царя Соломона» и в 1855 году большая золотая медаль за картину «Дети Иакова продают брата своего Иосифа» [1]. Годы, проведенные в Италии, только усилили интерес К.Д. Флавицкого к исторической теме.

Написанная картина «Княжна Тараканова в темнице во время наводнения» 1864 года, была выставлена в Академии на выставке [8, с. 158]. На этой выставке была представлена и работа В.И. Якоби «Кардинал Гиз, получивший голову адмирала Колиньи, убитого в Варфоломеевскую ночь», доставившее художнику звание академика [4]. Презентация художественного полотна на академической выставке нередко определяла дальнейший статус автора. Когда Павел Третьяков приобрел после выставки картину К.Д. Флавицкого, стало очевидным, что эта картина открывала в коллекции Павла Третьякова цикл произведений, написанных на темы из русской истории.

О княжне Таракановой ходило много разных легенд. Одну из них К.Д. Флавицкий воплотил в своем творчестве: гибель во время наводнения в Петербурге молодой женщины, выдававшей себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны. На картине – каземат Петропавловской крепости, куда она была заключена после того, когда по распоряжению императрицы Екатерины II графу А.Г. Орлову-Чесменскому удалось вывезти ее из Европы в Россию. Изучая жизнь и благотворительную деятельность его дочери, графини А.А. Орловой-Чесменской, А.В. Шмелева обращает внимание на то обстоятельство, что дочь графа знала о деле княжны Таракановой и той роли, которую в нем сыграл ее отец, и не признавая в княжне Таракановой авантюристку, графиня А.А. Орлова-Чесменская сопереживала отцу за его причастность к этому делу [12].

В Академии картина К.Д. Флавицкого была выставлена под названием «Смерть Княжны Таракановой». Ценителей русского искусства картина К.Д. Флавицкого потрясла. В ней обнаружили огромные художественные достоинства – поэтику и драматизм. Но справедливую критику вызвал исторический сюжет картины: гибель княжны Таракановой в каземате Петропавловской крепости во время наводнения, которое случилось 10 сентября 1777 года. Достоверных данных о гибели узницы во время наводнения нет, по мнению М.Н. Логанова, «художник был увлечен предметом, представляющим столько ужасного и поэтического» [5, стб. 653]. М.Н. Логинов был убежден, что княжна скончалась за два года до наводнения. М.Н. Логинов апеллирует к рассказу графа Д.Н. Блудова о пребывании арестованной княжны Таракановой в России и ее смерти от чахотки после исповеди у православного священника, которому она подтвердила свое царское происхождение. В своей статье М.Н. Логанов, ссылаясь на документы Д.Н. Блудова, отмечает, что фамилия княжны связана с названием слободы, в которой родился граф А.Г. Разумовский (морганатический муж императрицы Елизаветы Петровны) – Таракановка [5], хотя эти сведения не подтверждаются другими историческими материалами [6, с. 427], и будто бы родные брат и сестра княжны Таракановой были монахами: сестра – монахиня Вознесенского монастыря Московского Кремля, на похороны к которой собрались все представители фамилии Разумовских, находящиеся тогда в Москве, а брат подвизался близ Переяславля-Залесского. Согласно другой версии, фамилия Тараканова была дана дочери императрицы Елизаветы Петровны с целью сохранения тайны ее происхождения. Современный исследователь полагает, что фамилия Тараканова происходит от фамилии Драган, которую носила родная сестра графа Алексея Разумовского, Вера Григорьевна. В семье Веры Григорьевны и прошло детство принцессы Августы [3].

В сознании москвичей образ инокини Досифеи прочно утвердился как дочери императрицы Елизаветы Петровны от законного, но тайного ее брака. В отношении к личности княжны Таракановой проявилось некоторое противостояние Первопрестольной северной столице. В московском Новоспасском монастыре до его закрытия хранился портрет инокини Досифеи, на обороте которого была сделана надпись: «Принцесса Августа Тараканова, в иноцех Досифея, постриженная в Московском Ивановском монастыре, где по многих летах праведной жизни своей и скончалась, погребена в Новоспасском монастыре» [2, с. 112]. Новоспасский монастырь, как известно, родовая усыпальница Романовых. Он

был основан по указу императрицы Елизаветы Петровны в 1785 году и предназначался «для призрения сирот и вдов знатных и заслуженных людей». Промыслительно, а возможно закономерно, в его стенах оказалась Августа Тараканова, принявшая здесь постриг с именем Досифея. Инокиня Досифея была почитаема как подвижница благочестия, к ней стекались за духовной помощью. В материалах, подготовленных для ее канонизации сказано, что она – «важное звено в цепочке русского старчества», «Петр I упразднил старчество, а его внучка, сама старица, стоит у истоков возобновления старчества» [3].

Есть источники, игнорировать которые не приходится при изучении исторических тайн. Речь идет о статье А. Самгина [10], об очерках П.И. Мельникова-Печерского 1860 и 1868 годов [7], исследовательских работах И.М. Снегирева 1850 и 1862 годов [11] и др. И.М. Снегирев был крупнейшим знатоком русской древности, в молодости входил в кружок графа Н.П. Румянцева, руководил реставрационными работами в Московском Кремле. Его авторитет был неоспорим. Возможно, К.Д. Флавицкий и знал об этих сведениях, но воспользовался официальной точкой зрения, принятой петербургскими историографами в отношении княжны Таракановой. Открытым остается вопрос, почему героиня его картины – личность историческая – помещена в сюжет петербургского наводнения? Возможно, художник таким образом заставляет своего зрителя к самостоятельному поиску ответов на вопросы, главным из которых остается, кто она – эта таинственная княжна Тараканова?

Литература

1. *Горина Т.Н.* Константин Дмитриевич Флавицкий, 1830-1866. М., 1855.
2. *Дмитриев И.Д.* Московский Новоспасский ставропигиальный монастырь в его прошлом. М., 1907. (Репринт. изд-е 1909 г.)
3. *Иов (Гумеров), иеромонах.* Житие подвижницы благочестия, инокини Московского Ивановского монастыря Досифеи. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://monasterium.ru/publikatsii/stati/2402-monakhinya-dosifeya-i-ee-vklad-v-vozrozhdenie-russkogo-starchestva/ (Дата обращения 20.04.2018).
4. *Кондаков С.Н.* Юбилейный справочник Императорской Академии художеств. 1764-1914. СПб.: Товарищество Р. Глике и А. Вильборг, 1915. Т.2. – 454с. с. 234-235.

5. *Логанов М.Н.* Заметка Княжне Таракановой. По поводу картины Г. Флавицкаго // Русский архив, 1865. Изд. 2. М., 1866. Стб. 651-656.
6. *Майков П.* Разумовский, граф Алексей Григорьевич / Русский биографический словарь А.А. Половцова: В 25 т. Т.15 (1910). С. 427-436.
7. *Мельников-Печерский П.И.* Предания о судьбе Елизаветы Алексеевны Таракановой // Северная Пчела, 1860. №39. С. 154; Мельников-Печерский П.И. Княжна Тараканова и принцесса Владимирская // Русский вестник, 1867. №5. С. 195-196.
8. Н.С. Флавицкий Константин Дмитриевич / Русский биографический словарь: В 25 т. СПб.-М., 1896-1918. т.21 (1901).
9. Почетные вольные общники Императорской Академии художеств: краткий биографический справочник / Авт.-сост. Н.С. Беляев, рец. Е.А. Плюснина. СПб.: БАН. – 327 с.
10. *Самгин А.* О княжне Таракановой // Современная летопись, 1865. №13. С. 13-14.
11. *Снегирев И.М.* Ивановский монастырь в Москве // Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества / Сост. А. Мартынов. Год 2. Изд. 2. М., 1850. С. 87; Снегирев И.М. Ивановский монастырь в Москве. С видом монастырской церкви и портретом монахини Досифеи / Русские достопримечательности. Вып. V. М., 1862. С. 14-17.
12. *Шмелева А.В.* Графиня А.А. Орлова-Чесменская и традиции женского благочестия в России // Святые и великие жены Руси как пример для семейного подражания: Материалы научно-практической конференции, направление «Пути Промысла Божия и святоотеческое наследие». XXII Международные Рождественские Образовательные Чтения «Преподобный Сергий. Русь. Наследие, современность, будущее». – М.: Международная общественная организация «Союз православных женщин», 2015. – 160 с. С. 121-130.

Davide Casella
International Human Rights Analyst
Italian Red Cross Volunteer
Catania Committee
E-mail: davidcasella27@gmail.com

The 1908 Messina Earthquake: Contradictions of a Catastrophe The reasons for the unforgettable Russian intervention

Abstract. The article aims to analyze the intervention of the Russian Navy in support of the population affected by the earthquake in Messina, a Sicilian province in Italy, on the night of December 28, 1908. Through the reconstruction of the facts reported by the chronicles of the time and the study of the documents desecrated in 2002 and reporting correspondence and military testimonies from several Russian sources, we wanted to highlight the fundamental role of the sailors of the Navy in the first phase of relief and beyond. In fact, the sailors were responsible for the speed and commitment with which they saved lives and extracted many victims from the oblivion of the rubble. In this context, the question of the presence of Maksim Gorky in Messina, which is not entirely clear, will be analysed. It seems, in fact, that he was not only a witness intent on writing newspaper articles, but that he rolled up his sleeves and joined the relief effort. From his observations and experiences a book was born, In Destroyed Messina, together with the scientific writer Max Wilhelm Meyer. This work also wants to be the starting point of the search for an explanation of the feeling of gratitude, esteem and admiration that the people of Messina, along with the Italian population, still have towards the Russian people, as evidenced by the toponymy and urbanism of the city itself.

Riassunto

L'articolo si propone di analizzare l'intervento della Marina Russa a sostegno della popolazione colpita dal terremoto a Messina, provincia siciliana in Italia, nella notte del 28 dicembre 1908. Attraverso la ricostruzione dei fatti riportati dalle cronache dell'epoca e lo studio dei documenti sconsacrati nel 2002 e riportando corrispondenza e testimonianze militari provenienti da diverse fonti russe, abbiamo voluto evidenziare il ruolo fondamentale dei marinai della Marina Militare nella prima fase di soccorso e non solo. Infatti, i marinai sono stati responsabili della velocità e dell'impegno con cui hanno salvato vite umane ed estratto molte vittime dall'oblio delle macerie. In questo contesto, verrà analizzata la questione della presenza di Maksim Gorky a Messina, che non è del tutto chiara. Sembra, infatti, che egli non fosse solo un testimone intento a scrivere articoli di giornale, ma che si sia rimboccato le maniche e si sia unito allo

sforzo di soccorso. Dalle sue osservazioni ed esperienze è nato un libro, In Destroyed Messina, insieme allo scrittore scientifico Max Wilhelm Meyer. Questo lavoro vuole anche essere il punto di partenza della ricerca di una spiegazione del sentimento di gratitudine, stima e ammirazione che i messinesi, insieme alla popolazione italiana, hanno ancora nei confronti del popolo russo, come testimonia la toponomastica e l'urbanistica della città stessa.

Il Terremoto di Messina del 1908:
Contraddizioni di una Catastrofe
Le ragioni dell'indimenticato intervento russo

«Dovunque, a vista d'occhio, il mare levava catene di alte scure colline che avanzavano rapidamente»
[MaksimGor'kij, Tra le macerie di Messina].

Premessa.

I contorni della più grande calamità naturale europea, nota a memoria d'uomo, hanno il peso di miliardi di metri cubi di macerie e ossa di quei cadaveri non recuperati che, come una tetra culla velenosa, costituiscono le nuove fondamenta vitali della città di Messina. Molte volte la fiorente città dello Stretto è stata distrutta dalla perfidia distruttrice di quel magnifico territorio, tanto strategico quanto torvo. Incantevole la vista di due ciglia di terra che sembrano slanciarsi verso un bacio desiderato, disegnato dalle sponde di un mare blu cobalto maternamente irrequieto; vittima di una maledizione, al suo schioccare si trasforma in Medea. Contraddizioni insite nella natura stessa del territorio, Eros e Thanatos si rincorrono e si stringono perfino nelle tragedie e nelle sciagurate conseguenze che ne derivano. Le parole di Maksim Gor'kij ne restano ugualmente coinvolte in questo incoerente vortice binario certezze-incertezze, vero-falso, eroico-codardo. Inevitabili, in ogni tragedia di ogni parte del mondo, l'infelice danza caleidoscopica di numeri (generalmente vittime e denaro investito), responsabilità (tante e di varia natura) e prospettive (spesso inverosimili e fin troppo immediate, usate come oppiaceo per aromatizzare il dramma vissuto).

Ciò che più colpisce nei fatti del 1908, caso molto raro nella storia, sia per l'operatività degli attori che per la trama nel tessuto socio-immaginifico della popolazione coinvolta, è l'intramontabile figura dei marinai russi accorsi in città per apportare i primi soccorsi. Commovente e audace la decisione di rispondere alla disperata e disorganizzata richiesta di aiuto, navigando miglia

di mare verso un porto completamente isolato dal resto del mondo. Ma anche questa spinta umanitaria non è stata, e non è, esente da critiche e contraddizioni. La forza nell'immaginario collettivo messinese di questi uomini, con le maglie a strisce orizzontali bianche e blu e gli impermeabili gialli, che hanno rischiato la propria incolumità per aiutare una comunità straniera tragicamente colpita, è tale da liquefare ogni polemica: il vigore dell'azione solidale quasi schiaccia tutto il resto. La loro azione, eterna nella comunità, si muove immortalata nelle lapidi, nei monumenti e nella toponomastica della città. I messinesi (ma anche nel resto della Sicilia) di ogni generazione e classe sociale ricordano l'impresa della Marina Russa, come se ancora oggi i protagonisti fossero immersi nella vita caotica tipica di ogni città meridionale italiana.

Messina e Reggio Calabria: il contesto socio-geografico, la tragica notte, i primi soccorsi.

Messina è una città portuale situata nella punta nordorientale della Sicilia. Lo Stretto che ne prende il nome separa la città peloritana (e l'intera isola siciliana) dalla Calabria e dall'intero continente europeo. Proprio il mare e il porto hanno reso ricca e prestigiosa la città fin dall'antichità, alternando periodi prosperi a ciclici disastri naturali o conflitti bellici. Oggi, a poco più di un secolo dal tragico terremoto, è la terza città della Sicilia: malgrado la sua giovane e controversa ricostruzione, il mare resta la sua primaria fonte di ispirazione.

La tragedia immane accadde nella notte del 28 dicembre del 1908. Sarebbe stata l'alba del primo lunedì dopo le feste natalizie, i cenoni in famiglia, le celebrazioni sacre tanto attese. Un lunedì freddo, piovoso, invernale. Anonimo fino alle 5:20:24, ora in cui il mantello letale del più grave disastro naturale europeo conosciuto coprì per 37 secondi la città, i paesi limitrofi e l'intero Stretto, ben oltre il lungomare di Reggio Calabria, la città gemella posta sulla sponda opposta. Come vedremo, oltre alla tremenda contraddizione tra aria di festa e immane tragedia, nasce anche la prima contraddizione della calamità. L'evento catastrofico, infatti, malgrado sia conosciuto come il "Terremoto di Messina", in realtà ha raso al suolo Reggio Calabria e decine di paesi calabri, sia lungo la costa che all'interno della regione. Reggio Calabria, posta nella punta meridionale della Calabria (la regione più meridionale della Penisola italiana), è la seconda città dello Stretto, meno popolosa e, forse, prestigiosa di Messina. I sismografi sparsi in Italia, in Europa e nel mondo registrano una magnitudo Richter pari a 7.2 (XI° scala Mercalli). In meno di un minuto morirono migliaia di persone in tutti territori coinvolti. La faglia dello Stretto sembrò trasformarsi nel gioco

dei dadi della morte: altre scosse molto forti si susseguirono a breve distanza di tempo, causando altre migliaia di morti. La terza scossa, che secondo studi recenti causò una titanica frana sottomarina a sud della costa messinese, fu ancor più crudele: uno tsunami spazzò via, in un istante, centinaia di superstiti che si riversarono lungo le coste sperando di sfuggire ai crolli e agli incendi. Pochi istanti, gelidi come un'umida notte di dicembre, seppellirono decina di migliaia di corpi, morti o feriti. Ogni collegamento, ogni infrastruttura, ogni via di comunicazione immaginabile furono interrotte, isolando i territori coinvolti, come ultimo atto vigliacco della tragedia. In quei minuti perse la vita metà della popolazione di Messina e un terzo della città calabrese. Ogni Autorità, ogni centro di Governo e soccorso della città siciliana fu annientato: rasi al suolo gli edifici; morti, feriti o dispersi gli uomini. Il caos e la distruzione furono il nuovo aspetto della città, ovunque macerie ed esplosioni. I cadaveri, i moribondi e i superstiti impazziti furono i nuovi abitanti del peggior incubo mai immaginato. Il porto, gioiello di Messina, non esiste più: è sprofondato sotto il livello del mare, cadaveri, macerie, barche affondate, rottami e rifiuti d'ogni tipo sembra abbiano preso il posto dell'acqua.

Stanziata, nel porto di Messina, la 1° squadriglia torpediniere della Marina Regia Italiana: il Comandante dell'incrociatore Piemonte, Francesco Passino, è rimasto vittima del terremoto con la famiglia. Della flotta, solo due navi riuscirono a prestare i primissimi soccorsi ai sopravvissuti a terra, facendosi largo a fatica tra i rottami. Una terza nave, il torpediniere Spica, permise al luogotenente A. Belleni di raggiungere Marina di Nicotera, in Calabria, malgrado una tempesta ostacolasse la navigazione, e inviare un messaggio telegrafico al Governo italiano dell'avvenuta tragedia. Marina di Nicotera fu il primo approdo non distrutto dal sisma; data la sua distanza dallo Stretto e le linee del telegrafo danneggiate, furono sprecate diverse ore per allertare le squadre di soccorso (il messaggio del Bellini arrivò a Roma intorno le ore 17 del 28 dicembre). Il resto del mondo, finalmente, venne a conoscenza della catastrofe, attivandosi per gli aiuti.

Il sindaco di Siracusa (città marittima sudorientale della Sicilia), Toscano, venuto a conoscenza della tragedia, contattò la flotta britannica in rada presso la città aretusea affinché organizzassero i primi soccorsi per Messina. Toscano avvertì il suo collega di Augusta (paese dal porto strategico situato a circa 40 km a nord di Siracusa) affinché avvisasse la flotta russa lì stanziata. Cosa che avvenne.

Nel Mediterraneo fu inviata per una esercitazione militare la Flotta del Mar Baltico, sotto il comando dell'Ammiraglio V. I. Litvinov. La squadriglia

russa era composta dalle corazzate Slava e Tzésarévich, e dagli incrociatori Bogatyr, AdmiralMarakov, Korietz, Guilak.

Le navi furono caricate di tutto ciò che occorre per prestare soccorso alle popolazioni colpite da un disastro umanitario (viveri, farmaci, vestiario, tende), l'equipaggio addestrato per far fronte alle emergenze (infermieri, dottori, ingegneri). Tra questi spicca il Colonnello medico Alexander Von Burger, che curò centinaia di feriti organizzando un ospedale di fortuna all'aperto. La regia immediata dei soccorsi e della sicurezza venne affidata all'Ammiraglio russo Ponomarëv (che qualche anno più tardi si rifugiò proprio a Messina, in esilio, in seguito alla Rivoluzione bolscevica).

L'Ammiraglio Litvinov salpò dal porto di Augusta nella serata del 28 dicembre, arrivando a Messina il mattino seguente. Il 29 arrivò anche la Marina Britannica sotto la guida dell'Ammiraglio Curzon Howe; di concerto coi colleghi russi, gestirono i soccorsi in quello scenario drammatico. Mentre le navi della flotta russa vennero ormeggiate all'interno di ciò che rimaneva del porto, le navi inglesi restarono in rada, in quanto i russi avrebbero prestato soccorso solo alla città di Messina e gli inglesi, invece, ai sopravvissuti di entrambe le regioni.

Ma a decidere di salpare immediatamente non fu l'Ammiraglio Litvinov, come conferma nelle sue memorie la guardiamarina della Marakov (la prima nave russa a partire), Gerald Graf: «Litvinov non era un uomo che sapeva decidersi». Furono i sottoposti, infatti, ad insistere affinché la flotta salpasse e prestasse soccorso alle popolazioni colpite quanto prima. L'alto ufficiale, in attesa di un comando superiore, alla fine si convinse. Autorizzazione che comunque arrivò quando già le navi salparono, risparmiando del tempo prezioso. Questa caparbietà umanitaria dei marinai russi sarà la chiave del consolidamento del loro mito nella memoria dei messinesi.

Spirito umanitario che fu protagonista soprattutto a terra. I marinai russi, incuranti dei pericoli imminenti derivanti da crolli di edifici pericolanti, esplosioni delle condutture danneggiate del gas, scosse di assestamento improvvise (durarono ininterrottamente fino al marzo del 1909) o, semplicemente, sfinimento fisico, non persero mai quell'empatia e quella fiducia con la popolazione locale che solo loro riuscirono a instaurare e mantenere. Neanche i militari italiani ottennero tutto ciò. Qualche sopravvissuto andava in giro riparato dalle divise offerte dai soccorritori russi; molti superstiti ricevevano razioni doppie di cibo; il proverbiale pudore delle donne siciliane veniva coperto e salvato con coperte o lenzuola quando venivano estratte vive e nude dalle macerie; infine, si coprivano i cadaveri dentro le fosse prima

di tumularli, ultimo atto di umano rispetto. Tante marine di diversi Paesi accorsero per prestare aiuto: spagnola, statunitense, greca, danese, francese, tedesca. Solo i marinai russi, per merito loro, entrarono davvero a far parte della storia della città.

Gli uomini della marina russa hanno lasciato una preziosissima testimonianza degli eventi in quanto utilizzarono una tecnologia innovativa per l'epoca: la cinepresa a manovella. I video dei soccorritori affiancano le fotografie e costituiscono entrambe un archivio unico di quei fatti terribili.

Da tutta Italia e dal mondo, ormai, i comitati di soccorso si formarono numerosi. Croce Rossa e Ordine dei Cavalieri di Malta si mobilitarono per raccogliere quante più risorse economiche e squadre di volontari.

Determinante fu il lavoro della flotta russa nello smistamento dei feriti: recuperati e curati a terra, venivano smistati in altre località sicure affinché proseguissero le loro cure. Nel 2012 il Console generale della Federazione Russa a Palermo, Vladimir Korotkov, mise a disposizione dell'Associazione culturale "Messina-Russia" parte del carteggio diplomatico intercorso tra i rappresentanti russi in Italia e il loro Governo in patria. Tali documenti elencano minuziosamente gli interventi e i soccorsi fatti da ogni singola squadra dei marinai. Molto precisi gli elenchi delle navi Bogatyre Tsésarévich, in cui sono state annotati i dati generali delle vittime soccorse e talvolta anche il nome. Vi è anche la nota di un salvataggio per opera di un futuro martire e santo della Chiesa ortodossa russa, il caposquadra Steblin Kamenskij.

I marinai russi nell'immaginario collettivo.

Cruciale per gli storici è cogliere la chiave di lettura per cui nella memoria collettiva della comunità messinese resta scolpita la figura eroica, se non addirittura mitica, dei marinai russi che accorsero per soccorrere le vittime del terremoto del 1908. Legame che va ben oltre la disciplina e il metodo rigoroso dei marinai russi. Come già citato, l'Ammiraglio Litvinov cedette alle pressioni dei suoi sottoposti affinché salpassero da Augusta prima di un ordine partito da Mosca, pratica questa a dir poco inusuale e sconveniente in ambito militare. L'obbedienza cieca alla disciplina porterebbe alla disumanizzazione del proprio operato, apertamente in contrasto con ciò che invece accadde. Il russo Michail Osorgin, nella sua corrispondenza da Roma con il suo giornale, Vestnik Evropy, suggerisce che l'unico metodo e rigore morale utilizzato dai marinai dello zar fu quello di salvare quante più vite possibili, a differenza degli altri. Persino, qualora fosse necessario, "forzare" gli ordini dei propri superiori. L'eroismo umanitario corre ben oltre la sfortunata Messina: il primo carico di feriti trasportato a Napoli dalla nave

Makarov, fu occasione di immensa gratitudine e manifestazioni di affetto verso quegli uomini. Michail Pervuchin crede che mentre i soccorritori delle altre nazioni si siano comportati da amici, i marinai russi abbiano agito da fratelli.

Dagli archivi russi emergono poi numerosi biglietti da visita lasciati da cittadini italiani presso le sedi consolari russe sul territorio italiano. In tali biglietti, persone di ogni classe sociale, età o genere esprimevano la loro massima gratitudine a quel Paese incarnato da quei coraggiosi marinai.

Numerose emergono anche le testimonianze delle somme raccolte in favore dei terremotati messinesi da parte del popolo russo, indirettamente coinvolto dalla tragedia ma non meno solidale dei loro marinai, quasi a voler ulteriormente legittimare e spingere l'azione dei militari (qualora fosse stato possibile). Documenti importanti che sottolineano la naturale propensione solidale del popolo russo verso la solidarietà umanitaria universale. Due esempi sono degni di nota. Il primo documento è una lettera del vice console russo in Persia in cui si segnala una donazione di 135 rubli raccolta dalla comunità russa di Astara. Altra cospicua donazione è testimoniata dalla lettera e dalla ricevuta allegata della somma raccolta da parte dei ferrovieri della Siberia.

Emergono anche rapporti istituzionali che cercano di spiegare il fenomeno filorusso da parte degli italiani. Di particolare rilievo è la relazione del gennaio del 1909 di M. N. Korf, incaricato temporaneo per gli affari della Russia in Italia, in cui cerca di spiegare al suo Ministro degli Esteri le motivazioni di tanto affetto verso i marinai russi. Secondo il funzionario, i soccorritori russi sono riusciti a catturare la simpatia generale della popolazione, non tanto per il valore dimostrato al pari degli inglesi o delle altre marine, ma bensì grazie alla loro sensibilità. Tale riscontro lo ha estrapolato dalle discussioni informali e private che tenne con numerosi rappresentati di svariate classi sociali.

I riconoscimenti della comunità messinese: il monumento e la toponomastica della città ricostruita.

La necessità viscerale di ringraziare istituzionalmente e subito la flotta della Marina Russa si avverte fin dalla prima seduta del Consiglio comunale di Messina post terremoto, nel febbraio del 1909. La città praticamente è rasa al suolo, i dispersi sono decine di migliaia, i superstiti rimasti hanno bisogno di tutto; senza contare che la terra tremerà ininterrottamente per più di un mese. Ma il bisogno di esprimere pubblicamente l'infinito riconoscimento ai marinai russi sembra racchiudere come seta la tragedia. In quella prima seduta comunale, infatti, venne deliberato di erigere un monumento agli eroici marinai russi arrivati in soccorso da Augusta. La loro solidarietà e determinazione

è troppo forte e commovente per i messinesi. Impossibile da dimenticare. Persino la piazza più importante della nuova città, le nuove strade che si dirameranno dovranno essere dedicate a loro. O meglio, avrebbero dovuto. Emerge qui forse la contraddizione più odiosa del disastro, poiché all'opera inestimabile dei soccorritori russi e all'immensa gratitudine della comunità messinese si contrappone l'insopportabile inerzia delle amministrazioni cittadine. Nuovamente, i russi vennero in soccorso di Messina. Per salvarle l'onore, questa volta.

Un legame indissolubile unisce le comunità malgrado eccessive lentezze burocratiche. Il 9 giugno del 2012 è stato inaugurato il monumento, finanziato dalla Fondazione Sant'Andrea Apostolo di Mosca, dal Centro della Gloria Nazionale e dal Fondo Internazionale delle Lettere e della Cultura Slava. Venne ripreso il progetto originale del 1911 dello scultore italo-russo Pietro Kufferle che invano desiderò di veder realizzata la sua opera. Vigliacca ingratitudine fu il costo per quell'opera donata ormai immortale. Già dal 2011 erano in corso colloqui tra la Provincia Regionale di Messina e la Circoscrizione di Kronštadt di San Pietroburgo, sede naturale della Flotta del Mar Baltico, per la realizzazione dell'opera. Oltre a Messina, la copia dell'opera in scala ridotta è custodita nel Museo della Marina di San Pietroburgo. Il monumento a Messina si trova proprio di fronte alla statua della Madonna del Porto: in quel tratto di mare gli incrociatori Makaroff e Bogatyr, le corazzate Slava e Tzésarévitch furono ormeggiate per prestare soccorso alla popolazione colpita. Luogo più che simbolico che racchiude tutta la tragica speranza di quegli eventi.

Posta l'opera, l'anno successivo si pensò, finalmente, all'intitolazione della piazza. La cerimonia di Largo dei Marinai Russi, tra via Vittorio Emanuele e Viale Boccetta, è stata celebrata il 24 aprile del 2013. Nello stesso giorno è stato scoperto il busto dedicato all'Ammiraglio russo Fëdor FëdorovichUšakov, eroico padre spirituale dei marinai russi che assunse il comando della Flotta del Mar Baltico. Il busto è sito al numero 70 del Viale Boccetta.

Nel 1978, sulla facciata del Palazzo Municipale fu posta una lapide commemorativa per volere dell'Amministrazione Comunale.

Anche la filatelia dei due Paesi ha commemorato il loro legame indissolubile: nel 1966 le poste dell'Unione Sovietica emisero una busta postale raffigurante proprio il monumento del Kufferle; stessa immagine apparve in un francobollo del 1978.

I rapporti umani tra i due popoli andarono oltre i monumenti e le piazze. Dopo gli eventi della Rivoluzione d'Ottobre, l'Ammiraglio Ponomarëv, già

comandante dell'incrociatore Makarof, si rifugiò proprio a Messina nel 1918. La città organizzò subito una raccolta fondi. Anche il Principe russo Felix Iucunov, dal Sud Italia, intrattenne importanti rapporti con tanti influenti messinesi per organizzare l'assistenza agli esuli della neo Russia bolscevica.

Maksim Gor'kij: fu davvero a Messina?

Tra le tante contraddizioni che costellano il terremoto di Messina del 1908 prende piede il dubbio, piuttosto recente, della presenza o meno in città durante quei tragici eventi del grande scrittore russo Maksim Gor'kij. Il professore Giuseppe Iannello, nel 2007, affermò che non fu mai a Messina, ribaltando completamente ciò che si è sempre creduto fino a quel momento. La presunta assenza del drammaturgo dalla città peloritana deriverebbe da documenti (quali appelli, lettere e telegrammi) che testimonierebbero la sua permanenza a Capri durante i soccorsi. Presumibilmente l'autore cominciò a scrivere il suo libro «Tra le macerie di Messina» dall'isola campana. Le testimonianze drammatiche narrate, impressionanti e commoventi come spettri avvolti da tetre lenzuola di parole contuse e mutilate, quindi, sarebbero in realtà raccolte e raccontate successivamente ai fatti.

Al fine di ricostruire la bibliografia quanto più verosimile dell'autore, questa contraddizione lecitamente pone il dubbio intellettuale della sua presenza o meno a Messina. A mio avviso, resta invariato l'aspetto storiografico: il fine di Gor'kij, nobilissimo come la sua indole rivoluzionaria, era raccogliere quanti più fondi possibili per pubblicare il volume; oltre al racconto drammatico degli eventi, l'opera serviva a raccogliere i proventi delle vendite affinché venissero destinati ai terremotati. La solidarietà tra i popoli è la sua chiave di lettura per il suo spirito rivoluzionario, a prescindere che fosse presente o meno in città in quei giorni nefasti.

I numeri della tragedia. Conclusioni.

Le cifre della tragedia dello Stretto oscillano poiché non abbiamo dati certi. A Messina, l'archivio comunale andò distrutto a causa degli incendi divampati in seguito al danneggiamento delle condutture del gas. Inoltre, nella concitazione dei fatti e con i mezzi dell'epoca, le cifre sono suscettibili di variazioni, considerando che non esisteva un registro anagrafico nazionale centrale e che la maggior parte dei morti e dispersi non furono mai recuperati. Senza contare la difficoltà estrema di raggiungere quelle decine di Comuni di entrambe le regioni parimenti colpiti, distrutti e isolati. Il numero dei corpi trascinati al largo dalla violenza inarrestabile del maremoto non si saprà mai; né quanti fossero già morti al momento delle mareggiate né quanti furono trascinati vivi. Lo stesso ragionamento vale per i corpi rimasti sepolti sotto le

macerie. Per la sola città di Messina, gli studiosi ritengono che siano morte tra le sessantamila e le ottantamila persone. Praticamente più della metà della popolazione messinese. Analogo ragionamento vale per Reggio Calabria, anch'essa dimezzata dei suoi abitanti seppur più piccola. È stato stimato che le vittime di entrambe le città oscillino tra le ottantamila e le centoventimila (c'è chi azzarda cifre superiori, considerando anche i centri minori interamente rasi al suolo). Divario insopportabilmente grande considerando che interi nuclei familiari furono spazzati via, pestati e trascinati da una forza mostruosa che ha spaventosamente urlato la notte del 28 dicembre, senza lasciare traccia della propria esistenza.

Statistiche più certe le abbiamo sui danni strutturali e architettonici: gli eleganti edifici di Messina e Reggio furono praticamente distrutti. Si calcola che il 90 per cento degli edifici crollò in seguito al terremoto e al maremoto; il restante fu buttato giù dalla dinamite del Regio Esercito, a volte, forse, per eccesso di sicurezza. Tutto si ricompattò sul suolo, infrastrutture fantasma adesso collegano il patrimonio culturale di secoli fiorenti di storia, custodito dai corpi di quegli innocenti che per ultimi contribuirono alla vita della città. Geenna preziosa che vive nelle lacrime di chi sopravvisse e oltre.

Ormai anche la statua del Nettuno ha cambiato la sua posizione nella ricostruzione della città nuova: non viene più dal mare, adesso volge le spalle alla terra e col braccio cerca di placare simbolicamente le acque.

Per capire a fondo le contraddizioni del terribile sisma, le contraddizioni e la storia, occorrerebbe cominciare a chiamarlo col suo vero nome che ne indica la vera portata distruttiva: non "Terremoto di Messina", ma Terremoto della Calabria Meridionale-Messina o Terremoto calabro-siculo. La tragedia ha riguardato un'area estesissima direttamente; spiritualmente il resto del mondo. Le polemiche sul ritardo dei soccorsi italiani (arrivarono solo nella serata del 29, il Re Vittorio Emanuele III col resto della flotta addirittura il 30 dicembre), sull' uso della forza da parte dei soccorritori russi per reprimere gli atti di sciacallaggio, le omissioni di soccorso animeranno sempre il dibattito sull'immane tragedia. Fondamentale fu anche l'aiuto apportato dalla Croce Rossa che, per la prima volta in tempi di pace, intervenne a favore delle popolazioni, aiutando, registrando e, in alcuni casi, sopperendo alla scarsa coordinazione dei soccorsi dell'ancor giovane Stato unitario italiano. Ma Messina, per l'ennesima volta, è rinata; adesso è un'adolescente, forse ancora confusa sulla propria identità e non conosce la propria storia e vocazione. Orfana come i bambini morti di stenti nell'orfanotrofio, vive grazie al coraggio paterno degli eroici marinai russi e alla solidarietà materna offerta che resterà eterna.

Bibliografia

1. AA. VV., Il terremoto di Messina. Corrispondenze, testimonianze e polemiche giornalistiche, (a cura di) Francesco Mercadante, Città del Sole, Napoli 2009.
2. ATTANASIO S., 28 dicembre 1908 ore 5,21 terremoto, Bonanno, Acireale-Roma 1998.
3. BOATTI G., La terra trema: Messina 28 dicembre 1908: I trenta secondi che cambiarono l'Italia, non gli italiani, Mondadori, Milano 2004.
4. CHIARA L., la modernizzazione senza sviluppo. Messina a cento anni dal terremoto (1908-2008), Le Lettere, Firenze 2011.
5. CROCE ROSSA ITALIANA, La Croce Rossa Italiana pei danneggiati dal terremoto Calabro-Siculo del 28 dicembre 1908. Rendiconto e relazione, Tipografia Cooperativa Sociale, Roma 1911.
6. DICKIE J., Una catastrofe patriottica, Laterza, Roma-Bari 2008.
7. GORKY M., MEYER M.W., Tra le macerie di Messina, GBM, Messina, 2006.
8. NOTO A. G., Messina 1908. I disastri e la percezione del terrore nell'evento terremoto, Rubbettino, Soveria Mannelli.
9. Fonti dell'Archivio Governativo di Mosca

Rosario D'Agata
Professor of University of Catania
Italy

Some dimensions of electoral behaviour: Comparing Italian and Russian turnover

Introduction

This paper aims at comparing Italian and Russian societies. One of the most important characteristics that needs to be analysed, especially for its value in terms of democracy (Fiorina, 1976), is the electoral behaviour, i.e. if and why people decide to vote. At the same time, in order to understand the mechanisms that lie under each society, it seems necessary to go deeper in analysing how much cohesive it is (Di Franco 2014; Lockwood 1999; Riniolo 2013), looking both at how much trust is considered a fundamental value (Luhmann, 2002) but also how important it is for people to start any type of relation participating in social and political activities (Putnam 1999, Fukujama 1995). Besides, either satisfaction or disappointment make a difference in voting (Singh, 2014), not to mention the attitude towards minorities (Epstain et al., 2018).

These theoretical considerations pave the way to this research. Considering the European Social Survey a reliable source to take data, 6 are the dimensions taken into account: *People trust, Political Interest, Trust in Institutions, Individual Satisfaction, Attitude towards Civil Rights, Attitude towards Immigration.* Each of them is the result of a merging process obtained thanks to the Categorial Principal Component Analysis. Once these dimensions are obtained, the next step is to test the hypothesis that they have an impact on the variable *vote*.

Data and methods

The data to conduct our research study are taken from the European Social Survey (ESS) website and can be freely checked and downloaded at: http://www.europeansocialsurvey.org/. This study is conducted every two years (waves) by City, University of London, since 2001. The survey measures the attitudes, beliefs and behavior patterns of the sampled populations which, usually, deal with around thirty nations. The main aims of the surveys are to monitor social and political changes, to propose higher standards for researchers, to introduce new indicators which may be a measurement of

national progress on the citizen's point of view, to spread data and make them available for both academics, policy makers and the wider public (http://www.europeansocialsurvey.org/about/).

The data that we have been analyzing belong to the 8th wave (2016). Considering the aim of our research, i.e. comparing Italy and Russia under a political and social point of view, we took only these two countries into account. Data collector for Italy is Ipos s.r.l., for the Russian Federation is CESSI (Institute for comparative Social Research).

In Italy 5238 people participated to the survey, while in Russia 12116 did. Among the Italian's respondents, 2522 are male and 2716 are female. Among Russian's respondents, 5496 are male and 6620 are female (Tab 1).

Table 1 – Distribution of sample units for gender

			Gender		Total
			Male	Female	
Country	Italy	Count	2522	2716	5238
		% within Country	48,1%	51,9%	100,0%
	Russian Federation	Count	5496	6620	12116
		% within Country	45,4%	54,6%	100,0%
Total		Count	8018	9336	17354
		% within Country	46,2%	53,8%	100,0%

The average age of the Italian's respondents is 49 years old; while the Russian's average age of the respondents is 44. In both cases respondents have at least completed 11 years of education (Tab. 2).

Table 2 – Distribution of sample units for country, age and education

Country		Age	Years of full-time education completed
Italy	Mean	49,64	11,34
	N	5213	5053
	Std. Dev	19,110	4,414
Russian Fed.	Mean	44,04	11,77
	N	12115	12115
	Std. Dev	18,472	2,584

Total	Mean	45,72	11,65
	N	17328	17169
	Std. Dev	18,841	3,238

As far as it deals with employment, the 77,3% of Italians are employee, while the 93,5% of Russians is under the same condition. Only the 20% of Italians is self-employed and this percentage is even lower in Russia (5,7%). Finally, only the 2,7% of Italians work within a family business against the 0,9% of Russians (Tab.3).

Table 3 – Distribution of sample units for country, and employment relation

			Country		Total
			Italy	Russian Fed.	
Employment relation	Employee	Count	3014	9485	12499
		% within Country	77,3%	93,5%	89,0%
	Self-employed	Count	782	576	1358
		% within Country	20,0%	5,7%	9,7%
	Working for own family business	Count	105	88	193
		% within Country	2,7%	,9%	1,4%
Total		Count	3901	10149	14050
		% within Country	100,0%	100,0%	100,0%

The dimensions of the analysis

Many studies think about social cohesion as an important tool to analyze the social reality of a country (Di Franco 2014; Lockwood 1999; Riniolo 2013), that's why it has been chosen as a starting point of the comparison between Italian and Russian societies. This assumption implies looking both at the importance of making friends and be an active member of an association (Lin 2001, Lin *et alii* 2008, Burt 2005) and considering trust as a "valued public good" (Luhmann, 2002) which is the result of starting relations with the other in general (Putnam 1999, Fukujama 1995). This may help justifying the choice of considering both social and political trust and social and political participation as two core dimensions of our analysis. Both trust and participation cannot but be the result of our personal experience with

the others, that means that we look at them according to our satisfaction. Of course, being interested in politics triggers trust and participation. Moreover, in such a context as ours where the care towards minorities defines the countries' policies, it seems necessary to look at the attitude towards both minorities in general, i.e. women, homosexuals, and migrants in particular.

According to theoretical issues, we 'created' dimensions of analysis, synthetizing the variables related to each dimension by means of Categorial Principal Components (Gower and Blasius, 2005) that, as well as traditional factor analysis, allows to quantify categorical variables using optimal scaling and to generate factors synthetizing original variables correlated with them. Furthermore, the algorithm assigns a score to each unit of analysis. Doing so, we obtained the following dimensions: *People trust, Political Interest, Trust in Institutions, Individual Satisfaction, Attitude towards Civil Rights, Attitude towards Immigration*

Finally, in order to test statistical differences among the two Countries we applied the nonparametric test of Mann-Whitney and the traditional Chi square Test (Siegel and Castellan, 1988).

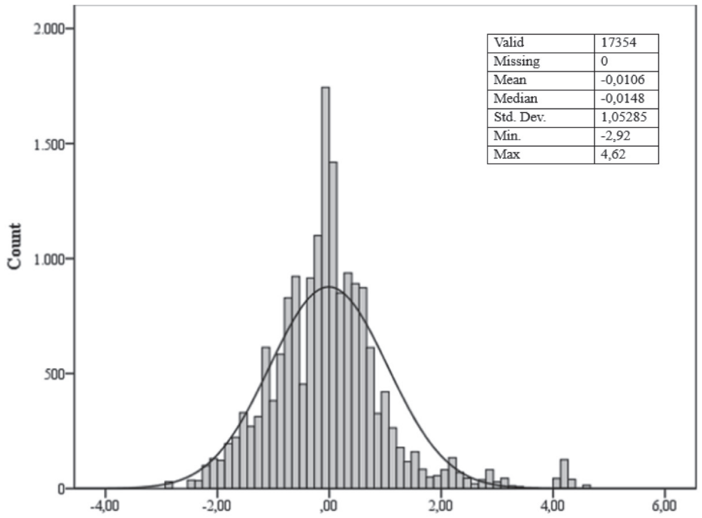
People trust

The first dimension considered in our study is *people trust*. According to some scholars (Guizzardi, 2008; Chan et *al.,* 2006; Putnam, 1999) this factor plays a crucial role in maintaining social cohesion and it is strictly related to social and political participation. European Social Survey proposes three questions about it (Tab. 4).. Respondents could answer using a scale ranging from 0 (minimum trust) to 10 (maximum trust). By means of Categorial Principal Component Analysis (CATCPA) we extracted a unique dimension (Fig.1) strictly correlated to the three original variables.

Table 4 – Variables composing ***people trust*** *and related correlation coefficients*

Component's weight	**People Trust**
Most people can be trusted or you can't be too careful	0,766
Most people try to take advantage of you, or try to be fair	0,883
Most of the time people helpful or mostly looking out for themselves	0,815
Cronbach's alpha	0,761
Eigenvalue	2,031

Figure 1 – Distribution of ***People Trust*** *and descriptive statistics.*



Comparing the two groups, we note that respondents from Russian Federation, appear to have a more trusting stance towards people in generally. Table 5, in fact, shows a remarkable difference between the two means. Moreover, the Mann-Withney test suggests that this difference is statistically significant (*p-value* = 0.000).

Table 5 – Italy and Russian Federation: comparing the means of ***People Trust***

Country	Italy	Russian Fed.	Total
Mean	-0,1621	0,0549	-0,0106
N	5238	12115	17354
Std. Dev	0,894	1,109	1,053

Political interest

The second dimension tries to measure the interest of people in political issues. Cleary the more interested the people are, the more probably is their participation in political competitions (Blais and St-Vincent, 2011). In this case ESS proposes 5 items. The first one aims to detect the interest *tout court* and the respondents could use a scale ranging from 1 – 'not at all interested' to 4 – 'very interested'. The other items point out the role of people in influencing

politics. In this case the items are measured using a Likert scale ranging from 1 – 'not at all' to 5 – 'a great deal' (Tab. 6).

*Table 6 – Variables composing **Political Interest** and related correlation coefficients*

Component's weight	Political interest
How interested in politics?	0,567
Political system allows people to have a say in what government does	0,744
Able to take active role in political group	0,837
Political system allows people to have influence on politics	0,819
Confident in own ability to participate in politics	0,796
Cronbach's alpha	0,816
Eigenvalue	2,88

Figure 2 shows the distribution of factor Political Interest. In this case, the difference between Italy and Russian Federation (Tab. 7) does not appear statistically significant (*p-value* = 0.371).

*Figure 2 – Distribution of **Political Interest** and descriptive statistics.*

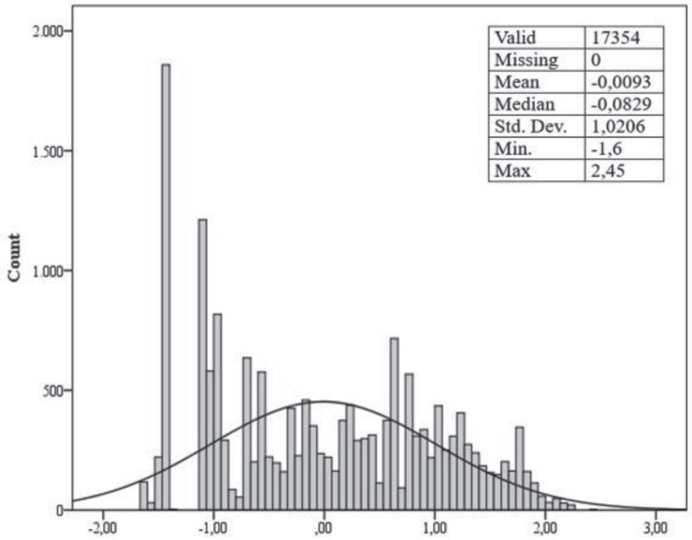


Table 7 – Italy and Russian Federation: comparing the means of ***Political Interest***

Country	Italy	Russian Fed.	Total
Mean	-0,0048	-0,0113	-0,0093
N	5238	12115	17354
Std. Dev	0,96276	1,04462	1,02058

Trust in Institutions

The presence of Public Institutions acting as mediators of conflicts plays a central role in a globalized society (Grönlund and Setälä, 2007). European Social Survey detects the trust of respondents in some important national and international Institutions (Tab. 8). In this case a scale from 0 'No trust at all' to 10 'Complete trust' is employed.

Table 8 – Variables composing ***Trust in Institutions*** *and related correlation coefficients.*

Component's weight	**Trust in Institutions**
Trust in country's parliament	,860
Trust in the legal system	,918
Trust in the police	,871
Trust in politicians	,857
Trust in political parties	,836
Trust in the European Parliament	,672
Trust in the United Nations	,622
Cronbach's alpha	0,914
Eigenvalue	4,611

Figure 3 shows the distribution of the factor calculated by means of CATPCA. Both in Italy and in Russian Federation respondents appear not so much trusting in Public Institution (Tab. 9). Italians, however, seem a little bit more trusting than Russians (Tab. 9). Furthermore, in this case, the difference is statistically significative (*p-value* = 0.000).

Figure 3 – Distribution of ***Trust in Institution****s and descriptive statistics.*

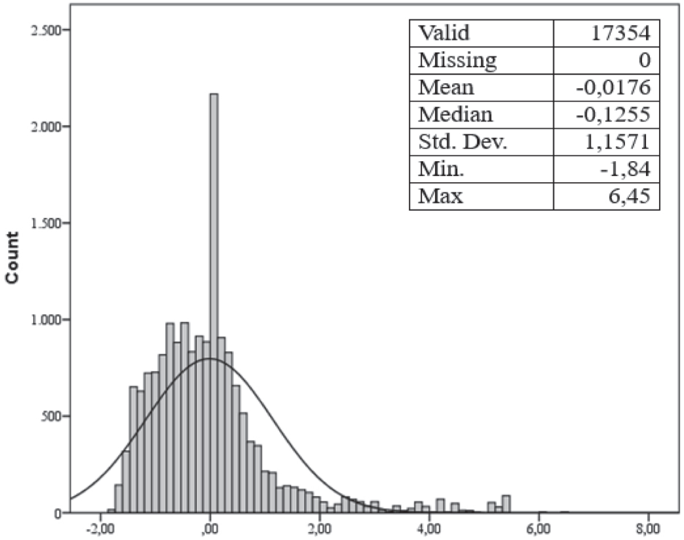


Table 9 – Italy and Russian Federation:
comparing the means of ***Trust in Institutions***

Country	Italy	Russian Fed.	Total
Mean	-,0068	-0,0223	-0,0176
N	5238	12115	17354
Std. Dev	,96227	1,23188	1,15713

Individual satisfaction

Some Scholars underlined the linkage between individual satisfaction and electoral behaviour (Schofield and Reeves, 2015), others focused on the relation between individual satisfaction and social cohesion (Gough and Olofsson, 1999). In this case, ESS researchers attempt to detect the satisfactions asking 4 questions related to aspects of individual satisfaction (Tab. 10). Respondents could answer using a scale ranging from 0 ‘Extremely dissatisfied’ to 10 ‘Extremely satisfied’.

Table 10 – Variables composing ***Individual Satisfaction*** *and related correlation coefficients*

Component's weight	Individual Satisfaction
How satisfied with life as a whole	0,745
How satisfied with present state of economy in country	0,789
How satisfied with the national government	0,779
How satisfied with the way democracy works in country	0,790
Cronbach's alpha	0,780
Eigenvalue	2,409

As previously done, we extracted a factor synthetizing the original variable (Fig. 4). Comparing the means of the two groups (Tab. 11), we note that Russians are less dissatisfied than Italians and the nonparametric test confirms the statistical significance of this difference (*p-value* = 0.000).

Figure 4 – Distribution of ***Individual Satisfaction*** *and descriptive statistics.*

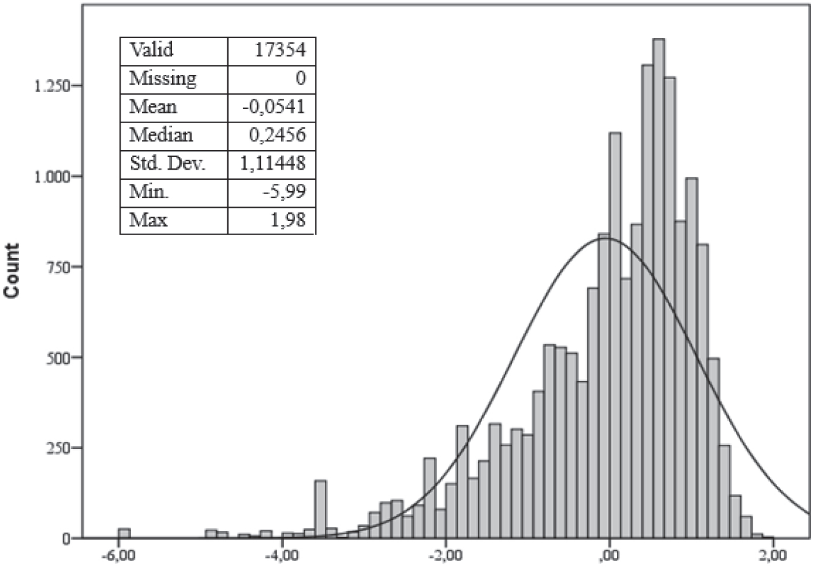


Table 11 – Italy and Russian Federation: comparing the means of ***Individual Satisfaction***

Country	Italy	Russian Fed.	Total
Mean	0,7421	- 0,3287	-0,005
N	5238	12115	17354
Std. Dev	0,692	0,9603	1,015

Table 12 – Variables composing ***Attitude toward Civil Right*** *and related correlation coefficients.*
Attitude towards Civil Rights

Component's weight	**Attitude towards Civil Rights**
Men should have more right to job than women when jobs are scarce	0,395
Gays and lesbians free to live life as they wish	0,855
Ashamed if close family member gay or lesbian	0,793
Gay and lesbian couples right to adopt children	0,797
Cronbach's alpha	0,714
Eigenvalue	2,151

Besides the spread agreement that the more political leaders tend to represent the entire population the more they are supported, a couple of studies can rely that the more minorities feel represented, the more they tend to participate, voting in first place (Banducci et al., 2004). In this case, the ESS (Tab. 12) has gone deeper in this issue asking whether people agreed that men have more right to work than women do when vacancies are not enough, asking respondents to express their opinion in a Likert Scale that goes from 1 'Agree strongly' to 5 'Disagree strongly'.

Another issue included in the unique dimension called *Attitude towards Civil Right* (Fig. 5) deals with the acceptance of gay and lesbian asking if they should be free to live as they wish, if having gay or lesbian family member would generate shame and whether it should be allowed to them to adopt children, all of them ranging from 1 'Disagree strongly' to 5 'Agree strongly'.

In this case the difference between the two groups appears very relevant (Tab. 13) and statistically significative (*p-value* = 0.000)

Figure 5 – Distribution of ***Individual Satisfaction*** *and descriptive statistics.*

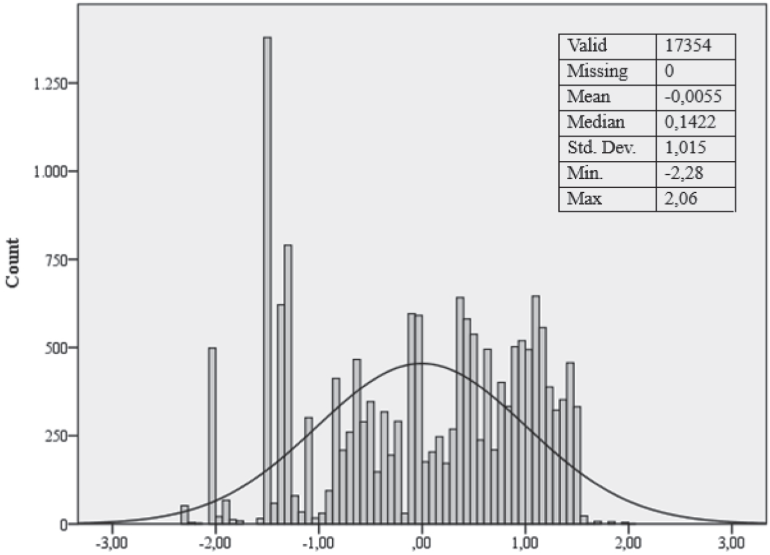


Table 13 – Italy and Russian Federation:
comparing the means of ***Attitude towards Civil Right***

Country	Italy	Russian Fed.	Total
Mean	0,7421	- 0,3287	-0,005
N	5238	12115	17354
Std. Dev	0,69173	0,9603	1,015

Besides the spread agreement that the more political leaders tend to represent the entire population the more they are supported, a couple of studies can rely that the more minorities feel represented, the more they tend to participate, voting in first place (Banducci et al., 2004). In this case, the ESS (Tab. 12) has gone deeper in this issue asking whether people agreed that men have more right to work than women do when vacancies are not enough, asking respondents to express their opinion in a Likert Scale that goes from 1 'Agree strongly' to 5 'Disagree strongly'.

Another issue included in the unique dimension called *Attitude towards Civil Right* (Fig. 5) deals with the acceptance of gay and lesbian asking if they should be free to live as they wish, if having gay or lesbian family member

would generate shame and whether it should be allowed to them to adopt children, all of them ranging from 1 ‘Disagree strongly’ to 5 ‘Agree strongly’.

In this case the difference between the two groups appears very relevant (Tab. 13) and statistically significative (*p-value* = 0.000).

Voting is one of the greatest expressions of democracy and there is no democracy where there isn’t inclusion. This is the reason why it is supposed that there exists a correlation between the attitude towards migrants and the act of voting (Reinolds, 2006). In particular, as shown in Table 14, ESS has chosen to measure the possibility to include in the majority people of the same/different ethnic group and people coming from poorer countries outside Europe (in a scale from 1 ‘Allow none’ to 4 ‘Allow many to come and live here’); whether immigration is bad or good for country’s economy; if it undermines the country’s cultural life and if it makes a country a better/worse place to live (in a scale from 1 to 10 that goes from a bad to a good perception of migrants).

Table 14 – Variables composing ***Attitude toward Immigration*** and related correlation coefficients

Component’s weight	**Attitude towards immigration**
Allow many/few immigrants of same race/ethnic group as majority	0,858
Allow many/few immigrants of different race/ethnic group from majority	0,947
Allow many/few immigrants from poorer countries outside Europe	0,905
Immigration bad or good for country’s economy	0,658
Country’s cultural life undermined or enriched by immigrants	0,683
Immigrants make country worse or better place to live	0,676
Cronbach’s alpha	0,914
Eigenvalue	4,611

The distribution of Attitude toward Immigration shows a total mean of -0,0812 (Fig. 6), also in this case the difference between the two groups appears relevant (Tab. 15) and statistically significative (*p-value* = 0.000).

Figure 6 – Distribution of ***Attitude towards immigration*** *and descriptive statistics*

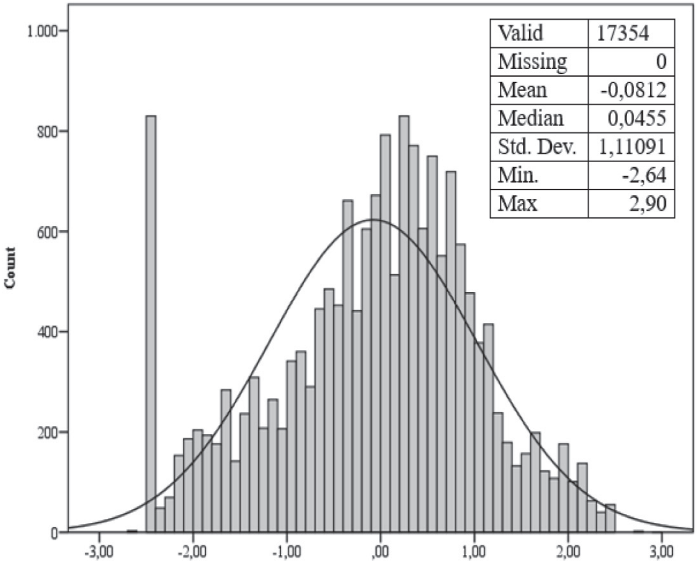


Table 15 – Italy and Russian Federation:
comparing the means of ***Attitude towards immigration***

Country	Italy	Russian Fed.	Total
Mean	0,7421	- 0,3287	-0,005
N	5238	12115	17354
Std. Dev	0,69173	0,9603	1,015

Electoral behaviour

In this paragraph we focus on the electoral participation observed in the two Country. Firstly, we analysed the distribution of people declaring to have voted in the last National election (Tab. 16). While among the Italians 3 respondents out of 4 voted, among the Russian almost 1respondent out of 2 went to the ballots. The Chi square test, shows a value of 706,137 and is statistically significative (*p-value* = 0.000).

Table 16 – Contingent table:
Country and voted/not voted last National election

			Voted last national election		Total
			No	Yes	
Country	Italy	Count	1110	3337	4447
		% within Country	25,0%	75,0%	100,0%
	Russian Fed.	Count	5261	5639	10900
		% within Country	48,3%	51,7%	100,0%
Total		Count	6371	8976	15347
		% within Country	41,5%	58,5%	100,0%

Having excluded a deep exam about the reason of such a low tax of electoral participation in Russian Federation, in this final section we try to estimate a statistical model aiming to detect the features conditioning electoral participation. In the light of the previously expressed considerations, we formalised a Binary Logistic Regression Model (Park, 2013) introducing the factors computed by means of CATPCA as independent variables and electoral participation (voting/not voting) as dependent variables controlling also for *age* and *Education Years* (Tab 17).

Table 17 – Binary Logistic Regression Model.
Dependent variable voting/not voting

covariates	**B**	**E.S.**	**Wald**	**df**	**Sig.**	**Exp(B)**
Age	0,033	0,001	817,503	1	0,000	1,034
Education years	0,056	0,006	76,483	1	0,000	1,058
People trust	0,074	0,017	18,728	1	0,000	1,077
Political interest	0,399	0,019	448,896	1	0,000	1,491
Trust in Institutions	0,102	0,017	35,796	1	0,000	1,108
satisfaction	0,044	0,017	6,930	1	0,008	1,045
Attitude towards Civil Rights	0,203	0,018	127,851	1	0,000	1,225
Attitude towards immigration	0,040	0,017	5,543	1	0,019	1,041
Constant	-1,842	0,112	270,744	1	0,000	0,159

As we can observe, all the factors are statistically significant. All the coefficients are positive, i.e. the higher coefficient of the factor the higher the probability to vote. In particularly, as expected, *political interest* appears having the highest predictive value but also attitude *towards civil rights* plays an important role.

Finally, we estimated two different models related to each country. Concerning Italian respondents, (Table 18) the covariates statistically significant appear: *age, education years, political interest, attitude towards civil rights and attitude towards immigration.* On the other side, the model estimated for Russian respondents (Tab. 19) reveal all the covariates to be significant except *attitude towards civil rights*.

*Table 18 – **Italy**: Binary Logistic Regression Model.*
Dependent variable voting/not voting

covariates	B	E.S.	Wald	df	Sig.	Exp(B)
age	0,014	0,002	32,698	1	0,000	1,014
Education years	0,049	0,011	20,920	1	0,000	1,050
People trust	0,011	0,044	0,062	1	0,803	1,011
Political interest	0,646	0,046	201,264	1	0,000	1,909
Trust in Institutions	0,058	0,040	2,078	1	0,149	1,060
satisfaction	0,004	0,036	0,010	1	0,921	1,004
Attitude towards Civil Rights	0,190	0,058	10,615	1	0,001	1,209
Attitude towards immigration	-0,113	0,038	9,086	1	0,003	0,893
Constant	-0,195	0,212	0,845	1	0,358	0,823

*Table 19 – **Russian Fed.**: Binary Logistic Regression Model.*
Dependent variable voting/not voting

covariates	B	E.S.	Wald	df	Sig.	Exp(B)
age	0,036	0,001	665,862	1	0,000	1,037
Education years	0,070	0,009	59,382	1	0,000	1,072
People trust	0,109	0,019	32,690	1	0,000	1,115
Political interest	0,367	0,021	301,144	1	0,000	1,444
Trust in Institutions	0,093	0,019	23,758	1	0,000	1,098
satisfaction	0,110	0,020	30,989	1	0,000	1,116

covariates	B	E.S.	Wald	df	Sig.	Exp(B)
Attitude towards Civil Rights	-0,041	0,022	3,459	1	0,063	0,960
Attitude towards immigration	0,071	0,020	12,393	1	0,000	1,073
Constant	-2,394	0,149	257,705	1	0,000	0,091

Final remarks

Considering the aim of our study, after having chosen the most relevant variables of the European Social Survey, we generated, by means of the Categorial Principal Component Analysis, six dimensions related to electoral behaviour. After having compared the average score of these six dimensions in the two countries under analysis, we observed a statistically significant difference in all these dimensions except *political interest*. The highest difference between the two countries may be observed in the dimension called *Attitude towards Civil Rights*. In this dimension, ranging from -2.28 to 2.06, the mean of Russian respondent is - 0,3287, whereas Italian's mean is 0,7421. Finally, in order to detect the factors influencing the turnover, we estimated two Binary Logistic Regression Models. In Italy the covariates statistically significant appear: *age, education years, political interest, attitude towards civil rights and attitude towards immigration*; while in Russia all the factors except *attitude towards civil rights* matters.

References

Banducci S.A., Donovan T., Karp J. A., *Minority Representation, Empowerment, and Participation*, The Journal of Politics, vol. 66, n. 2, May 2004, pp. 534-556

Blais A. and St-Vincent S.L., (2011), *Personality Traits, Political Attitudes, and the Propensity to Vote,* European Journal of Political Research 50(3):395-417 · August 2011

Burt R. S. (2005), *Brokerage and Closure. An Introduction to Social Capital*, Oxford University Press, Oxford.

Chan J, To H-P e Chan E (2006), *Reconsidering Social Cohesion: Developing a Definition and Analytical Framework for Empirical Research*, in "Social Indicators Research", 75(2): 273-302.

Di Franco G. (2014), *Il poliedro coesione sociale. Analisi teorica ed empirica di un concetto sociologico*, Milano, Franco Angeli

Epstein G.S., Heizler C. O., (2018), *Minority group and success in Election Primaries,* Institute of Labor Econimics - Discussion Paper Series, IZA DP No. 11371, February 2018

Fiorina P.M., (1976), *The voting decision: Instrumental and Expressive aspects,* THE JOURNAL OF POLITICS, 38, 1976.

Fukuyama, F. (1995), *Trust. The Social Virtues and the Creation of Prosperity*, Penguins Books, Londra

Gough I. and Olofsson G., (1999), *Capitalism and Social Cohesion,* MacMillan Press, London

Gower and Blasius, (2005), *Multivate prediction with non-linear principal component analysis: theory,* Quality and Quantity, vol. 39 issue 4 pag. 359-372, August 2005

Grönlund K. and Setälä M., (2007), *Political Trust, Satisfaction and Voter Turnout,* Comparative European Politics 5(4) · December 2007

Lin N. (2001), *Social Capital. A Theory of Social Structure and Action*, Cambridge University Press, Cambridge.

Lin N., Erickson B. H. (2008), *Theory, Measurement, and the Research Enterprise on Social Capital*, in Lin N., Erickson B. H., *Social Capital. An International Research Program*, Oxford University Press, Oxford.

Lockwood D. (1999), *Civic Integration and Social Cohesion*, in Gouch I., Olofsson G. (eds), cit.: 63-84

Luhmann N., 2002, *La Fiducia,* Il Mulino.

Park H.A., (2013), *An Introduction to Logistic Regression: From Basic Concepts to interpretation with Particular Attention to Nursing Domain,* J Korean Acad Nurs Vol.43 No.2 April 2013

Putnam R.D. (1999), *Bowling alone*, New York, Simon & Schuster

Riniolo V. (2013), *Sul concetto di coesione sociale*, in "Studi di sociologia", 3-4: 355-364

Siegel, S., & Castellan, N. J. (1988), *Nonparametric statistics for the behavioral sciences (2nd ed.),* New York: McGraw-Hill.

Singh, P.S., (2014), *Not all election winners are equal: Satisfaction with democracy and the nature of the vote,* Eurpean Journal of Political Research, vol. 53, issue n.2, May 2014

Schofield P. and Reeves P., (2015), *Does the factor theory of satisfaction explain political voting behaviour?,* University of Salford, Manchester, Emerald Group Publishing.

Научное издание

АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ: ТРАДИЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Материалы международной научной конференции
«Кусковские чтения. Аксиологическое пространство
русской словесности: традиции и перспективы изучения»

г. Москва, 3–6 октября 2019 г.

Компьютерная верстка
Заболотникова М.Е.

Подписано в печать 12.09.2019.
Формат 70×90 1/16. Усл. печ. л. 57,8.
Тираж 500

ООО «Костромской печатный дом»
Адрес: 156000, г. Кострома,
ул. Мясницкая, 43-а
Телефон: (4942) 31-02-08
ИНН 4401019334